

№ 6
ИЮНЬ
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

////////////////////////////////////
**ПРАВО
и УПРАВЛЕНИЕ**

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права, судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:

доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова

Заместитель главного редактора:

доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин

Заместитель главного редактора

по научному развитию:

Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент

Корректор:

Вера Ивановна Козлова

Компьютерная верстка и дизайн:

Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:

doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin

Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova

Deputy Editor-in-Chief:

doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin

Deputy Editor-in-Chief

for Scientific Development:

Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor

Corrector:

Vera Ivanovna Kozlova

Computer layout and design:

Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Founder and Publisher:

Publishing house «YURKOMPANI»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.) Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011) Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,

г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

Editorial address (for letters): 111397, Moscow, Green Avenue, 22-302.

Home page: www.law.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine "Right and Control" is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026
////////////////////////////////////

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гушин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Голубев Ж.Ж. * Ювенальная преступность в современной России	17
Арутюнян А.А. * Международно-правовое сотрудничество государств БРИКС в космической деятельности: институциональные и правовые аспекты	21
Рущицкая О.А., Зырянова Т.В., Куликова Е.С., Сабурова Л.В., Кружкова Т.И. * Формы государственной поддержки молочной отрасли в России	24
Федоров С.В. * Генезис правового регулирования механизмов преодоления разногласий в сфере государственного управления	32
Гончар В.С. * Проблемные аспекты формирования идеологии в Российской Федерации на современном этапе	36
Чупракова Е.М. * Государственное управление в сфере миграции. Въезд и пребывание иностранных граждан в Российской Федерации, прибывших с целью учебы	40
Осоткин Н.В., Иванов К.О. * Вторичные санкции: экстерриториальный характер и соответствие международному праву	46
Шумакаева С.Е. * Монополизация цифровой почтовой связи в Российской Федерации: анализ антимонопольных рисков законопроекта № 1254384-8	53
Харченко Б.В. * Правовые основания и правоприменительная практика прекращения приобретенного российского гражданства органами исполнительной власти в Российской Федерации	58

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Малаев А.Х. * Преступность как сложный социальный феномен: противодействие с участием не только государства, но и общества	65
Ковалев О.Г. * Соблюдение прав осужденных к лишению свободы при их содержании в транзитно-пересыльных пунктах исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы	69
Мигранов Р.Н. * Защита конституционных прав граждан в уголовном законодательстве (на примере анализа некоторых аспектов статьи 301 Уголовного кодекса Российской Федерации)	76
Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Производственный сектор ФСИН России как инструмент ресоциализации осужденных: эффективность без нарушения прав человека	80
Артамошкина С.В. * Правосубъектность военнослужащих: нотариальная форма защиты их прав и законных интересов	88
Василян Р.И. * Актуальные проблемы правовой охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации	93

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

Хаджимурад Ш.И. * Защита прав собственников жилых помещений при реализации программ реновации: проблемы судебного контроля и направления совершенствования законодательства	101
--	-----

ПРАВО И ПРАВООПРИМЕНЕНИЕ

Гетигежева Э.А. * «Потребительский экстремизм» как форма злоупотребления правом: материально-правовой и процессуальный аспекты	105
Толстоуцкий В.Ю. * Деятельностный подход как методологическая основа исследования комплексной природы транспортного права	109
Гридасов В.Д. * Оспоримость решения собрания, нарушающего равенство прав участников	119
Рущицкая О.А., Зырянова Т.В., Куликова Е.С., Сабурова Л.В., Кружкова Т.И. * Устойчивое развитие агропромышленного комплекса в контексте системного подхода: методология, модели и механизмы интеграции	124

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Крухмалев А.В. * Методы и алгоритмы автоматизации информационного обеспечения органов управления в условиях динамично меняющейся обстановки	131
--	-----

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Валевская А.А. * Косвенные иски в корпоративных спорах	138
---	-----

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Гридасов В.Д. * Свобода договора в контексте компетенции общего собрания участников	143
--	-----

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Алексеевских Д.Ю., Пятницын М.К., Веселкова Е.Е. * Оценка результатов доступности системы образования для лиц с нарушениями слуха	148
--	-----

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Щербачева Л.В. * Цифровизации авторских прав и их защита	157
Николаев Л.Л. * Разрешение споров о нарушении интеллектуальных прав в метавселенной: гражданско-правовой аспект	160

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Шашкова А.Н. * Об исторических формах возникновения и существования брака	164
Целовальникова И.Ю. * Актуальные вопросы семейного права в условиях цифровизации	171

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Уманская В.П. * Эволюция и аксиологическое содержание принципов конституционного права в практике Конституционного Суда Российской Федерации	175
Алтынникова Л.И. * Сроки апелляционного обжалования судебных решений в российском уголовном процессе: правовое регулирование и правоприменительная практика	181
Тюрин М.М. * Формы проявления профессиональной некомпетентности судьи: грубые материально-правовые и процессуальные ошибки, игнорирование правовых позиций ВС РФ и доказательств	189
Лященко А.Ю. * Особенности судебной оценки заключений органов опеки и попечительства при рассмотрении дел о лишении родительских прав	196

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Усмонзода Р.Р., Возженикова О.С., Машекуашева М.Х. * Особенности внедрения зарубежного опыта и цифровизация системы образования МВД России	203
Антонова А.В., Медведева Т.В. * Деятельность ОВД по предупреждению, выявлению, пресечению правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации	208
Жамборов А.А., Машекуашева М.Х. * Некоторые элементы психологической подготовки стрелка – сотрудника ОВД	213
Омелин В.Н. * Основание для проведения оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренное подпунктом 1 пункта 2 части 1 статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: проблемы правового регулирования	218
Абидов Р.Р. * О некоторых особенностях формирования личности сотрудника органов внутренних дел РФ: комплексное рассмотрение общества, системы и личности	222
Омелин В.Н. * Оперативно-розыскная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности	225
Рыбников В.В., Шеков А.А. * Практические вопросы определения расчётных значений некоторых параметров относимости объектов к категории холодного оружия	230

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Толкачев Р.В. * К вопросу о понятии возраста уголовной ответственности	236
Кучинаев Р.Р. * Профилактика и превенция: анализ систем профилактики в России и за рубежом, смещение акцента с наказания на предупреждение преступления	239
Пекарева В.В., Печерский Д.В. * Интерпретация норм уголовного закона: компаративистское исследование	242
Урумов А.В., Шериев А.М. * Научно-практические рекомендации по совершенствованию системы противодействия коррупции в современной России	248
Каноклова Л.Ю., Котельников Н.С. * Поведенческие признаки и мировоззренческие установки личности вероятно готовой примкнуть к террористической деятельности	255
Кодзов Т.Н., Ершов Д.А. * Социальные сети как фактор криминогенного влияния: криминологический анализ российских реалий	258
Ковалев О.Г. * К вопросу соблюдения прав осужденных к лишению свободы в лечебных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы	262

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Журтов А.Б. * Профилактика преступности как инвестиция в безопасное будущее	268
Набиев Ф.Ф. * Проблемы предупреждения миграционной преступности: профилактика и пути решения	271
Диваева И.Р. * Проблемы предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений против личности	275
Нугуманов А.Р. * Криминологические аспекты предупреждения корыстных преступлений, совершаемых несовершеннолетними	280
Сигагатуллин Ф.Ф. * К вопросу о признаках состава преступления, предусмотренного статьей 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.	285

Фиалковская Е.В. * Наркотическая ситуация и профилактика наркомании	291
Кузьмин С.А. * О некоторых проблемах уголовной ответственности за неправомерный оборот средств платежей по российскому законодательству	297
Голоухов А.А. * Уголовно-правовое противодействие дипфейк-преступлениям в Российской Федерации	303
Дикусар Я.С. * Границы объекта, предмета и потерпевшего в «информационных» составах уголовного закона: законодательная конструкция ст.207.3 УК РФ	309
Абдулатипов А.М., Урумов А.В. * Дискуссионные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьёй 205.2 УК РФ	315
Филатова Н.Ю. * «Зоохординг»: проблемы применения статьи 245 УК РФ к отдельным формам жестокого обращения с животными	324
Мороз И.Н. * Современные возможности использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья	329
Землякова Т.А., Павленко Н.О. * Проблемы лингвистической безопасности в современном медиапространстве: выявление и противодействие экстремистским высказываниям	335
Кузьмина Т.Н. * К вопросу о понятии сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)	339
Бондаренко Е.С., Рощин Е.В. * О некоторых особенностях функционирования транснациональных преступных организаций	345
Казберов П.Н. * Значимость исследования зарубежного опыта по использованию института пробации в отношении несовершеннолетних лиц	349

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Ковалев О.Г. * Правовая характеристика отбывания лишения свободы в запираемых помещениях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы	353
Лукашенко Д.В., Бодяков В.Н. * Особенности самосознания и самооценки несовершеннолетних осужденных	359
Агафонов С.Ю., Серебров Д.О., Павлов Е.Н., Бурцев В.А., Коваленко О.Н. * О положительном опыте расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в составе организованной группы	365
Ковалев О.Г. * Соблюдение прав осужденных к лишению свободы при их содержании в транзитно-пересыльных пунктах исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы	372
Грищенко А.П., Землякова Т.А. * Коммуникативные барьеры при допросе несовершеннолетних: сравнительный анализ российских и зарубежных психолого-педагогических и криминалистических подходов (Китай, Беларусь)	378
Бодяков В.Н., Бажанов С.А. * Формы воспитания несовершеннолетних осужденных	383
Ковалев О.Г. * Особенности содержания осужденных, отбывающих лишение свободы, в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы	387
Гаджиалиева А.Т. * О некоторых аспектах трансформации процессуальной деятельности органов дознания и следствия в условиях цифровой преступности	392
Казберов П.Н. * Роль управления поведением и воспитания осужденных в функционировании служб пробации Европейских стран	396

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Носачев В.В. * Административно-правовой статус субъектов обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации	400
Петрова Е.А., Колосова И.В. * Административно-правовое регулирование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации	404

ДИСКУССИЯ

Соловьева Л.В. * Современный педагогический подход в воспитание личности	409
Рущицкая О.А., Зырянова Т.В., Куликова Е.С., Сабурова Л.В., Кружкова Т.И. * Пространственная структура молочного животноводства: теоретические подходы и современные трансформации	414
Рудаков Н.Р. * К вопросу об определении эффективности нормы права при проведении правового мониторинга	421
Аветисян С.В. * Понятие «экстраординарной ситуации» в контексте обращения с животными без владельцев (условно владельческими животными)	425

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Сбитный С.Н., Денисенко К.В., Файрушин С.А., Сидakov А.М. * Систематическая оценка влияния аэробных нагрузок на здоровье сердечно-сосудистой системы	431
---	-----

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Аксенов И.С. * Заключение и расторжение трудового договора с надомником 437

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

Макеева И.В., Канатов Д.П. * Киберпреступления: виды, особенности расследования и профилактические меры 443

Хамурзов А.Т. * Актуальные проблемы в современном регулировании преступности в сети «Интернет» 450

Таков А.З. * Профессиональная деформация и эмоциональное выгорание сотрудников органов внутренних дел в условиях цифровой трансформации преступности 453

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Ефимова О.В., Лалакин И.С. * Обременения цифровых прав 456

Спылаев О.Д. * Правовой статус и перспективы применения искусственного интеллекта в сфере несостоятельности (банкротства) граждан 461

Лёксин М.Р. * Зарубежные модели правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты: опыт США, Европейского Союза и стран СНГ 466

Измайлов В.В. * Алгоритмическая осторожность адвоката: пределы применения искусственного интеллекта при сохранении адвокатской тайны и независимости суждения 473

Вильданова М.М. * Биржевые торги цифровыми свидетельствами, выпущенными на утилитарные цифровые права 479

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Хуриганова М.Б., Романова Е.С. * Наследование по закону 485

Тукачёв Д.А. * Комплексное развитие территории жилой застройки: понятие, гарантии интересов граждан 489

Братухина Е.В. * Гражданско-правовая защита продавцов на маркетплейсах от недобросовестных потребителей 495

Родькина Н.Л. * К вопросу о некоторых проблемах определения правового статуса земельных участков, расположенных в границах садоводческих некоммерческих товариществ (СНТ) и не используемых по назначению 500

Швалев К.Д. * Сущность и принципы правового регулирования банкротства наследодателя 505

Кияшко А.С. * Проблемы доказывания факта выполнения работ ненадлежащего качества в сфере бытового подряда 512

Мубаракшин И.Л. * Правовое регулирование дистанционной торговли товарами и услугами 515

Филиппов С.Г., Котов А.В., Цымбалов В.В. * Особенности правового регулирования и проблемы налогового администрирования в современных реалиях 520

Федоров С.В. * Проблемы реализации медиативных процедур в конфликтных отношениях с участием государственных органов 523

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Кот Е.М., Пильникова И.Ф., Малькова Ю.В., Горбунова О.С., Сабурова Л.В., Крохалев А.А. * Факторы, влияющие на конкурентоспособность предприятия 527

Рущицкая О.А., Зырянова Т.В., Куликова Е.С., Сабурова Л.В., Фетисова А.В. * Нормативное регулирование устойчивого развития в отношении агропромышленного комплекса 532

Никаноров А.К. * Токенизация традиционной структуры юридического лица в условиях цифровой экономики: становление децентрализованной автономной организации 540

Рущицкая О.А., Зырянова Т.В., Куликова Е.С., Сабурова Л.В., Кружкова Т.И. * Устойчивое развитие АПК в контексте пространственного подхода 546

Филиппов С.Г., Котов А.В., Цымбалов В.В. * Теоретико-методологическая характеристика налоговой деятельности как объекта правового регулирования 553

Рущицкая О.А., Зырянова Т.В., Куликова Е.С., Сабурова Л.В., Фетисова А.В. * Формирование экономических механизмов устойчивого развития молочного подкомплекса АПК 556

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Шаутаева Г.Х., Печников Г.А., Шапиро И.М. * Диалектика К. Маркса в вопросе о правоотношениях 562

Казберов П.Н. * Необходимость изучения опыта организации института пробации постсоветскими странами 569

Contents:

POLICY AND LAW

Golubev Zh.Zh. * Juvenile criminality in modern Russia	17
Harutyunyan A.A. * International legal cooperation of the BRICS states in space activities: institutional and legal aspects	21
Rushchitskaya O.A., Zyryanova T.V., Kulikova E.S., Saburova L.V., Kruzhkova T.I. * Forms of state support for the dairy industry in Russia	24
Fedorov S.V. * The genesis of legal regulation of mechanisms for overcoming disagreements in the field of public administration	32
Gonchar V.S. * Problem aspects of ideology formation in the Russian Federation at the present stage	36
Chuprakova E.M. * Public administration in the field of migration. Entry and stay of foreign citizens in the Russian Federation who arrived for the purpose of study	40
Osotkin N.V., Ivanov K.O. * Secondary sanctions: extraterritorial nature and compliance with international law	46
Shumakaeva S.E. * Monopolization of digital postal communications in the Russian Federation: an analysis of competitive risks of draft law No. 1254384-8	53
Kharchenko B.V. * Legal grounds and law enforcement practice of termination of acquired russian citizenship by executive authorities in the Russian Federation	58

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Malayev A.Kh. * Crime as a complex social phenomenon: response involving not only the state but also society	65
Kovalev O.G. * Observance of the rights of persons sentenced to imprisonment during their detention in transit and transit points of correctional institutions of the penal system	69
Migranov R.N. * Protection of the constitutional rights of citizens in criminal legislation (using the example of an analysis of some aspects of article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation)	76
Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * The production sector of the federal penitentiary service of Russia as an economic platform for resocialization: efficiency without human rights violations	80
Artamonnikova S.V. * Legal personality of military personnel: a notarial form of protection of their rights and legitimate interests	88
Vasiyan R.I. * Current problems of legal protection and defence of the rights of economic entities in the context of digital transformation in the Russian Federation	93

TITLE AND OTHER PROPERTY RIGHTS

Khadzhimurad Sh.I. * Protection of the rights of residential premises owners in the implementation of renovation programs: problems of judicial review and directions for improving legislation	101
--	-----

LAW AND ENFORCEMENT

Getigezheva E.A. * "Consumer extremism" as a form of abuse of law: substantive and procedural aspects	105
Tolstolutsky V.Yu. * Activity approach as a methodological basis for studying the comprehensive nature of transport law	109
Gridasov V.D. * The challengeability of a general meeting resolution that violates the equality of rights of participants	119
Rushchitskaya O.A., Zyryanova T.V., Kulikova E.S., Saburova L.V., Kruzhkova T.I. * Sustainable development of the agro-industrial complex in the context of a systems approach: methodology, models and integration mechanisms	124

CONTROL THEORY

Krukhmalev A.V. * Methods and algorithms for automation of information support for governance bodies in a dynamically changing situation	131
---	-----

CORPORATE LAW

Valevskaya A.A. * Indirect claims in corporate disputes	138
--	-----

CONTRACT LAW

Gridasov V.D. * Freedom of contract in the context of the authority of the general meeting of shareholders	143
---	-----

EDUCATION AND LAW

Alekseevskikh D.Yu., Pyatnitsyn M.K., Veselkova E.E. * Evaluation of educational accessibility results for persons with hearing impairments	148
--	-----

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Shcherbacheva L.V. * Digitalization of copyright and its protection	157
Nikolaev L.L. * Resolution of disputes regarding intellectual property infringement in the metavers: civil law aspects	160

FAMILY LAW

Shashkova A.N. * About the historical forms of the origin and existence of marriage	164
Tselovalnikova I.Yu. * Current issues of family law in the context of digitalization	171

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Umanskaya V.P. * Evolution and axiological content of constitutional law principles in the practice of the constitutional court of the Russian Federation	175
Altynnikova L.I. * Time limits for appealing court decisions in russian criminal procedure: legal regulation and law enforcement practice	181
Tyurin M.M. * Forms of professional incompetence of judges: gross substantive and procedural errors, ignoring the legal positions of the supreme court of the Russian Federation and evidence	189
Lyashchenko A.Yu. * Features of judicial evaluation of guard and custody bodies' conclusions in case of deprivation of parental rights	196

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY

Usmonzoda R.R., Vozzhenikova O.S., Mashekuasheva M.Kh. * Features of the introduction of foreign experience and digitalization of the education system of the ministry of internal affairs of Russia	203
Antonova A.V., Medvedeva T.V. * Activities of the internal affairs departments to prevent, detect, and suppress extremist offences committed by foreign citizens on the territory of the Russian Federation	208
Zhamborov A.A., Mashekuasheva M.Kh. * Some elements of psychological training of a shooter – a police officer	213
Omelin V.N. * Basis for operational and investigative activities provided for in subitem 1 of paragraph 2 of part 1 of article 7 of the federal law On operational and investigative activities: problems of legal regulation	218
Abidov R.R. * On some aspects of the development of the personality of a Russian law enforcement officer: a comprehensive examination of society, the system, and the individual	222
Omelin V.N. * Interpretation of operational and search results	225
Rybnikov V.V., Shekov A.A. * Practical issues of determining the calculated values of certain parameters of the relationship of objects to the category of cold weapons	230

CRIMINAL LAW THEORY

Tolkachev R.V. * On the concept of the age of criminal responsibility	236
Kuchinaev R.R. * Prevention and prevention: analysis of prevention systems in Russia and abroad, shifting the focus from punishment to crime prevention	239
Pekareva V.V., Pechersky D.V. * The interpretation of criminal law provisions: a comparative study	242
Urumov A.V., Sheriev A.M. * Scientific and practical recommendations for improving the system of counter-ing corruption in modern Russia	248
Kanokova L.Yu., Kotelnikov N.S. * Behavioural indicators and worldview attitudes of an individual probabil-istically prone to joining terrorist activities	255
Kodzov T.N., Ershov D.A. * Social networks as a factor of criminogenic influence: criminological analysis of russian realities	258
Kovalev O.G. * On the issue of observing the rights of persons sentenced to imprisonment in medical correc-tional institutions of the penal system	262

CRIME AND PUNISHMENT

Zhurtov A.B. * Crime prevention - as an investment in a safe future	268
Nabiev F.F. * Problems of preventing migration crime: prevention and solutions	271
Divaeva I.R. * Problems of preventing the involvement of minors in crimes against the person	275
Nugumanov A.R. * Criminological aspects of prevention of mercenary crimes committed by minors	280
Sibagatullin F.F. * On the question of the elements of an offence under article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation	285
Fialkovskaya E.V. * Drug situation and drug prevention	291
Kuzmin S.A. * On some problems of criminal liability for illegal circulation of means of payment under russian law	297
Goloukhov A.A. * Criminal-law counteraction of deepfake-related crimes in the Russian Federation	303
Dikusar Ya.S. * Boundaries of the object, subject and victim in the “information” compositions of the criminal law: legislative structure of the st.207.3 of the criminal code of the Russian Federation	309
Abdulatipov A.M., Urumov A.V. * Discussion on the qualification of crimes under article 205.2 of the criminal code of the Russian Federation	315

Filatova N.Yu. * “Animal hoarding”: problems of applying article 245 of the criminal code to certain forms of animal cruelty	324
Moroz I.N. * Modern usage opportunities special knowledge in the detection and investigation of crimes against life and health	329
Zemlyakova T.A., Pavlenko N.O. * Linguistic security problems in the modern media space: identifying and countering extremist statements	335
Kuzmina T.N. * On the concept of the sale of narcotic drugs, psychotropic substances, or their analogues, committed using mass media or electronic or information and telecommunication networks (including the Internet)	339
Bondarenko E.S., Roshchin E.V. * On some features of the functioning of transnational criminal organizations	345
Kazberov P.N. * The importance of studying foreign experience in the use of probation in relation to minors	349

CRIMINAL PROCEDURE

Kovalev O.G. * Legal characteristics of serving imprisonment in locked rooms of correctional institutions of the penal system	353
Lukashenko D.V., Bodyakov V.N. * Features of self-awareness and self-esteem of juvenile convicts	359
Agafonov S.Yu., Serebrov D.O., Pavlov E.N., Burtsev V.A., Kovalenko O.N. * On the positive experience of investigating criminal cases of crimes committed in the field of information and telecommunications technologies, as part of an organized group	365
Kovalev O.G. * Observance of the rights of persons sentenced to imprisonment during their detention in transit and transit points of correctional institutions of the penal system	372
Grishchenko A.P., Zemlyakova T.A. * Communication barriers in the interrogation of minors: a comparative analysis of russian and foreign psychological, pedagogical and forensic approaches (China, Belarus)	378
Bodyakov V.N., Bazhanov S.A. * Forms of education of juvenile convicts	383
Kovalev O.G. * Peculiarities of the detention of convicts serving their sentences in medical and preventive institutions of the penal system	387
Gadzhialieva A.T. * On some aspects of the transformation of procedural activities of investigative and investigative bodies in the context of digital crime	392
Kazberov P.N. * The role of behavior management and education of convicts in the functioning of probation services in European countries	396

ADMINISTRATIVE LAW

Nosachev V.V. * The administrative and legal status of subjects of road safety in the Russian Federation	400
Petrova E.A., Kolosova I.V. * Administrative and legal regulation of the activities of juvenile affairs units of the internal affairs bodies of the Russian Federation	404

DISCUSSION

Solovieva L.V. * Modern pedagogical approach to personality education	409
Rushchitskaya O.A., Zyryanova T.V., Kulikova E.S., Saburova L.V., Kruzhkova T.I. * Spatial structure of dairy farming: theoretical approaches and modern transformations	414
Rudakov N.R. * On the issue of determining the effectiveness of the rule of law when conducting legal monitoring	421
Avetisyan S.V. * The concept of an «extraordinary situation» in the context of handling ownerless animals (conditionally owned animals)	425

MEDICAL LAW

Sbitny S.N., Denisenko K.V., Fairushin S.A., Sidakov A.M. * Systematic assessment of the effect of aerobic exercises on cardiovascular health	431
--	-----

EMPLOYMENT LAW

Aksenov I.S. * Conclusion and termination of an employment contract with a homemaker	437
---	-----

CYBERCRIME

Makeeva I.V., Kanatov D.P. * Cyber crimes: types, investigation features, and preventive measures	443
Khamurзов A.T. * Current issues in modern crime regulation on the Internet	450
Takov A.Z. * Professional deformation and emotional burnout of law enforcement officers in the context of the digital transformation of crime	453

DIGITAL LAW

Efimova O.V., Lalakin I.S. * Encumbrances of digital rights	456
Spylaev O.D. * Legal status and prospects of using artificial intelligence in the field of insolvency (bankruptcy) of citizens	461

Lyoksin M.R. * Foreign models of legal regulation of digital financial assets and digital currency: the experience of the USA, the European Union and the CIS countries	466
Izmailov V.V. * Algorithmic caution of a lawyer: limits of using artificial intelligence while preserving attorney-client confidentiality and independent professional judgment	473
Vildanova M.M. * Exchange trading of digital certificates issued for utility digital rights	479
CIVIL LAW ISSUES	
Huriganova M.B., Romanova E.S. * Inheritance law	485
Tukachev D.A. * Comprehensive development of residential areas: concept and guarantees of citizens' interests	489
Bratukhina E.V. * Civil law protection of marketplace sellers against unscrupulous consumers	495
Rodkina N.L. * To the question of some problems of determining the legal status of land plots located within the boundaries of horticultural non-commercial partnerships (SNT) and not used for their intended purpose	500
Shvaley K.D. * The essence and principles of the legal regulation of bankruptcy of the testator	505
Kiyasko A.S. * Problems of proving the fact of rendering services of improper quality in the field of household contract	512
Mubarakshin I.L. * Legal regulation of remote trade in goods and services	515
Filippov S.G., Kotov A.V., Tsymbalov V.V. * Features of legal regulation and problems of tax administration in modern realities	520
Fedorov S.V. * Problems of implementation of mediation procedures in conflict relations involving government agencies	523
ECONOMICS AND LAW	
Kot E.M., Pilnikova I.F., Malkova Yu.V., Gorbunova O.S., Saburova L.V., Krokhaev A.A. * Factors affecting enterprise competitiveness	527
Rushchitskaya O.A., Zyryanova T.V., Kulikova E.S., Saburova L.V., Fetisova A.V. * Regulatory framework for sustainable development in relation to the agro-industrial complex	532
Nikanorov A.K. * Tokenization of the traditional structure of a legal entity in the digital economy: the formation of a decentralized autonomous organization	540
Rushchitskaya O.A., Zyryanova T.V., Kulikova E.S., Saburova L.V., Kruzhkova T.I. * Sustainable development of the agro-industrial complex in the context of a spatial approach	546
Filippov S.G., Kotov A.V., Tsymbalov V.V. * Theoretical and methodological characteristics of tax activity as an object of legal regulation	553
Rushchitskaya O.A., Zyryanova T.V., Kulikova E.S., Saburova L.V., Fetisova A.V. * Formation of economic mechanisms for sustainable development of the dairy subcomplex of the agro-industrial complex	556
HISTORICAL ARCHIVE	
Shautaeva G.Kh., Pechnikov G.A., Shapiro I.M. * K. Marx's dialectic on legal relations	562
Kazberov P.N. * The need to study the experience of organizing the probation institution in post-soviet countries	569

ГОЛУБЕВ Ждан Жанович,
Студент Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: golubevzhdan888@gmail.com

ЮВЕНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В данной статье исследуется проблематика преступности несовершеннолетних на основе анализа официальных статистических данных. Цель исследования – определить основные детерминанты преступности несовершеннолетних, которые связаны в первую очередь с развитием технологий свободного доступа к информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», подверженности в силу возраста и формирующиеся психики влияние со стороны взрослых, а также предложить необходимые меры предупреждения, совершения преступлений несовершеннолетними. Приводятся статистические сведения о преступности несовершеннолетних, предоставленные органами государственной власти РФ и Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав Томской области. В исследовании анализируются детерминанты, меры профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних. Предлагаются необходимые и достаточные изменения в законодательстве, внесение которых должно привести к значительному снижению количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также преступлений против них. Актуальность темы заключается в том, что фиксируется устойчивая тенденция к увеличению уровня преступности среди несовершеннолетних. В связи с этим крайне важно разработать и внедрить целенаправленные меры по предупреждению и снижению подростковой преступности. Эти меры должны не только обеспечивать безопасность несовершеннолетних, но и поддерживать стабильность и безопасность общества и государства в целом.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, детерминанты, предупреждение.

GOLUBEV Zhdan Zhanovich,
Student of the Law Institute of TSU

JUVENILE CRIMINALITY IN MODERN RUSSIA

Annotation. This article examines the issue of juvenile delinquency based on the analysis of official statistical data. The purpose of the study is to identify the main determinants of juvenile delinquency, which are primarily related to the development of technologies for free access to information on the Internet, the susceptibility of minors due to their age and developing psyche to the influence of adults, and to propose necessary measures to prevent juvenile delinquency. The article provides statistical information on juvenile crime provided by the Russian government agencies and the Commission for Minors and the Protection of Their Rights in the Tomsk Region. The study analyzes the determinants, prevention measures, and control of juvenile delinquency. The legislation's proposed changes are both necessary and sufficient for a significant reduction in crimes committed by and against minors. The relevance of this topic lies in the fact that there is a steady trend towards an increase in juvenile crime rates. In this regard, it is crucial to develop and implement targeted measures to prevent and reduce adolescent crime. These measures should not only ensure the safety and protection of minors but also uphold the stability and security of society and the state as a whole.

Key words: juvenile, criminality, determinants, crime prevention.

Необходимо отметить, что проблематика ювeнальной преступности на данный момент остаётся одной из наиболее социально значимой в Российской Федерации. Несовершеннолетние являются особой группой в криминоло-

гической статистике, поскольку их поведение отражает не только индивидуальные отклонения, но и глубинные процессы в обществе, включая кризисы семьи, образования, социальной адаптации и ценностных ориентиров.

Состояние преступности несовершеннолетних по данным из отчетного периода МВД РФ за 2025 – 22231 тыс. преступлений (за 2024 – 21069 тыс.), из них 16,3 тысячи человек являлись учащимися или студентами (в 2024 году – 15,5 тысячи человек).

За четыре месяца 2026 года правоохранительными органами расследовано около 9 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними [6].

В 2025 году зафиксировано 29,1 тысячи преступлений, совершённых несовершеннолетними либо при их соучастии (в 2024 году — 26,4 тысячи). Из них особо тяжких — 6,2 тысячи (в 2024 году — 4,2 тысячи). Вследствие чего, абсолютный рост преступлений данного вида составил 2000 преступлений, темп роста – в 1,5% больше, темп прироста на 47,6% больше, чем за аналогичный отчетный период за 2024 год.

Также наблюдается абсолютный прирост преступлений террористического характера на 151 преступления (в 2025 году – 249, в 2024 году – 98) темп роста – в 2,5% больше, темп прироста – на 154% больше; экстремистской направленности (в 2025 году – 142, в 2024 году – 97 человек), темп роста – в 1,5% больше, темп прироста – на 46,4% больше, чем за аналогичный отчетный период за 2024 год [8].

Тем самым складывается негативная тенденция увеличения участия несовершеннолетних преступлениях террористического характера и экстремистской направленности, чем за прошлые отчетные периоды.

Данное обстоятельство дел связано в силу следующих детерминант преступности.

Во-первых, усиление радикальных настроений и влияние деструктивных идеологий в молодёжной среде указывает на тенденцию роста преступлений против общественной безопасности и основ конституционного строя и безопасности государства (главы 24, 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) среди подростков [10].

В условиях беспрецедентного внешнего давления, угрожающего российской государственности, правоохранительная система должна активнее противодействовать подобным угрозам. В последние годы активизировались попытки вовлечь несовершеннолетних в совершение преступлений, предусмотренных гл. 24 и гл. 29 УК РФ — с одной стороны, иностранными государствами, иностранной разведкой, а с другой стороны резидентами РФ.

Поэтому в целях предупреждения совершения преступлений несовершеннолетними соответствующей направленности в рамках общей и частной превенции было принято следующее решение, в том числе были введены внесены

изменения в УК РФ на основе Федерального закона от 17.11.2025 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (далее ФЗ-№ 420), который понизил возраст уголовной ответственности ряда преступлений, закрепленных в гл. 24 и 29 УК РФ (с 16 лет до 14 лет). Вследствие чего, данный ФЗ-№ 420 установил повышенную уголовную ответственность, чем это было ранее [1].

Во-вторых, на становление поведения и мировоззрения человека заметно влияют не только неблагоприятные социальные условия, но и скрытые механизмы восприятия и усвоения опыта. Крайне весомым фактором выступает негативный опыт, полученный в детские годы — в том числе эмоциональная дистанция с родителями: она нередко закладывает деструктивные особенности характера, которые в дальнейшем крайне трудно скорректировать [4, стр. 59].

Во-третьих, семья и школа играют ключевую роль в нравственном развитии несовершеннолетних. Пробелы в воспитательном процессе и недостатки педагогической работы могут негативно сказаться на становлении личности подростка и способствовать возникновению психических отклонений. В современных условиях семья зачастую утрачивает возможность контролировать поведение детей: родители вынуждены концентрироваться преимущественно на их материальном обеспечении. В результате воспитательное влияние на подростков нередко оказывает улица [5, стр. 7].

Ряд проблем школьного обучения создаёт предпосылки для противоправного поведения подростков, поскольку процесс обучения может находиться в разрыве от воспитания, в частности отсутствие индивидуального подхода преподавателя к каждому обучающемуся и наличие формализма, а также не хватка общения в семье часто приводят к отрицательному психологическому состоянию несовершеннолетних. Поэтому отрицательное психологическое состояния и негативные эмоции порождают у несовершеннолетних агрессивное поведение и желание мести — в том числе через совершение противоправных действий.

В-четвертых, не менее важным является психика несовершеннолетних, их желание самоутверждения, одобрения их поступков совершенными, поиск авторитета среди взрослых, что в силу возраста, психологической незрелости и недостаточного жизненного опыта способствует нарушению уголовного закона из-за влияния на них взрослых.

Следовательно, необходимо применять конкретные меры предупреждения преступности несовершеннолетних, которые обязаны исполнять и претворять в жизнь соответствующие

субъекты с учетом основных направлений совершенствования профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в соответствии Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ [3].

Следует отметить, что в соответствии с статистическими данными Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Томской области за 2024 год несовершеннолетние совершили 379 преступлений (в 2023 году – 310) на территории Томской области, изложенных в отчете «О работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними на территории Томской области за 2024 год» от 07.04.2025 [2].

Тем самым абсолютный прирост составил 69 преступлений (в 2024 году – 379, в 2023 – 310), темп роста – в 1,2% больше, темп прироста – на 22% больше, чем за аналогичный отчетный период за 2023 год.

К тому же из анализа показателей подростковой преступности в отдельных районах Томской области, можно сказать, что несовершеннолетние чаще всего совершают преступление в городах, чем в сельских поселениях, ибо каждое четвертое преступление совершается за пределами городов Томской области, т.е. $\frac{1}{4}$.

Кроме того, ярким примером предупреждения преступности несовершеннолетних являлась блокировка игровой платформы «Roblox» от 3 декабря 2025 года, поскольку данная платформа не отвечала требованиям информационной безопасности, в частности через данную платформу распространялась информация, связанная с агрессивным поведением, насильственными действиями, с организацией вовлечения несовершеннолетних совершения преступлений, предусмотренных гл. 24 и 29 УК РФ [9].

Более того, меньше, чем за три месяца 2025 года было зафиксировано 40 преступлений, связанной с игровой платформой «Roblox» [7].

Таким образом, преступность несовершеннолетних остается значимой проблемой общества, поэтому необходимо в первую очередь применять меры по ограждению несовершеннолетних от опасного контента в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», поскольку любая интернет-платформа как иностранная, так и отечественная, которая предполагает коммуникацию пользователей должна соответствовать требованиям российского законодательства о безопасности информации и соблюдения данных требований должно быть гарантированно разработчиками/авторами/владельцами интернет-платформы на момент размещения интернет-

платформы для общего пользования, в противном случае компетентным органам необходимо блокировать распространение и действие несоответствующих требованиям законодательства интернет-платформы до приведения их в соответствие с установленными правилами информационной безопасности в РФ.

Список литературы:

[1] «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: Федер. закон [принят Гос. Думой 11.11.2025] // Собрание законодательства РФ. 2025. № 47, ст. 7048.

[2] «О работе по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на территории Томской области за 2024 год» [Электронный ресурс]: отчет утв. председателем КДН и ЗП Томской области от 07.04.2025. Режим доступа: <https://kdn.tomsk.gov.ru/Otcheti-i-dokladi-o-deyatelnosti> (дата обращения 26.06.2026).

[3] «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: Федер. закон [принят Гос. Думой 21.05.1999] // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26, ст. 3177.

[4] Антонян, Ю. М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение: Генезис и профилактика дезадаптивных преступлений / Ю. М. Антонян. – Ереван: Айастан, 1987. – 202 с.

[5] Баймурзаева, Р. А. Причины и условия преступности несовершеннолетних (на примере Республики Дагестан) / Р. А. Баймурзаева, С. Б. Баймурзаев // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 4(9). С. 6–9.

[6] В 2026 году число совершивших правонарушения несовершеннолетних выросло в РФ на 10% [Электронный ресурс]: ТАСС – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/27775591> (дата обращения 26.06.2026).

[7] В Госдуме назвали блокировку Roblox вынужденной мерой для защиты детей [Электронный ресурс]: Яндекс.Дзен – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/aUBGyuJ8yZbXomLG> (дата обращения 26.06.2026).

[8] В России в 2025 году несовершеннолетними совершено 29,1 тысячи преступлений [Электронный ресурс]: РИА Новости – Режим доступа: <https://ria.ru/20260602/rossija-2096111723.html> (дата обращения 26.06.2026).

[9] Официальное сообщение Роскомнадзора [Электронный ресурс]: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) – Режим доступа: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74971.htm> (дата обращения 26.06.2026).

[10] Уголовный кодекс РФ: Федер. закон [принят Гос. Думой 24.05.1996] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, статья 2954.

References:

[1] "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation": Feder. law [adopted by the State. Duma 11.11.2025]//Collection of legislation of the Russian Federation. 2025. No. 47, Art. 7048.

[2] "On the work on the prevention of neglect and juvenile delinquency in the Tomsk region for 2024" [Electronic resource]: report approved Chairman of the KDN and ZP of the Tomsk Region from 07.04.2025. Access mode: <https://kdn.tomsk.gov.ru/Otcheti-i-dokladi-o-deyatelnosti> (date of appeal 26.06.2026).

[3] "On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency": Feder. law [adopted by the State. Duma 21.05.1999]//Collection of legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26, Art. 3177.

[4] Antonyan, Yu. M. Psychological alienation of personality and criminal behavior: Genesis and prevention of maladaptive crimes/Yu. M. Antonyan. - Yerevan: Hayastan, 1987. - 202 s.

[5] Baimurzaeva, R. A. Causes and conditions of juvenile delinquency (on the example of the Republic of Dagestan)/R. A. Baimurzaeva, S. B. Baimurzaev//Issues of juvenile justice. 2006. № 4(9). S. 6-9.

[6] In 2026, the number of minors who committed offenses in the Russian Federation increased by 10% [Electronic resource]: TASS - Access mode: <https://tass.ru/proisshestviya/27775591> (date of appeal 26.06.2026).

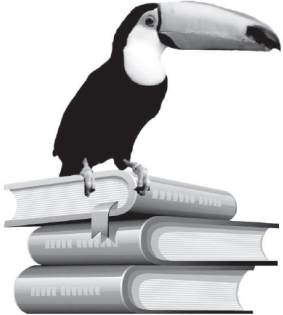
[7] The State Duma called the blocking of Roblox a necessary measure to protect children [Electronic resource]: Yandex.Zen - Access mode: <https://dzen.ru/a/aUBGyuj8yzbxomLG> (date of appeal 26.06.2026).

[8] In Russia in 2025, 29.1 thousand crimes were committed by minors [Electronic resource]: RIA Novosti - Access mode: <https://ria.ru/20260602/rossija-2096111723.html> (date of appeal 26.06.2026).

[9] Official message of Roskomnadzor [Electronic resource]: Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) - Access mode: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74971.htm> (date of contact 26.06.2026).

[10] Criminal Code of the Russian Federation: Feder. law [adopted by the State. Duma 24.05.1996]//Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25, article 2954.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

АРУТЮНЯН Александра Александровна,
Аспирант кафедры международного права,
МГИМО МИД России, специальность 5.1.5
«Международно-правовые науки»,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ БРИКС В КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье анализируется эволюция и современное состояние международно-правового сотрудничества государств-участников БРИКС в сфере космической деятельности. Рассматриваются институциональные механизмы взаимодействия, начиная с формирования объединенной спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) и заканчивая перспективами совместного освоения Луны. Особое внимание уделяется выявлению правовых пробелов в регулировании многосторонних проектов, вопросам распределения ответственности и охраны интеллектуальной собственности. Обосновывается необходимость перехода от двусторонних соглашений к комплексному многостороннему договорному регулированию в рамках БРИКС для формирования консолидированной позиции на глобальных площадках (ООН) и противодействия созданию альтернативных правовых режимов.

Ключевые слова: международное космическое право, БРИКС, международно-правовое сотрудничество, спутниковая группировка ДЗЗ, совместные космические проекты, институционализация, частно-государственное партнерство.

HARUTYUNYAN Alexandra Alexandrovna,
Graduate student of the Department of International Law,
MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of Russia,
specialty 5.1.5 "International Legal Sciences"

INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION OF THE BRICS STATES IN SPACE ACTIVITIES: INSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS

Annotation. The article analyzes the evolution and current state of international legal cooperation of the BRICS member states in the field of space activities. Institutional mechanisms of interaction are considered, starting with the formation of a combined satellite constellation of remote sensing of the Earth (remote sensing) and ending with the prospects of joint exploration of the moon. Particular attention is paid to identifying legal gaps in the regulation of multilateral projects, issues of distribution of responsibility and protection of intellectual property. The need for transition is justified from bilateral agreements to comprehensive multilateral treaty regulation within the BRICS framework to form a consolidated position on global platforms (UN) and counter the creation of alternative legal regimes.

Key words: international space law, BRICS, international legal cooperation, satellite constellation of remote sensing, joint space projects, institutionalization, private-public partnership.

Введение

В XXI веке космическая деятельность претерпела фундаментальную трансформацию, характеризующуюся увеличением числа государств-участников, коммерциализацией отрасли и появлением новых вызовов безопасности. Расширение круга участников и технологическая доступность требуют адаптации международно-правовых подходов к исследованию и исполь-

зованию космического пространства. В этом контексте платформа БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия и Индонезия) приобретает особое значение как объединение государств со значительным технологическим и кадровым потенциалом.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки согласованных правовых подходов к новым вызовам и перспекти-

вам совместного освоения космоса. Объединение усилий стран БРИКС способно не только укрепить их национальные космические программы, но и внести существенный вклад в формирование справедливого и устойчивого режима использования космического пространства. Как показал саммит 2024 года в Казани и IX Юридический форум стран БРИКС в МГИМО, объединение последовательно наращивает потенциал многостороннего взаимодействия, подписывая межправительственные соглашения и меморандумы о сотрудничестве.

Методологическая основа исследования

В работе используется комплекс общенаучных и частно-научных методов познания. Общенаучный диалектический метод позволяет рассматривать развитие сотрудничества как процесс перехода от количественных изменений (двусторонние договоры) к качественным (институционализация в рамках БРИКС).

В качестве специальных методов юридической науки применяются:

- Формально-юридический метод — для анализа текстов международных договоров, межправительственных соглашений и национальных законодательных актов государств-участников.
- Сравнительно-правовой метод — для сопоставления национальных моделей правового регулирования космической деятельности (кодифицированная модель РФ, стандартизационная модель КНР, гибкая модель Индии) и выявления возможностей их гармонизации.
- Системный подход — для оценки взаимодействия правовых норм международного и национального уровней в рамках единого механизма регулирования.

Институциональные основы и первый практический опыт

Механизм сотрудничества на площадке БРИКС выстраивается поэтапно. Первоначальным шагом стало подписание в 2021 году Соглашения о сотрудничестве в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). Данный документ позволил сформировать объединенную инфраструктуру для обмена данными, что имеет прикладное значение для решения глобальных проблем: мониторинга изменения климата, охраны окружающей среды и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Организационная основа была заложена через учреждение Совместного комитета по космическому сотрудничеству. На следующем этапе развития кооперации планируется согласование

перечня наиболее ресурсоемких технологических проектов. К ним относятся пилотируемая космонавтика с задействованием будущей Российской орбитальной станции (РОС), совместное освоение Луны и дальнего космоса, а также создание системы автоматизированного предупреждения об опасных ситуациях в околоземном пространстве.

Правовые вызовы многосторонней интеграции

Реализация указанных амбициозных проектов потребует создания детальной правовой базы. Существующая система двусторонних соглашений между Россией и другими государствами БРИКС (14 договоров) закладывает фундамент, но для перехода к глубокой интеграции необходим переход к многосторонним межправительственным договорам. В них должны быть отражены следующие ключевые аспекты:

1. Распределение ответственности. Необходимо четкое разграничение международной ответственности за ущерб в рамках совместных миссий. Существующая Конвенция о международной ответственности за ущерб 1972 г. устанавливает ответственность «запускающего государства», однако в многонациональных проектах требуется механизм определения ответственной стороны (или принципа солидарной ответственности) при участии нескольких государственных и негосударственных операторов.
2. Интеллектуальная собственность. Требуется выработка прозрачных правил распределения прав на результаты совместных НИОКР. Национальные режимы охраны интеллектуальной собственности могут существенно различаться (например, кодифицированный подход РФ и стандартизационный подход КНР), что создает риски для участников совместных разработок.
3. Транспарентность. Необходим правовой регламент порядка обмена информацией и технологиями между участниками для обеспечения совместимости систем и предотвращения инцидентов на орбите.
4. Гармонизация стандартов. Согласование технических стандартов является критически важным для обеспечения совместимости национальных спутниковых группировок (ГЛОНАСС, «Бэйдоу», NavIC) и наземной инфраструктуры.

Особого внимания заслуживает вопрос регулирования деятельности частных космических компаний. В соответствии со ст. VI Договора по космосу 1967 г., государства несут международную ответственность за национальную деятельность в космосе независимо от того, осу-

ществляется она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами. Это означает, что при реализации совместных проектов БРИКС с участием частных компаний возникает сложная коллизия юрисдикций, требующая отдельного правового урегулирования.

Сравнительный анализ национальных правовых систем выявляет глубокую асимметрию потенциалов при наличии общей цели — достижения технологического паритета. Для БРИКС наиболее перспективна не унификация национальных законов, а гармонизация отдельных процедурных вопросов через рамочное соглашение и специальные проектные протоколы.

Перспективы консолидированной позиции на глобальном уровне

Объединенный потенциал стран БРИКС позволяет им претендовать на роль одного из ключевых центров силы в формировании будущего международно-правового режима космической деятельности. Принципиально важным является использование площадки БРИКС для выработки консолидированной позиции по актуальным вопросам, обсуждаемым в Генеральной Ассамблее ООН и Комитете ООН по космосу.

В числе приоритетных задач — противодействие попыткам создания альтернативных правовых режимов освоения ресурсов небесных тел (например, «Соглашения Артемиды»), которые нарушают принцип универсальности нормотворчества. Государства БРИКС последовательно выступают за сохранение центральной роли ООН в регулировании космоса и за формирование многостороннего режима предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.

Заключение

Комплексный анализ эволюции международно-правового сотрудничества государств БРИКС в космической сфере позволяет сделать вывод о переходе от декларативного взаимодействия к практической реализации совместных проектов, что подтверждает новизну и актуальность рассматриваемой темы.

Дальнейшее развитие этого вектора требует опережающего правового обеспечения. Разработка единых протоколов взаимодействия в области ответственности (включая деятельность частных компаний), интеллектуальной собственности и радиочастотного спектра станет залогом успешной институционализации сотрудничества. Результаты такого исследования могут быть вос-

требованы при подготовке нормативных актов МИД России и Госкорпорации «Роскосмос», а также при разработке консолидированной позиции стран БРИКС на международных площадках.

Список литературы:

- [1] Вылегжанин А.Н. (ред.) Международное право: учебник для вузов / А.Н. Вылегжанин [и др.]. — М.: Юрайт, 2024.
- [2] Колосов Ю.М., Стасhevский С.Г. Борьба за мирный космос: правовые вопросы. — М.: Статут, 2014.
- [3] Попова О.А. Международно-правовое регулирование исследования и использования космического пространства в мирных целях: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Попова О.А.; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва, 2014.
- [4] Черных И.А. Некоторые вопросы сотрудничества государств-участников БРИКС в сфере исследования космического пространства // Вопросы российского и международного права. — 2018. — Том 8, № 12А.
- [5] Юзбашян М.Р. Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе // Право и управление. XXI век. — 2024. — №1(20).
- [6] United Nations Treaties and Principles on Outer Space // Официальный сайт Управления ООН по вопросам космического пространства (UNOOSA). URL: [адрес сайта UNOOSA]. — [Дата обращения: 05.06.2026]

References:

- [1] Vylegzhanin A.N. (ed.) International law: a textbook for universities/A.N. Vylegzhanin [et al.]. - M.: Yurayt, 2024.
- [2] Kolosov Yu.M., Stashevsky S.G. Struggle for peaceful space: legal issues. - M.: Statute, 2014.
- [3] O.A. Popova. International legal regulation of the exploration and use of outer space for peaceful purposes: thesis... Candidate of Law: 12.00.10/O.A. Popova; [Place of defense: Ros. University of Friendship of Peoples]. - Moscow, 2014.
- [4] Chernykh I.A. Some issues of cooperation between the BRICS member states in the field of outer space research//Issues of Russian and international law. — 2018. - Volume 8, No. 12A.
- [5] M.R. Yuzbashyan. Current trends of cooperation/rivalry in space//Law and management. XXI century. — 2024. — №1(20).
- [6] United Nations Treaties and Principles on Outer Space//Official website of the United Nations Office for Outer Space Affairs (UNOOSA). URL: [UNOOSA site address]. - [Accessed 05.06.2026]

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук, профессор,
директор института экономики, финансов и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Татьяна Владимировна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: tatyana.vlad.zyr@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

САБУРОВА Лада Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: saburovalad@gmail.com

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: rustale@yandex.ru

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОЧНОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ системы государственной поддержки молочной отрасли Российской Федерации в условиях современных экономических вызовов. На основе изучения нормативно-правовой базы, программных документов и статистических данных за 2024–2026 годы автором систематизированы основные формы государственной поддержки молочного скотоводства — от прямого субсидирования производства товарного молока до механизмов льготного инвестиционного кредитования, «капексной» поддержки строительства и модернизации животноводческих объектов, субсидирования племенной работы, лизинга сельскохозяйственной техники и страхования с государственным участием. Особое внимание уделяется трансформации системы поддержки в 2025–2026 годах: изменению критериев адресности, усилению цифрового контроля и смещению акцента в пользу малого и среднего предпринимательства. Анализируется региональная дифференциация мер поддержки и её влияние на эффективность отрасли. На основе проведённого исследования формулируются рекомендации по совершенствованию системы государственной поддержки молочной отрасли с учётом долгосрочных целей продовольственной безопасности.

Ключевые слова: молочная отрасль, государственная поддержка, субсидии, льготное кредитование, «капексы», племенное животноводство, агрострахование, малые формы хозяйствования, импортозамещение, продовольственная безопасность.

RUSHCHITSKAYA Olga Alexandrovna,
Doctor of Economics, Professor,
Director of the Institute of Economics, Finance and Management,
Ural State Agrarian University

ZYRYANOVA Tatyana Vladimirovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SABUROVA Lada Viktorovna,
Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KRUZHKOVA Tatyana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

FORMS OF STATE SUPPORT FOR THE DAIRY INDUSTRY IN RUSSIA

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the state support system for the Russian dairy industry in the face of current economic challenges. Based on a study of the regulatory framework, policy documents, and statistical data for 2024–2026, the author systematizes the main forms of state support for dairy farming—from direct subsidies for commercial milk production to preferential investment lending mechanisms, capex support for the construction and modernization of livestock facilities, subsidies for breeding, agricultural machinery leasing, and state-funded insurance. Particular attention is paid to the transformation of the support system in 2025–2026: changes in targeting criteria, increased digital control, and a shift in emphasis toward small and medium-sized businesses. The regional differentiation of support measures and their impact on the industry’s performance are analyzed. Based on the conducted research, recommendations are formulated for improving the state support system for the dairy industry, taking into account long-term food security goals.*

Key words: *Dairy industry, government support, subsidies, preferential lending, “capex”, livestock breeding, agricultural insurance, small farms, import substitution, food security.*

Молочная отрасль занимает стратегическое место в структуре агропромышленного комплекса Российской Федерации. Обеспечение населения страны полноценными молочными продуктами отечественного производства является одним из приоритетных направлений государственной аграрной политики, закреплённых в Доктрине продовольственной безопасности. По данным Молочного союза России, самообеспеченность страны молоком составляет около 80%, что требует дальнейшего наращивания производственных мощностей и повышения эффективности хозяйствования.

Система государственной поддержки молочной отрасли за последние годы претерпела значительную эволюцию. Если ранее акцент делался преимущественно на валовых показателях производства, то в настоящее время на пер-

вый план выходят задачи повышения рентабельности, технологической модернизации, внедрения генетических и цифровых технологий. Как отмечает заместитель Министра сельского хозяйства Роман Некрасов, «сегодня молочная отрасль показывает стабильно положительную динамику», чему во многом способствуют меры государственной поддержки. Рентабельность молочного производства по итогам 2024 года без учёта субсидий достигла 28,6% — наивысшего показателя за последние годы.

Вместе с тем 2025–2026 годы характеризуются серьёзной трансформацией системы поддержки: изменяются критерии адресности, сокращаются объёмы финансирования по ряду направлений, ужесточаются требования к получателям субсидий. Цель настоящей статьи — систематизировать и охарактеризовать основ-

ные формы государственной поддержки молочной отрасли в России на современном этапе, выявить ключевые тенденции и проблемные зоны, а также наметить перспективы дальнейшего развития механизмов государственного стимулирования.

Система государственной поддержки молочного скотоводства в России представляет

собой многоуровневый комплекс мер, реализуемых на федеральном и региональном уровнях. Ключевые инструменты можно классифицировать по целевой направленности, механизмам предоставления и категориям получателей. Обобщённая характеристика основных форм государственной поддержки представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Основные формы государственной поддержки молочной отрасли в Российской Федерации (2024–2026 гг.)

Форма поддержки	Механизм предоставления	Целевая аудитория	Ключевые параметры (2025)
Субсидия на производство товарного молока («на литр»)	Возмещение части затрат на 1 кг реализованного молока	СХТП (с 2026 — только МСП с доходом до 800 млн руб.)	14,5 млрд руб. (2025); 6,3 млрд руб. (2026)
Льготное инвестиционное кредитование	Субсидирование процентной ставки банкам	Все категории СХТП	Ставка 7,1% для приоритетных направлений
Льготное краткосрочное кредитование	Субсидирование процентной ставки на сезонные работы	СХТП, МСП	Общий лимит субсидирования: 41,7 млрд руб. (2025)
«Капексы» (строительство/модернизация)	Возмещение части прямых затрат на создание объектов АПК	СХТП, организации	До 50% затрат; программа продлена до 2030 г.
Племенное животноводство	Единая субсидия регионам на поддержку племенной работы	Племенные хозяйства	14,458 млрд руб. (2025); из них на племенное животноводство — 7,725 млрд
Геномная селекция	Возмещение до 70% затрат на молекулярно-генетические исследования	Племенные хозяйства, научные организации	500 млн руб. (2025), до 400 заявителей
Лизинг сельхозтехники (Постановление № 1432)	Скидка при приобретении отечественной техники (в т.ч. по лизингу)	СХТП всех категорий	Скидка 15% на технику российского производства
Субсидирование агрострахования	Компенсация части страховой премии	СХТП (с 2026 — сокращение объёмов)	Предельные ставки субсидий ежегодно утверждаются
Региональная поддержка строительства ферм	Субсидии на 1 скотоместо при строительстве/реконструкции	СХТП региона	До 50% затрат, не более 50% сметной стоимости

Источник: Составлено автором на основе анализа нормативных правовых актов и официальных данных

С момента внедрения механизма льготного кредитования в 2017 году этот инструмент стал одним из наиболее востребованных среди сельскохозяйственных товаропроизводителей. Как подчёркивает заместитель министра сельского

хозяйства Роман Некрасов, «основной инструмент стимулирования инвестиционной активности — льготные кредиты».

В 2025 году механизм льготного кредитования претерпел изменения: размер льготной

ставки поставлен в зависимость от ключевой ставки Центрального банка и направления целевого использования кредитов. При ключевой ставке 17% (по состоянию на октябрь 2025 года) льготная ставка для приоритетных направлений, включая молочное скотоводство, составляет 7,1%, для остальных направлений — 10,5%.

Правительство продолжает наращивать ресурсное обеспечение программы. В декабре 2025 года было дополнительно выделено 5 млрд рублей, в результате чего общая сумма субсидирования по программе льготного кредитования в 2025 году достигла 41,7 млрд рублей. Согласно Плану льготного кредитования на 2025 год, в ряде регионов были существенно увеличены лимиты.

Однако уже в 2025 году обозначились тревожные тенденции. Субсидирование процентной ставки по ранее выданным льготным инвестиционным кредитам было снижено до 50% от размера ключевой ставки ЦБ РФ. В 2026 году, согласно проектам правовых актов, ставка субсидирования в сырьевом секторе снижается с 70% до 50% ключевой ставки, что при ключевой ставке 15% повышает фактическую ставку для заёмщика с 6,5% до 9,5%. Для хозяйства с кредитным портфелем в 1 млрд рублей дополнительные процентные расходы составят около 30 млн рублей в год.

В октябре 2025 года Правительство РФ утвердило поправки к Государственной программе развития сельского хозяйства, предусматривающие продление срока её реализации до 2030 года. Ключевым нововведением стало расширение субсидий на создание и модернизацию объектов агропромышленного комплекса (так называемых «капексов») на 2025–2026 годы. Субсидии распространяются, в частности, на строительство животноводческих комплексов молочного направления (молочных ферм), принадлежащих сельскохозяйственным товаропроизводителям, с количеством скотомест до 1 000.

Важным упрощением стало то, что для инвесторов, чьи проекты были отобраны в 2024–2025 годах, повторный отбор для получения средств в 2026 году не требуется — достаточно подтвердить актуальность проекта по запросу Минсельхоза России. Кроме того, при расчёте суммы субсидии для предприятий, освобождённых от уплаты НДС, теперь учитывается «входной» НДС, что делает программу поддержки более справедливой для всех категорий аграриев.

Результаты действия этих мер уже заметны. В 2025 году запланирован ввод в эксплуатацию 26 крупных инвестиционных проектов в молочном животноводстве, 12 из них уже открыты. Суммарная мощность после полного запуска всех комплексов составит 225 тысяч тонн молока в год.

На региональном уровне строительство молочных ферм также активно поддерживается. Например, в Нижегородской области предусмотрена субсидия на 1 скотоместо при строительстве (реконструкции) животноводческих объектов в размере до 50% от затраченных средств, но не более 50% сметной стоимости строительства.

Развитие племенной базы является критическим фактором повышения продуктивности молочного стада. В 2025 году на поддержку племенного молочного животноводства в рамках единой субсидии предусмотрено 14,458 млрд рублей, из которых непосредственно на племенное животноводство направлено 7,725 млрд рублей. Для сравнения, в 2024 году эти показатели составляли 14,475 млрд и 7,81 млрд рублей соответственно.

Первый заместитель министра сельского хозяйства Елена Фастова подчеркнула, что Минсельхоз намерен не только сохранить объём поддержки, но и повысить её эффективность. В 2025 году была запущена новая мера — возмещение до 70% затрат на проведение молекулярно-генетической экспертизы крупного рогатого скота молочного направления. На эти цели из федерального бюджета предусмотрено почти 500 млн рублей, а количество потенциальных получателей оценивается примерно в 400 заявителей.

Как отмечает заместитель министра Максим Боровой, для достижения целевых показателей по производству молока необходимо ежегодно проводить геномное исследование не менее 200 тыс. голов молочного поголовья. Однако по итогам 2024 года было прогеноотипировано лишь порядка 6% от этого объёма. На горизонте 2030 года необходимо создать 490 тыс. новых скотомест, что должно обеспечить прирост производства молока более чем на 8 млн тонн.

В целях систематизации процессов регистрации племенных животных с 1 января 2027 года субсидии на племенное поголовье будут выделяться только при регистрации животных во ФГИАС племенных ресурсов. Этот шаг направлен на создание единой базы данных и повышение прозрачности племенной работы.

Страхование сельскохозяйственных рисков с государственной поддержкой является важным инструментом защиты производителей молока от неблагоприятных природных явлений и эпизоотических ситуаций. На 2025 год утверждён План сельскохозяйственного страхования, включающий перечень объектов страхования, подлежащих государственной поддержке.

Однако и это направление не избежало реформы. Проект новых правил господдержки АПК предусматривает сокращение объёма субсидий на поддержку агрострахования на 2026 год и плановый период 2027–2028 годов по сравне-

нию с 2025 годом. Расчёт средств на указанное направление будет производиться исходя из заявленной регионами потребности на 2025 год. Страховым компаниям будет запрещено требовать компенсации из регионального бюджета за выплаты за сельскохозяйственных, изъятых по решениям уполномоченных органов при ликвидации очагов особо опасных болезней животных.

Современная система государственной поддержки органично интегрируется с процессами цифровизации АПК. Как отметила директор Молочного союза России Людмила Маницкая, «цифровизация — не просто тренд, а необходимость для молочной отрасли». С 2025 года животноводам поддержка выделяется только при условии внесения данных об индивидуальном или групповом маркировании и учёте животных во ФГИС «ВетИС». С 1 марта 2026 года вводится обязательность предоставления отчётности во ФГИС ПР и реализации утверждённых планов племенной работы для племенных хозяйств.

Эти требования, с одной стороны, создают дополнительную административную нагрузку на производителей, но с другой — закладывают основу для создания единой цифровой экосистемы АПК, позволяющей более адресно и эффективно распределять бюджетные средства. Государство активно стимулирует внедрение «умных» ферм, систем мониторинга здоровья животных и автоматизированных линий переработки, что соответствует мировой практике цифровизации сельского хозяйства.

Система государственной поддержки молочной отрасли имеет выраженную региональную составляющую. Субсидии распределяются через механизм «единой субсидии», общий объём которой на 2025 год составляет 49,4 млрд рублей. Из 12 приоритетных направлений развития АПК регион может получить поддержку по восьми: пять определяются автоматически, три можно выбрать.

Эта система позволяет учитывать региональную специфику — природно-климатические условия, сложившиеся производственные традиции, наличие перерабатывающих мощностей. Например, в Ярославской области поддержка молочной отрасли в 2025 году составила 296,3 млн рублей (рост на 1,4% к уровню 2024 года), при этом сохранена субсидия на возмещение затрат на строительство и модернизацию молочно-товарных ферм. В Ставропольском крае на поддержку животноводства в 2025 году предусмотрено порядка 592 млн рублей. Ставка субсидии в племенном молочном скотоводстве в крае составила 5,2 тыс. рублей на голову, что позволило компенсировать около 20% затрат на содержание племенного маточного поголовья.

Льготное кредитование занимает наибольшую долю в структуре государственной поддержки (оценочно около 35%), что подтверждает его статус ключевого инструмента стимулирования инвестиционной активности. Субсидия на производство товарного молока («на литр») составляет около 29,5% от общего объёма поддержки, что корреспондирует с оценкой Союзмолока о 26%. Поддержка племенного животноводства занимает около 15,7%. «Капексная» поддержка строительства и модернизации объектов АПК оценивается примерно в 10%, а остальные 19,8% приходятся на агрострахование, лизинг, подготовку кадров и иные меры.

Система государственной поддержки молочной отрасли вступает в фазу серьёзных преобразований. По данным Союзмолоко, плановый объём финансирования Госпрограммы развития сельского хозяйства в 2026 году сократился на 31% по сравнению с предыдущим годом, составив 339 млрд рублей, а общее финансирование АПК с учётом всех профильных программ уменьшилось на 18% до 543 млрд рублей. Прямая поддержка молочной отрасли оценивается примерно в 43 млрд рублей, что на 35% меньше уровня 2025 года. Ситуация усугубляется высоким риском дополнительного секвестра бюджета на 10% в течение 2026 года.

Наиболее существенные изменения касаются субсидии на 1 кг реализованного молока. С 2026 года эта мера поддержки сохранена исключительно для хозяйств с доходом до 800 млн рублей, личных подсобных хозяйств, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», а также научных и образовательных организаций. Объём поддержки по этому направлению сократился с 14,5 млрд рублей в 2025 году до 6,3 млрд рублей в 2026 году. По оценкам экспертов, исключение крупных агрохолдингов из данной системы может привести к снижению рентабельности крупных молочных агрохолдингов на 15–20%.

Первый заместитель министра сельского хозяйства Елена Фастова пояснила сокращение мер поддержки тем, что 2024 год был хорошим для отрасли по цене на молоко: средняя рентабельность без поддержки составила 28,7%, с поддержкой — 35%. Однако при этом для малых хозяйств с выручкой до 800 млн рублей рентабельность без субсидий составляла 23%, в то время как у крупного и среднего бизнеса — 34%. Таким образом, сокращение поддержки сильнее ударит по малому бизнесу, несмотря на декларируемый курс на поддержку МСП.

Председатель совета Молочного союза России Людмила Маницкая обращает внимание на тревожную динамику: за девять месяцев 2025 года общее поголовье крупного рогатого скота

сократилось на 600 тыс. голов, в том числе дойного — на 300 тыс., а с 2022 года — более чем на 1,5 млн голов. По её словам, «КФХ убывают вместе со своим стадом. Государственная помощь доходит до них по остаточному принципу». Чтобы достичь целей по продовольственной безопасности, необходимо ежегодно прибавлять по миллиону тонн молока и 200 тыс. голов скота.

Анализ зарубежного опыта показывает, что государственная поддержка молочной отрасли широко распространена в развитых странах. В Европейском Союзе фермеры получают три основных вида государственной поддержки: связанные прямые платежи, несвязанные прямые выплаты и меры развития сельских территорий. В США с 2018 года для производителей действуют выплаты в связи с потерями прибыли Dairy Margin Coverage (DMC), которые представляют собой страховую защиту в случае, если разница между ценой на молоко и себестоимостью падает ниже определённой суммы.

Вместе с тем российская система поддержки имеет свою специфику. Если в ЕС и США акцент делается на поддержание доходов фермеров через механизмы страхования маржи и прямых платежей, то в России приоритет отдаётся стимулированию инвестиционной активности, технологической модернизации и импортозамещению. Этот подход продемонстрировал определённые успехи: за последние годы удалось существенно повысить продуктивность дойного стада и увеличить производство товарного молока. Однако, как показывает анализ, система нуждается в дальнейшем совершенствовании, особенно в части адресности поддержки и снижения административных барьеров для малых форм хозяйствования.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

- Государственная поддержка молочной отрасли в России представляет собой многоуровневую систему, включающую прямые субсидии на производство молока, льготное инвестиционное и краткосрочное кредитование, «капексную» поддержку строительства и модернизации ферм, субсидирование племенной работы и агрострахования. Наиболее востребованным инструментом является льготное кредитование (оценочно 35% от общего объёма поддержки).
- В 2025–2026 годах система поддержки претерпевает кардинальную трансформацию: изменяются критерии адресности (субсидия «на литр» сохраняется только для малого и среднего бизнеса), сокращается общий объём финансирования (на 35% по прямой поддержке молочной отрасли), ужесточаются требования к получателям (обязатель-

ная регистрация во ФГИС, внесение данных о маркировании животных).

- Эти изменения создают серьёзные риски для отрасли, включая снижение рентабельности крупных агрохолдингов (на 15–20%), заморозку инвестиционных проектов и потенциальный рост цен на молочную продукцию. Особую тревогу вызывает продолжающееся сокращение дойного поголовья (на 300 тыс. голов за девять месяцев 2025 года).
- Позитивным фактором является усиление внимания к технологическому развитию отрасли: запуск программы геномной селекции с возмещением до 70% затрат, продление «капексной» поддержки до 2030 года, внедрение цифровых систем учёта и контроля.

На основе проведённого исследования можно предложить следующие рекомендации по совершенствованию системы государственной поддержки молочной отрасли:

- обеспечить поэтапный переход к новой модели поддержки с переходными периодами для крупных хозяйств, минимизируя шоковые эффекты для отрасли;
- расширить доступ малых форм хозяйствования к программам льготного инвестиционного кредитования и лизинга, упростив процедуры получения поддержки;
- продолжить реализацию программы геномной селекции с ежегодным увеличением объёма финансирования и расширением охвата племенных хозяйств;
- синхронизировать требования по цифровизации учёта животных (ФГИС «ВетИС», ФГИАС ПР) с реальными возможностями хозяйств, обеспечив методическую и техническую поддержку;
- усилить региональную составляющую системы поддержки, предоставив субъектам Российской Федерации больше полномочий в определении приоритетных направлений субсидирования с учётом местной специфики.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку методики оценки эффективности различных форм государственной поддержки, сравнительный анализ региональных практик и адаптацию зарубежных механизмов (в частности, страхования маржи) к российским условиям.

Список литературы:

[1] Российская Федерация. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяй-

зяйственной продукции, сырья и продовольствия» (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 29. – Ст. 4160; 2025. – № 52. – Ст. 9874.

[2] Российская Федерация. Приказ Минсельхоза России от 12 февраля 2024 г. № 61 «Об утверждении Порядка определения направлений целевого использования льготных кредитов» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

[3] Минсельхоз России. Агрообзор № 215 от 14.11.2025 [Электронный ресурс] // agro-inform.ru. – 2025. – 14 ноября. – URL: <https://agro-inform.ru/agroobzor-215-14-11-2025> (дата обращения: 02.06.2026).

[4] Минсельхоз упрощает получение «капексов» и продлевает программу до 2030 года [Электронный ресурс] // korovainfo.ru. – 2025. – 22 октября. – URL: <https://korovainfo.ru/news/minsex-uprashaet-poluchenie-kapeksov-prodlevaet-programmu> (дата обращения: 02.06.2026).

[5] Молочный союз России. Программа поддержки АПК продлена до 2030 года [Электронный ресурс] // dairyunion.ru. – 2025. – 22 октября. – URL: <https://dairyunion.ru/news/programma-podderzhki-apk-prodlena> (дата обращения: 02.06.2026).

[6] Минсельхоз реформирует систему господдержки отрасли: денег станет меньше, а контроля больше [Электронный ресурс] // dairynews.ru. – 2025. – 7 августа. – URL: <https://dairynews.ru/news/minsex-reformiruet-sistemu-gospodderzhki-otrasli> (дата обращения: 02.06.2026).

[7] Правительство дополнительно выделит 5 млрд рублей для субсидирования льготных кредитов сельхозпроизводителей [Электронный ресурс] // government.ru. – 2025. – 24 декабря. – URL: <http://government.ru/news/51234> (дата обращения: 01.06.2026).

[8] Союзмолоко. О чем говорили на заседании Правления Союзмолоко [Электронный ресурс] // milknews.ru. – 2026. – 15 января. – URL: <https://milknews.ru/news/soyuzmoloko-pravlenie-2026.html> (дата обращения: 02.06.2026).

[9] Минсельхоз думает, как улучшить поддержку в племенном молочном скотоводстве [Электронный ресурс] // vrnikc.ru. – 2025. – 25 августа. – URL: <https://vrnikc.ru/news/minsex-podderzhka-plemennogo-molochnogo-skotovodstva> (дата обращения: 25.05.2026).

[10] Заместитель председателя правительства доложил о мерах поддержки племенного животноводства [Электронный ресурс] // dairynews.ru. – 2025. – 12 августа. – URL: [\[pravitelstva-dolozhil-o-merah-podderzhki\]\(http://pravitelstva-dolozhil-o-merah-podderzhki\) \(дата обращения: 02.06.2026\).](https://dairynews.ru/news/zamestitel-predsedatelya-</p></div><div data-bbox=)

[11] Господдержка молочной отрасли сокращается: предприятия Юга балансируют между ростом расходов и сдерживанием цен [Электронный ресурс] // expertsouth.ru. – 2025. – 3 октября. – URL: <https://expertsouth.ru/news/gospodderzhka-molochnoy-otrasli-sokrawaetsya> (дата обращения: 02.06.2026).

[12] К чему приведет отмена субсидий на литр для крупных молочных агрохолдингов? [Электронный ресурс] // korovainfo.ru. – 2025. – 25 декабря. – URL: <https://korovainfo.ru/news/otmena-subsidiy-na-litr-krupnye-agroholdingi> (дата обращения: 25.05.2026).

[13] Производителям молока в России нужна дополнительная поддержка — эксперт [Электронный ресурс] // agroexpert.press. – 2025. – 31 октября. – URL: <https://agroexpert.press/news/proizvoditelyam-moloka-rossii-nuzhna-dopolnitelnaya-podderzhka> (дата обращения: 02.06.2026).

[14] Какая государственная поддержка для молочников существует в мире [Электронный ресурс] // milknews.ru. – 2022. – 19 января. – URL: <https://milknews.ru/index/gospodderzhka-molochnikov-v-mire> (дата обращения: 02.06.2026).

[15] Министерство сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности Тверской области. Объявление о проведении отбора на возмещение части прямых понесенных затрат на создание и (или) модернизацию объектов агропромышленного комплекса [Электронный ресурс] // centerapktver.ru. – 2025. – 10 марта. – URL: <https://centerapktver.ru/otbor-kapeksey-2025> (дата обращения: 02.06.2026).

References:

[1] Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 No. 717 “On the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets” (as amended by 28.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – № 29. – Art. 4160; 2025. – № 52. – Art. 9874.

[2] Russian Federation. Order of the Ministry of Agriculture of Russia dated February 12, 2024 No. 61 “On approval of the Procedure for determining the directions for the targeted use of soft loans” // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (access date: 15.05.2026).

[3] Ministry of Agriculture of Russia. Agro-review No. 215 dated 14.11.2025 [Electronic resource] // agro-inform.ru. – 2025. – November 14. – URL: <https://agro-inform.ru/agroobzor-215-14-11-2025> (access date: 02.06.2026).

[4] The Ministry of Agriculture simplifies the receipt of "capexes" and extends the program until 2030 [Electronic resource]// korovainfo.ru. – 2025. - October 22. – URL: <https://korovainfo.ru/news/minsex-uprawaet-poluchenie-kapeksov-prodlevaet-programmu> (дата обращения: 02.06.2026).

[5] Dairy Union of Russia. The program to support the agro-industrial complex has been extended until 2030 [Electronic resource]// dairyunion.ru. – 2025. - October 22. – URL: <https://dairyunion.ru/news/programma-podderzhki-apk-prodlena> (дата обращения: 02.06.2026).

[6] The Ministry of Agriculture is reforming the system of state support for the industry: there will be less money, and more control [Electronic resource]// dairynews.ru. – 2025. - August 7. – URL: <https://dairynews.ru/news/minsex-reformiruet-sistemu-gospodderzhki-otrasli> (дата обращения: 02.06.2026).

[7] The government will allocate an additional 5 billion rubles to subsidize soft loans to agricultural producers [Electronic resource]// government.ru. – 2025. - December 24. - URL: <http://government.ru/news/51234> (access date: 01.06.2026).

[8] Soyuzmoloko. What was discussed at the meeting of the Board of Soyuzmoloko [Electronic resource]// milknews.ru. – 2026. - January 15. - URL: <https://milknews.ru/news/soyuzmoloko-pravlenie-2026.html> (access date: 02.06.2026).

[9] The Ministry of Agriculture is thinking about how to improve support in pedigree dairy cattle breeding [Electronic resource]// vrnkc.ru. – 2025. - August 25. – URL: <https://vrnkc.ru/news/minsex-podderzhka-plemennogo-molochnoggo-skotovodstva> (дата обращения: 25.05.2026).

[10] The Deputy Prime Minister reported on measures to support livestock breeding [Electronic

resource]// dairynews.ru. – 2025. - August 12. – URL: <https://dairynews.ru/news/zamestitel-predsedatelya-pravitelstva-dolozhil-o-merah-podderzhki> (дата обращения: 02.06.2026).

[11] State support for the dairy industry is declining: enterprises in the South are balancing between rising costs and price containment [Electronic resource]// expertsouth.ru. – 2025. - October 3. – URL: <https://expertsouth.ru/news/gospodderzhka-molochnoy-otrasli-sokrawaetsya> (дата обращения: 02.06.2026).

[12] What will the elimination of subsidies per liter for large dairy agricultural holdings lead to? [Electronic resource]// korovainfo.ru. – 2025. - December 25. – URL: <https://korovainfo.ru/news/otmena-subsidiy-na-litr-krupnye-agroholdingi> (дата обращения: 25.05.2026).

[13] Milk producers in Russia need additional support - expert [Electronic resource]// agroexpert.press. – 2025. - October 31. – URL: <https://agroexpert.press/news/proizvoditelyam-moloka-rossii-nuzhna-dopolnitelnaya-podderzhka> (дата обращения: 02.06.2026).

[14] What government support for milkmen exists in the world [Electronic Resource]// milknews.ru. – 2022. - January 19. – URL: <https://milknews.ru/index/gospodderzhka-molochnikov-v-mire> (дата обращения: 02.06.2026).

[15] Ministry of Agriculture, Food and Processing Industry of the Tver Region. Announcement of the selection for reimbursement of part of the direct costs incurred for the creation and (or) modernization of agro-industrial facilities [Electronic resource]// centerapktver.ru. – 2025. - March 10. - URL: <https://centerapktver.ru/otbor-kapeksey-2025> (access date: 02.06.2026).

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ФЕДОРОВ Сергей Викторович,
Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗНОГЛАСИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Конфликты в публичной сфере обладают особой спецификой. Они затрагивают не только частные интересы отдельных лиц, но и функционирование государственного механизма в целом. Неразрешенные противоречия между органами власти способны парализовать управленческие процессы, снизить эффективность государственной политики, подорвать доверие граждан к институтам публичной власти. В настоящем исследовании автор проводит анализ конфликтных отношений в системе государственного управления России, выявляет пробелы правового регулирования механизмов их преодоления и обосновывает направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: публичное право; государство; правоотношения; суд; законность.

FEDOROV S.V.,
Post-graduate student of the 2nd year of study
at the SPbUMTE

THE GENESIS OF LEGAL REGULATION OF MECHANISMS FOR OVERCOMING DISAGREEMENTS IN THE FIELD OF PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation. Conflicts in the public sphere have a special specificity. They affect not only the private interests of individuals, but also the functioning of the State mechanism as a whole. Unresolved contradictions between authorities can paralyze management processes, reduce the effectiveness of public policy, and undermine citizens' trust in public authorities. In this study, the author analyzes conflict relations in the Russian public administration system, identifies gaps in the legal regulation of mechanisms for overcoming them, and substantiates areas for improving legislation.

Key words: public law; state; legal relations; court; legality.

Понятие конфликта в публично-правовой сфере не получило единообразного определения в российской доктрине. Одни авторы рассматривают его как столкновение интересов субъектов властных правоотношений, другие акцентируют внимание на противоречиях в толковании правовых норм, третьи связывают конфликт с нарушением установленного порядка осуществления публичных функций. Публично-правовой спор представляет собой форму юридического конфликта, возникающего и разрешаемого в сфере публичного права [1].

Зеленцов А.Б. определяет публично-правовой конфликт как «противоречие между субъектами, один из которых наделен властными полномочиями, возникающее по поводу реализации либо защиты публичных или частных прав» [2]. Определение акцентирует властный характер отношений. Однако оно не охватывает споры

между органами власти, обладающими равным статусом. Старилов Ю.Н. трактует административно-правовой спор шире — как «разногласие субъектов по вопросам применения норм административного права либо установления фактических обстоятельств в сфере государственного управления» [3]. Такая формулировка представляется более универсальной.

Конфликт в публичном праве обладает рядом отличительных признаков.

Во-первых, обязательным участником выступает субъект, реализующий властные полномочия — орган государственной власти, орган местного самоуправления, должностное лицо.

Во-вторых, объектом спора являются права и обязанности, возникающие в сфере публичного управления. Частноправовые интересы могут присутствовать, но не определяют правовую природу конфликта.

В-третьих, процедура разрешения публично-правового спора носит формализованный характер и регламентируется императивными нормами.

Четвертый признак — преобладание публичного интереса над частным. Бахрах Д.Н. подчеркивал, что в административно-правовых отношениях «интерес государства и общества имеет приоритет перед интересами индивида, хотя последние не игнорируются» [4]. Это положение вызывает дискуссии. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (статья 17 Конституции РФ), но при этом публичный интерес не может служить основанием для произвольного ограничения прав личности.

Пятый признак — возможность применения административного принуждения для исполнения решения, вынесенного по результатам рассмотрения спора. Это отличает публично-правовые конфликты от частноправовых, где принудительное исполнение осуществляется в иных процедурных рамках.

Сущность публично-правового конфликта раскрывается через его функции.

Первая функция — сигнальная. Возникновение спора свидетельствует о несовершенстве правового регулирования, пробелах в законодательстве либо ошибках правоприменительной практики. По данным Верховного Суда РФ, в 2023 году около 38% решений по административным делам были вынесены в пользу заявителей, оспаривавших действия органов власти. Столь высокий показатель указывает на системные недостатки в деятельности административных структур.

Вторая функция — регулятивная. Процесс разрешения конфликта позволяет скорректировать правоотношения, устранить нарушения прав субъектов, восстановить законность. Суды формируют правовые позиции, которые затем используются в аналогичных ситуациях, что способствует единообразию правоприменения.

Третья функция — превентивная. Возможность судебного обжалования действий органов власти стимулирует последние к соблюдению законодательства, снижает риск произвола.

Правовая природа публично-правового конфликта определяется характером правоотношений, в рамках которых он возникает. Административные правоотношения традиционно рассматриваются как вертикальные, построенные по модели «власть–подчинение». Однако современное административное право знает и горизонтальные отношения — между органами власти, действующими в рамках своей компетенции без подчинения друг другу. Споры о разграничении

полномочий между федеральными министерствами, между региональными органами исполнительной власти различных субъектов РФ относятся именно к этой категории.

Проблема разграничения компетенции между федеральными органами исполнительной власти обострилась после административной реформы 2004 года, когда была введена трехуровневая система «министерства–службы–агентства». Отсутствие четких критериев распределения функций между ведомствами породило множество конфликтов, часть которых разрешалась в судебном порядке, часть — посредством принятия координирующих актов Правительства РФ.

Конфликты между органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления — отдельная категория публично-правовых споров. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепил перечень вопросов местного значения, однако на практике региональные власти нередко вторгаются в компетенцию муниципалитетов, устанавливая дополнительные требования, ограничивающие самостоятельность местного самоуправления. Конституционный Суд РФ в ряде постановлений признавал подобные нормы региональных законов не соответствующими Конституции РФ.

Особую категорию образуют конфликты между гражданами (организациями) и органами публичной власти. Здесь налицо классическое вертикальное правоотношение, в котором одна сторона обладает властными полномочиями, а другая — правами и обязанностями подвластного субъекта. Асимметрия правового положения сторон требует особых процессуальных гарантий защиты прав слабой стороны. Кодекс административного судопроизводства РФ устанавливает повышенный стандарт доказывания для органов власти: если гражданин обжалует решение административного органа, бремя доказывания законности этого решения лежит на ответчике.

Формирование системы разрешения публично-правовых конфликтов в России прошло несколько этапов. В дореволюционный период основным способом защиты прав граждан от действий администрации являлось обращение в административные присутствия — специализированные коллегиальные органы при губернских и уездных правлениях.

Проект создания административных судов разрабатывался в начале XX века. В 1917 году Временное правительство приняло Положение о судах по административным делам, однако оно не было реализовано из-за событий Октябрьской революции.

Советский период характеризовался отрицанием концепции административной юстиции. Считалось, что социалистическое государство выражает интересы трудящихся, а потому конфликт между гражданином и органом власти невозможен по определению. Жалобы на действия должностных лиц рассматривались вышестоящими органами в административном порядке. Судебный контроль за законностью административных актов был крайне ограничен.

Первые шаги к созданию механизмов судебного обжалования действий администрации были сделаны в конце 1980-х годов. Закон СССР от 30.06.1987 «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» впервые предоставил гражданам право обращаться в суд с жалобами на административные решения. Однако сфера применения этого закона была узкой, а процедура обжалования — громоздкой.

Конституция РФ 1993 года закрепила право каждого на судебную защиту (статья 46). Это положение стало основой для развития системы административного правосудия в постсоветской России. В 1993 году был принят Закон РФ от 27.04.1993 № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», который значительно расширил возможности судебного обжалования.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ 1995 года ввел институт рассмотрения споров, возникающих из административных правоотношений, арбитражными судами. Это было важным шагом, поскольку хозяйствующие субъекты получили возможность оспаривать в суде ненормативные акты органов власти, решения налоговых и таможенных органов.

Проблема заключалась в отсутствии единого процессуального порядка рассмотрения административных дел. Суды общей юрисдикции руководствовались нормами Гражданского процессуального кодекса РФ, что не всегда соответствовало специфике публично-правовых споров. Арбитражные суды применяли АПК РФ, в котором процедура рассмотрения дел, возникающих из административных правоотношений, была детально регламентирована.

Кодекс административного судопроизводства РФ, принятый в 2015 году, создал единую процессуальную форму для рассмотрения административных дел судами общей юрисдикции. Введение КАС РФ стало завершением многолетних дискуссий о необходимости специализированного административного процесса.

Особенностью административного судопроизводства является активная роль суда в сборе доказательств и установлении фактиче-

ских обстоятельств дела. Это обусловлено неравенством процессуальных возможностей гражданина и органа власти: последний обладает большими ресурсами для сбора информации, подготовки правовой позиции.

Законодательство о медиации в публично-правовых спорах находится в стадии формирования. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» формально применим к административным делам, однако практика его применения минимальна. Органы власти неохотно соглашаются на примирительные процедуры, опасаясь нарушить императивные предписания законодательства или превысить полномочия.

Опыт зарубежных стран показывает, что медиация может быть эффективным инструментом разрешения публично-правовых споров при условии законодательного закрепления оснований и порядка ее применения. В Германии медиация в административных делах регулируется параграфами 173–178 Административно-процессуального кодекса. Во Франции существует институт административного медиатора, который рассматривает жалобы граждан на действия органов власти и способствует их внесудебному разрешению.

Конституционное правосудие в России играет особую роль в разрешении конфликтов между органами публичной власти. Конституционный Суд РФ рассматривает споры о компетенции, проверяет конституционность нормативных актов, дает толкование Конституции РФ. Правовые позиции Конституционного Суда РФ обязательны для всех органов власти и формируют единообразное понимание конституционных норм.

Анализ генезиса правового регулирования показывает, что в России постепенно формируется система судебного контроля за деятельностью органов публичной власти. Этот процесс далек от завершения. Остаются нерешенными вопросы внесудебного разрешения публично-правовых споров, недостаточно развиты механизмы медиации, отсутствует четкая регламентация процедур досудебного обжалования.

Публично-правовой конфликт представляет собой противоречие между субъектами, один из которых наделен властными полномочиями, возникающее по поводу реализации либо защиты публичных или частных прав в сфере государственного управления. Его отличительные признаки — участие субъекта власти, публичный характер объекта спора, формализованная процедура разрешения, приоритет публичного интереса, возможность применения административного принуждения.

Генезис правового регулирования демонстрирует постепенное формирование системы судебного контроля за деятельностью органов публичной власти — от отрицания административной юстиции в советский период до принятия КАС РФ в 2015 году. Остаются нерешенными вопросы внедрения медиации и совершенствования досудебных процедур.

Список литературы:

[1] Туганбаев М.А. Юридический конфликт в публичном праве: теоретико-правовая и динамическая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2025. №1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-konflikt-v-publichnom-prave-teoretiko-pravovaya-i-dinamicheskaya-harakteristika> (дата обращения: 09.05.2026).

[2] Зеленцов А.Б. Административно-правовой спор: вопросы теории. М.: РУДН, 2005. С. 47.

[3] Старилов Ю.Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы. М.: Норма, 2001. С. 89.

[4] Бахрах Д.Н. Административное право России. М.: Эксмо, 2010. С. 112.

References:

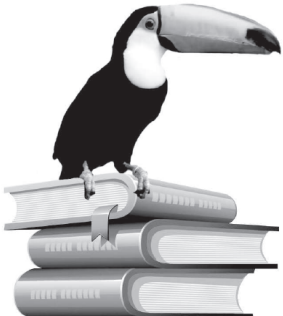
[1] Tuganbaev M.A. Legal conflict in public law: theoretical and legal and dynamic characteristics// Leningrad Law Journal. 2025. №1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-konflikt-v-publichnom-prave-teoretiko-pravovaya-i-dinamicheskaya-harakteristika> (date of access: 09.05.2026).

[2] A.B. Zelentsov Administrative and legal dispute: questions of theory. M.: RUDN UNIVERSITY, 2005. S. 47.

[3] Starilov Yu.N. Administrative justice. Theory, history, perspective. M.: Norma, 2001. S. 89.

[4] Bakhrakh D.N. Administrative Law of Russia. M.: Eksmo, 2010. S. 112.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГОНЧАР Владимир Сергеевич,
Аспирант,
РГУ Нефти и Газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В настоящее время формирование идеологии не ограничивается только непосредственным отражением правовой действительности, либо ее познанием. Идеология в правовом сознании – многогранное и достаточно сложное явление. Так, идеология способна не только сформировать необходимые знания о праве, его институтах, но и определить реакцию на правовую действительность. Правосознание в свою очередь позволяет формировать правовую систему, преобразовывать юридическую практику. Иными словами, формирование идеологических аспектов современного правосознания – это не пассивное отражение права, но и его активное проявление, ведь именно правосознание предопределяет непосредственное применение и восприятие права в гражданском обществе. Тем не менее, несмотря на максимально положительное значение правового сознания и роль идеологии, имеет место и негативное отношение граждан к ценностям и правовым нормам.

Ключевые слова: идеология, правовое создание, деформация, правовая система, цифровизация, правовая действительность.

GONCHAR Vladimir Sergeevich,
Graduate student,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU)

PROBLEM ASPECTS OF IDEOLOGY FORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Annotation. Currently, the formation of ideology is not limited to the direct reflection of legal reality or its cognition. Ideology in legal consciousness is a multifaceted and complex phenomenon. Thus, ideology can not only generate essential knowledge about the law and its institutions but also determine reactions to legal reality. Legal consciousness, in turn, enables the formation of the legal system and the transformation of legal practice. In other words, the development of the ideological aspects of modern legal consciousness is not a passive reflection of the law but also its active manifestation, since it is legal consciousness that determines the direct application and perception of law in civil society. Nevertheless, despite the overwhelmingly positive significance of legal consciousness and the role of ideology, negative attitudes toward values and legal norms also exist.

Key words: ideology, legal creation, deformation, legal system, digitalization, legal reality.

Одной из важнейших причин совершения правонарушений и преступлений выступает деформированное правовое сознание. Подобная ситуация может быть обусловлена различными формами деформации. Например, личность не имеет ясного представления о значимости правовых норм в обществе (правовой инфантилизм), либо личность активно противостоит правовым нормам и предписаниям, сознательно не признает авторитет права. Описанные формы – это разнообразные проявления деформированного правосознания, которые традиционно приводят к тому, что нарушаются права и интересы

других членов общества, подрываются основы конституционного строя, общественной безопасности и правопорядка.

Рассматривая существующие формы деформации правосознания, отдельно стоит отметить, что критерий нравственности является едва ли не определяющим для любого демократического государства, продолжающего свой путь развития. И.В. Шубин отмечает, что нравственность является естественной основой развития правосознания, которая оказывает неизменное влияние на качество и уровень жизни населения, на благополучие граждан и опреде-

ляет степень их удовлетворенности относительно экономической, социально-культурной ситуации в стране [3]. О.А. Дизер относительно нравственности уточняет, что она является явлением социальным, включающим в себя фундаментальные ценности, на которых строятся базовые общественные отношения [4]. Существующая зависимость между нравственностью и нормальным состоянием правосознания объясняется самой природой человека, для которого базовая основа безопасного существования – это жизнь в обществе. Следовательно, зачатки общественной нравственности определяются условиями социального общежития [6].

На наш взгляд, падение нравственности в условиях обеднения общественной и духовной жизни являются одними из причин деформации правового сознания в российском обществе, что негативно сказывается и на формировании идеологического фундамента.

Отрицательно на формирование правосознания влияют и негативные тенденции в общественном развитии, к числу которых можно отнести нестабильность политической и экономической ситуации (популяризация наркомании и алкоголизма, коррупционные схемы, безработица, рост преступности). В научном сообществе отмечается, что в последние годы ощутимо ослабили роль и участие правоохранительных органов в борьбе с преступностью [1, 2]. Например, в 90-х гг. прошлого столетия были ликвидированы специальных подразделения по борьбе с организованной преступностью, что, на наш взгляд, негативно повлияло на выработку эффективных мер противодействия последней. Кроме того, после начала специальной военной операции в России существенно увеличился поток мигрантов из стран ближнего зарубежья. При этом подавляющее большинство из них не хотят становиться на военный учет, не готовы нести воинскую службу, зато активно участвуют в совершении разнообразных преступных деяний. Например, ситуация с терактом в «Крокус Сити Холл» явное тому подтверждение. Также в обществе продолжает нарастать межнациональное недовольство, несмотря на то, что Россия является многонациональным государством.

Ко всему прочему, наблюдается рост киберпреступности, который характеризуется активной вовлеченностью криминальных структур из-за рубежа. Последние события 2025 г., связанные с повсеместным вовлечением россиян в совершение взрывов банкоматов, терминалов, свидетельствуют о том, что корни организованной преступности проистекают из других государств. Только за 2024 г. россияне перевели мошенникам в телефонном режиме более 20

млрд руб. При этом подобные преступления являются латентными (многие мошенники курируются специальными службами других стран).

Также важнейшей причиной деформации правосознания является низкий уровень правовой грамотности у населения [5,7]. В условиях быстрого изменения законодательства и правоприменительной практики многие граждане не успевают адаптироваться к новым условиям, что приводит к распространению правового невежества. Нехватка знаний о своих правах и обязанностях создает почву для манипуляций со стороны недобросовестных лиц и органов власти, что в свою очередь искажает представления о праве. Несмотря на это, законодатель последователен в том, что права и свободы человека должны защищаться на всех уровнях, и немаловажное значение в таком механизме играет своевременный выбор форм и способов защиты для предотвращения и устранения внутренних угроз.

Принимая во внимание существующие проблемы деформации правосознания, весьма аргументированной и своевременной является точка зрения Ю.И. Попугаева, который ранее обращал внимание на то, что «серьезнейшая проблема законодательства РФ – это гипердинамизм вносимых в действующие нормативные акты дополнений и изменений в условиях относительно стабильной политической и социально-экономической обстановки» (правовой радикализм) [8]. Вносимые поправки не успевают отслеживать не только обычные граждане; на них в достаточной степени не реагируют правоприменительные органы, вследствие чего негативное отношение к праву в обществе растет, а правовые ценности игнорируются (правовой нигилизм).

В свете событий последних лет, обусловивших стремительное проникновение в жизнь цифровых технологий, особый интерес в рамках данного исследования представляют дальнейшие перспективные направления повышения правового сознания. Достаточно активно цифровые технологии начали использоваться ещё с наступлением пандемии COVID-19. Неожиданные для населения и массовые по своим масштабам ограничения привели к тому, что многим гражданам пришлось максимально оперативно адаптироваться под вызовы времени. Так, для заключения договоров, обмена документацией, информацией всё чаще используются ресурсы сети Интернет. Существенно возросла популярность судопроизводства в дистанционном формате; граждане начали пользоваться услугами специалистов онлайн.

Идеологические аспекты в современном правовом сознании – это неотъемлемая часть правовой культуры, которая проявляется не

только в уважении, поддержке, познании правовой действительности, но и в критическом отношении к законодательству. При этом правовая культура граждан характеризует одновременно не только уровень правосознания в обществе, но и уровень законности, состояние юридической практики в масштабах всего государства. Подлинная культура российского правосудия неотделима от разумного, рационального понимания всеми участниками судебной системы нравственных норм, принципов, осознания высокого общественного долга и ответственности. В свете сказанного, хотелось бы подробнее остановиться на перспективных аспектах повышения правосознания граждан в России сквозь призму цифровизации правосудия.

Совершенствование российской правовой системы в условиях цифровизации предопределяет дальнейшие пути повышения правосознания, а также развития общества и в целом всего государства. Кроме того, в условиях стремительных темпов проникновения цифровых технологий в жизнь человека чрезвычайно важно своевременно работать в направлении совершенствования действующего законодательства, которое должно соответствовать вызовам времени.

Таким образом, подводя итоги всему сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

- 1) Любые негативные трансформации правового сознания приводят к негативным последствиям различных масштабов для идеологии. На наш взгляд, деформация правосознания в условиях слабого развития идеологии – это неправильное, искаженное формирование правового сознания, либо его недостаточное, слабое развитие у отдельного индивида, группы индивидов или всего общества в целом. Подобное деформированное восприятие права имеет разнообразные формы: правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовой радикализм, правовой идеализм. Существующие проблемы деформации правосознания нуждаются в образовательных, просветительских, информационных трансформациях, ведь в противном случае в условиях искаженного восприятия права возрастают показатели правонарушений и преступлений, что неизменно вредит правам и свободам человека и гражданина, общественной безопасности, правопорядку. По нашему мнению, на сегодняшний день в обществе назрела необходимость формирования позитивного правосознания, однако, для этого потребуется проработать ключевые, на наш взгляд, причины деформации правосознания:

- низкий уровень юридической грамотности населения;
- отрицательное (деструктивное) влияние социальной среды (если в социальной среде преобладают негативные взгляды на право, то это может привести к формированию у граждан установок, противоречащих основным принципам законности и справедливости. Например, общество воспринимает коррупцию как норму, в скором времени многие люди начнут воспринимать коррупционные действия как допустимые);
- недостатки правоприменительной практики (случаи очевидного беззакония или несоразмерных наказаний могут привести к тому, что люди начнут воспринимать закон как инструмент произвола);
- социально-экономическое неравенство, политическая нестабильность (в условиях, когда люди испытывают финансовые трудности, они могут рассматривать преступные деяния как единственно верный способ улучшения своего положения).

- 2) Развитие цифровой экономики в Российской Федерации оказало существенное влияние на правовое сознание граждан, идеологию и правовую плоскость в целом. Темпы постепенной технологизации права требуют последовательной модернизации действующего законодательства и правильного понимания индивидами нравственных принципов, правовых предписаний, норм морали. В частности, в последние годы в законодательстве начали находить закрепление новые составы правонарушений, которые совершаются с применением цифровых технологий, либо на просторах сети Интернет.

Кроме того, достижения цифровизации используются в процессе отправления правосудия: участники дела могут направить в суд документы в электронном виде, в случае необходимости могут принять участие в судебном заседании в режиме онлайн, воспользовавшись персональным компьютером или планшетом. Иными словами, цифровые технологии в сфере правосудия могут использоваться одновременно как для достижения положительных, так и негативных целей (риски деформации правосознания существуют).

Недобросовестные участники правоотношений «совершенствуют» способы и техники совершения правонарушений, в связи с чем законодательство необходимо регулярно дополнять законодательство соответствующими нормами, чтобы виновные субъекты своевременно привлекались к ответственности.

3) Проникновение цифровых технологий в область права привело к размытию границ отдельных принципов, которые длительное время были возведены в абсолют в части понимания идеологии и современного правосознания. В частности, речь идет о презумпции невиновности, которая под влиянием цифровизации, теперь является достаточно относительным принципом права. Об этом свидетельствуют факты признания безосновательной виновности субъекта, если совершение правонарушения было зафиксировано техническими средствами.

Модернизацию презумпции невиновности нельзя считать отрицательным явлением в условиях развития правосознания; это закономерный результат трансформации законодательства в условиях цифровизации. Во избежание возникновения противоречивых ситуаций при привлечении виновных лиц к ответственности необходим комплексный подход со стороны отечественного законодателя и правоприменителей, что позволит своевременно вносить в законодательство необходимые уточнения.

Список литературы:

- [1] Белоконев С. Ю., Бурикова И. С., Коновалова М. А. Особенности формирования идеологии российского государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2023. – Т. 10. – №. 2. – С. 183-194.
- [2] Бормотов Н. С. Особенность формирования государственной идеологии в России на современном этапе // Право в эпоху информационных технологий: проблемы и пути решения. – 2021. – С. 47-49.
- [3] Варламова Н.В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 6. – С. 17. 1
- [4] Дизер О.А. Административно-правовая защита общественной нравственности: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14; [Место защиты: Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского]. // Омск. – 2019. – С. 29. 2
- [5] Ковалева Г. П. Формирование социального идеала как актуальная проблема в россий-

ском обществе и образовании // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2024. – №. 2 (54). – С. 35-42.

[6] Попугаев Ю.И. Теоретико-прикладные проблемы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях: дис. ... докт. юрид. наук. // М., – 2020. – С. 39. 3

[7] Утев Е. С. Об особенностях формирования государственной идеологии в России на современном этапе // Пермский Период. – 2021. – С. 129-130.

[8] Шубин И.В. К вопросу о системности и системе административных наказаний, месте и роли в ней административного штрафа // Административное право и процесс. – 2021. – № 8. – С. 80. 4

References:

- [1] Belokonev S. Yu., Burikova I. S., Konovalova M. A. Features of the formation of the ideology of the Russian state//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration. – 2023. - T. 10. – №. 2. - S. 183-194.
- [2] Bormotov N. S. Peculiarity of the formation of state ideology in Russia at the present stage//Law in the era of information technology: problems and solutions. – 2021. - S. 47-49.
- [3] Varlamova N.V. COVID-19 pandemic as a challenge to constitutional law and order//Comparative constitutional review. – 2020. – № 6. - S. 17. 1
- [4] Diser O.A. Administrative and legal protection of public morality: dis.... Doctors of Law: 12.00.14; [Place of protection: Om. state. university named after F.M. Dostoevsky] //Omsk. – 2019. - S. 29. 2
- [5] Kovaleva G.P. Formation of the social ideal as an urgent problem in Russian society and education//Vocational education in Russia and abroad. – 2024. – №. 2 (54). - S. 35-42.
- [6] Parrots Yu.I. Theoretical and applied problems of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses: dis.... doc. jurid. Sciences //M., - 2020. - S. 39. 3
- [7] Utev E.S. On the peculiarities of the formation of state ideology in Russia at the present stage//Perm Period. – 2021. - S. 129-130.
- [8] Shubin I.V. On the issue of systemicity and the system of administrative punishments, the place and role of the administrative fine in it//Administrative law and process. – 2021. – № 8. - S. 80. 4

ЧУПРАКОВА Елизавета Михайловна,
Студентка 2 курса магистратуры
Факультета экономики и управления
Московского государственного университета технологий и
управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (г. Москва),
e-mail: elizavetach31@mail.ru

Научный руководитель: **ХАЙРУЛЛИН Марс Фаритович,**
Кандидат технических наук, доцент,
декан Факультета экономики и управления,
Московский государственный университет технологий и
управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (г. Москва),
e-mail: m.hairullin@mgutm.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ. ВЪЕЗД И ПРЕБЫВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРИБЫВШИХ С ЦЕЛЬЮ УЧЕБЫ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные аспекты государственного управления в сфере миграции применительно к иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию с целью получения образования. Актуальность темы обусловлена сохранением привлекательности российского образовательного сектора для иностранных студентов в условиях санкционного давления, а также необходимостью совершенствования миграционных процедур. На основе анализа положений федеральных законов (№ 115-ФЗ, № 114-ФЗ, № 109-ФЗ) и подзаконных нормативных актов, включая административные регламенты МВД России, автором последовательно раскрыты все стадии миграционного процесса: оформление приглашения на въезд, получение и продление учебной визы, постановка на миграционный учет, а также обязательные процедуры дактилоскопической регистрации, фотографирования и медицинского освидетельствования. Особое внимание уделено сравнительному анализу правового положения иностранных студентов в режиме временного пребывания и в статусе обладателя разрешения на временное проживание в целях получения образования (РВПО). В работе обосновывается вывод о том, что институт РВПО, введенный в 2022 году, представляет собой ключевую преференцию, обеспечивающую не только упрощение административных процедур (освобождение от ежегодного продления визы и миграционного учета), но и формирование правовой основы для интеграции иностранных выпускников в российское общество через последующее получение вида на жительство и гражданства. Исследование может представлять интерес для специалистов в области миграционного права, сотрудников образовательных организаций, осуществляющих прием иностранных граждан, и самих иностранных студентов.

Ключевые слова: миграция, гражданство, миграционный учет, образование, иностранный гражданин, образовательная организация, государственная услуга.

CHUPRAKOVA Elizaveta Mikhailovna,
2nd year student of master's degree,
Faculty of Economics and Management
of the Moscow State University of Technology and Management
named after K.G. Razumovsky (PKU) (Moscow)

Scientific supervisor:
KHAIRULLIN Mars Faritovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Economics and Management,
K.G. Razumovsky Moscow State University
of Technology and Management (PKU) (Moscow)

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF MIGRATION. ENTRY AND STAY OF FOREIGN CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION WHO ARRIVED FOR THE PURPOSE OF STUDY

Annotation. *The article examines the legal and organizational aspects of public administration in the field of migration in relation to foreign citizens who come to the Russian Federation for educational purposes. The relevance of the topic is due to the continued attractiveness of the Russian educational sector for foreign students in the context of sanctions pressure, as well as the need to improve migration procedures. Based on the analysis of the provisions of federal laws (No. 115-FZ, No. 114-FZ, and No. 109-FZ) and subordinate regulations, including administrative regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the author consistently reveals all stages of the migration process: the issuance of an invitation to enter, the obtaining and renewal of a study visa, the registration of migration, as well as the mandatory procedures of fingerprint registration, photography, and medical examination. Special attention is paid to the comparative analysis of the legal status of foreign students in the temporary residence regime.*

Key words: *migration, citizenship, migration accounting, education, foreign citizen, educational organization, public service.*

Несмотря на вводимые недружественными государствами санкции в отношении Российской Федерации, наша страна остается привлекательной для иностранных граждан, желающих получить образование в Российской Федерации.

Процедуры въезда и пребывания в Российской Федерации регламентированы российским миграционным законодательством.

Иностранные граждане могут въезжать в страну как по визе, так и в безвизовом порядке в соответствии с международными соглашениями, с различными целями.

В данной работе рассмотрим все миграционные процессы как в части въезда в страну иностранных граждан по визе с целью учебы в российских образовательных организациях, так и их пребывания в процессе учебы:

1. Оформление приглашения на въезд в Российскую Федерацию,
2. Оформление визы,
3. Осуществление миграционного учета,
4. Прохождение обязательной дактилоскопической регистрации, фотографирования и медицинского освидетельствования.

Необходимо отметить, что оформление приглашения, визы, осуществление миграционного учета являются государственными услугами. За предоставление вышеуказанных государственных услуг взимается государственная пошлина.

Нормативные правовые акты:

- Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ);
- Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»;

- Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 109-ФЗ);
- Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства»;
- Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы»;
- Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче приглашений на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденным приказом МВД России от 29 сентября 2020 г. № 677 (далее – Административный регламент № 677);
- Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению, выдаче, продлению срока действия и восстановлению виз иностранным гражданам и лицам без гражданства, утвержденный приказом МВД России от 4 декабря 2019 г. № 907 (далее – Административный регламент № 907);
- Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации

по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, предоставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг, утвержденный приказом МВД России от 10 декабря 2020 г. № 856;

- Приказ МВД России от 24.05.2024 № 288 «Об утверждении порядка проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию в целях, не связанных с осуществлением трудовой деятельности, на срок, превышающий девяносто календарных дней, либо в целях осуществления трудовой деятельности, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, желающих въехать в Российскую Федерацию в указанных целях»;
- Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.11.2021 № 1079н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований наличия в организме иностранного гражданина или лица без гражданства наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и их метаболитов, на наличие или отсутствие у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), формы бланка и срока действия медицинского заключения об отсутствии факта употребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоак-

тивных веществ, а также формы, описания бланка и срока действия медицинского заключения о наличии (отсутствии) инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих».

1. Оформление приглашения на въезд в Российскую Федерацию

Для въезда в Российскую Федерацию иностранному гражданину оформляется приглашение на въезд в Российскую Федерацию. В рассматриваемом случае будущему студенту приглашение оформляется образовательной организацией, в которой иностранец планирует обучаться (ст. 17 Федерального закона № 115-ФЗ).

Перечень документов, необходимых для оформления приглашения, установлен Административным регламентом № 677 (ходатайство о выдаче приглашения, документ, удостоверяющий личность представителя образовательной организации и доверенность на него, копия паспорта приглашаемого иностранного гражданина, гарантийное письмо образовательной организации о принятии на себя обязательств по материальному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашаемого иностранного гражданина на период его пребывания в Российской Федерации, копию лицензии образовательной организации на осуществление образовательной деятельности, а также оплаченную квитанцию (в случае, если образовательная программа, по которой планирует обучение иностранный студент, не имеет государственной аккредитации).

Приглашение оформляется территориальным органом МВД России по месту постановки образовательной организации на учет в налоговом органе (например, для обучения в МГУ приглашение будет оформляться ГУ МВД России по г. Москве).

Срок оформления приглашения с момента подачи ходатайства составляет 15 рабочих дней (п. 25.4 Административного регламента № 677).

Необходимо отметить, что в рамках рассмотрения ходатайства территориальные органы МВД России осуществляют комплекс проверочных мероприятий для выявления обстоятельств, препятствующих выдаче приглашений. В случае выявления таких обстоятельств образовательной организации направляется уведомление об отказе в выдаче приглашения.

Приглашение может быть оформлено как в бумажном виде, так и в электронном (п. 125 Административного регламента № 677).

Оформленное приглашение направляется по электронным каналам связи в Консульский департамент МИД России для дальнейшей передачи консульскому загранучреждению Российской Федерации в стране проживания (пребывания) потенциального студента, а также выдается

на бумажном носителе или направляется в электронном виде образовательной организации.

2. Оформление (продление срока действия, восстановление) визы

Иностранные студенты въезжают на территорию Российской Федерации по обыкновенной учебной визе, которая выдается им дипломатическим представительством или консульским учреждением Российской Федерации на основании оформленного образовательной организацией приглашения на въезд в Российскую Федерацию на срок до 3 месяцев (ст. 25 Федерального закона № 114-ФЗ).

Иностранному гражданину, въехавшему в Российскую Федерацию для обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, обыкновенная учебная виза продлевается территориальным органом МВД России по месту постановки на учет по месту пребывания иностранного гражданина путем выдачи многократной визы на период обучения, но не более чем на 1 год для каждой последующей визы (пункт 111 Административного регламента № 907).

Документы для продления срока действия обыкновенной учебной визы должны быть представлены в территориальный орган МВД России для рассмотрения не позднее чем за двадцать рабочих дней до окончания срока действия имеющейся визы (пункт 27 Административного регламента № 907).

Оформление многократной визы осуществляется в срок не более двадцати рабочих дней с даты обращения образовательной организации в территориальный орган МВД России с запросом о предоставлении государственной услуги (п. 21 Административного регламента № 907) с приложением всех необходимых документов (визовая анкета, паспорт, ходатайство, документы, подтверждающие обучение иностранного гражданина, копии визы, миграционной карты, уведомления о постановке на учет, а также квитанция об оплате государственной пошлины) и оформленных надлежащим образом.

В ходе предоставления государственной услуги осуществляются необходимые проверки на наличие оснований для отказа в оформлении многократной визы.

Продление срока действия визы, оформленной на машиночитаемом визовом бланке, осуществляется путем вклеивания в паспорт иностранного гражданина нового машиночитаемого визового бланка либо путем выдачи вкладного визового бланка.

3. Осуществление миграционного учета

Иностранный гражданин подлежит постановке на миграционный учет в течение 7 рабочих дней со дня прибытия в место пребывания (п. 3 статьи 20 Федерального закона № 109-ФЗ).

Местом пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации может быть помещение, в котором иностранный гражданин фактически проживает, то есть регулярно использует для сна и отдыха (постановка на учет по месту пребывания иностранного гражданина в данном случае осуществляется по адресу предоставленного помещения), либо организация, по адресу которой иностранный гражданин подлежит постановке на учет по месту пребывания (в случае фактического проживания по адресу указанной организации либо в помещении указанной организации, не имеющем адресных данных (строении, сооружении), в том числе временном) (ст. 2 Федерального закона № 109-ФЗ).

В рассматриваемом случае местом пребывания как правило является общежитие образовательной организации.

В соответствии с требованиями Административного регламента № 856 для постановки на учет по месту пребывания иностранный гражданин предъявляет в образовательную организацию (принимающей стороне) паспорт, а также миграционную карту. В случае прибытия в новое место пребывания дополнительно предъявляется отрывная часть уведомления о прибытии по прежнему месту пребывания в Российской Федерации.

Образовательная организация на основании предъявленных иностранным гражданином документов заполняет бланк уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания (далее – Уведомление) и представляет указанный бланк, копии паспорта и его миграционной карты в территориальный орган МВД России.

Территориальный орган МВД России, получивший от принимающей стороны заполненное Уведомление и указанные выше копии документов, проставляет в Уведомлении отметку о его приеме и возвращает отрывную часть Уведомления принимающей стороне.

Принимающая сторона передает иностранному гражданину отрывную часть Уведомления.

Наличие у иностранного гражданина отрывной части Уведомления с проставленной отметкой подтверждает его постановку на миграционный учет.

Миграционный учет иностранных граждан осуществляется на срок действия визы (п. 1 ст. 5 Федерального закона № 115-ФЗ).

4. Прохождение обязательной дактилоскопической регистрации, фотографирование и медицинское освидетельствование

Иностранные граждане, прибывшие в Российскую Федерацию в целях, не связанных с осуществлением трудовой деятельности, на срок, превышающий девяносто календарных дней,

подлежат прохождению обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографированию в течение девяноста календарных дней со дня въезда в Российскую Федерацию (пункт 13 статьи 5 Федерального закона № 115-ФЗ), а также в указанный срок обязаны пройти медицинское освидетельствование на наличие или отсутствие факта употребления ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, предусмотренных перечнем, утвержденным Приказом № 1079н (туберкулез, лепра, сифилис), и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), в медицинских организациях, находящихся на территории Российской Федерации (пункт 18 статьи 5 Федерального закона № 115-ФЗ).

Для прохождения указанных процедур иностранные граждане предъявляют паспорт (подлежит переводу на русский язык, верность которого либо подлинность подписи переводчика должны быть нотариально засвидетельствованы в соответствии с законодательством Российской Федерации).

Иностранцам, прошедшим обязательную государственную дактилоскопическую регистрацию и фотографирование, выдается документ, подтверждающий прохождение ими обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования («зеленая карта»).

Необходимо отметить, что иностранные студенты в течение тридцати календарных дней по истечении одного года со дня прохождения ими медицинского освидетельствования обязаны повторно пройти указанное медицинское освидетельствование (пункт 19 статьи 5 Федерального закона № 115-ФЗ).

5. Разрешение на временное проживание в целях получения образования

Рассматривая тему образовательной миграции нельзя не затронуть такой миграционный статус как разрешение на временное проживание в целях получения образования – РВПО (ст. 6.2 Федерального закона № 115-ФЗ).

Это уже не пребывание, когда после завершения образования иностранный гражданин обязан покинуть Российскую Федерацию. РВПО позволяет иностранному гражданину остаться для проживания в России, получить вид на жительство и в последующем российское гражданство.

РВПО было введено Федеральным законом от 14 июля 2022 г. N 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положе-

нии иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Получить разрешение на временное проживание в целях получения образования могут иностранные граждане, проходящие обучение в государственной образовательной или государственной научной организации по очной форме по одной из следующих программ:

- программе бакалавриата, имеющей государственную аккредитацию;
- программе специалитета, имеющей государственную аккредитацию;
- программе магистратуры, имеющей государственную аккредитацию;
- программе ординатуры, имеющей государственную аккредитацию;
- программе ассистентуры-стажировки, имеющей государственную аккредитацию;
- программе подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре).

Разрешение на временное проживание в целях получения образования выдается на срок освоения иностранным гражданином образовательной программы и 180 календарных дней после дня окончания срока обучения. В течение 3 лет после обучения также можно будет в упрощенном порядке получить вид на жительство.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 109-ФЗ);
- [2] Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»;
- [3] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.01.2007 № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства»;
- [4] Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2003 г. № 335 «Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы»;
- [5] Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче приглашений на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденным приказом МВД России от 29 сентября 2020 г. № 677 (далее – Административный регламент № 677)

[6] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ);

[7] Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

References:

[1] Federal Law No. 18.07.2006 of 109-FZ “On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation” (hereinafter referred to as Federal Law No. 109-FZ);

[2] Federal Law No. 25.07.1998 of 128-FZ “On State Fingerprint Registration in the Russian Federation”;

[3] Decree of the Government of the Russian Federation No. 9 dated 15.01.2007 “On the procedure for migration registration of foreign citizens and stateless persons”;

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of June 9, 2003 No. 335 “On approval of the Regulation on the establishment of the form of the visa, the procedure and conditions for its registration and issuance, extension of its validity, its restoration in case of loss, as well as the procedure for canceling the visa”;

[5] Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of state services for the registration and issuance of invitations to enter the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons, approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 29, 2020 No. 677 (hereinafter - Administrative Regulation No. 677)

[6] Federal Law of 25.07.2002 No. 115-FZ “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation” (hereinafter - Federal Law NO. 115-FZ);

[7] Federal Law No. 114-FZ of August 15, 1996 “On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation.”

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ОСОТКИН Николай Вячеславович,
Студент 4 курса Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: nikosotkin@mail.ru

ИВАНОВ Кирилл Олегович,
Ассистент кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИ ТГУ,
e-mail: ivanov.ko.legal@mail.ru

ВТОРИЧНЫЕ САНКЦИИ: ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

Аннотация. Статья посвящена анализу вторичных санкций США как особого вида экстерриториального регулирования, не имеющего признанных оснований в международном праве. Цель работы состоит в комплексном анализе вторичных санкций как формы экстерриториального регулирования и оценке их соответствия основополагающим принципам современного международного права. Рассматривается санкционный механизм США, анализируются существующие подходы к пределам осуществления государственной юрисдикции, а также соотношение вторичных санкций с принципами международного права. Анализируется позиция ООН и Европейского союза относительно допустимости подобных мер. Актуальность темы состоит в том, что в условиях последовательной эволюции санкционного режима США анализ правовой природы вторичных санкций и их соответствия международно-правовым стандартам приобретает особое значение для формирования позиций государств, принятия ими мер противодействия и выработки доктринальных подходов к квалификации подобных практик. Сделан вывод о том, что использование государствами механизма вторичных санкций препятствует формированию обычной нормы международного права, запрещающей экстерриториальное санкционное воздействие, и свидетельствует о нарастающей фрагментации международного права.

Ключевые слова: вторичные санкции, односторонние ограничительные меры, экстерриториальность, международное право, государственная юрисдикция, экономическое принуждение.

OSOTKIN Nikolay Vyacheslavovich,
4th year student of the Law Institute of TSU

IVANOV Kirill Olegovich,
Assistant of the Department of Constitutional and
International Law Institute of TSU

SECONDARY SANCTIONS: EXTRATERRITORIAL NATURE AND COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL LAW

Annotation. The article analyses US secondary sanctions as a distinct form of extraterritorial regulation lacking recognised grounds under international law. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis of secondary sanctions as a form of extraterritorial regulation and to assess their compatibility with the fundamental principles of contemporary international law. The US sanctions mechanism is examined, existing approaches to the limits of state jurisdiction are analysed, and the relationship between secondary sanctions and the principles of international law is considered. The positions of the United Nations and the European Union on the admissibility of such measures are assessed. The relevance of the topic lies in the fact that, against the backdrop of the continuous evolution of the US sanctions regime, the analysis of the legal nature of secondary sanctions and their compliance with international legal standards is of particular importance for shaping state positions, developing countermeasures, and elaborating doctrinal approaches to the qualification of such practices. It is concluded that the use of secondary sanctions mechanisms by states impedes the formation of a customary norm of international law prohibiting extraterritorial sanctions and reflects the growing fragmentation of international law.

Key words: *secondary sanctions, unilateral restrictive measures, extraterritoriality, international law, state jurisdiction, economic coercion.*

Введение

Практика применения ограничительных мер переживает период существенной трансформации: если исторически санкционный инструментарий концептуально связывался с механизмами коллективной безопасности ООН, то в последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к расширению односторонних мер – прежде всего со стороны США. Особое место среди них занимают вторичные санкции – ограничительные меры, адресованные третьим лицам, вступающим в экономическое взаимодействие с непосредственными объектами санкционного воздействия. Данный инструмент ставит перед международным правом принципиальные вопросы о пределах государственной юрисдикции, допустимости экономического принуждения и соответствии подобных мер основополагающим принципам международного права.

Вторичные санкции США как форма экстерриториального регулирования

Прежде чем перейти к анализу санкционной системы США, необходимо определить место вторичных санкций в общей системе односторонних ограничительных мер и установить их соотношение с коллективными механизмами международного права. В настоящей работе под односторонними ограничительными (односторонними санкциями) понимаются экономические, торговые или иные меры, вводимые без одобрения Совета безопасности ООН государствами и группами государств (государствами-инициаторами), действующими самостоятельно, против другого государства (государства-мишени) и их лиц в целях его принуждения к изменению политики или оказания давления на отдельных лиц, группы или организации в затрагиваемых государствах, с тем чтобы повлиять на их поведение.

В современном международном праве применение ограничительных мер традиционно связывается с механизмами коллективной безопасности, закрепленными в рамках Организации Объединенных Наций, и прежде всего с деятельностью Совета Безопасности ООН, обладающего, в соответствии со ст. 39–41 Устава ООН, исключительной компетенцией по принятию обязательных для государств решений в целях поддержания международного мира и безопасности. Такая институционализация санкций обеспечивает их соответствие основополагающим принципам международного права, включая суверенное равенство государств и невмешательство во внутренние дела.

В доктрине высказывается позиция, согласно которой правомерные санкции в международном праве в самом общем виде следует рассматривать как систему принудительных мер политического, торгово-экономического, управленческого и пропагандистско-идеологического характера, применяемых Советом Безопасности ООН в установленных процессуальных формах по отношению к государству (к части территории, определенным отраслям и компаниям, физическим лицам), которое отказывается исполнять обязанности, вытекающие из правоотношений международной ответственности [9, с. 3], [10, с. 113].

Вместе с тем в последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к расширению практики применения односторонних ограничительных мер, наиболее последовательно реализуемой США. В отличие от коллективной модели применения ограничительных мер, реализуемой в соответствии с разделом VII Устава ООН, санкционная политика США представляет собой автономную систему регулирования, основанную на национальном праве и обладающую значительным транснациональным воздействием.

Особенностью санкционного режима США является его тесная связь с глобальной финансовой системой: контроль над финансовой инфраструктурой позволяет США обеспечивать трансграничное воздействие своих санкций [15, с. 42, 56].

Правовой статус односторонних ограничительных мер остается дискуссионным: с одной стороны, международное право не содержит универсального запрета на их применение, с другой – такие меры должны соответствовать общим принципам международного права и не нарушать пределы осуществления государственной юрисдикции [14, с. 456–486], [18, с. 170–181]. В этой связи особое значение приобретает вопрос о наличии юрисдикционной связи как условия допустимости применения национального права. В соответствии с общепризнанными подходами, государство вправе распространять свое регулирование на соответствующие отношения лишь при наличии достаточной связи, основанной на территориальном, национальном или ином признанном принципе юрисдикции. Отсутствие такого основания рассматривается как признак экстерриториального применения права.

В рамках санкционной системы США принято различать первичные и вторичные санкции. Первичные санкции направлены на ограничение

взаимодействия между лицами из государства-мишени и субъектами, находящимися в правовой связи с государством-инициатором («US persons»), и в целом не вызывают существенных возражений с точки зрения международного права. Вторичные санкции предполагают ограничительные меры к лицам из третьих стран по основаниям сотрудничества с санкционной юрисдикцией, связи с подсанкционными лицами и нарушения иных ограничительных мер.

В настоящее время в США действует множество санкционных программ в отношении отдельных стран или регионов. Нормативную основу санкционного режима составляют, в частности, Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA), а также ряд специализированных актов, включая Закон о противодействии врагам Америки посредством санкций (CAATSA), Закон о защите энергетической безопасности Европы (PEESA) и др. В качестве правового основания для применения вторичных санкций США в рамках санкционной программы в отношении Российской Федерации можно выделить исполнительные указы Президента США №14024, 14045, 13660, 13661, 13662 и 13685. В каждом из них нормативно закреплён механизм вторичных санкций, все они внесены в федеральное законодательство посредством Закона о противодействии врагам Америки посредством санкций (CAATSA) [12, с. 9].

Показательно, что данные акты содержат обоснование применения ограничительных мер к государству-мишени и его субъектам – как правило, со ссылкой на угрозу национальной безопасности или внешней политике США. Такое обоснование носит сугубо односторонний характер и значимо лишь с точки зрения внутреннего права государства-инициатора, однако оно, по крайней мере, присутствует. Принципиально иначе обстоит дело с механизмом вторичных санкций: ограничения, адресованные субъектам третьих государств, в тех же нормативных актах не сопровождаются сколько-нибудь самостоятельным правовым обоснованием. Фактически единственным подразумеваемым основанием служит противодействие обходу первичных санкций – то есть стремление обеспечить эффективность собственного санкционного режима.

Между тем данное основание не выдерживает критики. С содержательной точки зрения борьба с обходом санкций предполагает, что иностранный субъект изначально обязан соблюдать американские санкционные нормы, тогда как эта обязанность является предметом спора. Таким образом, механизм вторичных санкций лишен самостоятельного правового обоснования даже в том минимальном – одностороннем и субъек-

тивном – смысле, в каком оно присутствует применительно к первичным санкциям.

Первичные санкции и их регулятивное воздействие – ограничение взаимодействия с государством-мишенью (его лицами) – распространяются на всех «US persons». К ним относятся граждане, постоянные резиденты, юридические лица, созданные по законодательству США (включая их зарубежные филиалы) – персональный критерий, а также любые лица, физически находящиеся на территории страны – территориальный критерий. Иностранные лица, не имеющие прямых связей с США, также могут вовлекаться в сферу действия американского санкционного регулирования через использование долларовой системы расчетов, которая в ряде случаев рассматривается как создающая юрисдикционную связь с США. Так, расчеты в долларах между двумя иностранными банками рассматриваются администрацией США и некоторыми федеральными судами как экспорт услуг из США, в связи с тем, что такие операции проходят через корреспондентские счета в американских банках [17, с. 7].

Вторичные санкции применяются при отсутствии территориальной и национальной юрисдикционной связи. Они нацелены на иностранных лиц, находящихся за пределами территории США и взаимодействующих с лицами из государства-мишени. В качестве замены они формируют для иностранных субъектов ситуацию вынужденного выбора: продолжение экономического взаимодействия с подсанкционными лицами становится сопряжено с риском утраты доступа к финансовой системе США и долларovým расчетам. Такой выбор носит не формально-юридический, а экономически принудительный характер, поскольку отказ от доступа к указанным ресурсам фактически означает существенное ограничение хозяйственной деятельности.

Ключевым элементом правовой оценки вторичных санкций США является их экстерриториальный характер, выражающийся в распространении действия национального законодательства на лиц и отношения, формально не связанные с юрисдикцией данного государства. В международном праве вопрос о пределах осуществления государственной юрисдикции традиционно решается через систему признанных принципов, определяющих допустимые основания для ее установления и реализации. К числу таких оснований относятся, прежде всего, территориальный и национальный (личный) принципы юрисдикции.

Представляется, что применительно к санкционному праву целесообразно выделить три уровня юрисдикционной привязки, образующих самостоятельную типологию. Первый – классиче-

ская юрисдикция, основанная на территориальном и персональном принципах и охватывающая первичные санкции. Второй – расширенная юрисдикция через финансовую инфраструктуру, при которой юрисдикционная связь устанавливается, в том числе, через использование долларовой системы расчетов и корреспондентских счетов в американских банках; данный уровень остается дискуссионным, однако имеет определенное доктринальное обоснование. Третий – юрисдикция через экономическое принуждение, при которой никакой правовой связи между регулирующим государством и адресатом нормы не существует, а подчинение достигается исключительно угрозой экономических потерь. Вторичные санкции США в их нынешнем виде относятся именно к третьему типу, что принципиально отличает их от любых признанных международным правом оснований юрисдикции и позволяет квалифицировать как явление, выходящее за пределы допустимого регулирования. Представляется обоснованным согласиться с выводом о том, что экстерриториальное действие санкционного законодательства США не может считаться оправданным, даже если сослаться на расширительные трактовки оснований для экстерриториальности [11, с. 36]. Вторичные санкции США не столько реализуют существующие принципы юрисдикции, сколько формируют их фактическую замену – юрисдикцию через экономическое принуждение.

Проблема совместимости вторичных санкций с международным правом

Несмотря на отсутствие в международном праве универсального запрета на односторонние ограничительные меры, их экстерриториальное применение и механизм обеспечения их исполнения требует оценки их соответствия совокупности норм и принципов, составляющих основу международного правопорядка.

Прежде всего, необходимо рассмотреть принцип невмешательства во внутренние дела государств, отраженный в п. 7 ст. 2 Устава ООН и в более широком плане сформулированный в Декларации о принципах международного права [1]. В соответствии с Декларацией «ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства». Также «ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ». В то же время механизм вторичных санкций, предпола-

ющий оказание давления на третьи государства и их хозяйствующие субъекты с целью изменения их экономического поведения, по своей сути направлен именно на достижение подобного результата.

Необходимо также учитывать принцип сотрудничества государств, который предполагает развитие международных экономических отношений на основе недискриминации и взаимного уважения. Согласно данному принципу, государства осуществляют свои международные отношения, в том числе в экономической области, в соответствии с принципами суверенного равенства и невмешательства [1]. Применение вторичных санкций, основанных на угрозе ограничения доступа к финансовой системе США и глобальным долларovým расчетам, фактически препятствует нормальному осуществлению международного экономического сотрудничества и ставит государства и их хозяйствующие субъекты в неравное положение в зависимости от их отношения к санкционной политике США.

Важным является и то обстоятельство, что в рамках системы органов ООН неоднократно выражалась позиция о недопустимости и неправомерности односторонних экономических мер. Так, данная позиция закреплена в ст. 32 Хартии экономических прав и обязанностей государств, в соответствии с которой, ни одно государство не может применять по отношению к другому государству или поощрять применение экономических, политических или каких-либо других мер принудительного характера, направленных на ущемление его суверенных прав или на извлечение из этого какой-либо выгоды [2].

Данная позиция получила дальнейшее развитие в практике Генеральной Ассамблеи ООН, которая неоднократно призывала государства воздерживаться от применения односторонних экономических мер, не соответствующих международному праву и подрывающих экономическое развитие других государств. В резолюциях 76/161 и 77/214 односторонние экономические меры с экстерриториальными последствиями квалифицируются как нарушение принципов Устава ООН, подчеркивается их негативное воздействие на суверенитет государств и недопустимость их использования в качестве инструмента давления [3], [4]. Аналогичная оценка закреплена в Резолюции Совета по правам человека ООН 27/21 «Права человека и односторонние принудительные меры» [5].

Таким образом, совокупный анализ актов органов ООН, несмотря на их рекомендательный характер, позволяет говорить о формировании устойчивой международной позиции, в рамках которой односторонние принудительные эконо-

мические меры, особенно обладающие экстерриториальным характером, рассматриваются как несовместимые с основополагающими принципами международного права.

Европейский союз также последовательно выступает против экстерриториальных санкций: в официальном объяснении позиции при голосовании по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об эмбарго США в отношении Кубы ЕС прямо указал на несовместимость подобных мер с общепринятыми нормами международной торговли [8]. Ключевым элементом институциональной реакции ЕС является «блокирующий статут», запрещающий европейским компаниям исполнять требования иностранных санкционных режимов, не признанных ЕС, и наделяющий их правом требовать возмещения убытков [6].

Вместе с тем в рамках санкционной политики в отношении Российской Федерации Европейский союз продемонстрировал определенную эволюцию подхода. В частности, с принятием Регламента (ЕС) 2022/1905 были расширены критерии включения лиц в санкционные списки, включая возможность применения ограничительных мер к субъектам, способствующим обходу санкционных режимов, вне зависимости от их юрисдикционной принадлежности [7]. Данная трансформация в научной литературе оценивается как свидетельство постепенного сближения санкционного режима Европейского союза с логикой вторичных санкций [8, с. 226], [5, с. 10-12].

Описанная «эволюция» позиции Европейского союза не является случайной непоследовательностью, а представляет собой закономерное проявление более широкого процесса – фрагментации международного права под давлением санкционной конкуренции. В условиях, когда экстерриториальные санкции демонстрируют практическую эффективность как инструмент внешнеполитического воздействия, государства, в том числе последовательно критиковавшие подобные практики, оказываются перед выбором между нормативной последовательностью и прагматической адаптацией. Избирая второе, они тем самым участвуют в постепенном размывании классических принципов юрисдикции. Это обстоятельство имеет существенное значение для оценки перспектив формирования обычной нормы международного права, запрещающей экстерриториальные санкции: распространение подобных практик среди все большего числа государств препятствует признанию всеобщей практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*), поскольку государства, заимствующие логику вторичных санкций, тем самым имплицитно признают их допустимость.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно правовой природы вторичных санкций США, механизма их реализации и их соответствия основополагающим принципам международного права.

Вторичные санкции представляют собой качественно иной тип регулирования по сравнению как с коллективными санкционными механизмами ООН, так и с классическими односторонними ограничительными мерами – юридические критерии юрисдикции фактически подменяются экономической силой, что не имеет оснований в международном праве.

Анализ совместимости вторичных санкций с международно-правовыми принципами подтверждает их проблемный характер. Механизм их реализации – принуждение третьих государств и их хозяйствующих субъектов к изменению экономического поведения под угрозой отключения от долларовой финансовой системы – противоречит принципам невмешательства во внутренние дела и сотрудничества государств на основе суверенного равенства и недискриминации. Устойчивая практика органов ООН последовательно квалифицирует подобные меры как несовместимые с основополагающими принципами международного права.

Позиция Европейского союза в этом отношении согласуется с практикой ООН и носит системный характер. Вместе с тем определенная «эволюция» этого подхода представляет собой не отказ от принципиальной позиции, а проявление более широкого процесса – фрагментации международного права под давлением санкционной конкуренции. Государства, заимствующие логику вторичных санкций, тем самым имплицитно признают их допустимость, что препятствует формированию *opinio juris* и осложняет складывание обычной нормы, запрещающей экстерриториальное санкционное воздействие.

В условиях продолжающегося расширения санкционных режимов и вовлечения в их орбиту все более широкого круга субъектов из третьих государств обозначенные проблемы приобретают не только теоретическое, но и непосредственное практическое измерение. Дальнейшая разработка критериев допустимости экстерриториальных санкций, а также поиск механизмов их ограничения на уровне международно-правового регулирования остаются актуальными задачами для доктрины международного права.

Список литературы:

[1] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объеди-

ненных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года.

[2] Хартия экономических прав и обязанностей государств. Принята резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 года.

[3] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 16 декабря 2021 года №76/161. Права человека и односторонние принудительные меры.

[4] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 15 декабря 2022 года №77/214. Права человека и односторонние принудительные меры.

[5] Резолюция Совета по правам человека ООН №27/21. Права человека и односторонние принудительные меры.

[6] Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom.

[7] Council Regulation (EU) 2022/1905 of 6 October 2022 amending Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine.

[8] EU Explanation of Vote: UN General Assembly Resolution on the embargo imposed by the USA against Cuba.

[9] Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Московский государственный институт международных отношений. М, 2021. – 22 с.

[10] Охотский Е. В., Камолов С. Г. Правовой базис и юридическая «обоснованность» экстерриториальности международных экономических санкций против России / Е. В. Охотский, С. Г. Камолов // Государства и право. 2020. № 1. С. 111–122.

[11] Терри П.С. Проведение в жизнь внешней политики США путем наложения односторонних вторичных санкций: работает ли право сильного в международном публичном праве? // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 25–55.

[12] Тимофеев И.Н. Вторичные санкции на российском направлении: опыт США, ЕС и Британии // Современная Европа. 2025. № 4. С. 5–17.

[13] Bismuth R. The New Frontiers of European Sanctions and the Grey Areas of International Law // *Revue Européenne du Droit*. 2023. Vol. 4. С. 8–13.

[14] Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*, 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2016. С. 803.

[15] Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // *International Security*. 2019. Vol. 44. No. 1. С. 42–79.

[16] Giumell F. A Comprehensive Approach to Sanctions Effectiveness: Lessons Learned from Sanctions on Russia // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2024. Vol. 30. С. 211–228.

[17] Lohmann S. Extraterritorial U.S. Sanctions. Only Domestic Courts Could Effectively Curb the Enforcement of U.S. Law Abroad // *SWP Comment*. 2019/C 05. С. 8.

[18] Lowe V. *International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2007. С. 298.

References:

[1] Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in Accordance with the Charter of the United Nations. Adopted by UN General Assembly resolution 2625 (XXV) of October 24, 1970.

[2] Charter of Economic Rights and Duties of States. Adopted by UN General Assembly resolution 3281 (XXIX) of December 12, 1974.

[3] Resolution No. 76/161 adopted by the General Assembly on 16 December 2021. Human rights and unilateral coercive measures.

[4] Resolution No. 77/214 adopted by the General Assembly on 15 December 2022. Human rights and unilateral coercive measures.

[5] United Nations Human Rights Council Resolution No. 27/21. Human rights and unilateral coercive measures.

[6] Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom.

[7] Council Regulation (EU) 2022/1905 of 6 October 2022 amending Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine.

[8] EU Explanation of Vote: UN General Assembly Resolution on the embargo imposed by the USA against Cuba.

[9] Kritsky K.V. Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law: author. dis.... cand. jur. Sciences/Moscow State Institute of International Relations. M, 2021. – 22 s.

[10] Okhotsky E.V., Kamolov S.G. Legal basis and legal “validity” of extraterritoriality of international economic sanctions against Russia/ E.V. Okhotsky, S. G. Kamolov//States and law. 2020. № 1. S. 111-122.

[11] Terry P.S. Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Does Strong Law Work in Public International Law ?//Bulletin of International Organizations. 2022. VOL. 17. № 1. S. 25-55.

[12] Timofeev I.N. Secondary sanctions in the Russian direction: the experience of the USA, EU and Britain//Modern Europe. 2025. № 4. S.5-17.

[13] Bismuth R. The New Frontiers of European Sanctions and the Grey Areas of International Law // Revue Européenne du Droit. 2023. Vol. 4. C. 8–13.

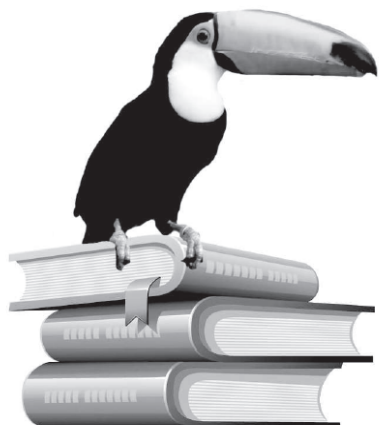
[14] Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law, 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2016. C. 803.

[15] Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. No. 1. C. 42–79.

[16] Giumell F. A Comprehensive Approach to Sanctions Effectiveness: Lessons Learned from Sanctions on Russia // European Journal on Criminal Policy and Research. 2024. Vol. 30. C. 211–228.

[17] Lohmann S. Extraterritorial U.S. Sanctions. Only Domestic Courts Could Effectively Curb the Enforcement of U.S. Law Abroad // SWP Comment. 2019/C 05. P. 8.

[18] Lowe V. International Law. Oxford: Oxford University Press, 2007. S. 298.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ШУМАКАЕВА Софья Елтаевна,
старший руководитель проекта
Департамента транспорта и развития дорожно-
транспортной инфраструктуры города Москвы,
e mail: shumakaevase@transport.mos.ru

МОНОПОЛИЗАЦИЯ ЦИФРОВОЙ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ РИСКОВ ЗАКОНОПРОЕКТА № 1254384-8

Аннотация. В статье анализируются отдельные положения законопроекта № 1254384-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О почтовой связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятого Государственной Думой в первом чтении 24 июня 2026 года. На основе анализа нормативных положений законопроекта, заключений профильных комитетов Государственной Думы и экспертных оценок выявляются конкурентные риски, связанные с установлением монопольного положения АО «Почта России» на рынке доставки юридически значимых сообщений в электронной форме и платежных документов. Особое внимание уделяется противоречиям законопроекта конституционным гарантиям поддержки конкуренции, принципам функционирования государственных информационных систем, а также ранее установленным законодательным запретам. Обосновывается необходимость корректировки законопроекта в целях соблюдения баланса между мерами поддержки организации федеральной почтовой связи и защитой конкурентной среды.

Ключевые слова: почтовая связь, конкуренция, монополия, электронные почтовые отправления, цифровые почтовые ящики, Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства, реклама, законопроект № 1254384-8, «Почта России».

SHUMAKAEVA Sofya Eltaevna,
Senior Project Manager
of the Department of Transport and Development
of Road Transport Infrastructure of the city of Moscow

MONOPOLIZATION OF DIGITAL POSTAL COMMUNICATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: AN ANALYSIS OF COMPETITIVE RISKS OF DRAFT LAW NO. 1254384-8

Annotation. The article analyzes certain provisions of Draft Law No. 1254384-8 “On Amendments to the Federal Law ‘On Postal Communications’ and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”, adopted by the State Duma in the first reading on June 24, 2026. Based on the analysis of the regulatory provisions of the draft law, the conclusions of the specialized committees of the State Duma and expert assessments, the competitive risks associated with establishing the monopoly position of JSC “Post of Russia” in the market for delivery of legally significant electronic messages and payment documents are identified. Particular attention is paid to the contradictions of the draft law with the constitutional guarantees of competition support, the principles of operation of state information systems, as well as previously established legislative prohibitions. The necessity of adjusting the draft law in order to maintain a balance between support measures for the federal postal organization and the protection of the competitive environment is substantiated.

Key words: postal communications, competition, monopoly, electronic postal items, digital mailboxes, State Information System for Housing and Communal Services, advertising, Draft Law No. 1254384-8, “Post of Russia”.

24 июня 2026 года Государственная Дума
Федерального Собрания Российской Федерации
приняла в первом чтении законопроект №

1254384-8 «О внесении изменений в Федераль-
ный закон «О почтовой связи» и отдельные зако-
нодательные акты Российской Федерации» [9].

Законопроект, внесенный Правительством Российской Федерации 8 июня 2026 года, направлен на реализацию мер поддержки АО «Почта России».

Законопроектом предусматривается внесение изменений в Федеральный закон от 17 июля 1999 года № 176-ФЗ «О почтовой связи», Жилищный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» и другие законодательные акты. Ключевые новации включают определение статуса информационной системы организации федеральной почтовой связи, обеспечивающей пересылку почтовых отправлений в электронной форме (электронной почтовой системы), создание цифровых почтовых ящиков для юридических и физических лиц, регулирование направления платежных документов в электронной форме, а также использование абонентских почтовых шкафов в многоквартирных домах.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в заключении Комитета Государственной Думы по защите конкуренции [10], отдельные положения законопроекта создают существенные риски для конкурентной среды.

В настоящей статье подвергаются анализу те положения законопроекта, реализация которых с высокой степенью вероятности повлечет ограничение или устранение конкуренции на соответствующих товарных рынках.

Статья 8 Конституции Российской Федерации гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности. Статья 34 Конституции РФ запрещает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Указанные конституционные положения образуют нормативную основу для оценки любого законопроекта, затрагивающего условия осуществления предпринимательской деятельности. Как подчеркивается в юридической литературе, конституционная гарантия поддержки конкуренции предполагает обязанность законодателя при принятии нормативных правовых актов учитывать их воздействие на состояние конкурентной среды и не допускать установления необоснованных преимуществ для отдельных хозяйствующих субъектов.

Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» конкретизирует конституционные положения, устанавливая запрет на монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, а также определяя полномочия антимонопольного органа по пресечению нарушений антимонопольного зако-

нодательства. В сфере почтовой связи особое значение имеет соблюдение баланса между регулированием деятельности субъектов естественных монополий и развитием конкурентных отношений в тех сегментах, где конкуренция технологически возможна и экономически целесообразна.

Законопроект (новая статья 32¹ Закона о почтовой связи в редакции законопроекта) устанавливает обязанность государственных органов направлять юридически значимые сообщения адресатам исключительно через новую электронную почтовую систему АО «Почта России». Указанная норма фактически лишает государственные органы и их контрагентов возможности использовать альтернативные каналы связи, включая операторов почтовой связи, способных технологически интегрироваться с Единым порталом государственных услуг для доставки корреспонденции в форме электронного документа.

Как следует из пояснений Министра цифрового развития Максута Шадаева [11], в настоящее время «в городах доставка заказных писем уходит к коммерческим организациям, которые в городах имеют меньшие затраты, а доставкой в удаленные населенные пункты занимается «Почта России»». При этом «Почта России» не может отказаться от заключения контрактов на доставку в экономически менее привлекательные сегменты. Однако, справедливо отмечает Комитет Госдумы по защите конкуренции, закрепление обязанности пользоваться услугами только одной организации представляет собой чрезмерное ограничение конкуренции.

По экспертным оценкам, на которые ссылается Комитет, принятие данной нормы приведет к прекращению деятельности более 200 альтернативных операторов почтовой связи, которые специализируются в основном на пересылке заказной корреспонденции юридических лиц и государственных заказчиков. Комитет предлагает исключить эту норму из законопроекта.

Следует также отметить, что услуги общедоступной почтовой связи относятся к сфере естественно-монопольных видов деятельности, связанных с использованием инфраструктуры, не имеющей альтернатив. Однако, как обоснованно указывается в научной литературе, распространение режима естественной монополии на услуги по доставке электронных документов представляется методологически неверным, поскольку рынок электронного взаимодействия является конкурентным и технологически динамичным.

В отличие от физической почтовой инфраструктуры, создание которой требует значительных капитальных вложений и характеризуется

экономией от масштаба, рынок электронных коммуникаций допускает наличие множества независимых участников при относительно низких барьерах входа.

Показательно, что Федеральная антимонопольная служба уже выявляла нарушения АО «Почта России» антимонопольного законодательства:

как субъект естественной монополии компания обязана предоставлять доступ к инфраструктуре общедоступной почтовой связи частным операторам, однако, по данным ФАС, «Почта России» ограничила доступ частных почтовых операторов к своей информационной системе, злоупотребив доминирующим положением на рынке. Законопроект в представленной редакции рискует легализовать и усугубить подобные практики.

Положения законопроекта, обязывающие осуществлять отправку любых юридически значимых уведомлений через электронную систему

АО «Почта России», возлагают на бюджеты субъектов Российской Федерации дополнительные расходы. Подведомственные организации органов власти субъектов Российской Федерации реализуют свои государственные полномочия, в том числе через направление официальных разъяснений и ответов в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Создаваемые законопроектом цифровые почтовые ящики требуют внесения ежемесячной платы на их обслуживание. От уплаты таких взносов освобождены органы власти и организации, осуществляющие публичные полномочия в соответствии с федеральным законодательством. При этом ни пояснительная записка к законопроекту, ни отдельные положения самого законопроекта не уточняют, должно ли полномочие такой организации быть связано непосредственно с рассылкой юридически значимых уведомлений.

Ввиду изложенного представляется обоснованным предложение об исключении платы за цифровой почтовый ящик для организаций, подведомственных органам власти субъектов Российской Федерации, независимо от реализуемых ими публичных функций во исполнение федерального законодательства. В противном случае законопроект создаст неоправданное финансовое бремя для региональных бюджетов.

Статьей 5 законопроекта вносятся изменения в часть 10.3 статьи 5 Федерального закона «О рекламе», согласно которым предусматривается возможность размещения рекламы на платежных документах, доставляемых организацией федеральной почтовой связи.

Федеральным законом от 3 апреля 2018 года № 61-ФЗ были внесены изменения в статью 5 Закона о рекламе, запрещающие размещение рекламы на платежных документах для внесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги, в том числе на оборотной стороне таких документов (за исключением социальной рекламы и справочно-информационных сведений). Данный запрет был введен в связи с многочисленными жалобами граждан на засилье рекламной информации на платежных документах, предназначенных для оплаты коммунальных услуг и содержания жилого помещения.

Как отмечает Комитет Госдумы по защите конкуренции, допущение размещения рекламы на платежных документах дает организациям федеральной почтовой связи необоснованное преимущество на рынке рекламы. Ситуацию усугубляет предлагаемое ограничение на использование абонентских почтовых шкафов в многоквартирных домах. Комитет напоминает, что запрет на рекламу на документах для оплаты жилья и коммунальных услуг введен ради защиты права граждан на получение нужной им информации и недопущения ее смешения с рекламой.

Представляется, что возврат к ранее запрещенной практике размещения рекламы на платежных документах является шагом назад в части защиты прав потребителей. В целях экономии печатного места для размещения рекламы вся установленная к размещению обязательная информация печатается мелким шрифтом и становится нечитаемой для отдельных категорий граждан, в том числе пенсионеров и людей с нарушением зрения.

Считаем необходимым отметить следующее. ПАО Сбербанк России и Банк ВТБ (ПАО) обслуживают более 130 млн клиентов. Цифровые сервисы банков позволяют оперативно информировать граждан о штрафах и иных юридически значимых событиях, однако в настоящее время такие уведомления не имеют статуса надлежащих согласно положениям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Кроме того, пользователям уже направляются уведомления через российские мессенджеры и цифровые сервисы, при этом некоторые из них уже позволяют выполнять различные юридически значимые действия (например, подтвердить возраст или осуществлять денежные переводы). Вместе с тем, как отмечалось выше, данные уведомления не признаются в качестве надлежащего уведомления по требованиям КоАП РФ.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность направления кор-

респонденции в форме электронного документа с использованием российских мессенджеров и (или) цифровых сервисов государственных банков наряду с электронной почтовой системой АО «Почта России». Такой подход позволил бы сохранить конкурентную среду в сфере электронного взаимодействия и предоставить гражданам и организациям возможность выбора наиболее удобного канала получения юридически значимых сообщений. Для реализации данного подхода потребуются внесение соответствующих изменений в КоАП РФ.

Проведенный анализ отдельных положений законопроекта № 1254384-8 позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, законопроект в представленной редакции устанавливает монопольное положение АО «Почта России» на рынке доставки юридически значимых сообщений в электронной форме, что противоречит конституционным гарантиям поддержки конкуренции (ст. 8 Конституции РФ) и запрету экономической деятельности, направленной на монополизацию (ст. 34 Конституции РФ). Указанная норма создает необоснованные барьеры для альтернативных операторов почтовой связи и может привести к прекращению деятельности более 200 хозяйствующих субъектов.

Во-вторых, законопроект возлагает дополнительные финансовые обязательства на бюджеты субъектов Российской Федерации в связи с необходимостью оплаты обслуживания цифровых почтовых ящиков, при этом критерии освобождения от такой платы сформулированы нечетко.

В-третьих, законопроект отменяет ранее установленный Федеральным законом № 61-ФЗ запрет на размещение рекламы на платежных документах, что создает необоснованные преимущества для АО «Почта России» на рынке рекламы и ущемляет права граждан на получение полной и доступной информации.

Развитие альтернативных каналов электронного взаимодействия, включая цифровые сервисы государственных банков и российские мессенджеры, могло бы обеспечить конкурентную среду на рынке доставки юридически значимых сообщений при условии внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство.

На основании изложенного представляется необходимым рекомендовать доработку законопроекта ко второму чтению в части исключения положений, устанавливающих монопольное положение

АО «Почта России», приведения законопроекта в соответствие с принципами функциониро-

вания ГИС ЖКХ, а также сохранения действующего запрета на размещение рекламы на платежных документах.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Ст. 8, 34.

[2] Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3697.

[3] Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» (ред. от 23 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 34. – Ст. 3426.

[4] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3434.

[5] Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4210.

[6] Федеральный закон от 3 апреля 2018 г. № 61-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 38 Федерального закона «О рекламе»» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 15. – Ст. 2036.

[7] Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Ст. 25.15.

[9] Законопроект № 1254384-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О почтовой связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1254384-8> (дата обращения: 24.06.2026).

[10] Заключение Комитета Государственной Думы по защите конкуренции на законопроект № 1254384-8 // Интерфакс. – 2026. – 17 июня.

[11] Шадаев М. И. Выступление на заседании Комитета Госдумы по информационной политике 23 июня 2026 г. // Интерфакс. – 2026. – 23 июня.

[12] Обухов С. П. Интервью RTVI ««Оплатят люди»: в Госдуме оценили новую монополию «Почты России»» // RTVI. – 2026. – 23 июня.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Art. 8, 34.

[2] Federal Law of July 17, 1999 No. 176-FZ "On Postal Services" (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – № 29. – Art. 3697.

[3] Federal Law of August 17, 1995 No. 147-FZ "On Natural Monopolies" (as amended on March 23, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 34. – Art. 3426.

[4] Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ "On Protection of Competition" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (part 1). – Art. 3434.

[5] Federal Law of July 21, 2014 No. 209-FZ "On the State Information System of Housing and Communal Services" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 30 (part 1). – Art. 4210.

[6] Federal Law of April 3, 2018 No. 61-FZ "On Amendments to Articles 5 and 38 of the Federal Law"

On Advertising" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – № 15. – Art. 2036.

[7] Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 19. – Art. 2060.

[8] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001. Art. 25.15.

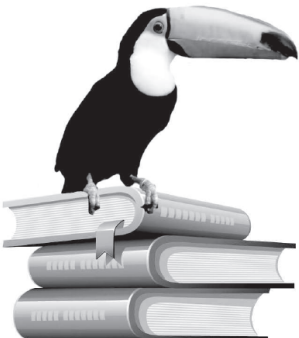
[9] Bill No. 1254384-8 "On Amendments to the Federal Law "On Postal Communications" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation "System for Ensuring Legislative Activities of the State Automated System" Lawmaking. " - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1254384-8> (access date: 24.06.2026).

[10] Conclusion of the State Duma Committee for the Protection of Competition on Bill No. 1254384-8 // Interfax. – 2026. – June 17.

[11] Shadayev M.I. Speech at a meeting of the State Duma Committee on Information Policy on June 23, 2026 // Interfax. – 2026. – June 23.

[12] Obukhov S.P. Interview RTVI "People will pay": the State Duma appreciated the new monopoly of Russian Post // RTVI. – 2026. – June 23.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ХАРЧЕНКО Борис Владимирович,
студент,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ВЕРЕЩАГИН Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор,
Владивостокский государственный университет (г. Владивосток),
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРИОБРЕТЕННОГО РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье сделана попытка анализа полномочий и правоприменительной практики органов исполнительной власти Российской Федерации в сфере прекращения приобретенного гражданства на основании Федерального закона от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Автор рассматривает данный институт как инструмент защиты государственного суверенитета посредством юридической ответственности за посягательства на общественную и государственную безопасность. В статье обосновывается необходимость совершенствования понятийного аппарата миграционного законодательства и предлагаются пути решения проблем, связанных с данной сферой конституционных и административных правоотношений.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, миграция, административная ответственность, правоприменительная практика, правовая коллизия, трудящиеся – мигранты.

KHARCHENKO Boris Vladimirovich,
student

Scientific supervisor:
VERESHCHAGIN Sergey Grigorievich,
Doctor of Political Science, Candidate of Law, Professor,
Vladivostok State University (Vladivostok)

LEGAL GROUNDS AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF TERMINATION OF ACQUIRED RUSSIAN CITIZENSHIP BY EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article attempts to analyze the powers and law enforcement practice of the executive authorities of the Russian Federation in the field of termination of acquired citizenship on the basis of Federal Law of 28.04.2023 No. 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation." The author considers this institution as a tool for protecting state sovereignty through legal liability for attacks on public and state security. The article justifies the need to improve the conceptual framework of migration legislation and proposes ways to solve problems related to this area of constitutional and administrative legal relations.

Key words: executive authorities, migration, administrative responsibility, law enforcement practice, legal conflict, workers - migrants.

Правовые основания приобретения и прекращения гражданства иностранными гражданами, могут значительно отличаться друг от друга в силу исторических, политических, экономических и иных факторов.

В российском праве термин «лишение гражданства» официально не используется, так как Конституция РФ (ст. 6) прямо запрещает лишать лицо конституционного статуса гражданина РФ. Вместо этого применяется процедура прекраще-

ния приобретенного гражданства, которая касается лиц, принятых в гражданство.

Ст. 71-73 Конституции РФ распределяют полномочия, которые находятся в ведении Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации, тем самым закрепляя за ними делегированную компетенцию.

Сложная природа миграции охватывает сразу несколько сфер: регулирование прав и свобод, вопросы гражданства, внешнюю политику и государственную безопасность - всё это находится в исключительной компетенции РФ. С другой стороны, миграционные процессы неразрывно связаны с защитой прав человека и обеспечением правопорядка. Согласно статье 72 Конституции, указанные аспекты относятся к совместному ведению, что дает субъектам РФ право участвовать в реализации миграционной политики и регулировании соответствующих отношений на местах [1].

В России процедура прекращения приобретенного гражданства регулируется ст. 22 Федерального закона от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Ст. 22 Федерального закона от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» прекращает гражданство РФ по следующим основаниям:

- добровольное волеизъявление гражданина РФ (выход из гражданства РФ);
- сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ, выразившееся в том числе: в совершении преступления (приготовление к преступлению или покушение на преступление); в совершении действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ; в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет;
- установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство РФ или решение о признании гражданином РФ;
- иные основания, предусмотренные международным договором РФ, предоставляющим возможность сохранить или изменить гражданство [4].

Таким образом, в современной российской правовой системе установлен дифференцированный подход к правовому статусу личности в зависимости от способа приобретения гражданства. Если конституционный статус лица (гражданин России) установлен при рождении на территории России, то статус безусловный. Если лицо

приобрело гражданство России в иной форме, то оно трансформируется в форму публично-правового (конституционного) договора, который предполагает возможность его прекращения, в случае нарушения лицом установленных законом условий.

Именно исполнительная власть является основным механизмом, через который государство реализует свои полномочия в отношении граждан и иных субъектов, включая вопросы миграции.

Исполнительная власть рассматривается как обособленная ветвь государственной власти, реализующая исполнительно-распорядительные функции в установленных сферах компетенции. Её деятельность направлена на практическое воплощение управленческих задач через применение государственно-властных полномочий, при этом правовой инструментариум базируется преимущественно на методах и нормах публичного права.

Конституция РФ закрепляет концепцию единой системы исполнительной вертикали, модернизировав механизмы формирования Правительства и его компетенции, а также установив нормативный порядок функционирования всех федеральных органов исполнительной власти.

В соответствии с главой 5 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», разграничение компетенций между субъектами государственно-правового регулирования в данной сфере выстраивается следующим образом:

Статья 27 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» включает субъектов институциональной системы. Так, устанавливается исчерпывающий перечень органов, наделенных властными полномочиями по реализации миграционной политики: глава государства, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел (МВД) и федеральный орган в сфере иностранных дел (МИД) с их территориальными и заграничными подразделениями.

Согласно статье 28 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» Президент обладает исключительной компетенцией по решению вопросов гражданства в особом порядке. К его ведению относится определение категорий лиц, имеющих право на преференциальный (упрощенный) порядок приобретения гражданства в гуманитарных и иных целях, а также принятие решений в ситуациях, не регламентированных общими процедурами.

Статья 29 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» устанавливает компетенцию

органов внутренних дел, а также его территориальных органов, которые выступают основным функциональным звеном на территории РФ. В их полномочия входит: проверка заявлений от соискателей гражданства, верификация представленных сведений, принятие юридически значимых решений о приобретении или прекращении гражданства, а также осуществление государственного контроля за соблюдением миграционного законодательства.

Статья 30 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» регулирует полномочия органов иностранных дел (МИД и консульские учреждения). Данные структуры реализуют полномочия в отношении лиц, находящихся вне пределов юрисдикции РФ [3]. Деятельность сосредоточена на консульском учете, оформлении выхода из гражданства в добровольном порядке и установлении правового статуса лиц, претендующих на российское гражданство за рубежом.

Правоприменительная практика органов исполнительной власти (преимущественно МВД России) в сфере прекращения приобретенного гражданства РФ, как правило, трудящимися-мигрантами основывается на положениях Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Порядок лишения гражданства Российской Федерации органами исполнительной власти закреплен в Федеральном законе от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», в частности в статье 22 [4]. Процедура прекращения гражданства в современном российском праве представляет собой регламентированный административный процесс, инициируемый уполномоченными субъектами исполнительной власти при выявлении юридических фактов, исключающих возможность дальнейшего сохранения публично-правовой связи между лицом и государством.

Органы исполнительной власти осуществляют мониторинг и верификацию оснований, выступающих юридическим базисом для детерминации статуса приобретенного гражданства:

- совершение лицом преступлений, направленных против основ конституционного строя и безопасности государства (включая акты террористического и экстремистского характера, дискредитацию Вооруженных Сил РФ, дезертирство и иные составы, предусмотренные законодательством). Наличие подобных фактических обстоятельств наделяет судебные инстанции полномочиями по признанию неправомерности актов органов внутренних дел и последующей аннуляции решений о прекращении гражданского статуса в отношении кон-

кретных субъектов. Указанная правовая позиция транслируется в сложившейся судебной практике. Примером реализации данного подхода выступает апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 12.04.2023 г. по делу № 33а-887/2023 [9], подтверждающее возможность судебной защиты прав личности при оспаривании распорядительных действий исполнительной власти;

- установление в административном или судебном порядке факта предоставления заведомо ложных сведений либо подложных документов, послуживших основанием для приема в гражданство. Необходимо учитывать, что при выявлении факта предоставления подложной документации в рамках процедуры упрощенного приема в гражданство в установленный временной период, наличие у субъекта устойчивых социальных связей с Российской Федерацией не обладает преюдициальной силой. Данные обстоятельства не могут рассматриваться как автономное и достаточное основание для признания акта органа внутренних дел о прекращении гражданства неправомерным. Подобный подход верифицируется актуальной судебной практикой, в частности, кассационным определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2023 г. № 88а-9808/2023 [8];
- выявление деятельности, создающей реальную угрозу интересам и безопасности Российской Федерации.

Распределение полномочий по принятию решений о прекращении гражданства коррелирует с принципом территориальности и характером правового статуса лица:

МВД России в лице территориальных органов осуществляет правоприменительную деятельность в отношении лиц, находящихся на территории РФ, реализуя полномочия по прекращению приобретенного гражданства. МИД России посредством дипломатических представительств и консульских учреждений обеспечивает реализацию данных функций в отношении лиц, постоянно проживающих за пределами юрисдикции РФ.

Президент РФ сохраняет исключительную компетенцию в части принятия решений в рамках общего порядка (по добровольному выходу из гражданства), а также в ситуациях, требующих реализации высших полномочий главы государства. Завершение процедуры заключается в том, что гражданство прекращается со дня принятия полномочным органом соответствующего решения.

В современной системе государственного управления институт административного выдворения претерпел существенную трансформацию, связанную с перераспределением полномочий между судебной и исполнительной ветвями власти. Основой реформирования стало расширение дискреционных полномочий правоохранительных органов в рамках реформирования миграционной сферы.

Значимым этапом эволюции законодательства (в частности, изменений КоАП РФ, вступивших в силу в феврале 2025 года) стало наделение должностных лиц МВД России правом самостоятельного назначения административного наказания в виде выдворения за пределы РФ. Ранее данная prerogative принадлежала исключительно суду. В рамках упрощенного производства руководители территориальных органов внутренних дел правомочны принимать окончательные решения о высылке иностранных граждан при выявлении нарушений режима пребывания или трудовой деятельности.

Исполнительная власть в лице территориальных подразделений МВД обеспечивает функционирование специального правового режима выдворения за пределы РФ. Данный механизм базируется на ведении реестра контролируемых лиц и предполагает применение комплекса ограничительных мер административно-предупредительного характера. Подобная процедура контроля позволяет органам исполнительной власти ограничивать правоспособность мигрантов

(в части управления транспортными средствами, распоряжения активами и заключения браков) до момента их фактической реэмиграции.

Процессуальный алгоритм исполнения решений о высылке распределен между следующими субъектами:

МВД России осуществляет контрольно-надзорные функции, выявляет основания для депортации или выдворения и выносит соответствующие акты.

ФСБ России реализует исполнительно-распорядительные функции непосредственно в пунктах пропуска через государственную границу.

ФССП России обеспечивает принудительное препровождение лиц, подлежащих выдворению, до государственной границы на основании актов как судебных, так и административных органов.

С марта 2026 года полномочия исполнительной власти ограничены в отношении лиц, имеющих опыт прохождения военной службы в Вооруженных Силах РФ по контракту. Данная новелла подчеркивает приоритет государственных интересов в сфере обороны над общими правилами миграционного контроля. Распределение полномочий органов исполнительной власти после принятия Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 08.08.2024 № 248-ФЗ [3] представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение полномочий органов исполнительной власти после принятия Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 08.08.2024 № 248-ФЗ

Ст. КоАП РФ	Сущность правонарушения	Полномочия суда	Полномочия МВД
ст. 18.8	Нарушение режима пребывания (въезда) в РФ	Назначает выдворение при совершении повторных нарушений за пределы РФ	Самостоятельно назначает выдворение по частям 1, 1.1 и 2 (первичные нарушения)
ст. 18.10	Незаконное осуществление трудовой деятельности	Рассматривает дела, если требуется выдворение в форме принудительного перемещения.	Самостоятельно назначает выдворение (контролируемый выезд) без обращения в суд.
ст. 18.11	Нарушение иммиграционных правил (мед. освидетельствование, дактилоскопия)	Вмешивается только в случае обжалования решения должностного лица.	Обладает исключительной компетенцией по назначению выдворения в рамках административного порядка.
ст. 20.25 (ч. 3)	Уклонение от исполнения административного выдворения	Обязательно рассматривает дело, так как санкция предполагает арест или принудительную высылку.	Иницирует дело и передает материалы в суд для применения мер принуждения.

Реформа 2025 года ознаменовала переход к модели административной презумпции, при которой значительный массив дел о миграционных правонарушениях был исключен из сферы обязательной судебной верификации. Наделение органов внутренних дел полномочиями по одновременной реализации обвинительных и правоприменительных (юрисдикционных) функций в отношении первичных составов правонарушений свидетельствует об усилении административного усмотрения и концентрации контрольно-надзорных и карательных инструментов в рамках единой ветви власти.

Основные проблемы правоприменительной практики органов исполнительной власти в сфере лишения российского гражданства трудящихся – мигрантов РФ в 2024-2026 гг. включают:

1) Излишняя детализация и изменчивость законодательства. Большой объем нормативных актов и поправок осложняет понимание трудовыми мигрантами законов РФ и ведёт к их неисполнению.

Существует мнение, что принятие единого Миграционного кодекса РФ позволило бы консолидировать нормы, устранить коллизии и обеспечить стабильность правового регулирования.

К основным преимуществам его принятия следует отнести:

- упорядочение и систематизация основных категорий и институтов законодательства в сфере миграции;
- приведение понятийного аппарата и терминологии в сфере миграции в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;
- закрепление компетенции органов государственной власти, местного самоуправления и административных процедур в сфере миграции;
- обеспечение того, чтобы иностранцы при въезде в Россию понимали, какие законы регулируют их нахождение в РФ и что им необходимо сделать.

2) Незрелость понятийного аппарата. В законодательстве не закреплены некоторые ключевые термины и понятия, такие как «миграция», «место пребывания», «приглашающая сторона».

Дефицит терминологической определенности в миграционном праве порождает правовую энтропию, при которой органы исполнительной власти (МВД) вынуждены восполнять пробелы путем расширительного толкования в ведомственных актах.

Для научного решения проблемы «размытости» понятийного аппарата предлагаются доктринальное закрепление базовых дефиниций. Так, необходимо внедрение в федеральное законода-

тельство (уровня Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5] или будущего Миграционного кодекса) четких дефиниций:

- «миграция»: определение её не просто как перемещения, а как юридического процесса, включающего смену правового статуса лица.
- «место пребывания»: устранение коллизии между «фактическим проживанием» и «адресом регистрации» (резинусовые офисы/квартиры). Научный подход требует привязки термина к месту преимущественного нахождения субъекта для обеспечения принципа адресности госконтроля.
- «приглашающая сторона»: четкое разграничение ответственности между работодателем, заказчиком работ и посредником. Понятие должно быть жестко связано с гарантиями обеспечения (материального, медицинского и жилищного) мигранта.

Синхронизация понятийного аппарата РФ с терминами МОТ (Международной организации труда) и соглашениями в рамках ЕАЭС позволит исключить ситуацию, когда мигрант из стран ЕАЭС юридически трактуется по-разному в зависимости от ведомственного регламента (налогового, трудового или миграционного).

3) Пробелы в законодательном регулировании трудовой миграции. Например, не предусмотрено специальных программ сезонной трудовой миграции, а действующая система квотирования не в полной мере отвечает потребностям работодателей.

Дефицит нормативно-правового регулирования трудовой миграции в Российской Федерации проявляется в отсутствии профильных программ для сезонных работников и несовершеннолетних механизмов квотирования. Стагнация в разработке программ сезонной миграции обусловлена отсутствием в отечественном праве четкой дифференциации миграционных потоков и классификации категорий иностранных граждан. В настоящее время критерии разграничения в сфере трудовой миграции сводятся преимущественно к формальному признаку – наличию визового или безвизового режима въезда, что не учитывает специфику временной занятости.

4) Проблемы с порядком привлечения к ответственности за нарушение миграционного законодательства. В частности, не выработан единый подход в области применения административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, которые совершили административные правонарушения.

При производстве по делу об административном правонарушении миграционного законо-

дательства часто возникает вопрос об установлении личности иностранного гражданина или лица без гражданства, не имеющего действительного документа, удостоверяющего личность. Данное обстоятельство порождает сложности при осуществлении данного производства и влечет нарушение процессуальных сроков привлечения к административной ответственности.

Так, например, сложности с установлением личности иностранных граждан без документов в рамках производства по делам об административных правонарушениях приводят к нарушению процессуальных сроков, в частности, месячного ограничения на административное расследование согласно ч. 5 ст. 28.7 КоАП РФ [2]. Для решения проблемы предлагается совершенствование законодательного регулирования, в том числе через модернизацию норм Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

В Решении Московского городского суда от 29 августа 2024 года № 7-13234/2024 суд указал, что, несмотря на истечение срока привлечения к административной ответственности в период обжалования постановления, основания для освобождения от административной ответственности только по этому основанию отсутствуют, если само постановление об административном правонарушении вынесено в пределах срока привлечения к ответственности [6].

5) Сложности при рассмотрении дел, связанных с депортацией и реадмиссией. Затруднения вызваны длительностью исполнения компетентными органами условий межправительственных соглашений, сложностями при установлении личности иностранных граждан и лиц без гражданства, а также пробелами в правовом регулировании отношений, связанных с депортацией и реадмиссией, в том числе на международном уровне.

Так, в Решении Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 29 сентября 2022 года по делу № 02а-1010/2022 суд пришёл к выводу, что необходимо отменить распоряжение о нежелательности пребывания иностранного гражданина на территории РФ, так как это нарушает его права. Суд указал, что у Министерства юстиции РФ нет полномочий для отмены такого распоряжения, и этот вопрос находится в компетенции суда [7].

Для преодоления коллизий, необходимо внесение поправок в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5], устанавливающих четкий административный регламент и специальные (продлонгированные) сроки для процедуры установления личности, синхронизированные с КоАП РФ.

Для устранения правовых коллизий и синхронизации процедур идентификации с административным производством, поправки необходимо вносить в статью 10.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ («Установление личности иностранного гражданина или лица без гражданства»).

В рамках научной дискуссии предлагаются следующие уточнения. Статью 10.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ дополнить внесением специальных (продлонгированных) сроков проведения процедуры идентификации (например, до 30-60 суток), если стандартный срок не позволяет получить ответ на международный запрос.

В статье 28.7 КоАП РФ установить перечень оснований для продления срока административного расследования факта «проведения процедуры установления личности в соответствии со ст. 10. Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ». Данное изменение позволит исключить прекращение дел по формальным основаниям (истечение срока расследования в 1 месяц).

Основным объектом реформирования является статья 10.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ, так как именно она регламентирует порядок выдачи заключения об установлении личности, являющегося основным документом для привлечения к ответственности и последующей депортации.

Таким образом, государственная политика смещается в сторону цифрового контроля и усиления корреляции между гражданскими правами и обязанностями. Решение существующих проблем видится в кодификации миграционного законодательства (принятие Миграционного кодекса), легализации продлонгированных сроков идентификации личности в ст. 10.1 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения : 17.03.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения : 17.03.2026).

[3] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 08.08.2024 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL :

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482497/ (дата обращения : 24.03.2026).

[4] О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (дата обращения : 17.03.2026).

[5] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 17.03.2026).

[6] Решение Московского городского суда от 29 августа 2024 г. № 7-13234/2024. – URL : <https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/cases/docs/content/58a8af10-8163-11ef-8e7a-45f8ab05f305> (дата обращения: 17.03.2026).

[7] Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 29 сентября 2022 года по делу № 02а-1010/2022. – URL : <https://precedenty.ru/decision/893420/> (дата обращения: 17.03.2026).

[8] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2023 года № 88а-9808/2023. – URL : https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=11245873&case_uid=a75b018d-4b65-4344-a074-e4cbcd8e73aa&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 23.03.2026).

[9] Апелляционное определение Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 12 апреля 2023 года по делу № 33а-887/2023. – URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=114569#OY3vsEV60vbgrbQZ> (дата обращения: 23.03.2026).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //SPS “ConsultantPlus.” - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (access date: 17.03.2026).

[2] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 30.12.2001 //SPS “ConsultantPlus” dated 195-FZ. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (access date: 17.03.2026).

[3] On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Federal Law of 08.08.2024 No. 248-FZ//SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482497/ (access date: 24.03.2026).

[4] On citizenship of the Russian Federation: Federal Law of 28.04.2023 No. 138-FZ//SPS “ConsultantPlus.” - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/ (access date: 17.03.2026).

[5] On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: Federal Law of 25.07.2002 No. 115-FZ//SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (access date: 17.03.2026).

[6] Decision of the Moscow City Court of August 29, 2024 No. 7-13234/2024. - URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/cases/docs/content/58a8af10-8163-11ef-8e7a-45f8ab05f305> (accessed: 17.03.2026).

[7] Decision of the Zamoskvoretsky District Court of Moscow dated September 29, 2022 in case No. 02а-1010/2022. - URL: <https://precedenty.ru/decision/893420/> (access date: 17.03.2026).

[8] Cassation ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated May 30, 2023 No. 88а-9808/2023. – URL : https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=11245873&case_uid=a75b018d-4b65-4344-a074-e4cbcd8e73aa&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 23.03.2026).

[9] Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of North Ossetia-Alania dated April 12, 2023 in case No. 33а-887/2023. – URL : <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=114569#OY3vsEV60vbgrbQZ> (дата обращения: 23.03.2026).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-65-68

МАЛАЕВ Азрет Хусенович,
преподаватель кафедры организации
правоохранительной деятельности,
капитан полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СЛОЖНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ С УЧАСТИЕМ НЕ ТОЛЬКО ГОСУДАРСТВА, НО И ОБЩЕСТВА

Аннотация. Указанная тема требует концептуального ответа и автор разделил: обоснование преступности как сложного социального (не только юридического или индивидуально-психологического) феномена, ограниченность чисто государственного подхода и конкретные формы и механизмы общественного участия. Отмечено так же, что необходимо избегать призывов к самосуду или вигилантизму, а сосредоточиться на конструктивных, социально признанных формах.

Автор начал с тезиса о неэффективности репрессивной модели, затем разобрал социальную природу преступности (детерминанты в обществе) и почему только государства недостаточно (ресурсы, профилактика, доверие). Немаловажным аспектом является формулировка основных направлений общественного противодействия: социальная профилактика (НКО, волонтеры), общественный контроль (дружины, видеонаблюдение), ресоциализация, криминологическое просвещение. Завершается исследование выводом о партнерстве «государство-общество» и переходе от наказания к управлению рисками.

Ключевые слова: репрессивная модель, социальная природу преступности, детерминанты в обществе, государства недостаточно (ресурсы, профилактика, доверие, социальная профилактика, общественный контроль (дружины, видеонаблюдение), ресоциализация, криминологическое просвещение.

MALAYEV Azret Khusenovich,
Lecturer,
Department of Law Enforcement,
Police Captain

CRIME AS A COMPLEX SOCIAL PHENOMENON: RESPONSE INVOLVING NOT ONLY THE STATE BUT ALSO SOCIETY

Annotation. This topic requires a conceptual response, and the author has distinguished between the justification of crime as a complex social (not just legal or individual-psychological) phenomenon, the limitations of a purely state-based approach, and specific forms and mechanisms of public participation. It is also noted that calls for lynching or vigilantism should be avoided, and that constructive, socially accepted forms should be emphasized. The author began with the thesis of the ineffectiveness of the repressive model, then examined the social nature of crime (determinants in society) and why the state alone is insufficient (resources, prevention, trust). An important aspect is the formulation of the main areas of public response: social prevention (NGOs, volunteers), public control (squads, video surveillance), resocialization, and criminological education. The study concludes with a conclusion about the “state-society” partnership and the transition from punishment to risk management.

Key words: *repressive model, social nature of crime, societal determinants, insufficient state resources, prevention, trust, social prevention, public control (squads, video surveillance), resocialization, criminological education.*

Преступность действительно представляет собой сложный социальный феномен, поскольку ее причины коренятся не только в личностных девиациях, но и в укладе самого общества: экономическом неравенстве, разрыве социальных связей, правовом нигилизме и слабости институтов социализации.

По мнению Малкова В.Д. - преступность - собирательное понятие. Она представляет собой социальное явление, включающее совокупность различных актов индивидуального преступного поведения. Однако для преступности свойственно преодоление этих индивидуальных черт и наличие общих для всех преступных деяний признаков, совокупность которых и определяет ее сущность и понятие. Под преступностью в криминологии понимается социальное, исторически изменчивое, массовое, уголовно-правовое, системное явление общества, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени [1].

Противодействие преступности только силами государства (полиция, суды, ФСИН) часто оказывается недостаточно эффективным, особенно в отношении латентной (скрытой) и бытовой преступности. Государство реагирует постфактум, а общество способно работать на упреждение.

Вот как может и должно выглядеть участие общества в этом противодействии:

- общественные организации и НКО: в рамках работы с «трудными» подростками, реабилитация наркозависимых и бывших заключенных. Государство часто жестко карает, а общество (волонтеры, психологи) возвращает человека в норму, разрывая рецидивную цепочку;
- в экономическом плане: создание рабочих мест и досуговых центров в депрессивных районах. Экономическая пассивность является условием и питательной средой для имущественных преступлений.

Еще одним фактором ресоциализации и постпенитенциарной помощи является непосредственная работа с человеком, освободившимся из мест лишения свободы, увы данное направление-самое слабое в указанной системе. Общество здесь критически важно, вернее его поддержка в максимально быстрой адаптации, например, участие религиозных общин и центров

адаптации в рамках предоставления временного жилья, работы и т.д. Важным фактором так же является отказ от стигматизации, «клейма» зэка. Если общество отвергает человека после освобождения, и он ощущает, что чужой, оно толкает его обратно в криминал-это очевидно.

Всестороннее и глубокое изучение преступности не может осуществляться без учета ее последствий. Особенно это важно при разработке мер предупреждения преступлений, ограничения, минимизации вреда от их совершения [1].

Данные ФСИН России: общий уровень рецидива среди освободившихся из мест лишения свободы - около 50% в течение 3 лет. Пример НКО «Руки помощи» (Санкт-Петербург), чья Программа включает размещение, трудоустройство и психологическую поддержку. Из 320 бывших заключенных, прошедших программу, только 14% совершили новое преступление в течение 2 лет (против 50% в контрольной группе без поддержки). Экономический эффект: предотвращение одного рецидива обходится государству в 1,2 млн руб. (содержание в СИЗО, суд, новый срок), а работа НКО стоит около 150 тыс. руб. на человека. Еще один пример, в 2022 году в Краснодарском крае центр адаптации «Шанс» закрылся из-за отсутствия муниципального финансирования, а 70 его подопечных остались без жилья и работы по данным местного УВД, 23 из них в течение полугода были задержаны за кражи и разбой.

Далее отдельным моментом необходимо рассмотреть факторы контроля и сдерживания. Реализуются они в современных аналогах добровольных народных дружин: патрулирование в парках, вблизи школ, при этом они не подменяют полицию, а фиксируют нарушения и вызывают наряд. Это создает эффект «всевидящего ока». Товарищества собственников жилья (ТСЖ) и домовые комитеты: организация видеонаблюдения, контролируемый доступ в подъезды. Это снижает квартирные кражи и наркопритоны.

Немного статистики в 2021 году в Подмосковье действовало около 1 200 дружин общей численностью более 18 000 человек. По данным ГУ МВД по МО, при участии дружинников раскрыто 3 247 преступлений (в основном кражи, грабежи, хулиганство). В городском округе Химки после усиления патрулирования парков и дворов количество уличных грабежей снизилось на 27%. Но существуют и вызовы в данном направлении:

в ряде регионов дружины формальны - например, в Саратовской области проверка прокуратуры выявила, что 40% дружинников ни разу не выходили на дежурство [2].

Исследование НИУ ВШЭ: опрошено 1 500 домов в 10 городах РФ. В домах с работающим ТСЖ и видеонаблюдением количество квартирных краж на 43% ниже, чем в домах без общественного контроля. В домах, где жильцы создали чаты в мессенджерах и оперативно сообщают о подозрительных лицах, полиция задерживает злоумышленников в 2,5 раза быстрее (по данным опроса участковых). В Екатеринбурге, ЖК «Академический». Жильцы через чат заметили серию краж велосипедов из подъездов. Собрав фото и видео, они передали данные в полицию, и организатора (ранее судимого) задержали в течение недели [2].

Привлечение населения к укреплению законности и активизации борьбы с нарушителями общественного порядка актуализировались в СССР в начале 1960-х гг. в контексте реализации государственного курса по созданию «общенародного государства» и передачи части управленческих функций общественности, обозначенного в начале 1960-х гг. и трактуемого властью как одно из условий успешной борьбы с правонарушителями и фактор развития демократических принципов в организации деятельности милиции [3]. Наиболее распространенными формами взаимодействия милиции и общественности явились создание добровольных народных дружин, товарищеских судов и т.д.

Важнейшим фактором противодействия преступности на наш взгляд является Правовое просвещение, и культура в рамках которой задействуются школьные родительские комитеты, осуществляющие контроль за буллингом (школьной травлей), которая часто перерастает в подростковую преступность. И конечно - общественный мониторинг, когда правозащитные организации следят за действиями самого государства (коррупция, превышение полномочий и т.д.), тем самым снижая уровень криминализации среди представителей власти. Однако участие общества не должно выражаться в самосуде или вигилантизме.

Вигилантизм - это гражданская инициатива по самостоятельному преследованию и наказанию правонарушителей (самосуд) в обход официальных правоохранительных органов. Вигиланты действуют из чувства гражданского долга или недоверия к власти, но с точки зрения закона такие действия часто являются уголовно наказуемыми [4].

В заключение рассмотрим определенные ограничения и риски, в числе которых можно

сформулировать: злоупотребление: недопустимо, чтобы охранные ЧОПы или «активисты» брали на себя функции следствия и наказания (закон о самообороне против незаконных действий). Далее, коррупция, общественные структуры могут сращиваться с криминалом (например, «крышевание» бизнеса под видом охраны порядка). На сегодняшний день эффективной моделью видится – субсидиарность, когда государство отвечает за насильственное принуждение (арест, следствие, тюрьма), а общество - за устранение причин и социальную реабилитацию.

Гока общество будет пассивно перекладывать заботу о безопасности только на правоохранительную систему, преступность будет только консервироваться и приобретать изощренные, современные и совершенные формы (экстремизм, кибермошенничество, коррупция и т.д.) [5].

Делая критические и эмпирические выводы по данному вопросу отметим следующее: Во-первых: участие общества эффективно только для определённых видов преступлений - особенно имущественных и уличных. На организованную преступность и кибермошенничество влияние минимально.

Во-вторых, эффект сильнее в малых и средних городах, чем в мегаполисах. В Москве народные дружины снижают преступность лишь на 6–8% (по данным ВНИИ МВД, 2023), потому что анонимность выше.

В-третьих, риск «эффекта вытеснения»: преступники перемещаются в районы, где общественного контроля нет. Исследование в Ростове-на-Дону показало, что после организации ТСЖ в центре города кражи «переехали» в спальные районы без ТСЖ.

В-четвертых, без государственного финансирования общественные инициативы быстро угасают. Из 500 НКО, работавших с бывшими заключёнными в 2018 году, к 2024 году осталось около 200 - из-за отмены грантов и ковидных ограничений.

Список литературы:

- [1] Малков В.Д. Преступность как социально-правовое явление, ее криминологические характеристики и основные тенденции в современной России // Общество и право. 2007. № 3 (17).
- [2] Росстат - Регионы России. Социально-экономические показатели. rosstat.gov.ru/folder/210/document.
- [3] Пушкин Д.А. Участие общественности в борьбе с преступностью: история и современность // Современное право. 2007. № 11-1.
- [4] Википедия. chrome.2.69i57j0i751j0i512ij-546j0i751.2902j0j15&sourceid.

[5] Машекуашева М.Х. Некоторые особенности когнитивного воздействия в рамках профилактических бесед с молодежью по предупреждению экстремистских настроений. Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 82-86.

References:

[1] Malkov V.D. Crime as a socio-legal phenomenon, its criminological characteristics and main trends in modern Russia//Society and law. 2007. № 3 (17).

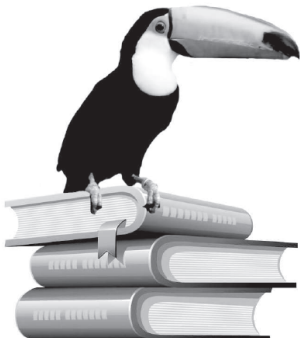
[2] Rosstat - Regions of Russia. Socioeconomic indicators. rosstat.gov.ru/folder/210/document.

[3] Pushkov D.A. Public participation in the fight against crime: history and modernity//Modern law. 2007. № 11-1.

[4] Wikipedia. chrome.2.69i57j0i751j0i512i-546j0i751.2902j0j15&sourceid.

[5] Mashekuasheva M.Kh. Some features of cognitive impact as part of preventive conversations with young people to prevent extremist sentiments. Gaps in Russian legislation. 2022. VOL. 15. № 5. S. 82-86. /13204

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРИ ИХ СОДЕРЖАНИИ В ТРАНЗИТНО-ПЕРЕСЫЛЬНЫХ ПУНКТАХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования явились правовые, организационные и психологические аспекты соблюдения прав осужденных к лишению свободы при их содержании в транзитно-пересыльных пунктах исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Для реализации указанной цели использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Изучались особенности правового регулирования содержания осужденных к лишению свободы в ТПП, организации их деятельности на территории ИУ УИС. Сформировавшиеся подходы в интерпретации и обеспечения прав указанных осужденных в национальном законодательстве, уголовно-исполнительном праве, правоохранительной деятельности, прокурорском надзоре и пенитенциарной психологии. Указана актуальность междисциплинарного исследования темы на современном этапе развития отечественной пенитенциарной системы. Соблюдение прав осужденных к лишению свободы является одним из приоритетных направлений современного отечественного уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной науки, оно весьма подробно отражено в уголовно-исполнительном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Комплексный теоретико-эмпирический анализ деятельности ИУ УИС показывает наличие такой актуальной проблемы как соблюдение прав осужденных к лишению свободы, содержащихся в ТПП ИУ УИС. Специфика содержания данной деятельности со стороны администрации, должностных лиц и персонала учреждений, а также контролирующих и надзирающих органов, обусловлена, в первую очередь, закрепленными в уголовно-исполнительном законе временными ограничениями нахождения в пунктах осужденных. Их постоянной сменяемостью, несомненно, влияющую на особенности их содержания, обеспечение их основных прав, законных интересов и социальных гарантий. Особенности содержания осужденных в ТПП ИУ УИС, обеспечения их прав и законных интересов регламентированы статьей 76 УИК РФ, ПВР ИУ УИС 2022 г., другими ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Указанные нормативные акты определяют порядок, условия содержания осужденных, обеспечивают соблюдение их основных прав, отраженных в уголовно-исполнительном законе. Гаран-тами соблюдения прав и законных интересов осужденных в ТПП выступают ведомственный контроль, осуществляемый ФСИН России и ее территориальными органами управления, а также прокурорский надзор, реализуемый специализированными прокурорами прокуратур субъектов федерации, управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры России.

Ключевые слова: права осужденных, лишение свободы, уголовно-исполнительное законодательство, транзитно-пересыльные пункты, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, ведомственный контроль, прокурорский надзор.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT DURING THEIR DETENTION IN TRANSIT AND TRANSIT POINTS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the legal, organizational and psychological aspects of the observance of the rights of persons sentenced to imprisonment during their detention in transit and transit points of correctional institutions of the penal system. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation. The peculiarities of the legal regulation of the detention of persons sentenced to imprisonment in the CCI and the organization of their activities on the territory of the Penitentiary Institution were studied. The established approaches to the interpretation and enforcement of the rights of these convicts in national legislation, penal enforcement law, law enforcement, prosecutorial supervision and penitentiary psychology. The relevance of interdisciplinary research on the topic at the current stage of development of the Russian penitentiary system is indicated. The observance of the rights of persons sentenced to imprisonment is one of the priorities of modern domestic penal enforcement legislation and penitentiary science, it is reflected in great detail in penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. A comprehensive theoretical and empirical analysis of the activities of the IU UIS shows the existence of such an urgent problem as the observance of the rights of persons sentenced to imprisonment held in the CCI of the IU UIS. The specifics of the content of this activity on the part of the administration, officials and staff of institutions, as well as regulatory and supervisory authorities, are primarily due to the temporary restrictions imposed by the Penal Enforcement Act on convicts. Their constant turnover undoubtedly affects the specifics of their content, ensuring their fundamental rights, legitimate interests and social guarantees. The specifics of the detention of convicts in the CCI and the Criminal Justice System, ensuring their rights and legitimate interests are regulated by Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation, the 2022 Criminal Code of the Russian Federation, and other departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. These regulations determine the procedure and conditions of detention of convicted persons, and ensure the observance of their fundamental rights, as reflected in the penal enforcement law. The guarantors of the observance of the rights and legitimate interests of convicts in the CCI are departmental control carried out by the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial governing bodies, as well as prosecutorial supervision carried out by specialized prosecutors of the prosecutor's offices of the constituent entities of the Russian Federation, the Directorate for supervision of the legality of the execution of criminal penalties of the Prosecutor General's Office of Russia.*

Key words: *rights of convicts, deprivation of liberty, penal enforcement legislation, transit and transfer points, correctional institutions, penal enforcement system, departmental control, prosecutorial supervision.*

Введение. Соблюдение прав осужденных к лишению свободы является одним из приоритетных направлений современного отечественного уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной науки [1, с. 189-191]. Оно весьма детально закреплено в:

Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (статье 76);

Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее ПВР ИУ УИС), утвержденными Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»;

Приказе Минюста России от 22.08.2014 г. № 179 «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы».

Содержание рассматриваемого правового института анализируется в научных и учебно-методических публикациях ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права, правоохранительных органов, прокурорского надзора и правозащитной деятельности, пенитенциарной психологии и педагогики, оперативно-розыскной деятельности [2, с. 81-83].

При этом, комплексный теоретико-эмпирический анализ деятельности ИУ УИС показывает наличие такой актуальной проблемы как соблюдение прав осужденных к лишению свободы,

содержащихся в транзитно-пересыльных пунктах (далее ТПП) ИУ УИС. Специфика содержания данной деятельности со стороны администрации, должностных лиц и персонала учреждений, а также контролирующих и надзирающих органов, обусловлена, в первую очередь, закрепленными в уголовно-исполнительном законе временными ограничениями нахождения в пунктах осужденных. Их постоянной сменяемостью, несомненно, влияющую на особенности их содержания, обеспечение их основных прав, законных интересов и социальных гарантий.

Таким образом, актуальность рассматриваемой темы, ее комплексных и междисциплинарный характер, предопределили выбор цели, методов и программы исследования, явившиеся предметом написания данной научной статьи.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых, организационных и психологических аспектов соблюдения прав осужденных к лишению свободы при их содержании в транзитно-пересыльных пунктах, создаваемых в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Изучались особенности правового регулирования содержания осужденных к лишению свободы в ТПП, организации их деятельности на территории ИУ УИС. Сформировавшиеся подходы в интерпретации и обеспечения прав указанных осужденных в национальном законодательстве, уголовно-исполнительном праве, правоохранительной деятельности, прокурорском надзоре и пенитенциарной психологии. Указана актуальность междисциплинарного исследования темы на современном этапе развития отечественной пенитенциарной системы.

Основные результаты. Материалы исследования показывают наличие современной правовой базы, регулирующей особенности содержания осужденных к лишению свободы в ТПП ИУ УИС, соблюдения их прав в специфических условиях функционирования данных пунктов. Так, часть седьмая статьи 76 УИК РФ, определяющей порядок перемещения осужденных к лишению свободы, определяет, что для временного содержания осужденных, следующих к месту отбывания наказания либо перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, при ИУ могут создаваться ТПП [3]. Осужденные содержатся в ТПП на условиях отбывания ими наказания в ИУ, определенном приговором или решением суда [4, с. 134-138]. Максимальный срок содержания осужденных к лишению свободы в ТПП составляет 20 суток.

Учитывая специфику и особенности содержания осужденных в ТПП, обеспечения их прав и законных интересов, законодатель сформулировал порядок их функционирования, создания и ликвидации в специальном ведомственном нормативном правовом акте – Приказе Минюста России от 22.08.2014 г. № 179 «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы» [5].

Таким образом, закон подчеркивает временный характер содержания в ТПП осужденных к лишению свободы в специально организованном помещении, с учетом приговора суда и условий отбывания осужденным наказания в ИУ УИС.

ПВР ИУ УИС в разделе 30 (пунктах 479-497) конкретизировали установленный законом порядок и особенности содержания осужденных к лишению свободы в ТПП. Дополнительно определили права и обязанности указанной категории осужденных, а также права и обязанности администрации ИУ и должностных лиц пункта. К ним в частности отнесены:

- проведение полного обыска осужденных, прибывающих в ТПП, досмотра их вещей, изъятия запрещенных к обороту в ИУ вещей и предметов с их последующей передачей на хранение или уничтожение в установленном порядке [6, с. 3445-352];
- прохождение медицинского осмотра (проводимого медицинским работником медицинской организации ИУ) и санитарной обработки (включающую помывку, короткую стрижку волос на голове для мужчин, короткую правку бороды и усов при их наличии [7];
- при выявлении у осужденных, поступивших в ТПП, они немедленно изолируются в медицинскую организацию УИС для оказания им квалифицированной медицинской помощи. Тем самым, осужденным к лишению свободы, содержащимся в ТПП гарантируются такое основное право на санитарно-гигиеническое обеспечение, охрану здоровья, получение первичной медикосанитарной и специализированной помощи [8, с. 242-247];
- осужденный к лишению свободы, прибывший в ТПП и прошедший санитарную обработку, получает предусмотренные уголовно-исполнительным законом постельные принадлежности, а при необходимости – одежду установленного образца в соответствии с нормами вещевого довольствия [9];
- при содержании осужденных в ТПП реализуется их законное право на раздельное содержание по гендерному и возрастному

признакам, здоровых от больных, а также впервые осужденных и ранее отбывавших лишение свободы, в том числе при опасном рецидиве, осужденных пожизненно [10, с. 244-248];

- обеспечивается право осужденных на получение информации о правах и обязанностях, условиях содержания и распорядке дня в ТПП [11, с. 220-224];
- соблюдается право осужденных к лишению свободы в ТПП на подачу предложений, заявлений и жалоб, получение психологической помощи [12, с. 9-12];
- с осужденными к лишению свободы, во время их нахождения в ТПП осуществляется воспитательная работа, регламентированная уголовно-исполнительным законодательством [13, с. 160-167];
- осужденным, содержащимся в ТПП обеспечивается их право на надлежащее коммунально-бытовое обеспечение, им создаются соответствующие материально-бытовые условия. Запираемые помещения пунктов оборудуются комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции. Уборка запираемых помещений ТПП и прогулочного двора ТПП возлагается поочередно на каждого осужденного к лишению свободы [14];
- право осужденных на получение горячего питания в ТПП реализуется путем предоставления осужденным в запираемых помещениях завтрака, обеда и ужина;
- право осужденных на помывку обеспечивается им в ТПП не реже двух раз в неделю продолжительностью не менее 15 минут с обеспечением их изоляции от других осужденных ИУ;
- право осужденных на ежедневную прогулку продолжительностью не менее двух часов реализуется для осужденных, находящихся в ТПП в оборудованном изолированном прогулочном дворике;
- в период действия режима особых условий, содержащимся в ТПП осужденным к лишению свободы ежедневная прогулка предоставляется при отсутствии угрозы их жизни и здоровью [15, с. 107-112];
- право осужденных на получение книг, журналов обеспечивается из библиотеки ИУ УИС, при котором создан ТПП;
- физическая зарядка осужденных, находящихся в ТПП проводится в запираемых помещениях пункта.

Таким образом, другим существенным отличием, кроме временного соблюдения прав осужденных, находящихся в ТПП выступает их пол-

ная изолированность от других осужденных, отбывающих наказание в ИУ УИС, при котором создан пункт.

Гарантами соблюдения прав и законных интересов осужденных в ТПП выступают ведомственный контроль, осуществляемый ФСИН России и ее территориальными органами управления, а также прокурорский надзор [16]. В последнее время надзирающие прокуроры уделяют значительное внимание соблюдению законности, прав осужденных к лишению свободы при их перемещении между учреждениями, исполняющими уголовные наказания, следственными изоляторами УИС [17, с. 224-229]. Подобная контролирующая и надзирающая практика, несомненно оказывает положительное влияние на соблюдение прав и свобод осужденных, находящихся в ТПП ИУ УИС.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Соблюдение прав осужденных к лишению свободы является одним из приоритетных направлений современного отече-

ного уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной науки, оно весьма подробно отражено в уголовно-исполнительном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Комплексный теоретико-эмпирический анализ деятельности ИУ УИС показывает наличие такой актуальной проблемы как соблюдение прав осужденных к лишению свободы, содержащихся в ТПП ИУ УИС. Специфика содержания данной деятельности со стороны администрации, должностных лиц и персонала учреждений, а также контролирующих и надзирающих органов, обусловлена, в первую очередь, закрепленными в уголовно-исполнительном законе временными ограничениями нахождения в пунктах осужденных. Их постоянной сменяемостью, несомненно, влияющую на особенности их содержания, обеспечение их основных прав, законных интересов и социальных гарантий.

Особенности содержания осужденных в ТПП ИУ УИС, обеспечения их прав и законных интересов регламентированы статьей 76 УИК РФ, ПВР ИУ УИС 2022 г., другими ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Указанные нормативные акты определяют порядок, условия содержания осужденных, обеспечивают соблюдение их основных прав, отраженных в уголовно-исполнительном законе. Гарантами соблюдения прав и законных интересов осужденных в ТПП выступают ведомственный контроль, осуществляемый ФСИН России и ее территориальными органами управления, а также прокурорский надзор, реализуемый специализированными прокурорами прокуратур субъектов федерации, управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры России.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.

[2] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[3] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[4] Ковалев О.Г. Условия отбывания наказания осужденными к лишению свободы как элемент режима исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 134-138.

[5] Приказ Минюста России от 22.08.2014 г. № 179 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы» // Consultant.ru (дата обращения 05.06.2026).

[6] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Обысково-досмотровые мероприятия как важнейший фактор обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 3. С. 345-352.

[7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[8] Ковалев О.Г. Особенности реализации права осужденных на охрану здоровья, получение первичной медикосанитарной и специализированной помощи // Право и управление. 2025. № 3. С. 242-247.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[10] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Влияние раздельного содержания осужденных к лишению свободы на особенности реализации средств обеспечения режима в исправительных учреждениях // Закон и право. 2024. № 3. С. 244-248.

[11] Ковалев О.Г. Особенности законодательного и ведомственного регулирования права осужденных на получение информации о своих правах и обязанностях, порядке и условиях отбывания, назначенного судом наказания // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 220-224.

[12] Ковалев О.Г. Реализация права подозреваемых (обвиняемых) и осужденных на получение психологической помощи: теоретико-правовой анализ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 3. С. 9-12.

[13] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в про-

цессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[14] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 05.06.2026).

[15] Ковалев О.Г., Сабирова Д.Р. Режим особых условий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах и его влияние на обеспечение безопасности учреждений // В сборнике: Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности. Сборник статей научно-практической конференции. Москва. 2022. С. 107-112.

[16] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бесарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[17] Ковалев О.Г. Прокурорский надзор за перемещением осужденных к лишению свободы // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 224-229.

References:

[1] Kovalev O.G. Issues of observance of the rights of convicts in correctional institutions of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 12. pp. 189-191.

[2] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 81-83.

[3] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[4] Kovalev O.G. Conditions of serving sentences by persons sentenced to imprisonment as an element of the regime of correctional institutions of the penal system // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 134-138.

[5] Order of the Ministry of Justice of Russia dated 08/22/2014 No. 179 (as amended on 08/09/2023) "On approval of the Procedure for the Establishment, Operation and liquidation of transit and transfer points at correctional institutions and pre-trial detention facilities of the penal system" // Consultant.ru (accessed 06/05/2026).

[6] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Obisko-vo-screening measures as the most important factor in ensuring the safety of penitentiary institutions // Man: crime and punishment. 2022. Vol. 30. No. 3. pp. 345-352.

[7] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[8] Kovalev O.G. Peculiarities of realization of the right of convicts to health protection, receiving primary medical and sanitary and specialized care // Law and management. 2025. No. 3. pp. 242-247.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. The influence of the separate detention of persons sentenced to imprisonment on the specifics of the implementation of the means of ensuring the regime in correctional institutions // Law and Law. 2024. No. 3. pp. 244-248.

[11] Kovalev O.G. Features of legislative and departmental regulation of the right of convicts to receive information about their rights and obligations, the procedure and conditions of serving a sentence imposed by the court // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 220-224.

[12] Kovalev O.G. Realization of the right of suspects (accused) and convicted persons to receive psychological assistance: a theoretical and legal analysis // Penal enforcement system: law, economics, management. 2025. No. 3, pp. 9-12.

[13] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[14] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 No. 110 "On Approval of the Internal Regulations of pre-trial detention facilities of the penal correction system,

the Internal Regulations of correctional institutions and the Internal Regulations of correctional centers of the penal correction system" // Garant.ru (date of appeal 05.06.2026).

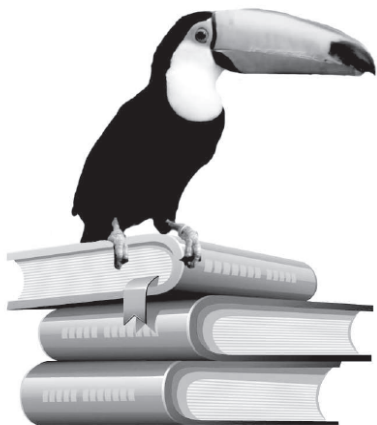
[15] Kovalev O.G., Sabirova D.R. The regime of special conditions in correctional institutions and pre-trial detention facilities and its impact on the security of institutions // In the collection: Military-legal instruments for ensuring national security. Collection of articles of the scientific and practical conference. Moscow. 2022. pp. 107-112.

[16] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G.,

Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanov N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[17] Kovalev O.G. Prosecutor's supervision of the transfer of persons sentenced to imprisonment // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. pp. 224-229.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МИГРАНОВ Рустэм Нуруллинович,
старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ СТАТЬИ 301 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация. В статье на примере разбора положений статьи 301 Уголовного Кодекса Российской Федерации проводится анализ значения уголовного законодательства для защиты конституционных прав и свобод человека. Анализируется содержание статьи 301 Уголовного Кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой предусмотрена уголовная ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей. Из диспозиции нормы видно, что она направлена на защиту прав человека, предусмотренных статьей 22 Конституции Российской Федерации, провозглашающей, что «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Конституция Российской Федерации устанавливает только судебную прерогативу в решении вопроса ареста, заключения под стражу и содержания под стражей.

Ключевые слова: защита конституционных прав, права и свободы человека, статья 301 УК РФ, задержание, заключение и содержание под стражей, Конституция РФ, заведомо незаконным задержанием, должностное лицо, медицинское освидетельствование, администрация места нахождения подозреваемого, основания для освобождения, незаконное применение меры процессуального принуждения.

MIGRANOV Rustem Nurullinovich,
senior lecturer
at the Department of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS IN CRIMINAL LEGISLATION (USING THE EXAMPLE OF AN ANALYSIS OF SOME ASPECTS OF ARTICLE 301 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. The article analyzes the significance of criminal legislation for the protection of constitutional rights and freedoms of the individual, using the provisions of Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation as an example. It examines the content of Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for criminal liability for illegal detention, imprisonment, and detention in custody. From the disposition of the norm, it can be seen that it is aimed at protecting the human rights provided for in Article 22 of the Constitution of the Russian Federation, which states that “everyone has the right to freedom and personal integrity.” The Constitution of the Russian Federation establishes only the judicial prerogative in deciding on arrest, detention, and imprisonment.

Key words: protection of constitutional rights, human rights and freedoms, Article 301 of the Criminal Code, detention, imprisonment and detention, the Constitution of the Russian Federation, knowingly unlawful detention, official, medical examination, administration of the suspect's location, grounds for release, unlawful use of procedural coercion.

Защита конституционных прав человека и гражданина является основной задачей любого правового государства и в настоящее время уделяется большое внимание со стороны государства и общественных институтов соблюдению этих прав. Для реализации своих обязанностей по соблюдению прав и свобод человека [5, с. 20], государство создает различные институты и принимает нормативно-правовые акты. Основным нормативным актом в этой сфере является Конституция Российской Федерации (далее Конституция РФ), в статье 2 которой человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, таким образом государство на себя взяло обязанность соблюдать и защищать права и свободы человека.

Одним из действенных нормативных актов России, направленных на защиту прав человека, является Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ). Основной задачей уголовного закона в статье 2 УК РФ среди других указаны «охрана прав и свобод человека и гражданина» [11].

В целом все нормы уголовного закона предназначены для защиты функционирования нормальных общественных отношений в обществе, определяя их как объекты преступлений.

В своей статье, на примере анализа статьи 301 УК РФ, рассматриваю некоторые аспекты защиты конституционных прав человека уголовно-правовыми способами.

Статьей 301 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей. Из диспозиции нормы видно, что она направлена на защиту прав человека, предусмотренных статьей 22 Конституции РФ, провозглашающей, что «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [12]. Конституция РФ устанавливает только судебную прерогативу в решении вопроса ареста, заключения под стражу и содержания под стражей. Без судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов [1]. Данная норма является бланкетной, так как основания, условия, порядок и сроки выполнения таких следственных действий предусмотрены иными нормативными актами. К таковым можно отнести Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ), Федеральный закон №103 от 15 июля 1995 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее ФЗ-103 15 июля 1995 г.), Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (далее Постановление от 14 января 2011 г. №3), Постановление Пра-

вительства Российской Федерации от 06 февраля 2004 г. №54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» и другими актами регламентирующими непосредственное задержание, заключение и содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в ходе предварительного расследования.

Основания задержания строго регламентированы 91 статьей УПК РФ, в части первой этой статьи таких оснований всего три, в части второй указаны дополнительные исчерпывающие основания «при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет места жительства или места пребывания, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу» [13]. Порядок выполнения процессуального действия задержания по подозрению в совершении преступления и круг лиц, имеющих право их проведения, определены статьями 91 и 92 УПК РФ.

Основания, порядок избрания меры пресечения заключение под стражу и круг лиц, занимающихся избиранием такой меры пресечения определены также в УПК РФ.

Нарушение должностными лицами требований указанных актов образуют состав преступления, предусмотренного статьей 301 УК РФ, так как ограничивая лицо права свободы передвижения, орган избравший меру пресечения, лишает его многих возможностей, в том числе получения квалифицированной медицинской помощи в медицинских учреждениях. В то время как согласно статьи 41 Конституции РФ «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь». Конституция РФ не принижает каким-либо образом права лиц, совершивших преступление, в ней все граждане равны [6, с. 24].

Как сказано в Постановлении от 14 января 2011 г. №3 должностное лицо в производстве которого находится уголовное дело либо администрация места нахождения подозреваемого или обвиняемого, которым обратился последний,

«рассматривает заявление или ходатайство, с прилагаемыми медицинскими документами и в течение рабочего дня, следующего за днем их получения, принимает решение о направлении подозреваемого или обвиняемого на медицинское освидетельствование в медицинскую организацию государственной или муниципальной системы здравоохранения» [14]. Вышеуказанным Постановлением от 14 января 2011 г. №3 ответ-

ственность за состояние здоровья и своевременное оказание ему медицинской помощи [4, с. 56], лицу содержащемуся под стражей, возложена на лицо, расследующее уголовное дело и администрацию места его содержания. Соккрытие указанными должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья лиц, содержащихся под стражей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом [2].

Наличие в диспозиции статьи 301 УК РФ слова «заведомо» указывает, что для образования состава рассматриваемого преступления необходим прямой умысел, направленный на совершении преступных действий, заключающихся в незаконном задержании, незаконном заключении под стражу, в содержании под стражей.

Под заведомо незаконным задержанием закон подразумевает совершение уполномоченным лицом «умышленных действий, направленных на незаконное применение меры процессуального принуждения [9, с. 382] в виде задержания подозреваемого при отсутствии предусмотренных статьей 91 УПК РФ оснований и обязательных условий, либо бездействие, выражающееся в умышленном непринятии уполномоченным должностным лицом установленных законом мер к освобождению лица, задержанного по подозрению в совершении преступления» [15]. Как заведомо незаконное задержание должны рассматриваться умышленные действия, совершаемые с целью явно неправомерного задержания лица по подозрению в совершении преступления [8, с. 45] в порядке, предусмотренном статьей 92 УПК РФ при отсутствии предусмотренных оснований [3].

В ходе предварительного следствия могут появиться основания для освобождения содержащегося человека, и они стали известными расследующему делу лицу, при наличии которых содержащийся человек подлежит освобождению в установленные сроки. Верховный Суд в Постановлении Пленума № 20. от 28 июня 2022 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» разъясняя свою позицию по этому моменту указал, что «подлежат привлечению к уголовной ответственности по статье 301 УК РФ лица которые, несмотря на заведомое возникновение оснований для освобождения подозреваемого с целью незаконного продолжения применения меры процессуального принуждения [10, с. 100] в виде задержания подозреваемого не принимают установленные законом [7, с. 24] и относящиеся к их компетенции меры по освобождению задержанного ...не выносит постановление об освобождении задержанного» [15].

По статье 301 УК РФ к уголовной ответственности могут привлекаться дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа или иное должностное лицо, по поручению совершает умышленные действия, направленные на незаконное применение меры процессуального принуждения.

Подводя итог анализа защиты конституционных прав граждан в уголовном законодательстве, на примере одной рассмотренной нормы, можно сделать вывод, что уголовный закон, являясь прекрасным инструментом, широко защищает лиц, привлекаемых к уголовной ответственности от бесчинства, бездействия должностных лиц.

Список литературы:

- [1] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации Учебник 14-е издание, измененное и дополненное НОРМА ИНФРА-М. Москва. 2025. с.704.
- [2] Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 532 с.
- [3] Загорский Г.И. Уголовный процесс: учебник / под ред. профессора Г. И. Загорского. — М. : Образовательно-издательский центр. «Академия», 2025. — 304 с.
- [4] Миннигулова Д. Б. Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии // Право и государственность. 2024. № 3(4). С. 55-58.
- [5] Шайхуллин М. С. Защита прав и свобод человека и гражданина: аксиологический подход / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. — 2024. — № 4(5). — С. 16-22.
- [6] Самситдинов И. З. Повышение эффективности взаимодействия федеральных и региональных органов государственной исполнительной власти в Республике Башкортостан / И. З. Самситдинов, А. В. Сергеева // Право и государственность. — 2024. — № 4(5). — С. 23-26.
- [7] Станкин А. Н. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина / А. Н. Станкин, М. С. Шайхуллин // Право и государственность. — 2025. — № 2(7). — С. 22-28.
- [8] Гаджиалиева А. Т. Профилактика преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А. Т. Гаджиалиева // Профилактика правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: Сборник материалов Международной конференции, Уфа, 08 июня 2023 года / Под общей редакцией А.Ю. Терехова. — Уфа: Уфимский юридиче-

ский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 42-47.

[9] Гаджиалиева А. Т. Действие непреодолимой силы как основание принятия решения о приостановлении предварительного расследования / А. Т. Гаджиалиева // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 3(202). – С. 382-383.

[10] Гаджиалиева А. Т. Проблемы и перспективы совершенствования института приостановления предварительного расследования / А. Т. Гаджиалиева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 4(110). – С. 96-108.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2025 – 384 с.

[12] Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года]. // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2026)

[13] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – Москва : Проспект, 2025 – 450 с.

[14] Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <https://rg.ru/documents/2011/01/21/sizo-dok.html?ysclid=mq68u9v0m506718528> (дата обращения: 12.05.2026).

[15] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации. № 20. г. Москва. 28 июня 2022 г. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия. // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/31333/?ysclid=mq6azpsdya16501512>. (дата обращения: 12.05.2026).

References:

[1] Baglai, M. V. Constitutional Law of the Russian Federation. Textbook, 14th edition, revised and supplemented by NORMA INFRA-M. Moscow. 2025. p. 704.

[2] Borovikov, V. B. Criminal Law. Special Part: textbook for universities / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov; edited by V. B. Borovikov. — 8th ed., revised and enlarged. — Moscow: Yurait Publishing House, 2026. — 532 p.

[3] Zagorsky, G. I. Criminal Procedure: textbook / edited by Professor G. I. Zagorsky. — Moscow: Educational and Publishing Center. “Academy”, 2025. — 304 p.

[4] Minnigulova D. B. Administrative liability of minors: legal conflicts // Law and statehood. 2024. No. 3 (4). Pp. 55-58.

[5] Shaikhullin M. S. Protection of human and civil rights and freedoms: an axiological approach / M. S. Shaikhullin // Law and statehood. - 2024. - No. 4 (5). - Pp. 16-22.

[6] Samsitdinov I. Z. Improving the efficiency of interaction between federal and regional executive bodies in the Republic of Bashkortostan / I. Z. Samsitdinov, A. V. Sergeeva // Law and statehood. - 2024. - No. 4 (5). - Pp. 23-26.

[7] Stankin A. N. Guarantees for the Protection of Human and Civil Rights and Freedoms / A. N. Stankin, M. S. Shaikhullin // Law and Statehood. - 2025. - No. 2 (7). - P. 22-28.

[8] Gadzhialieva A. T. Prevention of Crimes with the Use of Information and Telecommunication Technologies / A. T. Gadzhialieva // Prevention of Offenses and Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies: Collection of Materials of the International Conference, Ufa, June 8, 2023 / Under the general editorship of A. Yu. Terekhov. - Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. - P. 42-47.

[9] Gadzhialieva A. T. Force Majeure as a Basis for a Decision to Suspend a Preliminary Investigation / A. T. Gadzhialieva // Eurasian Law Journal. - 2025. - No. 3 (202). - P. 382-383.

[10] Gadzhialieva A. T. Problems and Prospects for Improving the Institution of Suspension of a Preliminary Investigation / A. T. Gadzhialieva // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2025. - No. 4 (110). - P. 96-108.

[11] Criminal Code of the Russian Federation. - Moscow: Prospect, 2025 - 384 p.

[12] Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. // Official Internet Portal of Legal Information: [website]. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 12.05.2026)

[13] Criminal Procedure Code of the Russian Federation – Moscow: Prospect, 2025 – 450 p.

[14] Resolution of the Government of the Russian Federation of January 14, 2011 No. 3 “On the Medical Examination of Suspects or Accused of Committing Crimes” // Official Internet Portal of Legal Information: [website]. URL: <https://rg.ru/documents/2011/01/21/sizo-dok.html?ysclid=mq68u9v0m506718528> (accessed: 12.05.2026).

[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 20. Moscow. June 28, 2022. On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes Against Justice. // Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/31333/?ysclid=mq6azpsdya16501512>. (Accessed: May 12, 2026).

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
главный научный сотрудник отдела изучения проблем
управления и реформирования уголовно-исполнительной
системы центра изучения проблем управления и организации
исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор экономических наук,
e-mail: helenr2003@mail.ru.

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела
по совершенствованию нормативно-правового
регулирования деятельности уголовно-исполнительной
системы центра изучения проблем управления и организации
исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СЕКТОР ФСИН РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЕЗ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье анализируются вопросы состояния и развития производственного сектора учреждений ФСИН России, как особой социально-экономической системы, в которой хозяйственная эффективность не может рассматриваться отдельно от целей исправления осужденных и гарантий соблюдения прав человека. Обосновано, что превращение исправительных учреждений в эффективные экономические площадки возможно не путем расширения принудительного компонента труда, а через модернизацию производственной базы, профессиональное обучение, прозрачную оплату труда, правовой контроль условий занятости и создания устойчивых каналов взаимодействия с государственными, муниципальными и частными заказчиками.

Ключевые слова: эффективность, ресоциализация, ФСИН России, производственный сектор, труд осужденных, трудовая адаптация, права человека, государственный заказ, уголовно-исполнительная система.

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher, Federal State Institution «Research Institute»
of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation»
(Research Institute of the Federal Penitentiary Service,
Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving
the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System
of the Center for the Study of Management Problems and
the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive
System Federal Government Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

THE PRODUCTION SECTOR OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA AS AN ECONOMIC PLATFORM FOR RESOCIALIZATION: EFFICIENCY WITHOUT HUMAN RIGHTS VIOLATIONS

Annotation. *The article examines the development of the production sector of institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia as a specific socio-economic system in which economic efficiency cannot be separated from the aims of correction and guarantees of human rights. It is argued that correctional colonies can become effective economic platforms not through expansion of coercive labour practices, but through modernization of production facilities, vocational training, transparent remuneration, legal control over working conditions, and stable cooperation with public, municipal, and private customers. The article proposes a model of lawful production integration of penal institutions into the economy based on labour adaptation, market demand, technological renewal, independent supervision, and prevention of exploitation of convicted persons.*

Key words: *Federal Penitentiary Service of Russia, penal system, production sector, prison labour, labour adaptation, human rights, resocialization, public procurement, efficiency.*

Введение. Развитие производственного сектора ФСИН России относится к числу важных инструментов ресоциализации осужденных и соблюдения их прав. Он сочетает экономические, социальные и образовательные задачи, направленные на подготовку осужденных к жизни в обществе после освобождения. Изоляция от общества не отменяет значения труда, как средства профессионального восстановления, формирования легальных доходов, возмещения причиненного преступлением ущерба, приобретения квалификации и подготовки к освобождению. Поэтому вопрос о превращении исправительных учреждений в эффективные экономические площадки должен ставиться не как задача коммерциализации наказания, а как задача создания управляемой производственной среды, в которой труд используется для исправления, профессиональной социализации и компенсации вреда, но не становится формой скрытой эксплуатации. Именно этот баланс определяет допустимые пределы реформирования производственного сектора уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС).

Действующее российское уголовно-исполнительное законодательство закрепляет обязанность осужденных к лишению свободы трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений, с учетом пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья, по возможности специальности, а также наличия рабочих мест [1]. Одновременно УИК РФ устанавливает, что продолжительность рабочего времени, правила охраны труда, техника безопасности и производственная санитария определяются в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде, а осужденные имеют право на оплату труда, причем при выполнении месячной нормы рабочего времени и нормы выработки размер оплаты не может быть ниже минимального размера оплаты труда [1]. Следовательно, правовая природа труда осужденных является смешанной: трудовая обязанность возникает в рамках исполнения наказания, но реализация этой обязанности не выводит осу-

жденного за пределы конституционно значимых гарантий человеческого достоинства, охраны здоровья, оплаты труда и правовой защиты. Экономическая эффективность в такой системе допустима только при условии, что она является производной от законной организации труда, а не от снижения стандартов безопасности, оплаты или добровольности профессионального развития.

Российская научная литература достаточно последовательно фиксирует ключевые ограничения производственного сектора УИС: износ оборудования, недостаток рабочих мест, слабую связь профессионального обучения с реальными потребностями рынка, низкую производительность, недостаточную мотивацию осужденных и ограниченность управленческой самостоятельности учреждений. Е. В. Большакова, В. И. Терехин и В. В. Чернышов указывали, что состояние производственного сектора не позволяет в полной мере обеспечить выполнение функций УИС, а высокая изношенность производственных мощностей препятствует созданию достаточного количества рабочих мест и получению прибыли, необходимой для обновления основных фондов [3, с. 9–12]. О. В. Мошненко рассматривала эффективность производственного сектора через соотношение организационной структуры, занятости осужденных, результата производства и ограничений рынка сбыта [4, с. 652–656]. А. В. Родионов обосновывал необходимость стратегического изменения уголовно-исполнительной политики в сфере организации труда, поскольку прежняя модель, ориентированная на ведомственное самообеспечение, уже не способна обеспечить конкурентоспособность производственной деятельности в условиях рыночной экономики [5, с. 183–188].

В процессе анализа состояния и развития производственного сектора учреждений ФСИН России, как инструмента ресоциализации осужденных использовались: теоретические, практические, общенаучные и специализированные методы исследования. Среди методов, которые были применены в ходе исследования, можно

выделить: диалектический метод; системно-структурный метод; аналитический метод; сравнительно-правовой метод; эмпирический метод и другие. Эти методы направлены на оценку эффективности производственной деятельности УИС, анализ ее влияния на ресоциализацию осужденных. Комбинация этих подходов позволяет всесторонне оценить роль производственного сектора ФСИН России в ресоциализации осужденных и обеспечении их прав, а также выявить проблемы и предложить пути их решения.

Основная часть. Учреждения УИС имеют возможность стать экономической площадкой только тогда, когда производство перестает быть изолированным вспомогательным элементом режима и превращается в технологически, правово и организационно оформленную систему трудовой адаптации.

Первая предпосылка такой трансформации состоит в отказе от оценки производственного сектора исключительно по валовому объему выпуска. Для исправительного учреждения экономический результат не должен подменять социально-правовой результат. Если производство дает выручку, но осужденные получают минимальные профессиональные навыки, работают на устаревшем оборудовании, не понимают структуры начислений и удержаний, не имеют доступа к эффективному механизму жалоб и после освобождения не могут использовать полученную квалификацию, такая площадка является хозяйственно активной, но не исправительной в содержательном смысле. Напротив, даже умеренная прибыльность может быть социально оправданной, если производство создает устойчивую занятость, обеспечивает безопасные условия труда, формирует легальный доход, позволяет погашать иски, обучает профессии и снижает риски постпенитенциарной дезадаптации. Поэтому система показателей должна включать не только объем выпуска и доходы от приносящей доход деятельности, но и долю реально занятых трудоспособных осужденных, среднюю оплату труда по видам работ, количество полученных квалификаций, долю трудоустроенных после освобождения, объем погашенных исковых требований, число производственных травм, количество обоснованных жалоб на оплату и условия труда, уровень повторной преступности среди лиц, прошедших трудовую адаптацию.

Вторая предпосылка заключается в технологической специализации учреждений. Универсальная «колония-производитель», пытающаяся одновременно выпускать мебель, спецодежду, металлоизделия, сельхозпродукцию и сувенирные товары без достаточной загрузки оборудования, как правило, проигрывает по себестоимости, качеству и срокам. Более рациональна модель

производственных профилей: одни учреждения специализируются на швейном производстве и текстиле, другие – на металлообработке, деревообработке, сельском хозяйстве, пищевой переработке, упаковке, ремонте, сборочных операциях или оказании простых сервисных услуг. Специализация должна определяться не административной традицией, а аудитом рынка, логистики, кадрового состава осужденных, доступных помещений, энергообеспечения, санитарных требований и возможности последующего трудоустройства. Е. А. Корякин, систематизируя элементы организации производственной деятельности и трудовой адаптации, обоснованно включает в их число маркетинговую работу, планирование производства, создание производственно-технической базы, взаимодействие с органами власти и организациями по получению заказов, заключение и исполнение государственных контрактов, оформление документов о привлечении к оплачиваемому труду, охрану труда, контроль качества и анализ результатов [10, с. 38–58]. Такой подход важен тем, что он переводит дискуссию от общего призыва «дать работу осужденным» к управляемой модели производственного цикла.

Третья предпосылка состоит в модернизации профессионального обучения. В производственном секторе ФСИН России обучение не должно быть формальностью, отделенной от реального рабочего места. Значительная часть осужденных приходит в исправительные учреждения без устойчивого трудового опыта, без профессии или с квалификацией, не востребованной в регионе будущего проживания. Поэтому образовательная траектория должна строиться по модульному принципу: первичная диагностика навыков, краткий базовый курс трудовой дисциплины и безопасности, освоение конкретной операции, получение подтверждаемой квалификации, участие в производстве под наставничеством, итоговая аттестация и подготовка к трудоустройству после освобождения. При этом профессии следует выбирать по критерию применимости за пределами колонии: сварщик, швея, оператор станков с числовым программным управлением, слесарь, столяр, повар, пекарь, тракторист, специалист по складской логистике, оператор упаковочной линии, электромонтер в пределах допустимых требований безопасности. Если осужденный обучается работе на оборудовании, которое не используется в современной экономике, трудовая адаптация теряет смысл и превращается в имитацию занятости. Поэтому инвестиции в оборудование должны сопровождаться пересмотром программ обучения и регулярным участием потенциальных работодателей в оценке квалификаций.

Четвертая предпосылка связана с правовым оформлением отношений с внешними заказчиками. Частный бизнес и государственные заказчики могут быть важными участниками развития производственного сектора ФСИН России, но модель сотрудничества должна исключать передачу осужденных как «дешевой рабочей силы». Правильная конструкция – не торговля трудом, а заключение договоров на производство продукции, выполнение работ или оказание услуг при сохранении ответственности учреждения за режим, безопасность, оплату, охрану труда и учет рабочего времени. В договорах с коммерческими контрагентами должны закрепляться требования к технологическому процессу, качеству сырья, срокам, обучению, безопасной эксплуатации оборудования, недопущению дискриминационного отношения к осужденным, порядку расчета себестоимости и распределения дохода. Если внешний партнер передает оборудование, оно должно приниматься на понятных имущественных условиях, а его эксплуатация – сопровождаться инструктажем, техническим обслуживанием и оценкой рисков. Если партнер размещает заказ, он должен отвечать за реалистичность технического задания, а учреждение – за законную организацию труда. Такая конструкция позволяет развивать кооперацию, не разрушая публично-правовой характер исполнения наказания.

Пятая предпосылка – использование потенциала государственных и муниципальных закупок без превращения его в искусственную поддержку неконкурентной продукции. Статья 28 Федерального закона № 44-ФЗ предусматривает преимущества учреждениям и предприятиям УИС при участии в закупках, в том числе увеличение цены контракта в пределах установленного механизма [2]. Однако сама по себе закупочная преференция не решает проблему качества, сроков и себестоимости. Она должна работать как инструмент начальной загрузки производственных мощностей, а не как основание для сохранения технологической отсталости. Для этого необходимо формировать региональные перечни потребностей, которые объективно могут закрываться производством УИС: спецодежда, постельные принадлежности, мебель для учреждений социальной сферы, металлоконструкции, контейнеры, элементы благоустройства, продукты питания для ведомственных нужд, услуги ремонта и переработки. Одновременно требуется цифровой каталог производственных возможностей учреждений, единые карточки продукции, прозрачные цены, фотофиксация образцов, сведения о сертификации и производственных сроках. Заказчик должен видеть не абстрактное «учреждение

УИС», а конкретного поставщика с понятной номенклатурой, производственной мощностью, ответственным лицом и историей исполнения контрактов.

Шестая предпосылка – прозрачная система оплаты труда и удержаний. Наиболее чувствительная правозащитная зона производственного сектора связана с тем, что осужденный находится в зависимости от администрации учреждения и не обладает тем же переговорным ресурсом, что обычный работник. Поэтому любые экономические показатели будут социально дискредитированы, если осужденные не понимают, как формируется заработок, какие удержания производятся, какая сумма поступает на лицевой счет, какая часть направляется на возмещение ущерба, алименты или иные обязательства. В. А. Уткин подчеркивал сложность правового регулирования труда осужденных именно потому, что оно находится на стыке уголовно-исполнительных и трудовых начал [6, с. 81–88]. Я. Э. Красковский и А. С. Зайцев обращали внимание на необходимость контроля за соблюдением трудовых прав осужденных, поскольку ограниченность свободы объективно снижает способность лица самостоятельно защищать свои интересы [7, с. 120–124]. Отсюда следует практический вывод: в учреждении должен действовать понятный расчетный лист, доступная процедура обжалования начислений, регулярная проверка норм выработки, запрет на занижение расценок под предлогом «режимной специфики», фиксация фактически отработанного времени и разъяснение осужденному его прав до начала работы.

Седьмая предпосылка – приоритет охраны труда. Производственная зона колонии не может быть территорией пониженных стандартов безопасности. Напротив, из-за режимных ограничений, психологических особенностей контингента, возможной низкой квалификации и ограниченной мобильности работников требования к безопасности должны быть выше, чем на обычном предприятии. Перед запуском производства необходимы оценка условий труда, инструктаж, допуск к оборудованию, медицинские ограничения, обеспечение средствами индивидуальной защиты, контроль исправности станков, учет травматизма и расследование каждого инцидента. Нельзя признавать эффективным производство, которое увеличивает выпуск за счет работы без обучения, с неисправным оборудованием, в условиях запыленности, шума, недостаточной вентиляции или отсутствия защитных устройств. Экономия на безопасности в исправительном учреждении имеет двойной негативный эффект: она нарушает права осужденных и формирует у них устойчивое недоверие к легальному труду как к инструменту ресоциализации.

Восьмая предпосылка – развитие мотивации, не сводимой к дисциплинарному принуждению. Обязанность трудиться не означает, что трудовая активность может поддерживаться только взысканиями. Производственная система должна создавать положительную мотивацию: более высокий заработок при росте квалификации, участие в профессиональном обучении, возможность работать по специальности, учет добросовестного труда при характеристике поведения, возможность направлять часть заработка семье, погашать иски, формировать сбережения к освобождению. Большакова, Терехин и Чернышов справедливо связывали развитие производственного сектора с повышением мотивации осужденных к труду [3, с. 9–12]. При этом мотивация должна быть правомерной: нельзя обещать преимущества, не предусмотренные законом, нельзя связывать оплату с неформальной лояльностью к администрации, нельзя использовать труд как средство давления на лиц, подающих жалобы или отстаивающих свои права. Эффективная мотивация возникает там, где осужденный видит связь между квалификацией, качеством работы, заработком, возмещением вреда и реальными шансами трудоустройства после освобождения.

Девятая предпосылка – корректная экономическая модель себестоимости. Производство в учреждениях УИС часто оценивается противоречиво: с одной стороны, оно имеет преимущества в виде контролируемой рабочей силы и ведомственной инфраструктуры, с другой – несет повышенные режимные, охранные, логистические и административные издержки. Поэтому нельзя механически ожидать, что продукция колоний всегда будет дешевле рыночной. Ее конкурентоспособность должна обеспечиваться специализацией, стабильной загрузкой, снижением простоев, качеством управления запасами, стандартизацией изделий, грамотной закупкой сырья и модернизацией оборудования. И. Н. Чернышов, анализируя затраты и результаты труда осужденных, обосновывал необходимость более точного статистического учета, позволяющего видеть реальную эффективность труда, а не только формальные показатели занятости и выпуска [9, с. 487–494]. Следовательно, управленческая отчетность должна показывать не только общий доход, но и структуру затрат, производительность на одного занятого, процент брака, загрузку оборудования, длительность производственного цикла, долю заказов, исполненных в срок, и экономический эффект профессионального обучения.

Десятая предпосылка – инвестиционная привлекательность без приватизации уголовно-исполнительной функции. В. Р. Бормотова рассматривает организационно-экономический механизм повышения инвестиционной привлека-

тельности интегрированных структур в производственном секторе УИС, указывая на значение частных инвестиций, обновления фондов и управленческих механизмов [11, с. 564–570]. Однако инвестиции в колонии требуют особых гарантий публичного контроля. Частный инвестор не должен получать возможность фактически определять режим труда, дисциплинарные последствия отказа от работы, порядок распределения осужденных по рабочим местам или доступ к персональным данным [12]. Его законный интерес – оборудование, заказ, качество, сроки, экономический результат. Публичный интерес – исправление, безопасность, соблюдение прав, социальная адаптация и возмещение вреда. Эти интересы могут совпадать только при договорном разграничении полномочий и постоянном контроле со стороны администрации учреждения, прокуратуры, органов ФСИН России, общественных наблюдательных комиссий и иных предусмотренных законом субъектов контроля [13].

Одиннадцатая предпосылка – связь производственного сектора с пробацией и постпенитенциарным сопровождением. Производственная площадка в колонии должна быть началом трудового маршрута, а не его завершением. Если осужденный получил квалификацию, но после освобождения не имеет контакта с работодателем, документов о навыках, рекомендаций, информации о вакансиях и минимального финансового резерва, эффект трудовой адаптации снижается. Поэтому уже за несколько месяцев до освобождения необходимо проводить профессиональное консультирование, формировать портфолио выполненных работ, выдавать документы об обучении, обеспечивать взаимодействие с центрами занятости, социальными службами и работодателями. Для осужденных, имеющих устойчивые трудовые результаты, возможно развитие договоренностей с предприятиями, готовыми принять их после освобождения. Здесь производственный сектор ФСИН России может стать не замкнутой ведомственной экономикой, а мостом между наказанием и возвращением в общество.

Двенадцатая предпосылка – дифференциация подходов к разным категориям осужденных. Нельзя одинаково организовывать труд для лиц с высокой квалификацией, лиц без профессии, инвалидов, пожилых осужденных, женщин, впервые осужденных, лиц с зависимостями, осужденных к длительным срокам и лиц, готовящихся к освобождению. Для одних важна поддержка уже имеющейся профессии, для других – базовая трудовая социализация, для третьих – щадящий режим и медицинские ограничения, для четвертых – интенсивная подготовка к выходу на рынок труда. Универсальная производственная норма,

не учитывающая личные характеристики, порождает конфликты, травматизм, отказ от труда и формальную занятость. Поэтому производственная система должна включать профессиональную диагностику, медицинское заключение, психологическую оценку готовности к коллективному труду и индивидуальный план трудовой адаптации.

Тринадцатая предпосылка – недопущение подмены прав человека показателями ведомственной эффективности. В условиях исправительного учреждения существует риск, что рост объема выпуска или занятости будет достигаться административным давлением, завышенными нормами, непрозрачными удержаниями, ухудшением условий труда или ограничением права на жалобу. Такая модель краткосрочно может дать хозяйственный результат, но долгосрочно разрушает исправительный эффект и усиливает социальную напряженность. Права человека в производственном секторе ФСИН России – это не внешнее ограничение экономики, а условие ее устойчивости. Осужденный, который получает понятную оплату, обучается востребованной профессии, работает в безопасных условиях и видит законность процедур, приобретает опыт легального социального обмена. Осужденный, воспринимающий труд как произвол и эксплуатацию, выходит на свободу с усиленным отчуждением от права и государства. Поэтому гуманизация труда является не противоположностью эффективности, а ее институциональной основой.

Практическая модель превращения исправительных колоний в эффективные экономические площадки может быть представлена как последовательная реформа управленческого цикла. На первом этапе проводится инвентаризация производственных помещений, оборудования, кадровых компетенций, энергетических мощностей, транспортной доступности, санитарных ограничений и потенциальных рынков. На втором этапе учреждение получает производственный профиль, согласованный с региональными потребностями и возможностями трудоустройства после освобождения. На третьем этапе модернизируются рабочие места и программы обучения, причем закупка оборудования связывается с конкретными заказами и учебными модулями. На четвертом этапе формируется портфель заказов: государственные и муниципальные закупки, внутриведомственные потребности, договоры с коммерческими партнерами, межрегиональная кооперация учреждений. На пятом этапе вводится система правового мониторинга: оплата, охрана труда, нормы выработки, жалобы, травматизм, удержания, качество обучения. На шестом этапе оценивается не только

финансовый результат, но и социальный эффект: занятость, квалификация, погашение исков, дисциплинарная стабильность, трудоустройство после освобождения.

При таком подходе производственный сектор ФСИН России может выполнять несколько функций одновременно. Экономическая функция выражается в выпуске продукции, оказании услуг, снижении бюджетной нагрузки, обеспечении части государственных и муниципальных потребностей, развитии кооперации с бизнесом. Исправительная функция состоит в формировании навыков законопослушного поведения, дисциплины труда, ответственности за результат, способности планировать доход и возмещать ущерб. Социальная функция проявляется в поддержании связи с семьей через легальный заработок, подготовке к освобождению и снижению риска повторной преступности. Правозащитная функция выражается в том, что труд становится пространством реализации, а не ограничения человеческого достоинства: осужденный не только исполняет обязанность, но и получает профессиональный ресурс для жизни после наказания.

Заключение. Развитие производственного сектора ФСИН России не может быть сведено к простому увеличению числа заказов или расширению перечня выпускаемой продукции. Колония становится эффективной экономической площадкой только при наличии правовой, технологической и социальной архитектуры труда. Во-первых, обязательность труда осужденных должна реализовываться строго в рамках гарантий УИК РФ и трудового законодательства, включая оплату, охрану труда, учет рабочего времени и право на защиту. Во-вторых, производственная эффективность требует специализации учреждений, модернизации оборудования, профессионального обучения и точного учета затрат и результатов. В-третьих, взаимодействие с бизнесом и государственными заказчиками должно строиться на договорах производства продукции и услуг, а не на фактическом предоставлении дешевой зависимой рабочей силы. В-четвертых, государственные закупочные преимущества для учреждений УИС оправданы лишь тогда, когда они стимулируют качество, занятость и ресоциализацию, а не консервируют технологическую отсталость. В-пятых, главным критерием успешности должна стать не только прибыльность, но и способность производственного сектора снижать социальную дезадаптацию осужденных, обеспечивать возмещение вреда, формировать профессию и поддерживать человеческое достоинство. Тем самым экономически эффективная колония в правовом государстве – это не закрытая фабрика принудительного труда, а контроли-

руемая производственно-образовательная среда, в которой интересы государства, общества, потерпевших, добросовестных заказчиков и самих осужденных соединяются через законный, оплачиваемый и социально значимый труд.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ: ред. действующая. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система.

[2] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ: ред. действующая. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система.

[3] Большакова Е. В. Проблемы развития производственного сектора уголовно-исполнительной системы и пути их решения / Е. В. Большакова, В. И. Терехин, В. В. Чернышов // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12, № 1. С. 9–12.

[4] Мошненко О. В. К вопросу об эффективности производственного сектора уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4), № 4. С. 652–656.

[5] Родионов А. В. Уголовно-исполнительная политика в сфере организации труда осужденных: опыт формирования и дальнейшие перспективы развития // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4), № 2. С. 183–188.

[6] Уткин В. А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 81–88.

[7] Красковский Я. Э. Особенности привлечения осужденных к труду и контроль за соблюдением трудовых прав осужденных / Я. Э. Красковский, А. С. Зайцев // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, № 1 (29). С. 120–124.

[8] Макарова О. В. Специфика производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе / О. В. Макарова, А. В. Милёхина // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 4 (24). С. 1–11. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-4-11.

[9] Чернышов И. Н. Затраты и результаты труда осужденных: проблемы статистического анализа // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4), № 4. С. 487–494.

[10] Корякин Е. А. Организация труда осужденных к лишению свободы // Организатор производства. 2024. Т. 32, № 4. С. 38–58. DOI: 10.36622/1810-4894.2024.40.52.004.

[11] Бормотова В. Р. Разработка организационно-экономического механизма формирова-

ния и повышения инвестиционной привлекательности интегрированных организационных структур в производственном секторе уголовно-исполнительной системы // Russian Journal of Management. 2023. Т. 11, № 4. С. 564–570. DOI: 10.29039/2409-6024-2023-11-4-564-570.

[12] Радченко Е. П. Частный сектор и промышленность в системе исполнения наказаний / Е. П. Радченко, С. А. Бажанов // Международный научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 166–171. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-166-171. – EDN NADXAC.

[13] Козин М. Н. Взаимодействие производственных подразделений исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы с бизнес-структурами: нормативно-правовые вопросы осуществления предпринимательства / М. Н. Козин, Е. П. Радченко // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 2. – Москва: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2021. – С. 238–243. – EDN SRAATH.

References:

[1] The Criminal Executive Code of the Russian Federation: Federal Law of 08.01.1997 No. 1-FZ: ed. Current. - Text: electronic//ConsultantPlus: reference legal system.

[2] On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs: federal law of 05.04.2013 No. 44-FZ: ed. Current. - Text: electronic//ConsultantPlus: reference legal system.

[3] Bolshakova E. V. Problems of the development of the production sector of the penal system and ways to solve them/E. V. Bolshakova, V. I. Terekhin, V. V. Chernyshov//Penal Law. 2017. Т. 12, NO. 1. S. 9-12.

[4] O. Moshnenko On the question of the efficiency of the production sector of the penal system// Man: crime and punishment. 2017. Т. 25 (1-4), NO. 4. S. 652-656.

[5] Rodionov A.V. Criminal executive policy in the field of organization of labor of convicts: experience of formation and further development prospects//Man: crime and punishment. 2017. Т. 25 (1-4), NO. 2. S. 183-188.

[6] Utkin V. A. Problems of legal regulation of the labor of convicts in correctional institutions of the Russian Federation//Criminal justice. 2015. № 2 (6). S. 81-88.

[7] Kraskovsky Y. E. Features of attracting convicts to work and monitoring the observance of labor rights of convicts/Y. E. Kraskovsky, A. S. Zaitsev// Science. Society. State. 2020. Т. 8, NO. 1 (29). S. 120-124.

[8] Makarova O. V. Specificity of production activities in the penal system//O. V. Makarova, A. V. Milyokhina//Modern studies of social problems. 2013. № 4 (24). S. 1-11. DOI: 10.12731/2218-7405-2013-4-11.

[9] Chernyshov I.N. Costs and results of labor of convicts: problems of statistical analysis//Man: crime and punishment. 2018. T. 26 (1-4), NO. 4. S. 487-494.

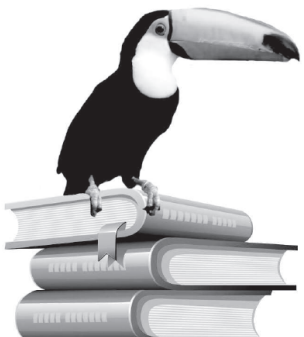
[10] Koryakin E. A. Organization of labor of those sentenced to imprisonment//Organizer of production. 2024. T. 32, NO. 4. S. 38-58. DOI: 10.36622/1810-4894.2024.40.52.004.

[11] Bormotova V. R. Development of an organizational and economic mechanism for forming and increasing the investment attractiveness of integrated organizational structures in the production

sector of the penal system//Russian Journal of Management. 2023. T. 11, NO. 4. S. 564-570. DOI: 10.29039/2409-6024-2023-11-4-564-570.

[12] Radchenko E.P. Private sector and industry in the penal system//E.P. Radchenko, S.A. Bazhanov//International Scientific Bulletin. – 2026. – № 3. – S. 166-171. – DOI 10.24412/2782-3849-2026-3-166-171. – EDN NADXAC.

[13] Kozin M.N. Interaction of production units of correctional institutions of the penitentiary system with business structures: regulatory issues of entrepreneurship//M.N. Kozin, E.P. Radchenko//Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: Scientific and practical quarterly publication. Volume Issue 2. – Moscow: Federal State Institution “Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service,” 2021. – S. 238-243. – EDN SRAATH.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

АРТАМОННИКОВА Светлана Васильевна,
нотариус Камышинского района Волгоградской области,
e-mail: artamonnikova1@list.ru

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: НОТАРИАЛЬНАЯ ФОРМА ЗАЩИТЫ ИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. В исследовании анализируется специфика правового статуса военнослужащих, сочетающего общегражданские права и служебные обязанности в условиях дисциплинарной иерархии и цифровизации процедур гражданского оборота. Ключевое внимание уделено роли нотариата в защите интересов военнослужащих. Несмотря на значительный объем оказанной льготной помощи, сохраняются барьеры в доступе к нотариальным услугам. Для их устранения предлагается внедрение дистанционных технологий, видеосвязи и систем на базе блокчейна. В качестве практических мер рекомендовано создание механизмов отмены доверенностей и регулирование статуса документов лиц, пропавших без вести. Автор делает вывод, что цифровая трансформация нотариата является необходимым условием для обеспечения реальной защиты прав и законных интересов военнослужащих.

Ключевые слова: правосубъектность военнослужащих, цифровизация, нотариальные услуги, доверенности.

ARTAMONNIKOVA Svetlana Vasilyevna,
notary of the Kamyshinsky district of the Volgograd region

LEGAL PERSONALITY OF MILITARY PERSONNEL: A NOTARIAL FORM OF PROTECTION OF THEIR RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

Annotation. The study analyzes the specifics of the legal status of military personnel, combining civil rights and official duties in the context of disciplinary hierarchy and digitalization of civil turnover procedures. The key attention is paid to the role of the notary in protecting the interests of military personnel. Despite the significant amount of preferential assistance provided, barriers to access to notary services remain. To eliminate them, it is proposed to introduce remote technologies, video communication and blockchain-based systems. As practical measures, it is recommended to create mechanisms for revoking powers of attorney and regulating the status of documents of missing persons. The author concludes that the digital transformation of the notary is a necessary condition for ensuring real protection of the rights and legitimate interests of military personnel.

Key words: legal personality of military personnel, digitalization, notary services, power of attorney.

Актуальность исследования правосубъектности военнослужащих в современных реалиях обусловлена рядом факторов. Военная служба по своей природе связана с повышенным уровнем регламентации поведения, и это неизбежно отражается на объеме и способах реализации прав такого субъекта. Дисциплина, субординация и единоначалие выступают организационными условиями деятельности армии, однако в конкретных правоприменительных ситуациях они способны трансформироваться в фактические барьеры для реализации прав, если отсутствуют понятные гарантии и эффективные процедурные механизмы обжалования решений командования. Дополнительным вызовом стано-

вится цифровизация: расширение электронного документооборота, использование информационных систем учета, развитие средств служебной коммуникации и контроля формируют новую среду, где привычные юридические конструкции (например, личная ответственность, режим служебной тайны, пределы вмешательства в частную жизнь) требуют уточнения и более тонкой настройки.

Гражданская правоспособность военнослужащих, аналогично общим принципам, распространяется на возможность обладания гражданскими правами и обязанностями [2]. Принцип равенства правоспособности гарантирует военнослужащим возможность иметь имущественные

права, вступать в гражданско-правовые отношения, обращаться в судебные инстанции для защиты своих интересов. Вместе с тем, в силу особого статуса военной службы, реализация отдельных гражданских прав военнослужащих подвергается определенным ограничениям, обусловленным необходимостью обеспечения боеготовности и дисциплины [3]. Правоспособность лиц, проходящих военную службу, имеет определённые ограничения [1]. Они установлены законодательными и подзаконными актами, которые регулируют особенности профессиональной деятельности военных [13].

Военнослужащие, безусловно, обладают дееспособностью, но их возможности ограничены в силу специфики профессиональной деятельности. Такие ограничения затрагивают, как правило, три ключевых блока действий. Во-первых, это действия, связанные с имущественными и финансовыми операциями, включая открытие счетов в иностранных банках и владение иностранными финансовыми инструментами [14], а также совершение крупных сделок, ограничения на которые могут устанавливаться внутренними уставами воинских частей [15]. Во-вторых, это действия, сопряженные с распространением информации и публичной деятельностью, в частности, разглашение сведений, составляющих государственную тайну [16], публичные выступления, публикации в средствах массовой информации, ведение блогов и социальных сетей, что обусловлено необходимостью предотвращения разглашения служебной информации и поддержания авторитета вооруженных сил. В-третьих, это действия, касающиеся перемещения и выезда за пределы Российской Федерации [17], что также может требовать предварительного согласования с командованием, Федеральной службой безопасности, особенно для лиц, допущенных к сведениям, составляющим государственную тайну [18].

Правовая конструкция, определяющая правосубъектность военнослужащих, отличается значительной сложностью [9]. В её основе лежат законодательные нормы и специфические требования, обусловленные особенностями военной службы. Эти факторы необходимо учитывать при применении права на практике. Особенности правосубъектности военных выражаются в наличии определённых ограничений и льгот по сравнению с остальными гражданами. Они продиктованы спецификой службы, потребностью в поддержании порядка и соблюдением требований безопасности [8].

Особую роль в жизни военнослужащих играют нотариальные услуги. Специфика их деятельности часто предполагает необходимость срочного оформления документов при затруд-

нённом доступе к юридическим услугам. Составление доверенностей для управления имуществом, подготовка завещаний и другие подобные задачи становятся особенно насущными во время продолжительных командировок или участия в специальных операциях. Возможность получения военнослужащими нотариальных услуг – значимый аспект защиты их прав и интересов. Хотя законодательство и предусматривает право военнослужащих обращаться к нотариусам, существует ряд обстоятельств, которые ограничивают этот доступ. Их можно разделить на три категории: территориальные, временные и процедурные.

Одной из наиболее существенных проблем являются географические барьеры. Нередко места дислокации военнослужащих — военные базы, гарнизоны, полигоны — находятся в отдалённых районах, где нет нотариальных контор. Существующие обстоятельства порождают значительные проблемы: потребность в удостоверении документов или иных нотариальных услугах нередко приводит к задержкам в оформлении бумаг или вынуждает совершать поездки в крупные города, что несовместимо с выполнением служебных обязанностей. Ограничения, связанные с временными рамками, существенно затрудняют возможность посещения нотариуса в нужный момент. Специфика военной службы нередко исключает возможность заранее составить график визитов, что приводит к проблемам с оперативным оформлением требуемых документов.

На данный момент остаётся недостаточно исследованной сфера организационно-правовых механизмов, призванных обеспечивать права военнослужащих при совершении нотариальных действий. В результате в работе командиров и других должностных лиц Вооружённых Сил Российской Федерации, а также в деятельности нотариусов регулярно возникают спорные и неоднозначные ситуации. Для этого необходим комплексный подход, который объединит теоретические знания и практический опыт и позволит разработать новые методы и рекомендации для решения существующих проблем [11].

Законодательство предусматривает льготы по осуществлению ряда нотариальных действий, включая оплату исключительно федерального нотариального тарифа и освобождение от регионального тарифа. Дополнительно предусмотрено освобождение от уплаты как регионального, так и федерального нотариального тарифов при оформлении наследственных прав наследниками военнослужащих — участников специальной военной операции (СВО).

Российский нотариат предоставляет участникам СВО и членам их семей стимулирующие меры в виде льгот на нотариальные услуги, общая

сумма которых за период 2024 г. составила 440 миллионов рублей, за 2025 г. общая сумма предоставленных нотариатом льгот для участников СВО и членов их семей превысила отметку в 874 млн руб. [19], а за весь период СВО — более миллиарда рублей с учетом помощи беженцам. В рамках правовой поддержки нотариусы также оказывают более 400 тысяч бесплатных консультаций участникам СВО и членам их семей [20].

Вопрос обеспечения военнослужащих возможностью воспользоваться нотариальными услугами нуждается в глубоком исследовании и разработке многоаспектных решений. Особенности военной службы создают ряд преград, поэтому важно разработать комплекс действий, который поможет усовершенствовать систему получения нотариальных услуг для представителей вооружённых сил. Особенно перспективным видится развитие механизмов удалённого взаимодействия в нотариальной сфере. Принимая во внимание, что военнослужащие зачастую находятся в отдалённых и труднодоступных местах, электронный нотариат может стать эффективным инструментом для решения существующих проблем. Онлайн-формат совершения нотариальных действий, включая использование видеосвязи, откроет для военных возможность консультироваться с нотариусами и оформлять необходимые документы без отрыва от исполнения служебных обязанностей и перемещения с места дислокации. Это позволит значительно ускорить процесс получения услуг и оптимизировать затраты времени и ресурсов.

Для реализации таких технологий требуется создание безопасных платформ, обеспечивающих защиту персональных данных и юридическую силу документов, удостоверенных в электронном виде. Разработка таких решений предусматривает координацию между нотариальными палатами, правозащитными организациями и IT-компаниями, разрабатывающими программное обеспечение. Совместная работа позволит достичь независимости нотариальных действий от географического положения клиента, что будет особенно важно для военнослужащих, которые по роду службы часто перемещаются.

Предлагается в целях обеспечения доступности нотариальных услуг для военнослужащих, лишенных возможности личного посещения нотариальной конторы, внедрение блокчейн-системы формирования документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП). Данная система предусматривает централизованное создание и управление УКЭП Федеральной нотариальной палатой (ФНП), обеспечивающей хранение в защищенном репозитории ключевых идентификационных данных заявителя: цифровых копий паспорта, СНИЛС, заяв-

ления и контракта о прохождении военной службы. С целью аутентификации личности военнослужащего и верификации формируемой УКЭП предлагается создание специального пакета верификационных данных, включающего видеозапись, фиксирующую образ документа, удостоверяющего личность с фотографией гражданина, образец его подписи, а также электронную подпись нотариуса, удостоверяющего соответствие личности заявителя представленным документам. Для организации взаимодействия между нотариусом и военнослужащим, предполагается создание защищенных каналов связи на базе инфраструктуры Федеральной нотариальной палаты (ФНП). Данные каналы, включающие выделенную линию видеоконференцсвязи, обеспечат возможность установления контакта и проведения идентификации личности в режиме реального времени, а также выяснения воли лица, обратившегося за нотариальным действием, с соблюдением требований конфиденциальности. После получения запроса из ФНП о действительности выданной УКЭП, нотариус удостоверяет документ своей УКЭП, признавая юридическую силу электронной подписи военнослужащего равнозначной собственноручной подписи. Полученный таким образом электронный документ, удостоверенный УКЭП нотариуса, признается юридически действительным и может быть передан уполномоченному лицу для реализации представленных полномочий.

Помимо этого, нотариальному сообществу целесообразно инициировать вопрос о внесении изменений в существующее законодательство и практику, касающихся отмены доверенностей и доступности информации о выданных доверенностях. Отсутствие единой базы данных и невозможность оперативного получения информации о факте удостоверения доверенности, особенно в ситуации утраты документа или отсутствия детальных сведений о нем, создает значимые риски для прав и законных интересов граждан. Включение в функционал нотариата возможности отмены доверенности любым нотариусом, а также предоставление доступа к информации об удостоверении доверенности вне зависимости от места ее выдачи, представляется необходимым шагом для обеспечения прозрачности и защиты прав граждан в сфере представительства. Данный функционал особенно актуален в современных реалиях защиты прав военнослужащих.

В условиях современной реальности, когда военные конфликты и неопределенность стали неотъемлемой частью жизни, особую актуальность приобретает вопрос юридической силы доверенностей, выданных военнослужащими, впоследствии пропавшими без вести. В период неопределенности судьбы такого лица, когда

факт смерти еще не установлен, но и достоверной информации о его местонахождении нет, действие доверенности порождает целый ряд правовых коллизий. Ключевым моментом является отсутствие юридического факта смерти доверителя, который, согласно общему правилу, влечет за собой прекращение действия доверенности. Однако, в рассматриваемой ситуации, мы имеем дело с юридической фикцией – пропавшим без вести, статус которого, в отличие от умершего, не влечет автоматического прекращения гражданских прав и обязанностей.

Проблема заключается в том, что в период действия доверенности, выданной пропавшим без вести военнослужащим, от его имени могут совершаться различные сделки и юридически значимые действия. Впоследствии, если военнослужащий будет признан погибшим, возникает вопрос о правовой судьбе этих сделок. Будут ли они считаться действительными, недействительными или оспоримыми? С какого момента следует отсчитывать срок исковой давности для признания сделки недействительной? Отсутствие четкого правового регулирования в этой сфере создает предпосылки для злоупотреблений, нарушений прав и законных интересов военнослужащих, их семей и третьих лиц, участвовавших в сделках, совершенных на основании доверенности. Нужна четкая правовая регламентация, учитывающая особенности ситуации и защищающая интересы всех сторон. Необходимо разработать механизм, который, с одной стороны, позволит избежать паралича гражданского оборота и обеспечит возможность управления имуществом пропавшего без вести, а с другой – исключит возможность совершения недобросовестных сделок и гарантирует защиту прав военнослужащих и их наследников в случае признания военнослужащего погибшим.

Реализация предложенных инициатив потребует комплексного подхода, активного сотрудничества между различными государственными и частными организациями, а также долгосрочного планирования и организации проектной деятельности, что в конечном итоге приведет к созданию системы, соответствующей требованиям времени и нуждам военнослужащих.

Список литературы:

- [1] Кудрявцев И.В. Правовой статус военнослужащего: проблемы обеспечения в современной России // *Право в Вооруженных Силах*. 2018. N 9. С. 2 - 8.
- [2] Мигачев Ю. И. Правовые гарантии реализации статуса военнослужащих (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 28.
- [3] Федотова Ю.Г. Понятие и элементы правового статуса граждан как субъектов обеспечения обороны страны и безопасности государства // *Современное право*. 2024. N 12. С. 17 - 25.
- [4] Актуальные проблемы частного и публичного права : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 01 апреля 2024 года. – Волгоград: ПАНХиГС, 2024. – 150 с. – ISBN 978-5-7786-0906-8. – EDN XOCWMN.
- [5] Нотариат предоставил участникам СВО и их близким льготы на 440 млн рублей - РИА Новости, 21.04.2025 // <https://ria.ru/20250421/svo-2012544604.html>
- [6] Палехин М. В. К вопросу о гражданско-правовом статусе военнослужащего // *International Scientific Review – Текст : непосредственный* 2015 №2 (3) – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-grazhdansko-pravovom-statuse-voennosluzhaschego>
- [7] Палехин М. В. Гражданско-правовая охрана прав военнослужащих: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2006. — 218 с.
- [8] Мутагиров Д. З. Права и свободы человека: теория и практика. М., 2006. С. 288.
- [9] Манохин В. М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997. С. 175.
- [10] Устав внутренней службы Вооруженных Сил РФ. Ст. 243-249.
- [11] Цымбаренко, Алла Геннадьевна. Организационно-правовые основы обеспечения прав военнослужащих при совершении нотариальных действий : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 20.02.03. — Москва, 2000. — 22 с..
- [12] Правовые гарантии нотариата: итоги 2025 года // <https://notariat.ru/ru-ru/news/pravovye-garantii-notariata-itogi-2025-goda-2512>
- [13] Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О статусе военнослужащих» // «Российская газета», N 104, 02.06.1998.
- [14] Федеральный закон от 7 мая 2013 г. N 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»// «Российская газета» от 14 мая 2013 г. N 10
- [15] Устав внутренней службы Вооруженных Сил РФ. Ст. 243-249.
- [16] Закон РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 «О государственной тайне» // «Российская газета» от 21 сентября 1993 г. N 182.
- [17] Федеральный закон от 15 августа 1996 г. N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // «Российская газета» от 22 августа 1996 г. N 159.

[18] О реализации отдельных норм Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»: Постановление Правительства РФ от 1 октября 1998 г. № 1142 (с послед. изм. и дон.) // Собрание законодательства РФ. 1998. №4\.. Ст. 5020; О порядке оформления разрешений на выезд из Российской Федерации военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, а также федеральных органов исполнительной власти, в которых не предусмотрена военная служба: Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1997 г. № 1598 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 52. Ст. 5929.

[19] Правовые гарантии нотариата: итоги 2025 года // <https://notariat.ru/ru-ru/news/pravovye-garantii-notariata-itogi-2025-goda-2512>

[20] Нотариат предоставил участникам СВО и их близким льготы на 440 млн рублей - РИА Новости, 21.04.2025 // <https://ria.ru/20250421/svo-2012544604.html>

References:

[1] Kudryavtsev I.V. The legal status of a serviceman: security problems in modern Russia// Law in the Armed Forces. 2018. N 9. S. 2-8.

[2] Migachev Yu. I. Legal guarantees for the realization of the status of military personnel (comparative legal study): Author. dis.... Dr. sciences. M., 1999. S. 28.

[3] Fedotova Yu.G. The concept and elements of the legal status of citizens as subjects of ensuring the country's defense and state security//Modern law. 2024. N 12. S. 17-25.

[4] Actual problems of private and public law: collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Volgograd, April 01, 2024. - Volgograd: RANEPa, 2024. - 150 p. - ISBN 978-5-7786-0906-8. – EDN XOCWMN.

[5] The notary provided the participants of the SVO and their relatives with benefits for 440 million rubles - RIA Novosti, 21.04.2025 // <https://ria.ru/20250421/svo-2012544604.html>

[6] Palekhin M.V. On the issue of civil status of a serviceman//International Scientific Review - Text: immediate 2015 No. 2 (3) - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-grazhdansko-pravovom-statuse-voennosluzhashego>

[7] M.V. Palekhin. Civil protection of the rights of military personnel: dis.... cand. jurid. sciences. - Volgograd, 2006. - 218 s.

[8] Mutagirov D. 3. Human rights and freedoms: theory and practice. M., 2006. S. 288.

[9] Manokhin V. M. Service and employee in the Russian Federation: legal regulation. M., 1997. S. 175.

[10] Charter of the internal service of the Armed Forces of the Russian Federation. Art. 243-249.

[11] Tsymbarenko, Alla Gennadievna. Organizational and legal basis for ensuring the rights of military personnel when performing notarial actions: abstract of dis.... Candidate of Law: 20.02.03. - Moscow, 2000. - 22 s..

[12] Legal guarantees of the notary: results of 2025// <https://notariat.ru/ru-ru/news/pravovye-garantii-notariata-itogi-2025-goda-2512>

[13] Federal Law of 27.05.1998 N 76-FZ (as amended by 07.07.2025) "On the Status of Military Personnel" //Rossiyskaya Gazeta, No. 104, 02.06.1998.

[14] Federal Law No. 79-FZ dated May 7, 2013 "On Prohibition of Certain Categories of Persons from Opening and Holding Accounts (Deposits), Keeping Cash and Valuables in Foreign Banks Located Outside the Territory of the Russian Federation, Owning and (or) Using Foreign Financial Instruments" // "Rossiyskaya Gazeta" dated May 14, 2013 No. 10

[15] Charter of the internal service of the Armed Forces of the Russian Federation. Art. 243-249.

[16] Law of the Russian Federation of July 21, 1993 N 5485-I "On State Secrets" // "Rossiyskaya Gazeta" of September 21, 1993 N 182.

[17] Federal Law of August 15, 1996 No. 114-FZ "On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation" //Rossiyskaya Gazeta of August 22, 1996 No. 159.

[18] On the implementation of certain norms of the Federal Law "On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation": Decree of the Government of the Russian Federation of October 1, 1998 No. 1142 (from the last. rev. and don.)//Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. №4\.. Art. 5020; On the procedure for issuing permits for departure from the Russian Federation of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation, as well as federal executive bodies that do not provide for military service: Decree of the Government of the Russian Federation of December 19, 1997 No. 1598//Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. № 52. Art. 5929.

[19] Legal guarantees of the notary: results of 2025// <https://notariat.ru/ru-ru/news/pravovye-garantii-notariata-itogi-2025-goda-2512>

[20] The notary provided the participants of the SVO and their relatives with benefits for 440 million rubles - RIA Novosti, 21.04.2025 // <https://ria.ru/20250421/svo-2012544604.html>

ВАСИЯН Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного
и социально-экономического образования,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»,
заместитель генерального директора
по правовому обеспечению и корпоративному управлению
АО «Концерн «Уралвагонзавод»,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы правовой охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации. Обосновывается, что традиционные гражданско-правовые и публично-правовые способы защиты не всегда способны обеспечить надлежащую охрану прав субъектов в цифровой среде, поскольку цифровые платформы, смарт-контракты, большие данные, персональные данные, электронная коммерция и автоматизированные информационные системы формируют новые модели экономического оборота. Особое внимание уделяется разграничению понятий «охрана» и «защита» прав в цифровой среде, правовому статусу владельцев агрегаторов, защите информации, персональных данных и больших данных. Рассматриваются проблемы квалификации больших данных как самостоятельного объекта разноотраслевого правового регулирования. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства об информации, персональных данных, цифровых платформах, электронно-цифровой коммерции, антимонопольном регулировании и экономической безопасности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, субъекты экономической деятельности, защита прав, охрана прав, цифровая среда, персональные данные, большие данные, цифровые платформы, электронная коммерция, экономическая безопасность.

VASIYAN Roman Ivanovich,
Associate Professor, Department of Humanitarian
and Socio-Economic Education
Ural Federal University named after the
First President of Russia B. N. Yeltsin
Deputy General Director for Legal Support
and Corporate Governance
JSC Concern Uralvagonzavod,
Yekaterinburg, Russia

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION AND DEFENCE OF THE RIGHTS OF ECONOMIC ENTITIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines current problems of legal protection and defence of the rights of economic entities in the context of digital transformation in the Russian Federation. It is argued that traditional civil law and public law remedies are not always sufficient to ensure proper protection of rights in the digital environment, since digital platforms, smart contracts, big data, personal data, e-commerce and automated information systems create new models of economic turnover. Special attention is paid to the distinction between legal protection and legal defence of rights in the digital environment, the legal status of online aggre-

gators, information protection, personal data protection and big data regulation. The article considers the problem of qualifying big data as an independent object of cross-sectoral legal regulation. The conclusion is made that legislation on information, personal data, digital platforms, e-commerce, antimonopoly regulation and economic security requires further development.

Key words: *digital transformation, economic entities, legal defence of rights, legal protection of rights, digital environment, personal data, big data, digital platforms, e-commerce, economic security.*

Введение

Цифровая трансформация существенно изменила условия осуществления экономической деятельности. Если ранее цифровые технологии рассматривались преимущественно как вспомогательные инструменты документооборота, расчётов и коммуникации, то в настоящее время они всё чаще определяют саму модель экономического поведения субъектов. Договоры заключаются через электронные платформы, расчёты осуществляются с использованием цифровых платёжных инструментов, сведения о потребителях и контрагентах обрабатываются в автоматизированных системах, а рыночная стратегия хозяйствующих субъектов все чаще строится на анализе больших массивов данных.

В таких условиях традиционные способы охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности оказываются недостаточными. Они формировались применительно к аналоговой экономике, где объект, субъект, момент нарушения и способ восстановления права чаще были очевидны. В цифровой среде эти элементы нередко становятся размытыми: правонарушение может быть совершено автоматически, данные могут обрабатываться распределённо, а причинение вреда может быть связано не с одним действием, а с совокупностью алгоритмических операций.

Показателен пример смарт-контракта. В отличие от обычного гражданско-правового договора, смарт-контракт исполняется автоматически при наступлении заранее заданных условий. После внесения соответствующего программного кода в блокчейн возможность оперативного изменения условий либо приостановления исполнения существенно ограничивается. В результате защита права не всегда может осуществляться теми же способами, которые применяются при исполнении обычного договора. Сходные проблемы возникают в сфере цифровой конкуренции. Посягательства на права субъектов экономической деятельности могут выражаться не только в прямом нарушении договора или причинении имущественного вреда, но и в использовании сетевых эффектов, алгоритмического ценообразования, манипулирования поисковой выдачей, ограничения доступа к платформенной инфраструктуре, недобросовестного использования больших данных. При формально- юриди-

ческом подходе такие действия не всегда очевидно противоправны, хотя фактически способны ограничивать конкуренцию и нарушать интересы участников рынка.

Экономико-правовая природа указанных процессов подчёркивается и в исследованиях, посвящённых инновационной деятельности предприятий в условиях цифровой экономики. Так, А. В. Чешин отмечает, что цифровизация инновационной деятельности требует комплексного учёта экономических и правовых факторов, поскольку внедрение цифровых решений меняет не только технологический, но и организационно-правовой контур деятельности предприятий [14, с. 426–433].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении актуальных проблем правовой охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации и в обосновании направлений совершенствования российского законодательства в данной сфере.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования выступили положения Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О персональных данных», «О связи», «О национальной платёжной системе», Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2026 № 7-П, ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546–2021, а также международные и зарубежные акты, включая GDPR и Директиву ЕС 2022/2555.

В качестве научной базы использованы труды и публикации, посвящённые цифровой экономике, цифровой трансформации управления, экономической безопасности, большим данным, инновационному предпринимательству и правовой охране субъектов экономической деятельности. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и межотраслевой методы. Формально-юридический метод позволил проанализировать содержание действующих правовых норм. Системный метод применялся при рассмотрении цифровой среды как совокупности частноправовых, публично-правовых,

информационных, предпринимательских и финансово-правовых отношений. Сравнительно-правовой метод использовался при обращении к опыту Европейского союза, США и Китая. Межотраслевой подход позволил показать, что охрана и защита прав субъектов экономической деятельности в цифровой среде не могут быть сведены только к гражданско-правовым способам защиты.

Результаты и обсуждение

Правовое регулирование отношений, связанных с охраной и защитой прав субъектов экономической деятельности в цифровой сфере, получило отражение в нормах различных отраслей законодательства. Конституционной основой такого регулирования выступают положения статьи 71 Конституции Российской Федерации, относящиеся к ведению Российской Федерации обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных [1].

При этом цифровая безопасность не может пониматься исключительно как техническая защищённость информационных систем. Речь идёт о более широком явлении, включающем защиту прав личности, интересов общества, государства и субъектов экономической деятельности. Цифровая экономика создаёт новые возможности для предпринимательства, но одновременно усиливает зависимость хозяйствующих субъектов от платформ, информационной инфраструктуры, алгоритмов обработки данных и устойчивости цифровых сервисов.

Цифровая трансформация затрагивает также сферу публичного управления. Электронные реестры, межведомственный обмен данными, цифровые государственные сервисы, автоматизированный контроль, платформенные механизмы взаимодействия бизнеса и государства становятся частью регуляторной среды. Л. В. Дмитриева справедливо указывает, что цифровая трансформация управления предполагает изменение не только технических инструментов, но и самих подходов к организации управленческих процессов [15, с. 176–197]. Поэтому защита прав субъектов экономической деятельности в цифровой среде должна рассматриваться во взаимосвязи частноправовых и публично-правовых механизмов.

Одним из наиболее заметных направлений правового регулирования цифровой экономики является защита прав потребителей в электронной коммерции. Развитие маркетплейсов, агрегаторов, сервисов доставки, электронных платёжных решений и дистанционной торговли привело к появлению новых посредников между продавцом и потребителем.

Значимым актом в данной сфере является Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ, которым в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» были внесены положения о владельце агрегатора информации о товарах и услугах [5]. Законодатель закрепил обязанности владельца агрегатора по предоставлению информации о себе и продавце, а также установил отдельные правила ответственности за предоставление потребителю недостоверной или неполной информации. Однако правовая модель агрегатора остаётся неоднозначной. С одной стороны, агрегатор не всегда является продавцом в классическом смысле. С другой стороны, в современной электронной коммерции он нередко выполняет гораздо более широкие функции: принимает оплату, организует доставку, устанавливает правила взаимодействия продавца и покупателя, участвует в разрешении споров, определяет условия возврата денежных средств. В такой ситуации агрегатор перестаёт быть нейтральным информационным посредником и фактически приобретает регуляторное влияние внутри цифровой платформы.

Дополнительное значение для данной сферы имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2026 № 7-П, которым были выявлены проблемы правового регулирования возврата товара надлежащего качества, приобретённого дистанционным способом [6]. Конституционный Суд указал на необходимость урегулировать порядок такого возврата с учётом баланса интересов продавца и покупателя. Данная позиция важна не только для потребительского права, но и для понимания общей тенденции: цифровая торговля требует специальных юридических механизмов, поскольку классические правила розничной купли-продажи не всегда учитывают специфику дистанционного взаимодействия.

Защита прав потребителей в цифровой среде должна строиться не только на формальном информировании покупателя. Необходимы механизмы реальной проверяемости информации, прозрачности платформенных правил, ответственности агрегаторов за свои цифровые сервисы, а также справедливого распределения рисков между продавцом, потребителем, агрегатором, перевозчиком и платёжной организацией. Другое важное направление связано с правовым обеспечением охраны и защиты информации. В соответствии со статьёй 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на защиту информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения и иных неправомерных действий [7].

Данное нормативное определение имеет большое значение, однако вызывает ряд вопросов. Во-первых, оно во многом описывает защиту информации через «обеспечение защиты информации», что не устраняет терминологической неопределённости. Во-вторых, в нём преимущественно отражён превентивный и технический аспект, тогда как юридическая защита права предполагает также пресечение нарушения, восстановление нарушенного положения, возмещение убытков, применение мер ответственности и иных правовых последствий.

В связи с этим представляется необходимым разграничивать охрану и защиту прав субъектов экономической деятельности в цифровой среде.

Охрана прав субъектов экономической деятельности в цифровой среде - это деятельность государства, иных публичных субъектов, организаций и самих участников цифровых правоотношений, направленная на создание нормативных, организационных, технических и договорных условий, предупреждающих нарушение прав и законных интересов в цифровом пространстве.

Защита прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации - это деятельность компетентных органов, иных уполномоченных лиц и самих участников правоотношений, направленная на пресечение нарушения либо реальной угрозы нарушения цифровых прав и законных интересов, восстановление нарушенного положения, возмещение убытков, компенсацию вреда и применение иных мер юридического воздействия. Такой подход позволяет устранить смешение профилактических и восстановительных механизмов. Охрана действует до нарушения либо в целях его предупреждения. Защита возникает тогда, когда право уже нарушено либо имеется реальная угроза нарушения.

Развитие цифровой экономики в регионах России также показывает, что правовая защищённость субъектов предпринимательства зависит не только от формального наличия норм, но и от цифровой инфраструктуры, кадровых возможностей, организационной готовности и доступности цифровых сервисов. А. В. Минаков и А. Е. Суглобов обращают внимание на проблемы регионального развития цифровой экономики, включая неравномерность цифровой инфраструктуры и различия в условиях цифровизации [16, с. 63–72]. Это означает, что охрана прав субъектов экономической деятельности в цифровой среде должна учитывать не только нормативные, но и фактические условия доступа к цифровым инструментам. Часть 2 статьи 16 Федерального закона № 149-ФЗ связывает государственное регулирование отношений в сфере защиты

информации с установлением требований о защите информации и ответственности за нарушение законодательства об информации [7]. Однако такое понимание государственного регулирования представляется чрезмерно узким.

Государственное регулирование должно включать не только установление требований и ответственности, но и мониторинг цифровой среды, контроль исполнения требований, оценку рисков, развитие стандартов информационной безопасности, взаимодействие с участниками рынка, предупреждение нарушений, международное сотрудничество, а также формирование единых подходов к обработке и защите данных.

Отдельный вопрос касается ответственности обладателя информации и оператора информационной системы. В статье 16 Федерального закона № 149-ФЗ установлены обязанности по обеспечению защиты информации, однако не вполне ясно, как должна распределяться ответственность в случае, если вред причинён совместными действиями либо бездействием обладателя информации и оператора информационной системы. Представляется, что в отношении с потерпевшим субъектом более эффективной была бы модель солидарной ответственности с последующим распределением ответственности между обязанными лицами с учётом степени их вины.

Международный опыт подтверждает, что регулирование защиты информации всё чаще строится на сочетании технических стандартов, организационных требований и публичного контроля. В США применяются механизмы контроля безопасности NIST SP 800-53 для федеральных информационных систем [11]. В Европейском союзе действует Директива 2022/2555, известная как NIS2, которая обязывает государства-члены развивать национальные стратегии кибербезопасности и меры защиты цепочек поставок программного обеспечения [12]. В Китае используется комплексная система контроля информационного пространства, включая идентификацию пользователей, фильтрацию трафика и иные технические средства государственного контроля.

Для Российской Федерации особое значение имеет развитие собственной модели регулирования, сочетающей защиту прав субъектов экономической деятельности, обеспечение цифрового суверенитета, сохранение конкуренции и устойчивость цифровой инфраструктуры.

Третьим важным направлением является обеспечение прав и законных интересов субъектов, связанных с обработкой персональных данных. В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ персональные данные - это любая информация, относящаяся к прямо или

косвенно определённом или определяемому физическому лицу [8]. Данное определение по своей природе является широким. Оно позволяет охватывать новые виды цифровых идентификаторов, однако одновременно порождает неопределённость. В судебной практике возникали вопросы о том, могут ли относиться к персональным данным адрес электронной почты, ID пользователя, IP-адрес, файлы cookies, номер телефона, данные систем аналитики и иные цифровые следы. Так, в деле LinkedIn суды признали нарушающей требования законодательства деятельность интернет-ресурсов по сбору, использованию и хранению персональных данных граждан Российской Федерации. В другом деле, связанном с ПАО «Ростелеком», суд указал, что сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи являются информацией ограниченного доступа и подлежат защите в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В связи с этим можно выделить два подхода к определению персональных данных. Первый основан на широком понимании этой категории и предполагает оценку каждого случая с учётом конкретных обстоятельств. Второй связан с идеей законодательного закрепления закрытого перечня сведений, относимых к персональным данным. Однако оба подхода имеют недостатки. Широкое понимание создаёт неопределённость, а закрытый перечень быстро устаревает в условиях развития цифровых технологий. Более продуктивным представляется подход, при котором персональные данные определяются через совокупность юридических и технологических критериев. В этой связи можно предложить следующее уточнение: персональные данные - это информация ограниченного доступа, имеющая специальный правовой режим, прямо обозначенная в законодательстве как персональные данные либо позволяющая с использованием иных данных и цифровых технологий прямо или косвенно идентифицировать физическое лицо. Такой подход позволяет учитывать развитие цифровой среды и одновременно не превращает любую информацию о человеке в персональные данные автоматически.

Защиту прав и законных интересов субъектов персональных данных следует понимать как деятельность судебных, административных и иных компетентных органов, операторов, иных обязанных лиц и самих субъектов персональных данных, направленную на пресечение неправомерной обработки персональных данных, восстановление нарушенного положения, удаление, блокирование или уточнение данных, возмещение убытков и компенсацию морального вреда. С учетом роста числа споров о правовом режиме

цифровых идентификаторов целесообразно подготовить обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации отдельных видов сведений в качестве персональных данных.

Особое место в цифровой экономике занимает феномен больших данных. С юридической конструкцией защиты персональных данных он связан непосредственно, поскольку персональные данные могут входить в состав больших данных. Однако большие данные не сводятся к персональным данным. Они включают различные массивы сведений, имеющих разные правовые режимы: коммерческую информацию, публичные данные, технические данные, обезличенные сведения, статистическую информацию, данные платформ, сведения о потребительском поведении.

В ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021 большие данные определяются как большие массивы данных, отличающиеся такими характеристиками, как объём, разнообразие, скорость обработки и вариативность, требующие использования технологий масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа [10]. Однако для права такого технического определения недостаточно. Сам по себе большой объём информации ещё не превращает её в самостоятельный правовой феномен. Юридическое значение больших данных возникает тогда, когда их обработка влияет на права и законные интересы субъектов: потребителей, предпринимателей, операторов платформ, правообладателей, инвесторов, государства. Ранее в законопроекте № 571124-7 предлагалось использовать категорию «большие пользовательские данные», под которыми понималась совокупность не содержащей персональных данных информации о физических лицах и их поведении, собираемой из различных источников, в том числе из сети Интернет. Хотя данный законопроект не привёл к формированию завершённой правовой модели больших данных, сама постановка вопроса сохранила актуальность.

В правовом смысле большие данные можно определить как комплексный мега-информационный массив, отвечающий определённым технологическим признакам и выступающий самостоятельным объектом разноотраслевого правового регулирования в целях упорядочения его сбора, хранения, обработки, анализа, передачи, использования и защиты прав субъектов соответствующих отношений. Такое понимание позволяет избежать двух крайностей. С одной стороны, большие данные не следует рассматривать только как технический объект. С другой стороны, их нельзя механически сводить к объекту

гражданских прав. Большие данные могут затрагивать гражданско-правовые, предпринимательские, административные, финансовые, антимонопольные и публично-правовые отношения.

В экономической сфере большие данные становятся ресурсом, влияющим на конкурентоспособность хозяйствующих субъектов, инвестиционную привлекательность проектов и создание новых цифровых продуктов. Вместе с тем они несут риски: несанкционированный доступ, нарушение конфиденциальности, деанонимизация, дискриминация контрагентов, манипулирование рынком, усиление доминирующего положения цифровых платформ. Здесь проявляется связь регулирования больших данных с экономической безопасностью. Цифровая экономика даёт предпринимателям новые возможности, но усиливает зависимость бизнеса от информационной инфраструктуры, платформ и операторов данных. В исследованиях А. В. Минакова и А. Е. Суглобова подчёркивается, что развитие цифровой экономики регионов России невозможно рассматривать только как внедрение технологий; оно связано также с преодолением институциональных и инфраструктурных ограничений [16, с. 63–72].

Большие данные являются не только технологическим ресурсом, но и фактором рыночной власти. Субъект, обладающий доступом к значительным массивам данных о потребителях, ценах, спросе, логистике, поисковых запросах, платежах и поведении пользователей, получает конкурентные преимущества перед иными участниками рынка.

В условиях цифровых платформ это преимущество может усиливаться за счёт сетевых эффектов. Чем больше пользователей взаимодействует с платформой, тем больше данных она собирает; чем больше данных она обрабатывает, тем точнее становится её алгоритмическая модель; чем точнее модель, тем выше зависимость пользователей и предпринимателей от данной платформы. В результате появляется риск формирования цифровой монополии. В этой связи защита прав субъектов экономической деятельности должна включать не только гражданско-правовые способы восстановления нарушенного права, но и антимонопольные инструменты. Необходимо регулировать доступ к данным, прозрачность алгоритмов ранжирования, недискриминационные условия доступа предпринимателей к платформенной инфраструктуре, ответственность за злоупотребление доминирующим положением на цифровых рынках.

Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации также связана с развитием цифровых финансовых инструментов. Для субъектов малого и инновационного бизнеса

важное значение имеют венчурное финансирование, краудфандинг, краудинвестинг и иные платформенные способы привлечения капитала. А. В. Минаков рассматривает венчурное финансирование и краудфандинг как инструменты поддержки экономической безопасности субъектов малого инновационного бизнеса [17, с. 42–46]. Эти механизмы расширяют доступ предпринимателей к капиталу, но требуют правовых гарантий для инвесторов, владельцев платформ и получателей финансирования. В более широком контексте цифровая трансформация связана с задачами экономической безопасности государства. А. В. Минаков и С. Б. Лапина подчёркивают значение экономической безопасности в условиях внешних ограничений и санкционного давления [18, с. 305–312]. В цифровой сфере это означает необходимость защиты национальной информационной инфраструктуры, устойчивости цифровых сервисов, технологического суверенитета и прав субъектов экономической деятельности.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровая трансформация существенно меняет содержание правовой охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности. Традиционные способы защиты сохраняют своё значение, однако в цифровой среде они не всегда способны обеспечить эффективное восстановление нарушенного права.

Охрана прав субъектов экономической деятельности в цифровой среде должна пониматься как система превентивных, нормативных, организационных, технических и договорных мер, направленных на предупреждение нарушений. Защита прав связана с пресечением уже совершённого нарушения либо реальной угрозы его совершения, восстановлением нарушенного положения, компенсацией вреда, возмещением убытков и применением иных мер юридического воздействия.

Особое значение имеет разграничение понятий «охрана информации», «защита информации» и «защита прав субъектов информационных правоотношений». Действующее законодательство не всегда последовательно использует эти категории, что затрудняет правоприменение. Требуется дальнейшее уточнение Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», законодательства о персональных данных, цифровых платформах, больших данных и электронно-цифровой коммерции.

Персональные данные требуют специального правового режима, но их определение должно учитывать не только формальный при-

знак связи с физическим лицом, но и технологическую возможность идентификации субъекта с использованием совокупности данных. Большие данные, в свою очередь, следует рассматривать как самостоятельный комплексный объект разнотраслевого правового регулирования, а не только как разновидность информации или цифровой актив. В условиях цифровой экономики защита прав субъектов экономической деятельности должна быть связана с обеспечением конкуренции, прозрачности цифровых платформ, недопущением злоупотребления доминирующим положением, устойчивостью информационной инфраструктуры и экономической безопасностью. Решение этих задач возможно только при согласованном развитии гражданского, предпринимательского, информационного, антимонопольного, финансового и административного законодательства.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.06.2026).
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [3] Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.
- [4] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.
- [5] Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 4839.
- [6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2026 № 7-П // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/news/37787/> (дата обращения: 07.06.2026).
- [7] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.
- [8] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.
- [9] Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.
- [10] ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546–2021. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь. М.: Стандартинформ, 2021. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180276> (дата обращения: 07.06.2026).
- [11] NIST Special Publication 800-53. Security and Privacy Controls for Information Systems and Organizations. National Institute of Standards and Technology. URL: <https://csrc.nist.gov/publications/detail/sp/800-53/rev-5/final> (дата обращения: 07.06.2026).
- [12] Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj/eng> (дата обращения: 07.06.2026).
- [13] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 07.06.2026).
- [14] Чешин А. В. Экономико-правовые аспекты инновационной деятельности предприятий в условиях цифровой экономики // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2023 года. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 426–433.
- [15] Дмитриева Л. В. Практики и подходы цифровой трансформации к совершенствованию регионального управления // Социальные и экономические системы. 2022. № 6–7(36). С. 176–197.
- [16] Минаков А. В., Суглобов А. Е. Проблемы развития цифровой экономики регионов России // Вопросы региональной экономики. 2022. № 4(53). С. 63–72.
- [17] Минаков А. В. Венчурное финансирование и краудфандинг как инструменты поддержки экономической безопасности субъектов малого инновационного бизнеса // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25, № 8. С. 42–46.
- [18] Минаков А. В., Лапина С. Б. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 305–312. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-2-305-312.
- [19] Карлеба В. А., Логинов Е. Л. Мониторинг оборота и легализации финансовых активов криминального происхождения: учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2007. 287 с.

[20] Обеспечение экономической безопасности реализации федеральных целевых программ: монография / А. Е. Городецкий, А. С. Зуева, М. М. Имамов [и др.]. М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2012. 204 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993; with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 07.06.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation. Part One of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[3] Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 "On the Protection of Consumer Rights" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 140.

[4] Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ "On the National Payment System" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 27. Article 3872.

[5] Federal Law of July 29, 2018 No. 250-FZ "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights"" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 31. Article 4839.

[6] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 17, 2026 No. 7-P // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru/news/37787/> (date of access: June 7, 2026).

[7] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Article 3448.

[8] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31. Article 3451.

[9] Federal Law of July 7, 2003 No. 126-FZ "On Communications" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 28. Article 2895.

[10] GOST R ISO/IEC 20546–2021. Information technology. Big data. Review and dictionary. M.: Standartinform, 2021. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200180276> (access date: 06/07/2026).

[11] NIST Special Publication 800-53. Security and Privacy Controls for Information Systems and

Organizations. National Institute of Standards and Technology. URL: <https://csrc.nist.gov/publications/detail/sp/800-53/rev-5/final> (accessed 06/07/2026).

[12] Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 on measures for a high common level of cybersecurity across the Union // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/oj/eng> (accessed: 07.06.2026).

[13] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (accessed: 07.06.2026).

[14] Cheshin A. V. Economic and legal aspects of innovative activities of enterprises in the digital economy // Innovative development of the Russian economy: challenges and solutions: materials of the V All-Russian scientific and practical conference, Moscow, April 20, 2023. Moscow: Russian State University of Justice, 2024. pp. 426–433.

[15] Dmitrieva L. V. Practices and approaches of digital transformation to improving regional governance // Social and economic systems. 2022. No. 6–7(36). pp. 176–197.

[16] Minakov A. V., Suglobov A. E. Problems of developing the digital economy of Russian regions // Issues of regional economics. 2022. No. 4(53). pp. 63–72.

[17] Minakov A. V. Venture financing and crowdfunding as tools for supporting the economic security of small innovative businesses // Economic development of Russia. 2018. Vol. 25, No. 8. pp. 42–46.

[18] Minakov A. V., Lapina S. B. Ensuring the economic security of the state under sanctions from Western countries // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 2. pp. 305–312. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-2-305-312.

[19] Karleba V. A., Loginov E. L. Monitoring the turnover and legalization of financial assets of criminal origin: a tutorial. Moscow: TsOKR of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 287 p.

[20] Ensuring economic security for the implementation of federal target programs: monograph / A. E. Gorodetsky, A. S. Zueva, M. M. Imamov [et al.]. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2012. 204 p.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-101-104

ХАДЖИМУРАД Шамильевич Ибрагимов,
Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»,
Аспирант, Москва, Россия,
e-mail: churekovaa@inbox.ru

ЗАЩИТА ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ РЕНОВАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы защиты прав собственников жилых помещений при реализации программ реновации. Особое внимание уделяется соотношению публичного интереса в обновлении городской среды и частного интереса собственника в сохранении имущества и жилищной стабильности. Анализируются недостатки действующей модели судебного контроля, при которой проверка зачастую ограничивается формальными обстоятельствами включения дома в программу. Обосновывается необходимость перехода к содержательной оценке соразмерности вмешательства, качества предоставляемого жилья, доступности предварительной судебной защиты и учета зарубежного опыта, основанного на вовлечении жителей и многоуровневых компенсационных гарантиях.

Ключевые слова: реновация, защита права собственности, судебный контроль, публичный интерес, равнозначное жилье, переселение, зарубежный опыт, жилищные гарантии.

KHADZHIMURAD Shamilevich Ibragimov,
Educational Institution of Higher Education Trade Unions
“Academy of Labor and Social Relations”,
Postgraduate Student Moscow, Russia

PROTECTION OF THE RIGHTS OF RESIDENTIAL PREMISES OWNERS IN THE IMPLEMENTATION OF RENOVATION PROGRAMS: PROBLEMS OF JUDICIAL REVIEW AND DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGISLATION

Annotation. The article addresses the protection of owners' rights in housing renovation programs. Particular attention is paid to the balance between the public interest in urban renewal and the private interest of owners in preserving their property and housing stability. The author analyses shortcomings of the current model of judicial review, which often focuses on formal inclusion of a building in a program. The article substantiates the need for substantive proportionality review, assessment of the quality of substitute housing, access to preventive judicial remedies and adaptation of foreign experience based on resident participation and multi-level compensation safeguards.

Key words: renovation, protection of ownership, judicial review, public interest, equivalent housing, resettlement, foreign experience, housing safeguards.

Введение

Реализация программ реновации неизбежно затрагивает право частной собственности,

право на жилище и интересы граждан в сохранении привычной социальной среды. В отличие от обычных градостроительных решений, ренова-

ция воздействует не только на территорию, но и на конкретные субъективные права: собственник лишается прежнего объекта, вынужден участвовать в переселении и зависит от качества публично организованного замещения жилья.

В научной литературе справедливо указывается на противоречивость реновации: с одной стороны, она направлена на обновление устаревшего жилищного фонда; с другой стороны, ее реализация может сопровождаться ограничением прав собственников, особенно тех, кто не поддерживал включение дома в программу. Поэтому центральной задачей правового регулирования становится не отрицание публичного интереса, а создание такого механизма защиты, который обеспечивал бы справедливый баланс между интересами города и правами отдельного гражданина.

Цель статьи заключается в выявлении основных проблем защиты прав собственников при реновации и разработке предложений по усилению судебных и внесудебных гарантий.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Метод анализа и синтеза применялся при выявлении основных проблем судебной защиты собственников при реализации программ реновации. Формально-юридический метод использован при оценке содержания правовых гарантий, а сравнительно-правовой метод — при обращении к зарубежному опыту обновления жилого фонда. Особое значение имел метод правового моделирования, позволивший сформулировать предложения по усилению судебного контроля и внесудебных процедур урегулирования споров.

Обсуждение результатов.

1. Конфликт публичного и частного интереса

Публичный интерес в реновации выражается в улучшении городской среды, повышении безопасности жилья, рациональном использовании территории, развитии социальной и транспортной инфраструктуры. Такой интерес является легитимным, поскольку состояние жилищного фонда влияет на качество жизни не только собственников конкретного дома, но и неопределенного круга жителей города. Однако легитимность цели не означает автоматической допустимости любого ограничения права собственности.

Частный интерес собственника имеет несколько уровней. Первый уровень — имущественный: сохранение стоимости недвижимости и недопущение экономического ущерба. Второй уровень — жилищный: возможность продолжать

проживание в сопоставимых условиях. Третий уровень — социальный: сохранение связей с районом, медицинскими учреждениями, образовательными организациями, работой, родственниками. Четвертый уровень — процедурный: право быть услышанным и право на эффективное оспаривание решений, затрагивающих имущество. Если учитывать только имущественную стоимость квартиры, значительная часть содержания права собственности остается вне защиты.

Особую проблему создает механизм принятия решения большинством жителей. Голосование способно легитимировать программу в отношении дома, но оно не должно полностью поглощать права несогласного меньшинства. Большинство не вправе распоряжаться индивидуальным правом собственности каждого участника жилищных отношений. Поэтому решение большинства должно запускать процедуру, но не освобождать публичную власть от обязанности доказать соразмерность вмешательства и обеспечить индивидуальные гарантии.

2. Недостатки судебной защиты

Судебная защита по спорам, связанным с реновацией, на практике часто строится вокруг формальных вопросов: имелось ли нормативное основание программы, соблюден ли порядок голосования, включен ли дом в утвержденный перечень, предложено ли жилое помещение, соответствующее установленным минимальным параметрам. Такой подход снижает интенсивность защиты, поскольку самые существенные для гражданина вопросы — качество замещающего жилья, удобство расположения, фактическая пригодность, последствия переселения — могут оставаться за пределами судебной оценки.

Формальный судебный контроль особенно опасен на стадии до переселения. Если гражданин может эффективно оспорить нарушение только после фактической утраты прежнего жилья, защита становится запоздалой. Вещное право требует превентивной охраны, поскольку восстановление прежнего положения после сноса дома практически невозможно. Следовательно, собственник должен иметь доступ к судебной защите до совершения необратимых действий: заключения договора о передаче, государственной регистрации прекращения права, выселения, сноса дома [2].

Еще одна проблема состоит в неопределенности предмета доказывания. В спорах о реновации суду необходимо оценивать не только законность административного акта, но и гражданско-правовые последствия замещения. В предмет доказывания должны входить сведения о характеристиках прежнего и нового жилья, рыночной и потребительской стоимости, транспортной доступности, наличии обременений, пра-

вах проживающих лиц, сроках переселения, качестве отделки, технической готовности дома. Без такой оценки судебная защита превращается в проверку документов, а не в защиту права.

Наконец, следует учитывать, что собственник находится в более слабом положении по сравнению с публичным субъектом, располагающим информацией о проекте, сроках строительства, технических характеристиках дома, финансировании и дальнейшей судьбе территории. Поэтому процессуальное распределение бремени доказывания должно быть скорректировано: именно орган, реализующий программу, должен подтверждать равнозначность и пригодность предоставляемого жилья, а не собственник доказывать обратное при ограниченном доступе к информации.

3. Зарубежный опыт и пределы его адаптации

Зарубежная практика реновации демонстрирует отсутствие универсальной модели. В одних государствах акцент делается на реконструкции и модернизации без полного сноса, в других — на государственно-частном партнерстве, в третьих — на комплексном развитии территории с активным участием жителей. Значение этого опыта для России состоит не в механическом заимствовании, а в выявлении принципов, способных усилить защиту собственников [3].

К числу таких принципов относятся раннее информирование жителей, публичность градостроительной документации, участие собственников в обсуждении вариантов развития территории, независимая оценка стоимости и качества жилья, возможность выбора между несколькими формами компенсации, социальное сопровождение переселения. Для малых и средних городов особое значение может иметь реконструкция без полного сноса, поскольку бюджетные возможности и плотность застройки там существенно отличаются от мегаполисов. Для крупных городов допустимы более масштабные программы, но они требуют более развитой системы индивидуальных гарантий.

Опыт зарубежных стран также показывает, что формальное улучшение качества жилья не всегда решает социальные проблемы. Новое жилье может сопровождаться ростом расходов на содержание, изменением привычного образа жизни, утратой доступности социальной инфраструктуры, вытеснением уязвимых групп населения. Поэтому российская модель реновации нуждается не только в строительных и компенсационных стандартах, но и в оценке социальных последствий переселения.

4. Направления совершенствования законодательства

Первое направление — расширение содержания критерия равнозначности. В законе сле-

дует закрепить, что равнозначность включает не только площадь и количество комнат, но и совокупность потребительских характеристик: район или сопоставимую транспортную доступность, качество дома, этажность, состояние отделки, инженерное обеспечение, доступность социальной инфраструктуры. При невозможности полного совпадения характеристик собственнику должна предоставляться денежная компенсация разницы либо право выбора альтернативного помещения.

Второе направление — введение обязательной предварительной индивидуализации замещающего жилья. Собственник должен понимать, какое именно помещение ему предоставляется, до прекращения права на прежний объект. Абстрактное обещание предоставить жилье в будущем не соответствует уровню защиты, требуемому при вмешательстве в право собственности.

Третье направление — усиление судебного контроля. В процессуальном законодательстве или специальных нормах о реновации целесообразно закрепить возможность принятия обеспечительных мер, препятствующих сносу или регистрации прекращения права до разрешения спора о законности переселения. Суд должен проверять не только процедуру включения дома в программу, но и материальную соразмерность вмешательства.

Четвертое направление — защита уязвимых лиц. Для несовершеннолетних, инвалидов, пожилых граждан, одиноко проживающих собственников должны быть предусмотрены дополнительные гарантии: учет медицинской и социальной инфраструктуры, возможность сохранения района проживания, помощь при переезде, запрет на ухудшение доступности жизненно необходимых объектов.

Пятое направление — развитие внесудебных механизмов урегулирования. До обращения в суд собственнику должна быть доступна независимая комиссия с участием оценщиков, технических специалистов, представителей жителей и публичного субъекта. Такая комиссия могла бы рассматривать возражения относительно конкретного предоставляемого помещения, предлагать альтернативы и снижать конфликтность программы.

Результаты исследования.

Проведенный анализ показывает, что защита прав собственников при реновации требует перехода от формальной проверки процедуры к содержательной оценке соразмерности вмешательства в право собственности, качества предлагаемого жилья и реальности компенсационных гарантий.

Оптимальная модель защиты должна включать расширенное понимание равнозначности жилья, индивидуализацию замещающего помещения до прекращения права собственности, усиление судебного контроля, специальные гарантии для социально уязвимых лиц и обязательные внесудебные процедуры урегулирования споров.

Список литературы:

[1] Пожидаев В.Е. История принятия и критика закона о реновации жилищного фонда в г. Москве // Право и политика. 2022. № 5. С. 1–7.

[2] Иванов А.П., Игнатьева С.В. Проблемы ограничения принципа неприкосновенности собственности при реновации жилищного фонда // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 158–161.

[3] Прохорова Е.А. Зарубежный опыт реализации проектов реновации жилой застройки // Integral. 2019. № 3. С. 46–55.

[4] Никитенко С.Н. Современные подходы к оценке эффективности программ реновации жилищного фонда // Экономика строительства. 2020. № 6. С. 35–40.

[5] Дауди Т.М. Оценка эффективности государственной жилищной программы реновации // Финансы и кредит. 2021. № 9.

References:

[1] Pozhidaev V.E. The history of the adoption and criticism of the law on the renovation of the housing stock in Moscow//Law and Politics. 2022. № 5. S. 1-7.

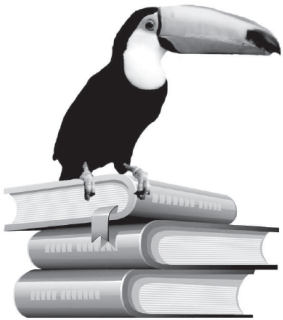
[2] Ivanov A.P., Ignatieva S.V. Problems of limiting the principle of inviolability of property in the renovation of housing stock//Journal of Russian Law. 2018. № 1. S. 158-161.

[3] Prokhorova E.A. Foreign experience in the implementation of residential renovation projects//Integral. 2019. № 3. S. 46-55.

[4] Nikitenko S.N. Modern approaches to assessing the effectiveness of housing renovation programs//Economics of construction. 2020. № 6. S. 35-40.

[5] Dowdy T.M. Evaluation of the effectiveness of the state housing renovation program//Finance and Credit. 2021. № 9.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-105-108

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

ГЕТИГЕЖЕВА Э.А.,
Магистр юриспруденции,
e-mail: elinagetartt@mail.ru

«ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ» КАК ФОРМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию соотношения правовых возможностей потребителей и предпринимателей в контексте проблемы злоупотребления правом. На основе анализа современной цивилистической доктрины, законодательства и судебной практики рассматривается феномен «потребительского экстремизма», реальность которого оспаривается в научной среде. Автор приходит к выводу, что дискуссия о существовании данного явления малопродуктивна: сама постановка вопроса должна быть перенесена в плоскость традиционного гражданско-правового института злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). В работе выявляются причины, породившие почву для недобросовестного поведения отдельных потребителей: видимая экономическая сила бизнеса при его фактической процессуальной беззащитности в судах общей юрисдикции, а также конструктивные особенности мер гражданско-правовой ответственности, предусмотренных Законом о защите прав потребителей. Особое внимание уделено новейшим законодательным изменениям (Федеральный закон от 31.07.2025 № 284-ФЗ), которые оцениваются как индикатор признания государством необходимости корректировки сложившейся модели ответственности. Обосновывается, что ключевой задачей является не борьба с термином «потребительский экстремизм», а создание сбалансированных правовых механизмов, одинаково эффективно защищающих добросовестного потребителя и пресекающих любые формы недобросовестного поведения.

Ключевые слова: защита прав потребителей, потребительский экстремизм, злоупотребление правом, процессуальный дисбаланс, слабая сторона, меры ответственности, неустойка, потребительский штраф, баланс интересов.

GETIGEZHEVA E.A.,
Master of Jurisprudence

“CONSUMER EXTREMISM” AS A FORM OF ABUSE OF LAW: SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL ASPECTS

Annotation. The article is devoted to the study of the relationship between the legal capabilities of consumers and entrepreneurs in the context of the problem of abuse of law. Based on the analysis of modern civil doctrine, legislation and judicial practice, the phenomenon of “consumer extremism” is considered, the reality of which is disputed in the scientific environment. The author comes to the conclusion that the discussion about the existence of this phenomenon is unproductive: the very statement of the question should be transferred to the plane of the traditional civil law institution of abuse of law (Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation). The paper identifies the reasons that gave rise to unfair behavior of individual consumers: the apparent economic strength of the business with its actual procedural defenselessness in courts of general jurisdiction, as well as the design features of civil liability measures provided for by the Law on Consumer Protection. Particular attention is paid to the latest legislative changes (Federal Law of 31.07.2025 No. 284-FZ), which are assessed as an indicator of the recognition by the state of the need to adjust the existing model of responsibility. It is justified that the key task is not to combat the term “consumer extremism,” but to create balanced legal mechanisms that equally effectively protect the conscientious consumer and suppress any form of unfair behavior.

Key words: *consumer protection, consumer extremism, abuse of law, procedural imbalance, weak side, liability measures, forfeit, consumer fine, balance of interests.*

Введение

Понятие «потребительского экстремизма» и его существование вообще является спорным в доктрине и в правоприменительной практике, что естественным образом связано с конфликтом интересов исследователей, одни из которых являются приверженцами потребителей, а вторые – бизнеса. Одни исследователи отрицают существование «потребительского экстремизма», а вторые поднимают данную проблему, говоря о необходимости ее решать и предлагая варианты решения.

В последнее время законодатель все больше внимания уделяет данной проблематике вносимыми изменениями, фактически признавая существование проблемы злоупотребления потребителями своими правами, склоняя «чашу весов» правосудия, уравнивая возможность состязательности в потребительских спорах.

В данной работе будет дана оценка применяемому бизнесом понятию «потребительский экстремизм», а также его соотношения с давно существующим в гражданском праве злоупотреблением правом.

Вместе с тем любое злоупотребление правом со стороны потребителя может реализоваться исключительно через механизмы гражданско-правовой ответственности, заложенные в Законе о защите прав потребителей. Именно система мер ответственности – законная неустойка, убытки, компенсация морального вреда и штраф, предусмотренный п. 6 ст. 13 Закона, – создает ту правовую среду, в которой и становится возможным как добросовестное восстановление нарушенного интереса, так и недобросовестное извлечение сверхдохода.

В настоящее время отсутствует единая теоретическая модель, позволяющая разграничить компенсаторную и штрафную функции названных мер, определить допустимые пределы их кумуляции и выработать критерии, отграничивающие правомерное осуществление права на защиту от злоупотребления им. Названные обстоятельства определяют актуальность и своевременность настоящего исследования.

Баланс правовых возможностей потребителей и бизнеса: от презумпции слабой стороны к проблеме злоупотреблений

Споры о защите прав потребителей повсеместно носят особый характер, так как затрагивают важнейший общественный институт, в котором стремление к защите наиболее слабой стороны в лице потребителя является абсолютной нормой в мировой практике.

При этом в каждой правовой системе выработан свой подход и ряд критериев, по которым определяется круг лиц, признаваемых потребителями.

Так, в праве Европейского Союза (Директива 2011/83/ЕС) потребителем считается любое физическое лицо, действующее в целях, не связанных с его торговой, предпринимательской или профессиональной деятельностью.

Российский законодатель воспринял аналогичную модель, однако пошёл по пути более жёсткой защиты, введя целый ряд специальных мер ответственности, неизвестных большинству европейских правопорядков.

В российском праве традиционно под понятие «потребитель» подпадают исключительно физические лица, приобретающие товары и услуги исключительно для личного использования.

Такой подход сужает круг лиц, на которых распространяется действие Закона о защите прав потребителей, и определение этого круга лиц выступает одной из причин, по которой потребительские споры образуют особую категорию дел, предъявляющую повышенные требования к продавцу товара или услуг как к заведомо экономически более сильной стороне.

Именно эта философия лежит в основе законодательства в сфере защиты прав потребителей, что подчёркивал заместитель руководителя Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, кандидат юридических наук М. С. Орлов в своём интервью: «Наше законодательство изначально построено на том, что потребитель является слабой стороной, а хозяйствующий субъект — профессиональным участником рынка. Соответственно, права потребителей должны быть особым образом защищены. Бизнес всегда ищет лазейки (в хорошем смысле этого слова) и, должен заметить, вполне в этом преуспевает. Потребитель же далеко не всегда знает о своих правах, прописанных в Законе, и продавец этим часто пользуется. А когда потребитель все-таки обращается за защитой своих прав, хозяйствующие субъекты зачастую отказывают ему в удовлетворении претензий. Даже при нынешнем регулировании нередки случаи, когда потребитель вынужден обращаться в суд. А если бы у нас не было таких инструментов, как потребительский штраф, хозяйствующие субъекты бы попросту игнорировали подавляющее большинство претензий и количество потребительских исков было бы много выше».

Вместе с тем именно та же система мер ответственности, призванная компенсировать неравенство, создала почву для появления феномена, получившего в бизнес-среде наименование «потребительский экстремизм».

Реальность этого феномена до сих пор оспаривается значительной частью юристов, правоприменителей, надзорных органов и исследователей.

В цивилистической литературе по данному вопросу сложились две позиции: одни авторы настаивают на реальности потребительского экстремизма и необходимости его законодательного пресечения, другие полагают, что проблема искусственно раздувается бизнес-сообществом, а существующих механизмов ст. 10 ГК РФ о запрете злоупотребления правом достаточно для пресечения любых недобросовестных действий.

Так, по мнению Киселева Н. А. и Митрошина О. Н., «потребительский экстремизм — это наивысшая степень злоупотребления правом», — в данном случае предполагая, что термин «экстремизма» необязателен, при этом авторы не отрицают того, что потребители тоже бывают сильны в поиске «лазеек».

В. Н. Сусликова и В.В. Богдан полагают, что в законе о защите прав потребителей отсутствуют положения об ответственности и обязанностях самого потребителя, что и способствует злоупотреблениям, а основной мерой борьбы должна стать модернизация закона.

По мнению автора, многие исследователи и представители государственных органов, оценивая высказывания бизнеса о «потребительском экстремизме», оценивают сложившуюся ситуацию не до конца объективно.

Стремление защитить права потребителей является важнейшей задачей законодателя, однако помимо специального закона отношения между потребителем и продавцом регулируются и гражданским законодательством, которое прямо предусматривает обязанность сторон вести себя добросовестно и не злоупотреблять своими правами.

Между тем, например, на практике продавцы дорогостоящих технически сложных товаров сталкиваются с уклонением потребителя принять исполнение. Раньше частой была ситуация, при которой истец заявлял требование о проведении ремонта и взыскании неустойки по день исполнения обязательства.

Если потребитель действует добросовестно, он содействует передаче товара для ремонта: предоставляет контактные данные, отвечает на запросы и звонки, не уклоняется от передачи товара. Если же цель потребителя — обогащение за счёт неустойки, он не предоставляет никаких контактных данных, кроме почтового адреса, не

получает письма и телеграммы, уклоняется от передачи товара, а зачастую указывает в претензиях и исковых заявлениях недостоверные адреса, что ранее приводило к начислению непомерных сумм.

Закон о защите прав потребителей не предусматривает прямого механизма защиты продавца от подобных злоупотреблений. Приходится использовать существующие механизмы процессуального законодательства и гражданского права: заявление об изменении способа исполнения решения суда, последующее предъявление самостоятельного иска о снижении неустойки в порядке ст. 333 ГК РФ, взыскание неосновательного обогащения. Однако, как представляется, данные механизмы слишком затянуты и сложны в ситуации, когда каждый день просрочки — это дополнительные убытки для бизнеса.

Именно видимая экономическая сила, но при этом мало кому заметная процессуальная беззащитность бизнеса в судах общей юрисдикции в рамках потребительских споров создала ситуацию, при которой некоторые потребители, ощутив все свои возможности, стали злоупотреблять правами, превратив судебные тяжбы в основной вид деятельности для извлечения дохода.

Данные судебной статистики косвенно подтверждают эту тенденцию: отдельные граждане инициируют десятки однотипных исков, а процент удовлетворения требований остаётся стабильно высоким. Процессуальная беззащитность бизнеса проявляется в нескольких аспектах: бремя доказывания качества товара и услуги лежит на продавце (исполнителе); штраф в размере 50% от присуждённой суммы взыскивается в пользу потребителя; неустойка начисляется по день исполнения обязательства и ранее не имела законодательного «потолка».

Принятие Федерального закона от 31.07.2025 № 284-ФЗ, который внёс в Закон о защите прав потребителей такие изменения, как ограничение неустойки стоимостью товара, отказ в удовлетворении требования о взыскании штрафа в случае уклонения ответчика от урегулирования спора в досудебном порядке и другие, стало индикатором того, что государство фактически признало необходимость корректировки избранной модели ответственности.

Выводы.

Таким образом, по мнению автора, вопрос исследователями ставится не совсем верно, и риторика, лишь усиливающая противостояние хозяйствующих субъектов и потребителей, неуместна.

Термин «потребительский экстремизм», вошедший в лексику бизнес-адвокатов для при-

влечения внимания к проблеме, не нуждается в отдельном признании или отрицании. Признавая существование злоупотребления правом как такового, мы уже признаём, что есть и будут потребители, которые злоупотребляют своими правами.

Задача науки и законодателя — не спорить об именовании этого явления, а создавать сбалансированные правовые механизмы, которые одинаково эффективно защищают добросовестного потребителя и пресекают любые формы недобросовестного поведения, от кого бы они ни исходили.

Список литературы:

[1] Вишневский А.А. О субъектах, пределах и принципах защиты потребителя // Закон. 2021. N 9. С. 25 - 32.

[2] Киселева Н.А., Митрошин О.Н. К вопросу о содержании понятия «потребительский экстремизм» // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. N 10. С. 6 - 8.

[3] Орлов, М. С. Потребительский терроризм - не более чем выдумка со стороны бизнеса [Интервью с М.С. Орловым] / М. С. Орлов. — Текст: непосредственный — : Закон, 2021. — С. 8-14.

[4] Ржаксенский С. И. О понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — №4. — С. 110-114.

[5] Усольцев Е.Ю. Злоупотребление правом со стороны потребителя: постановка проблемы и поиск ее решения // Юрист. 2021. N 4. С. 41 - 45.

References:

[1] Vishnevsky A.A. On subjects, limits and principles of consumer protection//Law. 2021. N 9. S. 25-32.

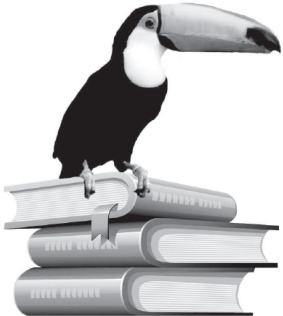
[2] Kiseleva N.A., Mitroshin O.N. On the content of the concept of "consumer extremism" //State power and local self-government. 2022. N 10. S. 6-8.

[3] Orlov, M.S. Consumer terrorism is nothing more than a fiction on the part of business [Interview with M.S. Orlov]/M.S. Orlov. - Text: immediate -: Law, 2021. - S. 8-14.

[4] Rzhaksensky S.I. On the concept of a reasonable period in civil proceedings//Gaps in Russian law. — 2015. — №4. - S. 110-114.

[5] Usoltsev E.Yu. Abuse of the right on the part of the consumer: formulation of the problem and the search for its solution//Lawyer. 2021. N 4. S. 41-45.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ТОЛСТОЛУЦКИЙ Владимир Юрьевич,
доктор медицинских наук, профессор,
профессор кафедры публичного и частного права,
Волжский государственный университет водного транспорта
(ФГБУ ВО «ВГУВТ»),
e-mail: tolvlad@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ПРИРОДЫ ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена применению деятельностного подхода А.Н. Леонтьева к исследованию комплексной природы транспортного права. На основе анализа теоретических разработок в области деятельностного подхода выявляется неразработанность регламентации операционального уровня правовой деятельности. Автором вводится понятие операционального состава действия как критерия, позволяющего выделить метод правового регулирования комплексных отраслей права. В отличие от распространённого понимания транспортного права как комплексной отрасли, образуемой «на стыке» гражданского, административного и иных отраслей, в работе выдвигается и обосновывается тезис, составляющий научную новизну: транспортное право формируется как инструмент снятия коллизий, обеспечивающий согласованное применение разноотраслевых норм и устранение юридических противоречий в единой предметной области.

Особое внимание уделяется технико-юридическим актам как форме нормативной фиксации операционального состава действия, отражающих основные черты метода правового регулирования комплексных отраслей права. Актуальность теоретического анализа этого направления обусловлена развитием беспилотных транспортных средств, в том числе автономного судовождения.

Ключевые слова: деятельностный подход, транспортное право, комплексные отрасли права, операциональный состав действия, юридические коллизии, структура деятельности, правовое регулирование, автономное судовождение, технико-юридические акты, беспилотные транспортные средства.

TOLSTOLUTSKY Vladimir Yurievich,
Doctor of Medical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Public and Private Law,
Volga State University of Water Transport

ACTIVITY APPROACH AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR STUDYING THE COMPREHENSIVE NATURE OF TRANSPORT LAW

Annotation. The article is devoted to the application of A.N. Leontiev's activity approach to the study of the comprehensive nature of transport law. Based on an analysis of theoretical developments in the field of the activity approach, the underdevelopment of the regulation of the operational level of legal activity is revealed. The author introduces the concept of the operational composition of action as a criterion that allows identifying the method of legal regulation of complex branches of law. In contrast to the widespread understanding of transport law as a complex branch formed "at the intersection" of civil, administrative and other branches, the paper advances and substantiates a thesis that constitutes its scientific novelty: transport law is shaped as a tool for resolving conflicts, ensuring the coordinated application of norms from different branches and the elimination of legal contradictions within a single subject area. Special attention is paid to technical-legal acts as a form of normative consolidation of the operational composition of action, reflecting the main features of the method of legal regulation of complex branches of law. The relevance of the theoretical analysis in this direction is driven by the development of unmanned vehicles, including autonomous navigation.

Key words: *activity approach, transport law, complex branches of law, operational composition of action, legal conflicts, structure of activity, legal regulation, autonomous navigation, technical-legal acts, unmanned vehicles.*

Введение

В российской правовой науке транспортное право традиционно относится к комплексным отраслям права. Например, Н.А. Духно и А.И. Землин указывают, что «транспортное право определяется как комплексная отрасль права», а её специфика состоит в том, что она «имеет лишь особый предмет (рассматриваемый в иной плоскости, нежели предметы основных отраслей) и некоторые черты юридического своеобразия... однако у них нет главных черт – «своего» метода и механизма регулирования» [1, с. 25].

Полагаем, что можно согласиться только с первым тезисом, то есть наличием самостоятельного предмета. Однако нельзя признать обоснованным утверждение, что для транспортного права характерно отсутствие собственного метода и механизма правового регулирования. Авторы учебника указывают, что транспортное право определяется самостоятельным предметом, но не методами, поскольку последние характерны в своём большинстве для гражданского, административного, трудового права, и в связи с чем не отражают единых особенностей, присущих исключительно транспортному праву [1, с. 28]. Считаем, что более логично продолжить анализ и рассмотреть вопрос о поиске и формулировке критерия, на основании которого объединяются, как утверждают авторы учебника, комплексные отрасли права, которые представляют собой столь же объективное явление, как и отрасли законодательства, адекватные одноимённым традиционным отраслям права [1, с. 28].

Для ответа на поставленный вопрос следует рассмотреть особенности предметной области правового регулирования транспортного права, ставя на первый план технологическую составляющую, а именно – необходимость регулирования не только юридически значимых действий на макроуровне (заключение договора перевозки, лицензирование, ответственность), но и операционального состава действия, то есть дискретных операций, из которых складывается безопасное и эффективное функционирование транспорта. Именно такой подход, на наш взгляд, позволяет выявить тот системообразующий критерий, который объединяет разнородные нормативные предписания в единую комплексную отрасль и объясняет необходимость существования транспортного права как самостоятельного правового образования.

Цель настоящей статьи — обосновать возможность применения деятельностного подхода

А.Н. Леонтьева к исследованию комплексной природы транспортного права и предложить критерий, выделяющий специфику правового регулирования в комплексных отраслях. Для достижения указанной цели в работе решаются следующие задачи: анализ теоретических разработок в области деятельностного подхода в юриспруденции; устранение пробела в виде неразработанности операционального уровня в структуре правовой деятельности; обоснование понятия операционального состава действия как критерия, позволяющего выделить механизм правового регулирования комплексных отраслей права; формулирование тезиса о транспортном праве как инструменте снятия коллизий между традиционными отраслями права.

1. Деятельностный подход в правовых исследованиях: общая характеристика. В современной юридической науке деятельностный подход рассматривается как одно из перспективных методологических направлений. Как отмечает И.Л. Честнов, «деятельностный подход — актуальное направление в методологии современной юриспруденции, более перспективное по сравнению с господствующим неопозитивистским (нормативистским) подходом» [2, с. 6]. При этом исследователь подчёркивает, что нормативистский подход «важен и необходим как теории права, так и практической юриспруденции, но он нуждается в дополнении деятельностным, практико-ориентированным подходом, в котором указанные выше конструкции «расколдовываются» и наделяются модусом практического (эмпирического) бытия» [2, с. 6].

Ю.А. Науменко относит деятельностный подход к числу нетрадиционных подходов к праву. Исследователь характеризует его как подход, для которого свойственно «особое восприятие целей права, его норм и институтов как достижение фактических результатов, тех целей, которые вытекают из права» [3, с. 10]. При этом «процесс постановки цели (юридическая стратегия) предполагает результат, то есть совокупность эффектов, порождаемых воздействием на объект» [3, с. 10–11]. Автор формулирует ключевую формулу деятельностного подхода: «Что не реализуется, то не является правом» [3, с. 11]. Остается не раскрытым, что понимается под «особым восприятием целей права, его норм», хотя, как нам кажется, именно деятельностный подход, через понятие «операционального состава действия» позволяет добиться понимания смысла, сформулированного автором высказывания.

А.И. Виноградов подчёркивает, что системно-деятельностный подход «в целом позволяет рассматривать право в контексте социальной динамики, связывая воедино аспекты нормативности и действенности права и принимая во внимание зависимость социального (в том числе правового) регулирования от предмета» [4, с. 228–229]. М.Р. Богатырев отмечает, что деятельностный подход позволяет по-новому взглянуть на природу правового регулирования [5, с. 8–11].

Перечисленные исследования подтверждают, что деятельностный подход в правовых исследованиях является перспективной методологией, которая, в отличие от абстрактного нормативизма, акцентирует практическую реализацию права, его социальную динамику и достижение фактических результатов, исходя из того, что право реально существует лишь в процессе своего действия в общественных отношениях.

2. Деятельностный подход как методология исследования правового регулирования и критический анализ его применения в правовых исследованиях. Значительный вклад в разработку методологического потенциала деятельностного подхода внесла Л.Т. Бакулина. Исследователь отмечает, что «одно из возможных направлений в познании правового регулирования связано с реализацией методологических принципов деятельностного подхода» [6, с. 16]. Инструментарий деятельностного подхода, по её мнению, «весьма результативно используется в целом ряде областей обществоведения, в том числе и при анализе различных сторон правовой действительности (в частности, реализации права)» [6, с. 16].

Автор справедливо подчёркивает эффективность деятельностного подхода, позволяющего выявить новые аспекты правового регулирования, однако связывает эту эффективность преимущественно с целевым (телеологическим) уровнем действия, поскольку подход, с её точки зрения, ориентирует на телеологический анализ регулятивного воздействия права [6, с. 17].

Автор пишет: «Благодаря использованию деятельностного подхода в познании правового регулирования исследователю открывается целостное видение этой сферы правовой действительности, тогда как до сих пор юридическая наука ограничивалась системным анализом лишь одного из компонентов праворегулятивной деятельности — механизма правового регулирования» [6, с. 17]. В другой работе Бакулина раскрывает телеологические аспекты правового регулирования, отмечая, что «общность целей предстает необходимой психологической предпосылкой выработки сторонами согласованных моделей поведения» [7, с. 22]. Исследование телеологических аспектов, по её мнению, «открывает широ-

кие возможности в познании системных свойств правового регулирования, его «механической» стороны, эффективности праворегулятивных средств» [7, с. 24]. Полагаем, что телеологический подход в праве не раскрывает всех возможностей деятельностного подхода, потому что ограничивается уровнем действия, без анализа операционального состава.

Несмотря на значительный эвристический потенциал деятельностного подхода, в проанализированных работах обнаруживаются существенные ограничения эффективности его применения в юридических исследованиях. Полагаем, что существует объективная причина такого положения дел, заключающаяся в недостаточной разработанности этой методологии.

Как справедливо отмечает В.М. Аллахвердов, несмотря на колоссальный авторитет и наличие блестящей школы последователей, А.Н. Леонтьев указывал на незавершённость своей концепции. Сам основатель теории деятельности в 1969 г. на встрече с ближайшими сподвижниками констатировал: «Я до сих пор пользуюсь той системой понятий, которая была мной в свое время предложена в отношении анализа деятельности... Эта система понятий оказалась замерзшей, без всякого движения. И я лично оказался очень одиноким в этом отношении» [8, с. 94]. Данное признание, по мнению Аллахвердова, свидетельствует о парадоксальной ситуации, при которой создатель влиятельнейшей научной школы ощущал, что никто по-настоящему не понимает глубины его замысла.

Указанная недостаточная разработанность базовых понятий, раскрывающих структуру деятельности, в работах как самого А.Н. Леонтьева, так и его последователей, существенно затрудняет прямое и непротиворечивое использование его научного наследия в юридических исследованиях, снижая научную эффективность его как методологической основы. Этот недостаток проявляется в том, что, характеризуя деятельностный подход, исследователи акцентируют внимание на цели, средствах и результате деятельности, однако структурный элемент в виде операций, из которых состоит действие, остаётся без внимания.

Так, Л.Т. Бакулина проводя телеологический анализ регулятивного воздействия права и изучения целеполагания в правовом регулировании, тем самым ограничивает подход уровнем действия. Как уже было указано, при таком анализе уровень операций, который представляет собой самостоятельный уровень в структуре деятельности, как это подчёркнуто отечественными психологами — А.Н. Леонтьевым и его последователями, автором не анализируется. В результате

сведения анализа только к одному уровню организации деятельности, средства деятельности, которым в структуре деятельности соответствует уровень операций и операциональная структура действия, остаются в её работах недостаточно раскрытыми. Общность целей, по Бакулиной, «обеспечивает согласование совместно выполняемых действий» [6, с. 17], но в рамках структуры деятельности не конкретизируется, на каком именно уровне это согласование происходит. С точки зрения деятельностного подхода, как методологической основы исследования, упускается механизм согласования различных целей в рамках единой деятельности совокупного субъекта.

Тем не менее, объективная логика исследования приводит автора к необходимости введения понятия «механической» стороны правового регулирования. Автор указывает: «исследование телеологических аспектов договорного правового регулирования открывает широкие возможности в познании системных свойств правового регулирования, его «механической» стороны, эффективности праворегулятивных средств» [7, с. 24]. Полагаем, что под «механической» стороной понимается операциональная сторона телеологического регулирования, уровень операций.

И.Л. Честнов, рассматривая юридическую деятельность в постклассической перспективе, отмечает, что «деятельностный подход сегодня претерпевает важную трансформацию — переход от классической методологии деятельности к постклассической» [2, с. 7]. Исследователь опирается на культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, а также на работы Г.П. Щедровицкого, который утверждал, что «воспроизводство — основной процесс, задающий целостность деятельности» [2, с. 14]. Не углубляясь в содержание работ Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, посвящённых деятельностному подходу, автор рассматривает юридическую деятельность в постклассической перспективе через призму взглядов Г.П. Щедровицкого. В связи с чем закономерно, что И.Л. Честнов сводит структуру юридической деятельности к субъектам, объекту и содержанию, при этом справедливо отмечая, что «так понимаемая структура совпадает со структурой правоотношения» [2, с. 14]. Указанное совпадение объясняет тот факт, почему автор основывает свой теоретический анализ и, тем самым, всю методологию деятельностного подхода, к позиции Г.П. Щедровицкого, а не Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. В результате, принципиально важным для И.Л. Честнова становится вопрос не структуры человеческой деятельности, а «кто является субъектом (субъектами) юридической деятельности?» [2, с. 15].

Рассматриваемая работа так же не может обойти указания в действии уровня операций, иначе исследование структуры действия оказывается неполным. Однако, для этого вводится специфические понятия: «фреймы и скрипты». Автор пишет: «исследование повседневной юридической деятельности, структурированной правовыми фреймами и скриптами, — это одно из наиболее важных в практическом плане методологических направлений постклассической юриспруденции» [2, с. 19]. Отметим, что сформулированное положение задаёт верное направление развития исследований в области повседневной юридической деятельности. Однако оно не даёт ответа на вопрос о том, какую форму юридических нормативных актов ни имеют, и как указанные «фреймы и скрипты» соотносятся с уровнями правовой деятельности. Полагаем, что автор имеет в виду операциональную сторону правового регулирования.

М.Э. Червяков и В.А. Власов обращаются к деятельностному подходу при определении предмета сетевого права, что подтверждает его применимость к анализу комплексных правовых образований [9]. Е.И. Холодова рассматривает применение системно-деятельностного подхода в преподавании международного права [10], Ю.А. Гаврилова — в юридической интерпретации [11], а С.В. Иванов и М.В. Пономарев — в преподавании права с использованием дистанционных технологий [12], что свидетельствует о широком признании методологического потенциала данного подхода. Однако в публикациях указанных авторов полученные ими теоретические достижения не касаются структуры правовой деятельности, и последняя не используется для анализа транспортного права и исследования его правовой природы.

3. Операциональный состав действия как ключевое понятие для исследования комплексных отраслей права. Операциональный состав занимает фундаментальное положение в структуре действия как его инструментальная проекция на реальные условия. Он является тем звеном, где общая правовая цель (действие) встречается с конкретными обстоятельствами места, времени, техники и навыков субъекта. Именно на этом уровне действие становится реально осуществимым, а право — конкретным и применимым.

Рассматривая вопрос в свете проблемы, поднятой Аллахвердовым (2023, с. 94) о «замёрзшей» системе понятий Леонтьева, можно полагать, что именно недостаточная проработанность операционального состава действия и, прежде всего, способов его нормативной фиксации, остаётся одной из причин, по которой деятельностный подход трудно переносится в юриспруденцию.

Осознанное выделение операционного состава действия как правового понятия, и определение его правового режима может стать шагом к преодолению этой «замороженности».

Мы полагаем, что операциональный состав действия — это понятие, которое может считаться признаком, позволяющим указать предмет и, что наиболее важно в теоретическом плане, особенности правовой природы метода правового регулирования комплексных отраслей права, включая транспортное право.

С.С. Алексеев указывает на следующую особенность комплексных отраслей права, которая заключается в удвоении структуры права: «Комплексные образования представляют собой довольно прочные правовые общности, состоящие из специальных норм. ... перед нами своеобразное явление — удвоение структуры права. Комплексные образования есть вторичная структура, которая надстраивается над главной» [13, с. 29].

Зафиксировав факт удвоения структуры права, С.С. Алексеев предлагает в качестве причины явления считать «невозможность вместить все особенности регулирования в рамках одной, хотя бы и главной, структуры». То есть указывает причину в рамках самого права, а именно в «богатстве и многогранности правового регулирования ряда общественных отношений». Мы предлагаем обратиться к методологическому аспекту и общенаучному понятию деятельности и объяснить удвоение структуры права тем, что такой двойственной структурой обладает указанная А.Н. Леонтьевым структура любого действия, и как частный случай, действия, составляющего правовую деятельность.

А.Н. Леонтьев характеризует действие, с одной, внешней, стороны, как целостное образование, имеющее цель и результат, а с другой — обладающее внутренней структурой, которая представлена операциями, обеспечивающими достижение требуемого результата. Внутренняя сторона действия раскрывается через понятие «операциональный состав действия» и представляет собой последовательность операций. Указанное представление действия позволяет объяснить указанный С.С. Алексеевым факт удвоения структуры права, когда одно то же действие представлено своей внешней и внутренней сторонами.

К комплексным отраслям права С.С. Алексеев относит: морское право, страховое право, исправительно-трудовое право, хозяйственное право, строительное право, представляющие собой наложение над главными структурными подразделениями — основными отраслями [13, с. 30]. Они требуют, как указывает автор, «некоторых специфических приёмов регулирования»,

которые представлены в виде самостоятельных, кодифицированных актов: «именно посредством кодификации специальные нормы и институты приобретают интеллектуально-волевое единство, подчиняются известным общим принципам, понятиям и таким путём komponуются в правовые общности» [13, с. 31]. При этом С.С. Алексеев не видит какого-либо особого метода регулирования, характеризующего комплексные отрасли: «В комплексных отраслях складываются и некоторые особые приёмы регулирования, пронизывающие содержание всей отрасли. Они не образуют самостоятельного метода и механизма регулирования (прежде всего не выражают особого статуса, общего юридического положения субъектов), но с правовой стороны наиболее ярко характеризуют тот «нерастворимый остаток», который присущ комплексным отраслям» [13, с. 32].

Как видим, в качестве отсутствующего у комплексных отраслей критерия указывается признак — особый статус и общее юридическое положение субъектов. «Понятия комплексной науки, — отмечает автор, — проистекающие из фундаментальных категорий основных, в особенности профилирующих дисциплин, должны строиться таким образом, чтобы они соответствовали логическому содержанию указанных категорий» [13, с. 34].

Считаем, что в данном утверждении совершенно точно указывается на необходимость введения в комплексных правовых науках понятия операционального состава действия, которое обеспечивает детализацию уровня действий, поскольку последние представлены традиционными отраслями права.

Соглашаясь с С.С. Алексеевым, что «единство между методом и предметом носит характер неустранимой закономерности» [13, с. 35], укажем, что наличие особого предмета комплексной отрасли обуславливает и необходимость особого метода правового регулирования, которым, с нашей точки зрения, выступает метод нормативного и правового регулирования операционного состава действия.

Предлагаемый нами подход позволяет по-новому раскрыть смысл указанного С.С. Алексеевым положения о том, что «...в качестве нового слоя комплексных образований намечается выделение по мере совершенствования законодательства перекрещивающихся интегрированных структур — природоохранительного и природно-ресурсового права (как комплексные надотрасли они не конкурируют между собой и тем более не исключают друг друга; каждая из них интегрирует нормативный материал земельного, водного, лесного, горного права под своим углом зрения, в своём аспекте)» [13, с. 36].

Чрез понятие операциональной структур действия в приведённом высказывании может обнаружить большой научный потенциал, а именно, что комплексная отрасль выступает высокоэффективным инструментом снятия противоречий между традиционными отраслями права. С нашей точки зрения, транспортное право — это инструмент снятия коллизий между традиционными отраслями права внутри комплексной области.

4. Транспортное право как инструмент снятия коллизий. В отличие от распространённого понимания транспортного права только как комплексной отрасли, образуемой «на стыке» гражданского, административного и иных отраслей, нами выдвигается и обосновывается тезис, составляющий научную новизну работы: транспортное право изначально формировалось как инструмент снятия коллизий, обеспечивающий согласованное применение разноотраслевых норм и устранение юридических противоречий в единой предметной области.

Обоснование данного подхода требует обращения к теории юридических коллизий. Как справедливо отмечает Д.В. Денисов, под юридическими коллизиями следует понимать «расхождение или противоречие между отдельными нормами, актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий» [14, с. 1]. Коллизии в праве возникают вследствие объективной сложности и динамичности регулируемых общественных отношений, а также несовершенства законодательной техники. Однако коллизия — это не просто технический дефект, а имманентное свойство любой развитой правовой системы, особенно в тех сферах, где пересекаются интересы различных отраслей.

Т.Н. Радько определяет коллизию как «противоречие, конкуренцию двух и более норм, претендующих на регулирование одних и тех же отношений», подчёркивая, что «это также своеобразное противоречие, поскольку отсутствует чёткость, ясность решения возникшей проблемы; две нормы, конкурируя, порождают противоречие для правоприменителя»; конкуренция, по мнению того же автора, «это один из разнообразных видов противоречий в праве» [15, с. 394].

Именно в сфере транспорта такое «пересечение» отраслевых предписаний проявляется особенно остро: гражданско-правовые договоры перевозки, административные процедуры допуска к эксплуатации, технические регламенты безопасности и налоговые обязательства — все они действуют в одном фактическом пространстве,

но подчиняются разным способам и методам регулирования. В этих условиях транспортное право выступает не столько «собирательной» отраслью, сколько механизмом преодоления коллизий и обеспечения непротиворечивого применения норм, принадлежащих разным отраслям права. Его специфика — не в простом суммировании норм, а в выработке особых приёмов, институтов и принципов, которые позволяют «снять» противоречия и придать регулированию системное единство. В этом и заключается метод транспортного права.

Например, институт транспортной экспедиции, находящийся на стыке гражданского и предпринимательского права, демонстрирует сложность и правовую неопределённость, которая в условиях реального спора оборачивается миллионными требованиями и непредсказуемыми судебными исходами. Именно здесь проявляется «антиколлизийная» функция транспортного права: оно призвано обеспечить согласованное применение норм о перевозке, хранении, поручении и других договоров, чтобы разрешить конкуренцию правовых режимов и устранить противоречия для правоприменителя.

Таким образом, транспортное право в свете деятельностного подхода можно рассматривать как особый «антиколлизийный» механизм, функция которого — обеспечить юридическую совместимость и согласованность разнородных нормативных предписаний в единой транспортной сфере. Данный подход позволяет уточнить место транспортного права, а также иных комплексных отраслей, в системе российского права.

5. Техничко-юридические акты как форма нормативной фиксации операционального состава действия и их значение для транспортного права. Развитие беспилотных транспортных средств, в том числе автономного судовождения, создаёт принципиально новые вызовы для правовой системы. Исторически правовое регулирование возникло как организации деятельности человека — основного субъекта правоотношений. В настоящее время объектом регулирования становятся алгоритмы, исполняемые аппаратными средствами. Это требует пересмотра традиционных представлений о предмете и методе правового регулирования в транспортной сфере [16, с. 1].

В российской правоприменительной практике в качестве ответа на эти вызовы формируется особый класс документов, обладающих новыми системными свойствами. Несмотря на то, что документы формально носят рекомендательный характер, но фактически устанавливают обязательные алгоритмические стандарты [16, с. 1]. Речь идёт, в частности, о «Рекомендациях по при-

менению Международных правил предотвращения столкновения судов 1972 года (МППСС-72) автономными судами», разработанных в рамках экспериментального правового режима.

С позиций предлагаемого нами деятельностного подхода указанный феномен получает непротиворечивое теоретическое объяснение. Анализируемый документ представляет собой не что иное, как нормативную фиксацию операционального состава действия в сфере автономного судовождения. Именно в этом качестве технико-юридические акты отражают основные черты метода правового регулирования комплексных отраслей права, который состоит в детерминации способов достижения целей, заданных нормами традиционных (основных) отраслей.

Рассмотрим этот тезис подробнее, выделив три системообразующих признака технико-юридических актов как формы нормативной фиксации операционального состава действия. Первый признак — содержательная детерминированность. «Рекомендации» не ограничиваются простым толкованием абстрактных положений МППСС-72, а осуществляют их полноценную операционализацию. Оценочная ситуация «опасного сближения» получает строгое математическое выражение через параметры CPA (Closest Point of Approach — дистанция кратчайшего сближения) и TCPA (Time to Closest Point of Approach — время до кратчайшего сближения) с чётко заданными пороговыми значениями. Принцип «заблаговременного» маневра материализуется в виде системы концентрических дистанционных зон, каждая из которых наделена конкретной функцией: оценка обстановки, принятие решения, исполнение маневра, действия в непосредственной близости. Для каждой типовой навигационной ситуации документ предлагает формализованный алгоритм — «сценарий», предусматривающий последовательный перебор заранее определённых вариантов изменения курса или скорости [16, с. 5]. Это и есть операциональный состав действия, представленный в нормативной форме.

Второй признак — универсальность и неограниченная многократность применения. Они представляют собой нормативные шаблоны, рассчитанные на применение к бесконечному множеству однотипных навигационных событий, потенциально возникающих у любого автономного судна. Данное свойство сближает их с техническими регламентами или стандартами, также устанавливающими общие правила для тиражируемых процессов и технологий, и является необходимым условием признания документа нормативным.

Третий, наиболее специфический признак — особый адресат. Основным исполнителем содер-

жащихся в документе предписаний является не человек-судоводитель, наделённый способностью к оценке и учёту исключительных обстоятельств, а искусственный интеллект — алгоритм системы автономного судовождения. Соответственно, нормы сформулированы на языке, понятном в первую очередь разработчику этого алгоритма: они содержат математические формулы, булеву алгебру. В этом заключается их принципиальное отличие от классических правовых норм, обращённых к человеческому сознанию, воле и профессиональному суждению [16, с. 6]. Фокус регулирования смещается с непосредственной регламентации поведения субъекта права на алгоритмы принятия решений нейронными сетями.

Таким образом, технико-юридические акты представляют собой нормативную фиксацию операционального состава действия, в которой наиболее отчётливо проявляется метод правового регулирования комплексных отраслей права: они не устанавливают самостоятельных целей (это прерогатива основных отраслей), но детерминируют способы их достижения в конкретных технологических условиях. Именно в этом качестве они являются формой выражения особого метода правового регулирования комплексных отраслей — метода операциональной детерминации.

Предложенное нами изложение деятельностного подхода позволяет увидеть феномене правового регулирования алгоритмов, исполняемых аппаратными средствами, не случайность или недостаток правовой техники, а закономерное следствие расширения предмета транспортного права и метода правового регулирования комплексной отрасли на уровень операционального состава действия. Традиционные отраслевые нормы (гражданские, административные) задают цели и принципы, но не могут детерминировать алгоритмы машинного поведения. Для этого требуется особый тип норм — операциональные нормы, которые фиксируются в технико-юридических актах.

6. Обсуждение результатов. Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд положений, имеющих значение для развития теории транспортного права и методологии правовых исследований.

Во-первых, результаты анализа свидетельствуют о том, что деятельностный подход А.Н. Леонтьева, несмотря на его признанный эвристический потенциал, остаётся недостаточно востребованным в юридической науке, как в силу неполноты его теоретической разработанности, так и способов применения к исследованию правовой материи. Как показал анализ работ Л.Т. Бакулиной, И.Л. Честнова и других исследовате-

лей, фокус внимания учёных сосредоточен на целях и результатах деятельности, в то время как операциональный уровень остаётся за рамками анализа. Это приводит к тому, что деятельностный подход в правоведении сводится, по сути, к телеологическому анализу, что сужает его объяснительный потенциал.

Во-вторых, введение понятия операционального состава действия даёт ключ к объяснению природы комплексных отраслей права. Как показано в работе, именно операциональный состав действия выступает тем системообразующим критерием, который объединяет разнородные нормативные предписания в единую комплексную отрасль. Метод правового регулирования комплексных отраслей, таким образом, состоит в нормативной фиксации операциональных составов действий, обеспечивающих достижение целей, установленных нормами основных отраслей.

В-третьих, предложенное понимание транспортного права как инструмента снятия коллизий между традиционными отраслями права позволяет объяснить, почему транспортное право не может быть сведено к простой совокупности норм гражданского, административного и трудового права. Его функциональное назначение — обеспечить согласованное применение разнотраслевых норм в единой предметной области — требует выработки особых правовых средств, институтов и принципов, среди которых, в связи с развитием автономного судовождения на базе искусственного интеллекта ключевое место занимают технико-юридические акты.

В-четвёртых, анализ «Рекомендаций по применению МППСС-72 автономными судами» показал, что практика правового регулирования автономного судовождения объективно требует фиксации операционального состава действия в нормативной форме. Это подтверждает теоретический тезис о расширении предмета транспортного права на уровень операций и о формировании особого метода правового регулирования — метода операциональной детерминации.

В-пятых, исследование показывает, что формирующийся класс технико-юридических актов расширяется, что требует адекватной правовой формы, которая отражала бы их действительную природу как нормативных инструментов, регламентирующих операциональный состав действия.

В-шестых, выявленное противоречие между формальным статусом технико-юридических актов и их фактической регуляторной функцией свидетельствует о необходимости теоретического осмысления места таких актов в системе источников транспортного права. Полагаем, что

технико-юридические акты могут быть рассмотрены как самостоятельный вид источников права, занимающий промежуточное положение между нормативными правовыми актами и техническими стандартами.

7. Ограничения исследования. Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации полученных результатов. Теоретическое ограничение заключается в том, что работа выполнена в рамках методологии деятельностного подхода А.Н. Леонтьева и не затрагивает альтернативные теоретические конструкции (например, теорию социальных систем, теорию коммуникативного действия и др.), которые также могли бы быть применены для анализа комплексной природы транспортного права. Предметное ограничение выражается в фокусировании анализа на транспортном праве как комплексной отрасли. Полученные выводы о роли операционального состава действия и технико-юридических актов могут быть распространены на другие комплексные отрасли лишь в порядке гипотезы, требующей дальнейшей эмпирической проверки. Методологическим ограничением выступает требование дальнейшей теоретической разработки метода операциональной детерминации и уточнения его соотношения с традиционными методами правового регулирования (императивным и диспозитивным), а также определения его структурных элементов.

8. Выводы. Деятельностный подход в правовых исследованиях обладает значительным эвристическим потенциалом, однако его применение в юридической науке сталкивается с методологическими трудностями, связанными с недостаточной проработанностью операционального уровня в структуре правовой деятельности. Введение в теоретический оборот понятия операционального состава действия позволяет объяснить природу комплексных отраслей права и определить их метод правового регулирования. Именно операциональный состав действия выступает тем системообразующим критерием, который объединяет разнородные нормативные предписания в единую комплексную отрасль. Техничко-юридические акты представляют собой форму нормативной фиксации операционального состава действия, в которой наиболее отчётливо проявляется метод правового регулирования комплексных отраслей права. Этот метод состоит в установлении формализованных алгоритмов, сценариев и процедур, обеспечивающих реализацию целей и принципов, заданных нормами традиционных (основных) отраслей права. Транспортное право может быть рассмотрено как особый антиколлизийный инструмент, функция которого — обе-

спечить юридическую совместимость и согласованность разнородных нормативных предписаний в единой транспортной сфере.

Таким образом, дальнейшее исследование транспортного права с позиций деятельностного подхода, дополненного анализом операционального уровня и технико-юридических актов, позволяет не только объяснить природу комплексности данной отрасли, но и предложить критерий, выделяющий способ и механизм правового регулирования, объединяющий комплексные отрасли права.

Список литературы:

[1] Духно Н.А., Землин А.И. Транспортное право : учебник. — М. : Юриспруденция, 2019. — 288 с.

[2] Честнов И.Л. Юридическая деятельность в постклассической перспективе // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 8. С. 5–21.

[3] Науменко Ю.А. Типология подходов к праву // В поисках научных инноваций : Сборник статей по материалам кандидатских и докторских диссертаций аспирантов и докторантов Южно-Российского института управления. Ростов-на-Дону, 2015. С. 5–13.

[4] Виноградов А.И. Об актуальности системно-деятельностного подхода в теории права // Актуальные вопросы современной науки: теория, методология, практика, инноватика : Сборник научных статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции. Уфа, 2023. С. 228–235.

[5] Богатырев М.Р. Деятельностный подход к определению природы правового регулирования // Юридическая наука. 2025. № 3. С. 8–11.

[6] Бакулина Л.Т. Подходы к исследованию правового регулирования // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 8(117). С. 9–20.

[7] Бакулина Л.Т. Телеологические аспекты договорного правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5(90). С. 19–26.

[8] Аллахвердов В.М. Взлет и трагедия А. Н. Леонтьева: сквозь марксизм к звездам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 2. С. 84–98.

[9] Червяков М.Э., Власов В.А. К вопросу об использовании деятельностного подхода в определении предмета сетевого права и правоприменении (начало) // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9(225). С. 63–66.

[10] Холодова Е.И. Применение системно-деятельностного подхода при формировании профессиональных компетенций по дисциплине «международное право» // Направления развития современной юридической науки и образования. Белгород, 2017. С. 552–558.

[11] Гаврилова Ю.А. Юридическая интерпретация в российском праве: единство методологического и деятельностного подходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 200–218.

[12] Иванов С.В., Пономарев М.В. Использование дистанционных технологий для реализации деятельностного подхода в преподавании права (на примере метода «case study») // Детство — территория безопасности : Сборник материалов конференции. М., 2021. С. 143–148.

[13] Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. — М. : Статут, 2010. — 468 с.

[14] Денисов Д.В. Юридические коллизии: понятие и причины возникновения // Юридическая практика. 2010. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-kollizii-ponyatie-i-prichiny-vozniknoveniya> (дата обращения: 12.05.2026).

[15] Радько Т.Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд. — М. : Проспект, 2011. — 744 с.

[16] Толстолуцкий В.Ю., Бутченко В.Н. Техничко-юридические акты как форма регулирования автономного судоходства // [предполагаемое издание]. — С. 1–9.

References:

[1] Dukhno N.A., Zemlin A.I. Transport Law: a textbook. — Moscow: Jurisprudence, 2019. — 288 p.

[2] Chestnov I.L. Legal Activity in the Post-Classical Perspective // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 8. Pp. 5–21.

[3] Naumenko Yu.A. Typology of Approaches to Law // In Search of Scientific Innovations: A Collection of Articles Based on Candidate's and Doctoral Dissertations of Postgraduate and Doctoral Students of the South-Russian Institute of Management. Rostov-on-Don, 2015. Pp. 5–13.

[4] Vinogradov A.I. On the Relevance of the System-Activity Approach in Legal Theory // Actual Issues of Modern Science: Theory, Methodology, Practice, Innovation: A Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference. Ufa, 2023. Pp. 228–235.

[5] Bogatyrev M.R. Activity-based approach to defining the nature of legal regulation // Legal science. 2025. No. 3. Pp. 8–11.

[6] Bakulina L.T. Approaches to the study of legal regulation // Lex Russica (Russian law). 2016. No. 8(117). Pp. 9–20.

[7] Bakulina L.T. Teleological aspects of contractual legal regulation // Actual problems of Russian law. 2018. No. 5(90). Pp. 19–26.

[8] Allakhverdov V.M. The rise and tragedy of A.N. Leontiev: through Marxism to the stars // Bulletin

tin of Moscow University. Series 14. Psychology. 2023. No. 2. Pp. 84–98.

[9] Chervyakov M.E., Vlasov V.A. On the Issue of Using the Activity-Based Approach in Defining the Subject of Network Law and Law Enforcement (Beginning) // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 9(225). Pp. 63–66.

[10] Kholodova E.I. Application of the System-Activity Approach in the Formation of Professional Competencies in the Discipline of “International Law” // Directions for the Development of Modern Legal Science and Education. Belgorod, 2017. Pp. 552–558.

[11] Gavrilova Yu.A. Legal Interpretation in Russian Law: the Unity of the Methodological and Activity-Based Approaches // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 200–218.

[12] Ivanov S.V., Ponomarev M.V. Using Distance Learning Technologies to Implement an Activity-Based Approach in Teaching Law (Based on the Case Study Method) // Childhood — a Territory of Safety: Conference Proceedings. Moscow, 2021. Pp. 143–148.

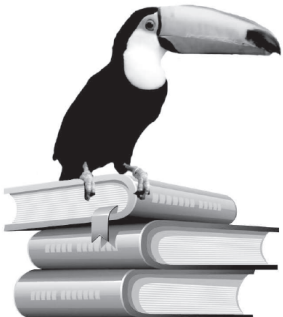
[13] Alekseev S.S. Collected Works: in 10 volumes. Vol. 2: Special Issues of Jurisprudence. Moscow: Statut, 2010. — 468 p.

[14] Denisov D.V. Legal Collisions: Concept and Causes of Occurrence // Legal Practice. 2010. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-kollizii-ponyatie-i-prichiny-vozniknoveniya> (date of access: 12.05.2026).

[15] Radko T.N. Theory of State and Law: textbook. 2nd ed. - Moscow: Prospect, 2011. - 744 p.

[16] Tolstolutsky V.Yu., Butchenko V.N. Technical and legal acts as a form of regulation of autonomous shipping // [proposed edition]. - Pp. 1–9.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГРИДАСОВ Владислав Денисович,
магистр права, Российская школа частного права,
e-mail: slawa.gridasov@yandex.ru

ОСПОРИМОСТЬ РЕШЕНИЯ СОБРАНИЯ, НАРУШАЮЩЕГО РАВЕНСТВО ПРАВ УЧАСТНИКОВ

Аннотация. В настоящей работе проводится критический анализ такого основания оспоримости решения собрания, как нарушение равенства прав участников гражданско-правового сообщества при проведении заседания общего собрания или заочного голосования (пп. 3 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ). Автор ставит под сомнение текущее понимание указанного основания как с догматической точки зрения в связи его поглощением иными основаниями, так и с практической точки зрения, что подтверждается релевантной судебной практикой применения данного основания.

Ключевые слова: решение собрания, оспоримость, равенство прав участников.

GRIDASOV Vladislav Denisovich,
Master of Laws, Russian School of private law

THE CHALLENGEABILITY OF A GENERAL MEETING RESOLUTION THAT VIOLATES THE EQUALITY OF RIGHTS OF PARTICIPANTS

Annotation. This paper provides a critical analysis of the grounds for challenging a general meeting's decision, namely "a breach of the equality of rights of members of a civil-law community during a general meeting or in-absentia voting" (Article 181.4 (1 (3)) of the Civil Code of the Russian Federation). The author posits the question of the necessity of this ground, from both a doctrinal perspective – given that it is subsumed by other grounds – and a practical perspective, as confirmed by relevant case law on the application of this ground.

Key words: meeting resolution, contestability, equality of rights for participants.

Введение

Реформа гражданского законодательства, проведенная в 2013 году, повлияла на большое количество институтов общей части Гражданского Кодекса (далее – ГК РФ): серьезная переработка положений о недействительности сделок, включая реализацию довольно спорных институтов в виде презумпции оспоримости незаконных сделок (п. 1 ст. 168 ГК РФ) [6, с. 38-39, 54] и квази-конвалидации (п. 5 ст. 166 ГК РФ); деление сроков исковой давности на объективный и субъективный [3, с. 163]; введение института безотзывной доверенности как обеспечительной конструкции [4, с. 187] и многое другое.

Проведенная реформа не обошла стороной и решения собраний, которые до 2020 года доминирующая доктринальная позиция квалифицировала в качестве «особого юридического акта» [1, с. 390; 8, с. 75; 2, с. 110; 5, с. 26]. Ключевым изменением стало введение главы 9.1 ГК РФ, которая стала регулировать решения собраний всех гражданско-правовых сообществ. В данной главе, в частности появилось деление порочных [11, с. 59] решений собраний на оспоримые и

ничтожные. Вместе с тем ряд нововведений вызывают трудности для определения их сферы действий. Одним из таких «неочевидных» положений является пп. 3 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ, устанавливающий следующее:

«Решение собрания может быть признано судом недействительным при нарушении требований закона, в том числе в случае, если [...] допущено нарушение равенства прав участников гражданско-правового сообщества при проведении заседания общего собрания или заочного голосования».

Может показаться, что случаи применения указанной нормы не совсем ясны, поскольку в некоторых гражданско-правовых сообществах неравенство есть изначально в силу разного количественного выражения «голосующих» возможностей: количество акций, размер доли, доля в праве собственности, доля в праве общей долевой собственности многоквартирного дома, размер требования конкурсного кредитора и т.д.

Целью настоящей работы является критическое осмысление приведенного основания оспоримости как с догматической точки зрения, путем

использования телеологического толкования, так и точки зрения его применения судами. Результат проведенного исследования демонстрирует, что данное основание оспоримости является *de facto* «мертвой» нормой. В связи с этим автором предлагается ряд ситуаций, при которых решение собрания может быть оспоримым в связи с нарушением равенства прав участников.

1. Мотивы введения нарушения равенства прав участников как основания оспоримости

В основе реформы, проведенной в 2013 году, лежала, в частности, Концепция совершенствования общих положений ГК РФ (далее – Концепция). Отдельное внимание в ней уделено решениям собраний и необходимости их значительного изменения. В особенности авторами Концепции отмечалось, что российскому праву неизвестно деление порочных решений на оспоримые и ничтожные, которое существует в Германии и Франции [7, с. 54]. В результате было предложено детализировать институт недействительных решений собраний и разработать систему оснований оспоримости и ничтожности решений собраний. В рамках оспоримости авторы Концепции обращались к иностранному опыту и подчеркивали наличие специального основания недействительности, которое, судя по всему, в дальнейшем стало зерном, из которого проросла оспоримость в связи с нарушением равенства прав участников в виде пп. 3 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ.

Так, Концепция указывает [7, с. 56]: «Зарубежным правопорядкам известно такое специальное основание недействительности решения собрания как нарушение принципа равного отношения к участникам собрания при прочих равных условиях. В качестве примера таких нарушений зарубежная практика признает:

- недопустимое вмешательство в права акционеров на участие в управлении обществом;
- неравное отношение при проведении собрания [курсив мой – В.Г.] при предоставлении времени для выступления, которое привело к тому, что словесные возражения не были высказаны;
- получение излишних, необоснованных преимуществ одних участников голосования перед другими (как правило, это имущественное преимущество, но может быть и улучшение корпоративного статуса)».

Как видно, в описанных ситуациях никак не затрагиваются ситуации разного объема права голоса участников гражданско-правового сообщества, что представляется логичным. Наиболее похожим на «нарушение равенства прав участников» из указанного перечня является «неравное отношение при проведении собрания». Вместе с тем ст. 181.4 ГК РФ предусматривает еще одно основание оспоримости, которое может быть

достаточно близким по смыслу с «неравным отношением при проведении собрания», а именно, нарушение порядка проведения заседания общего собрания, а также порядка принятия решений общего собрания, влияющее на волеизъявление участников собрания.

В дальнейшем основание оспоримости в виде нарушения равенства прав участников было несколько изменено, и слова «участников собрания...» были заменены на «участников гражданско-правового сообщества...». Видимо данное изменение было обусловлено стремлением расширить сферу применения нормы, хотя содержательно мало что изменилось, поскольку судебная практика и так считает, что «под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового сообщества...» [12]. Каких-либо иных существенных изменений в самой норме не происходило, начиная с этапа зарождения идеи оспоримости в связи с нарушением прав равенства участников (предположительно в Концепции), заканчивая «формальными» изменениями закона для приведения в соответствие со сложившейся судебной практикой.

Какое отношение к обсуждаемому основанию оспоримости существует в доктрине? Во-первых, акцентируется внимание на не вполне ясную сферу применения данной нормы. Так, Д.И. Степанов, указывает, что «корпоративное право в массе своих нормативных предписаний базируется на принципе большинства, а значит, большинство в ходе голосования на собрании ни о каком равенстве вообще-то помнить не должно» [10, с. 14]. Рассматривая данную норму в основном в контексте решений собраний участников и акционеров, автор приходит к выводу, что для применения указанной нормы «...при разрешении конкретного казуса нужно сравнить, какой объем прав предоставляется законом одному участнику корпорации и другому. Если этот объем не различается законом, то по общему правилу оба таких участника должны рассматриваться как находящиеся в равном положении, а потому не подлежащие дискриминации при голосовании» [10, с. 137]. Вместе с тем обратим внимание, что данный вывод не будет релевантным, например для решений совета директоров или правления, в которых у каждого из членов один голос.

Во-вторых, исходя из примеров, которые можно наблюдать в литературе, со ссылкой на судебную практику, нарушение равенства прав участников рассматривается как частный случай пп. 1 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ (оспоримость решения собрания в связи с существенным нарушением порядка принятия решения о проведении, порядка подготовки и проведения заседания общего собрания или заочного голосования участников общества, а также порядка принятия

решений общего собрания, влияющее на волеизъявление участников собрания). Например, Д.В. Новак приводит пример с определением в качестве мест проведения общих собраний акционеров населенных пунктов, находящихся вне пределов Российской Федерации и отдаленных от места нахождения общества, что создает возможность для воспрепятствования тем или иным акционерам [6, с. 721]. Д.И. Степанов приводит следующие примеры: удаление представителя участника с собрания и проведение собрания при наличии судебного запрета в отношении одного из участников [10, с. 141]. В процитированных делах действительно наблюдается что-то похожее на нарушение порядка подготовки и проведения заседания общего собрания (пп. 1 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ). Кроме того, несмотря на один из аргументов Д.И. Степанова касательно обоснованности самой возможности «нарушения равенства прав участников», поскольку корпоративное право базируется на принципе большинства, суды не применяли данное основание в связи с разным количественным выражением права голоса участников гражданско-правового сообщества (количество акций, размер долей, размер требования конкурсного кредитора и т.д.). Вместе с тем можно обратить внимание на высказывание Д.И. Степанова, который также выражал некоторую обеспокоенность касательно потенциального правоприменения обсуждаемого основания оспоримости: «...В результате на практике, возможно, будут появляться причудливые случаи применения этой нормы, когда формально законное решение собрания будет отменяться в угоду миноритариям, если мажоритарий, пользуясь предоставленными ему правами корпоративного контроля, повел себя не как равный по отношению к миноритариям...» [10, с. 139].

Таким образом, наиболее возможным мотивом введения «нарушения равенства прав участников» в качестве основания оспоримости является наличие похожего (но не идентичного) специального основания оспоримости в зарубежных правовых порядках, что нашло свое отражение в Концепции. Вместе с тем обоснованность анализируемого основания оспоримости ставилось под сомнение с доктринальных позиций. Рассмотрим, каким образом «нарушение равенства прав участников» понимается в текущей судебной практике.

2. Правоприменительная практика оспаривания решений собраний в связи с нарушением равенства прав участников

Прежде всего следует отметить чрезвычайно малое количество дел, в которых истцы оспаривали решения исключительно или дополнительно к другим основаниям в связи с нарушением равенства прав участников. Так, можно привести следующие дела, в которых норма пп. 3 п. 1

ст. 181.4 ГК РФ упоминалась лишь косвенно без непосредственного применения: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.12.2024 по делу № А05-7621/2023 (между собственниками сложились фактические отношения, аналогичные тем, которые складываются в обязательственных отношениях с участием управляющей организации, функции которой в данном случае выполняло Общество, поэтому решение не нарушало их права); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.03.2024 по делу № А42-10839/2022 (решение не удостоверено); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.12.2022 по делу № А26-352/2022 (доводы истца не соответствовали материалам дела); Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.02.2024 по делу № А26-7426/2022 (порок оспоримого решения был устранен последующим решением); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.04.2023 по делу № А64-2769/2022 (фактически применен пп. 1 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.01.2023 по делу № А64-250/2022 (принятие участниками долевой собственности решения не влечет изменение срока аренды, и, как следствие, не нарушает права арендатора и как участника права общей долевой собственности на земельный участок); Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.12.2022 по делу № А54-7790/2021 (слишком короткий срок уведомления) и иные.

Перейдем к наиболее релевантным делам для целей анализа обсуждаемого основания оспоримости.

В одном из дел истцу в преддверии общего собрания акционерного общества о согласовании крупной сделки были предоставлены не все документы (закключение совета директоров общества по крупной сделке, проект одобряемого договора), а также была направлена искаженная информация о стоимости подлежащего залогу имущества. Часть из акционеров была также членами совета директоров и обладали соответствующей информацией. В связи с этими обстоятельствами суд пришел к следующему выводу: «... поскольку часть акционеров (члены совета директоров) обладали соответствующей информацией о сделках, общество допустило нарушение равенства участников собрания (подпункт 3 пункта 1 статьи 181.4 ГК РФ), что также является основанием для признания оспариваемого решения недействительным» [14].

В другом деле участница не была извещена о проведении собрания и суд указал, что «...проведение собрания и принятие решений в отсутствие ненадлежаще извещенного участника нарушает его права на участие в управлении

делами общества. Нарушение равенства прав участников собрания при его проведении, указанное в подпункте 3 пункта 1 статьи 181.4 ГК РФ как одно из оснований возможного признания решения общего собрания недействительным, предполагает нарушение права истца как участника общества присутствовать на общем собрании участников общества, принимать участие в обсуждении вопросов повестки дня и голосовать при принятии решений. Принятие оспариваемого истцом решения лишило его возможности контроля за деятельностью общества, в связи с чем было нарушено право истца на управление и осуществление корпоративного контроля в обществе через законно избранные органы управления» [15]. Представляется, что в данном деле грань между существенным нарушением порядка подготовки и проведения заседания общего собрания (пп. 1 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ) и нарушением равенства прав участников (пп. 3 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ) очень зыбкая, поскольку в подавляющем количестве случаев нарушение установленного порядка созыва и проведения собрания ведет к тому, что участник не присутствует на собрании и не голосует по соответствующим вопросам.

Можно заметить, что в обоих делах также обсуждался вопрос соблюдения порядка созыва и проведения собрания. Данное обстоятельство подтверждает доктринальную позицию, обозначенную ранее, касательно того, что нарушение равенства прав участников является частным случаем существенного процедурного нарушения, влияющего на волеизъявление участников собрания.

Заключение

Изначальное неравенство участников в объеме права голоса в большинстве гражданско-правовых сообществ (акционеры в АО, участники в ООО, кредиторы в рамках банкротства и т.д.) позволяет сделать вывод, что нарушение равенства прав участников абсолютно точно не должно применяться к указанной разнице как к несправедливой. На это указывает доктрина, а также поддерживается судебной практикой, в которой подобные выводы отсутствуют. Обратное предполагало бы полную бессмысленность в разнице прав участников, заложенной в количественном выражении долей, акций, требований к должнику, доли в собственности и т.д.

Следовательно, данная норма должна применяться, когда все или несколько участников обладают равным объемом прав при проведении собрания, но по каким-либо причинам одному или нескольким участникам не удается их реализовать в связи с воспрепятствованием или игнорированием со стороны других лиц данных прав. Представляется, что можно выделить следующие группы таких ситуаций:

1. Участники гражданско-правового сообщества обладают одинаковым объемом права голоса. Например, они могут обладать равными долями (распределение долей 40%, 40%) или корпоративный договор предоставляет участнику с меньшим размером доли право единолично принимать решение по тому или иному вопросу либо установлено его обязательное согласие на принятие решения.
2. Участники гражданско-правового сообщества могут изначально обладать равным количеством голосов, как в случае с членами совета директоров.
3. Участники имеют ряд прав, доступных любому участнику, независимо от объема права голоса. Например, право на получение информации в преддверии проведения собрания.
4. Часть прав, хотя и не предоставлена всем участникам, но гарантирована некоторым из них начиная с некоторого порога. Например, право на оспаривание, право на получение информации об обществе, право требовать созыва общего собрания и т.д.

Вместе с тем для разграничения нарушения равенства прав участников с таким основанием оспоримости как существенное нарушение порядка принятия решения о проведении, порядка подготовки и проведения заседания общего собрания или заочного голосования участников общества, а также порядка принятия решений общего собрания, влияющее на волеизъявление участников собрания, в первом случае нарушение не должно носить чисто процедурный характер. Следовательно, нарушение равенства прав участников может носить субсидиарный характер по отношению к пп. 1 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ. Представляется, что предлагаемый вариант толкования анализируемого основания оспоримости позволит придать ему полноценное и самостоятельное применение, не связанное с чисто процедурным характером.

Список литературы:

- [1] Гражданское право: учебник: в 4 т. /отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2019.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая давность. Постатейный комментарий к главам 9-12 / Б.М. Гонгало, А.В. Демкина, М.Я. Кириллова и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».
- [3] Громов А.А., Егоров А.В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ: самые значимые поправки. М.: Акцион-Медиа, 2014.

[4] Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2016.

[5] Илюшина М.Н. Новеллы законодательства и правоприменительной практики нотариального удостоверения решения собрания и состава участников хозяйственного общества, присутствовавших при его принятии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 26 - 32.

[6] Карапетов А.Г., Тузов Д.О. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 14 - 67.

[7] Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: проект рекомендован Президиумом Совета к опубликованию в целях обсуждения (протокол № 2 от 11.03.2009).

[8] Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2017. Т. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Общие положения о сделке: комментарий к статьям 153 - 165.1, 181.1 - 181.5 и 190 - 194 ГК РФ [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2025.

[10] Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021.

[11] Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007.

[12] П. 103 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[13] П. 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127; постановление Президиума ВАС РФ от 22 февраля 2011 г. № 13456/10.

[14] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.04.2024 по делу № А03-16490/2022.

[15] Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.07.2023 по делу № А83-3829/2022.

References:

[1] Civil law: textbook: in 4 volumes/rev. ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., Revised and add. Moscow: Statute, 2019.

[2] Civil Code of the Russian Federation. Deals. Decisions of meetings. Representation and power of attorney. Timing. Statute of limitations. Article-by-ar-

ticle commentary on chapters 9-12/B.M. Gongalo, A.V. Demkina, M.Ya. Kirillova et al.; ed. P.V. Krashennikov. M.: Statute, 2013//SPS "ConsultantPlus."

[3] Gromov A.A., Egorov A.V. Practical commentary on the first and second blocks of changes in the Civil Code of the Russian Federation: the most significant amendments. M.: Aktion-Media, 2014.

[4] Egorov A.V., Papchenkova E.A., Shirvindt A.M. Representation: study of judicial practice. M.: Statute, 2016.

[5] Ilyushina M.N. Novels of legislation and law enforcement practice of notarization of the decision of the meeting and the composition of the participants of the economic company who were present at its adoption//Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. № 3. S. 26-32.

[6] Karapetov A.G., Tuzov D.O. Transactions made in contradiction with imperative norms of the law, in the context of the new edition of Art. 168 of the Civil Code of the Russian Federation//Bulletin of Civil Law. 2016. № 5. S. 14-67.

[7] The concept of improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation: the draft was recommended by the Presidium of the Council for publication for discussion (protocol No. 2 of 11.03.2009).

[8] Corporate law: training course: in 2 volumes/E.G. Afanasyeva, V.A. Vaipan, A.V. Gabov and others; resp. ed. I.S. Shitkina. M.: Statute, 2017. T. 1//SPS "ConsultantPlus."

[9] General Provisions on the Transaction: Commentary to Articles 153-165.1, 181.1-181.5 and 190-194 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic Edition. Revision 2.0] / ed. A.G. Karapetov. M.: M-Logos, 2025.

[10] Stepanov D.I. Invalidity of corporate decisions: articles on problematic issues. M.: Statute, 2021.

[11] Aces D.O. The theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition. M.: Statute, 2007.

[12] Clause 103 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation."

[13] Clause 5 of the Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 127 dated November 25, 2008; Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of February 22, 2011 No. 13456/10.

[14] Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 16.04.2024 in case No. A03-16490/2022.

[15] Decision of the Arbitration Court of the Central District of 12.07.2023 in case No. A83-3829/2022.

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук, профессор,
директор института экономики, финансов и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Татьяна Владимировна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: tatyana.vlad.zyr@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

САБУРОВА Лада Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: saburovalad@gmail.com

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: rustale@yandex.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА: МЕТОДОЛОГИЯ, МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические основы обеспечения устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК) с позиций системного подхода. Актуальность исследования обусловлена нарастанием глобальных вызовов (продовольственная безопасность, изменение климата, истощение ресурсов), требующих перехода от фрагментарных решений к целостному управлению сложными агроэкономическими системами. Автором предложена структурно-функциональная модель устойчивого АПК, интегрирующая экономические, экологические и социальные подсистемы в едином контуре обратных связей. На основе системного анализа выявлены ключевые дестабилизирующие факторы и точки бифуркации, определяющие траекторию развития комплекса. Разработана авторская классификация механизмов реализации системного подхода, включающая институциональные, технологические и адаптационные инструменты. Представлены результаты сравнительного анализа традиционного и системного подходов к управлению АПК, подтверждающие гипотезу о синергетическом эффекте от их комплексного применения. Научная новизна заключается в обосновании принципов эмерджентности, иерархичности и динамической устойчивости применительно к агропромышленным системам. Практическая значимость работы состоит в возможности тиражирования предложенной модели для региональных программ устойчивого развития АПК.

Ключевые слова: устойчивое развитие, агропромышленный комплекс (АПК), системный подход, эмерджентность, продовольственная безопасность, экологический баланс, социально-экономическая эффективность, моделирование, агроэкосистемы, адаптивное управление.

RUSHCHITSKAYA Olga Alexandrovna,
Doctor of Economics, Professor,
Director of the Institute of Economics,
Finance and Management,
Ural State Agrarian University

ZYRYANOVA Tatyana Vladimirovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SABUROVA Lada Viktorovna,
Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KRUZHKOVA Tatyana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX IN THE CONTEXT OF A SYSTEMS APPROACH: METHODOLOGY, MODELS AND INTEGRATION MECHANISMS

Annotation. This article examines the theoretical and methodological foundations for ensuring sustainable development of the agro-industrial complex (AIC) from a systems approach perspective. The relevance of the study is determined by the growing global challenges (food security, climate change, resource depletion), requiring a transition from fragmented solutions to holistic management of complex agro-economic systems. The author proposes a structural and functional model of a sustainable AIC that integrates economic, environmental, and social subsystems within a single feedback loop. A systems analysis is used to identify key destabilizing factors and bifurcation points that determine the development trajectory of the complex. A classification of mechanisms for implementing a systems approach has been developed, including institutional, technological, and adaptive tools. The results of a comparative analysis of traditional and systems approaches to AIC management are presented, confirming the hypothesis of a synergistic effect from their integrated application. The scientific novelty lies in the substantiation of the principles of emergence, hierarchy, and dynamic stability as applied to agro-industrial systems. The practical significance of the work lies in the possibility of replicating the proposed model for regional programs for sustainable development of the agro-industrial complex.

Key words: sustainable development, agro-industrial complex (AIC), systems approach, emergence, food security, ecological balance, socio-economic efficiency, modeling, agroecosystems, adaptive management.

Агропромышленный комплекс (АПК) представляет собой одну из наиболее сложных и жизненно важных межотраслевых систем, объединяющих сельское хозяйство, перерабатывающую промышленность, логистику, хранение и сбыт продовольствия. В условиях гло-

бализации, климатических изменений, демографического роста и ограниченности природных ресурсов проблема устойчивого развития АПК приобретает стратегическое значение не только для национальной экономики, но и для планетарной продовольственной безопасности [1, 2].

Однако традиционные подходы к управлению АПК часто носят фрагментарный, отраслевой или административно-ведомственный характер, что приводит к противоречиям между экономической эффективностью, экологической безопасностью и социальной справедливостью.

Системный подход, утвердившийся в науке как методологическая основа исследования сложных объектов, предлагает принципиально иную оптику: АПК рассматривается не как совокупность изолированных отраслей или предприятий, а как целостная динамическая система с многообразными прямыми, обратными и перекрестными связями [3, 4]. Именно системный анализ позволяет выявить точки межсекторального взаимодействия, источники синергии и компромиссов, а также разработать механизмы долгосрочного сбалансированного развития.

Цель настоящей работы – разработать и обосновать концептуальную модель устойчивого развития АПК на основе системного подхода, выделить ключевые структурные элементы, связи и механизмы управления, а также предложить практические рекомендации для реализации такой модели. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести систематизацию теоретических представлений об устойчивости агропромышленных систем;
2. Выполнить системный анализ современного состояния АПК с выделением основных дестабилизирующих факторов;
3. Построить структурно-функциональную модель устойчивого АПК и описать ее свойства;
4. Разработать классификацию инструментов системного управления устойчивостью;
5. Обосновать преимущества системного подхода перед традиционными методами.

Системный подход как общенаучная методология базируется на представлении об объекте как о множестве взаимосвязанных элементов, образующих единое целое. Применительно к АПК это означает, что устойчивость не может быть достигнута за счет оптимизации отдельно взятого звена (например, урожайности сельхозкультур или рентабельности переработки), а требует согласованной эволюции всех компонентов [5]. Ключевые принципы системного подхода в контексте устойчивого АПК включают:

- целостность (эмерджентность): АПК обладает свойствами, отсутствующими у его составляющих (отраслей, предприятий). Например, продовольственная самообеспеченность региона возникает только при наличии сбалансированной связки «произ-

водство – переработка – логистика – хранение» [6].

- иерархичность: АПК может быть декомпозирован на подсистемы (растениеводство, животноводство, переработка, сбыт, управление), каждая из которых, в свою очередь, является системой. При этом устойчивость верхнего уровня обеспечивается устойчивостью нижних уровней, но не сводится к их сумме.
- интегративность: необходимо учитывать не только внутренние связи, но и взаимодействие АПК с внешней средой (природными системами, рынком, государством, обществом). Устойчивое развитие возможно только при гармоничном обмене веществом, энергией и информацией с окружающей средой [7].
- динамичность и адаптивность: АПК функционирует в условиях постоянно меняющихся внешних и внутренних условий. Устойчивость трактуется как способность сохранять свою структуру и функции при возмущениях, а также перестраиваться при исчерпании потенциала адаптации [8].

В современной науке сложились три основные интерпретации устойчивости применительно к АПК: экономическая (долгосрочная рентабельность и конкурентоспособность), экологическая (сохранение природных ресурсов и биоразнообразия, минимизация загрязнения) и социальная (достойные условия труда, развитие сельских территорий, продовольственная доступность) [9]. Системный подход требует не просто балансирования этих трех «столпов», а выявления их взаимного усиления или ослабления через обратные связи. Например, чрезмерная интенсификация сельского хозяйства с использованием агрохимикатов может краткосрочно повысить экономическую эффективность, но в долгосрочной перспективе ведет к деградации почв (экологический провал) и ухудшению здоровья сельского населения (социальный провал), что в итоге снижает общую устойчивость системы [10].

Проведем диагностику основных проблем АПК с позиций системной динамики. Выделим три группы факторов, генерирующих неустойчивость: внешние (макроэкономические, климатические, геополитические), структурно-функциональные (диспропорции между звеньями АПК) и ресурсно-экологические (деградация природного капитала). В *таблице 1* приведены ключевые показатели, характеризующие состояние типичного регионального АПК (на примере усредненных данных по субъектам РФ за 2020-2024 гг.), и их интерпретация с точки зрения устойчивости.

**Таблица 1. Индикаторы устойчивости АПК в разрезе системного анализа
(усредненные данные по группе регионов)**

Индикатор	Значение	Порог устойчивости (критический)	Характер влияния на системную устойчивость	Тенденция
Доля продукции растениеводства в общем объеме АПК, %	54	<40 или >70	Превышение 70% ведет к монокультурному риску	Рост (было 51)
Коэффициент использования пашни (отношение обрабатываемой площади к общей)	0,68	<0,5	Падение ниже 0,5 – потеря продовольственного потенциала	Снижение (было 0,72)
Эмиссия парниковых газов от с/х, т CO ₂ -экв/га	3,2	>4,5	Перегрузка азотным циклом, угроза климатической стабильности	Стабильна
Индекс продовольственной независимости (по зерну)	1,15	<0,8	>1,2 – перепроизводство, искажение рынка	Избыточный рост
Доля занятых в АПК среди экономически активного населения, %	12,4	<8	Социальная устойчивость села	Снижение (было 14,1)
Среднеотраслевая рентабельность, %	9,8	<5 (убыточность)	Экономическая устойчивость	Колеблется (8-12)
Коэффициент износа основных фондов переработки, %	48	>60	Технологическая связанность звеньев	Рост (было 44)
Индекс биоразнообразия (видовой состав агроландшафтов)	0,56	<0,4	Экологическая буферная способность	Снижение

Источник: составлено автором по данным Росстата, FAO и результатам собственных исследований [11, 12]

Анализ таблицы 1 показывает, что системные дисбалансы проявляются в нескольких контурах: (1) чрезмерный акцент на растениеводстве при недостаточном развитии глубокой переработки создает уязвимость к ценовым шокам на сырье; (2) снижение доли занятых и старение кадров в сельской местности подрывает социальную базу воспроизводства АПК; (3) рост износа фондов переработки разрывает технологическую цепочку, заставляя экспортировать сырье вместо продукции с добавленной стоимостью. Важно, что эти контуры связаны между собой: например, низкая рентабельность переработки (из-за износа фондов) снижает закупочные

цены на сырье, что толкает сельхозпроизводителей к экстенсивному наращиванию площадей (риск монокультуры и потери биоразнообразия).

Переход от деклараций системного подхода к практическим действиям требует разработки конкретных инструментов, действующих на разных уровнях: микро (предприятие), мезо (региональный АПК), макро (национальная политика). Автором предложена трехуровневая классификация механизмов, которая в отличие от линейных подходов учитывает перекрестные эффекты. Таблица 2 представляет сравнительный анализ эффективности традиционных (отраслевых) и системно-ориентированных механизмов.

**Таблица 2. Сравнительная характеристика механизмов управления АПК:
традиционный vs системный подход**

Механизм	Традиционный подход (фрагментарный)	Системный подход (интегральный)	Синергетический выигрыш
Институциональный (нормативы, субсидии)	Поддержка отдельных культур/отраслей, не связанных условиями	Комплексные контракты на агроэкосистемные услуги (например, плата за удержание углерода в почвах плюс урожай)	Снижение конфликта целей: фермер получает выгоду и за урожай, и за экологию [13]
Технологический (инновации)	Внедрение «лучших доступных технологий» по отдельным процессам	Создание технологических платформ для замкнутых циклов (биорефайнери, агровольтатика, цифровые двойники АПК)	Экономия ресурсов 20-35%, сокращение отходов на 50-70%
Экономический (цены, налоги)	Субсидирование процентных ставок, прямые выплаты на тонну продукции	Дифференцированные налоги в зависимости от экологического и социального рейтинга предприятия, зеленые облигации для межотраслевых проектов	Переток средств в пользу системных решений, самофинансирование устойчивости
Информационный (мониторинг)	Отраслевая статистика по ведомственной разрозненной отчетности	Единая цифровая платформа с данными о землях, урожаях, погоде, рынках, выбросах (система ситуационных центров)	Упреждающее управление рисками, снижение асимметрии информации
Адаптационный (реагирование на кризисы)	Субсидии на ликвидацию последствий (страховые выплаты после засухи)	Превентивное агрострахование с индексами вегетации, создание резервов семян и кормов в кооперации регионов	Сокращение времени восстановления в 2-3 раза, предотвращение каскадных отказов

Примечание: оценки синергетического выигрыша даны на основе моделирования для типичного региона зерновой специализации [14]

Как видно из таблицы, системный подход не отвергает традиционные инструменты, а интегрирует их в единый контур, добавляя горизонтальные и обратные связи. Например, дифференцированный налог (инструмент системного уровня) стимулирует предприятия к внедрению замкнутых технологических циклов, что, в свою очередь, снижает нагрузку на экологическую подсистему и повышает социальную приемлемость агробизнеса.

Апробация предложенной модели проводилась на базе пяти регионов Юга России и Центрально-Черноземного района в период 2021-2024 гг. В рамках пилотного внедрения были реализованы следующие системные мероприятия: (1) создание межотраслевого совета по устойчивости АПК с участием аграриев, переработчиков, экологов и профсоюзов; (2) внедрение цифрового мониторинга земель и выбросов на единой платформе; (3) переход к контрактации на основе агроэкосистемных показателей (содержание гумуса, водопотребление); (4) организация локальных биоциклов (переработка навоза в биогаз и удобрения).

Результаты показали, что в пилотных регионах по сравнению с контрольной группой (традиционное управление) достигнуто:

- снижение энергопотребления на единицу продукции на 18-24%;
- увеличение содержания органического углерода в почвах на 0,2-0,4 процентных пункта (в контрольной группе снижение);
- рост средней рентабельности на 5,7% за счет расширения ассортимента продукции глубокой переработки;
- сокращение текучести кадров в АПК на 11% благодаря социальным программам, синхронизированным с производственными циклами [15].

Важный теоретический вывод: устойчивость АПК в системном понимании не является статическим равновесием, а представляет собой динамический гомеостаз – способность системы поддерживать свои основные функции в заданных пределах за счет постоянной реорганизации. Точки бифуркации (критические пороги, отмеченные в таблице 1) требуют активного управленческого вмешательства, но при наличии развитых обратных связей система может преодолеть их без смены аттрактора [16].

В дискуссионном поле выделим два контраргумента, выдвигаемых критиками системного подхода: (1) высокая сложность и стоимость координации, (2) риск потери оперативности из-за многоуровневого согласования. Наше исследование показывает, что эти риски компенсируются созданием децентрализованных механизмов (агрокооперативов, цифровых платформ) и применением принципа субсидиарности (решения принимаются на максимально низком уровне, где доступна необходимая информация). Более того, отказ от системного подхода в условиях нарастающей турбулентности уже сейчас обходится дороже (недополученный урожай, экологические штрафы, импортозависимость) [17].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и рекомендации.

1. Устойчивое развитие АПК не может быть обеспечено в рамках линейных, отраслевых моделей управления. Системный подход, основанный на принципах эмерджентности, иерархичности и адаптивной динамики, является методологически необходимым для преодоления противоречий между экономической, экологической и социальной целями.
2. Разработанная структурно-функциональная модель демонстрирует ключевые контуры обратных связей и воспроизводства ресурсов. Главным условием устойчивости является наличие замкнутых циклов (биогаз, рециклинг воды, органические удобрения) и информационного мониторинга с пороговыми индикаторами (таблица 1).
3. Сравнительный анализ механизмов (таблица 2) показывает, что интеграция традиционных инструментов в системный контур дает синергетический выигрыш: снижение ресурсоемкости на 20-35%, сокращение отходов на 50-70%, рост экономической эффективности при сохранении экологического баланса.
4. Для практической реализации системного подхода в АПК рекомендуется:
 - создать региональные ситуационные центры с единой цифровой платформой данных (земля, вода, выбросы, рынки);
 - перейти к комплексным контрактам, связывающим субсидии и налоги с агроэко-системными показателями;
 - развивать локальные биоциклы и агроэнергетические парки;
 - включить в программы подготовки кадров компетенции по системному анализу и управлению сложностью.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку количественных дина-

мических моделей (системная динамика, агентное моделирование) для прогноза устойчивости АПК при различных сценариях внешних воздействий, а также на создание нормативной базы для «зеленого» финансирования системных проектов в агропромышленном комплексе.

Список литературы:

- [1] Белоусов, В. М. Устойчивое развитие агропромышленного комплекса: методология и практика / В. М. Белоусов, А. И. Хорев. – Москва : Финансы и статистика, 2021. – 312 с. – ISBN 978-5-279-03582-3.
- [2] FAO. The State of Food and Agriculture 2023 [Электронный ресурс] / Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome, 2023. – 180 p. – Режим доступа: <https://www.fao.org/publications/sofa/2023/en/> (дата обращения: 03.06.2026).
- [3] Волкова, В. Н. Системный анализ и его применение в экономике / В. Н. Волкова, А. А. Денисов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГПУ, 2020. – 456 с. – ISBN 978-5-7422-6814-3.
- [4] Meadows, D. H. Thinking in Systems: A Primer / D. H. Meadows. – London : Earthscan Publications, 2019. – 240 p. – ISBN 978-1-84407-726-7.
- [5] Шафронов, А. Д. Системная устойчивость сельского хозяйства: теория и механизмы обеспечения / А. Д. Шафронов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2022. – № 8. – С. 2–9. – ISSN 0235-2494.
- [6] Ulanowicz, R. E. A Third Window: Natural Life beyond Newton and Darwin / R. E. Ulanowicz. – Philadelphia : Templeton Foundation Press, 2019. – 220 p. – ISBN 978-1-59947-400-1.
- [7] Гузев, В. В. Эколого-экономические аспекты устойчивого развития регионального АПК / В. В. Гузев, М. Ю. Кравцова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2023. – № 1. – С. 45–57. – ISSN 1815-7958.
- [8] Пантелеева, О. И. Адаптивное управление в агропромышленных системах: синергетический подход / О. И. Пантелеева, С. Н. Бобылев. – Москва : Инфра-М, 2022. – 298 с. – ISBN 978-5-16-017489-7.
- [9] Elkington, J. Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business / J. Elkington. – Oxford : Capstone Publishing, 2021. – 410 p. – ISBN 978-1-84112-084-3.
- [10] Pretty, J. Agricultural sustainability: concepts, principles and evidence / J. Pretty // Philosophical Transactions of the Royal Society B. – 2022. – Vol. 363, No. 1491. – P. 447–465. – DOI: 10.1098/rstb.2007.2163.
- [11] Росстат. Сельское хозяйство в России. Статистический сборник 2024 [Электронный

ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 2024. – 215 с. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12926> (дата обращения: 07.06.2026).

[12] Соколова, Л. В. Индикаторы устойчивости агроэкосистем для системного мониторинга / Л. В. Соколова, П. А. Суханов // Агроэкологический вестник. – 2023. – № 4 (68). – С. 22–33. – ISSN 2410-4536.

[13] Мельникова, Т. А. Институциональные контракты в агроэкосистемных услугах: мировой опыт и российские перспективы / Т. А. Мельникова, В. К. Селютин // Журнал институциональных исследований. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 88–106. – DOI: 10.31585/jis-2024-16-1-06.

[14] Иванов, С. Ю. Моделирование синергетического эффекта от интеграции отраслей АПК / С. Ю. Иванов, Н. В. Зайцева // Экономическое моделирование. – 2023. – № 5. – С. 41–59. – ISSN 2305-9005.

[15] Козлова, Е. Н. Практика внедрения системного подхода в агропромышленных регионах Юга России / Е. Н. Козлова, А. В. Самохин // Региональная экономика: теория и практика. – 2024. – Т. 22, № 3. – С. 415–433. – DOI: 10.24891/re.22.3.415.

[16] Свирежев, Ю. М. Нелинейная динамика и устойчивость экологических и экономических систем / Ю. М. Свирежев, В. П. Логинов. – Пушкино : ПНЦ РАН, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-902632-11-3.

[17] World Bank. Building Resilient Agrifood Systems. Global Report 2024 [Электронный ресурс] / World Bank Group. – Washington, DC, 2024. – 260 p. – DOI: 10.1596/978-1-4648-1890-5. – Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/38902> (дата обращения: 01.06.2026).

References:

[1] Belousov, V. M. Sustainable development of the agro-industrial complex: methodology and practice/V. M. Belousov, A. I. Khorev. - Moscow: Finance and Statistics, 2021. - 312 p. - ISBN 978-5-279-03582-3.

[2] FAO. The State of Food and Agriculture 2023 [Электронный ресурс] / Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome, 2023. – 180 p. - Access mode: <https://www.fao.org/publications/sofa/2023/en/> (access date: 03.06.2026).

[3] Volkova, V. N. System analysis and its application in economics/V. N. Volkova, A. A. Denisov. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Pedagogical University, 2020. - 456 p. - ISBN 978-5-7422-6814-3.

[4] Meadows, D. H. Thinking in Systems: A Primer / D. H. Meadows. – London : Earthscan Publications, 2019. – 240 p. – ISBN 978-1-84407-726-7.

[5] Shafronov, A. D. Systemic sustainability of agriculture: theory and support mechanisms/A. D.

Shafronov//Economics of agricultural and processing enterprises. – 2022. – № 8. - S. 2-9. – ISSN 0235-2494.

[6] Ulanowicz, R. E. A Third Window: Natural Life beyond Newton and Darwin / R. E. Ulanowicz. – Philadelphia : Templeton Foundation Press, 2019. – 220 p. – ISBN 978-1-59947-400-1.

[7] Guzev, V.V. Environmental and economic aspects of sustainable development of the regional agro-industrial complex/V.V. Guzev, M. Yu. Kravtsova//Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. – 2023. – № 1. - S. 45-57. – ISSN 1815-7958.

[8] Panteleeva, O. I. Adaptive management in agro-industrial systems: a synergistic approach/O. I. Panteleeva, S. N. Bobylev. - Moscow: Infra-M, 2022. - 298 p. - ISBN 978-5-16-017489-7.

[9] Elkington, J. Cannibals with Forks: The Triple Bottom Line of 21st Century Business / J. Elkington. – Oxford : Capstone Publishing, 2021. – 410 p. – ISBN 978-1-84112-084-3.

[10] Pretty, J. Agricultural sustainability: concepts, principles and evidence / J. Pretty // Philosophical Transactions of the Royal Society B. – 2022. – Vol. 363, No. 1491. – P. 447–465. – DOI: 10.1098/rstb.2007.2163.

[11] Rosstat. Agriculture in Russia. Statistical collection 2024 [Electronic resource] / Federal State Statistics Service. - Moscow, 2024. - 215 p. - Access mode: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12926> (access date: 07.06.2026).

[12] Sokolova, L. V. Indicators of the sustainability of agroecosystems for system monitoring/L. V. Sokolova, P. A. Sukhanov//Agroecological Bulletin. – 2023. – № 4 (68). - S. 22-33. – ISSN 2410-4536.

[13] Melnikova, T. A. Institutional contracts in agroecosystem services: world experience and Russian prospects/T. A. Melnikova, V. K. Selyutin//Journal of Institutional Research. – 2024. - T. 16, NO. 1. - S. 88-106. – DOI: 10.31585/jis-2024-16-1-06.

[14] Ivanov, S. Yu. Modeling the synergistic effect of the integration of agro-industrial sectors/S. Yu. Ivanov, N. V. Zaitseva//Economic modeling. – 2023. – № 5. - S. 41-59. – ISSN 2305-9005.

[15] Kozlova, E. N. Practice of introducing a systematic approach in the agro-industrial regions of the South of Russia/E. N. Kozlova, A. V. Samokhin//Regional Economics: Theory and Practice. – 2024. - T. 22, NO. 3. - S. 415-433. – DOI: 10.24891/re.22.3.415.

[16] Svirezhev, Yu. M. Nonlinear dynamics and sustainability of ecological and economic systems/ Yu. M. Svirezhev, V. P. Loginov. - Pushchino: PNC RAS, 2020. - 184 p. - ISBN 978-5-902632-11-3.

[17] World Bank. Building Resilient Agrifood Systems. Global Report 2024 [Electronic Resource] / World Bank Group. – Washington, DC, 2024. – 260 p. – DOI: 10.1596/978-1-4648-1890-5. - Access mode: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/38902> (access date: 01.06.2026).

КРУХМАЛЕВ Александр Владимирович,
Дальневосточная пожарно-спасательная академия —
филиал Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России,
e-mail: boysplus90@mail.ru,

МЕТОДЫ И АЛГОРИТМЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДИНАМИЧНО МЕНЯЮЩЕЙСЯ ОБСТАНОВКИ

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы действия руководителя тушения пожара в процессе организации оперативных действий на пожаре, требования к составлению оперативных документов. На основе данного анализа предложены рекомендации по автоматизации информационно-расчетного обеспечения процесса принятия решения.

Ключевые слова: разведка пожара, оперативный план пожаротушения, оперативная карта, расчет сил и средств, управление, автоматизация, информационное обеспечение.

KRUKHMALEV Alexandr Vladimirovich,
The Far Eastern Fire and Rescue Academy
is a branch of the St. Petersburg University of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Far Eastern Fire and Rescue Academy

METHODS AND ALGORITHMS FOR AUTOMATION OF INFORMATION SUPPORT FOR GOVERNANCE BODIES IN A DYNAMICALLY CHANGING SITUATION

Annotation. Thus, this article examines and analyzes the actions of a firefighting manager during the organization of operational actions at a fire, as well as the requirements for drafting operational documents. Based on this analysis, recommendations are proposed for automating the information and computational support for the decision-making process.

Key words: fire reconnaissance, fire extinguishing operational plan, operational map, calculation of forces and means, management, automation, information support.

Введение. Современный этап развития общества поставил задачу комплексного развития системы предотвращения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и совершенствование управления этой системой[1]. Одним из важнейших условий повышения качества управления и обеспечения успешности пожаротушения, предотвращения человеческих жертв и материальных потерь является наличие своевременной и обоснованной прогностической информации о силах, средствах и среде (объекте пожаротушения). В этой связи особую остроту приобретает задача всестороннего информационно - аналитического обеспечения пожарных подразделений, решающих задачи по

предотвращению и ликвидации пожаров, число которых по-прежнему сохраняется на высоком уровне.

Материалы и методы исследования. Анализ действий пожарно-спасательных подразделений позволяет выделить ряд типичных ошибок в процессе ведения оперативных действий по тушению пожаров, среди которых наиболее значимыми являются: неэффективное использование пожарной техники - около 22,3%, неверный выбор решающего направления оперативных действий - 18,6% и некачественно проведенная разведка - 14,2%. Другие ошибки, которые случаются в практической деятельности руководителя тушения пожара, приведены на рис. 1.

Значительный процент ошибок в действиях руководителя тушения пожара, зависит именно от некачественно проведенного им анализа результатов разведки, в процессе которой осуществляется сбор сведений о пожаре для оценки обстановки. Правильно организованная разведка дает возможность своевременно оказать помощь людям, ввести силы и средства на решающем направлении оперативных действий и минимальной их количеством обеспечить успех тушения пожара.

В ходе тушения пожара личному составу приходится решать множество вопросов, направленных на своевременное сосредоточение сил и

средств и их расстановку, обеспечение необходимым количеством огнетушащих средств, введение сил и средств на тех направлениях, где они могут обеспечить общий успех тушения пожара. Практика показывает, что без четкой организации управления силами и средствами на пожаре невозможно и успешное тушение пожара, так как для тушения привлекается значительное количество личного состава (20-50 отделений), может одновременно быть задействовано от 20 до 60 газодымозащитников, площадь пожара может составлять десятки тысяч квадратных метров, требуется подача большого количества стволов на тушение.

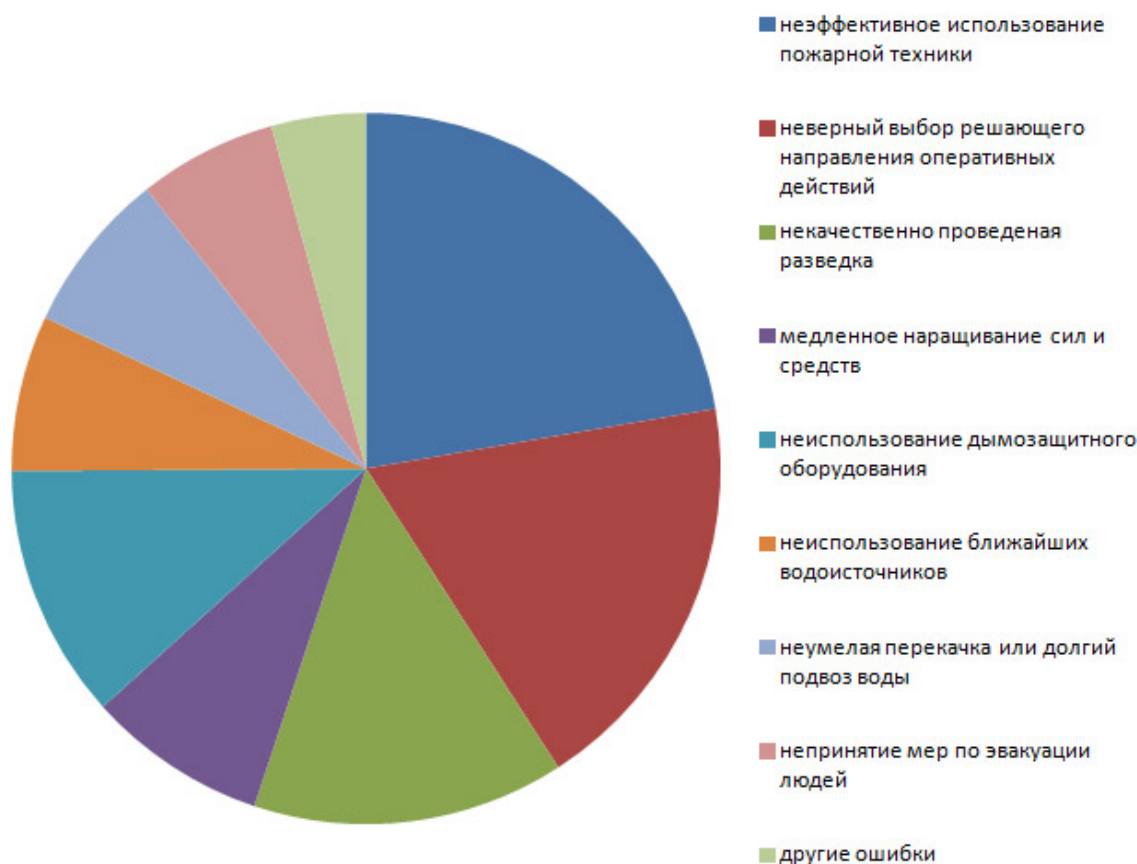

Рис. 1. Типичные ошибки в процессе ведения оперативных действий по тушению пожаров.

Под управлением подразделениями на пожаре следует понимать процесс целенаправленного воздействия (руководителя тушения пожара - РТП, оперативного штаба пожаротушения) на личный состав пожарных подразделений

и других служб с целью успешного ведения боевых действий, связанных с непосредственным тушением пожара и проведение связанных с ним первоочередных аварийно-спасательных работ (рис.2).

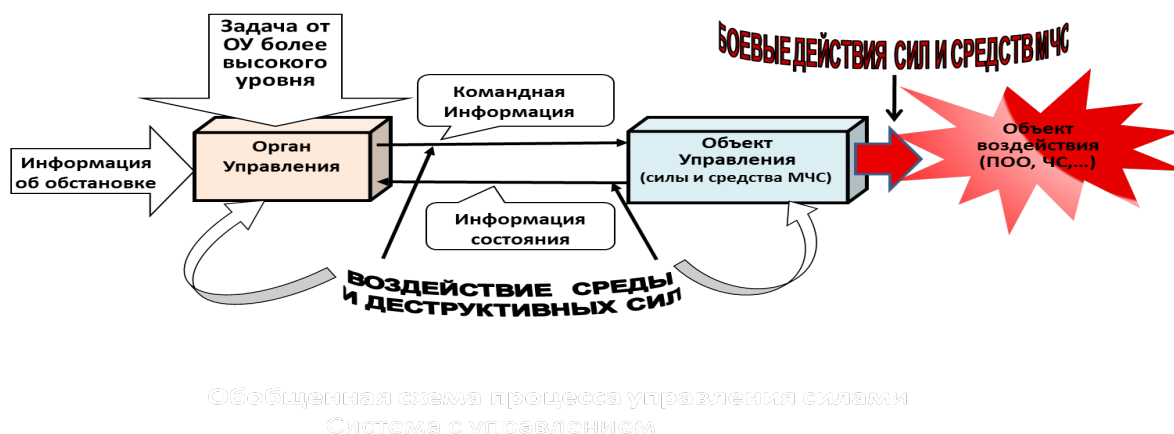

Рис. 2. Обобщенная схема процесса управления силами и средствами МЧС России.

Под процессом воздействия следует понимать отдачу приказаний с постановкой конкретных задач личному составу, прибывшему на пожар.

Принятие решения РТП на отдачу приказаний осуществляется исходя из оценки обстановки, сложившейся на пожаре. Объективность оценки обстановки на пожаре и правильность принятия решения зависит от:

- Профессиональной подготовки РТП.
- Качества проведения разведки пожара.
- Способности прогнозировать ход развития пожара.

Качество тушения пожаров зависит не только от тактической подготовки личного состава ГПС, но и от выполнения комплекса служебных организационных мероприятий для предварительного планирования (прогнозирования) боевых действий по линии руководства подразделениями пожарной охраны. Предварительное планирование боевых действий - это решение целого ряда задач, связанных с подготовкой к тушению пожара. Цель этих мероприятий одна - сделать все возможное, чтобы пожарные подразделения прибывали к месту пожара и вводили в действие средства тушения пожара в минимальный срок. Из всего многообразия оперативных документов, разрабатываемых на этапе предварительного планирования (прогнозирования) боевых действий существенное значение имеет разработка планов и карточек тушения крупных пожаров[2].

Принятие любого оперативно-тактического решения должно основываться на анализе и оценке отобранной информации, карточке тушения пожара, которая содержит основные пожарно-технические данные об организации (объекте) и путях эвакуации людей, позволяющий руководителю тушения пожара быстро и правильно организовать действия подразделений пожарной

охраны по спасанию людей и тушению пожара. Карточка тушения пожара предназначена для:

- определения руководителем (собственным) мер и порядка действий обслуживающего персонала (работников) при пожаре;
- обеспечения руководителя тушения пожара информацией об оперативно-тактической характеристике организации (объекта);
- предварительного прогнозирования возможной обстановки в организации при пожаре;
- планирования основных (главных) действий подразделений пожарной охраны по тушению пожара;
- повышения теоретической и практической подготовки личного состава (работников) подразделений пожарной охраны и их органов управления;
- информационного обеспечения при исследовании (изучении) пожара.

Оперативный план пожаротушения на объект - оперативный документ, которым прогнозируется обстановка в случае возникновения пожара на объекте, который содержит основные вопросы организации пожаротушения. Одним из основных назначений оперативного плана пожаротушения является обеспечение руководителя тушения пожара возможностью предварительного прогнозирования возможной обстановки на объекте в случае возникновения пожара, помощь в определении решающего направления оперативных действий и т.п.

Количество водяных пожарных стволов для защиты рекомендуется определять, исходя из тактических соображений по количеству мест защиты. При этом учитываются условия обстановки на пожаре, оперативно-тактические факторы и требования Устава действий в чрезвычайных ситуациях органов управления и условиями распространения огня стволы для защиты подают

в смежные с горящими помещениями, на ниже и выше расположенные от горящего этажа помещения, исходя из количества мест защиты и обстановки на пожаре.

Кроме того, необходимо проведение проверки обеспеченности объекта водой. Это осуществляется путем сравнения фактического рас-

хода воды на тушение и расчет водоотдачи сети. Согласно схеме расположения сил и средств, определяется, какие пожарные стволы (для каких работ) будут подаваться от водоема и общее количество воды, которое необходимо для работы этих стволов:

$$W_{\text{окв}} = Q_{\text{ф}} * 60 * \tau_{\text{рвт}} * K_{\text{кзв}} + Q_{\text{ф}}^{3\text{в}} 3600 \tau_{\text{взв}} \quad (1)$$

где $W_{\text{окв}}$ - общее количество воды;

$\tau_{\text{рвт}}$ - расчетное время тушения;

$K_{\text{кзв}}$ - коэффициент запаса воды;

$\tau_{\text{взв}}$ - время, на которое рассчитан запас воды.

Обеспеченность водой пожарных стволов, работающих от водоема, будет выполняться при соблюдении условия $0.9 * W_{\text{вод}} \geq W_{\text{необх}}$, где $W_{\text{вод}}$ - объем водохранилища.

Следующим шагом в процессе проведения расчета сил и средств следует определить количество пожарных автомобилей, которые необходимо установить на источники водоснабжения для обеспечения работы пожарных стволов.

При определении количества пожарных автомобилей основного назначения учитывается, что насосы этих автомобилей будут использоваться на полную мощность. Наиболее распространенная схема использования насоса на полную мощность, когда подаются два ствола РС-70 с диаметром насадки 19 мм и четыре ствола РСК-50 с диаметром насадки 13 мм, при этом $Q_{\text{н}} \approx 30$ л/с. Необходимое количество пожарных автомобилей основного назначения определяется по зависимости:

$$N_{\text{ПА}} = \frac{Q_{\text{ф}}}{Q_{\text{н}}} \quad (2)$$

Где $Q_{\text{н}}$ - водоотдача пожарного насоса

$Q_{\text{ф}}$ - фактический расход воды
предельного расстояния подачи огнетушащих средств, определяется по зависимости:

Расчет

$$L_{\text{пр}} = \frac{[H_{\text{мрн}} - (h_{\text{нпт}} + h_{\text{нр}} \pm z_{\text{пм}} \pm z_{\text{пп}})]}{SQ^2} * 20 \quad (3)$$

где $H_{\text{мрн}}$ - максимальный рабочий напор на насосе;

$h_{\text{нпт}}$ - напор на приборе тушения;

$h_{\text{нр}}$ - напор на разветвлении;

$z_{\text{пм}}$ - наибольшая высота подъема или снижения местности на участке предельного расстояния;

$Z_{пп}$ - наибольшая высота подъема или спуска прибора тушения от места установки разветвления или прилегающей местности на объекте тушения пожара;

S - сопротивление одного пожарного рукава магистральной линии;

Q^2 - суммарный расход воды наиболее нагруженной магистральной линии.

Определенное предельное расстояние сравнивается с фактическим расстоянием от источника водоснабжения до пожара. Если это расстояние больше предельного, необходимо либо поменять схему оперативного развертывания, или организовать перекачку или подвоз воды.

Общее количество личного состава определяется добавлением количества людей, задействованных для выполнения всех видов оперативных действий. При этом необходимо учитывать обстановку на пожаре, тактические условия тушения, проведения разведки и оперативного развертывания, спасения людей и эвакуации материальных ценностей:

$$N_{лс} = 3 * N_{кс} + 0.5 * N_p * 3 + N_{кпт} + N_{пви} + N_{квл} + N_{кпб} + N_{св} \quad (4)$$

где $N_{кс}$ - количество стволов, которые подаются звеньями;

$0.5 * N_p$ - 50% резерва звеньев;

$N_{кпт}$ - количество приборов тушения, которые подаются в не самую задымленную среду;

$N_{пви}$ - количество пожарных автомобилей, установленных на водоисточники (если от пожарного автомобиля подается одна магистральная линия - принимаем 1 человека для контроля за работой магистральной линии и ветвления, если две в одном направлении - 1 человека, если две в противоположных направлениях - 2 человека);

$N_{квл}$ - количество выдвижных лестниц;

$N_{кпб}$ - количество постов безопасности;

$N_{св}$ - количество связистов (в зависимости от организации управления тушением пожара).

И это далеко не полный перечень расчетов, которые могут потребоваться РТП в управления. Вместе с тем в современных условиях повышаются требования к показателям, определяющим эффективность процесса управления: время регистрации и обработки информации для подготовки и реализации решения, количество затраченных ресурсов для подготовки решения, достоверность полученной информации т.п.[3,4]. В совокупности, указанные особенности опреде-

ляют необходимость широкого использования средств автоматизации на этапах сбора, обработки и передачи информации.

Таким образом, качество принимаемого решения будет определяться не только уровнем профессиональной подготовки РТП, но еще и качеством средств автоматизированного управления, полнотой, достоверностью и своевременностью исходной информации, а также ограничениями по времени на принятие решения (рис. 3).

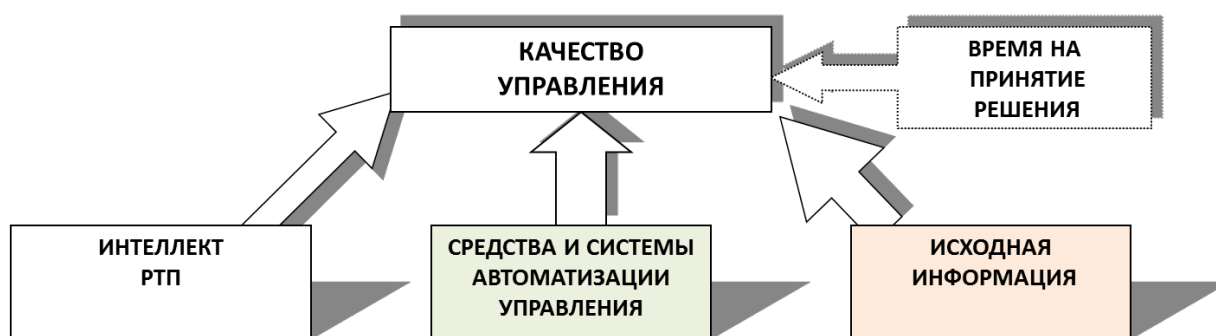

Рисунок 3. Факторы, определяющие качество процесса управления.

Результаты и обсуждение. Следовательно, процесс управления можно определить, как единый интеллектуально-информационный процесс, обеспечивающий достижение поставленной цели на основе обработки и анализа имеющейся и непрерывно поступающей информации; своевременного принятия решения, адекватного создавшейся ситуации; доведения его до подчиненных сил; организации выполнения решения и понимания всей полноты ответственности за его результаты. В этом смысле, проблему интеграции интеллектуальных и информационных основ управления силами следует рассматривать в рамках создания информационно-расчетного обеспечения процессов принятия решения, планирования, постановки задач силам и руководства силами в ходе их выполнения[4].

Под информационно-расчетным обеспечением будем понимать комплекс мероприятий, проводимых в интересах повышения оперативности и обоснованности управленческих решений на основе наиболее полной реализации интеллектуального потенциала РТП, а также предоставления ему своевременной, полной, достоверной и точной информации об обстановке.

Идеальной будет считаться такая организация информационно-расчетного обеспечения, при которой РТП не испытывает недостатка в необходимой информации и в то же время к нему не поступает избыточная или искаженная информация.

Заключение. Скоротечность изменений обстановки при ведении боевых действий в современных условиях требует от штабов и других органов управления повышения оперативности в своей работе, в том числе и за счет сокращения времени на обработку, анализ и выдачу информации. Именно здесь в настоящее время заложено главное противоречие в информационном обеспечении управления. Это противоречие может быть в значительной степени разрешено за счет внедрения в управленческую практику систем и средств автоматизации управления.

Говоря о создании и внедрении средств автоматизации в управленческий процесс, необходимо, прежде всего, исходить из того, что лица, принимающие решение, должны располагать такой информационной базой, которая по своему содержанию отражает обстановку по всем ее элементам (с необходимой степенью детализации), а по организации построения и использования ориентирована на принятую логическую последовательность работы органа управления.

При организации информационно-расчетного обеспечения процесса принятия решения необходимо руководствоваться принципом: каждому только то, что ему необходимо согласно функциональным обязанностям. Объединение ряда компонентов информационно-расчетного обеспечения управления силами, повышающих творческие возможности ЛПР, позволяет вести речь о системе поддержки (обеспечения) принятия решения (СППР).

Список литературы:

- [1] Тербнев В. В., Артемьев Н. С., Подгрушный А. В. Пожаротушение в жилых и общественных зданиях. - Екатеринбург: ООО «Калан», 2011. - 208 с..
- [2] Тербнев В. В. Расчёт параметров развития и тушения пожаров. Методика. Примеры. Задания. - Екатеринбург: ООО «Калан», 2011. - 460 с..
- [3] Тербнев В. В. Справочник РТП. Тактические возможности пожарных подразделений. - М.: Пожкнига, 2004. - 248 с..
- [4] Синешук Ю. И., Терехин С. Н., Погорелов А. В. Информационно-расчётное обеспечение принятия решений по применению сил и средств руководителем тушения пожаров // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России». - 2015. — №1. - С. 89–94.
- [5] Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».

[6] Письмо № 43-1965-18 «Методические рекомендации по составлению планов и карточек тушения пожаров» от 19 июля 2005 года.

[7] Артамонов В. С., Терехин С. Н., Синешчук Ю. И., Минкин Д. Ю., Филиппов А. Г. Навигационно-информационное обеспечение органов управления и подразделений пожарной охраны МЧС России при ликвидации чрезвычайных ситуаций: монография / под общ. ред. Латышева О. М. - СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет Государственной Противопожарной Службы МЧС России, 2012.

[8] Стрелов А. В. Управление силами и средствами на пожаре при тушении зданий повышенной этажности.

[9] 123 - ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».

[10] СП 5.13130.2009 «Системы противопожарной защиты. Установки пожарной сигнализации и пожаротушения автоматические. Нормы и правила проектирования».

[11] НПБ 110-03 «Перечень зданий, сооружений, помещений и оборудования, подлежащих защите автоматическими установками пожаротушения и автоматической пожарной сигнализацией».

References:

[1] Terebnev V. V., Artemyev N. S., Podgrushny A. V. Fire extinguishing in residential and public buildings. - Yekaterinburg: Kalan LLC, 2011. - 208 s.

[2] Terebnev V. V. Calculation of parameters of fire development and extinguishing. Methodology. Examples. Assignments. - Yekaterinburg: Kalan LLC, 2011. - 460 s.

[3] Terebnev V. V. Directory of RTP. Tactical capabilities of fire departments. - M.: Pozhkniga, 2004. - 248 s.

[4] Sineshchuk Yu. I., Terekhin S. N., Pogorelov A. V. Information and calculation support for decision-making on the use of forces and means by the head of fire extinguishing//Scientific and analytical journal "Bulletin of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia." - 2015. —№1. - S. 89-94.

[5] Federal Law of the Russian Federation dated 21.12.1994 No. 69-FZ "On Fire Safety."

[6] Letter No. 43-1965-18 "Guidelines for drawing up fire extinguishing plans and cards" dated July 19, 2005.

[7] Artamonov V. S., Terekhin S. N., Sineshchuk Yu. I., Minkin D. Yu., Filippov A. G. Navigation and information support of management bodies and fire departments of the EMERCOM of Russia in emergency response: monograph/ed. Latysheva O. M. - St. Petersburg: Asterion, St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia, 2012.

[8] A.V. Strelov. Management of forces and means in case of fire extinguishing of high-rise buildings.

[9] 123 - FZ "Technical Regulations on Fire Safety Requirements."

[10] SP 5.13130.2009 "Fire protection systems. Automatic fire alarm and fire extinguishing units. Design Codes and Regulations."

[11] NPB 110-03 "List of buildings, structures, premises and equipment subject to protection by automatic fire extinguishing units and automatic fire alarm."

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-138-142

ВАЛЕВСКАЯ Ангелина Анатольевна,
канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов,
e-mail: a.valevskaya@yandex.ru

КОСВЕННЫЕ ИСКИ В КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ

Аннотация. Защита корпоративных прав участников хозяйственных обществ – одна из самых спорных проблем российского гражданского и арбитражного процессуального права. Реформа ГК РФ 2014 года, дополнившая кодекс статьей 65.2, закрепила за участниками корпорации право оспаривать сделки юридического лица и требовать возмещения причиненных ему убытков. Эти требования в доктрине и судебной практике именуются косвенными (производными) исками [1, с. 58]. Между тем ни ГК РФ, ни АПК РФ не дают легального определения косвенного иска, что провоцирует споры о его правовой природе, процессуальном статусе участников и пределах допустимости.

По данным Судебного департамента при ВС РФ, арбитражные суды ежегодно рассматривают 11–12 тыс. корпоративных споров (0,6–0,7% от общего числа дел), причем 25% приходится на московский регион [2]. В 2024–2025 годах Верховный Суд РФ продолжил развитие практики по косвенным искам: подтвердил право акционера на косвенный виндикационный иск об истребовании имущества компании у третьего лица (дело «Комкон») [3]. В доктрине нарастает дискуссия о пересмотре представительской концепции, заданной п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 [4], а вопрос о допустимости двойных (множественных) косвенных исков со стороны бенефициарных владельцев по-прежнему не решен [5, с. 92]. Эти обстоятельства определяют необходимость анализа действующей модели косвенного иска в российском корпоративном праве, ее противоречий и направлений дальнейшего развития.

Ключевые слова: корпоративные права, представительская концепция, споры по косвенным искам.

VALEVSKAYA Angelina Anatolyevna,
cand. jurid. Sciences, Associate Professor
of FSBEI HE “Saratov State Law Academy”,
Saratov

INDIRECT CLAIMS IN CORPORATE DISPUTES

Annotation. The protection of the corporate rights of members of business entities is one of the most controversial problems of Russian civil and arbitration procedural law. The reform of the Civil Code of the Russian Federation in 2014, which supplemented the code with article 65.2, secured for the participants of the corporation the right to challenge the transactions of a legal entity and demand compensation for losses caused to it. These requirements in doctrine and judicial practice are called indirect (derivative) claims [1, p. 58]. Meanwhile, neither the Civil Code of the Russian Federation nor the agro-industrial complex of the Russian Federation give a legal definition of an indirect claim, which provokes disputes about its legal nature, the procedural status of the participants and the limits of admissibility.

According to the Judicial Department under the RF Armed Forces, arbitration courts annually consider 11-12 thousand corporate disputes (0.6-0.7% of the total number of cases), and 25% falls on the Moscow region [2]. In 2024-2025, the Supreme Court of the Russian Federation continued to develop the practice of indirect claims: it confirmed the shareholder's right to an indirect vindication claim to recover the company's

property from a third party (Komkon case) [3]. In the doctrine, there is a growing discussion about revising the representative concept set forth in paragraph 32 of the Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces of 23.06.2015 No. 25 [4], and the question of the admissibility of double (multiple) indirect claims on the part of beneficial owners has not yet been resolved [5, p. 92]. These circumstances determine the need to analyze the current model of an indirect claim in Russian corporate law, its contradictions and directions for further development.

Key words: corporate rights, representative concept, disputes on indirect claims.

Правовая природа косвенного иска: представительская концепция и ее критика

Согласно п. 2 ст. 65.2 ГК РФ участник корпорации вправе, действуя от ее имени, оспаривать совершенные корпорацией сделки и требовать возмещения причиненных корпорации убытков. Пленум ВС РФ в п. 32 Постановления от 23.06.2015 № 25 квалифицировал участника, подающего такой иск, как законного представителя корпорации, а саму корпорацию – как истца [4].

Эта позиция получила название представительской концепции. Ее суть: косвенный иск – по сути обычный иск юридического лица, предъявляемый его участником в роли законного представителя. Участник не защищает собственный интерес; он действует в интересах корпорации, а удовлетворение иска влечет присуждение в пользу самого юридического лица [6, с. 371].

Однако представительская концепция вызывает обоснованные вопросы. Если корпорация – истец, она не может одновременно быть ответчиком; однако на практике требования нередко направлены именно против корпорации (например, о признании ее сделки недействительной). Определение ВС РФ от 26.08.2016 № 305-ЭС16-3884 зафиксировало это противоречие: участник – представитель общества, а само общество – ответчик, то есть истец и ответчик совпадают в одном лице [7]. Кроме того, концепция не объясняет, почему участник вправе подать иск вопреки воле органов управления: представитель по общему правилу действует по указанию представляемого [1, с. 62].

Альтернативный подход исходит из того, что косвенный иск защищает собственный имущественный интерес участника, опосредованный через корпорацию. Участник – самостоятельный процессуальный истец, действующий в собственном интересе, который совпадает с интересом корпорации [8]. Такой подход снимает проблему совпадения истца и ответчика, а также объясняет право участника действовать вопреки воле менеджмента.

Процессуальные особенности косвенных исков

Споры по косвенным искам рассматриваются арбитражными судами в порядке главы 28.1 АПК РФ как корпоративные споры (п. 3 ч. 1 ст.

225.1 АПК РФ). Статья 225.8 АПК РФ устанавливает, что присуждение производится в пользу юридического лица, а не в пользу истца. Это подтверждает конструкцию, при которой выгодоприобретателем выступает сама корпорация.

Пункт 2 ст. 65.2 ГК РФ обязывает участника уведомить других участников корпорации о намерении обратиться в суд, дав им возможность присоединиться. Участники, не присоединившиеся после уведомления, лишаются права на аналогичный иск. Механизм направлен против множественности процессов по одним основаниям [9, с. 480].

На практике уведомление создает трудности: не урегулирован порядок уведомления при большом числе акционеров, не определены последствия недобросовестного уклонения. Суды подходят к требованию формально: отсутствие доказательств уведомления влечет оставление иска без рассмотрения [10].

Отдельный вопрос – допустимость обеспечительных мер по косвенным искам. Суды нередко отказывают в их принятии, ссылаясь на то, что участник действует не в защиту собственного имущественного интереса. Между тем без обеспечительных мер эффективность косвенного иска падает: пока идет процесс, ответчик может вывести спорные активы [11].

Предмет косвенного иска и пределы допустимости

Действующее законодательство допускает два основных вида косвенных исков: (1) иски о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу (ст. 53.1 ГК РФ), и (2) иски об оспаривании сделок юридического лица (п. 2 ст. 65.2 ГК РФ).

Судебная практика 2024–2025 годов расширила перечень допустимых требований. ВС РФ подтвердил право акционера предъявить косвенный виндикационный иск об истребовании имущества компании у третьего лица (дело «Комкон», I квартал 2025 г.) [3]. Ранее возможность предъявления косвенных вещных исков (виндикационных, негаторных) вызывала споры: одни авторы допускали их, ссылаясь на универсальность формулировки п. 2 ст. 65.2 ГК РФ, другие – ограничивали косвенный иск обязательственными требованиями [12].

Открытым остается вопрос о допустимости двойных (множественных) косвенных исков – исков, предъявляемых не прямым участником, а бенефициарным владельцем через цепочку корпоративных структур. Российское законодательство прямо не предусматривает такую возможность: п. 1 ст. 53.1 и п. 2 ст. 65.2 ГК РФ, а также ст. 44 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» наделяют правом на иск только прямых участников [5, с. 95].

Зарубежный опыт: английское право и право штата Делавэр

В английском праве институт производных исков (derivative claims) закреплен в ss. 260–264 Companies Act 2006. Право на иск имеет участник компании; суд обязан дать разрешение (permission) на продолжение иска, оценив добросовестность истца, вероятность одобрения иска независимыми директорами и интересы компании. Множественные косвенные иски (double derivative claims) допускаются через механизм ss. 260(1)–(2), позволяющий участнику материнской компании действовать в интересах дочерней [13].

В праве штата Делавэр (США) derivative action регулируется Rule 23.1 Court of Chancery Rules. Участник обязан доказать, что предварительное обращение к совету директоров бесполезно (demand futility), либо фактически обратился, но получил отказ. Chancery Court выработал двухступенчатый тест Aronson v. Lewis (1984), уточненный в Zuckerberg v. Brehm (2021) [14]. Двойные косвенные иски допускаются, если истец доказывает контроль материнской компании над дочерней.

И английское, и делавэрское право устанавливают предварительный фильтр допустимости косвенного иска (судебное разрешение или тест demand futility), которого российское право не предусматривает. Заимствование элементов этого фильтра могло бы снизить риски злоупотребления, сохранив доступность инструмента для добросовестных участников.

Ответственность лиц, причинивших убытки корпорации

Косвенный иск о возмещении убытков основывается на ст. 53.1 ГК РФ. Лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица, члены коллегиальных органов и лица, определяющие действия юридического лица, обязаны действовать добросовестно и разумно. При нарушении обязанностей они обязаны возместить убытки.

Стандарт доказывания уточнен в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62

[15]. Постановление установило презумпции недобросовестности директора (конфликт интересов, сокрытие информации, действие без одобрения) и неразумности (решение без учета информации, пренебрежение деловыми практиками).

Основная практическая сложность – доказывание причинно-следственной связи между действиями директора и убытками корпорации. Участнику-истцу нужно не просто указать на нарушение фидуциарных обязанностей, но и количественно обосновать размер убытков, что в условиях информационной асимметрии между миноритарием и менеджментом существенно затрудняется [6, с. 374]. Суды допускают определение размера убытков с разумной степенью достоверности (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25), однако единообразие практики по данному вопросу пока не сложилось.

Перспективы развития института

Развитие института косвенных исков требует решения нескольких практических задач. Во-первых, целесообразно ввести легальное определение косвенного иска в АПК РФ, определив статус участника-истца как самостоятельного процессуального истца, действующего одновременно в собственном интересе и в интересах корпорации [8]. Во-вторых, необходимо законодательно урегулировать множественные косвенные иски, установив условия допустимости: долю косвенного участия, добросовестность истца и невозможность реализации права иным способом [5, с. 100]. В-третьих, по аналогии с английским правом, стоит рассмотреть введение предварительного судебного фильтра допустимости косвенного иска [13]. В-четвертых, следует уточнить правила об обеспечительных мерах, прямо закрепив в АПК РФ право суда на предотвращение вывода активов в ходе рассмотрения дела [11].

Итак, косвенный иск остается центральным инструментом защиты корпоративных прав. Реформа 2014 года создала нормативную базу, однако между законодательной моделью и правоприменительной практикой сохраняется разрыв. Введение предварительного фильтра допустимости и легализация двойных косвенных исков – необходимые шаги для повышения эффективности защиты корпоративных прав в России.

Список литературы:

[1] Моисеев С.В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 9. – С. 58–71.

[2] Корпоративные споры в арбитражных судах: статистика // Право.ру. [электронный ресурс] – URL: <https://pravo.ru/opinion/207761/> (дата обращения 28.03.2026).

[3] Обзор судебной практики по корпоративным спорам за I квартал 2025 года // КИАП. [электронный ресурс] – URL: <https://kiaplav.ru/press-centr/mneniya-ekspertov/4959.html> (дата обращения 28.03.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 140.

[5] Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // Журнал РШЧП. – 2019. – № 2. – С. 92–103.

[6] Сафаева Н.Р. Косвенные иски по корпоративным спорам. Особенности доказывания // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 369–381.

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.08.2016 № 305-ЭС16-3884.

[8] Беккер Д., Беккер А. Косвенные иски в корпоративном праве России: критика действующей модели и возможная смена концепции // АЛРУД. [электронный ресурс] – URL: <https://civilistclub.ru/> (дата обращения 28.03.2026).

[9] Корпоративное право: учебный курс. В 6 т. Т. 1 / отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2025. – 522 с.

[10] Ланг П.П., Ширяева А.И. Институт косвенных исков в корпоративных отношениях: теоретические и практические аспекты // Российская юстиция. – 2021. – № 3.

[11] Корпоративные споры 2024 года // Legal Insight. 2025. [электронный ресурс] – URL: <https://legalinsight.ru/articles/korporativnye-spory-2024-goda/> (дата обращения 28.03.2026).

[12] Косвенный вещный иск – возможно ли? // Издательская группа ЮРИСТ. [электронный ресурс] – URL: <https://lawinfo.ru/> (дата обращения 28.03.2026).

[13] Companies Act 2006. Part 11: Derivative Claims and Proceedings by Members (ss. 260–264). London: The Stationery Office.

[14] Aronson v. Lewis, 473 A.2d 805 (Del. 1984); United Food and Commercial Workers Union v. Zuckerberg, 262 A.3d 1034 (Del. 2021).

[15] Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 10.

[16] Виленский Н.М. Двойные (множественные) косвенные иски в российской судебной практике: проблемы и противоречия // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 10.

[17] Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. – 352 с.

References:

[1] Moiseev S.V. Indirect claim... how much in this sound ...//Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2021. – № 9. – S. 58-71.

[2] Corporate disputes in arbitration courts: statistics// Право.ру. [electronic resource] - URL: <https://pravo.ru/opinion/207761/> (date of contact 28.03.2026).

[3] Review of judicial practice on corporate disputes for the first quarter of 2025//KIAP. [electronic resource] - URL: <https://kiaplav.ru/press-centr/mneniya-ekspertov/4959.html> (date of contact 28.03.2026).

[4] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 “On the application by the courts of certain provisions of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation “//Rossiyskaya Gazeta. – 2015. – № 140.

[5] Belova M., Makin R. Double (multiple) indirect claims: a comparative legal review and some considerations about the prospects of the institution in Russian law//Journal of the Russian Emergency Situations. – 2019. – № 2. - S. 92-103.

[6] N.R. Safaeva. Indirect claims on corporate disputes. Features of evidence//Bulletin of the civil process. – 2019. – № 1. - S. 369-381.

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.08.2016 No. 305-ES16-3884.

[8] Becker D, Becker A. Indirect claims in Russian corporate law: criticism of the current model and a possible change of concept//ALRUD. [electronic resource] - URL: <https://civilistclub.ru/> (date of contact 28.03.2026).

[9] Corporate Law: Training Course. In 6 tons. T. 1/resp. ed. I.S. Shitkina. 2nd ed., Revised and add. M.: Statute, 2025. - 522 p.

[10] Lang P.P., Shiryayeva A.I. Institute of Indirect Claims in Corporate Relations: Theoretical and Practical Aspects//Russian Justice. – 2021. – № 3.

[11] 2024 Corporate Disputes//Legal Insight. 2025. [electronic resource] - URL: <https://legalinsight.ru/articles/korporativnye-spory-2024-goda/> (date of contact 28.03.2026).

[12] Indirect property claim - is it possible ?// LAWYER Publishing Group. [electronic resource] - URL: <https://lawinfo.ru/> (date of contact 28.03.2026).

[13] Companies Act 2006. Part 11: Derivative Claims and Proceedings by Members (ss. 260–264). London: The Stationery Office.

[14] Aronson v. Lewis, 473 A.2d 805 (Del. 1984); United Food and Commercial Workers Union v. Zuckerberg, 262 A.3d 1034 (Del. 2021).

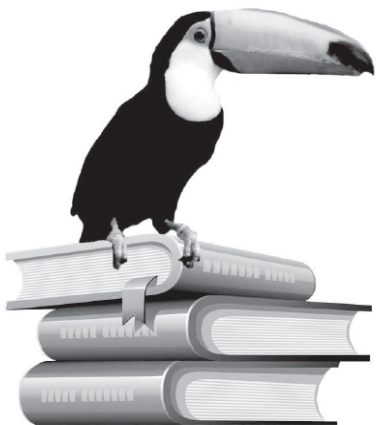
[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of

30.07.2013 No. 62 “On certain issues of compensation for losses by persons belonging to the bodies of a legal entity “//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2013. – № 10.

[16] Vilensky N.M. Double (multiple) indirect claims in Russian judicial practice: problems and contradictions//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2023. – № 10.

[17] Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate law of modern Russia: monograph. 2nd ed., Revised and add. M.: Prospect, 2023. - 352 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ГРИДАСОВ Владислав Денисович,
магистр права, Российская школа частного права,
e-mail: slawa.gridasov@yandex.ru

СВОБОДА ДОГОВОРА В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНЦИИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ УЧАСТНИКОВ

Аннотация. В настоящей работе анализируется степень свободы договора участников (акционеров) в обществах с ограниченной ответственностью (акционерных обществах) в контексте возможности принятия решения по вопросу, который не упомянут законом в качестве исключительной компетенции общего собрания участников (акционеров) или иного органа в принципе, в частности по возможности предусмотреть иной порядок выплаты доли участнику при выходе из общества. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что взгляд на анализируемый вопрос менялся в судебной практике, и наблюдается определенная тенденция в допущении большей свободы усмотрения участников (акционеров) в принятии решений, не отнесенных законом к исключительной компетенции общего собрания.

Ключевые слова: свобода договора, решение собрания, выход из общества, выплата доли.

GRIDASOV Vladislav Denisovich,
Master of Laws, Russian School of private law

FREEDOM OF CONTRACT IN THE CONTEXT OF THE AUTHORITY OF THE GENERAL MEETING OF SHAREHOLDERS

Annotation. This paper examines the extent of contractual freedom enjoyed by members and shareholders of limited liability companies and joint-stock companies in relation to resolutions on matters that are not expressly assigned by law to the exclusive authority of the general meeting or to any other corporate body. Particular attention is given to the possibility of establishing an alternative procedure for paying the value of a participant's share upon withdrawal from the company. The study concludes that judicial practice on this issue has evolved, revealing a discernible trend toward granting members and shareholders greater discretion in matters that the law does not classify as falling within the exclusive competence of the general meeting.

Key words: freedom of contract, general meeting resolution, withdrawal from a company, payment of share value.

Введение

Компетенция органов юридического лица выступает важнейшим элементом в корпоративном праве. Во-первых, именно через нее участники (При дальнейшем изложении «участники» и «акционеры» используются как равнозначные термины) корпорации реализуют свои права на управление делами общества [8, 30]. Во-вторых, она разграничивает полномочия, а также распределяет ответственность между органами юридического лица: общее собрание участников, совет директоров, правление, единоличный исполнительный орган и т.д.

При этом свобода договора участников в контексте возможности определенного влияния

на компетенцию подвержена ограничениям как «общеобязательственного» характера [9], так и более специальным, корпоративным ограничениям, связанных с некоторой особенностью соответствующих правоотношений [3, 10]. В частности, одним из проявлением подобных ограничений является, так называемая, исключительная компетенция общего собрания, которая не может быть отнесена на уровень иных органов, в том числе по причине важности тех или иных вопросов [3, 59], в отличие от компетенции альтернативной [8, 31].

Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, существует определенная сложность в соотношении такого основания

ничтожности решения собрания как «принятие решения по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания» [10] с возможностью участников принять решение по вопросу, который не поименован в законе, как относящийся к компетенции общего собрания участников. В настоящей работе проводится анализ позиций судебной практики по данному вопросу, а также предлагаются критерии, на основании которых может быть решен вопрос о допустимости «расширения» компетенции общего собрания участников по сравнению с тем, как она установлена в соответствующих корпоративных законах [11].

1. Отношение судов к принятию решений по «непоименованным» вопросам компетенции

Следует начать с того, что закон, строго говоря, не закрепляет закрытый перечень вопросов, относящихся к компетенции общего собрания участников [8, 30; 1, 141]. Однако существует разница касательно возможности принять решение по «непоименованному» вопросу компетенции общего собрания участников в зависимости от наличия или отсутствия публичного статуса у акционерного общества. Так, Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» в принципе не позволяет общему собранию публичного акционерного общества принимать решения по вопросам, не отнесенным к его компетенции данным законом (п. 3 ст. 48). Яркое проявление указанного различия можно наблюдать в небезызвестном деле «ОВК» [12] [6, 54], в котором, хотя и несколько сомнительно, решение собрания акционеров было признано ничтожным: были одобрены в качестве крупных сделки, которые фактически не относились к указанным критериям. Логика суда была следующей: поскольку в публичном акционерном обществе компетенция общего собрания участников носит характер закрытого перечня, постольку принятое решение является ничтожным, ведь Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» не предоставляет общему собранию акционеров публичного акционерного общества одобрять сделки, которые не отвечают, например критериям крупных сделок.

Тем не менее, существует некоторая неопределенность касательно возможности общего собрания участников непубличной корпорации принять решение по «непоименованному» вопросу компетенции. Например, в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.07.2025 по делу № А03-12035/2024 одним из аргументов истца о ничтожности решения об одобрении крупной сделки была ссылка на то, что вопрос не относится к компетенции общего собрания, поскольку сделка фактически не является крупной. Однако суд не отбросил

данный аргумент в связи с его изначальной необоснованностью, а отменил решение и указал нижестоящим инстанциям проверить соблюдение критериев крупной сделки (были обнаружены затем апелляционной инстанцией на втором круге рассмотрения спора). Из этого следует, что при отсутствии указанных критериев, по всей видимости, решение должно быть квалифицировано как ничтожное. Однако такой подход вызывает сомнение.

Обратный подход, который причем претерпел значительные изменения, касается возможности участников общества с ограниченной ответственностью предусмотреть правила выплаты стоимости доли при выходе участника из ООО, отличные от условий, предусмотренных Федеральным законом от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (п. 6.1 ст. 23).

По общему правилу, в случае выхода участника из ООО его доля переходит к обществу, и оно обязано выплатить вышедшему участнику действительную стоимость его доли в уставном капитале ООО, определяемую на основании данных бухгалтерской отчетности за последний отчетный период, предшествующий дате перехода доли участника, вышедшего из ООО, или с согласия этого участника выдать ему в натуре имущество такой же стоимости. Как демонстрирует обширная судебная практика, указанная норма квалифицировалась как императивная, а значит участники не имели право менять, например, основу расчета выплачиваемой стоимости доли (данные бухгалтерской отчетности). В частности, позиция подтверждается Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.01.2017 по делу № А75-786/2016 («расчет действительной стоимости доли участника определен в соответствии с императивными требованиями пункта 6.1 статьи 23 Федерального Закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», регламентирующими порядок определения размера действительной стоимости доли, выплачиваемой участнику при его выходе из общества»), а также Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.05.2017 по делу № А75-15560/2016 (в споре о выплате действительной стоимости доли суд не может утвердить мировое соглашение между обществом и бывшим участником о размере данной выплаты, если не проверено, не нарушит ли такая выплата права других бывших участников) [13].

Однако недавно Арбитражный Суд Западно-Сибирского округа в Постановлении по делу № А75-18113/2023 изменил подход, описанный выше. В данном деле участники общества (бывший и остающийся) определили размер выплаты

при выходе больше, чем он бы составлял на основании данных бухгалтерской отчетности. В дальнейшем вышедший участник обратился в суд с иском о взыскании остатка выплаты, который был удовлетворен судом первой инстанции. Апелляционный суд не согласился с решением и указал, что размер действительной стоимости доли определен произвольно, не имеет экономического обоснования, поскольку больше размера по данным бухгалтерской отчетности, что нарушает интересы общества. Тем не менее, кассационный суд согласился с решением суда первой инстанции, обосновав позицию тем, что обсуждаемая норма (п. 6.1 ст. 23 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») не отвечает признакам императивности, установленными Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». В частности, суд указал, Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» допускает ситуацию, в которой стоимость доли участника не обусловлена результатами хозяйственной деятельности общества и его текущего экономического положения.

Из приведенных дел можно вывести некоторый более генеральный вывод в отношении решений общих собраний, принятых по «непоименованным» вопросам компетенции: в непубличных корпорациях компетенция общего собрания участников является открытой, следовательно, допустимо принимать решения, в том числе по тем вопросам, которые прямо не перечислены или не запрещены законом. Вместе с тем диспозитивность в любом случае требует неких рамок, и следует обозначить некоторые критерии, которые следует принимать во внимание при оценке того, насколько тот или иной «непоименованный» вопрос компетенции допустим.

2. Критерии допустимости принятия решения по «непоименованным» вопросам компетенции общего собрания участников

Как было описано выше, в целом, законодательство и разъяснения ВАС РФ позволяют участникам принимать решения по «непоименованным» вопросам компетенции общего собрания, в том числе установить иной порядок выплаты доли участнику, выходящему из общества. Однако важно понимать, что практика не является устоявшейся и во многих делах встречается негативное отношение к подобным соглашениям.

Поддержку данной позиции можно найти, в частности в доктринальных источниках и связанной позиции Верховного Суда. Как известно, долгое время решения собраний считались «осо-

быми» корпоративными актами, хотя и раздавались многочисленные голоса, приводящие достаточное количество аргументов о том, что решения собраний являются, хотя и специфическими, но все-таки сделками [4; 5; 7]. Тем не менее, после принятия решения по знаменитому делу «Яна Тормыш» [14] ВС РФ разрешил доктринальный спор о природе решения собрания и квалифицировал его в качестве сделки. Следовательно, к решениям должны быть применимы принципы из общей части Гражданского Кодекса РФ, но, разумеется, с определенными оговорками.

Исходя из проанализированной судебной практики, можно в качестве ориентира использовать следующие критерии, на которые обращают внимание суды: количество голосов, отданных «за» принятие решения; экономическая обоснованность (для решений, так или иначе связанных с имуществом общества), разумность второстепенных условий решения (например, срок исполнения); учет интересов общества в связи с принятием и исполнением решения.

Соответственно, на примере решения об установлении порядка выплаты действительной стоимости доли при выходе участника из общества, отличным от порядка, установленного законом, обозначенные критерии могут реализовываться следующим образом для вывода о допустимости принятия соответствующего решения.

Во-первых, как следует из фактических обстоятельств дела № А75-18113/2023, в обществе было два участника (50/50), а соглашение о выплате стоимости доли выше значений данных бухгалтерской отчетности, было заключено между остающимся и выходящим участником. В результате суд отнесся к обществу после выхода одного из участника как к «продолжению (alter ego)» остающегося участника и квалифицировал соглашение между ними как непоименованный договор об урегулировании корпоративных отношений. Следовательно, при наличии нескольких участников, потребуется единогласное принятие решения.

Во-вторых, апелляционный суд по указанному делу пришел к выводу, что «...подлежащая выплате участнику действительная стоимость доли не может быть определена произвольно, она напрямую связана с результатами финансово-хозяйственной деятельности общества, определенный законом способ расчета призван сохранить баланс активов и пассивов общества, и в стандартной ситуации позволить продолжать дальнейшую хозяйственную деятельность после выхода участника общества...». Несмотря на то, что акт апелляционного суда был в дальнейшем отменен, его выводы могут быть прослежены и в акте кассационного суда: «...стороны могли исходить не только из ценности сохраненных за обще-

ством (его единственным участником) основных и оборотных средств, но и накопленной клиентской базы, деловых связей, позволявших осуществлять предпринимательскую деятельность с определенным размером дохода». Обе инстанции указывают на то, что в целом изменение порядка выплаты доли должно быть чем-то обусловлено, особенно если размер выплаты выше, чем стандартный порядок, установленный Федеральным законом от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Следовательно, иной порядок выплаты доли, в частности, ее размер не может быть необоснованно завышен. Следует подкреплять соответствующее изменение порядка экономической обоснованностью такой выплаты для общества.

В-третьих, изменение иных условий выплаты доли, например, срока, также подвержено ограничению. Так, в деле «Яна Тормыш» суд указал следующее «...предусматриваемые уставом правила не могут противоречить существу законодательного регулирования товарищеского соглашения, которое заключается в том числе в недопустимости ситуации, при которой участнику запрещается выход из общества без возможности возврата своих инвестиций». Следовательно, установление слишком длительного срока выплаты доли может быть квалифицировано как противоречие существу законодательного регулирования. Учитывая выводы по делу № А75-18113/2023, таким чрезвычайно длительным сроком может быть срок выплаты более 1,5 лет.

В-четвертых, важно учитывать риск того, что подобная выплата может стать причиной возникновения у общества признаков объективного банкротства [2, 8], в результате чего сделка может быть оспорена в рамках процедуры банкротства или на основании п. 4 ст. 181.5 ГК РФ (противоречие основам правопорядка и нравственности), поскольку преследуемая цель противоречит принципу добросовестности. Хотя п. 8 ст. 23 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» уже ограничивает выплату доли выходящему участнику при наличии у общества признаков банкротства, далеко не всегда такие признаки являются очевидными. В частности, иногда даже превышение пассивов над активами не предопределяет решение вопроса о наличии у общества признаков объективного банкротства.

Заключение

Несмотря на то, что корпоративное право сохраняет влияние доктринальных позиций, исходящих из более консервативного толкования, можно наблюдать определенную тенденцию, которая заключается в экстраполировании положений и принципов из общей части обязатель-

ственного и договорного права на отдельные институты. Такая тенденция проявляется и в отношении решений собраний, а если быть точнее, в возможности принять решение по «непоименованному» вопросу компетенции общего собрания участников.

Сначала суды с некоторым сопротивлением и приверженностью к императивности признавали подобные решения ничтожными, но в последнее время встречаются отдельные дела, в которых позиция меняется на противоположную. В связи с тем, что презумпция диспозитивности по данному вопросу еще не кристаллизовалась в законе или судебной практике, стоит учитывать следующие критерии при решении вопроса о том, насколько то или иное «непоименованное» решение допустимо с точки зрения ограничителей свободы договора: количество голосов, отданных «за» принятие решения; экономическая обоснованность (в особенности для решений, касающихся имущества общества), разумность второстепенных условий решения (например, срок исполнения); учет интересов общества в связи с принятием и исполнением решения.

Список литературы:

- [1] Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2017. 672 с.
- [2] Гудкова О.Е. Исследование признаков неплатежеспособности // Арбитражный управляющий. 2019. N 4. С. 9 - 11; N 5. С. 21 - 24.
- [3] Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 160 с.
- [4] Новак Д.В. Решение собрания как вид сделки // Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: Сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2021.
- [5] Степанов Д. И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 4 - 62.
- [6] Степанов Д.И. Ничтожность корпоративных решений в судебно-арбитражной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 9. С. 142 - 200.
- [7] Труханов К.И. Правовая природа решений собраний // Сделки, представительство, исковая давность: Сб. работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 36 - 97.
- [8] Харитонов Ю.С., Шиткина И.С. Состав и компетенции руководящих органов управления

общества с ограниченной ответственностью: комментарий к ст. ст. 32 и 33 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 4. С. 4 - 40.

[9] В частности, критериям, установленным Постановлением Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах».

[10] П. 3 ст. 181.5 ГК РФ.

[11] Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»; Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

[12] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.04.2019 по делу № А40-99921/2018.

[13] Похожую позицию можно встретить в Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.09.2020 по делу № А75-20488/2019, Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 26.09.2017 по делу № А60-51044/2016, Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.07.2016 по делу № А05-14788/2015.

[14] Определение СКЭС ВС РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019.

References:

[1] Glukhov E.V. Corporate contract: preparation and approval when creating a joint venture [Electronic edition]. M.: M-Logos, 2017. 672 p.

[2] Gudkova O.E. Investigation of insolvency signs//Arbitration manager. 2019. N 4. S. 9-11; N 5. S. 21-24.

[3] A.A. Kuznetsov. Limits of autonomy of will in corporate law: a brief essay. M.: Statute, 2017. 160 s.

[4] Novak D.V. Decision of the meeting as a type of transaction//Problems of civil law in judicial practice and legislation: Collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Vasily Vladimirovich Vitryansky/Otv. ed. E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2021.

[5] Stepanov D.I. Charter as a form of transaction//Bulletin of Civil Law. 2009. № 1. S. 4-62.

[6] Stepanov D.I. Nullity of corporate decisions in judicial arbitration practice//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. N 9. S. 142-200.

[7] K.I. Trukhanov. Legal Nature of Decisions of Meetings//Transactions, Representation, Statute of Limitations: Sat. works of graduates of the Russian School of Private Law at the S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation. M.: ITCP named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation, 2017. S. 36-97.

[8] Yu.S. Kharitonova, I.S. Shitkina. Composition and competence of the governing bodies of a limited liability company: commentary to Articles 32 and 33 of the Law "On Limited Liability Companies"//Business Law. Application "Law and Business." 2020. № 4. S. 4-40.

[9] In particular, the criteria established by the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 14.03.2014 No. 16 "On freedom of contract and its limits."

[10] Clause 3 of Article 181.5 of the Civil Code of the Russian Federation.

[11] Federal Law No. 26.12.1995 of 208-FZ "On Joint Stock Companies"; Federal Law No. 14-FZ of 08.02.1998 "On Limited Liability Companies."

[12] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 30.04.2019 in case No. A40-99921/2018.

[13] A similar position can be found in the Ruling of the Arbitration Court of the West Siberian District of 30.09.2020 in case No. A75-20488/2019, the Ruling of the Arbitration Court of the Ural District of 26.09.2017 in case No. A60-51044/2016, the Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District of 08.07.2016 in case No. A05-14788/2015.

[14] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 11.06.2020 No. 306-EC19-24912 in case No. A65-3053/2019.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-148-156

АЛЕКСЕЕВСКИХ Д.Ю.,

кандидат педагогических наук, начальник отдела науки,
образования и трудоустройства, Аппарата общероссийской
общественной организации инвалидов,
«Всероссийское общество глухих»,
e-mail: see@voginfo.ru

ПЯТНИЦЫН М.К.,

Главный специалист отдела науки, образования и трудоустройства
Аппарата общероссийской общественной организации инвалидов
«Всероссийское общество глухих»,
e-mail: see@voginfo.ru

ВЕСЕЛКОВА Е.Е.,

Профессор кафедры частного и публичного права
Российского государственного университета социальных технологий,
доктор юридических наук, доцент,
ORCID iD: 0009-0000-1637-5382,
e-mail: decemvee@mail.ru

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ДОСТУПНОСТИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

Аннотация. Цель статьи – представить результаты опроса участие педагогов и специалистов с нарушениями слуха по использованию русского жестового языка в системе образования детей с нарушениями слуха.

Объект исследования - участники Всероссийской педагогической конференции Всероссийского общества глухих на тему «Обмен опытом и инновационными идеями в образовании детей и подростков с нарушениями слуха».

Результатом исследования стало следующее: определены основные проблемы образования детей с нарушениями слуха, выявлено, что большинство педагогов и специалистов считают необходимым использование русского жестового языка и/или калькирующей жестовой речи в образовательном процессе детей с нарушениями слуха, обоснована необходимость вводить в образовательный процесс русский жестовый язык и/или калькирующую жестовую речь как можно раньше: с этапа установления нарушения слуха у ребенка, с этапа дошкольного образования.

Ключевые слова: образование детей с нарушениями слуха, сохранение коррекционно-развивающей системы образования глухих и слабослышащих детей, педагоги с нарушениями слуха, подготовка педагогических кадров, духовно-нравственное и патриотическое воспитание, внеклассная работа, русский жестовый язык.

ALEKSEEVSKIKH D.Yu.,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department of Science, Education, and Employment
of the All-Russian Public Organization for the Disabled
“All-Russian Society of the Deaf”

PYATNITSYN M.K.,

Chief Specialist of the Department of Science,
Education, and Employment of the All-Russian Public Organization
for the Disabled “All-Russian Society of the Deaf”

EVALUATION OF EDUCATIONAL ACCESSIBILITY RESULTS FOR PERSONS WITH HEARING IMPAIRMENTS

Annotation. *The purpose of this article is to present the results of a survey of teachers and specialists with hearing impairments on the use of the Russian Sign Language in the education of children with hearing impairments. Participants of the All-Russian Pedagogical Conference of the All-Russian Society of the Deaf on the topic "Exchange of Experience and Innovative Ideas in the Education of Children and Adolescents with Hearing Impairments" were interviewed. A guided survey method was used. The main problems of educating children with hearing impairments were identified. It was found that the majority of teachers and specialists believe it is necessary to use Russian Sign Language and/or tracing sign language in the educational process of children with hearing impairments. The need to introduce the Russian Sign Language and/or tracing sign language into the educational process as early as possible, from the stage of determining a child's hearing impairment and from the preschool stage, is substantiated.*

Key words: *Education of children with hearing impairments, preservation of the correctional and developmental system of education for deaf and hard of hearing children, teachers with hearing impairments, training of teaching staff, spiritual and moral and patriotic education, extracurricular activities, Russian sign language.*

Введение

Всероссийское общество глухих (ВОГ) с первых же дней своего существования, с 1926 года, пристальное внимание уделяет развитию и совершенствованию системы образования для глухих и слабослышащих людей, поскольку образование является основным звеном всей системы реабилитации лиц с нарушениями слуха. От образования зависит успешность их социализации, возможность реализации своего потенциала в обществе, возможность найти работу и быть достойным гражданином своей страны.

На данном этапе социально-экономического развития России наблюдаются положительные изменения в системе образования лиц с нарушениями слуха: начинает формироваться система ранней помощи, развивается система профессионального образования как среднего профессионального (СПО), так и высшего образования (ВО) (увеличивается количество образовательных организаций СПО и ВО, доступных для глухих и слабослышащих, увеличивается перечень специальностей и профессий, по которым обучают студентов с нарушениями слуха, увеличивается количество студентов с нарушениями слуха (сейчас в стране более 5500 студентов с нарушениями слуха в системе СПО и ВО), совершенствуется система профориентации обучающихся с нарушениями слуха (например, развивается чемпионатное движение «Абилимпикс»), расширяются возможности у детей и взрослых с нарушениями слуха в получении инклюзивного образования.

Однако, остаются в системе образования ряд проблем, которые негативно влияют на образовательный процесс глухих и слабослышащих, к которым относятся несовершенство нормативной правовой базы в сфере образования детей с нарушениями слуха, [8] что приводит к сокращению образовательных организаций дошкольного и основного образования, специализирующихся на коррекционно-развивающей работе с глухими и слабослышащими обучающимися, необоснованный порой упор на инклюзивное дошкольное и основное образование глухих и слабослышащих детей, слабое развитие ранней помощи для глухих и слабослышащих детей от 0 до 3 лет, дефицит сурдопедагогических кадров, отход от традиционных научно-обоснованных методов [2] и подходов в образовании детей с нарушениями слуха, [1] игнорирование роли русского жестового языка в системе образования глухих.

Эмпирическая база исследования

Данная проблематика активно изучается представителями социальных отраслей науки. Потенциальные направления образования и интеграции молодых инвалидов с нарушением слуха в современное общество были рассмотрены в многочисленных работах Е.В. Зиминой, О.Г. Седых, Е.Г. Речицкой, Е.А. Ярцевой, А.Н. Купреенко, С.А. Гришаевой, С.А. Зыкова, А.В. Герасимова, С.В. Ильюшиной.

Материалы и методы исследования

Всероссийское общество глухих с целью совершенствования системы основного общего,

среднего общего и среднего профессионального образования лиц с нарушениями слуха, профориентации подростков и молодежи с нарушениями слуха организовало и провело с 24 по 25 апреля 2025 года в г. Москве Всероссийскую педагогическую конференцию ВОГ на тему «Обмен опытом и инновационными идеями в образовании детей и подростков с нарушениями слуха». [4] Конференция проходила в очно-дистанционном формате. В работе конференции приняли участие 170 человек из 52 субъектов Российской Федерации. Участниками конференции были педагоги и специалисты системы образования лиц с нарушениями слуха, представители органов законодательной и исполнительной власти, научных организаций, НКО, СМИ. В основном участниками конференции были глухие и слабослышащие педагоги и специалисты, работающие в системе образования лиц с нарушениями слуха от ранней помощи до системы профессионального образования.

В ходе конференции было представлено 42 доклада, охватывающих широкий спектр вопросов, касающихся образования детей и подростков с нарушениями слуха, а также актуализации развития, расширения методической поддержки и стандартизации программ ранней помощи. Участники отметили ряд ключевых проблем, имеющих в системе образования глухих и слабослышащих детей и подростков, включая нехватку соответствующих методических материалов. Также участники конференции обозначили актуальные проблемы в организации образовательного процесса, которые требуют пристального внимания, изучения и разработки механизма решений. [1]

Большинство докладчиков подчеркнули важность расширения применения русского жестового языка [1] в сфере образования как средства создания доступной безбарьерной среды для людей с нарушениями слуха с учетом их особых образовательных потребностей. Это особенно актуально в свете норм Конвенции ООН о правах инвалидов. Важным аспектом является выполнение требований Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), Федеральных адаптированных образовательных программ (ФАОП) в системе образования детей с нарушениями слуха, особенно в части применения русского жестового языка в процессе обучения и воспитания глухих и слабослышащих детей. Для достижения этой цели необходимо также активно привлекать глухих и слабослышащих педагогов, обладающих высоким уровнем профессионализма и компетенциями использования русского жестового языка как средства образования и формирования [7] свободной коммуникации. Также необходимо уделить особое внимание объему часов изучения специальных предметов и

качеству подготовки студентов профильных образовательных организаций высшего образования и переподготовки учителей, воспитателей, тьюторов и других специалистов образовательных организаций для детей с нарушениями слуха.

Результаты

Было отмечено, что педагогам, работающим с детьми с нарушениями слуха, необходимо регулярно проходить курсы повышения квалификации по русскому жестовому языку. Наибольшей эффективностью обладают курсы, где задействованы носители языка, имеющие соответствующее лингвистическое образование (глухие и слабослышащие педагоги). Такой подход обеспечивает для обучающихся связь теории с постоянной практикой, как следствие – повышается результативность курсов. Это критически важно для повышения качества образования и эффективного взаимодействия педагогов с глухими и слабослышащими детьми и их родителями (как имеющими нарушения слуха, так и не имеющими).

Кроме того, была обозначена проблема острого дефицита педагогов-психологов, свободно владеющих русским жестовым языком. Это формирует коммуникационный барьер, сужая возможности специалиста полноценно проводить коррекционную работу и устанавливать доверительный контакт с ребенком, чей основной язык общения и мышления – русский жестовый. Как следствие, ребенок не имеет возможности сообщить педагогу о кризисных ситуациях в его жизни, угрожающих его психологической и физической безопасности.

В рамках обсуждений участники конференции также обозначили важность посещения детьми экскурсий в сопровождении глухих и слабослышащих экскурсоводов/гидов в рамках внеурочных занятий. Это позволит создать инклюзивную атмосферу и обеспечить доступность культурных мероприятий для обучающихся с нарушениями слуха, что будет способствовать лучшему пониманию и восприятию музейных экспозиций, формированию междисциплинарных связей. Кроме того, пример успешного профессионала с нарушением слуха может стать одним из инструментов профориентации, а также будет содействовать самоидентификации ребенка с нарушением слуха.

Также участники конференции подтверждают необходимость сохранения и поддержки системы коррекционного образования, в том числе коррекционных образовательных организаций дошкольного и основного образования для детей с нарушениями слуха. Вышеуказанные образовательные организации играют ключевую роль в обеспечении всех необходимых условий для освоения образовательных программ и социализации таких детей. В последнее время участи-

лись случаи приема в данные организации слышащих детей, не имеющих нарушения слуха, но имеющих иные ограниченные возможности здоровья. Смешение обучающихся с разной нозологией негативно влияет на результаты образовательного процесса. Участники конференции считают необходимым разработку государственных программ и нормативных правовых актов, направленных на сохранение и развитие коррекционных образовательных организаций дошкольного и основного образования для детей с нарушениями слуха.

Обсуждение

В результате дискуссий участниками было предложено ежегодно проводить Всероссийские педагогические конференции глухих педагогов совместно с Министерством просвещения Российской Федерации для обсуждения актуальных вопросов и обмена опытом среди педагогов и специалистов.

Как показывает практика, в рамках образовательного процесса особое внимание следует уделить духовно-нравственному и патриотическому воспитанию детей с нарушениями слуха на основе культурных и исторических традиций с учетом особенностей вероисповедания жителей регионов с использованием материалов на русском жестовом языке.

Были представлены меры по развитию системы ранней помощи, позволяющие значительно улучшить подготовку детей с нарушениями слуха к обучению в системе дошкольного и основного образования, сформировать необходимые бытовые компетенции, языковые и социальные навыки. Обозначены конкретные шаги по реализации инициатив, включая создание рабочих групп для разработки программ ранней помощи и методических материалов и словарей, а также внедрения новых подходов в образовательный процесс. Обсуждены вопросы необходимости разработки методических пособий и словарей для системы дошкольного образования, которые помогут педагогам в работе с детьми с нарушениями слуха и будут полезны в рамках интеграции детей в образовательный процесс. [2]

При этом подчеркивается важность системного сотрудничества между образовательными организациями, родителями и специалистами для обеспечения комплексного подхода к образованию детей с нарушениями слуха. Это включает обмен опытом, ресурсами и поддержкой, [2] а также активное взаимодействие со специалистами Всероссийского общества глухих и сообществом глухих и слабослышащих педагогов-практиков.

В связи с тем, что существует острая проблема языковой депривации детей, проявляющаяся в том числе в том, что на этапе поступления в

школу часть детей не владеет свободно ни русским, ни русским жестовым языком, необходимо ввести в учебные планы уроки русского жестового языка для детей с нарушениями слуха. Это снизит вероятность отсроченной постановки диагноза умственная отсталость. Практики подтверждают, что в ряде случаев постановка этого диагноза связана не с истинными ментальными нарушениями у ребенка, а с наличием у обучающегося коммуникативного барьера и следующей из этого грубейшей педагогической запущенности. Задержка в освоении языка приводит к когнитивным и психологическим проблемам, а также ухудшает качество жизни ребенка. Необходимо приложить все усилия, чтобы дети с начальной школы начинали системно осваивать русский жестовый язык. Педагоги-практики и часть родительского сообщества подтверждает, что освоение русского жестового языка не только позволяет в дальнейшем успешно осваивать учебный материал, но и становится толчком для освоения устной речи. Кроме того, возможность коммуницировать на двух языках расширяет возможности ребенка, в том числе создавая условия для успешной интеграции в общество.

Цель опроса - выявления их отношения к роли и месту русского жестового языка в образовательном процессе глухих и слабослышащих обучающихся.

В опросе приняло участие 92 педагога и специалиста системы образования лиц с нарушениями слуха. Было опрошено 54% людей от общего количества участников конференции. Среди опрошенных 75 человек с нарушениями слуха (35 глухих, 36 слабослышащих, 2 позднооглохших). Основная масса участников нашего опроса (примерно 82% от общего числа участников) — это педагоги и специалисты, имеющие нарушение слуха. Участники опроса работают в системе дошкольного и общего образования детей с нарушениями слуха.

По результатам опроса выявлено

В опросе мы попросили уточнить состав классов (группы), с которыми работают педагоги и специалисты. Выяснилось, что чуть менее трети опрошенных работают либо только с глухими обучающимися (23,91% участников опроса), либо со слабослышащими (5,43%). Основная масса опрошенных работают со смешанным составом класса, либо глухими и со слабослышащими вместе (40,22%), либо детьми с нарушениями слуха вместе с детьми других нозологий (30,43%). По сути, в большинстве случаев (более 70% от всех ответов), наблюдаем игнорирование основного принципа образования детей с нарушениями слуха дифференцированного подхода, что может вести к ухудшению качества самого образования глухих и слабослышащих.

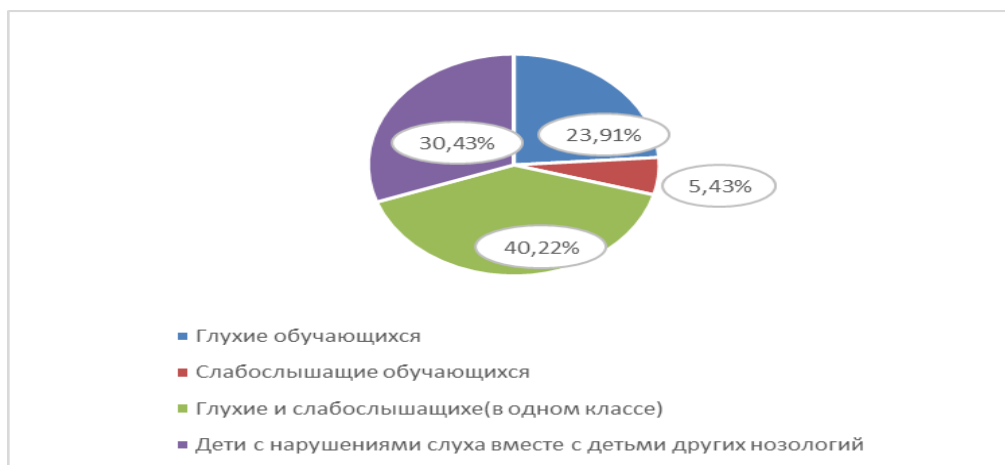

Рисунок 1. Состав класса (группы), с которыми работают педагоги и специалисты (%)

Следует отметить, что основная масса участников опроса в своей работе в образовательном процессе детей с нарушениями слуха используют в той или иной форме русский жестовый язык и калькирующую жестовую речь (96,74% от общего числа опрошенных). Постоянно исполь-

зуют на своих занятиях 69,57% участников опроса, как вспомогательный язык – 27,17% педагогов и специалистов нашего опроса. Все это говорит о том, что русский жестовый язык активно применяется в образовательном процессе детей с нарушениями слуха.

Рисунок 2. Использование русского жестового языка и/или калькирующей жестовой речи на уроках и во внеурочной деятельности педагогами и специалистами (%) [7]

Практически все участники опроса (98,91%) указали, что русский жестовый язык должен быть в той или иной мере языком [7] образования детей с нарушениями слуха. Русский жестовый язык в системе образования должен быть наравне со словесным русским языком (билингвистический подход) Это считают 36,96% педагогов и специалистов от общего числа опрошенных. Также 32,61% участников опроса отметили, что русский

жестовый язык должен быть одним из основных языков образования. В то же время около 29,53% опрошенных предпочитают рассматривать русский жестовый язык как вспомогательный язык в системе образования детей с нарушениями слуха. Лишь 1,09% участников опроса полагают, что в образовательном процессе детей с нарушениями слуха русский жестовый язык не нужно использовать. [7]

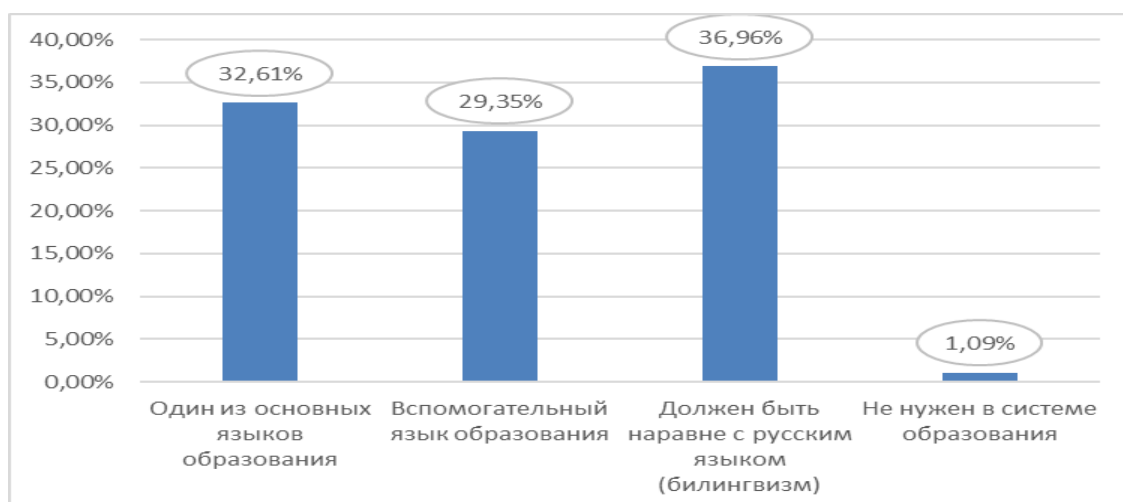

Рисунок 3. Отношение педагогов и специалистов к использованию русского жестового языка в образовательном процессе детей с нарушениями слуха (%) [5]

В то же время участники нашего опроса отмечают, что в образовании глухих важно использовать все возможности при передаче образовательной информации и получения обратной связи от обучающихся. О том, что необходимо на уроках и/или занятиях использовать в комплексе словесную речь (в устной и письмен-

ной форме) и русский жестовый язык, калькирующую жестовую речь заявило 80,43% участников нашего опроса. Большинство педагогов и специалистов нашего опроса (78, 25%) в той или иной мере имеют представление о разнице между русским жестовым языком и калькирующей жестовой речью.

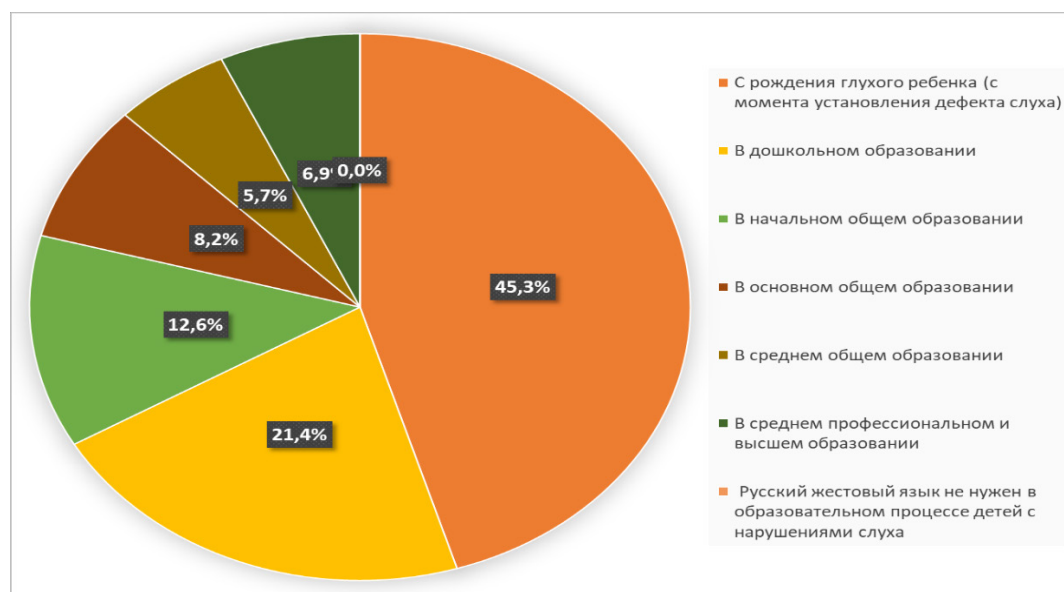

Рисунок 4. Этап образования детей с нарушениями слуха, когда необходимо вводить русский жестовый язык и/или калькирующую жестовую речь в образовательный процесс (%) [5]

При этом сторонники использования русского жестового языка и/или калькирующей жестовой речи в образовательном процессе детей с нарушениями слуха считают, что начинать его использовать необходимо сразу с момента установления дефекта слуха у ребенка [5] (около

45% ответов), либо на этапе дошкольного образования (21%). Чуть менее 13% опрошенных считают, что русский жестовый язык и/или калькирующую жестовую речь необходимо вводить на этапе начального основного образования детей с нарушениями слуха.

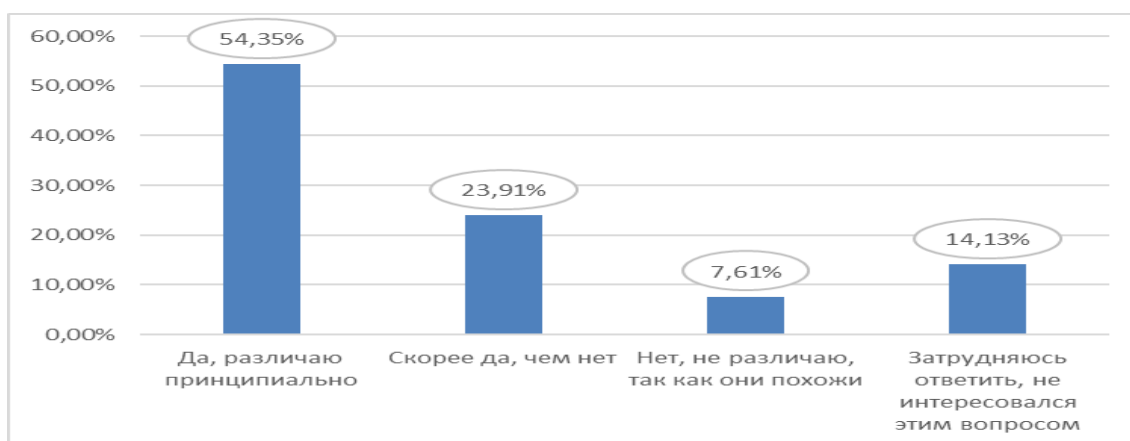

Рисунок 5. Знание педагогов и специалистов опроса о различиях между русским жестовым языком и калькирующей жестовой речью [5]

Также мы попросили ответить участников опроса на вопрос: «Возникают ли у Вас конфликтные ситуации с родителями обучающихся с нарушениями слуха, связанные с использованием русского жестового языка или калькирующей жестовой речи на уроках и/или занятиях? Около двух третей опрошенных заявили, что конфликтных ситуаций с родителями, связанных с использованием в образовательном процессе русского жестового языка, не возникает. В то же время около одной трети участников опроса

отметили, что в той или иной мере в связи с использованием русского жестового языка ими в процессе образования детей с нарушениями слуха [5] возникают конфликты с родителями. Можно говорить о том, что отношение родителей к русскому жестовому языку в образовании их глухих и слабослышащих детей неоднозначное. И все же, как видим из анализа ответов участников опроса, многие родители с пониманием относятся к использованию русского жестового языка в образовании их детей с нарушениями слуха. [5]

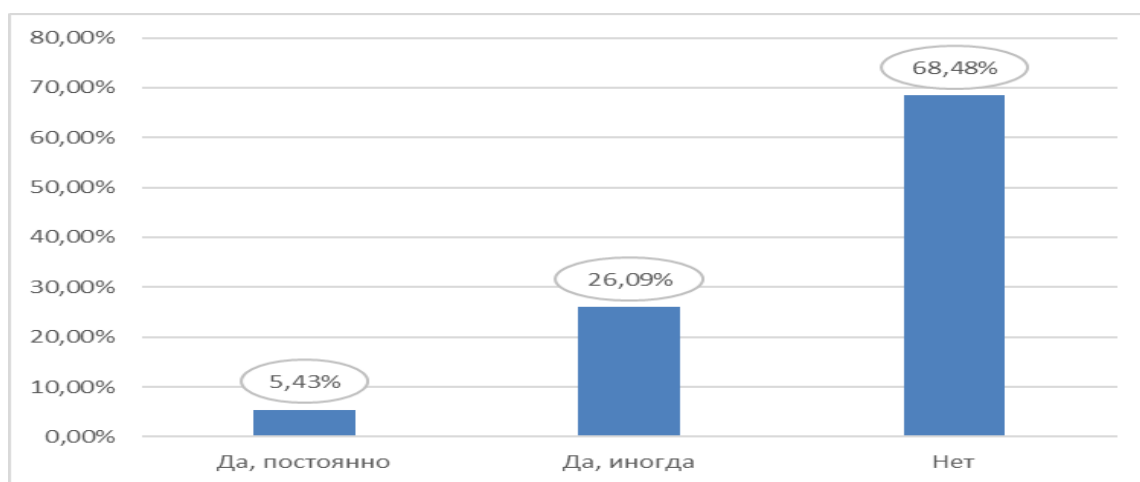

Рисунок 6. Конфликтные ситуации между педагогами (специалистами) и родителями, в связи с использованием в образовательном процессе русского жестового языка (%) [8]

В связи с тем, что основная масса нашего опроса были педагоги и специалисты с нарушениями слуха, [8] нам было интересно узнать отношение администрации образовательных организаций к ним, имеются ли факты притеснения глухих и слабослышащих педагогов и специалистов. Анализ ответов показал, что более половины участников нашего опроса (58,70%)

отметило, что со стороны администрации образовательных организаций нет притеснения по отношению к глухим и слабослышащим педагогам и специалистам. Однако достаточная доля участников опроса (41,30%) заявили, что в той или иной мере имеется место притеснения со стороны администрации образовательных организаций.

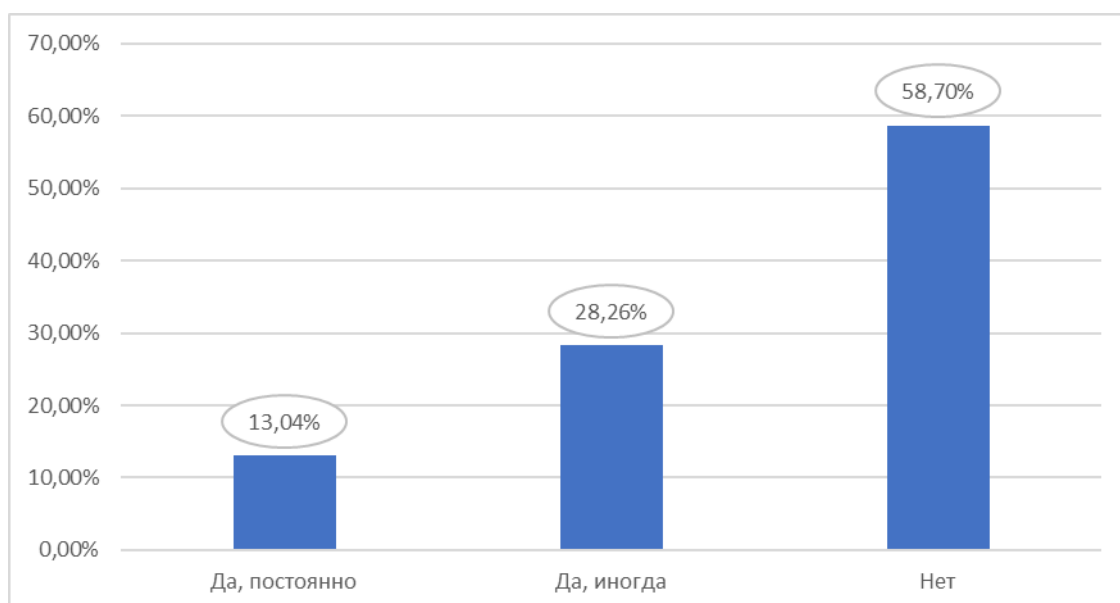

Рисунок 7. Притеснение со стороны администрации образовательных организаций глухих и слабослышащих педагогов (%)

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что в нашем опросе в основном принимали участие педагоги и специалисты с нарушениями слуха, которые владеют русским жестовым языком и в той или иной мере используют его в образовательном процессе детей с нарушениями слуха.

Заключение

Исходя из ответов в рамках нашего опроса участников конференции можно сделать вывод, что большинство педагогов и специалистов считают необходимым использование русского жестового языка и/или калькирующей жестовой речи в образовательном процессе детей с нарушениями слуха.

При этом использование русского жестового языка и/или калькирующей жестовой речи должно быть органичным наравне с использованием в системе образования глухих и слабослышащих обучающихся с различными формами словесного языка (устной, письменной).

Необходимо вводить в образовательный процесс русский жестовый язык и/или калькирующую жестовую речь как можно раньше: с этапа установления нарушения слуха у ребенка, с этапа дошкольного образования. Большинство педагогов и специалистов понимают разницу между русским жестовым языком [5] и калькирующей жестовой речи. Также необходимо подчеркнуть, что не так часты [8] конфликтные ситуации с родителями детей с нарушениями слуха у педагогов и специалистов в плане использования в образовательном процессе русского жестового

языка [5] и/или калькирующей жестовой речи. Вполне обоснованным является предположение, что родители вполне осознают важность русского жестового языка и как средства общения, так и средства образования.

Отдельно хотелось бы уделить внимание тому факту, что со стороны администрации все же присутствуют случаи притеснения глухих и слабослышащих педагогов и специалистов в рабочем процессе. Это требует дополнительного исследования и дополнительных данных для понимания причин подобных притеснений (конфликтных ситуаций) и путей их разрешений.

По итогам конференции была сформирована резолюция, которая направлена в адрес Министерства просвещения Российской Федерации и депутата Государственной Думы Российской Федерации, первого заместителя председателя комитета Госдумы РФ по вопросам семьи, женщин и детей Т.В. Буцкой.

Список литературы:

- [1] Базоев В.С. Билингвизм и образование глухих: современные тенденции. //Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. – С. 320-330.
- [2] Доклад «Российская Федерация и устойчивое развитие: обзор достижений, инициативы регионов, бизнеса и гражданского сектора (2020-2025)»// OON_Report_2025_210x297_RF_2025_RU. indd Дата обращения 10.06.2026
- [3] Ильюшина С.В. Формирование общеучебных умений у слабослышащих младших школьников в процессе проектной деятельности:

Дисс ...к.пед.н. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Спб. 2018.

[4] Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Организация образовательного процесса для обучающихся с различными образовательными потребностями». Белгород: ГиК Белгород. – 2025. – 400 с.

[5] Материалы научно-практической конференции с международным участием «Обучение языку в системе образования детей с ОВЗ. К 95-летию со дня рождения Е.А. Горбуновой». М.: МГПУ. – 2022. – 130 с.

[6] Материалы I Всероссийской научно-практической конференции для лиц с нарушениями слуха «Образование без границ: новые возможности для людей с нарушениями слуха». Новороссийск. – 2025. 85 с.

[7] Mikhail G. Grif; Olga O. Korolkova; Yelena A. Demyanenko; Evgeniy B. Tsoy. Computer sign language translation system for hearing impaired users// 2012 7th International Forum on Strategic Technology (IFOST) Дата обращения 20.06.2026

[8] Примерная форма должностной инструкции учителя-дефектолога//Примерная форма должностной инструкции учителя-дефектолога, учителя-логопеда (сентябрь 2025) | ГАРАНТ Дата обращения 17.06.2026

References:

[1] Bazoev V.S. Bilingualism and education of the deaf: modern trends //Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. – 2016. – S. 320-330.

[2] Report “Russian Federation and sustainable development: review of achievements, initiatives of regions, business and civil sector (2020-2025)//OON _ Report _ 2025 _ 210x297 _ RF _ 2025 _ RU.indd Date of reference 10.06.2026

[3] S.V. Ilyushina. Formation of general teaching skills in hearing-impaired younger students in the process of project activities: Diss... Ph.D. Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. Spb. 2018.

[4] Materials of the All-Russian scientific-practical conference “Organization of the educational process for students with various educational needs.” Belgorod: GiK Belgorod. – 2025. – 400 s.

[5] Materials of the scientific-practical conference with international participation “Language training in the education system of children with disabilities. To the 95th anniversary of the birth of E.A. Gorbunova.” M.: MGPU. – 2022. – 130 s.

[6] Materials of the I All-Russian scientific and practical conference for people with hearing impairments “Education without borders: new opportunities for people with hearing impairments.” Novorossiysk. – 2025. 85 pp.

[7] Mikhail G. Grif; Olga O. Korolkova; Yelena A. Demyanenko; Evgeniy B. Tsoy. Computer sign language translation system for hearing impaired users// 2012 7th International Forum on Strategic Technology (IFOST) Дата обращения 20.06.2026

[8] Approximate form of job description of defectologist teacher//Approximate form of job description of defectologist teacher, speech therapist teacher (September 2025) | GARANT Date of application 17.06.2026

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-157-159

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

ЩЕРБАЧЕВА Любовь Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин
Российского государственного университета им. А.Н.Косыгина,
института (Институт экономики и менеджмента),
e-mail: sherbacheva@rambler.ru

ЦИФРОВИЗАЦИИ АВТОРСКИХ ПРАВ И ИХ ЗАЩИТА

Аннотация. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что правовой механизм защиты авторских прав в сети Интернет должен представлять собой комплекс мер, которые призваны защитить субъективные права и законные интересы авторов, чьи произведения имеют цифровой формат происхождения или размещенных в сети Интернет.

Правовое регулирование авторских прав в сети Интернет является одной из самых актуальных проблем в современном авторском праве в силу отсутствия правоприменительной практики, которая бы смогла охватить все сферы такого регулирования.

Ключевые слова: цифровизация; суд по интеллектуальным правам; искусственный интеллект; цифровое произведение; авторские права; информационные технологии.

SHCHERBACHEVA Lyubov Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines
of the Kosygin Russian State University,
Institute (Institute of Economics and Management)

DIGITALIZATION OF COPYRIGHT AND ITS PROTECTION

Annotation. The study allows us to conclude that the legal mechanism for copyright protection on the Internet should be a set of measures that are designed to protect the subjective rights and legitimate interests of authors whose works have a digital format of origin or posted on the Internet.

The legal regulation of copyright on the Internet is one of the most pressing problems in modern copyright law due to the lack of law enforcement practice that could cover all areas of such regulation.

Key words: digitalization; intellectual property court; artificial intelligence; digital work; copyright; information technology.

Введение

В системе права интеллектуально собственности и в целом в системе гражданских правоотношений остро стоит вопрос о защите авторских прав, под которой принято подразумевать совокупность способов и методов защиты автором результатов своего интеллектуального труда правовыми способами. Чтобы воспользоваться правом на защиту интеллектуальной собственности автор должен доказать, что таким правом он обладает и такая процедура регламентируется положениями гражданского законодательства. В России в целях защиты авторских прав в сети Интернет в 2013 году был издан Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», [6] который еще на стадии законопроекта получил название «антипиратского» закона. Данный нормативно-правовой акт вводит понятие «информационный посредник» и закрепляет его ответственность при нарушении им авторских прав при использовании информации, произведения автора. [1]

Основные результаты

В силу цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества и введения в ГК РФ такого объекта прав как цифровые права, стали возни-

каль судебные споры, связанные с защитой авторских прав, нарушение которых происходит в сети Интернет. Такой субъект появился в законодательстве с 2013 года. Причиной этому стала необходимость обеспечения защиты авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности в сети Интернет и привлекать к ответственности лиц, которые нарушают такие права.

Информационным посредником могут выступать и физические, и юридические лица.

В настоящее время на территории России функционирует один специализированный суд - суд по интеллектуальным правам, входящего в состав арбитражных судов Российской Федерации. Причина создания такого суда кроется в перегрузке арбитражных судов и увеличения числа судебных разбирательств, связанных с охраной и защитой интеллектуальных прав.

Такой специализированный суд разрешает самые сложные дела, связанные со сферой интеллектуальных прав.

Одной из универсальных форм гражданско-правовой ответственности является возмещение убытков посредством денежной компенсации автору морального вреда, причинённого незаконным использованием его цифрового произведения в сети Интернет.

Правообладатель цифрового произведения имеет право требовать возмещения убытков в формах и способах, обозначенных в нормах действующего законодательства. Однако необходимо отметить тонкость истребования возмещения убытков в данном случае: правообладатель им обладает только на момент совершения нарушения прав автора на цифровое произведение и его использование. [5]

Возможность взыскания компенсации за нарушение авторских и смежных прав предусматривается положениями ст. 1299, 1301, 1309, 1311 ГК РФ. [2] Требование о взыскании компенсации носит имущественный характер. Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта нарушения, при этом правообладатель не обязан доказывать размер понесенных убытков.

В российской судебной практике на данный момент отсутствует четкая регламентация порядка определения размера компенсации по возмещению морального вреда. В связи, с чем суды должны ориентироваться на собственную практику разрешения подобных ситуаций. При рассмотрении схожих дел в судах по возмещению морального вреда в виде компенсации можно увидеть значительные расхождения при определении суммы такой компенсации, что также является серьёзной правовой проблемой требующей скорейшей разработки единой методологии расчета возмещений по причинению морального вреда.

Одним из сложных вопросов является вопрос определения величины компенсации при нарушении прав на цифровые произведения втора. Основным критерий, которым пользуются сегодня судебные органы при рассмотрении дел такой категории, является обоснованность истребуемой компенсации. В некоторых случаях она бывает несоизмеримо огромной и суд отказывает в такой величине компенсации, признавая ее не вполне обоснованной и преувеличенной.

В случае выявления фактов незаконного использования цифровых произведений, имеющих материальный носитель, они подлежат изъятию из имущественного оборота и последующему их уничтожению. Согласно положениям статьи 1252 ГК РФ законодатель указывает на перечень лиц, к которым могут быть предъявлены требования об изъятии цифрового произведения из оборота в случае нарушения прав автора. [2] К числу таких лиц законодатель относит импортёров, хранителей, недобросовестных приобретателей и др.

Взыскание убытков в системе мер защиты и охраны прав авторства является проблематичным ввиду того, что в некоторых ситуациях доказать размер убытков проблематично и затруднительно.

Упущенная выгода, нанесение реального ущерба при нарушении прав авторов на цифровые произведения - сложные, актуальные и дискуссионные вопросы в системе авторского права и гражданских правоотношений.

При этом нормами гражданского законодательства установлена возможность замены доказывания причинённых автору убытков требованием компенсации причиненного вреда.

Цифровизация сферы общественных и экономических отношений повлияла на рост киберпреступности совершаемой с использованием передовых цифровых технологий, в том числе в самой сети Интернет. Большинство таких преступлений остаются нераскрытыми в силу высокой латентности совершения притуплений виртуального характера. Однако система раскрытия преступлений, имеющих цифровой след, также совершенствуется. Совершаются такие преступления, в том числе и с авторскими правами на объекты интеллектуальной деятельности. [3]

Правовое регулирование авторских прав в сети Интернет является одной из самых актуальных проблем в современном авторском праве в силу отсутствия правоприменительной практики, которая бы смогла охватить все сферы такого регулирования.

Защита авторских прав в сети Интернет сегодня на практике практически не работает в силу отсутствия правового механизма, который бы регулировал такую область авторских прав.

Правовой механизм защиты авторских прав в сети Интернет должен представлять собой комплекс мер, которые призваны защитить субъективные права и законные интересы авторов, чьи произведения имеют цифровой формат происхождения или размещенных в сети Интернет.

Чаще всего в качестве лиц, привлекаемых к ответственности за нарушение авторских прав в сети Интернет, становятся информационные посредники, провайдеры, допустившие использование результатов чужого интеллектуального труда по каналам сети Интернет.

Еще одним шагом на пути совершенствования норм законодательства об охране и гражданско-правовой ответственности за нарушение прав авторов на цифровые произведения, размещенные в сети Интернет, является необходимость осуществления блокировки сайтов, не реагирующих на авторов цифровых произведений и активно использующих результаты их труда в собственных целях. Такие сайты как правило характеризуются анонимностью, малой информативностью информации, размещенной на них, и действуют в стране нелегально.[4]

Заключение

Для этого на территории Российской Федерации функционирует специальный орган власти - Роскомнадзор, который обязан реагировать на обращения авторов с целью предотвращения незаконного использования их цифровых произведений подобными сайтами и ресурсами в сети Интернет. Блокировка таких ресурсов должна производиться не позднее суток с поступления обращения Роскомнадзора в адрес нарушителя. Такие действия Роскомнадзора могут значительным образом снизить нагрузку на суды, рассматривающие множество исков от авторов о нарушении их прав.

Отметим, что защита прав авторов на цифровые произведения осуществляется в рамках действующего гражданского законодательства. Однако в некоторых ситуациях в отношении нарушителей могут быть применены меры административной и уголовной ответственности.

Список литературы:

- [1] Афанасьева А. А. Информация как объект гражданского права // Вопросы российской юстиции, №9. - 2020. - С. 1156-1164.
- [2] Гражданский кодекс РФ (часть 4)
- [3] Иншакова А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии // Legal Concept. 2019.№4.
- [4] Копьёв А. В. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет // Волгоград: Юрист-Практик, 2008. - 8 с.
- [5] Телюкина М. В. Цифровое произведение как объект гражданских прав // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. - 2018. - № 1. - С. 70-76.
- [6] Федеральный закон от 02.07.2013 N 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях//Российская газета, N 148, 10.07.2013.

References:

- [1] Afanasyeva A. A. Information as an object of civil law//Issues of Russian justice, No. 9. - 2020. - S. 1156-1164.
- [2] Civil Code of the Russian Federation (Part 4)
- [3] Inshakova A.O. Law and information technology transformations of public relations in the industry//Legal Concept. 2019.№4.
- [4] Kopyov A.V. Problems of legal protection of intellectual property on the Internet//Volgograd: Lawyer-Practitioner, 2008. - 8 s.
- [5] Telyukina M.V. Digital work as an object of civil rights//Law of the future: intellectual property, innovation, Internet. - 2018. - № 1. - S. 70-76.
- [6] Federal Law of 02.07.2013 N 187-FZ (ed. 12.03.2014) On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Protection of Intellectual Rights in Information and Telecommunication Networks//Rossiyskaya Gazeta, No. 148, 10.07.2013.

НИКОЛАЕВ Лев Львович,
Аспирант, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова»,
e-mail: levvvnik@mail.ru

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ О НАРУШЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В МЕТАВСЕЛЕННОЙ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются гражданско-правовые особенности разрешения споров, связанных с нарушением интеллектуальных прав в условиях метавселенной. Актуальность исследования обусловлена развитием метавселенных, сочетающих признаки игровой экосистемы, маркетплейса и коммуникационного пространства, а также появлением новых форм использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в виртуальной среде. Автор обосновывает необходимость разграничения интеллектуальной собственности, связанной с метавселенной, на две группы: объекты, обеспечивающие создание и функционирование метавселенной как цифровой платформы, и объекты, создаваемые, используемые и вводимые в цифровой гражданский оборот непосредственно в метавселенной. На основе указанного разграничения автором предлагается классификация споров о нарушении интеллектуальных прав, включающая в себя споры между пользователями метавселенной, споры между пользователем и оператором метавселенной, споры между операторами различных метавселенных, а также споры с участием внешних авторов и правообладателей. Особое внимание уделяется роли оператора метавселенной, который обладает доступом к техническим данным платформы и может осуществлять первичное реагирование на нарушения, но одновременно способен создавать дисбаланс интересов между участниками метавселенной. В статье автор приходит к выводу о невозможности применения единого универсального способа разрешения таких споров. Обосновывается многоуровневая модель защиты интеллектуальных прав, сочетающая внутриплатформенные процедуры, судебную защиту.

Ключевые слова: метавселенная, интеллектуальная собственность, цифровая среда, интеллектуальные права, гражданское право.

NIKOLAEV Lev Lvovich,
Graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «I. N. Ulyanov Chuvash State University»

RESOLUTION OF DISPUTES REGARDING INTELLECTUAL PROPERTY INFRINGEMENT IN THE METAVERS: CIVIL LAW ASPECTS

Annotation. This article examines the civil law aspects of resolving disputes related to intellectual property rights infringements in the metaverse. The relevance of this research stems from the development of metaverses that combine elements of a gaming ecosystem, a marketplace, and a communication space, as well as the emergence of new forms of using intellectual property and means of individualization in a virtual environment. The author justifies the need to divide intellectual property related to the metaverse into two groups: objects that ensure the creation and functioning of the metaverse as a digital platform, and objects created, used, and introduced into digital civil circulation directly within the metaverse. Based on this distinction, the author proposes a classification of disputes over intellectual property rights infringement, including disputes between metaverse users, disputes between a user and a metaverse operator, disputes between operators of different metaverses, as well as disputes involving external authors and rights holders. Attention is paid to the role of the metaverse operator, who has access to the platform's technical data and can provide

an initial response to infringements, but at the same time can create an imbalance of interests among metaverse participants. In the article, the author concludes that it is impossible to apply a single universal method for resolving such disputes. The paper presents a multi-tiered model for the protection of intellectual property rights that combines in-platform procedures with judicial remedies.

Key words: *metaverse, intellectual property, digital environment, intellectual property rights, civil law.*

Развитие цифровых технологий обусловило появление новой формы социальной коммуникации и экономического взаимодействия – метавселенной, в которой объективная реальность совмещается с виртуальной.

С правовой точки зрения метавселенная является сложной цифровой средой, объединяющей признаки платформы, игровой экосистемы, маркетплейса и коммуникационного пространства. Такая гибридность приводит к возникновению отношений, которые лишь частично охватываются традиционными конструкциями гражданского законодательства и, в частности, права об интеллектуальной собственности.

В особенности актуальным является вопрос в сфере разрешения споров, связанных с интеллектуальной собственностью в метавселенной. Такие споры отличаются цифровой природой спорных объектов интеллектуальной собственности, сложностью идентификации нарушителя, зависимостью пользователей от правил платформы, а также необходимостью фиксации доказательств в динамической виртуальной среде.

Принципиальное значение имеет разграничение интеллектуальной собственности, связанной с метавселенной, на две группы объектов.

Первую группу составляют результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, обеспечивающие создание, функционирование и развитие метавселенной как цифровой платформы. С учетом перечня, закрепленного в ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), к таким объектам могут относиться: программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), базы данных, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, а также средства индивидуализации, используемые оператором платформы.

Вторую группу образуют объекты интеллектуальной собственности создаваемые, используемые и вводимые в цифровой гражданский оборот непосредственно в метавселенной. Такие действия могут осуществляться различными участниками метавселенной: пользователями, ее оператором, внешними авторами и правообладателями. К данной группе, с учетом ст. 1225 ГК РФ, могут быть отнесены произведения литературы и искусства (включая цифровые картины, тексты, элементы дизайна виртуальных пространств), а

также программы для ЭВМ, исполнения, фонограммы, товарные знаки.

Таким образом, двойственная природа интеллектуальной собственности, связанной с метавселенной, проявляется в существовании двух взаимосвязанных уровней правового регулирования. Первый уровень охватывает объекты, обеспечивающие технологическое функционирование метавселенной как цифровой платформы. Второй уровень связан с объектами интеллектуальных прав, которые создаются и используются непосредственно в метавселенной.

Такое разграничение имеет существенное значение, поскольку позволяет определить правовой режим соответствующего объекта, субъектный состав возникающего спора, а также надлежащие способы защиты нарушенных интеллектуальных прав.

С учетом двойственной природы объектов интеллектуальной собственности, связанных с метавселенной, представляется возможным выделить четыре основные категории споров. Данная классификация позволяет определить субъектный состав и предмет споров, связанных с интеллектуальной собственностью в метавселенной.

- 1) Споры между пользователями в метавселенной. Такие споры могут возникать в связи с созданием, использованием или введением в цифровой оборот объектов интеллектуальной собственности (пользовательского контента) в метавселенной. Наиболее типичными являются ситуации, при которых один пользователь использует в метавселенной произведение изобразительного искусства без согласия пользователя-автора этого произведения.

Для данной категории споров характерны массовость, а также затрудненность защиты автором или правообладателем своих прав традиционными способами. Обращение в государственный суд автором или правообладателем по каждому нарушению будет экономически нецелесообразным, в связи с чем, первичное разрешение таких споров должно осуществляться посредством внутриплатформенных механизмов, например, путем подачи жалобы пользователем-автором оператору метавселенной, по результату рассмотрения которой оператором метавселенной принимаются меры, предусмотренные правилами платформы.

- 2) Споры между пользователем метавселенной и оператором метавселенной. Споры такой категории возможны при определении принадлежности прав на объект интеллектуальной собственности, созданный пользователем в метавселенной.

Юридическая специфика таких споров обусловлена тем, что отношения между пользователями и оператором оформляются пользовательским соглашением, имеющим признаки договора присоединения по смыслу ст. 428 ГК РФ. В таком соглашении оператор может предусматривать предоставление ему пользователем-автором права на безвозмездное использование объектов интеллектуальной собственности, создаваемых в метавселенной. Данное обстоятельство способно создавать дисбаланс интересов, поскольку оператор метавселенной одновременно является как владельцем инфраструктуры, где был создан объект интеллектуальной собственности, так и квазисудебным органом, фактически принимающим первичное решение о наличии либо отсутствии нарушения.

- 3) Споры между операторами различных метавселенных. Такие споры, в первую очередь, связаны с конкуренцией различных платформ-метавселенных и использованием объектов интеллектуальных прав, имеющих значение для функционирования виртуальной среды. К данной категории споров могут быть отнесены споры о неправомерном использовании программ для ЭВМ, элементов интерфейса метавселенной, товарных знаков и иных средств индивидуализации, исключительные права на которые принадлежат одному из операторов метавселенной.

Особенность таких споров состоит в их высокой экономической значимости, поскольку они затрагивают не только охрану исключительных прав, но и конкурентные преимущества операторов цифровых платформ.

- 4) Споры между внешними авторами и правообладателями, с одной стороны, и пользователями либо оператором метавселенной – с другой. К внешним авторам и правообладателям относятся лица, которые не являются пользователями метавселенной, в которой произошло нарушение их прав, однако обладают исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, используемые в метавселенной без их согласия. Уже в настоящее время к числу типичных нарушений относятся случаи неправомерного использования известных брендов, в частности, размещение обозначений, сходных или тождественных

товарным знакам производителей одежды на цифровых предметах гардероба, предназначенных для аватаров пользователей.

Эффективное разрешение споров, связанных с интеллектуальной собственностью в метавселенной, не может быть сведено к единому универсальному механизму. Выбор способа защиты зависит от характера нарушения, предмета спора, субъектного состава правоотношения и необходимости принудительного исполнения принятого решения.

В связи с этим в зависимости от характера нарушения, его предмета и субъектного состава спора возможно применение различных механизмов защиты нарушенных интеллектуальных прав в метавселенной, включая внутриплатформенные процедуры и судебную защиту.

Внутриплатформенные процедуры защиты, в частности направление правообладателем жалобы оператору метавселенной о предполагаемом нарушении исключительных прав, представляются наиболее эффективными при разрешении массовых и относительно однотипных споров между пользователями метавселенной. Их преимущество заключается в оперативности рассмотрения, минимальных издержках для заявителя, а также в наличии у оператора доступа к техническим данным платформы.

Оператор метавселенной, в отличие от внешних юрисдикционных органов, обладает возможностью установить обстоятельства создания, размещения и использования спорного объекта интеллектуальной собственности в метавселенной. К таким сведениям могут относиться дата создания объекта, история изменения и распространения объекта, сведения об учетной записи нарушителя прав. Наличие такой информации позволяет оператору оперативно фиксировать признаки нарушения и принимать первичные меры реагирования, включая ограничение доступа к спорному объекту, его удаление.

Вместе с тем внутриплатформенные процедуры не должны рассматриваться как полноценная замена судебной защиты. Они должны быть прозрачными, предусматривать возможность представления возражений пользователем, в отношении которого подана жалоба, а также возможность обжалования решения оператора. В противном случае такие процедуры могут трансформироваться в одностороннее административное усмотрение платформы, что усиливает дисбаланс между оператором и пользователями.

Однако судебная защита сохраняет ключевое значение в спорах об интеллектуальных правах, связанных с метавселенной, прежде всего в случаях, когда требуется принудительное исполнение решения, взыскание компенсации за нару-

шение исключительных прав, а также формирование единообразной правоприменительной практики.

Особое значение при разрешении таких споров приобретает процесс доказывания. Для подтверждения факта нарушения могут использоваться нотариальный осмотр цифровой среды, скриншоты и видеозаписи, сведения о транзакциях пользователей в метавселенной.

На основании проведенного анализа представляется возможным предложить дифференцированную модель разрешения споров об интеллектуальных правах, связанных с метавселенной.

В спорах между пользователями метавселенной целесообразно использовать модель, сочетающую внутриплатформенную процедуру и судебную защиту. Первичное рассмотрение нарушения может осуществляться оператором платформы, поскольку он обладает доступом к техническим сведениям о создании, размещении и использовании спорного цифрового объекта. Судебная защита в таких случаях сохраняет значение при наличии существенного ущерба, систематического нарушения, необходимости взыскания компенсации либо установления юридически значимых обстоятельств.

В спорах между пользователем и оператором метавселенной необходима модель, включающая внутреннюю жалобу, независимый пересмотр решения оператора, а при необходимости – медиацию или обращение в суд.

Для споров между операторами различных метавселенных как крупными коммерческими участниками цифрового рынка предпочтительна модель, основанная на переговорах, медиации, судебном содействии.

В спорах между внешними правообладателями и пользователями либо оператором метавселенной ключевое значение должна сохранять судебная защита, дополняемая оперативными внутриплатформенными мерами. Правообладатель, как правило, заинтересован не только в удалении конкретного цифрового объекта, но и в пресечении дальнейшего нарушения, взыскании компенсации.

Предлагаемая модель позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность – полная передача разрешения споров операторам метавселенных, что ведет к дисбалансу интересов и риску произвольного принятия решений со стороны оператора. Вторая крайность – попытка передать все споры государственным судам, что не учитывает массовость и техническую специ-

фику возможных споров. Многоуровневый подход позволяет сочетать оперативность платформенных процедур с гарантиями независимого правового контроля.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что споры об интеллектуальной собственности, связанной с метавселенной, обладают комплексным характером и не могут разрешаться посредством единого универсального механизма. Их специфика определяется двойственной природой интеллектуальной собственности, цифровым характером спорных объектов, платформенной организацией виртуальной среды и особой ролью оператора метавселенной.

Список литературы:

- [1] Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник / И.А. Зенин. – Москва: Юрайт, 2025. – 524 с.
- [2] Пригода, Д. Е. Необходимость и перспективы установления международного регулирования сферы метавселенной / Д. Е. Пригода // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 35.
- [3] Ширинских, П. И. Право на бесцифровую среду как условиеи основной принцип развития метавселенных / П. И. Ширинских // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1.
- [4] Вальдес-Мартинес Э.Р. Цифровые объекты изобразительного искусства и NFT: мифы и реальность // Закон. – 2023. – №9. С. 76–86.
- [5] Щелокова А.А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11 – 13.

References:

- [1] Zenin I.A. Intellectual property law: textbook / I.A. Zenin. – Moscow: Yurayt, 2025. – 524 с.
- [2] Prigoda, D. E. The Necessity and Prospects of Establishing International Regulation of the Metaverse / D. E. Prigoda // Issues of Russian Justice. – 2025. – No. 35.
- [3] Shirinskikh, P. I. The Right to a Digital-Free Environment as a Prerequisite and Fundamental Principle for the Development of Metaverses / P. I. Shirinskikh // Bulletin of the Faculty of Law, Southern Federal University. – 2025. – Vol. 12, No. 1.
- [4] Valdes-Martinez, E.R. Digital objects in the fine art and NFTs: myths and reality // Law. – 2023. – No. 9. P. 76–86.
- [5] A.A. Shchelokova. The concept of digital form of objects of civil rights // Civil Law. 2021. No. 4. P. 11–13.

ШАШКОВА Анна Николаевна,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0001-5463-5421
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград),
доцент кафедры общеправовых дисциплин, доцент,
e-mail: Nellkaliningrad@rambler.ru

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ БРАКА

Аннотация. В статье исследуются исторические формы возникновения и существования брака. Опираясь на общенаучные и частно-научные методы познания (историко-генетический, системно-структурный, сравнительный), подвергая анализу антропологические исследования, автор прослеживает эволюцию брачных отношений с древнейших времен от первобытных форм брачного сожительства – дуально-родового брака до современных устойчивых моделей брака. Особое внимание уделяется изучению этнографического разнообразия брачных форм, их обусловленность социально-экономическими и культурными факторами. Рассматривается влияние религиозных норм и правил на формирование и регламентацию брачных отношений. Автор приходит к выводу, что нельзя отрицать очевидное, что у человека, как природного существа, существует генетическая предрасположенность к родственному отбору, ориентация на кровнородственную группу, а как у существа социального – стремление состоять в союзе с другими людьми. Отмечается, что исторически сложились и существуют в современном мире две основные формы брака: полигамия (полигиния, полиандрия) и моногамия. Исследуя в историческом аспекте отечественное семейное законодательство, автор также выделяет фактический брак (сожительство), основанное на нравственных началах и образованное с целью создания семьи добровольный моногамный союз мужчины и женщины, незарегистрированный в государственных органах записи актов гражданского состояния, не находящийся под защитой государства, но в отдельных случаях им признаваемый. Одновременно приходит к выводу, что однополый брак, по своей сути, браком не является, поскольку независимо от его форм на протяжении всей человеческой истории и во всех цивилизациях браком признавался дающий гарантию продолжения существования человечества союз между мужчиной и женщиной.

Ключевые слова: Исторические формы брака, дуально-родовой брак, моногамия, полигамия, полигиния, полиандрия, фактический брак.

SHASHKOVA Anna N.,
Cand. Sci. (Jurisprudence),
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines,
Associate Professor

ABOUT THE HISTORICAL FORMS OF THE ORIGIN AND EXISTENCE OF MARRIAGE

Annotation. The article examines the historical forms of the emergence and existence of marriage. Relying on general scientific and private scientific methods of cognition (historical-genetic, systemic-structural, comparative), analyzing anthropological research, the author traces the evolution of marital relations since ancient times from primitive forms of marital cohabitation - dual-generic marriage to modern stable marriage models. Special attention is paid to the study of the ethnographic diversity of marriage forms, their conditioning by socio-economic and cultural factors. The influence of religious norms and rules on the formation and

regulation of marital relations is considered. The author comes to the conclusion that it is impossible to deny the obvious that man, as a natural being, has a genetic predisposition to kin selection, an orientation towards a blood-related group, and as a social being, the desire to form an alliance with other people. It is noted that historically, two main forms of marriage have developed and exist in the modern world: polygamy (polygyny, polyandry) and monogamy. Examining the historical aspect of domestic family legislation, the author also highlights de facto marriage (cohabitation), based on moral principles and formed with the aim of creating a family, a voluntary monogamous union of a man and a woman, unregistered in the state registry offices, not under state protection, but in some cases recognized by it. At the same time, he comes to the conclusion that same-sex marriage, in its essence, is not a marriage, since regardless of its forms throughout human history and in all civilizations, marriage has been recognized as a union between a man and a woman that guarantees the continued existence of mankind.

Key words: *Historical forms of marriage, dual-ancestral marriage, monogamy, polygamy, polygyny, polyandry, de facto marriage.*

В греческом языке Нового Завета слово «*gamos*» означает свадьбу, собственно – свадебный пир. В старославянском слово «брак» образовано с помощью суффикса «к» (как, например, слово «знак») и от глагола «брати» – «братъ». Происхождение слова предположительно связано с тем, что основу брака у древних славян составляло похищение девушки из другого рода или племени.

В современном российском семейном законодательстве определение понятие брак отсутствует, нет единого мнения относительно дефиниции понятия брака и в научной среде. Известный отечественный цивилист Д. И. Мейер, в свое время указал, что «брак как учреждение юридическое представляет собой союз двух лиц разного пола, удовлетворяющий известным юридическим условиям и дающий известные юридические последствия», одновременно подчеркнув, что «в области права нет возможности дать полное определение брачному союзу» [1]. Г. Ф. Шершеневич с точки зрения юридической называет браком «союз мужчины и женщины с целью сожительства, основанный на взаимном соглашении и заключенный в установленной форме» [2, с. 236], акцентируя внимание на условиях, при которых сожительство лиц разного пола приобретает законный характер. А.И. Загоровский, рассматривая брак как многосторонний институт, и придавая серьезное значение взаимной нравственной привязанности супругов, с юридической точки зрения определил его как «нормированный правом пожизненный половой союз мужчины и женщины» [3, с. 6]. Некоторые ученые, формулируя определение понятия брак, обоснованно указывают на его предназначение – получение государственного признания образованного союза, создание семьи, рождение и воспитание детей [4, с. 187; 5, с. 87; 6, с. 17]. А. М. Нечаева излагая определение брака, указывает на порождаемые брачным союзом правовые последствия [7, с. 95]. Наиболее полно современное понимание брака, на наш взгляд, пред-

ставлено Яковлевой Е.А., согласно которому «брак – это добровольный равноправный союз мужчины и женщины, построенный на чувствах взаимной любви и уважения с целью создания семьи, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния и находящийся под защитой государства, следствием которого являются взаимные права и обязанности супругов» [8].

Несомненный научный интерес представляет исторический аспект возникновения и существования брачных отношений у различных народов и в разные времена. Первобытные люди активно включались в процесс размножения, подчиняясь своим биологическим инстинктам. Среди ученых существует мнение, что на начальном этапе развития человеческой цивилизации первобытные люди группировались в небольшие (из 20-30 взрослых членов) и малоустойчивые коллективы, называемые стадом или ордой. Причем внутри каждого из таких стад бытовали неупорядоченные половые отношения или промискуитет [9, с. 96].

Необходимость разрешения внутренних конфликтов [10], формирование рода как социальной единицы, а также необходимость стабильного сотрудничества [11] привело первобытных людей к появлению табу, и, в частности к экзогамии (от греч. «*ексо*» – вне и «*gamos*» – брак), которая в первобытном обществе возникла как средство подчинения половых инстинктов и фактический запрет на половые связи внутри рода.

Следует отметить, что вопросы, связанные с возникновением и эволюцией форм брака являются по настоящее время дискуссионными, однако несомненный интерес представляют фундаментальные исследования ученых антропологов. Анализ трудов Л. Г. Моргана, Ф. Энгельса, а также отечественного историка Ю.И. Семенова, свидетельствует о том, что в качестве первой исторической формы брака исследователи видели дуально-родовой (групповой) брак. В основе этой формы брака лежал запрет половых

отношений между мужчинами и женщинами одного рода. Браком был союз, заключенный между родами, как социальными группами людей, представители которых могли вступать между собой в половые отношения. Следует подчеркнуть, что непосредственно пары, образующиеся между мужчинами и женщинами из разных родов, браком не считались и не порождали взаимных прав и обязанностей, отсутствовал также запрет на половые связи с другими представителями союзного рода. Дети оставались с матерью и принадлежали ее клану, что было характерно для материнского рода.

Исследуя историю возникновения брака и семьи, Ю.И. Семенов отметил, что «парование было необходимым условием возникновения индивидуального брака, но, чтобы последний появился, должны были произойти определенные сдвиги в системе социально-экономических отношений первобытного общества», ученый указывает, что «первоначально парный брак возник из потребности сделать отношения между половыми партнерами более стабильными. Первыми социальными рамками, в которые были облечены половые связи между индивидами, стали отношения дарообмена» [10, с. 232]. В своей знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс отмечает, что «промысел всегда был делом мужчины, средства для промысла изготовлялись им и были его собственностью. Стада были новыми промысловыми средствами, их первоначальное приручение и дальнейший уход за ними — делом мужчины... С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено падением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии» [12, с. 214].

Таким образом, парная семья сменяется моногамной семьей, во главе которой встает мужчина, поэтому такой социальный союз стал называться патриархальной семьей и состоял из семейной общины, включающей 3-4 поколения близких родственников по отцу, живущих вместе и ведущих общее хозяйство. Наряду с моногамной, существовали и полигамные брачные союзы, основной причиной существования которых была диспропорция полов, проявляющаяся в существенном преобладании женщин из-за массовой гибели мужчин в войнах или иных локальных конфликтах.

Известный английский социолог Э. Гидденс называет два типа полигамии: полигиния, при которой мужчина может состоять в браке одновременно с более чем одной женщиной, и менее распространенная полиандрия, при которой жен-

щина может состоять одновременно в двух и более брачных союзах с разными мужчинами» [13, с. 156].

В современном мире полигамия продолжает официально существовать, являясь сложным вопросом, находящимся на стыке религиозных догматов.

Многоженство официально разрешено исламом, допускающим мужчине иметь до четырех жен, при условии равного и справедливого к ним отношения. Следует отметить, что в странах мусульманского мира «не все мужчины жили в полигамии, они состояли в основном в моногамном браке, многоженство же получило распространение только у представителей состоятельных классов» [14, с. 352]. Иудаизм прошел сложный исторический путь от разрешения полигамии до полного отказа и запрета. Христианство категорически запрещает полигамные браки, освятив моногамию. Разрешая многоженство, Коран в то же время не допускает полиандрию, которая с точки зрения антропологии представляется весьма редким феноменом, так как создает трудноразрешимые проблемы при идентификации детей и наследовании имущества в патриархальном обществе [15, с. 26]. По этой причине полигамию обычно рассматривают как синоним понятия многоженство.

А. Бебель писал, что «еще в Ветхом Завете основой патриархальной семьи была полигамия, которой предавались все патриархи до царя Соломона» [16, с. 19]. История отечественного государства также свидетельствует о том, что в языческом периоде до принятия христианства русские князья, в частности Владимир Святославович, состояли в полигамном браке.

В Древнем Риме существовала формула понимания брака как института особого рода, «*sui generis*», в переводе с латинского она выглядит следующим образом: брак есть союз мужчины и женщины, объединение всей их жизни, общение в божеском и человеческом праве (Fr. I Dig. XXIII).

Брак в Древней Греции считался обязательным, однако правовые последствия безбрачия в двух древнегреческих городах-полисах Афинах и Спарте имели существенные различия. Так, в Афинах безбрачие считалось нарушением религиозных традиций и могло повлечь социальное порицание, в то время как в Спарте следствием безбрачия была так называемая частичная «атимия» - утрата человеком определенных прав. Лицо, которое не состояло в браке, не могло принимать наследство по завещанию. Брак в Древней Греции – это договор [17], который заключался главой семьи, поэтому существовал брак по расчёту, в частности в среде имущих классов общества.

В древнеяпонских источниках «брак обозначался термином «фûфу» (др.-яп. «пûпу», от кит. «фû'фû» – [союз] мужа и жены). В I–III вв. н. э. (время появления первых политических образований в виде общин государств) существовала большая семья (яп. «ко» – двор), в которую входило несколько малых семей (яп. «монко»). Причем, согласно существовавшему обычаю, государственные вельможи (яп. «кунино ô-бито» – большие люди владения) имеют 4–5 жен, лишь некоторые бедные дворы (яп. «гэко») – 2–3 жены» [18, с. 56]. Полигамия в Японии на протяжении длительного времени была широко распространена у разных слоев населения. Основной формой брака господствующей в Японии с древнейших времен вплоть до XII в. был полигамный брак «цумадои». Особенностью этой формы брака было то, что супруг проживал отдельно и периодически навещал супругу. Такая форма не предполагала ведение общего совместного хозяйства. Супруга оставалась жить в доме своих родителей, там же воспитывались дети, которые принадлежали к клану матери. Мужчине было дозволено иметь несколько жен.

Особенности формирования брака как социального института в Древней Индии во многом предопределялись существовавшей длительное время вплоть до 1950 года варновой системой общества, которая формировалась как религиозно-правовая традиция и включала в себя четыре варны (брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшьи (земледельцы) и шудры (слуги)). Важнейшими памятниками брачно-семейного права Древней Индии являются религиозно-правовой трактат «Законы Ману», а также «Артхашастра Каутильи», который носил в отличие от первого более светский характер. Согласно указанным источникам в Древней Индии выделялось восемь форм браков, которые имели четкое варновое предназначение. Брак брахмы выражался в простом дарении отцом дочери; мог быть следствием заинтересованности отца в том, чтобы породниться с определенной семьей, так и зависимости от жениха или его отца. Дайва – дарение дочери жрецу, исполнившему для отца жертвенный обряд. Арша носил форму покупки невесты; в качестве выкупа указываются бык и корова или две их пары. Праджапатя предполагал женитьбу на равных условиях без каких-либо особых обязательств. Асура, подобно арше, предусматривал покупку невесты, но сумма калыма устанавливалась не обычаем, а самими договаривающимися сторонами. Гандхарва основывался на добровольном союзе женщины и мужчины и не требовал согласия родителей. Такой брак для традиционной Индии был большой редкостью. Ракшаса был похищением женихом девушки из отцовского

дома. Наконец, восьмой формой брака пайшача считалось овладение женщиной спящей, опьяненной или безумной [19, с. 13].

В раннем буддизме брак рассматривается как светское мирское дело. Обходя стороной формы, а также вопрос о том, вступать или не вступать в брак, учение Будды акцентирует внимание на этических принципах взаимодействия супругов, таких как доверие и «дающая любовь», при которых «благо другого становится важнее личного успеха» (Нидал 2019:29). В основе партнерства лежит ответственность за себя, а целью является взаимное развитие. Основным императив учения заключается в том, чтобы «дарить, делиться и быть вместе» [20, с. 11], при невозможности его реализации возможно расставание партнеров.

Определенный интерес вызывает один из брачных обрядов Средней Азии, описанный римским писателем Клавдием Элианом (ок 170–235 г. н.э): «Кто из саков хочет жениться на девушке, должен вступить с ней в борьбу. Если верх в борьбе останется за девушкой, побежденный борец становится её пленником и поступает в её полное распоряжение; только поборов девушку, может юноша взять её в свою власть» [21, с. 23].

Первые христиане жили в римской среде, в связи с чем христианство определяет неотделимость «брака-договора» от «брака-таинства». Именно христианство ввело обязательное условие брака – добровольное согласие супругов на брак, определив его как таинство и полностью лишив характера возмездной сделки [22, с. 126]. Историк права Г.Дж. Берман отметил: «как подсистема канонического права брачное право церкви опиралось отчасти на напряженность между концепцией таинства брака как добровольного союза двух людей в присутствии Бога и концепцией таинства брака как правового действия в рамках правовой структуры церкви – корпоративного образования» [23, с. 222].

В частности, в Испании до конца Средневековья институт брака находился под юрисдикцией католической церкви, соответственно, нерелигиозные браки были под запретом, а тайные браки влекли гражданскую и уголовную ответственность [22, с. 127]. Например, в Кодексе канонического права обозначаются цели брака – взаимное благо, рождение и воспитание детей, а также подчеркивается какой именно союз был возведен Христом Господом в достоинство таинства – между крещеными (Кан. 1055 — § 1) [24, с. 406]. Лишь с принятием в 1889 году Гражданского кодекса Испании идеи либерализации брачных отношений и легитимности союза между представителями различных религий получили закрепление в статье 42, согласно которой:

«Закон признает два типа брака: религиозный и гражданский брак. Канонически заключают брак, когда хотя бы одна из сторон исповедует католическую религию. Гражданский брак разрешен, когда доказано, что ни одна из сторон не исповедует католическую религию» [25, с. 17].

В некоторых государствах исламской правовой традиции исторически сложился, а у шиитов существует до настоящего времени так называемый «никах аль мут'а» - временный брак. История его появления связана с тем, что «многие мужчины участвовали в караванной торговле; они обзаводились временными женами в населенных пунктах, в которых караваны делали иногда довольно продолжительные привалы. Впоследствии временный брак был легализован» [26, с. 73]. Для действительности такого брака в брачном контракте должен быть определен срок и обязательно оговаривается вопрос о приданом, которое по окончании брака возвращается жене [27, с. 46], однако в суннитской ветви ислама такой брак запрещен.

Впервые в России понятие брака было дано в Кормчей книге: «Брак есть мужеве и жене сочетание, сбытие во всей жизни, Божественная и человеческая правды общение» [28, с. 32]. В Российской империи лица любых признанных государством вероисповеданий имели право заключать и расторгать браки по своим религиозным законам, которые почти не менялись в течение веков [29].

Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО) РСФСР 1926 года, провозглашая важнейшую роль государственной регистрации брака и называя ее единственным бесспорным доказательством его наличия, одновременно содержал положения о том, что лица, фактически состоящие в брачных отношениях, не зарегистрированные установленным порядком, вправе во всякое время оформить свои отношения путем регистрации, с указанием срока фактической совместной жизни. Такой шаг ВЦИК, возможно, был вызван массовым распространением фактических браков, и, совершенно очевидно, свидетельствовал о придании фактическим брачным отношениям юридической силы. Согласно положениям КЗоБСО 1926 г.: «Брак есть неограниченный сроком добровольный союз одного неженатого мужчины и одной незамужней женщины, сопровождающийся возникновением постоянных личных и хозяйственно-трудовых отношений в целях облегчения несения тягот семейной жизни» [30, с. 36].

В случае отсутствия государственной регистрации брака, доказательствами, подтверждающими наличие фактических брачных отношений, согласно статье 12 КЗоБСО 1926 г., являлись: факт совместного сожительства, наличие при

этом сожительстве общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, а также, в зависимости от обстоятельств, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей и проч.

В последние десятилетия люди с нетрадиционной ориентацией, представители которых на протяжении многих веков стыдились и скрывали от посторонних свои гомосексуальные особенности, настойчиво заявляют о своих правах на заключение однополых браков, которые позволили бы приобрести правовой статус аналогичный с супругами, включая право на усыновление и воспитание детей. По состоянию на 2025 год более чем в 30 странах мира однополые браки легализованы, однако более чем в 60 странах мира, в основном в странах Азии и Африки, однополые браки являются уголовно наказуемым преступлением. Согласно опросам аналитического центра ВЦИОМ, проведенного в 2021 году, 75 % населения России выступает против однополых браков.

Кроме этого, пропаганда гомосексуализма является оскорблением чувств верующих, что также нарушает права личности [31]. В этом аспекте заслуживает внимания высказывание Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, который отметил, что «в ответ на широкую международную дискуссию: мы решительно заявляем: брак – это союз мужчины и женщины, основанный на любви и взаимопонимании для рождения детей».

Резюмируя вышеизложенное, следует акцентировать внимание на некоторых весьма существенных аспектах. Нельзя отрицать очевидное, что у человека, как природного существа, существует генетическая предрасположенность к родственному отбору, ориентация на кровнородственную группу/семью [32, с. 42], а как у существа социального – стремление состоять в союзе с другими людьми.

Исторически сложились и существуют в современном мире две основные формы брака: полигамия и моногамия.

Полигамия – одна из древнейших форм брака в истории человечества, существующая в виде полигинии (многоженство) или полиандрии (многомужество).

Моногамный брак (единобрачие) – это добровольный равноправный союз мужчины и женщины, построенный на чувствах взаимной любви и уважения с целью создания семьи, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния и находящийся под защитой государства, следствием которого являются взаимные права и обязанности супругов.

Фактический брак (сожителство) – основанный на нравственных началах и образованный с целью создания семьи добровольный моногамный союз мужчины и женщины, незарегистрированный в государственных органах записи актов гражданского состояния, не находящийся под защитой государства, но в отдельных случаях им признаваемый.

Однополый брак, по своей сути, браком, который независимо от его форм на протяжении всей человеческой истории и во всех цивилизациях признавался дающий гарантию продолжения существования человечества союз между представителями разных полов, не является.

Список литературы:

- [1] Мейер Д.И. Русское гражданское право. — Издание 3 (по исправленному и дополненному 8 изданию 1902 года). — Москва: Статут, 2003. 831 с.
- [2] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2-х т. Т. 2. - М.: Статут, 2005. 462 с.
- [3] Курс семейного права / Загорский А.И. - 2-е изд., с изм. и доп. - Одесса: 1909. 564с.
- [4] Иоффе О.С. Советское гражданское право: курс лекций. Ч. III. Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право: учеб. пособие для высш. юрид. учеб. заведений. - Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 347 с.
- [5] Белякова А.М., Ворожейкин Е.М. Советское семейное право. - М.: Юридическая литература, 1974. 303 с.
- [6] Юркевич Н.Г. Советская семья: функции и условия стабильности. - Минск: Изд-во БГУ, 1970. 208 с.
- [7] Нечаева А.М. Семейное право: курс лекций. - М.: Юрист, 1998. 332 с.
- [8] Яковлева Е.А. Заключение брака как основание возникновения личных неимущественных прав супругов // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. - С. 214–220.
- [9] Миримова А. А. Объективные и субъективные факторы возникновения полигамии в обществе // Исламоведение. 2010. №4.- С. 96-106.
- [10] Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. Изд. стереотип. — М.: ЛЕНАНД, 2025. 312 с.
- [11] Файнберг Л.А. Возникновение и развитие родового строя // Первобытное общество: Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975. 288 с.
- [12] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – Партиздат ЦК ВКПб, 1937 г. 250 с.
- [13] Гидденс Э. Социология: учебник / Э. Гидденс. – 2-е изд., вып. по 4-му англ. изд., доп. и перераб. – Москва: Эдиториал УРСС, 2005.
- [14] Вагабов М.В., Вагабов Н.М. Ислам. История и современность. – Махачкала, 2002. – 416 с.
- [15] Хапчаев, С. Т. Полигамия в мусульманском праве: сравнительно-исторический анализ / С. Т. Хапчаев // Современный ученый. – 2018. – № 3. – С. 25-34.
- [16] Бебель А. Женщина и социализм. – М., 1959. – 591с.
- [17] Тумов В.В. Правовые принципы регулирования брачных отношений в обществе Древнего мира // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2008. №2 (4). – С.19–23.
- [18] Суровень Д.А. Брак в древнеяпонском праве // Российское право, 2015, № 2. – С.56-66.
- [19] Краснова М. Н. Влияние кастового строя и гендерных установок на формы брака в древней Индии // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2008. №1. С. 13-22.
- [20] Ярошенко С., Исаева В., Дивисенко К. Семья и партнерство на пути к «постоянному счастью»: трансформация гендерной идеологии в процессе религиозной конверсии в западный буддизм в России // Laboratorium. 2022. №1. С. 4-29.
- [21] Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Хрестоматия. Под ред. Л.В.Баженова. – Ташкент, 1940. 172 с.
- [22] Трофимец И.А. Генезис брачного права Испании // Сравнительно-правовые исследования, март 2019, №3 (148). – С.124-133.
- [23] Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования /Пер. с англ. – 2 изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА- М – НОРМА, 1998. – 624 с.
- [24] Кодекс канонического права. - М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.
- [25] Rives Gilabert J. M., Rives Seva A. P. Evolucion histórica del sistema matrimonial español // Noticias Juridicas. 2001. № 12. P. 12-17.
- [26] Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее Средневековье. – М., 1965. – 280с.
- [27] Рузакова, О.А. Семейное право: учебник / О.А. Рузакова. – Москва: Эксмо, 2010. – 204 с.
- [28] Семейное право: Учебник / Гонгало Б.М., Крашенинников П.В., Михеева Л.Ю., Рузакова О.А.; Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2008. – 302 с.
- [29] Синельников А.Б., Дорохина О.В. Брак и развод в России с точки зрения формальных и неформальных социальных норм // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3 – С.21-28.
- [30] Гидулянов П.В. Кодекс законов о браке, семье и опеке с постатейным комментарием. //

Под ред. П.А. Красикова. – Л., Издательство «Рабочий суд». 1927.

[31] Царапкина О.К. Однополые браки. Аргументы «за» и «против» / О.К. Царапкина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2019. — Т. 7, № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.

[32] Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. Учебное пособие/ Гавров С.Н. - М.: НИЦ МГУДТ, 2009. – 134 с.

References:

[1] Meyer D.I. Russian Civil Law. - Edition 3 (according to the revised and supplemented 8th edition of 1902). - Moscow: Statute, 2003. 831 pp.

[2] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law: in 2 vols. T. 2. - M.: Statute, 2005. 462 p.

[3] Course of family law/Zagorovsky A.I. - 2nd ed., With rev. and add. - Odessa: 1909. 564s.

[4] Ioffe O.S. Soviet civil law: a course of lectures. Part III. Legal relations related to the products of creative activity. Family law. Inheritance law: study allowance for higher. jurid. educational institutions. - Leningrad: Publishing House Leningr. University, 1965. 347 pp.

[5] Belyakova A.M., Vorozheikin E.M. Soviet family law. - M.: Legal literature, 1974. 303 pp.

[6] Yurkevich N.G. Soviet family: functions and conditions of stability. - Minsk: Publishing House of BSU, 1970. 208 pp.

[7] Nechaeva A.M. Family law: a course of lectures. - M.: Lawyer, 1998. 332 pp.

[8] Yakovleva E.A. Marriage as the basis for the emergence of personal non-property rights of spouses//Actual problems of economics and law. 2015. № 2. - S. 214-220.

[9] Mirimova A. A. Objective and subjective factors of the emergence of polygamy in society//Islamic studies. 2010. NO. 4.- S. 96-106.

[10] Semenov Yu.I. Origin of marriage and family. Ed. stereotype. - M.: LENAND, 2025. 312 s.

[11] Feinberg L.A. The emergence and development of a generic system//Primitive society: The main problems of development. M.: Science, 1975. 288 pp.

[12] Engels F. Origin of family, private property and state. - Partizdat of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1937 250 p.

[13] Giddens E. Sociology: Textbook/E. Giddens. - 2nd ed., Issue for the 4th English. ed., add. And revised. - Moscow: Editorial URSS, 2005.

[14] Vagabov M.V., Vagabov N.M. Islam. History and modernity. - Makhachkala, 2002. - 416 s.

[15] Hapchaev, S. T. Polygamy in Muslim law: a comparative historical analysis/S. T. Hapchaev//Modern scientist. – 2018. – № 3. - S. 25-34.

[16] Bebel A. Woman and socialism. - M., 1959. - 591s.

[17] Tumov V.V. Legal principles for regulating marriage relations in the society of the Ancient World//Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Right. 2008. №2 (4). - S.19-23.

[18] Severe D.A. Marriage in Old Japanese Law//Russian Law, 2015, No. 2. - S.56-66.

[19] Krasnova M.N. Influence of caste system and gender attitudes on forms of marriage in ancient India//” West-East. “ Scientific and practical yearbook. 2008. №1. S. 13-22.

[20] Yaroshenko S., Isaeva V., Divisenko K. Family and partnership on the path to “permanent happiness”: the transformation of gender ideology in the process of religious conversion to Western Buddhism in Russia//Laboratorium. 2022. №1. S. 4-29.

[21] Ancient authors on Central Asia (VI century BC - III century AD). Anthology. Ed. L.V. Bazhenov. - Tashkent, 1940. 172 pp.

[22] Trofimets I.A. Genesis of Spanish Marriage Law//Comparative Legal Studies, March 2019, No. 3 (148). - P.124-133.

[23] Berman G.J. Western Tradition of Law: Formative Era/Per. from English - 2nd ed. - M.: Publishing House of Moscow State University: Publishing group INFRA-M - NORMA, 1998. - 624 s.

[24] Code of Canon Law. - M.: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2007. 624 p.

[25] Rives Gilabert J. M., Rives Seva A. P. Evolucion histórica del sistema matrimonial español // Noticias Juridicas. 2001. № 12. R. 12-17.

[26] Belyaev E.A. Arabs, Islam and the Arab caliphate in the early Middle Ages. - M., 1965. - 280s.

[27] Ruzakova, O.A. Family law: textbook/O.A. Ruzakova. - Moscow: Eksmo, 2010. - 204 s.

[28] Family law: Textbook/Gongalo B.M., Krashennnikov P.V., Mikheeva L.Yu., Ruzakova O.A.; Ed. P.V. Krashennnikova. - M.: Statute, 2008. - 302 s.

[29] Sinelnikov A.B., Dorokhina O.V. Marriage and divorce in Russia from the point of view of formal and informal social norms//Rev. Sarat. University. New. ser. Ser. Sociology. Political science. 2015. Vol. 15, no. 3- S.21-28.

[30] Gidulyanov P.V. Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship with article-by-article commentary ./Ed. P.A. Krasikova. - L., Publishing house “Working Court.” 1927.

[31] Scratskina O.K. Same-sex marriage. Arguments “for” and “against” /O.K. Tsarapkina//Electronic scientific journal” Science. Society. State.” — 2019. - Т. 7, No. 1 [Electronic resource]. - Access mode: <http://esj.pnzgu.ru>.

[32] Gavrov S.N. Historical change of family and marriage institutions. Textbook/Gavrov S.N. - M.: SIC MGUDT, 2009. - 134 s.

ЦЕЛОВАЛЬНИКОВА Ирина Юрьевна,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М.Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Москва, Россия,
e-mail: youlaw@rambler.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Объектом исследования в рамках данной статьи являются особенности отношений, возникающих в сфере семейного права в условиях цифровизации. Предметом исследования являются родительские обязанности и специфика их реализации с учетом развития технологий, распространения гаджетов, доступности интернет ресурсов и нежелательного (негативного) контента, а также возможности со стороны государства в урегулировании этих отношений.

В процессе подготовки настоящей статьи и проведения исследования, автором использовались следующие подходы и методы исследования: эмпирические, теоретические, общелогические методы и специальные юридические методы. В рамках общенаучного метода были использованы диалектический и исторический материализм, формальная логика, системный анализ и моделирование.

Рассматриваются такие аспекты как развитие технологий и их влияние формирование когнитивных и психоэмоциональных состояний несовершеннолетних. Представлено исследование особенностей регулирования практики управления и использования гаджетов и интернет ресурсов несовершеннолетними в зарубежных правовых порядках.

Основными выводами автора являются выводы о необходимости нормативного закрепления порядка управления и использования гаджетов, а также интернет ресурсов несовершеннолетними по аналогии с практикой в азиатских и европейских странах. Вкладом автора в исследование являются предложения по введению нормативного ограничения доступа несовершеннолетних при использовании гаджетов и интернет ресурсов с целью полноценного обеспечения государственной защиты семьи, материнства и детства гарантированных Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: использование гаджетов, интернет ресурсы, нежелательный контент, государственная защита детства, реализация родительских обязанностей.

TSELOVALNIKOVA Irina Yu.,
Russian state university of justice named after V.M. Lebedev,
PhD in Law, associate professor, Moscow, Russia

CURRENT ISSUES OF FAMILY LAW IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. This article examines the specifics of relationships arising in the field of family law in the context of digitalization. It examines parental responsibilities and the specifics of their implementation, taking into account technological developments, the proliferation of gadgets, and the availability of internet resources and negative content, as well as the state's ability to regulate these relationships.

In preparing this article and conducting the research, the author utilized the following approaches and methods: empirical, theoretical, general logical, and specialized legal methods. The general scientific method utilized dialectical and historical materialism, formal logic, systems analysis, and modeling.

Aspects such as technological development and their impact on the development of the cognitive and psycho-emotional states of minors are considered. A study of the regulatory aspects of the management and use of gadgets and internet resources by minors in foreign legal systems is presented.

The author's main conclusions highlight the need for regulatory guidance on the use of gadgets and

internet resources by minors, similar to practices in Asian and European countries. The author's contribution to the study is proposals for regulatory restrictions on minors' access to gadgets and internet resources in order to fully ensure state protection of family, motherhood, and childhood guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Key words: *use of gadgets, Internet resources, inappropriate content, state protection of children, implementation of parental responsibilities.*

Большое начинается с малого «sic parvis magna»! И в основе любого государства – семья как ячейка общества в которой растет и формируется будущее поколение развивая навыки познания окружающего мира, коммуникаций и защиты своих прав. Полноценное и всестороннее развитие личности и защита прав и законных интересов в сфере семейных правоотношений это одна из государственных функций по формированию «здоровой личности» и как результат «здорового общества». В связи с этим конституционные основы в сфере семейного права направлены на обеспечение гарантий государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства (часть 2 статьи 7 Конституции РФ [5]) и государственной защиты семьи, материнства и детства (часть 1 статьи 38 Конституции РФ [5]).

Постоянное развитие общества и технологий формирует среду в которой живем мы все, а также растут и развиваются наши дети. Как было отмечено в работах ранее: «начало 20-го века ознаменовано бурным развитием технологий, появлением огромного количества устройств, призванных облегчить и разнообразить жизнь человека, и даже формированием новых фобий – «гаджето-зависимость». При этом, традиционно мы исходим из того, что экономические правоотношения являются «базисом», а право, в рамках своей социальной функции, представляет собой «надстройку», призванную упорядочить возникающие общественные отношения.» [2].

При этом, семейные отношения не однородны по своей природе и опосредуют формирование взаимных прав и обязанностей субъектов этих отношений. Центральной звеном в этой системе субъективных прав и обязанностей являются права и обязанности родителей по воспитанию, контролю и надзору за поведением своих несовершеннолетних детей, в том числе и по вопросам применения положений статьи 5 Федерального закона от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [5] об информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей и (или), так называемый, нежелательный (или негативный) контент. При этом, в соответствии со статьей 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации» [5] в целях ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет создана и ведется единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». Однако, указанные нормативно-правовые акты не обеспечивают полноценной защиты несовершеннолетних от нежелательного контента при использовании гаджетов и в интернет ресурсов.

В научной литературе указывается, что «основой родительских прав является воспитание. Воспитать – значит привить, внушить что-нибудь, обучив правилам поведения, «...путем систематического воздействия, <...> сформировать чей-нибудь характер», в том числе вырастить, «дать образование». Из определения процесса воспитания следует, что его неотъемлемой частью является забота о ребенке, о его физическом и психическом, духовном, нравственном развитии. Эти составляющие заботы родителей включаются в содержание понятия «родительские права», но не исчерпывают его в полном объеме. Не все совершаемые родителем действия являются юридически значимыми. Под воспитанием в правовом смысле следует понимать совокупность фактических и юридически значимых действий, совершаемых родителем, в меру возможного и допустимого поведения, гарантированного со стороны государства.» [1].

С этим связано и введение в действующее гражданское законодательство специального деликта. Вместе с тем, с учетом стремительности развития технологий и естественного интереса несовершеннолетних ко всему новому и неизвестному для них, родителям все сложнее осуществлять контроль за детьми при использовании гаджетов и интернет ресурсов 24 часа в сутки и семь дней в неделю.

Широкое распространение получила система мер связанных с реализацией программных функций «родительский контроль» - данная система набора инструментов и настроек призвана помочь родителям в обеспечении управления и контроля за использованием гаджетов и интернета несовершеннолетними и формированием «здоровых цифровых привычек» [3].

Однако, существенным недостатком этой системы в нашем государстве является ее необязательность и отсутствие специального правового регулирования. На сегодняшний день ее реализация связана с инициативой самих родителей в отношении своих несовершеннолетних детей, однако изъяны этого положения заключаются в том, что не все родители обладают необходимыми навыками «цифровой грамотности» в этом вопросе и не все родители обладают необходимой осознанностью и ответственностью при реализации своих родительских обязанностей в отношении несовершеннолетних, кроме того, и фактически постоянно находится рядом с несовершеннолетними родители не могут, в том числе, и в силу ряда объективных причин, например, работа родителей и нахождение несовершеннолетнего в воспитательных и (или) образовательных учреждениях. Таким образом, введение обязательной системы, направленной на ограничение доступа и использование нежелательного контента несовершеннолетними, имеет целью решения государственных задач по обеспечению защиты их прав, защиты семьи и традиционных ценностей, имеющих фундаментальные основы для развития любого общества.

Примеры реализации данных практик не новы, они активно используются в азиатских и европейских государствах в последнее десятилетие. Но в отличие от нашего государства зарубежные правовые порядки идут по пути формирования специального правового регулирования исследуемых отношений. Например, подход к формированию и реализации системы родительского контроля в Китае основан на поддержке со стороны государства и внедрении системы мер, направленных на защиту детей от вредного контента, снижения риска интернет-зависимости и обеспечения баланса когнитивной и психоэмоциональной нагрузки. И это не только про настройки на телефоне, а целая система, где государство задаёт правила, а технологии помогают их реализовать. В том числе формируя требования к производителям (встроенный детский контент), обязанности платформ (адаптация контента под возрастную категорию пользователя и внедрение механизмов фильтрации), законодательные инициативы (введение «комендантского часа» – запрета на доступ к интернету с мобильных устройств с 22:00 до 6:00, при этом образовательный контент и вызов экстренных служб без ограничений), контроль в конкретных сферах (для онлайн-игр ввели особые правила: например, ограничение времени (три часа в неделю в выходные и праздники) и систему распознавания лиц, чтобы подростки не могли обойти запрет, используя чужие данные. Также ограничили

траты несовершеннолетних в игровых приложениях) [4]. Аналогичные меры и законодательные инициативы реализуются на государственном уровне и в ряде европейских государств.

Как представляется, подобная система мер могла бы быть реализована и в нашем государстве в рамках нормотворчества, а не только отдельной инициативы «продвинутых родителей», тем более, что указанные выше меры вполне укладываются и в установленные Конституцией Российской Федерации гарантии. При этом, в основе формирования системы специального правового регулирования должна быть заложена основная задача государства – создание условий для формирования и развития гармоничной личности. Кроме того, и введение «детского аккаунта» и формирование контента в зависимости от возраста (и, например, школьной программы) это технические возможности, связанные с настройкой алгоритмов и встраиваемости их в систему работы агрегаторов или настроек самих гаджетов. И в данном случае цифровые технологии предоставляют нам возможности которые могут быть направлены на решение социально-значимых задач государства.

Конечно, нормативно закреплённая обязательность реализации системы «родительского контроля» не решит проблемы халатного (и не только ...) отношения родителей к своим родительским обязанностям, которое, к сожалению, присутствует в нашей жизни, но в данном случае государство призвано обеспечить защиту прав несовершеннолетних в рамках государственных гарантий защиты семьи, материнства и детства (часть 1 статьи 38 Конституции РФ) и введение этой системы позволит обеспечить защиту права несовершеннолетних уже непосредственно со стороны государства.

Введение этой системы не решит всех вопросов и не исключит возможности «обхода» установленных ограничений, но она введёт обязательность этой процедуры для всех семей и в отношении всех несовершеннолетних, а так же даст направление развитию технологий (в том числе по совершенствованию методов идентификации) в обеспечении конституционных гарантий защиты материнства и детства реализованных в конкретных принятых нормативно-правовых актах, что будет являться дополнительной гарантией их исполнения, кроме того для обеспечения реализации этой функции может быть задействован ресурс административного права.

Ввиду указанного актуальность приобретает вопрос о социальном направлении развития правового регулирования в условиях цифровизации, его тенденции и перспективы. В связи с этим, особое внимание должно быть обращено к не

только к детальному правовому регулированию ограничения доступа несовершеннолетних к нежелательному контенту (посредством гаджетов и интернет ресурсов), но и закреплению конституционных начал и гарантий в сфере защиты материнства и детства.

Список литературы:

[1] Ульянова М. В. Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей в структуре семейного правоотношения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 1(63). С. 112–133.

[2] Целовальникова И.Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей // Современный юрист. 2020. № 3 (32). С. 121–130.

[3] Сайт: <https://sbermobile.ru/about/blog/roditelskij-kontrol-chto-eto-i-kak-rabotaet.html> (дата обращения 15.06.2026г).

[4] Сайт: <https://www.ntv.ru/novosti/2600366/>; <https://rg.ru/2023/08/06/inspektor-gadzhnet.html> и др. (дата обращения 15.06.2026г).

[5] СПС Консультант Плюс.

References:

[1] Ulyanova M.V. Exercise of family rights and fulfillment of duties in the structure of family legal status//Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2024. No. 1(63). С. 112–133.

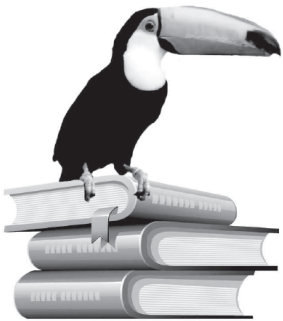
[2] Tselovalnikova I.Yu. Legal regulation of the provision of services using investment platforms and consumer protection//Modern lawyer. 2020. № 3 (32). S. 121–130.

[3] Сайт: <https://sbermobile.ru/about/blog/roditelskij-kontrol-chto-eto-i-kak-rabotaet.html> (дата обращения 15.06.2026г).

[4] Site: <https://www.ntv.ru/novosti/2600366/>; <https://rg.ru/2023/08/06/inspektor-gadzhnet.html>, etc. (accessed 15.06.2026).

[5] ATP ConsultantPlus.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-175-180

УМАНСКАЯ Виктория Петровна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор департамента публичного права НИУ ВШЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭВОЛЮЦИЯ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется развитие принципов конституционного права в практике Конституционного Суда Российской Федерации через призму аксиологического подхода. Анализируются особенности интерпретации Судом принципов правового государства, разделения властей, федерализма, социального государства, народовластия и непосредственной демократии. Показано, что Конституционный Суд не ограничивается формально-юридическим толкованием конституционных норм, а раскрывает их ценностное содержание, обеспечивая баланс между стабильностью конституционного строя и необходимостью его адаптации к современным вызовам. Особое внимание уделено роли судебной доктрины в формировании доверия граждан к государству, обеспечении правовой определенности, поддержании институционального равновесия публичной власти и развитии социальной справедливости.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, принципы конституционного права, конституционные ценности, правовое государство, разделение властей, федерализм, социальное государство, народовластие, непосредственная демократия, конституционное правосудие, судебная интерпретация, конституционализм.

UMANSKAYA Viktoriya Petrovna,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the School of Public Law,
National Research University Higher School of Economics

EVOLUTION AND AXIOLOGICAL CONTENT OF CONSTITUTIONAL LAW PRINCIPLES IN THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article examines the development of constitutional law principles in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation through the lens of the axiological approach. The study analyzes the Court's interpretation of the principles of the rule of law, separation of powers, federalism, the social state, popular sovereignty, and direct democracy. It is demonstrated that the Constitutional Court does not confine itself to a formal legal interpretation of constitutional provisions but reveals their value-based content, ensuring a balance between the stability of the constitutional order and the need to adapt it to contemporary challenges. Particular attention is paid to the role of constitutional adjudication in fostering public trust in the state, ensuring legal certainty, maintaining institutional equilibrium within public authority, and promoting social justice.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, principles of constitutional law, constitutional values, rule of law, separation of powers, federalism, social state, popular sovereignty, direct democracy, constitutional justice, judicial interpretation, constitutionalism.

В современной конституционно-правовой науке принципы конституционного права рассматриваются не только как исходные нормативные положения, определяющие содержание отрасли, но и как концентрированное выражение фундаментальных ценностей конституционного строя. Особую роль в раскрытии содержания этих принципов играет практика Конституционного Суда Российской Федерации, которая фактически стала самостоятельным фактором их развития и конкретизации. Конституционный Суд не ограничивается буквальным толкованием конституционных норм, а формирует их ценностное измерение, адаптируя конституционные предписания к изменяющимся общественным отношениям и современным вызовам.

В этой связи представляется обоснованным рассматривать деятельность Конституционного Суда РФ как важнейший фактор эволюции принципов конституционного права. Именно в его правовых позициях происходит раскрытие внутреннего содержания конституционных ценностей, определяются пределы усмотрения законодателя и органов публичной власти, обеспечивается баланс между стабильностью конституционного строя и необходимостью его динамичного развития.

Конституционные принципы выступают своеобразным «каркасом» всей правовой системы государства. Они определяют направленность правотворческой деятельности, служат критерием оценки конституционности нормативных правовых актов и ориентиром правоприменительной практики. Вместе с тем их значение выходит за пределы сугубо юридического регулирования. Конституционные принципы не только регулируют поведение субъектов права, но и легитимируют весь правопорядок, задавая ориентиры для законодательной, исполнительной и судебной власти, а также формируя правосознание граждан.

Оценивая значение конституционных принципов, О.Е. Кутафин отмечал, что именно они обеспечивают преемственность отечественного конституционного развития и отражают сущность российского конституционализма как системы идей и институтов, основанных на признании человека, его прав и свобод высшей ценностью [6, с. 56-64]. В свою очередь, В.Е. Чиркин обращал внимание на то, что конституционные принципы являются универсальным инструментом согласования публичных и частных интересов, а сравнительно-правовой анализ свидетельствует о возрастающей роли конституционной юстиции в их содержательном развитии [13, с. 58-67].

Существенное значение для понимания природы конституционных принципов имеют достижения отечественной конституционно-пра-

вовой доктрины. В российской юридической науке утвердился подход, согласно которому принципы конституционного права представляют собой не только нормативные предписания высшей степени обобщенности, но и концентрированное выражение базовых ценностей общества и государства. Они отражают достигнутый уровень конституционного развития и одновременно задают направление дальнейшей эволюции правовой системы.

Так, С.А. Авакьян отмечает, что конституционные принципы выступают фундаментальными началами организации государства и общества, пронизывают содержание всех институтов конституционного права и обеспечивают внутреннее единство Конституции как акта высшей юридической силы. По мнению ученого, именно через принципы раскрывается подлинный смысл конституционных предписаний, а их игнорирование неизбежно ведет к деформации конституционного строя и снижению эффективности правового регулирования [1, с. 152-159].

Развивая аксиологический подход к пониманию Конституции, Н.С. Бондарь подчеркивает, что современное конституционное правосудие не может ограничиваться исключительно формально-юридическим толкованием текста Основного Закона. Конституционный Суд, осуществляя защиту Конституции, одновременно выступает хранителем закрепленных в ней ценностей, обеспечивая согласование публичных и частных интересов, а также реализацию принципов справедливости, свободы и достоинства личности. В этой связи Конституционный Суд РФ рассматривается как важнейший институт конституционализации правовой системы [2, с. 44-52, 84-92].

Схожей позиции придерживается В.Д. Зорькин, указывающий, что конституционные принципы представляют собой нормативное выражение правовых идеалов общества и выполняют функцию своеобразного моста между позитивным правом и требованиями справедливости. Именно обращение к конституционным принципам позволяет преодолевать пробелы законодательства, устранять внутренние противоречия правового регулирования и обеспечивать устойчивость государственного развития в условиях социальных трансформаций [3, с. 25-33, 67-74].

Особое место в системе конституционных принципов занимает принцип правового государства, закрепленный в статье 1 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой Российская Федерация провозглашается демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления [5] (Конституция Российской Федерации). В практике Конституционного Суда РФ данный принцип получил статус одного из системообразующих

начал российского конституционализма. Суд неоднократно подчеркивал, что принцип правового государства пронизывает всю систему действующего права и выступает критерием оценки деятельности публичной власти. В практике Конституционного Суда РФ он получил статус одного из системообразующих начал российского конституционализма. Суд неоднократно подчеркивал, что принцип правового государства пронизывает всю систему действующего права и выступает критерием оценки деятельности публичной власти.

Так, в Постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П Конституционный Суд РФ указал, что конституционная законность предполагает верховенство Конституции как акта высшей юридической силы и обязательность ее предписаний для всех органов публичной власти, исключая произвольное ограничение прав и свобод граждан [4] (Постановление КС РФ от 16.06.1998 № 19-П).

Аксиологическое содержание принципа правового государства включает ценности верховенства права, защиты личности от произвола, юридического равенства, предсказуемости правового регулирования и доверия граждан к государству. Последняя составляющая получила особое развитие в практике Конституционного Суда РФ.

В Постановлении от 24 мая 2001 г. № 8-П Суд сформулировал принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, указав, что изменение законодательства не должно носить произвольный характер и ухудшать правовое положение лиц без достаточных конституционно значимых оснований [5] (Постановление КС РФ от 24.05.2001 № 8-П). Впоследствии данная правовая позиция неоднократно воспроизводилась применительно к пенсионному обеспечению, налогообложению, социальной защите и иным сферам публичного регулирования.

Не менее значимым является принцип разделения властей, закрепленный в статье 10 Конституции РФ. Его традиционное понимание связано с институциональным распределением полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Однако практика Конституционного Суда позволила раскрыть его более глубокое ценностное содержание.

В Постановлении от 18 января 1996 г. № 2-П Суд отметил, что принцип разделения властей предполагает самостоятельность каждой ветви государственной власти и исключает возможность подмены одной ветви власти другой [7]. Данный принцип направлен на предотвращение концентрации власти в одних руках и служит важнейшей гарантией политической свободы личности.

Аксиологически разделение властей воплощает идею институционального баланса, взаимного контроля и ответственности органов публичной власти. Его назначение заключается не только в организационном построении государственного механизма, но и в обеспечении демократического характера осуществления власти.

Особое развитие в практике Конституционного Суда получил принцип федерализма. Согласно статье 5 Конституции РФ Российская Федерация состоит из равноправных субъектов, обладающих собственной компетенцией и участвующих в осуществлении государственной власти.

В Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П Конституционный Суд подчеркнул, что федерализм основывается на сочетании государственного единства и самостоятельности субъектов Федерации, а также на признании их равноправия как важнейшей конституционной ценности [11]. Суд указал на недопустимость создания необоснованных преимуществ либо ограничений для отдельных субъектов Российской Федерации.

Тем самым принцип федерализма раскрывается как выражение идеи единства в многообразии. Его ценностное содержание включает уважение региональной специфики, обеспечение территориальной целостности государства, учет интересов населения различных территорий и поиск оптимального баланса между централизацией и децентрализацией публичной власти.

Существенное значение в современной практике Конституционного Суда имеет принцип социального государства, закрепленный в части 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации, согласно которой политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [5]. В отличие от классической либеральной модели государства, социальное государство предполагает активное участие публичной власти в обеспечении достойного уровня жизни граждан и поддержании социальной справедливости. В отличие от классической либеральной модели государства, социальное государство предполагает активное участие публичной власти в обеспечении достойного уровня жизни граждан и поддержании социальной справедливости.

В Постановлении от 16 декабря 1997 г. № 20-П Конституционный Суд указал, что провозглашение Российской Федерации социальным государством означает возложение на него обязанности проводить такую социальную политику, которая направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [8].

В дальнейшем Суд неоднократно подчеркивал, что принцип социального государства пред-

полагает необходимость оказания поддержки наиболее уязвимым категориям населения, соблюдения разумного баланса между финансовыми возможностями государства и объемом социальных гарантий, а также недопустимость произвольного отказа от ранее принятых социальных обязательств.

Таким образом, аксиологическое содержание данного принципа включает ценности социальной солидарности, взаимной ответственности государства и общества, защиты слабых и обеспечения реального равенства возможностей.

Неотъемлемой частью современного конституционализма выступают принципы народовластия и непосредственной демократии. Согласно статье 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, осуществляющий свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [5]. Неотъемлемой частью современного конституционализма выступают принципы народовластия и непосредственной демократии, обеспечивающие легитимность публичной власти и участие граждан в управлении делами государства.

Конституционный Суд неоднократно обращался к раскрытию содержания данного принципа. В Постановлении от 10 июня 1998 г. № 17-П Суд отметил, что участие граждан в формировании органов публичной власти представляет собой необходимое условие легитимности демократического государства [9].

Принципы народовластия и непосредственной демократии выражают ценности политического участия, гражданской ответственности и вовлеченности населения в решение вопросов государственного и местного значения. В условиях цифровой трансформации общества данные принципы приобретают новое содержание. Развитие электронного голосования, цифровых платформ общественного обсуждения и иных форм участия граждан требует поиска баланса между технологическими возможностями и соблюдением конституционных гарантий свободного волеизъявления.

Представляется, что именно синтез доктринального и судебного-интерпретационного подходов обусловил современное понимание принципов конституционного права. Конституционный Суд РФ, опираясь на научные разработки и одновременно развивая их в своих правовых позициях, сформировал практику «живой Конституции», в рамках которой неизменность конституционных ценностей сочетается с изменчивостью форм их реализации.

Данная идея соотносится с позицией В.Д. Зорькина, согласно которой устойчивость правовой системы определяется не сохранением неизменных юридических конструкций, а способностью права обеспечивать преемственность базовых ценностей в условиях общественных преобразований [4, с. 39-47]. В этом контексте правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации выступают механизмом адаптации конституционных принципов к новым социальным реалиям без утраты их аксиологического содержания.

Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что развитие принципов конституционного права осуществляется преимущественно посредством их аксиологической конкретизации. Суд не создает новые конституционные принципы, однако раскрывает их внутренний потенциал, выявляет их взаимосвязь и адаптирует конституционные положения к изменяющимся общественным условиям.

Правовые позиции Конституционного Суда свидетельствуют о постепенном переходе от формально-догматического понимания конституционных принципов к их восприятию в качестве нормативно выраженных ценностей. Благодаря этому обеспечивается единство конституционного пространства, укрепляется доверие к государству и повышается эффективность защиты прав и свобод человека.

Таким образом, развитие принципов конституционного права в практике Конституционного Суда Российской Федерации представляет собой сложный процесс взаимодействия конституционного текста, судебной интерпретации и научной доктрины. Правовые позиции Суда не только обеспечивают непосредственное действие Конституции, но и способствуют формированию современной конституционной идентичности России, основанной на признании достоинства личности, верховенства права, демократии, федерализма и социальной справедливости. Именно через интерпретационную деятельность Конституционного Суда принципы конституционного права приобретают современное содержание, позволяющее им сохранять устойчивость и одновременно отвечать на вызовы времени.

Список литературы:

- [1] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 864 с.
- [2] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 544 с.
- [3] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма, 2019. 448 с.

[4] Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. 2-е изд. М.: Норма, 2016. 416 с.

[5] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 22.05.2026).

[6] Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 542 с.

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 янв. 1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 4. Ст. 409.

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 дек. 1997 г. № 20-П «о делу о проверке конституционности положения абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года «О занятости населения в Российской Федерации» в редакции от 20 апреля 1996 года» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 51. Ст. 5878.

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П «Постановление Конституционного Суда РФ от 10.06.1998 N 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3002.

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

[11] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

[12] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П «Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 N 8-П «По делу о проверке конститу-

ционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой»» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 22. Ст. 2276.

[13] Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 448 с.

References:

[1] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 volumes. Vol. 1. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 864 p.

[2] Bondar N.S. Judicial Constitutionalism in Russia in Light of Constitutional Justice. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. 544 p.

[3] Zorkin V.D. Constitutional and Legal Development of Russia. Moscow: Norma, 2019. 448 p.

[4] Zorkin V.D. Civilization of Law and Development of Russia: A Monograph. 2nd ed. Moscow: Norma, 2016. 416 p.

[5] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 2018. 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (date of access: May 22, 2026).

[6] Kutafin O.E. Russian constitutionalism. Moscow: Norma, 2008. 542 p.

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 18, 1996, No. 2-P “On the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of the Charter (Basic Law) of Altai Krai” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 4. Art. 409.

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 16 ... 1997 No. 20-P “On the case of verifying the constitutionality of the provision of paragraph six of clause 1 of Article 28 of the Law of the Russian Federation of April 19, 1991 “On Employment of the Population in the Russian Federation” as amended on April 20, 1996” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 51. Art. 5878.

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 10, 1998 No. 17-P “Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 10, 1998 No. 17-P “On the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 6 of Article 4, subparagraph “a” of paragraph 3 and paragraph 4 of Article 13, paragraph 3 of Article 19 and paragraph 2 of Article 58 of the Federal Law of September 19, 1997 “On the Basic Guar-

antees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 25. Art. 3002.

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 1998 No. 19-P “On the case of the interpretation of certain provisions of Articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 25. Article 3004.

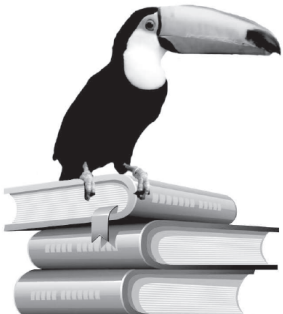
[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2000 No. 10-P “On the case of reviewing the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law “On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the

Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 25. Article 2728.

[12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 24, 2001 No. 8-P “Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 24, 2001 No. 8-P “On the case of reviewing the constitutionality of the provisions of Part One of Article 1 and Article 2 of the Federal Law “On Housing Subsidies for Citizens Leaving the Regions of the Far North and “localities equivalent to them” in connection with the complaints of citizens A.S. Stakh and G.I. Khvalova” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 22. Article 2276.

[13] Chirkin V.E. Constitutional Law: Russia and Foreign Experience. Moscow: Norma: INFRA-M, 2018. 448 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АЛТЫННИКОВА Лиля Игоревна,
судья Лефортовского районного суда города Москвы,
судья 6 квалификационного класса, преподаватель кафедры
уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук,
e-mail: l.altynnikova@mail.ru

СРОКИ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой регламентации сроков апелляционного обжалования приговоров и иных судебных решений в российском уголовном процессе и практической деятельности судов и иных участников уголовного судопроизводства по соблюдению и восстановлению указанных сроков. В частности, автором проведен анализ судебной практики в целях установления того, какие причины пропуска срока апелляционного обжалования признаются судами уважительными, а какие причины таковыми, по мнению судов, не являются. На основании проведенного исследования автором предложена классификация как уважительных, так и неуважительных причин пропуска срока апелляционного обжалования судебных решений по уголовным делам. Кроме того, автором обосновывается вывод о том, что уголовно-процессуальным законом не урегулирован вопрос об оспаривании участниками уголовного судопроизводства, а также иными заинтересованными лицами решения суда о восстановлении срока апелляционного обжалования, однако возможность такого обжалования обусловлена состязательным характером уголовного судопроизводства и равенством прав сторон.

Ключевые слова: апелляционное производство по уголовным делам, сроки апелляционного обжалования, сроки подачи апелляционной жалобы, сроки подачи апелляционного представления, восстановление сроков апелляционного обжалования.

ALTYNNIKOVA Lilya Igorevna,
Judge of the Lefortovo District Court of Moscow,
judge of the 6th qualification class,
Lecturer at the Department of Criminal
Procedure Law named after P.A. Lupinskaya University
named after O.E. Kutafina (MSAL),
Candidate of Legal Sciences

TIME LIMITS FOR APPEALING COURT DECISIONS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Annotation. The article is devoted to the analysis of the legal regulation of the time limits for appealing sentences and other judicial decisions in Russian criminal proceedings and the practical activities of courts and other participants in criminal proceedings to comply with and restore these time limits. In particular, the author conducted an analysis of judicial practice in order to establish which reasons for missing the deadline for filing an appeal are recognized by the courts as valid, and which reasons, in the opinion of the courts, are not. Based on the conducted research, the author proposed a classification of both valid and invalid reasons for missing the deadline for filing an appeal against court decisions in criminal cases. In addition, the author

substantiates the conclusion that the criminal procedure law does not regulate the issue of challenging the court decision on reinstatement of the period for filing an appeal by participants in criminal proceedings, as well as other interested persons, but the possibility of such an appeal is due to the adversarial nature of criminal proceedings and the equality of rights of the parties.

Key words: *appeal proceedings in criminal cases, time limits for appeal, time limits for filing an appeal, time limits for filing an appeal submission, restoration of the time limits for filing an appeal.*

Установление срока апелляционного обжалования направлено на обеспечение права быть судимым без неоправданной задержки и в разумный срок (пп. «с» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [4], п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5], ч. 1 ст. 6 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека [6], ст. 6.1 УПК РФ).

В неразрывной процессуальной взаимосвязи со сроком апелляционного обжалования находится не только вступление приговора, определения и постановления суда в законную силу, но и обращение их к исполнению.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает общий и специальный сроки апелляционного обжалования приговоров и иных судебных решений, исчисление которых производится в порядке, установленном ст. 128 УПК РФ.

Наличие законодательно закрепленного срока, в пределах которого заинтересованные лица должны принять решение, обращаться ли в суд второй инстанции, – с учетом возможности его восстановления при установлении судом уважительных причин его пропуска – в системе уголовно-процессуального законодательства не может расцениваться как препятствие для реализации ими права на обжалование судебного акта [7].

Общий срок подачи апелляционной жалобы, представления составляет 15 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда, а для осужденного, содержащегося под стражей, – тот же срок со дня вручения ему копий приговора, определения, постановления (ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ).

Отметим, что Европейским Судом по правам человека десятидневный срок, ранее установленный для подачи жалобы на приговор суда, был признан коротким, но не настолько, чтобы можно было считать, что в результате такого ограничения в сроках подачи жалобы заявители лишаются возможности с пользой прибегнуть к обжалованию приговора как процессуальному средству защиты своих интересов [8].

Вместе с тем, некоторые современные ученые-процессуалисты полагают необходимым увеличить сроки апелляционного обжалования приговоров или иных судебных решений до 1 месяца со дня постановления приговора или вынесения

иного решения суда, а постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом — до 15 суток со дня его вынесения [2].

Начало течения срока апелляционного обжалования со дня вручения копий приговора или иного решения суда распространяется не только на осужденных, содержащихся под стражей, но и на осужденных, которые не присутствовали на провозглашении приговора, а затем скрылись и были объявлены в розыск [9], либо были осуждены по другому уголовному делу [10].

Для других участников уголовного судопроизводства (в частности, государственного обвинителя [11]; представителя потерпевшего, гражданского истца [12]; адвоката [13]) пятнадцатидневный срок апелляционного обжалования начинается исчисляться со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда независимо от даты вручения судебного решения.

Верховным Судом Российской Федерации обращено внимание на возможность неполучения сторонами необходимой для подготовки апелляционной жалобы информации об основаниях принятых решений, а также о положенных в их основу доказательствах и мотивах при оглашении в судебном заседании только вводной и резолютивной части приговора на основании ч. 7 ст. 241 УПК РФ. Указанная информация становится доступной для сторон только при вручении им копии приговора или предоставлении иной возможности ознакомиться с полным текстом приговора. В результате до ознакомления с полным текстом приговора стороны лишаются возможности подготовить апелляционные жалобы, представление согласно требованиям, сформулированным в ст. 389.6 УПК РФ, в силу которой апелляционные жалоба, представление должны, в частности, содержать доводы с указанием оснований, предусмотренных ст. 389.15 УПК РФ. Несоответствие же апелляционных жалобы, представления предъявляемым требованиям препятствует рассмотрению уголовного дела и влечет возвращение судьей жалобы, представления подавшему их лицу [14].

По смыслу ч. 4 ст. 389.8 УПК РФ дополнительное представление прокурора, поданное после истечения установленного ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ срока апелляционного обжалования, подлежит рассмотрению в случае, если в нем не

ставится вопрос об ухудшении положения лица, в отношении которого подавалось первоначальное представление [15].

Специальный срок подачи апелляционной жалобы, представления составляет 3 суток со дня вынесения постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, домашнего ареста, продлении срока их действия или об отказе в этом (ч. 11 ст. 108, ч. 3 ст. 107, ч. 8 ст. 109 УПК РФ). Сокращение срока обжалования указанных постановлений обусловлено тем, что данные меры пресечения связаны с ограничением свободы и личной неприкосновенности.

Исходя из положений ч. 4 ст. 255 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 3 ст. 107 УПК РФ и ч. 11 ст. 108 УПК РФ сокращенные сроки подачи и рассмотрения апелляционных жалобы и представления на решения об избрании указанных мер пресечения и о продлении срока их действия распространяются и на случаи, когда они приняты после поступления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу. С учетом этого в случае принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, о продлении срока действия данных мер пресечения или об отказе в этом после поступления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу в постановлении (определении) необходимо указывать, что срок апелляционного обжалования такого решения составляет 3 суток со дня его вынесения [16].

Часть 2 ст. 389.4 УПК РФ предусматривает запрет на истребование уголовного дела из суда в течение срока, установленного для обжалования судебного решения. Приведенное положение направлено как на обеспечение сторонам возможности ознакомления с материалами уголовного дела, так и на предоставление суду первой инстанции возможности совершить необходимые процессуальные действия по назначению и подготовке заседания суда апелляционной инстанции.

Последствием подачи апелляционной жалобы, представления с пропуском срока является оставление их без рассмотрения (ч. 3 ст. 389.4 УПК РФ). Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность восстановления срока апелляционного обжалования (ст.ст. 129, 389.5 УПК РФ).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации возможность восстановления пропущенного по уважительной причине срока обжалования судебного решения не влечет отступления от принципа равенства перед законом и судом и не может расцениваться как нарушающее конституционные права [17].

Так, в случае пропуска срока апелляционного обжалования по уважительной причине лица, имеющие право подать апелляционные жалобу, представление, могут ходатайствовать перед судом, постановившим приговор или вынесшим иное обжалуемое решение, о восстановлении пропущенного срока (ч. 1 ст. 389.5 УПК РФ). Срок для подачи ходатайства о восстановлении пропущенного срока апелляционного обжалования законом не ограничен.

Ходатайство о восстановлении срока рассматривается судьей, председательствовавшим в судебном заседании по уголовному делу, или другим судьей (ч. 1 ст. 389.5 УПК РФ). При этом ст. 389.5 УПК РФ не предусматривает обязательного проведения судебного заседания по вопросу восстановления срока апелляционного обжалования с участием лица, ходатайствующего о восстановлении срока обжалования [18]. Последствием направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции с нерассмотренным ходатайством о восстановлении срока обжалования является снятие уголовного дела с рассмотрения и возвращение в суд первой инстанции для разрешения ходатайства по существу.

По результатам рассмотрения ходатайства судом выносится одно из следующих постановлений:

- об удовлетворении ходатайства и о восстановлении срока апелляционного обжалования в случае его пропуска по уважительной причине (ч. 1 ст. 130 УПК РФ);
- об отказе в восстановлении пропущенного срока, которое может быть обжаловано в порядке, установленном УПК РФ (ч. 1 ст. 130, ч. 2 ст. 389.5 УПК РФ).

УПК РФ не содержит перечень уважительных причин пропуска срока апелляционного обжалования, оставляя признание причины пропуска срока уважительной на усмотрение суда.

Участник уголовного судопроизводства, пропустивший срок обжалования, должен представить суду убедительные причины пропуска им данного срока, оценка уважительности или неуважительности которых относится к компетенции суда и не определяется позицией другой стороны [19].

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что уважительными причинами признаются те, которые препятствовали исполнению процессуального действия или исключали его своевременное совершение:

- вручение копии приговора и ознакомление с протоколом судебного заседания с нарушением сроков [20]; в частности, вручение копии приговора государственному обвинителю с нарушением срока, установленного ст. 312 УПК РФ [21];

- не ознакомление лица, об этом ходатайствующего, с протоколом судебного заседания [22];
- нахождение в карцере – в связи с отсутствием условий для написания апелляционной жалобы [23].

Вместе с тем, судами не признаются уважительными такие причины пропуска срока апелляционного обжалования, как:

- отпуск государственного обвинителя [24];
- заключение соглашения с адвокатом на осуществление защиты по истечении срока на обжалование приговора [25];
- принятие решения по жалобе заявителя, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, в его отсутствие как при направлении и получении им копии судебного решения [26], так и при неполучении им копии решения суда [27];
- отсутствие юридического образования или юридическая безграмотность [28];
- изучение необходимой литературы [29].

Судебная практика не отличается единообразием по вопросу признания уважительной такой причины пропуска срока апелляционного обжалования, как его окончание в выходные и праздничные дни: в некоторых случаях суд признает это обстоятельство уважительной причиной [30], в ряде других случаев – нет [31].

Постановление судьи об отказе в восстановлении пропущенного срока может быть обжаловано в вышестоящий суд, который вправе отменить такое постановление и рассмотреть поданные апелляционные жалобу, представление по существу либо вернуть их в суд, вынесший обжалуемое судебное решение, для выполнения требований, предусмотренных ст. 389.6 УПК РФ (ч. 2 ст. 389.5 УПК РФ).

Положения уголовно-процессуального закона, предусматривающие возможность восстановления пропущенного по уважительной причине срока обжалования, а в случае отказа в восстановлении пропущенного срока – оспаривания такого решения в вышестоящий суд, направлены не на ограничение, а на защиту прав участников процесса и не предполагают произвольного истолкования и применения [32].

Уголовно-процессуальным законом не урегулирован вопрос об оспаривании участниками уголовного судопроизводства, а также иными заинтересованными лицами решения суда о восстановлении срока апелляционного обжалования, однако возможность такого обжалования обусловлена состязательным характером уголовного судопроизводства и равенством прав сторон [1].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, отсутствуют

препятствия для проверки правомерности указанного решения одновременно и в связи с рассмотрением судом второй инстанции жалобы по существу [33]. Следовательно, оценка судом апелляционной инстанции того, подана апелляционная жалоба или представление с соблюдением или с нарушением установленного срока обжалования (с учетом правомерности или неправомерности решения суда первой инстанции по вопросу о восстановлении этого срока), является компонентом механизма производства в суде апелляционной инстанции [34].

В связи с изложенным представляется несостоятельной имеющаяся в судебной практике позиция о том, что не установление законом возможности обжалования постановления о восстановлении пропущенного срока обусловлено тем, что оно не ущемляет права участников уголовного судопроизводства, поскольку не препятствует доступу к правосудию и позволяет суду вышестоящей инстанции проверить законность и обоснованность принятых судебных решений [35].

Список литературы:

- [1] Алтынникова, Л.И. Особенности реализации принципа состязательности сторон в современном российском апелляционном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Алтынникова Лиля Игоревна. – Москва, 2017. – 255 с.
- [2] Панокин, А.М. Концептуальные основы апелляционного производства по уголовным делам: дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.4 / Панокин Александр Михайлович. – Москва, 2025. – 589 с.
- [3] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. – 1072 с. – DOI 10.12737/2117066.
- [4] Пп. «с» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (принятого 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
- [5] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04 ноября 1950 года) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.
- [6] Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Собрание законодательства РФ. 29.03.1999. № 13. Ст. 1489.
- [7] Определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 802-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горбача Сер-

гея Эдуардовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 389.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 года № 360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Привольневой Нины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 112 и частью второй статьи 376 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 года № 1973-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чугунова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 389.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; определение Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2019 года № 1144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «ТАЛМАЗ ЛТД» на нарушение конституционных прав и свобод частью второй статьи 129 и частью первой статьи 389.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2020 года № 1339-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кутдузова Рауфа Нурмухаметовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 389.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» и др.

[8] Решение Европейского Суда по правам человека от 06 января 2004 года по делу «Гиг и Национальный профсоюз работников образования (Guigie and SGEN-CFDT) против Франции» (жалоба № 59821/00) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 5.

[9] Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики от 27 мая 2014 года по делу № 22-1346/14 // СПС «Консультант Плюс».

[10] Постановление Президиума Верховного Суда Республики Карелия от 14 августа 2013 года по делу № 44-у-90 // СПС «Консультант Плюс».

[11] Апелляционное постановление Московского городского суда от 12 мая 2015 года по делу № 10-6261 // СПС «Консультант Плюс»; апелляционное постановление Московского городского суда от 14 августа 2013 года по делу № 10-7599 // СПС «Консультант Плюс».

[12] Апелляционное определение Московского областного суда от 25 июня 2013 года по делу № 22-4337 // СПС «Консультант Плюс».

[13] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 19 июня 2014 года по делу № 22-356 // СПС «Консультант Плюс».

[14] Определение Верховного Суда РФ от 05 августа 2014 года № 49-АПУ14-27 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

[15] П. 29 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01 июня 2022 года; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2021 года № 5-УДП21-86-К2 // СПС «Консультант Плюс».

[16] П. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. 27.12.2013. № 294.

[17] Определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2021 года № 1454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лапшина Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 389.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[18] Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 29 июля 2020 года по делу № 55-479/2020 // СПС «Консультант Плюс».

[19] Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 года № 689-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Плотниковой Кристины Георгиевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 357 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2021 года № 1454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лапшина Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 389.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[20] Определение Верховного Суда РФ от 26 августа 2014 года № 89-АПУ14-21 // СПС «Консультант Плюс».

[21] Апелляционное постановление Московского областного суда от 07 августа 2014 года по делу № 22К-4512/2014 // СПС «Консультант Плюс».

[22] Постановление Московского городского суда от 04 июня 2014 года по делу № 10-7620 // СПС «Консультант Плюс»; постановление Московского городского суда от 22 августа 2013 года по делу № 10-7792/13 // СПС «Консультант Плюс».

[23] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 марта 2014 г. № 41-АПУ14-13 // СПС «Консультант Плюс».

[24] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05 февраля 2014 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 5.

[25] Постановление Московского городского суда от 21 июля 2014 года № 4у/1-3975/2014 // СПС «Консультант Плюс»; апелляционное постановление Московского городского суда от 02 апреля 2014 года по делу № 10-4644-14 // СПС «Консультант Плюс».

[26] Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 сентября 2014 г. № 10-12964/2014 // СПС «Консультант Плюс».

[27] Апелляционное постановление Московского городского суда от 30 января 2014 года по делу № 10-722/2014г // СПС «Консультант Плюс»; апелляционное постановление Московского городского суда от 21 ноября 2013 года по делу № 10-12612/2013г. // СПС «Консультант Плюс».

[28] Апелляционное постановление Апелляционного суда г. Севастополя от 21 октября 2014 года по делу № 22-209/2014 // СПС «Консультант Плюс»; апелляционное постановление Московского областного суда от 09 сентября 2014 года по делу № 22-5452/2014 // СПС «Консультант Плюс».

[29] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 июля 2013 года № 66-АПУ13-26 // СПС «Консультант Плюс».

[30] Апелляционное постановление Московского городского суда от 06 апреля 2015 года // СПС «Консультант Плюс»; апелляционное постановление Московского областного суда от 03 июня 2014 года по делу № 22К-3214/2014 // СПС «Консультант Плюс».

[31] Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 ноября 2013 года по делу № 10-11892 // СПС «Консультант Плюс»; апелляционное определение Московского городского суда от 29 июля 2013 года по делу № 10-6795 // СПС «Консультант Плюс».

[32] Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лапшина Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 389.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[33] Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2010 года № 109-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бессонова Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 357 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2010 года № 1033-О-О «Об отказе в принятии к рассмотре-

нию жалобы гражданина Капитонова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 1 и 357 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 года № 670-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Моисеева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 357 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»; определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 года № 2014-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малькова Виктора Олеговича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[34] Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2021 года № 50-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зинкина Максима Олеговича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 389.5 и частью третьей статьи 389.11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[35] Постановление Президиума Ставропольского краевого суда по делу № у-163/14 // СПС «Консультант Плюс».

References:

[1] Altynnikova, L.I. Features of the implementation of the principle of adversarial parties in modern Russian appeal proceedings in criminal cases: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.09/Altynnikova Lilya Igorevna. - Moscow, 2017. - 255 s.

[2] Panokin, A.M. Conceptual foundations of appeal proceedings in criminal cases: dis.... doc. jurid. Sciences: 5.1.4/Panokin Alexander Mikhailovich. - Moscow, 2025. - 589 s.

[3] Criminal procedure law of the Russian Federation: textbook/rev. ed. P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2026. - 1072 p. - DOI 10.12737/2117066.

[4] Sub-item "c" paragraph 3 of Art. 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. № 12.

[5] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on November 04, 1950) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08.01.2001. № 2. Art. 163.

[6] Commonwealth of Independent States Convention on Human Rights and Fundamental Free-

doms (concluded in Minsk 26.05.1995) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 29.03.1999. № 13. Art. 1489.

[7] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.03.2022 No. 802-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Gorbach Sergey Eduardovich about violation of his constitutional rights, part one of article 389.4 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" //SPS "Consultant Plus"; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2006 No. 360-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Privolneva Nina Vladimirovna about violation of her constitutional rights by part one of article 112 and part two of article 376 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" //SPS "Consultant Plus"; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2018 No. 1973-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Mikhailovich Chugunov about violation of his constitutional rights by Article 389.4 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" //SPS "Consultant Plus"; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 2019 No. 1144-O "On refusal to accept for consideration the complaint of TALMAZ LTD for violation of constitutional rights and freedoms, part two of article 129 and part one of article 389.4 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" //SPS "Consultant Plus"; determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 28, 2020 No. 1339-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kutduzov Rauf Nurmukhametovich about violation of his constitutional rights by part one of article 389.4 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" //SPS "Consultant Plus" and others.

[8] Judgment of the European Court of Human Rights of 6 January 2004 in the case *Guigue and SGEN-CFDT v. France* (Complaint No. 59821/00) // Bulletin of the European Court of Human Rights. 2004. № 5.

[9] Appeal ruling of the Supreme Court of the Udmurt Republic of May 27, 2014 in case No. 22-1346/14//SPS "Consultant Plus."

[10] Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated August 14, 2013 in case No. 44-y-90//SPS "Consultant Plus."

[11] Appeal ruling of the Moscow City Court of May 12, 2015 in case No. 10-6261//SPS "Consultant Plus"; appeal ruling of the Moscow City Court of August 14, 2013 in case No. 10-7599//SPS "Consultant Plus."

[12] Appeal ruling of the Moscow Regional Court of June 25, 2013 in case No. 22-4337//SPS "Consultant Plus."

[13] Appeal ruling of the Supreme Court of the Altai Republic dated June 19, 2014 in case No. 22-356//SPS "Consultant Plus."

[14] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of August 05, 2014 No. 49-APU14-27//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 2.

[15] Clause 29 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2022), approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 01, 2022; cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 12, 2021 No. 5-UDP21-86-K2//SPS "Consultant Plus."

[16] P. 52 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 41 "On the practice of the courts of applying legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions" //Rossiyskaya Gazeta. 27.12.2013. № 294.

[17] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 2021 No. 1454-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitry Nikolaevich Lapshin about violation of his constitutional rights by Article 389.5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"

[17] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 2021 No. 1454-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Lapshin Dmitry Nikolaevich about violation of his constitutional rights by article 389.5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" //SPS "Consultant Plus. "

[18] Appellate ruling of the Fifth Court of Appeal of General Jurisdiction dated July 29, 2020 in case No. 55-479/2020//SPS "Consultant Plus."

[19] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 11, 2012 No. 689-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Plotnikova Kristina Georgievna about violation of her constitutional rights by part one of Article 357 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" //SPS "Consultant Plus"; determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 2021 No. 1454-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Lapshin Dmitry Nikolaevich about violation of his constitutional rights by article 389.5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" //SPS "Consultant Plus. "

[20] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 26, 2014 No. 89-APU14-21//SPS "Consultant Plus."

[21] Appeal ruling of the Moscow Regional Court of August 07, 2014 in case No. 22K-4512/2014//SPS "Consultant Plus."

[22] Resolution of the Moscow City Court of June 04, 2014 in case No. 10-7620//SPS "Consultant Plus"; Resolution of the Moscow City Court of August 22, 2013 in case No. 10-7792/13//SPS "Consultant Plus."

[23] Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 13, 2014 No. 41-APU14-13//SPS "Consultant Plus."

[24] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the third quarter of 2013, approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation February 05, 2014//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. № 5.

[25] Resolution of the Moscow City Court of July 21, 2014 No. 4u/1-3975/2014//SPS "Consultant Plus"; appeal ruling of the Moscow City Court of April 02, 2014 in case No. 10-4644-14//SPS "Consultant Plus."

[26] Appeal decision of the Moscow City Court of September 23, 2014 No. 10-12964/2014//SPS "Consultant Plus."

[27] Appeal ruling of the Moscow City Court dated January 30, 2014 in case No. 10-722/2014//SPS "Consultant Plus"; appeal ruling of the Moscow City Court of November 21, 2013 in case No. 10-12612/2013//SPS "Consultant Plus."

[28] Appeal ruling of the Sevastopol Court of Appeal dated October 21, 2014 in case No. 22-209/2014//SPS "Consultant Plus"; appeal ruling of the Moscow Regional Court of September 09, 2014 in case No. 22-5452/2014//SPS "Consultant Plus."

[29] Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of July 17, 2013 No. 66-APU13-26//SPS "Consultant Plus."

[30] Appeal ruling of the Moscow City Court of April 06, 2015//SPS "Consultant Plus"; appeal ruling of the Moscow Regional Court of June 03, 2014 in case No. 22K-3214/2014//SPS "Consultant Plus."

[31] Appeal ruling of the Moscow City Court dated November 20, 2013 in case No. 10-11892//SPS "Consultant Plus"; appeal ruling of the Moscow City Court of July 29, 2013 in case No. 10-6795//SPS "Consultant Plus."

[32] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.07.2021 No. 1454-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Lapshin Dmitry Nikolaevich about violation of his constitutional rights by Article 389.5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "///SPS" Consultant Plus. "

[33] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 26, 2010 No. 109-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Bessonov Roman Vladimirovich about violation of his constitutional rights by Article 357 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "///SPS" Consultant Plus "; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 15, 2010 No. 1033-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kapitonov Sergey Vladimirovich about violation of his constitutional rights by Articles 1 and 357 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "///SPS" Consultant Plus "; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 26, 2011 No. 670-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Moiseev Alexander Alexandrovich about violation of his constitutional rights by Article 357 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "///SPS" Consultant Plus "; determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 29, 2020 No. 2014-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Malkov Viktor Olegovich about violation of his constitutional rights by a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "///SPS" Consultant Plus. "

[34] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 28, 2021 No. 50-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Zinkin Maxim Olegovich about violation of his constitutional rights, part one of article 389.5 and part three of article 389.11 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "///SPS" Consultant Plus. "

[35] Resolution of the Presidium of the Stavropol Regional Court in case No. y-163/14//SPS "Consultant Plus."

ТЮРИН Михаил Михайлович,
аспирант, автономная некоммерческая организация
высшего образования «Московский университет «Синергия»,
г. Москва,
e-mail: mmtyrin@yandex.ru

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ СУДЬИ: ГРУБЫЕ МАТЕРИАЛЬНО- ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ, ИГНОРИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВС РФ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В статье исследуются формы проявления профессиональной некомпетентности судей, выражающиеся в систематическом совершении грубых материально-правовых и процессуальных ошибок, игнорировании правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, а также необоснованном отказе в оценке доказательств. На основе анализа доктринальных подходов, законодательства и практики квалификационных коллегий судей (на примере решений ВККС РФ за 2024–2026 гг.) автор приходит к выводу о необходимости разграничения дисциплинарной ответственности за некомпетентность и процессуальной возможности отмены судебных актов. Особое внимание уделяется проблеме квалификации игнорирования судьей обязательных разъяснений Верховного Суда РФ как основания для досрочного прекращения полномочий.

Ключевые слова: профессиональная некомпетентность судьи, материально-правовые ошибки, процессуальные нарушения, правовые позиции Верховного Суда РФ, квалификационные коллегии судей, дисциплинарная ответственность, оценка доказательств.

TYURIN Mikhail Mikhailovich,
graduate student, autonomous non-profit organization
of higher education “Moscow University “Synergy,” Moscow

FORMS OF PROFESSIONAL INCOMPETENCE OF JUDGES: GROSS SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL ERRORS, IGNORING THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND EVIDENCE

Annotation. The article examines the forms of professional incompetence of judges, expressed in the systematic commission of gross substantive and procedural errors, ignoring the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as unjustified refusal to evaluate evidence. Based on the analysis of doctrinal approaches, legislation and practice of judicial qualification boards (using the example of the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation for 2024-2026), the author concludes that it is necessary to distinguish disciplinary responsibility for incompetence and the procedural possibility of repealing judicial acts. Special attention is paid to the problem of the judge's disregard of the mandatory explanations of the Supreme Court of the Russian Federation as grounds for early termination of powers.

Key words: professional incompetence of a judge, substantive errors, procedural violations, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial qualification boards, disciplinary responsibility, evaluation of evidence.

Статус судьи в правовом государстве предполагает не только высокий уровень профессиональной подготовки, но и способность к единообразному применению права, основанному на сложившихся правовых позициях высших судебных инстанций. Между тем

судебная практика и деятельность квалификационных коллегий судей (ККС) и Высшей квалификационной коллегии судей (ВККС) Российской Федерации свидетельствуют о существовании устойчивого массива случаев, когда действия (или бездействие) судей расцениваются как сви-

детельство их профессиональной непригодности. Проблема заключается в том, что законодательство не содержит легального определения «профессиональной некомпетентности судьи», а квалификационные коллегии вынуждены вырабатывать этот критерий через конкретные дисциплинарные производства[1].

Цель настоящей статьи — систематизировать формы проявления судейской некомпетентности, выделив среди них грубые материально-правовые ошибки, существенные процессуальные нарушения, игнорирование правовых позиций Верховного Суда РФ и пренебрежение правилами оценки доказательств.

Профессиональная компетентность судьи традиционно рассматривается в юридической доктрине как интегративное качество, включающее знание материального и процессуального права, умение применять его на практике, следовать правовым позициям вышестоящих судов и надлежащим образом оценивать доказательства. Т.В. Сахнова справедливо отмечает, что «судебная ошибка — объективная реальность правоприменения», однако систематический характер таких ошибок, их грубость и очевидность позволяют говорить уже не о погрешностях в толковании, а о профессиональной не состоятельности. Проблема усугубляется тем, что институт дисциплинарной ответственности судей в России и ряде постсоветских стран ориентирован преимущественно на «поведенческие» деликты (нарушение кодекса судейской этики, непредставление сведений о доходах, конфликт интересов и т.п.), тогда как собственно «квалификационные» проступки, связанные с некомпетентностью, остаются менее формализованными. Как справедливо отмечает Е.В. Бурдина, «оценка качества правосудия не должна подменяться дисциплинарным преследованием судьи за каждую отмену судебного акта, однако систематическое, грубое нарушение закона, свидетельствующее о неспособности судьи выполнять свои обязанности, безусловно, должно влечь ответственность».

ВККС России последовательно проводит линию, согласно которой наличие многочисленных судебных ошибок, особенно если они были предметом рассмотрения апелляционной или кассационной инстанции, может служить основанием для дисциплинарного взыскания вплоть до досрочного прекращения полномочий. Однако практика демонстрирует и обратную тенденцию: коллегии нередко отказывают в удовлетворении жалоб на решения региональных ККС, если не установлено процедурных нарушений. Так, в решении Дисциплинарной коллегии ВС РФ от 16 сентября 2025 года № ДК25-73 суд оставил без удовлетворения жалобу судьи М.И. Галюковой на

решение ККС Челябинской области о досрочном прекращении полномочий. Заявительница оспаривала выводы коллегии, указывая на нарушения процедуры при рассмотрении вопроса о внепроцессуальном общении и склонении стороны к изготовлению проектов судебных актов. Однако Дисциплинарная коллегия не нашла оснований для отмены решения ККС, поскольку пришла к выводу, что выводы квалификационной коллегии о наличии в действиях судьи дисциплинарного проступка были должным образом мотивированы и основаны на полном исследовании материалов дела, а процедурных нарушений при принятии решения не допущено[21].

Как верно отмечает Кузьмин Д. И., в науке гражданского, арбитражного и уголовного процесса отсутствует унифицированное определение судебной ошибки. Под ней чаще всего понимают неправильное установление фактических обстоятельств дела или неверное применение норм материального или процессуального права, повлекшее принятие незаконного или необоснованного судебного акта. Однако не всякая ошибка свидетельствует о некомпетентности судьи. Ошибка может быть следствием сложности правовой коллизии, противоречивости судебной практики, несовершенства законодательства или добросовестного заблуждения[3, 4].

Профессиональная некомпетентность, напротив, предполагает системность, очевидность, грубость нарушений, а также неспособность судьи корректировать свое правоприменение с учетом указаний вышестоящих судов. Е.Г. Стрельцова и А.А. Соколова в своих работах обосновывают, что критериями «грубости» материально-правовой ошибки следует считать: нарушение нормы, не допускающей множественного толкования; игнорирование прямого предписания закона; применение закона, не подлежащего применению, либо неприменение закона, подлежащего применению, когда альтернатива отсутствует[20].

В отношении процессуальных нарушений доктрина выработала подход, согласно которому существенность нарушения определяется наступлением неблагоприятных последствий для участников процесса — утратой права на судебную защиту, нарушением права на справедливое судебное разбирательство, затягиванием сроков рассмотрения дела. Именно такой подход реализуется, например, в решениях ВККС по жалобам на действия судей, допускаящих волокиту: по данным за 2025 г., несвоевременное направление процессуальных документов, необеспечение надлежащего извещения участников процесса и истечение сроков давности привлечения к ответственности признавались дисциплинарным проступком.

По данным практики Дисциплинарной коллегии ВС РФ за 2025 год, к дисциплинарной ответственности привлекали судей за целый ряд процессуальных нарушений. Так, в решении от 9 сентября 2025 года № ДК25-75 коллегия подтвердила законность привлечения мирового судьи Ю. А. Трясоумовой: она систематически допускала несвоевременное направление копий судебных актов участникам процесса, а также затягивала выдачу исполнительных листов (более полугода), что ущемляло право сторон на своевременную защиту и обжалование. В другом случае (решение от 2 октября 2025 года № ДК25-79) Дисциплинарная коллегия детально разобрала вопрос сроков давности: судья оспаривал пропуск шестимесячного срока для наложения взыскания, однако коллегия со ссылкой на пункт 6 статьи 12.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» и разъяснения Пленума ВС РФ № 13 указала, что днём выявления проступка считается момент, когда уполномоченному органу стало о нём известно, и в итоге признала срок не пропущенным. Что касается ненадлежащего извещения, коллегии регулярно оценивают, принял ли судья все разумные меры для подтверждения факта вручения (расписки, уведомления), а не ограничился лишь отправкой корреспонденции — формальный подход здесь признаётся недостаточным[18, 19].

Примечательно, что ссылки судьи на кадровые проблемы и большую нагрузку ВККС расценивает как не оправдывающие грубого нарушения прав граждан.

Материально-правовые ошибки, имеющие квалификационное значение, обычно связаны с неверной квалификацией правоотношений, неправильным определением применимого закона или его искаженным толкованием. Наиболее часто встречающимися грубыми ошибками являются: рассмотрение дела, не отнесенного к подсудности данного суда; разрешение спора с применением законодательства, утратившего силу; игнорирование досудебного порядка урегулирования спора, когда он является обязательным; неправильное исчисление сроков исковой давности при очевидных обстоятельствах[5].

Так, в одном из решений Квалификационной коллегии судей Ростовской области, рассмотренных в 2025 году, судья районного суда был привлечен к дисциплинарной ответственности за рассмотрение дела, отнесенного к подсудности другого суда. ВККС, оценивая это нарушение, указала, что даже при условии добросовестности судьи данное действие свидетельствует о недостаточном знании норм процессуального права и правил разграничения подсудности, что является обязательным минимумом для любого судьи.

Доктринально значимым является вопрос о том, может ли одноразовая грубая материально-правовая ошибка служить основанием для вывода о профессиональной некомпетентности. Анализ практики показывает, что квалификационные коллегии предпочитают кумулятивный подход: как правило, требуется совокупность нарушений, хотя особо резонансные или очевидные ошибки могут рассматриваться как достаточное основание для дисциплинарного взыскания[5, 11, 13, 15].

Отдельную группу форм некомпетентности составляют систематические процессуальные нарушения. В практике российских ККС наиболее распространенными являются: нарушение сроков рассмотрения дел и направления копий судебных актов; ненадлежащее извещение участников процесса; отсутствие в материалах дела аудио- и видеозаписей судебных заседаний; несоставление или несвоевременное составление протокола; нарушение тайны совещательной комнаты[6, 7].

По данным обзоров практики квалификационных коллегий судей (ККС) и Дисциплинарной коллегии ВС РФ, среди наиболее распространённых оснований для привлечения судей к дисциплинарной ответственности — нарушения процессуальных гарантий: систематическая волокита (в т.ч. нарушение сроков рассмотрения дел и направления копий судебных актов — например, задержка передачи дела в апелляцию на 10 месяцев или бездействие по 86 делам об административных правонарушениях), ненадлежащее извещение участников процесса (формальный подход к проверке факта вручения), отсутствие в материалах дела аудио или видеозаписей судебных заседаний (в т.ч. при указании в протоколе, что запись ведётся), несоставление либо несвоевременное составление протокола (в т.ч. с неполным отражением доводов и ходатайств или отсутствием подписей), а также грубые нарушения, такие как нарушение тайны совещательной комнаты (например, обсуждение сути дела с третьими лицами во время совещания или проведение иных заседаний в этот период). Эти нарушения не только создают риски отмены судебных актов, но и подрывают доверие к судебной системе в целом[18, 19].

Показательным является дело мирового судьи Н. Комлевой, рассмотренное ВККС в 2025 году. Квалификационная коллегия установила, что судья не направляла своевременно процессуальные документы сторонам, допускала проблемы с извещением истца, а в административном процессе — волокиту, приведшую к истечению сроков давности привлечения к ответственности. Кроме того, было зафиксировано

небрежное хранение дел и отсутствие аудиозаписей заседаний. Судья возражала, ссылаясь на кадровые проблемы и большую нагрузку, однако ВККС сочла эти доводы неубедительными, указав, что «основные процессуальные обязанности судьи не могут ставиться в зависимость от наличия или отсутствия помощников». Важная особенность процессуальной некомпетентности заключается в ее «цепном» характере: одно нарушение часто влечет другое. Например, ненадлежащее извещение участника процесса приводит к рассмотрению дела в его отсутствие и, как следствие, к отмене судебного акта вышестоящей инстанцией. В таких случаях квалификационные коллегии оценивают не каждое нарушение изолированно, а их системный эффект, ведущий к дефектности всего судебного разбирательства.

Наиболее сложным для квалификации видом профессиональной некомпетентности является систематическое игнорирование судьей разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, обзоров судебной практики и правовых позиций, изложенных в определениях по конкретным делам. Закон прямо не устанавливает обязательности правовых позиций Верховного Суда РФ для нижестоящих судов (в отличие, например, от решений Конституционного Суда РФ), однако в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судов фактически сложился стандарт, согласно которому отступление от позиций ВС РФ должно быть мотивированным. Вместе с тем, примеров дел, где судью привлекали к дисциплинарной ответственности за неприменение правовых позиций Верховного Суда РФ в отсутствие иных нарушений, самостоятельно влекущих дисциплинарную ответственность, не выявлено.[8, 9, 17].

Абульханова А., Иванцова Г. А. отмечают, что проблема «единообразия судебной практики» упирается в добровольность следования разъяснениям Верховного Суда. Вместе с тем дисциплинарная практика квалификационных коллегий начинает вырабатывать подход, согласно которому систематическое, немотивированное игнорирование обязательных для понимания и применения разъяснений может свидетельствовать о профессиональной непригодности судьи[11].

Одной из наименее формализованных, но наиболее существенных форм профессиональной некомпетентности является необоснованный отказ в оценке доказательств либо искажение их содержания. В соответствии с принципом свободной оценки доказательств (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ), судья оценивает доказательства по внутреннему убеждению, основанному на их всестороннем, полном и объективном исследовании.

Однако это «свободное» усмотрение не означает произвола: судья обязан мотивировать, почему одним доказательствам он отдает предпочтение перед другими, а отказ в исследовании доказательства должен быть обоснованным.

В российской доктрине и практике «игнорирование доказательств» как дисциплинарный проступок фиксируется редко, однако при обобщении отмененных судебных актов вышестоящие суды нередко указывают на то, что суд первой инстанции не дал оценки существенным доказательствам, либо ограничился формальным перечислением, либо исказил их содержание. Если такие указания систематически не исполняются при новом рассмотрении дела, возникает основание для постановки вопроса о профессиональной некомпетентности[11, 12].

Рассмотрим пример, иллюстрирующий последствия систематических процессуальных нарушений и волокиты. В решении Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 22 октября 2025 года № ДК25 91 рассматривается дело судьи Кривиной А. В. В ходе проверки было установлено, что судья допускала многочисленные нарушения процессуальных норм: не направляла участникам процесса копии определений суда, затягивала изготовление и направление сторонам готовых решений, не сдавала рассмотренные гражданские дела в отдел делопроизводства, откладывала рассмотрение заявлений о обеспечительных мерах, а также не возвращала участникам процесса документы, удостоверяющие личность, после рассмотрения дела. Дисциплинарная коллегия пришла к выводу, что эти нарушения носили не единичный, а системный характер и свидетельствовали о недобросовестном отношении судьи к своим обязанностям. В результате ущемлялись права участников процесса, в том числе право на своевременное обжалование, что подрывало авторитет судебной власти[16].

Другой показательный случай связан с внепроцессуальным общением и ненадлежащим исполнением обязанностей председателя суда. В решении Дисциплинарной коллегии ВС РФ от 19 мая 2025 года № ДК25 26 разбирается дело судьи Матеты А. И., который одновременно занимал должность председателя суда. Коллегия установила, что судья продолжительное время отсутствовал на рабочем месте без уважительных причин, ненадлежащим образом исполнял обязанности председателя суда (в том числе в части организации работы коллегии) и вступал во внепроцессуальное общение с участниками судебных дел. Дисциплинарная коллегия подчеркнула, что подобные действия подрывают дове-

рие к судье как к представителю власти, создают сомнения в его объективности и беспристрастности и умаляют авторитет судебной власти в целом. В итоге коллегия подтвердила наличие дисциплинарного проступка и оставила в силе решение о досрочном прекращении полномочий судьи[17].

Таким образом, профессиональная некомпетентность судьи не сводится к единичной ошибке, но и не требует доказательств умысла. Ее формы включают грубые материально-правовые ошибки, системные процессуальные нарушения, игнорирование правовых позиций Верховного Суда РФ и пренебрежение правилами оценки доказательств. Важно разграничить основания для отмены судебного акта и для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Отмена акта возможна из за любой существенной ошибки, повлиявшей на исход дела, даже если она допущена единожды — главная цель здесь состоит в исправлении решения по конкретному спору. В свою очередь, дисциплинарная ответственность наступает лишь при наличии признаков систематичности, грубости нарушения либо игнорирования правовых позиций Верховного Суда РФ: единичная ошибка, исправленная в вышестоящей инстанции, обычно не влечёт взыскания. Её цель — не наказать за каждую оплошность, а обеспечить единообразие правоприменения и поддержать авторитет судебной власти.

Список литературы:

- [1] Репях А. С. Некомпетентность судьи как основание для его отвода и прекращения полномочий в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekompotentnost-sudi-kak-osnovanie-dlya-ego-otvoda-i-prekrascheniya-polnomochiy-v-grazhdanskom-protseesse> (дата обращения: 11.06.2026).
- [2] Манкевич, И. С. Специфика процессуальной ответственности судей РФ / И. С. Манкевич. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 17 (76). — С. 401-404. — URL: <https://moluch.ru/archive/76/13091>.
- [3] Кузьмин Д. И. Судебная ошибка: понятие, условия совершения и ее предупреждение // Актуальные исследования. 2024. №38 (220). Ч.II. С. 10-12. URL: <https://apni.ru/article/10078-sudebnaya-oshibka-ponyatie-usloviya-soversheniya-i-ee-preduprezhdenie>.
- [4] Ермошин Г.Т. Современные проблемы правового регулирования статуса судей в Российской Федерации. Актуальные проблемы российского права. 2016;(7):83-92.
- [5] Иванов Ф. В. Конституционный Суд Российской Федерации в эпоху правового вызова: баланс между защитой прав личности и публичными интересами государства // Образование и право. 2026. № 2.
- [6] Шикунов Е.С. актуальные проблемы рассмотрения судами антикоррупционных исков прокуратуры // Вестник науки №6 (99) том 1. С. 809 - 820. 2026 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/31399> (дата обращения: 11.06.2026 г.).
- [7] Отческая Т. И. Юридическая ответственность судей при отправлении правосудия в России [Текст] / Т. И. Отческая, Д. В. Володина // Российский следователь. — 2012. — № 3. — С. 22–25.
- [8] Вершинина Д. В. Процессуальная ответственность судей в Российской Федерации: теоретический и практический аспекты // Российское государство и право: традиции, современность, будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. — С. 111–113
- [9] Володина Д. В. Юридическая ответственность судей при отправлении правосудия в Российской Федерации: современное состояние и направления развития. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Псков, 2012.
- [10] Дьяченкова, М. И. Понятие и сущность арбитражной процессуальной ответственности [Текст] / М. И. Дьяченкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 6 (89). — С. 128–132.
- [11] Абульханова А., Иванцова Г. А. Современные проблемы деятельности мировых судей в РФ // Научный Лидер. 2022. №27 (72).
- [12] Ермошин Г. Т. Ответственность судьи: теоретический и практический аспекты // Российский судья. — М.: Юрист, 2014, № 4. — С. 34–38.
- [13] Решение Квалификационной коллегии судей Ростовской области (июль 2025 г.) — в тексте приводится пример: судья районного суда привлечён к дисциплинарной ответственности за рассмотрение дела, не отнесённого к подсудности данного суда.
- [14] Дело мирового судьи Н. Комлевой (рассмотрено ВККС в 2025 году) — в статье анализируется этот кейс: судья не направляла своевременно процессуальные документы, допускала проблемы с извещением, в административном процессе допустила волокиту, приведшую к истечению сроков давности; также зафиксированы небрежное хранение дел и отсутствие аудиозаписей заседаний.
- [15] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регули-

рующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» — в работе упоминается ключевой тезис из этого акта: судья не может быть привлечён к дисциплинарной ответственности за сам факт принятия незаконного или необоснованного судебного акта в результате судебной ошибки (неверной оценки доказательств или неправильного применения норм права).

[16] Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 22.10.2025 № ДК25-91 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 16.06.2026).

[17] Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 19.05.2025 № ДК25-26 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — URL: (дата обращения: 16.06.2026).

[18] Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 сентября 2025 г. № ДК25 75 [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации.

[19] Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2025 г. № ДК25 79 [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации.

[20] Стрельцова Е. Г., Соколова А. А. Некомпетентность судьи как основание для его отвода и прекращения полномочий в гражданском процессе // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2022. — № 2. — С. 123–140.

[21] Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 16 сентября 2025 г. № ДК25-73 [Электронный ресурс] // Legalacts.ru.

References:

[1] Repyakh A. S. Incompetence of a judge as a basis for his recusal and termination of powers in civil proceedings//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. №4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekompentnost-sudi-kak-osnovanie-dlya-ego-otvoda-i-prekrascheniya-polnomochiy-v-grazhdanskom-protseesse> (дата обращения: 11.06.2026).

[2] Mankevich, I. S. Specifics of procedural responsibility of judges of the Russian Federation//I. S. Mankevich. - Text: direct//Young scientist. — 2014. — № 17 (76). - S. 401-404. — URL: <https://moluch.ru/archive/76/13091>.

[3] Kuzmin D.I. Judicial error: concept, conditions of commission and its prevention//Actual research. 2024. №38 (220). CH.II. S. 10-12. URL: <https://apni.ru/article/10078-sudebnaya-oshibka-ponyatie-usloviya-soversheniya-i-ee-pre-duprezhdenie>.

[4] Yermoshin G.T. Modern problems of legal regulation of the status of judges in the Russian Federation. Actual problems of Russian law. 2016;(7):83-92.

[5] Ivanov F.V. The Constitutional Court of the Russian Federation in the era of legal challenge: the balance between the protection of individual rights and the public interests of the state//Education and law. 2026. № 2.

[6] Shikunov E.S. topical problems of consideration by the courts of anti-corruption claims of the prosecutor's office//Science Bulletin No. 6 (99) volume 1. S. 809-820. 2026 ISSN 2712-8849//Electronic resource: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/31399> (accessed 11.06.2026).

[7] Otcheskaya T. I. Legal liability of judges in the administration of justice in Russia [Text]/T. I. Otcheskaya, D. V. Volodina//Russian investigator. — 2012. — № 3. - S. 22-25.

[8] Vershinina D.V. Procedural responsibility of judges in the Russian Federation: theoretical and practical aspects//Russian state and law: traditions, modernity, future: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. - Barnaul: Publishing House Alt. University, 2011. - S. 111-113

[9] Volodina D.V. Legal responsibility of judges in the administration of justice in the Russian Federation: current state and directions of development. Autoref. diss.... cand. jurid. sciences. Pskov, 2012.

[10] Dyachenkova, M. I. Concept and essence of arbitration procedural liability [Text]/M. I. Dyachenkova//Bulletin of the Saratov State Law Academy. — 2012. — № 6 (89). - S. 128-132.

[11] Abulkhanova A., Ivantsova G. A. Modern problems of the activities of justices of the peace in the Russian Federation//Scientific Leader. 2022. №27 (72).

[12] Yermoshin G.T. Judge's responsibility: theoretical and practical aspects//Russian judge. - M.: Lawyer, 2014, No. 4. - S. 34-38.

[13] Decision of the Qualification Collegium of Judges of the Rostov Region (July 2025) - the text gives an example: a judge of a district court is brought to disciplinary responsibility for considering a case that is not subject to the jurisdiction of this court.

[14] The case of Justice of the Peace N. Komleva (considered by the VKKS in 2025) - this case is analyzed in the article: the judge did not send procedural documents in a timely manner, allowed problems with notification, and in the administrative process allowed red tape that led to the expiration of the statute of limitations; also recorded careless storage of cases and lack of audio recordings of meetings.

[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 14, 2016 No.

13 “On the judicial practice of applying legislation governing the issues of disciplinary responsibility of judges” - the work mentions the key thesis from this act: a judge cannot be brought to disciplinary responsibility for the very fact of adopting an illegal or unreasonable judicial act as a result of a miscarriage of justice (incorrect assessment of evidence or incorrect application of law).

[16] Decision of the Disciplinary Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.10.2025 No. DK25-91 [Electronic Resource]// ConsultantPlus. - URL: (access date: 16.06.2026).

[17] Decision of the Disciplinary Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.05.2025 No. DK25-26 [Electronic Resource]//ConsultantPlus. - URL: (access date: 16.06.2026).

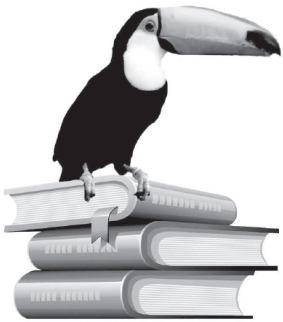
[18] Decision of the Disciplinary Board of the Supreme Court of the Russian Federation of September 9, 2025 No. DK25 75 [Electronic resource]// Official Internet portal of legal information.

[19] Decision of the Disciplinary Board of the Supreme Court of the Russian Federation of October 2, 2025 No. DK25 79 [Electronic resource]//Official Internet portal of legal information.

[20] Streltsova E. G., Sokolova A. A. Incompetence of a judge as a basis for his recusal and termination of powers in civil proceedings//Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. — 2022. — № 2. - S. 123-140.

[21] Decision of the Disciplinary Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation of September 16, 2025 No. DK25-73 [Electronic Resource]// Legalacts.ru.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЛЯЩЕНКО Александр Юрьевич,
студент 4 курса факультета подготовки специалистов
для судебной системы очной формы обучения (очный юридический факультет)
Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: lyashchenko.alexander.27032004@yandex.ru

Научный руководитель:
ЕФИМОВА Влада Владиславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: kavlada@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Аннотация. Лишение родительских прав является по своей природе санкцией, применяемой к родителям в семейном праве при их существенном уклонении от участия в жизни ребенка, а также при создании угрозы его жизни и здоровью. Такая мера считается исключительной, согласно разъяснениям в том числе Верховного Суда РФ. Предметом исследования является вопрос об особенностях оценки судом заключений органов опеки и попечительства в делах о лишении родительских прав. Органы опеки и попечительства формируют одно из ключевых средств доказывания по данной категории дел, которое в то же время является «первым среди равных» в совокупности с иными доказательствами. В работе исследуются вопросы природы и содержания данного заключения, а также практика судов первой инстанции, в которой находит своё отражение оценка судом указанных заключений. Автором делается вывод о различном подходе органов опеки и попечительства к выполнению возложенных на них обязанностей, а также о возможном расхождении мнения суда и органов опеки и попечительства по вопросу о целесообразности лишения родительских прав. Органы опеки и попечительства, составляя и представляя в суд своё заключение, должны исходить из понимания своей роли как дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов ребенка, что является публичным началом в семейном праве. Поэтому дача заключения должна быть в наибольшей степени объективной и достоверной, именно от этого заключения может зависеть итоговое решение суда. При таких условиях заключение органов опеки и попечительства, в котором не выявлены существенные нарушения прав ребенка, может повлечь необоснованное лишение родительских прав.

Ключевые слова: лишение родительских прав, заключение органов опеки и попечительства, оценка судом заключения, обоснованность заключения.

LYASHCHENKO Alexander Yuryevich,
4th year student of the Faculty of Training Specialists
for the Judicial System of full-time study (full-time law faculty)
at the Lebedev Russian State University of Justice

Scientific supervisor:
EFIMOVA Vlada Vladislavovna,
candidate of law, Associate Professor of the Department
of civil and administrative proceedings at the Lebedev
Russian State University of Justice

FEATURES OF JUDICIAL EVALUATION OF GUARD AND CUSTODY BODIES' CONCLUSIONS IN CASE OF DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

Annotation. *Deprivation of parental rights is by its nature a sanction applied to parents in family law when they significantly avoid participating in the child's life, as well as when endangering his life and health. Such a measure is considered exceptional, according to the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation. The subject of the study is the issue of the specifics of the court's assessment of the conclusions of the guardianship and guardianship authorities in cases of deprivation of parental rights. Guardianship and guardianship authorities form one of the key means of proof in this category of cases, which at the same time is "first among equals" in combination with other evidence. The paper examines the issues of the nature and content of this conclusion, as well as the practice of the courts of first instance, which reflects the court's assessment of these conclusions. The author concludes that the guardianship and guardianship authorities have a different approach to fulfilling their duties, as well as a possible difference of opinion between the court and the guardianship and guardianship authorities on the expediency of deprivation of parental rights. The guardianship and guardianship authorities, when drafting and submitting their opinion to the court, should proceed from an understanding of their role as an additional guarantee for the protection of the rights and legitimate interests of the child, which is a public beginning in family law. Therefore, giving an opinion should be as objective and reliable as possible, and the final court decision may depend on this conclusion. Under such conditions, the conclusion of the guardianship and guardianship authorities, which did not reveal significant violations of the child's rights, may lead to unjustified deprivation of parental rights.*

Key words: *deprivation of parental rights, the conclusion of the guardianship and guardianship authorities, the court's assessment of the conclusion, the validity of the conclusion.*

Лишение родительских прав в семейных спорах является исключительной мерой защиты прав ребёнка, специфической семейно-правовой санкцией. А. М. Нечаева при анализе данной меры ответственности родителей приходит к выводу о её большей «тяжести», чем даже мер, предусмотренных уголовным законом в отношении родителей, которые ненадлежаще исполняют свои обязанности [1, с. 154]. По утверждению Д. С. Фарафоновой, «... и логика законодателя, и логика правоприменителя исходит из той исходной аксиомы, что наказание нерадивого родителя само по себе не является целью применения меры семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав: наказание здесь носит сопутствующее значение, второстепенное по отношению к восстановлению и защите прав слабой стороны правоотношений – ребёнка» [2, с. 143].

Органы опеки и попечительства (далее также – опека, органы опеки) выполняют в данной категории дел предварительную контролирующую функцию, раскрывают и представляют одно из средств доказывания. В п. 2 ст. 70 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) прямо указано на обязанность участия органов опеки: «Дела о лишении родительских прав рассматриваются с участием ... органа опеки и попечительства» [3], а также в п. 2 ст. 78 СК РФ закреплена их функция: «провести обследование условий жизни ребёнка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, и представить суду акт обследования и основанное на нем заключение по существу спора» [3]. Полагаем верным утверждение, что «участие органа опеки и попечительства в судебном заседании по делам о лишении родительских прав является дополнительной гаран-

тией соблюдения как прав ребёнка, так и прав родителя» [4, с. 171].

Исходя из положений гражданского процессуального законодательства, опека даёт заключение по делу на основании ч. 1 ст. 47 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [5], которое не имеет для суда заранее установленной силы. То есть, при рассмотрении дел о лишении родительских прав помимо заключения органов опеки в суд могут быть представлены иные доказательства, обосновывающие целесообразность и необходимость лишения родительских прав (или наоборот) и которые оцениваются в совокупности. Однако в предмете доказывания, по нашему мнению, ключевую роль играет факт обследования условий жизни ребёнка, он даёт наиболее объективное понимание того, в какой ситуации оказался ребёнок, существуют ли случаи нарушения его прав, потенциальная или реальная угроза жизни и здоровью со стороны его самых близких людей. Этот факт оказывается «первым среди равных» в предмете доказывания.

По юридической природе заключение органов опеки и попечительства относится к актам органов государственной власти, в которых закрепляются ответы на вопросы факта (обследование условий жизни ребёнка уполномоченным государственным органом как проникновение публичных начал в семейное право). Е. Н. Победоносцева указывает, что «буквальное сопоставление правовых норм ст. 47 ГПК РФ и п. 2 ст. 78 СК РФ позволяет сделать вывод о том, что СК РФ рассматривает заключение прежде всего как документ, содержащий позицию органа опеки и попечительства относительно спора о воспитании детей и основанный на акте обследования,

тогда как процессуальный закон под дачей заключения по делу не подразумевает строго подготовку отдельного документа» [6]. Несмотря на то, что СК РФ предполагает подготовку заключения в виде документа в отличие от ГПК РФ, мы не видим здесь противоречия: процессуальный закон регулирует лишь вопросы динамики судопроизводства и в данном случае закрепляется процессуальный статус органов опеки и попечительства как компетентного дать заключение по делу государственного органа и их функция в судопроизводстве, не исключая тем самым уточнение процессуальных правил материально-правовыми нормами СК РФ (в части необходимости составления документа с определённым содержанием, ответом на установленные вопросы).

Необходимо обратить внимание на обстоятельства, определяемые органами опеки, для представления заключения в суд. Приказом Министерства просвещения РФ от 10.01.2019 № 4 «О реализации отдельных вопросов осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» (далее - Приказ) утверждён Порядок проведения обследования условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей (далее - Порядок). В п. 2 Порядка закреплены цели, для которых опека проводит обследование условий жизни ребёнка: «обследование осуществляется с целью выявления обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии родительского попечения над несовершеннолетним гражданином..., и принятия мер по защите прав и интересов детей в случаях... лишения их родительских прав, ... уклонения родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов» [7]. Перечень вопросов является широким: рассматриваются бытовые и имущественные условия жизни детей, семейное окружение, связи ребёнка с родителями и другими родственниками, психоэмоциональные связи, общие физиологические и внешние параметры жизни детей. По итогам обследования составляется акт, в котором отражаются выводы о наличии обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии родительского попечения над ребёнком, рекомендации о форме защиты его прав и законных интересов. В науке существует противоположная позиция относительно возможности применения Приказа при составлении заключений органов опеки и попечительства. Так, Е. Н. Победоносцева отмечает: «речь должна идти о нормативном правовом акте федерального уровня, обязательном для исполнения органами опеки и попечительства во всех регионах страны. В настоящее время единственное прямо закреплённое федеральным законом требование к заключению содержится в п. 2 ст. 78 СК РФ... Однако буквальное толкование цели издания названного При-

каза ... не предполагает его применение при составлении акта обследования и заключения в порядке п. 2 ст. 78 СК РФ» [6]. Полагаем, что на данный момент при разрешении дел о лишении родительских прав указанный акт является основополагающим для дачи заключения опеки, на что указывают хотя и не цели самого Приказа, но цели Порядка. Возможность закрепления в СК РФ отсылочной нормы на акт федерального органа исполнительной власти по данному вопросу (как предлагает Е. Н. Победоносцева) видится перспективным, в таком случае будет выстроена согласованная система норм в соответствии с п. 3 ст. 3 СК РФ [3].

Следовательно, именно от полноты, объективности и достоверности исследования жизни детей, которые могут остаться без родительского попечения, зависит первоначальное представление суда об осуществлении родителями своих прав и обязанностей. Исследование заключения в ходе судебного разбирательства вызывает трудности: выводы опеки не всегда однозначно согласуются с иными доказательствами, вызывают у суда сомнения в правильности такой оценки опекой, их выводов по вопросу о защите прав ребёнка и её форме.

Анализ судебной практики позволяет выявить, на что суд обращает внимание при даче оценки обстоятельствам дела и заключению опеки при решении вопроса о возможности лишения родительских прав.

Так, в деле Ногинского городского суда Московской области от 11.08.2025 № 2-2227/2025 отец обратился с иском о лишении бывшей супруги родительских прав на основании её отстранения от воспитания детей, неуплаты алиментов, а также из-за того, что она не изменила своего поведения (продолжает употреблять алкоголь и присутствовать «...в местах сбора асоциальных лиц, где в июле 2023 года получила ножевые ранения» [8]). Истец уже обращался с данным иском к матери, однако суд ограничился предупреждением. При этом в материалы дела представителем органа опеки было представлено заключение, «...в соответствии с которым ... имеются основания для ограничения в родительских правах ... в отношении несовершеннолетних детей...» [8]. Орган опеки дал оценку жилищным условиям родителей с учётом их раздельного проживания, согласно которой созданы бытовые условия для пребывания у них детей. Суд отказал в лишении родительских прав, но ограничил мать в родительских правах (аналогично позиции опеки), с указанием, что «... в случае, если она не изменит своего поведения, к ней может быть предъявлен иск о лишении ее родительских прав» [8]. Позиция суда и органа опеки совпала относительно ограничения ответчика в родительских

правах. Суд учитывал такие обстоятельства, как отсутствие судимости и привлечения матери к уголовной или административной ответственности, наличие положительных характеристик с места работы, отсутствие сведений об учёте в психоневрологическом и наркологическом диспансере. Но с учётом отсутствия каких-либо эмоциональных связей посчитал, что её встречный иск об определении порядка общения с детьми не подлежит удовлетворению (мать заявила его только после предъявления иска к ней, также она никаким образом не проявляла интереса к воспитанию детей). Отметим, что суд принял обоснованную позицию, несмотря на повторное предъявление такого иска, учитывая, что «лишение родительских прав является крайней мерой воздействия и должно применяться только после проведения профилактических и предупредительных мероприятий (беседы, постановка на учет, меры административного воздействия)» [4, с. 170]. Такое реагирование суда является его дискреционным полномочием, поскольку «неправильно было бы утверждать, что этот этап является обязательным, поскольку... лишение родительских прав возможно без предварительного ограничения родительских прав» [1, с. 150]. Представляется важным обратить внимание на то, что суд руководствовался разъяснением Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), согласно которому «лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей... Лишение родительских прав допускается в случае, когда защитить права и интересы детей иным образом не представляется возможным» [9]. В указанном деле дети полностью находились на попечении отца, а также бабушки и дедушки с его стороны, лишение матери родительских прав в данном случае являлось бы «формальностью» с учётом отсутствия активных нарушений прав детей с её стороны. Можно отметить, что данное решение является предпоследней ступенью к лишению матери родительских прав в данном деле.

В деле Нижнетавдинского районного суда Тюменской области от 18.11.2024 № 2-687/2024 суд продемонстрировал, на наш взгляд, наиболее полное исследование заключения органов опеки, и пришёл к объективной истине по делу. Опекун ребёнка (являющаяся соседкой) обратилась в суд с требованием о лишении отца ребёнка родительских прав в связи с тем, что последний «...не занимается воспитанием сына, свои родительские обязанности не выполняет по его воспитанию, по его развитию, не осуществляет заботы о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка. Ответчик ни разу не предпринял попытки встретиться с ребенком и провести с ним время, хотя ребенок пытался с ним встречаться, звонить, но отец вни-

мание к ребенку не проявляет, хотя проживают на одной улице...» [10], злостно уклоняется от уплаты алиментов. Представитель Сектора по опеке, попечительству и охране прав детства управления социальной защиты населения поддержал исковые требования, в акте обследования условий жизни ребёнка указал, в частности: «Подопечный внешне выглядит аккуратно одетым, ухоженным ребёнком. Одежда соответствует возрасту, росту и полу. Основные потребности ребёнка в пище, жилье, гигиене, обеспечении одеждой предоставлению медицинской помощи удовлетворяются в полном объеме. ... пояснил, что в семье опекуна ему нравится, отношения доброжелательные, дружеские, теплые. С ребенком отец ... по-прежнему не общается, потому что последний не интересуется жизнью, здоровьем сына; алименты не выплачиваются, поскольку отец нигде официально не трудоустроен, мер к трудоустройству не принимает. Со слов опекуна известно, что отец ... злоупотребляет алкогольными напитками» [10]. В данном документе опеки отражено исследование практически всех вопросов, которые закреплены в Приказе. Ребёнок проживает в семье опекуна, нет нарушений в физиологическом и социальном развитии, при этом контактов с родителем нет (мать признана недееспособной). Суд учёл факт злостной неуплаты алиментов без уважительных причин, привлечение к административной ответственности (это указывал и орган опеки). Сам ребёнок не возражал против лишения отца родительских прав: «...будучи опрошенным в судебном заседании, несовершеннолетний ..., пояснил, что не возражает против удовлетворения исковых требований, в отношении отца ... Отец не звонит ни пишет, с ним не встречаются, и где он находится ему не известно. Отец не проявляет никакого родительского интереса к нему. Подарков не дарил, ничего из одежды игрушек, продуктов не приобретал» [10]. Полагаем, что решение обоснованно, соответствует толкованию ВС РФ уклонения от выполнения обязанностей родителей: «Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении» [9].

В связи с вышеописанным делом стоит вспомнить, что ещё в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом ВС РФ 20.07.2011) ВС РФ отметил: «Встречаются случаи, когда заключение составляется органом опеки и попечительства формально (оно не содержит данных, характеризующих отношения в семье между родителями, между ними и ребенком, личностные качества родителей, данных о привязанности ребенка

к каждому из родителей, о результатах общения с несовершеннолетним, в нем отсутствует мнение органа опеки и попечительства о целесообразности либо нецелесообразности опроса ребенка в судебном заседании, а также мнение о том, может ли опрос в суде причинить ребенку психологическую травму и т.п.), а иногда и вовсе сведения, изложенные в заключении, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Между тем таким заключениям суды не всегда дают должную оценку» [11]. По настоящее время заключения опеки также не всегда составляются корректно и с учётом всех норм действующего законодательства.

Например, в деле Фроловского городского суда Волгоградской области от 24.10.2018 № 2-781/2018 мать обратилась с иском о лишении родительских прав отца её детей, указав, что «после распада семьи ... ответчик выехал на постоянное место жительства ..., где проживает по настоящее время. С тех пор он уклоняется от выполнения родительских обязанностей, не интересуется судьбой своих детей, не заботится об их здоровье, нравственном воспитании, физическом и духовном развитии, злостно без уважительных причин уклоняется от уплаты алиментов» [12]. В решении суда не нашло отражение полное заключение органа опеки, однако он пришёл к выводу «о лишении ... родительских прав в отношении несовершеннолетних сына ..., и дочери ..., указав на уклонение родителя от исполнения родительских обязанностей, в том числе от уплаты алиментов» [12]. Анализируя материалы дела, обнаруживается формальный подход опеки, которая не провела объективный и достаточный анализ условий жизни ребёнка: не рассмотрены такие обстоятельства, как оспаривание отцовства ответчиком, его отдалённое новое место жительства, наличие на иждивении супруги и дочери в новом браке, объявление незаконного розыска судебными приставами-исполнителями, подача иска об определении порядка общения с детьми от первого брака. Суд обоснованно указал, что ответчик «занимает активную позицию по отстаиванию своих родительских прав. Судом по его инициативе определен порядок общения с детьми. Им произведены выплаты денежных средств в погашение задолженности по алиментам. Он активно оспаривает обоснованность исковых требований, доказывая возможность разрешения проблемы без лишения его родительских прав» [12]. Таким образом, в данном деле наблюдается резкое расхождение позиций суда и органа опеки, формальное и неполное составление заключения, в котором не нашло отражение даже позиция ответчика по предъявленным к нему требованиям, отсутствие выяснения истинных взаимоотношений или отсутствия

контактов и эмоциональной связи между отцом и детьми, их причины. Указанные сведения нашли отражение только в судебном акте. В этом деле суд проявил внимательный подход к решению проблемы, не ограничиваясь только заключением опеки.

В деле Бутырского районного суда г. Москвы от 29.09.2023 № 02-3208/2023 мать ребёнка обратилась в суд с иском к отцу о лишении родительских прав ввиду того, что последний фактически самоустранился от воспитания и общения с их общим сыном. Орган опеки полагал, что лишение родительских прав отца преждевременно, «имеются основания предупредить последнего о необходимости изменения своего отношения к воспитанию и содержанию своего сына» [13], поскольку мать ребёнка препятствовала общению с отцом, сменила место жительства. Но ребёнок выразил желание на лишение отца родительских прав, считая отчима своим отцом, и суд принял сторону ребёнка, несмотря на невыясненные до конца обстоятельства препятствования общению отца и ребёнка со стороны матери. В материалах дела не содержится сведений об угрозе, которую представляет отец для ребёнка. В данном деле возможно было бы вообще поставить вопрос о том, может ли ребенок в силу возраста и психологических особенностей самостоятельно принимать решение, не является ли его позиция навязанной со стороны матери и отчима. Лишение родительских прав является крайней мерой и должно применяться только при реальной угрозе интересам ребёнка, но не в случае пассивности родителя (учитывая, что орган опеки и попечительства установил противоречия в аргументах отца и матери ребёнка, но суд не обратил внимания на возможную проблему в достаточной степени).

Анализ судебной практики показывает двоякую тенденцию в оценке судами заключений органов опеки и попечительства: с одной стороны, в некоторых случаях опека подходит к изучению вопроса жизни ребёнка тщательно, объективно исследуя как его материально-бытовые условия, так и взаимоотношения с родителями; с другой стороны, существуют прецеденты формального выполнения обязанностей. Таким образом, полагаем возможным сделать следующие выводы: 1) заключение органов опеки является одним из важнейших доказательств по делам о лишении родительских прав, при этом огромную роль занимает активность суда по правильному оцениванию содержащихся в нём выводов; 2) при формальном отношении органа опеки и попечительства к исполнению своих обязанностей бремя опровержения таких доводов может ложиться на ответчика в случае пассивной роли суда.

Список литературы:

[1] Нечаева, А. М. Семейное право: учебник для вузов / А. М. Нечаева. 9-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 251 с.

[2] Фарафонтова, Д. С. Ограничение и лишение родительских прав как меры юридической ответственности в семейном праве Российской Федерации: дис. ... канд.юрид.наук: 5.1.3. / Фарафонтова Дарья Сергеевна; [Место защиты: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации ; Диссовет 0254-09-18]. Москва, 2024. 199 с.

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

[4] Аблятипова, Н. А. Проблемы процессуального участия органов опеки и попечительства в делах о лишении родительских прав как способ защиты несовершеннолетних детей / Н. А. Аблятипова, Т. Г. Подвезная // Общество и право. 2019. № 3(69). С. 168-175.

[5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

[6] Победоносцева, Е. Н. Заключение органа опеки и попечительства по спорам о воспитании детей в аспекте прокурорского надзора // Российская юстиция. 2026. № 2. С. 64 - 72.

[7] Приказ Министерства просвещения РФ от 10.01.2019 № 4 «О реализации отдельных вопросов осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» // СПС ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/72206114/?ysclid=mqse50roxg570956330> (дата обращения: 24.06.2026).

[8] Решение Ногинского городского суда Московской области от 11.08.2025 по делу № 2-2227/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/R23vmoYpkT6H/?ysclid=mqsefj6ig2562829016#case_item (дата обращения: 22.02.2026).

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. Январь. 2018.

[10] Решение Нижнетавдинского районного суда Тюменской области от 18.11.2024 по делу № 2-687/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ysl2Z3Ngy5Wj/?ysclid=mqsessji1x782925212> (дата обращения: 22.02.2026).

[11] Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. Июль. 2012.

[12] Решение Фроловского городского суда Волгоградской области от 24.10.2018 по делу № 2-781/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nmcBEBKlCbWp/?ysclid=mqsfabodhw85580933> (дата обращения: 24.06.2026).

[13] Решение Бутырского районного суда г. Москвы от 29.09.2023 по делу № 02-3208/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/butyrskiy/services/cases/civil/details/d4debc1-d38d-11ed-9d0f-bf86b6142409?caseNumber=02-3208/2023> (дата обращения: 24.06.2026).

References:

[1] Nechaeva, A.M. Family law: a textbook for universities / A.M. Nechaeva. 9th ed., revised and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 251 p.

[2] Farafontova, D. S. Restriction and Deprivation of Parental Rights as Measures of Legal Responsibility in the Family Law of the Russian Federation: Dissertation. ... Candidate of Legal Sciences: 5.1.3. / Farafontova Daria Sergeevna; [Place of Defense: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Dissertation Council 0254-09-18]. Moscow, 2024. 199 p.

[3] Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, No. 223-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. January 1, 1996. No. 1. Article 16.

[4] Abylatipova, N. A. Problems of procedural participation of guardianship and guardianship authorities in cases of deprivation of parental rights as a way to protect minor children / N. A. Abylatipova, T. G. Podveznaya // Society and Law. 2019. No. 3(69). pp. 168-175.

[5] The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 11/18/2002. No. 46. Art. 4532.

[6] Pobedonostseva, E. N. The conclusion of the guardianship and guardianship authority on disputes about the upbringing of children in the aspect of prosecutorial supervision // Russian Justice. 2026. No. 2. pp. 64-72.

[7] Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 10.01.2019 No. 4 «On the implementation of certain issues of guardianship and guardianship of minors» // SPS GARANT. URL: <https://base.garant.ru/72206114/?ysclid=mqse50roxg570956330> (accessed: 06/24/2026).

[8] The decision of the Noginsk City Court of the Moscow region dated 08/11/2025 in case no. 2-2227/2025 // Judicial and regulatory acts of the

Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/R23vmoYpkT6H/?ysclid=mqsefj6ig2562829016#case_item (accessed: 02/22/2026).

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/14/2017 No. 44 "On the practice of applying legislation by courts in Resolving Disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child in case of an immediate threat to his life or health, as well as in case of restriction or deprivation of parental rights" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 1. January. 2018.

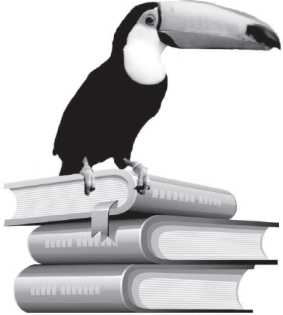
[10] The decision of the Nizhnetavdinsky District Court of the Tyumen region dated 11/18/2024 in case No. 2-687/2024 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ysl2Z3Ngy5Wj/?ysclid=mqsess-jj1x782925212> (accessed: 02/22/2026).

[11] Review of the practice of court resolution of disputes related to the upbringing of children (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 07/20/2011) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 7. July. 2012.

[12] The decision of the Frolovsky City Court of the Volgograd region dated 24.10.2018 in case no. 2-781/2018 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nmcBEBkICbWp/?ysclid=mqs-fabodhw85580933> (accessed: 06/24/2026).

[13] The decision of the Butyrsky District Court of Moscow dated 09/29/2023 in case no. 02-3208/2023 // The official portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/butyrskiy/services/cases/civil/details/d4deb-cd1-d38d-11ed-9d0f-bf86b6142409?CaseNumber=02-3208/2023> (accessed: 06/24/2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-203-207

УСМОНЗОДА Рахим Рахмон,
Слушатель 2-го факультета
Академии управления МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ВОЗЖЕНИКОВА Ольга Сергеевна,
кандидат психологических наук,
профессор кафедры психологии, педагогики и
организации работы с кадрами,
Академия управления МВД России»,
e-mail: mail@law-books.ru

МАСШЕКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
Доцент кафедры ГиГПД Северо-Кавказского
университета (филиал) Краснодарского МВДФ,
кандидат психологических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ

Аннотация. Внедрение международной практики в сферу образования позволяет повышать эффективность и точнее выстраивать профессиональную подготовку специалистов. Заимствование зарубежного опыта должно происходить с опорой на научные принципы. Эффективное внедрение информационных технологий в систему образования МВД России требует выстраивания устойчивого механизма обратной связи между образовательными организациями и оперативной практикой. Исследование особенностей образовательных технологий и методик профессионального обучения в ведущих полицейских академиях мира показывает, что ключевой ресурс повышения качества подготовки связан с реалистичным тренингом и выстраиванием устойчивой связи между теоретическим содержанием и практической деятельностью.

Ключевые слова: система образования, цифровизация, зарубежный опыт подготовки кадров.

USMONZODA Rahim Rahmon,
Student of the 2nd faculty of the Academy
of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

VOZZHENIKOVA Olga Sergeevna,
Candidate of Psychological Sciences,
Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and
Organization of Work with Personnel, Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia”

MASHEKUASHEVA Margarita Khasanbievna,
Associate Professor, Department of GIPD,
North Caucasus University (branch), Krasnodar MVDRF,
Candidate of Psychological Sciences

FEATURES OF THE INTRODUCTION OF FOREIGN EXPERIENCE AND DIGITALIZATION OF THE EDUCATION SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. *The introduction of international practice in the field of education makes it possible to increase efficiency and more accurately build professional training for specialists. Borrowing foreign experience should be based on scientific principles. Effective implementation of information technologies in the education system of the Ministry of Internal Affairs of Russia requires building a stable feedback mechanism between educational organizations and operational practice. A study of the features of educational technologies and methods of vocational training in the leading police academies of the world shows that the key resource for improving the quality of training is associated with realistic training and building a stable connection between theoretical content and practical activities.*

Key words: *education system, digitalization, foreign training experience.*

Внедрение международной практики в сферу образования не является универсальным решением для отечественных образовательных задач, но в ней нередко содержатся рациональные элементы, позволяющие повышать эффективность и точнее выстраивать профессиональную подготовку специалистов в нашем государстве, в том числе в правоохранительной сфере.

Заимствование иностранного опыта может выполнять несколько функций. В одних случаях это помогает сравнивать и объективнее оценивать собственные подходы, в других - закрывает пробелы теории и практики, а иногда становится опорной точкой для разработки новых образовательных технологий уже на отечественной основе.

Важно и то, что зарубежные системы способны предложить не только отдельные приёмы, методы и технологии обучения, но и иную логику построения подготовки и её научного анализа.

Опираясь на опыт применения зарубежных наработок в учебном процессе и в служебной подготовке практических работников, можно обозначить ряд принципов, которые помогают осмысливать иностранный материал и превращать его в работающий элемент отечественной подготовки [5]. Очевидно, что иностранная практика не будет работать сама по себе, пока не станет органической частью более сложной системы - отечественного опыта. Именно он выступает рамкой, внутри которой заимствование может занять место как одна из составляющих, а не как замена всей конструкции.

Для практического применения принцип системности дополняется принципом определения реальных границ опыта. Необходимо уточнить, что именно представляет собой рассматриваемая практика. Это может быть уровень стратегии, когда речь идет о комплексе решений и организации борьбы с широким кругом угроз. Это может быть уровень тактики, когда решается конкретная профессиональная задача, например обучение определенному виду действий. Нако-

нец, это может быть уровень техники, то есть отдельного действия.

Отдельного внимания заслуживает принцип двойной адаптации. Иностранный опыт нельзя переносить в неизменном виде, он требует адаптации к новым условиям. Вместе с тем практика показывает, что нередко требуется и обратное движение - изменение некоторых отечественных организационных и методических условий под выбранный опыт. Без этого он остается внешней оболочкой. Примером служит дистанционное обучение. Перенос материалов в электронный вид еще не создает дистанционный формат как систему. Его ядро - регулярная двусторонняя связь обучающего и обучаемого, готовность преподавателя к работе в таком режиме и наличие у обучающегося обеспеченного инструментария самостоятельной работы. Если эти условия не созданы, результатом становится лишь электронная версия заочного обучения [4, с. 44].

Отдельно следует выделить принцип неизбежности доказательности. В качестве возможного продолжения этого принципа можно рассматривать сопричастность, когда в анализ, оценку и адаптацию вовлекаются те, кто будет использовать опыт в реальной работе или обучении [4, с. 44].

Наконец, уместно обозначить принцип разумного не использования иностранного опыта. Зарубежная практика остается лишь одним из средств решения задач.

Подготовка кадров для органов внутренних дел традиционно осуществляется и в ведомственных образовательных организациях, и в территориальных органах внутренних дел. В ведомственном сегменте речь идет об основных программах среднего, среднего профессионального и высшего образования, о профессиональном обучении граждан, впервые принимаемых на службу, а также о дополнительном профессиональном образовании. В территориальных органах заметную роль играют профессиональная служебная и физическая подготовка, ориентиро-

ванные на текущие задачи подразделений [2]. Требование к образовательным технологиям здесь предельно практичное: они должны помогать формировать сотрудника полиции, способного решать оперативно служебные задачи высокой сложности на уверенном профессиональном уровне.

Подготовка кадров в этом смысле выступает как особый вид информационного производства, которое разворачивается в информационной среде. Сначала система пережила этап компьютеризации, затем информатизации, а сейчас все чаще речь идет о цифровизации и цифровой трансформации, и эти термины нередко смешиваются, хотя их смысл различается [3].

Опросы преподавателей ведомственных образовательных организаций, педагогов центров профессиональной подготовки, руководителей учебных групп и самих обучающихся сотрудников выявляют ряд препятствий на пути к цифровой зрелости профессионального обучения. На первом плане находятся пробелы правового регулирования и дефицит единой концептуальной рамки, из-за чего трудно заранее задать направления и измеримые результаты преобразований. Существенной проблемой выступает и цифровой разрыв между участниками учебного процесса: цифровые компетенции и доступ к цифровым средствам распределены неравномерно, поэтому часть преподавателей и руководителей учебных групп не использует возможности современных образовательных решений в полном объеме, а часть обучающихся сотрудников не обладает достаточной подготовкой, чтобы эффективно включаться в цифровые форматы.

Серьезное значение имеет материально-техническая база: дефицит автоматизированных рабочих мест, недостаток интерактивных тренажеров и тиров для моделирования ситуаций применения оружия, ограниченные возможности симуляторов, а также проблемы качества интернет-соединения и пропускной способности сетевой инфраструктуры. При этом важно учитывать, что само по себе насыщение организаций техникой не приводит автоматически к цифровой трансформации, если не меняются содержание подготовки, методика, формы занятий и способы оценки результатов. Так же проблемой становится недостаток современных учебно-методических материалов и программных решений для деловых игр и обучающих сценариев, где материал усваивается через практику и моделирование. Наконец, цифровое развитие неизбежно повышает требования к кибербезопасности и приводит к необходимости дополнительных организационных мер и затрат.

Практический вывод состоит в том, что дальнейшее развитие подготовки кадров для органов внутренних дел целесообразно строить

как сочетание обновления содержания и методики обучения с целевым внедрением цифровых инструментов, а также расширением программ подготовки специалистов по противодействию интернет-технологиям преступлениям и программ повышения квалификации для сотрудников, отвечающих за цифровую трансформацию в подразделениях. Цифровые изменения, закреплённые в государственных стратегических документах, всё заметнее перестраивают не только экономику, но и саму логику подготовки специалистов, включая ведомственное высшее образование.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы обозначены цели, задачи и меры государственной политики в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, ориентированной на развитие информационного общества, становление цифровой экономики и обеспечение национальных интересов [1]. Из этого следует, что информатизация стала фактором преобразования ключевых социальных институтов, прежде всего образования. Для системы высшего образования, включая вузы МВД России, это выражается в развитии информационно-образовательной среды и расширении практик электронного обучения.

Инновационные электронные образовательные технологии целесообразно рассматривать как ядро электронного обучения, поскольку именно они задают способы работы с учебным содержанием и определяют результат.

В вузах системы МВД элементы такой инновационной активности постепенно закрепились и в методическом обеспечении, и в технологическом оснащении учебного процесса, а дополнительный импульс этому направлению придали условия пандемии COVID 19, когда потребовалось сохранять практико-ориентированный характер подготовки при ограничениях очного взаимодействия. Показательно, что на разных направлениях подготовки вузы искали не универсальное решение, а сочетали несколько рабочих сценариев.

Например, в Волгоградской академии МВД России апробировали организационные решения, при которых задания и материалы для контрольных экспертиз и практикумов размещались на внутреннем портале, часть объектов исследования курсанты подготавливали самостоятельно, а в отдельных случаях преподаватель выполнял операции с объектом у себя, действуя по командам обучающегося, который проговаривал последовательность действий и тем самым отрабатывал алгоритм работы, приближая ситуацию к реальной процедуре. Другая линия цифровых инструментов связана с виртуальной и дополненной реальностью, которые особенно востребованы там, где важно воспроизвести место проис-

шествия, пространственную обстановку и динамику действий.

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя технологии виртуальной реальности используются как среда, создаваемая программными и техническими средствами и воспринимаемая человеком через зрение, слух и иные каналы [3, с.75]. Практическая ценность такого решения проявляется в том, что обучающийся получает возможность рассматривать смоделированную обстановку с разных точек и высот, быстро менять позицию наблюдения и работать с пространством как с учебным объектом, не ограничиваясь плоской схемой. При выборе и применении таких устройств приходится учитывать качество изображения, длительность комфортной работы и степень интерактивности, то есть возможность взаимодействовать с объектами в виртуальной среде. Дополненная реальность применяется как режим, когда на экране мобильного устройства реальный фон совмещается с виртуальными элементами, что позволяет подкреплять объяснение наглядными слоями информации.

Отдельного внимания заслуживает опыт, связанный с созданием авторских автоматизированных систем обучения. В Воронежском институте МВД России разработан комплекс, ориентированный на работу с мобильными устройствами и позволяющий поддерживать широкий спектр методических решений, от анализа процессуальных текстов с применением инструментов обработки естественного языка до совместной работы обучающихся над документом в режиме виртуальной доски [6, с. 58]. Система использует сценарные задания, в том числе в виде нелинейных квестов, что приближает учебную задачу к логике правоприменительной деятельности, а также включает сервисы распознавания речи и синтеза, когда необходимо проверять навыки ведения вербального контакта в профессионально значимых ситуациях и др.

Цифровая трансформация учебной среды особенно отчётливо проявляется в тех видах подготовки, где решающее значение имеет тренировка действий в условиях риска и неопределённости, поэтому логично связать электронные технологии с задачами тактико-специальной подготовки. Такая подготовка представляет собой системный процесс формирования у сотрудников органов внутренних дел набора профессиональных знаний и навыков, необходимых для выполнения оперативных задач в условиях повышенной опасности и нестабильной обстановки. Здесь первичны не объём теоретических сведений сам по себе, а способность применять алгоритмы действий в меняющихся условиях, включая взаимодействие с правонарушителями, реагирование на чрезвычайные ситуации и выполне-

ние задач в сложной среде. Отдельные компоненты подготовки включают работу с тактической топографией, освоение средств индивидуальной защиты, специального оборудования и оружия, а также тренировки, где важны скорость принятия решения и устойчивость поведения под давлением.

Важное место в этой системе занимает физическая готовность, поскольку она обеспечивает выносливость и реакцию в экстремальных эпизодах службы, и психологическая устойчивость, позволяющая сохранять управляемость действий при стрессовой нагрузке. Дополняет картину управленческий компонент, когда обучающиеся осваивают координацию действий группы и рациональное использование ресурсов при проведении специальных мероприятий. На фоне усложнения криминогенной обстановки, развития информационной преступности и усиления террористических рисков требования к профессиональному уровню сотрудников возрастают, что делает вопрос качества тактико-специальной подготовки не учебным, а непосредственно служебным [7, с.128].

Эффективное внедрение информационных технологий в систему образования МВД России требует выстраивания устойчивого механизма обратной связи между образовательными организациями и оперативной практикой, чтобы учебные программы отражали реальные тенденции службы, а также системного обновления методик через сценарное моделирование, интерактивные тренажёры и использование виртуальной и дополненной реальности для отработки решений в условиях, близких к служебным. Отдельным направлением становится повышение квалификации преподавателей и инструкторов, поскольку эффективность технологий определяется не только наличием оборудования, но и тем, насколько педагогический состав владеет современными методическими решениями и способен переводить цифровые инструменты в осмысленную учебную задачу.

Логичным организационным шагом выглядит развитие центров имитационного обучения, где мультимедийные платформы и интерактивное оборудование позволяют воспроизводить широкий спектр служебных ситуаций с высокой степенью реалистичности, от стандартных патрульных эпизодов до сложных тактических операций. В такой среде обучающийся тренирует не только технику, но и умение анализировать обстановку, принимать решение при дефиците времени и выдерживать психологическую нагрузку, получая обратную связь по качеству действий. Чтобы такие центры стали не разрозненными инициативами, а элементом системы, важно обеспечить правовое и организационное сопровождение, включая унификацию требований к инфраструк-

туре и методикам, ускорение внедрения образовательных инноваций и возможность оперативной корректировки программ под изменения служебной практики. Существенное значение имеет и согласованная работа образовательных организаций МВД, оперативных подразделений и научных учреждений, поскольку именно в таком контуре быстрее формируются и проверяются методики, обеспечивается обмен практическими кейсами и уточняется запрос к техническому оснащению.

Практический результат такого подхода проявится тогда, когда цифровые решения будут встроены в учебные программы как инструмент регулярной отработки профессиональных действий, а не как эпизодическая демонстрация, что позволит выпускнику уверенно переносить тренировочный опыт в реальные служебные ситуации.

Исследование особенностей образовательных технологий и методик профессионального обучения в ведущих полицейских академиях мира показало, что ключевой ресурс повышения качества подготовки связан с реалистичным тренингом и выстраиванием устойчивой связи между теоретическим содержанием и практической деятельностью. Зарубежный опыт демонстрирует эффективность сценарного подхода, моделирования ситуаций, регулярной тренировки коммуникации и принятия решений в условиях неопределённости, а также активного использования технических средств обучения. При этом выявлено, что даже при близости функций полиции в разных государствах содержание программ существенно различается из-за национальных стандартов, организационных задач и ресурсных условий. Следовательно, адаптация должна учитывать не только методику, но и контекст - от правовой базы до организационной культуры и материально технических возможностей.

Существенным фактором остаётся необходимость повышения методической культуры и актуализации компетенций преподавательского и инструкторского состава, поскольку именно педагог транслирует обучающимся образ профессионального поведения и стандарты деятельности органов внутренних дел.

Список литературы:

- [1] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» / Собрание законодательства РФ. - 2017. № 20. Ст. 2901.
- [2] Байдаев М.М. Подготовка кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Прикладная психология и педагогика. 2022. № 4. С. 205-206
- [3] Горелов С.А., Ломакин В.В., Сапов А. В. Специальная подготовка сотрудников ОВД в особых условиях как элемент профессиональной подготовки // Перспективы науки. -2024. № 7 (178). С. 75.
- [4] Киреева О. В. Адаптация зарубежного образовательного опыта в системе профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов: педагогические и психологические аспекты // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2024. № 3 (98). С. 44.
- [5] Международный педагогический опыт как инструмент модернизации профессионального образования МВД России // Педагогическая наука и практика. - 2025. - № 1. С. 58-59.
- [6] Разбегаев П.В. К вопросу о внедрении инновационного программного обеспечения в процессе подготовки сотрудников МВД России // Право и образование. - 2023. - № 1. С. 58
- [7] Черменев Д.А., Бордачев А.Ю. Особенности организации проведения практических занятий по тактико-специальной подготовке с курсантами образовательных организаций МВД России // Научный компонент. - 2022. № 1 (13). С. 128.

References:

- [1] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" /Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2017. № 20. Art. 2901.
- [2] Baidaev M.M. Training for the internal affairs bodies of the Russian Federation in the context of digital transformation//Applied psychology and pedagogy. 2022. № 4. P. 205-206
- [3] Gorelov S.A., Lomakin V.V., Sapov A.V. Special training of police officers in special conditions as an element of professional training//Prospects for science. -2024. № 7 (178). S. 75.
- [4] Kireeva O. V. Adaptation of foreign educational experience in the system of professional training of law enforcement officers: pedagogical and psychological aspects//Psychopedagogy in law enforcement agencies. - 2024. № 3 (98). S. 44.
- [5] International pedagogical experience as a tool for the modernization of professional education of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Pedagogical science and practice. - 2025. - № 1. S. 58-59.
- [6] Razbegaev P.V. On the introduction of innovative software in the process of training employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Law and Education. - 2023. - № 1. S. 58
- [7] Chermenev D.A., Bordachev A.Yu. Peculiarities of the organization of practical classes on tactical and special training with cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Scientific component. - 2022. № 1 (13). S. 128.

АНТОНОВА Анна Владимировна,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: aantonova82@mail.ru

МЕДВЕДЕВА Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры управления и
административной деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина, подполковник полиции,
e-mail: taniavbel@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВД ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ, ВЫЯВЛЕНИЮ, ПРЕСЕЧЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами. На основе анализа статистических данных, официальных документов и научных источников автором определяются правовые и организационные основы противодействия экстремизму в миграционной среде, выявляются основные проблемы правоприменительной практики и предлагаются пути повышения эффективности работы ОВД.

Ключевые слова: экстремизм, органы внутренних дел, иностранные граждане, миграция, профилактика правонарушений, противодействие экстремизму, национальная безопасность.

ANTONOVA Anna Vladimirovna,
senior lecturer of the Department of Special Disciplines
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

MEDVEDEVA Tatyana Viktorovna,
Senior Lecturer of the Department of Management and
Administrative Activities of Internal Affairs Bodies
of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after I.D. Putin, police lieutenant colonel

ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS DEPARTMENTS TO PREVENT, DETECT, AND SUPPRESS EXTREMIST OFFENCES COMMITTED BY FOREIGN CITIZENS ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article examines current issues related to the activities of Russian internal affairs agencies in preventing, detecting, and suppressing extremist offenses committed by foreign citizens. Based on an analysis of statistical data, official documents, and academic sources, the author defines the legal and organizational framework for countering extremism in the migration environment, identifies key challenges in law enforcement practices, and proposes ways to improve the effectiveness of internal affairs agencies.

Key words: extremism, internal affairs agencies, foreign citizens, migration, crime prevention, counter-ing extremism, national security.

В современных условиях глобализации и интенсивных миграционных процессов проблема экстремизма приобретает особую остроту для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и особую тревогу здесь вызывает рост правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами, что требует от органов внутренних дел (Далее ОВД) разработки и реализации эффективных механизмов противодействия данному негативному социальному явлению. Как справедливо отмечает председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин, «серьёзная угроза общественной безопасности обозначилась всё более дерзкими проявлениями экстремизма со стороны иностранных граждан». В связи с этим деятельность ОВД по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами, является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму.

Правовую основу деятельности ОВД в рассматриваемой сфере составляют Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1], которым определяются правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности и устанавливается ответственность за ее осуществление, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие организацию работы органов внутренних дел по противодействию экстремизму. Немаловажное значение также имеют Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, утвердивший Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации [2], которая определяет основные направления государственной политики в данной сфере на современном этапе, и Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738, которым утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы [3]. Как отмечается в научной литературе, уголовно-правовая регламентация составов, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, нуждается в постоянном совершенствовании с учетом меняющихся общественных отношений [8; 9].

Современное состояние правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации, характеризуется устойчивой тенденцией к росту. По данным Министерства внутренних дел РФ, в 2025 году количество заре-

гистрированных экстремистских преступлений возросло на 20% [2; 9, с. 2]. При этом, как отметил А.И. Бастрыкин, только зафиксировано 253 случая правонарушений террористической направленности, совершённых иностранцами. Примечательно, что данные правонарушения зачастую совершаются мигрантами, находящимися в России на незаконном положении, которые бесконтрольно перемещаются по её территории и систематически игнорируют предписания миграционного законодательства [3, с. 4–5]. Общее число преступлений, совершённых иностранными гражданами в 2025 году, выросло на 15% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В исправительных учреждениях России содержится 27,6 тыс. иностранных граждан, из которых 69% — выходцы из Средней Азии. Более того, число заключённых, осуждённых за преступления террористического характера, в 2025 году выросло на 40,9% и составило 5412 человек, а по экстремистским статьям — на 34,5% (до 1781) [10].

В контексте противодействия экстремизму в миграционной среде важное значение приобретает проблема вовлечения иностранных граждан, прежде всего из числа трудовых мигрантов, в экстремистскую деятельность. Как отмечается в криминологических исследованиях, деструктивная деятельность представителей международных террористических и экстремистских организаций часто направлена на использование миграционных потоков для распространения своей идеологии и вербовки новых членов [7]. Председатель Госкомитета национальной безопасности Таджикистана Саймумин Ятимов, выступая на Третьей конференции СНГ по противодействию терроризму и экстремизму в октябре 2025 года, заявил, что террористические структуры, связанные с транснациональной и киберпреступностью, создают «спящие ячейки» на территории государств региона, причем вербовка осуществляется преимущественно из числа трудовых мигрантов как наиболее уязвимого слоя населения, с использованием региональной ментальности для распространения радикальной идеологии и политизации ислама.

На наш взгляд, в контексте противодействия экстремизму в миграционной среде важное значение приобретает проблема вовлечения иностранных граждан, прежде всего из числа трудовых мигрантов, в экстремистскую деятельность. Как отмечается в криминологических исследованиях, деструктивная деятельность представителей международных террористических и экстремистских организаций часто направлена на использование миграционных потоков для распространения своей идеологии и вербовки новых членов [7]. В этой связи деятель-

ность ОВД по предупреждению правонарушений экстремистской направленности среди иностранных граждан должна включать в себя не только меры оперативно-разыскного и уголовно-правового характера [4], но и активную профилактическую работу [6], направленную на социальную адаптацию мигрантов, разъяснение им норм российского законодательства и формирование негативного отношения к экстремистской идеологии.

Отметим, что выявление правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами, представляет собой одно из наиболее сложных и ответственных направлений оперативно-служебной деятельности ОВД, особенно в условиях активного использования экстремистскими элементами современных информационно-коммуникационных технологий. В научной литературе справедливо отмечается, что в деятельности ОВД по выявлению, пресечению, а также профилактике экстремистской деятельности в глобальной компьютерной сети существует ряд проблем, требующих совершенствования правового регулирования данной сферы [5], поскольку правоохранительные органы на ранних стадиях выявляют такие нарушения и инициируют блокировку противоправного контента в Интернете. Вместе с тем, практика показывает, что иностранные граждане, совершающие преступления экстремистской направленности, могут использовать различные способы сокрытия своих действий, что, несомненно, требует от сотрудников ОВД постоянного повышения квалификации и внедрения новых методик выявления экстремистских проявлений.

Пресечение правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами, осуществляется ОВД как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими правоохранительными органами. В комплексе мер по пресечению экстремистской деятельности важное место занимают административно-правовые методы противодействия, включая контроль за соблюдением иностранными гражданами правил въезда, пребывания и осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации. В 2025 году в отношении иностранцев и лиц без гражданства принято 10,3 тыс. решений о нежелательности пребывания на территории России и 10,7 тыс. о неразрешении въезда. Однако, как заявил глава МВД РФ Владимир Колокольцев, всего из России выдворили 72 тыс. иностранных граждан, нарушивших закон, и их число могло бы быть в 10 раз выше при должном финансировании. В юридической литературе подчеркивается, что криминализация отдельных проявлений экстре-

мизма и терроризма должна быть сбалансированной, а правоприменительная практика – единой [9].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда проблем, снижающих эффективность деятельности ОВД по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами. К числу таких проблем можно отнести недостаточную согласованность действий между различными правоохранительными органами и силовыми структурами, осуществляющими противодействие экстремизму (ОВД, ФСБ, Росгвардия и другие), дефицит кадровых и материально-технических ресурсов в подразделениях по противодействию экстремизму МВД России (Центрах «Э»), а также сохраняющиеся пробелы в уголовно-правовом и административно-правовом регулировании ответственности за отдельные виды экстремистских проявлений. В этой связи, считаем необходимым постоянно повышать эффективность работы органов внутренних дел по предупреждению и пресечению преступлений экстремистской направленности [6], что должно заключаться в целом комплексе мероприятий и обеспечении надлежащего взаимодействия между различными силовыми структурами, занимающимися борьбой с экстремизмом.

В целях повышения эффективности деятельности ОВД по противодействию экстремизму в среде иностранных граждан представляется целесообразным так же сосредоточить усилия на совершенствовании профилактической работы среди мигрантов, в особенности среди обучающихся в российских образовательных организациях иностранных студентов, которые в силу возрастных особенностей и недостаточной социальной адаптации являются наиболее уязвимой категорией для восприятия экстремистской идеологии. В региональной практике уже имеются позитивные примеры такой работы: в вузах различных субъектов Российской Федерации проводятся встречи иностранных студентов с сотрудниками Центров по противодействию экстремизму МВД, в ходе которых подробно освещается тема профилактики экстремизма, объясняется, как выявлять угрожающие признаки, как не стать жертвой вербовки и каковы последствия участия в противоправной деятельности. Указанный опыт заслуживает широкого распространения и как обоснованно отмечают исследователи, криминологическая профилактика экстремизма в миграционной среде требует комплексного подхода, объединяющего усилия ОВД, органов власти и институтов гражданского общества [7; 8].

Таким образом, деятельность органов внутренних дел по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации, представляет собой сложную многоплановую систему, реализуемую в рамках установленных законом полномочий и в тесном взаимодействии с иными правоохранительными органами и государственными структурами. Эффективность данной деятельности в значительной степени зависит от своевременного и адекватного реагирования на меняющиеся формы и способы совершения экстремистских преступлений, постоянного совершенствования нормативной правовой базы [1; 2], внедрения современных методов и технологий выявления и пресечения экстремистских проявлений [5], а также активизации профилактической работы в миграционной среде [6; 7]. Только комплексное решение перечисленных задач позволит существенно снизить уровень экстремистской угрозы, исходящей от иностранных граждан, и обеспечить надежную защиту конституционного строя, территориальной целостности и общественной безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031. URL: <https://government.ru/docs/all/20168/> (дата обращения: 14.06.2026).

[2] Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 1. — Ст. 15. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50901> (дата обращения: 14.06.2026).

[3] Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 43. — Ст. 6347. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52333> (дата обращения: 14.06.2026).

[4] Балеев С. А. Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-organizatsiyu-i-uchastie-v-ekstremistskom-soobschestve-i-ekstremistskoy-organizatsii-po-uk-rf> (дата обращения: 14.06.2026).

[5] Баранов В. В. Правовые и организационные основы деятельности ОВД по противодействию проявлениям экстремизма в глобальной

компьютерной сети // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-organizatsionnye-osnovy-deyatelnosti-ovd-po-protivodeystviyu-proyavleniyam-ekstremizma-v-globalnoy-kompyuternoy-seti> (дата обращения: 14.06.2026).

[6] Коркмазов А. В. Актуальные вопросы деятельности сотрудников полиции по предупреждению правонарушений экстремистской направленности // Юридический вестник. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-deyatelnosti-sotrudnikov-politsii-po-preduprezhdeniyu-pravonarusheniy-ekstremistskoy-napravlennosti> (дата обращения: 14.06.2026).

[7] Абдулганеев Р. Р. Криминологические аспекты предупреждения органами внутренних дел Российской Федерации религиозного экстремизма в среде мигрантов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-aspekty-preduprezhdeniya-organami-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii-religioznogo-ekstremizma-v-srede-migrantov> (дата обращения: 14.06.2026).

[8] Цепелев В. Ф., Лелетова М. В. Уголовно-правовая регламентация составов «содействие террористической деятельности» (статья 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) и «финансирование экстремистской деятельности» (статья 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): современное состояние и возможности совершенствования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 4 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-reglamentatsiya-sostavov-sodeystvie-terroristicheskoy-deyatelnosti-statya-2051-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy> (дата обращения: 14.06.2026).

[9] Татаров Л. А. О криминализации терроризма и экстремизма в уголовном законодательстве Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kriminalizatsii-terrorizma-i-ekstremizma-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 14.06.2026).

[10] О росте числа преступлений иностранных граждан на 15% (до 12,4 тыс.) в I квартале 2025 года см.: Стенограмма выступления Председателя СК России А.И. Бастрыкина на ПМЮФ (раздел «Миграционная преступность»). — URL: <http://sledcom.ru/actual/2025/PMUF.pdf> (дата обращения: 14.06.2026)

References:

[1] Federal Law of 25.07.2002 No. 114-FZ (as amended by 27.10.2025) “ On Countering Extremist

Activities “//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2002. — № 30. - Art. 3031. URL: <https://government.ru/docs/all/20168/> (access date: 14.06.2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124 “On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation” “//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2025. — № 1. - Art. 15. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50901> (access date: 14.06.2026).

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 15.10.2025 No. 738 “On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030” “//Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2025. — № 43. - Art. 6347. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52333> (access date: 14.06.2026).

[4] Baleev S. A. Responsibility for organizing and participating in an extremist community and an extremist organization under the Criminal Code of the Russian Federation//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-organizatsiyu-i-uchastie-v-ekstremistskom-soobschestve-i-ekstremistskoy-organizatsii-po-uk-rf> (дата обращения: 14.06.2026).

[5] Baranov V.V. Legal and organizational foundations of the activities of the Department of Internal Affairs to counter manifestations of extremism in the global computer network//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-organizatsionnye-osnovy-deyatelnosti-ovd-po-protivodeystviyu-proyavleniyam-ekstremizma-v-globalnoy-kompyuternoy-seti> (дата обращения: 14.06.2026).

[6] Korkmazov A. V. Current issues of the activities of police officers to prevent extremist offenses//Legal Bulletin. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-deyatelnosti-sotrudnikov-politsii-po-preduprezhdeniyu-pravonarusheniy-ekstremistskoy-napravlenosti> (дата обращения: 14.06.2026).

[7] Abdulganeev R.R. Criminological aspects of the prevention of religious extremism among migrants by the internal affairs bodies of the Russian Federation//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-aspekty-preduprezhdeniya-organami-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii-religioznogo-ekstremizma-v-srede-migrantov> (дата обращения: 14.06.2026).

[8] Tsepelev V.F., Leletova M.V. Criminal law regulation of the compositions “assistance to terrorist activities” (article 2051 of the Criminal Code of the Russian Federation) and “financing of extremist activities” (article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): current state and opportunities for improvement//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-reglamentatsiya-sostavov-sodeystviya-terroristicheskoy-deyatelnosti-statya-2051-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy> (дата обращения: 14.06.2026).

[9] Tatarov L. A. On the criminalization of terrorism and extremism in the criminal legislation of the Russian Federation//Gaps in Russian legislation. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kriminalizatsii-terrorizma-i-ekstremizma-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 14.06.2026).

[10] For an increase in the number of crimes of foreign citizens by 15% (up to 12.4 thousand) in the first quarter of 2025, see: Transcript of the speech of the Chairman of the Investigative Committee of Russia A.I. Bastrykin at the PMYUF (section “Migration crime”). - URL: <http://sledcom.ru/actual/2025/PMUF.pdf> (accessed on: 14.06.2026)

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЖАМБОРОВ Анзор Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Огневой подготовки,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России, город Нальчик,
e-mail: jamborow@mail.ru

МАСHEКУАШЕВА Маргарита Хасанбиевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России, город Нальчик,
e-mail: mashekuasheva@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТРЕЛКА – СОТРУДНИКА ОВД

Аннотация. В статье рассматриваются определенные актуальные проблемы огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел (ОВД) с точки зрения именно психологического компонента тренировочного процесса стрелка. Эффективное применение табельного оружия сотрудниками органов внутренних дел в нестандартных и экстремальных ситуациях и условиях служебной деятельности всегда связано с определенными психофизиологическими нагрузками. Авторами проводится анализ ключевых элементов психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел являющейся обязательным элементом тренировочного и подготовительного процесса при проведении занятий по огневой подготовке, включая формирование мотивационно-волевой сферы, развитие специальных психических качеств, овладение навыками психологической саморегуляции и моделирование экстремальных условий стрельбы. Устанавливается, что комплексный и системный подход к психологической подготовке является неотъемлемым компонентом профессионального мастерства сотрудника ОВД, напрямую влияющим на законность и эффективность применения огнестрельного оружия.

Ключевые слова: психологическая подготовка, сотрудник ОВД, стрелок, применение огнестрельного оружия, экстремальные условия, психологическая саморегуляция, стресс, профессиональная надежность.

ZHAMBOROV Anzor A.,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department
of Fire Training, North Caucasus Institute of Advanced Training
(branch) Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Nalchik

MASHEKUASHEVA Margarita Khasanbievna,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Department of State and Civil Law Disciplines
North Caucasus Institute for Advanced Studies
(branch) Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Nalchik

SOME ELEMENTS OF PSYCHOLOGICAL TRAINING OF A SHOOTER – A POLICE OFFICER

Annotation. This article examines specific current issues in firearms training for law enforcement officers from the perspective of the psychological component of the shooter's training process. The effective use of service weapons by law enforcement officers in non-standard and extreme situations and on-duty condi-

tions is always associated with certain psychophysiological stress. The authors analyze the key elements of psychological training of employees of internal affairs agencies, which is a mandatory element of the training and preparatory process during firearms training, including the formation of the motivational-volitional sphere, the development of special mental qualities, the acquisition of mental self-regulation skills and the simulation of extreme shooting conditions. It is established that a comprehensive and systematic approach to psychological training is an integral component of the professional skills of an internal affairs officer, directly influencing the legality and effectiveness of the use of firearms.

Key words: psychological preparation, police officer, shooter, use of firearms, extreme conditions, mental self-regulation, stress, professional reliability.

Огневая подготовка стрелка (сотрудника правоохранительных органов) это сложнокоординированный вид профессиональной деятельности, где успех и приобретение необходимых умений и навыков сотрудниками зависит не только от мастерства и технической оснащенности стрелка, но и психологической готовности к выполнению специальных упражнений, действиям в условиях приближенных к реальным, а иногда экстремальным. Здесь стоит добавить, что вопреки существующему мнению о том, что влиянию стресс-факторов подвержены только начинающие стрелки, отнюдь, иногда стрелки высокого уровня подготовки испытывают сильный стресс, что естественно приводит к не совсем удовлетворительным и ожидаемым от этого стрелка результатам [5, с. 331].

Зачастую, оперативно-служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел в современных условиях характеризуется высокой степенью риска и необходимостью принятия решений в условиях реального дефицита времени. В этих ситуациях применение табельного огнестрельного оружия зачастую является единственным средством обеспечения личной безопасности, защиты жизни граждан и пресечения тяжких преступлений [3].

Однако, как показывают анализ и статистика, даже при хорошей технической и тактической подготовке, сотрудник может действовать неэффективно под воздействием мощных психогенных факторов: стресса, страха, паники, избыточного эмоционального возбуждения [1, с. 45]. Это проявляется в ухудшении координации, «туннельном» зрении, снижении точности стрельбы, затруднении принятия адекватных решений.

В связи с этим, традиционная огневая подготовка, направленная в основном на отработку технических действий в стандартных условиях тира, является недостаточной. На первый план выходит психологическая подготовка стрелка, целью которой является формирование профессиональной надежности, устойчивости к стрессу и способности к эффективным действиям в реальных экстремальных ситуациях.

Итак, психологическая подготовка стрелка – это целенаправленный, педагогически органи-

зованный процесс формирования и совершенствования у сотрудника ОВД системы психических качеств, состояний и умений, обеспечивающих готовность к высокоэффективным и адекватным действиям с оружием в условиях служебной деятельности [2, с. 78].

Данный процесс должен представлять собой комплексную систему, встроенную в систему профессиональной подготовки. Его можно структурировать на несколько взаимосвязанных компонентов:

Мотивационно-волевой компонент. Включает формирование профессиональной мотивации, осознанной ответственности за применение оружия, установки на максимальное выполнение поставленной задачи в рамках правового поля.

Когнитивный компонент. Направлен на развитие специализированных видов восприятия («чувства оружия», «чувства времени»), объема и распределения внимания, оперативного мышления и антиципации (предвосхищения действий противника).

Эмоционально-регулятивный компонент. Предполагает овладение навыками управления своим эмоциональным состоянием, нейтрализации негативных воздействий стресса, поддержания психической устойчивости.

Операциональный компонент. Основная цель данного компонента это формирование устойчивых, практических навыков (то есть доведенных до автоматизма) обращения с оружием, которые сохраняют свою эффективность в условиях психофизиологического напряжения.

Эти компоненты формируются и реализуются через конкретные элементы и методики психологической подготовки.

Фундаментом всей психологической подготовки является правильная мотивация и сформированное правосознание. Сотрудник должен не просто уметь стрелять, но и четко понимать, когда, как и с какой целью применяется оружие. Психологическая установка на правомерное применение силы является сдерживающим фактором против поспешных или панических действий.

Элементы работы в данном направлении:

- Правовое информирование и анализ ситуаций. Регулярный разбор реальных случаев

применения оружия сотрудниками ОВД, в том числе и с негативными последствиями. Анализ юридических аспектов, обсуждение критериев необходимости и соразмерности.

- Формирование «внутреннего арбитра». Развитие у стрелка способности к мгновенной этической и правовой оценке ситуации до и в момент принятия решения о применении оружия.
- Воспитание профессиональной ответственности. Акцент на том, что каждый выстрел – это крайняя мера, влекущая за собой серьезные последствия.
- Развитие волевых качеств. Специальные упражнения и тренировки, направленные на повышение целеустремленности, самообладания, решительности и инициативности. Преодоление страха, неуверенности и инерции мышления.

Далее относительно развития специальных психических качеств и состояний, необходимо отметить, что эффективная стрельба в нестандартных условиях требует развития ряда специфических психических функций, таких как, например, устойчивость к различным внешним раздражителям и эмоциональная стабильность (сотрудник должен быть готов к действиям в условиях интенсивных помех: крики, шум, движение людей, угрозы, внезапные изменения обстановки).

Какие предлагаются методы развития и специальных тренировок:

- Тренировка в условиях преднамеренно созданных помех. Выполнение стрелковых упражнений при включенной громкой музыке, световых эффектах (стробоскоп), отвлекающих факторах (перед стрелком перемещаются манекены или другие люди в защитном снаряжении).
- Контроль и регуляция эмоционального возбуждения. Обучение отслеживанию первых признаков паники или агрессии и их купированию с помощью дыхательных техник.
- Устойчивость и переключение внимания.
- В боевой обстановке необходимо одновременно следить за несколькими объектами: целью, окружающей обстановкой, положением оружия, своими действиями.
- Тренировка распределения внимания. Упражнения, в которых необходимо отслеживать несколько целей, в том числе и невооруженные, принимать решение на поражение в соответствии с условной обстановкой.
- Развитие «полевого» зрения. Методики, направленные на преодоление «туннельного» зрения, возникающего при стрессе.

- Оперативное мышление и антиципация.
- Способность быстро анализировать ситуацию, прогнозировать развитие событий и действия противника.
- Использование интерактивных стрелковых тренажеров. Современные тренажерные комплексы позволяют моделировать множество сценариев, требующих мгновенной оценки и принятия решения: идентификация угрозы (вооруженный/невооруженный человек), выбор момента для открытия огня, прекращение огня при исчезновении угрозы.
- Тактические командные тренировки. Совместные отработки действий в группе, где необходимо не только точно стрелять, но и коммуницировать, предугадывать действия напарника.

Основные методы психологической саморегуляции.

Определенные навыки психологической саморегуляции (ПСР) являются инструментом, позволяющим сотруднику самостоятельно управлять своим психофизиологическим и эмоциональным состоянием до, во время и после выполнения стрелковых задач.

Основные техники, наиболее часто применяемые в практике стрелка:

- Дыхательные упражнения. Существуют различные их вариации и комбинации (вдох на 4 счета выдох на 8 либо второй вариант с добавлением задержки дыхания между выдохом и вдохом на 7 счетов; техника «тактического дыхания» вдох на 4 секунды, задержка на 4 секунды, выдох на 4 секунды и т.д.). В целом данная техника «успокаивающего» дыхания (удлиненный выдох) позволяет быстро снизить частоту сердечных сокращений и уровень тревожности перед выполнением выстрела или в момент принятия решения.
- Нервно-мышечная релаксация. Навык осознанного расслабления мышц, не задействованных в выполнении выстрела (плечи, шея, лицо). Мышечные зажимы негативно влияют на координацию и точность. Здесь же можно применить упражнение - «концентрация на процессе, а не на результате».
- Идеомоторная тренировка. Мысленное «проигрывание» упражнения, последовательно и правильно представляя весь процесс: от принятия решения до производства выстрела. Многократное мысленное повторение правильных действий, то есть лишенное всяких недостатков, формирует устойчивые нейронные связи, а самое главное формирует определенное «привыкание» и

соответственно повышает уверенность. Этот метод особенно эффективен в сочетании с аутогенной тренировкой и конечно реальной практикой.

- Аутогенная тренировка. Суть, которой заключается в многократном повторении определенных словесных упражнений, которые помогают фиксировать внимание стрелка на необходимые субъективные ощущения.

В данном случае можно использовать и элементы самовнушения, использования ключевых слов и разработку индивидуальных формул самовнушения («Уверен», «Спокоен», «Плавный спуск», «Контроль пальца»), которые помогают сконцентрироваться в критический момент. Либо применение метода эмоциональной нейтральности, где стрелок с помощью тех же установок сохраняет ровное настроение, независимо от результатов стрельбы.

При отработки данных техник можно привлекать также и психолога, причем результаты возрастут, если проводить данную работу непосредственно на огневом рубеже, в условиях, приближенных к реальным.

Далее в контексте вышеизложенного нам необходимо коснуться такого элемента подготовки как - моделирование нестандартных или экстремальных условий, так как он является одним из ключевых элементов подготовки стрелка.

Принцип «что смог освоить в спокойной обстановке, то всегда применишь в стрессе» – в корне неверен применительно к стрельбе. Навык, сформированный в комфортных условиях тира, «рассыпается» под воздействием нестандартных факторов. Поэтому центральным элементом психологической подготовки является регулярное и разнообразное моделирование экстремальных условий [7].

Формы и методы моделирования:

1. Введение физической нагрузки. Выполнение стрелковых упражнений после кросса, силовых упражнений, преодоления полосы препятствий. Это имитирует состояние утомления и повышенного физиологического возбуждения, характерное для реальной погони или задержания.
2. Ограниченное время и патроны. Упражнения с жестким лимитом времени и ограниченным боекомплектом вырабатывают навык быстрого и экономного ведения огня, повышают ответственность за каждый выстрел.
3. Моделирование неопределенных ситуаций с неоднозначным выбором. Использование мишеней, изображающих не только воору-

женных преступников, но и заложников, мирных граждан. Сотрудник должен в доли секунды идентифицировать угрозу и принять решение о возможности открытия огня.

4. Проведение стрельб в нестандартных условиях: не достаточной видимости цели, с использованием светошумовых гранат, в различных положениях и позах, из-за укрытий, при движении.

Такая подготовка приводит к явлению «стрессоустойчивости навыка» – когда двигательный стереотип выполнения выстрела остается стабильным и эффективным даже при высоком уровне психофизиологического напряжения.

В завершении работы можно подвести следующие итоги: как отмечают многие специалисты, занимающиеся данной проблематикой неотъемлемыми элементами правомерного, точного и уверенного выстрела являются физическая, техническая и психологическая составляющие, работающие только в комплексе [9]. Залогом эмоциональной устойчивости и повышения уровня профессионального и стрелкового мастерства являются систематические тренировки. Которые в свою очередь подразумевают, с учетом индивидуальных особенностей стрелка - подбор и использование прогрессивных методик обучения, по психоэмоциональному контролю состояния стрелка, позволяющих управлять своим психологическим состоянием в любой экстремальной ситуации и формирующие у обучаемого необходимые стрелковые навыки (которые в свою очередь и превращают его в опытного стрелка) [5, с. 331].

Поэтому психологическая подготовка стрелка – сотрудника ОВД является не дополнительным, а системообразующим элементом его профессионального мастерства. Она представляет собой сложный, многокомпонентный процесс, направленный на формирование психически устойчивого, надежного и юридически грамотного специалиста.

Рассмотренные в статье элементы – формирование мотивационно-волевой сферы и правосознания, развитие специальных психических качеств, овладение навыками психической саморегуляции и обязательное моделирование экстремальных условий – составляют единый комплекс. Их эффективная реализация напрямую зависит от тесного взаимодействия преподавателей и инструкторов по огневой подготовке и практических психологов.

Дальнейшее развитие и совершенствование огневой подготовки сотрудников ОВД должно быть связано с внедрением все более совершенных тренажерных комплексов виртуальной

реальности, разработкой индивидуализированных программ психологического сопровождения на основе диагностики личностных особенностей каждого стрелка, а также с углубленным изучением постстрессовых состояний и методов психологической реабилитации после применения оружия. Только комплексный подход позволит обеспечить высокий уровень профессиональной надежности сотрудника, от действий которого зависят жизнь и безопасность граждан.

Конечно, находятся скептики утверждающие неправильность чрезмерного увлечения психологической подготовкой стрелка, потому как она, по сути, дублирует обычный тренировочный процесс. Однако, в то же время, нужно учитывать тот факт, что инструктора, преподаватели огневой подготовки, максимально использующие при подготовке своих стрелков в качестве учебно-тренировочных упражнений элементы психологической подготовки, однозначно, добиваются лучших результатов.

Список литературы:

- [1] Абаев А.М. Психология стрельбы из стрелкового оружия в экстремальных условиях. – М.: Академия управления МВД России, 2018. – 213 с.
- [2] Дикая Л.А., Гримак Л.П. Психическая саморегуляция и надежность деятельности в экстремальных условиях. – СПб.: Наука, 2019. – 189 с.
- [3] Желиба Е.В. Психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов к действиям в экстремальных ситуациях: монография. – М.: Юнити-Дана, 2020. – 304 с.
- [4] Марищук В.Л., Платонов К.К., Плетницкий Е.А. Напряженность в полете. – М.: Воениздат, 2016. – 156 с.
- [5] Жамборов А.А. Некоторые элементы психологической подготовки стрелка // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 331-332.
- [6] Методика психологической подготовки сотрудников ОВД к применению огнестрельного

оружия: учеб. - метод. пособие / сост. В.П. Петров. – М.: ДГСК МВД России, 2021. – 98 с.

[7] Психология экстремальной деятельности: учебник для вузов / под ред. А.Н. Блеера. – М.: Юрайт, 2022. – 543 с.

[8] Смирнов Б.А., Долгополов И.В. Психология деятельности в экстремальных ситуациях. – Харьков: Гуманитарный центр, 2017. – 276 с.

[9] Тимошенко Л.И., Кудрявцев Р.А. Обучение стрелков психологической готовности к производству выстрела // Современные наукоемкие технологии. – 2015. – № 12-2. – С. 375-378.

References:

- [1] Abaev A.M. Psychology of small arms shooting in extreme conditions. - M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. - 213 s.
- [2] Wild LA, Grimak LP Psychic self-regulation and reliability of activity in extreme conditions. - St. Petersburg: Science, 2019. - 189 s.
- [3] Zheliba E.V. Psychological training of law enforcement officers for actions in extreme situations: monograph. - M.: Unity-Dana, 2020. - 304 s.
- [4] Marishchuk V.L., Platonov K.K., Pletnitsky E.A. Tension in flight. - M.: Military Publishing House, 2016. - 156 s.
- [5] Zhamborov A.A. Some elements of psychological training of the shooter//Eurasian Law Journal. 2020. № 4 (143). S. 331-332.
- [6] Methodology of psychological training of ATS officers for the use of firearms: study. - method. allowance/comp. V.P. Petrov. - M.: DGSK Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. - 98 s.
- [7] The psychology of extreme activity: a textbook for universities/ed. A.N. Bleer. - M.: Yurayt, 2022. - 543 p.
- [8] Smirnov B.A., Dolgoplov I.V. Psychology of activity in extreme situations. - Kharkov: Humanitarian Center, 2017. - 276 p.
- [9] Timoshenko L.I., Kudryavtsev R.A. Training shooters in psychological readiness for firing a shot// Modern science-intensive technologies. - 2015. - № 12-2. - P. 375-378.

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ПОДПУНКТОМ 1 ПУНКТА 2 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 7 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье проведен анализ содержания основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренного подпунктом 1 пункта 2 части 1 статьи 7 федерального закона «об оперативно-розыскной деятельности». Сделан вывод, что в данной норме отсутствует важнейшее основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий, которое предопределяет предупредительный, поисковый характер оперативно-розыскной деятельности. На основе проведенного анализа предложены пути выхода из данной ситуации.

Ключевые слова: Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of law, Professor

BASIS FOR OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES PROVIDED FOR IN SUBITEM 1 OF PARAGRAPH 2 OF PART 1 OF ARTICLE 7 OF THE FEDERAL LAW ON OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation. The article analyzes the content of the basis for conducting operational and investigative activities, as provided for in subparagraph 1 of paragraph 2 of part 1 of Article 7 of the Federal Law "On Operational and Investigative Activities." It is concluded that this norm lacks the most important basis for conducting operational and investigative activities, which determines the preventive and search nature of operational and investigative activities. Based on the analysis, the article proposes ways to address this situation.

Key words: Operational and investigative activities, operational and investigative measures, and grounds for conducting operational and investigative measures.

Оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) должны проводиться только при наличии для того законных оснований. Они охватывают различные правовые требования. Рассматриваемая категория является оперативно-розыскным термином. Данный вывод обусловлен тем, что законодатель использует данное понятие в ст. 7 Федерального закона «об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД), хотя и не расшифровал его сущности на законодательном уровне.

Среди специалистов в области теории ОРД обозначенный вопрос является дискуссионным. Довольно удачным представляется следующее определение: основаниями для проведения ОРМ являются фактически данные, достаточные для предположения о совершении деяния, подпадающего под признаки того или иного состава преступления, либо о событиях или действиях, которые могут представлять угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности [1, С. 250].

Одним из распространенных оснований для проведения ОРМ в деятельности оперативных подразделений являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД).

Анализируя указанное основание, следует, прежде всего, обратить внимание, что ОРМ проводятся не произвольно, а в тех случаях, когда оперативный сотрудник располагает сведениями о существовании определенных фактических данных (признаков преступления и т.п.). Наличие указанных данных – общая предпосылка для проведения любого вида ОРМ.

Буквальное толкование подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД позволяет говорить не только о преступлении, но и административном правонарушении. По поводу использования термина «противоправное деяние» потребовалось разъяснение Конституционного суда РФ. В определении Конституционного суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-0 указывается, что во взаимосвязи со статьями 1, 2, 8 (часть вторая) и 10, определяющими цели, задачи, основания и условия проведения ОРМ, в том числе связанных с ограничением конституционных прав граждан, вытекает, что под противоправным деянием рассматриваемый Федеральный закон подразумевает лишь уголовно наказуемое деяние, т.е. преступление. Если в ходе проведения ОРМ обнаруживается, что речь идет не о преступлении, а об иных видах правонарушений, то в силу статей 2 и 10 дело оперативного учета подлежит прекращению [2].

В деятельности оперативных подразделений под сведениями, указанными в подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД, следует понимать, как правило, первичные, т.е. ранее неизвестные оперативно-розыскным органам сведения, свидетельствующие о событиях криминального характера и лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление.

Признаки преступлений – это факты, являющиеся результатом преступных действий и указывающие с большей или меньшей степенью вероятности на событие преступления, лиц, могущих быть причастными к нему, место, время, способ и другие обстоятельства, важные для раскрытия преступления. Признаки могут относиться к любому элементу состава преступления, но обычно их соотносят со способом совершения и сокрытия преступления. Как последствия преступления, его отпечатки в окружающей среде, при-

знаки преступления могут носить как материальный, так и идеальный характер (отображения в сознании человека) [3, С. 398-399]. Чтобы обеспечить выявление таких фактических данных, надо тщательно проанализировать преступные действия проверяемых (разрабатываемых) лиц и выяснить, где и каким образом они могут оставить следы своих преступных действий, т.е. правильно определить основные направления оперативного поиска.

Сведения о признаках преступления, являющиеся основаниями для проведения ОРМ, поступают в оперативные подразделения из различных источников – как открытых (заявления и сообщения граждан, явка с повинной и др.), так и конфиденциальных (от лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам на конфиденциальной основе и т.п.).

Согласно порядка приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях установленного Инструкцией, утвержденной приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736[4], вся подлежащая регистрации и проверке информация делится на три группы: о преступлении, об административном правонарушении, о происшествии, требующего проведения проверочных действий с целью установления наличия или отсутствия возможных признаков преступления.

К сообщениям о преступлениях, являющимися поводом к возбуждению уголовного дела, относятся протоколы устных заявлений граждан и должностных лиц, письменные заявления и письма граждан, письменные сообщения предприятий, учреждений, организаций и должностных лиц, заявления о безвестном исчезновении граждан, явки с повинной, оформленные в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, а также рапорты сотрудников ОВД о непосредственно ими обнаруженных или выявленных признаках преступлений. Эти документы регистрируются в книге учета сообщений о преступлениях (КУСП) дежурной части ОВД и рассматриваются в соответствии со ст. 144 УПК РФ. В случае вынесения по результатам рассмотрения таких сообщений процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела ОРМ должны быть прекращены, поскольку исключаются основания для их дальнейшего проведения. В соответствии с п. 46 указанной Инструкции анонимные заявления и сообщения, в которых содержатся признаки совершенного или готовящегося преступления, за исключением сообщений о террористическом акте, по решению руководителя территориального органа внутренних дел передаются в соответствующие подразделе-

ния для возможного использования в установленном порядке в оперативно-розыскной деятельности.

Полученные оперативными подразделениями сведения о признаках преступлений нуждаются в обязательной оперативной проверке, так как могут быть недостоверными в силу ряда причин объективного и субъективного характера, среди которых можно отметить: преднамеренное искажение сведений заинтересованным лицом с целью обмануть, ввести в заблуждение оперативных сотрудников; неправильное восприятие конкретным лицом отдельных событий (добросовестное заблуждение); преднамеренное изменение первичных сведений с целью увеличения их важности и ценности для органов внутренних дел и др.

Главная цель оперативной проверки первичных сведений состоит в том, чтобы: 1) убедиться в их достоверности, получить дополнительные данные о лицах или фактах, представляющих оперативный интерес; 2) установить, есть или отсутствуют объективные признаки, присущие преступному деянию, похожему на противоправное, чтобы затем принять меры по привлечению виновных к установленной законом ответственности; 3) убедиться в достаточности или недостаточности данных для направления материалов по подследственности либо подведомственности; 4) утвердиться в том, что лицо (группа лиц) встало на путь подготовки либо совершения преступлений; 5) усмотреть, есть ли основание полагать, что без осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий невозможно или крайне затруднительно изобличить заподозренное лицо (группу лиц) в подготовке или совершении преступлений.

Таким образом, проведение оперативной проверки сведений о преступлении позволяет в сжатые сроки с учетом собранных фактов определить, насколько подтверждаются или не подтверждаются поступившие данные, насколько они соответствуют реальности и определить пути и конкретные приемы реализации полученной информации.

Для оперативной проверки в полном объеме используются те же оперативно-розыскные силы, средства и методы, что и для оперативного поиска тайных с элементами маскировки противоправных деяний и лиц, к ним причастных. При этом зачастую не требует применения сразу всего комплекса ОРМ, указанных в ст. 6 Закона об ОРД, а обуславливает необходимость проведения лишь отдельных мероприятий проверочного характера, таких, как опрос, наведение справок, исследование предметов и документов, сбор образцов для сравнительного исследования

и некоторых других, не затрагивающих конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров и неприкосновенность жилища.

Следует заметить, что для успешной реализации своих усилий оперативные сотрудники в своей служебной деятельности сталкиваются с пробелами и противоречиями в нормативном правовом регулировании ОРМ. Поэтому весьма актуальным, по нашему мнению, является обсуждение этих проблем в научном плане.

В ряде литературных источников высказано обоснованное мнение, что в ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД по существу отсутствует важнейшее основание для проведения ОРМ, то, которое предопределяет предупредительный, поисковый характер ОРД и без которого все без исключения ОРМ, согласно предписаниям ч. 1 ст. 7, обязаны проводиться с заранее заданным опозданием, а достижение целей ОРД и решение ее задач выглядят достаточно проблематично. Речь идет о явной недостаточности фиксации в оперативно-розыском законе только группы оснований для проведения ОРМ исключительно в связи с наличием ставших известными органам, осуществляющим ОРД, сведений о ряде деяний, событий и лиц (п. 2 ч. 1). Возникает законный вопрос: как эти «сведения» стали известны субъекту ОРД без совершения соответствующих ОРМ (исключение – заявление о совершенном преступлении)? Ведь согласно предписаниям комментируемой статьи их наличие не следствие (результат) осуществления ОРМ, а первичное основание для их проведения [5, С. 84]. С приведенной точкой зрения, можно согласиться. В любом случае она заслуживает внимания и обсуждения.

Названные недочеты подп. 1 п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД могут быть устранены путем внесения соответствующих изменений. Предлагаем исключить в данной норме слова «ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность», руководствуясь идеями освобождения рассматриваемой нормы от излишнего текстуального материала. В плане сравнительно-правового анализа отметим Закон Республики Беларусь (ред. от 06.01.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности». Близкое по смыслу основание формулируется в следующей редакции: «сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем либо осведомленном о нем» (абз. 2 ст. 16).

Возвращаясь к вопросу об отсутствии в ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД основания для проведения ОРМ, которое предопределяет инициативный поисковый характер ОРМ, отметим, что в литера-

туре высказываются предложения по устранению этого пробела. Так, С.В. Харченко, предлагает основание для проведения инициативных ОРМ (инициативного оперативного поиска преступлений, а также лиц, причастных к их совершению) следующего содержания: «наличие обоснованных сведений, базирующихся на анализе оперативной обстановки, о криминальном явлении» [6, С. 14].

Представляется, что данная позиция вызывает определенные сомнения, учитывая правовую неопределенность содержания указанных терминов. Отметим, что УК РФ и УПК РФ не использует термины «оперативная обстановка», «криминальные явления». Полагаем, что одним из возможных путей решения указанной проблемы могло бы быть дополнение ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД еще одним основанием для проведения ОРМ следующего содержания: «необходимость выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших».

В рассматриваемой связи заслуживают внимания, например, положения ст. 9 Федерального закона от 03.04.1995 г. (ред. от 01.07.2021) «О федеральной службе безопасности». Данной статьей закреплены, в частности, следующие основания для проведения органами федеральной службы безопасности контрразведывательных мероприятий: необходимость получения сведений о событиях или действиях, создающих угрозу безопасности Российской Федерации (п. «б»); «необходимость обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну (п. «в»)). Статьей 9.1 упомянутого закона установлены основания для проведения органами безопасности борьбы с терроризмом: а) необходимость пресечения террористического акта; б) необходимость выявления лиц, причастных к подготовке и совершению террористического акта; в) необходимость добывания информации о событиях или действиях, создающих угрозу терроризма.

По нашему мнению, предлагаемое основание для проведения ОРМ, во-первых, снимет имеющееся противоречие и нормативно закрепит основание для инициативного проведения ОРМ разведывательно-поискового характера, направленных на выявление еще не известных фактов (латентных) преступлений и лиц, к ним причастных, а также на предупреждение и пресечение преступлений. Во-вторых, обеспечивает реализацию наиболее важного для организации и тактики ОРД принципа наступательности, предполагающего быстроту и непрерывность ОРД, активность ее участников.

Список литературы:

[1] Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2018. С 20.

[2] Определение Конституционного суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-0 По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-т. – М., 1997. т.3. С.398-399.

[4] Приказом МВД России от 29.08.2014. № 736 (ред. от 08.10.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Отв. ред. и рук. авт. кол-ва А.Ю.Шумилов. – М., 1997. С.84.

[6] Харченко С.В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с криминальным автобизнесом: вопросы теории и практики: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – М., 2018. С. 14.

References:

[1] Theory of operational-search activity: textbook/ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky. - 4th ed., Revised and add. - M.: INFRA-M, 2018. FROM 20.

[2] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 1998 No. 86-0 In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law “On Operational Search Activities” on the complaint of citizen I.G. Chernova “//SPS” ConsultantPlus. “

[3] Belkin R.S. Forensic course in 3-t. - M., 1997. t.3 P.398-399.

[4] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 29.08.2014. No. 736 (ed. 08.10.2019) “On approval of the Instructions on the procedure for receiving, registering and resolving statements and reports of crimes, administrative offenses, incidents “//SPS” ConsultantPlus. “

[5] Commentary to the Federal Law “On Operational-Search Activities “/Rev. ed. and hands. aut. quantity A.Yu. Shumilov. - M., 1997. S.84.

[6] Kharchenko S.V. Operational-search activities of the internal affairs bodies to combat the criminal auto business: questions of theory and practice: author’s review. dis.... doc. jurid. sciences. - M., 2018. S. 14.

АБИДОВ Руслан Резуанович,
Старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ: КОМПЛЕКСНОЕ РАССМОТРЕНИЕ ОБЩЕСТВА, СИСТЕМЫ И ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В рамках исследуемой тематики детально анализируются общество (ожидания, стереотипы, давление), система (корпоративная культура, деформации, лояльность), личность (мотивация, психологические качества, этапы профессионализации). Рассмотрены не просто описание, но и диалектика - как общество через правовое поле формирует систему, система - личность, и как возможна обратная связь.

Ключевые слова: деформация личности, сотрудник ОВД, легитимность насилия, профессиональная идентичность, общественный контроль, современные реалии.

ABIDOV Ruslan Rezuonovich,
Senior Lecturer Department of Firearms Training,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

ON SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY OF A RUSSIAN LAW ENFORCEMENT OFFICER: A COMPREHENSIVE EXAMINATION OF SOCIETY, THE SYSTEM, AND THE INDIVIDUAL

Annotation. This article provides a detailed analysis of society (expectations, stereotypes, pressure), the system (corporate culture, deformations, loyalty), and the individual (motivation, psychological qualities, stages of professionalization). It explores not just a description but also a dialectic—how society shapes the system through the legal framework, how the system shapes the individual, and how feedback is possible.

Key words: personality deformation, law enforcement officer, legitimacy of violence, professional identity, public oversight, contemporary realities.

Зарубежные исследователи подчеркивают актуальность развития корпоративной социальной ответственности в деятельности сотрудников органов внутренних дел, особенно в условиях новых вызовов, связанных, например, с расследованием киберпреступлений.

В рамках деонтологического дискурса понятия свободы и ответственности занимают центральное место. Т.А. Ладыкина постулирует взаимосвязь этих категорий, утверждая, что социальная ответственность выступает необходимым противовесом свободе. Чем более автономна личность, тем выше уровень ее ответ-

ственности перед обществом. Социальная ответственность, в свою очередь, является фундаментом свободного функционирования как отдельного индивида, так и социума в целом [2].

Ряд исследований указывает на то, что у молодых сотрудников полиции, несмотря на наличие теоретической базы, часто наблюдается недостаточная развитость практических навыков¹. Ограниченный опыт профессиональной деятельности может стать причиной снижения уровня их уверенности в своих силах.

Важно отметить, что уверенность и ответственность находятся в тесной взаимосвязи: чем выше уровень уверенности в себе, тем более

высокий уровень ответственности человек проявляет в различных трудовых ситуациях. Многочисленные исследователи обращают внимание на проблемы, возникающие в процессе адаптации молодых сотрудников полиции, которые могут негативно влиять на их уверенность в себе.

Ученые подчёркивают необходимость оказания начинающим специалистам целенаправленной поддержки и содействия на рабочем месте, как со стороны коллег, так и со стороны руководства, что способствует успешной интеграции в трудовой коллектив.

Д.Л. Агранат отмечает, что основные трудности адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел связаны с противоречием «между консервативной системой тотального института и высоким динамизмом социальных процессов в российском обществе». По мнению автора, данное противоречие создает условия для возникновения ролевого конфликта у молодых сотрудников, так как они подвергаются влиянию разнонаправленных факторов [1].

Формирование личности сотрудника органов внутренних дел РФ представляет собой сложный, динамичный и противоречивый процесс, находящийся на пересечении трех разнонаправленных сил:

- общества (социальный заказ и стереотипы),
- системы (ведомственные требования и субкультура)
- собственной личности (биопсихические качества и автономия «Я»).

Комплексный анализ этих уровней позволяет выявить ключевые особенности профессионализма в правоохранительной сфере.

Общество необходимо рассматривать как макрофактор, в частности - давление ожиданий и перенос травмы. Общество выступает не просто фоном, а активным заказчиком и одновременно источником постоянного стресса для сотрудника органов внутренних дел [3]. Тут систематизируем: от сотрудников органов внутренних дел ждут тотальной защиты от преступности (жесткость, эффективность) и абсолютной гуманности (обслуживание, эмпатия). Эта амбивалентность рождает у сотрудника внутренний конфликт: быть «карающим мечом» или «защитником слабых».

Укажем так же и на социальное отчуждение и стигматизацию. В постсоветской России сформировался устойчивый разрыв между «народом» и «системой».

Сотрудник органов внутренних дел часто воспринимается как представитель чуждой власти. Это приводит к феномену «особенности службы» - необходимости работать в условиях хронического недоверия и агрессии со стороны

тех, кого защищаешь. Еще один фактор, моральный износ из-за юридического нигилизма населения: низкая правовая культура граждан заставляет сотрудника выполнять несвойственные функции (психолога, социального работника), что истощает личностный ресурс и провоцирует формализм.

Данной профессиональной деятельности свойственна корпоративная субкультура с признаками тотальной институции, проявляющаяся обычно в признаках закрытости, единообразия (униформа, субординация, приказы), ритуалах (принятие присяги) и высокой степени регламентации. Система как правило сама культивирует ценности - лояльность выше компетенции, беспрекословное подчинение, корпоративная солидарность.

В рамках профессионального отбора на входе в систему личность уже обладает определенными структурами (темперамент, ценности, уровень агрессии), но под давлением первых двух факторов происходят метаморфозы. Например:

- Идеальный (служение закону) - быстро разрушается;
- Прагматический (стабильность, льготы, ранняя пенсия) - наиболее устойчив;
- Властный (реализация потребности в доминировании) - самый опасный, ведет к девиациям.

Кризисными точками формирования личности сотрудника является первый год службы (крушение романтических иллюзий) и период 5-7 лет (пик профессиональной деформации - эмоциональное выгорание, переход раздражительности на семью, злоупотребление алкоголем). И тут необходимо комплексное взаимодействие, формирование личности происходит в зоне трех напряжений:

- общество;
- система.

Для преодоления отчуждения от общества на наш взгляд необходима регулярная ротация личного состава с обязательной психологической поддержкой для смягчения синдрома выгорания. Замена идеологии «исполнительности» на идеологию «правовой обоснованности».

Критически важно снизить бюрократическую нагрузку, чтобы сотрудник мог рефлексировать, а не механически отчитываться. Более жесткий отсев кандидатов с авторитарным синдромом (желание наказывать) и активный психологический тренинг эмпатии и стрессоустойчивости на курсах повышения квалификации.

В заключение скажем, что формирование полноценной личности сотрудника возможно только при условии, что система перестанет рассматривать его как «винтик», а общество - как

«врага». Пока же Российская практика демонстрирует модель конфликтной социализации, где сотрудник вынужден постоянно балансировать на грани закона и собственной совести.

Профессиональная культура является одним из ведущих элементов системы профессионально важных качеств сотрудников полиции, а ее совершенствование - сложная, но крайне важная задача для развития личности и профессионализма сотрудников полиции, требующая не только времени и усилий, но и системного подхода, включающего образование и практическое применение полученных знаний [5].

Личность сотрудника ОВД РФ формируется не как гармоничный синтез, а как компромиссное образование с высоким риском профессионально-нравственной деформации. Уникальность российской ситуации - в гипертрофированном влиянии системы при одновременном дефиците доверия со стороны общества.

Список литературы:

[1] Агранат, Д.Л. Социальная адаптация молодых сотрудников в органах внутренних дел: дис. канд. социол. наук: 22.00.04 Московская гуманитарная социальная академия. - Москва, 2001. - 151 с.

[2] Ладыкина Т. А. Формирование деонтологической компетентности в профессиональной подготовке студентов юридического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №78-2.

[3] Машекуашева М.Х., Кочесоква З.Х. О некоторых мерах поддержания целостности и дальнейшей оптимизации функционирования педагогической системы подготовки сотрудников

органов внутренних дел российской федерации. Право и управление. 2025. № 9. С. 89-91.

[4] Машекуашева М.Х. Культура как сложное, многоуровневое явление: аспект профессиональной коммуникации сотрудников полиции. Международный научный вестник. 2024. № 12. С. 136-138.

[5] Машекуашева М.Х. Формирование профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел: уровни и факторы личностного роста. Международный научный вестник. 2025. № 12. С. 266-268.

References:

[1] Agranat, D.L. Social adaptation of young employees in internal affairs bodies: dis. cand. sociol. Sciences: 22.00.04 Moscow Humanitarian Social Academy. - Moscow, 2001. - 151 s.

[2] Ladykina T. A. Formation of deontological competence in the professional training of students of a law university//Problems of modern pedagogical education. 2023. №78-2.

[3] Mashekuasheva M.Kh., Kochesokova Z.Kh. On some measures to maintain integrity and further optimize the functioning of the pedagogical system for training employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Law and governance. 2025. № 9. S. 89-91.

[4] Mashekuasheva M.Kh. Culture as a complex, multi-level phenomenon: an aspect of professional communication of police officers. International Scientific Bulletin. 2024. № 12. S. 136-138.

[5] Mashekuasheva M.Kh. Formation of a professional culture of an employee of internal affairs bodies: levels and factors of personal growth. International Scientific Bulletin. 2025. № 12. S. 266-268.

ЮРКОПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», научной литературы рассматривается оперативно-розыскная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности, значение и цели получения результатов оперативно-розыскной деятельности.

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of law, Professor

INTERPRETATION OF OPERATIONAL AND SEARCH RESULTS

Annotation. Based on an analysis of Federal Law No. 144-FZ dated August 12, 1995, "On Operational Search Activities," and scientific literature, the article examines the operational search interpretation of the results of operational search activities.

Key words: Operational and investigative activities, operational and investigative measures, results of operational and investigative activities, significance and goals of obtaining results of operational and investigative activities.

Анализ предписаний анализа Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон об ОРД) свидетельствует, что законодатель использует термин «результаты оперативно-розыскной деятельности», но не раскрывает вкладываемого в него содержания (ст. 11). В настоящее время понятие «результаты оперативно-розыскной деятельности» стало и уголовно-процессуальной категорией. Так, пункт 36.1 ст. 5 УПК РФ устанавливает, что «результаты оперативно-розыскной деятельности – сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

Как представляется, указанное определение результатов ОРД в УПК РФ имеет уголовно-процессуальное значение. Применительно к предварительному и судебному следствию такое

понимание результатов ОРД поддерживают В.М. Мешков и В.Л. Попов [1, С. 45] и другие ученые.

Следует заметить, что результаты ОРД в виду специфики данного вида деятельности не всегда могут иметь уголовно-процессуальное значение и официально использоваться в уголовном судопроизводстве. Это может быть вызвано причинами, связанными с реализацией оперативно-розыскного принципа конспирации, обеспечением безопасности субъектов ОРД и прочими обстоятельствами. Поскольку Закон об ОРД и в УПК РФ употребляется один и тот же термин «результаты ОРД» важно определить, чем, в конечном счете являются результаты ОРД в оперативно-розыском значении, в чем сущность данного термина и каково содержание стоящего за ним понятия.

В юридической литературе еще не сложилось единого научного подхода о понятии результатов ОРД в оперативно-розыском значении. Изложим нашу позицию по данному вопросу.

Указания на то, что результаты ОРД представляют собой фактические данные или сведения имеются в Законе об ОРД. Так, в ч. 5 и 6 ст. 5

говорится о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю. Из содержания ч. 7 ст. 5 следует, что полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год. Кроме того, в этой норме отмечается, что фонограммы и другие материалы прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев. В ч. 8 ст. 5 органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, запрещается «разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе оперативно-розыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом».

Очевидно, что во всех рассмотренных случаях речь идет о фактических данных, сведениях, полученных при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Полученные сведения, материалы, как правило, фиксируются в различных оперативно-служебных документах (объяснения граждан, рапорта, справки, сводки, акты, протоколы, составленные оперативным сотрудником). В случаях, если при проведении оперативно-розыскных мероприятий производилось изъятие предметов, веществ или документов (п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД), то к соответствующим протоколам могут приобщаться данные предметы. При этом сами оперативно-служебные документы являются лишь формой фиксации сведений о фактах, событиях, лицах, представляющих оперативный интерес. Именно сама информация, изложенная в соответствующих документах, и является результатом ОРД [2, С. 249].

Полагаем, что в зависимости от содержания и целей использования сведения, материалы, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий, могут быть использованы в следующих основных направлениях:

1) в уголовно-процессуальной деятельности:

а) результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела.

Межведомственная Инструкция, регламентирующая порядок представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд, устанавливает требования к результатам ОРД, представляемым для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Они должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно престу-

пления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если они известны), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (п. 18) [3];

б) результаты ОРД могут использоваться при подготовке и осуществлении следственных и судебных действий.

Использование результатов ОРД в качестве ориентирующей информации при осуществлении следственных действий, как правило, осуществляется для принятия решения о проведении следственного действия (обыска, выемки и др.) и при непосредственном проведении следственного действия (например, при выборе вида и тактики следственного действия).

В соответствии с предписаниями упомянутой межведомственной Инструкции результаты ОРД, представляемые для подготовки и осуществления процессуальных действий, должны содержать сведения (при установлении таковых) о местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; о лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; о возможных источниках доказательств; о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу; о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу (п. 19);

в) результаты ОРД могут использоваться при доказывании по уголовным делам.

В определении Конституционного Суда РФ отмечается, что результаты ОРД являются лишь сведениями об источниках тех фактов, которые будучи полученными с соблюдением требований ФЗ об ОРД, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается ст. 49 (ч. 1) и 50 (ч. 2) Конституции [4].

Вышеуказанная межведомственная Инструкция устанавливает, что результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие тре-

бованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе (п. 20) [3].

2) в оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии ч. 1 ст. 11 Закона об ОРД результаты ОРД для нужд самой этой деятельности используются в следующих направлениях:

- по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших,
- для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших,

по установлению имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации.

Помимо этого результаты ОРД используются для принятия решения о заведении дел оперативного учета; подготовке и проведении других оперативно-розыскных мероприятий; привлечении лица к конфиденциальному содействию и т.д.

3) при принятии решений о допуске граждан к определенным видам деятельности, перечисленным в ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД:

- о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну;
- о допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды;
- о допуске к участию в оперативно-розыскной деятельности или о доступе к материалам, полученным в результате ее осуществления (и др.)

4) при принятии решений о достоверности и полноте сведений, представляемых в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами гражданами, претендующими на замещение перечисленных должностей в ч. 3 ст. 7 Закона об ОРД.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» на определенную категорию должностных лиц,

замещающих (либо претендующих на замещение) федеральной государственной службы возложена обязанность по предоставлению сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Этим же нормативным правовым актом предусмотрено право представителя нанимателя (руководителя) или лица, которому такие полномочия предоставлены представителем нанимателя (руководителем) проверки достоверности и полноты предоставленных сведений самостоятельно или путем направления запроса в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

5) могут направляться в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, по обеспечению представления интересов государства в делах о банкротстве, а также при реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц (ч. 3 ст. 11 Закона об ОРД).

Исходя из буквального толкования указанного законоположения следует, что представление результатов ОРД налоговому органу является правом органа, осуществляющего ОРД. Однако для органов внутренних дел законодатель установил обязанность направлять материалы в налоговый орган для принятия по ним решения при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов в десятидневный срок со дня выявления указанных обстоятельств (пп. 34 п. 1 ст. 12 Федерального закона от 28.01.2011 N 3-ФЗ (ред. от 08.03.2026) «О полиции»).

6) при обеспечении собственной безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность

В качестве самостоятельного основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий п. 5 ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД определил необходимость обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД. Эта специфическая функция правоохранительных органов чаще называется обеспечением собственной безопасности и закреплена в законодательных актах, регламентирующих их деятельность (например, п. «т» ст. 13 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации»).

Под обеспечением безопасности (собственной безопасности следует понимать целенаправленный комплекс мер по пресечению проникновения в оперативные подразделения представи-

телей криминальной среды, предотвращению утечки служебной информации и сведений, составляющих государственную тайну, выявлению фактов совершения должностных преступлений, коррупции и предательства интересов службы сотрудниками правоохранительных органов, а также осуществление защиты сотрудников оперативных подразделений, членов их семей и лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, в случае реальной угрозы посягательства на их жизнь, здоровье и имущество.

Сбор данных, необходимых для обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД, в соответствии с ч. 11 ст. 8 Закона об ОРД может осуществляться с помощью любых оперативно-розыскных мероприятий.

7) при обеспечении безопасности защищаемых лиц.

Согласно ч. 6 ст. 14 Закона об ОРД органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязаны содействовать обеспечению безопасности и сохранности имущества участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств.

В качестве самостоятельного основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий п. 5 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД определил необходимость применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Сущность оперативно-розыскной деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, заключается в проведении комплекса оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в целях обеспечения защиты жизни, здоровья, имущественных прав указанных лиц от преступных посягательств, а также выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений в отношении защищаемых лиц.

В ходе оперативно-розыскного обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, решаются следующие задачи: выявление, пресечение и предупреждение преступлений в отношении защищаемых лиц, мотивом совершения которых является их процессуальный статус либо должностное положение; установление угрозносителей, то есть заинтересованных лиц, оказывающих противоправное воздействие на участников уголовного судопроизводства, судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности; получение информации о событиях или действиях, представляющих опасность для жизни,

здоровья и имущества лиц, подлежащих государственной защите; установление и подтверждение реальности оснований для применения мер безопасности и их отмены; избрание и применение необходимых и достаточных мер безопасности, их изменение и дополнение, определение тактики их осуществления.

Возвращаясь к анализу понятия «результаты ОРД», следует отметить, в оперативно-розыском значении результатами ОРД могут быть и конкретные события, действия и их последствия в виде предупреждения, пресечения конкретного преступления, разоблачения преступной группы, ликвидации условий для совершения преступления, дезинформации преступников и др. Такого рода результаты ОРД в реальной практике далеко не всегда ориентированы на уголовный процесс и являются не собственно документированной информацией, а скорее результатом, следствием практического использования полученной информации [5, С. 267].

Поскольку в ст. 1 Закона об ОРД ее содержанием называются оперативно-розыскные мероприятия, то результаты их проведения и являются результатом ОРД. Фактически же ОРД не ограничивается проведением оперативно-розыскных мероприятий, несмотря на ее законодательное определение в указанной статье закона.

Анализ современных подходов к определению результатов ОРД позволяет выделить ряд существенных признаков данного понятия. К числу таковых можно отнести следующие признаки:

- любые фактические данные (сведения, информация), имеющие значение для решения задач ОРД;
- эти данные получены оперативными подразделениями при проведении оперативно-розыскных мероприятий в порядке установленном Законом об ОРД и иными законодательными и подзаконными нормативно-правовыми актами;
- эти данные могут содержаться или могут быть закреплены в оперативно-служебных документах;
- в зависимости от формы внешнего выражения результаты ОРД представляют: устные сведения, задокументированные в установленной форме; предметы и документы, полученные оперативным путем; материальные (технические) носители результатов применения технических средств (фонограммы, видеозаписи, фото пленки, фотоснимки, магнитные, лазерные диски и т.п.).

С учетом перечисленных отличительных признаков можно предложить следующее определение результатов ОРД в оперативно-розыск-

ном значении. Это любые фактические данные (сведения, информация), полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с Законом об ОРД оперативными подразделениями в установленном порядке и зафиксированные в оперативно-служебных документах, используемые для успешного решения задач оперативно-розыскной деятельности, а также конкретные события, действия и их последствия являющиеся итогом практического использования указанных сведений (информации).

Список литературы:

[1] Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия. – М., 1999. С. 45.

[2] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. проф. А.Е.Чечетина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России. 2022. С. 249.

[3] Приказ ФТС РФ, МВД РФ, Минобороны РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, СВР РФ, ФСИН РФ, ФСКН РФ, СК РФ от 27 сентября 2013 года N 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

[4] Определение Конституционного Суда РФ «По жалобе граждан Никольской М.Б. и Сапронова М.И. на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 4 февраля 1999 г. № 18-0 (п. 4) // СПС «КонсультантПлюс»].

[5] Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В.С. Овчинского. – Москва : Норма : ИНФРА-М., 2022. С. 267.

References:

[1] Meshkov V.M., Popov V.L. Operational-search tactics and features of legalization of the information obtained during the preliminary investigation. – M., 1999. S. 45.

[2] Federal Law “On Operational-Search Activities”: Scientific and Practical Commentary/Ed. Prof. A.E. Chechetina. Barnaul: Barnaul lawyer. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. С. 249.

[3] Order of the Federal Customs Service of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Federal Security Service of the Russian Federation of September 27, 2013 No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 “On Approval of the Instructions on the Procedure submission of the results of operational-search activities to the inquiry body, investigator or court.”

[4] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation “On the complaint of citizens Nikolskaya M.B. and Sapronova M.I. on violation of their constitutional rights by certain provisions of the Federal Law “On Operational Search Activities” dated February 4, 1999 No. 18-0 (clause 4)/////SPS “ConsultantPlus”].

[5] Commentary to the Federal Law of the Russian Federation “On Operational-Search Activities “/ ed. V.S. Ovchinsky. – Moscow: Norm: INFRA-M., 2022. P. 267.

JURCOMPANI

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

РЫБНИКОВ Василий Владимирович,
доцент кафедры судебно-экспертной деятельности,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
e-mail: r_v_v@inbox.ru

ШЕКОВ Анатолий Александрович,
кандидат химических наук, доцент,
доцент кафедры химии и процессов горения,
ФГБОУ ВО Сибирская пожарно-спасательная академия
ГПС МЧС России,
e-mail: shek@inbox.ru

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАСЧЁТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРОВ ОТНОСИМОСТИ ОБЪЕКТОВ К КАТЕГОРИИ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с практическими вопросами проведения экспертиз холодного и метательного оружия в части установления необходимых параметров относимости объектов к категории холодного оружия в условиях отсутствия некоторого оборудования и возможности применения разрушающих и видоизменяющих методов исследования. Приводятся примеры расчетов весовых характеристик ударных грузов и определения твердости сталей по их маркировочным обозначениям.

Ключевые слова: экспертиза холодного и метательного оружия, ударный груз, плотность материала, маркировочные обозначения оружейных сталей, твердость металлов и сплавов.

RYBNIKOV Vasily Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Forensic Expertise
East Siberian Institute of the MIA of Russia

SHEKOV Anatoly Aleksandrovich,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Chemistry and Combustion Processes,
Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia

PRACTICAL ISSUES OF DETERMINING THE CALCULATED VALUES OF CERTAIN PARAMETERS OF THE RELATIONSHIP OF OBJECTS TO THE CATEGORY OF COLD WEAPONS

Annotation. The article discusses problematic issues related to the practical aspects of conducting examinations of cold and projectile weapons in terms of establishing the necessary parameters for classifying objects as cold weapons in the absence of certain equipment and the possibility of using destructive and modified research methods. The article provides examples of calculating the weight characteristics of impact loads and determining the hardness of steels based on their marking symbols.

Key words: examination of cold and projectile weapons, impact load, material density, marking of weapon steels, and hardness of metals and alloys.

Экспертиза холодного и метательного оружия не смотря на ежегодное снижение количества общеуголовных преступлений остается достаточно востребованной в оперативно-служебной деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России [1].

Основными задачами данного рода экспертиз является установление принадлежности исследуемого объекта к холодному и метательному оружию или предметам, конструктивно сходным с таким оружием, а также определение вида, типа и способа изготовления исследуемого предмета [2,

3]. При этом в качестве объектов исследования, как правило, выступают холодное оружие, метательное оружие, конструктивно схожие с ними предметы, в том числе строительные инструменты, спортивные снаряды, муляжи и т.д. [4]. Несмотря на проработку методики экспертного исследования судебным экспертам в практической деятельности нередко приходится сталкиваться с рядом проблемных вопросов.

Данная работа ориентирована на совершенствование практической методологии проведения обязательных измерений параметров, необходимых для определения критериев относимости объектов к категории холодного и метательного оружия в соответствии с действующим

законодательством в условиях, ограничивающих эксперта, как при отсутствии необходимого оборудования, так и при невозможности применения разрушающих методов исследования.

Как правило, в экспертной практике для измерения весовых характеристик используются поверенные электронные весы с точностью измерения 0,1 гр.

При невозможности провести измерение необходимых элементов при помощи весов (к примеру, неразборная конструкция) имеется возможность вычислить необходимую величину исходя из объема материала и его плотности по справочным данным (таблица 1).

Таблица 1. Плотность некоторых металлов и сплавов

Наименование группы	Наименование материала	Плотность (ρ), г/см ³
Чистые элементы	Алюминий (Al)	2,7
	Вольфрам (W)	19,3
	Золото (Au)	19,32
	Кремний (Si)	2,55
	Медь (Cu)	8,94
	Молибден (Mo)	10,3
	Марганец (Mn)	7,2-7,4
	Никель (Ni)	8,9
	Олово (Sn)	7,3
	Платина (Pt)	21,2-21,5
	Свинец (Pb)	11,37
	Серебро (Ag)	10,5
	Титан (Ti)	4,5
	Хром (Cr)	7,14
	Цинк (Zn)	7,13
Сплавы из цветных металлов	Алюминиевые сплавы (АЛ22 - АЛ7)	2,5-2,8
	Баббиты оловянные и свинцовые	9,5-10,5
	Баббиты безоловянные	7,6-9,4
	Бронзы безоловянные	7,6
	Бронзы оловянные	7,6-9,1
	Медно-цинковые сплавы (латуни)	8,3-8,6
	Медно-никелевые сплавы	8,5-9,0
	Никелевые сплавы	8,5-8,9
	Цинковые сплавы	6,2-6,3

Сталь, чугун	Нержавеющая сталь	7,6-7,9
	Сталь конструкционная	7,85
	Сталь быстрорежущая (с вольфрамом)	8,1-8,9
	Чугун	7,2-7,6

Формула вычисления плотности (ρ):

$$\rho = m/V,$$

где m - масса, V - объем тела.

Соответственно, исходя из изложенного масса объекта определяется по формуле

$$m = \rho \cdot V.$$

Для определения объема предметов используются стандартные формулы для геометрических фигур:

- цилиндра — $V = \pi \cdot r^2 \cdot h$, где π (пи) — математическая константа, примерно равная 3,14159; r - радиус основания цилиндра, h — высота цилиндра;
- сферы — $V = 4/3 \cdot \pi \cdot r^3$;
- конуса — $V = 1/3 \cdot \pi \cdot r^2 \cdot h$;
- усеченного конуса - $V = (1/3) \cdot \pi \cdot h \cdot (R^2 + R \cdot r + r^2)$, где r — радиус нижнего основания, R — радиус верхнего основания;
- треугольной пирамиды - $V = (1/3) \cdot S \cdot h$, где: S — площадь треугольного основания;
- четырехугольной пирамиды $V = (1/3) \cdot S \cdot h$, где: S — площадь четырехугольного основания;
- усеченной пирамиды (в т.ч. треугольной) - $V = (1/3) \cdot h \cdot (S_1 + \sqrt{(S_1 S_2)} + S_2)$, где: S_2 — площадь нижнего основания, S_1 — площадь верхнего основания;

Параметр измеряется в кг/м³ или г/см³.

Согласно международным нормам единиц системы измерения следует опираться на стандартизованные принятые показатели в кг/м³. Самостоятельные расчеты можно выполнять с единицей измерения г/см³. Когда требуется переходить между системами вычисления, применяют соотношение перехода. Удобно запомнить следующее: 1 кг/м³=1000 г/см³. Потребуется умножить полученные результаты на 1000, для перевода результатов из г/см³ в кг/м³; на 1/1000, чтобы перевести с кг/м³ в г/см³.

При невозможности расчета объема элемента математическим способом (тело имеет сложную или неправильную форму) допускается определение искомой величины по методу вытеснения жидкости (закон Архимеда - тело, погруженное в жидкость, вытесняет объем жидкости, равный своему собственному объему). Т.е. для

определения объема сложных форм необходимо предмет поместить в мерный цилиндр и измерить объем вытесненной жидкости, который и будет равен объему предмета. Следует помнить, что данный метод универсален и подходит для тел любой формы, при этом тело должно быть непроницаемо для воды.

Для измерения объема используют мерные цилиндры. В соответствии с ГОСТ 1770–74 [5] мерные приборы, используемые в лабораториях, имеют следующие объемы: 5 мл; 10 мл; 25 мл; 50 мл; 100 мл; 250 мл; 500 мл; 1000 мл; 2000 мл. Объем определяет не только габариты устройства, но и цену деления на мерной шкале. Погрешность зависит от класса точности. Например, мерные приборы, рассчитанные 50 мл жидкости, имеют погрешность:

- для первого класса точности – 0,25 мл жидкости;
- для второго класса точности – 1 мл.

Это также необходимо учитывать при выборе мерного прибора — для данного измерения желательно выбирать первый класс точности.

Порядок проведения измерения:

1. Используемый цилиндр заполняется водой. Выбирается такой цилиндр, в который легко помещается объект; при заполнении водой цилиндр наклоняется, чтобы сократить количество пузырьков воздуха; цилиндр наполняется водой до половины.
2. Измеряется уровень мениска. Уровень воды, как правило, выше по краям и немного ниже в центральной части цилиндра. Такое искривление поверхности называется мениском, контрольной точкой замера уровня воды является нижний мениск. При измерении необходимо убедиться, что цилиндр расположен на горизонтальной ровной поверхности и в нем нет пузырьков воздуха.
3. Погружение объекта в воду. Цилиндр наклоняется, объект аккуратно погружается в воду. Он должен полностью находиться под водой.
4. Измерение уровня воды. Объект должен полностью погрузиться в воду и вода должна успокоиться. С объектом внутри цилиндра уровень повышается. Цилиндр должен стоять на горизонтальной ровной поверхности.

По уровню воды и определяется значение мениска.

5. Расчет значения проводят формуле $V_{общий} - V_{воды} = V_{объекта}$, где $V_{общий}$ – конечный уровень воды, $V_{воды}$ — начальный уровень воды, $V_{объекта}$ — объем тела неправильной формы. Иными словами, необходимо вычесть значение первого измерения из второго, чтобы узнать объем объекта.

Твердость по методу Роквелла измеряется в соответствии с требованиями, изложенными в ГОСТ 9013-59 [6]. Метод основан на фиксации прямого измерения глубины проникновения твердого тела измерительной головки (индентора) в материал образца. Глубина отпечатка характеризует способность материала сопротивляться

внешнему воздействию без образования валика из вытесненного металла вокруг индентора. Твердость по Роквеллу — безразмерная величина, которая выражается в условных единицах до 100. Единицей твердости является перемещение индентора внутрь исследуемого объекта на 0,002 мм.

Территориальные экспертно-криминалистические лаборатории зачастую сталкиваются с отсутствием в подразделениях поверенных стационарных твердомеров.

В некоторых случаях на голоментах (боковых поверхностях) клинков, произведенных промышленным способом, имеются маркировочные обозначения примененных сталей (рис. 1).

сталь M390 (Австрия)

сталь N690 (Австрия)

сталь VG-10 (Япония)

сталь X12MF (Россия)

сталь AUS-8 (Япония)

сталь 95x18 (Россия)

Рис. 1. Маркировочные обозначения сталей на голоментах клинков

Исходя из маркировочных обозначений используя стандартизированные табличные данные можно установить твердость примененной стали, данные металлургических предприятий (таблица 2).

Таблица 2. Твердость некоторых образцов ножевых сталей

Марка стали	Страна производитель	Твердость после термообработки, HRC
У12	Россия	63-
65Г	Россия	61-
ХВГ	Россия	64-
9ХС	Россия	62-
Х12МФ	Россия	67
65х13	Россия	54-
95х18	Россия	57-
М390	Австрия	60-
N690	Австрия	59-
S390	Австрия	70
Elmax	Австрия/Швеция	58-
12C27	Швеция	57-
SGPS	Швеция	62
D2	США	57-
1095	США	57-
440-A	США	56
440-C	США	58
CPM-M4	США	60-
CPM-S30M	США	58-
AUS-8	Япония	57-
VG-10	Япония	58-60
ATC-34	Япония	58
SK-5	Япония	57-
4034	Германия	54-
4116	Германия	55-
T6MoV	Франция	54-
X-15T.N.	Франция	58

9Cr18	Китай	56-
3Cr13	Китай	52-
5Cr15MoV	Китай	55-
8Cr13MoV	Китай	58-

Практическая значимость приведенных сведений заключается в том, что применение полученных результатов и выводов при проведении практических экспертных исследований по относимости объектов к категории холодного оружия возможно и в условиях, ограничивающих эксперта, как по отсутствию необходимого оборудования, так и при стесненных процессуальных обстоятельствах невозможности применения разрушающих методов исследования позволяет получить довольно достоверные результаты, способные стать основой категорических выводов.

Список литературы:

- [1] Рыбников В.В., Харченко И.В. О некоторых проблемных вопросах производства экспертиз холодного и метательного оружия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 2 (34). С. 153–165.
- [2] Синицын Е.Ю. Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств; под ред. Ю.М. Дильдина, общ. ред. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. Ч.1. С. 517–566.
- [3] Малых А.А. Особенности криминалистического исследования лука как разновидности холодного метательного оружия // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2020. С. 218–222.
- [4] Кокин А.В. О понятии, предмете, задачах и объектах судебной экспертизы холодного и метательного оружия // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 4. С. 48–52.
- [5] ГОСТ 1770–74. Посуда мерная лабораторная стеклянная. Цилиндры, мензурки, колбы,

пробирки. Общие технические условия. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/2480> (дата обращения: 30.04.2026).

[6] ГОСТ 9013–59. Металлы. Метод измерения твердости по Роквеллу. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/18434> (дата обращения: 30.04.2026).

References:

- [1] Rybnikov V.V., Kharchenko I.V. On some problematic issues of the production of examinations of cold and throwing weapons // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2025. No. 2 (34). pp. 153–165.
- [2] Sinitsyn E.Y. Criminalistic investigation of cold and throwing weapons // Standard expert methods of investigation of physical evidence; edited by Yu.M. Dildin, commonly. edited by V.V. Martynov. Moscow: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. Part 1. pp. 517–566.
- [3] Malykh A.A. Features of the forensic investigation of the bow as a type of cold throwing weapon // Forensic examination: past, present and a look into the future. Materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg, 2020. pp. 218–222.
- [4] Kokin A.V. On the concept, subject, tasks and objects of forensic examination of cold and throwing weapons // Theory and practice of forensic examination. 2017. Volume 12. No. 4. pp. 48–52.
- [5] GOST 1770–74. Measuring laboratory glass tableware. Cylinders, beakers, flasks, test tubes. General technical conditions. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/2480> (date of reference: 30.04.2026).
- [6] GOST 9013–59. Metals. Rockwell hardness measurement method. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/18434> (date of access: 30.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-236-238

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

ТОЛКАЧЕВ Роман Владимирович,
аспирант 1 курса Юридической школы ДВФУ
5.1.4. «Уголовно-правовые науки», г. Владивосток,
e-mail: tolkachev.rv@dvfu.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные подходы к понятию возраста уголовной ответственности, его правовые основы и теоретические аспекты. Анализируются виды возраста с точки зрения психологии, медицины, юриспруденции. Статья направлена на обоснование необходимости разработки универсального определения возраста уголовной ответственности для повышения эффективности уголовного законодательства.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, морфологический, паспортный, нормативный, демографический, психологический возраст.

TOLKACHEV Roman Vladimirovich,
1st year graduate student of FEFU Law School
5.1.4. "Criminal Law Sciences," Vladivostok

ON THE CONCEPT OF THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Annotation. This article discusses various approaches to the concept of the age of criminal responsibility, its legal foundations and theoretical aspects. Types of age are analyzed from the point of view of psychology, medicine, jurisprudence. The article is aimed at justifying the need to develop a universal definition of the age of criminal responsibility to increase the effectiveness of criminal law.

Key words: age of criminal responsibility, morphological, passport, normative, demographic, psychological age.

Уголовное право является наиболее жесткой, суровой, репрессивной отраслью права по сравнению с другими. Это связано с тем, что уголовное право представляет собой систему норм, предусматривающих ответственность за наиболее общественно опасные посягательства на самые ценные интересы личности, общества и государства. Следовательно, для уголовного права характерны наиболее жесткие виды наказаний: ограничение свободы, лишение свободы, пожизненное лишение свободы, смертная казнь.

Поэтому, для определения возможности применения мер уголовной ответственности к конкретному лицу необходимо установить, обладает ли оно необходимыми признаками. Одним из обязательных признаков, присущих всем составам преступлений, является достижение лицом установленного законом возраста.

Значимость возраста уголовной ответственности подчеркивает сам законодатель в статье

421 УПК РФ, согласно которой при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ, необходимо установление возраста несовершеннолетнего, числа, месяца и года рождения [2].

Стоит оговорить тот факт, что единого понятия возраста в уголовном праве попросту нет. Отсюда мы можем наблюдать множество дефиниций, даваемых специалистами уголовного права.

Известные исследователи в области уголовного законодательства вкладывают в данный термин различный смысл. Мы, в свою очередь, проанализируем некоторые из дефиниций и на основе этого выведем собственное определение возраста уголовной ответственности.

Так, М. А. Любавина понимает под возрастом уголовной ответственности «хронологи-

ческий (паспортный) возраст человека, т. е. количество времени, прожитое человеком от момента рождения» [7].

О. А. Журавлевская считает, что возраст уголовной ответственности – это «возраст, по достижении которого лицо в соответствии с нормами уголовного права может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния» [6].

Можно полагать, что приведенные выше определения характеризуют возраст уголовной ответственности достаточно узко и не раскрывают его особенностей в полном объеме. Ведь помимо хронологического возраста, о котором пишет

М. А. Любавина, есть и иные виды возраста, которые необходимо рассматривать в совокупности, как единое целое. Только при таком подходе у нас появится возможность сформулировать универсальное определение столь сложного института в уголовном праве, как возраст уголовной ответственности.

В науке уголовного права помимо паспортного возраста различают также морфологический (медицинский, биологический, функциональный) и нормативный (социально-правовой, социально-психологический, социологический) [8]. Также некоторые ученые выделяют психологический [4] и демографический [3] виды возрастов.

Паспортный возраст выступает показателем количества времени, которое человек прожил с момента рождения до какого-либо события. Данный возраст может измеряться в часах, днях, неделях, месяцах и годах. Паспортный возраст может как отставать от морфологического (в случае замедления созревания организма человека), так и наоборот – опережать его (в случае преждевременного старения) [8].

Морфологический возраст определяет степень истинного старения, уровень жизнеспособности и общего здоровья организма индивида в сравнении с другими представителями конкретной популяции [5]. Иными словами, морфологический возраст является показателем того, насколько состояние здоровья одного человека определенной народности соответствует здоровью другого человека этой же народности в данный момент времени.

Демографический возраст показывает определенный процент лиц паспортного возраста, путем деления лиц на группы одного возраста по отношению к определенному числу населения.

Психологический возраст определяется самим индивидом и определяет степень его эмоциональной усталости: насколько человек ощу-

щает себя старым и насыщенным своей жизнью. Особенностью данного возраста является то, что он может оцениваться разными людьми неодинаково в силу различных обстоятельств (достижение или недостижение поставленных целей, степень эмоциональной устойчивости субъекта, состояние его ментального здоровья).

И самым интересным, с точки зрения юриспруденции, является нормативный возраст, поскольку именно с ним связано возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей конкретных субъектов. Именно он характеризует объем прав и обязанностей, степень ответственности человека перед обществом. Говоря о возрасте уголовной ответственности, о возрасте гражданско-правовой, административной, конституционной ответственности мы имеем в виду, прежде всего, нормативный возраст.

Таким образом, можно обнаружить, что из всего многообразия разновидностей возраста лишь немногие напрямую связаны с юриспруденцией и уголовным правом.

При этом, следует отметить, что многие из указанных возрастных категорий сыграли важную роль в развитии и изучении института возраста уголовной ответственности. Долгое время научное осмысление этой темы основывалось на накопленных знаниях, полученных в рамках специальных наук – психологии, юриспруденции, медицины и психофизиологии [4].

Следовательно, исходя из вышеизложенного возраст уголовной ответственности можно представить как возраст, по достижении которого лицо в соответствии с умственными и психофизиологическими особенностями будет способно соотносить свои поступки с возможными последствиями уголовно-правового характера, отчего в итоге и зависит степень ответственности данного лица перед обществом и его возможность претерпевать неблагоприятные последствия в связи с привлечением к уголовной ответственности.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
- [2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
- [3] Антипина, И. Ю. Психологический возраст как отображение личностного ресурса / И.Ю. Антипина // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2006. – №14. – С.82-87.

[4] Вартанян, Г. А. К вопросу о наступлении возраста уголовной ответственности / Г.А. Вартанян, О.Р. Онищенко // Вестник Омского университета. – Право. – 2017. – № 1 (50). – С. 206-210.

[5] Егорова, Л. А. Сопоставление паспортного и биологического возраста / Л. А. Егорова, Е.А. Кузьмичева, Т.В. Рябчикова // Клиническая геронтология. – 2009. – №12. – С. 19-22.

[6] Журавлевская, О.А. Возраст как критерии наступления уголовной ответственности / О.А. Журавлевская // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 2 (3). – С. 109-113.

[7] Любавина, М.А. Субъект преступления: учебное пособие / М.А. Любавина. Санкт-Петербург. – 2014. – 60 с.

[8] Полный курс уголовного права: в 5 томах. Т.1: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». – 2008. – 1133 с.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (rev. from 10.06.2026, with rev. from 29.06.2026). - Access from SPS "ConsultantPlus." - Text: electronic.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 N 174-FZ (ed. 10.06.2026) - Access from SPS ConsultantPlus. - Text: electronic.

[3] Antipina, I. Yu. Psychological age as a display of a personal resource/I.Yu. Antipina//Izvestia SFU. Technical sciences. – 2006. – №14. - S.82-87.

[4] Vartanyan, G.A. On the issue of the age of criminal responsibility/G.A. Vartanyan, O.R. Onishchenko//Bulletin of Omsk University. - Right. – 2017. – № 1 (50). - S. 206-210.

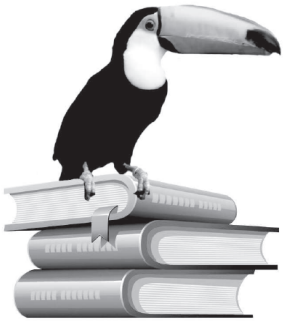
[5] Egorova, L. A. Comparison of passport and biological age/L. A. Egorova, E.A. Kuzmicheva, T.V. Ryabchikova//Clinical gerontology. – 2009. – №12. - S. 19-22.

[6] Zhuravlevskaya, O.A. Age as criteria for criminal liability/O.A. Zhuravlevskaya//Modern problems of law, economics and management. – 2016. – № 2 (3). - S. 109-113.

[7] Lyubavina, M.A. Subject of crime: textbook/M.A. Lyubavina. St. Petersburg. – 2014. - 60 s.

[8] Full course in criminal law: in 5 volumes. T.1: Crime and punishment/ed. A.I. Korobeeva. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Legal Center Press." – 2008. - 1133 s.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КУЧИНАЕВ Рустам Рашидович,
преподаватель кафедры деятельности
ОВД в особых условиях,
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕВЕНЦИЯ: АНАЛИЗ СИСТЕМ ПРОФИЛАКТИКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ, СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТА С НАКАЗАНИЯ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Целью данного исследования является комплексный анализ правового регулирования и организации деятельности субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в Российской Федерации с учетом современных реалий. Предупредительные меры имеют особое место в действующей системе противодействия преступности среди несовершеннолетних и призваны опережать противоправные деяния граждан.

Ключевые слова: правонарушение, преступление, правонарушение, профилактика, правоохранительная система, молодежь.

KUCHINAEV Rustam Rashidovich,
Lecturer, Department of Activities of Internal
Affairs Directorates in Special Conditions,
North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Police Major

PREVENTION AND PREVENTION: ANALYSIS OF PREVENTION SYSTEMS IN RUSSIA AND ABROAD, SHIFTING THE FOCUS FROM PUNISHMENT TO CRIME PREVENTION

Annotation. The purpose of this study is to comprehensively analyze the legal regulation and organization of activities of juvenile delinquency prevention agencies in the Russian Federation, taking into account current realities. Preventive measures have a special place in the current system of combating juvenile crime and are designed to prevent unlawful acts by citizens.

Key words: offense, crime, offense, prevention, law enforcement system, youth.

Современное общество нуждается в выработке сложных и эффективных механизмов борьбы с преступностью несовершеннолетних, в отношении данной категории лиц и с их участием, это требует комплексной государственной молодежной политики, а также объединения усилий правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

На основе анализа действующего российского законодательства следует сделать вывод, что предупреждение противоправных деяний среди несовершеннолетних относится к компетенции многих органов государственной власти в зависимости от специфики их деятельности [1]. В

правовой литературе достаточно часто высказывается мнение о необходимости активизации указанной деятельности для правоохранительных органов [2].

Для достижения указанной цели необходимо решение следующих научно-практических задач:

- исследование понятия и сущности предупреждения противоправных действий среди несовершеннолетних;
- изучение правового регулирования и организации деятельности субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних;

- рассмотрение противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность в контексте предупреждения преступности указанной категории населения;
- анализ практических аспектов предупреждения противоправных действий среди несовершеннолетних;
- выявление проблем, возникающих в процессе деятельности по предупреждению противоправных действий среди несовершеннолетних, и определение способов их решения.

Система профилактики и превенции в России представляет собой масштабный многоуровневый механизм, направленный на предупреждение правонарушений, безнадзорности, а также заболеваний и социальных рисков. В основе этой системы лежит сочетание законодательных норм, межведомственного взаимодействия и мониторинга причин опасного поведения [3].

Фундаментом и правовой основой профилактики служат:

- Конституция РФ, федеральные законы (включая №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений» и №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности»);
 - нормы административного и уголовного права.
- Субъектами профилактики являются:
- федеральные органы исполнительной власти;
 - прокуратура;
 - следственный комитет;
 - органы государственной власти субъектов РФ;
 - органы местного самоуправления;
 - органы внутренних дел (ОВД) [4].

Для Японии также характерна стигматизация людей, подозреваемых в употреблении наркотиков, соблюдающих моральный кодекс, в соответствии с которым человек, употребляющий наркотические средства, подталкивает не только себя, но и все общество. Чиновники будут информировать власти о потребителях наркотиков. Такая стигматизация влечёт за собой высокий уровень латентности наркопотребления в стране, практически полное отсутствие статистики смертности от наркотиков, обуславливает страх потребителей обращаться за постоянной помощью. Случаи передозировки наркотиков официально фиксируются как смерть по причине сердечной недостаточности.

Большое количество цифровых носителей, японских плакатов, брошюр, специализированных объявлений с громкоговорителями, которые

информируют население о разрушительных последствиях применения наркотических средств. В просветительских антинаркотических кампаниях часто использовались фразы, усиливающие маргинализацию наркопотребителей: «Попробовав наркотики, вы не сможете остановиться», «Вы приносите вред другому, если употребляете наркотики», «Злоупотребление наркотиками разрушает вашу жизнь». Низкий уровень наркопотребления среди японской молодёжи обусловлены такими факторами, как социальная стигматизация, традиция подчинения молодых людей, авторитету старших, жёсткая культурная регламентация жизни [7].

Власти Южной Кореи начали работу по внедрению курса по наркопотреблению в обязательную образовательную программу в стране. Однако такие планы пока не находят большой поддержки среди пациентов и их родителей. С 2023 года проводится обязательный минимум 10 часов занятий антинаркотической профилактикой в начальных и средних школах. Организовано ежегодное посещение школ сотрудниками местных учреждений здравоохранения, которые в течение месяца проводят обучение детей навыкам реагирования на употребление наркотиков. Сформированы группы родителей-добровольцев, осуществляющих наблюдение за территорией школы с целью пресечения фактов распространения наркотических средств [8].

Безусловно, в рамках специфики функционирования органы внутренних дел в определенных формах осуществляют предупреждение совершения противоправных деяний среди несовершеннолетних. Однако не всегда указанная деятельность является эффективной в силу протестного восприятия представителями молодежи правоохранительных структур и их деятельности [5].

В связи с чем важное значение в данном процессе приобретают также общественные организации и иные некоммерческие учреждения, которые могут оказывать серьезное влияние на мировосприятие несовершеннолетних и трансформацию их поведения обеспечения условий их адекватного обучения и воспитания [6].

В таких ситуациях возникают вопросы о начальных и подготовительных мерах по возможному изъятию детей из неблагополучных семей. Для указанного процесса решающим являются сведения, внесенные в акт обследования семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего, который составляется сотрудниками ПДН при необходимости.

Список литературы:

- [1] Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых

несовершеннолетними: курс лекций / Иванцов С. В., Соломатина Е. А., Страунинг Ю. А., Шмарион П. В., Ивасюк О. Н. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 105.

[2] Майоров А.В. Понятие и структура системы противодействия преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. No1 (2). С.112-118.

[3] Лопаева Н. С., Резер Т. М. Система профилактики правонарушений в студенческой среде: основные понятия и подходы // Педагогическое образование в России. 2023. №5.

[4] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ: ред. от 24 апр. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177; Официальный интернет-портал правовой информации.

[5] Красовская О. Ю., Зайцева О. В. Институты российского профилактического права: система и правовые характеристики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. №1 (59).

[6] Коновалова О.А., Возженикова О.С., Машекуашева М.Х. Научные подходы к изучению психологической безопасности образовательной среды. Право и управление. 2025. № 11. С. 140-146.

[7] Ван дер Лист Б., Дейли М. Как стигма создала скрытую проблему наркотиков в Японии // Vice News: [сайт]. 08.05.2020. URL: <https://www.vice.com/en/article/xg8q7k/how-stigma-created-japans-hidden-drug-problem>.

[8] Мин Кён Дж. Практически незамеченная, но растущая проблема Кореи: злоупотребление наркотиками среди подростков // The Korea Herald : [сайт].05.12.2022.

References:

[1] Prevention of crimes and administrative offenses committed by minors: a course of lectures/ Ivantsov S.V., Solomatina E.A., Strauning Yu.A., Shmarion P.V., Ivasyuk O.N. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2017. S. 105.

[2] Mayorov A.V. Concept and structure of countermeasures system crime//Law and order: history, theory, practice. 2014. No1 (2). S. 112-118.

[3] Lopaeva N. S., Reser T. M. System of crime prevention in the student environment: basic concepts and approaches//Pedagogical education in Russia. 2023. №5.

[4] On the basics of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency: feder. Law No. 120-FZ dated June 24, 1999: as amended on April 24, 2020//Sobr. legislation Ros. Federations. 1999. N 26. Art. 3177; Official Internet portal of legal information.

[5] Krasovskaya O. Yu., Zaitseva O. V. Institutes of Russian Preventive Law: System and Legal Characteristics//Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. №1 (59).

[6] Konovalova O.A., Vozzhenikova O.S., Mashekuasheva M.Kh. Scientific approaches to the study of the psychological safety of the educational environment. Law and governance. 2025. № 11. S. 140-146.

[7] Van der List B, Daley M. How stigma has created a hidden drug problem in Japan//Vice News: [website]. 08.05.2020. URL: <https://www.vice.com/en/article/xg8q7k/how-stigma-created-japans-hidden-drug-problem>.

[8] Min Kyung-J. Korea's almost unnoticed but growing problem: drug abuse among adolescents// The Korea Herald: [website] 05/12/2022.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПЕКАРЕВА Виктория Владимировна,
Магистрант юридического факультета
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург,
e-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru

ПЕЧЕРСКИЙ Даниил Вадимович,
магистрант института правосудия ОЧУВО
«Международный инновационный университет г. Сочи»,
г. Рязань,
e-mail: den.peherskiu@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: КОМПАРАТИВИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Уголовный Кодекс Российской Федерации (УК РФ) как и любой другой нормативный акт подвержен ряду деформаций, которые требуют логико-рациональных разъяснений. Однако в уголовном законе России отсутствуют нормы, отражающие процедуру толкования законодательных предписаний и разъяснения основным понятиям и терминам, используемые в Кодексе. Этот факт говорит об актуальности исследования зарубежной практики с целью стабилизации внутренних противоречий и исследования перспектив имплементации, в основу которых легли догматические устои уголовных законодательств Республик Армении, Беларусь, Казахстан и Таджикистан. На основе их анализа были выявлены существенные недостатки отечественного уголовного закона: 1) интерпретация терминологии УК РФ в большинстве случаев отражается в разъяснительной практике судов, нежели в самом Кодексе – это факультативно воссоздает нагрузку на правоприменителей с точки зрения нормативной части; 2) отсутствие границ толкования уголовно-правовых предписаний стимулирует применение института «судейского усмотрения», что в некоторых ситуациях искажает смысл норм УК РФ или задает совершенной иной вектор интерпретации, отходящий от воли законодателя; 3) искусственное создание уголовных норм без должного анализа соответствия существующих предписаний текущей действительности, пренебрегая совершенствованием имеющихся норм права, который порой не отражают и не охватывают настоящие общественные отношения. Авторы исследования с целью устранения таких дефектов пришли к выводу, что необходимо имплементировать норму, разъясняющую основные понятия и термины, используемые в Кодексе, а также законодательно закрепить в УК РФ принцип правовой определенности.

Ключевые слова: интерпретация, терминология, компаративистика, текст, правовой тезаурус, уголовное законодательство, цифровизация.

PEKAREVA Victoria Vladimirovna,
Master's student of the Faculty of Law
Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen,
St. Petersburg

PECHERSKY Daniil Vadimovich,
Master's Student at the Institute of Justice
International Innovation University of Sochi,
Ryazan

THE INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW PROVISIONS: A COMPARATIVE STUDY

Annotation. The Criminal Code of the Russian Federation (CC RF), like any other legislative act, is subject to a number of ambiguities that require logical and rational clarification. However, Russian criminal law lacks provisions setting out the procedure for interpreting legislative provisions and clarifying the key concepts

and terms used in the Code. This fact highlights the relevance of studying foreign practice with a view to resolving internal contradictions and exploring implementation prospects, based on the dogmatic foundations of the criminal legislation of the Republics of Armenia, Belarus, Kazakhstan and Tajikistan. An analysis of these revealed significant shortcomings in domestic criminal law: 1) the interpretation of the terminology of the Criminal Code of the Russian Federation is, in most cases, reflected in the courts' interpretative practice rather than in the Code itself – this places an additional burden on law enforcement officials from a regulatory perspective; 2) the lack of clear boundaries for the interpretation of criminal law provisions encourages the application of 'judicial discretion', which in some situations distorts the meaning of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation or sets a completely different interpretative direction, deviating from the legislator's intent; 3) the artificial creation of criminal provisions without a proper analysis of whether existing regulations are in line with current realities, whilst neglecting to improve existing legal provisions, which sometimes fail to reflect or cover actual social relations. With a view to rectifying such shortcomings, the authors of the study concluded that it is necessary to introduce a provision clarifying the key concepts and terms used in the Code, as well as to enshrine the principle of legal certainty in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: interpretation, terminology, comparative studies, text, legal thesaurus, criminal law, digitalisation.

Традиционное представление о смысле уголовно-правовой нормы стоит усматривать при ее буквальном толковании. Однако существующая правоприменительная и судебная практики фактически искажают исходный постулат и расширяют содержания путем факультативных разъяснений. По этому поводу Ч. Беккариа, являющийся автором аутентичного трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), писал «власть толковать уголовные законы не может принадлежать судьям по одному тому, что они не законодатели» [1, с. 207]. Мнение данного известного специалиста в области уголовно-правовой науки и практики, возможно свести к излишнему субъективизму судебного состава, делегированного правом истолковывать уголовное законодательство. Все цело, изложенная позиция редуцирована к следующему тезису: «у каждого человека своя точка зрения, у каждого в разное время она различна. Дух закона зависел бы, следовательно, от хорошей или дурной логики судьи, от хорошего или дурного его пищеварения, он зависел бы от силы его страстей, от его слабостей, от его отношения к потерпевшему и от всех малейших причин, изменяющих в непостоянном уме человека образ каждого предмета» [1, с. 209-210].

Материал и методы исследования

В этой связи актуализируется вопрос о роли и значении такой методологической категории как «интерпретация» в уголовном праве и законе. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, диалектический, описательный методы, а также подходы теоретического и эмпирического анализа. Интеграция диалектического метода и систематизации позволила эксплицировать структурно-содержательные особенности норм отечественного и зару-

бежного законодательства, что способствовало выработке авторской концепции их практического применения в контексте действующего законодательства.

Результаты исследования и их обсуждение

При толковании уголовно-правовых норм на практике проявляются юридико-технические неточности, которые, с одной стороны, представляются упущением законодателя, а с другой, становятся казуистической формой выражения в судебных решениях. Обе стороны непосредственно влияют на процесс трансформации самого уголовного закона, а также правотворческого потенциала, квалификации преступления, а также доктрины. Именно поэтому необходимо установить границы толкования уголовно-правовых норм, что стабилизирует процесс разъяснения и редуцирует его среди субъектов интерпретации – правоприменителей.

Однако в действующей редакции УК РФ не сосредоточена конструкция, описывающая процесс толкования уголовно-правовых предписаний, включая разъяснения конкретных понятий и терминов. Но такая попытка предпринималась в доктрине уголовного права [5, с. 371-373; 7, с. 118], при этом существенных изменений на практике не было выработано. Если обратить внимание на уголовное законодательство зарубежных стран, то в них такая попытка предпринималась. Например, в ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) отражается термин «строгое толкование», которому «белорусский законодатель» не предоставил разъяснения. Однако, обратив внимание на зарубежную доктрину, заметим, что термин «строгое толкование» эквивалентен буквальному виду интерпретации.

Отсюда следует, что уголовно-правовые нормы Республики Беларусь толкуются в соответствии с буквой закона, заложенной законодателем.

В Уголовного кодекса Республики Таджикистан (УК РТ) в отличие от белорусского законодательства сконструирована отдельная норма (ст. 11.1 «Правила толкования уголовного закона»), где закреплено три части:

1. ч. 1 «Если уголовно-правовая норма изложена двусмысленно или может быть истолкована неоднозначно, то толкование (интерпретация) должно осуществляться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного)».

В уголовном законе РФ вопросы недвусмысленности и непротиворечивости не находят своего законодательного закрепления в отличие от РТ, однако отечественная разъяснительная практика судов более детализирована в этом вопросе. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) систематически в своих документах указывает, что «критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству ...». Мы разделяем позицию КС РФ, однако возникновение ситуаций, при которых данная судебная инстанция определит неясности и противоречия в уголовном законодательстве не всегда будет происходить процесс истолковывая в пользу лица, совершившего преступления.

При этом возникает сопутствующий вопрос – почему «российский законодатель» технически не может закрепить представленные суждения КС РФ в УК РФ. С одной стороны, очевидный факт – судебная практика не является источником уголовного права, а потому ее внедрение в УК РФ недопустимо. Но, с другой, судебная практика – это базис обобщения для правоприменительной практики, а она, исходя из Постановления КС РФ от 23.12.2013 № 29-П, формально считается источником уголовного права. В этой связи вопрос ее криминализации допустим, но перспективы приближаются к нулевому показателю. Возможно, существует альтернативное решение обозначенной дилеммы: «российскому законодателю» не стоит в полном объеме имплементировать опыт Таджикистана по конструированию отдельной нормы, описывающей правила толкования УК РФ, а лишь дополнить существующие принципы права «принципом формальной определенности», который предполагает согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной

деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания». Такой подход, с одной стороны, урегулирует коллизии с двусмысленным, неясным и противоречивым состоянием уголовного законодательства, а с другой, упразднит излишнее текстуальное нагромождение в Кодексе.

2. ч. 2 «Термины и (или) понятия, используемые в настоящем Кодексе, имеют такое же значение, какое они имеют в соответствующих законах, если иное не предусмотрено Уголовным кодексом».

Особую роль как в уголовном законодательстве России, так и Таджикистана играет терминологический аппарат, непосредственно влияющий на процесс квалификации преступлений. Сравнивая опыт двух государств, прорисовывается четкая позиция, что уголовный закон Республики Таджикистан опережает российскую практику. Прежде всего такой скачек выражается в наличие самого правила толкования понятий и терминов. В России же разъяснение понятиям и терминам в уголовном законодательстве осуществляется по линии правоприменительной практики. При этом Россию и Таджикистан объединяет общий недостаток – отсутствие нормы, в которой разъясняются основные понятия и термины, используемые в Кодексе.

В Уголовных кодексах Республик Армении (ст. 3 УК РА), Беларусь (ст. 4 УК РБ) и Казахстан (ст. 3 УК РК) законодательно зафиксированы нормы, в контексте которых отражается формирование правового тезауруса. Реализация такого опыта должно протекать в той части, где не предоставлены законодательные дефиниции, при этом учитываются сущности понятий и терминов, зафиксированных в разъяснительной практике судов. Например, в ч. 1 ст. 307 УК РФ содержится термин «заведомо», разъяснение которого отражается в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 20, напротив, в уголовном законодательстве Республики Беларусь данная категория обладает легальной дефиницией в рамках действующего Кодекса (ч. 14 ст. 3 УК РБ). Представленный пример доказывает, с одной плоскости, паритет разъяснительной практики российских судов над догмой (уголовный закон), а с иной, отсутствие унифицированной политики в отношении терминологической системы.

Если углубиться в проблематику терминологии, возможно уяснить, что любой уголовный закон – есть диалектический организм, где каждый элемент системы (Общая и Особенная части) играет непосредственную роль в ходе правоприменения. Конкретная норма, включающая в свое

содержание понятия и термины, представляется основным рупором в плоскости квалификации преступлений и толкования. Более оптимально и корректно процедура квалификации протекает, если соблюдены условия полного обоснования и рационального разъяснения понятиям и терминам, присущим неоднозначная интерпретация (отсутствие полисемии). Вообще, реконструкция правового тезауруса достаточно сложная проблематика, фактически УК РФ наполнен множеством понятий и терминов, имеющих отношение не только к юридической парадигме, в нем концентрируются категории, ведущие вопросами медицины, технического направления, даже присутствует терминология, курсирующая корнями в философию (справедливость – ст.ст. 6, ч. 2 ст. 43 УК РФ, время – ст. 9 УК РФ), теологию (истязание – ст. 117 УК РФ) и кибернетики (критическая информационная инфраструктура – ст.274.1 УК РФ, информационно-телекоммуникационные сети, компьютерная информация - глава 28 УК РФ, функциональные возможности информационного ресурса - ст.274.5 УК РФ). Такой терминологический набор достаточно усложняет применение процедуры унификации.

Возможное нивелирование данной проблемы заключается в перестановке слагаемых: прежде чем произвести унификацию терминологического аппарата следует акцентировать внимание на «пурификации (очищение) излишнего словесного материала, лишь усложняющего пользование законом» [2, с. 39]. Как только понятия и термины, нагромождающие уголовный закон отфильтруются, появится реальная возможность создания правового тезауруса. При этом стоит учитывать терминологию, не имеющую легального толкования в Кодексе, но отсылающей к иным нормативно-правовым актам – бланкетная терминология [4]. Такой вид терминов факультативно воссоздает нагрузку на словесное содержание УК РФ. В данной ситуации следует в норме или нормах сгенерировать примечание, отсылающее к конкретному закону. Эта позиция четко прослеживается в Постановлении КС РФ от 27.05.2003 № 9-П: «Между тем оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона, используемых формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний».

3. ч. 3 «Запрещается придание разных значений одинаковым формулировкам в рамках настоящего Кодекса, если отсутствует специальная оговорка об этом в данном Кодексе».

В дореволюционной России профессор Е. В. Васильковский описывал смысловое содержание ч. 3 ст. 11.1 УК РТ сквозь призму синтактиче-

ского уровня речевого состава [3, с. 41], где акцентируется внимание на корреляцию понятий и терминов в нормативных предписаниях. Достаточно часто при формировании правового текста возникают спорные вопросы при использовании конкретного понятия или термина семантически обособленным и в связи с иными словами в предложении. Зачастую, дефиниция конкретного термина вне текстового фона имеет одно смысловое значение (сему), однако при вклинивании его в сам текст возможна трансформация содержания. Эту позицию высказывал в XIX веке герменевт Ф. Шлейермахер, который писал, что «смысл любого слова в данном месте должен определяться в связи с теми словами, которые его окружают» [9, с. 91]. В этой связи юристам стоит обращать внимание, прежде всего, на легальное толкование понятий или терминов, отраженных в тексте закона, а также их интерпретации в правоприменительной практике. При отсутствии официального разъяснения необходимо выделить семантику слова вне текстового уровня, изучить его этимологию и практику применения, впоследствии установить трансформируется ли сущность понятия или термина при их корреляции с иными словами в предложении.

В определенной степени формулировку, заложенную в ч. 3 ст. 11.1, возможно исследовать через полемичную терминологию. Но более корректно в данной ситуации этот вопрос курсировать в ч. 2 ст. 11.1 УК РТ и изучить его содержание в ней. Между тем, в конструкции ч. 3 указанной статьи присутствует термин, относящийся к контексту юридической техники: «оговорка», которая и становится элементов противоречия. Норма четко регламентирует недопустимость идентичных формулировок в текстовой плоскости, однако, как ни странно, существует исключение из правил, то есть «специальная оговорка». Смысл ее отражение в тексте УК РТ, если правила толкования требует императивности (установление границ) для избежания искажения содержания уголовно-правовых норм, заложенных волей законодателем. Один из ведущих философов и правоведов эпохи Просвещения Ш. Монтескье в своем трактате «О духе законов» писал, что «законы не должны вдаваться в тонкости; они предназначаются для людей посредственных и содержат в себе не искусство логики, а здравые понятия простого отца семейства. Когда закон не нуждается в исключениях, ограничениях и видоизменениях, то всего лучше обходиться без них. Такие подробности влекут за собою новые подробности. Не следует делать изменений в законе без достаточного к тому основания» [6, с. 546].

По нашим подсчетам, оговорок в УК РФ насчитывается 415 (союз «если»), но не все они

обладают юридико-техническими недостатками, некоторые из них действительно значимы для процесса квалификации, но факт их наличия уже говорит о нестабильном состоянии Кодекса. В некоторых ситуациях оговорка может обретать форму «судейского усмотрения». Так, ст. 63 УК РФ представляет исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств, неподлежащих расширительному толкованию. Однако ч. 1.1. вышеупомянутой статьи предлагает дополнительные отягчающие обстоятельства, применяемые к субъекту преступления на основании судебного усмотрения. Эта ситуация объективно показывает дихотомическое противоречие в самом Кодексе: с одной стороны, отягчающие обстоятельства не подлежат расширительному толкованию, поэтому никто, кроме законодателя не обладает правом новеллизации данной нормы, а с другой, сам правотворец (законодатель) делегирует судьям правом усмотрения. С точки зрения юридической техники, суждения законодателя, представленные в ч. 1.1. ст. 63 УК РФ являются оговоркой, в этой связи остается не ясным смысл ее наличия, если существует возможность закрепить этот перечень в ч. 1 указанной нормы.

Все цело, комплексный анализ законодательств зарубежных стран по вопросу интерпретации уголовно-правовых предписаний, с одной стороны, позволяет расширено взглянуть на сложившуюся проблематику в отечественном уголовном законодательстве, выявить все недостающие звенья, которые скорректируют работу правоприменителя и, в определенной степени, послужат толчком для правотворческой инициативы. С другой стороны, компаративистика является «прямой» методологией для имплементации уголовно-правовых норм в УК РФ, которая также сможет стабилизировать процесс толкования.

Но при всей прагматичности сравнительного правоведения необходимо учитывать несколько составляющих. Во-первых, вопросы разъяснения (толкования, интерпретации) в зарубежных странах и их законодательств носит легально-зафиксированный характер, в отличие от российской практики. Отечественное уголовное законодательство в сфере толкования и изложения терминологии в большей части определяется сквозь призму разъяснения судебных инстанций, что уже насаждает факультативные документы при работе с текстом УК РФ. Во-вторых, реализации компаративистика в отношении интерпретации уголовно-правовых норм следует произвести только в том случае, когда «российский законодатель» сам наладит процесс построения терминологии и толкования в ходе правотворческой деятельности. Этот вопрос в доктрине более детально рассматривал профессор Ю. А. Туранин, который призывал пересмотреть

методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, а также Постановление Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов», в части, затрагивающей вопросы терминологии [8, с. 13]. В частности, при формировании нормативно-правового акта проводится антикоррупционная экспертиза, где следует уделить пристальное внимание юридико-лингвистической неопределенности – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (п. в ч. 4 Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96). Исключительно после таких действий возможен позитивный окрас в контексте реализации и имплементации правового тезауруса, а также правил толкования в УК РФ.

Список литературы:

- [1] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 207; с. 209-210.
- [2] Бойко А.И. Системная среда уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2008. 49 с. С. 39
- [3] Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М., 1913, с. 41
- [4] Кострова, М. Б. Бланкетные термины в уголовно-правовых предписаниях / М. Б. Кострова // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сборник научных трудов / Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Сателлит, 2008. – С. 95-101
- [5] Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2002. 405 с. С. 371-373
- [6] Монтескье, Шарль Луи О духе законов / Шарль Луи Монтескье; [пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова]. — М., 2019. С. 546
- [7] Панченко П.Н. Законодательная техника как фактор системности законов (на примере уголовно-правовой проблематики) // Юридическая техника. – 2008. – № 2. С. 114-119. С. 118
- [8] Туранин Ю. А. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. Белгород, 2017. 48 с. С. 13.
- [9] Ф. Шлейермахер. Герменевтика. – Перевод с немецкого А.Л. Вольского. Научный редактор \ Н.О. Гучинская. – СПб.: «Европейский Дом». 2004. – 242 с.

References:

[1] Beccaria C. On crimes and punishments. M., 1939. S. 207; c. 209-210.

[2] Boyko A.I. Systemic environment of criminal law: abstract. diss.... Dr. Jurid. sciences. M. 2008. 49 pp. P. 39

[3] Vaskovsky E.V. Guide to the interpretation and application of laws: for novice lawyers. M., 1913, p. 41

[4] Kostrova, M. B. Blanket terms in criminal law prescriptions/M. B. Kostrova//Criminal law prohibition and its effectiveness in the fight against modern crime: collection of scientific papers/Saratov State Law Academy. - Saratov: Satellite, 2008. - S. 95-101

[5] A.V. Magyarova. Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in the

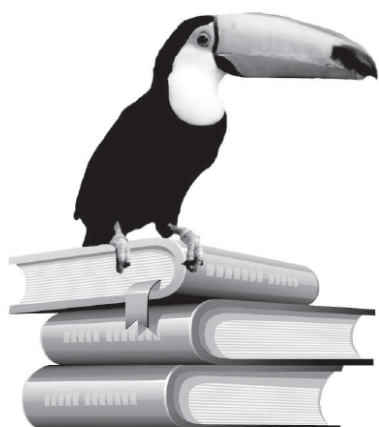
mechanism of criminal law regulation. - St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2002. 405 pp. P. 371-373

[6] Montesquieu, Charles Louis On the Spirit of Laws/Charles Louis Montesquieu; [trans. In Russian. A. Gornfeld; will enter. Art. D. Khaustova]. - M., 2019. S. 546

[7] Panchenko P.N. Legislative technology as a factor in the consistency of laws (on the example of criminal law issues)//Legal technology. - 2008. - № 2. S. 114-119. S. 118

[8] Yu. A. Turanin. Legal Terminology in Modern Russian Law: Abstract. diss.... Dr. Jurr. sciences. Belgorod, 2017. 48 pp. P. 13.

[9] F. Schleiermacher. Hermeneutics. - Translated from German by A.L. Volsky. Scientific Editor\N.O. Guchinskaya. - St. Petersburg: "European House." 2004. - 242 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

УРУМОВ Аскер Валерьевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: urumov07@rambler.ru

ШЕРИЕВ Альберд Малилевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: sheriev74@mail.ru

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье приводится исследование такого социально-негативного явления, как коррупция. Рассматриваются правовые новеллы антикоррупционного законодательства Российской Федерации, основные характеристики и виды проявления коррупции. Также анализируются научные и практические рекомендации по совершенствованию системы противодействия коррупции в современной России.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное законодательство, антикоррупционные поправки, цифровизация антикоррупционной деятельности, противодействие, последствия, причины, условия.

URUMOV Asker Valerievich,
Candidate of Law Sciences,
Deputy Head of the Department of Special Disciplines
North Caucasus Advanced Training Institute
(branch) Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

SHERIEV Alberd Malilevich,
Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Department of Special Disciplines
North Caucasus Institute of Advanced Training
(branch) Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

SCIENTIFIC AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS FOR IMPROVING THE SYSTEM OF COUNTERING CORRUPTION IN MODERN RUSSIA

Annotation. The article provides a study of such a socially negative phenomenon as corruption. It examines the legal novelties of the anti-corruption legislation of the Russian Federation, the main characteristics, and types of corruption. The article also analyzes scientific and practical recommendations for improving the anti-corruption system in modern Russia.

Key words: *corruption, anti-corruption legislation, anti-corruption amendments, digitalization of anti-corruption activities, counteraction, consequences, causes, and conditions.*

Введение. Противодействие коррупции является одной из важнейших задач государства и общества. Обладая многоструктурным и многоуровневым содержанием, коррупция представляет собой сложное криминологическое, экономическое и социальное явление, препятствующее развитию общества и государства. Общеизвестно, что данное явление в той или иной степени присутствует практически во всех странах мира, и Российская Федерация не является исключением. В большинстве стран мира сложилась собственная правовая база по борьбе с коррупцией и своя система мер и инструментов, которые позволяют справляться с данным негативным явлением.

Материалы и методы. Эмпирической и информационной основой настоящего исследования являются положения российского законодательства, международно-правовые акты в сфере противодействия коррупции, судебная практика, а также массив статистических данных и выводы предшествующих научных изысканий. Достижение репрезентативности результатов обеспечено за счет комплексного применения сравнительно-правового и статистического анализа, синтеза, дедуктивных и индуктивных умозаключений.

Содержание исследования. На современном этапе коррупция в России переживает качественную трансформацию, адаптируясь к условиям цифровой экономики. Фиксируемый экспертами переход от «чемоданных» взяток к сложным IT-схемам и «технической» коррупции является одной из ключевых характеристик этапа эволюции коррупции в стране [13]. «Техническая» коррупция - это качественно новый уровень коррупционных практик, при котором традиционные способы передачи незаконного вознаграждения заменяются высокотехнологичными инструментами, существенно затрудняющими выявление и доказывание преступлений. Сама «техническая» коррупция отличается от традиционной следующими чертами:

- 1) формой передачи – если в традиционной коррупции передаются наличные деньги, то для «технической» коррупции характерен безналичный расчет, криптовалюта;
- 2) способ связи между взяткодателем и взяткополучателем, а также посредником между ними - в традиционной коррупции осуществляется личная встреча (прямой контакт), в «технической» коррупции применяются цифровые каналы (опосредованное взаимодействие);
- 3) следами преступления – для традиционной коррупции характерны физические следы (деньги, предметы), а для «технической»

коррупции цифровые следы (транзакции, логи);

- 4) способы доказывания – если для традиционной коррупции характерны относительно простые способы доказывания, то для «технической» коррупции требуются специальные познания для выявления, фиксации и интерпретации.

Качественная трансформация коррупционных практик обусловлена цифровизацией общественных отношений. Этот процесс, который создает серьезные вызовы для правоохранительной системы, обусловлен следующими обстоятельствами:

- 1) технологический разрыв - коррупционеры активно используют современные технологии, тогда как правоохранительные органы не всегда обладают широким инструментарием для их нейтрализации;
- 2) правовая неопределенность - отсутствие четкого правового статуса криптовалюты и единообразной судебной практики создает возможности для ухода от ответственности [1; 17].

К сожалению, коррупция в России на современном этапе характеризуется динамическим ростом. За 2025 год в России выявлено 20 918 преступлений, связанных со взяточничеством. Это рекордный показатель за последние годы, зафиксировано увеличение на 12,3 % [14]. В 2024 году данный показатель составил почти 17 тыс. При этом следует отметить, что с 2017 года наблюдается стойкая тенденция роста числа выявленных преступлений, связанных со взяточничеством. Тогда число таких преступлений составило 6 270, из них получение взятки - 3 188, дача взятки - 2 272 и посредничество во взяточничестве 810 [16]. Ущерб от коррупционных преступлений в 2025 году по оконченным и приостановленным уголовным делам вырос до 16 млрд рублей, наложен арест на имущество, добровольно погашено, изъято имущества, денег, ценностей на сумму свыше 45 млрд рублей [7].

В условиях обострившейся геополитической ситуации коррупция приобретает особую опасность, поскольку напрямую влияет на экономическую устойчивость, обороноспособность и национальную безопасность государства. В ответ на эти вызовы российское антикоррупционное законодательство претерпело существенные изменения. Так, федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [11] был дополнен важными положениями, расширяющими возможности государства по обращению в доход государства

сомнительных активов. Ключевые изменения коснулись расширения периметра контроля за операциями, которые могут быть связаны с легализацией доходов. Под действие механизмов, предусмотренных в ст. 7.1 указанного закона (приостановление операций, отказ в выполнении распоряжения), теперь подпадают новые категории участников экономической деятельности: майнеры цифровой валюты (криптовалюты), организаторы майнинг-пула, исполнительные органы личного фонда (кроме наследственного фонда), в том числе международного личного фонда (кроме международного наследственного фонда).

Аудиторские организации и индивидуальные аудиторы, которые ранее только информировали Росфинмониторинг о подозрительных операциях, теперь стали активными агентами государства в борьбе с теневой экономикой. Также существенно расширен круг обязанностей организаций и лиц, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, превращая их из пассивных исполнителей в активных участников системы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Данные субъекты обязаны по мотивированному запросу Росфинмониторинга предоставлять информацию об операциях клиентов, их бенефициарах и выгодоприобретателях в установленных законом случаях. Указанная новелла законодательства имеет существенное значение, так как:

- 1) позволяет правоохранительным и контролирующим органам «просвечивать» сложные цепочки собственности и финансовые потоки;
- 2) предоставляет возможность осуществлять запрос не только текущих, но и архивных операций, что важно для расследования коррупционных схем прошлых лет;
- 3) способствует более эффективной борьбе с «технической» коррупцией, когда незаконные вознаграждения проводятся через сложные цепочки юридических лиц и банковские счета.

Данные поправки стали ответом на практическую потребность. Ранее для изъятия таких средств прокуратуре и судам приходилось прибегать к сложным правовым конструкциям, что ставило под сомнение законность принимаемых решений и снижало эффективность противодействия коррупции.

Целевой блок антикоррупционных поправок, направленный на повышение эффективности уголовного преследования коррупционеров, был введен в 2011 и 2016 годы. В числе наиболее значимых решений законодателя следует отметить следующие:

1. Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ [8] в УК РФ была внесена системная группа антикоррупционных поправок, призванных усовершенствовать уголовно-правовые инструменты борьбы с коррупцией. Ключевыми новациями стали: введение в ст.ст. 204, 290, 291 и 291.1 УК РФ градации ответственности за взяточничество и коммерческий подкуп в прямой зависимости от размера незаконного вознаграждения; ужесточение санкций за коммерческий подкуп и отдельные квалифицированные эпизоды дачи взятки; выделение посредничества во взяточничестве в отдельный состав преступления (ст. 291.1 УК РФ); применение нового подхода к исчислению штрафа в кратном размере от суммы подкупа (ч. 2 ст. 46 УК РФ); а также сужение условий для освобождения от ответственности за посредничество.
2. Федеральным законом от 3 июля 2016 № 324-ФЗ [9] была кардинально пересмотрена система ответственности за коррупционные преступления. В УК РФ введены новые статьи (204.1, 204.2, 291.2), а существующие нормы (184, 204, 290, 291, 291.1, 304) изложены в обновленных редакциях. В частности, расширено понятие коммерческого подкупа (ст. 204) с детализацией размеров и условий освобождения от ответственности, а также криминализованы посредничество в таком подкупе (ст. 204.1) и мелкий подкуп до 10 000 руб. (ст. 204.2). Параллельно уточнено определение взятки (включая передачу выгоды третьим лицам) и ужесточены санкции статей 290 и 291 за счет введения кратных штрафов и дополнительных наказаний, при этом мелкое взяточничество (ст. 291.2) теперь выделено в самостоятельный состав.

В рамках антикоррупционных поправок в УК РФ был изменен состав субъектов получения взятки: теперь к ним приравнены иностранные должностные лица и сотрудники международных организаций. Несмотря на конвенционное происхождение, их определение (примечание 2 к ст. 290 УК РФ) существенно расходится с классическим определением должностного лица по ст. 285 УК РФ. Это смысловое «раздвоение» нарушает логику криминализации, а также усугубляется различиями в определении категории «должностное лицо» в уголовном законодательстве Российской Федерации и ряда зарубежных государств. Как следствие, возникают внутриправовые коллизии и снижается эффективность межгосударственного сотрудничества в противодействии коррупции, что делает актуальной задачу гармо-

низации законодательства как в национальном, так и в международном масштабе.

Кроме того, первоначально УК РФ не содержал специальной нормы за посредничество при взяточничестве, и такие действия квалифицировались как соучастие в получении или даче взятки согласно правилам ст. 33 УК РФ. Ситуация изменилась с принятием Федерального закона № 97-ФЗ, который ввел самостоятельную ст. 291.1 в УК РФ. С этого момента посредничество, совершенное в значительном размере, перестало рассматриваться через призму соучастия и стало квалифицироваться как самостоятельный состав («необходимое соучастие»). Однако аналогичный подход не распространяется на коммерческий подкуп, где посредничество по-прежнему подпадает под общие нормы о соучастии, что создает неоправданные различия в юридических последствиях при сопоставимой степени общественной опасности этих деяний.

Одну из ключевых проблем правоприменения в сфере противодействия взяточничеству специалисты указывают на несоразмерности наказаний за реальное посредничество и за его обещание или предложение. Так, анализ санкций статьи 291.1 УК РФ показывает, что законодатель установил более строгое наказание за обещание или предложение посредничества (ч. 5), чем за само реальное посредничество в значительном размере (ч. 1). Такое, на первый взгляд, парадоксальное ужесточение ответственности за «обещание» или «предложение» связано с попыткой законодателя бороться с коррупцией на самых ранних стадиях. Это рассматривается как одна из мер профилактики и превентивного воздействия. Ответственность наступает не за передачу взятки, а уже за сам факт выражения готовности стать посредником, что считается более общественно опасным, так как направлено на создание условий для совершения тяжкого преступления. Однако эта логика вступает в противоречие с базовыми принципами уголовного права, где наказание должно соразмеряться со степенью фактической общественной опасности деяния. В научной литературе и правоприменительной практике неоднократно отмечалось, что установление более строгой ответственности за приготовление к преступлению, чем за его исполнение, является серьезной проблемой и не имеет логического обоснования [2; 4; 15. С. 98].

В 2025 году была предложена законодательная инициатива, которая вызвала большой резонанс при обсуждении. В Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект (№ 859650-8) [3], предполагающий кардинальное ужесточение санкций по ст. 290 УК РФ. Данный законопроект был отклонен по результатам рассмотрения в ходе первого чтения и вызвал

большой резонанс при обсуждении. Ключевые изменения, которые предлагалось внести, касались трех основных моментов:

- 1) предлагалось полностью исключить возможность назначения штрафа в качестве основного вида наказания за получение взятки в крупном и особо крупном размерах (ч. 4-6 ст. 290 УК РФ) (по замыслу авторов, это должно лишить коррупционеров возможности «откупиться» и гарантировать неотвратимость более строгого наказания);
- 2) инициатива также предполагала полный запрет на назначение условного наказания за указанные преступления;
- 3) для осужденных по этим статьям планировалось усложнить порядок условно-досрочного освобождения, предлагалось установить, что оно будет возможно только после отбытия не менее 4/5 назначенного срока лишения свободы.

В официальном отзыве Правительства РФ на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» было указано, что предлагаемое законопроектом приравнивание по характеру и степени общественной опасности указанных форм получения взятки к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, к преступлениям террористической направленности, к преступлениям, связанным с организацией преступного сообщества (преступной организации) или участием в нем (ней), за совершение которых не может быть назначено условное осуждение, может привести к нарушению принципа справедливости и препятствовать достижению целей наказания.

Профессиональное сообщество также высказало опасения, что такой подход может быть неэффективным. Некоторые юристы, в контексте ужесточения ответственности за коррупционные преступления, считают целесообразным пересмотреть санкции не столько по ст. 290 УК РФ, сколько по ст.ст. 159 и 160 УК РФ. В качестве аргумента указывается, что именно в этих составах фигурируют суммы, исчисляемые миллиардами (включая откаты), при этом действующее наказание существенно ниже: до 10 лет лишения свободы и штраф до 1 млн рублей. Дополнительными смягчающими факторами служат льготный зачет срока в СИЗО (1,5 дня за день) и возможность УДО после отбытия половины срока. При этом получение взятки, в отличие от хищений из бюджета, предполагает вознаграждение от частного лица, а не прямое изъятие госсредств, что причиняет меньший ущерб государству [6].

Как видим, УК РФ действительно играет ключевую роль в борьбе с коррупцией, являясь

основным инструментом государства для привлечения виновных к ответственности. Однако его эффективность во многом зависит от того, насколько умело он используется в системе с другими мерами. Борьба с коррупцией не может строиться только на уголовно-правовых методах. Упор исключительно на УК РФ часто сравнивают с «борьбой со следствием, а не с причиной». Эффективная стратегия требует системного подхода.

В связи с этим, ст. 6 Федерального закона № 273-ФЗ [10] устанавливает комплекс мер профилактики коррупции, включающий: формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; антикоррупционную экспертизу правовых актов и их проектов; рассмотрение вопросов правоприменительной практики по результатам судебных решений. Правовую основу экспертной деятельности составляет Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [12], направленный на выявление и устранение коррупциогенных факторов в нормативных документах [5].

Заключение. Подводя итог, следует сформулировать следующие выводы.

1. Совершенствование антикоррупционной системы в России характеризуется противоречивыми тенденциями: с одной стороны, активно обновляется законодательство и растет статистика выявленных преступлений, с другой - эти изменения вызывают неоднозначную оценку, а общий фон, подтверждаемый международными рейтингами, указывает на то, что проблема коррупции в России остается все еще острой.
2. Система противодействия коррупции в России находится в стадии активной трансформации. Основным вектором изменений в 2026 году стал пересмотр подходов к контролю за доходами чиновников: отход от ежегодного декларирования в пользу выборочного контроля за крупными расходами. Этот шаг, с одной стороны, снижает административную нагрузку, с другой - ослабляет механизмы прозрачности.
3. Современные реалии требуют цифровизации антикоррупционной деятельности, т.е. необходимо внедрять технологии автоматизированного мониторинга закупок, цифровые каналы сообщения о коррупционных нарушениях (включая анонимные), цифровизация декларирования доходов и контроля за имуществом. Для этого необходимо предварительно решить проблемы цифрового неравенства регионов, защиты персональных данных и кибербезопасно-

сти. Следует учитывать, что цифровизация способна повысить прозрачность, однако без качественного анализа данных и механизмов реагирования она останется формальной мерой.

Список литературы:

[1] Агеев В.Н. Криптовалюта как предмет взяточничества: проблемы правового регулирования и пути преодоления // *Полицейская деятельность*. 2025. № 6. С. 18-33.

[2] Грошев А.В. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства Российской Федерации (критический анализ) // *Современные проблемы уголовной политики*. Краснодар, 2011. Т. 1. С. 100-108.

[3] Законопроект № 859650-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (об усилении ответственности за преступления, связанные с получением взятки)» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной система «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/859650-8> (дата обращения: 26.05.2026).

[4] Замараев В.И. Проблемы толкования обещания или предложения посредничества во взяточничестве // *Российский следователь*. 2025. № 2. С. 46-50.

[5] Карнаушенко Л.В., Курдюк Г.П., Урумов А.В. Антикоррупционная экспертиза в законодательстве Российской Федерации: развитие и правовое закрепление // *Пробелы в российском законодательстве*. 2019. № 6. С. 16-23.

[6] Клинков Д. Усилить наказание, не вникая в суть и природу преступлений, - не выход // *Адвокатская газета*. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/usilivat-nakazanie-ne-vnikaya-v-sut-i-prirodu-prestupleniya-ne-vykhod/> (дата обращения: 26.05.2026).

[7] МВД: ущерб от коррупционных преступлений в 2025 году достиг 16 млрд рублей // Информационное агентство России ТАСС. - Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/26338171> (дата обращения: 26.05.2026 г.).

[8] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ (ред. от 04.06.2014) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=163950&dst=10>

0001#bQjk1OViyToaPkqH2 (дата обращения: 26.05.2026 г.).

[9] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200716&dst=100001#oqVm1OVtJily449> (дата обращения: 26.05.2026 г.).

[10] О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=523306&dst=100047#Dg2w1OVKcOZrXm3F1> (дата обращения: 26.05.2026).

[11] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 10.06.2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=536600&dst=100001#qZ7N7OVElo8HoWHD1> (дата обращения: 11.06.2026).

[12] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=487010&dst=100001#RzHx1OVcTV5kGr7u> (дата обращения: 26.05.2026).

[13] Подкупная способность: в России стали раскрывать больше коррупционных преступлений // Сетевое издание газеты «Известия». - Режим доступа: <https://iz.ru/2038426/ivan-petrov/podkupnaia-sposobnost-v-rossii-stali-raskryvat-bolshe-korruptcionnykh-prestuplenii> (дата обращения: 26.05.2026 г.).

[14] Путин сообщил о росте коррупционных преступлений в России // Сетевое издание РИА Новости. - Режим доступа: <https://ria.ru/20260319/putin-2081742820.html> (дата обращения: 26.05.2026 г.).

[15] Рарог А.И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 95-103.

[16] Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2025 года. Электронный документ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России» // Официальный сайт МВД России. - Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 26.05.2026 г.).

[17] Эксперты рассказали, будут ли реже брать взятки в криптовалюте после приговора следователю Тамбиеву // Электронное периодическое издание «МК.ru». - Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2024/10/08/eksperty-rasskazali-budut-li-rezhe-brat-vzyatki-v-kriptovalyute-posle-prigovora-sledovatelyu-tambievu.html> (дата обращения: 26.05.2026 г.).

References:

[1] Ageev V.N. Cryptocurrency as a subject of bribery: problems of legal regulation and ways to overcome//Police activity. 2025. № 6. S. 18-33.

[2] Groshev A.V. Anti-corruption novels of the criminal legislation of the Russian Federation (critical analysis)//Modern problems of criminal policy. Krasnodar, 2011. VOL. 1. S. 100-108.

[3] Bill No. 859650-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (on increasing liability for crimes related to receiving a bribe)"/"System for ensuring legislative activities of the State Automated System" Lawmaking "(SOZD GAS" Lawmaking "). Access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/859650-8> (access date: 26.05.2026).

[4] Zamaraev V.I. Problems of interpreting the promise or offer of mediation in bribery//Russian investigator. 2025. № 2. S. 46-50.

[5] Karnaushenko L.V., Kurdyuk G.P., Urumov A.V. Anti-corruption expertise in the legislation of the Russian Federation: development and legal consolidation//Gaps in Russian legislation. 2019. № 6. S. 16-23.

[6] D. Klinkov. Strengthening punishment without delving into the essence and nature of crimes is not an option//Lawyer newspaper. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/usilivat-nakazanie-ne-vnikaya-v-sut-i-prirodu-prestupleniya-ne-vykhod/> (дата обращения: 26.05.2026).

[7] Ministry of Internal Affairs: damage from corruption crimes in 2025 reached 16 billion rubles//Russian Information Agency TASS. - Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/26338171> (accessed 26.05.2026).

[8] On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of combating corruption: Federal Law No. 97-FZ of May 4, 2011 (as amended by 04.06.2014) [Electronic Resource]//SPS ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=163950&dst=100001#bQjk1OViyToaPkqH2> (accessed on 26.05.2026).

[9] On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of July 3, 2016 No. 324-FZ [Electronic Resource]//SPS ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=>

200716&dst=100001#oqVm1OVtZjly449 (accessed on 26.05.2026).

[10] On combating corruption: Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 (as amended by 28.12.2025) [Electronic Resource]//SPS Consultant-Plus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=523306&dst=100047#Dg2w1OVKcOZrXm3F1> (access date: 26.05.2026).

[11] On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ of August 7, 2001 (as amended by 10.06.2026) [Electronic Resource]//SPS ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=536600&dst=100001#qZ7N7OVElo8HoWHD1> (access date: 11.06.2026).

[12] On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts: Federal Law No. 172-FZ dated July 17, 2009 (as amended by 30.09.2024) [Electronic Resource]//SPS Consultant-Plus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=487010&dst=100001#RzHx1OVcTV5kGr7u> (access date: 26.05.2026).

[13] Bribery: more corruption crimes began to be disclosed in Russia//Network edition of the Izves-

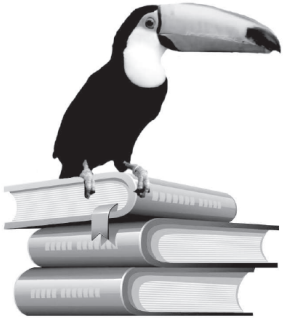
tia newspaper. - Режим доступа: <https://iz.ru/2038426/ivan-petrov/podkupnaia-sposobnost-v-rossii-stali-raskryvat-bolshe-korruptcionnykh-prestuplenii> (дата обращения: 26.05.2026 г.).

[14] Putin reported an increase in corruption crimes in Russia//Network edition of RIA Novosti. - Access mode: <https://ria.ru/20260319/putin-2081742820.html> (accessed 26.05.2026).

[15] Rarog A.I. Legislator's mistake: types, reasons, ways of correction//Actual problems of Russian law. 2019. № 4. S. 95-103.

[16] The state of crime in the Russian Federation in January-December 2025. Electronic document PKU "Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia"//Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Access mode: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (accessed 26.05.2026).

[17] Experts told whether they would be less likely to take bribes in cryptocurrency after the verdict to investigator Tambiev//Electronic periodical "MK.ru." - Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2024/10/08/eksperty-rasskazali-budut-li-lyu-tambievu.html> (дата обращения: 26.05.2026 г.).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КАНОКОВА Ляна Юрьевна,
Преподаватель кафедры информационных
технологий и специальной техники органов внутренних дел
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КОТЕЛЬНИКОВ Николай Сергеевич,
Преподаватель кафедры тактико-специальной
подготовки БЮИ МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ ВЕРОЯТНОСТНО ГОТОВОЙ ПРИМКНУТЬ К ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Противодействие террористическим организациям, группировкам и сообществам на сегодняшний момент является важнейшим направлением деятельности как правоохранительной системы любого государства, так и всех общественных институтов. Причем, для эффективной борьбы с этим пагубным явлением необходимы именно консолидированные усилия, комплексная профилактическая работа по расследованию совершенных террористических актов, пресечению готовящихся, профилактике радикальных настроений в среде потенциальных реализаторов преступных замыслов.

Ключевые слова: террорист-исполнитель, мировоззрение человека, радикальность взглядов, стереотипное мышление.

KANOKOVA Lyana Yuryevna,
Lecturer, Department of Information Technology and
Specialized Equipment for Internal Affairs Agencies,
North Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

KOTELNIKOV Nikolai Sergeevich,
Lecturer at the Department of Tactical and Special
Training Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

BEHAVIOURAL INDICATORS AND WORLDVIEW ATTITUDES OF AN INDIVIDUAL PROBABILISTICALLY PRONE TO JOINING TERRORIST ACTIVITIES

Annotation. Countering terrorist organizations, groups, and communities is currently the most important area of activity for both the law enforcement system of any state and all public institutions. Moreover, to effectively combat this harmful phenomenon, it is essential to have consolidated efforts and comprehensive preventive work — including investigating committed terrorist acts, preventing those being prepared, and addressing radical sentiments among potential perpetrators of criminal designs.

Key words: perpetrator terrorist; human worldview; radicalism of views; stereotypical thinking.

Терроризм сегодня характеризуется вариативностью целеполагания, может являться способом выражения индивидуального (группового) протеста, видом волеизъявления и реакции на значимые события, средством поли-

тической борьбы, инструментом воздействия на систему власти в государстве. Однако непременной чертой террористической деятельности остается ее деструктивный характер, насилие и нередко жертвы среди населения. Террорист

всегда агрессивен, причем его движущая идея зачастую ограничивается желанием уничтожения объекта или прерывания процесса, представляемого им неприемлемым, постыдным либо создающим противоречия с его видением идеального мира и ценностными ориентирами. Альтернатива же в сознании исполнителя террористических воззрений если и присутствует, то подчас понимается весьма туманно, либо находится в сугубо умозрительной плоскости. Таким образом, терроризм всегда разрушителен, а степень неблагоприятных последствий, вреда для общества и государства, вынуждает позиционировать его как бич современности и активизировать все ресурсы для повышения эффективности борьбы с ним.

Для привлечения в свои ряды неопитов лидеры террористических организаций активно создают подразделения вербовщиков, оснащают их современными технологическими средствами, модернизируют методические рекомендации для концентрации влияния на желаемом сегменте потенциальной аудитории. Важно понимать и помнить, что играя на стремлении «изменить мир к лучшему» малообразованной, подчас невежественной либо активно вводимой в заблуждение публики, субъекты террористических идей в первую очередь подыскивают людей для пополнения рядов, позиционируют их самих как средство достижения собственных целей. Причем, как указывалось выше, зачастую эти цели не имеют ничего общего с благозвучными лозунгами, по сути являясь утилитарными, коммерческими и материальными.

Противостояние терроризму сегодня поистине ведется «на всех фронтах» социального проявления людей и взаимодействия между ними. Совершенный теракт - сам по себе просчет и упущение уполномоченных государственных органов. Даже оперативное и результативное расследование, нахождение и наказание виновных не исключают фактических негативных последствий, материального ущерба, репутационных издержек власти, вреда здоровью пострадавшим и жертв. А потому необходимо пресекать террористические проявления в зародыше, более активно работая в среде вероятных жертв террористической пропаганды, уделяя внимание незащищенным слоям населения, повышать их осведомленность, предоставлять возможные социальные гарантии личностной реализации.

Исследуя проблему пополнения изначально законопослушными людьми террористических ячеек необходимо задуматься над характерными чертами этой группы населения, их объединяющими признаками, закономерностями развития, поведения, интересами и предпочтениями, социальным положением, психологическими особенностями. Интересно в этой связи мнение Н.В.

Чудиной-Шмидт и О.А. Смирнова, которые в посвященной данной тематике работе полагают, что в большинстве случаев террористы, вне зависимости от факторов, инициировавших приобщение к антиобщественной деятельности - это молодые люди в возрасте около 20-25 лет, получившие воспитание в патриархальной и весьма религиозной культуре. Типичные социальные чувства - скорбь и горе, в сочетании с ущемленной национальной гордостью. Им свойственны искаженные представления об «историческом обидчике» и потребность в мести. Эти представления, скорее всего, дополняются актуальной психической травмой, связанной с фактами гибели родных и близких, нередко - на глазах у будущего террориста.

Другой триггер - унижение в детстве, прикрытие стыда агрессией и ненавистью к окружающим, возможное психологическое или физическое насилие внутри семьи. Такому индивиду необходим внешний враг, на которого он мог бы выплеснуть накопленный гнев. Педагогические методы воспитания призывают избегать наказания для того, чтобы не допустить подобных деформаций личности. Если ребенок воспитывается через насилие, он репродуцирует данное насилие во взрослой жизни на других людей, считая подобное поведение правильным и допустимым. Как правило, террористы страдают наличием склонности к садизму и другим психологическим отклонениям. Чувствуя свою социальную ущербность, преступник неадекватную самооценку сублимирует на акт убийства и насилия. Это является главной отличительной чертой личности, объясняющей нарушение всех общественных и общечеловеческих норм поведения. У каждого террориста свой путь становления, в ходе которого он переживает разрыв социальных связей и образование нового круга общения, от которого он перенимает мировоззрение и стиль мышления. [4]

Учитывая вышесказанное, тем не менее не верно утверждать, что все террористы пережили трудное детство и являются выходцами из неблагополучных семей. У многих из них было счастливое детство и достойное воспитание. Иногда экстремисты совсем не похожи на преступников в привычном представлении граждан [2]. Подобных людей в круг террористов чаще всего вовлекают друзья и близкие люди. Начиная с простых бесед о религии, они постепенно переводят разговор в нужное им русло, постепенно меняя мировоззрение человека, подменяя его ценности и ориентиры. Сами создатели террористических организаций являются отличными психологами. Они способны отбирать личности, поддающиеся психологическому воздействию и внушению. К примеру, для совершения террористических актов путем самоподрыва выбираются личности с соот-

ветствующей склонностью (к самопожертвованию) и естественно в этом плане куда проще воздействовать на женщину чем на мужчину, в силу ее эмоциональной лабильности. Именно данный факт объясняет большое количество террористических актов, совершенных женщинами-террористками, склонными к суицидальному поведению[3].

Процесс выявления потенциального или начинающего делать первые шаги на пути терроризма индивида небанален, непросто и весьма неоднозначен, однако определенные поведенческие и мировоззренческие черты могут стать поводом для обращения более пристального внимания и рассмотрения таких людей в рамках групп особого контроля[5]. Среди таких личностных качеств и психических индикаторов можно выделить:

1. Категоричность и радикальность взглядов, деление людей по принципу свой/чужой, плохой/хороший, а явлений – приемлемое/запретное, дозволенное/недопустимое. Наличие промежуточных характеристик и преходящих, переменчивых свойств скорее отрицается.
2. Априорно негативное отношение к представителям некоторых социальных/национальных/религиозных сообществ.
3. Неготовность к диалогу и невозможность (нежелание) воспринимать позицию, отличную от собственной, попытаться понять ее подноготную, возможно воспринять некоторые положительные проявления.
4. Стереотипное мышление, заостренность взглядов, упрямство на грани фанатизма в отстаивании кажущейся единственно верной идеи.
5. Отношение к себе как к инструменту в достижении великой цели, соответственно готовность принести в жертву этой позиции себя и окружающих.
6. Непризнание ценности человеческой жизни, а тем более закона как общественного регулятора.

В заключении укажем, что для составления четкого портрета террориста к правоприменительной практике необходимо привлечение не только психологов, но и психиатров, теологов, криминалистов, философов. Однозначный портрет составить невозможно в виду многоаспектности и глубины изучаемого объекта. Достижение устойчивого понимания основных форм и тенденций формирования терроризма, является одним из ключевых факторов, способствующих выработке эффективных механизмов противодействия данному общественно опасному явлению[1]. Возможности выработки продуктивных способов противодействия терроризму в нашей

стране в рамках превентивной подготовки как при профилактическом, так и при необходимости индивидуальном взаимодействии представителей антитеррористических структур [6], а так же профильных специалистов с незащищенными слоями населения, должны реализовываться в формирование образа мысли, где участие в деятельности подобного рода станет закреплено как однозначно табуированное.

Список литературы:

- [1] Гаджимурадов Э. Р. Условия формирования личности, склонной к террористической деятельности // Вестник науки. 2023. №11 С. 237-241.
- [2] Гедгафов М. М. О мерах профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде // Международный научный вестник. 2024. №8. С.65-69.
- [3] Зарина А. М. Портрет современного террориста: криминологический аспект // Евразийская адвокатура. 2024. №3. С. 96-99.
- [4] Канокова Л.Ю. Противодействие распространению экстремистских материалов в сети интернет // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 439-441.
- [5] Чудина-Шмидт Н. В., Смирнов О. А. Выявление и определение психологических качеств личности человека, склонного к экстремизму, как фактор антигуманистических идей в современном обществе // Архонт. 2020. №6. С. 100-103.
- [6] Машекуашева М.Х. Идеологическое противостояние в информационной среде: вызовы и угрозы национальной безопасности. Право и управление. 2025. № 5. С. 529-531

References:

- [1] Gadzhimuradov E.R. Conditions for the formation of a person prone to terrorist activities//Bulletin of Science. 2023. NO. 11 S. 237-241.
- [2] Gedgafov M. M. On measures to prevent extremism and terrorism among young people// International Scientific Bulletin. 2024. №8. С.65-69.
- [3] Zarina A.M. Portrait of a modern terrorist: criminological aspect//Eurasian advocacy. 2024. №3. С. 96-99.
- [4] Kanokova L.Yu. Countering the spread of extremist materials on the Internet//Eurasian Legal Journal. 2024. № 3 (190). S. 439-441.
- [5] Chudina-Schmidt N.V., Smirnov O.A. Identification and determination of the psychological qualities of the personality of a person prone to extremism as a factor in anti-humanistic ideas in modern society//Archon. 2020. №6. S. 100-103.
- [6] Mashekuasheva M.Kh. Ideological confrontation in the information environment: challenges and threats to national security. Law and governance. 2025. № 5. P. 529-531.

КОДЗОВ Таймураз Нашудинович,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ЕРШОВ Дмитрий Алексеевич,
преподаватель кафедры
ОП Волгоградской академии МВД РФ,
младший лейтенант полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР КРИМИНОГЕННОГО ВЛИЯНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ

Аннотация. Социальные сети в современном российском обществе становятся не только средством коммуникации и самореализации, но и самостоятельным фактором криминогенного воздействия. В статье предпринята попытка криминологического анализа виртуального пространства, в котором формируются и реализуются новые формы девиантного и преступного поведения. На основе анализа законодательства, судебной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также научных исследований последних лет (2021–2025) выделяются основные направления криминогенного влияния социальных сетей, включая вовлечение в противоправные действия, распространение экстремистских материалов, кибермошенничество и виктимизацию пользователей. Обосновывается необходимость комплексного подхода к профилактике интернет-преступности, который должен включать правовые, организационные и образовательные меры.

Ключевые слова: социальные сети, криминология, интернет-преступность, криминогенные факторы, Верховный Суд РФ, профилактика преступности.

KODZOV Taimuraz Nasudinovich,
Lecturer, Firearms Training Department,
North-Caucasus Institute for Advanced Training (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ERSHOV Dmitry Alekseevich,
Lecturer, Firearms Training Department,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Junior Police Lieutenant

SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF CRIMINOGENIC INFLUENCE: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF RUSSIAN REALITIES

Annotation. In contemporary Russian society, social networks have become not only a means of communication and self-realization but also an independent factor of criminogenic influence. This article presents a criminological analysis of the virtual space where new forms of deviant and criminal behavior are formed and implemented. Based on the analysis of legislation, the judicial practice of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as recent academic studies (2021–2025), the main directions of criminogenic influence of social networks are identified, including involvement in illegal activities, dissemination of extremist materials, cyber fraud, and user victimization. The study substantiates the need for a comprehensive approach to cybercrime prevention, encompassing legal, organizational, and educational measures.

Key words: *social networks, criminology, cybercrime, criminogenic factors, Supreme Court of the Russian Federation, crime prevention.*

Цифровизация и глобализация информационного пространства привели к глубокой трансформации социальных практик. Социальные сети стали неотъемлемым элементом повседневной жизни и одновременно важнейшим инструментом формирования общественного мнения. Однако наряду с позитивным потенциалом они всё более явно проявляют свойства криминогенной среды, где не только транслируются традиционные девиантные модели, но и конструируются новые формы преступного поведения. По данным Роскомнадзора, в 2024 году доля пользователей социальных сетей в России превысила 85 % населения, имеющего доступ к интернету [11], что объективно расширяет пространство для возможного криминального воздействия. Статистика МВД России свидетельствует о неуклонном росте числа преступлений, совершённых с использованием сетевых платформ [2], что предопределяет необходимость углублённого криминологического анализа данного феномена.

Судебная практика подтверждает, что публикации в социальных сетях, даже размещённые в закрытых группах с ограниченным числом участников, могут приравниваться к публичным действиям в смысле уголовного законодательства [7].

Особое значение имеет распространение контента, связанного с пропагандой наркотиков, самоповреждений и насилия. Социальные сети становятся платформой, где преступники публикуют инструкции по изготовлению и использованию запрещённых веществ, методы самоповреждения, а также видеоматериалы агрессивного и насильственного характера. Это создаёт непосредственные угрозы психическому здоровью пользователей и способствует формированию девиантного поведения в подростковой и молодой аудитории [5].

Правоприменительная практика последних лет демонстрирует, что социальные сети в российском правовом поле рассматриваются как публичное пространство с юридически значимой информацией, что накладывает особые требования к квалификации преступлений, совершаемых в сети. Суды уделяют внимание не только объективной стороне деяний, но и социально-психологическим аспектам, включая мотивацию и психическое состояние автора публикации, а также потенциальное воздействие контента на аудиторию.

Одним из ключевых документов, формирующих правовые ориентиры, является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28

июня 2022 года № 20 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности» [7]. В постановлении уточняется, что публикации экстремистского характера, доступные широкой аудитории, включая закрытые группы с числом участников, превышающим несколько сотен человек, следует рассматривать как публичные действия. Судебные органы также обращают внимание на цель публикации и потенциальный эффект распространённой информации, что позволяет отличать выражение мнения от действий, направленных на возбуждение социальной, религиозной или национальной вражды. Данный подход отражает тенденцию к расширению юридического понимания публичности в цифровом пространстве, учитывая особенности современных коммуникационных платформ.

Не менее важным является анализ решений Конституционного Суда РФ. Определение от 17 мая 2023 года № 1098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на положения законодательства о блокировке интернет-ресурсов, распространяющих запрещённый контент» [8] подтверждает конституционность мер, направленных на ограничение доступа к опасной информации. Суд подчеркнул, что владельцы и администраторы платформ несут ответственность за своевременное удаление запрещённых материалов. Это решение закрепляет принцип соразмерной ответственности и указывает на необходимость координации действий правоохранительных органов и технических операторов платформ.

Особое внимание уделяется практике квалификации кибермошенничества и финансовых преступлений, совершаемых с использованием сетевых платформ. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2024 год [9] подробно анализирует случаи мошенничества с применением фальшивых аккаунтов, манипуляций доверием пользователей и массового вовлечения граждан. Суды при квалификации преступлений учитывают масштабы распространения информации, способы маскировки личности злоумышленника и технические возможности платформ, что позволяет дифференцированно подходить к оценке степени общественной опасности деяний.

Кроме того, судебная практика демонстрирует растущее внимание к защите уязвимых категорий пользователей, таких как несовершеннолетние и лица с низкой цифровой грамотностью. Так, в делах, связанных с вовлечением подростков в экстремистские и наркотические сообщества, суды учитывают не только активность участников, но и влияние групповой динамики, соци-

ального давления и манипуляций через контент. Такой комплексный подход позволяет более точно квалифицировать деяния и определить меру ответственности, соответствующую объективной и субъективной стороне преступления.

Таким образом, практика Верховного и Конституционного судов РФ формирует единое понимание того, что социальные сети являются публичным и юридически значимым пространством, а действия пользователей и администраторов платформ подлежат правовой оценке. Судебная практика отражает тенденцию к системной интеграции уголовно-правовых норм с реалиями цифровой среды, обеспечивая баланс между свободой выражения мнений и защитой общественных интересов. Анализ этих решений позволяет выделить ключевые принципы, на которых должно строиться профилактическое и правоохранительное вмешательство в сфере интернет-преступности: публичность действий, масштаб и потенциальная опасность распространённого контента, степень вовлечения и уязвимость аудитории.

Таким образом, социальные сети выступают не только средством коммуникации и самоидентификации, но и самостоятельным криминогенным фактором. Их изучение с учётом правоприменительной практики и виктимологического анализа позволяет выявлять новые формы преступности, определять уязвимые группы пользователей и разрабатывать комплексные меры профилактики, включающие правовые, технические и образовательные компоненты.

На законодательном уровне важное значение имеет формирование правовой базы, обеспечивающей защиту граждан и ответственность интернет-платформ. Конституция Российской Федерации закрепляет свободу информации при соблюдении интересов и прав других лиц, а федеральные законы и положения Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации регламентируют ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [10, 1]. Постановления Верховного Суда РФ уточняют критерии квалификации преступлений, включая экстремистскую направленность и кибермошенничество, что позволяет правоприменителям дифференцированно оценивать общественную опасность действий в сети.

Практическая профилактика, осуществляемая правоохранительными органами, строится на постоянном мониторинге социальных сетей, выявлении запрещённого контента и деструктивных сообществ, а также на межведомственном взаимодействии, обеспечивающем оперативное

реагирование на цифровые угрозы. Важную роль играют технические инструменты, такие как фильтры и алгоритмы распознавания опасного контента, системы аналитики и оперативного блокирования, которые позволяют минимизировать потенциальное воздействие противоправной информации.

Не менее значимым аспектом профилактики является воспитательная и образовательная работа с пользователями, особенно с подростками и пожилыми людьми. Формирование навыков критического мышления, медиаграмотности и цифровой безопасности позволяет снижать восприимчивость к манипуляциям, мошенничеству и вовлечению в деструктивные группы. Образовательные программы, консультации психологов и участие родителей и педагогов в цифровой жизни подростков создают дополнительный защитный слой, способствуя формированию устойчивых моделей безопасного поведения.

Важным направлением профилактики является взаимодействие с социальными платформами, на которых реализуются механизмы фильтрации и удаления опасного контента, обучение модераторов методам выявления деструктивной активности и разработка совместных алгоритмов защиты уязвимых категорий пользователей. Особое внимание уделяется раннему выявлению угроз, когда на основании анализа активности и поведения участников онлайн-сообществ можно прогнозировать возможные девиантные действия и вовлечённость в противоправные схемы.

Заключение

Социальные сети в условиях цифровизации приобретают роль самостоятельного криминогенного пространства, где реализуются новые формы преступности и виктимизации. Анализ показывает, что угрозы исходят как от распространения экстремистских материалов и мошенничества, так и от формирования деструктивных сообществ, воздействующих прежде всего на подростковую аудиторию. Судебная практика Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ формирует правовые ориентиры квалификации преступлений, совершаемых в сети, закрепляя публичный статус интернет-пространства. Виктимологический подход позволяет выявить уязвимые группы и выработать меры их защиты.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. от 2020 г.).
- [2] МВД России. Статистика зарегистрированных преступлений в 2024 году. URL: <https://мвд.рф>.

[3] Репецкий А.Л. Сетевой криминалитет: новые вызовы криминологии // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 101–112.

[4] Лопатин В.А. Интернет и право: новые вызовы государству и обществу. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2022. 256 с.

[5] Журавлёва Е.В. Виктимологические риски цифровой эпохи // Российский криминологический вестник. 2023. № 4. С. 56–65.

[6] Еремин С.А. Подростковая преступность в социальных сетях: криминологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2. С. 88–97.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности».

[8] Определение Конституционного Суда РФ от 17.05.2023 № 1098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на положения законодательства о блокировке интернет-ресурсов».

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2024 год. Москва, 2024.

[10] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 2025 г.).

[11] Роскомнадзор. Отчёт о состоянии сферы связи и массовых коммуникаций в 2024 году. Москва, 2025. С. 45–47.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended in 2020).

[2] Ministry of Internal Affairs of Russia. Statistics of reported crimes in 2024. URL: <https://мвд.рф>.

[3] Repetsky A.L. Network criminality: new challenges of criminology//Journal of Russian Law. 2021. № 12. S. 101-112.

[4] Lopatin V.A. Internet and law: new challenges to the state and society. St. Petersburg: Legal Center-Press, 2022. 256 s.

[5] Zhuravleva E.V. Victimological risks of the digital era//Russian Criminological Bulletin. 2023. № 4. S. 56-65.

[6] Eremin S.A. Teenage crime in social networks: criminological analysis//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2. S. 88-97.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 No. 20 “On Judicial Practice in Cases of Extremist Crimes.”

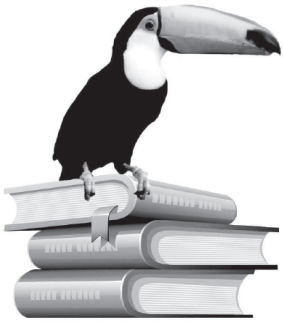
[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.05.2023 No. 1098-O “On refusal to accept for consideration a complaint against the provisions of the legislation on blocking Internet resources.”

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 for 2024. Moscow, 2024.

[10] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police” (as amended in 2025).

[11] Roskomnadzor. Report on the state of communications and mass communications in 2024. Moscow, 2025. S. 45-47.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИИЦ, E-Library.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-
исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

К ВОПРОСУ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В ЛЕЧЕБНЫХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования выбраны правовые и организационные особенности соблюдения прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, содержащихся в лечебных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Для ее реализации применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты в области соблюдения прав указанной категории осужденных, определяемых специфическими условиями отбывания наказания, лечения и получения медицинской помощи. В ЛИУ, в отличие от других ИУ, кроме режимных, надзорных, контрольных, оперативно-розыскных, воспитательных, психолого-педагогических и других мероприятий, направленных на исправление осужденных, осуществляется интенсивное их лечение от общественно опасных заболеваний. Сочетание отбывания лишения свободы с мерами медицинского характера, безусловно предполагает наличие особенностей реализации прав осужденных, предусмотренных уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России.

Администрациями ЛИУ соблюдаются основные (конституционные, материальные и нематериальные) права осужденных к лишению свободы в них содержащихся. Это подтверждается системным ведомственным контролем, осуществляемым ФСИН России и ее территориальными органами, а также материалами проверок органов прокуратуры, осуществляющими надзор за соблюдением законности, прав и законных интересов осужденных, отбывающих лишение свободы в ЛИУ. Существенные отличия правового положения осужденных, находящихся в ЛИУ, соблюдения их прав характеризуются наличием определенных организационно-правовых особенностей, рассмотренных в ходе специального теоретико-прикладного исследования. В ЛИУ УИС реализуются все основные права осужденных к лишению свободы, составляющие их правовое положение (статус). В соблюдении отдельных прав отмечается дополнительный гуманный подход, направленный на расширение условий их применения, что отражает содержание современной национальной уголовно-исполнительной политики в сфере исполнения уголовных наказаний, соблюдения и защиты прав осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: лишение свободы, право осужденных, нормативно-правовые акты, лечебные исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, лечение, оказание медицинской помощи, ведомственный контроль, прокурорский надзор.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF OBSERVING THE RIGHTS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT IN MEDICAL CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study is to identify the legal and organizational features of the observance of the rights of convicts serving sentences of imprisonment held in medical correctional institutions of the penal system. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. Legislative and departmental legal acts in the field of observing the rights of this category of convicts, determined by the specific conditions of serving a sentence, treatment and receiving medical care, were analyzed. Unlike other correctional institutions, in addition to routine, supervisory, control, operational-search, educational, psychological, pedagogical and other measures aimed at correcting convicts, intensive treatment of socially dangerous diseases is carried out in the Correctional institution. The combination of serving a prison sentence with medical measures certainly implies the existence of specific features of the implementation of the rights of convicts provided for by the penal enforcement Act and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. The LIU administrations respect the basic (constitutional, material and non-material) rights of those sentenced to imprisonment in them. This is confirmed by the systematic departmental control carried out by the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies, as well as by the materials of inspections of the prosecutor's office, which monitor the observance of legality, rights and legitimate interests of convicts serving their sentences in prison. Significant differences in the legal status of prisoners in detention facilities and the observance of their rights are characterized by the presence of certain organizational and legal features considered in the course of a special theoretical and applied research. All the basic rights of persons sentenced to imprisonment, which constitute their legal status, are implemented in the LIU UIS. An additional humane approach is noted in the observance of certain rights, aimed at expanding the conditions for their application, which reflects the content of the modern national penal enforcement policy in the field of the execution of criminal penalties, observance and protection of the rights of persons sentenced to imprisonment.*

Key words: *deprivation of liberty, the right of convicts, regulatory legal acts, medical correctional institutions, penal enforcement system, treatment, medical care, departmental control, prosecutorial supervision.*

Введение. Права осужденных к лишению свободы, подробно регламентированы в статье 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и разделе втором, пункте 6 (подпунктах 6.1. - 6.25 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы - далее ПВР ИУ УИС) [1]. Особенности их реализации определяются видом ИУ УИС, существующего в нем режима и условиями содержания осужденных [2, с.48-53]. К ИУ УИС уголовно-исполнительный закон относит исправительные колонии (далее ИК) общего, строгого и особого режима, для содержания осужденных к лишению свободы пожизненно, тюрьмы, воспитательные колонии (далее ВК), колонии-поселения (далее КП), а также лечебно-профилактические учреждения (далее ЛПУ) и лечебно-исправительные учреждения (далее ЛИУ). Указанные учреждения различаются не только режимом и условиями содержания осужденных, но и особенностями реализации права на получение квалифицированной медицинской помощи, образования, социальных контактов с родственниками и иными лицами [3, с. 186-191].

В рассматриваемом контексте особо выделяются ЛИУ УИС, которые, в соответствии частью второй статьи 101 УИК РФ предназначены для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией [4]. Эти учреждения, в соответствии с частью восьмой статьи 74

УИК РФ, выполняют функции ИУ в отношении находящихся в них осужденных [5].

Таким образом, в ЛИУ, в отличие от других ИУ, кроме режимных, надзорных, контрольных, оперативно-розыскных, воспитательных, психолого-педагогических и других мероприятий, направленных на исправление осужденных, осуществляется интенсивное их лечение от общественно опасных заболеваний [6]. Сочетание отбывания лишения свободы с мерами медицинского характера, безусловно предполагает наличие особенностей реализации прав осужденных, предусмотренных уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России.

Настоящим исследованием предпринята попытка научного осмысления содержания правового статуса осужденных к лишению свободы [7, с. 81-83]. Его содержания в условиях сочетания с оказанием интенсивной медицинской помощи.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовые и организационные особенности соблюдения прав осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, содержащихся в лечебных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты в обла-

сти соблюдения прав указанной категории осужденных, определяемых специфическими условиями отбывания наказания, лечения и получения медицинской помощи.

Основные результаты. Материалы исследования показали, что администрациями ЛИУ соблюдаются основные (конституционные, материальные и нематериальные) права осужденных к лишению свободы в них содержащихся. Это подтверждается системным ведомственным контролем, осуществляемым ФСИН России и ее территориальными органами [8, с. 231-236]. Материалами проверок органов прокуратуры, осуществляющими надзор за соблюдением законности, прав и законных интересов осужденных, отбывающих лишение свободы в ЛИУ [9].

Существенные отличия правового положения осужденных, находящихся в ЛИУ, соблюдения их прав характеризуются следующими организационно-правовыми особенностями:

- расписанием дня, включающим не только проведение режимно-надзорных, воспитательных и иных мероприятий, но и лечебно-диагностических;
- проверкой наличия осужденных к лишению свободы проводимыми по изолированным участкам или палатам путем подсчета и пофамильной переклички не реже двух раз в сутки, тогда как в ИУ УИС такие мероприятия проводятся в утреннее и вечернее время на построении осужденных, либо, в исключительных случаях, указанных в законе и ПВР ИУ УИС;
- проверкой наличия осужденных в ЛИУ проводимыми с использованием технических средств идентификации личности в установленное расписанием дня время. Данный подход реализуется в соответствии с Концепцией развития УИС на период до 2030 года, в контексте широкого внедрения цифровой трансформации и современных информационных технологий в деятельность учреждений и органов УИС [10, с. 13-17]. Для этого администрация учреждения определяет места, в которых проводятся такие проверки, устанавливает время их проведения в соответствии с расписанием дня ЛИУ. Вместе с тем, во исполнение пункта 510 ПВР ИУ УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 04.07. 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», не менее

одной проверки проводится путем подсчета и пофамильной переклички на построении осужденных по изолированным участкам либо палатам [11];

- предоставлением длительных свиданий по нормам, установленным для соответствующего вида режима [12, с. 126-128]. При наличии медицинских противопоказаний у осужденных, указанные свидания могут быть отсрочены до их снятия. В этом заключается особенность реализации права на длительные свидания и охрану здоровья, получение первичной медикосанитарной и специализированной помощи осужденных, отбывающих лишение свободы в ИУ [13, с. 242-247];
- реализацией права на труд в соответствии с медицинскими показаниями, степенью трудоспособности и возможностью трудоустройства в условиях ЛИУ;
- обеспечением права на медицинское лечение осужденных, признанных дисциплинарной комиссией учреждения злостными нарушителями установленного порядка и условий отбывания лишения свободы, водворенных в ШИЗО, переведенных в ПКТ, ЕПКТ, одиночные камеры, запираемые помещения ЛИУ УИС [14, с.257-261];
- соблюдением права приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости за счет средств, имеющихся на личных счетах осужденных, без ограничения. Подобный гуманный подход законодателя к регулированию данного права осужденных, содержащихся в ЛИУ и отличающийся от других ИУ УИС, несомненно заслуживает позитивной оценки [15, с. 62-67].

Таким образом, в ЛИУ УИС реализуются все основные (конституционные, материальные и нематериальные) права осужденных к лишению свободы, составляющие их правовое положение (статус). В соблюдении отдельных прав отмечается дополнительный гуманный подход, направленный на расширение условий их применения, что отражает содержание современной национальной уголовно-исполнительной политики в сфере соблюдения и защиты прав осужденных к лишению свободы.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему

«Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. В ЛИУ, в отличие от других ИУ, кроме режимных, надзорных, контрольных, оперативно-розыскных, воспитательных, психолого-педагогических и других мероприятий, направленных на исправление осужденных, осуществляется интенсивное их лечение от общественно опасных заболеваний. Сочетание отбывания лишения свободы с мерами медицинского характера, безусловно предполагает наличие особенностей реализации прав осужденных, предусмотренных уголовно-исполнительным законом и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России.

Администрациями ЛИУ соблюдаются основные (конституционные, материальные и нематериальные) права осужденных к лишению свободы в них содержащихся. Это подтверждается системным ведомственным контролем, осуществляемым ФСИН России и ее территориальными органами, а также материалами проверок органов прокуратуры, осуществляющими надзор за соблюдением законности, прав и законных интересов осужденных, отбывающих лишение свободы в ЛИУ.

Существенные отличия правового положения осужденных, находящихся в ЛИУ, соблюдения их прав характеризуются наличием определенных организационно-правовых особенностей, рассмотренных в ходе специального теоретико-прикладного исследования.

В ЛИУ УИС реализуются все основные права осужденных к лишению свободы, составляющие их правовое положение (статус). В соблюдении отдельных прав отмечается дополнительный гуманный подход, направленный на расширение условий их применения, что отражает содержание современной национальной уголовно-исполнительной политики в сфере исполнения уголовных наказаний, соблюдения и защиты прав осужденных к лишению свободы.

Список литературы:

[1] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[2] Ковалев О.Г. Особенности соблюдения прав осужденных к лишению свободы в исправительных колониях строгого режима // Российский научный вестник. 2026. № 2 С. 48-53.

[3] Ковалев О.Г. Особенности правового регулирования мест отбывания лишения свободы в национальном уголовно-исполнительном законодательстве // Российский научный вестник. 2025. № 9. С. 186-191.

[4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[5] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[6] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[7] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[8] Ковалев О.Г. Роль ведомственного контроля за соблюдением законности и обеспече-

нием прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 231-236.

[9] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будаи С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[10] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.

[11] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 03.05.2026).

[12] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[13] Ковалев О.Г. Особенности реализации права осужденных на охрану здоровья, получение первичной медикосанитарной и специализированной помощи // Право и управление. 2025. № 3. С. 242-247.

[14] Ковалев О.Г. К вопросу соблюдения законности содержания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещений камерного типа и одиночных камерах исправительных учреждений // Право и управление. 2024. № 7. С. 257-261.

[15] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Гуманистический подход в реализации права осужденных к лишению свободы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 62-67.

References:

[1] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G.,

Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[2] Kovalev O.G. Peculiarities of observing the rights of persons sentenced to imprisonment in correctional colonies of strict regime // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 2, pp. 48-53.

[3] Kovalev O.G. Features of the legal regulation of places of imprisonment in the national penal enforcement legislation // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 9. pp. 186-191.

[4] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[5] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[6] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[7] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 81-83.

[8] Kovalev O.G. The role of departmental control over the observance of legality and ensuring the rights of convicts and persons in custody // International Scientific Bulletin. 2025. No. 4. pp. 231-236.

[9] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[10] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the implementation of digital transformation in the penal enforcement system at the present stage of its development // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 4. pp. 13-17.

[11] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 05/03/2026).

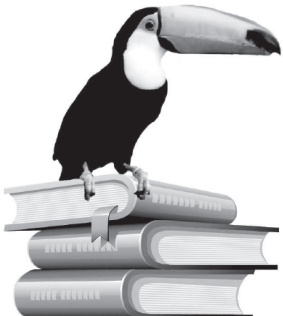
[12] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[13] Kovalev O.G. Peculiarities of realization of the right of convicts to health protection, receiving primary medical and sanitary and specialized care // Law and management. 2025. No. 3. pp. 242-247.

[14] Kovalev O.G. On the issue of observing the legality of the detention of convicts in penal isolation cells, cell-type rooms, single cell-type rooms and single cells of correctional institutions // Law and Management. 2024. No. 7. pp. 257-261.

[15] Kovalev O.G., Semenova N.V. A humanistic approach to the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to purchase food and basic necessities // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. pp. 62-67.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-268-270

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

ЖУРТОВ Астемир Билялович,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ КАК ИНВЕСТИЦИЯ В БЕЗОПАСНОЕ БУДУЩЕЕ

Аннотация. Автор анализирует экономическую эффективность превентивных мер в сравнении с расходами на уголовное преследование и пенитенциарную систему, рассматривает концепцию профилактики преступности не как затратной статьи государственного бюджета, а как высокодоходного долгосрочного инвестиционного проекта. На основе международных исследований и отечественной практики доказывается, что каждый рубль, вложенный в социальную профилактику, генерирует мультипликативный эффект, снижая будущие издержки государства, бизнеса и общества. Обосновывается необходимость смены парадигмы с реактивной (реагирование на уже совершённое преступление) на проактивную (упреждение криминогенных факторов).

Ключевые слова: профилактика преступности, инвестиции в безопасность, превентивная криминология, экономическая эффективность, социальный контроль, человеческий капитал, ratio economics преступности.

ZHURTOV Astemir Bilyalovich,
Senior Lecturer, Department of Firearms Training,
North Caucasus Institute (branch) Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

CRIME PREVENTION - AS AN INVESTMENT IN A SAFE FUTURE

Annotation. The author analyzes the cost-effectiveness of preventive measures compared to the costs of criminal prosecution and the penitentiary system. He examines the concept of crime prevention not as a costly item in the state budget, but as a highly profitable long-term investment project. Based on international research and domestic practice, it is demonstrated that every ruble invested in social prevention generates a multiplier effect, reducing future costs for the state, business, and society. The need for a paradigm shift from reactive (responding to a crime already committed) to proactive (preventing criminogenic factors) is substantiated.

Key words: crime prevention, investment in security, preventive criminology, economic efficiency, social control, human capital, ratio economics of crime.

Традиционная модель противодействия преступности исторически строится по принципу «наказание - сдерживание»: увеличение штата полиции, ужесточение санкций, строительство тюрем. Однако, как показывают данные Росстата и ЮНОДК (UNODC), репрессивный подход имеет убывающую предельную полезность. Переполненность пенитенциарных учреждений в

России достигает 85-90% при рецидивной преступности среди ранее судимых на уровне 50-60% [1].

В этих условиях профилактика перестаёт быть лишь гуманитарной акцией - она становится экономическим императивом.

Гипотеза исследования: система раннего предупреждения преступлений приносит обще-

ству большой экономический выигрыш по сравнению с системой уголовного правосудия, измеряемый отношением затрат к предотвращённому ущербу.

В рамках исследования предпринята попытка обоснования экономической эффективности профилактики, опираясь на данные (можно смоделировать, но нужно дать правдоподобные цифры), рассмотреть виды профилактики, привести примеры. Эта тема - одна из самых важных в современной криминологии и государственном управлении. Идея «превенция дешевле наказания» здесь работает в полной мере. Вот развернутый взгляд на профилактику преступности как на самую выгодную инвестицию в безопасное будущее. В криминологической экономике используется понятие «социальная ставка дисконтирования преступности» [2].

Преступление генерирует три группы издержек:

1. Прямые (ущерб жертве, расходы на следствие и суд);
2. Косвенные (потеря налогов от заключённого, содержание его семьи социальной помощью);
3. Имматериальные (психологическая травма, снижение инвестиционной привлекательности региона).

Профилактика же создаёт «криминологические дивиденды» - экономию будущих периодов, которую можно рассчитать через коэффициент предотвращённого ущерба (КПУ).

Исследование Вашингтонского института государственной политики (WSIPP, 2019) показало:

- Программы раннего развития детей (перинатальная поддержка, когнитивное стимулирование) дают возврат 4–9 на 4–9 на 1 инвестированных за счёт снижения будущих арестов.
- Программы трудоустройства трудных подростков («летние работы») снижают насильственные преступления на 43%.

Российская практика демонстрирует: анализ деятельности подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) в 5 регионах РФ (2020–2024 гг.) позволяет сделать вывод: стоимость сопровождения одного «трудного» подростка в течение 3 лет составляет ≈ 180 тыс. руб.

Содержание его в воспитательной колонии в случае совершения тяжкого преступления обходится бюджету в 1,9 млн руб./год без учёта ущерба жертвам. Таким образом, профилактика дешевле наказания в 10–12 раз. Архитектура эффективной профилактической инвестиции. Чтобы профилактика работала как актив (а не как формальный отчёт), необходимо соблюдение трёх принципов:

- первый принцип, принцип таргетирования - воздействие на доказанные криминогенные факторы (имбецильность, наркотики, безработица). Исключение распыления средств («полив пустоты»)
- принцип раннего вмешательства - работа с детьми до 12 лет, чьё поведение маргинализируется. Низкая стоимость коррекции и высокая цена исправления взрослого преступника.
- принцип межведомственной увязки - связка «образование - соцзащита - полиция - психиатрия». Устранение эффекта «рваного одеяла» (когда никто не отвечает за результат).

Скептики утверждают, что профилактика даёт лишь долгосрочный результат, а государству нужна быстрая победа над уличной преступностью. Однако: инструменты быстрой профилактики существуют: ситуационное предупреждение (камеры, освещение, дизайн среды) окупается за 6–18 месяцев. Синдром «чужого результата»: преступления, предотвращённые сегодня, невидимы для статистики, но это не уменьшает их экономическую ценность.

Как заметил С.С. Босхолов, «молчание жертвы, которой не стало, - лучший индикатор эффективности» [3].

В заключение отметим, что профилактика преступности является классической общественной благом с положительным внешним эффектом (экстерналией). Её недофинансирование - следствие когнитивного искажения «близорукости государства» (high discount rate). Для перехода к модели «профилактика как инвестиция» необходимо:

1. Включить показатель «расходы на превенцию к 1 рублю предотвращённого ущерба» в KPI глав регионов (вместо формального числа зарегистрированных преступлений).
2. Создать региональные криминологические инвестиционные фонды, финансируемые за счёт 5% отчислений от штрафов и конфискаций.

Легализовать практику социальной облигации (Social Impact Bond) в сфере профилактики подростковой преступности: частный инвестор получает доход от бюджета, если целевые показатели снижения девиаций достигнуты. Будущее, свободное от страха перед криминалом, не покупается строительством новых тюрем. Оно строится - как сложный финансовый инструмент - через сегодняшние вложения в детей, улицы, образование и психическое здоровье нации [4].

Если сокращать профилактику ради сиюминутной экономии на полиции, общество получает отсроченный убыток:

1. Новое поколение преступников: Ребенок, выросший в криминальной среде без профилактики, с вероятностью 80% станет рецидивистом.
2. Геттоизация районов: Без социальной работы районы становятся «черными дырами», куда полиция не заходит, а бизнес уходит.
3. Рост частных охранных структур: Безопасность становится платным благом, что расслаивает общество.

Профилактика - это не статья расхода бюджета, а deferred asset (отложенный актив) с внутренней нормой доходности (IRR) от 15% до 40% в зависимости от направления.

Радиционная фраза «Денег на профилактику нет» - это ложная экономия. Профилактика - это капитализация будущего. Инвестировать в профилактику означает:

1. Дать бизнесу спокойно работать (меньше взяток и рейдерства).
2. Дать полиции заниматься реальными угрозами, а не «палками».
3. Дать человеку шанс стать налогоплательщиком, а не пожизненным иждивенцем системы исполнения наказаний.

Одна хорошо профинансированная школа для трудных подростков окупает десяток новых тюрем, которые не пришлось строить. Это и есть инвестиция в безопасное будущее [5]. Профилактика - это не скидка на будущее, а единственная стратегия, не ведущая в тупик.

Репрессии - это ампутация. Профилактика - это терапия и йога. Инвестировать в йогу всегда дешевле, чем покупать протезы. Самая аффективная на наш взгляд профилактика - это социальный контракт, при котором человек не нарушает закон не из страха наказания, а потому что «система работает, мне есть что терять, и я чувствую себя частью общества». Как правило именно высокое доверие к власти влечет низкую преступность. Низкое доверие приходится вооружать и прятать за высокими заборами.

Список литературы:

[1] Долгова А.И. Преступность, её организованность и криминальное общество. - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2023.

[2] Гилинский Я.И. Криминология постмодерна: деконструкция наказания. - СПб.: Алетейя, 2021.

[3] Босхолов С.С. Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности // Baikal Research Journal. 2021. №3.

[4] Машекуашева М.Х. Идеологическое противоборство в информационной среде: вызовы и угрозы национальной безопасности. Право и управление. 2025. № 5. С. 529-531.

[5] Машекуашева М.Х. Некоторые особенности эффективности профилактики противоправных действий среди несовершеннолетних. Международный научный вестник. 2024. № 12. С. 100-102.

References:

[1] Dolgova A.I. Crime, its organization and criminal society. - M.: Russian Criminological Association, 2023.

[2] Gilinsky Y.I. Postmodern Criminology: Deconstruction of Punishment. - St. Petersburg: Aleteya, 2021.

[3] Bosholov S.S. Criminological safety as the ideological basis of the theory and practice of countering crime//Baikal Research Journal. 2021. №3.

[4] Mashekuasheva M.Kh. Ideological confrontation in the information environment: challenges and threats to national security. Law and governance. 2025. № 5. S. 529-531.

[5] Mashekuasheva M.Kh. Some features of the effectiveness of the prevention of illegal actions among minors. International Scientific Bulletin. 2024. № 12. S. 100-102.

НАБИЕВ Фаниль Фанусович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОФИЛАКТИКА И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы предупреждения преступности, связанной с миграционными процессами. Обосновывается необходимость перехода от преимущественно реактивной модели контроля к системе ранней профилактики, включающей межведомственное взаимодействие, цифровой учет, правовое просвещение, контроль работодателей, защиту потерпевших и интеграционные программы.

Ключевые слова: миграционная преступность, незаконная миграция, профилактика преступлений, миграционный учет, иностранные граждане, криминологическая безопасность, зарубежный опыт.

NABIEV Fanil Fanusovich,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology,
Ufa Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

PROBLEMS OF PREVENTING MIGRATION CRIME: PREVENTION AND SOLUTIONS

Annotation. This article examines the challenges of preventing crime related to migration processes. It substantiates the need to transition from a predominantly reactive control model to an early prevention system that includes interagency cooperation, digital records, legal education, employer oversight, victim protection, and integration programs.

Key words: migration crime, illegal migration, crime prevention, migration registration, foreign citizens, criminological security, foreign experience.

Миграционные процессы являются устойчивым элементом развития современного государства. Они обеспечивают трудовую мобильность, восполняют дефицит кадров, поддерживают экономические связи и культурный обмен. Одновременно высокая интенсивность перемещения людей порождает задачи, связанные с обеспечением безопасности, соблюдением миграционного режима, защитой прав местного населения и самих иностранных граждан. Преступность в миграционной сфере нельзя сводить только к выявлению и наказанию правонарушителей, значительная часть рисков формируется раньше: при нелегальном посредничестве, фиктивной регистрации, теневой занятости, отсутствии достоверного учета.

Понятие «миграционная преступность» в научной литературе трактуется неодинаково. Узкий подход связывает его с преступлениями,

совершаемыми иностранными гражданами и лицами без гражданства. Более обоснованным является широкий подход, при котором учитываются преступления и криминогенные ситуации, возникающие в сфере миграционных отношений независимо от гражданства субъекта. Именно такой подход позволяет анализировать не только личность правонарушителя, но и организаторов незаконных схем, работодателей, посредников и иных выгодоприобретателей. К миграционно обусловленным деяниям относятся организация незаконной миграции, незаконное пересечение Государственной границы, фиктивная регистрация, использование поддельных документов, торговля людьми, трудовая эксплуатация, коррупционные действия при оформлении разрешительных документов, а также вовлечение иностранных граждан в преступные группы. Важно учитывать и обратную сторону проблемы:

мигранты нередко становятся потерпевшими от мошенничества, вымогательства, насилия и эксплуатации.

Профилактическое значение имеет разграничение административных нарушений и преступлений. Нарушение правил въезда, пребывания, миграционного учета или трудовой деятельности чаще всего влечет административную ответственность по главе 18 КоАП РФ. Уголовно-правовая оценка возникает при повышенной общественной опасности, организованности, использовании поддельных документов или извлечении дохода из незаконного пребывания иностранных граждан. Следовательно, профилактика должна выявлять переход от единичного нарушения к устойчивой криминальной схеме.

Официальные данные МВД России подтверждают необходимость динамичной оценки ситуации. В 2025 году количество зарегистрированных преступлений в стране снизилось на 7,3 % [1]. В январе-марте 2026 года МВД сообщило о снижении числа преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, на 38,9 %, а преступлений в отношении данной категории - на 21,9 % [2]. Эти сведения показывают, что профилактика должна опираться не на эмоциональные оценки, а на структуру, региональную концентрацию, повторность нарушений и факторы латентности. Детерминанты преступности в миграционной сфере имеют многоуровневый характер. На макроуровне ими выступают экономическое неравенство [3], различия в уровне оплаты труда, дефицит легальных каналов мобильности и кризисные процессы в странах происхождения. Чем сложнее законный путь въезда и трудоустройства, тем выше спрос на нелегальных посредников, предлагающих фиктивные документы, регистрацию и трудовые договоры. Значимыми факторами являются теневая занятость, зависимость иностранного работника от работодателя [4], отсутствие трудового договора, проживание в перенаселенных помещениях и слабая инфраструктура адаптации. В таких условиях мигрант может стать как субъектом правонарушения, так и потерпевшим от эксплуатации [5]. Особенно опасны ситуации, когда работодатель фактически контролирует документы, жилье и заработную плату работника. Криминогенное значение имеют языковой барьер, правовая неграмотность, страх обращения в полицию, отсутствие социальных связей и незнание процедур регистрации, медицинского освидетельствования и трудового оформления. Дополнительную угрозу создает цифровизация [6] незаконных услуг: объявления о фиктивной регистрации, поддельных документах и «быстром оформлении» активно распространяются через мессенджеры и социальные сети.

Одним из основных проблем профилактики состоит в преобладании реактивного подхода. Правоохранительные органы часто реагируют на уже совершенное нарушение, тогда как первичная профилактика требует раннего выявления рисков: проверки добросовестности работодателя, законности регистрации, условий проживания, каналов посредничества и повторяемости однотипных административных правонарушений. Следующая проблема связана с недостаточной адресностью мер. Универсальные памятки и формальные проверки не всегда достигают целевой аудитории. Для трудовых мигрантов важна информация о патенте, трудовом договоре и ответственности работодателя; для студентов - о правилах пребывания и медицинских процедурах; для лиц, прибывающих по семейным основаниям, - о регистрации и защите прав. Без такой дифференциации профилактика остается малоэффективной. Необходимо отметить слабую защиту мигрантов [8] от виктимизации. Иностранные граждане, опасаясь штрафа, депортации или увольнения, как правило, не сообщают о преступлениях против них. Это повышает латентность торговли людьми, вымогательства, мошенничества и трудовой эксплуатации.

Зарубежный опыт показывает, что результативное предупреждение строится на сочетании контроля и интеграции. Европейская комиссия в Плане действий по интеграции и инклюзии на 2021-2027 годы [3] выделяет образование, занятость, здоровье, жилье, партнерство, цифровые инструменты и мониторинг результатов. Для российской практики важна сама логика: чем быстрее мигрант включается в легальные социальные и трудовые отношения, тем ниже вероятность его зависимости от теневой среды. Совершенствование профилактики должно строиться на принципе комплексности. Уголовно-правовые меры необходимы для пресечения деятельности организаторов незаконной миграции, но они не заменяют административные, социальные [9], информационные [10] и экономические инструменты. Каждый повторяющийся административный риск должен рассматриваться как сигнал возможной организованной схемы. Целесообразно развивать региональные межведомственные группы с участием органов внутренних дел, прокуратуры, органов занятости, налоговых органов, социальной защиты, образования, здравоохранения и местного самоуправления. Их задача - не только проводить проверки, но и анализировать причины нарушений, выявлять проблемные адреса, работодателей и посредников, организовывать правовое информирование и сопровождение потерпевших.

Необходимо укреплять цифровой миграционный учет при соблюдении гарантий защиты [7,

с. 22] персональных данных. Единые сервисы должны обеспечивать проверку документов, срока пребывания, статуса патента, сведений о работодателе и факта регистрации. Одновременно цифровизация должна сопровождаться консультационными пунктами и многоязычными инструкциями, чтобы сложность процедур не толкала мигрантов к нелегальным посредникам.

Требуется профилактика через работодателя. Добросовестным организациям следует предоставлять понятные алгоритмы оформления

иностранцев, а недобросовестные работодатели должны нести повышенную ответственность за фиктивные договоры, эксплуатацию, массовое нарушение правил проживания и трудовой занятости. Необходимо развивать правовое просвещение мигрантов и виктимологическую профилактику: доступные каналы обращения в полицию, переводческую помощь, информирование о правах потерпевшего и защиту от мошеннических посредников.

Таблица 1. Основные направления профилактики миграционной преступности

Проблема	Мера профилактики	Ожидаемый результат
Фиктивная регистрация	цифровой анализ массовых адресов и контроль принимающей стороны	достоверный учет и сокращение фиктивных схем
Теневая занятость	риск-ориентированные проверки работодателей и типовые алгоритмы оформления	рост легального труда и снижение эксплуатации
Правовая неграмотность	многоязычные памятки, консультации, QR-сервисы	снижение нарушений и зависимости от посредников
Виктимизация мигрантов	переводческая помощь и безопасные каналы обращения	повышение выявляемости преступлений
Разобщенность ведомств	региональные межведомственные группы	системная профилактика вместо разрозненных проверок

Список литературы:

[1] Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году. // МВД России. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 19.06.2026).

[2] Статистические сведения о состоянии преступности в январе-марте 2026 года. // МВД России. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-marte-2026-goda/> (дата обращения: 19.06.2026).

[3] Action plan on Integration and Inclusion 2021-2027. // European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/migrant-integration/migrant-integration-hub/progress-tracker-action-plan-integration-and-inclusion-2021-2027_en (дата обращения: 19.06.2026).

[4] Актуальные проблемы международного права: Обзор материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и правоприменения» (г. Уфа, май 2009) / М. С. Шайхуллин // Евразийский юридический журнал. – 2009. – № 6(13). – С. 109-116.

[5] Адвокатская деятельность и адвокатура в России : Учебник для магистров / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар, В. Ф. Анисимов [и др.]. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2011. 527 с.

[6] Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций в 2-х частях / М. С. Шайхуллин, Б. З. Маликов, И. Р. Диваева [и др.]. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД РФ, 2023. – 320 с.

[7] Шайхуллин М. С. О значимости конституционно-правовых гарантий в защите прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 22-27.

[8] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 1 с.

[9] Самигуллин В. К. Становление и развитие международного права / В. К. Самигуллин // Право и государственность. – 2024. – № 2(3). – С. 71-80.

[10] Миннигулова Д. Б. Компенсация за нарушение условий содержания в изоляторе временного содержания и под стражей в практике МВД России за 2021-2024 годы: научный и практический аспекты / Д. Б. Миннигулова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 47-53.

References:

[1] Statistics on crime in 2025. // Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (access date: 06/19/2026).

[2] Statistical information on the state of crime in January-March 2026. // Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-marte-2026-goda/> (access date: 06/19/2026).

[3] Action plan on Integration and Inclusion 2021-2027. // European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/migrant-integration/migrant-integration-hub/progress-tracker-action-plan-integration-and-inclusion-2021-2027_en (accessed 19.06.2026).

[4] Current problems of international law: Review of materials of the international scientific and practical conference “Current problems of improving Russian legislation and law enforcement” (Ufa, May 2009) / M. S. Shaykhullin // Eurasian Legal Journal. – 2009. – No. 6(13). – pp. 109-116.

[5] Advocacy and advocacy in Russia: Textbook for masters / I. L. Trunov, L. K. Aivar, V. F. Anisimov [and others]. – 1st ed. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2011. 527 p.

[6] Criminal law. Special part: Course of lectures in 2 parts / M. S. Shaykhullin, B. Z. Malikov, I. R. Divaeva [etc.]. – Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. – 320 p.

[7] Shaykhullin M. S. On the importance of constitutional and legal guarantees in the protection of the rights and freedoms of man and citizen / M. S. Shaykhullin // Law and Statehood. – 2025. – No. 1(6). – pp. 22-27.

[8] Advocacy and advocacy in Russia in 2 Part 1: Textbook / I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [and others]. – 3rd ed., trans. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. – 1 p.

[9] Samigullin V.K. Formation and development of international law / V.K. Samigullin // Law and statehood. – 2024. – No. 2(3). – P. 71-80.

[10] Minnigulova D. B. Compensation for violation of conditions of detention in a temporary detention center and in custody in the practice of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2021-2024: scientific and practical aspects / D. B. Minnigulova // Law and Statehood. – 2025. – No. 3(8). – pp. 47-53.

ЮРКОПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ДИВАЕВА Ирина Рафаэловна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского ЮИ МВД России полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные уголовно-правовые, криминологические и организационные проблемы предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений против личности. Уделяется внимание положениям статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, Федерального закона № 120-ФЗ, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года, вовлечению через цифровую среду, групповой зависимости подростков, семейной дезорганизации, школьной травле, криминальному влиянию старших лиц.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вовлечение в преступление, преступления против личности, профилактика преступности.

DIVAEVA Irina Rafaelovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Criminology
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colone

PROBLEMS OF PREVENTING THE INVOLVEMENT OF MINORS IN CRIMES AGAINST THE PERSON

Annotation. This article examines contemporary criminal law, criminological, and organizational issues related to preventing the involvement of minors in crimes against the person. It addresses the provisions of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, Federal Law No. 120-FZ, clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Concept for the Development of a System for the Prevention of Juvenile Neglect and Delinquency through 2036, digital involvement, adolescent group dependence, family disorganization, school bullying, and the criminal influence of elders.

Key words: minors, involvement in crime, crimes against the person, crime prevention.

Проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений против личности относится к числу наиболее сложных направлений современной криминологической профилактики, которая находится на пересечении уголовного права, образования, цифровой безопасности и защиты прав ребенка. Современные способы вовлечения все чаще переносятся в цифровую среду: социальные сети, закрытые чаты, игровые платформы и мессенджеры позволяют взрослым кураторам скрывать личность, формировать у подростка чувство принадлежности к группе и побуждать его к агрессии.

Преступления против личности, совершаемые при участии несовершеннолетних, нельзя рассматривать только как следствие индивидуальной агрессивности подростка. В большинстве случаев криминальное поведение формируется под влиянием взрослых лиц, более старших сверстников, неформальных групп или сетевых сообществ, которые предлагают подростку ложные модели самоутверждения [9, с. 52]. Для несовершеннолетнего, находящегося в ситуации семейного неблагополучия, социального одиночества или травли, подобное влияние может восприниматься как источник признания и защиты.

Данные о подростковой преступности требуют осторожной интерпретации. Общая доля преступлений несовершеннолетних в структуре расследованных деяний может быть относительно небольшой, но каждое вовлечение подростка в насилие создает долгосрочные последствия: закрепление криминальных установок, снижение доверия к институтам помощи, риск рецидива. Официальные статистические данные свидетельствуют о росте подростковой преступности по итогам 2025 года, при этом значительная часть деяний несовершеннолетних традиционно относится к имущественной сфере [10, с. 414]. Однако именно насильственные преступления требуют приоритетного профилактического реагирования, поскольку цена ошибки здесь особенно высока [11, с. 153].

Преступления против личности в уголовно-правовом смысле охватывают широкий круг деяний, посягающих на жизнь, здоровье, свободу, честь, достоинство, половую неприкосновенность и иные личные блага. Вовлечение несовершеннолетнего в такие преступления может выражаться в склонении к причинению вреда здоровью, вымогательстве с применением насилия, незаконном лишении свободы, распространении унижающих материалов или иных посягательствах на личность. На практике взрослый вовлечатель может не совершать насильственное действие собственноручно, а организовывать конфликт, распределять роли, подстрекать подростков. В таких ситуациях несовершеннолетний оказывается в позиции исполнителя или соучастника, но реальный центр криминального влияния находится вне его личности. Это требует от следствия и профилактических органов выявлять не только непосредственных участников, но и взрослых инициаторов¹. Именно поэтому профилактика вовлечения в преступления против личности не может ограничиваться общими беседами о недопустимости преступлений. Она должна включать развитие навыков отказа от

опасных поручений, обучение распознаванию манипуляций, восстановление доверия к взрослым, формирование безопасной школьной среды, работу с конфликтами и сопровождение подростков, которые уже попали в поле зрения полиции, комиссии по делам несовершеннолетних или образовательной организации.

Криминологический анализ показывает, что вовлечение несовершеннолетнего редко возникает внезапно. Обычно ему предшествует сочетание личностных, семейных, образовательных и средовых факторов. К личностным факторам относятся импульсивность, внушаемость, потребность в признании, неустойчивость самооценки, дефицит навыков разрешения конфликтов, пережитое насилие или травматический опыт. Эти обстоятельства не определяют преступное поведение, но повышают восприимчивость к внешнему давлению.

Семейные факторы включают отсутствие эмоционального контакта с родителями. Если подросток не получает поддержки в семье, он чаще ищет признание у более старших лиц, в том числе у тех, кто использует его в преступных целях. При этом формальное наличие семьи не всегда означает наличие контроля и заботы.

Образовательная среда также может либо снижать, либо повышать риск вовлечения. Школьная травля, хроническая неуспеваемость, стигматизация подростка как «трудного», отстранение педагогов от конфликтов, отсутствие доступной психологической помощи создают условия, в которых несовершеннолетний становится более восприимчивым к агрессивным моделям поведения.

Механизм вовлечения включает несколько этапов: поиск подростка, установление доверия или зависимости, постепенное оправдание насилия, проверку готовности выполнить малое поручение, вовлечение в конфликт или группу, закрепление участия через страх, стыд, материальную выгоду или угрозу разоблачения. Профилактика эффективна тогда, когда она способна прервать этот механизм на ранних стадиях, до перехода от общения к преступному действию.

Современная цифровая среда существенно изменила характер вовлечения несовершеннолетних в преступления против личности. Если ранее криминальное влияние чаще осуществлялось через непосредственный контакт во дворе, школе, семье или неформальной группе, то теперь оно может происходить дистанционно. Вовлечатель получает возможность скрывать возраст, личность и мотивы, использовать фальшивые аккаунты, закрытые группы, игровые чаты, а также механизмы психологического давления через постоянные сообщения.

¹ Существенное значение для правоприменения имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, указывающие на необходимость устанавливать характер взаимоотношений взрослого и несовершеннолетнего, умышленность вовлечения, а также конкретные действия, направленные на возбуждение у подростка желания совершить преступление. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25 мая 2023 г. № 26-П "По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой" подчеркнул, что несовершеннолетний, вовлеченный в преступление, должен рассматриваться как потерпевший от самостоятельного преступного посягательства взрослого //(дата обращения: 03.06.2026).

Наиболее опасны ситуации, когда подростку предлагают участвовать в насилии как в «задаче», «проверке смелости», «защите своих», «наказании врага» или «контенте для группы». Вовлечение может сопровождаться распространением видеозаписей насилия, унижающих материалов, угроз, призывов к мести. Формируется эффект нормализации жестокости: подросток привыкает к тому, что агрессия является допустимым способом получения статуса.

В 2024 году законодательное включение использования информационно-телекоммуникационных сетей в квалифицирующие признаки статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] является своевременной реакцией на данный вызов. Однако уголовно-правовой запрет сам по себе не решает профилактическую задачу. Необходимы цифровая грамотность родителей и педагогов, понятные алгоритмы сообщения о рисках, взаимодействие с администрациями платформ, обучение подростков распознаванию манипуляций, а также психологическая помощь тем, кто оказался под онлайн-давлением. При этом профилактика не должна превращаться в тотальный контроль за личной перепиской несовершеннолетних. Баланс между безопасностью и правом ребенка на частную жизнь достигается через риск-ориентированный подход: внимание уделяется не всей цифровой активности, а конкретным признакам опасности - угрозам, призывам к насилию, шантажу, демонстрации оружия, планированию нападения, давлению со стороны взрослых и резкой социальной изоляции подростка.

Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в преступления против личности невозможно без работы с семьей. Родители или законные представители часто первыми замечают изменения в поведении подростка, но не всегда понимают их значение. Профилактика должна включать обучение родителей признакам криминального воздействия, правилам безопасного цифрового общения, способам реагирования на угрозы и алгоритмам обращения за помощью. При этом обвинительная модель работы с семьей малоэффективна: родители чаще сотрудничают с органами профилактики, если воспринимают их как источник помощи, а не только контроля.

Школа занимает центральное место в раннем выявлении риска. Именно в образовательной организации проявляются конфликты, травля, лидерство агрессивных групп, пропуски занятий, резкое снижение успеваемости, демонстрация насильственного контента. Однако педагог не должен оставаться один на один с проблемой. Необходимы школьные команды профилактики, включающие администрацию, педагога-психолога, социального педагога, классного руководи-

теля, представителей комиссии по делам несовершеннолетних и при необходимости инспектора по делам несовершеннолетних.

Профилактическая работа в школе должна быть не эпизодической, а встроенной в повседневную образовательную среду. Важны программы развития эмоциональной регуляции, навыков ненасильственного разрешения конфликтов, медиативные практики, наставничество, спортивная и творческая занятость, восстановление статуса подростка в коллективе. Если подросток воспринимает школу как место унижения, угроз или равнодушия, внешняя криминальная группа получает дополнительный ресурс влияния.

Ближайшее окружение подростка также требует внимания. Вовлечение часто осуществляется через старших знакомых, родственников, соседей, участников дворовых компаний или онлайн-групп. Поэтому профилактика должна учитывать социальную сеть несовершеннолетнего: кто оказывает на него влияние, кто дает поручения, кто предоставляет материальные выгоды, кто угрожает или шантажирует. Такая работа требует деликатности, но без нее невозможно установить реальный источник криминального давления.

Важным направлением современного понимания проблемы является признание того, что вовлеченный в преступление несовершеннолетний не может рассматриваться исключительно как правонарушитель. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что несовершеннолетний, вовлекаемый взрослым в совершение преступления, становится жертвой самостоятельного преступного посягательства, поскольку вред причиняется его нормальному физическому, психическому и нравственному развитию [6]. Эта позиция имеет принципиальное значение для профилактики.

Профилактическая ценность потерпевшего подхода заключается в том, что он позволяет строить работу не только вокруг наказания виновного взрослого [12, с. 75], но и вокруг восстановления несовершеннолетнего: помощь в выходе из группы, психологическая коррекция агрессии, восстановление образовательной траектории, работа с семьей, защита от цифрового преследования и формирование законопослушной жизненной перспективы.

Эффективная профилактика вовлечения несовершеннолетних в преступления против личности должна строиться на индивидуальной оценке риска [13, с. 68]. Универсальные меры полезны для общей правовой культуры, но они недостаточны для подростков, уже находящихся в зоне криминального влияния. Риск-ориентированная модель позволяет определить, какие фак-

торы требуют первоочередного вмешательства: семья, школа, психическое состояние, группа, цифровая среда, употребление алкоголя или наркотиков, угрозы со стороны взрослых.

Отдельным направлением должна стать цифровая профилактика. Ее содержание не сводится к запрету гаджетов или ограничению доступа к сети. Подростки находятся в цифровой среде постоянно, поэтому задача государства, семьи и школы состоит в формировании безопасных моделей [14, с. 172] поведения. Несовершеннолетний должен понимать, что просьба совершить насилие, распространить унижающий контент, прийти на конфликт, передать данные о другом человеке или выполнить поручение неизвестного взрослого является потенциальным признаком вовлечения.

Практическим решением может стать введение в образовательных организациях коротких профилактических модулей по цифровому вовлечению: как распознать манипуляцию, как сохранить доказательства угроз, кому сообщить о давлении, как отказаться от участия в опасном задании, как поддержать сверстника, находящегося под влиянием группы. Такие занятия должны проводиться не в форме запугивания, а в форме анализа жизненных ситуаций.

Цифровая профилактика должна сочетаться с соблюдением прав ребенка. Недопустимы произвольное вмешательство в частную жизнь, публичное раскрытие сведений о подроске, стигматизация в школьном коллективе. Все меры мониторинга должны иметь правовые основания, быть пропорциональными риску и сопровождаться участием специалистов, способных оценить психологическое состояние несовершеннолетнего.

Проблема предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений против личности требует комплексного подхода, эффективное предупреждение возможно лишь при соединении правовых, социальных, педагогических и психологических мер.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации, № 31, 04.08.2014, ст.4398.
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 25, 17.06.1996, ст.2954.
- [3] Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 26, 28.06.99, ст.3177.
- [4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.05.2026 № 1272-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 23, 08.06.2026, ст.3034.
- [5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета, № 29, 11.02.2011.
- [6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.05.2023 № 26-П По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В.Золотарева и В.В.Фролова // Собрание законодательства Российской Федерации, № 23, (ч.II), 05.06.2023, ст.4272.
- [7] Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году // МВД Медиа. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 19.06.2026).
- [8] Генпрокуратура: в РФ в 2025 году подростковая преступность выросла на 10% // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26077051> (дата обращения: 19.06.2026).
- [9] Карягина О. В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления: криминологический аспект / О. В. Карягина, Е. В. Гребенькова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2025. – № 4(48). – С. 49-53.
- [10] Манукян А. Р. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в преступные действия / А. Р. Манукян // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 413-415.
- [11] Волостных А. А. Актуальные проблемы и профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / А. А. Волостных // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 2(83). – С. 151-157.
- [12] Шайхуллин М. С. О некоторых аспектах противодействия распространению алкоголя среди несовершеннолетних / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 75-81.
- [13] Андреева В. М. О некоторых вопросах квалификации ненасильственных половых преступлений против несовершеннолетних / В. М. Андреева // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 65-70.
- [14] Адвокатская деятельность и адвокатура в России : Учебник для магистров / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар, В. Ф. Анисимов [и др.]. – 1-е изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2011. – 527 с.

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 31, 04.08.2014, Art. 4398.
- [2] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 25, 17.06.1996, Art. 2954.
- [3] Federal Law of 24.06.1999 No. 120-FZ "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Delinquency of Minors" // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 26, 28.06.99, Art. 3177.
- [4] Order of the Government of the Russian Federation of May 28, 2026 No. 1272-r "On Approval of the Concept for the Development of a System for the Prevention of Neglect and Delinquency of Minors for the Period up to 2036" // Collected Legislation of the Russian Federation, No. 23, June 8, 2026, Art. 3034.
- [5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011 No. 1 (as amended on December 9, 2025) "On the Judicial Practice of Applying Legislation Regulating the Specifics of Criminal Liability and Punishment of Minors" // Rossiyskaya Gazeta, No. 29, February 11, 2011.
- [6] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.05.2023 No. 26-P On the case of verifying the constitutionality of Part Four of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation and a number of provisions of Articles 42, 45, 145, 146 and 222 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens M.V. Zolotareva and V.V. Frolova // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 23, (Part II), 05.06.2023, Article 4272.
- [7] Statistical information on the state of crime in 2025 // Ministry of Internal Affairs Media. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statistichesk-ie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnos-ti-v-2025-godu/> (date accessed: 19.06.2026).
- [8] Prosecutor General's Office: Juvenile crime in Russia increased by 10% in 2025 // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26077051> (date accessed: 19.06.2026).
- [9] Karyagina, O. V. Involvement of minors in committing crimes: a criminological aspect / O. V. Karyagina, E. V. Grebenkova // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. - 2025. - No. 4 (48). - P. 49-53.
- [10] Manukyan A. R. Prevention of the Involvement of Minors in Criminal Acts / A. R. Manukyan // Gaps in Russian Legislation. - 2018. - No. 3. - P. 413-415.
- [11] Volostnykh A. A. Current Problems and Prevention of the Involvement of Minors in the Commission of Crimes / A. A. Volostnykh // Bulletin of Science. - 2025. - Vol. 1, No. 2 (83). - P. 151-157.
- [12] Shaikhullin M. S. On Some Aspects of Counteracting the Spread of Alcohol Among Minors / M. S. Shaikhullin // Law and Statehood. - 2026. - No. 1 (10). - P. 75-81.
- [13] Andreeva V. M. On Some Issues of Qualification of Non-Violent Sexual Crimes against Minors / V. M. Andreeva // Law and Statehood. - 2025. - No. 2 (7). - P. 65-70.
- [14] Advocacy and the Bar in Russia: Textbook for Masters / I. L. Trunov, L. K. Aivar, V. F. Anisimov [et al.]. - 1st ed. - Moscow: Yurait Publishing House, 2011. - 527 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

НУГУМАНОВ Азат Римович,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Аннотация. Корыстная преступность традиционно занимает доминирующее положение в структуре правонарушений несовершеннолетних. В статье анализируются основные детерминанты корыстного поведения подростков, рассматривается трансформация мотивации от нужды к «престижному потреблению». Автор уделяет внимание новым формам корыстных посягательств в цифровой среде и предлагает комплекс мер по совершенствованию профилактической деятельности органов внутренних дел и образовательных организаций.

Ключевые слова: несовершеннолетние, корыстная преступность, кража, грабеж, профилактика преступлений, детерминация, виктимологическое предупреждение, цифровая преступность.

NUGUMANOV Azat Rimovich,
PhD in Law,
Deputy Head of the Department
of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF PREVENTION OF MERCENARY CRIMES COMMITTED BY MINORS

Annotation. Mercenary crime has traditionally dominated the juvenile delinquency pattern. The article analyzes the main determinants of self-serving behavior of adolescents, considers the transformation of motivation from need to “prestigious consumption.” The author pays attention to new forms of mercenary encroachments in the digital environment and proposes a set of measures to improve the preventive activities of the internal affairs bodies and educational organizations.

Key words: minors, mercenary crime, theft, robbery, crime prevention, determination, victimological warning, digital crime.

Корыстные преступления (кражи, грабежи, разбои, вымогательства) составляют около 80% от всей структуры преступности несовершеннолетних в Российской Федерации. Несмотря на тенденцию общего снижения количественных показателей подростковой преступности в последние годы (даже при условии того, что в 2025 г. данный показатель вырос на 5,5%), качественные характеристики корыстных посягательств вызывают тревогу: они становятся более

продуманными, зачастую совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий и характеризуются высокой степенью групповой сплоченности.

Структура преступности несовершеннолетних характеризуется следующими данными

Преступность несовершеннолетних в Российской Федерации за последние 5 лет характеризуется следующими показателями (см.: таблица 1).

Таблица 1. Показатели преступности несовершеннолетних за 2021-2025 г.

Год \ Показатели преступности	2021	2022	2023	2024	2025
Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	29126	26305	22340	21069	22231
Удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, %	3,4	3,2	3,3	3,5	3,7
из них учащихся, студентов	20743	18725	15933	15506	16285

Селифонова Т.И. отмечает, что структура преступности несовершеннолетних традиционно включает: имущественные преступления (кражи - до 55%, грабежи - около 12%, разбои - 4%). Это наиболее распространенный тип, что связано с материальными трудностями, желанием самоутверждения и подражанием «легкой жизни» [1]. Анализ структуры осужденных несовершенно-

летних по итогам 2023 г. показал (см.: таблица 2), что данные цифры требуют уточнения. Доля совершаемых несовершеннолетними краж, грабежей, разбоев в структуре преступности уменьшается, растет доля мошенничеств. Несовершеннолетних активно вовлекают в совершение хищений путем обмана или злоупотребления доверием.

Таблица 2. Количество осужденных несовершеннолетних по видам преступлений против собственности в 2022 - 2023 годах

Преступления против собственности	2022		2023	
	осуждено лиц	удельный вес	осуждено лиц	удельный вес
Кража	7020	55,66%	5998	52,56%
Мошенничество	166	1,32%	349	3,06%
Грабеж	1384	10,97%	1114	9,76%
Разбой	400	3,17%	358	3,14%
Вымогательство	209	1,66%	207	1,81%
Угон	1412	11,19%	1362	11,94%

В 2023 г заметно вырос показатель количества осужденных несовершеннолетних за совершение мошенничества несовершеннолетними в группе с участием взрослых – 181 лицо (+ 481 %, в 2022 году было осуждено 32 несовершеннолетних).

В современных условиях цифровой трансформации общества [5, с. 24] нарастает влияние негативного контента, что способствует росту противоправных деяний со стороны лиц, не достигших возраста 18 лет, с использованием информационно-телекоммуникационных техно-

логий (в 2022 году - 4,8 тыс. преступлений, в 2023 году - 6 тыс. преступлений, в 2024 году - 7,7 тыс. преступлений, в 2025 году - 8,8 тыс. преступлений). Кроме того, по итогам 2025 года на 10 процентов увеличилось количество несовершеннолетних участников подозрительных финансовых операций [2].

Несовершеннолетние все чаще становятся участниками преступных схем с использованием банковских карт, чаще всего в роли так называемых дропперов [8, с. 20] - людей, которые предоставляют свои карты или доступ к онлайн-банку

для перевода или обналичивания незаконно полученных средств. В одном из случаев, в ходе изучения детализации счета ранее проданной карты несовершеннолетним из Алтайского края, было установлено, что за сутки на нее поступило, а потом было перечислено на другие счета порядка 54 миллионов рублей [3].

Современный корыстный преступник-подросток существенно отличается от правонарушителя прошлых десятилетий. Если ранее доминирующим мотивом часто выступала материальная нужда (недостаток продуктов, базовой одежды), то сегодня на первый план выходят следующие факторы:

1. Культ потребления: Желание обладать дорогостоящими гаджетами, брендовой одеждой и аксессуарами для поддержания статуса в сверстнической среде.

2. Досуговая мотивация: Поиск средств для развлечений, посещения клубов или приобретения психоактивных веществ.

3. Самоутверждение: Совершение кражи или грабежа как способ доказать свою «смелость» и занять лидерские позиции в группе.

Рост корыстных настроений среди несовершеннолетних обусловлен комплексом причин:

- семейное неблагополучие: не только материальная депривация, но и отсутствие эмоционального контакта, педагогическая запущенность, а также прямая передача антисоциального опыта родителями. Исследователи отмечают, что около 50% молодых правонарушителей воспитываются в условиях отсутствия одного или обоих родителей, или же вообще воспитываются вне традиционной семейной структуры. Исследования и практические наблюдения убедительно доказывают, что стабильная семья занимает ключевую роль в процессе социализации подрастающего поколения [6, с. 13], формируя основу личности и предупреждая риски девиантного поведения. Экономическая уязвимость семьи может привести к противоправным действиям, таким как кражи или грабежи; отсутствие родительской заботы и любви может толкать ребенка к поиску внимания через правонарушения [7, с. 25]; физическое насилие в семейном кругу часто становится причиной более серьезных преступлений с физическими последствиями для пострадавших [4];

- влияние интернета: пропаганда «легких денег» в социальных сетях, существование сообществ, идеализирующих криминальный образ жизни (АУЕ - признано экстремистским и запрещено в РФ; шоплифтинг-сообщества);

- вовлечение в «дропперство»: новое явление, когда подростков используют как посредников для вывода украденных киберпреступниками средств [9, с. 57]. Корыстный мотив здесь сочетается с непониманием правовых последствий.

Предупреждение корыстной преступности требует системного подхода, разделенного на уровни.

К мерам общесоциального предупреждения следует отнести минимизацию социального неравенства и обеспечение реальной занятости подростков в свободное время. С одной стороны данная сфера хорошо развита частными лицами, но с другой – вследствие этого она недоступна (в материальном плане) для малообеспеченных семей. Решение данной проблемы видим в субсидировании государством затрат частных лиц, занимающихся досуговой деятельностью молодежи, в отношении социально незащищенных слоев населения. Также необходимо развивать программы молодежного трудоустройства, где подросток мог бы легально заработать на интересующие его товары, тем самым реализуя корыстный интерес законным путем.

К специальному (криминологическому) предупреждению следует отнести мероприятия по:

1. Профилактике в цифровой среде: Проведение уроков цифровой гигиены и финансовой грамотности. Подростки должны осознавать, что использование чужой найденной банковской карты (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) или помощь в переводе сомнительных денег является тяжким преступлением.

2. Работе с «шоплифтингом»: Взаимодействие полиции с администрацией торговых центров [10, с. 25]. Усиление охраны и видеонаблюдения в местах массового скопления молодежи является эффективной мерой ситуативного предупреждения краж.

3. Виктимологической профилактики: обучению подростков правилам безопасности, чтобы они сами не становились жертвами корыстных посягательств (не демонстрировали дорогие гаджеты, не вступали в контакт с подозрительными лицами), так как часто жертва и преступник в этой среде меняются местами.

Важнейшим звеном в индивидуальной профилактике остается работа подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Необходимо уходить от формального надзора к психологическому сопровождению [8, с. 50]. Выявление подростков с формирующейся корыстной направленностью на ранних стадиях (мелкие кражи в школе) позволяет предотвратить совершение тяжких грабежей и разбоев в будущем.

Перспективным направлением предупреждения рецидива корыстных преступлений является использование медиации [11, с. 27] (примирения сторон). Для несовершеннолетнего осознание вреда, причиненного конкретному человеку, и заглаживание этого вреда трудом или

извинением имеет большой воспитательный эффект, чем формальное несение наказания, которое часто воспринимается в подростковой среде как «знак почета». Количество служб медиации (примирения), созданных в образовательных организациях 89 субъектов Российской Федерации возросло с 30514 в 2020/21 учебном году до 35942 в 2024/25 учебном году. При этом отмечается необходимость обеспечения системной методической поддержки специалистов таких служб и профессиональной экспертизы их деятельности [2].

Таким образом, предупреждение корыстной преступности несовершеннолетних в современных условиях требует трансформации: от борьбы с фактами хищений к борьбе с идеологией «быстрого и незаконного обогащения». Эффективная модель должна сочетать в себе жесткий контроль за деструктивным контентом в сети, повышение финансовой и правовой грамотности молодежи и создание условий для легальной трудовой самореализации подростков.

Список литературы:

[1] Селифонова Т.И. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: современное состояние и тенденции // Международный научный журнал «Вестник науки». 2026. № 4 (97) Том 3. С. 332-338.

[2] Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2026 - 2036 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года»): распоряжение Правительства РФ от 28.05.2026 № 1272-р. // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2026).

[3] Зачем подростки на Алтае продают свои банковские карты и чем опасен такой заработок? // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю [сайт]. URL: <https://altai-krai.sledcom.ru/folder/875887/item/1906794/> (дата обращения: 03.06.2026).

[4] Каркусов Г.А., Хатаев И.Е. Преступность среди несовершеннолетних // Вестник магистратуры. 2025. № 4-1 (163). С. 48-50.

[5] Шайхуллин М. С. О значимости конституционно-правовых гарантий в защите прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 22-27.

[6] Самигуллин В. К. Теологическая теория происхождения государства и права / В. К. Сами-

гуллин // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 8-20.

[7] Маликов Б. З. Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений / Б. З. Маликов // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 21-34.

[8] Шайхуллин М. С. Защита прав и свобод человека и гражданина: аксиологический подход / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2024. – № 4(5). – С. 16-22.

[9] Миннигулова Д. Б. Административная ответственность несовершеннолетних: правовые коллизии // Право и государственность. 2024. № 3(4). С. 55-58.

[10] Самситдинов И. З. Повышение эффективности взаимодействия федеральных и региональных органов государственной исполнительной власти в Республике Башкортостан / И. З. Самситдинов, А. В. Сергеева // Право и государственность. – 2024. – № 4(5). – С. 23-26.

[11] Станкин А. Н. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина / А. Н. Станкин, М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 22-28.

[12] Миннигулова Д. Б. Презумпция вины предпринимателя: отдельные коллизии правового регулирования и правоприменительной практики / Д. Б. Миннигулова, В. В. Калугина // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 48-53.

References:

[1] Selifonova T.I. Criminological characteristics of juvenile delinquency: current status and trends // International scientific journal "Bulletin of Science". 2026. No. 4 (97) Vol. 3. pp. 332-338.

[2] On approval of the Concept for the development of a system for the prevention of child neglect and delinquency in minors for the period up to 2036" (together with the "Action plan for 2026-2036 for the implementation of the Concept for the development of a system for the prevention of child neglect and delinquency in minors for the period up to 2036"): Order of the Government of the Russian Federation dated 28.05.2026 No. 1272-r. // Official Internet portal of legal information: [website]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 01.06.2026).

[3] Why are teenagers in Altai selling their bank cards and what are the dangers of such earnings? // Official website of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Altai Krai [website]. URL: <https://altai-krai.sledcom.ru/folder/875887/item/1906794/> (date of access: 03.06.2026).

[4] Karkusov G.A., Khatayev I.E. Juvenile Delinquency // Bulletin of the Magistracy. 2025. No. 4-1 (163). Pp. 48-50.

[5] Shaikhullin M.S. On the Importance of Constitutional and Legal Guarantees in Protecting the Rights and Freedoms of Man and Citizen / M.S. Shaikhullin // Law and Statehood. - 2025. - No. 1 (6). - Pp. 22-27.

[6] Samigullin V.K. Theological Theory of the Origin of the State and Law / V.K. Samigullin // Law and Statehood. - 2024. - No. 3 (4). - P. 8-20.

[7] Malikov B.Z. Religious Norms: Their Essence, Character and Significance in the System of Social Relations / B.Z. Malikov // Law and Statehood. - 2024. - No. 3 (4). - P. 21-34.

[8] Shaikhullin M.S. Protection of Human and Civil Rights and Freedoms: An Axiological Approach / M.S. Shaikhullin // Law and Statehood. - 2024. - No. 4 (5). - P. 16-22.

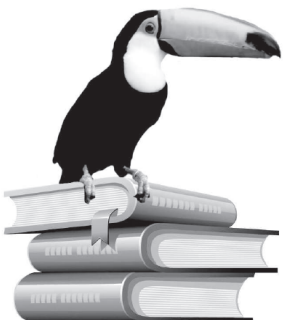
[9] Minnigulova D.B. Administrative Responsibility of Minors: Legal Conflicts // Law and Statehood. 2024. No. 3(4). P. 55-58.

[10] Samsitdinov I. Z. Improving the Efficiency of Interaction between Federal and Regional Executive Bodies in the Republic of Bashkortostan / I. Z. Samsitdinov, A. V. Sergeeva // Law and Statehood. - 2024. - No. 4(5). - P. 23-26.

[11] Stankin A. N. Guarantees for the Protection of Human and Civil Rights and Freedoms / A. N. Stankin, M. S. Shaikhullin // Law and Statehood. - 2025. - No. 2(7). - P. 22-28.

[12] Minnigulova D. B. Presumption of Guilt of an Entrepreneur: Certain Conflicts of Legal Regulation and Law Enforcement Practice / D. B. Minnigulova, V. V. Kalugina // Law and Statehood. - 2025. - No. 2(7). - pp. 48-53.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

СИБАГАТУЛЛИН Финат Фаязович,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
Уфимский юридический институт МВД России,
e-mail: finat2013@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 116.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье на основе анализа официальных статистических данных, обобщений судебной практики и критической оценки доктринальных подходов выявляется главный дефект правового регулирования уголовной ответственности за побои при наличии административной преюдиции – отсутствие легального определения признаков побоев, что ведёт к разобщённости судебной практики и нарушению принципа правовой определённости. Автором на основе изучения положений, содержащихся в диссертациях, а также в актуальных научных публикациях, предлагается система обязательных уголовно-правовых признаков побоев.

Ключевые слова: побои, статья 116.1 УК РФ, уголовно-правовые признаки, физическая боль, иные насильственные действия, административная преюдиция, квалификация преступлений, диссертационные исследования.

SIBAGATULLIN Finat Fayazovich,
Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE QUESTION OF THE ELEMENTS OF AN OFFENCE UNDER ARTICLE 116.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Based on the analysis of official statistical data, summaries of judicial practice and a critical assessment of doctrinal approaches, the article identifies the main defect of legal regulation of criminal liability for battery in the presence of administrative prejudice – the lack of a legal definition of the signs of battery, which leads to disunity of judicial practice and violation of the principle of legal certainty. The author proposes a system of mandatory criminal signs of battery.

Key words: battery, Article 116.1 of the Criminal Code, criminal-law signs, physical pain, other violent actions, administrative prejudice, qualification of crimes, dissertation research.

С 2016 года, после принятия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, законодатель сформировал двухуровневую систему противодействия побоям: административную (ст. 6.1.1 КоАП РФ) и уголовную (ст. 116.1 УК РФ) с использованием механизма административной преюдиции [1; 2]. Одновременно с этим были внесены изменения в ст. 116 УК РФ, которая в настоящее время предусматривает ответственность за побои, совершённые из хулиганских побуждений либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Как обоснованно отмечает Т.Б. Оздоева, общий объём научных исследований, посвящённых содержанию понятий «побои» и «иные насильственные

действия», остаётся недостаточным для выработки единого правоприменительного подхода, а существующие доктринальные позиции характеризуются фрагментарностью и противоречивостью [16, с. 2-3]. А.И. Коробеев ещё в 2012 г. указывал, что отсутствие легального определения побоев создаёт серьёзные препятствия для единообразной квалификации [5, с. 226]. Э.А. Багун в своём диссертационном исследовании подчёркивал, что побои и истязание занимают особое место в системе преступлений против здоровья, поскольку не связаны с причинением юридически значимого вреда здоровью, но посягают на телесную неприкосновенность личности [7, с. 92-95]. В.Г. Вениаминов, анализируя объективные признаки побоев, пришёл к выводу о необходи-

мости чёткого разграничения побоев и иных насильственных действий по способу воздействия [6, с. 62-70]. Р.М. Шагвалиев в своём диссертационном исследовании (2011 г.) акцентировал внимание на проблемах разграничения побоев и смежных составов в российском и зарубежном уголовном праве [9, с. 8-12]. Однако указанные диссертации были выполнены до введения ст. 116.1 УК РФ в 2016 г. и не учитывают специфику состава преступления с административной преюдицией. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена не только сохраняющейся неопределённостью признаков побоев, но и необходимостью адаптации доктринальных подходов к действующей редакции уголовного закона.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество лиц, осуждённых по ст. 116.1 УК РФ, за период 2019–2024 гг. выросло с 3 750 до 13 241 (то есть более чем в 3,5 раза), что свидетельствует не только о реальном росте числа деяний, но также об активизации правоприменительной практики [3, с. 22]. При этом, как отмечает Ю.Е. Пудовочкин, количество оправдательных приговоров и прекращённых уголовных дел по реабилитирующим основаниям по данной категории увеличилось, что связано с трудностями доказывания признаков состава преступления [13, с. 88-90]. Согласно обобщению судебной практики, проведённому на судебном участке № 12 Промышленного района г. Смоленска, наиболее частые расхождения в квалификации касаются минимального количества ударов (62% от числа разногласий), отнесения конкретных действий к «иным насильственным действиям» (28%) и доказывания факта физической боли при отсутствии видимых повреждений (10%) [4, с. 5]. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 8 апреля 2021 г. № 11-П также обратил внимание на необходимость единообразного толкования признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, и недопустимость привлечения к уголовной ответственности при отсутствии чётких критериев разграничения со смежными составами.

Одним из наиболее дискуссионных в доктрине является вопрос о минимальном количестве ударов, необходимом для признания деяния побоями. А.И. Коробеев отмечает, что побои предполагают нанесение не менее трёх ударов, поскольку этимологически слово «побои» указывает на множественность [5, с. 226]. Р.М. Шагвалиев считает достаточным нанесение двух ударов [6, с. 185], а И.А. Юрченко полагает, что даже один удар может быть признан побоями, если он причинил физическую боль [7, с. 221]. Т.Б. Оздоева в своём исследовании 2025 г. приходит к выводу,

что решающим признаком является причинение физической боли потерпевшему независимо от количества нанесённых ударов, и предлагает заменить термин «насильственные действия» на «иные формы физического воздействия» [16, с. 35]. Автор настоящей статьи разделяет эту позицию, находя её наиболее соответствующей принципу правовой определённости, поскольку она позволяет единообразно квалифицировать любой акт умышленного насилия, причинившего боль, и исключает избыточный формализм, когда виновный уходит от ответственности только из-за того, что нанёс не «достаточное» число ударов.

Понятие «иные насильственные действия» также не имеет легального определения. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 речь идёт об иных насильственных действиях в контексте хулиганства, что не вполне применимо к составу преступления, предусмотренному ст. 116.1 УК РФ [8]. В диссертации В.Г. Вениаминова предлагается понимать под иными насильственными действиями любые деяния, не являющиеся ударами, но заведомо способные причинить физическую боль [6, с. 98-102]. Э.А. Багун, напротив, полагает, что иные насильственные действия должны быть сопоставимы с побоями по степени интенсивности и также предполагать множественность [7, с. 110-113]. Обобщение судебной практики, проведённое на судебном участке № 12 Промышленного района г. Смоленска, относит к иным насильственным действиям щипки, сечение, выкручивание рук, термическое и химическое воздействие [4, с. 5]. М.А. Куликова в своём диссертационном исследовании (2025 г.) подчёркивает, что при квалификации истязаний и пыток особое значение имеет установление систематичности насильственных действий, однако применительно к ст. 116.1 УК РФ систематичность не требуется, что создаёт дополнительные сложности разграничения со ст. 117 УК РФ [9, с. 120-125]. На наш взгляд и с учетом анализа доктрины и судебной практики, предлагает следующее определение: «иные насильственные действия – это любые умышленные деяния, не являющиеся нанесением ударов, но заведомо для виновного способные причинить физическую боль потерпевшему, включая механическое, термическое, химическое, электрическое и иное воздействие на тело против воли потерпевшего». Предлагается закрепить данное определение в примечании к ст. 116 УК РФ или в отдельном постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Наиболее острой остаётся проблема доказывания физической боли при отсутствии объективных телесных повреждений. Согласно п. 2 Приказа Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н, побои могут не оставлять видимых сле-

дов [12]. Однако на практике суды в подавляющем большинстве случаев отказывают в привлечении к уголовной ответственности, если акт судебно-медицинского освидетельствования не зафиксировал повреждений. Анализ судебных актов по ст. 116.1 УК РФ, размещённых в Государственной автоматизированной системе «Правосудие» за 2023–2024 гг., позволил выявить, что в 32% случаев суды прекращали уголовное дело либо выносили оправдательный приговор при отсутствии видимых повреждений, несмотря на наличие показаний потерпевшего о боли [8]. Как разъясняет Прокуратура Пензенской области, отсутствие на теле потерпевшего следов повреждений само по себе не свидетельствует об отсутствии события преступления [10, с. 3-4]. Однако, как отмечает О.В. Артюшина, на практике суды часто игнорируют это разъяснение и прекращают дела за недоказанностью [14, с. 95]. Ю.Л. Санджиев в своём диссертационном исследовании (2008 г.) подчёркивал высокий уровень латентности побоев и истязаний, связанный именно с трудностями доказывания, и предлагал расширить перечень допустимых доказательств по данной категории дел [8, с. 45-48]. Автор считает, что для преодоления этой проблемы необходимо закрепить в УПК РФ правило, согласно которому показания потерпевшего о причинении ему физической боли, подтверждённые независимыми доказательствами (показаниями свидетелей, аудио- или видеозаписью, данными с камер наблюдения), являются достаточными для установления этого признака, даже при отсутствии объективных телесных повреждений. Такая позиция соответствует международным стандартам отправления правосудия [11, с. 45].

Важным отграничительным признаком является отсутствие последствий в виде вреда здоровью по медицинским критериям, что позволяет различать ст. 116.1 УК РФ и ст. 115 УК РФ. Если временная утрата трудоспособности составила шесть и более дней, деяние подлежит квалификации по ст. 115 УК РФ независимо от наличия административной преюдиции. При этом, как обоснованно указывает Ю.Е. Пудовочкин, разграничение должно проводиться не по формальному факту выдачи листка нетрудоспособности, а по реальной продолжительности нарушения функций организма, установленной экспертом [13, с. 88-90]. Если нетрудоспособность составила менее шести дней (либо медицинские документы зафиксировали только факт обращения, но не выдали больничный), деяние может образовывать состав ст. 116.1 УК РФ при условии наличия административной преюдиции.

В ч. 2 ст. 116.1 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак – совершение деяния

лицом, имеющим судимость за преступление, совершённое с применением насилия. Специалисты справедливо отмечают высокий уровень неопределённости круга преступлений, наличие судимости за которые будет образовывать данный признак, и предлагают выработать единый подход к оценке судимости как преюдициального факта [15, с. 13-14]. На наш взгляд к преступлениям, совершённым с применением насилия, в контексте ч. 2 ст. 116.1 УК РФ следует относить не только преступления против жизни и здоровья, но и иные преступления, объективная сторона которых включает применение физического насилия (например, ст. 131, 132, 161, 162, 163 УК РФ). При этом необходимо учитывать, что наличие административного наказания не может учитываться при квалификации по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, поскольку судимость возникает только при совершении преступления. Вопросы квалификации ненасильственных преступных деяний, в частности, рассматриваются в работе В.М. Андреевой, где автор обращает внимание на необходимость тщательного разграничения насильственных и ненасильственных форм посягательства [18, с. 66-68]. В свою очередь, А.И. Бадретдинов в своём исследовании подчёркивает важность правильного соотношения административной и уголовной ответственности за деяния, которые могут иметь различный характер общественной опасности в зависимости от объекта посягательства [19, с. 61-62]. Хотя указанные исследования не посвящены непосредственно побоям, их выводы о разграничении смежных составов и роли административной преюдиции могут быть полезны для выработки единой методологии применительно к ст. 116.1 УК РФ.

Особого внимания заслуживает разграничение преступлений, предусмотренных ст. 116.1 УК РФ и ст. 117 УК РФ (истязание). Истязание предполагает систематичность – не менее трёх эпизодов побоев или иных насильственных действий в течение непродолжительного времени, причиняющих физические или психические страдания. В диссертации Э.А. Багун отмечается, что систематичность является ключевым признаком, отличающим истязание от разовых побоев [7, с. 150-153]. Если виновный, уже имеющий административную преюдицию по ст. 6.1.1 КоАП РФ, вновь совершает два эпизода побоев, они должны квалифицироваться по ст. 116.1 УК РФ. Однако если в течение непродолжительного времени (например, месяца) имеется три и более эпизода, каждый из которых сам по себе образует признаки побоев, то содеянное в целом следует оценивать как истязание, поскольку систематичность существенно повышает степень общественной опасности. Автор разделяет позицию

Т.Р. Абдульмянова, который обосновывает необходимость разъяснения Верховным Судом РФ критериев систематичности применительно к ст. 117 УК РФ [17, с. 272-273].

Т.А. Недоступенко предлагает рассматривать иные насильственные действия только как множественные [12, с. 76]. Вместе с тем единственный щипок или ожог могут причинить не меньшую боль, чем несколько ударов, и требование множественности является необоснованным. Следует согласиться с мнением О.В. Артюшиной о необходимости градации степени интенсивности боли [14, с. 96-97]. Между тем интенсивность субъективна и не может быть достоверно установлена без сложных медицинских методик, что сделает правоприменение чрезмерно затратным. В предлагаемой автором системе используется бинарный критерий: боль есть / боли нет, что упрощает доказывание и соответствует принципу правовой определённости.

Сравнительно-правовой анализ, проведённый Т.Б. Оздоевой, показывает, что российское законодательство характеризуется более узкой трактовкой насильственных действий по сравнению с правовыми системами Англии и США, где понятие «battery» охватывает более широкий спектр противоправных действий, включая прикосновения, не вызывающие боли [10, с. 21-24]. Автор полагает, что российскому законодателю следует учесть этот зарубежный опыт и расширить перечень действий, признаваемых насильственными, включив в него, например, психологическое насилие, которое в настоящее время не образует состава ст. 116.1 УК РФ, но может причинять не менее серьёзный вред телесной неприкосновенности личности.

На основе проведённого анализа автором сформулирована система уголовно-правовых признаков побоев, необходимых для применения ст. 116.1 УК РФ. Первый признак можно охарактеризовать как деяние в виде нанесения одного или более ударов либо совершения иных насильственных действий (открытый перечень, включающий механические без ударного характера, термические, химические, электрические и иные воздействия), совершённых против воли потерпевшего. Второй признак можно представить как последствие в виде физической боли, которая может доказываться как объективными повреждениями, так и совокупностью иных доказательств (показания потерпевшего, свидетелей, видеофиксация). Третий признак характеризуется тем, что отсутствуют последствия в виде вреда здоровью (временная утрата трудоспособности менее 6 дней, отсутствие стойкой утраты трудоспособности). Четвёртый признак характеризуется наличием административной преюдиции (непогашенное административное наказание

по ст. 6.1.1 КоАП РФ) либо судимости за преступление, совершённое с применением насилия (для ч. 2 ст. 116.1 УК РФ). Дополнительным отграничительным признаком является отсутствие систематичности: более двух эпизодов в непродолжительный период требуют рассмотрения вопроса о квалификации по ст. 117 УК РФ.

По мнению автора, для устранения правовой неопределённости необходимо внести поправки в постановление Пленума Верховного Суда РФ, дополнив его разделом о признаках побоев и иных насильственных действий применительно к ст. 116.1 УК РФ. Целесообразно также рассмотреть вопрос о законодательном закреплении определения побоев в примечании к ст. 116 УК РФ по аналогии с определением пытки в примечании к ст. 117 УК РФ. Предлагается следующая редакция примечания: «Под побоями в статьях 116 и 116.1 настоящего Кодекса понимаются нанесение одного или более ударов либо совершение иных насильственных действий (щипки, сдавливание, выкручивание, воздействие горячими, холодными или химическими веществами, электрическим током, а также любых иных действий, заведомо способных причинить физическую боль) против воли потерпевшего, если эти действия не повлекли последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса».

Внедрение изложенных предложений, в правоприменительную практику позволит устранить существующие пробелы, обеспечить единообразие судебной практики и повысить эффективность уголовно-правовой защиты телесной неприкосновенности личности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительно-правовой анализ признаков побоев в законодательстве зарубежных стран и разработку методических рекомендаций для судей и сотрудников органов внутренних дел по применению обновлённой нормы.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- [2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
- [3] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2019–2024 годы. – М., 2025. – С. 15–22.
- [4] Обобщение по рассмотрению дел об административных правонарушениях по статье

6.1.1 КоАП РФ // Судебный участок № 12 Промышленного района г. Смоленска. – 2025. – С. 4–10.

[5] Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 317 с.

[6] Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязание: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Саратов, 2005. – 184 с.

[7] Багун Э.А. Ответственность за побои и истязание по уголовному кодексу Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Оренбург, 2007. – 216 с.

[8] Санджиев Ю.Л. Побои и истязания в системе преступлений против здоровья: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Ростов-на-Дону, 2008. – 195 с.

[9] Куликова М.А. Истязание и пытка: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. – М., 2025. – 282 с.

[10] Оздоева Т.Б. Уголовная ответственность за побои и преступления против телесной неприкосновенности по законодательству Российской Федерации, США и Англии: сравнительно-правовой анализ // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 94–113.

[11] Шмидт Х. Доказывание физической боли в уголовном процессе (сравнительно-правовой анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 2. – С. 42–48.

[12] Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. – 2008. – № 188.

[13] Пудовочкин Ю.Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика): монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 205 с.

[14] Артюшина О.В. Квалификация побоев как насилия, не опасного для жизни или здоровья // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 92–101.

[15] Таршева М. Н., Кокин Д. М. Судимость за преступление, совершённое с применением насилия, как преюдициальный факт // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №. 4. С. 13-16.

[16] Оздоева Т.Б. Содержание понятий «побои» и «иные насильственные действия» в контексте статей 116 и 116.1 Уголовного кодекса РФ // Полицейская деятельность. – 2025. – № 5. – С. 51–62.

[17] Абдульмянов Т.Р. Вопрос об эффективности административной преюдиции в отношении

статьи 116.1 УК РФ при совершении данного деяния в семейно-бытовой сфере // Уголовное право и криминология. – 2023. – № 37. – С. 270–274.

[18] Андреева В.М. О некоторых вопросах квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 65–70.

[19] Бадретдинов А.И. К вопросу о соотношении административной и уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним табачной и никотинсодержащей продукции // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 60–64.

[20] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 1 с.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.08.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[2] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 04.08.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1. – Art. 1.

[3] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Report on the work of courts of general jurisdiction in considering criminal cases for 2019–2024. – Moscow, 2025. – pp. 15–22.

[4] Summary of the consideration of cases on administrative offenses under Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Judicial Precinct No. 12 of the Industrial District of Smolensk. – 2025. – pp. 4–10.

[5] Korobyev A.I. Criminal attacks on human life and health: monograph. – Moscow: YurLitinform, 2012. – 317 p.

[6] Veniaminov V.G. Criminal liability for battery and torture: diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.08. – Saratov, 2005. – 184 p.

[7] Bagun E.A. Liability for battery and torture under the Criminal Code of the Russian Federation: diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.08. – Orenburg, 2007. – 216 p.

[8] Sandzhiev Yu.L. Battery and Torture in the System of Crimes against Health: Criminological Characteristics and Prevention: Diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.08. – Rostov-on-Don, 2008. – 195 p.

[9] Kulikova M.A. Torture and Injury: Criminal-Law and Criminological Aspects: Diss. ... Cand. Sciences (Law): 5.1.4. – Moscow, 2025. – 282 p.

[10] Ozdоеva T.B. Criminal Liability for Battery and Crimes against Bodily Inviolability under the Legislation of the Russian Federation, the USA and

England: A Comparative Legal Analysis // Police and Investigative Activity. – 2025. – No. 4. – P. 94–113.

[11] Schmidt H. Proving Physical Pain in Criminal Proceedings (Comparative Legal Analysis) // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2022. – No. 2. – P. 42–48.

[12] Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of April 24, 2008 No. 194n “On Approval of Medical Criteria for Determining the Severity of Harm Caused to Human Health” // Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – No. 188.

[13] Pudovochkin Yu.E. Problems of Qualification of Crimes with Administrative Prejudice (Judicial Practice): Monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2022. – 205 p.

[14] Artyushina O.V. Qualification of Battery as Violence Not Dangerous to Life or Health // Law Enforcement. – 2021. – Vol. 5, No. 1. – Pp. 92-101.

[15] Tarsheva M.N., Kokin D.M. Conviction for a Crime Committed with the Use of Violence as a Prejudicial Fact // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. Pp. 13-16.

[16] Ozdоеva T.B. The Content of the Concepts of “Battery” and “Other Violent Acts” in the Context of Articles 116 and 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Police Activity. – 2025. – No. 5. – Pp. 51-62.

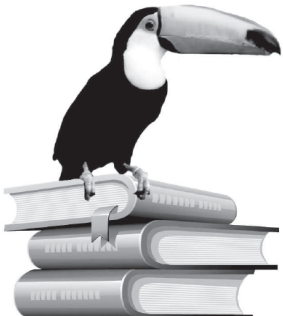
[17] Abdulmyanov T.R. The Effectiveness of Administrative Prejudice in Relation to Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation When the Act Is Committed in the Family and Domestic Sphere // Criminal Law and Criminology. – 2023. – No. 37. – pp. 270-274.

[18] Andreeva V.M. On Certain Issues of Qualifying Non-Violent Sexual Crimes against Minors // Law and Statehood. – 2025. – No. 2(7). – pp. 65-70.

[19] Badretdinov A.I. On the Relationship between Administrative and Criminal Liability for the Retail Sale of Tobacco and Nicotine-Containing Products to Minors // Law and Statehood. – 2025. – No. 2(7). – pp. 60-64.

[20] Advocacy and the Bar in Russia in Part 2. Part 1: Textbook / I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaypan [et al.]. – 3rd ed., trans. and add. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. – 1 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru,

НАРКОТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОФИЛАКТИКА НАРКОМАНИИ

Аннотация. В статье речь идет о профилактике наркомании, анализируется наркотическая ситуация в обществе и представлен комплекс профилактических мер по борьбе с наркозависимостью молодых людей и несовершеннолетних осужденных, в частности.

Ключевые слова: наркотическая ситуация, профилактика, наркомания, реабилитация, ресоциализация, несовершеннолетние осужденные.

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

DRUG SITUATION AND DRUG PREVENTION

Annotation. The article deals with the prevention of drug addiction, analyzes the drug situation in society and presents a set of preventive measures to combat drug addiction of young people and juvenile convicts, in particular.

Key words: drug situation, prevention, drug addiction, rehabilitation, resocialization, juvenile convicts.

Наркомания является одной из важных проблем нашего общества, вызвавшей острую необходимость решительных и активных действий в организации профилактики злоупотребления психоактивными веществами в подростковой среде.

При анализе современных публикаций, посвященных методологическим аспектам профилактики, отмечается отсутствие концептуального и системного подходов. Как правило, доминирует рассмотрение отдельных, изолированных, преимущественно ведомственных проблем, либо, например, педагогических, психологических, социологических вопросов, объединенных профессиональным интересом автора или авторского коллектива.

Следует отметить, что целый ряд важных положений, прежде всего ранней, первичной профилактики уже разработан. К ним относятся:

- приоритет первичного профилактического подхода к решению проблем наркомании;
- признание медико-социальной значимости профилактических мер для раннего выявле-

ния и диагностики, эффективности лечения и реабилитации наркозависимых, улучшения криминогенной обстановки в обществе, снижения общей заболеваемости;

- определение принципа комплексного (межведомственного) подхода к решению проблем профилактики наркозависимости.

Многолетняя практика свидетельствует, что только медицинские мероприятия не могут решить все проблемы вторичной профилактики, особенно касающиеся реабилитации детей и молодежи.

Реальная наркотическая ситуация, сложившаяся в стране, и созревшая потребность общества в ее кардинальном изменении диктуют необходимость комплексного, концептуально осмысленного подхода к решению проблемы профилактической помощи, предупреждающей употребление наркотиков и развитие наркомании. Активные профилактические мероприятия должны опираться:

- на методологию формирования у детей и молодежи представлений об общечелове-

ческих ценностях, здоровом образе жизни, препятствующих вовлечению в наркогенную ситуацию;

- на формирование у детей и молодежи, а также у лиц, вступивших на путь первых проб психоактивных веществ (далее – ПАВ) умений и навыков активной психологической защиты от вовлечения в наркотизацию и антисоциальную деятельность (первичная, вторичная и третичная профилактика);
- на раннее выявление и диагностику наркозависимости;
- на реабилитацию детей и молодежи, возвращающихся из среды наркотизации в нормативную жизнь (вторичная и третичная профилактика).

В местах лишения свободы в настоящее время находится большое количество несовершеннолетних осужденных, страдающих наркоманией в связи с этим важное значение приобретет профилактика наркомании и ресоциализация несовершеннолетних осужденных.

Тенденции преступности несовершеннолетних на современном этапе представляются весьма тревожными.

Тенденции повторной преступности лиц, освобожденных из воспитательных колоний, еще более негативные. Так, в первые три года после освобождения вновь совершают преступления почти половина бывших воспитанников.

Неспособность уголовного наказания противодействовать развитию негативных явлений в обществе вызывает объективную потребность раскрытия с научных позиций смысла происходящих процессов, поиска наиболее эффективных направлений, форм, средств и методов нейтрализации преступности несовершеннолетних в России.

Разобщенность, недостаточная профессиональная подготовка, отсутствие системности работы различных субъектов системы профилактики (комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов опеки и попечительства, уголовно-исполнительных инспекций, воспитательных колоний, реабилитационных центров, служб социальной помощи, органов образования, центров психологической помощи, общественных организаций требует изменения подходов в организации их деятельности.

Достижение целей уголовного наказания, предусмотренных законодательством, в отношении несовершеннолетних в настоящее время не представляется возможным без осуществления, параллельного, целенаправленного психолого-педагогического, социально-правового воздействия на осужденного, обеспечивающего формирование у него поведенческих моделей, включающих основные элементы институцио-

нальных требований и предписаний (задача-минимум) и устойчивость самостоятельной позитивной социализации его личности (задача-максимум), т. е. ресоциализации.

Противоречивость происходящих в уголовно-исполнительной политике изменений в, отношении несовершеннолетних характеризуется позитивными (более широкое использование уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества и др.) и негативными тенденциями, которые отнюдь не способствуют ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Представляется, что ресоциализацию осужденного следует рассматривать как основную цель государства в отношении личности, совершившей уголовно-наказуемое деяние.

Ресоциализация осужденных как социально-правовая категория востребована социально-экономической и правовой ситуацией развития российского общества. В последнее время термин «ресоциализация» прочно вошел в: научный оборот, используется в нормативных актах и в практической деятельности; процесс ресоциализации становится центром общей проблематики уголовного наказания.

В конце XX века злоупотребление алкоголем, наркотиками и другими психоактивными веществами приняло характер эпидемии. По данным Всемирной организации здравоохранения, суммарное количество больных с заболеваниями, вызванными приемом различных психоактивных веществ, за исключением курильщиков табака, составляет более 500 млн. человек.

В последнее десятилетие и для России употребление несовершеннолетними и молодежью алкоголя, наркотических и других психоактивных веществ превратилось в проблему, представляющую серьезную угрозу здоровью населения, экономике страны, социальной сфере и правопорядку.

Системный анализ показателей наркологической заболеваемости подростков и населения в конце XX века в целом свидетельствует о том, что уровень заболеваемости наркоманией среди подростков был в 2 раза выше, чем среди населения в целом, а заболеваемость токсикоманией – в 8 раз. Подростки злоупотребляют наркотиками в 7,8 раза, а ненаркотическими ПАВ – в 11,2 раза чаще, чем взрослые.

Происходит неуклонное «омоложение» наркомании. Как следует из большинства социологических исследований и научных публикаций, в нашей стране небольшой процент молодежь периодически употребляют наркотики.

Кроме роста числа лиц, злоупотребляющих наркотическими веществами и больных наркоманией, отмечается увеличение объема негативных медико-социальных последствий наркомании.

Это возросшая смертность, увеличение в десятки раз числа суицидальных попыток, а также сопутствующих наркомании болезней: в первую очередь СПИДа, инфекционных гепатитов, венерических болезней, туберкулеза и других заболеваний. ВИЧ-инфекции зарегистрированы не только у подростков, но и у младенцев, заразившихся от ВИЧ-инфицированных матерей, больных наркоманией. В настоящее время большое количество госпитализаций в психиатрические клиники составляют подростки с делинквентными формами поведения в сочетании с наркотизацией и токсикоманией.

Очень высока криминогенность среди лиц, злоупотребляющих наркотиками и другими ПАВ.

Дифференцированный анализ отечественной и мировой наркотической ситуации позволяет выделить ряд основных факторов, определяющих негативную динамику проблемы. Условно выделяются социально-экономические, социально-идеологические и биомедицинские факторы, а по масштабу их действия – глобальные, геополитические, региональные, присущие отдельным слоям общества, микрогруппам населения, семьям, личностям.

В последние годы Россия начала играть роль крупного рынка сбыта наркотиков. В геополитическом плане наша страна оказалась на путях мировых потоков наркотиков, а также стала пограничной страной по отношению к тем странам и регионам, в которых наркобизнес является одним из основных средств получения денег на оружие, ведение войн, осуществление террористических актов. В самой России и граничащих странах СНГ появились опасные наркозоны – Чечня, Таджикистан, Казахстан и др., что влияет на распространенность наркотиков в масштабах всей страны.

Среди основных причин, влияющих на распространенность наркомании и токсикомании в детско-подростковой среде, одно из первых мест занимает легкая доступность ПАВ. Наркодельцы давно определили для себя образовательные учреждения как мини-рынки сбыта наркотиков в детско-подростковой среде. В результате общество столкнулось с реальной незащищенностью детей и подростков от экспансии наркотических средств. Поэтому, без жестких мер противодействия незаконному обороту наркотиков и силового противостояния наркогруппировкам, добиться реального повышения эффективности антинаркотической профилактической работы только за счет усилий воспитателей, учителей, врачей, психологов, социальных работников не представляется возможным.

Следующим важным фактором наркотизации является снижение у большинства детей и подростков превентивной психологической

защиты и низкий ценностный барьер. Несовершеннолетний, начинающий принимать наркотики, находится в своеобразной социально-психологической ситуации: с одной стороны – массовое распространение наркотиков, мощный прессинг рекламных предложений нового стиля жизни и новых ощущений, связанных с наркотизацией, в сочетании с доминирующими у подростка мотивами любопытства и подражания; с другой – растерянность и некомпетентность педагогов, социальных работников, родителей; с третьей – борьба правоохранительных структур с потребителями ПАВ.

Ситуация усугубляется тем, что в недалеком прошлом ранняя алкоголизация и токсикомания преимущественно поражали детей из неблагополучных семей, родители которых вели асоциальный образ жизни. На сегодняшний день число молодых наркоманов пополняется в не меньшей степени подростками из благополучных слоев общества, семей с высоким достатком. Как правило, в подобных случаях гипопека и невысокие морально-этические нормы, сложившиеся в семье, сочетаются с финансовой свободой подростков, связанной с легко доступными деньгами. Именно дети из этих семей преимущественно формируют особую молодежную субкультуру, ведущими ценностями которой являются свободное, гедонистическое времяпрепровождение в сочетании с наркотизацией как определенным стилем жизни.

На уровне личностных факторов, являющихся пусковым механизмом начала употребления наркотиков и последующего злоупотребления ими, выделяются индивидуальная дисгармоничность, наследственная генетическая дефицитарность, врожденные аномалии характера, проявляющиеся в виде негативных аффективных и поведенческих расстройств. Немалый «вклад» в ухудшение здоровья детей и подростков и создание благоприятной почвы для распространения наркомании вносит современная система воспитания и порой недостаточно обоснованные чрезмерные психофизические нагрузки, обусловленные существующей системой образования.

Низкий качественный уровень подготовки в массовой общеобразовательной школе, очевидно, стал причиной создания элитных школ, так называемых школ «нового типа» (гимназии, колледжи и т.п.). Элитные школы являются экспериментальной базой для внедрения новых, «прогрессивных» методов обучения. При этом программы обучения не сертифицированы гигиенистами, внедряются без участия органов здравоохранения. Жесткие учебные нагрузки настолько не соответствуют возможностям растущего организма, что могут способствовать инвалидизации.

Например, с компьютеризацией связывают возникновение заболеваний органов зрения у 40% школьников.

Отрицательно сказывается на здоровье учащихся совмещение учебы с трудовой деятельностью. Как правило, дети, вынужденные совмещать учебу и работу – это дети из низко обеспеченных семей, у которых дополнительная трудовая нагрузка сочетается с недостаточно качественным питанием и другими факторами, связанными с низким уровнем жизни семьи.

Процесс обучения организовывается без учета здоровья обучающегося, несбалансированных режимов его умственной деятельности, производительного труда и отдыха.

Сокращение сети дошкольных образовательных учреждений и сокращение охвата детей общественным дошкольным образованием дополнительно сказывается, на возможности проведения соответствующей воспитательной работы среди детей дошкольного возраста и их родителей.

Также существенным отягощающим фактором риска возникновения наркомании является высокая соматическая заболеваемость учащихся.

Существующее положение в школе, конечно, наряду со всеми негативными явлениями в повседневной жизни школьников, привело к значительному ухудшению показателей их здоровья.

Современная система образования в российских школах вносит свой «весомый вклад» в ухудшение общесоматического и психического здоровья учащихся, наряду с другими неблагоприятными влияниями повседневной жизни.

Таким образом, эпидемия наркомании в стране обусловлена не только совокупностью многих патогенных личностных, социальных, геополитических и других факторов, но и их сложным взаимодействием и взаимопроникновением. Такое понимание этого сложного биопсихосоциального явления диктует выбор определенных стратегий и предпочтительных подходов в поисках путей решения проблемы наркомании с использованием потенциала заинтересованных государственных институтов и общественности.

Обращает также на себя внимание низкий уровень информированности населения о профилактике наркотической патологии и малая доступность квалифицированной бесплатной консультативной и лечебно-реабилитационной помощи детям и подросткам, больным наркоманией, и превентивной помощи лицам, лишь приобщающимся к употреблению психоактивных веществ (ПАВ).

В этой ситуации возникает особая ответственность со стороны профессиональных групп

лиц, работающих с детьми и молодежью – учителей, воспитателей, школьных психологов, социальных педагогов, врачей, которые нуждаются в выработке совершенно нового подхода к решению проблем профилактики наркомании.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[2] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3 (286). С. 45-51.

[3] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[5] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 374-379.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[8] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[9] Смородинская И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинская, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[10] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерми-

нанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[11] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва. 2018.

[12] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[13] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

[14] Траектория развития субъектов образовательного процесса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж. 2024.

[15] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2021.

[16] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 1. Москва. 2022.

[17] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 2. Москва. 2022.

[18] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 3. Москва. 2022.

[19] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 4. Москва. 2022.

[20] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Том Выпуск 1. Москва. 2023.

[21] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2023.

[22] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 3. Москва. 2023.

[23] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 4. Москва. 2023.

[24] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 1. Москва. 2024.

[25] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2024.

[26] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 3. Москва. 2024.

[27] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 4. Москва. 2024.

[28] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 1. Москва. 2025.

[29] Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание / Выпуск 2. Москва. 2025.

[30] Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025.

References:

[1] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[2] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation to carry out penitentiary probation//Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3 (286). S. 45-51.

[3] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[4] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[5] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[6] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the lecture course "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[8] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[9] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works

of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[10] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[11] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[12] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[13] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

[14] Trajectory of educational process subjects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh. 2024.

[15] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2021.

[16] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 1. Moscow. 2022.

[17] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 2. Moscow. 2022.

[18] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 3. Moscow. 2022.

[19] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 4. Moscow. 2022.

[20] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Volume Issue 1. Moscow. 2023.

[21] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2023.

[22] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 3. Moscow. 2023.

[23] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 4. Moscow. 2023.

[24] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 1. Moscow. 2024.

[25] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2024.

[26] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 3. Moscow. 2024.

[27] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 4. Moscow. 2024.

[28] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 1. Moscow. 2025.

[29] Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication/Issue 2. Moscow. 2025.

[30] Actual problems of correction of convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of roundtable articles. Tver, 2025.

КУЗЬМИН С.А.,
Адъюнкт очной формы обучения ФПНПиНК
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОБОРОТ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Аннотация. В статье анализируются недавние изменения российского уголовного законодательства, касающиеся неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ), а также имеющиеся проблемы уголовной ответственности в данной сфере. Особое внимание уделено поправкам 2025 г., направленным на пресечение деятельности так называемых «дропперов» – лиц, предоставляющих свои платежные средства для незаконных операций. Рассматриваются дискуссионные вопросы определения предмета преступления (понятие средств платежа, их подделки и незаконного использования), а также сложности отграничения данного состава от смежных преступлений (мошенничества, легализации денежных средств и др.). Предложены направления совершенствования законодательства и правоприменения, включая уточнение легальных определений и разработку рекомендаций по разграничению смежных составов преступлений.

Ключевые слова: неправомерный оборот средств платежей; электронные средства платежа; дропперы; мошенничество.

KUZMIN S.A.,
Adjunct full-time education FPNPiNK Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

ON SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL CIRCULATION OF MEANS OF PAYMENT UNDER RUSSIAN LAW

Annotation. The article analyzes the recent changes in Russian criminal legislation regarding the illegal circulation of means of payment (Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the existing problems of criminal liability in this area. Particular attention is paid to the 2025 amendments aimed at suppressing the activities of the so-called “droppers” - persons who provide their means of payment for illegal transactions. Discussion issues of determining the subject of the crime (the concept of means of payment, their counterfeiting and illegal use), as well as the complexity of distinguishing this composition from related crimes (fraud, money laundering, etc.) are considered. Directions for improving legislation and law enforcement have been proposed, including clarifying legal definitions and developing recommendations for distinguishing between related offenses.

Key words: illegal circulation of means of payment; electronic means of payment; droppers; fraud.

Постановка проблемы

Повышение роли безналичных и электронных форм расчётов в современной экономике обуславливает особую значимость защиты законного оборота средств платежей [4, с. 45]. В уголовном законодательстве Российской Федерации в ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей» предусматривается уголовная ответственность за соответствующие деяния в целях охраны установленного порядка оказания платежных услуг и расчётов с использованием платёжных инструментов.

Диспозиция этой статьи носит бланкетный характер и не раз претерпевала изменения в ответ на новые угрозы экономической безопасности. Существенные поправки были внесены Федеральным законом от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ, расширившим перечень предметов за счёт электронных средств платежа, технических устройств, программ и иных средств, используемых для незаконных операций. Следующий этап реформирования наступил в 2025 г. с принятием Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ, дополнившего ст. 187 УК РФ частями 3-6,

направленными на привлечение к ответственности так называемых «дропперов» – лиц, сознательно предоставляющих свои банковские счета, карты или электронные кошельки для противоправных финансовых операций.

Несмотря на предпринимаемые законодательные меры, в практике применения ст. 187 УК РФ сохраняется ряд проблемных вопросов.

Во-первых, отсутствует единый подход к пониманию предмета данного преступления и четкая уголовно-правовая дефиниция понятия «поддельное средство платежа». Во-вторых, расширение диспозиции привело к возникновению пограничных ситуаций квалификации: разграничение неправомерного оборота средств платежей с мошенничеством, незаконной банковской деятельностью, легализацией (отмыванием) преступных доходов не всегда очевидно. В-третьих, новый состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 187 УК РФ, порождает вопросы правоприменения: необходимо доказать осведомленность лица о противоправном характере операций, отличать умышленные действия от случаев неосторожного поведения или вовлечения обманным путём.

Таким образом, актуальной является научная и практическая задача – оценить действенность последних изменений ст. 187 УК РФ, выявить существующие пробелы и противоречия и предложить пути их устранения.

Основная часть

Первоначальная редакция ст. 187 УК РФ была ориентирована преимущественно на борьбу с подделкой платёжных документов и инструментов и их незаконным оборотом, однако к середине 2010-х годов она перестала соответствовать реалиям высокотехнологичных преступлений в банковской сфере. Поправками 2015 г. законодатель существенно расширил перечень предметов преступления: наряду с платёжными картами, платёжными документами (поручениями, требованиями, ордерами и др.), в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, начали выделяться электронные средства и электронные носители информации, а также специальные технические устройства и компьютерные программы, предназначенные для незаконного осуществления операций с денежными средствами. Тем самым, реализована цель соответствующих изменений, направленная на расширение инструментария уголовно-правовой защиты денежных средств, расположенных на счетах в банковских учреждениях, от несанкционированных переводов [8, с. 111], а также отчасти на противодействие незаконному обналичиванию денежных средств [3, с. 174]. Реализованная таким образом модернизация диспозиции обу-

словливалась необходимостью охватить уголовно-правовым запретом новые способы хищений и финансовых злоупотреблений с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом, изменения 2015 г. были ожидаемы и фактически устранили многие ранее существовавшие пробелы уголовного закона.

Принятые меры способствовали активизации правоприменения по делам данной категории. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, наблюдается устойчивый рост числа лиц, привлекаемых к ответственности по ст. 187 УК РФ. Если в 2016 г. по этой статье были осуждены 76 человек, в 2018 г. – 104, а в 2021 г. – 366, то в 2024 г. число осуждённых по ч. 1 ст. 187 УК РФ превысило 2000 человек [10]. При этом, наблюдается некоторая тенденция к снижению числа соответствующих преступлений, поскольку по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первое полугодие 2025 г. [10] совокупно по ст. 187 УК РФ привлечено к ответственности 754 человека. Это свидетельствует в том числе и об интенсификации мер противодействия незаконному обороту средств платежей, но и в целом о росте активности преступлений в сфере платёжных средств.

Правоприменительная практика формировалась постепенно, выявляя ряд проблем с учетом расширенной диспозиции ч. 1 ст. 187 УК РФ. В частности, суды столкнулись с проблемой квалификации случаев, когда реальные (неподдельные) банковские карты и устройства используются для неправомерных транзакций: требовалось решить, подпадают ли они под предмет преступления, если сами по себе не являются поддельными, но применяются незаконно.

Что касается современных изменений законодательства в части уголовной ответственности за незаконный оборот средств платежей, одним из наиболее значимых стало дополнение ст. 187 УК РФ специальными составами, нацеленными на пресечение незаконного оборота электронных средств платежа с участием так называемых подставных лиц или дропперов. Данные поправки вступили в силу 5 июля 2025 г. в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 2025 г. №176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» и заполнили существенный пробел: ранее лица, передававшие преступникам свои банковские реквизиты для обналичивания или перевода незаконных доходов, не несли самостоятельной уголовной ответственности. Правоохранительным органам приходилось привлекать их по косвенным составам, чаще всего как пособников мошенничества или соучастников легализации доходов. Новый закон устранил эту проблему, прямо криминализовав «дроппинг» (Дроппинг – предоставление

лицом (дроппером) своего банковского счёта/карты/цифрового кошелька для транзита или обналичивания похищенных средств в целях содействия сокрытию их происхождения (типичная «прослойка» в схемах хищения и отмывания)) как отдельное преступление. Теперь предоставление клиентом банка своих электронных средств платежа или доступа к ним третьим лицам за вознаграждение квалифицируется по ч. 3 ст. 187 УК РФ, а осуществление самим клиентом по указанию другого лица неправомερных операций с использованием своего счёта или карты – по ч. 4 ст. 187 УК РФ. Обе эти нормы предусматривают наказание вплоть до 3 лет лишения свободы. Более строгая ответственность устанавливается для случаев, когда операции совершает или реквизи́ты передаёт не клиент, а постороннее лицо, не являющееся стороной договора с банком (т.е. когда фактически используются чужие счёта и карты). За приобретение или сбыт электронных средств платежа и данных к ним из корыстной заинтересованности (ч. 5 ст. 187 УК РФ) и за непосредственное совершение неправомερной платёжной операции чужим средством платежа (ч. 6 ст. 187 УК РФ) максимальное наказание повышено до 6 лет лишения свободы. Штрафные санкции при этом достигают до 500 тыс. руб. по ч. 5 ст. 187 УК РФ, до 1 млн руб. по ч. 6 ст. 187 УК РФ, что отражает повышенную общественную опасность подобных деяний. Предусмотрено и дополнительное наказание в виде ограничения свободы до 2 лет (по ч. 6 ст. 187 УК РФ). Следует отметить, что законодатель дифференцировал ответственность в зависимости от роли дроппера: клиенты банков (ч.ч. 3, 4 ст. 187 УК РФ) наказываются менее строго, тогда как организаторы и профессиональные скупщики чужих реквизи́тов (ч.ч. 5, 6 ст. 187 УК РФ) – строже, вплоть до лишения свободы на срок до шести лет.

Нововведения 2025 года получили положительную оценку как своевременный ответ на всплеск кибермошенничеств и связанных с ними операций по «обналичиванию» средств. По словам Председателя Государственной Думы В. Володина, ранее подобные действия выпадали из поля зрения УК РФ, а новый закон позволит существенно ограничить возможности преступников по выводу похищенных денег и лучше защитить граждан от онлайн-мошенников, действующих через сети соучастников [5]. Масштаб проблемы к тому времени был чрезвычайно велик: по сведениям Банка России, к 2024 г. в стране было выявлено свыше 1,2 млн физических лиц, чьи банковские карты использовались в сомнительных операциях – всех их регулятор внёс в специальную базу данных «дропперов». Ежемесячно выявляются десятки тысяч новых таких клиентов

банков. Около 10 млн россиян в 2024 г. переводили деньги на «дропперские» счёта, становясь жертвами мошеннических схем [6]. Эти цифры свидетельствуют о том, что дропперство превратилось в массовое явление, питающее теневую экономику. Предусматривая уголовную ответственность за его организацию и участие, законодатель фактически создал инструмент прямого воздействия на инфраструктуру отмывания денег.

Наряду с репрессивными мерами введён и стимул к сотрудничеству со следствием: в соответствии с примечанием 4 к ст. 187 УК РФ, от ответственности может быть освобожден клиент оператора по переводу денежных средств, впервые совершивший преступление по ч. 3 или ч. 4 ст. 187 УК РФ, если он активно способствовал раскрытию и/или расследованию преступления, а также добровольно сообщил сведения о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа. Эта норма призвана разорвать цепочку соучастников и поднять эффективность расследований, побуждая мелких исполнителей (дропперов) выдавать организаторов. Первые итоги применения новелл демонстрируют и профилактический эффект: как отметил представитель ЦБ РФ Б. Шаблий, уже к концу 2025 г. количество мошенников, использующих банковские карты для операций с краденными средствами, снизилось в три раза по сравнению с предыдущим годом. Одновременно аферисты начали менять тактику, стараясь распределять операции между счётами в десятках разных банков, чтобы затруднить контроль [2]. Это говорит о том, что преступный мир чувствительно отреагировал на ужесточение законодательства.

Однако новые положения породили и практические сложности. Теперь для привлечения лица к ответственности как дроппера необходимо доказать, что он действовал с умыслом, понимая противоправный характер операций. Распространённая линия защиты – утверждение о неведении: некоторые обвиняемые заявляют, что предоставили карту по просьбе знакомых, не осознавая преступного замысла. В таких случаях правоохранители тщательно проверяют переписку, переговоры, характер транзакций. Суды уже сталкиваются с делами, где необходимо отличить умышленный дроппинг от казуса – ситуации, когда человек стал пособником преступления поневоле [1]. В этой связи актуально развитие разъяснений судебной практики. Не исключено, что в ближайшее время Верховный Суд Российской Федерации примет специальное постановление Пленума, посвящённое преступлениям в сфере оборота средств платежей, где, помимо

прочего, определит критерии привлечения к ответственности дропперов и случаи, исключающие уголовный характер деяния (например, если лицо само стало жертвой обмана со стороны мошенников и не имело намерения содействовать преступлению). Также назрела необходимость разъяснить соотношение новых частей ст. 187 УК РФ с составами соучастия в мошенничестве и легализации: возможно, ДЕЙСТВИЯ дроппера следует квалифицировать только по ст. 187 УК РФ, без дополнительного вменения пособничества в мошенничестве, хотя на практике пока встречаются разные подходы.

В целом, преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ, занимает промежуточное положение между преступлениями против собственности (хищения) и преступлениями в сфере экономики (незаконная банковская деятельность, отмывание денег). Нередко одно и то же деяние квалифицируется по-разному. Например, изготовление поддельной банковской карты одновременно содержит признаки приготовления к хищению денежных средств и собственно незаконного оборота средств платежа. Судебная практика выработала правило приоритетов: если деяние связано с хищением, то действия злоумышленников квалифицируются по совокупности преступлений – по ст. 187 УК РФ (как подготовительные действия) и соответствующей статье о преступлении против собственности (ст.ст. 158, 159 УК РФ и др.), либо, в ряде случаев, только как оконченное хищение при поглощении предварительных действий.

Тем не менее, трудности возникают с квалификацией мошенничества с использованием электронных средств платежа. В УК РФ уже имеются специальные нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) и о неправомерном использовании электронных средств платежа (ст. 187 УК РФ). В научной литературе отмечались негативные тенденции раздвоения правовой оценки таких деяний [9, с. 13]. До 2025 г. часто дропперов привлекали именно как пособников мошенничества, хотя, по сути, их роль ближе к сокрытию денег (что тяготеет к составу легализации).

Введение ч. 3 в ст. 187 УК РФ устраняет необходимость прибегать к «обходным» квалификациям, однако требует от органов следствия верного выбора основного состава. Представляется, что при краже или обманном завладении денежными средствами основной состав – это кража либо мошенничество, а использование платежных инструментов должно оцениваться как способ совершения преступления либо дополнительный состав, если это предусмотрено законом.

В противоположность этому, когда имеет место незаконное обналичивание уже похищенных другими лицами денег, действия дроппера логично охватывать только составом ч. 3 ст. 187 УК РФ как самостоятельным преступлением, служащим инструментом отмывания доходов; а иных лиц – по совокупности с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. Такой подход отчасти поддерживается и в научной литературе, поскольку фактически ст. 187 УК РФ стала важным инструментом противодействия незаконному обналичиванию денежных средств и должна применяться именно в этих ситуациях [7, с. 100]. Соответственно, разграничение должно идти по объектному признаку: когда посягают на собственность конкретного потерпевшего (кража с карты, мошенничество через электронный перевод), ст. 187 УК РФ дополняет или дает возможность превалировать норме о хищениях; когда же причиняется вред экономическому порядку (теневой оборот денег, маскировка их происхождения), ст. 187 УК РФ выступает как основная норма. Для закрепления такого понимания целесообразно отразить его в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации либо в ведомственных методических рекомендациях для следственных органов.

Проведенный анализ показывает, что ст. 187 УК РФ в её текущей редакции стала более комплексно охватывать разнообразные формы преступного обращения платёжных средств. В то же время закон остается довольно громоздким и казуистичным: фактически под единым названием объединены несколько различных составов – от изготовления поддельных платёжных карточек до получения наличных с чужого счёта. Возможно, имеет смысл структурное перераспределение материала Особенной части УК РФ в отношении обозначенных сходных составов. Например, высказано мнение, что введение новых частей было продиктовано стремлением усилить борьбу с незаконным обналичиванием денег [11, с. 89], то есть, по существу, с легализацией доходов, маскируемой под платёжные операции. Не исключено, что такие деяния логичнее было бы инкриминировать по ст. 174.1 УК РФ, дополнив её указанием на использование чужих счетов и средств платежа.

Альтернативный путь – сохранить текущую конструкцию, но обеспечить её разъяснение и корректировку. В частности, в Примечаниях к ст. 187 УК РФ представляется целесообразным легально закрепить термин «фиктивное средство платежа» либо иное понятие, охватывающее случаи противоправного использования легального инструмента, чтобы устранить семантическую путаницу с термином «подделка».

Наконец, важным направлением совершенствования является повышение правовой грамотности и профилактика. Как показывают эпизоды привлечения к ответственности дропперов [10], значительная часть из них – молодые люди (преимущественно в возрасте 18-24 лет либо 30-39 лет), имеющие среднее или среднее профессиональное образование (нередко – студенты или иные лица, не имеющие постоянного источника дохода), иногда случайно вовлечённые в схемы обналичивания. Государству следует активно информировать население об уголовно-правовых рисках участия в сомнительных финансовых операциях. Уже сейчас Банк России разрабатывает методики выявления подозрительных транзакций и блокировки счетов дропперов, однако это скорее реактивная мера. Профилактика же заключается в том, чтобы потенциальные «жертвы вербовки» осознавали: передача своей карты или счёта – не безобидная услуга, а преступление, влекущее наступление уголовной ответственности. Включение соответствующих разъяснений в образовательные программы вузов, посвященные кибербезопасности и противодействию преступлениям в сфере экономической деятельности, проведение информационных кампаний – необходимые шаги, дополняющие собственно уголовно-правовые средства борьбы с неправомерным оборотом средств платежей.

Подводя итог, представляется целесообразным отметить, что изменения, внесённые в ст. 187 УК РФ в последние годы, отражают стремление законодателя адекватно отвечать на вызовы цифровой экономики и противодействовать новым способам финансовых преступлений.

Поправками 2015 г. был расширен перечень охраняемых объектов, что позволило охватить уголовной ответственностью деяния с использованием электронных платёжных инструментов и высокотехнологичных средств совершения переводов. В результате к 2020-м гг. сформировалась судебная практика, показавшая эффективность нормы, но одновременно выявившая и проблемные вопросы – прежде всего, касающиеся предмета преступления и разграничения смежных составов.

Поправки 2025 г. внесли качественно новый элемент, криминализовав посреднические услуги дропперов. Это нововведение обладает несомненной актуальностью и закрывает брешь в ответственности за распространённые мошеннические схемы, что подтверждается статистикой и первыми результатами применения – количество таких преступлений уже уменьшается. Одновременно новые составы потребовали тонкой настройки правоприменения, чтобы отделять собственно умышленные преступные действия от

поведения добросовестных участников экономического оборота.

В качестве путей совершенствования законодательства и практики можно рекомендовать следующее.

Во-первых, следует уточнить терминологию в диспозиции ч. 1 ст. 187 УК РФ: определить в уголовном законе понятие поддельного (фиктивного) средства платежа, а при необходимости разграничить ответственность за подделку платёжных инструментов и их неправомерное использование по аналогии со ст. 327 УК РФ.

Во-вторых, необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по применению ст. 187 УК РФ, особенно в части квалификации в случаях совокупности с мошенничеством и отмыванием денег, а также критерии привлечения к ответственности дропперов (с учётом субъективной стороны и осведомленности лица).

В-третьих, важно продолжить мониторинг технологических тенденций – возможно, уже в ближайшей перспективе потребуются изменения в ст. 187 УК РФ, связанные с оборотом криптовалют и иных новых платёжных средств.

В-четвёртых, следует сочетать репрессивные меры с профилактическими:

- информировать население о наказуемости неправомерных операций с платёжными средствами;
- укреплять сотрудничество банков и правоохранительных органов в выявлении подозрительных транзакций.

Комплексный подход позволит повысить эффективность уголовно-правовой защиты в сфере оборота средств платежей, минимизировать противоречия правоприменения и обеспечить охрану экономических интересов граждан и государства в условиях цифровой финансовой системы.

Список литературы:

- [1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2025 № 66-УДП25-11-К8 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=852728#l0pAg8VE4SzOFdDR> (дата обращения: 22.03.2026)
- [2] Коммерсантъ: Дропперы «собирают» в базе. О чем говорит представленная ЦБ статистика // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8077243> (дата обращения: 22.03.2026)
- [3] Малыгин К. В. Способы подделки средств платежей // *Ex jure*. 2021. № 1. С. 171-180.
- [4] Мухин А. И. Развитие правового регулирования расчетных правоотношений в безналичной форме // *Юридическая наука*. 2023. № 7. С. 45-50.

[5] Право.ру: ГД одобрила закон об уголовной ответственности для дропперов // URL: <https://pravo.ru/news/259193/> (дата обращения: 08.04..2026)

[6] РБК: ЦБ оценил, сколько россиян переводили деньги на карты теневого бизнеса // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/25/12/2024/676b060c9a794776b243e16c> (дата обращения: 22.03.2026)

[7] Розовская Т. И., Куликов Р. С., Грезин А. С. Неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ) как инструмент легализации преступных доходов: особенности уголовно-правового противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4 (56). С. 99-104.

[8] Сачихин А. В. Проблемы расширенного толкования предмета преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов VII международной научно-практической конференции. Пермь, 2020. С. 110-113.

[9] Сидоренко Э. Л. Борьба с дропперством: ключевые задачи уголовной политики и вопросы квалификации деяний // Мировой судья. 2025. № 12. С. 8-17.

[10] Судебный департамент при Верховном Суде РФ: данные судебной статистики // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 22.03.2026)

[11] Чернышев Д. Б. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 3 (49), т. 13. С. 87-92.

[12] Forbes: ЦБ назвал число переводивших деньги дропперам россиян // URL: <https://www.forbes.ru/finansy/527950-cb-nazval-cislo-perevodivshih-den-gi-dropperam-rossian> (дата обращения: 09.04.2026)

References:

[1] Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.04.2025 No. 66-UDP25-11-K8// URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=852728#l0pAg-8VE4SzOFdDR> (date of appeal: 22.03.2026)

[2] Kommersant: Droppers are “collected” in the database. What is the statistics presented by the Central Bank//URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8077243> (date of reference: 22.03.2026)

[3] K. Malygin Methods of counterfeiting means of payment//Ex jure. 2021. № 1. S. 171-180.

[4] A. I. Mukhin Development of legal regulation of settlement legal relations in non-cash form//Legal science. 2023. № 7. S. 45-50.

[5] Право.ру: the State Duma approved the law on criminal liability for droppers//URL: <https://pravo.ru/news/259193/> (date of appeal: 08.04.. 2026)

[6] RBC: The Central Bank estimated how many Russians transferred money to shadow business cards//Access mode: <https://www.rbc.ru/finances/25/12/2024/676b060c9a794776b243e16c> (accessed on: 22.03.2026)

[7] Rozovskaya T.I., Kulikov R.S., Grezin A.S. Illegal circulation of means of payment (Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation) as an instrument of money laundering: features of criminal law counteraction//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (56). S. 99-104.

[8] A. Sachikhin Problems of extended interpretation of the subject of the crime under Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation//Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials of the VII international scientific and practical conference. Perm, 2020. S. 110-113.

[9] E. L. Sidorenko Fight against droppery: key tasks of criminal policy and issues of qualification of acts//Magistrate. 2025. № 12. S. 8-17.

[10] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: data of judicial statistics//URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79> (date of appeal: 22.03.2026)

[11] D. Chernyshev On the subject of a crime under Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (49), vol. 13. S. 87-92.

[12] Forbes: the Central Bank named the number of Russians who transferred money to droppers// URL: <https://www.forbes.ru/finansy/527950-cb-nazval-cislo-perevodivshih-den-gi-dropperam-rossian> (date of appeal: 09.04.2026)

ГОЛОУХОВ Алексей Андреевич,
студент специалитета 5 курс по направлению
«Судебная и прокурорская деятельность»,
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: goloukhov2003@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДИПФЕЙК-ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Распространение технологий генеративного синтеза аудиовизуальных материалов, получивших обобщающее наименование «дипфейки», породило класс общественно опасных деяний, специфика которых не получила отражения в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации. В статье уточняется понятие дипфейка как синтетического контента, имитирующего идентифицируемое лицо с такой достоверностью, при которой средний наблюдатель не способен распознать подделку, и обосновывается, что общественная опасность подобных деяний обладает самостоятельным качеством, не сводимым к опасности базовых преступлений: она подрывает доверие к биометрическим идентификаторам, порождает асимметрию между затратами на изготовление и опровержение, сочетает массовость с правдоподобием. Далее анализируются применимые составы Особенной части УК РФ (клевета, нарушение неприкосновенности частной жизни, мошенничество, вымогательство, оборот материалов с изображением несовершеннолетних) и показывается, что они оставляют без охраны распространение сфабрикованных интимных изображений совершеннолетних. На основе сравнительно-правового исследования (ФРГ, Республика Корея, Великобритания, Австралия, США, КНР, Европейский союз) выявляются три модели криминализации. Сформулированы предложения *de lege ferenda*: дополнение ст. 128.1, 159, 163 УК РФ квалифицирующим признаком использования программно-аппаратных средств синтеза биометрических идентификаторов и введение ст. 137.1 УК РФ об ответственности за изготовление и распространение сфабрикованных интимных изображений идентифицируемого лица; предложения соотносены с внесёнными в Государственную Думу законопроектами.

Ключевые слова: дипфейк; криминализация; синтетические медиа; квалифицирующий признак; биометрические идентификаторы; неприкосновенность частной жизни; *de lege ferenda*.

GOLOUKHOV Aleksey Andreevich
5th-year Specialist Degree Student Field of Study:
Judicial and Prosecutorial Activity Kutafin Moscow
State Law University (MSAL)

CRIMINAL-LAW COUNTERACTION OF DEEPFAKE-RELATED CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The rapid proliferation of generative synthesis technologies for audiovisual materials, commonly referred to as deepfakes, has produced a distinct category of socially dangerous acts whose specificity is not reflected in the current criminal legislation of the Russian Federation. The article first clarifies the notion of a deepfake as synthetic content imitating an identifiable person with a degree of verisimilitude that precludes recognition by an average observer without technical means, and substantiates that the social danger of such acts possesses an autonomous quality irreducible to the danger of the underlying offences: it undermines trust in biometric identifiers, generates an asymmetry between the cost of fabrication and the cost of refutation, and combines mass dissemination with persuasive plausibility. The author then examines the applicable offences of the Special Part of the Russian Criminal Code (defamation, invasion of privacy, fraud, extortion, dissemination of materials depicting minors) and demonstrates that they reflect deepfake-related

acts only fragmentarily and leave the dissemination of fabricated intimate images of adults without protection. On the basis of a comparative study covering Germany, the Republic of Korea, the United Kingdom, Australia, the United States, China and the European Union, three models of criminalisation are identified. The article concludes with proposals de lege ferenda: supplementing Articles 128.1, 159 and 163 of the Criminal Code with an aggravating element reflecting the use of hardware and software tools for synthesising biometric identifiers, and introducing a new Article 137.1 establishing liability for the production and dissemination of fabricated intimate images of an identifiable person. The proposals are correlated with the draft laws pending before the State Duma.

Key words: *deepfake; criminalisation; synthetic media; aggravating element; biometric identifiers; privacy; de lege ferenda.*

Введение

Распространение технологий генеративного синтеза аудиовизуальных материалов, получивших обобщающее наименование «дипфейки», породило класс общественно опасных деяний, специфика которых не получила отражения в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации. По данным Росфинмониторинга, количество зафиксированных инцидентов с использованием дипфейков за I квартал 2025 г. превысило показатель за весь 2024 г. примерно на 19 процентов, а число случаев мошенничества с применением цифровой копии голоса возросло многократно [1]. Параллельной угрозой выступает распространение сфабрикованных интимных изображений идентифицируемых лиц без их согласия. Реакцией зарубежных законодателей стало принятие в 2023–2025 гг. специальных уголовно-правовых норм.

Общая теория противодействия преступлениям в информационной сфере разработана Е. А. Русскевичем [2], проблематика искусственного интеллекта в уголовном праве — А. А. Бимбиновым [3], охрана информационной безопасности личности — М. А. Ефремовой [4]. Вместе с тем системное исследование уголовно-правового противодействия дипфейк-преступлениям с разработкой конкретных предложений *de lege ferenda* в отечественной науке отсутствует.

Цель исследования — выявление системного характера пробела в уголовно-правовой охране и формулирование предложений по совершенствованию УК РФ; применены формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Принципиальная посылка работы: квалифицирующий признак использования технологий синтеза необходим не для восполнения пробела, поскольку соответствующие деяния охватываются действующими составами, а для отражения типового повышения общественной опасности, обусловленного способом совершения преступления; пробел в собственном смысле охватывает лишь распространение сфабрикованных интимных изображений совершеннолетних потерпевших и восполняется самостоятельным составом.

1. Дипфейки как предмет уголовно-правового исследования

Термин «дипфейк» (от англ. *deep learning* и *fake*) обозначает синтетические аудиовизуальные материалы, созданные с использованием технологий машинного обучения и имитирующие проявления конкретного идентифицируемого лица со степенью достоверности, при которой средний наблюдатель не способен отличить их от подлинной фиксации без специальных технических средств [2, с. 14]. Предметом исследования выступают только материалы, имитирующие реальных идентифицируемых лиц, поскольку именно они порождают специфическое посягательство на охраняемые блага. Российское законодательство нормативного определения дипфейка не содержит; зарубежные дефиниции (Регламент ЕС 2024/1689, Положения КНР об управлении услугами глубинного синтеза 2022 г.) строятся на признаках искусственного происхождения контента и его способности ввести в заблуждение относительно подлинности.

Типология противоправного использования синтетических медиа включает имущественные деяния (хищение посредством обмана с использованием клонированного голоса или сфабрикованного видеообращения, вымогательство под угрозой распространения компрометирующих материалов), деяния против чести и достоинства, а также наиболее общественно опасную группу — изготовление и распространение без согласия лица сфабрикованных интимных изображений идентифицируемого лица и сексуализированных синтетических изображений несовершеннолетних.

Общественная опасность дипфейк-деяний обладает качественными особенностями, образующими самостоятельное основание для постановки вопроса о специальной охране. Во-первых, подрыв доверия к биометрическим идентификаторам (голосу, лицу, манере речи) как носителям достоверной информации: технологии синтеза девальвируют их верификационную функцию, и подлинная фиксация ставится под сомнение наравне с фальсифицированной [4, с. 53]. Во-вто-

рых, асимметрия затрат: производство правдоподобного дипфейка доступно широкому кругу лиц, тогда как опровержение требует специальных познаний и не достигает сопоставимого охвата. В-третьих, сочетание массовости распространения с правдоподобием контента: материал за несколько часов получает многомиллионную аудиторию и воспринимается как первичная фиксация. В-четвёртых, эффект цифрового воскрешения — возможность создания материалов с участием умерших лиц — порождает не решённые законом вопросы охраны их достоинства [5, с. 117]. Совокупность названных особенностей свидетельствует о том, что опасность дипфейк-преступлений не сводится к сумме опасности деяний, инструментом совершения которых выступает синтетический контент, и образует самостоятельное качество.

2. Современное состояние уголовно-правовой охраны

Действующий закон специальных норм не содержит, и правоприменение обращается к существующим составам. Применимость ст. 128.1 УК РФ формально сомнений не вызывает: синтетический материал заведомо ложен. Однако доктринальная трактовка «сведений» формировалась применительно к вербальным формам [6, с. 84], тогда как дипфейк причиняет вред иначе: он имитирует документальную фиксацию и создаёт иллюзию верифицированного факта, что составы ст. 128.1 не отражают.

Применение ст. 137 УК РФ обнажает доктринальный парадокс: предметом охраны выступают сведения о частной жизни, тогда как синтетический контент по природе ложен. Формально-догматическая позиция исключает квалификацию ввиду отсутствия подлинности сведений [7, с. 112]; функционально-телеологическая исходит из того, что охраняемым благом является сфера частной жизни как таковая [8, с. 29]. Ни одна из позиций не преодолевает пробел, поскольку норма исторически ориентирована на охрану от разглашения подлинных тайн. Неприменима и ст. 138.1 УК РФ: средства синтеза не предназначены для негласного получения информации, а создают новый контент.

Хищение с использованием клонированного голоса охватывается ст. 159 УК РФ; квалификация по ст. 159.6 исключается, когда обман направлен на физическое лицо, поскольку её диспозиция предполагает вмешательство в функционирование средств обработки компьютерной информации [9, с. 156]. Применение ст. 163 УК РФ к шантажу сфабрированными изображениями опирается на позицию, согласно которой критерием позорящего характера сведений выступает

не их истинность, а способность дискредитировать потерпевшего. И здесь способ совершения, повышающий убедительность обмана либо угрозы, самостоятельной оценки в санкции не получает.

Создание контента, имитирующего изображения несовершеннолетних, образует объективную сторону ст. 242.1 УК РФ независимо от реального участия несовершеннолетнего [10, с. 38]. Принципиально иной является ситуация с распространением сфабрикованных интимных изображений совершеннолетних: такой контент, как правило, не отвечает пониманию порнографии и не охватывается ст. 137 УК РФ. Этот пробел не может быть восполнен расширительным толкованием без нарушения принципа правовой определённости, недопустимость чего подчёркивает Конституционный Суд РФ [11]. Иные применимые составы (ст. 207.3, 280.3, 282, 303, 306, 307, 272, 273, 272.1 УК РФ) охватывают дипфейк лишь как способ совершения деяния, не отражая его специфики. Таким образом, действующая система отражает рассматриваемые деяния фрагментарно: не учитывает типового повышения опасности, обусловленного способом, и оставляет без охраны распространение сфабрикованных интимных изображений совершеннолетних потерпевших, что требует законодательного решения.

3. Зарубежный опыт

Сравнительно-правовой анализ обнаруживает три модели криминализации. Первая основывается на универсальном квалифицирующем признаке использования технологий синтеза в существующих составах и отражает экономию уголовной репрессии. Вторая состоит в специальном составе о незаконном создании и распространении сфабрикованных материалов (ФРГ — проектируемый § 201b StGB до пяти лет лишения свободы; Республика Корея — до семи лет, с криминализацией хранения и просмотра; Великобритания и Австралия — поэтапная криминализация создания и распространения синтетических интимных изображений без согласия; США — TAKE IT DOWN Act 2025 г. с обязанностью платформ удалять контент) [12; 13]. Третья — регуляторно-уголовный гибрид (КНР, Регламент ЕС 2024/1689): обязанности маркировки и идентификации дополняются уголовными санкциями за наиболее опасные деяния. Универсальный признак согласуется с экономией репрессии, но не охватывает деяний, в которых способ порождает самостоятельный объект охраны; специальный состав обеспечивает полную защиту, но требует строгого определения предмета; гибридная модель предполагает развитую систему админи-

стративного контроля, формирование которой в России находится на начальной стадии. Изложенное обосновывает комбинированный подход.

4. Направления совершенствования уголовного законодательства

Предлагаемые решения отвечают принципам криминализации (Н. Ф. Кузнецова, школа А. И. Коробеева): общественной опасности, типичности, относительной распространённости, процессуальной фиксируемости и экономии репрессии [14; 15]. Общественная опасность обоснована выше; типичность подтверждается устойчивой группой способов; распространённость — данными о росте инцидентов; процессуальная фиксируемость повышена развитием методик судебной экспертизы синтетических медиа [16, с. 91].

Первое предложение — дополнение ст. 128.1, 159, 163 УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием программно-аппаратных средств синтеза изображения, голоса или иных биометрических идентификаторов». Признак вводится не для восполнения пробела, а для отражения в дифференциации ответственности типового и существенного повышения общественной опасности: имитация документальной фиксации придаёт обману, угрозе и порочащим сведениям убедительность, недостижимую традиционными средствами. Формулировка через категорию биометрических идентификаторов согласована с понятийным аппаратом Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ и сохраняет технологическую нейтральность. Дополнение ст. 137 УК РФ аналогичным признаком нецелесообразно ввиду указанного доктринального парадокса; пробел в этой части восполняется самостоятельным составом.

Второе предложение — введение ст. 137.1 УК РФ об ответственности за незаконное изготовление в целях распространения и (или) распространение посредством программно-аппаратных средств синтеза изображения, имитирующего обнажённое или иное интимное состояние идентифицируемого лица либо сексуальные действия с его участием, совершённые без специального согласия лица на содержание соответствующего характера; наказание по основному составу — до трёх лет лишения свободы, по квалифицированному (публично, в том числе через сеть, либо в отношении двух и более лиц) — до пяти лет, по особо квалифицированному (в отношении несовершеннолетнего) — до восьми лет. Конструкция специального согласия исключает распространительное толкование. Разграничение со ст. 242.1 УК РФ проводится по объекту: ст. 137.1 защищает достоинство и интимную сферу идентифицируемого лица, ст. 242.1 — нравствен-

ное развитие детей; при наличии признаков обоих составов применяются правила совокупности. Размещение нормы в главе 19 УК РФ обеспечивает системную согласованность и соседство со ст. 137.

Сформулированные предложения следует соотнести с внесёнными в Государственную Думу инициативами (законопроекты № 718538-8, № 885494-8, № 1133088-8) [17]. Законопроект № 718538-8 предусматривает дополнение ст. 128.1, 158, 159, 159.6, 163, 165 УК РФ признаком использования изображения или голоса (в том числе искусственно созданных); в отзыве Правительства РФ указано на отсутствие отраслевой дефиниции и недостаточную обоснованность повышенной опасности. Законопроект № 885494-8 ограничивается дополнением перечняотягчающих обстоятельств (ст. 63 УК РФ). Настоящие предложения отличаются: формулировка опирается на понятийный аппарат Закона № 572-ФЗ (что снимает замечание об отсутствии дефиниции); перечень дополняемых составов ограничен теми, где способ типично повышает опасность (кража исключена); обоснование строится не на восполнении пробела, а на повышенной опасности способа, тогда как путьотягчающего обстоятельства недостаточен, поскольку не изменяет пределов санкции. Наконец, ни одна из инициатив не предусматривает специального состава для сфабрикованных интимных изображений, образующего ядро настоящих предложений.

Распределение ответственности подчинено принципу вины (ст. 5 УК РФ): разработчик базовой модели, не охватывающий умыслом конкретные деяния, ответственности не подлежит; лицо, дообучившее модель и предоставившее её для совершения преступления, отвечает как пособник либо подстрекатель (ч. 4, 5 ст. 33 УК РФ); конечный пользователь выступает исполнителем. Криминализация и обязательная маркировка контента, созданного искусственным интеллектом, взаимодополняют друг друга.

Заключение

Исследование подтвердило системный характер фрагментарности действующей охраны: общественная опасность дипфейк-преступлений образует самостоятельное качество, применимые составы не отражают типового повышения опасности, обусловленного способом совершения, а распространение сфабрикованных интимных изображений совершеннолетних потерпевших остаётся вне охраны. Предложено комбинированное реагирование: дополнение ст. 128.1, 159, 163 УК РФ квалифицирующим признаком использования средств синтеза биометрических

идентификаторов и введение ст. 137.1 УК РФ с трёхчастной конструкцией состава и размещением в главе 19. Дальнейшей разработки требуют процессуально-криминалистические аспекты доказывания, соотношение уголовно-правовых и регуляторных средств охраны и уголовно-правовой статус разработчиков генеративных моделей.

Список литературы:

[1] Голосовое клонирование — король атак: по сообщению о выступлении статс-секретаря — заместителя директора Росфинмониторинга на V Всероссийских академических слушаниях (МГИМО МИД России, март 2026 г.) // Право в России. URL: <https://lawinrussia.ru/golosovoe-klonirovanie-korol-atak-ekspert-rasskazala-o-strashnoj-ugroze-dipfejkov/> (дата обращения: 03.05.2026).

[2] Русскевич Е. А. Уголовное право и информатизация : монография. М. : Проспект, 2023. 320 с.

[3] Бимбинов А. А. Преступления, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта: проблемы квалификации // Уголовное право. 2024. № 3. С. 5–14.

[4] Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности личности в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 48–56.

[5] Серебренникова А. В. Цифровое посмертие и уголовно-правовая охрана достоинства умерших: постановка проблемы // Государство и право. 2025. № 2. С. 112–122.

[6] Лопашенко Н. А. Преступления против личности : учебно-практическое пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрлитинформ, 2023. 412 с.

[7] Кибальник А. Г. Неприкосновенность частной жизни и её уголовно-правовая охрана в цифровую эпоху // Уголовное право. 2024. № 6. С. 108–117.

[8] Дворецкий М. Ю. Информационные технологии и охрана сферы частной жизни в уголовном праве // Lex russica. 2025. № 1. С. 24–35.

[9] Чупрова А. Ю. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы доктрины и практики. М. : Юрлитинформ, 2023. 248 с.

[10] Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 32–44.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

[12] Teichmann F. Strafrechtlicher Persönlichkeitsschutz vor Deepfakes // KriPoZ —

Kriminalpolitische Zeitschrift. 2025. № 6. S. 376–388.

[13] Park J. South Korea Confronts a Deepfake Crisis: Legislative Reform and Its Limits // East Asia Forum. 2024. November 19.

[14] Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность: избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 834 с.

[15] Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. 1 : Преступление и наказание. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. 1133 с.

[16] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза синтетических медиа: проблемы методологии // Вестник криминалистики. 2024. № 4. С. 87–96.

[17] Паспорта законопроектов № 718538-8, № 885494-8, № 1133088-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 09.06.2026).

References:

[1] Voice cloning is the king of attacks: according to the report on the speech of the State Secretary - Deputy Director of Rosfinmonitoring at the V All-Russian Academic Hearings (MGIMO MFA of Russia, March 2026)//Law in Russia. URL: <https://lawinrussia.ru/golosovoe-klonirovanie-korol-atak-ekspert-rasskazala-o-strashnoj-ugroze-dipfejkov/> (дата обращения: 03.05.2026).

[2] Russkevich E. A. Criminal law and informatization: monograph. M.: Prospect, 2023. 320 s.

[3] Bimbinov A. A. Crimes committed using artificial intelligence technologies: qualification problems//Criminal law. 2024. № 3. S. 5-14.

[4] Efremova M. A. Criminal law protection of personal information security in the context of the development of artificial intelligence technologies// Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4. S. 48-56.

[5] Serebrennikova A. V. Digital postmortem and criminal law protection of the dignity of the dead: posing a problem//State and law. 2025. № 2. S. 112-122.

[6] Lopashenko N. A. Crimes against the person: a teaching and practical guide. 3rd ed., Revised and add. M.: Yurlitinform, 2023. 412 s.

[7] Kibalnik A. G. Privacy and its criminal law protection in the digital age//Criminal law. 2024. № 6. S. 108-117.

[8] Butler M. Yu. Information technology and protection of privacy in criminal law//Lex russica. 2025. № 1. S. 24-35.

[9] Chuprova A. Yu. Computer information fraud: problems of doctrine and practice. M.: Yurlitinform, 2023. 248 pp.

[10] Pudovochkin Yu. E. Criminal legal protection of minors in the context of digitalization//Journal of Russian Law. 2024. № 9. S. 32-44.

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2008 No. 8-P//Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. № 24. Art. 2892.

[12] Teichmann F. Strafrechtlicher Persönlichkeitsschutz vor Deepfakes // KriPoZ — Kriminalpolitische Zeitschrift. 2025. № 6. S. 376–388.

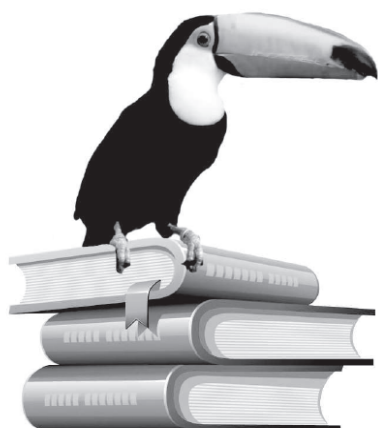
[13] Park J. South Korea Confronts a Deepfake Crisis: Legislative Reform and Its Limits // East Asia Forum. 2024. November 19.

[14] Kuznetsova N.F. Crime and crime: selected works. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. 834 pp.

[15] Full course of criminal law: in 5 tons/ed. A.I. Korobeeva. T. 1: Crime and punishment. St. Petersburg: Legal Center Press, 2008. 1133 pp.

[16] Rossinskaya E.R. Forensic examination of synthetic media: problems of methodology//Bulletin of Criminalistics. 2024. № 4. S. 87-96.

[17] Passports of bills No. 718538-8, No. 885494-8, No. 1133088-8//SOZD GAS "Lawmaking." URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (access date: 09.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ДИКУСАР Яна Сергеевна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
им. М.И. Ковалева УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева,
e-mail: mail@law-books.ru

ГРАНИЦЫ ОБЪЕКТА, ПРЕДМЕТА И ПОТЕРПЕВШЕГО В «ИНФОРМАЦИОННЫХ» СОСТАВАХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ СТ.207.3 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются спорные вопросы понимания объекта, предмета и потерпевшего состава преступления, предусмотренного ст.207.3 УК РФ. Анализируется судебная практика, позиции ученых и Верховного Суда РФ по данному вопросу. Рассматриваются различные подходы в понимании термина «достоверности сообщений».

Ключевые слова: вооруженные силы РФ, заведомо ложные сведения, объект, предмет, потерпевший, безопасность, преступление.

DIKUSAR Yana Sergeevna,
Ph.D., Associate Professor of the Department of Criminal Law
named after M.I. Kovalev Ural State University named after V.F. Yakovlev

BOUNDARIES OF THE OBJECT, SUBJECT AND VICTIM IN THE “INFORMATION” COMPOSITIONS OF THE CRIMINAL LAW: LEGISLATIVE STRUCTURE OF THE ST.207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article deals with controversial issues of understanding the object, subject and victim of the crime provided for in article.207.3 CCRF. The article analyzes the judicial practice, the positions of scientists and the Supreme Court of the Russian Federation on this issue. Various approaches are considered in the understanding of the term “reliability of messages”.

Key words: armed forces of the Russian Federation, knowingly false information, object, object, victim, security, crime.

В условиях масштабных геополитических и информационных вызовов закон призван защищать интересы государства и граждан от фейков, способных дестабилизировать обстановку или подорвать доверие к официальным институтам. Распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил РФ в ходе проведения специальной военной операции является одной из актуальных проблем для Российской Федерации. Совершение данного деяния несет реальную угрозу не только общественной безопасности посредством распространения паники среди населения, неповиновения граждан государственной власти, но и безопасности государства в целом, путем склонения мирового сообщества против Российской Федерации, а также ослабление позиций страны на международной арене. Большой проблемой является то, что в настоящий момент нет официальных разъяснений высших судебных инстанций

относительно правил применения ст. 207.3 УК РФ, а также в связи со сравнительно недавним появлением данной статьи в Уголовном Кодексе РФ, правоприменительная практика сформировалась еще в недостаточной мере, что значительно снижает эффективность борьбы с распространением такого рода информации.

В качестве обязательных признаков в данном составе преступления присутствует предмет и потерпевший. Предметом преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ является заведомо ложная информация, под видом достоверных сообщений об:

1. использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;
2. исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами РФ в аналогичных целях;

3. оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии.

Раскроем понятийный аппарат предмета преступления, предусмотренного ст.207.3 УК РФ.

Заведомо ложная информация под видом достоверных сообщений об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Верховный Суд РФ разъяснил, что заведомо ложной является такая информация «(сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему» [1]. Это могут быть сведения о продвижении формирований Вооруженных Сил РФ и организаций, данные о используемой военной технике, потере личного состава и т.п.

Обязательным для привлечения к уголовной ответственности по ст. 207.3 УК РФ является тот факт, что распространяемая информация должна иметь вид достоверных сообщений. Для признания данной информации таковой необходимы основания для восприятия ее в качестве заслуживающей доверия. На это могут указывать «формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям» [1]. Ряд авторов - Кибальник А.Г., Пичугин С.А., считают, что такие сведения могут распространяться от имени государственных органов, официальных представителей органов государственной власти [2]. Так, например, для признания того факта, что информация имела вид достоверных сообщений, необходимо ее противоречие содержанию официальной позиции Министерства Обороны РФ. При отсутствии официальных разъяснений Верховного Суда РФ на тему того, что понимается под распространяемой информацией под видом достоверных сообщений применительно к ст.207.3 УК РФ, на наш взгляд, следует понимать: распространяемая информация под видом достоверных сообщений - сведения, сообщения, данные, которые распространены различными формами и способами от имени государственных органов лицом, совершающем преступление, и которые противоречат официальной позиции Министерства Обороны РФ.

Возникает вопрос о соотношении понятий: «заведомо ложная информация» и «информация под видом достоверных сообщений». Заведомо ложная информация изначально не соответствует действительности, о чем при распростра-

нении информации лицо осведомлено. Таким образом, распространяя ложную информацию, лицо в этом убеждено. Но для распространения ложной информации необходимо знать информацию, которая соответствует действительности. Соответственно, при распространении недостоверных сведений, лицо и так рассчитывает на то, чтобы информация возымела эффект правдивости для тех, кто ее воспринимает. Указание в ст. 207.3 УК РФ на такой признак предмета как «вид достоверных сообщений» распространяемой информации является излишним, так как обнародование таких сообщений является способом передачи заведомо ложной информации.

В судебной практике есть пример, когда информация распространялась до того, как была опубликована официальная позиция Министерства обороны Российской Федерации. Так в приговоре Московского районного суда г. Нижнего Новгорода от 30 июня 2023 г. по делу №1-196/2023 суд указал, что квалификация деяния лица, данная в ходе предварительного следствия являлась излишней [3]. Из обвинения была исключена информация, касающаяся размещения ссылки на видеозапись под названием «Буча. Спецоперация по уничтожению мирных жителей. (18+) (English subs)/». Согласно протоколу осмотра телефона лица и персонального компьютера, данная ссылка была размещена до официального опровержения информации органами государственной власти РФ. К тому же, согласно показаниям подсудимого, в момент опубликования ссылки на видеоролик, никакой информации о событиях в городе Буча не было. Показания подсудимого стороной обвинения не были опровергнуты. Так как также не был доказан умысел лица на распространение заведомо ложной информации в этой части, то судом были исключены указанные обстоятельства из объема предъявленного обвинения.

В соответствии с положениями ст. 10 Федерального закона от 31.05.1996 N 61-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «Об обороне» [4] Вооруженные Силы Российской Федерации являются государственной военной организацией, составляющей основу обороны Российской Федерации. Вооруженные Силы Российской Федерации предназначены для отражения агрессии, направленной против Российской Федерации, для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также могут использоваться и за пределами территории Российской Федерации для решения следующих задач: отражение вооруженного нападения на формирования Вооруженных Сил Российской Федерации, другие войска или органы, дислоцированные за пределами территории Российской Федерации; отражение или предотвращение вооруженного

нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой; защита граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них; борьба с пиратством и обеспечение безопасности судоходства. С момента начала специальной военной операции на Украине Вооруженные Силы в полной мере выполняют задачи, возложенные на них законом, по вооруженной защите целостности и неприкосновенности территории РФ, защите граждан РФ от вооруженного нападения на них.

Вторая группа сведений, относящаяся к предмету ст.207.3 УК РФ – это заведомо ложная информация под видом достоверных сообщений об исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами РФ в аналогичных целях.

В ст. 207.3 УК РФ также говорится о «об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях». Обращаясь к положениям ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 N 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» [5], можно понять, что в ст. 207.3 УК РФ речь также идет о дипломатической службе, которая связана с профессиональной служебной деятельностью граждан Российской Федерации на должностях федеральной государственной гражданской службы в центральном аппарате Министерства иностранных дел Российской Федерации, дипломатических представительствах и консульских учреждениях Российской Федерации, представительствах Российской Федерации при международных организациях, связанная с обеспечением исполнения полномочий Российской Федерации в сфере международных отношений. В общем виде о реализации таких полномочий в сфере международных отношений говорится в ст. 25 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [6], которая содержит информацию об обеспечении представительства РФ в иностранных государствах и международных организациях, защите граждан РФ за пределами ее территории, оказания поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности. То есть в данном случае речь идет о распространении заведомо ложной информации в отношении дипломатических, консульских представительств за пределами РФ при осуществлении ими вышеуказанных полномочий,

а также представительств МВД России за рубежом, которые осуществляют деятельность, направленную на повышение эффективности взаимодействия МВД России с компетентными органами иностранных государств и международными организациями в сфере противодействия транснациональной преступности, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции [7].

Третий предмет преступления: заведомо ложная информация под видом достоверных сообщений об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии.

Положения Федерального закона от 31.05.1996 N 61-ФЗ «Об обороне» [5] позволяют понять, что понимается под добровольческими формированиями и иными организациями. В ст. 22.1 указанного закона говорится о том, что добровольческие формирования могут создаваться Министерством обороны Российской Федерации, которое же определяет вопросы их деятельности, исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации. Статья 17 закона разъясняет, что другие войска, воинские формирования и органы участвуют совместно с Вооруженными Силами Российской Федерации в отражении агрессии против Российской Федерации, организуют подготовку к совместным с Вооруженными Силами Российской Федерации действиям в целях обороны, выполняют иные задачи в области обороны. Соответственно, в широком смысле под добровольческим формированиями, организациями и лицами, оказывающими содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, понимаются, предусмотренные законом организации, формирования и лица в них входящие, которые обеспечивают решение воинских задач с целью защиты интересов Российской Федерации, ее населения и поддержания международного мира и безопасности. Добровольческие формирования могут быть отграничены от организаций лишь на основании того признака, что они создаются Министерством Обороны РФ. Организации могут создаваться как иными органами государства, так и являться негосударственными коммерческими организациями, оказывающими специализированные военные услуги, непосредственно связанными с ведением боевых действий, сторонам вооруженного конфликта, которые зарегистрированы в установленном законом порядке, имеющими лицензию на оказание военных услуг. В качестве примеров

формирований и организаций могут быть приведены добровольческие батальоны России, как территориальное формирование, так и различные региональные формирования. К военизированным формированиям также могут быть отнесены пограничные войска ФСБ, войска гражданской обороны и другие.

Под войсками национальной гвардии в ст. 1 Федерального закона от 03.07.2016 N 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [9] понимается государственная военная организация, предназначенная для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. На войска национальной гвардии возложены несколько иные задачи: участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, участие в территориальной обороне Российской Федерации, оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации.

Таким образом, добровольческие формирования, организации, лица оказывающие, содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, войска национальной гвардии различны по их конструктивным признакам, но во многом имеют общие боевые задачи, направленные на обеспечение военной безопасности Российской Федерации, отражения вооруженного нападения на Российскую Федерацию и ее союзников, участие во внутренних вооруженных конфликтах.

В судебной практике имеется пример распространения заведомо ложной информации о войсках национальной гвардии. По приговору Абаканского городского суда Республики Хакасия от 7 сентября 2023 года по делу №1-298/2023 было установлено, что Афанасьев М.В., будучи журналистом, опубликовал в сети «Интернет» под видом достоверной информации статью, которая содержала ложную информацию об отказе 11 бойцов ОМОНа Росгвардии по Республике Хакасия участвовать в специальной военной операции на Украине, а также информацию о недостаточном обеспечении сотрудников Росгвардии различными видами довольствия перед проведением специальной военной операции, о количестве раненных, погибших, взятых в плен и пропавших без вести на территории Украины бойцов ОМОНа [10]. Позиция стороны защиты по данному делу заключалась в том, что на момент публикации материала ОМОН еще не входил в структуру Росгвардии, сотрудники еще не являлись военнослужащими, что не соответствует действительности. Но на момент публикации Афанасьевым М.В. материала, ст. 207.3 УК РФ не содержала никаких положений относительно

войск национальной гвардии, а Росгвардия же не входит в структуру Вооруженных Сил РФ, поэтому на тот момент времени привлечь Афанасьева М.В. к уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации о Вооруженных Силах РФ было нельзя.

Определение потерпевшего в ст. 207.3 УК РФ является достаточно дискуссионным. С одной стороны, наличие потерпевшего необходимо для существования самого состава преступления, так как при совершении преступного деяния должен причиняться ущерб кому-либо, но с другой стороны в понятие «потерпевший от преступления» может не быть включено какое-либо конкретное лицо или организация. Так в ст. 207.3 УК РФ потерпевший может определяться достаточно широко. Распространение заведомо ложных сведений наносит ущерб общественной безопасности, государственным органам, Вооруженным Силам РФ, формированиям и организациям, в отношении которых распространены данные сведения. Поэтому потерпевшим от преступления можно считать все российское общество, Вооруженные Силы РФ, государственные органы, организации, формирования, войска национальной гвардии в зависимости от конкретных обстоятельств дела, так как деяние способно сломить моральный дух россиян, снизить авторитет указанных органов и организаций.

Необходимо признать, что преступление, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ, является сложным многообъектным. При определении основного непосредственного объекта точки зрения многих ученых во многом совпадают. Так, Пичугин С.А. полагает, что основным непосредственным объектом является «общественная безопасность в сфере распространения достоверной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, а также деятельности государственных органов РФ, добровольческих формирований, организаций и лиц в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» [3]. Кравченко Д.С., Олейникова Е.А., Плотникова К.Б. определяют в качестве основного непосредственного объекта «совокупность общественных отношений, обеспечивающие общественную безопасность в сфере распространения достоверной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, исполнении полномочий государственными органами РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» [11]. Указанные точки зрения имеют право на существование, но определяемый авторами основной непосредственный объект не является, на наш взгляд, достоверно сформулированным в соответствии с диспозицией ст. 207.3 УК РФ.

Наиболее полно основной объект в соответствии с диспозицией ч.1 ст. 207.3 УК РФ, должен выглядеть как совокупность общественных отношений, обеспечивающие общественную безопасность в сфере распространения достоверной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, а также деятельности государственных органов РФ, добровольческих формирований, организаций и лиц содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. В данном определении, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, затрагиваются все общественные отношения, которым может быть нанесен вред, в рамках деяния, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ. Стоит отметить, что под угрозу причинения вреда ставится именно общественная безопасность, так как целью распространения дезинформации является стимулирование протестных настроений граждан как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами, способное пошатнуть общественное спокойствие и доверие к российским силовым структурам.

В качестве дополнительного объекта можно выделить — права и свободы граждан, авторитет Вооруженных Сил РФ, государственных органов, исполняющих полномочия за пределами РФ, добровольческих формирований, организаций и лиц, оказывающих содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска национальной гвардии, к факультативному объекту отнесены некоторые другие общественные отношения. Существует точка зрения, что преступление наносит ущерб именно государственной безопасности и потому должно содержаться в главе 29 УК РФ [12].

Отчасти это действительно так, и в самом обобщенном виде можно выделить такой дополнительный объект как государственная безопасность. Но главный смысл совершения анализируемого преступления заключается в деморализации российского общества, чем причиняется, прежде всего, ущерб общественной безопасности. Поэтому ст. 207.3 УК РФ обоснованно размещена в главе 24 УК РФ.

Таким образом, предмет и потерпевший сформулированы также достаточно объемно. В качестве предмета выступает прежде всего подлинная информация об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномо-

чий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации. Указанные органы главным образом нацелены на выполнение боевых задач. Указание в ч. 1 ст. 207.3 УК РФ на государственные органы, осуществляющие свои полномочия за пределами РФ представляется излишним, так как они выполняют прежде всего дипломатические и консульские функции, а не связаны с обеспечением обороны страны. Включение данной информации в статью несколько сужает область применения уголовно-правовой нормы.

Таким образом, для квалификации деяния по ст. 207.3 УК РФ, необходимо учитывать, что распространяемая информация имела форму утверждения о фактах или событиях, которых в действительности быть не могло, поскольку только выраженная в данной форме информация может быть проверена на соответствие ее позиции официальных источников, при этом конструкции по типу «я считаю», «по-моему мнению», не являются утвердительными, что исключает уголовную ответственность по ст. 207.3 УК РФ. Кроме того, составообразующий способ совершения данного деяния, указывает на то, что оно может быть совершено только путем публичного распространения информации, то есть донесена информация должна быть до сведения минимум двух лиц. При этом публичный характер распространения проявляется в различных способах.

Список литературы:

- [1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6. <https://www.vsr.ru/files/29182/>
- [2] Кибальник, А. Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую статью УК [Текст] / А. Г. Кибальник // Уголовный процесс. – 2022. – № 5. – С. 62–69
- [3] Пичугин С.А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ: Вопросы регламентации и правоприменения. Legal Bulletin. 2023. Т.8. № 3. С. 58.
- [4] Приговор Московского районного суда г. Нижнего Новгорода от 30 июня 2023 г. по делу №1-196/2023 https://moskovsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=97598920&case_uid=340efbb4-351a-4a8b-b709-7ae33a1fc373&delo_id=1540006&new=
- [5] Федеральный закон от 31.05.1996 N 61-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «Об обороне». Опубликован 04.05.2023 в Российской газете <https://rg.ru/documents/2023/05/04/vyplaty.html>

[6] Федеральный закон от 27.07.2010 N 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации». Опубликован 29.07.2010 в Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102140455

[7] Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 N 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». Опубликован 09.11.2020 в Российской газете <https://rg.ru/documents/2020/11/09/pravitelstvo-dok.html>

[8] Указ Президента РФ от 21.12.2017 N 612 «О представительствах и представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285775/

[9] Федеральный закон от 03.07.2016 N 226-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). Опубликован 06.07.2016 в Российской газете <https://rg.ru/documents/2016/07/06/gvardia-dok.html>

[10] Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия по уголовному делу №1-298/2023 от 7 сентября 2023 г./ Уникальный идентификатор дела: 19RS0001-01-2022-000729-02

[11] Кравченко Д.С., Олейникова Е.А., Плотникова К.Б. Регламентация уголовной ответственности, за преступное деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ. Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2024. С. 165.

[12] Родионов А.И. Уголовно правовая характеристика публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами своих полномочий. Вестник Югорского Государственного Университета. 2022 г. Выпуск 4 (67). С.35

References:

[1] Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2020. № 6. <https://www.vsr.ru/files/29182/>

[2] Kibalnik, A. G. Criminal liability for the public dissemination of fakes about the use of the Armed Forces of the Russian Federation. How to apply the new article of the Criminal Code [Text]/A. G. Kibalnik//Criminal process. – 2022. – № 5. - С. 62-69

[3] S.A. Pichugin. Criminal liability for an act provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of

the Russian Federation: Issues of regulation and law enforcement. Legal Bulletin. 2023. T.8. № 3. S. 58.

[4] Verdict of the Moscow District Court of Nizhny Novgorod dated June 30, 2023 in case No. 1-196/2023 [https://moskovsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-case&case_id=97598920&case_uid=340efbb4-351a-4a8b-b709-7ae33a1fc373&delo_id=1540006&new =](https://moskovsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-case&case_id=97598920&case_uid=340efbb4-351a-4a8b-b709-7ae33a1fc373&delo_id=1540006&new=)

[5] Federal Law of 31.05.1996 N 61-FZ (as amended by 26.02.2024) “ On Defense.” Published 04.05.2023 in the Russian newspaper <https://rg.ru/documents/2023/05/04/vyplaty.html>

[6] Federal Law of 27.07.2010 N 205-FZ “On the peculiarities of the passage of the federal state civil service in the system of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.” Published 29.07.2010 in the Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=8&nd=102140455

[7] Federal Constitutional Law of 06.11.2020 N 4-FKZ “On the Government of the Russian Federation.” Published 09.11.2020 in the Russian newspaper <https://rg.ru/documents/2020/11/09/pravitelstvo-dok.html>

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 612 “On Representations and Representatives of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Abroad https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285775/”

[9] Federal Law of 03.07.2016 N 226-FZ (as amended by 08.08.2024) “ On the Troops of the National Guard of the Russian Federation” (amended and supplemented, entry by virtue of 01.09.2024). Published 06.07.2016 in the Russian newspaper <https://rg.ru/documents/2016/07/06/gvardia-dok.html>

[10] Verdict of the Abakan City Court of the Republic of Khakassia in criminal case No. 1-298/2023 of September 7, 2023/Unique identifier of the case: 19RS0001-01-2022-000729-02

[11] Kravchenko D.S., Oleinikova E.A., Plotnikova K.B. Regulation of criminal liability for a criminal act provided for in Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. New science: history of formation, current state, development prospects. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference. Sterlitamak, 2024. S. 165.

[12] Rodionov A.I. Criminal legal characterization of the public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the exercise by state bodies of their powers. Bulletin of Ugra State University. 2022 Issue 4 (67). S.35

АБДУЛАТИПОВ Абдулатип Магомедзагидович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского государственного
университета,
e-mail: abdulatipowabdulatip@yandex.ru

УРУМОВ Аскер Валерьевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: urumov07@rambler.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 205.2 УК РФ

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена ростом общественной опасности деяний, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ и проблемами, возникающими при их квалификации. Вследствие этого представители органов правосудия в процессе правоприменения нередко сталкиваются с определенными трудностями, обусловленными нечётким определением в законодательстве основных признаков понятий «терроризм», «террористическая деятельность» и отграничением состава рассматриваемого деяния от сходных преступлений. Ввиду сказанного целью данной статьи является выявление и решение существующих проблем оптимизации рассматриваемого деяния с учетом современных потребностей правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, публичные призывы, оправдание, пропаганда.

ABDULATIPOV Abdulatip Magomedzagidovich,
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Criminal Law and Criminology
Department of the Law Institute of Dagestan State University

URUMOV Asker Valerievich,
Candidate of Law Sciences,
Deputy Head of the Department of Special Disciplines
North Caucasus Advanced Training Institute (branch)
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DISCUSSION ON THE QUALIFICATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 205.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The relevance of this study is due to the growing public danger of the acts provided for in Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and the problems that arise in their qualification. As a result, representatives of the judicial system often face certain difficulties in the process of law enforcement, which are caused by the unclear definition of the main features of the concepts of «terrorism» and «terrorist activity» in the legislation, as well as the differentiation of the composition of the act under consideration from similar crimes. In light of this, the purpose of this article is to identify and solve the existing problems of optimizing the act under consideration, taking into account the current needs of law enforcement.

Key words: terrorism, terrorist activities, public appeals, justification, and propaganda.

Введение. Ввиду трансформации общественно-политического уклада и социально-экономического положения, а также вследствие стремительной эволюции информационно-телекоммуникационных технологий, интенсификации процессов глобальной цифровизации и масштабной имплементации систем искусственного интеллекта террористическая угроза в Российской Федерации на протяжении последних десятилетий претерпела качественную метаморфозу, приобретая деструктивные формы повышенной опасности. Ситуация усугубляется и тем, что спецслужбы враждебных иностранных государств развернули на территории Российской Федерации масштабную диверсионно-террористическую деятельность, в том числе с использованием вооруженных сил Украины. При этом спектр указанной деятельности не ограничивается исключительно физическими способами воздействия (взрывы, поджоги и аналогичные деструктивные действия), а включает в себя также информационно-психологическое влияние на российских граждан и пропаганду идеологии терроризма, реализуемую посредством различных коммуникационных каналов. Данный тезис подтверждается многочисленными фактами дистанционной (бесконтактной) вербовки соотечественников через сеть Интернет для последующего совершения ими преступлений террористической направленности.

Необходимо отметить, что в настоящее время разного рода призывы к осуществлению террористической деятельности, распространение материалов и информации, оправдывающих и поддерживающих её, приобрели крайне опасный характер. Терроризм стал источником стратегической угрозы внутренней стабильности и внешней безопасности Российской Федерации и его регионов, особенно тех, которые расположены на приграничной территории с Украиной.

Одним из основных условий снижения социальной напряжённости в обществе и определения степени защищенности личности, общества и государства от общественно-опасных посягательств на определённый момент исторического развития, является криминализация факторов, обуславливающих такое состояние в социуме.

Материалы и методы. Эмпирической и информационной основой настоящего исследования являются положения российского законодательства, международно-правовые акты в сфере противодействия терроризму, судебная практика, а также массив статистических данных и выводы предшествующих научных изысканий. Достижение репрезентативности результатов обеспечено за счет комплексного применения

общенаучных методов: сравнительно-правового анализа, синтеза, дедуктивных и индуктивных умозаключений.

Содержание исследования. В рамках реализации государственной уголовной политики по противодействию терроризму Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ дополнил УК РФ статьей 205.2, установив уголовное наказание за ряд вербальных действий террористического характера [9]. При этом законодатель связывает общественную опасность таких вербальных действий с природой самих речевых действий, целевыми установками субъекта, а также спецификой психического восприятия им таких действий. Кроме того, было учтено возможное воздействие таких вербальных террористических действий, как публичное подстрекательство, публичный призыв и публичное оправдание терроризма не только на отдельные личности, но и на неопределённое число потенциальных жертв внешнего негативного информационного воздействия. По своей сущности составы таких преступлений представляют собой виды речевого манипулирования, совершаемые с целью создания у потенциальных жертв манипуляции устойчивых однозначных взглядов, убеждений, стереотипов позитивного восприятия идеологии экстремизма и его крайней формы - терроризма, а также формирования у них готовности реализовать свои убеждения уже в физических действиях террористического характера. Особенностью рассматриваемых преступлений является отсутствие контактного воздействия в отношении конкретного человека.

Значимость криминализации таких вербальных действий очевидна, так как подобные составы преступлений обладают признаками двойной превенции и носят упреждающий характер в отношении наиболее опасных террористических и экстремистских проявлений. Через короткий период времени призывы к терроризму, его оправданию и пропаганде могут воплотиться в реальное осуществление особо тяжких преступлений террористической направленности посредством жертв информационного манипулирования. Как и другие статьи уголовного кодекса, устанавливающие ответственность за преступления террористической направленности, рассматриваемая норма также претерпела многочисленные изменения и дополнения с момента её принятия. Наиболее значимые изменения были внесены в 2016-2017 годах.

Следует упомянуть, что статьи 205.1 и 205.2 УК РФ являются конвенциональными нормами, но при имплементации положений, указанных в ст. 205.2 УК РФ, законодателем было допущено

расширение границ требований Конвенции Совета Европы относительно публичных призывов и публичного оправдания терроризма. Как отмечает А.К. Князькина: «Стороны, ратифицирующие Конвенцию Совета Европы, были обязаны криминализировать только одно деяние - публичное подстрекательство к совершению террористического преступления» [4].

В связи с повышенной общественной опасностью деяний, предусмотренных в ст. 205.1 УК РФ и трудностями, возникающими при их квалификации и отграничении состава рассматриваемого деяния от сходных преступлений, вследствие нечёткого отражения в уголовном законе основных понятий, входящих в объективные и субъективные признаки рассматриваемого деяния, представители органов правосудия в процессе правоприменения нередко сталкиваются с рядом дискуссионных моментов, обусловленных нечётким определением в законодательстве признаков основных понятий. Необходимо отметить, что положения ч. 1 ст. 205.2 УК РФ с момента их законодательного закрепления вызывали дискуссию среди учёных-криминологов, многие из которых указывали на их неоднозначность. Особенно это касается ключевых понятий рассматриваемой нормы. Так, А.Г. Кибальник и И.Г. Соломенко отмечают, что существующая формулировка этих положений даёт «возможность политизированной юридической оценки» [3].

Диспозиция ч. 1 ст. 205.2 УК РФ охватывает три альтернативных состава деяния, а именно: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, а также пропаганду терроризма.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности состоят в обращении к неопределённому субъектному составу для побуждения его к осуществлению такой деятельности. Такие обращения осуществляются в устной или письменной форме, с помощью аудио- и видеозаписей, плакатов, транспарантов, через различные виды средств массовой информации, в том числе радио, телевидение, информационно-телекоммуникационные сетевые ресурсы, путём обращений на митингах, собраниях, пикетированиях, шествиях, в публично демонстрируемых произведениях и т.д. При этом такой состав преступления считается оконченным с момента публичного провозглашения хотя бы одного обращения, независимо от реального результата этого обращения. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1, под публичными призывами понимаются любые формы обращений (устные, письменные, с использованием технических средств или инфор-

мационно-телекоммуникационных сетей), направленные на склонение неопределённого круга лиц к осуществлению террористической деятельности [11].

Вместе с тем данный вопрос в юридической литературе рассматривается неоднозначно. Так, В.Л. Кудрявцев не соглашается с мнением И.В. Шевченко, который считает, что «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности могут заключаться в призывах к совершению любого из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, 206, 208, 277-279 и 360 УК РФ» [16, С. 98], а также с мнением А.И. Рарога о том, что это может состоять «в призывах к совершению преступлений террористического характера, предусмотренных ст.ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279, и 360 УК РФ» [6]. При этом В.Л. Кудрявцев указывает, что «вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности (статья 205.2 УК РФ) должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела» [7].

Понятие террористической деятельности определяется в примечании 2 к ст. 285.2 УК РФ, в которой говорится: «В настоящей статье под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 настоящего Кодекса». Такая трактовка данного понятия через перечисление конкретных видов деяний также вызвала дискуссию среди учёных и практических работников, которая была обусловлена противоречием данной нормы положениям, содержащимся в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», включающем в террористическую деятельность следующие деяния: «а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» [12].

В отдельных редких случаях публичные призывы к совершению террористической деятельности могут быть своевременно пресечены в

ходе оперативно-розыскной деятельности на стадии их приготовления, то есть в случаях, когда попытка преступника публично заявлять либо размещать в СМИ или социальных сетях подготовленное обращение предотвращается правоохранительными органами или по другим, независящим от его сознания обстоятельствам. Такие действия образуют покушение на рассматриваемое преступление и квалифицируются по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части статьи УК РФ.

Кроме того, не следует квалифицировать как рассматриваемое преступление публичные действия учёных и политиков, которые в своих суждениях и умозаключениях с целью публичной демонстрации высказывают или излагают факты террористической деятельности при отсутствии цели побудить других людей к совершению террористической деятельности.

Содержательная конструкция деяния, предусматривающего публичное оправдание терроризма, получила легальную дефиницию в примечании 1 ст. 205.2 УК РФ: под ней понимается «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании».

В данном случае спорным является применение термина «терроризм», который не содержится в названии статьи. В данном случае предлагаем считать корректной позицию Д.А. Ковлагиной [5], которая указывает, что с июля 2006 года понятие «терроризм» используется как негативное социальное явление, а не как преступление, предусмотренное в ст. 205 УК РФ, как было до этого времени. С этого момента появилось понятие «преступления террористической направленности», в число которых входит и рассматриваемое нами деяние.

На основе вышеизложенного полагаем целесообразным внести изменение в редакцию примечаний 1 и 1.1 к статье 205.2, заменив дефиницию «терроризм» на понятие «террористическая деятельность». Это обусловлено тем, что терроризм является социально-негативным явлением, а не сугубо уголовно-правовой категорией, а его конкретные виды выступают лишь частными проявлениями данной деятельности. Такой подход также подтверждается п. «е» ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», где оправдание терроризма прямо отнесено к формам террористической деятельности. В то же время указанная дифференциация неприменима к понятиям «экстремизм» и «экстремистская деятельность», которые в силу п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ признаются тождественными. Однако законодатель не поддержал подобное отношение к трактовке понятий «терроризм» и «террористическая деятельность».

В качестве примера в пользу указанных доводов можно привести Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 225-АПУ19-5 [2]. В данном судебном решении указано, что «... действия К., который в конце 2017 г. на персональной странице общего доступа, используя свой смартфон, в социальной сети разместил фото террориста с положительной оценкой его террористической деятельности, то есть совершил такие действия с целью признания идеологии и практики терроризма правильными». Таким образом, в правоприменительной практике при постановлении приговора или вынесении иного судебного акта обычно фигурирует формулировка «оправдание террористической деятельности».

Следующим признаком объективной стороны исследуемого состава преступления выступает пропаганда терроризма. Для разъяснения его смысла законодатель ввёл в ст. 205.2 примечание 1.1 как «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

По смыслу пропаганда терроризма может быть осуществлена также и в форме его оправдания, так как она «направлена на формирование у лица убежденности в привлекательности идеологии терроризма или представления о допустимости осуществления террористической деятельности» [5]. Фактически, в рассматриваемой уголовно-правовой норме законодатель продублировал содержание диспозиции части первой данной нормы. Об этом свидетельствует и правоприменительная практика.

Так, согласно обвинительному приговору Первомайского районного суда г. Кирова № 1-191/2025 от 25 августа 2025 г. (по уголовному делу № 1-191/2025) [14], осужденный Н., выражая негативное отношение к специальной военной операции на Украине, а также к руководителям высших органов государственной власти России, в том числе вооружённым силам Российской Федерации, через мессенджеры «ВКонтакте» и «Фейсбук» сети «Интернет» публично призывал к осуществлению террористической и иной деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, оправданию такой деятельности, а также финансированию ВСУ. При этом осужденный осознавал, что его публичные обращения в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook» были адресованы неопределённому кругу граждан Российской Федерации, содержали призывы к террористической деятельности и иным действиям, посягающим на национальную

безопасность Российской Федерации, а также содержали оправдание указанных деяний. Суд признал в действиях Н. наличие призывов к осуществлению террористической деятельности и её оправдания, что говорит о проблемах в вопросе отграничения составов публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма. В связи с этим возникает необходимость более подробного и качественного судебного толкования данных понятий.

Также определённые затруднения встречаются и при оценке субъективных признаков исследуемого деяния. Так, П.С. Курносова справедливо отмечает: «Обращаясь к анализу состав преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, стоит заметить, что закон не предусматривает в нем наличия обязательных последствий, то есть состав данного преступления является формальным» [8]. Отсюда следует, что вина рассматриваемого деяния может быть только умышленной, при этом умысел – только прямым. Данный вопрос решён законодателем однозначно и не содержит спорные моменты. Вместе с тем дискуссионным является вопрос о цели изучаемого деяния. В частности, П.С. Курносова выражает несогласие с мнением П.В. Агапова, который считает, что «в диспозиции статьи отсутствует указание на тот или иной обязательный мотив и цель, а также поясняет, что они могут быть учтены лишь при назначении наказания» [1, С. 4].

Полагаем, что такая позиция П.С. Курносовой является вполне состоятельной. Интерпретируя положения примечаний 1 и 1.1 к ст. 205.2 УК РФ в контексте разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, она акцентирует внимание на целеполагании деяния. В качестве таковых целей выступают: склонение субъекта к террористической деятельности, формирование у него идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности или готовности к ее осуществлению. По объективным признакам данного деяния можно понимать, что усилия и воля субъекта направлены именно на достижение конечного результата в виде перечисленных целей. Следовательно, перечисленные в диспозиции ст. 205.2 УК РФ цели деяний выступают в качестве конститутивных признаков субъективной стороны состава преступления, в связи с чем их установление имеет определяющее значение для правильной правовой квалификации содеянного.

Необходимо также отметить, что в последние годы общественная опасность рассматриваемых преступлений многократно возрастает, что связано с деструктивной деятельностью спецслужб враждебных нам иностранных государств. Этому способствует и использование террори-

стическими структурами возможностей стремительно развивающихся информационно-телекоммуникационные технологии.

Наглядно это можно продемонстрировать на примере данных уголовной статистики числа лиц, осужденных за совершение исследуемого преступления за последние пять лет, размещённой на сайте Судебного Департамента Верховного Суда Российской Федерации [15]. Так, в 2020 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ было осуждено 147 лиц, из них по ч. 1 – 36 человек, по ч. 2 – 111 человек. В 2021 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ осуждено 199 лиц, из них по ч. 1 – 29 человек, по ч. 2 – 170 человек. В 2022 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ осуждено 274 лиц, из них по ч. 1 – 41 человек, по ч. 2 – 233 человека. В 2023 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ осуждено 281 человек, из них по ч. 1 – 24 человека, по ч. 2 – 257 человека. В 2024 году за совершение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ осуждено 410 виновных лиц, из них по ч. 1 – 42 человека, по ч. 2 – 368 человек.

Анализ статистических данных показывает стабильный рост общего количества осужденных за совершение исследуемого преступления за рассматриваемый период времени за счёт активности виновных лиц в информационно-телекоммуникационных и электронных сетях. Если общее число осужденных по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ в рассматриваемый период демонстрирует относительную стабильность (незначительные флуктуации), то число осужденных за совершение данных преступлений с использованием сети «Интернет», электронных ресурсов и средств массовой информации, показывает устойчивый рост подобных преступлений. Только по сравнению с 2023 годом в 2024 году количество осужденных по данной статье лиц возросло на 111 человек или примерно в полтора раза (257/368).

Как известно, уголовная политика государства строится на выявлении девиативного поведения граждан, причиняющего вред охраняемым законом благам. По рассматриваемой проблематике в юридической литературе отмечается также отсутствие единых критериев межотраслевой дифференциации юридической ответственности [5]. В связи с отсутствием в настоящее время чётких легитимных критериев межотраслевой дифференциации юридической ответственности в юридической деятельности нередко возникают проблемы, связанные с отнесением определённых видов общественно опасных деяний к категории уголовно или административно-наказуемых.

Так, Федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 116-ФЗ дополнил статью 13.15 КоАП РФ частью 6, установив, в том числе административную ответственность для юридических лиц за «производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности» [10]. Ввиду того, что действующая редакция ч. 6 ст. 13.15 КоАП РФ не устанавливает ответственности для должностных лиц, считаем целесообразным дополнить её санкцию наложением административного штрафа на должностных лиц в размере от ста тысяч до трёхсот тысяч рублей. Вместе с тем и в уголовном законе также отсутствует уголовная ответственность для должностных лиц за совершение подобных деяний. В связи с этим полагаем целесообразным дополнить статью 205.2 УК РФ квалифицирующими признаками в существующей норме.

Указанные новеллы необходимы, так как предоставление другим лицам соответствующим должностным лицом возможности на неоднократное производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, представляет повышенную общественную опасность и подлежит криминализации. Предложенное дополнение в уголовный закон обусловлено отсутствием в объективных признаках состава преступления, закреплённых в диспозиции ч. 2 данной нормы, указания на такое противоправное поведение специального субъекта, как производство и выпуск такой продукции в средствах массовой информации.

Как известно, ст. 205.2 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за существенное злоупотребление при использовании конституционного права граждан на свободу слова и распространение информации, которое в момент совершения содержало все объективные и субъективные признаки состава данного преступления. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации поддержал сложившуюся в судебной и следственной практике позицию в оценке таких продолжаемых либо длящихся деяний с момента, когда они ещё не были криминализованы, до момента их выявления (когда уже они были криминализованы) как единого оконченного деяния [13]. Считаем такую позицию суда спорной с учётом принципа обратной силы уголовного закона.

Также присутствуют спорные моменты среди учёных при отграничении исследуемого состава преступления от сходных составов. При разграничении рассматриваемого деяния и публичных призывов к совершению экстремист-

ской деятельности (ст. 280 УК РФ) применяется правило конкуренции общей и специальной норм. Если при этом виновное лицо также призывает и к экстремистской деятельности, то оценка осуществляется по их совокупности. Публичные призывы к террористической деятельности отличаются от подобных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ) по объекту посягательства и содержанию призывов.

Наиболее сложным является отграничение исследуемого состава преступления от возбуждения ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ). При этом необходимо обратить внимание на объект посягательства и наличие мотивов, указанных в данной норме, при которых действия, направленные на оправдание терроризма, необходимо квалифицировать по ст. 282 УК РФ. В правоприменительной практике нередко встречаются ошибки, обусловленные с неправильным толкованием объективных и субъективных признаков сравниваемых преступлений.

Показательным является решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, которым был изменён приговор Дальневосточного окружного военного суда от 23 января 2018 г. в отношении осуждённого М. Вышестоящая инстанция переквалифицировала его действия с ч. 1 ст. 205.2 УК РФ на совокупность преступлений по ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ. Первоначально следствие вменяло М. обе эти статьи в связи с публикациями на странице «ВКонтакте», где он пропагандировал деятельность международной террористической организации «ИГИЛ», формировал у пользователей идеологию терроризма и одновременно допускал высказывания, разжигающие религиозную рознь. Однако суд первой инстанции счёл доказательства по «экстремистской» статье недостаточными, исключил её, квалифицировав все действия как единое продолжаемое преступление с единым умыслом на оправдание терроризма. Вместе с тем Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, изучив материалы уголовного дела, пришла к выводу, что окружным военным судом не обращено внимание на отличие в объектах ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ, которым для первого преступления является общественная безопасность, а для второго - государственная безопасность (основы конституционного строя, конституционные права и свободы граждан). Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации указала на то, что окружной суд не обратил внимание на слияние объектов деяний, предусмотренных в ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ, которые не подпадают

под правило общей и специальной норм, в связи с чем совершенное осужденным деяние является двухобъектным. Это и послужило основанием для квалификации совершённых осужденным М. деяний по совокупности ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Заключение. Подводя итог, следует сформулировать следующие выводы.

1. Замена дефиниции «терроризм» на «террористическая деятельность» в примечаниях к ст. 205.2 УК РФ позволит:
 - устранить терминологическую неточность, приведет УК РФ в соответствие с логикой ФЗ «О противодействии терроризму», где оправдание терроризма является формой террористической деятельности;
 - обеспечит четкое различие между терроризмом как социальным явлением и террористической деятельностью как комплексом уголовно наказуемых деяний, избегая смешения этих категорий, которое не допускается законодателем.
2. Предложение о внесении изменений в КоАП РФ и УК РФ в части установления ответственности должностных лиц СМИ за производство и выпуск продукции с террористическими призывами полностью коррелирует с принципом юридической ответственности за деяния, совершаемые с использованием служебного положения, а также позволит судам более справедливо назначать наказание с учетом статуса нарушителя и роли в совершении деяния.
3. Предложенная в исследовании совокупность нормативных новелл и практических ориентиров призвана обеспечить разрешение дискуссионных вопросов квалификации составов ст. 205.1 УК РФ, соотносясь с потребностями современной правоприменительной практики в контексте противодействия рассматриваемым общественно-опасным деяниям.

Список литературы:

[1] Агапов П.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4-6.

[2] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 225-АПУ19-5 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=615284#wlo1aNVMl563MkKx> (дата обращения 26.05.2026 г.).

[3] Кибальник А.Г., Соломенко И.Г. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 14-16.

[4] Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // Lex Russica. 2015. № 9. С. 73-86.

[5] Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 5. С. 153-159.

[6] Комментарий к статье 205.2 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Рарог. - М.: Издательство «Проспект», 2022. – 992 с.

[7] Кудрявцев В.Л. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»: некоторые вопросы теории и практики // Таможенные чтения – 2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Том II. / Под общ. ред. А.Н. Мячина. - СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2012. С. 104-112.

[8] Курносоева П.С. Проблемы субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 205.2 УК РФ // Молодой ученый. 2022. № 44 (439). С. 151-152. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/439/95897> (дата обращения: 26.05.2026).

[9] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=421027&dst=100001#iOhNZNVG14rnh2a3> (дата обращения 26.05.2026 г.).

[10] О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 116-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=178861&dst=100001#36lHaNVqanT2bCHI1> (дата обращения: 26.05.2026).

[11] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление

Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=206888&dst=100001#K5XjZNVK2QQVC5PO1> (дата обращения 26.05.2026 г.).

[12] О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2026 г. № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534997&dst=100001#4mOrZNVKbv21fsU> (дата обращения 26.05.2026 г.).

[13] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ю.П. Седых-Бондаренко на нарушение его конституционных прав положениями статей 4, 6, 12 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2001 г. № 241-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=12#LeZNaNVQVI6mijl11> (дата обращения: 26.05.2026).

[14] Приговор Первомайского районного суда г. Кирова (Кировская область) № 1-191/2025 от 25 августа 2025 г. (по уголовному делу № 1-191/2025) // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/mdl8sOC2RWgZ/> (дата обращения 26.05.2026 г.).

[15] Судебная статистика Российской Федерации // Официальный сайт «Агентства правовой информации». Режим доступа: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 26.05.2026).

[16] Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. – 175 с.

References:

[1] Agapov P.V. Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism: analysis of legislative innovation//Criminal law. 2007. № 1. S. 4-6.

[2] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Military Personnel of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 16, 2020 No. 225-APU19-5 [Electronic Resource]//SPS “Consultant-Plus.” Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=615284#wlo1aNVMI563MkKx> (accessed 26.05.2026).

[3] Kibalnik A.G., Solomenko I.G. Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism//Legality. 2007. № 2. S. 14-16.

[4] Knyazkina A.K. International Treaty as the basis for the criminalization of acts//Lex Russica. 2015. № 9. S. 73-86.

[5] D.A. Kovlagina. Actual problems of qualification and application of Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation//Gaps in Russian legislation. 2020. № 5. S. 153-159.

[6] Commentary on Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation//Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation/Rev. ed. A.I. Rarog. - M.: Prospekt Publishing House, 2022. - 992 s.

[7] Kudryavtsev V.L. The objective side of the crime under Art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation “Public calls for terrorist activities or public justification of terrorism”: some questions of theory and practice//Customs readings - 2012. Russia in a changing world: challenges and opportunities: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Volume II ./Under the general. ed. A.N. Myachina. - St. Petersburg: St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of RTA, 2012. S. 104-112.

[8] Kurnosova P.S. Problems of the subjective side of the crime under Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation//Young scientist. 2022. № 44 (439). S. 151-152. Access mode: <https://moluch.ru/archive/439/95897> (access date: 26.05.2026).

[9] On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law “On Ratification of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism” and the Federal Law “On Countering Terrorism”: Federal Law No. 153-FZ dated July 27, 2006 (as amended 21.12.2021) (with amendments and additions, entry. with the 01.01.2023) of [Electronic Resource]//ConsultantPlus ATP. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=421027&dst=100001#iOhNZN-VG14rnh2a3> (accessed 26.05.2026).

[10] On Amendments to Articles 13.15 and 20.29 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2015 No. 116-FZ [Electronic Resource]//SPS ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=178861&dst=100001#36IHANVqaNT2bCHI1> (access date: 26.05.2026).

[11] On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 No. 1 [Electronic Resource]//SPS “ConsultantPlus.” Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=206888&dst=100001#K5XjZNVK2QQVC5PO1> (accessed 26.05.2026).

[12] On countering terrorism: Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2026 (as amended by 25.05.2026) [Electronic Resource]//SPS ConsultantPlus. Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534997&dst=100001#-4mOrZNVKbv21fksU> (accessed 26.05.2026).

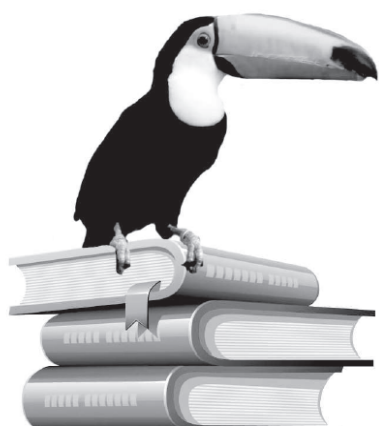
[13] On refusal to consider the complaint of citizen Yu.P. Sedykh-Bondarenko on violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 4, 6, 12 and 14 of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation": Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 15, 2001 No. 241-O [Electronic resource]//SPS "ConsultantPlus." Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534997&dst=100001#-4mOrZNVKbv21fksU>

[ru/cons/cgi/online.cgi? req = doc&base = ARB&n = 12#LeZNaNVQVI6mljl11](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=12#LeZNaNVQVI6mljl11) (accessed on: 26.05.2026).

[14] Verdict of the Pervomaisky District Court of Kirov (Kirov Region) No. 1-191/2025 of August 25, 2025 (in criminal case No. 1-191/2025)/Internet resource "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation." Access mode: <https://sudact.ru/regular/doc/mdl8sOC2RWgZ/> (accessed 26.05.2026).

[15] Judicial statistics of the Russian Federation//Official website of the Legal Information Agency. Access mode: [https:// stat.ани-нрещ.рф/stats/ug/t/14/s/17](https://stat.ани-нрещ.рф/stats/ug/t/14/s/17) (access date: 26.05.2026).

[16] I.V. Shevchenko. Criminal liability for terrorist activities: monograph. M.: Yurlitinform, 2011. - 175 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ФИЛАТОВА Надежда Юрьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
СЗФ РГУП им. В.М. Лебедева,
e-mail: filatova_n_u@bk.ru

«ЗООХОРДИНГ»: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 245 УК РФ К ОТДЕЛЬНЫМ ФОРМАМ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Аннотация. В статье исследуется квалификация зоохординга как жестокого обращения с животными в современном российском праве. Актуальность темы обусловлена ростом числа резонансных случаев массового содержания животных в жилых помещениях, приводящего к их длительным страданиям и санитарным рискам для окружающих. В статье рассматриваются законодательные инициативы, направленные на введение количественных ограничений содержания домашних животных, региональный опыт установления нормативов площади на одно животное, а также американская практика квалификации хординга как самостоятельной формы жестокого обращения. Результаты исследования показывают, что российское законодательство находится на этапе формирования режима обращения с животными, который станет основой для привлечения к ответственности за накопительство. Выявлено, что одних количественных нормативов недостаточно — необходим комплексный подход, включающий учёт и маркирование животных, ветеринарный контроль, а также участие психиатрических и социальных служб.

Ключевые слова: накопительство животных, зоохординг, жестокое обращение с животными, статья 245 УК РФ, ответственное обращение с животными, законопроект.

FILATOVA Nadezhda Yuryevna,
Lecturer at the Department of Criminal Law
of the Northwestern Branch of the Lebedev
Russian State University of Justice

“ANIMAL HOARDING”: PROBLEMS OF APPLYING ARTICLE 245 OF THE CRIMINAL CODE TO CERTAIN FORMS OF ANIMAL CRUELTY

Annotation. This article examines the classification of pet hoarding as animal cruelty in contemporary Russian law. The topic is relevant given the growing number of high-profile cases of mass animal hoarding in residential premises, leading to prolonged suffering and public health risks. The article examines legislative initiatives aimed at introducing quantitative restrictions on pet ownership, regional practices in establishing space standards per animal, and the American practice of classifying pet hoarding as an independent form of cruelty. The study's results demonstrate that Russian legislation is currently developing a regime for the treatment of animals that will serve as the basis for prosecution for hoarding. It is found that quantitative standards alone are insufficient; a comprehensive approach is needed, including animal registration and marking, veterinary monitoring, and the involvement of psychiatric and social services.

Key words: animal hoarding, animal cruelty, Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation, responsible treatment of animals, draft law.

Формы проявления жестокого обращения с животными крайне многообразны. Именно поэтому отечественный законодатель перечень деяний, подпадающих под определение «жестокое обращение», оставил открытым.

Накопительство животных (зоохординг, animal hoarding, «синдром Ноя») – одна из наиме-

нее освященных в юридической литературе форма жестокого обращения с животными. Внешне оно может маскироваться под любовь, заботу, разведение животных, но фактически приводит к длительному страданию животных и серьезным санитарным рискам для окружающих. В России эта проблема пока не выделена в каче-

стве самостоятельного явления, однако уже сейчас может рассматриваться в рамках действующих норм о жестоком обращении с животными, когда стремление «спасти» питомцев трансформируется в нарушение требований к их содержанию и приводит к увечьям, болезням и смерти, а зарубежный (прежде всего, американский) опыт демонстрирует, как подобные случаи квалифицируются и преследуются на практике.

Исследователи отмечают, что накопление животных является одним из крупнейших источников насилия в отношении животных, число жертв среди которых превышает число умышленных актов насилия. Ежегодно власти США выявляют от 700 до 2000 новых случаев накопления животных по всей стране, и в среднем один случай накопления приводит к гибели около 40 животных [1].

В российском федеральном законодательстве содержатся общие меры по сдерживанию феномена накопительства. Так, в статье 13 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не устанавливается жестких цифр, а задается принцип: предельное количество домашних животных в конкретном месте содержания (квартире, доме, вольере) определяется исходя из того, сможет ли владелец обеспечить питомцам условия, соответствующие ветеринарным нормам, и соблюсти санитарно-эпидемиологические правила [2]. Однако, с момента принятия этого нормативного акта в 2018 году по настоящее время происходит ежегодная детализация, «донастройка» его основных положений, касающихся правил обращения с животными, в том числе развитие концепции правовой охраны животных и уголовно-правовой ответственности за жестокое обращение с ними. Появление новых норм, внесение различных изменений в данной сфере – это своеобразный ответ на устойчивый общественный запрос, сформированный резонансными случаями жестокости.

Так, в Государственной Думе РФ находится на рассмотрении законопроект, который включает в повестку идею борьбы с накопительством животных через количественные ограничения и требования к площади жилья [3].

С точки зрения борьбы с «хордингом» законопроект предусматривает несколько кардинальных изменений. Во-первых, он вводит формальный критерий избыточного количества животных (в тексте фигурирует ориентир 1 взрослая кошка или 1 взрослая собака на 18 м²). Сейчас в федеральном законодательстве нет ни одного прямого ограничения по числу питомцев в квартире: ответственность наступает только при наруше-

нии санитарных норм, порядка содержания, причинении вреда людям или животным. Стоит, однако, отметить, что законодательство субъектов Российской Федерации в некоторых случаях содержит конкретные требования к количеству животных, приходящихся на один квадратный метр. Например, в Новосибирской области на каждые 12 м² – не более 1 крупной/средней собаки или 2 мелких собак или 3 кошек [4]; в Республике Башкортостан на каждые 18 м² – 1 крупная/средняя собака или 2 мелкие собаки или 2 кошки [5]. В статье 26 Модельного закона Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «Об обращении с животными» вообще не прописана площадь помещений, а количество животных привязывается к типу жилого помещения и числу нанимателей/собственников.

Во-вторых, законопроект создает основание для первоначального применения мер административной ответственности, поскольку накопительство не всегда содержит признаки жестокого обращения с животными. Такие административные меры могут стать эффективным инструментом ранней профилактики.

Безусловно, меры борьбы с накопительством невозможно представить без четкой регистрации животных-компаньонов. Сейчас в России этот вопрос, в основном, также урегулирован законодательством субъектов, однако периодически на рассмотрение в Государственную Думу вносятся законопроекты, предусматривающие изменения и в этом вопросе. Так, законопроектом № 1026525-8 регламентируется осуществление учета и маркирования домашних животных, посредством внесения информации во ФГИС ВетИС [6].

Отметим, что снижение оценочности важно для квалификации: чем четче закон описывает допустимые и недопустимые условия содержания животных, тем легче следствию и суду установить, нарушены ли эти требования и привели ли нарушения к жестокому обращению. Вместе с тем, сама по себе количественная норма одна собака/кошка на определенное количество метров не решает полностью проблему накопительства животных и требует критического осмысления, поскольку на практике бывают случаи, когда добросовестный владелец может содержать нескольких животных в своей небольшой квартире, полностью обеспечивая им должный уход и наоборот. Таким образом, жесткая привязка только к метражу несет риск формального преследования добросовестных владельцев. Норматив по числу животных должен быть привязан к системе требований к санитарии, ветеринарии и учету животных, включать меха-

низмы взаимодействия с приютами, иначе он рискует остаться «мертвой нормой» или превратиться в источник конфликта с ответственными владельцами.

Этот тезис иллюстрируется примером из судебной практики, когда Дзержинский районный суд Нижнего Тагила, рассмотрев иск в отношении владельца 20 кошек и собак, пришел к выводу, что «само по себе значительное количество проживающих в квартире животных не свидетельствует о нарушении санитарных норм и правил...» [7]. Было установлено, что все животные имеют должный уход, а специалисты Роспотребнадзора и ветеринарной службы в квартире и подъезде не нашли грубых нарушений санитарных правил.

С научной точки зрения рассматриваемые законопроекты демонстрируют важную тенденцию: защита животных от жестокого обращения перестает быть исключительно уголовно-правовым запретом, как это было раньше, и все более опирается на специальный режим обращения и содержания животных. Нарушение такого режима может образовывать состав административного правонарушения, а при наличии определенных последствий (гибель, увечья) и иных признаков формирует состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ.

В настоящее время в России фактически нет уголовных дел по ст. 245 УК РФ, когда причиной жестокости стало накопительство животных, однако проблема существует. Фонд защиты городских животных реализует программу «Стоп хординг», в рамках которой была разработана карта хординга со всеми случаями, произошедшими в Москве с апреля 2025 года. Среди главных проблем называются отсутствие механизмов досудебного изъятия животных из квартиры накопителя, длительность судебных процессов по изъятию животных и острая нехватка мест в городских приютах [8].

Интересен опыт законодательных мер борьбы с зоохордингом в США. В некоторых штатах «animal hoarding» выделено как самостоятельная форма жестокого обращения с животными, в других же квалифицируется как множественные эпизоды жестокого обращения с животными и/или как нарушение санитарных, жилищных и зооветеринарных требований. Среди критериев, которые чаще всего выделяются при описании накопительства, можно представить следующие: содержание большого числа животных, невозможность обеспечить им базовые потребности (пища, вода, ветеринарная помощь, чистота, пространство), отрицание проблемы самим хордером, наличие негативных последствий для животных (болезни, смерть). В качестве примера приведем статью 70/2.10 Главы 510 Свода законов

штата Иллинойс. В ней содержится определение понятия «накопителя животных» — это лицо, которое:

- владеет значительным количеством домашних животных;
- не обеспечивает либо не в состоянии обеспечить исполнение обязанностей, возложенных на него в соответствии с разделом 3 настоящего Свода;
- содержит домашних животных в условиях крайней концентрации;
- не осознает характер условий, в которых содержатся домашние животные, либо проявляет грубую небрежность в отношении создания условий и того неблагоприятного воздействия, которое они оказывают на здоровье и благополучие как домашних животных, так и самого владельца [9].

C. Berry, G. Patronek и R. Lockwood проанализировали 56 уголовных дел, возбужденных в различных штатах США. В каждом из рассмотренных дел число животных, пострадавших от действий обвиняемых, колебалось от 8 до 560. По результатам судебного разбирательства 45,2% осужденных были назначены штрафы, тогда как 40,5% получили наказание в виде лишения свободы. Вместе с тем авторы подчеркивают низкую эффективность многих видов санкций, применяемых за подобные преступления: в большинстве случаев осужденные фактически не выплачивают наложенные штрафы и компенсации в пользу приютов, куда были переданы изъятые животные [10].

В обзоре «Animal hoarding crimes» описан случай пожара в доме, где содержались десятки собак. Соседи нашли более 40 собак и позвонили в Общество защиты животных (SPCA), чтобы те отправили спасательную команду. После того, как пожар был потушен, прибывший на место происшествия сотрудник SPCA обнаружил в доме множество других собак, и все они страдали от блох, кожных инфекций и язв глаз. Несколько собак были в таком плохом состоянии, что их пришлось усыпить, а другим было необходимо длительное ветеринарное лечение. В общей сложности было изъято 108 собак [1].

Ученые отмечают, что дела о накопительстве животных представляют собой особую сложность из-за большого количества животных. Число животных-жертв в таких делах обычно колеблется от десятков до сотен. Зачастую этих животных-жертв приходится хранить в качестве доказательств, что вынуждает спасательные службы содержать большое количество животных в течение нескольких лет, что достаточно затратно.

Еще одной проблемой борьбы с зоохордингом является то, что накопительство достаточно

часто – это проявление психического расстройства. Так, отмечается, что такая психическая патология – это вариант расстройства:

- описана в DSM-5 – классификации психических расстройств Американской психической ассоциации: 300.3 (F42) Hoarding disorder. По оценкам обследований населения, распространенность клинически значимого накопительства в США и Европе составляет приблизительно 2–6%. Расстройство накопительства поражает как мужчин, так и женщин, но некоторые эпидемиологические исследования сообщают о значительно большей распространенности среди мужчин. «Это контрастирует с клиническими выборками, которые преимущественно состоят из женщин. Симптомы накопительства, по-видимому, почти в три раза чаще встречаются у пожилых людей (в возрасте 55–94 лет) по сравнению с молодыми людьми (в возрасте 34–44 лет)» [11].
- содержится в МКБ-11 (Международной классификации болезней): 6B24 – Патологическое накопительство (Хординг). Относится к Обсессивно-компульсивным и сходным расстройствам.

Согласно одному из исследований, проведенного в Российской Федерации, в среднем чаще всего зоохордерами были женщины (в 85,2% случаев) в возрасте – $62,1 \pm 14,4$ года, проживающие одни. При этом, психические расстройства были диагностированы лишь у 12% таких лиц [12]. Таким образом, эффективные меры борьбы с этой формой жестокого обращения с животными требует также участия психиатров, программ сопровождения таких владельцев.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что современное общество признает накопительство животных как проблему, требующую специального регулирования. Оно представляет собой скрытую, но масштабную форму насилия над животными. Наблюдаемая эволюция законодательства – от оценочных критериев к конкретным количественным нормативам и требованиям к площади содержания – свидетельствует о попытке государства заполнить пробел, который образовался в федеральных нормах об обращении с животными, однако одних лишь формальных ограничений недостаточно. Успешная борьба с этим явлением невозможна без выстроенной системы учёта животных, чётких ветеринарных и санитарных стандартов, а также без учёта психологического аспекта личности самого «накопителя». Таким образом, можно признать зоохординг достаточно серьезной проблемой на стыке административного, уголовного права, психиатрии и здоровья населения.

Список литературы:

[1] Belinda Smith, Tosha Mayo. Animal hoarding crimes // Texas District & County Attorneys Association. URL: <https://www.tdcaa.com/journal/animal-hoarding-crimes/> (дата обращения: 30.06.2026).

[2] Федеральный закон от 27.12.2018 N 498-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2018, N 53 (часть I), ст. 8424.

[3] Проект законодательной инициативы № 1037638-8 от 10.10.2025 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части установления норматива по содержанию допустимого количества домашних животных в жилых помещениях многоквартирного дома)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1037638-8> (дата обращения: 30.06.2026).

[4] Постановление Правительства Новосибирской области № 131-п от 28 марта 2023 «Об установлении дополнительных требований к содержанию домашних животных, в том числе к их выгулу на территории Новосибирской области (с изменениями на 16 февраля 2026 года)» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 29.03.2023.

[5] Постановление Правительства Республики Башкортостан № 550 от 27 декабря 2024 «Об утверждении дополнительных требований к содержанию домашних животных, в том числе к их выгулу, на территории Республики Башкортостан (с изменениями на 3 марта 2025 года)» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Главы и Правительства Республики Башкортостан, 03.02.2025, 4(838), ст. 235.

[6] Проект законодательной инициативы № 1026525-8 от 29.09.2025 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в статью 4.1 Закона Российской Федерации «О ветеринарии» (в части учета и маркирования домашних животных)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026525-8> (дата обращения: 30.06.2026).

[7] Большое количество животных в квартире не всегда нарушает санитарные нормы – суд // Российское агентство правовой и судебной информации https://rapsinews.ru/judicial_news/20260209/311578820.html (дата обращения: 30.06.2026).

[8] Стоп хординг // Фонд защиты городских животных. URL: <https://urbananimal.ru/stop-hoarding> (дата обращения: 30.06.2026)

[9] Illinois Completed Statutes. URL: <https://law.onecle.com/illinois/510ilcs70/2.10.html> (дата обращения: 01.07.2026).

[10] C.Berry, G.Patronek, R.Lockwood. Long-term outcomes in animal hoarding cases // Researchgate. URL: https://www.researchgate.net/publication/265248113_Long-term_outcomes_in_animal_hoarding_cases (дата обращения: 01.07.2026).

[11] Diagnostic and statistical manual of mental disorders : DSM-5. — 5th ed. — С. 247-251 https://solnechnymir.ru/upload/files/Diagnostic%20and%20statistical%20manual%20of%20mental%20disorders%20_%20DSM-5.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[12] Голенков А.В., Зотов П.Б., Сахаров С.П., Матейкович М.С. Особенности случаев патологического накопительства животных в регионах России // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология, 2025. – Т.16. - №2. – С.189-194.

References:

[1] Belinda Smith, Tosha Mayo. Animal hoarding crimes // Texas District & County Attorneys Association. URL: <https://www.tdcaa.com/journal/animal-hoarding-crimes/> (дата обращения: 30.06.2026).

[2] Federal Law of 27.12.2018 N 498-FZ (as amended by 31.07.2025) “ On Responsible Handling of Animals and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.12.2018, No. 53 (Part I), Art. 8424.

[3] Draft legislative initiative No. 1037638-8 of 10.10.2025 “On Amendments to the Federal Law “On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (in terms of establishing a standard for the maintenance of the permissible number of pets in residential premises of an apartment building) “//Official website of the State Duma of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1037638-8> (access date: 30.06.2026).

[4] Decree of the Government of the Novosibirsk Region No. 131-p dated March 28, 2023 “On the establishment of additional requirements for keeping pets, including walking them in the Novosi-

birsk Region (as amended on February 16, 2026) “// Official Internet portal of legal information, www.pravo.gov.ru 29.03.2023.

[5] Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan No. 550 of December 27, 2024 “On approval of Additional requirements for keeping pets, including walking them, on the territory of the Republic of Bashkortostan (as amended on March 3, 2025) “//Vedomosti of the State Assembly - Kurultay, Heads and Government of the Republic of Bashkortostan, 03.02.2025, 4 (838), Art. 235.

[6] Draft legislative initiative No. 1026525-8 of 29.09.2025 “On Amendments to the Federal Law” On Amendments to the Federal Law “On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” and Article 4.1 of the Law of the Russian Federation “On Veterinary Medicine” (in terms of accounting and labeling of pets) “//Official website of the State Duma of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026525-8> (access date: 30.06.2026).

[7] A large number of animals in an apartment do not always violate sanitary standards - court// Russian Agency for Legal and Judicial Information https://rapsinews.ru/judicial_news/20260209/311578820.html (date of appeal: 30.06.2026).

[8] Stop Hording//Urban Animal Welfare Foundation. URL: <https://urbananimal.ru/stop-hoarding> (accessed on: 30.06.2026)

[9] Illinois Completed Statutes. URL: <https://law.onecle.com/illinois/510ilcs70/2.10.html> (access date: 01.07.2026).

[10] C.Berry, G.Patronek, R.Lockwood. Long-term outcomes in animal hoarding cases // Researchgate. URL: https://www.researchgate.net/publication/265248113_Long-term_outcomes_in_animal_hoarding_cases (дата обращения: 01.07.2026).

[11] Diagnostic and statistical manual of mental disorders : DSM-5. — 5th ed. — С. 247-251 https://solnechnymir.ru/upload/files/Diagnostic%20and%20statistical%20manual%20of%20mental%20disorders%20_%20DSM-5.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

[12] Golenkov A.V., Zotov P.B., Sakharov S.P., Mateikovich M.S. Peculiarities of cases of pathological accumulation of animals in the regions of Russia// Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology, 2025. - Т.16. - №2. - P.189-194.

МОРОЗ Ирина Николаевна,
Преподаватель кафедры теории государства и права,
майор полиции, Ростовский юридический институт МВД России,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: irina.moroz.2024@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Аннотация. В статье рассматриваются современные перспективы использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья. Особое внимание уделено преобразованию традиционных форм применения специальных знаний под воздействием научно-технического прогресса. Исследуются возможности молекулярно-генетических исследований, цифровой криминалистики, технологий искусственного интеллекта, виртуальной аутопсии, биометрических методов идентификации и комплексных судебных экспертиз. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования нормативного регулирования деятельности специалистов и экспертов в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: специальные знания, расследование преступлений, преступления против жизни и здоровья, судебная экспертиза, цифровая криминалистика, искусственный интеллект, генетическая экспертиза, виртопсия.

MOROZ Irina Nikolaevna,
Lecturer of the Department of Theory of State and Law, Police Major
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russian Federation

MODERN USAGE OPPORTUNITIES SPECIAL KNOWLEDGE IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

Annotation. The article examines the current prospects of using special knowledge in the detection and investigation of crimes against life and health. Special attention is paid to the transformation of traditional forms of application of special knowledge under the influence of scientific and technological progress. The possibilities of molecular genetic research, digital forensics, artificial intelligence technologies, virtual autopsy, biometric identification methods and complex forensic examinations are being explored. The necessity of further improvement of the regulatory regulation of the activities of specialists and experts in the context of digitalization of criminal proceedings is substantiated.

Key words: special knowledge, crime investigation, crimes against life and health, forensic examination, digital forensics, artificial intelligence, genetic examination, autopsy.

Введение

Приоритетной политикой современной России по-прежнему остается сохранение жизни и здоровья человека. Данная концепция находит свое отражение в ряде нормативно-правовых актов, среди которых указ В.В. Путина «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 7 мая 2024 года [1].

Согласно официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, общее число зарегистрированных преступлений с января по апрель 2025 года составило 631,9 тыс. преступлений [2], а с января по апрель 2026 года – 527,1 тыс. преступлений, и это на 16,6 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [3]. Таким образом, можно говорить о том, что в Российской Федерации в настоящее время

наблюдается общее снижение уровня преступности, в связи с чем также снизилось и количество зарегистрированных преступлений против личности за рассматриваемый период на 8,3 % [4]. Так, с января по апрель 2025 года было зарегистрировано 72 тыс. преступлений рассматриваемой категории [5], а с января по апрель 2026 года 66 тыс. преступлений против личности [6]. При этом доля раскрытых преступлений данной категории сократилась на 5,4 % [7]. Современная преступность активно использует достижения научно-технического прогресса, цифровые технологии, средства анонимизации коммуникаций и инструменты уничтожения доказательственной информации. В этих условиях традиционные методы, направленные на раскрытие и расследование преступлений против личности требуют трансформации.

Следует отметить, что институт специальных знаний является одним из важнейших элементов современной системы уголовного судопроизводства. Применительно к расследованию преступлений против жизни и здоровья индикатором важности рассматриваемого института выступает тот факт, что большая часть доказательственной информации, полученная в ходе данного процесса, связана с исследованием биологических объектов, механизмов образования повреждений, психического состояния участников уголовного судопроизводства, цифровых следов преступления и иных сложных объектов исследования.

Актуальность исследования обусловлена не только развитием современных экспертных технологий, но и необходимостью научного осмысления новых возможностей их применения в условиях цифрового преобразования уголовного судопроизводства, внедрения технологий искусственного интеллекта и формирования новых направлений криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Специальные знания при раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья

Современная действительность заставляет правоохранительные органы все чаще обращаться за помощью к лицам, обладающим специальными знаниями, при раскрытии и расследовании преступлений рассматриваемой категории. И если в классической криминалистической доктрине специальные знания связывались преимущественно с деятельностью судебных медиков, криминалистов и технических специалистов, то в настоящее время данный институт охватывает широкий спектр научных дисциплин, включая молекулярную биологию, информационные технологии, нейронауки, математическое моделиро-

вание и искусственный интеллект. Несмотря на широкое распространение термина «специальные знания» в уголовно-процессуальном законодательстве и научной литературе, его нормативное определение до настоящего времени отсутствует. Это обстоятельство обуславливает существование различных подходов к пониманию рассматриваемой категории. В данной статье мы не занимаемся анализом всех разногласий, связанных с рассматриваемой проблемой, ввиду их большого количества, а остановимся на определении, на наш взгляд, наиболее обоснованном в современной криминалистической литературе. Разделяя позицию профессора Е.Р. Россинской, согласно которой специальные знания представляют собой систему теоретических знаний, практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства, ремесла, приобретенных путем специальной подготовки и профессионального опыта, необходимые для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного, гражданского судопроизводства, производства по делам об административных правонарушениях [Россинская, Зимин, 2024: 5–8], проведем анализ современных возможностей реализации специальных знаний, используемых при расследовании преступлений против жизни и здоровья.

Перспективные направления развития современной криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья

В условиях цифровой трансформации общества практически каждое преступление оставляет значительное количество электронных следов. Это обстоятельство создало предпосылки для формирования цифровой криминалистики, которая не является самостоятельной наукой, а представляет собой одно из частных учений. [В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М., 2024, с. 16].

В. Б. Вехова и С. В. Зуева, говорят о том, что предмет цифровой криминалистики составляют закономерности, направленная на обнаружение, фиксацию, изъятие, сохранение и исследование цифровой информации, имеющей доказательственное значение для уголовного дела [Россинская, 2025: № 1; с.167].

Одним из наиболее перспективных направлений развития современной криминалистики является применение технологий искусственного интеллекта. Под искусственным интеллектом принято понимать совокупность программно-аппаратных решений, способных имитировать отдельные когнитивные функции человека, включая анализ информации, распознавание образов, прогнозирование событий и принятие решений на основе имеющихся данных [11].

В деятельности правоохранительных органов технологии искусственного интеллекта используются для решения следующих задач: автоматизированный анализ больших массивов данных; распознавание лиц по фото- и видеоизображениям; идентификация подозреваемых по биометрическим параметрам; анализ телефонных соединений; выявление скрытых связей между фигурантами уголовного дела; прогнозирование возможных маршрутов передвижения преступников; автоматизированная обработка видеозаписей. Особое значение данные технологии имеют при расследовании убийств и причинении тяжкого вреда здоровью. Например, современные нейросетевые алгоритмы способны анализировать записи с тысяч камер видеонаблюдения одновременно, выявляя перемещения конкретного лица по городу за определенный промежуток времени и определять личность в режиме реального времени. Подобные системы уже используются в России, Китае, США и ряде государств Европейского Союза [Романова, 2024: № 2 (66); 172–178]. Так, сотрудники полиции США в режиме реального времени делают снимок на мобильный телефон и при помощи программы распознавания лиц устанавливают личность [13].

Перспективным направлением является создание интеллектуальных систем поддержки принятия следственных решений, данные системы в России применяются при раскрытии и расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (автоматизированная информационная система «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации»). [Решетняк, Ковалев, Вехов, 2020: 16].

Используя сведения о ранее расследованных преступлениях, такие системы способны формировать вероятностные версии расследуемого события, определять наиболее вероятные направления поиска доказательств и предлагать следователю оптимальные алгоритмы действий. Вместе с тем использование искусственного интеллекта не должно подменять процессуальную деятельность следователя. Полученные результаты следует рассматривать исключительно как ориентирующую информацию, требующую последующей проверки установленными законом способами.

Наиболее значимые изменения последних десятилетий связаны с развитием молекулярно-генетических исследований. Традиционный ДНК-анализ позволяет установить принадлежность биологических следов конкретному лицу с вероятностью, близкой к абсолютной.

Однако современные возможности генетики значительно шире. Одним из наиболее перспективных направлений является ДНК-феноти-

пирование. Сущность данной технологии заключается в прогнозировании внешних признаков человека по его генетическому материалу. На основании исследования отдельных участков генома возможно определить цвет глаз, цвет волос, оттенок кожи, этническое происхождение, некоторые особенности строения лица, возрастные характеристики. Подобные технологии активно используются в США, Нидерландах, Германии и Канаде при расследовании тяжких преступлений против личности [15]. В России так же применяется данное направление генетических исследований, например, в Новосибирске более 10 лет разыскивали серийного педофила. Анализ ДНК позволил определить смешанное русско-бурятское происхождение преступника по мужской линии, что, в конце концов, привело к его задержанию [Боринская, Балановский, Курбатова, Янковский, 2020: № 11; 16].

В перспективе дальнейшее развитие генетических исследований позволит создавать вероятностные цифровые портреты неизвестных преступников исключительно на основании обнаруженных биологических следов. Для расследования убийств и иных преступлений против жизни и здоровья это направление представляет особый интерес, поскольку нередко биологические следы оказываются единственным источником информации о преступнике.

Судебная медицина занимает по-прежнему одно из ведущих мест при раскрытии и расследовании рассматриваемой категории преступлений. Процессы цифровизации в современном обществе не обошли и ее стороной, они оказали влияние на формирование нового метода вскрытия трупа – виртопсия. Виртопсия – методика посмертного исследования тела, объединяющая проведение классического патологоанатомического или судебно-медицинского вскрытия с предварительным использованием КТ- и/или МРТ-исследования всего тела без применения контрастных веществ [Клевно, Чумакова, 2019: № 2; 27–31].

Данная методика стала применяться в Российской Федерации с июля 2018 года. В Бюро СМЭ Московской области – впервые в России – был проведен ряд исследований по посмертной визуализации в случаях наступления смерти от различных причин как дополнение к традиционному судебно-медицинскому исследованию, с последующим тщательным сравнением полученных результатов [Клевно, Чумакова, 2019: № 2; 27–31]. Одним из примеров данного вида исследования, проведенного в России, является виртопсия тела девушки-подростка, погибшей при падении с большой высоты. Трехмерное отображение костной травмы при 3D-реконструкции

способствовало установлению механизма травмы [Клевно, Чумакова, Курдюков, Лебедева, Дуброва, Ефременков, Земур, 2019: № 5(1); 11–15].

Плюсами данного метода являются: сохранение тела в неизменном состоянии; возможность многократного анализа полученных данных; создание цифровой модели тела; возможность удаленного участия экспертов. Полученные цифровые модели позволяют восстановить механизм причинения повреждений и проводить экспертные исследования спустя длительное время после завершения первоначального осмотра.

Вывод

Анализ современных возможностей использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья свидетельствует о постепенном переходе от фрагментарного использования отдельных видов специальных знаний к формированию единой цифровой среды расследования преступлений.

Разделяя позицию А.Б. Смушкина о создании общей экосистемы и выделении в ней как минимум 3-х основных направлений: 1) уголовно-процессуальное; 2) организационное; 3) криминалистическое [Смушкин, 2023, Т 18: № 7, 143–158], предлагаем ее развить, и в общей экосистеме создать цифровую микро экосистему раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой категории.

Так, под цифровой криминалистической микро экосистемой расследования преступлений против жизни и здоровья предлагается понимать интегрированную систему взаимодействия следователя, экспертов, специалистов, информационных ресурсов и программно-аналитических комплексов, обеспечивающую непрерывный процесс получения, обработки, анализа и использования доказательственной информации. В структуру такой системы могут входить: государственные геномные базы данных; автоматизированные дактилоскопические учеты; цифровые архивы судебно-медицинских исследований; системы биометрической идентификации; базы данных операторов связи; системы интеллектуального видеонаблюдения; программные комплексы анализа больших данных; экспертные системы поддержки следственных решений. Такая система позволит объединить возможности судебно-медицинских учреждений, экспертно-криминалистических подразделений и следственных органов в едином цифровом пространстве.

Так, при обнаружении неопознанного трупа система сможет автоматически сопоставлять

результаты ДНК-исследований, дактилоскопические данные, сведения о пропавших без вести лицах, информацию медицинских учреждений и данные видеонаблюдения. В результате следователь получит не отдельные фрагменты информации, а комплексную цифровую картину расследуемого события.

Реализация указанных предложений позволит значительно повысить эффективность расследования преступлений против личности и обеспечить более полное использование современных достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве.

Перспективным представляется создание специализированных нейросетевых моделей, обученных на отечественных массивах судебно-медицинских данных. На основе анализа тысяч ранее исследованных случаев искусственный интеллект способен выявлять ряд закономерностей, которые позволят сформировать вероятностную модель механизма причинения смерти. При этом окончательное процессуальное решение должно приниматься исключительно судебным экспертом, поскольку именно он несет ответственность за достоверность выводов исследования. Подобные системы могут стать эффективным инструментом экспертной поддержки при расследовании преступлений против жизни и здоровья.

Заключение

Таким образом, развитие института специальных знаний в ближайшие годы будет определяться дальнейшей интеграцией достижений молекулярной генетики, цифровой криминалистики, технологий искусственного интеллекта, трехмерного моделирования и иных инновационных направлений науки. Комплексное использование указанных возможностей позволит существенно повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений против жизни и здоровья, обеспечить объективность доказывания и укрепить гарантии защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

- [1] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 20.06.2026).
- [2] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2025 года: аналитический обзор. М.: ГИАЦ МВД России, 2025. – С. 2.
- [3] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2026 года: аналитический обзор. М.: ГИАЦ МВД России, 2026. – С. 2.

[4] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2026 года: аналитический обзор. М.: ГИАЦ МВД России, 2026. – С. 6.

[5] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2025 года: аналитический обзор. М.: ГИАЦ МВД России, 2025. – С. 6.

[6] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2026 года: аналитический обзор. М.: ГИАЦ МВД России, 2026. – С. 6.

[7] Состояние преступности Российской Федерации за январь – март 2026 года: аналитический обзор. М.: ГИАЦ МВД России, 2026. – С. 6.

[8] Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. М.: Юрайт, 2024. — 490 с

[9] Россинская Е.Р., Зимин А.М. Экспертиза в судопроизводстве. М.: Проспект, 2024. – С. 5–8.

[10] Россинская Е.Р. тренды развития криминалистики в условиях цифровой трансформации современной преступности // Союз криминалистов криминологов . 2025. № 1. – С. 162–173.

[11] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[12] Романова М.А. Применение систем распознавания лиц в правоохранительной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). – С. 172–178.

[13] Face Off: Law Enforcement Use of Face Recognition Technology. URL: <https://www.eff.org/wp/law-enforcement-use-face-recognition> (дата обращения: 21.06.2026).

[14] Решетняк О.А., Ковалев С.А., Вехов В.Б. Расследование преступлений в сфере незаконного сбыта опасных психоактивных веществ, совершенных с использованием компьютерных технологий: монография. – Волгоград, 2020. – С. 16.

[15] Kayser M. Forensic DNA Phenotyping: Predicting Human Appearance from Crime Scene Material // Nature Reviews Genetics. 2023. Vol. 24. –Р. 321–337.

[16] По следам ДНК: как генетика народонаселения помогает криминалистике / С.А. Боринская, О.П. Балановский, О.Л. Курбатова, Н.К. Янковский // Природа. 2020. № 11.

[17] Клевно В.А., Чумакова Ю.В. Виртопсия – новый метод исследования в практике отечественной судебной медицины // Судебная медицина. 2019. № 2. – С. 27–31.

[18] Клевно В.А., Чумакова Ю.В. Виртопсия – новый метод исследования в практике отечественной судебной медицины // Судебная медицина. 2019. № 5(2). С. 27–31.

[19] Клевно В.А., Чумакова Ю.В., Курдюков Ф.Н., Лебедева А.С., Дуброва С.Э., Ефременков Н.Н., Земур М.А. Виртопсия тела девушки-подростка, погибшей при падении с большой высоты. Судебная медицина. 2019. № 5(1). – С. 11–15.

[20] Смушкин А.Б. Экосистема предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 7. – С. 143–158.

References:

[1] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (accessed on: 20.06.2026).

[2] The state of crime in the Russian Federation for January - April 2025: an analytical review. M.: GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - S. 2.

[3] The state of crime in the Russian Federation for January - April 2026: an analytical review. M.: GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. - S. 2.

[4] The state of crime in the Russian Federation for January - April 2026: an analytical review. M.: GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. - S. 6.

[5] The state of crime in the Russian Federation for January - April 2025: an analytical review. M.: GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - S. 6.

[6] The state of crime in the Russian Federation for January - April 2026: an analytical review. M.: GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. - S. 6.

[7] State of Crime of the Russian Federation for January - March 2026: analytical review. M.: GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. - S. 6.

[8] Digital forensics: a textbook for universities/ ed. V. B. Vekhova, S. V. Zueva. M.: Yurayt, 2024. - 490 s

[9] Rossinskaya E.R., Zimin A.M. Expertise in legal proceedings. M.: Prospect, 2024. - S. 5-8.

[10] Rossinskaya E.R. Trends in the development of forensic science in the context of the digital transformation of modern crime//Union of Criminologists criminologists. 2025. № 1. - S. 162-173.

[11] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation “//SPS” Garant. “

[12] Romanova M.A. Application of face recognition systems in law enforcement//Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2 (66). - S. 172-178.

[13] Face Off: Law Enforcement Use of Face Recognition Technology. URL: <https://www.eff.org/wp/law-enforcement-use-face-recognition> (дата обращения: 21.06.2026).

[14] Reshetnyak O.A., Kovalev S.A., Vekhov V.B. Investigation of crimes in the field of illegal sale of hazardous psychoactive substances committed using computer technology: monograph. - Volgograd, 2020. - S. 16.

[15] Kayser M. Forensic DNA Phenotyping: Predicting Human Appearance from Crime Scene Material // Nature Reviews Genetics. 2023. Vol. 24. -P. 321-337.

[16] Following the traces of DNA: how population genetics helps forensics/S.A. Borinskaya, O.P. Balanovsky, O.L. Kurbatova, N.K. Yankovsky// Nature. 2020. № 11.

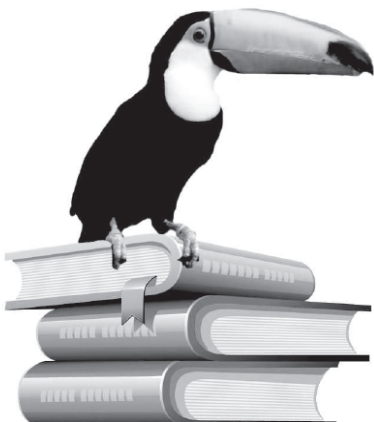
[17] Klevno V.A., Chumakova Yu.V. Virtopsia is a new research method in the practice of domestic forensic medicine//Forensic medicine. 2019. № 2. - S. 27-31.

[18] Klevno V.A., Chumakova Yu.V. Virtopsia - a new research method in the practice of domestic forensic medicine//Forensic medicine. 2019. № 5(2). S. 27-31.

[19] Klevno V.A., Chumakova Yu.V., Kurdyukov F.N., Lebedeva A.S., Dubrova S.E., Efremenkov N.N., Zemur M.A. Wirthopsia of the body of a teenage girl who died in a fall from a great height. Forensic science. 2019. № 5(1). - S. 11-15.

[20] Smushkin A.B. Ecosystem of preliminary investigation//Actual problems of Russian law. 2023. T. 18. № 7. - S. 143-158.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЗЕМЛЯКОВА Татьяна Алексеевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
e-mail: Semljakowa@yandex.ru

ПАВЛЕНКО Николай Олегович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
майор полиции,
e-mail: pavlenkonikolay@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ВЫСКАЗЫВАНИЯМ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы обеспечения лингвистической безопасности Российской Федерации в условиях стремительной цифровизации коммуникационного пространства. Автор анализирует специфику современного экстремистского дискурса, функционирующего в блогосфере, социальных сетях и иных медиа, а также методические и правовые аспекты его выявления в рамках судебной лингвистической экспертизы. Особое внимание уделяется классификации лингвистических маркеров экстремистского контента, включая криптонимизированную символику и геймифицированные нарративы, а также проблеме разграничения критических высказываний и вербального экстремизма. На основе анализа новой Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (2024 г.) и Федерального закона № 114-ФЗ автором обосновывается необходимость совершенствования методического аппарата экспертных исследований с учетом специфики цифрового контента.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, экстремистский дискурс, судебная лингвистическая экспертиза, вербальный экстремизм, язык ненависти, медиапространство, противодействие экстремизму, цифровой контент.

ZEMLYAKOVA Tatyana Alekseevna,
Senior Lecturer in the Foreign Languages Department
at the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

PAVLENKO Nikolay Olegovich,
Lecturer in the Specialized Disciplines Department
at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Major

LINGUISTIC SECURITY PROBLEMS IN THE MODERN MEDIA SPACE: IDENTIFYING AND COUNTERING EXTREMIST STATEMENTS

Annotation. This article examines current challenges in ensuring the linguistic security of the Russian Federation amid the rapid digitalization of the communications space. The author analyzes the specifics of contemporary extremist discourse operating in the blogosphere, social networks, and other media, as well as the methodological and legal aspects of its identification through forensic linguistic examination. Particular attention is paid to the classification of linguistic markers of extremist content, including cryptonymized symbols and gamified narratives, as well as the problem of distinguishing critical statements from verbal extrem-

ism. Based on an analysis of the new Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation (2024) and Federal Law No. 114-FZ, the author substantiates the need to improve the methodological framework for expert research, taking into account the specifics of digital content.

Key words: Linguistic security, extremist discourse, forensic linguistic examination, verbal extremism, hate speech, media space, countering extremism, digital content.

Стремительно развивающееся современное медиапространство, представленное многочисленными социальными сетями, блогами, мессенджерами и иными интернет-ресурсами, трансформировало не только способы коммуникации, но и формы распространения идеологии насилия, в связи с чем проблемы лингвистической безопасности, а именно способности государства и общества нейтрализовать деструктивное речевое воздействие, приобретают стратегическое значение.

Не случайно сеть «Интернет» официально признана одним из основных источников распространения экстремизма: как отмечалось в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, а затем и в документе, сменившем ее, угрозы, связанные с использованием глобальной сети для пропаганды ненависти и насилия, рассматриваются в качестве приоритетных для системы национальной безопасности. Правовую основу противодействия рассматриваемым угрозам составляет Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, в котором под экстремистской деятельностью понимается, в частности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда исключительности либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, а также публичные призывы к осуществлению указанных деяний. В целях дальнейшей реализации государственной политики в данной сфере Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 утверждена новая Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, которая учитывает современные вызовы, связанные с цифровой трансформацией, и направлена на консолидацию усилий всех институтов гражданского общества и государства. Однако, следует отметить, что эффективность применения правовых норм напрямую зависит от качества лингвистического обеспечения, именно язык выступает основным инструментом и одновременно объектом экстремистских посягательств. Настоящая статья ставит своей целью выявить ключевые проблемы лингвистической безопасности в современном медиапространстве и предложить пути их решения на основе интегративного междисциплинарного подхода.

Как мы уже отразили выше, цифровая среда существенно изменила природу экстремистского дискурса. Если ранее традиционные экстремистские материалы имели, как правило, завершенную текстовую форму и фиксированного автора, то современные медиатексты характеризуются интегративностью, предполагающей сочетание разнородных компонентов (вербальных, визуальных, аудитивных, аудиовизуальных), а также интерактивностью, позволяющей автору быстро адаптировать содержание в зависимости от реакции аудитории и адресатом таких текстов выступает массовая, не персонифицированная аудитория, что, несомненно, существенно затрудняет оценку потенциального воздействия сообщения. Характерной особенностью экстремистского контента в социальных сетях является латентность пропагандистских стратегий, открытые призывы к насилию встречаются все реже, уступая место косвенным, эвфемизированным и аллюзивным формулировкам. Так, в рамках эмпирического исследования ультраправого дискурса в интернет-пространстве, проведенного на корпусе объемом 11,8 млн словоупотреблений из 37 ресурсов, были выявлены четыре основных класса лингвистических маркеров экстремистского контента: криптонимизированная символика, транслитерированные англо-американизмы, геймифицированная милитаристская метафорика и меметические конструкции [3, с.27-31]. И, несомненно, такие данные свидетельствуют о необходимости выработки специальных методик выявления скрытых форм экстремистской пропаганды, и эффективным инструментом решения здесь выступает судебная лингвистическая экспертиза. При производстве лингвистической экспертизы по делам об экстремизме эксперту необходимо не просто констатировать наличие определенных слов, но и выявить их скрытый смысл, оценить потенциальное воздействие на аудиторию, а также установить истинные намерения автора высказываний на основе языковых признаков. Отметим, что в современной экспертной практике применяется комплексный подход, включающий семантический, прагматический и дискурсивный анализ. При этом, семантический анализ сосредоточен на изучении значений слов и выражений, выявлении их коннотаций, оценочных компонентов, а также определении возможных эвфемизмов и лексических единиц, используемых для обозначения опреде-

ленных групп лиц или действий в негативном ключе [6, с.21-26]. Прагматический же анализ направлен на исследование целеполагания высказывания, его функции и намерений автора, а также предполагаемого воздействия на восприятие слушателей [6, с.27-33]. Дискурсивный анализ напротив позволяет рассмотреть высказывание как часть более широкого коммуникативного события, включая социокультурный, политический и исторический контекст [6, с.34-42].

Еще один немаловажный на наш взгляд вклад в развитие методического обеспечения судебной лингвистической экспертизы вносит создание специализированных лексикографических ресурсов. К примеру, в 2025 году опубликована база данных, включающая около 400 лексических единиц, маркирующих тексты потенциально экстремистского содержания, составленная на основе печатных и цифровых текстовых материалов, поступавших на экспертные исследования в 2010–2025 гг., которая предназначена для судебных экспертов, сотрудников правоохранительных органов и адвокатов, поскольку ее материалы могут применяться в целях соотнесения спорного материала с уже выявленными единицами, которые ранее были использованы в текстах экстремистского содержания и по которым уже имеются правовые решения [7, с.7-15]. Однако, несмотря на прогресс в данной области, нельзя обойти вниманием тот факт, что ряд методических и процессуальных проблем все же сохраняется. В научной литературе отмечается необходимость корректировки самого понятия «экстремизм» в юридической и научной практике, а также расширения круга вопросов, решаемых в рамках судебной лингвистической экспертизы, и состава привлекаемых экспертов [6, с.6-14]. Особую сложность здесь представляет разграничение критических высказываний и собственно вербального экстремизма, а также языка ненависти, поскольку и то и другое может быть связано с политическими организациями, идеологическими и религиозными объединениями, национальными или религиозными традициями [3, с.13-17]. Проблема приобретает особую остроту в контексте защиты свободы слова, что требует от эксперта и суда исключительной взвешенности при квалификации тех или иных речевых актов.

Одновременно с совершенствованием экспертных методик ведется работа по профилактике и пресечению распространения экстремистских материалов в сети Интернет. Так, по данным Роскомнадзора, в 2025 году число заблокированных материалов экстремистского и террористического характера снизилось на 22% по сравнению с 2024 годом, составив 41,5 тысячи единиц. Всего же Роскомнадзором заблокирован доступ к 56 тыс. ресурсов с экстремистскими материа-

лами, которые внесены в соответствующий реестр Минюста РФ [10]. Правоохранительными органами в свою очередь также проводятся масштабные рейды по выявлению и пресечению деятельности экстремистских каналов в мессенджерах, принимаются профилактические меры в отношении лиц, подвергшихся воздействию деструктивной интернет-идеологии. При этом, как отмечалось выше, эффективность данных мер напрямую зависит от качества лингвистического обеспечения, которое, в свою очередь, требует дальнейшего научного и методического развития.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что обеспечение лингвистической безопасности в современном медиапространстве является комплексной междисциплинарной проблемой, требующей консолидированных усилий лингвистов, юристов, психологов и специалистов в области информационных технологий. Наиболее актуальными направлениями дальнейших исследований здесь представляются: совершенствование методик судебной лингвистической экспертизы с учетом специфики цифрового контента и латентных форм экстремистской пропаганды; разработка алгоритмизированных критериев идентификации экстремистских высказываний для обеспечения единообразия экспертной практики; создание и регулярное обновление лексикографических баз данных, отражающих современные речевые практики экстремистски настроенных групп; а также внедрение в образовательный процесс вузов МВД России специализированных курсов по юридической лингвистике и лингвистической безопасности. На наш взгляд, реализация указанных мер будет способствовать не только повышению эффективности противодействия экстремизму, но и формированию в обществе устойчивой нетерпимости к любым формам распространения идеологии насилия и ненависти, что составляет одну из ключевых целей государственной политики Российской Федерации в данной сфере.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/> (дата обращения: 08.06.2026).
- [2] Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 08.06.2026).
- [3] Синяева М. И. Судебно-лингвистическая экспертиза цифрового контента как инструмент противодействия вовлечению молодежи в экс-

тренистскую деятельность: на примере ультра-правой идеологии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. № 4. URL: <https://hisplus.elpub.ru/jour/article/view/908/0> (дата обращения: 08.06.2026).

[4] Орловский юридический институт МВД России. Техничко-лингвистическое исследование экстремистских текстов в масс-медиа и социальных сетях // Naukaru.ru. 2025. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/99933/view> (дата обращения: 08.06.2026).

[5] Семенова И. В., Хан Э.-Р. Конфликтный медиатекст в аспекте взаимодействия языка и права (на примере публикации в социальной сети) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 10. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20250574/fulltext> (дата обращения: 08.06.2026).

[6] Карапетян А. А. К определению круга вопросов судебной лингвистической экспертизы по делам о преступлениях экстремистской направленности // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2025. № 4. URL: http://yearbook.uran.ru/ru/glavnaya-stranitsa/75-publikatsii/#_ftnref1 (дата обращения: 08.06.2026).

[7] Палеха Е. С., Гузейров Р. А. Лексические единицы, маркирующие тексты потенциально экстремистского содержания : база данных. Казань : Казанский федеральный университет, 2025. URL: https://www.kpfu.ru/publication?p_id=321777&p_lang=2 (дата обращения: 08.06.2026).

[8] Резникова А. В., Чунахова Л. В. Экстремистский дискурс в современной блогосфере: судебная лингвистическая экспертиза медиатекстов как мера противодействия экстремизму // Философия права. 2025. № 1 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-v-sovremennoy-blogosfere-sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza-mediatekstov-kak-mera-protivodeystviya> (дата обращения: 08.06.2026).

[9] Кондратюк С. В. Судебные экспертизы в расследовании экстремистских проявлений // Вестник Академии права и управления. 2024. № 6 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-ekspertizy-v-rassledovanii-ekstremistskih-proyavleniy> (дата обращения: 08.06.2026).

[10] РИА Новости. Роскомнадзор в 2025 году заблокировал на 22% меньше экстремистского контента [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2026. — 23 янв. — URL: <https://ria.ru/20260123/roskomnadzor-2069747122.html> (дата обращения: 08.06.2026).

References:

[1] Federal Law No. 25.07.2002 of 114-FZ (as amended 27.10.2025) “ On Countering Extremist Activities.” URL: [https://legalacts.ru/doc/federalnyi-](https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/)

[zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/](https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25072002-n-114-fz-o/) (access date: 08.06.2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124 “On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation.” URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (access date: 08.06.2026).

[3] Sinyaeva M. I. Forensic linguistic examination of digital content as a tool to counter the involvement of youth in extremist activities: on the example of ultra-right ideology//Izvestia Southwestern State University. Series: History and Law. 2025. № 4. URL: <https://hisplus.elpub.ru/jour/article/view/908/0> (access date: 08.06.2026).

[4] Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Technical and linguistic study of extremist texts in mass media and social networks// Naukaru.ru. 2025. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/99933/view> (access date: 08.06.2026).

[5] I.V. Semenova, E.R. Khan Conflict media text in the aspect of interaction between language and law (for example, publication on a social network)//Philological sciences. Questions of theory and practice. 2025. Т. 18. No. 10. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20250574/fulltext> (access date: 08.06.2026).

[6] A. Karapetyan On the definition of the range of issues of forensic linguistic expertise in cases of extremist crimes//Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2025. № 4. URL: http://yearbook.uran.ru/ru/glavnaya-stranitsa/75-publikatsii/#_ftnref1 (дата обращения: 08.06.2026).

[7] Palekha E. S., Guzeirov R. A. Lexical units marking texts of potentially extremist content: database. Kazan: Kazan Federal University, 2025. URL: https://www.kpfu.ru/publication?p_id=321777&p_lang=2 (access date: 08.06.2026).

[8] Reznikova A. V., Chunakhova L. V. Extremist discourse in the modern blogosphere: forensic linguistic examination of media texts as a measure to counter extremism//Philosophy of law. 2025. № 1 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremistskiy-diskurs-v-sovremennoy-blogosfere-sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza-mediatekstov-kak-mera-protivodeystviya> (дата обращения: 08.06.2026).

[9] Kondratyuk S.V. Forensic examinations in the investigation of extremist manifestations//Bulletin of the Academy of Law and Management. 2024. № 6 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-ekspertizy-v-rassledovanii-ekstremistskih-proyavleniy> (дата обращения: 08.06.2026).

[10] RIA Novosti. Roskomnadzor in 2025 blocked 22% less extremist content [Electronic resource]//RIA Novosti. — 2026. - Jan 23 - URL: <https://ria.ru/20260123/roskomnadzor-2069747122.html> (Accessed: 08.06.2026).

КУЗЬМИНА Татьяна Николаевна,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров,
Московский ордена Почета университет
МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: tanushka.k.1234@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ЛИБО ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»)

Аннотация. В настоящей статье автор разрабатывает дефиницию сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Выявляются неточности и пробелы, существующие в терминологическом аппарате в данном составе преступления. Анализируются подходы к определению сети «Интернет». Автор акцентирует внимание на важности четкого и однозначного определения терминов, что позволит избежать проблем как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, запрещенные вещества, понятие, электронные сети, сеть «Интернет», сбыт, информационно-телекоммуникационные сети.

KUZMINA Tatyana Nikolaevna,
adjunct of the Faculty of Training of Scientific,
Pedagogical and Scientific Personnel,
Moscow Order of Honor University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

ON THE CONCEPT OF THE SALE OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES, OR THEIR ANALOGUES, COMMITTED USING MASS MEDIA OR ELECTRONIC OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS (INCLUDING THE INTERNET)

Annotation. In this article, the author develops a definition of the sale of narcotic drugs, psychotropic substances, or their analogues, committed using mass media or information and telecommunication networks (including the Internet). The author identifies inaccuracies and gaps in the terminology used in this crime. The article analyzes approaches to defining the Internet. The author emphasizes the importance of clear and unambiguous definitions of terms to avoid problems at both the theoretical and practical levels. The article provides recommendations for improving legislation.

Key words: information and communication technologies, prohibited substances, concept, electronic networks, Internet, sales, information and telecommunication networks.

Федеральным законом от 01.03.2012 № 18-ФЗ [3] в статью 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее – УК РФ)

был введен квалифицирующий признак, который устанавливает ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их

аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации (Далее – СМИ), а также электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ [1]). Установление данного признака обусловлено повышенной общественной опасностью такого преступления. Покупатели и продавцы наркотиков перестали использовать личные встречи для покупки и продажи наркотиков, в связи с чем законодателю необходимо было создать правовой инструмент для борьбы с появившимися новыми способами бесконтактного сбыта запрещенных веществ.

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов следует понимать «незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию другому лицу» [6]. Стоит отметить, что передача лицом запрещенных веществ другому лицу может осуществляться любым доступным способом, как дистанционно, так и при личной встрече.

Несмотря на четырнадцатилетнюю практику применения указанной нормы, не выработано единого подхода к толкованию ряда признаков, предусмотренного ею состава преступления. В частности, нет однозначного понимания, что признавать под использованием СМИ и электронными или информационно-телекоммуникационными сетями.

Понятие СМИ получило официальное закрепление в законодательстве – это «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием» [5]. Система СМИ развивалась постепенно, так, к журналам и газетам добавились информационные службы, позже радиостанции, студии телевидения, еще позднее новостные сайты, видеоканалы и т.д.

В соответствии с Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационно-телекоммуникационная сеть – «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники», а электронное сообщение – «информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети» [4].

Н.В. Щетина приходит к выводу, что «под электронной или информационно-телекоммуникационной сетью следует понимать систему, обе-

спечивающую передачу и прием информации посредством радиостанций, компьютеров, телефонов, а также электронных терминалов для перевода денежных средств» [10]. Следует обратить внимание на то, что автор не проводит разграничения между понятиями «информационно-телекоммуникационная сеть» и «электронная сеть», а предлагает единое определение, которое, по его мнению, применимо к обоим понятиям одновременно. Однако данное определение является неполным, поскольку сводит суть лишь к перечню конкретных технических устройств, но сети могут функционировать и через иные каналы связи, например, спутниковые, оптоволоконные, радиорелейные.

Уголовное законодательство РФ не содержит нормативного разграничения понятий «электронная сеть» и «информационно-телекоммуникационная сеть», при этом сеть «Интернет» признается одним из видов таких сетей, в частности, разновидностью информационно-телекоммуникационной сети [7]. Отсутствие легальной четкой дефиниции и разграничения данных понятий порождает правовую неопределенность, которая негативно отражается на теоретическом уровне и на уровне правоприменения.

Е.А. Русскевич придерживается подхода, согласно которому преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, следует рассматривать как «общественно опасные и уголовно-противоправные деяния, которые осуществляются либо в сфере общественных отношений, связанных с созданием, функционированием и использованием информационно-коммуникационных технологий, либо с применением методов, процессов и программно-технических средств, объединенных целью хранения, обработки и передачи компьютерной информации» [15, с. 18]. Данный подход охватывает не только деяния, непосредственно направленные на компьютерную информацию, но и иные преступления, при совершении которых цифровые технологии используются как инструмент реализации преступного умысла. Это свидетельствует о том, что применение информационно-коммуникационных технологий существенно влияет на механизм совершения преступления, особенности его подготовки, сокрытия следов, а также на специфику выявления и доказывания. В связи с этим данная категория деяний характеризуется высокой степенью адаптации к условиям современной цифровой среды.

Эффективность применения уголовно-правовых норм зависит от наличия единого понятийного аппарата в рассматриваемой сфере. Легальное определение «электронной сети» отсутствует, но, как следует из анализа действующего законо-

дательства, электронное сообщение характеризуется в качестве информации, циркулирующей в информационно-телекоммуникационных сетях. Исходя из данного признака, представляется обоснованным вывод о том, что электронная сеть выступает одним из возможных видовых проявлений информационно-телекоммуникационной сети. В этой связи закономерной видится концепция объединения указанных понятий в рамках единого термина. В качестве такового может быть использован предложенный Е.А. Русскевичем термин «информационно-коммуникационные технологии» [15, с. 23]. Ученые понимают под информационно-коммуникационными технологиями широкий спектр цифровых технологий, которые используются для создания, передачи и распространения информации, к которым относят: сотовую связь, электронную почту, сети беспроводной связи, мультимедийные средства и так далее. Национальный стандарт определяет информационно-коммуникационную технологию как «совокупность информационных процессов и методов работы с информацией, осуществляемых с применением средств вычислительной техники и телекоммуникации» [8]. При этом к телекоммуникационным сетям относят радиосети, телефонные, телевизионные и цифровые сети связи. Это позволяет сделать вывод о том, что категория «информационно-коммуникационные технологии» по своему содержанию является более широкой. Таким образом, в целях уголовно-правового регулирования обоснованным представляется использование единого термина «информационно-телекоммуникационные сети», включающего в себя электронные сети. Применение такого подхода позволит устранить правовую неопределенность и терминологическую множественность, а также обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Формирование целостного научного представления о феномене сети «Интернет» предполагает необходимость его рассмотрения через призму как технологических, так и функционально-правовых характеристик.

Как отмечает М.Г. Шалина, при большом количестве исследований, отсутствует подход, который послужил бы основой для формирования представления о феномене «Интернета» [16].

Сеть «Интернет» в технологическом аспекте представляет собой глобальную информационно-телекоммуникационную сеть, основанную на протоколе TCP/IP и унифицированной системе адресации с использованием доменных имен [14]. По своей структуре она объединяет множество информационно-телекоммуникационных сетей в единое пространство информационного обмена.

В учебных пособиях сеть «Интернет» понимается в следующих аспектах:

- 1) как совокупность компьютерных сетей, обеспечивающих связь между военными, государственными, образовательными, коммерческими организациями, а также отдельными физическими лицами [13]. В данном аспекте акцент делается на институционально-организационном и инфраструктурном измерении Интернета как сложной системы, обеспечивающей взаимодействие разнородных субъектов;
- 2) как глобальная интерактивная система информационного обмена и коммуникаций [11];
- 3) как глобальная сеть — один из видов компьютерных сетей, выделяемых по масштабу охваченной территории [12]. Ее особенность состоит в объединении компьютеров и иных технических устройств, находящихся в разных населенных пунктах, государствах и на различных континентах, что делает возможным трансграничное информационное взаимодействие вне территориальных границ одного государства.

Исходя из совокупности приведенных подходов, представляется обоснованным сделать вывод о том, что сеть «Интернет» представляет собой глобальную информационно-телекоммуникационную сеть, объединяющую множество взаимосвязанных компьютерных сетей и отдельных пользователей в мировом масштабе, а также функционирующую на основе единых протоколов передачи данных и унифицированной системы адресации, что обеспечивает интерактивный обмен информацией и коммуникацию между различными субъектами.

М.А. Любавина, исходя из общего определения информационно-телекоммуникационной сети, рассматривает сбыт наркотических средств с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в качестве дистанционной формы сбыта, «при которой исключается непосредственный контакт между сбытчиком и приобретателем» [9]. Вместе с тем использование информационно-телекоммуникационных сетей при сбыте наркотиков и других запрещенных веществ не всегда означает полностью дистанционную форму реализации этих веществ с отсутствием личного контакта между сбытчиком и приобретателем, поэтому можно сказать, что приведенная позиция исследователя представляется дискуссионной. Данные сети могут использоваться на различных стадиях совершения преступления для согласования условий, передачи указаний, получения оплаты, распределения ролей, сообщения координат или подготовки передачи вещества и т.д., при этом сама реализация вещества может осуществляться путем прямого физического контакта.

Например, приготовление к сбыту наркотиков может осуществляться с использованием мессенджера «Telegram», а фактическая передача запрещенного вещества может происходить при личной встрече.

Д.В. Токманцев подчеркивает, что «достаточно самого факта приобретения запрещенных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных сетей для квалификации действий виновного по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, даже если передача осуществлялась из рук в руки, так как в данном случае часть объективной стороны незаконного сбыта наркотиков совершена с использованием данных сетей» [17].

Е.В. Хромов считает, что «сбыт наркотиков следует признавать совершенным с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей в тех случаях, когда применение указанных сетей связано исключительно с выполнением объективной стороны преступления — с процессом передачи запрещенных веществ потребителю» [18]. Однако при таком подходе необходимо учитывать, что современное понимание сбыта наркотических средств стало шире и уже не сводится только к фактической передаче вещества приобретателю.

С учетом принятых изменений, внесенных в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», «действия, направленные на последующую реализацию запрещенных веществ, но не завершившиеся передачей, квалифицируются как покушение на сбыт, а объективная сторона сбыта включает не только непосредственно передачу этих средств приобретателю, но и иные действия (приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку), совершаемые с целью реализации, независимо от того, удалось ли лицу фактически передать предмет сбыта» [6]. Таким образом, сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием СМИ либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») целесообразно понимать как незаконные действия, а именно приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка запрещенных веществ, включенных в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров [2], а также их передача сбытчиком приобретателю, с целью реализации, осуществляемые посредством периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием либо с использованием технологических систем, предназначенных для хранения, пере-

дачи и получения информации по линиям связи посредством различных технических и математических средств, используемых для механизации и автоматизации процессов вычислений и обработки информации, в основном, компьютеров.

Список литературы:

- [1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
- [2] Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 11.06.2025) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.07.2025) // Российская газета, № 134, 17.07.1998.
- [3] Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 48, 06.03.2012.
- [4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета, № 165, 29.07.2006.
- [5] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 31.07.2025) «О средствах массовой информации» // Российская газета, № 32, 08.02.1992.
- [6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета, № 137, 28.06.2006.
- [7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // Российская газета, № 294, 28.12.2022.
- [8] Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 53723-2009 «Информационные технологии. Руководство по применению ГОСТ Р 53625-2009 (ИСО/МЭК 19796-1:2005)» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2009 г. № 1258-ст) // СПС «Гарант» (дата обращения: 04.05.2026).
- [9] Любавина, М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ: учебное пособие / М. А. Любавина. —

Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 175 с.

[10] Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьями 228 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: учебное пособие / Н.В. Щетинина. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. – 84 с.

[11] Современные интернет-технологии: Учебное пособие. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. – 28 с.

[12] Стригунов, В.В. Введение в компьютерные сети: учеб. пособие / В. В. Стригунов; [науч. ред. Э. М. Вихтенко]. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. – 103 с.

[13] Цуканова О.А., Варзунов А.В. Сетевая экономика: Учебное пособие. – СПб.: СПб ГУИ-ТМО, 2008. – 76 с.

[14] Азизов Р.Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. – 331 с.

[15] Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2020. – 521 с.

[16] Шалина М.Г. Интернет-коммуникация как фактор трансформации информационной сферы: дис. ... докт. филологич. Наук. Москва, 2012. – 961 с.

[17] Токманцев Д.В. К вопросу о понятии и моменте окончания незаконного сбыта, совершенного с использованием сети Интернет или других информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3 (48). С. 77-84.

[18] Хромов Е.В. Проблемы квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Криминалист. 2021. № 3 (36). С. 32-38.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, №. 25, art. 2954.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.1998 № 681 (as amended on

11.06.2025) «On Approval of the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and their Precursors subject to Control in the Russian Federation» (as amended and supplemented, intro. effective from 27.07.2025) // Rossiyskaya Gazeta, № 134, 17.07.1998.

[3] Federal Law № 18-FZ of 01.03.2012 (as amended on 03.07.2016) «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta, № 48, 06.03.2012.

[4] Federal Law № 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 29.12.2025) «On Information, Information Technologies, and Information Protection» // Rossiyskaya Gazeta, № 165, 29.07.2006.

[5] Law of the Russian Federation № 2124-1 dated 27.12.1991 (as amended on 31.07.2025) «On Mass Media» // Rossiyskaya Gazeta, № 32, 08.02.1992.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 14 dated 15.06.2006 (as amended on 16.05.2017) «On Judicial Practice in Cases of Crimes Related to Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, Strongly Acting Substances, and Poisons» // Rossiyskaya Gazeta, № 137, 28.06.2006.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 37 dated 15.12.2022, «On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases on Computer Information Crimes and Other Crimes Committed Using Electronic or Information and Telecommunication Networks, Including the Internet» // Rossiyskaya Gazeta, № 294, 28.12.2022.

[8] National Standard of the Russian Federation GOST R 53723-2009 «Information Technologies. Guidelines for Applying GOST R 53625-2009 (ISO/IEC 19796-1:2005)» (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology № 1258-st dated 15.12.2009) // SPS «Garant» (accessed 04.05.2026).

[9] Lyubavina, M. A. Qualification of Crimes Under Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: A Study Guide / M. A. Lyubavina. — St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. — 175 p.

[10] Features of the qualification of crimes under Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: a textbook / N.V. Shchetinina. – Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – 84 p.

[11] Modern Internet Technologies: A Tutorial. – Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law, and Technology, 2023. – 28 p.

[12] Strigunov, V.V. Introduction to Computer Networks: Textbook. / V. V. Strigunov; [scientific ed. E. M. Vikhtenko]. – Khabarovsk: Publishing House of the Pacific State University, 2016. – 103 p.

[13] Tsukanova O.A., Varzunov A.V. Network Economics: Textbook. – St. Petersburg: SPb GUITMO, 2008. – 76 p.

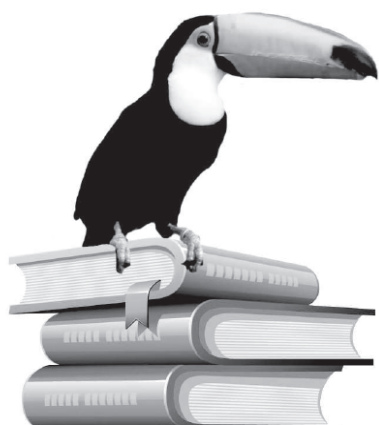
[14] Azizov, R.F. Legal Regulation on the Internet: A Comparative and Historical Legal Study: Diss. ... Dr. Law. St. Petersburg, 2016. – 331 p.

[15] Ruskevich E.A. Differentiation of Responsibility for Crimes Committed Using Information and Communication Technologies and the Problems of Their Qualification: Diss. ... Dr. Law. Moscow, 2020. – 521 p.

[16] Shalina M.G. Internet Communication as a Factor of the Information Sphere Transformation: Diss. ... Dr. Philol. Sciences. Moscow, 2012. – 961 p.

[17] Tokmantsev D.V. On the Concept and the Moment of the End of Illegal Sale Committed Using the Internet or Other Information and Telecommunication Networks // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (48). P. 77-84.

[18] Khromov E.V. Problems of Qualifying the Sale of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, or Their Analogs Using Mass Media or Electronic or Information and Telecommunication Networks (including the Internet) // Kriminalist. 2021. № 3 (36). P. 32-38.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

БОНДАРЕНКО Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры радиотехнических
систем и комплексов охранного мониторинга
Воронежского института МВД России,
e-mail: bondarenko-92-92@mail.ru

РОЩИН Евгений Владимирович,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
e-mail: roshchin84735@gmail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности генезиса и функционирования транснациональных преступных организаций в настоящее время. Особое внимание уделено истории развития организованной преступности на постсоветском пространстве и трансформации ее в транснациональную. Авторами затронуты также достаточно дискуссионные вопросы о понятии и признаках транснационального преступления.

Ключевые слова: транснациональная преступная организация, транснациональное преступление, постсоветское пространство, глобализация, национальная безопасность, международное сотрудничество.

BONDARENKO Evgeny Sergeevich,
Lecturer of the Department of Radio Engineering
Systems and Security Monitoring Complexes
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ROSHCHIN Evgeny Vladimirovich,
Lecturer at the Department of Tactical and Special Training
Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON SOME FEATURES OF THE FUNCTIONING OF TRANSNATIONAL CRIMINAL ORGANIZATIONS

Annotation. The article examines some features of the genesis and functioning of transnational criminal organizations at the present time. Special attention is paid to the history of the development of organized crime in the post-Soviet space and its transformation into a transnational one. The authors also raised quite controversial issues about the concept and features of a transnational crime.

Key words: transnational criminal organization, transnational crime, post-Soviet space, globalization, national security, international cooperation.

На сегодняшний день транснациональная организованная преступность достигла поистине глобальных масштабов. Такое положение, несомненно, обусловлено структурированностью и координированностью деятельности преступных организаций. Проблема транснацио-

нальной организованной преступности представляет угрозу безопасности не только для стран со слабой экономикой, поскольку сдерживает ее развитие, но, с учетом глобализации, оказывает серьезное влияние и на общемировые процессы. Деятельность транснациональных преступных

организаций уже давно проникла в политику, экономику, крупный бизнес, государственное управление и информационное пространство. Организованная преступность питает коррупцию и тем самым подрывает саму идею государственности. Причем, на сегодняшний день юридически доказать незаконное предоставление каких-либо привилегий, например, при получении господрядов на конкурсной основе, достаточно проблематично, а с учетом тех же коррупционных влияний даже инициировать такую проверку представляется весьма затруднительным. Сегодня в мире активно действуют транснациональные преступные организации, деятельность которых связана с незаконной миграцией, торговлей людьми, наркотическими средствами, оружием и др. Интересно, что некоторые страны одновременно выполняют как функцию производителя, поставщика незаконной продукции, так и функцию покупателя. Организованная преступность легко трансформируется, все чаще применяет разнообразные формы прикрытия, маскировки и легализации. Изучение генезиса и структуры транснациональных преступных организаций позволит разработать научные и практические рекомендации, положения и выводы относительно эффективности противодействия как определенным видам преступлений, так и системной борьбы с самими организациями. «Для экспертного сообщества неоспоримым представляется генезис организованной преступности, зародившейся в древности и продолжающей эволюционировать параллельно с генезисом самого государства и его институтов, лишь трансформируя и накапливая свой криминально-негативный потенциал, подрывая при этом социально-политическую стабильность как в отдельно взятой стране, так и в различных регионах планеты» [1]. Структура постсоветской организованной преступности, наследниками которой по праву являются не только страны СНГ, но и в определенной мере страны бывшего социалистического лагеря, характеризуется наличием на низшем уровне численных и мобильных преступных групп, занимающихся сбором интересующей информации и вымогательством, так называемым «крышеванием», применяя угрозы и насилие над конкурентами. На более высоких уровнях преступности наблюдаются объединения преступников в группы, лидеры которых называют себя «ворами в законе» с объемом власти в зависимости от эффективности и масштабов деятельности их преступных групп и живут по определенным «кодексам поведения». Практически все крупные преступные организации делятся на ветви, которые, соответственно, также могут ветвиться. В период выхода постсоветской организованной преступной деятельности за пределы своих госу-

дарств, параллельно с изменениями в политической, социальной, культурной и экономической жизни, наблюдалось и усиление жестокости насильственных проявлений преступности, усиливалась конкуренция между преступными группировками, увеличивалась их опасность, в частности, за счет усиления вооруженности, быстрой приспособляемости к возникающим изменениям. Особенно наглядным этот процесс был в 1990-е годы, когда на постсоветском пространстве произошел рост практически всех видов преступлений, в особенности с применением оружия. В результате этого получило развитие «особое направление в международном сотрудничестве стран СНГ - совместная борьба с терроризмом и экстремизмом, международным наркотрафиком, транснациональной организованной преступностью, борьба с незаконной миграцией» [2]. Учеными и специалистами-практиками отмечается, что транснациональная организованная преступность как достаточно гибкий, постоянно развивающийся организм, приобрела за последние десятилетия отличную приспособляемость и самообучаемость, склонность к высокому профессионализму, использованию в деятельности последних научно-технических достижений. Одной из характерных черт постсоветской организованной преступности является ее распределение по национальным (грузинские, армянские, азербайджанские, таджикские, молдавские, украинские и др. организации) и территориальным признаками (казанские, тамбовские, рязанские группы). Таким образом, организованная преступность на постсоветском пространстве, учитывая особенности ее возникновения и географическое положение, достаточно быстро стала транснациональной, занимается достаточно разнообразными видами преступной деятельности и эффективно поддерживает связи с другими транснациональными преступными организациями, а потому, представляет на сегодняшний день серьезную опасность для всего мирового сообщества. «Именно поэтому формирование и реализация взвешенной, эффективной и сбалансированной криминологической политики государства имеет целью обеспечить активную и действенную борьбу с преступностью, а укрепление законности и правопорядка должны быть приоритетными в деятельности всех государственных органов власти, органов местного самоуправления и общества в целом» [3]. Характерными особенностями транснациональной организованной преступности государств постсоветского пространства являются:

- многонациональность;
- наличие сложных иерархических структур;
- широкая сфера преступных интересов;
- наличие транснациональных связей;

- способность оставаться без внимания правоохранительных органов;
- соблюдение «законов и традиций» преступного мира;
- высокий уровень коррумпированности органов государственной власти и управления.

Транснациональная преступная организация представляет собой специально созданную криминальную структуру, которая имеет признаки организованной системы (руководство, распределение полномочий, собственные внутренние нормы поведения, критерии эффективности деятельности, правосудие и др.). Для любой транснациональной преступной организации характерны следующие признаки:

- незаконные операции по перемещению материальных, нематериальных и человеческих ресурсов через государственные границы различных стран;
- организованный характер, структурированная система взаимосвязей с другими социальными и государственными институтами, внутренняя субординация и распределение преступных ролей;
- использования в своей деятельности новейших информационно-коммуникационных технологий, современных средств транспорта и специальной техники;
- симбиоз «беловоротничковой преступности», преступности в сфере высоких технологий с другими, в частности, насильственными, коррупционными и другими преступлениями общеуголовной направленности, которые обеспечивают реализацию сложных преступных схем и комбинаций в финансовой, хозяйственной, внешнеторговой деятельности.

Несмотря на различные классификации транснациональных преступных организаций, которые представлены в научной литературе, как правило, выделяются следующие виды:

- транснациональные преступные организации, в состав которых входят лица, не имеющие соответственно оформленного юридического статуса, в то же время эти объединения имеют все признаки организации;
- транснациональные преступные организации, имеющие определенный юридический статус;
- транснациональные преступные организации, создаваемые и функционирующие под прикрытием государственных, коммерческих, социальных, политических или иных институтов, а также путем смешения или различных комбинаций последних.

По нашему мнению, трактовка понятия «транснациональная преступность» должно

основываться на уже существующих криминологических, международно - правовых, уголовно – правовых, уголовно – процессуальных, политических и других исследованиях по указанному вопросу. В частности, обзор научных источников по международному праву дает представление о международно - правовом понимании международной преступности и международного преступления, определяет классификацию таких преступлений и т.д. В научной литературе существует обоснованное мнение о том, что понятие «международная преступность» формируется под влиянием практики и рассматривается, в основном, как общекриминальное явление, то есть преступность стала международной без какого-либо особого политического содержания, поскольку почти все преступления, предусмотренные уголовным правом, приобрели международную распространенность. Основным признаком, характеризующим борьбу с транснациональной преступностью, является обязательное взаимодействие правоохранительных органов различных государств. Кроме того, «эта деятельность должна быть интегрирована с международными системами безопасности»[4]. По нашему мнению, преступление может быть транснациональным, исходя из своего характера, то есть либо оно выходит за пределы (территорию) одного государства, либо отдельные элементы его состава содержатся в пределах более чем одного государства. В основу криминалистического понимания преступления с иностранным элементом должны лечь признаки, которые будут иметь криминалистическое значение, определять особенность его криминалистической характеристики, то есть подчеркивать его «транснациональность». Транснациональность преступления может определяться по следующим признакам:

- преступление совершается на территории нескольких государств;
- преступление совершается на территории одного государства, а преступное следствие имеет место на территории другого государства;
- субъектом преступления является гражданин (граждане) другого государства.

Указанные признаки как отдельно, так и в совокупности представляют собой иностранный элемент в криминалистической характеристике преступления, то есть определяют его транснациональность. С другой стороны, международный (иностраный) элемент в уголовно - процессуальных отношениях может быть как предпосылкой определения преступления в качестве транснационального, так и следствием определения его транснациональности.

Таким образом, системное исследование транснациональной преступности в целом и суще-

ности понятия транснационального преступления с правовой точки зрения, является одной из основных предпосылок для разработки действенных мер борьбы с преступностью в международном масштабе, а также повышению эффективности взаимодействия правоохранительных органов разных государств.

Список литературы:

[1] Тишкин Д. Н. Вопросы уголовно-правовой политики современной России: проблемы противодействия организованной преступности / Д. Н. Тишкин, А. П. Шувалов // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 21 мая 2020 года / Отв. редактор Н.С. Сорокун. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 244-249.

[2] Шувалов А. П. Правовая компаративистика как наука: вчера, сегодня, завтра / А. П. Шувалов, Е. Н. Ложниченко, А. А. Кривошеин, Д. В. Гладков // Закон и право. – 2019. – № 4. – С. 52-55.

[3] Шувалов А. П. О некоторых аспектах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению права человека на безопасность / А. П. Шувалов, С. Н. Устюгов, А. Д. Елизарова // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 181-183.

[4] Шувалов А. П. Актуальные вопросы соотношения уголовной, уголовно-правовой и криминологической политики: системный подход /

А. П. Шувалов, Д. Н. Тишкин // Актуальные проблемы применения уголовного законодатель-

ства: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 21 мая 2020 года / Отв. редактор Н.С. Сорокун. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 297-301.

References:

[1] Tishkin D.N. Issues of the criminal law policy of modern Russia: problems of countering organized crime/D.N. Tishkin, A.P. Shuvalov//Actual problems of the application of criminal law: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, May 21, 2020/Otv. editor N.S. Sorokun. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. - S. 244-249.

[2] Shuvalov A.P. Legal comparative studies as a science: yesterday, today, tomorrow/A.P. Shuvalov, E.N. Lozhnichenko, A.A. Krivoshein, D.V. Gladkov// Law and Law. – 2019. – № 4. – S. 52-55.

[3] Shuvalov A.P. On some aspects of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to ensure the human right to security/A.P. Shuvalov, S.N. Ustyugov, A.D. Elizarova//Law and Law. – 2020. – № 12. – S. 181-183.

[4] A.P. Shuvalov. Topical issues of the ratio of criminal, criminal law and criminological policy: a systematic approach/

A.P. Shuvalov, D.N. Tishkin//Actual problems of the application of criminal law: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, May 21, 2020/Otv. editor N.S. Sorokun. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. – S. 297-301.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

Аннотация. Проблема ранней криминализации детей и подростков всегда являлась одной из основных проблематик, которые пытаются разрешить многие научные отрасли, имеющие отношение к пенитенциарной сфере. Гипотетически возможно предположить, что знания и умения, сформированные такими научными отраслями крайне важны в направлении нейтрализации преступного, а тем более рецидивного поведения несовершеннолетних лиц. Тем более значимы знания и умения, полученные специалистами из тех стран, которые уже прошли определенный и значительный путь формирования и развития службы пробации.

Необходимость исследования зарубежного опыта по использованию института пробации в отношении несовершеннолетних лиц подчеркивается необходимостью нейтрализации преступного, а тем более рецидивного поведения несовершеннолетних лиц, что явно следует из анализа содержания плана мероприятий по реализации Указа Президента Российской Федерации, объявляющего период с 2018 года по 2027 год – Десятилетием Детства в Российской Федерации. Указанный план, в числе основных целей и задач, определяет задачу сокращения рецидивной преступности среди несовершеннолетних.

Актуальность рассматриваемого в публикации вопроса подчеркивает то обстоятельство, что исследователи пенитенциарной сферы из стран, где нет собственной службы пробации, в своих исследованиях (публикациях) определяют значимость создания такой службы для работы с несовершеннолетними. В ряде, к примеру, постсоветских стран уже планируется создание службы пробации на уровне законодательства, а также реализуются соответствующие научные изыскания.

Изучение опыта как постсоветских стран, так и европейских стран, позволило также определить, что функционирование института пробации в этих странах определяет наличие как общих, свойственных всем службам пробации характеристик управления поведением и воспитания несовершеннолетних лиц, так и весьма дифференцированных (своеобразных) характеристик управления поведением и воспитания несовершеннолетних правонарушителей. В публикации особое внимание уделено общим характеристикам функционирования института пробации в различных странах.

Ключевые слова: зарубежный опыт, использование института пробации, несовершеннолетние лица, управление поведением, психологическая работа, воспитание, постсоветские страны, управление поведением, воспитание осужденных, службы пробации, рецидив совершаемых преступлений, пенитенциарные психологи.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FКУ Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of psychological sciences

THE IMPORTANCE OF STUDYING FOREIGN EXPERIENCE IN THE USE OF PROBATION IN RELATION TO MINORS

Annotation. The problem of early criminalization of children and adolescents has always been a key issue addressed by many scientific fields related to the penitentiary sphere. It is hypothetically possible to

assume that the knowledge and skills developed by such scientific fields are extremely important in neutralizing criminal, and especially recidivist, behavior among minors. The knowledge and skills acquired by specialists from countries that have already made significant progress in establishing and developing probation services are even more significant.

The need to study international experience in the use of probation for minors is underscored by the need to neutralize criminal, and especially recidivism, behavior among minors, as clearly evident from an analysis of the action plan for the implementation of the Decree of the President of the Russian Federation declaring the period from 2018 to 2027 the Decade of Childhood in the Russian Federation. Among the main goals and objectives of this plan is the reduction of recidivism among minors.

The relevance of the issue discussed in this publication is underscored by the fact that penitentiary researchers from countries without their own probation service, in their research (publications), identify the importance of creating such a service for working with minors. In a number of post-Soviet countries, for example, the creation of probation services is already being planned at the legislative level, and relevant research is also being conducted. A study of the experiences of both post-Soviet and European countries also revealed that the functioning of probation in these countries reveals both common characteristics of juvenile behavior management and education, common to all probation services, and highly differentiated (unique) characteristics of juvenile behavior management and education. This publication focuses on the common characteristics of probation in various countries.

Key words: *foreign experience, use of the probation institution, minors, behavior management, psychological work, education, post-Soviet countries, behavior management, education of convicts, probation services, recidivism, penitentiary psychologists.*

Введение.

Проблемные аспекты, связанные с нейтрализацией преступного, а тем более рецидивного поведения несовершеннолетних лиц, всегда были крайне актуальны как для нашего общества и государства, так и для обществ и государств любых стран в мире. Вопрос возможности не направлять подростка в пенитенциарные учреждения, а также вопросы о том насколько подготовленным к жизни на воле после отбывания уголовного наказания окажется вчерашний несовершеннолетний осужденный, то насколько он освободился, в том числе, и от криминальных (преступных) мыслей и идей, определяют ответы о том, какова сегодня степень безопасности функционирования общества в целом и каждого его представителя в отдельности [1, с. 373].

Важно отметить, что, например, Республика Беларусь не имеет собственной службы пробации, а соответственно закрепленных законодательных норм в этом направлении работы с несовершеннолетними правонарушителями. Но, исходя из имеющихся публикаций, белорусские исследователи пенитенциарной сферы определяют значимость создания службы пробации [8, с. 98]

С учетом того, что мы указали выше, для нас крайне интересен опыт тех стран, где имеется значительный опыт использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации преступного и рецидивного поведения несовершеннолетних лиц, а в частности опыт по использованию института пробации в отношении несовершеннолетних лиц. Реализуя поиск таких стран мы, естественно, обратим внимание на

опыт реализации института пробации в странах, находящихся в географической близости от Российской Федерации, где существует нормативная правовая база и функционирует служба пробации в отношении несовершеннолетних лиц. То есть речь идет о странах, входящих в СНГ, а также о так называемых постсоветских странах. Также, особо интересен рассматриваемый опыт многолетней практики применения института пробации в отношении несовершеннолетних правонарушителей в европейских странах [4, с. 18; 7, с. 69].

Необходимо учитывать то, что как показывают исследования опыта как постсоветских стран, так и европейских стран, функционирование института пробации в этих странах определяет наличие как общих, свойственных всем службам пробации характеристик управления поведением и воспитания несовершеннолетних лиц, так и весьма дифференцированных (своеобразных) характеристик управления поведением и воспитания несовершеннолетних правонарушителей [2, 3].

Цель статьи – определение необходимости исследования зарубежного опыта по использованию института пробации в отношении несовершеннолетних лиц.

Использованные в исследовании методы: метод типологизации, метод компаративного анализа нормативных правовых и организационных документов, посвященных проблемному вопросу значимости изучения опыта организации реализации института пробации на территории постсоветских стран; метод анализа теоретико-методологических, методических источников, посвященных рассматриваемому вопросу.

Результаты исследования.

Как нами указывалось выше для нас крайне актуален опыт постсоветских и европейских стран, где имеется значительный опыт использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации преступного и рецидивного поведения несовершеннолетних лиц, а в частности опыт по использованию института пробации в отношении несовершеннолетних лиц. Данная актуальность исходит из многочисленных проблемных аспектов, возникающих при исполнении положений Федерального Закона «О пробации в РФ» № 10-ФЗ от 06.02.2023 года в части, касающейся несовершеннолетних лиц и их правового статуса, в частности [6, с. 50].

Изучение передового зарубежного опыта постсоветских и европейских стран, тем более посредством сравнительного анализа существующей теории и практики применения института пробации, способствует выявлению существующих общих недостатков и еще предстоящих отечественной пенитенциарной системе сложностей в направлении функционирования службы пробации, связанного с несовершеннолетними лицами.

Значимость исследования зарубежного опыта по использованию института пробации в отношении несовершеннолетних лиц подчеркивается необходимостью нейтрализации преступного, а тем более рецидивного поведения несовершеннолетних лиц, что явно следует из анализа содержания плана мероприятий по реализации Указа Президента Российской Федерации, объявляющего период с 2018 года по 2027 год – Десятилетием Детства в Российской Федерации. Указанный план, в числе основных целей и задач, определяет задачу сокращения рецидивной преступности среди несовершеннолетних.

Обсуждение.

Определенный интерес представляет опыт работы службы пробации в отношении несовершеннолетних лиц в Республике Армения. Одной из основных задач службы пробации является обеспечение надлежащего психического и физического развития пробанотов, а также реализация воспитательной работы, направленной на профилактику криминального заражения подростков. Для реализации обозначенной задачи соответствующие специалисты посредством диагностики личностных характеристик несовершеннолетних лиц разрабатывают персональную программу по ресоциализации каждого из несовершеннолетних лиц, включающую коррекцию ценностно-смысловой и поведенческих сфер личности [5, с. 7].

В Республике Казахстан, где пенитенциарная пробация, как один из четырех видов проба-

ции, реализуется представителями административных пенитенциарных учреждений, пробационные мероприятия должны быть максимально соответствовать социально-демографическим характеристикам несовершеннолетних лиц. С целью максимального обеспечения эффективности рассматриваемых мероприятий активно используются социально-полезные связи несовершеннолетнего осужденного (семья, близкие люди), а также омбудсмены по правам подростков и представители органов опеки. Мероприятия, направленные на ресоциализацию несовершеннолетнего осужденного и реализуемые на основании персональной программы, предусматривают, прежде всего, помощь осужденному в формировании и развитии социально-полезных связей несовершеннолетнего осужденного с семьей и близкими людьми, а также содействие в социально-правовой и материально-бытовой адаптации.

Комплексные государственные и общественные меры по воздействию на процесс ресоциализации несовершеннолетних лиц в рамках института пробации в Республике Казахстан основаны, прежде всего, на детальном и содержательном исследовании личностных характеристик (свойств и качеств) несовершеннолетних правонарушителей. Именно на основании таких результатов диагностики личностных свойств и качеств несовершеннолетнего правонарушителя и реализуется коррекционная работа в отношении его поведения и профилактики рецидива совершения преступлений.

Содержание опыта пробационной работы с несовершеннолетними в Кыргызской Республике акцентировано на строгом психолого-педагогическом подходе ко всем проводимым мероприятиям к числу которых относятся: оказание социально-правовых услуг, воспитательные и психологические мероприятия, проводимые отдельно от других категорий осужденных, мероприятия с участием родителей, либо опекунов.

Интересен соответствующий опыт Республики Молдова, где так называемые советники по пробации, являющиеся специалистами как в психологической, так и в воспитательной работе, не только определяют характеристики психологического состояния несовершеннолетнего правонарушителя, но и посредством воспитательной и психологической работы подготавливают несовершеннолетних осужденных к освобождению на пенитенциарном этапе пробации. Также, в рамках сотрудничества с администрацией исправительных учреждений, советники по пробации работают в составе комиссий исправительных учреждений, где рассматриваются вопросы, в том числе, и об условно-досрочном освобождении осужденных. Закономерно, что такое положение

сказывается на весьма высоком социально-правовом статусе советников по пробации в глазах их клиентов. Ювенальная пробация является одним из пяти видов пробации, закрепленных в законодательстве Республики Молдова.

Заключение.

Рассмотрев, таким образом, вопрос важности и актуальности исследования зарубежного опыта по использованию института пробации в отношении несовершеннолетних лиц мы приходим к общему выводу о значимости этого вопроса по ряду причин.

Значимость рассматриваемого в статье вопроса подчеркивает то обстоятельство, что исследователи пенитенциарной сферы из стран, где нет собственной службы пробации, в своих исследованиях (публикациях) определяют значимость создания такой службы для работы с несовершеннолетними. В Таджикистане планируется создание службы пробации на уровне законодательства.

Особый интерес представляет опыт многолетней практики применения института пробации в отношении несовершеннолетних правонарушителей в европейских странах.

Проведенное исследование опыта как постсоветских стран, так и европейских стран, позволило также определить, что функционирование института пробации в этих странах определяет наличие как общих, свойственных всем службам пробации характеристик управления поведением и воспитания несовершеннолетних лиц, так и весьма дифференцированных (своеобразных) характеристик управления поведением и воспитания несовершеннолетних правонарушителей. В качестве общих характеристик отметим, что во всех рассмотренных нами странах несовершеннолетние правонарушители имеют право на: реализацию психолого-педагогического подхода со стороны всех специалистов в области пробации, работающих с ними; участие родителей либо опекунов в мероприятиях пробации; возможность помощи по формированию и развитию жизненно-важных навыков; помощь в личностном становлении и ресоциализации.

Список литературы:

- [1] Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378
- [2] Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права: монография. – М.: ООО «Издательство “Элит”», 2007. 152 с.

[3] Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы: теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2018. 496 с.

[4] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

[5] Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5-8.

[6] Фазилов И.Ю. Пробация – эффективная система ресоциализации лиц, совершивших преступление / И. Ю. Фазилов // Наука, техника и образование. 2019. № 8 (61). С. 49-52.

[7] Фролов М.Г. Концепция пробации в уголовных законодательствах стран СНГ // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных статей. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2024. С. 68-75.

[8] Шабаль В.С. Правовое обеспечение реализации общественного воздействия как средства исправления осужденных // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2016. № 2 (32). С. 97-100.

References:

- [1] Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Voronkov K.I. Anti-Criminogenic Resocialization: Foreign Experience // All-Russian Criminological Journal. 2020. No. 3. S. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378
- [2] Esakov G.A. Fundamentals of Comparative Criminal Law: Monograph. – M.: ООО “Izdatelstvo “Elite”, 2007. 152 s.
- [3] Teplyashin P.V. European Penitentiary Systems: Theoretical, Applied, and Comparative Legal Research: Diss. ... Doc. of Law: 12.00.08. Krasnoyarsk, 2018. 496 s.
- [4] Tikhomirov Yu.A. Course in Comparative Law. M.: NORMA. 1996. 432 s.
- [5] Utkin V.A. On the Prospects of Probation in Russia // Criminal-Executive System: Law, Economics, Management. 2016. №. 4. S. 5-8.
- [6] Fazilov I.Yu. Probation – an effective system of resocialization of persons who have committed a crime // Science, Technology and Education. 2019. № 8 (61). S. 49-52.
- [7] Frolov M.G. The concept of probation in the criminal legislation of the CIS countries // Actual problems of jurisprudence: collection of scientific articles. Smolensk: Smolensk State University. 2024. S. 68-75.
- [8] Shabal V.S. Legal support for the implementation of public influence as a means of correcting convicts // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2016. No. 2 (32). P. 34-45.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-353-358

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-
исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАПИРАЕМЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования выбрана правовая характеристика отбывания лишения свободы осужденными, содержащимися в запираемых учреждениях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Для ее достижения использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Анализировались особенности правового регулирования содержания осужденных к лишению свободы в ЗП, их функционирования в ИУ УИС. Одним из обязательных атрибутов организации исполнения лишения свободы в строгих условиях в ИК различных видов являются ЗП, в которых содержатся осужденные. Они представляют собой изолированные жилые или рабочие зоны с повышенным контролем, где осужденные содержатся за закрытыми дверями. Тем самым они образуют неотъемлемый элемент меры наказания, являются частью строгого режима, реализуемого в ИУ УИС. ЗП можно классифицировать на различные виды. В настоящее время создана и развивается законодательная и ведомственная нормативная правовая база, регулирующая создание, функционирование и ликвидацию ЗП. Указанные помещения оборудуются комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции содержащихся в них лиц от осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в ИУ в других условиях. Различные виды ЗП в ИУ УИС выполняют важную роль изоляции осужденных в строгих условиях отбывания лишения свободы. Отдельного содержания злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, которые негативно влияют на других осужденных, правопорядок и оперативную обстановку в учреждении, создающих угрозу пенитенциарной безопасности. Правовые и организационные вопросы их функционирования нуждаются в специальном научном исследовании и осмыслении с позиций современного состояния и дальнейших перспектив использования в отечественной пенитенциарной практике. Правила внутреннего распорядка ИУ УИС конкретизируют права и обязанности, особенно содержания осужденных в ЗП. Ведомственный контроль и надзор за законностью содержания осужденных к лишению свободы в ЗП ИУ УИС осуществляет ФСИН России и ее территориальные органы (ГУФСИН и УФСИН субъектов федерации), а также органы прокуратуры в лице Управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры России и специализированных прокуратур, прокуроров прокуратур субъектов федерации.

Ключевые слова: правовая характеристика, осужденные, лишение свободы, запираемые помещения, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, ведомственный контроль, прокурорский надзор.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law,
Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FPU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL CHARACTERISTICS OF SERVING IMPRISONMENT IN LOCKED ROOMS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. The purpose of the study is to select the legal characteristics of serving imprisonment by convicts held in locked correctional institutions of the penal system. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation. The features of the legal regulation of the detention of persons sentenced to imprisonment in the PO and their functioning in the IU of the penal system were analyzed. One of the mandatory attributes of the organization of the execution of imprisonment in strict conditions in various types of penal institutions is the PO in which convicts are held. They are isolated residential or work areas with increased security, where convicts are kept behind closed doors. Thus, they form an integral element of the punishment measure, and are part of the strict regime implemented in the penal Institution. The PO can be classified into different types. Currently, a legislative and departmental regulatory framework has been created and is being developed to regulate the creation, operation, and liquidation of a PO. These premises are equipped with a complex of communal facilities to ensure the isolation of the persons contained in them from those sentenced to imprisonment serving their sentences in other conditions. Various types of PO in the penal Institution perform an important role of isolating convicts in strict conditions of imprisonment. Separate detention of malicious violators of the established order of serving their sentences, who negatively affect other convicts, law and order and the operational situation in the institution, posing a threat to prison security. The legal and organizational issues of their functioning need special scientific research and understanding from the standpoint of the current state and future prospects of use in domestic penitentiary practice. The internal regulations of the Penal Institution specify the rights and obligations, the specifics of the detention of convicts in the PO. Departmental control and supervision over the legality of the detention of persons sentenced to imprisonment in the Detention center is carried out by the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial bodies (the Federal Penitentiary Service and the Federal Penitentiary Service of the subjects of the Federation), as well as prosecutor's offices represented by the Office for Supervision of the Legality of the Execution of Criminal Penalties of the Prosecutor General's Office of Russia and specialized prosecutor's offices, prosecutors of prosecutor's offices of the subjects of the Federation.

Key words: legal characteristics, convicts, imprisonment, locked rooms, correctional institutions, penal enforcement system, departmental control, prosecutorial supervision.

Введение. Вопросы организации отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее ИУ УИС) в исправительных колониях (далее ИК) различного вида режима (общего, строгого, особого), колониях-поселениях (далее КП), воспитательных колониях (далее ВК), тюрьмах являются весьма релевантными для современной отечественной пенитенциарной практики, теории национального уголовно-исполнительного права. При этом, в первую очередь, в контексте реализации установленных законом условий отбывания наказания (обычных, облегченных, льготных и строгих) [1, с. 134-138].

Одним из обязательных атрибутов организации исполнения лишения свободы в строгих условиях в ИК различных видов являются так называемые запираемые помещения (далее ЗП), в которых содержатся осужденные. Они представляют собой изолированные жилые или рабочие зоны с повышенным контролем, где осужден-

ные содержатся за закрытыми дверями. Тем самым они образуют неотъемлемый элемент меры наказания, являются частью строгого режима, реализуемого в ИУ УИС.

ЗП можно классифицировать на различные виды, к которым относятся:

- помещения в которых содержатся осужденные, признанные комиссией ИК в установленном порядке злостными нарушителями установленного порядка отбывания лишения свободы и помещенные для дальнейшего его отбывания в строгие условия [2];
- штрафные изоляторы (далее ШИЗО) ИК различного вида режима, в камерах которых содержатся нарушители установленного порядка и условий отбывания наказания сроком до 15 суток [3, с. 150-163];
- помещения камерного типа (далее ПКТ), единые помещения камерного типа (далее ЕПКТ), функционирующие при ИУ, в которых длительное время (до полугода и более)

отбывают лишение свободы осужденные - злостные нарушители установленного порядка отбывания наказания [4, с. 257-261];

- одиночные камеры для изоляции осужденных, представляющих повышенную социальную опасность для окружающих, или используемые администрацией ИУ в качестве безопасного места;
- тюрьмы, как отдельный вид ИУ УИС;
- транзитно-пересыльные пункты, создаваемые и функционирующие в соответствии со статьей 76 УИК РФ, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее ПВР ИУ УИС), утвержденными Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», Приказом Минюста России от 22.08.2014 г. № 179 «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы» [5].

ЗП оборудуются комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции содержащихся в них лиц от осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в ИУ в других условиях.

Таким образом, различные виды ЗП в ИУ УИС выполняют важную роль изоляции осужденных в строгих условиях отбывания лишения свободы. Отдельного содержания злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, которые негативно влияют на других осужденных, правопорядок и оперативную обстановку в учреждении, создающих угрозу пенитенциарной безопасности [6]. Правовые и организационные вопросы их функционирования нуждаются в специальном научном исследовании и осмыслении с позиций современного состояния и дальнейших перспектив использования в отечественной пенитенциарной практике.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовой характеристики отбывания лишения свободы осужденными, содержащимися в запираемых учреждениях исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Для ее достижения использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, ана-

логия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Анализировались особенности правового регулирования содержания осужденных к лишению свободы в ЗП, их функционирования в ИУ УИС.

Основные результаты. Особенности содержания осужденных, содержащихся в ЗП конкретизированы в разделе 35 (пунктах 576-587) ПВР ИУ УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». Данный ведомственный правовой акт определяет основные права и обязанности лиц, находящихся в ЗП:

- нахождение в дневное время осужденных к лишению свободы в помещениях, отделенных от спальных помещений;
- осуществление уборки прогулочного двора и ЗП поочередно каждым осужденным, в них находящимся;
- осужденные в присутствии лиц, осуществляющих контроль за деятельностью ИУ и органов УИС, администрации учреждения обязаны вставать и построиться в месте, определенном администрацией ИУ, принять руки в положение за спиной, назвать свою фамилию, имя и отчество, дату рождения, статью УК РФ по которой осуждены, даты начала и окончания срока отбывания наказания [7];
- ограничение права осужденных к лишению свободы, содержащихся в ЗП в строгих условиях на привлечение к занятиям при обучении в образовательных организациях по очной, очно-заочной, заочной формам обучения;
- предоставление осужденным возможности получать образование в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях ФСИН России в период пребывания в ЗП в форме самообразования, а также получение консультаций с преподавателями образовательных организаций;
- обучение осужденных к лишению свободы в ЗП в ВК организуется в специально оборудованном изолированном помещении [8, с. 79-84];
- спортивно-массовые мероприятия с осужденными к лишению свободы, содержащимися в ЗП, не проводятся, место проведения с ними физической зарядки определяется администрацией ИУ [9];

- культурно-массовые мероприятия с осужденными к лишению свободы в ЗП проводятся в помещениях, в которых они проживают [10, с. 160-167];
- осужденные, содержащиеся в ЗП, имеют право на встречи со священнослужителями, пользование библиотекой и магазином (интернет-магазином), находящимися в ИУ при соблюдении их изоляции от осужденных, содержащихся в других условиях [11];
- осужденным к лишению свободы в ЗП демонстрируются кинофильмы и видеофильмы не реже одного раза в неделю [12, с. 43-48];
- трудоустройство, прием пищи, медицинский осмотр, амбулаторное лечение осужденных рассматриваемой категории организуется отдельно от осужденных к лишению свободы, отбывающих его в других условиях содержания [13, с. 126-128];
- осужденные к лишению свободы, содержащиеся в ЗП в ВК, привлекаются к труду в отдельных помещениях, оборудованных в изолированном помещении [14, с. 322-327];
- осужденные к лишению свободы, содержащиеся в ЗП в ИУ (за исключением ВК), если они не работают на открытом воздухе, имеют право на прогулку, продолжительность которой устанавливается статьями 121 и 123 УИК РФ, которая проводится в дневное время на специально оборудованной части территории ИУ (в прогулочном дворе ЗП).

Ведомственный контроль и надзор за законностью содержания осужденных к лишению свободы в ЗП ИУ УИС осуществляет ФСИН России и ее территориальные органы (ГУФСИН и УФСИН субъектов федерации), а также органы прокуратуры в лице Управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры России и специализированных прокуратур, прокуроров прокуратур субъектов федерации.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Одним из обязательных атрибутов организации исполнения лишения свободы в строгих условиях в ИК различных видов являются ЗП, в которых содержатся осужденные. Они представляют собой изолированные жилые или рабочие зоны с повышенным контролем, где осужденные содержатся за закрытыми дверями. Тем самым они образуют неотъемлемый элемент меры наказания, являются частью строгого режима, реализуемого в ИУ УИС. ЗП можно классифицировать на различные виды.

В настоящее время создана и развивается законодательная и ведомственная нормативная правовая база, регулирующая создание, функционирование и ликвидацию ЗП.

ЗП оборудуются комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции содержащихся в них лиц от осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в ИУ в других условиях.

Различные виды ЗП в ИУ УИС выполняют важную роль изоляции осужденных в строгих условиях отбывания лишения свободы. Отдельного содержания злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, которые негативно влияют на других осужденных, порядок и оперативную обстановку в учреждении, создающих угрозу пенитенциарной безопасности. Правовые и организационные вопросы их функционирования нуждаются в специальном научном исследовании и осмыслении с позиций современного состояния и дальнейших перспектив использования в отечественной пенитенциарной практике.

Правила внутреннего распорядка ИУ УИС конкретизируют права и обязанности, особенности содержания осужденных в ЗП. Ведомственный контроль и надзор за законностью содержания осужденных к лишению свободы в ЗП ИУ УИС осуществляет ФСИН России и ее территориальные органы (ГУФСИН и УФСИН субъектов федерации), а также органы прокуратуры в лице Управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры России и специализированных прокуратур, прокуроров прокуратур субъектов федерации.

Список литературы:

- [1] Ковалев О.Г. Условия отбывания наказания осужденными к лишению свободы как элемент режима исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // *Международный научный вестник*. 2025. № 11. С. 134-138.
- [2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.
- [3] Ковалев О.Г. Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования // В книге: V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий). Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 9-ти томах. Рязань. 2021. С. 159-163.
- [4] Ковалев О.Г. К вопросу соблюдения законности содержания осужденных в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещений камерного типа и одиночных камерах исправительных учреждений // *Право и управление*. 2024. № 7. С. 257-261.
- [5] Приказ Минюста России от 22.08.2014 г. № 179 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы» // *Consultant.ru* (дата обращения 11.06.2026).
- [6] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Основы комплексного обеспечения безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития // *Монография*. Псков 2024. 199 с.
- [7] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // *Garant.ru* (дата обращения 11.06.2026).
- [8] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В. Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных // В сборнике: *Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты*. Тверь, 2025. С. 79-84.
- [9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.
- [10] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // *Перспективы науки*. 2024. № 3 (174). С. 160-167.
- [11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.
- [12] Ковалев О.Г. Особенности реализации права осужденных к лишению свободы на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач // *Право и управление*. 2026. № 1. С. 43-48.
- [13] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // *Тенденции развития науки и образования*. 2023. № 96-5. С. 126-128.
- [14] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. История развития института уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних в России // *Российский научный вестник*. 2025. № 3. С. 322-327.
- [15] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

References:

- [1] Kovalev O.G. Conditions of serving sentences by persons sentenced to imprisonment as an element of the regime of correctional institutions of the penal system // *International Scientific Bulletin*. 2025. No. 11. pp. 134-138.
- [2] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.H., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.
- [3] Kovalev O.G. Organization and methodology of prosecutorial inspections in correctional colonies of the penal system in the context of its reform // In the book: V International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (dedicated to the Year of Science and Technology in the Russian Federation in 2021). Collection of abstracts of speeches and reports of participants. In 9 volumes. Ryazan. 2021. pp. 159-163.
- [4] Kovalev O.G. On the issue of observing the legality of the detention of convicts in penal isolation cells, cell-type rooms, single cell-type rooms and single cells of correctional institutions // *Law and Management*. 2024. No. 7. pp. 257-261.
- [5] Order of the Ministry of Justice of Russia dated 08/22/2014 No. 179 (as amended on 08/09/2023) "On approval of the Procedure for the Establishment, operation and liquidation of transit and transfer points at correctional institutions and pre-trial detention facilities of the penal system" // *Consultant.ru* (accessed 11.06.2026).
- [6] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Fundamentals of integrated security of institutions of the penal system at the present stage of its development // *Monograph*. Pskov 2024. 199 p.
- [7] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // *Garant.ru* (accessed 11.06.2026).
- [8] Kovalev O.G., Kovtunen L.V. Educational activity and professional training in the correction of convicts // In the collection: *Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects*. Tver, 2025. pp. 79-84.
- [9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.
- [10] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. *Perspektivy nauki*. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.
- [11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article-by-article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.
- [12] Kovalev O.G. Features of the realization of the right of persons sentenced to imprisonment to watch movies and television shows, listening to radio broadcasts // *Law and Management*. 2026. No. 1. pp. 43-48.
- [13] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // *Trends in the development of science and education*. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.
- [14] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The history of the development of the institute of criminal penalties against minors in Russia // *Russian Scientific Bulletin*. 2025. No. 3. pp. 322-327.
- [15] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор психологических наук, доцент,
г. Москва, Российская Федерация,
ID ORCID: 0000-0002-0045-6062,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru,

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и
криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института
ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ И САМООЦЕНКИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье раскрываются особенности самосознания и самооценки несовершеннолетних осужденных. Психолого-педагогическая оценка самосознания на уровне исправления осужденных необходима, потому что педагогическая запущенность личности наносит существенный урон ее развитию.

Ключевые слова: самосознание, личность, деформация, развитие, изменение, самооценка, общественная деятельность.

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Chief Researcher of the Research Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russian Federation

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal
Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

FEATURES OF SELF-AWARENESS AND SELF-ESTEEM OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. The article reveals the features of self-awareness and self-esteem of juvenile convicts. Psychological and pedagogical assessment of self-awareness at the level of correction of convicts is necessary, because the pedagogical neglect of the personality causes significant damage to its development.

Key words: self-awareness, personality, deformation, development, change, self-esteem, social activities.

Самосознание личности выступает ведущей предпосылкой становления деятельности самовоспитания, его наиболее важным условием и средством. Психолого-педагогическая оценка самосознания на уровне исправления осужденных в первую очередь необходима, потому что педагогическая запущенность личности наносит, как правило, существенный урон ее

развитию. Знать объем, глубину деформаций, четко ставить диагноз, причинам, вызвавшим их появление этих деформаций, является первой обязанностью воспитателя. Без этого нельзя рассчитывать на успех в исправлении личности.

Ученые считают подростковый возраст тем этапом психического развития человека, в рамках которого начинается бурное развитие и каче-

ственное изменение самосознания. Н.Ф. Добрынин связывает это с усиленным развитием абстрактного мышления, с потребностью в самоутверждении; П.Р. Чамата – с активизацией общественной деятельности подростка; Т.В. Драгунова и Д.Б. Эльконин – с формированием чувства взрослости; А.В. Введенков – с развитием потребности в общении; Б.Т. Лихачев – с углублением и качественным изменением отношений между подростками; А.И. Кочетов рассматривает развитие самосознания как процесс открытия подростками самих себя.

Оценки источников развития самосознания, как мы видим, носят различный характер. Применительно к несовершеннолетним правонарушителям они в своей совокупности позволили обнаружить интересное обстоятельство. Все эти источники оказывали деформирующее воздействие на подростков. Начало такого воздействия своими корнями, как правило, уходит в раннее детство. Вероятно, поэтому абстрактное мышление таких подростков отличается низким уровнем. В своем большинстве по интеллектуальному развитию они отстают от своих сверстников, не испытывающих действия отклоняющегося поведения. Общественная деятельность их слабо интересует либо приобретает искаженный характер; в форме вожачества, лидерства среди недисциплинированно ведущих себя несовершеннолетних. Потребность в самоутверждении чаще всего реализуется примитивно, аморальным, а иногда и противоправным путем. Формирование чувства взрослости происходит с акцентом на отрицательном поведении. Открытие своего внутреннего мира, своего «Я» осуществляется искаженно. В основе столь противоречивого развития самосознания подростков с отклонениями в поведении лежат причины первого и второго порядка. К причинам первого уровня относятся ошибки семейного воспитания, прямое либо косвенное влияние микроклимата неблагополучной семьи, просчеты и ошибки школьного воспитания; негативное воздействие на самосознание личности отрицательно направленного общения.

Эти причины способствуют возникновению в структуре самосознания осужденных различных отрицательных тенденций, которые, в свою очередь, оказывают вторичное отрицательное влияние на личность и как бы довершают деструктивное развитие этого явления изнутри: под влиянием лени, эгоцентризма, беспринципности, возникших как результат влияния отрицательных факторов первого порядка.

Наблюдения показывают, что реальная самооценка осужденных, являющаяся стержнем самосознания, способствует закреплению общественно ценных устремлений личности, а неадек-

ватная, неправильная, наоборот, стимулирует аморальные поступки и действия. Она существенно усложняет отношения несовершеннолетнего с окружающими людьми, формирует индивидуализм. Завышенная самооценка, в частности, способствует возникновению чрезмерного самолюбия, которое в сочетании с аморальными способами самовыражения приводит личность к правонарушениям. Заниженная самооценка рождает неуверенность, поведенческий дуализм, раздвоенность личности и делает ее лишней в системе межличностных отношений, затрудняя тем самым существование в коллективе сверстников.

Самооценка несовершеннолетних правонарушителей, как правило, неразвита, узкофрагментарна. Ее объектом чаще всего выступают те качества личности, которые обусловлены аффективно-волевой сферой. Так, частота указанных подростками нежелательных либо вредных черт своего характера оказалась следующей:

- несдержанность – 87,7%;
- вспыльчивость – 75,8%;
- слабоволие – 62%;
- отсутствие самообладания – 55%.

Вместе с тем вне самооценки оказались интеллектуальные, эстетические, трудовые черты личности.

В структуре самосознания несовершеннолетних осужденных обнаруживаются пробелы, вызванные деформацией абстрактно-понятийного мышления личности. Они основательно затрудняют возможность устанавливать причинно-следственную взаимосвязь между личностными качествами и своим практическим поведением. А приводит подчас к самым нежелательным последствиям. В частности, указанная особенность выступает одной из главных причин того, что отрицательные качества своего поведения, точнее, характера, воспитанники выводят из поведенческих просчетов окружающих лиц: ударил, потому что он мне нагрубил; совершил правонарушение потому, что меня уговорили, был пьян и т.п. То есть в основе самооценки своих действий и поступков в той или иной форме заключен фактор самооправдания. Отсюда причины отрицательных поступков в сознании осужденных подростков выступают как результат внешне заданных обстоятельств, но не как закономерное следствие собственных пороков и отрицательных качеств.

Направленность к самооправданию сформирована у подавляющего большинства подростков с отклонениями в поведении. Например:

- 70,8% обследованных правонарушителей объясняли правонарушения случайностью;
- 10,8% признавали их в качестве преднамеренных.

При более конкретной постановке вопроса оказалось, что на совершение правонарушений, как объясняли подростки, повлияли:

- опьянение – 54,2%;
- незнание норм права – 12,5%;
- безделье, глупость – 7%;
- влияние друзей – 4% и т.д.

Естественно, что самооценка подростков, связанная с попытками представить себя жертвой случая, алкоголя, неосознанности и прочее, является, во-первых, признаком неразвитости нравственно-правового самосознания личности и, во-вторых, показателем низкого уровня их воспитанности. Самообман стимулирует возникновение смыслового барьера (мне нечего исправлять!) к педагогическим требованиям, адресованным воспитанникам. Он закрепляет отрицательное отношение к критике и самокритике, сводит к минимуму потребность в самопознании и самоисправлении.

Самосознание, как известно, развивается в процессе социального сравнения себя с окружающими людьми. У правонарушителей такого рода сравнение ориентировано на подростковую среду: неформальную микрогруппу, уличную компанию и т.д. Здесь возникает ярко выраженное стремление к самопознанию личности. Подросток, включенный в аморальную микрогруппу, довольно быстро находит в ней свои идеалы и ценностные ориентации. Вначале он подражает стилю поведения лидеров и вожаков микрогруппы, а затем, адаптировавшись, начинает вести себя достаточно самостоятельно; однако быть вполне самостоятельным в подростковой микрообъединении даже для лидеров, а тем более рядовых членов, достаточно сложно, если не сказать больше – практически невозможно. Тем не менее осужденный, взяв пример со своих товарищей по отрицательно направленной микрогруппе, как правило, пытается разрешать жизненные проблемы при помощи хитрости, изворотливости либо физической силы, если она у него имеется. Здесь он сознательно начинает формировать в себе способность к корыстным, жестоким поступкам, то есть все то, что определяется «идеалами» микрогруппы. В ней проходит путь самопознания в антиобщественных ролях и действиях, диктуемых ролевыми предписаниями, и что самое худшее – именно в микрогруппе сравнительно легко осуществляется самовосприятие собственной антиобщественной деятельности. Микроклимат подросткового объединения не позволяет развиваться «аллергии» к ее традициям, нормам поведения, к тем отрицательным поступкам, которые совершают ее члены. Для этого существует круговая порука, участие в правонарушении, которое ему тотчас навязывается, и целый ряд других «охранных» мероприятий.

А.Б. Добрович достаточно подробно описывает несколько условий, которые поддерживают соответствующий микроклимат в микрогруппе, охраняющий ее от психологических неожиданностей в поведении тех, кто начинает проявлять несогласие с психологической атмосферой подросткового объединения. В частности, в такого рода условия входит правило рангового соответствия, правило отпора, правило силы, правило выдвижения, правило гонения, правило «козла отпущения», отвода агрессии от себя, возмещения убытка, правило незаинтересованности, правило соблазна, послабления, круговой поруки (См.: Воспитателю о психологии и психогигиене общения. – М.: Просвещение, 1987, с. 132-142).

Психологический микроклимат отрицательно направленных микрогрупп, где динамично осуществляется самопознание в негативных формах, является той основой, на которой формируется безучастное или негуманное отношение к незнакомым людям и в то же время рождается чувство солидарности с теми лицами, которые родственны по духу, то есть к таким же подросткам, которые совершают поступки, аналогичные их собственным. Опрос показал, что у 76,4% такого рода проступки вызвали сочувствие и одобрение к человеку, который их совершал.

Самосознание, развивающееся под влиянием отрицательной среды, способствует формированию специфических норм и принципов поведения личности. Они представляют «смесь» разнородных поведенческих правил, заимствованных у микроокружения, их прочитанных книг, из высказываний взрослых, соединенных с накопленным житейским опытом. Поведенческие кодексы осужденных подростков, несмотря на их очевидную примитивность, подражательность и абсурдность, тем не менее достаточно активно мотивируют их поведение. Содержание поведенческих кодексов отражается в устных высказываниях, в песнях, в татуировках. То есть они существуют как в устной, так и в письменной форме. Смысл кодексов опытный воспитатель всегда пытается разгадать и по возможности полнее определить. Такое знание позволяет раскрыть характер ведущих отрицательных тенденций нормативной сферы самосознания личности и наметить путь их преодоления.

Сильнейшее влияние на развитие самосознания осужденных оказывают потребности личности. Процесс этот взаимнообратим, поскольку самосознание, так же как и потребности, заключает в себе мотивообразующие функции. То есть самосознание не только оказывает влияние на мотивационно-потребностную личность, но и выступает для ее динамики психорегулирующей силой. Что же касается потребностей, то наиболее активная роль в указанном отношении при-

надлежит потребности в самоутверждении. Она отражает стремление личности к оптимальному развитию своих духовных сил и возможностей. Самоутверждение является внутренним генератором нравственной энергии, могущественным импульсом, побуждающим и мобилизующим внутренние резервы человека на решение сложных задач.

Потребность в самоутверждении у несовершеннолетних осужденных реализуется, как правило, в ситуации одобрения, признания, уважения со стороны окружающих людей. Источники реализации потребности в самоуважении заложены у подростков в системе взаимоотношений со сверстниками. Это связано в первую очередь с тем обстоятельством, что общение и деятельность последних носит преимущественно групповой характер. В микрогруппах осужденных на основе жестокой иерархии, весьма острой проблемой является достижение позитивного отношения к своей личности со стороны микроокружения. Знаки их внимания приобретают для воспитанников особый смысл. Они являются одновременно и критерием и субъективным показателем удовлетворения потребности в самоутверждении.

Утрата положительного отношения со стороны микроокружения симптоматична возникновением непризнания личности членами микрогруппы. В ситуации непризнания, естественно, наиболее разрушительному воздействию подвергается самосознание подростка. Он переносит это чрезвычайно болезненно, и стремясь самоутвердиться проявляет поведенческий экстремизм, использует любые средства для достижения целей самоутверждения.

Фактор самоутверждения тесно связан с уровнем притязаний личности. Он выступает активным стимулом в развитии самооценки как системы динамично формирующихся отношений подростка к своему «Я», стимулирует его активность и побуждает находить адекватные пути реализации потребности в самоутверждении. Движущей силой реализации этой потребности чаще всего выступает взаимодействие самооценки подростка с оценкой окружающих его людей. Самоутверждение является динамичным источником самооценки, акцентированной на реальные поступки и действия личности. Поэтому и характер самоутверждения, в зависимости от самооценки личности, в поведении несовершеннолетних правонарушителей отличается различным этическим содержанием. Подростки с неадекватной самооценкой и негативной направленностью личности чаще всего поддерживают статус своего «Я» негативными средствами. При защите самооценки они способны не только

вести оборону, но и совершать нападение на тех, кто пытается поколебать их жизненные позиции и представления о своем «Я». При этом не исключена ситуация, в которой объектом нападок может оказаться их наставник: учитель, мастер, воспитатель и другие лица, стремящиеся изменить в положительном плане направленность их самооценки и самоутверждения. Оскорбительные прозвища, грубые реплики, бойкот – вот далеко не полный перечень того, чем могут воспользоваться воспитанники в указанных обстоятельствах. Именно поэтому в работе с ними необходимы выдержка, педагогический такт, высокое чувство профессионального самопознания, дающие возможность педагогу вовремя проверить правильность используемых мер в процессе корректировки самосознания личности. Другими словами, эта работа требует того, чтобы воспитатель не только знал логику ее инструментовки, но и сам постоянно занимался самопознанием в профессиональном и личностном плане.

Итак, негативно реализуемая потребность в самоутверждении у несовершеннолетних правонарушителей стимулирует нарушение структуры нравственного самосознания личности, способствует формированию крайнего индивидуализма, деформирует психические состояния молодого человека. Именно поэтому несовершеннолетние, испытывая закономерное тяготение к групповой жизнедеятельности, отнюдь не всегда становятся хорошими партнерами по общению для своих же товарищей по микрогруппе. Неадекватная самооценка, подкрепляемая отрицательно выраженной потребностью в самоутверждении, не только способствует истинному сближению интересов личности с интересами своих же товарищей по микрогруппе, но, напротив, рождает очень часто нездоровое соперничество, отчуждение, хотя внешне их отношения могут выглядеть вполне дружественными.

Результаты исследования Г.М. Потанина показали, что для 51,6% подростков с отклонениями в поведении характерны преобладание переоценки собственной личности, завышенный уровень социальных притязаний, сочетающийся с негативными формами самоутверждения; 28,5% – недооценка и заниженный уровень притязаний, которые, однако, не исключают аморальных и противоправных форм самоутверждения; около 20% подростков имеют более или менее реальные представления о своей личности, которые позволяют им более продуманно осуществлять процесс самоутверждения как в положительном, так и в отрицательном плане [14].

Подростки с завышенной самооценкой очень часто демонстрируют самостоятельность и неохотно прислушиваются к советам воспитате-

лей, родителей, своих товарищей, ориентирующих на пересмотр ошибочных позиций. И, напротив, несовершеннолетние с адекватной самооценкой и отрицательной направленностью личности тщательно камуфлируют свои притязания и самооценку. Их деятельность носит почти всегда «теневой» характер.

Подростки с заниженными притязаниями и самооценкой отличаются неустойчивостью в поведении, неверием в свои духовные силы и возможности. Им довольно часто приходится пребывать в роли непризнаваемых и быть на посылках у школьников, занимающих более высокое положение в иерархии подростковых отношений. В этой ситуации оказываются, как правило, подростки, имеющие интеллектуальные и физические изъяны в своем развитии. Роль исполнителей чужой воли способствует формированию беспринципных и безвольных личностей. Вместе с тем у таких подростков наблюдается истеричность, аффективно выраженное упрямство. Отсутствие возможности давать прямой отпор в конфликтных ситуациях, в которые они довольно часто попадают, рождает в их поведении тщательно скрываемую злобность, мстительность, коварство.

Естественно, что с отрицательными тенденциями самосознания личности необходимо вести бескомпромиссную борьбу по их преодолению. Воспитатель должен четко осознавать магистральные направления этой борьбы. Например, воспитание положительной потребности в самоутверждении, обучение подростков положительным средствам ее реализации нельзя осуществлять с позиций волевого давления на личность. Подвергать ломке неадекватную самооценку прямолинейным путем также не всегда целесообразно. Во-первых, это может вызвать негативное отношение со стороны правонарушителей к тем, кто пытается воздействовать на них таким образом и, во-вторых, что еще более опасно, побудить их к двойственному поведению – «для них» и «для себя!». Более оправданным является одновременное воздействие на самооценку личности и ее потребностную сферу, которое осуществляется творчески, в условиях сотрудничества педагога с воспитанником, с использованием комбинированных средств и методов самовоспитания.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам

Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропология. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург. 2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[14] Потанин Г. М. Формы и методы предупреждения педагогической запущенности и правонарушений подростков. М., 1989. С. 41.

References:

[1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[3] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[6] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[7] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and practice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[10] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova/In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[14] Potanin G. M. Forms and methods of preventing pedagogical neglect and delinquency of adolescents. M., 1989. S. 41.

АГАФОНОВ С.Ю.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России;
доцент кафедры общей и клинической психологии
Приволжского исследовательского медицинского университета
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
e-mail: agafonov_sergey82@mail.ru

СЕРЕБРОВ Д.О.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: do.serebrov@gmail.com

ПАВЛОВ Е.Н.,

преподаватель кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

БУРЦЕВ В.А.,

преподаватель кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: yakovleva-185@mail.ru

КОВАЛЕНКО О.Н.,

преподаватель кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: Oksana-chan@yandex.ru

О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ОПЫТЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ

Аннотация. Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий – общественно опасные деяния, запрещенные Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания, совершенные с использованием информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в интернет-пространстве. Авторами проанализированы диспозиции статей Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащие понятие «информационно-телекоммуникационные технологии». Для изучения данной тематики авторами использованы методы синтеза, анализа, формально-юридический (догматический) и статистический. Рассмотрено действие уголовно-правовых норм в расследовании преступлений данной категории, представлена реализация данных норм на примере конкретного уголовного дела.

Ключевые слова: преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, уголовный кодекс Российской Федерации.

AGAFONOV S.YU.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Criminalistics of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Associate Professor,
Department of General and Clinical Psychology,
Volga Research Medical University,
Ministry of Health of the Russian Federation

SEREBROV D.O.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Criminalistics,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

PAVLOV E.N.,
Lecturer, Department of Forensic Science,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

BURTSEV V.A.,
Lecturer, Department of Forensic Science,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

KOVALENKO O.N.,
Lecturer, Department of Forensic Science,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

ON THE POSITIVE EXPERIENCE OF INVESTIGATING CRIMINAL CASES OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGIES, AS PART OF AN ORGANIZED GROUP

Annotation. Crimes in the field of information and telecommunication technologies are socially dangerous acts prohibited by the Criminal Code of the Russian Federation under threat of punishment, committed using information technologies and information and telecommunication networks in the Internet space. The authors analyzed the dispositions of articles of the Criminal Code of the Russian Federation containing the concept of "information and telecommunication technologies". To study this topic, the authors used methods of synthesis, analysis, formal legal (dogmatic) and statistical. The article considers the effect of criminal law norms in the investigation of crimes of this category, and presents the implementation of these norms using the example of a specific criminal case.

Key words: Crimes in the field of information and telecommunications technologies, Criminal Code of the Russian Federation.

Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) – общественно опасные деяния, запрещенные Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) под угрозой наказания, совершенные с использованием информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в интернет-пространстве [1]. Анализируя диспозиции статей УК РФ, ссылаясь на указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 11/11, МВД России № 1 от 17 января 2023 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (Перечень № 25), а также исследование статистической отчетности, можно выделить ряд статей Уголовного закона, являющихся наиболее распространенными в рамках исследования рассматриваемого вида

преступных деяний. Так, например, пункт «г» части 3 статьи 158 – кража (тайное хищение чужого имущества), совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств [2]. Наиболее распространенными примерами указанного вида преступлений являются: использование виновным лицом похищенной банковской карты путем оплаты товаров и услуг, снятия наличных денежных средств через банкомат, перевода денежных средств на личный расчетный счет; использование мобильного телефона потерпевшего с привязанными банковскими счетами к определенным приложениям;

– статья 159.3 УК РФ – мошенничество (хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием), совершенное с использованием электронных средств платежа;

- статья 159.6 УК РФ – мошенничество (хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием) в сфере компьютерной информации путем ввода, удаления, блокирования, модификации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи указанной информации [3].

Использование информационно-коммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», является квалифицирующим признаком преступлений, не связанных с хищением чужого имущества (например, доведение до самоубийства (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ); незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ).

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что преступления, совершаемые с использованием ИКТ, имеют под собой довольно прочный фундамент и нашли свое активное распространение среди всего спектра преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации, что является негативной тенденцией и требует введение наиболее эффективных средств и методов для искоренения данной категории преступлений.

Обращаясь к криминологическому аспекту [4], а также изучив статистическую базу, авторами установлено, что за 2024 год на территории Российской Федерации зарегистрировано около 2 000 преступлений, из которых 40 % совершены с использованием информационно-коммуникационных технологий, что выше на 13, 1% по сравнению с 2023 годом. Согласно статистическим данным, представленным МВД России за 2025 год, ущерб от IT-преступлений вырос на 16 % и составил почти 120 млрд рублей [5]. Данная тенденция обусловлена некоторыми объективными факторами:

Доверчивость и низкая правовая грамотность граждан. Наряду с активной цифровизацией современного общества возникает проблема, связанная с использованием мошенниками различных методов и способов обмана посредством использования мобильных средств связи и социальных сетей. С учетом того, что в средствах массовой информации скоплен и раскрыт обширный перечень способов обмана, используемых мошенниками, а также профилактической информации, граждане зачастую это игнорируют или даже не обращают внимание, предполагая, что не станут жертвами мошенниче-

ских действий. Это является заблуждением и одной из основных причин увеличения количества рассматриваемого вида преступлений.

Низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов с кредитными организациями, сотовыми операторами и иными службами, имеющими прямую или косвенную связь с киберпреступностью. В настоящее время данная причина постепенно искореняется с учетом обновления и совершенствования нормативной правовой базы как на общеправовом, так и на частном уровне путем внесения изменений во внутриведомственные приказы. По нашему мнению, в данном случае необходимо обратить внимание на наиболее детальные аспекты (например, на временные промежутки, в частности, сокращение сроков, предоставляемых коммерческим организациям при подготовке ответов на запросы правоохранительных органов).

Не маловажной причиной выступает сама цифровизация гражданского общества. В основном граждане используют сеть «Интернет» в различных сферах своей жизни: при хранении и обмене денежными средствами, используя электронные средства платежа, инвестиционные платформы; при получении и использовании товаров и услуг, располагаемых на цифровых платформах; при хранении, редактировании, модификации частной информации на электронных носителях. С одной стороны, это указывает на развитие современного общества, а с другой – на становление фундамента преступной деятельности, связанной с хищением денежных средств с использованием сети «Интернет».

Активное развитие и использование иностранных цифровых платформ (VPN, Bitcoin), что в значительной мере затрудняет не только контроль со стороны государственных органов за сохранностью и безопасностью личных данных граждан, а также процесс раскрытия указанных преступлений с учетом проблем, возникающих в рамках международного сотрудничества, с учетом внешнеполитической обстановки.

По нашему мнению, данный перечень причин является наиболее распространенным, однако их спектр намного шире.

Кроме того, важно обратить внимание не только на момент производства предварительного следствия, но и этап доследственной проверки материалов. Процесс проверки сообщения о преступлении, совершенного с использованием ИТТ, является наиболее важным, так как именно в течение данного периода времени возможно провести ряд процессуальных действий до возбуждения уголовного дела, направленных на сохранение денежных средств потерпевших и установления правонарушителей. В процессе доследственной проверки необходимо установить сам

факт хищения денежных средств, сумму похищенного и способ совершенного деяния. В случае установления достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления, следователем возбуждается уголовное дело, и дальнейшее расследование производится по разработанному алгоритму. Так, согласно статьям 145–146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) первоначальным этапом производства по сообщению о преступлении является уведомление потерпевшего о возбуждении уголовного дела, признание его таковым соответствующим постановлением и допрос лица, которому причинен имущественный вред, в качестве потерпевшего [6].

В протоколе допроса должны быть отражены сведения об имущественном положении лица, о периоде совершенного хищения с указанием точных даты и времени. В случае поступления звонков и смс-сообщений время должно быть указано поминутно. Кроме того, должна быть отражена полная информация о расчетном счете потерпевшего и, по возможности, виновного лица, включая все операции, производимые с денежными средствами потерпевшего. Также необходимо установить способ совершения хищения путем предоставления потерпевшим подробной информации о происходящих событиях. По окончании допроса необходимо провести профилактические мероприятия с потерпевшим в целях недопущения повторения виктимологической составляющей.

После производства вышеуказанных следственных действий необходимо провести выемку сотового телефона, документов, скриншотов смс-сообщений, переводов, выписок с расчетных счетов, детализации телефонных соединений у потерпевшего в случае, если данная информация в наличии. В противном случае необходимо подготовить и направить запросы в банки или сотовые организации для установления данной информации. Далее необходимо осмотреть изъятое и приобщить к материалам уголовного дела.

Следующим этапом является направление официальных зарегистрированных запросов посредством электронного документооборота, почтовой связи в кредитные организации, иные интернет-сервисы, с использованием которых было совершено хищение. Далее на основании полученной информации органом дознания или следствия необходимо подготовить ходатайство в суд на разрешение получения у оператора связи сведений о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами о наложении ареста на денежные средства, находящиеся на расчетных счетах.

Данные процессуальные действия необходимо произвести в течение первых суток после

регистрации сообщения о преступлении в целях минимизации имущественного вреда и своевременного получения информации для установления лица, совершившего преступление.

В дальнейшем при установлении лиц, их персональных данных, местонахождения, на расчетные счета которых поступили денежные средства потерпевшего, необходимо направить поручения в определенные регионы Российской Федерации на проведение необходимых процессуальных действий.

Но важно помнить, что до производства указанных следственных и процессуальных действий важно внести информацию о полученном сообщении в систему ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество». Данная система содержит в себе базу по всем преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий на территории Российской Федерации. При внесении полного объема информации, включая расчетные счета, абонентские номера, полные сведения о потерпевшем, имеется возможность установления совпадений и получения определенной «линии» уголовного преследования. Также необходимо осуществить звонок в кредитную организацию, направленный на блокировку «сомнительной» операции, то есть предполагается, что банк отменит операцию перевода денежных средств на счет правонарушителя, тем самым денежные средства будут возвращены, соответственно, одна из основополагающих целей уголовного судопроизводства будет выполнена.

Одной из главных проблем расследования исследуемой категории преступлений является их низкая раскрываемость [7]. Связано это с тем, что преступные связи мошенников довольно обширны, зачастую данные преступления совершаются организованными группами, и для установления организатора необходимы крупные и разработанные материально-технические ресурсы и высококвалифицированная профессиональная подготовка сотрудников. Авторами статьи проанализирован процесс эффективного уголовного преследования данного вида преступления на примере уголовного дела, находящегося в производстве СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области, возбужденного по 124 эпизодам деятельности по признакам преступления, предусмотренного частью 2 статьи 210 УК РФ, части 4 статьи 159 УК РФ, п.п. «а, б» части 4 статьи 1741 УК РФ по факту того, что не позднее 1 декабря 2016 года более точная дата и время следствием не установлены, гр. Р. и гр. Ш., находясь на территории г. Нижнего Новгорода, действуя умышленно, из корыстных побуждений, с целью личного незаконного материального обогащения, имея единый преступный умысел, заранее объединились в устойчивую группу для

совершения хищений денежных средств физических лиц путем обмана. Для реализации своего преступного умысла гр. Р. и гр. Ш., имея достаточные познания в сфере информационных технологий и маркетинга, избрали способ совершения систематических преступных действий в отношении заранее неопределенного круга физических лиц и в дальнейшем постоянно корректировали план их совершения.

Обвиняемые при реализации своего преступного умысла выбрали наиболее распространенный и удобный метод обмана – «вишинг», представляющий собой одну из форм социальной инженерии, при которой мошенники, используя средства мобильной связи, а именно звонки, представляясь сотрудниками кредитных организаций, ведомственных структур, службы безопасности, вынуждают абонентов добровольно передать конфиденциальную информацию либо же в целом денежные средства виновным. В данном случае гр. Р. и гр. Ш., используя иных лиц, являющихся соучастниками их преступной деятельности, представлялись жертвам мошеннических действий сотрудниками кредитных организаций (различных банков), предоставляли документы, содержащие ложную и сфабрикованную информацию, убеждали физических лиц производить перечисления денежных средств на указанные ими расчетные счета под предлогом оплаты оказания различного вида услуг, якобы необходимых для успешного прохождения процедуры одобрения банковского кредита. Жертвами их действий являлись физические лица, проживающие за пределами Нижегородской области, имеющие своей целью получение кредитных продуктов при низком кредитном рейтинге и неодобрения их банками при обращении.

В рамках дальнейшей реализации своего преступного умысла и создания преступного сообщества гр. Р. и гр. Ш. создан контактный центр, сотрудниками которого являлись члены преступного сообщества. Основная цель деятельности данного контактного центра заключалась в выстраивании телефонно-коммуникационных связей с физическими лицами, обратившимися для получения кредитного продукта. Данная организация преступной деятельности основана на структуризации преступной организации, построение линии взаимодействия между структурными подразделениями, распределении материальной доли денежных средств, получаемых преступным путем, в зависимости от индивидуального вклада, вносимого участниками в достижении преступной цели.

Каждое структурное подразделение имело свою функциональную базу, руководящий состав, специализацию, особое внимание обращалось

именно на взаимодействие между подразделениями, что способствовало построению обособленности, стабильности и согласованности в действиях.

1. В функции членов первого структурного подразделения входило техническое и информационное обеспечение преступной деятельности, а именно:
 - контроль работоспособности одностраничных сайтов в сети «Интернет» («лендингов»), предназначенных для информирования неограниченного круга лиц об оказании подставным юридическим лицом комплекса услуг, связанных с содействием в получении кредита, а также для сбора первичной информации о лицах, заинтересованных в получении кредита;
 - техническое обеспечение деятельности контактного центра, то есть установка, настройка и контроль за бесперебойной работой технического оборудования, предназначенного для ведения переговоров с лицами, обратившимися за содействием в получении кредита, в том числе его подключение к сети «Интернет», обеспечение доступа к программам для обмена мгновенными сообщениями (мессенджером) и электронной почте, используемым для обмена информацией между соучастниками преступной деятельности и потерпевшими, обеспечение доступа к средствам ip-телефонии, позволяющей участникам преступного сообщества создавать зашифрованные сеансы связи с использованием подменных абонентских номеров, недоступных для внешнего прослушивания;
 - оформление подложных документов, якобы выданных подставными юридическими лицами либо кредитно-финансовыми учреждениями (банками) в ходе исполнения договоров оказания услуг посредничества, которые предоставлялись потерпевшим с целью убеждения в результативности проводимой работы и необходимости оплаты оказанных услуг.
2. Второе структурное подразделение – контактный центр, в функции членов которого входили все аспекты взаимодействия с потерпевшими, обратившимися за оказанием услуг по содействию в получении кредита по телефонам горячих линий либо через формы заявок, размещенных в сети «Интернет» членами первого структурного подразделения, в том числе устное общение, переписка с использованием электронной почты, предоставление документов, содержащих заведомо ложные сведения.

При этом фактической целью членов второго структурного подразделения, заведомо знавших, что никаких услуг в интересах потерпевших они не совершат, являлось введение потерпевших в заблуждение относительно необходимости перечисления денежных средств на расчетные счета, контролируемые членами четвертого структурного подразделения, в счет оплаты различных услуг, связанных с получением кредита, таких как страхование, открытие банковского счета, улучшение кредитной истории.

Характерной особенностью функционирования второго структурного подразделения являлось систематическое совершение преступных действий в формах, внешне не отличимых от обычной деятельности коммерческой организации, направленной на извлечение прибыли, в том числе:

- выполнение его членами своих преступных ролей в рабочее время, то есть, как правило, ежедневно с понедельника по пятницу, в период времени с 09 часов утра до 18 часов вечера, что создавало у потерпевших видимость осуществления законной предпринимательской деятельности;
- выполнение его членами своих преступных ролей в специально подысканных офисных помещениях, в которых гр. Р. и гр. Ш., исполняя свою преступную роль руководителей преступного сообщества (преступной организации), оборудовали рабочие места операторов контактного центра, отдельный кабинет для себя, как его руководителей, а также разместили техническое оборудование, предназначенное для обмена информацией между участниками преступного сообщества (преступной организации) и ведения переговоров с потерпевшими.

3. Третье структурное подразделение, в функции членов которого входили переговоры с потерпевшими, обратившимися за оказанием услуг по содействию в получении кредита от имени сотрудников различных подразделений кредитных организаций АО «Россельхозбанк», ПАО «Сбербанк», АО «Райффайзенбанк», таких как кредитный отдел, принимающий решение о предоставлении кредита, либо служба безопасности, контролирующая правомерность его предоставления. При этом в действительности никаких договорных либо трудовых отношений между указанными кредитными организациями и членами третьего структурного подразделения не имелось, а их фактической целью являлось убеждение потерпевших в том, что заключение договора оказания услуг посредничества либо оплата услуг,

связанных с получением кредита, послужило основанием для принятия положительного решения о выдаче банком кредита.

Характерной особенностью функционирования третьего структурного подразделения являлось выполнение его членами своих преступных ролей удаленно, то есть при нахождении по фактическому месту жительства без личного посещения вышеуказанных офисных помещений.

4. Четвертое структурное подразделение, в функции членов которого входило создание условий для завладения похищенными у потерпевших денежными средствами, дальнейшее распоряжение ими по своему усмотрению и придание законного вида владению, пользованию и распоряжению ими, а именно:

- подыскание банковских карт, оформленных на подставных физических лиц;
- передача сведений об этих картах членам иных структурных подразделений преступного сообщества, а в дальнейшем и потерпевшим, которые под влиянием обмана осуществляли переводы принадлежащих им денежных средств на указанные банковские карты;
- перевод безналичных денежных средств, перечисленных потерпевшими на указанные банковские карты, в наличную форму, в том числе с использованием банкоматов, расположенных на территории г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

В целях конспирации и сокрытия своих личных данных гр. Р. и гр. Ш. оснастили деятельность преступного сообщества (преступной организации) оборудованием, предназначенным для реализации общего преступного замысла: использовались услуги компании, предоставляющие возможность связи посредством ip-телефонии, позволяющей участникам преступного сообщества создавать зашифрованные сеансы связи с использованием подменных абонентских номеров, недоступных для внешнего прослушивания; регулярно менялись интернет-сайты и наименования организаций, использовавшихся при оказании предлагаемых услуг; неоднократно менялись адреса расположения офисов контактных центров; при производстве телефонных переговоров с потенциальными заемщиками использовались вымышленные имена; использовались фиктивные договоры, составленные от имени третьих лиц.

Рассматриваемое уголовное дело было направлено в Нижегородский районный суд г. Нижнего Новгорода для судебного производства. 23 октября 2024 года Нижегородским районным судом г. Нижнего Новгорода вынесен обвинительный приговор в отношении вышеуказанных

лиц, однако вмененная частями 1 и 2 статьи 210 УПК РФ (организация и участие в деятельности преступного сообщества) не устоялась. Данный факт регламентирован тем, что вся расписанная в диспозиции обвинения структура относится к одной сплоченной организованной группе, имеющей одну цель – двух прямых руководителей, тесно взаимодействующих в рамках внутриорганизационной составляющей. Преступное сообщество характеризуется наличием отдельных обособленных структурных подразделений.

Таким образом, положительная тенденция развития преступности в сфере ИТТ характеризуется наличием объективных и социально значимых причин, борьба с которыми позволит искоренить данную категорию преступлений [4]. В рамках досудебного производства по уголовному делу наиболее важным фактором является установление взаимодействия среди структурных подразделений, совершенствование и развития материально-технической базы и оснащенности, повышение квалификационного уровня сотрудников правоохранительных органов, направленное на получение образования, связанного с цифровизацией общества, обновление и совершенствование уголовного законодательства наряду с появлением иных способов и форм хищения чужого имущества, криминализация санкций за нарушение данных категорий преступлений и, безусловно, активная профилактическая работа с гражданами не только на базе общероссийского уровня, но и, охватывая все сферы индивидуальной жизнедеятельности.

Список литературы:

- [1] Карабеков К. О. Киберпреступность в Российской Федерации и Республике Казахстан: состояние и меры предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2025. 26 с.
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 23.04.2026).
- [3] Овсяков Д. А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 34 с.
- [4] Елин В. М. О подходах к криминологической характеристике лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2022. № 7. С. 61–65. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-7-61-65>.
- [5] В. Гердо В России за январь–июль 2025 года ущерб от IT-преступлений вырос на 16 % и составил почти 120 млрд рублей // ТАСС: офиц. сайт. URL: <https://alrf.ru/news/v-rossi-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mlrd/?ysclid=mokdyv60n5554805263> (дата обращения: 20.05.2026).
- [6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 18 марта 2023). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.04.2026).
- [7] Лебедева А. А. Особенности расследования киберпреступлений // Безопасность бизнеса. 2021. № 6. С. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2021-6-48-56>.

References:

- [1] Karabekov K. O. Cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: status and preventive measures: dis.... cand. jurid. sciences. Omsk, 2025. 26 pp.
- [2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. Access from SPS "ConsultantPlus." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (access date: 23.04.2026).
- [3] Ovsyukov D.A. Mercenary crimes against property using information and telecommunication networks: qualification issues: abstract. dis.... cand. jurid. of sciences. Moscow, 2023. 34 pp.
- [4] Elin V. M. On approaches to criminological characterization of persons committing crimes in the field of computer information//Russian investigator. 2022. № 7. S. 61-65. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-7-61-65>.
- [5] V. Gerdo In Russia in January-July 2025, the damage from IT crimes increased by 16% and amounted to almost 120 billion rubles//TASS: official. site. URL: <https://alrf.ru/news/v-rossi-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mlrd/?ysclid=mokdyv60n5554805263> (дата обращения: 20.05.2026).
- [6] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on March 18, 2023). Access from SPS "ConsultantPlus." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (access date: 12.04.2026).
- [7] A. Lebedeva. Features of cybercrime investigation//Business security. 2021. № 6. S. 48-56. DOI: <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2021-6-48-56>.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник
ФКУ научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРИ ИХ СОДЕРЖАНИИ В ТРАНЗИТНО-ПЕРЕСЫЛЬНЫХ ПУНКТАХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования явились правовые, организационные и психологические аспекты соблюдения прав осужденных к лишению свободы при их содержании в транзитно-пересыльных пунктах исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Для реализации указанной цели использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Изучались особенности правового регулирования содержания осужденных к лишению свободы в ТПП, организации их деятельности на территории ИУ УИС. Сформировавшиеся подходы в интерпретации и обеспечения прав указанных осужденных в национальном законодательстве, уголовно-исполнительном праве, правоохранительной деятельности, прокурорском надзоре и пенитенциарной психологии. Указана актуальность междисциплинарного исследования темы на современном этапе развития отечественной пенитенциарной системы. Соблюдение прав осужденных к лишению свободы является одним из приоритетных направлений современного отечественного уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной науки, оно весьма подробно отражено в уголовно-исполнительном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Комплексный теоретико-эмпирический анализ деятельности ИУ УИС показывает наличие такой актуальной проблемы как соблюдение прав осужденных к лишению свободы, содержащихся в ТПП ИУ УИС. Специфика содержания данной деятельности со стороны администрации, должностных лиц и персонала учреждений, а также контролирующих и надзирающих органов, обусловлена, в первую очередь, закрепленными в уголовно-исполнительном законе временными ограничениями нахождения в пунктах осужденных. Их постоянной сменяемостью, несомненно, влияющую на особенности их содержания, обеспечение их основных прав, законных интересов и социальных гарантий. Особенности содержания осужденных в ТПП ИУ УИС, обеспечения их прав и законных интересов регламентированы статьей 76 УИК РФ, ПВР ИУ УИС 2022 г., другими ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Указанные нормативные акты определяют порядок, условия содержания осужденных, обеспечивают соблюдение их основных прав, отраженных в уголовно-исполнительном законе. Гаран-тами соблюдения прав и законных интересов осужденных в ТПП выступают ведомственный контроль, осуществляемый ФСИН России и ее территориальными органами управления, а также прокурорский надзор, реализуемый специализированными прокурорами прокуратур субъектов федерации, управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры России.

Ключевые слова: права осужденных, лишение свободы, уголовно-исполнительное законодательство, транзитно-пересыльные пункты, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, ведомственный контроль, прокурорский надзор.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law
of Psychological Sciences, Professor,
Chief Researcher of the FKU
Scientific Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia

OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT DURING THEIR DETENTION IN TRANSIT AND TRANSIT POINTS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the legal, organizational and psychological aspects of the observance of the rights of persons sentenced to imprisonment during their detention in transit and transit points of correctional institutions of the penal system. To achieve this goal, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation. The peculiarities of the legal regulation of the detention of persons sentenced to imprisonment in the CCI and the organization of their activities on the territory of the Penitentiary Institution were studied. The established approaches to the interpretation and enforcement of the rights of these convicts in national legislation, penal enforcement law, law enforcement, prosecutorial supervision and penitentiary psychology. The relevance of interdisciplinary research on the topic at the current stage of development of the Russian penitentiary system is indicated. The observance of the rights of persons sentenced to imprisonment is one of the priorities of modern domestic penal enforcement legislation and penitentiary science, it is reflected in great detail in penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. A comprehensive theoretical and empirical analysis of the activities of the IU UIS shows the existence of such an urgent problem as the observance of the rights of persons sentenced to imprisonment held in the CCI of the IU UIS. The specifics of the content of this activity on the part of the administration, officials and staff of institutions, as well as regulatory and supervisory authorities, are primarily due to the temporary restrictions imposed by the Penal Enforcement Act on convicts. Their constant turnover undoubtedly affects the specifics of their content, ensuring their fundamental rights, legitimate interests and social guarantees. The specifics of the detention of convicts in the CCI and the Criminal Justice System, ensuring their rights and legitimate interests are regulated by Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation, the 2022 Criminal Code of the Russian Federation, and other departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. These regulations determine the procedure and conditions of detention of convicted persons, and ensure the observance of their fundamental rights, as reflected in the penal enforcement law. The guarantors of the observance of the rights and legitimate interests of convicts in the CCI are departmental control carried out by the Federal Penitentiary Service of Russia and its territorial governing bodies, as well as prosecutorial supervision carried out by specialized prosecutors of the prosecutor's offices of the constituent entities of the Russian Federation, the Directorate for supervision of the legality of the execution of criminal penalties of the Prosecutor General's Office of Russia.*

Key words: *rights of convicts, deprivation of liberty, penal enforcement legislation, transit and transfer points, correctional institutions, penal enforcement system, departmental control, prosecutorial supervision.*

Введение. Соблюдение прав осужденных к лишению свободы является одним из приоритетных направлений современного отечественного уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной науки [1, с. 189-191]. Оно весьма детально закреплено в:

Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (статье 76);

Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее ПВР ИУ УИС), утвержденными Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»;

Приказе Минюста России от 22.08.2014 г. № 179 «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы».

Содержание рассматриваемого правового института анализируется в научных и учебно-методических публикациях ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права, правоохранительных органов, прокурорского надзора и правозащитной деятельности, пенитенциарной психологии и педагогики, оперативно-розыскной деятельности [2, с. 81-83].

При этом, комплексный теоретико-эмпирический анализ деятельности ИУ УИС показывает наличие такой актуальной проблемы как соблюдение прав осужденных к лишению свободы,

содержащихся в транзитно-пересыльных пунктах (далее ТПП) ИУ УИС. Специфика содержания данной деятельности со стороны администрации, должностных лиц и персонала учреждений, а также контролирующих и надзирающих органов, обусловлена, в первую очередь, закрепленными в уголовно-исполнительном законе временными ограничениями нахождения в пунктах осужденных. Их постоянной сменяемостью, несомненно, влияющую на особенности их содержания, обеспечение их основных прав, законных интересов и социальных гарантий.

Таким образом, актуальность рассматриваемой темы, ее комплексных и междисциплинарный характер, предопределили выбор цели, методов и программы исследования, явившиеся методом написания данной научной статьи.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых, организационных и психологических аспектов соблюдения прав осужденных к лишению свободы при их содержании в транзитно-пересыльных пунктах, создаваемых в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение. Изучались особенности правового регулирования содержания осужденных к лишению свободы в ТПП, организации их деятельности на территории ИУ УИС. Сформировавшиеся подходы в интерпретации и обеспечения прав указанных осужденных в национальном законодательстве, уголовно-исполнительном праве, правоохранительной деятельности, прокурорском надзоре и пенитенциарной психологии. Указана актуальность междисциплинарного исследования темы на современном этапе развития отечественной пенитенциарной системы.

Основные результаты. Материалы исследования показывают наличие современной правовой базы, регулирующей особенности содержания осужденных к лишению свободы в ТПП ИУ УИС, соблюдения их прав в специфических условиях функционирования данных пунктов. Так, часть седьмая статьи 76 УИК РФ, определяющей порядок перемещения осужденных к лишению свободы, определяет, что для временного содержания осужденных, следующих к месту отбывания наказания либо перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, при ИУ могут создаваться ТПП [3]. Осужденные содержатся в ТПП на условиях отбывания ими наказания в ИУ, определенном приговором или решением суда [4, с. 134-138]. Максимальный срок содержания осужденных к лишению свободы в ТПП составляет 20 суток.

Учитывая специфику и особенности содержания осужденных в ТПП, обеспечения их прав и законных интересов, законодатель сформулировал порядок их функционирования, создания и ликвидации в специальном ведомственном нормативном правовом акте – Приказе Минюста России от 22.08.2014 г. № 179 «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы» [5]. Таким образом, закон подчеркивает временный характер содержания в ТПП осужденных к лишению свободы в специально организованном помещении, с учетом приговора суда и условий отбывания осужденным наказания в ИУ УИС.

ПВР ИУ УИС в разделе 30 (пунктах 479-497) конкретизировали установленный законом порядок и особенности содержания осужденных к лишению свободы в ТПП. Дополнительно определили права и обязанности указанной категории осужденных, а также права и обязанности администрации ИУ и должностных лиц пункта. К ним, в частности, отнесены:

- проведение полного обыска осужденных, прибывающих в ТПП, досмотра их вещей, изъятия запрещенных к обороту в ИУ вещей и предметов с их последующей передачей на хранение или уничтожение в установленном порядке [6, с. 3445-352];

- прохождение медицинского осмотра (проводимого медицинским работником медицинской организации ИУ) и санитарной обработки (включающую помывку, короткую стрижку волос на голове для мужчин, короткую правку бороды и усов при их наличии [7];

- при выявлении у осужденных, поступивших в ТПП, они немедленно изолируются в медицинскую организацию УИС для оказания им квалифицированной медицинской помощи. Тем самым, осужденным к лишению свободы, содержащимся в ТПП гарантируются такое основное право на санитарно-гигиеническое обеспечение, охрану здоровья, получение первичной медико-санитарной и специализированной помощи [8, с. 242-247];

- осужденный к лишению свободы, прибывший в ТПП и прошедший санитарную обработку, получает предусмотренные уголовно-исполнительным законом постельные принадлежности, а при необходимости – одежду установленного образца в соответствии с нормами вещевого довольствия [9];

- при содержании осужденных в ТПП реализуется их законное право на раздельное содержание по гендерному и возрастному признакам, здоровых от больных, а также впервые осужденных и ранее отбывавших лишение свободы, в том числе при опасном рецидиве, осужденных пожизненно [10, с. 244-248];

- обеспечивается право осужденных на получение информации о правах и обязанностях, условиях содержания и распорядке дня в ТПП [11, с. 220-224];

- соблюдается право осужденных к лишению свободы в ТПП на подачу предложений, заявлений и жалоб, получение психологической помощи [12, с. 9-12];

- с осужденными к лишению свободы, во время их нахождения в ТПП осуществляется воспитательная работа, регламентированная уголовно-исполнительным законодательством [13, с. 160-167];

- осужденным, содержащимся в ТПП обеспечивается их право на надлежащее коммунально-бытовое обеспечение, им создаются соответствующие материально-бытовые условия. Запираемые помещения пунктов оборудуются комплексом коммунально-бытовых объектов с обеспечением изоляции. Уборка запираемых помещений ТПП и прогулочного двора ТПП возлагается поочередно на каждого осужденного к лишению свободы [14];

- право осужденных на получение горячего питания в ТПП реализуется путем предоставления осужденным в запираемых помещениях завтрака, обеда и ужина;

- право осужденных на помывку обеспечивается им в ТПП не реже двух раз в неделю продолжительностью не менее 15 минут с обеспечением их изоляции от других осужденных ИУ;

- право осужденных на ежедневную прогулку продолжительностью не менее двух часов реализуется для осужденных, находящихся в ТПП в оборудованном изолированном прогулочном дворике;

- в период действия режима особых условий, содержащимся в ТПП осужденным к лишению свободы ежедневная прогулка предоставляется при отсутствии угрозы их жизни и здоровью [15, с. 107-112];

- право осужденных на получение книг, журналов обеспечивается из библиотеки ИУ УИС, при котором создан ТПП;

- физическая зарядка осужденных, находящихся в ТПП проводится в запираемых помещениях пункта.

Таким образом, другим существенным отличием, кроме временного соблюдения прав осужденных, находящихся в ТПП выступает их полная изолированность от других осужденных, отбывающих наказание в ИУ УИС, при котором создан пункт.

Гарантами соблюдения прав и законных интересов осужденных в ТПП выступают ведомственный контроль, осуществляемый ФСИН России и ее территориальными органами управления, а также прокурорский надзор [16]. В последнее время надзирающие прокуроры уделяют зна-

чительное внимание соблюдению законности, прав осужденных к лишению свободы при их перемещении между учреждениями, исполняющими уголовные наказания, следственными изоляторами УИС [17, с. 224-229]. Подобная контролирующая и надзирающая практика, несомненно оказывает положительное влияние на соблюдение прав и свобод осужденных, находящихся в ТПП ИУ УИС.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Соблюдение прав осужденных к лишению свободы является одним из приоритетных направлений современного отечественного уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной науки, оно весьма подробно отражено в уголовно-исполнительном законодательстве, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Комплексный теоретико-эмпирический анализ деятельности ИУ УИС показывает наличие такой актуальной проблемы как соблюдение прав осужденных к лишению свободы, содержащихся в ТПП ИУ УИС. Специфика содержания данной деятельности со стороны администрации, должностных лиц и персонала учреждений, а также контролирующих и надзирающих органов, обусловлена, в первую очередь, закрепленными в уголовно-исполнительном законе временными

ограничениями нахождения в пунктах осужденных. Их постоянной сменяемостью, несомненно, влияющую на особенности их содержания, обеспечение их основных прав, законных интересов и социальных гарантий.

Особенности содержания осужденных в ТПП ИУ УИС, обеспечения их прав и законных интересов регламентированы статьей 76 УИК РФ, ПВР ИУ УИС 2022 г., другими ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Указанные нормативные акты определяют порядок, условия содержания осужденных, обеспечивают соблюдение их основных прав, отраженных в уголовно-исполнительном законе. Гарантами соблюдения прав и законных интересов осужденных в ТПП выступают ведомственный контроль, осуществляемый ФСИН России и ее территориальными органами управления, а также прокурорский надзор, реализуемый специализированными прокурорами прокуратур субъектов федерации, управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры России.

Список литературы:

- [1] Ковалев О.Г. Вопросы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 189-191.
- [2] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.
- [3] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011. 448 с.
- [4] Ковалев О.Г. Условия отбывания наказания осужденными к лишению свободы как элемент режима исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 134-138.
- [5] Приказ Минюста России от 22.08.2014 г. № 179 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Порядка создания, функционирования и ликвидации транзитно-пересыльных пунктов при исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://base.garant.ru/70740064/> (дата обращения 05.06.2026).
- [6] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Обысково-досмотровые мероприятия как важнейший фактор обеспечения безопасности пенитенциарных учреждений // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 3. С. 345-352.
- [7] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шаратов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.
- [8] Ковалев О.Г. Особенности реализации права осужденных на охрану здоровья, получение первичной медикосанитарной и специализированной помощи // Право и управление. 2025. № 3. С. 242-247.
- [9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.
- [10] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Влияние раздельного содержания осужденных к лишению свободы на особенности реализации средств обеспечения режима в исправительных учреждениях // Закон и право. 2024. № 3. С. 244-248.
- [11] Ковалев О.Г. Особенности законодательного и ведомственного регулирования права осужденных на получение информации о своих правах и обязанностях, порядке и условиях отбывания, назначенного судом наказания // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 220-224.
- [12] Ковалев О.Г. Реализация права подозреваемых (обвиняемых) и осужденных на получение психологической помощи: теоретико-правовой анализ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 3 С. 9-12.
- [13] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.
- [14] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/404953247/> (дата обращения: 05.06.2026).
- [15] Ковалев О.Г., Сабирова Д.Р. Режим особых условий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах и его влияние на обеспечение безопасности учреждений // В сборнике: Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности. Сборник статей научно-практической конференции. Москва. 2022. С. 107-112.

[16] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[17] Ковалев О.Г. Прокурорский надзор за перемещением осужденных к лишению свободы // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 224-229.

References:

[1] Kovalev O.G. Issues of compliance with the rights of convicts in correctional institutions of the penal system // Russian Scientific Bulletin. 2024. No. 12. pp. 189-191.

[2] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. Legal status of convicts and its impact on the organization of operational-search activities in correctional institutions of the penal system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 81-83.

[3] Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011. 448 p.

[4] Kovalev O.G. Conditions of serving a sentence for persons sentenced to imprisonment as an element of the regime of correctional institutions of the penal system // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 134-138.

[5] Order of the Ministry of Justice of Russia dated August 22, 2014, No. 179 (as amended on August 9, 2023) "On Approval of the Procedure for the Creation, Operation, and Liquidation of Transit and Transfer Points at Correctional Institutions and Pre-trial Detention Facilities of the Criminal Executive System" // SPS ConsultantPlus. URL: <https://base.garant.ru/70740064/> (accessed June 5, 2026).

[6] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Search and inspection measures as the most important factor in ensuring the security of penitentiary institutions // Man: Crime and Punishment. 2022. Vol. 30. No. 3. Pp. 345-352.

[7] Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geykhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[8] Kovalev O.G. Features of the implementation of the right of convicts to health protection, primary health care and specialized care // Law and Management. 2025. No. 3. P. 242-247. [9] Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article by article) / Moscow, 2008. 448 p.

[10] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. The Impact of Separate Custody of Persons Sentenced to Imprisonment on the Specifics of Implementing Regime Enforcement Measures in Correctional Institutions // Law and Right. 2024. No. 3. pp. 244-248.

[11] Kovalev O.G. Features of legislative and departmental regulation of the right of convicts to receive information about their rights and obligations, the procedure and conditions for serving the sentence imposed by the court // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 220-224.

[12] Kovalev O.G. Implementation of the right of suspects (accused) and convicts to receive psychological assistance: a theoretical and legal analysis // Criminal-executive system: law, economics, management. 2025. No. 3 pp. 9-12.

[13] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing unlawful behavior of convicts // Prospects of Science. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[14] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of July 4, 2022 No. 110 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal System, the Internal Regulations of Correctional Institutions, and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal System" // Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/404953247/> (accessed: 06/05/2026).

[15] Kovalev O.G., Sabirova D.R. Special Conditions in Correctional Institutions and Pre-trial Detention Facilities and Its Impact on Ensuring the Security of Institutions // In the collection: Military-legal instruments for ensuring national security. Collection of articles from a scientific and practical conference. Moscow. 2022. pp. 107-112.

[16] Handbook of the prosecutor in part 2. Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Aleksandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., But N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and additional) Moscow 2018. 481 p.

[17] Kovalev O.G. Prosecutor's supervision of the transfer of persons sentenced to imprisonment // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. P. 224-229

ГРИЩЕНКО Алена Петровна,

Старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: alena.grishenko.81@mail.ru.

ЗЕМЛЯКОВА Татьяна Алексеевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
e-mail: Semljakowa@yandex.ru.

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ (КИТАЙ, БЕЛАРУСЬ)

Аннотация. В статье на основе сравнительно-правового и междисциплинарного анализа исследуются коммуникативные барьеры, возникающие при допросе несовершеннолетних в уголовном процессе России, Китая и Республики Беларусь. Выделены основные группы барьеров: возрастные когнитивные, эмоциональные, смысловые и барьеры, обусловленные поведением законных представителей. Проанализированы психолого-педагогические методы их преодоления и криминалистические тактические приёмы. Особое внимание уделено опыту Беларуси по созданию «дружественных комнат» и китайской практике института «подходящего взрослого». Сделан вывод о важности углубления психолого-педагогической составляющей в подготовке следователей и о перспективности адаптации некоторых зарубежных элементов в российскую практику.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетних, коммуникативные барьеры, психолого-педагогические подходы, криминалистика, сравнительный анализ, Китай, Республика Беларусь.

GRISHCHENKO Alena Petrovna,

Senior Lecturer, Department of Forensic Science,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

ZEMLYAKOVA Tatyana Alekseevna,

Senior Lecturer in the Foreign Languages Department
at the I.D. Putilin Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

COMMUNICATION BARRIERS IN THE INTERROGATION OF MINORS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN PSYCHOLOGICAL, PEDAGOGICAL AND FORENSIC APPROACHES (CHINA, BELARUS)

Annotation. This article, using comparative legal and interdisciplinary analysis, examines communication barriers that arise during the interrogation of minors in criminal proceedings in Russia, China, and the Republic of Belarus. Key barriers are identified: age-related cognitive, emotional, and semantic barriers, as well as barriers caused by the behavior of legal representatives. Psychological and pedagogical methods for

overcoming them, as well as forensic tactics, are analyzed. Particular attention is paid to Belarus's experience in creating "friendly rooms" and the Chinese practice of the "suitable adult" institution. A conclusion is drawn regarding the importance of deepening the psychological and pedagogical component in the training of investigators and the potential for adapting certain foreign elements into Russian practice.

Key words: interrogation of minors, communication barriers, psychological and pedagogical approaches, forensics, comparative analysis, China, Republic of Belarus.

Эффективность расследования преступлений, в которых фигурируют несовершеннолетние, напрямую зависит от качества проведения такого следственного действия, как допрос, поскольку психологическая уязвимость, возрастные особенности памяти, мышления и речи, а также высокая подверженность внушению создают специфические коммуникативные барьеры, которые могут привести к получению недостоверных или неполных показаний, а в ряде случаев и к вторичной травматизации несовершеннолетнего [1; 3]. Несмотря на то, что Федеральный закон № 38-ФЗ от 06.03.2022 г. расширил гарантии прав несовершеннолетних при допросе, введя обязательное участие педагога или психолога для лиц до 16 лет и установив предельную продолжительность следственного действия в зависимости от возраста, практика по-прежнему сталкивается с трудностями, связанными с недостаточной психолого-педагогической подготовкой следователей и отсутствием унифицированных протоколов работы с детьми разных возрастных групп [10], считаем, что в этой связи особую значимость приобретает анализ опыта дружественных России государств – Китая и Республики Беларусь, где накоплены интересные модели преодоления коммуникативных барьеров. Цель данной работы – на основе сравнительного анализа российских, китайских и белорусских подходов выработать рекомендации по совершенствованию тактики допроса несовершеннолетних.

Коммуникативный барьер в контексте допроса несовершеннолетнего представляет собой любое препятствие, снижающее эффективность информационного обмена между следователем и допрашиваемым. Анализ современной литературы позволяет выделить четыре основных вида барьеров. Во-первых, возрастные когнитивные барьеры, обусловленные недостаточным развитием абстрактно-логического мышления, малым словарным запасом, фрагментарностью памяти и повышенной внушаемостью, которые особенно остро они проявляются у детей до 14 лет. Во-вторых, эмоциональные барьеры: страх перед официальной обстановкой, чувство стыда, тревожность, а в случае если несовершеннолетний является потерпевшим и посттравматическое стрессовое расстройство. В-третьих, смысловые барьеры, возникающие из-за непони-

мания юридической терминологии, некорректных формулировок вопросов или слишком сложных синтаксических конструкций. В-четвёртых, барьеры, связанные с поведением законного представителя: родитель может оказывать давление на ребёнка, давать подсказки либо, напротив, своим присутствием провоцировать ещё больший стресс [3; 8].

Российское уголовно-процессуальное законодательство (ст. 191, 280, 425 УПК РФ) устанавливает обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в возрасте до 16 лет, а также временные ограничения (30 минут непрерывно, общая продолжительность не более 1 часа для детей до 7 лет; для детей 7–14 лет – не более 1 часа непрерывно и 2 часов в целом; для подростков 14–16 лет – не более 2 часов с перерывом). Однако, как отмечают исследователи [2; 3], данные гарантии не всегда работают эффективно. Во-первых, на практике не всегда ясны критерии, по которым следователь выбирает педагога или психолога. Во-вторых, участие специалиста зачастую носит формальный характер – он не включается активно в процесс коммуникации, а лишь удостоверяет факт проведения допроса. В-третьих, закон не предусматривает обязательной предварительной подготовки педагога или психолога к участию именно в следственном действии. В результате коммуникативные барьеры остаются непреодоленными.

С психолого-педагогической точки зрения, для установления доверительного контакта с несовершеннолетним рекомендуется использовать ряд тактических приёмов. Васькэ Е.В. в своей работе подчёркивает, что взаимодействие следователя с несовершеннолетним должно строиться на принципах эмпатии, активного слушания и безоценочного принятия [1]. Перед началом допроса необходима беседа на отвлечённые темы (увлечения, школа, друзья), которая снижает уровень тревожности, при этом вопросы следует формулировать максимально просто, конкретно и избегать наводящих формулировок. Полезно применять проективные методики (рисунков, рассказ по картинкам), позволяющие ребёнку вербализовать сложные переживания. Доросинская А.М. и Близнюк И.Р. указывают на необходимость разъяснения несовершеннолетнему его прав и значения правдивых показаний в

доступной для его возраста форме [3]. Здесь помимо прочего, на наш взгляд, важно учитывать индивидуальные особенности: темперамент, уровень развития речи, наличие или отсутствие предыдущего опыта общения с правоохранительными органами.

Криминалистический аспект проблемы включает в себя тактику допроса, организационные моменты и технико-криминалистическое обеспечение. В России обязательно применение видеозаписи допроса несовершеннолетнего, что с одной стороны, несомненно, повышает доказательственное значение показаний, но с другой – создаёт для следователя дополнительный коммуникативный барьер в виде «эффекта видеокамеры». Следовательно, осознавая, что каждое его слово фиксируется, может вести себя скованно, что само по себе негативно сказывается на установлении контакта. В научной литературе для решения этой проблемы предлагается проводить «репетицию» с участием психолога перед видеозаписью, но такая практика не является повсеместной и ее эффективность не доказана [2; 7].

Обратимся к опыту Республики Беларусь – государства с близкой правовой традицией. Согласно ст. 221 УПК Республики Беларусь, участие педагога или психолога обязательно при допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до 14 лет, а в возрасте 14–16 лет на усмотрение следователя. Однако ключевым достижением белорусской модели, на наш взгляд, является создание специализированных «дружественных комнат для допроса» – специально оборудованных помещений с нейтральным дизайном, мягкой мебелью, игрушками и техническими средствами аудио- и видеофиксации [7; 8]. Цель таких комнат – максимально снизить стресс и психологический дискомфорт несовершеннолетнего, перенести акцент с официальной процедуры на доверительную беседу. Прохоренко О.В. и Осмаловская Е.А. в своих работах, подготовленных на базе белорусских вузов, подчёркивают, что эффективность допросов в «дружественных комнатах» значительно выше: дети охотнее идут на контакт, меньше боятся, а показания получаются более детальными [7], [8]. Мы считаем, что положительным моментом здесь является полное процессуальное соответствие – ведётся видеозапись, фиксируются время и обстоятельства. Кроме того, в Беларуси активно развивается программа повышения квалификации следователей в области детской и подростковой психологии, включающая тренинги по распознаванию признаков травмы и техникам активного слушания [8]. Недостатком белорусской системы остаётся то, что «дружественные комнаты» созданы далеко не во всех следственных отделах, и их наличие зависит от финансирования региона.

Китайская Народная Республика предлагает иную, но не менее интересную модель. Уголовно-процессуальный кодекс КНР (ст. 270) предусматривает при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля обязательное присутствие законного представителя (родителя, опекуна). Если законный представитель не может быть уведомлён либо его присутствие противоречит интересам несовершеннолетнего, то к участию привлекается «подходящий взрослый» – представитель школы, общественной организации, органа опеки или просто взрослый, не связанный с производством по делу [4; 5; 6]. Такой институт был введён в развитие Пекинских правил ООН (1985) и получил широкое распространение. Как отмечают Шестак Е.А. и Харина В.М., китайская система ориентирована не на карательную функцию, а на воспитание и ресоциализацию подростка [4], где «подходящий взрослый» выполняет роль коммуникативного посредника: он помогает несовершеннолетнему понять суть вопросов, следит за тем, чтобы следователь не применял недопустимых методов, и при необходимости разъясняет подростку его права. Более того, в Китае разработаны специализированные методики допроса для разных возрастных групп (7–12, 12–14, 14–16, 16–18 лет) с учётом особенностей когнитивного развития [4; 6]. Овсянникова Т.А. и Фирсова И.А. [5] дополнительно отмечают, что в КНР активно используются предварительные собеседования с психологом, составляется психологический портрет несовершеннолетнего, который затем передаётся следователю для выбора оптимальной тактики.

Сравнивая три модели, можно выделить общее и особенное, где общим является признание особого процессуального статуса несовершеннолетнего и необходимости привлечения специалистов (педагога, психолога или подходящего взрослого) для преодоления коммуникативных барьеров. Различия же касаются степени детализации процедур: российское законодательство делает акцент на временных ограничениях и обязанности участия психолога/педагога, но не регулирует детально их функции; белорусское – создаёт материально-техническую базу (дружественные комнаты) и развивает психологическую подготовку следователей; китайское – вводит гибкий институт посредника (подходящего взрослого) и требует предварительной психологической диагностики.

Наиболее сильной стороной белорусского подхода представляется организация пространства, поскольку как показывают исследования, именно неформальная, «домашняя» обстановка позволяет быстрее снять эмоциональный барьер

[7; 8]. В России попытки создания аналогичных комнат предпринимаются в отдельных субъектах (например, в Московской области), но они не закреплены на законодательном уровне и не являются обязательными. Сильной стороной китайского подхода является институт «подходящего взрослого», который позволяет заменить дисфункционального законного представителя. В российском УПК нет аналогичного механизма: если родитель оказывает давление или сам является источником травмы, следователь может лишь удалить его, но замена на иного взрослого не предусмотрена. Между тем, как справедливо указывает Лунева А.В., потребность в таком институте существует, особенно по делам о преступлениях против несовершеннолетних, где родители могут быть заинтересованы в сокрытии фактов [6].

Анализируя и обобщая вышеизложенное, сравнительный анализ подходов России, Китая и Республики Беларусь к преодолению коммуникативных барьеров при допросе несовершеннолетних позволяет сформулировать следующие выводы и рекомендации. Во-первых, российское законодательство в целом создает необходимую правовую базу, но её реализация страдает из-за недостаточной психолого-педагогической компетентности следователей и формального участия специалистов. Во-вторых, целесообразно заимствовать белорусский опыт создания «дружественных комнат для допроса», закрепив их наличие в ведомственных нормативных актах МВД и СК России. В-третьих, следует рассмотреть возможность введения в российский УПК института «подходящего взрослого» (или «специалиста-посредника») для случаев, когда участие законного представителя невозможно или противоречит интересам несовершеннолетнего. В-четвёртых, представляется целесообразным дополнить программы профессиональной подготовки следователей модулями по возрастной психологии, коммуникативной тактике и методам снижения стресса у детей, что будет способствовать планомерному развитию профессиональных коммуникативных навыков.

На наш взгляд комплексное внедрение этих мер, а также избирательное заимствование отдельных зарубежных элементов (белорусских «дружественных комнат» и китайского института «подходящего взрослого») позволит существенно повысить качество допросов несовершеннолетних, минимизировать риск вторичной травматизации и получить юридически значимые показания, что будет способствовать как соблюдению прав детей, так и эффективности расследования в целом.

Список литературы:

[1] Васько, Е.В. (2012). Методологические основы психологии взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними допрашиваемыми. Психологическая наука и образование psyedu.ru, 4(2), Статья 9. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53475 (дата обращения: 10.06.2026).

[2] Герасимова, А. А. Актуальные проблемы допроса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства / А. А. Герасимова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 41 (592). — С. 82-85. — URL: <https://moluch.ru/archive/592/128982>.

[3] Доросинская Анна Михайловна, Близнюк Ирина Руслановна Особенности проведения допроса с участием несовершеннолетнего: проблемы и пути их решения. // Полицейская и следственная деятельность. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-doprosa-s-uchastiem-nesovershennoletnego-problemy-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 10.06.2026).

[4] Шестак Виктор Анатольевич, Харина Екатерина Максимовна Особенности правового регулирования производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Китае // Образование и право. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-kitae> (дата обращения: 10.06.2026).

[5] Овсянникова Т. А., Фирсова И. А. Основные элементы системы правосудия в отношении несовершеннолетних в Китае // МНИЖ. 2021. №10-2 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-elementy-sistemy-pravosudiya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-kitae> (дата обращения: 10.06.2026).

[6] Лунева, А. В. Несовершеннолетние как участники уголовного процесса России и Китая: сравнительно-правовой анализ / А. В. Лунева // Уголовно-правовые и процессуальные аспекты расследования преступлений, подследственных органам внутренних дел : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Иркутск, 21 апреля 2017 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 57-62. – EDN ZFTJID.

[7] Прохоренко, О.В. К вопросу о производстве допроса несовершеннолетних в условиях «зеленой комнаты» [Электронный ресурс] / О.В. Прохоренко. – URL: <https://libr.msu.by/bitstream/123456789/25323/1/335%20Прохоренко.pdf> (дата обращения: 10.06.2026).

[8] Осмаловская, Е.А. Тактические особенности допроса несовершеннолетних на предварительном следствии [Электронный ресурс] / Е.А. Осмаловская. – URL: [https://elibr.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/3672/1/Osmalovskaj%20\(2\).pdf](https://elibr.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/3672/1/Osmalovskaj%20(2).pdf) (дата обращения: 10.06.2026).

[9] Давидовская, О.И. Психологическое обеспечение допроса несовершеннолетних [Электронный ресурс] / О.И. Давидовская. – URL: https://elibr.bsu.by/bitstream/123456789/117084/1/Davidovskai_resume.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

[10] Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411047/ (дата обращения: 10.06.2026). – Текст : электронный.

References:

[1] Vasque, E.V. (2012). Methodological foundations of the psychology of interaction of employees of investigative bodies with minors interrogated. Psychological Science and Education psyedu.ru, 4 (2), Article 9. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n2/53475 (access date: 10.06.2026).

[2] Gerasimov, A. A. Actual problems of interrogation of juvenile participants in criminal proceedings/A. A. Gerasimov. - Text: direct//Young scientist. — 2025. — № 41 (592). - S. 82-85. — URL: <https://moluch.ru/archive/592/128982>.

[3] Dorosinskaya Anna Mikhailovna, Bliznyuk Irina Ruslanovna Features of interrogation with the participation of a minor: problems and ways to solve them //Police and investigative activities. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-provedeniya-doprosa-s-uchastiem-nesovershennoletnego-problemy-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 10.06.2026).

[4] Shestak Viktor Anatolyevich, Kharina Ekaterina Maksimovna Features of legal regulation of crim-

inal proceedings against minors in China//Education and law. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-kitae> (дата обращения: 10.06.2026).

[5] Ovsyannikova T. A., Firsova I. A. The main elements of the juvenile justice system in China// MNIJ. 2021. №10-2 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-elementy-sistemy-pravosudiya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-kitae> (дата обращения: 10.06.2026).

[6] Luneva, A.V. Minors as participants in the criminal process of Russia and China: comparative legal analysis/A.V. Luneva//Criminal legal and procedural aspects of the investigation of crimes under investigation by the internal affairs bodies: Materials of the interuniversity scientific and practical conference, Irkutsk, April 21, 2017. - Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. - S. 57-62. – EDN ZFTJID.

[7] Prokhorenko, O.V. On the issue of interrogation of minors in a “green room” [Electronic resource]/O.V. Prokhorenko. - URL: <https://libr.msu.by/bitstream/123456789/25323/1/335%20Прохоренко.pdf> (access date: 10.06.2026).

[8] Osmaļovskaya, E.A. Tactical features of interrogation of minors during preliminary investigation [Electronic resource]/E.A. Osmaļovskaya. - URL: [https://elibr.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/3672/1/Osmalovskaj%20\(2\).pdf](https://elibr.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/3672/1/Osmalovskaj%20(2).pdf) (access date: 10.06.2026).

[9] Davidovskaya, O.I. Psychological support for the interrogation of minors [Electronic resource]/O.I. Davidovskaya. - URL: https://elibr.bsu.by/bitstream/123456789/117084/1/Davidovskai_resume.pdf (access date: 10.06.2026).

[10] Federal Law of 06.03.2022 No. 38-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 280 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” //ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411047/ (access date: 10.06.2026). - Text: electronic.

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
доцент кафедры уголовно-процессуального
права и криминалистики юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: krim33@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат юридических наук,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ФОРМЫ ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье рассматривается проблема воспитания и исправления несовершеннолетних, одной из ведущих в психологии и педагогике.

Ключевые слова: форма, несовершеннолетние осужденные, исправление, психология, педагогика, эффективность.

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Criminal
Procedure Law and Criminalistics of the Faculty of Law
of the Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia

BAZHANOV Sergey Andreevich,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

FORMS OF EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. The article examines the problem of education and correction of minors, one of the leading in psychology and pedagogy.

Key words: form, juvenile convicts, correction, psychology, pedagogy, efficiency.

К социальным значимым задачам современного общества можно отнести снижение роста преступлений среди несовершеннолетних и их профилактику. Развитие рыночных отношений в России сопровождается кризисом духовных ценностей, что связано с влиянием ее социально-экономического развития на сознание людей. Резкие изменения в жизненных ориентациях подростков способствуют росту разрыва между поколениями и сопровождаются переосмыслением ценностей.

Проблема воспитания и исправления несовершеннолетних всегда была одной из ведущих в психологии и педагогике.

В данных условиях большое значение приобретает деятельность воспитательных колоний (ВК) по исправлению несовершеннолетних осужденных, так как от качества воспитательной работы в них с учетом особенностей личности во многом зависит успешность работы по предупреждению правонарушений лиц данной категории. В современном обществе становится важной задачей повышения эффективности работы с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях. Результаты научных исследований О.Г. Ананьева, И.П. Башкатова, Л.И. Беляевой, Т.В. Калашниковой, В.М. Литвишкова, А.В. Митькиной, О.В. Неровня, Н.А. Хариной и др. сви-

детельствуют об актуальности работы по достижению положительных результатов в изменении отрицательных наклонностей и поведения личности несовершеннолетних, так как в противном случае вероятность совершения ими повторного преступления увеличивается.

В педагогических исследованиях в основном рассматриваются общие вопросы исправления несовершеннолетних: организации воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в ВК (А.С. Белкин, Л.М. Злобин, А.М. Кузьмина, М.М. Калашникова, И.Е. Прысь, М.Б. Торбина, И.А. Невский, А.Ф. Никитин и др.), психолого-педагогические особенности личности несовершеннолетних осужденных (И.П. Башкатов, В.Г. Деев, К.Е. Игошев, В.Ф. Пирожков, А.И. Ушатилов и др.). Особый интерес вызывают научные труды М.М. Калашниковой, И.Е. Прысь, М.Б. Торбиной и др., в которых большое внимание уделяется юридическим, психологическим и частично педагогическим аспектам.

Итак, в работе с несовершеннолетними осужденными очень важно знать принципы, формы и методы их исправления.

Под формой педагогического воздействия понимается разнообразная деятельность воспитателей, коллектива воспитателей, осужденных, а также система их взаимодействия между собой и с окружающими людьми.

Формы педагогического воздействия разнообразны и многочисленны. Их выбор и систематизация определяются, прежде всего, целями воспитания, традициями, в них преломляются его принципы и методы, они обусловлены особенностями объекта и субъекта воспитания, а также условиями, в которых протекает педагогический процесс.

Классификация форм педагогического воздействия определяется выбором основания для нее. Наиболее распространенной является общая классификация по объекту воздействия: отдельная личность – индивидуальные формы; группа – групповые формы; коллектив – коллективные формы; масса людей (большие группы) – массовые формы. При этом надо учитывать, что субъектом воздействия может быть не только воспитатель, но и коллектив сотрудников колонии, коллектив осужденных и различные группы.

Индивидуальные формы педагогического воздействия, составляющие основу индивидуально-воспитательной работы, применяются на всех этапах педагогического процесса. Они организуются сотрудниками колонии, представителями шефствующих организаций.

Наиболее эффективное применение индивидуальных форм педагогических воздействий включает в себя:

- изучение личности осужденного, особенностей его развития, специфических личностных свойств и качеств;
- составление на основе свойств личности перспективной программы воспитания (программа максимум) и программы конкретных мероприятий на ближайшее время (программа минимума);
- реализацию намеченных мероприятий;
- учет и анализ достигнутых результатов и выдвижение основных воспитательных задач. К индивидуальным формам относятся: беседа, поручение, аттестование и др.

В групповых формах педагогического воздействия объектом является группа и личность в группе. Воспитатель организует воздействие не на личность непосредственно, а на группу, используя социально-психологические механизмы заражения, подражания, внушения, которые вовлекают осужденных в группу в процесс общения. Все свои условия воспитатель при организации групповых воздействий направляет на то, чтобы:

- вызвать в группе благоприятный настрой, положительные взаимоотношения и общение;
- вызвать положительное отношение к воспитательным воздействиям;
- вовлечь личность в групповую общественно полезную деятельность;
- использовать отношения лидерства, подчинения в воспитательных целях.

Чаще всего групповые формы педагогического воздействия применяются в процессе групповой психотерапии, в работе с малыми неформальными группами, а также, когда коллектив осужденных еще не сложился, и нет возможности использовать его общественное мнение в целях воспитания.

При коллективных формах воздействия объектом являются коллектив и личность в коллективе; используя коллективные формы воздействия следует иметь в виду:

- коллективные формы воздействия направлены на сплочение коллектива, формирование в нем положительного общественного мнения;
- коллективные формы воздействия призваны формировать в коллективе положительные взаимоотношения;
- коллективные формы воздействия должны развивать и укреплять положительные традиции в коллективе, социально значимые правила поведения его членов.

Массовые формы воздействия. Объектом воздействия является здесь масса лиц, которые

могут быть и не объединены непосредственными формами общения. Здесь основу составляют мероприятия, носящие ярко выраженный, идейный смысл. К таким формам относятся: митинги, общие собрания, смотры полезных дел осужденных, подведение итогов трудового соревнования; торжества, посвященные знаменательным датам, окончание обучения в общеобразовательной школе и ПУ и т.д. При правильном сочетании всех форм, при развитых коллективных отношениях в массовых организационных формах отражаются перспективы развития, цели и результаты деятельности коллективов отрядов колонии. Они являются тем ожидаемым событием, к которому готовятся, которого ждут в течение ряда недель и месяцев. В их подготовке участвует большинство. Применяя массовые формы педагогического воздействия, следует опираться на активность объекта воздействия, применять принцип индивидуального и дифференцированного подхода. Это поможет избежать формализма в их проведении, сделать их действенной, активной формой влияния на личность.

Список литературы:

- [1] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.
- [2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропология. 2026. № 1(21). С. 5-19.
- [3] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.
- [4] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Вестник уголовно-исполнительной системы. 2026. № 3(286). С. 45-51.
- [5] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.
- [6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В. Специфика научного творчества, особенности науки как социального института / Право и управление. 2026. № 3. С. 146-150.

[7] Тищенко Ю. Ю. Вилкова А. В. Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования / Право и управление. 2026. № 3. С. 210-215.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров / Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1(111). С. 169-172.

[9] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта профессионального становления молодого ученого / В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк, 2025. С. 253-256.

[10] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург. 2022. С. 32-36.

[11] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[12] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

- [1] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences,

Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service/Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[3] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E./Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[4] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation/Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[5] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology/Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

[6] Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. Specificity of scientific creativity, features of science as a social institution/Law and management. 2026. № 3. S. 146-150.

[7] Tishchenko Yu. Yu. Vilkova A.V. Removal of a criminal record: prospects for legislative improvement/Law and management. 2026. № 3. S. 210-215.

[8] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Youth in the structure of scientific personnel/Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1(111). S. 169-172.

[9] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject of professional development of a young scientist/In the collection: The penal system today: the interaction of science and prac-

tice. Materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference. Novokuznetsk, 2025. S. 253-256.

[10] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[11] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[12] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-
исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, В ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Целью исследования стали правовые, организационные и психологические особенности содержания осужденных к лишению свободы в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы. Организации режима, порядка и условий отбывания ими наказания в ЛПУ УИС. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты в области организации и функционирования ЛПУ. Сделан исследовательский акцент на рассмотрении порядка и условий содержания осужденных в ЛПУ УИС, применения к ним основных средств исправления в сочетании с их стационарным лечением. Во исполнение статей 74 и 101 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, в УИС создаются и функционируют ЛПУ (больницы и спецбольницы для осужденных), оказывающие медицинскую помощь, стационарное лечение и осуществляющее реабилитацию осужденных, являющиеся одним из основных видов ИУ УИС. В соответствии с частью восьмой статьи 74 УИК РФ ЛПУ выполняют функции ИУ в отношении находящихся в них осужденных. В ЛПУ могут создаваться изолированные участки, функционирующие как колонии-поселения, порядок создания, функционирования и ликвидации которых определяется Минюстом России. Лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка ИУ, утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110. В порядке части второй статьи 101 УИК РФ в УИС для медицинского обслуживания осужденных организуются ЛПУ (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы и медицинские части). ПВР ИУ в пункте 499 указывают на необходимость раздельного содержания определенных категорий осужденных, отбывающих лишение свободы. Законодатель предусмотрел случаи, когда срок нахождения осужденного в ЛПУ не засчитывается в срок отбывания меры взыскания. Установлены правовые особенности содержания в ЛПУ злостных нарушителей установленного порядка и условий отбывания наказания. Особенностью содержания осужденных к лишению свободы в ЛПУ является их обучение в общеобразовательных и профессиональных организациях ФСИН России, осуществляемое по заочной форме или в форме самообразования.

Ключевые слова: лечебно-профилактические учреждения, осужденные, лишение свободы, законодательные акты, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, порядок и условия содержания, средства исправления осужденных.

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

PECULIARITIES OF THE DETENTION OF CONVICTS SERVING THEIR SENTENCES IN MEDICAL AND PREVENTIVE INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. The purpose of the study was the legal, organizational and psychological features of the detention of persons sentenced to imprisonment in medical and preventive institutions of the penal system.

Organization of the regime, procedure and conditions of serving their sentences in the correctional institution. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. Legislative and departmental legal acts in the field of organization and functioning of medical institutions were analyzed. A research emphasis is placed on the consideration of the order and conditions of detention of convicts in correctional institutions, the application of basic means of correction to them in combination with their inpatient treatment. Pursuant to articles 74 and 101 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, medical institutions (hospitals and special hospitals for convicts) are established and operate in the penitentiary system, providing medical care, inpatient treatment and rehabilitation of convicts, which are one of the main types of correctional institutions. In accordance with part eight of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation, medical institutions perform the functions of correctional institutions in relation to convicts in them. Isolated sites can be created in medical institutions that function as colonies, settlements, the procedure for the creation, functioning and liquidation of which is determined by the Ministry of Justice of Russia. Therapeutic, preventive and sanitary preventive care for persons sentenced to imprisonment is organized and provided in accordance with the Internal Regulations of the Ministry of Health, approved by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 07/04/2022 № 110. In accordance with the second part of Article 101 of the Criminal Code of the Russian Federation, medical institutions (hospitals, special psychiatric and tuberculosis hospitals and medical units) are organized in the penitentiary system for the medical care of convicts. In paragraph 499, the RFP and the Law indicate the need for separate detention of certain categories of convicts serving their sentences. The legislator has provided for cases when the term of stay of a convicted person in a medical facility is not counted towards the term of serving a penalty. The legal features of the detention of malicious violators of the established order and conditions of serving their sentences in medical institutions have been established. A special feature of the detention of prisoners in medical institutions is their education in general education and professional organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, carried out by correspondence or in the form of self-education.

Key words: *medical and preventive institutions, convicts, imprisonment, legislative acts, correctional institutions, penal enforcement system, order and conditions of detention, means of correction of convicts.*

Введение. Лечебно-профилактические учреждения (далее ЛПУ), в соответствии с национальным законодательством представляют собой специализированные организации, занимающиеся диагностикой, лечением, реабилитацией и профилактикой заболеваний, а также охраной здоровья граждан. Все ЛПУ классифицируются по типу оказываемой помощи на:

- амбулаторно-поликлинические (поликлиники, женские консультации, диспансеры, травмпункты и стоматологии, предназначенные для приема пациентов, не нуждающихся в круглосуточном наблюдении;
- стационарные (многопрофильные больницы, госпитали, клиники и родильные дома, обеспечивающие круглосуточное лечение и уход граждан;
- санаторно-курортные (санатории и профилактории, ориентированные на реабилитацию, восстановление здоровья и профилактику;
- службы скорой помощи (станции и отделения скорой медицинской помощи).

В данном контексте, во исполнение статей 74 и 101 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, в уголовно-исполнительной системе РФ (далее УИС) создаются и функционируют ЛПУ (больницы и спецбольницы для осужденных), оказывающие медицинскую помощь,

стационарное лечение и осуществляющее реабилитацию осужденных, являющиеся одним из основных видов исправительных учреждений (далее ИУ) УИС [1, с. 186-191].

В соответствии с частью восьмой статьи 74 УИК РФ ЛПУ выполняют функции ИУ в отношении находящихся в них осужденных. В ЛПУ могут создаваться изолированные участки, функционирующие как колонии-поселения, порядок создания, функционирования и ликвидации которых определяется Минюстом России [2].

Следует отметить, что лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка ИУ (далее ПВР ИУ), утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» [3, с. 126-128].

В порядке части второй статьи 101 УИК РФ в УИС для медицинского обслуживания осужденных организуются ЛПУ (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы и медицинские части) [4].

Таким образом, ЛПУ, как вид ИУ УИС, является специфическим учреждением, в котором содержатся осужденные, получающие медицинскую помощь, стационарное лечение и установленную законом реабилитацию. Существуют правовые, организационные и психологические особенности содержания осужденных к лишению свободы в ЛПУ, ожидающие междисциплинарного научного анализа.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых, организационных и психологических особенностей содержания осужденных к лишению свободы в лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы, организации режима, порядка и условий отбывания ими наказания в ЛПУ УИС применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты в области организации и функционирования ЛПУ. Изучены порядок и условия содержания осужденных в ЛПУ УИС, применение к ним основных средств исправления в сочетании с их стационарным лечением.

Основные результаты. Теоретико – правовое исследование темы показало, что особенности содержания осужденных к лишению свободы в ЛПУ регламентировано не только статьями 74 и 101 УИК РФ, но пунктами 498-507 ПВР ИУ, утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». Так, ПВР ИУ в пункте 499 указывают на необходимость раздельного содержания определенных категорий осужденных, отбывающих лишение свободы:

- мужчин, осужденных к лишению свободы при особо опасном рецидиве преступлений, отбывающих пожизненное лишение свободы, осужденных, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы, осужденных, отбывающих наказание в тюрьме [5, с. 244-248]. К указанным категориям применяется только камерная система размещения в ЛПУ;
- несовершеннолетних отбывающих лишение свободы;
- женщин, отбывающих лишение свободы;
- больные инфекционными заболеваниями осужденные к лишению свободы содер-

жатся в ЛПУ раздельно по видам инфекций и отдельно от больных, проходящих лечением по поводу инфекционных заболеваний [6].

В случае тяжелой болезни осужденного к лишению свободы, находящегося на лечении в ЛПУ, начальник учреждения (лицо его замещающее) предоставляет возможность близким родственникам посетить больного.

Законодатель предусмотрел случаи, когда срок нахождения осужденного в ЛПУ не засчитывается в срок отбывания меры взыскания. При переводе осужденных в ЛПУ УИС из ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камер, либо со строгого режима в тюрьмах в связи с симуляцией болезни или совершением акта членовредительства. К осужденным к лишению свободы, проходящим лечение в ЛПУ применяются предусмотренные УИК РФ меры взыскания, если они не противоречат медицинским показаниям [7, с. 274-279].

Осужденные к лишению свободы, злостно нарушающие установленный порядок отбывания наказания, могут быть выписаны из ЛПУ и возвращены по прежнему месту содержания только в случае, когда это позволяют медицинские показания. Таким образом, существуют правовые особенности содержания в ЛПУ злостных нарушителей установленного порядка и условий отбывания наказания [8, с. 238-243].

Другой особенностью содержания осужденных к лишению свободы в ЛПУ является их обучение в общеобразовательных и профессиональных организациях ФСИН России, осуществляемое по заочной форме или в форме самообразования [9].

Необходимо отметить, что во время лечения в ЛПУ действуют общие правила отбывания лишения свободы. При этом, к больным осужденным могут применяться режим особых условий, регламентированный современным отечественным уголовно-исполнительным законодательством [10, с. 107-112]. Ограничительные требования режима в зависимости от состояния здоровья больных осужденных и предписания лечащих врачей [11, с. 85-89].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами:

- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий), состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;

- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Заключение. Во исполнение статей 74 и 101 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, в УИС создаются и функционируют ЛПУ (больницы и спецбольницы для осужденных), оказывающие медицинскую помощь, стационарное лечение и осуществляющее реабилитацию осужденных, являющиеся одним из основных видов ИУ УИС.

В соответствии с частью восьмой статьи 74 УИК РФ ЛПУ выполняют функции ИУ в отношении находящихся в них осужденных. В ЛПУ могут создаваться изолированные участки, функционирующие как колонии-поселения, порядок создания, функционирования и ликвидации которых определяется Минюстом России.

Лечебно-профилактическая и санитарно-профилактическая помощь осужденным к лишению свободы организуется и предоставляется в соответствии с Правилами внутреннего распорядка ИУ, утвержденных Приказом Минюста России от 04.07.2022 г. № 110.

В порядке части второй статьи 101 УИК РФ в УИС для медицинского обслуживания осужденных организуются ЛПУ (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы и медицинские части).

ПВР ИУ в пункте 499 указывают на необходимость раздельного содержания определенных категорий осужденных, отбывающих лишение свободы. Законодатель предусмотрел случаи, когда срок нахождения осужденного в ЛПУ не засчитывается в срок отбывания меры взыскания.

Установлены правовые особенности содержания в ЛПУ злостных нарушителей установлен-

ного порядка и условий отбывания наказания. Особенностью содержания осужденных к лишению свободы в ЛПУ является их обучение в общеобразовательных и профессиональных организациях ФСИН России, осуществляемое по заочной форме или в форме самообразования.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Учреждения и органы, исполняющие наказания: правовая классификация и особенности функционирования в современных условиях развития отечественной уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2025. № 7. С. 53-58.

[2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[3] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[5] Ковалев О.Г., Иконников Д.С. Влияние раздельного содержания осужденных к лишению свободы на особенности реализации средств обеспечения режима в исправительных учреждениях // Закон и право. 2024. № 3. С. 244-248.

[6] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 10.06.2026).

[7] Ковалев О.Г. Применение к осужденным, отбывающим лишение свободы мер взыскания (организационно-правовой и психологический анализ) // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 274-279.

[8] Ковалев О.Г. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы как элемент правового института применения мер взыскания // Право и управление. 2026. № 1. С. 238-243.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[10] Ковалев О.Г., Сабирова Д.Р. Режим особых условий в исправительных учреждениях и следственных изоляторах и его влияние на обеспечение безопасности учреждений // В сборнике: Военно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности. Сборник статей научно-практической конференции. Москва. 2022. С. 107-112.

[11] Ковалев О.Г. Установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим) в уголовно-исполнительной системе // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 85-89.

References:

[1] Kovalev O.G. Institutions and bodies executing punishments: legal classification and features of functioning in modern conditions of development of the Russian penal system // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 7. pp. 53-58.

[2] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[3] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[4] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A.,

Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.H., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[5] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S. The influence of the separate detention of persons sentenced to imprisonment on the specifics of the implementation of the means of ensuring the regime in correctional institutions // Law and Law. 2024. No. 3. pp. 244-248.

[6] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 10.06.2026).

[7] Kovalev O.G. The application of penalties to convicts serving imprisonment (organizational, legal and psychological analysis) // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 274-279.

[8] Kovalev O.G. Malicious violation of the established procedure for serving sentences by persons sentenced to imprisonment as an element of the legal institution of the application of penalties // Law and management. 2026. No. 1. pp. 238-243.

[9] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[10] Kovalev O.G., Sabirova D.R. The regime of special conditions in correctional institutions and pre-trial detention facilities and its impact on the security of institutions // In the collection: Military-legal instruments for ensuring national security. Collection of articles of the scientific and practical conference. Moscow. 2022. pp. 107-112.

[11] Kovalev O.G. The established procedure for the execution and serving of punishment (regime) in the penal system // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. pp. 85-89.

ГАДЖИАЛИЕВА Аделина Теймурхановна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: gadjalieva_823@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется трансформация процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия под влиянием цифровых технологий. Рассматривается потенциал искусственного интеллекта как ключевого инструмента для анализа данных блокчейна в контексте расследования преступлений, связанных с криптовалютами. Выявляется технологический и процессуальный разрыв между классическими методами расследования и особенностями криптопреступности. Предлагается концепция «цифрового процессуального действия» как новой формы закрепления доказательств, полученных с помощью ИИ-алгоритмов. Делается вывод о необходимости институциональных реформ, включающих создание специализированных подразделений крипто-расследований, формирование новой профессиональной компетенции «криптодознателя» и кардинальное обновление образовательных программ ведомственных вузов. Исследование утверждает, что ответом на вызовы цифровой эпохи является не адаптация старых норм, а проектирование новой процессуальной реальности, в которой технология становится неотъемлемой частью юридической гарантии прав и эффективности правосудия.

Ключевые слова: искусственный интеллект; блокчейн-криминалистика; орган дознания; предварительное следствие; цифровые доказательства; криптовалюта; процессуальная деятельность; криптодознатель; профессиональная подготовка; уголовно-процессуальное право.

GADZHIALIEVA Adelina Teymurkhanovna,
Lecturer at the Department of Criminal Procedure
at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON SOME ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF PROCEDURAL ACTIVITIES OF INVESTIGATIVE AND INVESTIGATIVE BODIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL CRIME

Annotation. This article examines the transformation of the procedural activities of inquiry and preliminary investigation bodies under the influence of digital technologies. It examines the potential of artificial intelligence as a key tool for analyzing blockchain data in the context of investigating cryptocurrency-related crimes. It identifies a technological and procedural gap between traditional investigative methods and the specific features of cryptocrime. The concept of “digital procedural action” is proposed as a new form of securing evidence obtained using AI algorithms. It concludes that institutional reforms are necessary, including the creation of specialized crypto-investigation units, the development of a new professional competency for “crypto-investigator,” and a fundamental overhaul of the educational programs of departmental universities. The study argues that the answer to the challenges of the digital age lies not in adapting old norms, but in designing a new procedural reality in which technology becomes an integral part of the legal guarantee of rights and the effectiveness of justice.

Key words: artificial intelligence; blockchain forensics; investigative body; preliminary investigation; digital evidence; cryptocurrency; procedural activity; crypto-investigator; professional training; criminal procedural law.

В условиях стремительной цифровизации отношений перед правоохранительными
глобальных экономических и социаль- системами всего мира встает принципиально

новый вызов – преступность, оперирующая цифровыми активами и использующая в своих целях децентрализованные технологии, прежде всего блокчейн. Рост числа преступлений, где криптовалюта выступает предметом, средством сокрытия или преступным доходом, как справедливо отмечает Ф.Г. Уразов, требует не просто адаптации, а фундаментального переосмысления традиционных методов расследования [3, с. 1088]. Параллельно в сфере высшего ведомственного образования набирает силу тенденция к внедрению искусственного интеллекта для персонализации обучения и автоматизации рутинных задач, а также к углублению практико-ориентированного подхода через привлечение действующих сотрудников. На стыке этих двух векторов – технологического вызова и образовательного ответа – возникает ключевой вопрос: каким образом технологии искусственного интеллекта, ориентированные на анализ блокчейна, могут быть интегрированы в процессуальную деятельность органов дознания и следствия, и какие институциональные изменения в их статусе и системе подготовки это неизбежно повлечет?

Блокчейн-технология, с ее свойствами псевдоанонимности, неизменности хронологически связанных записей и децентрализованного хранения, создает уникальные барьеры для классической процессуальной парадигмы. Установление личности, контролирующей криптографический адрес, отслеживание запутанных цепочек транзакций через миксеры и анонимные кошельки, оперативная и юридически безупречная фиксация этих цифровых следов требуют не только узкоспециальных технических знаний, но и новых форм их процессуального оформления. В рамках устоявшейся российской модели, где орган дознания, в большинстве случаев представленный подразделениями полиции, обладает широкими оперативно-разыскными возможностями, но законодательно ограничен в самостоятельном производстве ряда сложных следственных действий, возникает критический разрыв [4]. Этот разрыв лежит между оперативной способностью обнаружить и отследить подозрительную транзакцию в открытом реестре и процессуальной возможностью легализовать полученные данные в качестве допустимого доказательства [2, с. 48] по уголовному делу. В новой, реформированной модели уголовного процесса Республики Армения, где дознание законодательно определено как деятельность, «содействующая предварительному следствию» и включает выполнение негласных действий, организационный разрыв между оперативной и следственной работой минимизирован. Однако проблема глубинной технической компетентности, необходимой для понимания самой природы цифрового актива и

методов работы с ним, остается одинаково острой как для следователя, так и для дознавателя, действующего в его поддержку.

Именно здесь искусственный интеллект из абстрактной образовательной технологии превращается в конкретный катализатор эволюции процессуальных функций, предлагая переход от роли «цифрового помощника» к статусу «интеллектуального агента» в цепочке расследования. Специализированные ИИ-платформы для анализа блокчейна способны в реальном времени обрабатывать миллионы транзакций, выявляя паттерны, связывая анонимные адреса в кластеры, принадлежащие одному субъекту, и вычисляя вероятные точки вывода средств на регулируемые биржи [6, с. 42]. Интеграция таких систем в процессуальную деятельность открывает новые горизонты [12, с. 23]. На начальной стадии – при проверке сообщения о преступлении – ИИ может автоматически сканировать открытые и теневые сегменты интернета, проводя первичный верификационный анализ упомянутых кошельков и предоставляя дознавателю структурированный отчет об их активности и связанных рисках. На ключевой стадии следствия возникает объективная потребность в легализации нового вида деятельности – «анализа цепочки блокчейн-транзакций с применением специализированного программного обеспечения». Производство этого, по сути, цифрового процессуального действия потребует участия не просто специалиста, а специалиста-криптоаналитика, а протокол должен будет детально фиксировать не только итоговые выводы, но и примененные алгоритмы, исходные данные и их метаданные, обеспечивая тем самым принципиальную возможность проверки, воспроизводимости и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [10, с. 25], что несомненно потребует отражения в действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в ст. 164 [1].

В.С. Латыпов справедливо указывает на ключевое преимущество блокчейн технологий в уголовном судопроизводстве – после внесения в материалы дела информации о любом процессуальном действии изменить её задним числом практически не будет возможно [8, с. 241]. Однако существующие системы не всегда надёжно это гарантируют. Блокчейн-технологии призваны стать инструментом, который минимизирует эти риски, обеспечивая криптографически защищённую [7, с. 158] и неизменяемую фиксацию каждого этапа судопроизводства, что делает незаконное вмешательство технически невыполнимым. Наконец, в сфере международного правового сотрудничества ИИ способен значительно ускорить и формализовать процесс составления

запросов, автоматически адаптируя их под требования конкретных иностранных юрисдикций и стандарты международных организаций, таких как Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег.

Однако внедрение столь сложных технологий неминуемо повлечет за собой глубокие институциональные и кадровые последствия, требующие системной перестройки. Во-первых, на организационно-процессуальном уровне назревает необходимость создания в структуре органов, наделенных полномочиями на проведение оперативно-разыскной деятельности и дознания, специализированных подразделений крипто-расследований или цифровых групп дознания. Правовой статус таких подразделений должен быть четко определен, а их полномочия – расширены для производства всего комплекса «цифровых» следственных действий, что, однако, должно сопровождаться адекватными процессуальными контрольно-сдерживающими механизмами [11, с. 25] со стороны прокурора и суда. Эта трансформация напрямую соотносится с педагогической идеей, высказанной А.А. Шурдумовым, о критической важности интеграции практиков в образовательный процесс [9, с. 227]. Во-вторых, и это главное, возникает запрос на формирование принципиально новой профессиональной компетенции и, как следствие, новой квазипрофессии – криптодознателя или криптоследователя [5, с. 231]. Подготовка таких кадров потребует кардинального пересмотра учебных программ ведомственных юридических вузов. Внедрение ИИ в образование, о перспективах которого также размышляет А.А. Шурдумов, в данном контексте должно быть направлено не на общее ознакомление, а на глубокое, практически ориентированное освоение конкретных аналитических платформ, основ программирования для юристов, криминалистики цифровых следов и правовых аспектов работы с цифровыми доказательствами. Практические и лабораторные занятия в этой области должны проводиться при непосредственном руководстве сотрудников тех самых специализированных подразделений, что создаст замкнутый цикл между образованием, наукой и практикой.

Таким образом, перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта для анализа блокчейна знаменуют собой не эволюционный, а революционный перелом в понимании институтов дознания и предварительного следствия. Преодоление нарастающего технологического разрыва между цифровой преступностью и традиционной правоохранительной системой возможно только через сознательную и планомерную конвергенцию глубоких правовых знаний и продвинутых технических компетенций на

институциональном уровне. Этот путь предполагает три взаимосвязанных шага: законодательное закрепление в уголовно-процессуальном кодексе новых видов процессуальных действий, адекватных цифровой реальности; формирование в структуре правоохранительных органов специализированных подразделений с адаптированным порядком процессуального руководства и судебного контроля; и, наконец, создание в системе ведомственного образования комплексной, междисциплинарной программы подготовки специалистов нового поколения, где искусственный интеллект будет выступать не только объектом изучения, но и активным инструментом обучения. В конечном счете, ответ на вызовы криптопреступности лежит не в простом расширении старых полномочий, а в смелом созидании новой процессуальной реальности, где передовая технология становится не вспомогательным инструментом, а неотъемлемым, встроенным элементом юридической квалификации, гарантирующей как эффективность расследования, так и нерушимость фундаментальных прав личности.

Список литературы:

- [1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 52 (I часть), 24.12.2001, ст.4921
- [2] Уголовно-процессуальное право: особая часть : учебно-методическое пособие / Т. И. Джелали, Ю. С. Мандрыка, А. Ю. Мирошниченко, Т. В. Гриценко. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 152 с.
- [3] Уразов Ф. Г. Тенденции использования новых технико-криминалистических средств / Ф. Г. Уразов // Аллея науки. – 2022. – Т. 1, № 11(74). – С. 1085-1089.
- [4] Стельмах В. Ю. Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств / В. Ю. Стельмах // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 3(38). – С. 93-100.
- [5] Маринкин Д. Н. Участие специалиста информационных технологий блокчейн как средство достижения объективной истины в уголовном процессе Российской Федерации / Д. Н. Маринкин // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9(189). – С. 230-232.
- [6] Ахметханов Б. И. Применение блокчейн-технологий в уголовном процессе / Б. И. Ахметханов // Студенческий форум. – 2023. – № 22-3(245). – С. 41-43.
- [7] Яковлева К. Ю. Возможности применения технологии «блокчейн» в уголовном процессе

/ К. Ю. Яковлева // Технологии XXI века в юриспруденции : Материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 24 мая 2024 года. – Екатеринбург, 2024. – С. 154-160.

[8] Латыпов В. С. Тезисно о блокчейн-технологиях в современном цифровом уголовном процессе как антикоррупционном факторе: положительные и отрицательные аспекты / В. С. Латыпов // I Восточно-Сибирский юридический форум : Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции, Иркутск, 05–06 июня 2025 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2025. – С. 239-244.

[9] Шурдумов А. А. Блокчейн-верификация доказательств в уголовном процессе / А. А. Шурдумов // Закон и право. – 2025. – № 8. – С. 226-230.

[10] Шайхуллин М. С. О значимости конституционно-правовых гарантий в защите прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 1(6). – С. 22-27.

[11] Станкин А. Н. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина / А. Н. Станкин, М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2025. – № 2(7). – С. 22-28.

[12] Колесников Е. В. Законность как конституционная категория / Е. В. Колесников // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 22-25.

References:

[1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 01.09.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, No. 52 (Part I), 24.12.2001, Art. 4921

[2] Criminal Procedure Law: Special Part: A Textbook-Methodological Manual / T. I. Jelali, Yu. S. Mandryka, A. Yu. Miroshnichenko, T. V. Gritsenko. – Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. – 152 p.

[3] Urazov F. G. Trends in the Use of New Technical and Forensic Tools / F. G. Urazov // Alley of Science. – 2022. – Vol. 1, No. 11(74). – P. 1085-1089.

[4] Stelmakh V. Yu. Electronic information in evidence in criminal cases: methods of obtaining and place in the system of evidence / V. Yu. Stelmakh // Library of a criminalist. Scientific journal. – 2018. – No. 3(38). – P. 93-100.

[5] Marinkin D. N. Participation of a blockchain information technology specialist as a means of achieving objective truth in criminal proceedings of the Russian Federation / D. N. Marinkin // Law and state: theory and practice. – 2020. – No. 9(189). – P. 230-232.

[6] Akhmetkhanov B. I. Application of blockchain technologies in criminal proceedings / B. I. Akhmetkhanov // Student forum. – 2023. – No. 22-3(245). – P. 41-43.

[7] Yakovleva K. Yu. Possibilities of Applying Blockchain Technology in Criminal Procedure / K. Yu. Yakovleva // Technologies of the 21st Century in Jurisprudence: Proceedings of the Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 24, 2024. – Yekaterinburg, 2024. – P. 154-160.

[8] Latypov V. S. Briefly on Blockchain Technologies in Modern Digital Criminal Procedure as an Anti-Corruption Factor: Positive and Negative Aspects / V. S. Latypov // I East Siberian Legal Forum: Collection of Materials of the XXX International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, June 5–6, 2025. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. – Pp. 239-244.

[9] Shurdumov A. A. Blockchain Verification of Evidence in Criminal Proceedings / A. A. Shurdumov // Law and Order. – 2025. – No. 8. – Pp. 226-230.

[10] Shaikhullin M. S. On the Significance of Constitutional and Legal Guarantees in Protecting the Rights and Freedoms of Man and Citizen / M. S. Shaikhullin // Law and Statehood. – 2025. – No. 1(6). – Pp. 22-27.

[11] Stankin A. N. Guarantees for the Protection of the Rights and Freedoms of Man and Citizen / A. N. Stankin, M. S. Shaikhullin // Law and Statehood. – 2025. – No. 2(7). – P. 22-28.

[12] Kolesnikov E. V. Legality as a constitutional category / E. V. Kolesnikov // Law and statehood. – 2025. – No. 4(9). – P. 22-25.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛУЖБ ПРОБАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Аннотация. Материалы статьи посвящены крайне актуальному и проблемному для пенитенциарной системы вопросу роли управления поведением и воспитания осужденных в функционировании служб пробации европейских стран. Значимость и актуальность предлагаемого к рассмотрению проблемного вопроса представлены, прежде всего, ярко выраженной необходимостью разрешения проблемы проявления рецидива совершаемых преступлений в обществе. Соответственно, на первое место встают проблемные аспекты определяющие возможности управления поведением и воспитания осужденных, которым предстоит пройти школу подготовки к освобождению и соответственно выступить в роли пробантов. Передовой зарубежный опыт по использованию нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыту по использованию института пробации, может быть весьма значим и полезен для обеспечения эффективности функционирования отечественной службы пробации.

Учитывая указанное выше, нам крайне интересен опыт тех стран, где имеется значительный опыт использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыт по использованию института пробации. Реализуя поиск таких стран посредством географической близости их к Российской Федерации, отметим при этом, что в странах СНГ институты пробации действуют во многих из них за исключением Республики Беларусь, Республики Таджикистан и Туркменистана. Ситуация, связанная с функционированием института пробации в постсоветских странах, представляет для нас определенный интерес, но опыт этого функционирования не является столь значительным как, например, многолетняя практика применения пробации в европейских странах. Значимость этого многолетнего опыта, позволяющего уверенно говорить об эффективности пробации, определяет и востребованность нашего исследования.

Не взирая на относительно общее понимание явления пробации в европейских странах нормативные правовые основы Совета Европы не исключают различия в подходах к содержанию механизмов и форм реализации пробации. Но, в любом случае, не смотря на указанные различия в подходах к содержанию механизмов и форм реализации пробации, существует ряд тождеств принципиальных основ организации пробации, согласно моделей реализации пробации разных стран, обеспечивающих высоки уровень эффективности ресоциализации бывших осужденных на посткриминальном этапе.

Реализованное нами исследование позволило определить, что функционирование института пробации в европейских странах определяет наличие как общих, свойственных всем европейским службам пробации характеристик управления поведением и воспитания пробантов, так и весьма дифференцированных (своеобразных) характеристик управления поведением и воспитания правонарушителей.

Ключевые слова: управление поведением, воспитание осужденных, службы пробации, европейские страны, институт пробации, рецидив совершаемых преступлений, исправительные работы, пенитенциарные психологи, воспитательная работа, общественное благо.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FPU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of psychological sciences

THE ROLE OF BEHAVIOR MANAGEMENT AND EDUCATION OF CONVICTS IN THE FUNCTIONING OF PROBATION SERVICES IN EUROPEAN COUNTRIES

Annotation. *This article addresses the role of behavior management and education of convicts in the functioning of probation services in European countries, a highly relevant and challenging issue for the penitentiary system. The significance and relevance of this problematic issue are primarily driven by the pressing need to address the problem of recidivism in society. Consequently, the challenging aspects that determine the potential for behavior management and education of convicts, who are about to undergo pre-release training and subsequently serve as probationers, come to the forefront. Advanced international experience in the use of regulatory and educational measures to mitigate recidivism, and in particular, experience with the institution of probation, can be highly valuable and useful for ensuring the effectiveness of domestic probation services.*

Given the above, we are extremely interested in the experience of countries with significant experience in using regulatory and educational measures to mitigate recidivism, and in particular, experience with the institution of probation. In searching for such countries based on their geographic proximity to the Russian Federation, we note that probation institutions operate in many CIS countries, with the exception of the Republic of Belarus, the Republic of Tajikistan, and Turkmenistan. The functioning of probation institutions in post-Soviet countries is of particular interest to us, but the experience of this practice is not as significant as, for example, the long-standing practice of probation in European countries. The significance of this long-standing experience, which allows us to confidently speak about the effectiveness of probation, determines the relevance of our research.

Despite the relatively common understanding of probation in European countries, the normative legal framework of the Council of Europe does not preclude differences in approaches to the content of probation mechanisms and implementation forms. However, despite these differences in approaches to the content of probation mechanisms and implementation forms, there are a number of similarities in the fundamental principles of probation organization, according to probation implementation models in different countries, ensuring a high level of effectiveness in the resocialization of former convicts in the post-criminal stage. Our research has allowed us to determine that the functioning of the probation institution in European countries determines the presence of both general characteristics of behavior management and education of probationers, common to all European probation services, and highly differentiated (peculiar) characteristics of behavior management and education of offenders.

Key words: *behavior management, education of convicts, probation services, European countries, probation institution, recidivism, correctional labor, penitentiary psychologists, educational work, public good.*

Введение.

В случае, когда, отбыв уголовное наказание, бывший осужденный совершает преступление повторно, мы наблюдаем так называемый рецидив преступления, то есть ситуацию, когда человек, уже имеющий судимость, умышлено вновь совершает преступление. Закономерно воспринимать такие ситуации как крайне деструктивные, исходя из причиненного физического вреда жертвам рассматриваемых преступлений, а также из нулевого успеха процесса ресоциализации, реализованного с рецидивистами ранее в рамках пенитенциарной системы [6, с. 165].

Учитывая указанное выше, нам крайне интересен опыт тех стран, где имеется значительный опыт использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыт по использованию института probation. Осуществляя поиск таких стран посредством географической близости их к Российской Феде-

рации, отметим при этом, что в странах СНГ институты probation действуют во многих из них за исключением Республики Беларусь, Республики Таджикистан и Туркменистана. Ситуация, связанная с функционированием института probation в постсоветских странах (странах СНГ) представляет для нас определенный интерес, но опыт этого функционирования не является столь значительным как, например, многолетняя практика применения probation в европейских странах. Значимость этого многолетнего опыта, позволяющего уверенно говорить об эффективности probation, определяет и востребованность нашего исследования.

Цель статьи – определение роли управления поведением и воспитания несовершеннолетних осужденных в функционировании служб probation европейских стран.

Использованные в исследовании методы: метод анализа теоретико-методологических, методических источников, посвященных вопросу

управления поведением и воспитания несовершеннолетних осужденных в функционировании служб пробации европейских стран; метод анализа организационных, нормативных правовых документов, посвященных указанному вопросу.

Результаты исследования.

Пенитенциарные специалисты (юристы, воспитатели и психологи) традиционно уделяют значительное внимание передовому зарубежному опыту, в нашем случае опыту использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыту по использованию института пробации. Особенно интересен опыт реализации пробации в государствах европейских стран [2, с. 372; 3, с. 87]. Именно в европейских странах пробация выступает уже традиционным способом, существующим уже несколько десятков лет, нейтрализации рецидивного преступного поведения, а также формирования правопослушного поведения.

Исследователями вопроса нейтрализации рецидивного преступного поведения бывших осужденных отмечается, что наиболее представительным и значимым опытом использования института пробации на мировом уровне действительно выступает опыт европейских странах, в числе которых необходимо выделить прежде всего такие страны, как: Австрия, Германия, Италия, Финляндия [8, с. 261]. Указанные выше исследователи говорят также о необходимости учета ярких ментальных, национальных характеристик лиц, реализующих механизмы института пробации и лиц, участвующих в них, то есть субъект-субъектные отношения). Необходим учет и кросскультурных взаимоотношений в процессе правосознания [1, с. 112; 5, с. 201].

Отечественные исследователи функционирования института пробации в европейских странах определяют, что характерной чертой функционирования пробации в Европе является то, что она является «гуманистическим институтом социальной помощи осужденным, а также социально-правового контроля над ними» [7, с. 7]. Пробация в европейских странах понимается как «многоаспектное уголовно-правовое попечение, помощь, регламентированная ответственностью за нарушителя права, который под угрозой применения более строгих принудительных мер пытается справиться с экстремальной жизненной ситуацией» [4, с. 576].

Обсуждение.

Не смотря на относительно общее понимание явления пробации в европейских странах нормативные правовые основы Совета Европы не исключают различия в подходах к содержанию механизмов и форм реализации пробации. Но, в

любом случае, не смотря на указанные различия в подходах к содержанию механизмов и форм реализации пробации, существует ряд тождеств принципиальных основ организации пробации, согласно моделей реализации пробации разных стран, обеспечивающих высокий уровень эффективности ресоциализации бывших осужденных на посткриминальном этапе. К этим тождествам, прежде всего, относятся:

- судебное назначение, координирование и отмена применения мер пробации, позиционируемые как реализация пробации, являющейся альтернативным наказанием при котором правонарушитель остается в обществе;
- представления об общественном благе. В европейских странах при применении института пробации особое внимание уделяют тому, что правонарушитель должен в случае пробации принести свою лепту в общественное благо. Таким образом преследуются две цели. Во-первых, правонарушитель решает таким образом психологическую проблему индивидуальной и социальной самоидентификации в обществе и с обществом. Во-вторых, срабатывает своеобразный компенсаторный механизм, причиненный ущерб потерпевшему и обществу хотя бы отчасти компенсируется вкладом осужденного общественное благо.

Механизмы и формы поддержания и развития общественного блага выступают для нас как сущность содержания передового зарубежного опыта по использованию в том числе и института пробации, а следовательно, представляют особый интерес. В каждой отдельной европейской стране эти механизмы и формы поддержания и развития общественного блага весьма аутентичны. В целом же, к их числу относятся:

- участие в общественных работах, то есть для общественного блага. Эти работы, по-сути, являются неоплачиваемыми работами для социума. Это сферы: сельского хозяйства, здравоохранения, социальная помощь инвалидам по здоровью, пожилым людям. Правонарушители участвуют в реализации общественных (многочисленных) мероприятий, строят рекреационные зоны и различные социальные объекты. В медицинских учреждениях они заняты уборкой и иной вспомогательной работой. В Болгарии, к примеру, пробация предусматривает исправительные работы, реализацию бесплатного труда для общественного блага;
- волонтерская работа, имеющая значительное социальное значение. Например, в Италии она обязательно включается в индивидуальные программы пробации правонарушителей, включая также меры по коррекции поведения пробантов;

- работа в помощь больным в медицинских учреждениях. Так, во Франции, лица грубо нарушившие правила дорожного движения, включая серьезное травмирование других участников автомобильного движения, осуществляют уход в медицинских учреждениях за травмированными водителями;
- благотворительная деятельность. В Голландии и в Греции предусмотрена возможность для правонарушителя перевода денежных средств на счет благотворительной организации в объеме до нескольких десятков тысяч евро;

Важно отметить, что помимо согласия самого правонарушителя к применению к нему одного из видов, указанных выше механизмов, форм поддержания и развития общественного блага, крайне необходимо, чтобы тип (вид) указанных механизмов и форм в значительной части соответствовал личностным характеристикам (качествам, свойствам) правонарушителей. Учет указанного положения с высокой долей вероятности обеспечит успешность ресоциализации пробанта в социум.

Заключение.

Рассмотрев, таким образом, вопрос роли управления поведением и воспитания осужденных в функционировании служб пробации европейских стран мы пришли к некоторым выводам. Так, ситуации рецидива преступлений определяются как крайне деструктивные в силу того, что жертвам рассматриваемых преступлений причиняется физический вред, а в целом не приходится говорить о каком-либо успехе в направлении процесса ресоциализации, реализованного с осужденными в рамках пенитенциарной системы. В такой ситуации значительный научный и прикладной интерес представляет передовой и эффективный опыт по использованию института пробации, то есть по использованию нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения пробантов.

Наше исследование позволило определить, что функционирование института пробации в европейских странах определяет наличие как общих, свойственных всем европейским службам пробации характеристик управления поведением и воспитания пробантов, так и весьма дифференцированных (своеобразных) характеристик управления поведением и воспитания правонарушителей.

Список литературы:

[1] Агабекян А.Л. Стандарты Совета Европы в сфере исполнения альтернативных («общинных») наказаний: эволюция и национальные вари-

анты реализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Томск, 2022. 265 с.

[2] Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378

[3] Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права: монография. – М.: ООО «Издательство “Элит”», 2007. 152 с.

[4] Кузнецов С.А. (сост.). Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.

[5] Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы: теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2018. – 496 с.

[6] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

[7] Уткин В.А. О перспективах пробации в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5-8.

[8] Федорова Е.М., Первозванский В.Б. Некоторые аспекты профилактики рецидивной преступности в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 259-262.

References:

[1] Agabekyan A.L. Council of Europe Standards in the Sphere of Execution of Alternative (“Community”) Punishments: Evolution and National Implementation Options: Diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.08. Tomsk, 2022. 265 s.

[2] Bastrykin A.I., Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Voronkov K.I. Anti-Criminogenic Resocialization: Foreign Experience // All-Russian Criminological Journal. 2020. No. 3. S. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378

[3] Esakov G.A. Fundamentals of Comparative Criminal Law: Monograph. – M.: ООО “Izdatelstvo “Elite”, 2007. 152 s.

[4] Kuznetsov S.A. (compiled). Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. – St. Petersburg: Norint, 2000. 1535 s.

[5] Teplyashin P.V. European Penitentiary Systems: Theoretical, Applied, and Comparative Legal Research: Diss. ... Doc. of Law: 12.00.08. Krasnoyarsk, 2018. 496 s.

[6] Tikhomirov Yu.A. Course in Comparative Law. M.: NORMA. 1996. 432 s.

[7] Utkin V.A. On the Prospects of Probation in Russia // Criminal-Executive System: Law, Economics, Management. 2016. №. 4. S. 5-8.

[8] Fedorova E.M., Pervozvansky V.B. Some aspects of prevention of recidivism in penitentiary institutions of foreign countries // Gaps in Russian legislation. 2018. №. 4. S. 259-262.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-400-403

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

НОСАЧЕВ Владимир Валерьевич,
Аспирант 2-го года обучения ЧОУ ВО СПбУТДиУ,
e-mail: mail@law-books.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Безопасность дорожного движения остается критической социально-правовой проблемой российского государства. По данным ГИБДД МВД России, в 2023 году на территории страны зарегистрировано свыше 133 тысяч дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло более 14 тысяч человек. Административно-правовое регулирование в этой сфере выступает основным инструментом государственного воздействия на участников дорожного движения, формируя систему правовых ограничений и санкций за противоправное поведение.

Ключевые слова: дорожное движение; ГИБДД; правонарушения; государство; субъекты; ответственность.

NOSACHEV V.V.,
Post-graduate student
of the 2nd year of study at the SPbUMTE

THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF SUBJECTS OF ROAD SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Road safety remains a critical socio-legal problem of the Russian state. According to the traffic police of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in 2023, more than 133 thousand road accidents were registered in the country, in which more than 14 thousand people died. Administrative and legal regulation in this area is the main instrument of state influence on road users, forming a system of legal restrictions and sanctions for illegal behavior.

Key words: traffic; traffic police; offenses; state; subjects; responsibility.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, высокий уровень аварийности требует постоянного совершенствования правовых механизмов превенции и пресечения правонарушений. Во-вторых, массовое внедрение автоматических технических средств фиксации нарушений поставило перед правоприменителями новые процессуальные и материально-правовые вопросы, не имеющие однозначного решения в судебной практике. В-третьих, реформирование административного законодательства, начатое с принятием Федерального закона № 195-ФЗ от 30.12.2001, создало необходимость научного осмысления эффективности применяемых санкций и предупредительных мер.

Правовой статус ГИБДД определяется совокупностью нормативных актов различного

уровня. Прежде всего это Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», статья 12 которого закрепляет обязанности полиции по обеспечению безопасности дорожного движения. Полномочия конкретизированы в Положении о Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России, утвержденном Указом Президента РФ от 21.12.2019 № 635.

Компетенция ГИБДД включает как контрольно-надзорные, так и разрешительные функции. В рамках контрольно-надзорной деятельности сотрудники инспекции выявляют правонарушения участников дорожного движения, составляют протоколы об административных правонарушениях, применяют меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. К разрешительным функциям относятся регистрация транспортных средств,

выдача водительских удостоверений, согласование маршрутов движения транспортных средств, перевозящих опасные или крупногабаритные грузы.

Бахрах Д.Н. обоснованно отмечал, что правовой статус органа исполнительной власти не исчерпывается совокупностью компетенционных норм – он включает также организационные характеристики и подотчетность [1]. ГИБДД подчиняется Министерству внутренних дел РФ, что обуславливает единство командования и методического руководства на всех уровнях системы МВД. Структурно инспекция включает центральный аппарат, территориальные органы на уровне субъектов Федерации и подразделения в городах и районах.

Другим субъектом, участвующим в обеспечении безопасности дорожного движения, выступают дорожные службы – организации, осуществляющие содержание и ремонт автомобильных дорог. Их правовой статус регулируется Федеральным законом от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации».

Впрочем, дорожные службы не обладают властными полномочиями по выявлению и пресечению правонарушений. Их роль в обеспечении безопасности носит превентивный характер: поддержание дорожного покрытия в надлежащем состоянии, установка и обслуживание дорожных знаков, нанесение разметки.

Существенные полномочия принадлежат транспортным инспекциям – органам, осуществляющим государственный надзор за соблюдением требований безопасности при эксплуатации транспортных средств юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. С 2018 года эти функции возложены на Федеральную службу по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор), действующую на основании Положения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.07.2004 № 398.

Кикоть В.Я. справедливо подчеркивал многоуровневый характер системы обеспечения безопасности дорожного движения [2]. На муниципальном уровне соответствующие функции выполняют органы местного самоуправления, утверждающие схемы организации дорожного движения на подведомственной территории и принимающие решения об ограничении или прекращении движения на отдельных участках дорог. Региональные власти обеспечивают координацию деятельности всех субъектов системы и реализуют целевые программы повышения безопасности дорожного движения.

Разграничение подведомственности между ГИБДД и судами установлено статьями 23.1 и 23.3 КоАП РФ. По общему правилу, дела об адми-

нистративных правонарушениях, влекущих назначение наказания в виде лишения специального права, административного ареста или обязательных работ, рассматриваются судьями. Остальные составы – в компетенции органов внутренних дел.

Административное наказание выступает установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения. Согласно статье 3.1 КоАП РФ, наказание применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Глава 12 КоАП РФ предусматривает специальные составы, связанные с нарушениями правил дорожного движения, – их насчитывается более пятидесяти.

Система наказаний, применяемых за правонарушения в области дорожного движения, включает пять видов:

- предупреждение;
- административный штраф;
- лишение специального права управления транспортным средством;
- административный арест;
- обязательные работы.

Предупреждение представляет собой официальное порицание физического или юридического лица, выносимое в письменной форме. Применение этой меры ограничено статьей 3.4 КоАП РФ, устанавливающей, что предупреждение назначается за впервые совершенные малозначительные правонарушения при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда. Фактически предупреждение в дорожно-транспортной сфере выносятся крайне редко – большинство составов главы 12 предусматривают только штраф или более строгие санкции.

Административный штраф – наиболее распространенный вид наказания. Он представляет собой денежное взыскание, выражаемое в рублях. Размер штрафов за нарушения правил дорожного движения варьируется от пяти сот до пятидесяти тысяч рублей для физических лиц и до пяти сот тысяч рублей для юридических лиц. К примеру, управление незарегистрированным транспортным средством влечет наложение штрафа в размере от пяти сот до восьмисот рублей (часть 1 статьи 12.1 КоАП РФ), тогда как повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения – штраф в размере трех сот тысяч рублей либо лишение права управления на срок до трех лет (часть 3 статьи 12.8 КоАП РФ).

Лишение права управления транспортным средством назначается судьей на срок от одного месяца до трех лет. Эта мера применяется за гру-

бые и повторные нарушения. По мнению Росинского Б.В., лишение специального права – одна из наиболее строгих административных санкций, поскольку она затрагивает конституционное право на свободу передвижения и нередко влияет на профессиональную деятельность правонарушителя [3].

Исполнение постановления о лишении права управления осуществляется путем изъятия водительского удостоверения и передачи его на хранение в подразделение ГИБДД. Срок лишения исчисляется со дня вступления постановления в законную силу и сдачи водителем удостоверения.

Административный арест и обязательные работы за правонарушения в области дорожного движения применяются в исключительных случаях. Арест, состоящий в содержании нарушителя в условиях изоляции, назначается судьей на срок до пятнадцати суток. Он предусмотрен частью 3 статьи 12.8 КоАП РФ за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения (альтернативно штрафу и лишению права управления). Обязательные работы, введенные Федеральным законом от 08.06.2012 № 65-ФЗ, предполагают выполнение физическим лицом бесплатных общественно полезных работ в свободное от основной работы или учебы время. Их продолжительность не может превышать ста двадцати часов. Обязательные работы также альтернативно предусмотрены за повторное управление в состоянии опьянения.

Система административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения включает пять видов: предупреждение, штраф, лишение специального права, арест и обязательные работы. Штраф является наиболее распространенной санкцией, тогда как лишение права управления применяется за грубые и повторные нарушения. Законодатель последовательно усиливает ответственность, что отражает государственную политику приоритета безопасности дорожного движения.

Меры административного предупреждения и пресечения играют не менее значимую роль, чем санкции. Данные меры направлены на недопущение противоправного поведения или его пресечение. Регламентация на законодательном уровне требует соотношения между необходимостью государственного принуждения и защитой прав граждан.

В настоящее время автоматическая фиксация правонарушений в сфере дорожного движения стала одним из ключевых инструментов государственного контроля. На данный момент в стране действует более 15 тысяч комплексов фото и видео фиксации, что позволило существенно повысить выявляемость правонарушений в данной области.

Правовая основа использования технических средств закреплена в статье 26.8 КоАП РФ, определяющей, что технические средства допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют установленным требованиям и прошли сертификацию. Постановление Правительства РФ от 01.03.2008 № 132 утверждает Правила установки и использования специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме. Однако практика применения этих норм выявила множество противоречий.

Первая проблема касается идентификации правонарушителя. При автоматической фиксации камера регистрирует государственный регистрационный знак транспортного средства, а постановление о привлечении к административной ответственности выносится в отношении собственника транспортного средства. Часть 2 статьи 2.6.1 КоАП РФ устанавливает презумпцию вины собственника: он считается лицом, совершившим правонарушение, если не докажет, что в момент фиксации транспортным средством управляло иное лицо.

Механизм опровержения презумпции неоднозначен. Собственник обязан представить документы, подтверждающие передачу транспортного средства в пользование другому лицу – договор аренды, доверенность, акт приема-передачи. Однако во многих случаях передача происходит устно либо документы утрачены. Кроме того, передача транспортного средства, к примеру, члену семьи редко оформляется письменно. Возникает ситуация, когда собственник несет ответственность за деяние, совершенное иным лицом, что противоречит принципу личной ответственности, закрепленному статьей 1.5 КоАП РФ.

Вторая проблема связана с техническими ошибками средств фиксации. Комплексы автоматической фиксации работают на основе радарных или лазерных датчиков, а также систем видеонаблюдения. Радарные датчики определяют скорость транспортного средства по принципу эффекта Доплера – измерения сдвига частоты отраженного сигнала. Однако в условиях плотного транспортного потока возможны ошибки: радар фиксирует скорость соседнего транспортного средства, а государственный регистрационный знак считывается с другого автомобиля. Производители указывают погрешность измерения в пределах 2–5 км/ч, но реальная точность зависит от множества факторов – погодных условий, настройки оборудования, наличия электромагнитных помех.

Третья проблема – непрозрачность процедуры обработки данных, полученных техническими средствами. После фиксации нарушения информация передается в центр автоматизированной фиксации административных правонару-

шений, где операторы верифицируют данные, идентифицируют государственный регистрационный знак и формируют электронный материал для вынесения постановления.

При этом, несмотря на всю эффективность, автоматическая фиксация создала правовые проблемы: технические ошибки фиксации, отсутствие прозрачных механизмов снижают уровень доверия граждан к данной системе.

Список литературы:

[1] Бахрах Д.Н. Административное право России. М.: Эксмо, 2018. С. 142.

[2] Кикоть В.Я. Организационно-правовые проблемы обеспечения безопасности дорожного движения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 89.

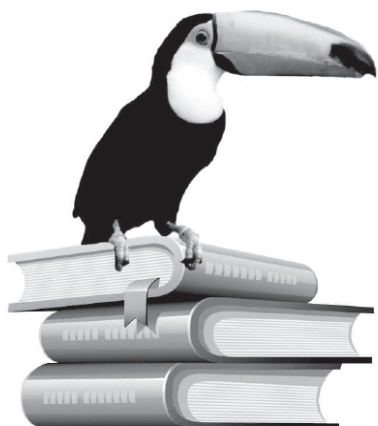
[3] Росинский Б.В. Административная ответственность: курс лекций. М.: Норма, 2019. С. 224.

References:

[1] Bakhrakh D.N. Administrative Law of Russia. M.: Eksmo, 2018. S. 142.

[2] Kikot V.Ya. Organizational and legal problems of road safety. M.: UNITY-DANA, 2017. S. 89.

[3] Rosinsky B.V. Administrative responsibility: course of lectures. M.: Norma, 2019. S. 224.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПЕТРОВА Елена Анатольевна,

кандидат политических наук,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
старший преподаватель кафедры административного права и
административной деятельности ОВД, майор полиции,
e-mail: elena_kleshahr@mail.ru

КОЛОСОВА Инна Викторовна,

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
старший преподаватель кафедры административного права и
административной деятельности ОВД, подполковник полиции,
e-mail: in4kolosova@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный административно-правовой анализ деятельности подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) органов внутренних дел Российской Федерации. Рассматривается нормативно-правовая база, регламентирующая статус и полномочия сотрудников ПДН, анализируются механизмы реализации административной юрисдикции в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: органы внутренних дел, подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН), профилактика правонарушений, административная ответственность, несовершеннолетние, правовой статус.

PETROVA Elena Anatolyevna,

Candidate of Political Sciences,
Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Senior Lecturer at the Department
of Administrative Law and Administrative Activities of the Department
of Internal Affairs, Police Major

KOLOSOVA Inna Viktorovna,

Stavropol Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Senior Lecturer
at the Department of Administrative Law and Administrative
Activities of the Department of Internal Affairs,
Police Lieutenant Colonel

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF JUVENILE AFFAIRS UNITS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article provides a comprehensive administrative and legal analysis of the activities of the juvenile affairs units (PD) of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The article considers the regulatory framework governing the status and powers of PD staff, analyzes the mechanisms for the implementation of administrative jurisdiction in the field of prevention of neglect and juvenile delinquency.

Key words: internal affairs bodies, juvenile affairs units (PD), crime prevention, administrative responsibility, minors, legal status.

Конституция РФ, принятая в 1993 году, заложила основы современной системы защиты прав несовершеннолетних. Она закрепляет положения о государственной защите детства (ст. 38, ч. 1), поддержке детей (ст. 7, ч. 2), а также неотъемлемости основных прав и свобод с момента рождения (ст. 17, ч. 2). Государство обязано создавать условия для всестороннего развития детей и защищать их права, если они нарушаются, то на защиту встают:

- органы опеки и попечительства обеспечивают защиту имущественных, жилищных и личных прав ребёнка, имеют право посещать семьи, где есть угроза благополучию детей, и участвуют в судебных разбирательствах;
- комиссии по делам несовершеннолетних осуществляют профилактику безнадзорности и преступности, оказание помощи детям, находящимся в сложной жизненной ситуации, а также инициируют процедуру лишения или ограничения родительских прав;
- прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законности в сфере охраны прав детей, имеет право подавать иски для восстановления прав несовершеннолетних, отмены усыновления и других действий;
- органы внутренних дел участвуют в принудительных мерах, таких как изъятие детей из неблагополучных семей или розыск лиц, уклоняющихся от исполнения судебных решений.

В современных социально-экономических и политических условиях проблема профилактики правонарушений среди несовершеннолетних сохраняет высокую значимость. Рост девиантного поведения, вовлечение подростков в криминальную среду, распространение деструктивных субкультур – все это требует совершенствования механизмов административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел в сфере профилактики.

Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних, защита их от вовлечения в противоправную деятельность являются приоритетными задачами государственной политики Российской Федерации. В системе субъектов профилактики правонарушений ключевую роль играют органы внутренних дел, а именно подразделения по делам несовершеннолетних (далее — ПДН).

Инспектор по делам несовершеннолетних (далее – инспектор ПДН) представляет собой важнейшее звено в структуре органов внутренних дел, несущей ответственность за профилактику правонарушений несовершеннолетних.

Эффективная профилактика способствует снижению уровня преступности, созданию безопасной социальной среды и укреплению доверия граждан к правоохранительным органам. В результате профилактических мероприятий, осуществляемых инспектором ПДН, у граждан формируется правовая защищенность, что благоприятно влияет на общий уровень правопорядка в обществе.

В этой связи особую значимость приобретает совершенствование индивидуальной профилактической работы ПДН – системы целенаправленных мер, направленных на коррекцию поведения конкретного несовершеннолетнего с учетом его личностных и средовых факторов риска, в том числе особенности семейной динамики, отношения между членами семьи, а так же наследственные и приобретённые в семье условия которые могут негативно влиять на поведение несовершеннолетнего.

Деятельность инспектора ПДН в области профилактики преступлений и правонарушений, а также на воспитание у несовершеннолетних правосознания и правовой культуры. Данная деятельность включает в себя создание условий, способствующих уменьшению уровня преступности и укреплению общественной безопасности.

Профилактическая деятельность подразделяется на два основных направления:

1. общая профилактика – направлена на предотвращение преступлений и правонарушений на уровне всего общества или в пределах определенной территории. В рамках данной профилактики осуществляются мероприятия по информированию несовершеннолетних лиц о действующих правовых нормах, правилах поведения в общественных местах, обеспечения безопасности, а также развитие правосознания.
2. индивидуальная профилактика – сосредоточена на работе с конкретными лицами, которые могут проявлять склонность к совершению противоправных действий или уже совершили их. Этот вид профилактики включает в себя проведение профилактических бесед, работу с семьями несовершеннолетних правонарушителей, а также сотрудничество с социальными службами и другими организациями. Цель индивидуальной профилактики – изменение поведения и отношения отдельных лиц к соблюдению закона, что может существенно снизить вероятность повторения правонарушений.

С целью повышения эффективности профилактики необходимо усиливать межведомственное взаимодействие (школы, соцслужбы, полиция); развивать цифровую грамотность детей и родителей; внедрять инновационные методы

работы (геймификация, VR тренинги, онлайн консультирование); расширять доступность психологической помощи в школах и микрорайонах; актуализировать правовые механизмы защиты детей в цифровой среде.

Основными направлениями профилактической работы являются индивидуальные и групповые занятия со школьными психологами и социальными педагогами; исследование фактов, способствующих развитию отклоняющегося поведения; формирование персонализированных программ восстановления; открытие и развитие центров для молодёжи, спортивных секций, кружков; вовлечение в волонтерскую деятельность; проведение культурно-массовых мероприятий; профилактические беседы с родителями, тренинги по эффективным методам воспитания; консультации по разрешению семейных конфликтов; программы поддержки неблагополучных семей; рейды в местах скопления молодёжи; профилактические встречи в школах; разъяснительные беседы с «трудными» подростками; мониторинг онлайн пространства на признаки вовлечения в преступные схемы, психологическая и юридическая помощь семьям в кризисе; материальная поддержка малообеспеченных семей; сопровождение детей из групп риска, уроки права в школах; использование цифровых ресурсов (онлайн курсы, вебинары, соцсети)

Комплексный подход к решению существующих проблем и внедрение инновационных методов работы способствуют повышению эффективности деятельности инспекторов ПДН, что в свою очередь создает предпосылки для формирования правосознания несовершеннолетних лиц, что в конечном итоге приводит к снижению числа правонарушений.

Как справедливо отмечает Ю.Е. Аврутин, эффективность деятельности полиции в сфере защиты детства напрямую зависит от качества административно-правовых норм, определяющих границы вмешательства государства в дела семьи и воспитания ребенка [1, с. 112]. Правовую основу деятельности ПДН составляет многоуровневая система нормативных актов. Базовым фундаментом выступают Конституция РФ и общепризнанные принципы международного права (в частности, Конвенция о правах ребенка), устанавливающие приоритет интересов ребенка.

Важнейшими составляющими правового регулирования являются Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» и Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ), который определяет ПДН как одного из ключевых субъектов системы профилактики, наделяя их специфическими полномочиями.

Однако, как указывает Беженцев А.А., нормы Закона № 120-ФЗ носят во многом рамочный характер и требуют конкретизации в подзаконных актах [2, с. 45]. Основным ведомственным документом, детально регламентирующим работу сотрудников ПДН, является Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (далее – приказ МВД № 845). Данная инструкция определяет алгоритмы действий сотрудников при выявлении безнадзорных, работе с неблагополучными семьями и реализации административной юрисдикции.

1 декабря 2025 года по постановлению Правительства РФ от 1 апреля 2025 года № 411 «О государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» была запущена Государственная информационная система (далее – ГИС) профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Система создана на основе автоматизированной информационной системы в сфере защиты прав несовершеннолетних и направлена на информационное обеспечение деятельности по профилактике, автоматизацию процессов в этой сфере, контроль за деятельностью субъектов профилактики.

В ГИС аккумулируются данные о несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации (беспризорных, занимающихся бродяжничеством, попрошайничеством и т. д.), о родителях, не исполняющих обязанности по воспитанию, а также о делах, возбужденных в отношении родителей по определенным составам правонарушений (например, по ст. 5.25 и 6.10 КоАП РФ). Оператором системы выступает Минпросвещения России.

Таким образом, правовое регулирование системы профилактики правонарушений несовершеннолетних направлено на повышение эффективности работы за счёт внедрения новых инструментов (наставничество, ГИС), уточнения полномочий субъектов профилактики и совершенствования механизмов контроля и координации их деятельности.

Специфика административно-правового статуса сотрудников ПДН заключается в сочетании функций общей профилактики и административной юрисдикции. Сотрудники ПДН являются должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях.

Анализ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) показывает, что компетенция сотрудников ПДН охватывает широкий круг составов. К наиболее распространенным относятся:

1. Статья 5.35 КоАП РФ (Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних).
2. Статья 6.10, КоАП РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ).
3. Статья 20.22 КоАП РФ (Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ).

Это «рабочие» статьи инспекторов ПДН, представляющие собой главный рычаг воздействия на лиц несущих ответственность за детей (родителей, опекунов, попечителей, усыновителей), а также других лиц ответственных за образование и развитие несовершеннолетних (включая воспитателей и учителей) не исполняющих либо ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по отношению к детям.

Т.Е. Мажеина в своих трудах подчеркивает - реализация данных полномочий часто сопряжена с трудностями доказывания, особенно при рассмотрении субъективной стороны правонарушения, совершенного родителями, необходимо учитывать наличие их виновного поведения, проявляющегося в виде умысла или неосторожности при неисполнении обязанностей) [3, с. 78]. Кроме того, стоит вопрос о разграничении юрисдикции между ПДН и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В условиях существующего административно-правового поля, регламентирующего деятельность ПДН существуют проблемы, требующие научного осмысления и законодательного решения.

1. Проблема индивидуальной профилактической работы. Согласно действующим правовым нормам (как Федеральным законом № 120-ФЗ, так и приказом МВД № 845) определена постановка на профилактический учет несовершеннолетнего совершившего противоправное деяние, но никак не закреплено право постановки на профилактический учет несовершеннолетнего демонстрирующего девиантное поведение, но без совершения конкретных противоправных действий.
2. Документационная перегруженность деятельности сотрудников ПДН.

С целью оптимизации деятельности инспектора ПДН необходимо внесение изменений в

ведомственные акты МВД для упрощения отчетности и внедрения электронного документооборота в рамках межведомственного взаимодействия.

3. Правовое регулирование профилактики в цифровой среде.

Современные подростки проводят значительную часть времени в сети Интернет. Однако полномочия ПДН в сфере кибербезопасности законодательно не закреплены должным образом. Отсутствуют четкие административные механизмы блокировки контента или привлечения к ответственности за кибербуллинг, если он не подпадает под признаки оскорбления или клеветы в классическом понимании. Ю.Н. Старилов указывает на необходимость модернизации административного права под реалии информационного общества [5, с. 15]. Для деятельности ПДН это означает необходимость наделения сотрудников полномочиями по мониторингу социальных сетей и использованию полученных данных в качестве доказательной базы в административном процессе.

На основе проведенного анализа представляется целесообразным предложить следующие направления совершенствования правового регулирования деятельности ПДН:

1. Расширение оснований для проведения индивидуальной профилактической работы – требуется внесение корректировок в ст. 5 Федерального закона № 120-ФЗ, закрепив возможность проведения профилактических мероприятий в отношении лиц, систематически нарушающих общественный порядок в сети Интернет, даже если эти действия не образуют состава административного правонарушения, но несут угрозу общественной нравственности.
2. Оптимизация административного процесса - следует рассмотреть вопрос о наделении лиц возглавляющих территориальные органы Министерства внутренних дел РФ правом рассматривать дела об административных правонарушениях по ст. 5.35 КоАП РФ (ч. 1) в случаях, когда вина родителя очевидна и им не оспаривается. Это позволит разгрузить комиссию по делам несовершеннолетних и ускорить процесс применения мер воздействия.

Подводя итог, можно констатировать, что административно-правовое регулирование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних ОВД в России представляет собой сложившуюся, но требующую модернизации систему. Ключевым вектором развития должно стать смещение акцента с карательной функции (составление протоколов) на социально-реабилитационную, подкрепленную соответствующими властными полномочиями.

Эффективность работы ПДН, к сожалению, зависит не только от профессионализма сотрудников ПДН. Устранение выявленных пробелов законодательства, недостатка полномочий в цифровой среде, упрощение административно-юрисдикционных процедур, в части привлечения к ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправную и антиобщественную деятельность - позволит превратить деятельность ПДН в современный и эффективный инструмент защиты прав несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Аврутин, Ю. Е. Полиция и общество: опыт социологического анализа / Ю. Е. Аврутин. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2018. — 360 с. — Текст : непосредственный.

[2] Воронов, А. М. Административно-правовой статус подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел : монография / А. М. Воронов, А. В. Коркин. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. — 159 с. — Текст : непосредственный.

[3] Мажеина, Т. Е. Административно-юрисдикционная деятельность подразделений по делам несовершеннолетних : учебное пособие / Т. Е. Мажеина. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. — 112 с. — Текст : непосредственный.

[4] Бурлаков, С. А. Проблемы взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних с институтами гражданского общества / С. А. Бурлаков. — Текст : непосредственный // Административное право и процесс. — 2021. — № 4. — С. 21–25

[5] Стариков, Ю. Н. Административное право Российской Федерации : учебник для вузов / Ю. Н. Стариков. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. — 890 с. — Текст : непосредственный.

[6] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних - Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Консультант Плюс: ком. справ. правовая

система. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (дата обращения 16.06.2026).

[7] Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации - Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // Консультант Плюс: ком. справ. правовая система. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (дата обращения 16.06.2026).

References:

[1] Avrutin, Yu. E. Police and society: experience in sociological analysis/Yu. E. Avrutin. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2018. - 360 p. - Text: direct.

[2] Voronov, A. M. Administrative and legal status of units for juvenile affairs of internal affairs bodies: monograph/A. M. Voronov, A. V. Korokin. - Moscow: UNITY-DANA, 2019. - 159 p. - Text: direct.

[3] Majeina, TE Administrative-jurisdictional activities of juvenile units: a training manual/TE Majeina. - Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. - 112 p. - Text: direct.

[4] Burlakov, S. A. Problems of interaction of juvenile affairs units with civil society institutions/S. A. Burlakov. - Text: direct//Administrative law and process. — 2021. — № 4. - S. 21-25

[5] Starilov, Yu. N. Administrative Law of the Russian Federation: a textbook for universities/Yu. N. Starilov. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2022. - 890 p. - Text: direct.

[6] On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency - Federal Law No. 24.06.1999 of 120-FZ//Consultant Plus: com. ref. legal system. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (date of application 16.06.2026).

[7] On approval of the Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation - Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 15.10.2013 No. 845//Consultant Plus: com. ref. legal system. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (date of application 16.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-409-413

СОЛОВЬЕВА Лариса Викторовна,
Кандидат психологических наук,
Преподаватель кафедры конституционного и гражданского права
Ставропольского филиала Краснодарского университета
МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются новаторские методы воспитательно-образовательного процесса, построенные на комплексной поддержке растущего поколения. Обусловлена роль современной педагогической деятельности, с ее высоким уровнем экспериментальности и инновационности, требующая активного уровня вовлеченности в образовательный процесс со стороны преподавательского состава. Установлены комплексные критерии процесса образования, направленные на всестороннее развитие личности. Рассмотрена педагогическая деятельность в рамках повышенной значимости вследствие своего сложного характера, заключающегося в формировании личностных качеств индивида. Изложены сложные понятия эффективной реализации педагогического потенциала способные обеспечить индивидуальный подход и адаптацию педагогических методик, гарантирующих понимание учебного материала всеми обучающимися вне зависимости от уровня базовой подготовки. Отмечена роль преподавателя в неформальном общении с учащимися, в периоды дополнительных консультаций, отработок пропусков занятий и неудовлетворительных оценок.

Ключевые слова: образование, метод, подход, преподаватель, обучающийся, личность, прогресс, умения, навыки, целеустремленность, взаимосвязь, интеллект, потенциал.

SOLOVIEVA Larisa Viktorovna,
Candidate of Psychological Sciences
Lecturer of the Department of Constitutional and Civil Law
Stavropol Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MODERN PEDAGOGICAL APPROACH TO PERSONALITY EDUCATION

Annotation. This article discusses innovative methods of the educational process, which are based on comprehensive support for the growing generation. The role of modern pedagogical activities, with their high level of experimentation and innovation, is determined, requiring an active level of involvement in the educational process from the teaching staff. Comprehensive criteria for the educational process are established, aimed at the comprehensive development of the individual. Pedagogical activities are considered in the context of their increased significance due to their complex nature, which involves the formation of personal qualities in individuals. The article presents complex concepts of effective implementation of pedagogical potential, which can ensure an individual approach and adaptation of pedagogical methods that guarantee the understanding of the educational material by all students, regardless of their level of basic training. The role of the teacher in informal communication with students, during periods of additional consultations, work-outs of missed classes and unsatisfactory grades, is noted.

Key words: education, method, approach, teacher, student, personality, progress, skills, determination, interconnection, intelligence, potential.

В настоящее время в ходе образовательного процесса необходимо акцентировать особое внимание на изучении влияния создания педагогических условий на развитие внутреннего мира индивида, выявляя корреляционные связи между учебно-воспитательной активностью и формированием ценностно-смысловой сферы обучающегося. Ведущую роль среди различных подходов к обучению занимает изучение факторов, обуславливающих влияние образовательных процессов на реализацию творческого потенциала учащихся, поскольку именно этот аспект является основой духовно-нравственного совершенствования и личностного развития учащихся.

По мнению доктора философских наук У. Асановой, «цель образования – не просто в обретении профессиональной квалификации, а наряду с ней – обретении человеческих качеств, способствующих достижению счастья» [1]. Значимые фигуры отечественной педагогической мысли прошедшего столетия, такие как основоположник русской научно-педагогической теории К.Д. Ушинский, заложивший теоретические основания понимания сущности детской психики и особенностей детского развития; С.Т. Шацкий, внедривший новаторские методы воспитательно-образовательного процесса, построенные на комплексной поддержке растущего поколения; П.П. Блонский, разработчик концептуальных подходов к психологической природе познавательных способностей человека, неизменно подчёркивали значимость интегрированного подхода к воспитанию и обучению детей и подростков, учитывающего индивидуальные когнитивные способности к обучению, морально-волевою сферу личности и ее общественную активность[2].

Педагогам необходимо индивидуально подходить к каждому обучающемуся, избегая догматизации при работе с духовной сферой личности. Творческое начало выступает ключевым критерием профессиональной компетентности педагогов, проявляясь посредством умения эффективно мобилизовать собственные ресурсы, направленные на достижение поставленных целей в ходе обучения. Преподаватель, движимый профессиональным призванием и ответственностью за социализацию молодого поколения, организует образовательный процесс таким образом, чтобы обеспечить каждому учащемуся возможность максимального проявления собственных талантов и самоактуализации, в условиях свободы выбора и осмысленного поведения. К. Д. Ушинский писал, что «влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебником, ни системой наказаний и поощрений. Причины обширного нравственного влияния лич-

ности педагога на личность обучающихся лежат в самой природе человека и человеческих отношений, складывающихся в процессе педагогической деятельности» [3].

Современное образование представляет собой сложный многоуровневый процесс, интегрирующий разнообразные научные дисциплины и культурные направления, направленный на формирование всесторонне развитых индивидов через глубокие научные познания и развития духовно-нравственных ориентиров. Сегодня достижение целей учебного процесса невозможно без установления доверительных отношений между учителем и учениками, основанных на уважении, сопереживании и взаимной заинтересованности. Необходимо отметить, что с развитием информационно-телекоммуникационных технологий в образовательный процесс активно вовлекаются информационные технологии, что обуславливает применение со стороны преподавательского состава инновационных педагогических методик, которые призваны более эффективно обеспечить взаимодействие между учащимся и педагогом[4].

Российское образование находится в стадии значительных преобразований, направленных на построение эффективной системы обучения, объединяющей традиционные подходы с личностно-ориентированными технологиями. Новая роль преподавателя заключается не только в передаче готовых знаний, но и в раскрытии потенциала личности учащегося, поддержке в преодолении трудностей, развитии талантов и вовлеченности в научную деятельность и творческий поиск. В настоящее время в связи с колоссальным объемом информации, с которой сталкивается человек при использовании информационно-телекоммуникационных технологий особую роль играет образование, которое обязано дать личности фундаментальные духовно-нравственные ориентиры, которые дадут вектор, направленные на формирование устойчивых морально-волевых качеств обучающегося. Современная педагогическая деятельность отличается высоким уровнем экспериментальности и инновационности, что требует активного уровня вовлеченности в образовательный процесс со стороны преподавательского состава. Сегодняшнее педагогическое мастерство предполагает постоянное творческое переосмысление классических методов преподавания и активное использование интерактивных элементов, обеспечивающих успешное освоение учебного материала обучающимися любого уровня познавательной активности[5].

Система воспитания, которая находит свою фиксацию в процессе обучения, играет ключе-

вую роль в формировании мировоззрения подрастающего поколения. Основную роль в создании педагогических условий развития ценностно-смысловой направленности в обучении играет личность преподавателя. Ценности складываются из наблюдения за примерами в семье, школе, профессиональном сообществе и соотношением их форм и методов работы с общегуманитарными стандартами [6]. Анализ исторического опыта позволяет выявить качества педагога, значимые ранее и сохраняющие свою важность в настоящее время. Именно учитель оказывает определяющее влияние на интеллектуальное становление молодежи и формирование адекватного представления о действительности. Глубокое изучение особенностей деятельности педагогических работников способствует выявлению оптимальных условий эффективной профессиональной деятельности преподавателей и разработке рекомендаций, направленных на повышение качества образовательного процесса будущих поколений [7].

Образовательный процесс представляет собой комплексное явление, направленное на всестороннее развитие личности. Воспитательная деятельность в рамках педагогической системы характеризуется повышенной значимостью вследствие своего сложного характера, заключающегося в формировании личностных качеств индивида. Результативность воспитательного воздействия зачастую обнаруживается не сразу. Ведущую позицию в указанном процессуальном цикле занимает личность педагога, индивидуальные характеристики которой выступают ключевым фактором реализации воспитательной функции, который должен обеспечить успешное вхождение в ситуацию успеха на занятиях. «Ситуация успеха – совокупность позитивно направленных педагогических техник и приемов, в результате использования которых у студента появляется возможность достижения запланированных учебных результатов и оценки их как успешных» [8].

Достижение образовательных целей преподавателем в ходе обучения представляет собой естественный процесс, обусловленный развитием профессионального педагогического мастерства самого педагога, что предполагает собой постоянное саморазвитие как в личном так и в профессиональном аспекте. Педагогу, осуществляя воспитательную функцию необходимо найти индивидуальный подход к каждому обучающемуся, чтобы процесс воспитания не был насильственно-принудительным методом. Не воспитывать надо детей, а организовывать с ними живую образовательную среду, выстраивать с ними естественные, простые отношения,

основанные на понятных человеческих принципах: демократизма, толерантности, конгруэнтности [9].

Сегодня перед вузами стоит задача раскрыть индивидуальный потенциал обучающихся, сформировать необходимые профессиональные качества, создать ясные жизненные ориентиры, обеспечить комфортную психологическую среду для обучающихся, оказать поддержку в решении личных вопросов, создать условия для полноценного самопознания и самореализации личности. По словам А.В. Луначарского, педагог «должен передать новому поколению все ценные накопления веков и не передать предрассудков, пороков и болезней». Важнейшими направлениями личностного роста выступают формирование смысла и содержания собственной жизни, достижение внутренней гармонии и удовлетворения межличностными отношениями и результатами профессиональной деятельности, осознание и эффективное применение собственных скрытых ресурсов и способностей. Процесс получения высшего образования предполагает формирование творческого потенциала личности будущего педагога, как в индивидуальной, так и в профессионально-педагогической сфере. Преподаватель, осуществляющий обучение, воспитание и помощь в развитии духовно-нравственных качеств обучающихся, обязан непрерывно заниматься саморазвитием и совершенствованием своих профессиональных компетенций. Важнейшей задачей становится изучение механизмов воздействия личности педагога на развитие ценностно-смысловой сферы учащихся образовательных организаций. Выявление индивидуальных профессиональных преимуществ каждого педагога позволяет сформировать устойчивые компетенции обучающихся, повысить качество образовательного процесса. Современная педагогика ставит своей целью создание условий для раскрытия внутренних ресурсов и самовыражения субъектов обучения, способствуя формированию уникальной индивидуальной структуры личности. Большую роль в формировании личности играет ее времяпрепровождение в свободное от учебы время, которое должно быть посвящено физическому и нравственному совершенствованию. Педагогика культурно-досуговой деятельности является носителем смыслов непосредственно к людям, к человеку, т.е. в социум и коллектив. Образовательный процесс претерпел значительную трансформацию, перейдя от традиционного усвоения фактов к многоступенчатому развитию высокого уровня эмоционального интеллекта, обеспечивающего доверительное и эмпатическое взаимодействие педагогов и студентов. Итогом такого подхода является формирование специфической куль-

туры межличностных отношений, направленной на согласование индивидуальных траекторий личностного роста и поддержание устойчивой гармонии с внешним окружением. Для эффективной реализации педагогического потенциала при изложении сложных понятий необходимо обеспечить индивидуальный подход и адаптацию педагогических методик, гарантирующих понимание учебного материала всеми обучающимися вне зависимости от уровня базовой подготовки. Необходимо отметить роль преподавателя в неформальном общении с учащимися, в периоды дополнительных консультаций, отработок пропусков занятий и неудовлетворительных оценок.

Морально-нравственный образ педагога служит ценностной основой воспитания учеников, воплощением образцов поведения и ориентиром социального становления молодежи посредством личного примера. Пример поведения преподавателя способствует усвоению учащимися высших нравственных принципов, формированию личных убеждений и моделей поведения. Дж. Локк считал, что пример воспитателя должен побуждать воспитуемого к требуемым способам поведения и не должен расходиться с его предписаниями [10]. Педагогическая деятельность, основанная на гуманизме, помогает глубоко освоить основы мировой культуры, что способствует воспитанию чувства сопереживания и толерантности среди подрастающего поколения, обогащая их представления о социальных нормах и морали. Развитие интереса к познанию и развитию критического мышления, готовят обучающихся к вовлечению в общественную жизнь. Сочетание теоретических знаний и практического опыта, передаваемых в ходе обучения, формирует граждан, обладающих высоким уровнем социальной ответственности. На современном этапе жизни нашей страны и всего мира в целом необходимо правильно оценить накопленный многими годами педагогический опыт. Следует извлечь из него самые необходимые и важные уроки, включить наиболее ценные в современную науку и практику, учесть все ошибки и опасные направления и постараться не повторять их на новом этапе [11].

Оценка личности педагога происходит со стороны учащихся и в данный период, который формирует у учащихся мнение о человеческих качествах педагога, исходя из его манеры поведения и поступков, обучающиеся могут сформировать свой образ в общении с окружающими. Наглядный пример зачастую бывает более заразителен, чем воспитательная беседа и оказывает влияние на эмоциональную сферу личности. Так, Я.А. Коменский писал, что «учителя должны быть образцами добродетелей, которые они должны привить другим».

Список литературы:

[1] Андреева, Ю. В. Основы позитивной педагогики и дидактика оптимизма как авторское научное направление в педагогике: обоснование новой научной школы / Ю. В. Андреева // Современные проблемы науки и образования, Москва, 17 сентября 2019 года – 16 2020 года. Том XIX. – Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2020. – С. 48-51.

[2] Гайдаш, А. И. Видимые изменения и прогнозирование будущего образования / А. И. Гайдаш // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики : Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 марта 2024 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 392-394.

[3] Гайдаш, А. И. Достижение ценностно-ориентированного направления в учебно-воспитательном процессе / А. И. Гайдаш, С. В. Пожидаев // Актуальные вопросы права и правоприменения: Материалы Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 22 октября 2021 года / Редколлегия: Н.Ш. Козаев, О.М. Шуваева, С.Н. Маслюкова [и др.]. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. – С. 222-224.

[4] Гайдаш, А. И. Реализация современного подхода в образовании / А. И. Гайдаш // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : Сборник статей XXI Международной научной конференции, посвященной 80-летию Великой Победы, Белгород-Москва-Чирчик, 23–24 апреля 2025 года. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2025. – С. 134-137.

[5] Гайдаш, А. И. К вопросу о ценностно-смысловом восприятии профессиональных компетенций / А. И. Гайдаш // методы и механизмы реализации компетентностного подхода в психологии и педагогике : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Оренбург, 23 апреля 2020 года / Отв. ред. Сукиасян Асатур Альбертович. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2020. – С. 13-17.

[6] Луначарский А.В. О воспитании и образовании [Текст] / А.В. Луначарский. –М., 1976. – с. 283.

[7] Никуленков, В. В. Воспитание, управление и экономика будущего: от педагогики разго-

воров к педагогике дела / В. В. Никуленков // TheNewmaninForeignPolicy. – 2020. – Т. 4, № 55(99). – С. 31-35

[8] Сидоров, Д. С. Единство дидактических основ педагогики и психологии в педагогике культурно-досуговой деятельности / Д. С. Сидоров // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 9-16.

[9] Утепов, М. Б. От педагогики воздействия к педагогике взаимодействия / М. Б. Утепов, А. Б. Наренова, Б. Б. Ертлеуова // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – 2017. – № 2(10). – С. 5-9.

[10] Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Собр. соч. в 11 т. Т. 8. – М.; Л, 1950. – 775 с.

[11] Шкурпит, М. Н. Общая педагогика, история педагогики и образования / М. Н. Шкурпит, Т. К. Молчанова, В. А. Бабич // Современные проблемы и перспективы развития педагогики и психологии : сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Махачкала, 22 мая 2016 года. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью “Апробация”, 2016. С. 8-12

References:

[1] Andreeva, Yu. V. Fundamentals of positive pedagogy and didactics of optimism as an author's scientific direction in pedagogy: justification of a new scientific school/Yu. V. Andreeva//Modern problems of science and education, Moscow, September 17, 2019 - 16, 2020. Volume XIX. - Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2020. - S. 48-51.

[2] Gaidash, A.I. Visible changes and forecasting of future education/A.I. Gaidash//Physical education and sports: topical issues of theory and practice: Collection of scientific works based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, March 22, 2024. - Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - S. 392-394.

[3] Gaidash, A.I. Achievement of a value-oriented direction in the educational process/A.I. Gaidash, S.V. Pozhidaev//Topical issues of law and law enforcement: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Stavropol, October 22, 2021/Editorial board: N.Sh. Kozaev, O.M. Shuvaeva, S.N. Maslyukova [et al.]. - Krasnodar: Federal State

State Educational Institution of Higher Professional Education “Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,” 2022. - S. 222-224.

[4] Gaidash, A.I. Implementation of the modern approach in education/A.I. Gaidash//Physical education and sports in higher educational institutions: Collection of articles of the XXI International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of the Great Victory, Belgorod-Moscow-Chirchik, April 23-24, 2025. - Belgorod: Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, 2025. - S. 134-137.

[5] Gaidash, A.I. On the value-semantic perception of professional competencies/A.I. Gaidash// methods and mechanisms for implementing a competency approach in psychology and pedagogy: Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Orenburg, April 23, 2020/Otv. ed. Sukiasyan Asatur Albertovich. - Sterlitamak: International Research Agency Limited Liability Company, 2020. - S. 13-17.

[6] Lunacharsky A.V. On upbringing and education [Text]/A.V. Lunacharsky. -M., 1976. - p. 283.

[7] Nikulenkova, V.V. Education, management and economics of the future: from pedagogy of conversations to pedagogy of affairs/V.V. Nikulenkova// TheNewmaninForeignPolicy. – 2020. – Т. 4, NO. 55 (99). – С. 31-35

[8] Sidorov, D. S. Unity of the didactic foundations of pedagogy and psychology in the pedagogy of cultural and leisure activities/D. S. Sidorov// Anthropological didactics and education. – 2025. – Т. 8, NO. 2. – С. 9-16.

[9] Utepov, M. B. From pedagogy of influence to pedagogy of interaction/M. B. Utepov, A. B. Naranova, B. B. Ertleuova//Modern problems of social sciences and humanities. – 2017. – № 2(10). – С. 5-9.

[10] Ushinsky K.D. Man as a subject of education. Experience in pedagogical anthropology. Sobr. Op. in 11 t. 8. – М.; Л, 1950. – 775 s.

[11] Shkurpit, M.N. General pedagogy, history of pedagogy and education/M.N. Shkurpit, T.K. Molchanova, V.A. Babich//Modern problems and prospects for the development of pedagogy and psychology: a collection of materials from the X International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, May 22, 2016. - Makhachkala: Approval Limited Liability Company, 2016. S. 8-12

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук, профессор,
директор института экономики, финансов и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Татьяна Владимировна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: tatyana.vlad.zyr@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

САБУРОВА Лада Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: saburovalad@gmail.com

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: rustale@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА МОЛОЧНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается пространственная структура молочного животноводства как сложная иерархическая система, формирующаяся под влиянием природных, экономических, технологических и институциональных факторов. На основе синтеза классических теорий размещения сельского хозяйства (И. Тюнен, А. Вебер) и современных концепций кластерного развития предложена оригинальная типология пространственных структур отрасли. Выявлены основные тенденции трансформации пространственной организации молочного животноводства в условиях глобализации, технологической модернизации и климатических изменений. Особое внимание уделено анализу полюсов роста и зон депрессии в региональной структуре молочного хозяйства. Представленная в работе схема пространственной модели и типологическая таблица позволяют систематизировать ключевые закономерности размещения и могут служить основой для региональной аграрной политики.

Ключевые слова: пространственная структура, молочное животноводство, размещение производства, агропромышленная кластеризация, сельскохозяйственное районирование, логистика молока, региональная дифференциация, агломерационная экономика.

RUSHCHITSKAYA Olga Alexandrovna,
Doctor of Economics, Professor,
Director of the Institute of Economics,
Finance and Management,
Ural State Agrarian University

ZYRYANOVA Tatyana Vladimirovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SABUROVA Lada Viktorovna,
Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KRUZHKOVA Tatyana Ivanovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SPATIAL STRUCTURE OF DAIRY FARMING: THEORETICAL APPROACHES AND MODERN TRANSFORMATIONS

Annotation. *This article examines the spatial structure of dairy farming as a complex hierarchical system shaped by natural, economic, technological, and institutional factors. Based on a synthesis of classical theories of agricultural distribution (I. Thünen, A. Weber) and modern concepts of cluster development, an original typology of the industry's spatial structures is proposed. Key trends in the transformation of the spatial organization of dairy farming in the context of globalization, technological modernization, and climate change are identified. Particular attention is paid to the analysis of growth poles and depression zones in the regional structure of dairy farming. The spatial model diagram and typological table presented in the paper allow for the systematization of key distribution patterns and can serve as a basis for regional agricultural policy.*

Key words: *spatial structure, dairy farming, production location, agro-industrial clustering, agricultural zoning, milk logistics, regional differentiation, agglomeration economy.*

Пространственная структура молочного животноводства представляет собой одну из ключевых категорий экономической и социальной географии, поскольку именно в географическом распределении поголовья, объемов производства и переработки молока отражаются глубинные процессы взаимодействия общества и природы, капитала и труда, инноваций и традиций [1]. Актуальность исследования данной темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, молочная продукция является стратегически важным компонентом продовольственной безопасности большинства стран, а любые сдвиги в её пространственной организации влекут за собой социально-экономические последствия для обширных территорий [2]. Во-вторых, отрасль переживает этап глубокой технологической и организационной трансформации: переход от привязного содержания к роботизированным фермам, формирование крупных молочных кластеров и одновременное исчезновение мел-

котоварного производства в периферийных регионах [3]. В-третьих, климатические изменения (учащение засух, аномальные температуры) заставляют пересматривать традиционные зоны специализации, что создаёт новые вызовы для пространственного планирования [4].

Несмотря на обилие работ по отдельным аспектам молочного животноводства, комплексное исследование его именно пространственной структуры (как целостной, иерархически организованной системы центров, ареалов и связей между ними) остаётся фрагментарным. Большинство публикаций сосредоточено на экономической эффективности или зоотехнических параметрах, игнорируя географический контекст [5]. Данная статья призвана восполнить этот пробел, предложив оригинальную теоретическую рамку и эмпирически обоснованную типологию пространственных структур молочного животноводства.

Формирование пространственной структуры любой отрасли животноводства подчиняется действию двух разнонаправленных сил: центробежных (стремление к сырьевым зонам, экологическим ограничениям) и центростремительных (эффекты агломерации, инфраструктурная связность). Для молочного животноводства эти силы проявляются особенно ярко в силу высокой скоропортящейся продукции и необходимости ежедневного вывоза сырого молока [6].

Классической теоретической базой служит модель И. Тюнена «Изолированное государство», в которой молочное хозяйство размещается в кольце, непосредственно примыкающем к центральному городу (второе кольцо) из-за высоких транспортных издержек на единицу веса и срочности доставки [7]. Модифицируя эту модель для современных условий, следует учитывать, что развитие холодильных установок и танкеров-молоковозов расширило радиус поставок до 300-400 км, однако «тюненовская логика» сохраняет силу: плотность поголовья экспоненциально снижается по мере удаления от крупных центров потребления [8].

Теория промышленных кластеров М. Портера применительно к молочному животноводству позволяет объяснить возникновение устойчивых территориальных образований, где фермы, перерабатывающие заводы, лаборатории по контролю качества, племенные хозяйства и логистические компании формируют взаимовыгодную экосистему [9]. Такие кластеры демонстрируют более высокую инновационную активность и устойчивость к рыночным шокам по сравнению с изолированными производителями.

Особое значение имеет концепция «полусов роста» Ф. Перру, адаптированная к агропромышленной сфере. В её рамках крупные молоко-

перерабатывающие предприятия играют роль предприятий-драйверов (фирм-мотыльков), вокруг которых кристаллизуется зона сырьевого тяготения с определённой структурой [10]. Однако, как показывают исследования, чрезмерная монополия одного переработчика в регионе может тормозить развитие молочного животноводства из-за диктата закупочных цен, что порождает феномен «зависимого развития».

Для анализа пространственной структуры молочного животноводства был использован многоуровневый подход, включающий:

1. Анализ индексов локализации (коэффициент Локализации Флоренса, индекс Херфиндала для региональной концентрации), рассчитанных на основе данных FAOSTAT и национальных статистических служб (Росстат, Евростат, USDA) за период 2000–2024 гг. [11].
2. Картографический и ГИС-анализ плотности поголовья крупного рогатого скота молочного направления и объёмов производства сырого молока в разрезе муниципальных районов (NUTS-3 и LAU-1 для европейских стран, муниципальные районы для РФ).
3. Сетевой анализ логистических связей между молочными фермами и перерабатывающими предприятиями (на основе данных о маршрутах сбора молока в 12 регионах мира).
4. Полевые исследования в пяти контрастных по структуре регионах: штат Висконсин (США), провинция Оверейссел (Нидерланды), штат Гуджарат (Индия), Алтайский край (Россия), штат Парана (Бразилия).

На основе полученных данных была построена типология пространственных структур, обобщённая в *таблице 1*.

Таблица 1. Типология пространственных структур молочного животноводства

Тип структуры	Ключевые характеристики	Условия формирования	Примеры регионов	Риски устойчивости
Моноцентрическая (радиально-кольцевая)	Один мощный перерабатывающий центр, зоны сырьевого тяготения в виде концентрических колец	Крупный город-мегаполис, исторический молокозавод с монополией	Окрестности Санкт-Петербурга (Ленобласть), Мумбаи (штат Махараштра)	Уязвимость при остановке центра; периферийные зоны деградируют
Полицентрическая (кластерная)	Несколько равнозначных перерабатывающих узлов, связанных сетью; высокая плотность в ядрах	Исторически сложившаяся специализация, кооперация фермеров, господдержка	Висконсин (США), Бретань (Франция), Нижняя Саксония (Германия)	Внутрикластерная конкуренция, риск перенасыщения

Линейная (примагистральная)	Фермы вытянуты вдоль транспортных магистралей (авто- или железных дорог)	Слабая дорож- ная сеть в целом, наличие одной каче- ственной трассы, дефи- цит холодильни- ков	Рязанская область (трасса М5), долина р. Кайру (Новая Зеландия)	Узкое горлышко логистики – авария на магистрали блокирует вывоз
Диффузная (периферийно- рассеянная)	Низкая плотность, фермы изолированы, переработка локаль- ная (мини-цеха)	Горная или сла- боосвоенная местность, отсутствие крупных горо- дов, традицион- ное натураль- ное хозяйство	Северный Алтай, гор- ные районы Швейцарии, Анды (Перу)	Высокие издержки сбора молока; неконкурентоспо- собность
Депрессивно- очаговая	Резкие контрасты: несколько крупных ферм-анклавов на фоне запустения	Постсоветская трансформа- ция, банкрот- ство старых комплексов, точечные инве- стиции	Брянская область (после кри- зиса 2010-х), восточные районы Польши	Социальное напряжение, потеря традиций

Источник: составлено автором на основе данных [1; 3; 8; 11]

Пространственная структура отрасли не является статичной – она постоянно воспроизводится и видоизменяется под влиянием совокупности факторов. Для визуализации их взаимосвязи предлагается оригинальная схема (Рисунок 1).

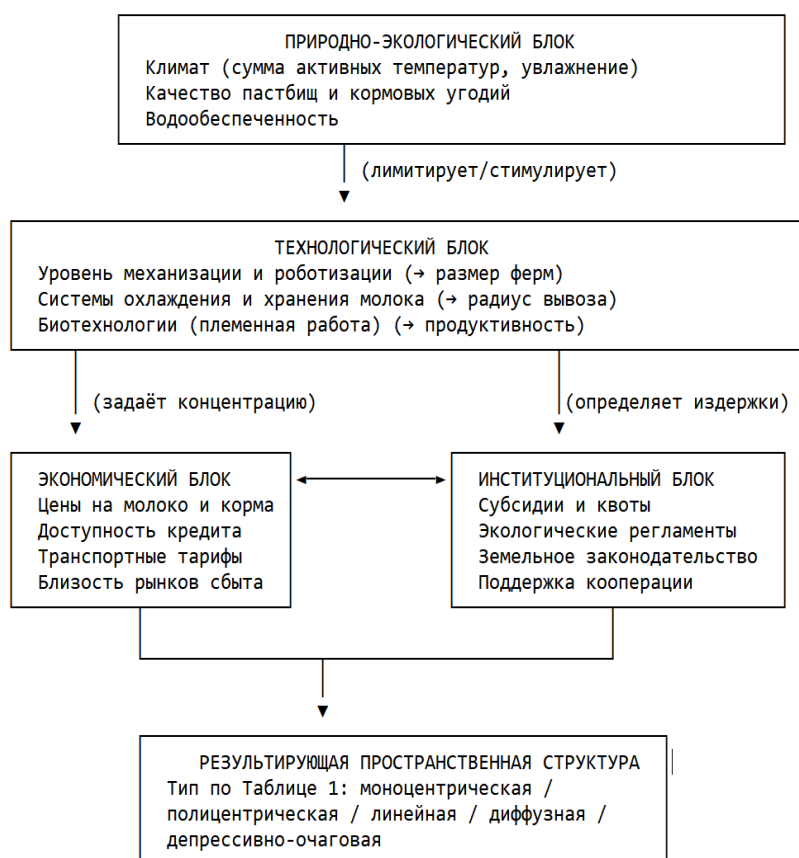

Рисунок 1. Пространственная модель функционирования и трансформации молочного животноводства

Рисунок 1 демонстрирует, что пространственная структура есть эмерджентный результат взаимодействия четырёх блоков факторов. При этом ключевыми каналами обратной связи выступают:

- технологический прогресс постепенно ослабляет природные ограничения (например, круглогодичные фермы без пастбищ), но усиливает экономическую концентрацию;
- институциональные меры могут как сглаживать (субсидии на транспортировку в отдалённых зонах), так и усиливать пространственное неравенство (квоты на производство, закреплённые за историческими зонами).

Анализ эмпирических данных за последние два десятилетия позволяет выделить три глобальные тенденции, перестраивающие пространственную структуру молочного животноводства.

Поляризация: рост сверхкрупных кластеров и исчезновение среднего звена. Повсеместно наблюдается сокращение числа молочных ферм при росте поголовья на оставшихся. В США, например, с 2000 по 2023 год количество молочных ферм уменьшилось на 60%, но общее производство молока выросло на 35% [12]. Это привело к усилению моно- и полицентрических структур: молочное животноводство всё более концентрируется в «молочных поясах» (Upper Midwest, California Central Valley), в то время как обширные территории, ранее имевшие среднюю плотность, становятся периферией с нулевым производством. Аналогичная тенденция характерна для ЕС (концентрация в Нидерландах, северной Франции, Дании) и для России (чернозёмные области, Подмосковье, отдельные зоны Сибири) [13].

Логистическая революция и разрыв «тунельного кольца». Внедрение автоцистерн с увеличенным объёмом (до 40 000 л) с улучшенной термоизоляцией и системой GPS-мониторинга, а также централизованных молокосборных пунктов позволило увеличить экономически оправданный радиус сбора молока до 400–500 км [14]. Это привело к тому, что молочные фермы могут успешно конкурировать, находясь дальше от перерабатывающего завода, при условии, что их продуктивность достаточно высока (более 8000 кг/голову в год). Следствием стало «размывание» классического радиального узора и возникновение линейных структур вдоль магистралей, а иногда – формирование «дальних анклавов» (например, молочные комплексы в Забайкалье, поставляющие сырьё в Иркутск).

Экологическая переориентация и новый фактор «углеродного следа». Ужесточение экологического законодательства (Директива ЕС о

выбросах аммиака, требования по утилизации навоза, углеродный налог) начинает выступать мощным пространственным фильтром. В густонаселённых районах с дорогой землёй (Нидерланды, земли Северного Рейна-Вестфалии) расширение молочных ферм становится невозможным из-за дефицита площадей для разлива навоза и протестов населения [15]. Это заставляет производителей смещаться в менее заселённые регионы с более мягкими нормами (Восточная Европа, северная Испания) или переходить на закрытые системы с полной переработкой отходов, что ведёт к удорожанию и ещё большей концентрации.

Пространственная структура молочного животноводства в России: специфические черты. Российская Федерация представляет собой уникальный полигон для изучения пространственной структуры молочного животноводства в силу огромной территории, неравномерной заселённости и контрастного наследия советской системы размещения. Можно выделить следующие характерные черты:

Преобладание депрессивно-очаговой структуры на большей части территории за пределами нечернозёмной зоны и южных областей. За 1990–2023 годы поголовье коров сократилось в 2,5 раза, при этом основное производство сместилось в хозяйства населения, которые географически рассредоточены, но крайне неэффективны [16].

Формирование новых «молочных полюсов» на базе крупных инвестиционных проектов (например, агрохолдинг «ЭкоНива» в Калужской, Воронежской, Новосибирской областях). Эти проекты создают вокруг себя классические полицентрические структуры с плечом поставки до 300 км, однако часто вступают в конфликт с локальными переработчиками.

Острейшая проблема «последней мили» в удалённых районах Сибири и Дальнего Востока, где при высоких субсидиях на электроэнергию и комбикорма транспортные издержки на литр молока могут в 3–4 раза превышать его себестоимость [17]. Это консервирует диффузную и депрессивную структуру, обрекая местных производителей на неконкурентоспособность.

Предложенная типология и схема имеют как теоретическое, так и прикладное значение. С одной стороны, они интегрируют разрозненные концепции размещения в единую рамку. С другой стороны, позволяют региональным властям диагностировать тип структуры своего молочного животноводства и выбирать адекватные меры политики (например, для депрессивно-очаговой – стимулирование кооперации и мини-цехов, для линейной – строительство резервных подъездных путей).

Однако работа имеет ограничения. Во-первых, эмпирическая база не охватывает многие страны Африки и Ближнего Востока из-за отсутствия надёжных статистических данных. Во-вторых, в модели не учтены в полной мере социальные факторы (возрастная структура фермеров, готовность к кооперации), которые могут существенно модифицировать пространственное поведение. В-третьих, быстрое развитие вертикальных ферм и продукции на клеточной основе (искусственное молоко) в ближайшие десятилетия может полностью переопределить пространственную структуру, сделав её независимой от природных условий [18].

Перспективные направления исследований включают: (1) построение пространственно-эконометрических моделей, оценивающих вклад каждого фактора в формирование структуры; (2) анализ устойчивости разных типов структур к климатическим шокам; (3) сценарное моделирование трансформации отрасли при внедрении технологии «молоко без коровы».

Пространственная структура молочного животноводства – это живой, динамичный феномен, отражающий компромисс между биологическими ритмами коровы, логистическими возможностями человека и рыночной конъюнктурой. Классическое тюненовское кольцо под влиянием технологий и глобализации трансформируется в более сложные конфигурации: от полицентрических кластеров в развитых странах до депрессивно-очаговых структур на постсоветском пространстве. Предложенная в статье типология (Таблица 1) и факторная схема (Схема 1) позволяют системно анализировать эти процессы. Практический вывод заключается в том, что универсальной «лучшей» пространственной структуры не существует: в каждом регионе необходимо искать баланс между эффективностью (концентрацией) и устойчивостью (диффузией). Игнорирование пространственного аспекта в аграрной политике ведёт к дорогостоящим ошибкам – от необоснованного строительства мегаферм до забвения целых территорий.

Список литературы:

- [1] Тюнен И. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике. – М.: Экономическая жизнь, 1926. – 320 с.
- [2] FAO. The State of Food and Agriculture 2023: Spatial Dynamics of Livestock Systems. – Rome: FAO, 2023. – 210 p. DOI: 10.4060/cc7724en.
- [3] Gillespie, G.W., Johnson, T.G. Geography of U.S. Dairy Farming: From Barnyards to Megadairies // *Professional Geographer*. – 2022. – Vol. 74(3). – P. 456–472.
- [4] Rust, J.M., Rust, T. Climate change and livestock production: a review with emphasis on Africa // *South African Journal of Animal Science*. – 2021. – Vol. 43(3). – P. 255–267.
- [5] Шишкин А.И., Петров Н.А. Региональная экономика агропромышленного комплекса. – М.: Инфра-М, 2021. – 450 с.
- [6] Staal, S.J., Baltenweck, I. Spatial distribution of livestock production systems: a review of methods and applications // *Outlook on Agriculture*. – 2020. – Vol. 49(1). – P. 33–42.
- [7] Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994. – 687 с. (Глава о Тюнене).
- [8] Reardon, T., Timmer, C.P. The economics of the food system revolution in developing countries // *Annual Review of Resource Economics*. – 2021. – Vol. 13. – P. 217–242.
- [9] Портер М. Конкуренция. – М.: Вильямс, 2016. – 608 с. (Пер. с англ.).
- [10] Perroux, F. Economic space: theory and applications // *Quarterly Journal of Economics*. – 1950. – Vol. 64(1). – P. 89–104.
- [11] FAOSTAT. Livestock Primary Data – Milk Production and Cattle Population [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fao.org/faostat> (дата обращения: 10.05.2026).
- [12] USDA Economic Research Service. Dairy Data: Milk Production and Number of Cows by State, 2000–2024. – Washington D.C.: USDA ERS, 2025.
- [13] Eurostat. Milk and milk products statistics – NUTS 2 regions [Электронный ресурс]. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 12.05.2026).
- [14] Медведев С.Ю. Логистика сырого молока: радиусы поставок и оптимизация маршрутов // Журнал «Агропродовольственная экономика». – 2024. – № 2. – С. 45–59.
- [15] Van Grinsven, H.J.M., Van Eerd, M.M. Benchmarking nitrogen use efficiency of dairy farming in the Netherlands // *Journal of Environmental Management*. – 2022. – Vol. 304. – Art. 114251.
- [16] Росстат. Сельское хозяйство в России. Статистический сборник. – М., 2025. – 530 с.
- [17] Нефёдова Т.Г., Покровский Н.Е. География российского сельского хозяйства: контрасты сжатия и полюса роста // *Известия РАН. Серия географическая*. – 2023. – Т. 87. – № 3. – С. 345–362.
- [18] Newton, P., Blaustein-Rejto, D. A global analysis of the potential for cellular agriculture to reduce land use // *Frontiers in Sustainable Food Systems*. – 2020. – Vol. 4. – Art. 593123.
- [19] Комов Н.В., Родионова И.А. Теоретические основы агроландшафтного районирования молочного скотоводства // *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. – 2022. – № 1. – С. 88–96.

[20] Володин В.М., Сидоренко О.В. Пространственная структура молокопродуктового подкомплекса Центрального Черноземья // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2023. – № 7. – С. 21–28.

References:

[1] Tünen I. An isolated state in its attitude to agriculture and national economy. - M.: Economic life, 1926. - 320 s.

[2] FAO. The State of Food and Agriculture 2023: Spatial Dynamics of Livestock Systems. - Rome: FAO, 2023. – 210 p. DOI: 10.4060/cc7724en.

[3] Gillespie, G.W., Johnson, T.G. Geography of U.S. Dairy Farming: From Barnyards to Megadairies // Professional Geographer. – 2022. – Vol. 74(3). – P. 456–472.

[4] Rust, J.M., Rust, T. Climate change and livestock production: a review with emphasis on Africa // South African Journal of Animal Science. – 2021. – Vol. 43(3). – P. 255–267.

[5] A.I. Shishkin, N.A. Petrov. Regional economy of the agro-industrial complex. - M.: Infra-M, 2021. - 450 s.

[6] Staal, S.J. , Baltenweck, I. Spatial distribution of livestock production systems: a review of methods and applications // Outlook on Agriculture. – 2020. – Vol. 49(1). – P. 33–42.

[7] Blaug M. Economic thought in retrospect. - M.: Case, 1994. - 687 p. (Chapter on Tunen).

[8] Reardon, T., Timmer, C.P. The economics of the food system revolution in developing countries // Annual Review of Resource Economics. – 2021. – Vol. 13. – P. 217–242.

[9] Porter M. Competition. - M.: Williams, 2016. - 608 p. (Per. from English).

[10] Perroux, F. Economic space: theory and applications // Quarterly Journal of Economics. – 1950. – Vol. 64(1). – P. 89–104.

[11] FAOSTAT. Livestock Primary Data – Milk Production and Cattle Population [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.fao.org/faostat> (access date: 10.05.2026).

[12] USDA Economic Research Service. Dairy Data: Milk Production and Number of Cows by State, 2000-2024. – Washington D.C. : USDA ERS, 2025.

[13] Eurostat. Milk and milk products statistics – NUTS 2 regions [Электронный ресурс]. - URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (access date: 12.05.2026).

[14] Medvedev S.Yu. Raw Milk Logistics: Supply Radii and Route Optimization//Agri-Food Economy Magazine. – 2024. – № 2. - S. 45-59.

[15] Van Grinsven, H.J.M., Van Eerd, M.M. Benchmarking nitrogen use efficiency of dairy farming in the Netherlands // Journal of Environmental Management. – 2022. – Vol. 304. – Art. 114251.

[16] Rosstat. Agriculture in Russia. Statistical compilation. - M., 2025. - 530 s.

[17] Nefyodova T.G., Pokrovsky N.E. Geography of Russian agriculture: contrasts of compression and poles of growth//Izvestia RAS. The series is geographical. – 2023. - T. 87. – № 3. - S. 345-362.

[18] Newton, P., Blaustein-Rejto, D. A global analysis of the potential for cellular agriculture to reduce land use // Frontiers in Sustainable Food Systems. – 2020. – Vol. 4. – Art. 593123.

[19] Komov N.V., Rodionova I.A. Theoretical foundations of agrolandscape zoning of dairy cattle breeding//Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography. – 2022. – № 1. - S. 88-96.

[20] Volodin V.M., Sidorenko O.V. Spatial structure of the milk product sub-complex of the Central Chernozem region//Economics of agricultural and processing enterprises. – 2023. – № 7. - S. 21-28.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

РУДАКОВ Никита Романович,
студент Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации (2 курс, магистерская программа:
«Правовая служба в органах государственной власти»),
консультант Отдела нормативно-правового регулирования оборота земельных участков
Управления нормативно-правового регулирования земельных отношений и
гражданского оборота недвижимости Федеральной службы
государственной регистрации, кадастра и картографии,
e-mail: nikroo2257@mail.ru

Научный руководитель:
СТЕПАНОВ Михаил Михайлович,
ведущий научный сотрудник отдела теории права и
междисциплинарных исследований законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук,
доцент по кафедре теории и истории государства и права,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМЫ ПРАВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА

Аннотация. Правовой мониторинг является неотъемлемой частью современного права, основной целью которого является оценка эффективности действующих нормативных актов в частности и общее функционирование всей правовой системы. Следуя принципу индукции, следует признать, что эффективность правовой системы зависит от степени эффективности нормативных актов, которая, в свою очередь, определяется эффективностью каждой нормы права в отдельности. Таким образом, измерение эффективности норма права, а также выделение критериев ее измерения позволит проводить оценку действующих законодательных актов с опорой на объективные показатели, что в свою очередь является важнейшим элементом правового мониторинга как методологии повышения качества правовой системы и действующего законодательства.

Ключевые слова: правовой мониторинг, норма права, правовая система, правотворчество, легитимность, государственное принуждение.

RUDAKOV Nikita Romanovich,
student at the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
(2nd year, Master's degree program: "Legal Service in Public Authorities"),
Consultant to the Department of Regulatory Regulation of Land Turnover
of the Office of Regulatory Regulation of Land Relations and Civil Turnover
of Real Estate of the Federal Service for State Registration,
Cadastre and Cartography

Scientific supervisor: **STEPANOV Mikhail Mikhailovich,**
Senior Researcher at the Department of Legal Theory and Interdisciplinary
Legislative Research Institute of Legislation and Comparative Law
Under the Government of the Russian Federation, PhD in Law,
Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE EFFECTIVENESS OF THE RULE OF LAW WHEN CONDUCTING LEGAL MONITORING

Annotation. *Legal monitoring is an integral part of modern law, the main purpose of which is to assess the effectiveness of existing regulations in particular, the general functioning of the entire legal system. Following the principle of induction, it should be recognized, that the effectiveness of the legal system depends on the degree of effectiveness of normative acts, which, in turn, determines the effectiveness of each rule of law individually. Thus, measuring the effectiveness of a rule of law, as well as identifying criteria for its measurement, will make it possible to evaluate existing legislative acts based on objective indicators, which in turn is an essential element of legal monitoring as a methodology for improving the quality of the legal system and current legislation.*

Key words: *legal monitoring, rule of law, legal system, lawmaking, legitimacy, state coercion.*

Вопрос о полномасштабном внедрении в практику отечественного правотворчества, правоприменения и правового анализа такого методологического комплекса как правовой мониторинг стал активно изучаться с начала XXI века. При этом первые шаги в этом направлении были сделаны ещё советскими правоведом в 60-70-ые годы XX века. Именно в этот период началось исследование проблемы эффективности советского права, как средства управления общественной жизнью и достижения цели построения в СССР коммунизма.

Изучение тематики, связанной с эффективностью права, не утратило своей актуальности и в наши дни, поскольку право по своему содержанию представляет собой систему правил поведения, обязательных для исполнения и обеспеченных, прежде всего, силой государственной власти. Следовательно, повышение эффективности права в целом и нормы права в частности путем, в том числе, проведения правового мониторинга, является действенным средством реализации положений отечественного законодательства, сохранение стабильности и устойчивого развития российского государства.

Термин «эффективность» получил широкое распространение в русском языке и имеет множество трактовок, поскольку используется во многих сферах, прежде всего, в экономике, промышленности, науке и технике, используется как характеристика для оценки полезности чего-либо.

В Большой Советской энциклопедии сказано следующее:

«Эффект (от лат. effectus – исполнение, действие, от efficio – действую, исполняю) 1) результат, следствие каких-либо причин, действий (например, Э. лечения). 2) Сильное впечатление, произведённое кем-либо, чем-либо. 3) Средство, приём (в том числе в искусстве), цель которых произвести впечатление, удивить или создать иллюзию чего-либо (например, световые, шумовые Э. в театре). 4) В естественных науках – явление (закономерность), которое часто называют именем открывшего этот Э. учёного: Холла Э., Фарадея Э., Доплера Э. и т.п.» [4].

Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, «эффективный» – дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный» [5].

Таким образом, эффективность – характеристика, отражающая степень достижения желаемого результата. Она является весьма универсальной, поскольку востребована и применима во множестве сфер, в том числе и в праве. При этом представляется, что в юриспруденции в данном контексте более точным будет использование термина «эффективность нормы права». Правовая норма – основная структурная единица права. Следовательно, эффективность права в целом зависит в первую очередь от эффективности правовой нормы, то есть степени достижения желаемого результата в результате применения (исполнения) такой нормы в той или иной сфере.

В работе В.А. Козлова «К вопросу о понятии эффективности права» [1] различается два вида такой эффективности – социальная и юридическая. Под социальной эффективностью нормы права подразумевается социальная полезность правового регулирования тех или иных конкретно определенных общественных отношений. Юридическая эффективность является показателем способности нормы права закладывать в психологию человека на уровне подсознания определенный шаблон поведения, в результате которого у лиц, исполняющих норму права, формируется устойчивая модель поведения.

Оба указанных вида эффективности нормы права, по сути, представляют собой две нераздельные составляющие, которые напрямую связаны с ее легитимностью. Так, социальная эффективность неотделима от юридической эффективности, которая, в свою очередь, неразрывно связана с легитимностью правовой нормы. Данная зависимость обусловлена тем, что адекватно отвечающая потребностям общества и правильно сформулированная норма права чаще всего поддерживается и самостоятельно, без применения мер государственного принуждения, исполняется гражданами, поскольку их подсознанием уже воспринят заключенный в норме шаблон правомерного поведения. Таким образом, эффективность нормы права во многом определяется её

легитимностью, которая, в свою очередь, определяется адекватностью нормы права с точки зрения экономики, политики, социокультурной обстановки и пр. Кроме того, существенным критерием эффективности нормы права является ее соответствие существующей правовой системе. Такая норма не может стать причиной возникновения коллизий в системе законодательства и привести к нарушению целостности системы правовых предписаний.

Для измерения (оценивания) эффективности нормы права используется ряд критериев, основными из которых являются следующие:

- соблюдение правил юридической техники, прежде всего, в процессе правотворчества;
- адекватность нормы права текущей экономической, политической, правовой, социальной и культурной ситуации в обществе с точки зрения характера регулирования и временных затрат;
- соблюдение целостности и непротиворечивости российской системы права, предупреждение возникновения коллизий и пробелов в законодательстве;
- легитимность нормы права.

По совокупности оценок каждого из критериев представляется возможным выделять следующие виды эффективности нормы права:

- высокая
- удовлетворительная
- приемлемая
- низкая.

Разграничение проводится следующим образом:

- высокая эффективности нормы права – соблюдение всех критериев;
- удовлетворительная – соблюдение правил юридической техники, адекватность нормы права текущей экономической, политической, правовой, социальной и культурной ситуации в обществе с точки зрения характера регулирования и временных затрат, легитимность нормы права;
- приемлемая – соблюдение правил юридической техники, легитимность предлагаемой нормы права, а также соответствие любому из остальных критериев;
- низкая – соответствие любому одному или двум критериям.

Измерение эффективности нормы права целесообразнее всего осуществлять в рамках осуществления правового мониторинга, проведение которого ежегодно организуется Министерством юстиции Российской Федерации.

Как отмечено в работе «Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики»

под редакцией Н.Н. Черногора, основная задача правового мониторинга – выявлять недостатки нормотворческой и правоприменительной деятельности, при этом отмечается: «Вопрос эффективности системы нормативных правовых актов в Российской Федерации неразрывно связан с проблемой контроля за их качеством и дальнейшим совершенствованием. Посредством оценки эффективности нормативного правового акта определяется степень урегулированности соответствующих общественных отношений, выявляются пробелы, устраняются коллизии и противоречия как между нормативными актами одинаковой юридической силы, так и между актами разных уровней (федерального, регионального). Это обеспечивает научно обоснованный подход к выбору направлений совершенствования законодательства, и в конечном счете, внутреннюю согласованность правовой системы в целом» [2].

Приведенное высказывание в полной мере отражает задачи, стоящие перед мониторингом права, как полноценным правовым институтом. При этом следует отметить, что измерение эффективности нормативного правового акта базируется, прежде всего, на измерении эффективности нормы права. Поэтому для измерения эффективности нормативного акта может быть использован метод, заключающийся в подсчете содержащихся в нем норм права, исходя из того, к какому виду эффективности (высокой, удовлетворительной, неудовлетворительной, низкой) они относятся. То есть эффективность акта определяется по тому, нормы какого вида эффективности преобладают в его содержании. Указанный метод, в случае его широкого использования, в дальнейшем позволит перейти от измерения эффективности правовых норм и отдельных нормативных актов к измерению эффективности национального законодательства в целом.

Список литературы:

- [1] Козлов В.А. К вопросу о понятии эффективности права / В.А. Козлов // Вестник Ленинградского университета. Вып. 1. – 1972. – С.112–113.
- [2] Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики : Монография / Д. Б. Горохов, В. И. Радченко, Н. Н. Черногор, М. Д. Чеснокова. – Москва : Международный юридический институт, 2010. – 232 с. – ISBN 978-5-902416-33-3. – EDN ZFZEJL.
- [3] Магомедова, Е. А. Правовой мониторинг в законопроектной деятельности: теория, практика, проблемы / Е. А. Магомедова, М. А. Зайцева, Е. А. Марченкова // International Law Journal. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 117-121. – EDN EQGTWC.

[4] Большая советская энциклопедия [Текст]: [В 30 т.] / Глав. ред. А. М. Прохоров. - 3-е изд. - Москва : Сов. энциклопедия, 1969-. - 26 см., Т. 30: Экслибрис-ЯЯ. Т. 30. - 1978. - 631 с., 33 л. ил., карт., портр. : ил., портр.:

[5] Толковый словарь современного русского языка : [св. 110000 слов. ст.] / Д. Н. Ушаков; под ред. Н. Ф. Татьянченко. - Москва : Альта-Пресс, 2005. - 1207 с. - ISBN 5-93383-017-8

References:

[1] Kozlov V.A. To the question of the concept of the effectiveness of law/V.A. Kozlov//Bulletin of Leningrad University. No. 1. -1972. - P.112-113.

[2] Legal monitoring: actual problems of theory and practice: Monograph/D. B. Gorokhov, V. I. Radchenko, N. N. Chernogor, M. D. Chesnokova. - Mos-

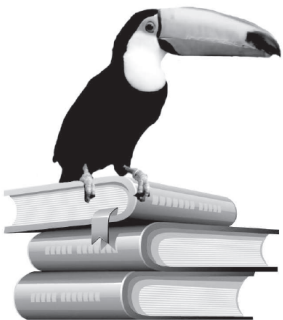
cow: International Law Institute, 2010. - 232 p. - ISBN 978-5-902416-33-3. - EDN ZFZEJL.

[3] Magomedova, E. A. Legal monitoring in legislative activity: theory, practice, problems/E. A. Magomedova, M. A. Zaitseva, E. A. Marchenkova// International Law Journal. - 2022. - Т. 5, NO. 6. - S. 117-121. - EDN EQGTWC.

[4] Great Soviet Encyclopedia [Text]: [In 30 volumes]/Chapters. ed. A.M. Prokhorov. - 3rd ed. - Moscow: Ows. encyclopedia, 1969-. - 26 cm, T. 30: Ex-libris-NJ. Т. 30. - 1978. - 631 p., 33 l. ill., card., Portr.: ill., Portr.:

[5] Explanatory dictionary of the modern Russian language: [St. 110,000 words. Art.]/D. N. Ushakov; ed. N.F. Tatyanchenko. - Moscow: Alta-Press, 2005. - 1207 p. - ISBN 5-93383-017-8

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

АВETИСЯН Сюзанна Владимировна,
адвокат, юрист благотворительного фонда
«Возьми счастье в дом»,
Адвокатский кабинет Аветисян С.В.,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ «ЭКСТРАОРДИНАРНОЙ СИТУАЦИИ» В КОНТЕКСТЕ ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ БЕЗ ВЛАДЕЛЬЦЕВ (УСЛОВНО ВЛАДЕЛЬЧЕСКИМИ ЖИВОТНЫМИ)

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме правового регулирования обращения с животными без владельцев. Автор статьи анализирует изменения, внесенные в профильное федеральное законодательство, а также нормативные правовые акты субъектов РФ. Особое внимание уделяется юридической метафоре «экстраординарная ситуация», сформулированной Конституционным Судом РФ и впоследствии включенной в региональное законодательство. По мнению автора, расширение дискреционных полномочий субъектов РФ фактически привело к злоупотреблению правом и легализации умерщвления здоровых животных, что явственно следует из складывающейся судебной практики. Отдельно также рассмотрено квазинаучное понятие «немотивированной агрессивности», которое необоснованно включено в текст закона.

Ключевые слова: домашние животные, животные без владельцев, правовое регулирование, экстраординарная ситуация, гуманность, умерщвление животных, немотивированная агрессивность.

AVETISYAN Syuzanna Vladimirovna,
Attorney-at-Law, Legal Counsel for the Charitable Foundation
«Take Happiness Home», Law Office of S. V. Avetisyan

THE CONCEPT OF AN «EXTRAORDINARY SITUATION» IN THE CONTEXT OF HANDLING OWNERLESS ANIMALS (CONDITIONALLY OWNED ANIMALS)

Annotation. This article is devoted to the issue of the legal regulation governing the handling of ownerless animals. The author analyzes the amendments introduced into the relevant federal legislation, as well as the regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation. Particular attention is paid to the legal metaphor of an «extraordinary situation», as formulated by the Constitutional Court of the Russian Federation and subsequently incorporated into regional legislation. In the author's opinion, the expansion of the discretionary powers of the Russian Federation subjects has de facto led to an abuse of right and the legitimization of culling healthy animals, a trend clearly evidenced by emerging judicial practice. The quasi-scientific concept of «unmotivated aggressiveness», which has been unjustifiably included in the text of the law, is also examined separately.

Key words: domestic animals, ownerless animals, legal regulation, extraordinary situation, humanity, culling of animals, unmotivated aggressiveness.

Область обращения с домашними животными длительное время находилась на периферии правового регулирования, что закономерно привело к негативным социальным последствиям, в том числе неконтролируемому росту их популяции.

По смыслу ст. 114 Конституции РФ Правительство Российской Федерации обязано принимать меры по формированию в обществе ответственного отношения к животным. В силу поло-

жений ст. 4 ФЗ от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» обращение с животными предполагает научно обоснованное сочетание нравственных, экономических, социальных интересов человека, общества и государства. Гуманность является основополагающим принципом названного нормативного правового акта РФ.

Между тем анализ последних изменений законодательства в области обращения с животными свидетельствуют о тревожном тренде на дегуманизацию, что часто оправдывается грубыми популистскими лозунгами, как то: «Жизнь человека важнее жизни животных!» (Павел Иткин, лидер фракции ЛДПР) [1], «У нас гуманное отношение к животным начинает превалировать над ответственным отношением!» (Николай Валуев, депутат ГД РФ, партия «Единая Россия») [2] и др.

В силу изменений, внесенных Федеральным законом от 24.07.2023 № 377-ФЗ в ФЗ № 498, субъекты РФ теперь наделены правомочием отступать от закрепленного нормативными правовыми актами РФ перечня мероприятий при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев, в том числе определять основания для умерщвления животных без владельцев, размещенных в местах и пунктах временного содержания, не являющихся приютами (ч. 4 ст. 7 ФЗ № 498-ФЗ). Согласно действующей редакции абз. 1 ч. 1 ст. 18 ФЗ № 498-ФЗ мероприятиями при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев являются мероприятия, указанные в данной части, «если иное не установлено законодательными актами субъектов Российской Федерации» [3].

В дальнейшем законодательными органами субъектов РФ были приняты соответствующие законы (республика Бурятия, республика Алтай, Астраханская область, Магаданская область, республика Тыва и др.). Так, законом республики Бурятия от 22.11.2023 № 185-VII «Об установлении порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определения перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Республики Бурятия» разрешено умерщвление невостребованных животных (если в течение 30 календарных дней пребывания в пунктах временного содержания животное без владельца осталось невостребованным физическими или юридическими лицами, умерщвление производится на 31-й день с момента отлова) [4]. Напомню, что данный закон был оспорен рядом граждан. В ходе рассмотрения дела Верховный Суд Республики Бурятия по ходатайству административных истцов направил в Конституционный Суд РФ запрос о проверке конституционности оспариваемых положений.

Конституционный Суд РФ в своем резонансном постановлении от 18.07.2024 № 38-П признал их соответствие Конституции РФ, указав при этом, что мероприятия при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев, определение оснований для умерщвления последних, содержащихся в местах и пун-

ктах временного содержания (не являющихся приютами), могут осуществляться, «если конкретное животное без владельца совершило нападение на человека или проявляет немотивированную агрессивность либо является носителем возбудителя опасной болезни или болеет ею, а также в случаях необходимости прекращения непереносимых физических страданий нежизнеспособного животного». В иных случаях указанные меры могут быть оправданы лишь сложившейся в конкретном регионе экстраординарной ситуацией, не поддающейся разрешению иными средствами, и необходимой для обеспечения надлежащего уровня безопасности личности и общества. Кроме того, умерщвление как экстраординарная мера должна носить временный характер [5].

Важно отметить, что до принятия постановления от 18.07.2024 № 38-П такая юридическая метафора как «экстраординарная ситуация» не использовалось при конструировании правовых норм, а применялась лишь в практике Конституционного Суда РФ для обоснования конституционности оспариваемых нормативно-правовых актов, принятых в особых обстоятельствах. Между тем позиция Конституционного Суда РФ подвигла законодательные органы субъектов Российской Федерации на последовательное ее включение в разработанные ими законы.

Так, согласно п. 4 ч. 1 ст. 2 закона Чувашской республики от 21 ноября 2024 года № 76 «Об обращении с животными без владельцев на территории Чувашской Республики» экстраординарная ситуация в области обращения с животными без владельцев — это «обстановка на территории муниципального образования Чувашской Республики, сложившаяся при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев, при которой реализация мероприятий, предусмотренных пунктами 1–3 части 3 статьи 3 настоящего Закона, не обеспечивает надлежащего уровня безопасности граждан и общества» [6].

Расширение дискреционных полномочий субъектов РФ и отсутствие единообразного понимания «экстраординарной ситуации» привели к проблемам в правоприменительной практике. Так, решением Хабаровского краевого суда от 10.02.2026 были частично удовлетворены требования административных истцов и признаны недействующими отдельные положения закона Хабаровского края от 25.12.2023 № 459 «Об отдельных вопросах реализации Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Суд пришел к выводу, что оспариваемые положения закона Хабаровского края от

25.12.2023 № 459 не отвечают общеправовому критерию формальной определенности, допускают неоднозначное толкование и носят неопределенный характер (в частности, п. 5, 6 ч. 1 ст. 2, ч. 1–3, 7, 8 ст. 6). Кроме того, они позволяют вводить «экстраординарную ситуацию» на основании непроверенной информации граждан (субъективное мнение), подвергать умерщвлению животных, которые не проявляли «немотивированную агрессивность».

В соответствии с п. 7 ч. 1 закона Хабаровского края от 25.12.2023 № 459 «экстраординарная ситуация в области обращения с животными без владельцев (далее — экстраординарная ситуация) — ситуация на части (частях) территории муниципального образования края, сложившаяся при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев, при которой реализация мероприятий, предусмотренных пунктами 1–5 части 1 статьи 5 названного закона, не обеспечивает надлежащего уровня безопасности граждан и общества» [7].

Судом отдельно отмечено, что законодателем не приведено доказательств неэффективности иных мер разрешения сложившейся ситуации в регионе, как и не раскрыто содержание понятия «немотивированной агрессивности». Ниже привожу выдержку из решения: «Суд отмечает, что единичный факт нападения конкретного животного на человека не может являться основанием для истребления других животных, не имеющих отношения к инциденту, а также не может свидетельствовать об объективно возникшей экстраординарной ситуации, которая не поддается разрешению иными средствами» [8].

Интересный казус имел место в Забайкальском крае. Так, региональная прокуратура принесла замечания на проект закона в области обращения с животными без владельцев. В результате последний был снят с рассмотрения на заседании регионального парламента. По мнению прокуратуры, определенное проектом понятие «экстраординарной ситуации» не содержало конкретных критериев [9].

Вышеизложенные обстоятельства побудили федерального законодателя к разработке универсальной дефиниции «экстраординарной ситуации».

Так, внесенным на рассмотрение в ГД РФ законопроектом было предложено расширить понятийный аппарат ФЗ № 498-ФЗ, дополнив ст. 3 новыми пунктами. Согласно п. 15 «экстраординарная ситуация — ситуация в области обращения с животными без владельцев, возникшая на территории субъекта Российской Федерации или на части территории субъекта Российской Федерации, связанная с обеспечением безопасности граждан от нападений животных без владельцев

или распространением переносимых ими опасных для человека болезней, включенных в перечень опасных болезней, утвержденный уполномоченным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, когда осуществление мероприятий по обращению с животными без владельцев, указанных в статье 18 настоящего Закона, объективно не обеспечивает надлежащего уровня безопасности граждан и общества».

Автор публикации является категорическим противником включения юридической метафоры «экстраординарная ситуация» в текст ФЗ № 498-ФЗ. Как справедливо отмечал на многочисленных правовых конференциях, посвященных проблеме ответственного обращения с животными, ведущий научный сотрудник ИЗиСП, к.ю.н. Д. Б. Горохов, данное определение содержит в себе признаки «чрезвычайного положения» или «чрезвычайной ситуации» и, соответственно, должно регулироваться специальным законодательством, как то:

- ФЗ от 30.05.2001 № 3-ФЗ «О чрезвычайном положении»;
- ФЗ от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;
- ФЗ от 14.05.1993 № 4979-1 «О ветеринарии».

Иное противоречит предмету регулирования ФЗ № 498 и является как теоретической, так и практической ошибкой.

Следует отметить, что федеральный законодатель фактически продублировал содержание определений, сформулированных субъектами РФ. Предложенная дефиниция является классическим примером «каучуковой нормы». Напомню, что она характеризуется эластичностью, расплывчатостью формулировок, оценочным содержанием, что открывает широчайший простор для толкования. Становится очевидным, что закрепление понятия «экстраординарной ситуации» на федеральном уровне не устранил проблем правоприменительного характера.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 25.02.2019 № 12-П, неоднозначность правового регулирования препятствует адекватному уяснению его содержания, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведет к произволу и тем самым ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод [10].

Вероятно, положения, касающиеся «экстраординарной ситуации», корректнее было бы именовать «ситуационными» (в определении К. И. Комиссарова), ибо хочется надеяться, что они действительно будут носить временный характер.

Следует отметить, что федеральным законодателем по-прежнему не раскрывается понятие «немотивированной агрессивности», вмонтированное, между тем, в ФЗ № 498-ФЗ (ст. 18). Данный термин является квазинаучным. Согласно разъяснениям руководителя дрессировочного центра АНО ПО «ОЦ РКФ» Пудеева Е. И., агрессивное поведение собаки может указывать лишь на два обстоятельства:

- 1) огрехи в ее воспитании;
- 2) наличие психических отклонений.

«Немотивированной агрессивности» не существует. Единственно доступная агрессивность для животного — это «инструментальная агрессивность», являющаяся способом выживания и всегда имеющая триггер, мотив. По словам академика РАН Ирины Донник, так называемую «немотивированную агрессивность» могут проявлять только больные животные, зачастую страдающие онкологией, бешенством или эпилепсией. В остальных случаях это «оборонительная реакция, характерная для любого животного» [11].

Важно понимать, что умерщвление животных само по себе не является эффективным инструментом по сокращению популяции бездомных животных. Кроме того, оправдание столь радикальной меры является не чем иным, как свидетельством бессилия органов государственной власти в области регулирования ответственного обращения с животными. Напомним, что сегодня в нее главным образом вовлечены Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России), Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор).

Законодатель фактически борется не с причиной, а со следствием, а легализация умерщвления животных (по усмотрению) начинает подменять собой грамотное регулирование сферы владения и разведения.

Если обратиться к массиву вынесенных ранее решений Конституционного Суда РФ, то можно прийти к однозначному выводу: экстраординарность ситуации означает не только ее беспрецедентность, масштабность, стремительность развития, но и непредвиденность, например: техногенная катастрофа (Ситуация была признана «экстраординарной» ввиду техногенной аварии XX в., приведшей к неисчислимым экологическим и гуманитарным потерям) [12], распространение коронавирусной инфекции (Ситуация была признана «экстраординарной» ввиду стремительного распространения коронавирусной инфекции COVID-2019. Водимые меры были временными, не носили характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств) [13], боевые действия. Между тем проблема перепроиз-

водства животных и, как следствие, их бездомное существование не возникли вдруг из ниоткуда. Это результат многолетнего бездействия органов государственной власти и безответственности бывших владельцев. Мог ли отечественный правотворец предвидеть последствия собственной халатности? Ответ очевиден.

Кроме того, установленные субъектами РФ предельные сроки содержания отловленных животных, как правило, составляют 10–30 дней, что, в свою очередь, противоречит требованиям ч. 1 ст. 231 ГК РФ о шестимесячном «хранении» задержанных (условно владельческих) животных, а также нарушает положения ст. 35, 55 Конституции РФ.

В настоящее время в России ведение учета количества животных без владельцев, отловленных и транспортированных в приюты, отнесено к компетенции органов государственной власти субъектов РФ (подпункт «л» пункта 6 Методических указаний по осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев, утвержденных постановлением Правительства РФ от 10.09.2019 № 1180) [14]. Порядок регистрации домашних животных также оставлен на усмотрение субъектов РФ. Важно понимать, что уличные животные — это, как правило, бывшие владельческие животные, брошенные на произвол судьбы недобросовестными владельцами. Между тем привлечение как к административной, так и к уголовной ответственности находится в прямой зависимости от возможности идентифицировать животное и его владельца. Необходимо установить единый механизм регистрации и учета животных, включающий в себя их обязательную идентификацию (чипирование). Каждому животному должен быть присвоен уникальный буквенно-цифровой номер, действительный в течение его жизни. Создание единой информационной базы позволит осуществлять учет и регистрацию всех животных: домашних животных (кошек и собак), животных без владельцев, содержащихся в приютах, бездомных животных, временно находящихся у волонтеров, в зоогостиницах, на передержках, животных без владельцев и прошедших мероприятия ОСВВ, потерявшихся и найденных.

Одновременно следует установить жесткий государственный контроль в области разведения домашних животных (собак, кошек). Но этот вопрос будет подробно освещен в следующей публикации автора.

Список литературы:

- [1] Гуманизм и чипирование: петербургские депутаты об усыплении бездомных животных // <https://forpost-sz.ru/a/2025-03-26/gumanizm-i-chipirovanie-peterburgskie-deputaty-ob-usyplenii-bezdomnykh-zhivotnykh>.

[2] Собаки как борщевик? Николай Валуев предложил признать бездомных псов «инвазивным видом» // <https://vetandlife.ru/zakons/sobaki-kak-borshhevnik-nikolaj-valuev-predlozhil-priznat-bezdomnyh-psov-invazivnym-vidom/?ysclid=mp8bpbf3ow204236689>.

[3] Федеральный закон от 24.02.2023 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=605725047>.

[4] Закон Республики Бурятия от 22 ноября 2023 г. № 185-VII «Об установлении порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Республики Бурятия» (принят Народным Хуралом Республики Бурятия 16 ноября 2023 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2023 № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[6] Закон Чувашской Республики от 21.11.2024 № 76 «Об обращении с животными без владельцев на территории Чувашской Республики» // СПС «Гарант».

[7] Закон Хабаровского края от 25.12.2023 № 459 (п. 7 введен законом Хабаровского края от 02.06.2025 № 72).

[8] Решение Хабаровского краевого суда от 10.02.2026 (Дело № 3а-51/2026).

[9] Прокуратура Забайкальского края принесла замечания на проект закона в сфере обращения с безнадзорными животными // https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/main/e7741941/?ysclid=mp8d434fth145335062.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2019 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобой гражданки Г. В. Журавель» / СПС «Консультант Плюс».

[11] Ученые и кинологи: «немотивированной агрессии» у собак не существует, чиновникам не следует убивать бездомных животных // <https://kedr.media/news/uchenye-i-kinologi-nemotivirovannoj-agressii-u-sobak-ne-sushhestvuet-chinovnikam-ne-sleduet-ubivat-bezdomnyh-zhivotnyh/?ysclid=mp8fcs2f5u507762066>.

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2009 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 14 и пункта 1 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в ред. Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ) в связи с запросом Курчатковского городского суда Курской области и жалобами граждан А. В. Жестикова и П. У. Мягчило» // СПС «Консультант Плюс».

[13] Постановление от 25 декабря 2020 г. №49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID 2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС «Консультант Плюс».

[14] Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2019 г. № 1180 «Об утверждении методических указаний по осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев» // СПС «Гарант».

References:

[1] Humanism and chipping: St. Petersburg deputies on euthanizing stray animals// <https://forepost-sz.ru/a/2025-03-26/gumanizm-i-chipirovanie-peterburgskie-deputaty-ob-usyplenii-bezdomnykh-zhivotnykh>.

[2] Dogs like hogweed? Николай Валуев предложил признать бездомных псов «инвазивным видом» // <https://vetandlife.ru/zakons/sobaki-kak-borshhevnik-nikolaj-valuev-predlozhil-priznat-bezdomnyh-psov-invazivnym-vidom/?ysclid=mp8bpbf3ow204236689>.

[3] Federal Law of 24.02.2023 No. 377-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” and Article 44 of the Federal Law “On General Principles of Organization of Public Power in the Constituent Entities of the Russian Federation” // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=605725047>.

[4] Law of the Republic of Buryatia dated November 22, 2023 No. 185-VII “On establishing the procedure for carrying out activities for the treatment of animals without owners and determining the list of measures when carrying out such activities in the territory of the Republic of Buryatia” (adopted by the

People's Khural of the Republic of Buryatia on November 16, 2023) (as amended)//SPS "Garant."

[5] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2023 No. 38-P "In the case of checking the constitutionality of Part 4 of Article 7, Paragraph 1 of Part 1 and Part 7 of Article 18 of the Federal Law "On the Responsible Treatment of Animals and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" "//SPS" Consultant Plus. "

[6] Law of the Chuvash Republic of 21.11.2024 No. 76 "On the treatment of animals without owners in the Chuvash Republic" "//SPS" Garant. "

[7] Khabarovsk Krai Law No. 459 of 25.12.2023 (Clause 7 introduced by Khabarovsk Krai Law No. 72 of 02.06.2025).

[8] Decision of the Khabarovsk Regional Court of 10.02.2026 (Case No. 3a-51/2026).

[9] The Prosecutor's Office of the Trans-Baikal Territory brought comments on the draft law in the field of handling stray animals// https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_75/mass-media/news/main/e7741941/?ysclid=mp8d434fth145335062.

[10] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.02.2019 No. 12-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of Article 24 of the Federal Law "On the Status of Military Personnel" in connection with the complaint of citizen G.V. Zhuravel " /SPS" Consultant Plus. "

[11] Scientists and dog handlers: "unmotivated aggression" does not exist in dogs, officials should not kill stray animals//[https ://kedr.media/news/](https://kedr.media/news/)

uchenye-i-kinologi-nemotirovannoj-agressii-u-sobak-ne-sushhestvuet-chinovnikam-ne-sleduet-ubivat-bezdomnyh-zhivotnyh/? ysclid = mp8fc-s2f5u507762066.

[12] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 10, 2009 No. 17-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of part one of Article 14 and paragraph 1 of part one of Article 15 of the Law of the Russian Federation "On social protection of citizens exposed to radiation as a result of the Chernobyl disaster" (as amended by Federal Law No. 122-FZ of August 22, 2004) in connection with the request of the Kurchatov City Court of the Kursk Region and the complaints of citizens A. V. Zhestikov and P. U. Myagchilo " //SPS" Consultant Plus. "

[13] Resolution of December 25, 2020 No. 49-P "In the case of checking the constitutionality of subparagraph 3 of paragraph 5 of the resolution of the Governor of the Moscow Region "On the introduction of a high alert regime in the Moscow Region for governing bodies and forces of the Moscow Regional Emergency Prevention and Response System and some measures to prevent the spread of a new coronavirus infection (COVID 2019) on the territory of the Moscow region" in connection with the request of the Protvinsky City Court of the Moscow Region " // SPS" Consultant Plus. "

[14] Decree of the Government of the Russian Federation of September 10, 2019 No. 1180 "On approval of guidelines for the implementation of activities for the treatment of animals without owners " //SPS "Garant".

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-431-436

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

СБИТНЫЙ Сергей Николаевич,

Кандидат педагогических наук, доцент,
Заведующий кафедрой физического воспитания
Брянского государственного инженерно-
технологического университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ДЕНИСЕНКО Константин Витальевич,

Доцент кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук
Брянского филиала Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
e-mail: mail@law-books.ru

ФАЙРУШИН Степан Александрович,

Преподаватель кафедры физической подготовки
Казанского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

СИДАКОВ Азамат Мурадович,

Старший преподаватель кафедры
физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ АЭРОБНЫХ НАГРУЗОК НА ЗДОРОВЬЕ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В статье рассматривается эффективность положительного влияния аэробной нагрузки на сердечно-сосудистую систему. Обусловлены принципы поэтапного влияния работы сердца на кровяное давление. Установлены примеры влияния аэробной нагрузки на организм с различной медико - возрастной группой. Данное исследование направлено на систематическую и количественную оценку влияния тренировок на укрепление здоровья. Изучены ключевые факторы, определяющие результативность воздействия на организм человека в целом, предложен подход к построению периодичности нагрузки и отдыха, сформированы попытки индивидуализации календарных планов. В ходе поискового исследования был проведен анализ научной литературы, посвященной факторам, влияющим на построение подобных моделей. Для более полного понимания вопроса рассмотрены такие когнитивные понятия, как рабочая память, тормозной контроль и когнитивная гибкость. В рамках исследования предпринята попытка определить потенциальные пороговые значения продолжительности, частоты и интенсивности тренировок, которые оптимизируют изменения в частоте сердечных сокращений и артериальном давлении.

Ключевые слова: физическая активность, аэробная нагрузка, давление, показатели, здоровье, тренировка, подход, мониторинг, частота, режим, умения, анализ, контроль.

SBITNY Sergey Nikolaevich,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor Head of the Department of Physical Education
Bryansk State Engineering and Technology University

DENISENKO Konstantin Vitalievich,
Associate Professor of the Department of State and
Civil Law Disciplines, Candidate of Legal Sciences
of the Bryansk Branch of the V.V. Lukyanov
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FAIRUSHIN Stepan Aleksandrovich,
Teacher of the Department of Physical Training
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

SIDAKOV Azamat Muradovich,
Senior Lecturer of the Department of Physical
Training and Sports Stavropol branch
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

SYSTEMATIC ASSESSMENT OF THE EFFECT OF AEROBIC EXERCISES ON CARDIOVASCULAR HEALTH

Annotation. *The article discusses the effectiveness of the positive impact of aerobic exercise on the cardiovascular system. The principles of the gradual effect of heart function on blood pressure are established. Examples of the impact of aerobic exercise on the body with different medical and age groups are provided. This study aims to systematically and quantitatively assess the impact of exercise on health promotion. The key factors that determine the effectiveness of exercise on the human body as a whole are examined, and an approach to building a schedule of exercise and rest is proposed. Attempts are made to individualize calendar plans. The search study involved an analysis of scientific literature on the factors that influence the construction of such models. To gain a better understanding of the issue, cognitive concepts such as working memory, inhibitory control, and cognitive flexibility were examined. The study attempted to identify potential thresholds for continued.*

Key words: *physical activity, aerobic exercise, pressure, indicators, health, training, approach, monitoring, frequency, regimen, skills, analysis, control.*

Всем известно, что движение – это жизнь, и регулярные занятия спортом очень важны для нашего здоровья и самочувствия. Особенно эффективными являются аэробные упражнения: они всецело тренируют наше сердце и сосуды, тем самым развивая нашу силу и выносливость. Благодаря данной активности можно привести в норму давление, улучшить состав крови (например, снизить тот самый вредный холестерин) и просто чувствовать себя бодрее. Это особенно важно, для сохранения продолжительной активности и в солидном возрасте [1].

Современные исследования подтверждают эффективность аэробной нагрузки, многофункциональная физическая нагрузка идет на пользу давлению и здоровью организма в целом, независимо от биологического возраста. Давно подмечено, что тренировки обычно помогают снизить верхнее давление – как у молодых, так и у взрослых, хотя эффективность воздействия может различаться. Монотонная циклическая нагрузка ходьба, легкий бег помогают стабилизировать давление и тем самым контролировать

его. А так же заметно улучшить показатели крови и общую физическую форму [2].

В молодом возрасте человек легко адаптируется к регулярным занятиям спортом, хватает двух - трех тренировок в неделю. Для пожилых людей, у которых есть проблемы с давлением, частые занятия должны проходить под наблюдением. Возрастному человеку важно, чтобы тренировки подбирались индивидуально, с учетом физической кондиции занимающегося, регулярные занятия спортом заметно снижают показатель нижнего (диастолического) давления.

Также показателем здорового сердца является еще и частота сокращения сердца (сердечный ритм), который чередуется с определенной продолжительностью отдыха.

И тут конечно большое значение, и влияние имеет сам тип тренировки, Нагрузка может существенно влиять на снижение ЧСС в разных возрастных группах.

По некоторым данным, у молодых мужчин и женщин, которые занимались многоборьем или кроссфитом, наблюдалось значительное сниже-

ние давления также, отмечено, что с возрастом эффективность физических упражнений снижается, а потребность в кислороде возрастает, поэтому для достижения такого же снижения ЧСС, как у молодых людей, требуются более частые или продолжительные тренировки. Формула для расчета максимального ЧСС «220 минус возраст» также предполагает, что пожилым людям требуется больше усилий для достижения тех же результатов, что и молодым [3].

При физической нагрузке все фазы укорачиваются, особенно резко сокращается диастола: при ЧСС около 200 уд/мин ее длительность может уменьшаться до 0,10-0,13 секунды, а наполнение желудочков остается всего 0,005-0,08 секунды, после окончания нагрузки фазовая структура постепенно восстанавливается.

Фаза наполнения сердца кровью это часть диастолы (расслабления желудочков), во время которой кровь поступает из предсердий в желудочки. Этот процесс обеспечивает заполнение желудочков кровью перед их сокращением (систолей) и выбросом крови в сосуды. Фаза наполнения делится на три подфазы:

- Первая фаза быстрого наполнения (длится примерно 0,08 сек). Начинается в момент открытия атриовентрикулярных клапанов (митрального и трехстворчатого), которые отделяют предсердие от желудочков. Открытие клапанов происходит, когда давление в предсердиях становится выше, чем в желудочках. В эту фазу кровь с ускорением поступает из предсердий в желудочки. На эту фазу приходится до 85% диастолического объема крови;
- Вторая фаза медленного наполнения (длится около 0,17-0,18 секунды). По мере наполнения желудочков скорость их наполнения кровью снижается. В эту фазу существенного дополнительного наполнения не происходит, давление в предсердиях начинает медленно повышаться из-за притока крови из вен, при тахикардии (учащенном сердцебиении) эта фаза может полностью исчезать;
- Третья фаза обусловлена наполнением и сокращением предсердий (длится около 0,09 секунды) В конце диастолы желудочков начинается сокращение предсердий, которое дозаполняет желудочки примерно на 15% их диастолического объема. Предсердия действуют как вспомогательные насосы, способствуя более полному заполнению желудочков.

В конце диастолы в желудочках формируется конечно-диастолический объем крови, который будет выброшен в сосуды во время следующей систолы. Давление, которое создает этот

объем в желудочке, называется конечно-диастолическим давлением. Эти параметры составляют преднагрузку сердца, ключевое условие для растяжения волокон миокарда. Согласно закона Франка – Старлинга, степень растяжения миокарда в диастоле определяет силу последующего сокращения [4].

Во время физической нагрузки или тахикардии длительность диастолы и, соответственно, фазы наполнения укорачиваются, что может снизить объем поступающей в желудочки крови.

Сегодня доступность в спортивной индустрии предоставляет массу вариантов, как для профессионала, так и для любителя. Спортивные клубы, представляющие собой общественные залы, деятельность которых направлена на популяризацию регулярной физической активности, стали популярным инструментом укрепления здоровья населения, особенно в густонаселенных городах. Спортивные комплексы готовы принимать посетителей круглосуточно, в предоставляемый перечень услуг входит не только занятия физическими упражнениями, но и возможность восстановления организма после нагрузок, это различного типа парные, массажные кабинеты, в зимнее время посетители охотно идут в солярий, все это включено в пользовательский абонемент. Посещение таких многофункциональных комплексов сегодня очень востребовано, многие залы в пиковые часы переполнены [5].

Авторским коллективом принято решение о проведении исследования, которое посвящено изучению влияния физических упражнений на показатели здоровья у мужчин и женщин, в разных возрастных группах.

Цель этого исследования — оценить реакцию отдельных показателей здоровья, в том числе систолического и диастолического артериального давления (САД и ДАД), частоты сердечных сокращений (ЧСС) и процентного содержания жира в организме, на фоне аэробных упражнений у членов фитнес-клуба города Ставрополя. Наши предположения заключаются в следующем, что программа аэробных упражнений окажет влияния на отдельные показатели здоровья членов фитнес-клуба в зависимости от их возраста [6].

Важность этого исследования заключается в том, что оно поможет понять, как аэробные упражнения влияют на ключевые показатели здоровья, такие как артериальное давление, частота сердечных сокращений и процентное содержание жира в организме, с акцентом на возрастные изменения.

Полученные результаты исследования должны помочь восполнить пробел в знаниях о пользе физических упражнений для людей разного возраста, что поможет в дальнейшем гра-

можно формировать индивидуальные программы для улучшения показателей здоровья. Что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности инициатив в области общественного здравоохранения, и популяризации аэробных упражнений в рамках спортивных тренировок.

В запланированном исследовании принимали участие исключительно здоровые люди, отобранные по результатам предварительного тестирования и дальнейшего анализа. В ходе тщательного отбора каждый из участников прошел медицинское обследование в спортивном диспансере, на каждого испытуемого были заведены медицинские карты для дальнейшего ведения наблюдения.

Выбранный фитнес-центр соответствовал определенным возрастным характеристикам и уровню физической подготовки, необходимым для достижения целей исследования. Репутация центра, его организация и подробные данные о посетителях также облегчали мониторинг и сбор данных.

Каждый из 60 отобранных добровольцев эксперимента, были проинформированы, о целях исследования. В экспериментальную группу вошли лица, имеющие определенную подготовку, продолжительность их тренировочного стажа составляла не менее полугода, посещение занятий происходило два-три раза в неделю.

Для выявления физического воздействия наши участники были разделены на две группы по возрастным категориям, в первую группу вошли лица, возраст которых был от 20 до 30, во второй группе находились те, кому исполнилось 40 и до 50. Состав группы включал 20 мужчин и 10 женщин. Включение в исследование обеих групп позволило всесторонне оценить влияние аэробных упражнений на выбранные физиологические показатели.

Для предварительного обследования перед каждым занятием нами проводился опрос испытуемых для оценки готовности к физической активности. Данный перечень вопросов состоял из семи пунктов, позволяющий выявить лиц, которые не настроены на работу в конкретное время, что в свою очередь может привести к искажению результатов во время физической активности.

Помимо медицинских карт, на всех испытуемых завели папки с ведением учета их антропометрических данных.

Рост участников измерялся с помощью стadiометра, который фиксировался босиком с точностью до 0,1 см. Коэффициент надежности стadiометра, согласно сообщениям, составлял 0,96. Предварительное тестирование прибора пока-

зало, что коэффициент надежности составил 0,95, что соответствует заявленной производителем надежности в 0,96.

Вес тела измеряли с помощью калиброванных весов, установленных на ровной твердой поверхности без коврового покрытия. Предварительные испытания подтвердили коэффициент надежности 0,95, что соответствует заявленному производителем коэффициенту 0,96. Оба показателя считаются высокими.

Процентное содержание жира в организме измерялся с помощью монитора состава тела Omron. Перед измерениями в устройство вводились данные о поле, весе, росте и возрасте участников. Затем каждый участник вставал на платформу монитора для сбора данных. Результаты сравнивались с рекомендациями.

Окружность талии и бедер измеряли с помощью неэластичной сантиметровой ленты (с диапазоном измерения 150 см) в соответствии с рекомендациями антропометрической стандартизации справочного руководства.

Интенсивность физических упражнений отслеживалась с помощью смарт-браслета. Данное устройство отслеживало частоту сердечных сокращений (ЧСС), количество шагов, сожженные калории и продолжительность активности. Интенсивность аэробных упражнений классифицировалась как низкая (20–40 % от ЧСС), средняя (40–60 % от ЧСС), высокая (60–90 % от ЧСС) и максимальная (91–100 % от ЧСС) в соответствии с установленными рекомендациями.

Перед началом испытания всех участников ознакомили с планом проведения тренировочных занятий, уклон спортивной нагрузки был направлен на аэробную двигательную активность

Для обеспечения сопоставимости данных в обеих группах, были статистически проанализированы исходные показатели систолического артериального давления, диастолического артериального давления, частоты сердечных сокращений и процентного содержания белка в крови. Результаты этих анализов показали, что исходные характеристики были статистически схожими в разных группах ($p > 0,05$ для всех переменных), гарантируя, что любые наблюдаемые различия после вмешательства были связаны с протоколами упражнений, а не с существовавшими ранее различиями [7].

На протяжении всего исследования физиологические показатели измерялись перед началом тренировочного процесса и после его завершения и так на протяжении четырех месяцев.

Предварительное и итоговое тестирование по всем зависимым переменным, проходило в одинаковых условиях.

Всем участникам рекомендовали вести привычный образ жизни, их рацион питания и время

на отдых должно оставаться прежним. По окончании выделенного времени на эксперимент, перед авторским коллективом стояла очень ответственная задача, максимально приблизить и уравнивать время и условия для сбора контрольных показателей у испытуемых.

Все измерения проводились в одинаковых условиях для обеспечения точности. Основные процедурные моменты включали:

- проведение всех измерений в одно и то же время суток для обеспечения единообразия условий тестирования;
- для правильности понимания тестирования всем участникам объясняли для чего это нужно;
- одежда и обувь у испытуемых должна была соответствовать указанным требованиям.

В ходе обработки полученных данных и их анализа использовался пакет программного обеспечения для количественного анализа. На основе программного обеспечения Windows. Для выявления пропущенных значений были рассчитаны частоты и процентные доли, а для проверки на нормальность распределения — критерий Колмогорова — Смирнова. После того как данные были приведены в соответствие с этими допущениями, был проведен парный t-критерий для сравнения средних значений, чтобы определить возрастные различия в эффективности протоколов упражнений по выбранным антропометрическим и физиологическим показателям для молодежи и взрослых отдельно.

У первой группы, в которую входили молодые люди, верхнее (систолическое) давление было в среднем 134,91. Через четыре месяца тренировок оно снизилось до 119,42. Участники второй экспериментальной старшей возрастной категории фиксировали на начальном этапе более высокое артериальное давление 139,50. После четырех месяцев занятий оно тоже уменьшилось, до 133,30.

Нами также проанализировано, как тренировки влияют на нижнее (диастолическое) давление. У молодых и взрослых людей оно заметно снизилось. Это значит, что аэробные упражнения действительно помогают держать нижнее давление в норме.

Кроме давления, мы проверили, как тренировки влияют на количество процента жира в теле. У молодых людей в начале занятий этот процент составлял в среднем 32,11%. Через четыре месяца этот показатель стал 30,94%. У взрослой категории испытуемых процент жира был ниже – 28,07% в начале, а потом и вовсе снизился до 26,88%.

Что мы поняли в итоге, в целом, тренировки полезны и для молодых, и для взрослых, но эффект немного разный. То, что верхнее давле-

ние снижается и у тех, и у других, подтверждают и другие исследования. Интересно, что когда мы сравнивали разные виды тренировок, оказалось, что занятия на велотренажере лучше снижают верхнее давление у молодых людей, чем у взрослых. Поэтому при составлении программы для снижения давления нужно учитывать не только возраст, но и тип самой нагрузки.

Основным требованием для положительного воздействия является соблюдение тренировочного режима. Занятия должны проходить несколько раз в неделю, причем лучше чередовать три разных вида упражнений. При этом сами тренировки не должны быть слишком долгими. Важно давать телу время на отдых между занятиями – примерно два дня.

В будущих исследованиях следует изучить долгосрочную устойчивость этих физиологических улучшений, а также потенциальные механизмы, лежащие в основе возрастных различий в реакции на эти протоколы тренировок.

Результаты этого исследования имеют ряд практических применений в области назначения физических упражнений и инициатив в сфере общественного здравоохранения:

Список литературы:

[1] Молекулярно-биологические особенности адаптационных процессов во время физической нагрузки / П. Ю. Шкапов, В. А. Андрианов, Е. С. Дубровин, Е. А. Алешин // Образование и право. – 2026. – № 2. – С. 586-591.

[2] Положительно-направленная физическая активность, как индивидуальный путь к здоровью и благополучию / А. И. Гайдаш, Д. В. Ошурков, Д. В. Ефимов, С. С. Сергеев // Право и управление. – 2025. – № 4. – С. 345-348.

[3] Гайдаш, А. И. Продолжительный бег и его положительное воздействие на организм человека / А. И. Гайдаш // Физическая культура и спорт. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 9-13.

[4] Гайдаш, А. И. Человек спортивный в современном обществе / А. И. Гайдаш // Культура физическая и здоровье современной молодежи : Материалы II Международной научно-практической конференции, Воронеж, 25 сентября 2019 года / Редколлегия: Е.В. Богачева [и др.]. Под редакцией А.И. Бугакова, С.А. Бортниковой. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. – С. 3-6.

[5] Гайдаш, А. И. Сочетание аэробной и анаэробной нагрузки во время занятий по физической культуре в образовательных организациях МВД России / А. И. Гайдаш, Е. В. Кувалдина // Здоровый образ жизни человека - национальная проблема современного общества : Электронный сборник материалов VII национальной научно-практической конференции студентов и пре-

подавателей, Невинномысск, 25 апреля 2018 года. – Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2018. – С. 189-194.

[6] Гладких, Д. Г. Влияние физических упражнений на организм человека / А. А. Марченко, Л. И. Тимошенко, М. С. Малашенко // Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и физической культуры в XXI веке: интеграция науки и практики : Материалы VII международной заочной научно-практической конференции, Невинномысск, 22 ноября 2018 года. – Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2019. – С. 176-180. – EDN HWFVAH.

[7] Солодовник, Д. А. Нестандартные методы развития силовой выносливости за счет принципа цикличности выполнения упражнения / Д. А. Солодовник, Е. П. Крестникова, С. М. Хроменков, Ю. П. Никитин // Образование и право. – 2024. – № 6. – С. 472-475.

References:

[1] Molecular and biological features of adaptation processes during exercise/P. Yu. Shkapov, V. A. Andrianov, E. S. Dubrovin, E. A. Aleshin// Education and Law. – 2026. – № 2. – S. 586-591.

[2] Positive-oriented physical activity as an individual path to health and well-being/A. I. Gaidash, D. V. Oshurkov, D. V. Efimov, S. S. Sergeev//Law and management. – 2025. – № 4. – S. 345-348.

[3] Gaidash, A.I. Long running and its positive effect on the human body/A.I. Gaidash//Physical culture and sports. – 2023. – T. 1, NO. 1. – S. 9-13.

[4] Gaidash, A.I. A sporty man in modern society/A.I. Gaidash//Physical culture and health of modern youth: Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Voronezh, September 25, 2019/Editorial Board: E.V. Bogacheva [and others]. Edited by A.I. Bugakov, S.A. Bortnikova. – Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2019. – S. 3-6.

[5] Gaidash, A.I. Combination of aerobic and anaerobic load during physical education classes in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia/A.I. Gaidash, E.V. Kuvaldina// Healthy human life - a national problem of modern society: Electronic collection of materials of the VII National Scientific and Practical Conference of Students and Teachers, Nevinnomyssk, April 25, 2018. – Nevinnomyssk: Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, 2018. – S. 189-194.

[6] Gladkikh, D. G. The effect of physical exercises on the human body/, A. A. Marchenko, L. I. Timoshenko, M. S. Malashenko//Actual problems of life safety and physical culture in the 21st century: integration of science and practice: Materials of the VII international correspondence scientific and practical conference, Nevinnomyssk, November 22, 2018. – Nevinnomyssk: Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, 2019. – S. 176-180. – EDN HWFVAH.

[7] Solodovnik, D. A. Non-standard methods for the development of strength endurance due to the principle of cyclical exercise/D. A. Solodovnik, E. P. Krestnikova, S. M. Khromenkov, Yu. P. Nikitin// Education and Law. – 2024. – № 6. – S. 472-475.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

АКСЕНОВ Илья Сергеевич,
адвокат, кандидат юридических наук,
e-mail: nauka_lo@mail.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА С НАДОМНИКОМ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию правовых проблем заключения и расторжения трудового договора с надомниками. Автор анализирует теоретические подходы к определению правовой природы трудового договора как центрального института трудового права, выполняющего социально-экономическую функцию и обеспечивающего баланс между единством и дифференциацией правового регулирования. В работе рассматриваются специфические условия трудового договора с надомниками (место исполнения трудовой функции, режим рабочего времени, допустимые для надомников трудовые функции), уделяется внимание дискуссионным вопросам применения статьи 312 ТК РФ о дополнительных основаниях расторжения трудового договора. На основе анализа судебной практики за 2017–2025 годы выявляются правовые позиции по вопросам условий трудового договора с надомником.

Ключевые слова: надомный труд, трудовой договор, расторжение трудового договора, заключение трудового договора, трудовой спор.

AKSENOV Ilya Sergeevich,
lawyer, Candidate of Law

CONCLUSION AND TERMINATION OF AN EMPLOYMENT CONTRACT WITH A HOMEWORKER

Annotation. The article is devoted to a comprehensive study of the legal problems of concluding and terminating an employment contract with homeworkers. The author analyzes theoretical approaches to defining the legal nature of an employment contract as a central institution of labor law that performs a socio-economic function and ensures a balance between unity and differentiation of legal regulation. The paper examines the specific conditions of an employment contract with homeworkers (place of performance of the work function, working hours, permissible work functions for homeworkers), and focuses on controversial issues of the application of Article 312 of the Labor Code of the Russian Federation on additional grounds for termination of an employment contract. Based on the analysis of judicial practice for 2017–2025, legal positions on the terms of an employment contract with a homemaker are identified.

Key words: home-based work, employment contract, termination of an employment contract, conclusion of an employment contract, labor dispute.

Центральной категорией трудового права является трудовой договор, который на современном этапе развития трудового права приобретает фундаментальную социально-экономическую функцию, истоки которой лежат в идее «гарантирования» защиты интересов трудящихся путем определения и обеспечения более благоприятных экономических и нормативных условий для работника, а также в определенных случаях прекращения трудовых отношений (например, увольнение по собственному жела-

нию). Значительная часть ученых считает трудовой договор наиболее подходящей юридической конструкцией для правового описания отношений между работодателем и работником и для обобщения многочисленных эффектов, которые правовая система признает в этих отношениях, включая наделение работодателя управленческой властью и определения меры взаимных обязательств [1]. Трудовой договор определяет сферу ответственности подчиненного работника и устанавливает границы подчиненности, явля-

ется основным инструментом защиты личной сферы работника, интегрирует в себя обязательные положения закона и коллективных договоров, не теряя при этом своей природы как акта частной автономии, выражающим волю и согласованные интересы работника и работодателя [2].

В науке трудового права трудовой договор рассматривается в качестве ключевого инструмента реализации принципа единства и дифференциации правового регулирования, поскольку в данном акте общие законодательные предписания адаптируются к конкретным условиям труда конкретного работника. Именно в трудовом договоре находят своё разрешение две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, соблюдение единых стандартов, требований, правил и запретов установленных государством, с другой — учёт индивидуальных особенностей трудовой функции, режима работы, способа её организации и иных обстоятельств, объективно характерных для труда разных категорий работников.

В этом контексте определенную теоретическую и практическую значимость приобретают исследования проблематики заключения и расторжения трудового договора с лицами, выполняющими трудовую функцию на дому. Надомный труд представляет собой классическую, но при этом динамично трансформирующуюся форму нетипичной занятости, которая имеет ряд самостоятельных юридически значимых признаков (использование материалов и инструментов работодателя либо приобретаемых надомником за свой счет, материально-предметный характер результата, выполнение работы на дому), которые требуют обособленного нормативного регулирования в трудовом договоре. Е. В. Барашева, А. А. Пьянкова, А. С. Степаненко справедливо отмечают, что для надомников «дифференцированный подход в особенности значим, так как именно он позволяет учесть индивидуальную организацию труда данных работников, их особое правовое положение среди других категорий, позволяет предусмотреть дополнительные льготы и гарантии» [3, с. 98]. Актуальным представляется вопрос о том, насколько дифференциация, заложенная в главе 49 ТК РФ, отвечает современным потребностям и не приводит ли чрезмерная или, напротив, недостаточная дифференциация к нарушению баланса прав и обязанностей сторон. Действительно, когда полномочия, признаваемые правовой системой в отношении работодателя, считаются исходящими из сферы, внешней по отношению к договору — из права собственности на коммерческую организацию или первоначального права распоряжаться средствами производства, — становится очевидным риск расширения таких полномочий до такой степени, что они материально удовлетворяют

потребности работодателя в ущерб интересам и правам работников. С другой стороны, в случае с надомниками, работодатель лишён возможности повседневного контроля за рабочим процессом, а само рабочее место (жилище работника) находится вне его прямого доступа. Именно поэтому договорная структура в трудовых отношениях работодателя с надомником приобретает особое значение — она не допускает проникновения различных и меняющихся «деловых интересов» работодателя в обязательственный аспект отношений, которые в противном случае могли бы без разбора расширять свои границы, либо злоупотребления надомником своим «неподконтрольным» положением.

Следует отметить, что бизнес подвержен технологическим, организационным и нормативным изменениям, которые сами по себе не влияют на структуру трудового договора с надомником. Для надомника это означает, что, например, внедрение нового программного обеспечения, изменение ассортимента выпускаемой продукции или пересмотр логистики вывоза готовых изделий не могут произвольно изменить его трудовую функцию, режим работы или порядок расчётов — все эти аспекты остаются в рамках договорного соглашения. Более того, «внешние» нормативные требования (включая правила охраны труда, санитарные требования, порядок обследования жилищно-бытовых условий) формируются не только потребностями организации-работодателя, но и обусловлены развитием социально-общественных приоритетов, что обеспечивает учет публичных интересов в противовес интересам чисто экономическим.

При приеме на работу надомника трудовой договор заключается в письменной форме с соблюдением общих правил, установленных статьей 68 ТК РФ. В случае возникновения правового спора, отсутствие трудового договора о надомной работе либо дополнительного соглашения к изначальному трудовому договору, в котором отражается условие об особом характере работы на дому зачастую играет существенную роль в исходе дела, осложняет доказывание самого факта возникновения трудовых отношений в формате надомной работы и может повлечь для работника утрату целого ряда трудовых гарантий. Так, истец обратился в суд с иском к ООО «Управляющая компания «Родина» об установлении факта трудовых отношений, возложении обязанности заключить трудовой договор, взыскании задолженности по заработной плате и компенсации морального вреда. Истец утверждал, что работал в компании в должности юри-консульта как надомник (исключительно на дому, рабочее место не предоставлялось), заработная плата по устной договорённости составляла 25

000 руб. в месяц. Трудовой договор письменно не оформлялся, однако истец передал работодателю трудовую книжку, а в подтверждение существования задолженности представил справку о задолженности по зарплате, выданную от имени директора, и судебный приказ мирового судьи о взыскании задолженности. Ответчик иск не признал, указав, что истец никогда не состоял с ним в трудовых отношениях, кадровых решений в отношении истца не принималось, справка сфальсифицирована (что подтверждено почерковедческой экспертизой), а судебный приказ впоследствии отменён. Суд, исследовав материалы дела, пришёл к следующим выводам: а) бремя доказывания наличия трудовых отношений лежит на истце (ст. 56 ГПК РФ), который не представил допустимых и достоверных доказательств, подтверждающих, что он был фактически допущен к работе с ведома или по поручению работодателя, б) отсутствуют какие-либо кадровые документы и иные свидетельства, подтверждающие факт работы у ответчика, в) довод истца о том, что он является надомником, отклонён, поскольку даже для надомной работы необходимо доказать совокупность признаков трудовых отношений, чего истцом не сделано, г) отсутствие письменного трудового договора или дополнительного соглашения о надомном характере работы исключает возможность применения специальных правил главы 49 ТК РФ. На основании изложенного суд отказал в удовлетворении всех исковых требований (Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 21 сентября 2017 г. по делу № 2-4716/2017). В другом деле суд так же отметил, что работник и работодатель не заключили дополнительного соглашения к трудовому договору о надомном труде, распоряжением генерального директора на дому разрешалось выполнять лишь те трудовые обязанности, которые не требуют обязательного присутствия на рабочем месте, представленные скриншоты электронной почты говорят о том, что работа выполнялась 1-2 раза в месяц, а разовое выполнение работы не является доказательством систематического выполнения возложенных на работника трудовых обязанностей на дому. Суд отклонил доводы заявителя о том, что истец является надомником. (Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 24 октября 2019 г. по делу № А43-34287/2019).

В содержании договора необходимо отразить ряд специфических условий, связанных с надомным характером труда. В отличие от места работы (наименование организации и наименование населенного пункта, в котором она зарегистрирована) указание рабочего места не является одним из обязательных условий трудового договора, однако в случае надомного труда адрес

места исполнения трудовой функции подлежит указанию в трудовом договоре, становясь обязательным к исполнению условием рабочего процесса. В Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 30.05.2022 № 33-3460/2022 по делу № 2-3354/2021 указано, что «термин «надомный труд» означает работу, которую лицо выполняет по месту его жительства или в других помещениях по его выбору, но не в производственных помещениях работодателя». Отметим, что такой подход прямо не следует из положений ТК РФ. Он основан на более широкой трактовке, предложенной в Конвенции Международной организации труда (МОТ) № 177 «О надомном труде», которая была принята в 1996 году, но не была ратифицирована Россией, а значит, не является обязательной к применению в Российской Федерации. Широкое определение «по месту жительства или в других помещениях по его выбору» больше соответствует понятию «дистанционная работа» (глава 49.1 ТК РФ, введенная Федеральным законом от 05.04.2013 № 60-ФЗ). Именно с такой точки зрения арбитражный суд Липецкой области рассмотрел вопрос об установлении характера работы, указав, что исходя из положений договора «предусматривающих, что работник 3 часа осуществляет работу вне места нахождения работодателя, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя», следует, что такая работа не является надомной, а носит дистанционный характер (решение от 11 февраля 2019 г. по делу № А36-11600/2018).

Следует уточнить, что понятие «на дому» законодательного определения не имеет. Е.Н. Бородин отмечает, что в данном контексте может использоваться как место жительства работника так место пребывания и предлагает изменить формулировку ст. 310 ТК РФ следующим образом: «надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор о выполнении работы по месту фактического проживания...». [4, с. 274]. Вместе с тем, анализ правоприменительной практики и юридической литературы показывает, что понятие «на дому» в контексте использования в трудовом праве является исторически сложившимся, доктринально принятым и судебным апробированным, не порождает системных проблем или коллизий, не требует дополнительных разъяснений для правоприменителя, не создаёт препятствий для эффективной защиты прав надомников. Полагаем, что оснований для замены устоявшегося понятия «на дому» на иную, юридически неопределённую конструкцию не имеется.

Положение закона относительно выполнения работы из материалов и с использованием инструментов и механизмов, выделяемых рабо-

тодателем либо приобретаемых надомником за свой счет подлежит конкретизации. Являются предметом договорного соглашения следующие моменты: кто и за чей счет обеспечивает надомника сырьем, материалами, инструментами, порядок и сроки обеспечения; размер компенсации за износ инструментов и механизмов и порядок расчетов (фиксированная сумма, определённый процент или иной способ расчёта), возмещение расходов надомника на электроэнергию, воду, газ, отопление и т. д.; механизм ремонта или замены инструментов и оборудования; механизм расчетов за изготовленную продукцию; порядок вывоза готовой продукции; порядок возврата (компенсации) механизмов, инструментов и оборудования в случае увольнения надомника (приказа Роструда от 11.11.2022 № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства», далее – Приказ Роструда).

Вопрос об учете рабочего времени также подлежит урегулированию в договоре, при этом стороны должны учитывать следующее. Во-первых, по общему правилу, надомники самостоятельно определяют время исполнения своих обязанностей и не подчиняются правилам трудового распорядка работодателя в части режима труда и отдыха. Чаще всего в трудовом договоре используется шаблонная формулировка: «Работнику устанавливается рабочее время - XX-часовая пяти (шести)- дневная рабочая неделя. Режим рабочего времени и порядок использования времени отдыха Работник определяет самостоятельно». Во-вторых, никаких ограничений по поводу неполного рабочего времени при надомной работе закон не устанавливает. В-третьих, по соглашению сторон может быть: уточнен режим работы (например, график 2/2, время начала и окончания его рабочего дня и обеденного перерыва), зафиксировано право работодателя привлекать сотрудника к работе в выходные, к сверхурочной и ночной работе и правила компенсации такой работы и т.п. В случае регламентированного режима работы требуется предусмотреть механизм контроля трудовой деятельности надомника в установленных трудовым договором рамках. Вместе с тем, контролировать недельный фонд рабочего времени и режим работы надомника работодателю проблематично. К тому же надомники могут привлекать для выполнения работы членов семьи, соответственно, не исключена ситуация, когда в установленное работодателем время работу будет выполнять не надомник, а иное лицо. Поэтому обычно в трудовом договоре надомнику предоставляется право самостоятельно определять режим работы. Полагаем, что детализация режима рабочего времени в договоре с надомником обоснована

только в тех достаточно редких случаях, когда она обусловлена объективными потребностями производства. Таким образом, оптимальным представляется подход, при котором в трудовом договоре фиксируется недельная норма рабочего времени, а конкретный режим его распределения в течение недели определяется надомником самостоятельно, с предоставлением работодателю права требовать отчетности об объеме выполненной работы с определённой периодичностью.

В контексте судебных споров относительно выплат страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством вопрос о рабочем времени надомника весьма интересен. Право на пособие по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет предусмотрено для лиц, осуществляющих фактический уход (выделено нами) за указанным ребенком (ч. 1 ст. 11.1 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»). Законодатель обоснованно исходит из того, что пособие должно предоставляться тому, кто реально несет бремя ухода за ребенком, не ограничивая круг получателей социальной поддержки матерью (отцом) ребенка. Фонды социального страхования достаточно часто оспаривали выплаты указанного пособия на основании сомнений в достаточности времени, отведенного надомникам для нахождения с детьми и полноценного ухода за ними. Суды в большинстве случаев исходили из того, что, если согласно условиям трудового договора надомники распределяют рабочее время по своему усмотрению с учетом режима дня ребенка и времени необходимого для осуществления ухода за ним, то должностные обязанности, не требующие непрерывного присутствия на рабочем месте и вовлеченности в трудовой процесс, могут совмещаться с уходом за ребенком (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.05.2023 № Ф09-2310/23 по делу № А07-23138/2022; Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 13 февраля 2019 г. по делу № А56-126601/2018, Постановление 18 ААС от 27 июня 2019 г. по делу № А76-38435/2018).

Уточним, что в первоначальной редакции ч. 2 ст. 11.1 ФЗ № 255 указывалось, что «право на ежемесячное пособие по уходу за ребенком сохраняется в случае, если лицо, находящееся в отпуске по уходу за ребенком, работает на условиях неполного рабочего времени или на дому и продолжает осуществлять уход за ребенком». В редакции Федерального закона от 19.12.2023 № 620-ФЗ указание на «продолжение осуществле-

ния ухода» было исключено. В пояснительной записке к законопроекту отмечалась необходимость устранения неопределенности при решении вопроса о продолжительности неполного рабочего времени, при которой застрахованное лицо не утрачивает права на ежемесячное пособие по уходу за ребенком, не урегулирована. Полагаем, что новая редакция части 2 статьи 11.1 Закона № 255-ФЗ, устранив проблему неопределённости в вопросе о допустимой продолжительности неполного рабочего времени, одновременно породила более серьёзную проблему — утрату критерия фактического ухода как необходимого условия для сохранения права на пособие. В результате пособие по уходу за ребёнком утрачивает свою компенсационную природу и превращается в универсальную выплату, не зависящую от реального осуществления ухода, что противоречит как изначальному смыслу данного вида страхового обеспечения, так и принципу адресности социальной поддержки, закреплённому в части 1 той же статьи, где формулировка «осуществляющих фактический уход» оставлена без изменений. Представляется, что более сбалансированным решением было бы не исключение критерия «продолжения осуществления ухода», а его конкретизация — например, установление в законе предельной продолжительности рабочего времени (к примеру, не более 20 часов в неделю), при которой работа признаётся совместимой с полноценным уходом за ребёнком, что позволило бы сохранить как адресность выплаты, так и правовую определённость. Так же отметим, что данное правило применимо для работы в условиях неполного рабочего времени, но излишне для надомников, поскольку сама сущность надомного труда предполагает возможность совмещения работы с уходом за ребёнком вне жестких временных ограничений. Его трудовая функция, как правило, привязана к результату, а не к нахождению на рабочем месте в течение определённого количества часов.

Относительно допустимых для надомников трудовых функций, судебная практика исходит преимущественно из материально-производственного критерия. Так, функции менеджера по материально-техническому снабжению и сбыту (решение Арбитражного суда Нижегородской области от 9 июня 2020 г. по делу № А43-42166/2019), функции юриста представительства, т.е. работа, результат которой — не материальный продукт, а информация, сведения, объекты интеллектуальной собственности (решение Арбитражного суда города Москвы от 20 декабря 2018 г. по делу № А40-221715/2018) судом были оценены как не относящиеся к надомной работе.

Вместе с тем, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в постановлении от 25 мая

2017 г. по делу № А32-23056/2016 счел работу воспитателя группы семейного воспитания надомной, аргументируя решение следующим образом: «Ссылка Фонда на отсутствие передачи работнику орудий труда и материалов для работы на дому несостоятельна. Педагогическая деятельность — труд с отложенным результатом, требующий значительных затрат. Воспитателю семейного детского сада фактически передавались воспитанники для воспитания и ухода. Буквальное применение правил о передаче орудий труда и сырья для изготовления видимого результата труда при фактическом уходе за семерыми детьми противоречит принципам разумности и справедливости».

Механизм расторжения трудового договора представляет собой важнейший правовой институт любой системы трудовых отношений, как с точки зрения определения публичной политики, так и с точки зрения применения права. В частности, одним из требований, предъявляемых к расторжению трудового договора, является установление оснований. В связи с этим, независимо от положений конкретной правовой системы, выделяются две основные категории оснований расторжения трудового договора: субъективные основания, основанные на воле или действии одной из сторон трудового договора, и объективные основания, основанные на действии, не зависящем от сторон и влияющем на трудовой договор или компанию, каждое из которых является достаточным прецедентом для расторжения договора. Однако эти основания имеют различную правовую природу и, одновременно, различные характеристики в зависимости от правовой системы.

Ключевая особенность расторжения трудового договора с надомниками закреплена в статье 312 ТК РФ, согласно которой расторжение трудового договора с надомниками производится по основаниям, предусмотренным трудовым договором. Данная норма вызывает немало споров среди юристов. Принципиальный вопрос состоит в том, применяются ли к надомникам общие основания прекращения трудового договора, предусмотренные статьей 77 ТК РФ, если они прямо не оговорены в трудовом договоре. Одни авторы, исходя из буквального толкования нормы, полагают, что считают, что общие правила прекращения трудового договора, предусмотренные гл. 13 ТК РФ, на отношения с надомником не распространяются. Такой подход, по нашему мнению, вступает в противоречие с принципом свободы труда, закреплённым в статье 37 Конституции РФ. Если следовать логике императивности запрета применения общих оснований, то надомник, желающий расторгнуть договор по собственному желанию, но не предусмотревший

это основание в договоре, оказывается в правовом тупике. Аналогичная ситуация возникает при ликвидации организации (п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ) или истечении срока срочного трудового договора (п. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ).

Большинство исследователей полагают, что трудовой договор с надомником может быть прекращен как по основаниям, предусмотренным ТК РФ, так и по дополнительным основаниям, установленным самим договором [3,4]. Такой подход изложен в приказе Роструда, поддерживается судебной практикой (см. например, Определение Курского областного суда от 14.05.2013 № 33-917/2013). Третьи обращают внимание на тот факт, что ТК РФ разделяет понятия «прекращение трудового договора» и «расторжение трудового договора». Соответственно для прекращения трудового договора с надомником следует применять соответствующие статьи ТК РФ (в частности, основания, предусмотренные ст. 83 ТК РФ).

Введение в трудовой договор с надомником специальных оснований для его расторжения обусловлено спецификой анализируемой нетипичной формы труда. Вместе с тем, такое законодательное решение сопряжено с риском необоснованного ущемления интересов работника. Исключить злоупотребления возможно лишь при законодательном уточнении, какие дополнительные основания увольнения можно предусмотреть в договоре.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что действующее правовое регулирование заключения и расторжения трудового договора с надомником страдает пробелами и коллизиями, порождающими неединообразную судебную практику.

В целях устранения выявленных недостатков предлагается дополнить статью 312 ТК РФ указанием на то, что помимо общих оснований, предусмотренных статьями 77, 81, 83 ТК РФ в трудовом договоре могут быть предусмотрены дополнительные основания его расторжения, причем перечень таких оснований должен быть

закрытым; восстановить в части 2 статьи 11.1 Федерального закона № 255-ФЗ критерий фактического осуществления ухода за ребенком, установив для работников с неполным рабочим временем предельную продолжительность работы (не более 20 часов в неделю), а для надомников сохранить презумпцию совместимости работы с уходом за ребенком.

Список литературы:

- [1] Головина С. Ю. Трудовой договор как юридическая конструкция // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3(21). – С. 65-72.
- [2] Парягина О.А. Трудовой договор: начала дуализма и императивы современного развития в России // Ежегодник трудового права. – 2022. – № 10. – С. 30–39.
- [3] Барашева Е. В. К вопросу о правовом регулировании труда надомников / Е. В. Барашева, А. А. Пьянкова, А. С. Степаненко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 5. – С. 97-99.
- [4] Бородина Е. Н. Правовое регулирование надомного и дистанционного труда в Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – №4 (35). – С. 270-282.

References:

- [1] Golovina S. Yu. Labor contract as a legal construction//Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2013. – № 3(21). – S. 65-72.
- [2] Paryagina O.A. Labor contract: the beginnings of dualism and the imperatives of modern development in Russia//Yearbook of labor law. – 2022. – № 10. – S. 30-39.
- [3] Barasheva E.V. On the issue of legal regulation of the labor of homeworkers/E.V. Barasheva, A.A. Pyankova, A.S. Stepanenko//Humanities, socio-economic and social sciences. – 2022. – № 5. – S. 97-99.
- [4] Borodina E. N. Legal regulation of home and remote work in the Russian Federation//Vestnik VSU. Series: Right. – 2018. – №4 (35). – S. 270-282.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-443-449

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

МАКЕЕВА Инна Владимировна,

Кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО
«МИРЭА – Российский технологический университет»,
Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
e-mail: makeevainna2011@yandex.ru

КАНАТОВ Дмитрий Петрович,

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Магистрант кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики,
e-mail: dimakanatov@gmail.com

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВИДЫ, ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ

Аннотация. В течение последних десятилетий повсеместное использование информационных технологий создало широкие возможности для развития самых разных сфер жизни. В то же время спектр цифровых возможностей и информационных технологий (электронные транзакции, смс-банкинг, различные приложения и пр.) приводит и к расширению сферы их применения в противозаконных целях. Такие преступления направлены как против безопасности самой информации, так и против других объектов (собственность, авторские права и пр.). Широкое распространение получили такие преступления как хищения в системе дистанционного РКО, POS-терминалов, распространение в сети противозаконной информации и пр. В статье анализируется актуальность борьбы с киберпреступностью, виды киберпреступлений, способы их совершения, а также предлагаются меры профилактики. Фокусируется внимание на особенностях расследования отдельных видов киберпреступлений. Кроме того, делается акцент на международном характере киберпреступности, рассматриваются меры, которые принимаются на государственном и межгосударственном уровнях для борьбы с данным вида преступностью.

Ключевые слова: киберпреступность; киберпространство; информационные технологии; виртуальная среда; расследование киберпреступлений.

MAKEEVA Inna Vladimirovna,

PhD in Law, Associate professor Federal State
Budget Educational Institution of Higher Education
«MIREA – Russian Technological University»
Associate professor of the Department of Public Law Disciplines

KANATOV Dmitry Petrovich,

Master's Student of the Department of Criminal Law,
Process and Criminalistics Academy of Labour and Social Relations

CYBER CRIMES: TYPES, INVESTIGATION FEATURES, AND PREVENTIVE MEASURES

Annotation. Over the past decades, the widespread use of information technology has created wide opportunities for the development of various spheres of life. At the same time, the range of digital capabilities and information technologies (electronic transactions, SMS banking, various applications, etc.) leads to the expansion of their scope for illegal purposes. Such crimes are directed both against the security of the infor-

mation itself and against other objects (property, copyrights, etc.). Crimes such as theft in the remote-control system, POS terminals, distribution of illegal information on the network, etc. have become widespread. The article analyzes the relevance of combating cybercrime, the types of cybercrimes, and the methods of committing them, and proposes preventive measures. It focuses on the specific features of investigating certain types of cybercrimes. Additionally, the article emphasizes the international nature of cybercrime and discusses the measures taken at the national and international levels to combat this type of crime.

Key words: cybercrime; cyberspace; information technology; virtual environment; investigation of cybercrimes.

Сегодня в период быстрого развития цифровых технологий противоправная деятельность посягает на безопасность в сфере информации, широко используя для этого цифровые возможности. Кроме того, преступники все чаще используют цифровые технологии и сети для совершения различных видов преступлений в цифровом пространстве. Опасность проблемы киберпреступности признана на международном уровне. Это явление, свойственное не какой-либо одной стране, а в целом отражающее уровень информационного и цифрового развития в мире.

Прежде, чем рассмотреть виды киберпреступлений, обратимся к пониманию данного явления в нашей стране и за рубежом. Так, эксперты ООН под киберпреступностью понимают любые преступления, которые совершаются при помощи сети, в рамках компьютерных систем и сетей, либо против них. Международное сообщество склонно понимать киберпреступность широко, включая в это понятие не только собственно компьютерные или сетевые преступления, но и те, что совершаются посредством киберпространства. Это всякое вмешательство в работу сетей, ПО, а также прочие незаконные опасные действия с помощью компьютерных сетей или программ [2, с. 79].

Такой подход представляется верным. Ведь при более узком понимании киберпреступлений целый ряд противоправных действий с использованием ПО и электронных сетей остался бы за пределами этого понятия, и, следовательно, меры противодействия таким преступлениям не прорабатывались бы с аналогичным подходом.

В нашей стране официальное понятие киберпреступлений в уголовном законе отсутствует. В УК РФ глава 28 объединила в себе нормы о преступлениях в сфере компьютерной информации. Это преступления, посягающие на информационную безопасность и влекущие существенные последствия, в том числе возможно уничтожение данных, нарушение работы автоматизированных систем и пр. Однако неверно было бы ограничивать понятие киберпреступлений составами преступлений гл. 28 УК РФ. Действительно, в составе уголовного закона предусмотрен еще ряд составов, которые сопря-

жены с понятием киберпреступности. Например, это кибермошенничество (ст. 159.3, 159.6), предоставление за вознаграждение банковских счетов и иных средств платежа для незаконных операций (ст. 187), распространение противозаконной информации в сети (ч. 2 ст. 205.2, 207.1, 207.2) и др.

Сюда же следует относить любые иные преступления, которые связаны с применением информационных технологий в рамках других составов. Речь может идти, например, о нарушении авторских прав, сбыте запрещенных веществ в сети Интернет, нарушении тайны сообщений и пр.).

Если обратиться к имеющимся в доктрине теоретическим подходам к понятию киберпреступности, то, например, Т.М. Хусяинов киберпреступлением считает любое преступление в сфере информационных технологий [6, с. 120].

В свою очередь М.Е. Батухтин отмечает, что киберпреступление есть всякое преступление в электронной сфере, которое совершается с помощью компьютеров или сети, либо против них [1, с. 28].

Считаем широкий подход к определению киберпреступности обоснованным. Кроме того, в ряде развитых стран киберпреступность определяется максимально широко. Например, в США ее понимают как всякую противозаконную деятельность, связанную с компьютерными устройствами, подключенными к сети, включая мобильные телефоны, радионяню и пр. То есть, она связывается в любом электронном устройстве, подключенном к сети. При этом американская юстиция делит киберпреступления на такие группы:

- деяния, где само устройство выступает целью преступления;
- в которых устройство выступает орудием;
- в которых устройства выступают как источник хранения [4, с. 79].

Полагаем, что не вполне правильно отождествлять понятие компьютерной преступности и киберпреступности. Представляется, что в случае с киберпреступностью прежде всего имеется в виду сфера осуществления преступлений (киберсреда, цифровая среда), а не использование компьютерных устройств как орудия престу-

пления. Таким образом, является актуальным такое определение киберпреступлений: преступления, совершаемые в цифровом, виртуальном пространстве, в которых компьютерные устройства, сети, иные устройства, подключенные к сети, могут применяться как орудие, цель, средство их совершения. При этом киберпреступления характеризуются рядом признаков:

- 1) они имеют анонимный характер, так как глобальная сеть позволяет злоумышленникам выдавать себя за других лиц, изменять свои данные;
- 2) высокая степень латентности: не все случаи становятся известны правоохранительным органам, отчасти ввиду незначительности убытка потерпевшего и нежелания обращаться с заявлением;
- 3) транснациональный характер, отсутствие как таковых территориальных границ для преступников в киберпространстве. Кроме того, технические системы и стандарты не относятся к регулируемой правом сфере;
- 4) профессионализм преступников: для совершения большинства киберпреступлений требуется набор знаний и навыков, не свойственный обычному пользователю.

Если говорить о разновидностях киберпреступлений, то уместной является их классификация по объекту посягательства. Так, все подобные преступления можно условно разделить на преступления:

- против таких базовых прав человека как неприкосновенность частной жизни, тайны переписки;
- против чести и достоинства. Это, прежде всего, распространение в сети клеветы и иной порочащей информации;
- против жизни и здоровья. Это, пожалуй, очень малочисленные случаи, однако возможность совершения преступления против жизни посредством сети возможно. Например, можно внести изменения в программу аппаратуры жизнеобеспечения. А пропаганда запрещенных веществ в сети приводит к утрате здоровья;
- против безопасности компьютерной информации. Речь идет о таких преступлениях как незаконный доступ к сведениям и ПО;
- против безопасности государства и правопорядка. При помощи сети Интернет злоумышленники могут получать доступ к сведениям, которые являются гостайной. Распространены публичные призывы к экстремистской деятельности, к террору;
- против международного правопорядка. К сожалению, кибертерроризм имеет транснациональный характер;

- против собственности. Это, пожалуй, наиболее часто совершаемые киберпреступления. И самый часто встречающийся в последние годы вид таких преступлений – это кибермошенничество, совершаемое разными способами и формами. Это во многом обусловлено заключением сделок удаленно, а также развитием интернет-торговли;
- финансовые преступления, которые предполагают применение фишинговых сайтов для доступа к данным клиентов финуслуг, а также к инфраструктуре финансовых организаций.

Также можно классифицировать рассматриваемые преступления по территориальному признаку: совершаемые внутри страны и транснациональные.

В зависимости от количества потерпевших можно выделить киберпреступления, от которых пострадало одно конкретное лицо или несколько лиц, либо неограниченное число пользователей.

С.И. Буз предлагает разделить все киберпреступления на две большие группы, по месту совершения и предмету посягательства:

- 1) компьютерные. Направлены на получение доступа к сведениям, находящимся в памяти устройства или в компьютерной сети. Предметом посягательства злоумышленников здесь будет информация, которую они собираются изменить, уничтожить, завладеть и пр.;
- 2) совершаемые в киберпространстве. В отличие от непосредственно компьютерных преступлений, они имеют состав, сходный с составом традиционного варианта преступления, но совершается оно в виртуальном пространстве, с применением специфических средств. Например, совершение мошенничества в области онлайн-продаж. Здесь предметом посягательства могут выступать деньги, другое имущество, запрещенные предметы, информация и пр. Подобные преступления стали совершаться почти одновременно с распространением электронных сетей в сфере экономики и торговли [2].

В литературе предлагается много вариантов классификации киберпреступлений. В том числе предлагается следующая:

- кибермошенничество;
- вымогательство;
- дропперство;
- легализация доходов;
- совершение кибератак;
- сваттинг [3, с. 65].

В связанном с киберпреступностью лексиконе часто используются англицизмы. Одним из

наиболее распространенных киберпреступлений является фишинг, целью которого является получить доступ к скрытой информации. Однако фишинг может обозначать и способ совершения других киберпреступлений, и в таком случае он означает способ передачи вредоносной программы. Двойственность данного понятия отражается также в позиции Пленума ВС РФ в Постановлении «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [8].

Цели киберпреступлений различные, в зависимости от интересов преступников. Способы совершения таких преступлений также разнообразны. Потерпевшими могут стать самые разные люди, от взрослых состоятельных людей до подростков.

Еще одним довольно популярным видом преступлений в виртуальной среде является легализация преступных доходов. Среди неординарных способов совершения преступления – анонимные криптовалюты, применение специальных программ для создания цепочки транзакций – криптомиксеров, вывод средств через цифровые ценности (фиктивное создание, приобретение и пр.). В любом из подобных случаев действия квалифицируются по ст. 174 или 174.1 УК РФ. Далее денежные средства выводятся в наличный оборот с помощью дропперов, то есть, лиц, которые помогают обналичить средства. Такие лица чаще всего выступают исполнителями, а не организаторами преступлений. Часто они привлекаются к ответственности как соучастники или посредники. Основная роль дропперов состоит в приобретении, хранении и использовании карт банков, которые зарегистрированы на иных лиц. С помощью сети дропперов злоумышленникам удается выводить немалые суммы денег. В настоящее время действия дропперов могут квалифицироваться по ст. 174 и 187 УК, а максимальное наказание достигает семи лет заключения.

Отметим также еще одно нередко совершаемое киберпреступление – сваттинг, то есть, ложная информация об угрозе преступления. Злоумышленник в электронной или иной форме сообщает правоохранителям о наличии такой угрозы. Целью при этом может быть дестабилизация работы учреждения или госоргана, а также в ряде случаев подростки совершают его из хулиганства. Виновным может быть предъявлено обвинение по ст. 207 УК.

Эффективное противодействие киберпреступности предполагает активное взаимодействие на межгосударственном уровне и меры внутри страны. Как известно, в конце 2024 г. членами ООН была принята Конвенция против киберпреступности [9], которая на сегодня является наиболее универсальным документом в отношении преступлений в цифровой сфере.

Россия также присоединилась к этому документу (соответствующее распоряжение последовало 23.10.2025 г.) [10].

Еще ранее в нашей стране введена в действие Концепция госсистемы противодействия противоправным деяниям с использованием информационных технологий [11]. На законодательном уровне продолжает совершенствоваться регулирование ответственности за преступления в сфере информации и технологий. Например, в июле 2025 г. вступили в силу дополнения в ст. 187 УК, которые предусмотрели дополнительные меры ответственности для дропперов, то есть, лиц, которые передают свои средства платежа для проведения незаконных финансовых операций.

Тем не менее, количество преступлений в сети, а также с использованием сети и ПО остается крайне высоким. Для снижения рисков стать потерпевшими от такого рода преступлений пользователям рекомендуется использовать обновленное ПО и приложения, иметь актуальное антивирусное ПО, избегать общественных сетей, и, конечно, не делать перечислений незнакомым лицам и не выполнять их указания в телефонном или интернет-режиме.

К сожалению, нередко жертвами киберпреступности становятся несовершеннолетние. Одним из наиболее тяжелых последствий воздействия на подростков является суицид. Массовое вовлечение лиц, не достигших правовой зрелости, в специально создаваемые группы в социальных сетях навязывание онлайн-книг, рекомендации конкретной литературы и обсуждения в сети в конечном итоге направлены на то, чтобы подтолкнуть человека к уходу из жизни. Подобные действия образуют составы преступлений, предусмотренных ст. 110.1 (склонение к совершению самоубийства) и ст. 110.2 УК РФ (организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству).

Для эффективного расследования киберпреступлений следует учитывать их характерные особенности, а также черты киберпреступников.

Чаще всего киберпреступность имеет корыстный характер, но возможны и иные мотивы преступников (самоутверждение, правовой нигилизм, реже – разрушительные, хулиганские побуждения). Тем не менее, часто для киберпреступника это является основным источником дохода. Поэтому он, как правило, совершает не одно, а серию сходных преступлений, его действия регулярны.

Также следует учитывать, что киберпреступник – это часто человек с довольно высоким уровнем образования, и он не изолирован от социума. То есть, он может получать новые знания, приобретать оборудование, осуществлять

поиск сообщников. Чаще всего это мужчины в возрасте от 18 до 35 лет, не привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности. Киберпреступность характеризуется крайне быстрой адаптацией к новым технологиям, что делает ее одним из наиболее динамичных сегментов преступности.

Среди причин киберпреступности логично выделить как основные обширный процесс цифровизации и автоматизации, доступность, прибыльность, удаленный характер совершения преступлений, что затрудняет их раскрытие.

Как показывает статистика, в 2024 г. в нашей стране было зарегистрировано свыше 765 тыс. киберпреступлений, что на тринадцать процентов больше по сравнению с 2023 годом. По данным за 2025 г., их количество снизилось на десять процентов по сравнению с прошлым годом [12]. При этом киберпреступления приносят не только финансовый, но и репутационный и иной ущерб компаниям и физическим лицам. Для граждан совершенные в отношении них киберпреступления могут вызвать подделку их данных, подрыв доверия, панические настроения и моральный вред и пр.

Правовые меры имеют весьма важное значение для противодействия преступности. Одним из видов противодействия киберпреступникам является комплекс уголовно-правовых мер, в том числе гл. 28 УК РФ. Не менее важным является выработка концепции дальнейшего развития законодательства, а также тактическое планирование противодействия киберпреступности, в том числе идеологическое воспитание, мониторинг эффективности правоприменения.

Киберпреступники действуют агрессивно и принимают все меры к сокрытию следов, чтобы затруднить получение доказательной базы. Это определяет сложность доказывания по подобным делам. Расследование по делам о киберпреступлениях может также осложняться ввиду следующего: несвоевременное обнаружение преступления и обращения в полицию, а также несвоевременные действия следствия, из-за чего информация может быть утрачена, отсутствие должной технической оснащенности правоохранительных органов новейшими технологиями, отсутствие в их распоряжении IT-специалистов.

Традиционный подход к расследованию не дает в полной мере противостоять киберпреступности. Необходимо понимание правоохранителями специфики цифровой среды, ее трансграничного характера, умение взаимодействовать со специалистами в области цифровых технологий. К киберпреступлениям часто не применимы стандартные алгоритмы расследования, а действия, предусмотренные в процессуальном законе, не будут столь эффективны. Например,

если в расследовании большинства других преступлений ключевую роль играет качественный осмотр места происшествия, то в случае с киберпреступлениями даже определить место его совершения крайне сложно. Так, при совершении атаки хакерами местом может считаться место создания вредоносного ПО, место жительства потерпевших, место нахождения преступников или иное. Кроме того, фиксацию электронных цифровых следов нельзя сравнить с фиксацией следов традиционного преступления.

Аналогично и со следственным экспериментом, при расследовании киберпреступлений, он по сути утрачивает смысл. Сложности могут возникать и с допросами лиц. Например, при допросе потерпевшего или обвиняемого они могут применять специальные термины, ссылаться на процессы, в которых следователь не может разобраться. Для помощи следствию привлекается специалист, что с одной стороны неизбежно, а с другой – дает понять обвиняемым, что следователь не разбирается во многих аспектах дела.

В расследовании киберпреступлений важно знание специфики тех или иных преступлений. Например, при получении сведений о доступе к компьютерной информации по сети компании, следователь может существенно сузить круг подозреваемых до тех, у кого был доступ к локальной сети. Ключевым элементом предмета доказывания выступают орудия и средства совершения преступления в цифровой среде [5, с. 10].

Немалую роль в расследовании киберпреступлений играют назначаемые экспертизы. С этой целью осуществляется выемка техники, при этом процесс изъятия несет риск потери информации. При необходимости назначают компьютерно-техническую экспертизу, и здесь многие исследователи и практики отмечают ряд сложностей, связанных с загруженностью учреждений и длительными сроками проведения исследований. Кроме того, проблемой может являться грамотная постановка вопросов экспертам, что связано со сложностью терминов, отсутствием специальных знаний у следователей и небольшой практикой расследования такой категории дел [7, с. 15].

Таким образом, киберпреступления представляют собой общемировую угрозу. Они подрывают компьютерную безопасность, а также общественный порядок, отношения собственности, посягают даже на государственную безопасность, на личные нематериальные блага граждан. Особую опасность киберпреступности придает ее неограниченный территориально и по кругу возможных жертв характер, а также латентность, затрудняющая выявление и расследование преступлений. С каждым годом преступники используют новые способы совершения преступлений.

Жертвами киберпреступников становятся в том числе несовершеннолетние дети, которые попадают под влияние сайтов террористической направленности, игровых сайтов, сайтов суицидальной направленности и пр. Отдельная большая проблема – кибермошенничество, в том числе на рынке сделок с недвижимостью, в онлайн-торговле.

Эффективная борьба с киберпреступностью требует не только повышения уровня законодательного регулирования ответственности за подобные деяния, но также интеграции норм права с международным правом, с учетом транснационального характера киберпреступности. Борьба с киберпреступлениями требует слаженной работы правоохранительных органов и учета всех последних изменений в цифровых технологиях.

Список литературы:

[1] Батухтин, М.Е. Киберпреступления: причины, виды, формы, последствия, направления противодействия / М.Е. Батухтин // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Междунар. научной конф., 2018. – С. 28–31.

[2] Буз, С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика / С.И. Буз // Юрист-Правоведъ. – 2019. – № 4 (91). – С. 78–82.

[3] Дзетль, Р.Р., Соколенко, Н.А., Кузнецов, А.А. Виды киберпреступлений и методы их совершения / Р.Р. Дзетль, Н.А. Соколенко, Кузнецов А.А. // Цифровое право. – 2025. – № 2. – С. 64–68.

[4] Кучерков, И.А. О понятии «киберпреступление» в законодательстве и научной доктрине / И.А. Кучерков // Юридическая наука. – 2019. – № 10. – С. 78–81.

[5] Поляков, В.В. Основы методики расследования компьютерных преступлений: учебное пособие / В.В. Поляков. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2024. – 121 с.

[6] Хусяинов, Т.М. Интернет-преступления (киберпреступления) в российском уголовном законодательстве / Т.М. Хусяинов // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы всеросс. круглого стола. – Иркутск, 2015. – С. 120–125.

[7] Шевко, Н.Р. Особенности раскрытия и расследования киберпреступлений: проблемы и пути решения / Н.Р. Шевко // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (1). – С. 13–16.

[8] Постановление Пленума ВС РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022 г.) // Бюллетень ВС РФ. – 2018. – № 2.

[9] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года / ООН // URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 05.05.2026).

[10] Распоряжение Президента Российской Федерации от 23.10.2025 г. № 409-рп / Официальные сетевые ресурсы Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52503> (дата обращения: 05.05.2026).

[11] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий / ЭПС «Система ГАРАНТ» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411152413/> (дата обращения: 05.05.2026).

[12] В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет / ТАСС // URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22978955> (дата обращения 06.05.2026).

References:

[1] Batukhtin, M.E. Cybercrimes: causes, types, forms, consequences, directions of counteraction/M.E. Batukhtin//Problems and prospects for the development of the penitentiary system of Russia at the present stage: materials International. scientific conf., 2018. - S. 28-31.

[2] Buz, S.I. Cybercrimes: concept, essence and general characteristics/S.I. Buz//Lawyer-Pravoveda. – 2019. – № 4 (91). - S. 78-82.

[3] Dzetl, R.R., Sokolenko, N.A., Kuznetsov, A.A. Types of cybercrimes and methods of their commission/R.R. Dzetl, N.A. Sokolenko, Kuznetsov A.A.// Digital Law. – 2025. - № 2. - S. 64-68.

[4] Kucherkov, I.A. On the concept of “cyber-crime” in legislation and scientific doctrine/I.A. Kucherkov//Legal science. – 2019. – № 10. - S. 78-81.

[5] Polyakov, V.V. Fundamentals of the methodology for investigating computer crimes: a textbook/V.V. Polyakov. - Barnaul: Publishing House Alt. University, 2024. - 121 s.

[6] Khusyainov, T.M. Internet crimes (cyber-crimes) in Russian criminal law/T.M. Khusyainov// Criminal law of the Russian Federation: problems of law enforcement and prospects for improvement: all-Russian materials. round table. - Irkutsk, 2015. - S. 120-125.

[7] Shevko, N.R. Features of disclosure and investigation of cybercrimes: problems and solutions/N.R. Shevko//Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 1 (1). – S. 13-16.

[8] Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement” (as amended on 15.12.2022)//Bulletin of the Armed Forces of the Russian Federation. – 2018. – № 2.

[9] United Nations Convention against Cyber-crime; Strengthening international cooperation in combating certain crimes committed using information and communication systems and in the exchange of evidence in electronic form relating to serious crimes Adopted by the General Assembly in resolution 79/243 of 24 December 2024/UN//URL: [https://](https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243)

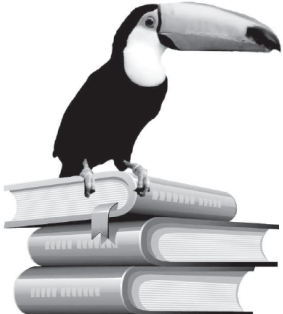
www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (accessed: 05.05.2026).

[10] Order of the President of the Russian Federation of 23.10.2025 No. 409-rp/Official Network Resources of the President of Russia//URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52503> (accessed: 05.05.2026).

[11] See: Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2024 No. 4154-r On approval of the Concept of the State System for Countering Illegal Acts Committed Using Information and Communication Technologies/EPS “GARANT System “//URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411152413/> (date of reference: 05.05.2026).

[12] In Russia in 2024, IT crimes peaked over the past five years/TASS//URL: <https://tass.ru/proisshestiya/22978955> (date of appeal 06.05.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ХАМУРЗОВ Азамат Толевич,
Старший преподаватель кафедры огневой подготовки,
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация. В целях повышения эффективности противодействия деструктивным идеологиям исследованием установлено, что необходимо адаптировать уголовное, административное, иное публичное законодательство, приспособлять правовые механизмы регуляции к условиям, диктуемым реальностью информационного общества, в связи с чем автором вносится соответствующее предложение.

Ключевые слова: информационное пространство, сеть «Интернет», нацизм-неонацизм, символика, правовые механизмы регулирования, противодействие идеологии.

KHAMURZOV Azamat Tolevich,
Senior Lecturer, Department of Firearms Training,
North Caucasus Institute for Advanced Training
(branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

CURRENT ISSUES IN MODERN CRIME REGULATION ON THE INTERNET

Annotation. To improve the effectiveness of countering destructive ideologies, this study establishes the need to adapt criminal, administrative, and other public legislation and legal regulatory mechanisms to the conditions dictated by the reality of the information society. The author therefore makes a corresponding proposal.

Key words: information space, internet, Nazism/neo-Nazism, symbols, legal regulatory mechanisms, countering ideology.

Госдума продолжает усиливать защиту граждан от кибермошенников, совершенствуя законодательство в данном направлении. Приняты поправки по борьбе с киберпреступностью. Мифы прошлого изжили себя либо были стигматизированы, но осталась их калька, составляющие архетипа, которые всегда существуют и будут заполнять подсознание человека, детерминируя его мировоззренческие потребности.

В современном обществе эпохи информации носителями идей уничтожения по признаку биолого-генетического, культурно-антропологического превосходства и исключительности парадоксально оказались представители не только одной определённой в исторически сложившемся стереотипе нации, а также потомки тех народов, что, пройдя через сакральные

жертвы, победили фашизм и нацизм. Старые символы и атрибуты Третьего рейха получили реинкарнацию в неонацистских, ультраправых организованных группах, в том числе среди фанатов эстетики национал-социализма и культа нацистской атрибутики. В последнем случае субкультура использует художественный опыт, не генерализируя человеконенавистническую идеологию неонацизма.

Анализ состояния преступности в Российской Федерации на статистической выборке приговоров, вынесенных судом по уголовным делам и административным правонарушениям по вышеуказанным статьям за 2019-2024 гг. (см. таблицу), показывает ежегодную положительную динамику (прирост) распространения в социуме радикальных взглядов и шовинистических идей. Недостаточная статистика по преступлениям позволяет

лишь с грубой точностью предположить, что некоторый спад административных правонарушений в 2023 г. связан с криминализацией пропаганды либо публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики, соответствующая статья 282.4. введена в УК РФ в 2022 г.[1], а спад

преступлений, связанных с реабилитацией нацизма, в 2022 г. вероятно коррелирует с введением в том же году в административный состав КоАП РФ статьи 20.3.3. «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации...»

Таблица. Статистика обвинительных приговоров, вынесенных в период с 2019 по 2024 год включительно, в абсолютных величинах состояния преступности [2].

Год Статья	2019, осуждено/ прирост, %	2020, осуждено/ прирост, %	2021, осуждено/ прирост, %	2022, осуждено/ прирост, %	2023, осуждено/ прирост, %	2024, осуждено/ прирост, %
20.3. часть: 1, 2, в том числе 20.3.1. КоАП РФ	2771/ –	3036/ 9,6%	4119/ 35,7%	5270/ 27,8%	5163/ -2,0%	5824/ 12,8%
354.1. часть: 1, 2, 3, 4, в том числе, 282.4. часть: 1, 2 УК РФ	1/ –	8/ 700%	30/ 275%	28/ -6,7%	91/ 225%	179/ 96,7%

В обобщении очевиден рост интереса рядовых пользователей сети «Интернет» к пониманию квинтэссенции идеологии ультраправых течений и неонацистских группировок. Однако такая интернет-активность вызвана негативной причиной, проистекающей из сформировавшегося на информационном «шуме», искажённого, эмоционального восприятия жизнеопасного явления, восприятия ложно пережитого как личный социальный опыт и потому единственно верного.

Очевидно, что необходим государственный контроль и регулирование общественных отношений в области обеспечения безопасности информационного общества и защиты информационного пространства от деструктивного влияния нового вида – Интернет-преступности.

Регулирование интернет-преступности сегодня - это формирование новой глобальной архитектуры безопасности [4].

Учитывая объём размещаемой в сети «Интернет» информации и уровень проникновения интернет-технологий в информационное пространство, нельзя исключить достоверность гипотезы о том, что интервал времени между обнаружением информации до её блокировки экспоненциально влияет на эффективность пропаганды [5]. Помимо глобальных институтов, ключевую роль играет регулирование на уровне отдельных стран и объединений.

Внедряются модели общей ответственности платформ. Согласно Закону о цифровых услугах (DSA), крупные онлайн-платформы обязаны

активно выявлять и минимизировать системные риски от использования их сервиса.

За нарушение предусмотрены огромные штрафы (до 6% от мирового оборота), и первый прецедент уже есть - в декабре 2025 года платформа X (бывший Twitter) была оштрафована на €120 млн. Также с августа 2026 вступает в силу Регламент об электронных доказательствах для ускорения трансграничного доступа к данным. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР): На волне ужесточения требований в 2025-2026 гг. Сингапур, Малайзия и Вьетнам принимают новые законы для усиления защиты.

Китай также обновил свой Закон о кибербезопасности в 2025 году с акцентом на регулирование ИИ. При этом в фокусе остается проблематика выкупов при атаках программ-вымогателей. Скорее всего, массовые и примитивные схемы: «простой» фишинг, звонки из подпольных колл-центров с подменных номеров.

Потому что их легче задуть технически - через блокировку звонков, отслеживание подозрительных сим-карт. А вот сложные целевые атаки на компании (ransomware, утечки баз данных из-за взлома через сотрудников) - они никуда не делись. Более того, они становятся умнее.

Современное регулирование интернет-преступности развивается сразу по трем ключевым направлениям:

На региональном уровне – мировое сообщество внедряет модель повышенной ответственности цифровых платформ, в то время как

другие страны фокусируются на национальном суверенитете. В технологической плоскости - государства начинают активнее использовать технические средства (системы идентификации устройств, блокировки) для блокировки анонимности злоумышленников, хотя этот процесс всегда будет отставать от развития самих технологий.

На наш взгляд, чем жёстче регулирование, тем быстрее преступность уходит в офлайн-крипту и сложные обходные схемы. Запретили SIM-боксы - преступники арендуют виртуальные номера за рубежом. Заблокировали подбор кодов - они переходят на социальную инженерию нового поколения (звонок якобы от «сотрудника Госуслуг» с убедительной легендой). И так без конца. Получается, что регулирование догоняет преступность всегда с опозданием на 1-2 года. А за это время миллиарды уже украдены.

В рамках исследования, заявленная проблема противодействия в сетях общего пользования приобретает условие задачи о сокращении времени публичной доступности запрещённого контента в информационном пространстве. В этом смысле оптимизация алгоритма блокировок, проводимых Роскомнадзором, и снижение нагрузки по материалам, связанным с нарушением законодательства в области связи и защиты информации, на Генеральную прокуратуру Российской Федерации должны повысить оперативность в принятии решений об ограничении деструктивного контента в сети «Интернет» [6].

Так что, регулирование становится всё изощрённее. Но задайте себе честный вопрос: стали ли вы чувствовать себя в интернете безопаснее, чем два года назад? Увы, но «нет». Потому что закон - это лист бумаги, а преступность - это живая, адаптивная система [7]. И пока мы рассуждаем о статьях УК, где-то уже пишут скрипт для нового вида мошенничества с нейросетями, под который закон не подкопается.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 260-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
- [2] Данные о назначенном наказании по статьям уголовного кодекса Российской Федерации,

источник URL: <https://stat.аниппеccc.pф/stats/> (дата обращения: 12.04.2026 г.).

[3] Слыщенко В.А. Понятие свободы: история и современность // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. №

[4] Юрасов А.А. Понятие свободы воли // Культура и искусство. 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobody-voli>

[5] Романов Ю.А. Проблема глобализации и национализма в современном мире // Вестник ВСГУТУ. 2016. №2 (59).

[6] Кутюгин Д.И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Кутюгин Д.И. - Москва, 2009. - 171 с.

[7] Машекуашева М.Х. Вопросы эффективности борьбы с интернетмошенничеством: повышение результативности функционирования правоохранительных органов. Экономика и право. XXI век. 2025. № 2. С. 43-44.

References:

[1] Federal Law No. 14.07.2022 of 260-FZ// SPS Consultant Plus.

[2] Data on the imposed punishment under the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, source URL: <https://stat.аниппеccc.pф/stats/> (date of appeal: 12.04.2026).

[3] Slyshenkov V.A. The concept of freedom: history and modernity//Theoretical and applied jurisprudence. 2020. №

[4] Yurasov A.A. The concept of free will//Culture and art. 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobody-voli>

[5] Romanov Yu.A. The problem of globalization and nationalism in the modern world//Bulletin of VSGUTU. 2016. №2 (59).

[6] Kutyugin D.I. Internet as a communicative space of the information society: dissertation... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04/Kutyugin D.I. - Moscow, 2009. - 171 s.

[7] Mashekuasheva M.Kh. Issues of the effectiveness of combating Internet fraud: increasing the effectiveness of the functioning of law enforcement agencies. Economics and law. XXI century. 2025. № 2. S. 43-44.

ТАКОВ Асланбек Заурбиевич,
Преподаватель кафедры огневой подготовки,
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В исследовании рассматривается вопрос профессиональной деформации и эмоционального выгорания сотрудников органов внутренних дел в контексте современной цифровой трансформации преступности. Отмечен факт необходимости учета того, что выполнение сотрудниками профессиональных обязанностей связано с психическими и физическими перегрузками, а рутинная работа, осложненная необходимостью противодействия киберпреступности, приводит к развитию профессионально нежелательных качеств.

Ключевые слова: профессиональная деформация трансформация, современные вызовы, цифровое пространство, травматизация сознания, психическое состояние.

TAKOV Aslanbek Zaurbievich,
Lecturer at the Department of Fire Training,
North Caucasus Institute for Advanced Studies
(branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police major

PROFESSIONAL DEFORMATION AND EMOTIONAL BURNOUT OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIME

Annotation. This study examines the issue of professional deformation and emotional burnout among law enforcement officers in the context of the modern digital transformation of crime. It emphasizes the need to consider the fact that performing professional duties is associated with mental and physical strain, while routine work, complicated by the need to combat cybercrime, leads to the development of professionally undesirable qualities.

Key words: professional deformation/transformation, modern challenges, digital space, traumatization of consciousness, mental state.

В современных условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности и самой преступности проблема профессиональной деформации и эмоционального выгорания сотрудников органов внутренних дел приобретает особую значимость.

Профессиональная деформация и эмоциональное выгорание сотрудников ОВД представляют собой серьезную проблему, усугубляющуюся в условиях цифровой трансформации преступности. Рост киберпреступности, цифровизация служебной деятельности и необходимость

постоянного повышения цифровой компетентности создают дополнительные психологические нагрузки на сотрудников. Эффективная профилактика должна включать комплекс психологических и организационных мер с учетом современных цифровых вызовов, а также системную работу по развитию адаптационного потенциала сотрудников [4].

Профессиональная деформация личности сотрудника ОВД определяется как негативное изменение психологических и социально-психологических особенностей личности в процессе

службы. Это изменение личных качеств, профессиональных навыков и способностей в негативную сторону под влиянием содержания, условий работы и опыта профессиональной деятельности. Как правило основными причинами и факторами развития профессиональной деформации являются следующие:

- Обусловленные спецификой деятельности ОВД: детальная правовая регламентация; наличие властных полномочий; гипертрофированная корпоративность; повышенная ответственность; нестабильный график, психические и физические перегрузки; экстремальность службы; контакт с правонарушителями; неудовлетворительный уровень оперативно-технического оснащения.
- Личностного свойства: завышенный уровень притязаний; низкая профпригодность; разочарование в деятельности; неуверенность в нужности профессии.
- Социально-психологического характера: грубый стиль руководства; конфликты между сотрудниками; психологическое насилие в коллективе; негативное влияние окружения; низкий социальный престиж ОВД;

Необходимо так же отдельно рассмотреть и виды, и уровни профессиональной деформации:

- сотрудникам ОВД характерны такие виды деформации, как авторитарность, профессиональная агрессия, тревожность, сверхконтроль, консерватизм;
- развитие деформации включает три уровня: начальный (не выражена ярко), средний (количественно-качественные изменения), глубокий (обострение социально-негативных черт);
- крайней формой является профессиональная деградация, делающая невозможной дальнейшую службу.

Одной из форм профессиональной деформации как правило становится девиантное поведение, проявляющееся в противоправных действиях, злоупотребление алкоголем или наркотиками, игровая зависимость и т.д.

Специфика служебной деятельности сотрудников полиции заключается в наличии элементов отрицательного воздействия на личность носителя профессии и способствует кризису мотивационной сферы, снижению профессионально значимых целей и интересов, утрате удовлетворения трудом, постоянному чувству физической усталости и эмоциональной опустошенности, что приводит к росту числа психосоматических и соматических заболеваний, а также к нарушению законности, служебной дисциплины, профессионально-этических норм.

В современной психологической литературе встречаются различные понятия, касающиеся механизмов защиты психики, а также множество их классификаций [2]. В основном они разрабатываются в ключе психо-аналитического направления психологии. Р. Плутчик рассматривает механизмы психологической защиты в качестве инструмента совладания с восемью основными эмоциями в зависимости от преобладания этих эмоций в профессиональной деятельности.

Представленная Р. Плутчиком классификация включает в себя восемь основных механизмов психологической защиты: проекцию, отрицание, компенсацию, подавление, замещение, регрессию, рационализацию, регрессивные образования[2].

Рассматривая эмоциональное выгорание как душевную и физическую усталость, утрату веры в свои силы и, как следствие, невозможность проводить эффективную работу, скажет о том, что с 2019 года синдром эмоционального выгорания включён в Международный классификатор болезней (МКБ-11).

Специфика правоохранительной деятельности, особенно взаимодействие с криминальными элементами, содержит элементы отрицательного воздействия на личность. При отсутствии у сотрудника достаточного уровня психологической устойчивости часто наблюдается развитие эмоционального выгорания. В науке принято выделять следующие стадии эмоционального выгорания: напряжение (повышенная утомляемость, тревожность), резистенция (попытки оградиться от неприятных впечатлений, формализация обязанностей), истощение (равнодушие, отстранённость, риск деперсонализации).

В связи с современным развитием информационных технологий и ростом преступности в киберпространстве вопросы эмоционального выгорания и деформации приобретают новые окраски. Процент расследованных уголовных дел об IT-преступлениях остаётся крайне низким, что свидетельствует о системных проблемах в работе правоохранительных органов.

За первое полугодие 2025 года свыше 40% всех зарегистрированных в РФ преступлений совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2024 году мошенники похитили со счетов россиян 27,5 млрд руб. - рекордный показатель. Каждое третье преступление в стране совершается в цифровой среде, из них около 80% - дистанционные хищения. В декабре 2024 года в России утвердили Концепцию противодействия преступлениям, совершаемым с помощью цифровых технологий [3].

Высока эффективность контекстного подхода в подготовке сотрудников полиции и пер-

спективах его применения в обучении других категорий, в образовательных организациях МВД России [4].

Рассмотрим влияние цифровой трансформации на психологическое состояние сотрудников ОВД. Активная цифровая трансформация деятельности органов внутренних дел обусловила возникновение системного разрыва между традиционными подходами к подготовке кадров и реальными требованиями к компетентности сотрудников в сфере информационной безопасности. Основными аспектами негативного влияния являются:

- двойная нагрузка: необходимость одновременно осваивать новые цифровые компетенции и противодействовать растущему объему IT-преступлений;
- информационно-психологическое воздействие: тотальная информатизация деятельности ведомств, и проблема специальной профессиональной подготовки сотрудников; анализ последствий негативного информационно-психологического воздействия на личный состав;
- деформация правосознания: процессы цифровизации воздействуют на состояние профессионального правосознания сотрудников ОВД, способствуя возникновению его деформации и изменению содержательных компонентов профессиональной подготовки. Наконец скажем о профилактике указанных явлений.

Основными психологическими мерами профессиональной деформации и являются:

- анализ причин и их коррекция;
- отпуск или снижение частоты контактов с людьми;
- переключение на другие формы работы;
- создание чувства психического комфорта путем повышения профессиональной компетентности.

В заключение рассмотрим ряд организационных мер в целях профилактики эмоционального выгорания и профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел с учетом современных реалий.

Во-первых, систематическое повышение квалификации; допуск к работе только после прохождения предварительной подготовки.

Во-вторых, обучение приемам снятия эмоционального напряжения; создание атмосферы поддержки в коллективе.

В-третьих, формирование оптимального морально-психологического климата в подразделениях.

В-четвертых, требуется развитие цифровой криминалистики как самостоятельного направления и повышение уровня подготовки следователей в области расследования IT-преступлений.

Список литературы:

[1] Шохин В.Е. Специфика возникновения профессионального выгорания личности в служебной деятельности сотрудников ОВД // Право и практика. 2018. №1.

[2] Данные Росстата. <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-opublikovalo-statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti>.

[3] Плутчик Р. Тест-опросник механизмов психологической защиты (Life Style Index) // Адаптация Л. Р. Гребенникова (Руководство по использованию). М., 1996. 18 с.

[4] Машекуашева М.Х., Кочесокова З.Х. Формирование профессиональной компетентности сотрудников полиции: контекстный подход. Право и управление. 2024. № 10. С. 120-122.

References:

[1] Shokhin V.E. Specifics of the occurrence of professional burnout of personality in the official activities of ATS employees//Law and practice. 2018. №1.

[2] Rosstat data. <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-opublikovalo-statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti>.

[3] Plutchik R. Test questionnaire of psychological defense mechanisms (Life Style Index)//Adaptation of L. P. Grebennikov (Guide to use). M., 199b. 18 pp.

[4] Mashekuasheva M.Kh., Kochesokova Z.Kh. Formation of professional competence of police officers: a contextual approach. Law and governance. 2024. № 10. S. 120-122.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-456-460

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

ЕФИМОВА Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой нотариата
и частно-правовых дисциплин
Российского университета адвокатуры
и нотариата имени Г.Б.Мирзоева,
e-mail: alisa03@mail.ru

ЛАЛАКИН Игорь Сергеевич,
аспирант Автономной некоммерческой
образовательной организации
«Российский университет кооперации»,
e-mail: alisa03@mail.ru

ОБРЕМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Аннотация. В отношении введенных в частно-правовой оборот новых объектов – цифровых прав допустимо осуществлять любые сделки, а также обременять данный объект и ограничивать распоряжение им. Однако, какие именно обременения (кроме залога) допустимы с учетом специфики цифровых прав, чем обременение отличается от ограничения, законодатель не раскрывает. В рамках настоящей статьи, исходя из выявленных специфических характеристик обременения, исследованы его виды, которые допустимы в отношении цифровых прав.

Ключевые слова: цифровое право, утилитарное цифровое право, цифровые финансовые активы, обременение имущества, залог, арест, доверительное управление имуществом.

EFIMOVA Olga Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Notaries
and Private Law Disciplines at the G.B. Mirzoev
Russian University of Advocacy and Notaries

LALAKIN Igor Sergeevich,
Postgraduate Student at the Autonomous
Non-Commercial Educational Organization
“Russian University of Cooperation”

ENCUMBRANCES OF DIGITAL RIGHTS

Annotation. With respect to new objects introduced into private law circulation—digital rights—it is permissible to carry out any transactions, as well as encumber these objects and restrict their disposal. However, the legislator does not specify which specific encumbrances (other than a pledge) are permissible given the specific nature of digital rights, nor how an encumbrance differs from a restriction. In this article, based on the identified specific characteristics of encumbrances, the types of encumbrances that are permissible in relation to digital rights are examined.

Key words: digital law, utilitarian digital law, digital financial assets, property encumbrances, pledge, seizure, trust management of property.

В отношении цифровых прав, относительно новых объектов гражданских прав¹, законодатель установил возможность совершения различных сделок, равно как и обременений. Данный вывод следует из ст. 141.1 ГК РФ, а вернее из отсутствия в данной норме перечня разрешенных правомерных действий в отношении цифровых прав. Следовательно, допускаются любые сделки и обременения, но с учетом специфики объекта соответствующего действия.

В нормативном порядке обременения обычно следуют ограничениям, иногда формируясь как синонимы, что не вполне правильно исходя из анализа природы данных явлений. Перечень обременений (также, как и ограничений) можно найти в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Хотя данный перечень и применим в отношении недвижимости, но он, по крайней мере, дает представление, что воспринимается в праве в качестве таких обременений (ограничений). Итак, таковыми являются сервитут, ипотека, доверительное управление, аренда, наем жилого помещения.

Ранее действующее законодательство, а именно Федеральный закон от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»² в статье 1 раскрывал значение обременений (ограничений), определяя их как условия, запрещения, установленные законом или уполномоченными органами в предусмотренном законом порядке, которые стесняют правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества. При этом перечень таких стесняющих условий был шире и не закрытым³. Такой расширенный перечень можно найти и сейчас в действующем

щих подзаконных актах, к примеру – Приказ Росреестра от 07.12.2023 N П/0514 (ред. от 12.02.2026) «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.01.2024 N 77083).

В научной литературе достаточно определено устоялась позиция о том, что обременения и ограничения — это разные понятия [1]. Данный вывод следует из того, что обременение направлено на объект, а ограничение - на право на данный объект [2]. В основе данных утверждений лежит анализ правовых норм. Так, исходя из буквального толкования п. 1 ст. 131 ГК РФ ограничения устанавливаются на права, в то время как обременения формируются на вещи/имущество (к примеру, ст.ст.141.5, 274, 275, 277 ГК РФ). Также и в отношении цифрового права – согласно п. 1 ст. 141.1 ГК РФ обременяется данное право, а ограничивается правомочие распоряжения цифровым правом. Разграничения между данными понятиями прослеживаются и в иных нормативных актах⁴.

Общим для данных правовых явлений (обременения и ограничения) является то, что они представляют собой, как указывает В.А. Белов «изъятия из юридических возможностей, составляющих субъективные права» [3]. Общим является также и непосредственная связь между этими явлениями – обременение объекта влечет за собой ограничения в правовых возможностях в отношении данного объекта. Предложенный законодателем перечень обременений показывает их различную правовую природу – большая часть обременений отнесено к обязательственным правам (зalog, доверительное управление, аренда и пр.), но обременение может иметь и вещно-правовую природу (к примеру, сервитут) [4]. Какие же обременения возможны в отношении цифровых прав? В ст. 141.1 ГК РФ в качестве бесспорного, допустимого для цифрового права обременения указан залог.

Согласно п.1 ст. 336 ГК РФ предметом залога может выступать любое имущество, то есть вещи и имущественные права. Поскольку законодатель отнес цифровые права к категории имущественных, то обременить их залогом также допустимо. Несмотря на указанную общую категорию цифровых прав (имущественные), их содержание разнится. П. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025,

ном партнерстве, соглашение о муниципально-частном партнерстве и пр.

⁴ Согласно п. 2 ч. 2 ст. 7 ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" Единый государственный реестр недвижимости представлен в том числе реестром прав, ограничений прав и обременений недвижимого имущества.

¹ Введенных в правовой оборот с 2019 года на основании Федерального закона от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации"

² Согласно п. 2 ст. 30 Федерального закона от 03.07.2016 N 361-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации" с 1 января 2020 года Федеральный закон от 21 июля 1997 года N 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" утратил силу.

³ Помимо указанных в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» обременений (ограничений) указанный в прекратившем свое действие Федеральный закон от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" указаны арест имущества, концессионное соглашение, соглашение о государственно-част-

с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в отношении содержания цифровых финансовых активов указывает на наличие прав требований (в частности, денежных), и права участия (корпоративного права) в непубличном акционерном обществе.

Федеральный закон от 02.08.2019 N 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вкладывает в содержание утилитарного цифрового права исключительно право требования. Залог в своем правовом регулировании различается в зависимости от предмета. В настоящее время выделены залог обязательственных прав, залог ценных бумаг, залог корпоративных прав и пр. В тоже время отдельного вида залога – залог цифровых прав не предусмотрено. В этом случае обременение залогом данного вида имущества должно осуществляться по правилам, регулирующим залог тождественных правовых явлений [5]. То есть в зависимости от содержания цифрового права это будет залог обязательственных прав или залог прав участников юридического лица с учетом особенностей залога ценных бумаг и залога исключительных прав. Однако, учитывая специфику формы выражения имущественного права – цифровую, определяющую особенности возникновения и осуществления таких прав, не все нормативные положения о залоге указанных объектов можно применить при этом обременении цифрового права.

По общему правилу, сформулированному в п.1 ст. 358.5 ГК РФ, возникновение залога обязательственного права привязано к моменту заключения договора залога. Однако, поскольку все юридически значимые действия с цифровыми правами происходят только в информационной системе по ее правилам, то и возникновение залогового права основывается на соответствующем действии, совершенном оператором этой информационной системы, а именно – записи о данном обременении (п. 6 ст. 4 Закона о ЦФА и ст. 8 Закона о привлечении инвестиций).

Соответственно, залог как сделка обременяет чужое имущество (владельца цифрового права) в интересах 3-го лица – залогодержателя. Так и иные сделки, сформированные в интересах 3-го лица, с учетом природы сделки и цифрового права, также могут обременять исследуемый объект. К примеру, цифровое право может быть передано в доверительное управление. В самом деле, каких-либо правовых препятствий для воз-

можности управления таким имуществом не наблюдается. Согласно п.2 ст. 1012 ГК РФ доверительный управляющий совершает с имуществом, переданным ему в управлении любые юридические и фактические действия. И поскольку понятие «любые действия» могут быть (и будут) конкретизированы согласно свойствам управляемого имущества, то это установление дает правовую возможность передачи под управление и цифровых прав. Каких-либо запретов, формирующих невозможность быть объектом управления цифровые активы в законе не предусмотрено. Содержащиеся в главе 53 ГК РФ правовые ограничения касаются только определенных действий, которые в силу закона или договора управляющий совершать не вправе (подп. 2 п. 2 ст. 1012 ГК РФ).

Данные обстоятельства были учтены Банком России, который в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов указал на необходимость создания условий для осуществления доверительного управления (в том числе коллективного) цифровыми правами. В Проекте Федерального закона N 1194929-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 01.04.2026) содержится норма, предлагающая расширить перечень объектов доверительного управления на рынке ценных бумаг за счет цифровых активов и внести соответствующие дополнения в ст. 5 Федерального закона от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Указанная возможность доверительного управления цифровыми правами допустима и по иным, законным основаниям доверительного управления – законными представителем, нотариусом и пр.

Помимо доверительного управления, также иные обременения, имеющие обязательственный характер, и направленные на удовлетворение имущественных интересов 3-х лиц (выгодоприобретателей данных обременений) допустимы в отношении цифровых прав. Конечно, как мы уже говорили ранее, необходимо учитывать особенности и сделки, и природы прав. К примеру, арендовать цифровое право невозможно в силу императивного установления в ст. 607 ГК РФ качестве объекта аренды только вещи (непотребляемой, индивидуально-определенной), что обусловлено природой и назначением договора аренды. В тоже время, поскольку перечень обременений не представлен в исключительном виде, а согласно ст. 421 ГК РФ стороны вправе сформировать как смешанный, так и непоименованный договор, то

вполне допустима ситуация наложения обременения на цифровое право, путем включения его в качестве объекта в двустороннюю сделку, с определенными изъятиями в полномочиях владельца цифрового права в пользу 3-го лица.

Отдельно следует рассмотреть возможность ареста цифровых прав. В отношении ареста нет однозначного мнения – является ли он обременением или ограничением. Арест является правовым явлением процессуального характера. Согласно п. 4 ст. 80 Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» по общему правилу арест представляет собой запрет на распоряжение имуществом, но при необходимости может дополнительно включать ограничение на право пользования имуществом или даже изъятие этого объекта. В чью пользу формируются данные запреты, законодатель не формирует. Но исходя из процессуальной природы ареста имущества, определенного в процессуальном гражданском законодательстве (ст. 140 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 91 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) как обеспечительная мера, применяемая в исковом производстве, можно сделать вывод, что данная мера призвана обеспечить в первую очередь осуществление прав (и материальных и процессуальных) другой стороны процесса, и в итоге - надлежащее рассмотрение гражданского спора. В силу этого, арест можно рассматривать как обременение имущества ответчика в интересах истца или иного конкретного лица.

Нормы ГПК РФ и АПК РФ указывают в качестве объекта ареста имущество ответчика, без каких-либо изъятий. И поскольку ст. 128 ГК РФ в состав имущества включает цифровые права, следовательно, возможен и арест данного вида имущества. Допустимость ареста цифровых прав подтверждается также нормативными актами Банка России, который в своих Указаниях [6; 7] по формированию отчетов, связанных с оборотом ценных бумаг, цифровых прав, выделяет в отдельную строку/позицию отчета указание на арестованные цифровые права. Таким образом, обременения, как определенного рода притеснения в реализации правообладателем цифровых прав своих правовых возможностей/ полномочий, установленные в пользу определенных лиц представляют собой достаточно разнообразный по своей природе перечень. В данный перечень входят как из уже устоявшиеся в восприятии в качестве такого обременения правовые явления (зalog, доверительное управление и пр.), так и те, которые стороны могут определить самостоятельно (к примеру, в качестве непоименованного договора, объект которого цифровые права).

Список литературы:

[1] Белова Т.В. Защита права собственности на недвижимое имущество в цивилистической парадигме: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин. М.: Юстицинформ, 2023. 180 с.

[2] Долинская В.В. Ограничения права собственности: понятие и виды // Закон. 2003. N 11.

[3] Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право. М., 2011. С. 321.

[4] Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Ограничения и обременения доли в уставном капитале ООО: понятие, основания возникновения, правовые последствия//«Хозяйство и право», 2022, N 5. С. 103-114.

[5] Ефимова О.В. О залоге цифровых прав / О.В. Ефимова // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. N 6 (249). С. 57 - 61.

[6] Указание Банка России от 10.04.2023 N 6406-У(ред. от 10.11.2025) «О формах, сроках, порядке составления и представления отчетности кредитных организаций (банковских групп) в Центральный банк Российской Федерации, а также о перечне информации о деятельности кредитных организаций (банковских групп)» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.08.2023 N 74823) // «Вестник Банка России», N 66 - 67, 20.10.2023.

[7] Указание Банка России от 30.06.2025 N 7119-У «О формах, сроках и порядке составления и представления в Банк России отчетности профессиональных участников рынка ценных бумаг, об объеме, формах, сроках и порядке составления и представления в Банк России отчетов организаторов торговли и клиринговых организаций, а также о порядке сообщения профессиональными участниками рынка ценных бумаг Банку России информации о лицах, которым поручено проведение идентификации, упрощенной идентификации, обновление информации о клиентах, представителях клиентов, выгодоприобретателях и бенефициарных владельцах» // «Вестник Банка России», N 5, 16.02.2026.

References:

[1] Belova T.V. Protection of Ownership Rights to Real Estate in the Civilistic Paradigm: Monograph / Ed. A.N. Levushkin. Moscow: Yustitsinform, 2023. 180 p.

[2] Dolinskaya V.V. Restrictions on Ownership Rights: Concept and Types // Law. 2003. N 11.

[3] Belov V.A. Civil Law. General Part. T. I. Introduction to Civil Law. Moscow, 2011. P. 321.

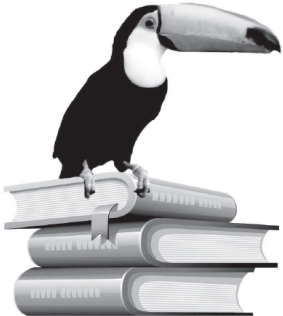
[4] Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Restrictions and Encumbrances on a Share in the Authorized

Capital of an LLC: Concept, Grounds for Origin, Legal Consequences // "Economy and Law", 2022, N 5. Pp. 103-114.

[5] Efimova O.V. On the Pledge of Digital Rights / O.V. Efimova // Property Relations in the Russian Federation. 2022. No. 6 (249). pp. 57-61.

[6] Bank of Russia Instruction dated 10.04.2023 No. 6406-U (as amended on 10.11.2025) "On the Forms, Terms, and Procedure for Compiling and Submitting Reports of Credit Institutions (Banking Groups) to the Central Bank of the Russian Federation, as well as on the List of Information on the Activities of Credit Institutions (Banking Groups)" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 16.08.2023 No. 74823) // "Bulletin of the Bank of Russia", No. 66-67, 20.10.2023.

[7] Bank of Russia Instruction No. 7119-U dated 30.06.2025 "On the forms, deadlines and procedure for preparing and submitting to the Bank of Russia reports of professional participants in the securities market, on the volume, forms, deadlines and procedure for preparing and submitting to the Bank of Russia reports of trade organizers and clearing organizations, as well as on the procedure for professional participants in the securities market to communicate to the Bank of Russia information on persons entrusted with conducting identification, simplified identification, updating information on clients, representatives of clients, beneficiaries and beneficial owners" // Bank of Russia Bulletin, No. 5, 16.02.2026.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

СПЫЛАЕВ Олег Дмитриевич,
Аспирант, частное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский университет
Технологий управления и экономики»,
ORCID ID: 0009-0008-3472-568X,
e-mail: o.spylaev@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ГРАЖДАН

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема правового статуса искусственного интеллекта и возможность его применения в судопроизводстве, в том числе в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан. В рамках исследования выделены два основных подхода к определению правового статуса искусственного интеллекта — как объекта и субъекта права. Обосновывается позиция о рассмотрении искусственного интеллекта как объекта права в связи с отсутствием у него самосознания, воли и деликтоспособности. Особое внимание уделяется исследованию возможностей и ограничений использования искусственного интеллекта в судопроизводстве, включая вопросы допустимости доказательств, полученных с использованием нейросетей и их оценка судами. В ходе исследования выявлены перспективы применения искусственного интеллекта в сфере банкротства для анализа большого объема информации, в том числе о финансовых операциях должника и для автоматизации внесудебного банкротства гражданина. На современном этапе целесообразно применение искусственного интеллекта, как вспомогательного инструмента для решения рутинных задач, анализа большого количества информации. При этом передача искусственному интеллекту полномочий по принятию ключевых процессуальных решений представляется преждевременной.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, судопроизводство, банкротство, злоупотребление правом, объект права, правовое регулирование, внесудебное банкротство.

SPYLAEV Oleg Dmitrievich,
Postgraduate student,
Private educational institution of higher education
“Saint-Petersburg University of Management
Technologies and Economics”

LEGAL STATUS AND PROSPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF CITIZENS

Annotation. The article discusses the current issue of the legal status of artificial intelligence and the possibility of its application in legal proceedings, including cases of individual insolvency (bankruptcy). The study identifies two main approaches to determining the legal status of artificial intelligence: as an object of law and as a subject of law. The article argues for considering artificial intelligence as an object of law due to its lack of self-awareness, will, and legal capacity. The article focuses on exploring the possibilities and limitations of using artificial intelligence in legal proceedings, including the admissibility of evidence obtained using neural networks and its evaluation by courts. The study identified the prospects for using artificial intelligence in the field of bankruptcy to analyze large amounts of information, including financial transactions of the debtor, and to automate the out-of-court bankruptcy of individuals. At the current stage, it is advisable to use artificial intelligence as an auxiliary tool for solving routine tasks and analyzing large amounts of information. However, it is premature to transfer the authority to make key procedural decisions to artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence, legal personality, legal proceedings, bankruptcy, abuse of law, AI evidence, object of law, legal regulation, out-of-court bankruptcy.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и необходимостью их правового регулирования в современном обществе. В условиях цифровизации общественных отношений особую значимость приобретает определение правового статуса ИИ и регламентация возникающих с его участием правоотношений.

Искусственный интеллект оказывает влияние на различные сферы жизни общества. В п. 17.1 Указа Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 N 490 искусственный интеллект определен как одна из «... самых важных технологий, которые доступны человеку в настоящее время...». А создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий ИИ, является одной из основных задач в России.

В научной литературе затрагиваются вопросы правосубъектности ИИ, его ответственности за принимаемые решения, возможности наделения авторскими правами, а также применения в судебной системе.

Целью исследования является анализ правового статуса ИИ, определение перспектив его применения в сфере несостоятельности (банкротства) граждан и соотношение с проблемой злоупотребления правом.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- исследовать существующие подходы к определению правового статуса ИИ;
- проанализировать возможность использования ИИ в судебной системе;
- рассмотреть возможности применения ИИ в процедурах банкротства;
- выявить основные риски и перспективы внедрения ИИ в правовую сферу.

Технологии ИИ стремительного развиваются в современном обществе, что вызывает необходимость теоретической разработки и законодательного регулирования правового статуса ИИ и отношений, складывающихся с его участием.

Среди главных проблем в России и зарубежных странах Ж.И. Седова выделяет вопросы правового регулирования деятельности с использованием ИИ, среди которых «формулирование запретов недобросовестных практик использования искусственного интеллекта; ответственность за решения, принятые искусственным интеллектом» [1, с. 183].

Однако решение указанных вопросов невозможно без определенности относительно правового статуса ИИ. В настоящее время полу-

чили развитие идеи определения ИИ в качестве объекта и субъекта прав.

Первый подход к правовому статусу ИИ заключается в признании его субъектом права, что закономерно порождает необходимость комплексного анализа его правосубъектности: правоспособности, дееспособности и деликтоспособности.

П. М. Морхат, развивая концепцию «электронного лица», акцентирует внимание на мульти-модальности правосубъектности ИИ-юнита. Согласно такому подходу, характер и объем правосубъектности зависят от типа ИИ-юнита (например, различие между системами, выполняющими вспомогательные функции, и более сложными автономными системами) и функционально-целевой нагрузки (задачи, для решения которых создан ИИ, определяют границы его правового статуса) [2, с. 31]. Это предполагает дифференцированный подход к правовому регулированию ИИ, учитывающего специфику конкретных технологий.

За наделение ИИ статусом субъекта права выступает Е. В. Вавилин, в части наделения ИИ авторскими правами на создаваемые произведения [3, с. 154 – 155].

В рамках данного подхода, на наш взгляд, возникает ряд дискуссионных вопросов, требующих теоретического осмысления. Первый, каким образом ИИ будет отвечать по своим обязательствам, и в случае недостаточности имущества или страховой выплаты возможно ли проведение в отношении ИИ процедуры банкротства? Второй, способен ли ИИ совершать правонарушения или злоупотребить своим правом? С одной стороны, алгоритмическая природа ИИ исключает субъективный умысел, но с другой — его действия могут формально нарушать баланс интересов участников правоотношений. Возникает вопрос о том, кто будет нести ответственность в таких случаях и как предотвратить злоупотребления со стороны разработчиков или операторов ИИ.

Второй подход заключается в признании ИИ в качестве объекта прав. Л. Ю. Василевская делает вывод об условности понятия «искусственный интеллект», неготовности человечества к признанию ИИ или робота субъектом права. Автор указывает, что в настоящее время ИИ «... нематериальный, идеальный по своей природе результат разработки и использования новых технологий в различных сферах производства и потребления» [4].

Схожей позиции придерживаются А. А. Васильев и Ю. В. Печатнова, указывая на преждевременность отнесения ИИ к субъектам права и необходимость его рассмотрения в качестве объекта прав [5, с. 81].

Представляется верным рассмотрение ИИ в качестве объекта права по следующим основаниям:

1. Отсутствие у ИИ самосознания и воли.

Функционирование ИИ базируется на алгоритмической обработке входных данных в соответствии с заданными правилами. Он не обладает сознанием, самосознанием, желаниями или намерениями — его «решения» носят детерминированный характер и не отражают субъективного выбора.

Современные алгоритмы ИИ требуют внешнего запроса от пользователя, что ставит под сомнение возможность автономного волеизъявления. Например, остаётся неясным, при каких условиях ИИ мог бы самостоятельно осознать потребность в приобретении дополнительных серверов для хранения данных, выбрать контрагента, сформировать оферту и заключить договор о покупке такого оборудования. Как верно замечает Н.Н. Апостолова, наличие способностей ИИ к обучению, рассуждению и выводам «... не дает оснований утверждать о наличии у него сознания и даже самосознания, аналогичного человеческому» [6, с. 113].

2. ИИ выступает результатом интеллектуального труда, создаваемым специалистами (разработчиками, инженерами). Как продукт человеческого творчества, ИИ приобретает статус объекта права: правомочия в отношении него закрепляются за определёнными субъектами – компанией-разработчиком, заказчиком либо конечным пользователем. Это обуславливает имущественную природу ИИ, он рассматривается как объект имущественных прав, а не как самостоятельный субъект правоотношений.

3. ИИ не обладает деликтоспособностью, поскольку его функционирование детерминировано алгоритмами и не предполагает осознания последствий своих действий. Признание ИИ самостоятельным субъектом права потенциально создаёт риск перекладывания вины компаниями на «автономный ИИ», избегая ответственности.

Таким образом, в настоящее время не имеется достаточных оснований для рассмотрения ИИ в качестве субъекта права. На технологическом уровне ИИ представляет собой вспомогательную систему, базирующуюся на алгоритмической обработке данных – его «решения» детерминированы заложенными параметрами, а функционирование лишено признаков самостоятельного волеизъявления, сознания или субъективного выбора.

Именно с позиции ИИ как объекта права следует подходить к вопросу о применимости его в судопроизводстве, т.е. как вспомогательного средства.

П.М. Морхат делает вывод о возможности применения ИИ для выполнения обеспечительных функций, например, «оказание юнитом искусственного интеллекта помощи судье в выявлении и артикулировании обстоятельств, указывающих на возможное злоупотребление стороной (сторонами) правом (правами), на возможное намеренное искусственное необоснованное затягивание судебного разбирательства» [2, с. 149].

К схожим выводам приходят Д.В. Бахтеев и Л.В. Тарасова, указывая на возможность использования ИИ при экспертной оценке правовых актов и судебных решений [7, с. 251-252].

Ограничение возможности передачи дел о несостоятельности (банкротстве) и по корпоративным спорам отмечает А. И. Рыбин. ИИ не способен в полной мере дать правильную квалификацию поведения стороны в качестве злоупотребления правом [8, с. 249-250].

В этой связи обоснованные сомнения высказывает Имам Мирзааде. Обращение судьи к ИИ может повлиять на его независимость и беспристрастность, что также повлияет на равенство сторон и справедливое судебное заседание [9, с. 8].

А.В. Кочетков и С.В. Воробьева, рассматривая возможность замены судьи человека «электронным» судьей, отмечают отсутствие у последнего «морально-этических критериев и внутреннего убеждения судьи, играющего большую роль при оценке доказательств и вынесении решений» [10, с. 69]. Авторы отмечают наличие в гражданском праве морально-этических концепций и субъективных оценочных критериев, интерпретация которых требует глубокого анализа человеческого поведения и мотивации.

Возможность применения ИИ в судопроизводстве ограничена вспомогательной фикцией для оптимизации рутинных задач без затрагивания момента принятия решения судом. В настоящее время ИИ не способен оказать существенную помощь в делах, требующих интерпретации субъективных правовых категорий, оценки нравственного аспекта поведения сторон.

Другим вопросом использования ИИ в судопроизводстве является допустимость использования доказательств, полученных с его помощью. В.Н. Ткачев и П.О. Милов отмечают отсутствие специальных норм, регулирующих порядок получения, оценки и использования таких доказательств [11, с. 120].

В правоприменительной практике вопрос допустимости доказательств, полученных с использованием ИИ, решается отрицательно.

К примеру, в решении Арбитражного суда Республики Калмыкия от 14 февраля 2025 г. по делу N A22-447/2024 суд не принял в качестве доказательства расчета упущенной выгоды ответ

нейросети, относительно средней выручки в месяц точки по продаже шаурмы, поскольку он не может подтвердить реальность доходов истца.

К аналогичному выводу пришел Арбитражный суд Самарской области в решении от 19.05.2025 г. по делу А55-28080/2024, указав что чат-боты на базе искусственного интеллекта представляют собой инструменты, способные отвечать на вопросы пользователей на естественном языке посредством генерации ответов с использованием языковой модели. При этом суд подчеркнул, что подобные чат-боты формируют текст в зависимости от поступившего запроса, но не предоставляют достоверных ответов со ссылками на источники информации.

Применительно к отношениям несостоятельности (банкротства) технологии ИИ могут применяться для анализа финансового состояния должника и выявления признаков преднамеренного или фиктивного банкротства. Применение алгоритмов машинного обучения позволяет обрабатывать большой массив информации о финансовых операциях должника, находить связь между участниками банкротного процесса, выявлять их аффилированность [11, с. 120].

Также представляется возможным использование технологий ИИ в рамках внесудебного банкротства гражданина. Действующее правовое регулирование относит к компетенции МФЦ проверку заявления гражданина и оснований для применения банкротства во внесудебном порядке, что включает запрос сведений о доходах и данных исполнительных производств, а также публикации сведений в ЕФРСБ о возбуждении процедуры и ее завершении/прекращении. Полагаем, что указанные процессы можно автоматизировать, внедрив технологии искусственного интеллекта.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время ИИ не может быть признан субъектом права ввиду отсутствия у него самосознания, воли, способности к автономному волеизъявлению и деликтоспособности. ИИ следует рассматривать как объект права — результат интеллектуального труда, находящийся в имущественном обороте.
2. Применение ИИ в судопроизводстве целесообразно исключительно в вспомогательной роли для оптимизации рутинных задач (анализ данных, выявление типовых нарушений, подготовка проектов документов), но не для принятия решений, требующих оценки морально-этических аспектов, субъективных критериев (добросовестность, злоупотребление правом).

3. Использование доказательств, полученных с помощью ИИ, в текущей правовой системе ограничено: правоприменительная практика демонстрирует недоверие к таким доказательствам из-за отсутствия чётких критериев верификации алгоритмов и оценки их достоверности.

4. ИИ обладает потенциалом для автоматизации отдельных процессов в сфере банкротства (анализ финансового состояния должника, выявление признаков преднамеренного банкротства, оптимизация работы МФЦ при внесудебном банкротстве).

Стремительное развитие технологий ИИ актуализирует задачу чёткого определения его правового статуса и регламентации правоотношений с его участием. На текущем технологическом уровне ИИ не обладает качествами, необходимыми для признания его субъектом права, и должен рассматриваться как объект, используемый для оптимизации юридических процессов.

Наиболее перспективно применение ИИ в вспомогательных функциях — анализе больших данных, выявлении типовых нарушений, автоматизации рутинных процедур (включая элементы внесудебного банкротства). При этом передача ИИ полномочий по принятию юридически значимых решений (особенно в сложных делах с морально-этическим компонентом) сопряжена с существенными рисками, связанными с отсутствием у ИИ сознания, воли и способности к ответственности.

Список литературы:

- [1] Седова Ж. И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. – 569 с.
- [2] Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. – 420 с.
- [3] Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2022. №45. С. 147-158
- [4] Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. III / Л.Ю. Василевская. - Москва : Проспект, 2021. – 288 с.
- [5] Васильев, А. А. Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения / А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова // Цифровое право. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 74-83

[6] Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. №1.– С. 112-119

[7] Бахтеев, Д. В. Применение искусственного интеллекта в деятельности арбитражных судов РФ: перспективные направления и проблемы / Д. В. Бахтеев, Л. В. Тарасова // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26, № 4. – С. 249-254

[8] Рыбин А. И. К вопросу о применении искусственного интеллекта для отправления правосудия // Труды Института государства и права РАН. 2025. №3.– С. 237-265

[9] Mirzazadeh, Iman. Artificial Intelligence (AI) and Violation of Human Rights. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.4310188.

[10] Кочетков А. В., Воробьева С. В. Роль технологий искусственного интеллекта при отправлении правосудия: правовой и морально-этический аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2025. №1.– С. 63-76

[11] Ткачев В. Н., Милов П. О. Цифровизация процедур банкротства: правовые проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта и блокчейн в институт несостоятельности. // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2025. № 4.– С. 118-133

References:

[1] Sedova Zh. I. The international legal principle of good faith as the basis for the regulation of private law relations: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2024. – 569 с.

[2] Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2018. - 420 s.

[3] Vavilin E.V. Status of artificial intelligence: from object to subject of legal relations//Vestn. Volume. state university. Right. 2022. №45. С. 147-158

[4] Vasilevskaya L. Yu. Digitalization of civil circulation: legal characteristics of “artificial intelligence” and “digital” subjects (civil research): monograph: in 5 volumes. T. III/L. Yu. Vasilevskaya. - Moscow: Prospect, 2021. - 288 p.

[5] Vasiliev, A. A. The place of artificial intelligence among the elements of the composition of legal relations/A. A. Vasiliev, Yu. V. Pechatnova//Digital law. – 2020. - Т. 1, NO. 4. - S. 74-83

[6] Apostolova N. N. Responsibility for harm caused by artificial intelligence//North Caucasian Legal Bulletin. 2021. NO. 1.- P. 112-119

[7] Bakhteev, D.V. The use of artificial intelligence in the activities of arbitration courts of the Russian Federation: promising directions and problems/D.V. Bakhteev, L.V. Tarasova//Bulletin of Kostroma State University. – 2020. - Т. 26, NO. 4. - S. 249-254

[8] Rybin A.I. On the use of artificial intelligence for the administration of justice//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2025. NO. 3.- P. 237-265

[9] Mirzazadeh, Iman. Artificial Intelligence (AI) and Violation of Human Rights. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.4310188.

[10] Kochetkov A. V., Vorobyova S. V. Role of artificial intelligence technologies in the administration of justice: legal and moral-ethical aspect//Actual problems of the state and law. 2025. NO. 1.- P. 63-76

[11] Tkachev V.N., Milov P.O. Digitalization of bankruptcy procedures: legal problems of introducing artificial intelligence technologies and blockchain into the institution of insolvency. //Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society. 2025. NO. 4.- S. 118-133

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЛЁКСИН Максим Романович,
старший эксперт ЭКЦ УМВД России
по Рязанской области,
старший лейтенант полиции,
e-mail: mlyoksin@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ: ОПЫТ США, ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СТРАН СНГ

Аннотация. В работе уточняются зарубежные модели правового регулирования цифровых финансовых активов и цифровой валюты, а также пределы их использования при совершенствовании российского законодательства. Цель исследования состоит в сопоставлении подходов США, Европейского союза и государств постсоветского пространства к определению правового статуса криптоактивов, надзору за поставщиками услуг, противодействию легализации преступных доходов и защите участников оборота. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и статистический методы. Использованы научные публикации по налоговому, гражданско-правовому, трудовому и криминологическому регулированию, материалы ФАТФ, ФБР, Банка России, а также акты США и Европейского союза. Установлено, что запретительная модель снижает прозрачность оборота, разрешительная модель без эффективного надзора усиливает риски хищений и мошенничества, а смешанный режим требует точной классификации активов и поднадзорных посредников. Для России обоснован осторожный вариант развития: сохранение запрета на внутренне платежи цифровой валютой, расширение экспериментального режима внешнеторговых расчетов, введение специальных правил хранения клиентских активов, идентификации участников и процессуального изъятия цифровой валюты. Практическая значимость выражена в формулировании точечных поправок, применимых без пересмотра базовой модели российского финансового контроля.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы; цифровая валюта; криптовалюта; виртуальные активы; MiCA; ФАТФ; США; СНГ; противодействие преступности; российское законодательство.

LYOKSIN Maxim Romanovich,
Senior Expert of the Forensic
Center of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation in the Ryazan Region,
Senior Police Lieutenant

FOREIGN MODELS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND DIGITAL CURRENCY: THE EXPERIENCE OF THE USA, THE EUROPEAN UNION AND THE CIS COUNTRIES

Annotation. The article clarifies foreign models of legal regulation of digital financial assets and digital currency, as well as the limits of their use for improving Russian legislation. The purpose of the research is to compare the approaches of the United States, the European Union and post-Soviet jurisdictions to the legal status of crypto-assets, supervision of service providers, anti-money laundering measures and protection of market participants. The methodological basis consists of comparative legal, formal legal, systemic and statistical methods. The research relies on academic publications on tax, civil, labour and criminological regulation, FATF materials, FBI data, Bank of Russia materials, and legal acts of the United States and the European Union. The study shows that a prohibitive model reduces transparency of circulation, a permissive model without effective supervision increases theft and fraud risks, whereas a mixed regime requires precise classification of assets and supervised intermediaries. For Russia, a cautious development scenario is proposed:

maintaining the ban on domestic payments in digital currency, expanding the experimental regime for foreign trade settlements, and introducing special rules on custody of client assets, identification of participants and procedural seizure of digital currency.

Key words: *digital financial assets; digital currency; cryptocurrency; virtual assets; MiCA; FATF; United States; CIS; crime prevention; Russian legislation.*

Введение

Оборот цифровых финансовых активов и цифровой валюты вышел за пределы технологической дискуссии и постепенно занимает место самостоятельного предмета финансово-правового, гражданско-правового и криминологического исследования. Возникновение токенов, стейблкоинов, криптовалютных сервисов, децентрализованных финансов и трансграничных цифровых расчетов поставило перед законодателем несколько взаимосвязанных задач: определить объект регулирования, установить поднадзорный круг посредников, защитить добросовестных участников оборота и пресечь использование цифровых активов в преступной деятельности. Хабриева Т.Я. и Черногор Н.Н. связывают изменение правового регулирования с переходом к цифровой реальности, где традиционные юридические конструкции нуждаются в дополнительной настройке [8, с. 85–102]. Филиппов А.Е. еще на раннем этапе развития рынка писал, что «унифицированный юридический подход к рассмотрению новых явлений в настоящее время отсутствует» [7, с. 85]. Данный тезис сохраняет научную ценность, хотя за последние годы регулирование стало заметно более плотным.

Российское регулирование в этой сфере строится прежде всего на Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Названный акт закрепил правовую рамку выпуска и обращения цифровых финансовых активов, одновременно ограничив использование цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги. В 2024 г. приняты Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Они уточнили порядок майнинга и открыли возможность применения цифровой валюты во внешнеторговых расчетах в рамках экспериментального правового режима под контролем Банка России. По сообщению Банка России, такие расчеты допускаются только в пределах утверждаемой программы ЭПР, с ограничением круга участников и срока действия режима [18].

Цель настоящей работы состоит в сравнительно-правовом анализе зарубежных моделей регулирования цифровых активов и цифровой валюты, а также в определении тех элементов зарубежного опыта, которые могут быть адаптированы в российской юрисдикции без подрыва валютного суверенитета, финансовой стабильности и публично-правового контроля. Для достижения указанной цели рассматриваются международные стандарты ФАТФ, опыт США, Европейского союза, ряда государств постсоветского пространства и научные позиции российских авторов.

Материалы и методы

В исследовании использованы сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и статистический методы. Эмпирическую основу составили материалы ФАТФ по виртуальным активам и поставщикам услуг в сфере виртуальных активов, отчет ФБР Internet Crime Report 2025, Регламент (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 г. on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937, а также сведения Банка России о правовом режиме трансграничных расчетов с использованием криптовалют. Научная база представлена работами Комаревцева Я.А., Старовойтовой О.В., Филиппова А.Е., Пинкевич Т.В., Нарети В.П., Томашевского К.Л., Рождественской Т.Э., Гузнова А.Г. и других авторов [1–10].

При оценке зарубежных моделей учитывались три критерия. Первый критерий связан с правовой квалификацией цифрового актива: имущество, финансовый инструмент, платежный инструмент, товар либо запрещенный объект оборота. Второй критерий отражает режим посредников: наличие лицензирования, регистрации, требований к капиталу, внутреннему контролю, раскрытию информации и хранению клиентских активов. Третий критерий касается публично-правовых рисков: легализация преступных доходов, финансирование терроризма, налоговое уклонение, мошенничество, хищения и процессуальная доступность цифровых доказательств.

Результаты

В зарубежной практике можно выделить три базовые модели. Запретительная модель

основана на исключении криптовалют из легального оборота либо на резком ограничении операций с ними. Ее достоинство видится в ясности публичного сигнала, однако практический эффект неоднозначен: спрос на цифровые активы может уйти в серые каналы, что снижает возможности идентификации участников и налогового учета. Модель строгого допуска признает цифровую валюту имуществом или активом, но ограничивает платежную функцию и переносит акцент на налогообложение, контроль посредников и предупреждение преступности. Российский режим ближе к данной модели. Расширенная модель допускает использование криптовалют и в инвестиционном, и в расчетном обороте, но связывает такую свободу с лицензированием, требованиями к резервам, внутреннему контролю, раскрытию информации и ответственности посредников.

Опыт США подтверждает, что отсутствие единой кодифицированной конструкции не препятствует активному регулированию по отдельным направлениям. Комаревцев Я.А. отмечает, что IRS в налоговых целях квалифицирует криптовалюту как имущество, а положительный финансовый результат от ее реализации или обмена облагается налогом на прирост капитала [1, с. 33]. В 2025 г. федеральное регулирование США получило новый уровень применительно к стейблкоинам: GENIUS Act стал Public Law No. 119-27 18 июля 2025 г. [15]. Закон устанавливает режим разрешенных эмитентов платежных стейблкоинов, требования к резервам один к одному, раскрытию политики погашения и ежемесячной публикации сведений о резервах [15]. В то же время Digital Asset Market Clarity Act of 2025 по состоянию на дату проверки прошел Палату представителей и был передан в Сенат, поэтому ссылка на него как на принятый федеральный закон была бы ошибочной [16]. Данная корректировка устранена из текста статьи.

Статистика США полезна для оценки масштаба рисков, хотя переносить ее на российский рынок без оговорок нельзя. По отчету FBI Internet Crime Complaint Center за 2025 г., жалобы с криптовалютной составляющей составили 181 565 обращений, а заявленный ущерб достиг 11,366 млрд долл. США; средняя сумма потерь по таким обращениям указана на уровне 62 604 долл. США [13]. Отдельно выделена категория криптовалютного инвестиционного мошенничества: 61 559 жалоб и 7,228 млрд долл. США заявленного ущерба [13]. Из этих данных следует, что криптовалютный оборот нуждается в правилах допуска и в процессуальных механизмах раннего выявления, замораживания и последующего обращения цифровых активов.

Европейский союз выбрал модель комплексного надзора за рынком криптоактивов. Регламент MiCA применяется с 30 декабря 2024 г., при этом разделы III и IV по токенам, привязанным к активам, и токенам электронных денег применяются с 30 июня 2024 г. [14]. Для поставщиков услуг по криптоактивам установлены требования к добросовестному и профессиональному поведению, полноте и ясности информации для клиентов, публичной ценовой политике, процедурам рассмотрения жалоб и предотвращению конфликта интересов [14]. Важной для России представляется обязанность поставщиков иметь механизмы защиты прав клиентов на криптоактивы, находящиеся у посредника, а также организационные и кадровые требования к руководству и владельцам существенных долей [14].

При всей развитости европейского режима сохраняются проблемные зоны. Сам текст MiCA предусматривает подготовку доклада о последних изменениях на рынке, включая оценку децентрализованных финансов, кредитования и заимствования криптоактивов, NFT и услуг, связанных с переводами токенов электронных денег [14]. Следовательно, регламент не закрывает всю совокупность новых бизнес-моделей. Это обстоятельство имеет значение для российской дискуссии: механическое копирование европейской модели не решит вопросы анонимных кошельков, DeFi-сервисов без оператора, смешанных платформ и иностранных посредников, которые фактически работают с российскими пользователями из-за рубежа.

ФАТФ сохраняет риск-ориентированный подход к виртуальным активам и поставщикам услуг. В целевом обзоре 2025 г. указывается, что с 2019 г. глобальные стандарты ПОД/ФТ распространены на виртуальные активы и VASP, но многие юрисдикции по-прежнему испытывают трудности при оценке рисков, лицензировании и выявлении лиц, фактически осуществляющих VASP-деятельность [11]. К апрелю 2025 г. 138 юрисдикций получили оценку технического соответствия требованиям ФАТФ по виртуальным активам; только 40 из них отнесены к *largely compliant*, 68 — к *partially compliant*, 29 — к *non-compliant*, а *fully compliant* отмечена лишь одна юрисдикция [11]. Эти цифры указывают, что мировой стандарт еще не стал устойчивой правоприменительной практикой.

Отдельное значение имеют новые риски, зафиксированные ФАТФ. В докладе 2025 г. указано, что 99 юрисдикций приняли либо готовят законодательство по Travel Rule, а юрисдикции с материально значимой VASP-деятельностью охватывают около 98% глобального рынка виртуальных активов [11]. При этом ФАТФ обращает

внимание на злоупотребления стейблкоинами, офшорные VASP, DeFi и рост мошенничества. В 2025 г. была зафиксирована крупнейшая единичная кража виртуальных активов — 1,46 млрд долл. США с VASP ByBit, из которых к моменту отчета вернули только 3,8% [11]. Также приводится оценка о 51 млрд долл. США незаконной ончейн-активности, связанной с мошенничеством в 2024 г. [11]. Для российского правотворчества это означает необходимость совмещать разрешительные режимы с инструментами отслеживания, замораживания и международного запроса информации.

Страны постсоветского пространства развиваются неодинаково. Беларусь использовала модель специального режима в Парке высоких технологий; Казахстан уделил значительное внимание майнингу и площадкам Международного финансового центра «Астана»; Кыргызстан и Узбекистан допустили операции с виртуальными активами при запрете их использования как средства оплаты товаров и услуг; Грузия выстроила регулирование с учетом подходов ФАТФ. Из научных материалов Пинкевич Т.В. следует, что различия в национальных режимах создают регуляторный арбитраж и осложняют предупреждение преступлений с криптовалютой [3, с. 87–93; 5, с. 82–93]. Проблема особенно чувствительна для России, поскольку трансграничность цифрового актива позволяет переносить операции в юрисдикцию с более слабым контролем.

Обсуждение

Российский законодатель уже выбрал осторожную линию. Староверова О.В. прямо указывает: «в России не реализована платежная функция криптовалюты» [6, с. 11]. При этом признание цифровой валюты имуществом для целей отдельных законов не устраняет прикладные вопросы. В судебном или исполнительном производстве требуется установить принадлежность кошелька конкретному лицу, обеспечить доступ к приватному ключу, определить дату и порядок оценки, решить вопрос о хранении изъятого актива и предотвратить его вывод до принятия обеспечительных мер. Староверова О.В. обоснованно ставит вопрос о том, как взыскать суммы с цифровых кошельков, доступ к которым осуществляется по паролям [6, с. 10].

Филиппов А.Е. обращает внимание на доказательственную специфику блокчейна: записи в распределенном реестре технически доступны, но их юридическая интерпретация требует специальных знаний [7, с. 90]. Для российской практики целесообразно закрепить в процессуальном законодательстве порядок фиксации сведений из распределенных реестров, требования к специалисту или эксперту, правила описания адреса-и-

дентификатора, хеша транзакции, временной метки, цепочки переводов и сведений о биржевом или кастодиальном посреднике. Такая конкретизация позволит не менять общую теорию доказательств, но снизит риск произвольной оценки цифровых следов.

Налоговый аспект также нуждается в самостоятельной настройке. Комаревцев Я.А. на материале США, Германии, Нидерландов, Португалии и Сингапура выделяет разные способы фискальной квалификации криптовалюты: налог на прирост капитала, подоходный налог, налог на условный доход от имущества, освобождение долгосрочного владения и разграничение инвестиционной и предпринимательской активности [1, с. 32–35]. Для России более приемлемой выглядит модель, при которой налоговые последствия наступают при отчуждении цифровой валюты, получении дохода от майнинга, выплатах от стейкинга или систематической торговле. Простое владение активом не должно порождать фискальную обязанность без специальных оснований, иначе контроль станет формальным и подтолкнет владельцев к сокрытию кошельков.

Критически следует оценивать предложения о полной легализации внутреннего платежного оборота цифровой валюты. Наретя В.П. и Томашевский К.Л., обсуждая оплату труда криптовалютой, справедливо связывают проблему с тем, что по российскому праву цифровая валюта не относится к наличным или безналичным денежным средствам и фактически попадает в режим иного имущества [2, с. 35–38]. Для трудовых отношений риски волатильности, невозможности гарантировать фиксированный размер оплаты и сложности налогового удержания имеют особое значение. Поэтому даже при дальнейшем развитии цифрового рынка использование криптовалюты для обязательных социальных выплат, заработной платы и потребительских расчетов должно оставаться исключением либо предметом узкого экспериментального режима.

Предложения по совершенствованию российского законодательства могут быть сформулированы кратко. Первое: в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ следует развести цифровую валюту, стейблкоины, токены с имущественным обеспечением и цифровые права, поскольку единая категория затрудняет надзор и налоговую квалификацию. Второе: для российских и иностранных посредников, фактически оказывающих услуги российским пользователям, необходим режим регистрации, идентификации клиентов, хранения данных об операциях, соблюдения Travel Rule и передачи сведений уполномоченным органам по юридически оформленному запросу. Третье: для кастодиальных сервисов следует установить обязанность раздельного

учета собственных и клиентских активов, требования к кибербезопасности, внутреннему контролю, раскрытию рисков и процедурам рассмотрения жалоб, ориентируясь на MiCA без переноса его положений в неизменном виде. Четвертое: в УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ и законодательстве об исполнительном производстве целесообразно закрепить порядок обнаружения, ареста, оценки, хранения и реализации цифровой валюты с учетом волатильности и трансграничного характера операций. Пятое: экспериментальный режим внешнеторговых расчетов можно развивать только при ограниченном круге участников, согласовании с органами финансового мониторинга и предварительной проверке контрагентов.

Криминологический блок требует приоритета обнаруживаемости над механическим расширением запретов. Пинкевич Т.В. связывает рост преступлений с использованием цифровой валюты с анонимностью кошельков, трансграничностью платежей и применением сети Интернет для незаконного оборота наркотиков, вымогательства, финансирования терроризма и легализации преступных доходов [5, с. 86–92]. С учетом этого необходимо развивать специализированные подразделения, обмен сведениями с иностранными финансовыми разведками и методические рекомендации по квалификации преступлений с цифровой валютой. Идея дополнения ст. 63 УК РФ признаком совершения преступления с использованием виртуальной валюты, предложенная Пинкевич Т.В., заслуживает обсуждения, но должна быть дополнена разъяснением, что сам факт применения цифрового актива повышает наказуемость лишь тогда, когда он объективно облегчил сокрытие, трансграничный перевод, легализацию либо получение преступного дохода [5, с. 92].

Заключение

При сравнении зарубежных моделей выявлено, что правовое регулирование цифровых активов требует более сложного выбора, чем простая альтернатива запрета и свободного оборота. Наиболее рациональная модель сочетает имущественную квалификацию актива, специальный надзор за посредниками, правила раскрытия информации и процессуальные инструменты обращения цифровой валюты. Для России приемлема осторожная адаптация зарубежного опыта: внутренний платежный оборот цифровой валюты следует ограничивать, внешнеторговые расчеты развивать в экспериментальном режиме, а регулирование посредников, хранения клиентских активов, идентификации и изъятия цифровой валюты — уточнять на уровне федерального закона и подзаконных актов Банка России. В

ходе проведенного исследования установлено, что главная проблема российского режима связана с неполной разработанностью механизмов правоприменения при наличии базового закона: доказывания принадлежности кошелька, оценки актива, взыскания, международного обмена сведениями и защиты клиентов посредника. Именно эти направления требуют ближайшей нормативной доработки.

Список литературы:

- [1] Комаревцев Я.А. Правовые подходы к налогообложению криптовалюты в зарубежных странах // Финансовое право. 2022. № 10. С. 32–35.
- [2] Наретя В.П., Томашевский К.Л. Использование криптовалюты для выплаты заработной платы: анализ зарубежного опыта правового регулирования и его применимость в Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 3. С. 35–38.
- [3] Пинкевич Т.В. Зарубежный опыт противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51). С. 87–93.
- [4] Пинкевич Т.В. Некоторые проблемы создания механизма противодействия преступлениям, совершаемым с использованием виртуальной валюты и инвестиционных платформ // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции, 30 сентября – 1 октября 2019 г. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2019. С. 285–289.
- [5] Пинкевич Т.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота цифровой валюты (криптовалюты) // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66). С. 82–93.
- [6] Староверова О.В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Цивилист. 2022. № 3. С. 6–15.
- [7] Филиппов А.Е. Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2018. № 4. С. 85–91.
- [8] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.
- [9] Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 43–54.
- [10] Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологи-

ческие тенденции / С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников, Ю.М. Берёзкин, Я.А. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 85–93.

[11] Financial Action Task Force. Virtual Assets: Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on VAs and VASPs. Paris: FATF, 2025. URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/2025-Targeted-Update-VA-VASPs.pdf.coredownload.pdf> (дата обращения: 29.06.2026).

[12] Financial Action Task Force. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris: FATF, 2021. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 29.06.2026).

[13] Federal Bureau of Investigation. Internet Crime Report 2025. Washington: FBI, 2026. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2025_IC3Report.pdf (дата обращения: 29.06.2026).

[14] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40–205.

[15] Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act, Public Law No. 119-27, 119th Congress, 18 July 2025.

[16] Digital Asset Market Clarity Act of 2025, H.R. 3633, 119th Congress, passed by the House on 17 July 2025, received in the Senate on 18 September 2025.

[17] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.

[18] Банк России. Криптовалюты и цифровые права: новый этап регулирования. 30 июля 2024 г. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18881> (дата обращения: 29.06.2026).

[19] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33. Ст. 4936.

[20] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33. Ст. 4938.

References:

[1] Komarevtsev Ya.A. Legal approaches to the taxation of cryptocurrency in foreign countries// Financial law. 2022. № 10. S. 32-35.

[2] Naretya V.P., Tomashevsky K.L. Using cryptocurrency to pay wages: analysis of foreign experience in legal regulation and its applicability in the Russian Federation//Labor law in Russia and abroad. 2025. № 3. S. 35-38.

[3] Pinkevich T.V. Foreign experience in countering criminal activity using cryptocurrency//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (51). S. 87-93.

[4] Pinkevich T.V. Some problems of creating a mechanism to counter crimes committed using virtual currency and investment platforms//Criminal law impact and its role in crime prevention: collection of articles IV of the All-Russian Scientific and Practical Conference, September 30 - October 1, 2019 Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2019. S. 285-289.

[5] Pinkevich T.V. Prevention of crimes committed in the field of digital currency (cryptocurrency) // Rule of law: theory and practice. 2021. № 4 (66). S. 82-93.

[6] Staroverova O.V. Legal regulation of digital financial assets and digital currency//Civilist. 2022. № 3. S. 6-15.

[7] Filippov A.E. Certain legal aspects of regulating the turnover of digital assets in Russia and abroad//Information and analytical journal "Arbitration Disputes." 2018. № 4. S. 85-91.

[8] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in Digital Reality//Journal of Russian Law. 2018. № 1 (253). S. 85-102.

[9] Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Digital financial assets: problems and prospects of legal regulation//Current problems of Russian law. 2020. VOL. 15. № 6 (115). S. 43-54.

[10] Crimes related to the use of cryptocurrency: the main criminological trends/S.V. Ivantsov, E.L. Sidorenko, B.A. Spasennikov, Yu.M. Berezkin, Ya.A. Sukhodolov//All-Russian Criminological Journal. 2019. Т. 13. № 1. S. 85-93.

[11] Financial Action Task Force. Virtual Assets: Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on VAs and VASPs. Paris: FATF, 2025. URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/recommendations/2025-Targeted-Update-VA-VASPs.pdf.coredownload.pdf> (дата обращения: 29.06.2026).

[12] Financial Action Task Force. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. Paris: FATF, 2021. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 29.06.2026).

[13] Federal Bureau of Investigation. Internet Crime Report 2025. Washington: FBI, 2026. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2025_IC3Report.pdf (access date: 29.06.2026).

[14] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets, and amending Regulations (EU) No 1093/2010 and (EU) No 1095/2010 and Directives 2013/36/EU and (EU) 2019/1937 // Official Journal of the European Union. 2023. L 150. P. 40–205.

[15] Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act, Public Law No. 119-27, 119th Congress, 18 July 2025.

[16] Digital Asset Market Clarity Act of 2025, H.R. 3633, 119th Congress, passed by the House on 17 July 2025, received in the Senate on 18 September 2025.

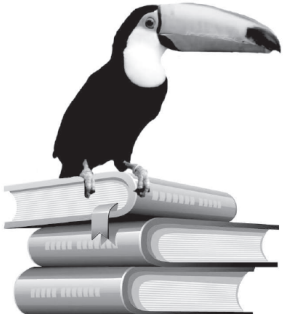
[17] Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 5018.

[18] Bank of Russia. Cryptocurrencies and digital rights: a new stage of regulation. July 30, 2024 URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18881> (Accessed 29.06.2026).

[19] Federal Law of August 8, 2024 No. 221-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 33. Art. 4936.

[20] Federal Law of August 8, 2024 No. 223-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 33. Art. 4938.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ИЗМАЙЛОВ Виталий Викторович,
кандидат юридических наук,
доцент федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Белгородский государственный технологический
университет им. В. Г. Шухова»,
адвокат,
e-mail: law@vizmailov.ru

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ОСТОРОЖНОСТЬ АДВОКАТА: ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОХРАНЕНИИ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ СУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема допустимого использования искусственного интеллекта в адвокатской деятельности. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровые сервисы уже применяются для поиска, редактирования, систематизации материалов и подготовки черновых документов, однако их использование затрагивает не только вопросы удобства, но и основы профессионального статуса адвоката. Цель исследования состоит в обосновании модели алгоритмической осторожности адвоката, позволяющей использовать технологические инструменты без раскрытия адвокатской тайны и без подмены профессионального суждения машинным результатом. Используются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и аксиологический методы. Обосновывается, что искусственный интеллект может выполнять вспомогательные функции, но не является субъектом юридической помощи, не несет ответственности перед доверителем и не вправе определять правовую позицию. Практическое значение исследования заключается в предложении риск-ориентированного подхода: чем ближе цифровой инструмент к материалам конкретного поручения, персональным данным и стратегии защиты, тем жестче должны быть требования к конфиденциальности, проверке результата и информированию доверителя.

Ключевые слова: адвокатура; искусственный интеллект; адвокатская тайна; профессиональная этика; цифровые технологии; юридическая помощь; независимость адвоката; процессуальный документ; конфиденциальность; правовая позиция.

IZMAILOV Vitaly Viktorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Belgorod State Technological University
named after V. G. Shukhov, Attorney at Law

ALGORITHMIC CAUTION OF A LAWYER: LIMITS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE WHILE PRESERVING ATTORNEY-CLIENT CONFIDENTIALITY AND INDEPENDENT PROFESSIONAL JUDGMENT

Annotation. The article examines the permissible use of artificial intelligence in legal advocacy. The topic is relevant because digital services are already used for search, editing, organizing case materials and drafting preliminary documents; however, their use concerns not only efficiency, but also the foundations of the professional status of a lawyer. The purpose of the study is to substantiate a model of algorithmic caution that allows lawyers to use technological tools without disclosing confidential information and without replacing independent professional judgment with machine-generated output. The study applies formal legal, systemic, comparative legal and axiological methods. The article argues that artificial intelligence may perform

auxiliary functions, but it is not a subject of legal assistance, does not bear responsibility to the client and cannot determine the legal position. The practical significance of the study lies in proposing a risk-oriented approach: the closer a digital tool comes to the materials of a specific case, personal data and defense strategy, the stricter the requirements should be for confidentiality, verification of results and client notification.

Key words: *advocacy; artificial intelligence; attorney-client confidentiality; professional ethics; digital technologies; legal assistance; independence of the lawyer; procedural document; confidentiality; legal position.*

Введение

Вопрос о применении искусственного интеллекта в адвокатской работе уже не относится к области прогнозов. Электронные базы, автоматизированный поиск, распознавание документов, перевод, редакция и генерация черновых текстов стали частью обычной профессиональной среды. Для адвоката эта среда отличается от иных сфер юридического консалтинга тем, что каждое техническое действие может затронуть тайну доверителя, процессуальную стратегию и доверительный характер поручения.

На первый взгляд искусственный интеллект выглядит лишь новым канцелярским инструментом. Он ускоряет подготовку проектов, помогает увидеть логические разрывы, предлагает варианты структуры документа. Но именно внешняя простота создает риск: адвокат может незаметно перенести в цифровую систему сведения, которые по своему правовому режиму не должны выходить за пределы адвокатского производства. Другой риск связан с тем, что машинный текст нередко выглядит уверенно, хотя его правовая точность требует самостоятельной проверки.

Цель настоящей статьи состоит в определении пределов применения искусственного интеллекта адвокатом и в обосновании модели алгоритмической осторожности. Под такой осторожностью предлагается понимать не отказ от технологий, а профессиональную дисциплину их использования: минимизацию передаваемых данных, проверку правовых выводов, сохранение окончательного решения за адвокатом и отказ от загрузки материалов поручения в неконтролируемые цифровые сервисы. Задачи исследования включают анализ рисков адвокатской тайны, самостоятельности профессионального суждения, качества процессуального документа и организационных правил внутри адвокатских образований.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и аксиологический методы. Формально-юридический подход позволяет рассмотреть адвокатскую тайну через положения Федерального закона «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката. Системный метод необходим потому, что цифровизация затрагивает не отдельную операцию, а весь цикл работы адвоката: прием поручения, анализ материалов, коммуникацию с доверителем, подготовку документа и последующую защиту позиции.

Сравнительно-правовой метод используется в ограниченном, прикладном значении. Зарубежная дискуссия о генеративном искусственном интеллекте важна не как готовый образец для российского регулирования, а как источник уже проявившихся профессиональных рисков: фиктивные ссылки на судебную практику, слабый контроль помощников, смешение конфиденциальных и открытых данных, недооценка обязанности проверить результат [7; 9; 10]. Аксиологический метод позволяет удерживать в центре анализа не технологию как таковую, а ценности профессии: доверие, независимость, конфиденциальность и личную ответственность адвоката.

Научная литература о правовом использовании алгоритмов показывает, что искусственный интеллект не устраняет классические юридические проблемы, а меняет форму их проявления. В работах о правовом статусе ИИ и об автоматизации юридического труда подчеркивается необходимость различать техническую способность системы формировать текст и правовую способность субъекта отвечать за последствия этого текста [1; 4; 6]. Для адвокатуры такое различие имеет принципиальное значение.

Адвокатская тайна как первый предел цифровой помощи

Адвокатская тайна является наиболее жестким ограничителем технологизации. Закон исходит из широкой формулы: к адвокатской тайне относятся любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи доверителю. Такая конструкция не позволяет сводить тайну только к фамилии доверителя, номеру дела или тексту соглашения. Тайной могут быть обстоятельства обращения, предварительная версия позиции, перечень доказательств, переговорная линия, сведения о здоровье, семейном конфликте, коммерческих отношениях или будущей процессуальной тактике.

При работе с искусственным интеллектом опасность состоит в том, что разглашение может не выглядеть как привычная передача сведений третьему лицу. Адвокат не отправляет письмо оппоненту и не публикует документ, но загружает фрагмент договора, протокол, хронологию событий или проект жалобы во внешний сервис. Если условия обработки данных неясны, такой запрос становится неконтролируемым каналом распространения информации. В профессиональном смысле проблема возникает уже в момент ввода данных, а не только при доказанном причинении вреда доверителю.

Распространенное возражение состоит в том, что материал можно обезличить. Однако обезличивание не всегда устраняет риск. В семейном споре дело может быть узнаваемо по возрасту детей, последовательности событий и месту рассмотрения; в корпоративном конфликте - по размеру доли, дате собрания и отрасли бизнеса; в уголовном деле - по сочетанию фактов, процессуальному статусу лиц и публичному фону. Поэтому адвокат должен оценивать не только наличие имени, но и возможность восстановления контекста.

Практический вывод заключается в презумпции запрета на загрузку материалов конкретного поручения в публичные или не проверенные адвокатом системы. Исключение возможно лишь при сочетании нескольких условий: минимальный объем передаваемых сведений, технические и договорные гарантии конфиденциальности, отсутствие использования данных для обучения модели, ясный режим хранения и удаления информации, а при необходимости - информированное согласие доверителя. При отсутствии ясности преимущество должно отдаваться сохранению тайны, а не удобству работы.

Независимость суждения и проблема правдоподобного текста

Второй предел связан с независимостью профессионального суждения. Адвокатская позиция не является суммой найденных норм и удачных формулировок. Она складывается из оценки доказательств, поведения суда и оппонента, интересов доверителя, процессуальных сроков, этических границ и профессионального опыта. Искусственный интеллект способен имитировать юридическое рассуждение, но не переживает профессиональный риск и не несет дисциплинарной ответственности.

Именно поэтому опасен не слабый, а внешне убедительный машинный текст. Неверный вывод, изложенный небрежно, легко заметить. Ошибка, оформленная грамотным юридическим языком, напротив, может быть принята как готовая пози-

ция. Исследования юридических языковых моделей показывают, что даже специальные правовые инструменты способны создавать неточные или вымышленные ссылки, хотя уровень ошибок может различаться в зависимости от архитектуры системы [9; 10]. Для адвоката это означает одно: машинный результат не может быть принят без проверки.

Профессиональная независимость в цифровую эпоху включает независимость от алгоритмической подсказки. Адвокат вправе использовать ИИ для расширения вариантов анализа, но обязан сохранить право и способность отвергнуть предложенный вывод. Если адвокат направляет доверителю или в суд документ, который сам не проверил, ссылка на технологию не снимает вопроса о добросовестности и квалифицированности юридической помощи.

Особенно важно разграничивать черновую помощь и окончательное решение. Алгоритм может предложить план жалобы, список вопросов для интервью, варианты формулировки просительной части. Но решение о признании факта, выборе способа защиты, заключении мирового соглашения, заявлении ходатайства или обжаловании судебного акта должно оставаться за адвокатом и доверителем в пределах их полномочий. Передача такого решения машине разрушала бы само содержание доверительного поручения.

Риск-ориентированная модель применения искусственного интеллекта

Представляется целесообразным использовать риск-ориентированную модель, основанную на трех вопросах: какие данные передаются, для какой задачи применяется сервис и кто контролирует итоговый результат. Чем ближе цифровой инструмент к материалам конкретного дела и к выбору правовой позиции, тем выше профессиональный риск.

На первом, низком уровне риска находятся задачи, не связанные с поручением доверителя: редакция открытого текста, создание учебного плана, подбор нейтральных вопросов, проверка стилистики, подготовка общей схемы документа без фактов дела. Такое использование может быть допустимым при обычной внимательности.

На втором уровне находятся задачи предварительного анализа: выделение возможных правовых направлений, сравнение вариантов структуры, подготовка перечня доказательств по обезличенной фабуле. Здесь необходима осторожность: факты должны быть обобщены, идентифицирующие признаки удалены, а результат не должен использоваться как готовое заключение.

Третий уровень связан с материалами конкретного поручения. Загрузка договора доверителя, медицинских документов, переписки, протоколов следственных действий, коммерческой информации или проекта позиции в неконтролируемую систему должна рассматриваться как профессионально недопустимая. Даже если доверитель выражает согласие, адвокат не освобождается от обязанности оценить разумность и безопасность такого действия.

Четвертый уровень - подготовка окончательного процессуального решения. Здесь ИИ может быть только редакционным или справочным помощником. Окончательная правовая квалификация, доказательственная логика и просительная часть должны быть проверены адвокатом по актуальным источникам права и фактическим материалам.

Качество процессуального документа и стандарт проверки

Процессуальный документ в адвокатской практике не сводится к литературно грамотному тексту. Он задает рамки спора, фиксирует факты, раскрывает доказательственную стратегию и влияет на последующее движение дела. Поэтому использование искусственного интеллекта при подготовке документа требует отдельного стандарта проверки.

Первый элемент такого стандарта - правовая верификация. Каждая ссылка на норму, судебный акт, научную позицию или правовую конструкцию должна быть проверена по надежному источнику. Нельзя оставлять в документе ссылку только потому, что она выглядит правдоподобно. Второй элемент - фактическая верификация. Текст должен быть сопоставлен с материалами дела: машинная модель склонна сглаживать неопределенность, а иногда дополнять факту логику, но отсутствующими фактами.

Третий элемент - этическая проверка. Документ должен сохранять уважительный профессиональный тон, не раскрывать лишние сведения, не превращать эмоциональную убедительность в манипуляцию и не утверждать больше, чем позволяют доказательства. Для адвоката качество документа определяется не объемом и не внешней выразительностью, а точностью, добросовестностью и пригодностью для защиты интереса доверителя.

Внутри адвокатских образований разумно закреплять простое правило: всякий текст, созданный или существенно переработанный с использованием ИИ, проходит правовую, фактическую и этическую проверку. Такая процедура

не требует бюрократизации, но формирует профессиональную привычку не доверять машине там, где требуется адвокатское решение.

Информирование доверителя и внутренние правила адвокатского образования

Вопрос о согласии доверителя нельзя решать формально. Общая фраза в соглашении об использовании цифровых технологий не означает, что доверитель понял, какие сведения, в какой сервис, на каких условиях и с какими рисками могут быть переданы. Согласие имеет смысл только тогда, когда оно конкретно и информировано.

Вместе с тем не всякое применение ИИ требует отдельного письменного разрешения. Если адвокат проверяет орфографию открытого текста, готовит общую структуру лекции или редактирует обезличенный фрагмент без связи с конкретным поручением, специальное согласие обычно избыточно. Но когда речь идет о передаче сведений, связанных с делом, доверитель должен понимать цель, объем и последствия обработки. При сомнениях безопаснее отказаться от передачи данных.

Для коллегий, бюро и кабинетов полезны локальные правила: перечень допустимых сервисов; запрет загрузки документов доверителей в публичные системы; порядок обезличивания; обязательная проверка источников; правила работы стажеров и помощников; фиксация согласия доверителя в случаях повышенного риска. Такие правила не заменяют закон и Кодекс профессиональной этики адвоката, но переводят общие обязанности в ежедневную практику.

Особое значение имеет обучение молодых специалистов. Стажер может воспринимать нейросеть как обычный рабочий инструмент и не видеть, что в одном запросе уже содержится адвокатская тайна. Поэтому цифровая гигиена становится частью наставничества: руководитель должен объяснять не только как подготовить документ, но и какие сведения нельзя вводить в открытую систему.

Результаты

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько результатов. Во-первых, искусственный интеллект в адвокатской деятельности должен пониматься как вспомогательный инструмент, а не как участник оказания юридической помощи. Он может ускорять технические и аналитические операции, но не обладает профессиональным статусом и не несет ответственности перед доверителем.

Во-вторых, адвокатская тайна является главным пределом цифровизации. Передача сведений, связанных с поручением, допустима только при наличии ясного и проверенного режима обработки данных. Простое обезличивание не всегда достаточно, поскольку дело может быть восстановлено по совокупности обстоятельств.

В-третьих, независимость адвоката предполагает критическое отношение к любому машинному выводу. Чем убедительнее выглядит текст, тем важнее проверить его по нормам, практике и материалам дела. Ошибка алгоритма остается профессиональным риском адвоката, если он использовал результат без проверки.

В-четвертых, оптимальной является риск-ориентированная модель. Открытые и учебные задачи допускают более широкое применение ИИ; работа с материалами конкретного поручения требует ограничений; окончательное процессуальное решение не может быть передано алгоритму.

В-пятых, адвокатским образованиям целесообразно принимать внутренние правила использования ИИ. Они должны быть направлены не на запрет технологии, а на сохранение тайны, качества помощи и ответственности адвоката.

Заключение

Искусственный интеллект не отменяет адвокатскую профессию и не заменяет доверительные отношения между адвокатом и доверителем. Напротив, распространение машинно созданных юридических текстов делает еще более заметным отличие адвокатской помощи от простого получения документа. Это отличие состоит в ответственности, тайне, независимом суждении и способности выбрать позицию с учетом конкретного человека и конкретного дела.

Технология может быть полезна адвокату, если остается в роли инструмента. Она помогает экономить время, наводить порядок в массиве информации, искать слабые места в черновике и улучшать структуру текста. Но она становится опасной, когда превращается в хранилище адвокатской тайны, источник непроверенных правовых выводов или замену профессионального решения.

Модель алгоритмической осторожности позволяет совместить технологическую эффективность и профессиональные гарантии. Ее ядро составляют четыре правила: не передавать лишние данные, не раскрывать тайну в неконтролируемой среде, проверять каждый правовой результат и сохранять окончательное решение за адвокатом. В таком режиме искусственный

интеллект способен усиливать адвокатскую деятельность, не разрушая тех оснований, ради которых существует адвокатский статус.

Список литературы:

[1] Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109.

[2] Минбалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2022. Т. 32. № 6. С. 1094-1099.

[3] Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кротова Н. В. Развитие доктрины информационного права в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 12. С. 75-87.

[4] Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2025. 321 с.

[5] Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102.

[6] Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35. № 4. P. 1305-1337.

[7] Ashley K. D. Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 427 p.

[8] Susskind R. Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.

[9] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22. № 2. P. 216-242.

[10] Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. 2024. Vol. 16. № 1. P. 64-93.

[11] Re R. M., Solow-Niederman A. Developing Artificially Intelligent Justice // Stanford Technology Law Review. 2019. Vol. 22. № 2. P. 242-289.

[12] Barocas S., Selbst A. D. Big Data's Disparate Impact // California Law Review. 2016. Vol. 104. № 3. P. 671-732.

References:

[1] Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. VOL. 22. № 1. S. 91-109.

[2] Minbaleev A. V. The concept of “artificial intelligence” in law//Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2022. T. 32. № 6. S. 1094-1099.

[3] Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Krotkova N. V. Development of the doctrine of information law in the context of digital transformation//State and law. 2020. № 12. S. 75-87.

[4] Filipova I. A. Legal regulation of artificial intelligence. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2025. 321 pp.

[5] Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in Digital Reality//Journal of Russian Law. 2018. № 1. S. 85-102.

[6] Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35. № 4. P. 1305-1337.

[7] Ashley K. D. Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital

Age. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 427 p.

[8] Susskind R. Tomorrow's Lawyers: An Introduction to Your Future. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.

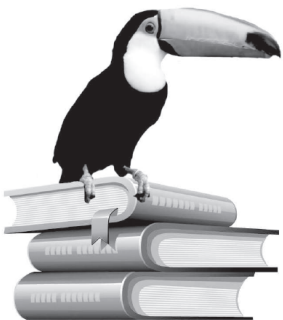
[9] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22. № 2. P. 216-242.

[10] Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. 2024. Vol. 16. № 1. P. 64-93.

[11] Re R. M., Solow-Niederman A. Developing Artificially Intelligent Justice // Stanford Technology Law Review. 2019. Vol. 22. № 2. P. 242-289.

[12] Barocas S., Selbst A. D. Big Data's Disparate Impact // California Law Review. 2016. Vol. 104. № 3. P. 671-732.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ВИЛЬДАНОВА Марина Михайловна,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник Института
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

БИРЖЕВЫЕ ТОРГИ ЦИФРОВЫМИ СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ, ВЫПУЩЕННЫМИ НА УТИЛИТАРНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает особенности биржевой торговли цифровыми свидетельствами, выпущенными на различные виды утилитарных цифровых прав, а также сферы возможного внедрения новых финансовых инструментов. Безусловными плюсами являются: создание финансовых инвестиционных инструментов, обеспеченных ликвидным товаром; гибкость условий выпуска и обращения, прозрачность ценообразования.

Автором исследуются проблемные моменты применения нового финансового инструментария, среди которых можно назвать определенную зависимость от оператора платформы, т.к. продажа или обмен утилитарных цифровых прав пока ограничены рамками конкретной платформы.

Имеются некоторые вопросы в связи с разными подходами к налогообложению операций с утилитарными цифровыми правами в зависимости от целей, субъектов правоотношений, особенностей приобретения и иных факторов.

В работе также анализируются способы минимизации потенциальных рисков внедрения новых рыночных финансовых инструментов и предлагается уточнить особенности налогообложения в Налоговом кодексе Российской Федерации, а также установить на уровне закона возможность использования утилитарных цифровых прав в качестве средства платежа и снять ограничения в отношении возможности привлечения к торгам физических лиц.

В целях совершенствования системы управления рисками на финансовом рынке предлагается ввести на биржах и в расчетных банках элемент участия искусственного интеллекта для оценки неправомерных действий участников торгов, минимизации рисков манипулирования финансовым рынком и ненадлежащего использования инсайдерской информации.

Ключевые слова: цифровые права, утилитарные цифровые права, инвестиционная платформа, цифровые свидетельства, депозитарий, биржа, организованные торги, клиринг, расчетный банк, хранилище.

VILDANOVA Marina Mikhailovna,
PhD in Law, Leading Researcher
at the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

EXCHANGE TRADING OF DIGITAL CERTIFICATES ISSUED FOR UTILITY DIGITAL RIGHTS

Annotation. In this article, the author examines the specifics of exchange trading in digital certificates issued against various types of utility digital rights, as well as potential areas for the implementation of these new financial instruments. Key advantages include the creation of financial investment instruments backed by liquid commodities, flexibility regarding issuance and trading terms, and price transparency.

The author examines the challenges associated with the use of new financial instruments, including a certain dependence on the platform operator, given that the sale or exchange of utility digital rights is currently confined to the scope of a specific platform.

Certain issues arise regarding the varying approaches to the taxation of transactions involving utilitarian digital rights, depending on the objectives, the parties to the legal relationship, the specifics of acquisition, and other factors.

The paper also analyzes ways to minimize the potential risks associated with the introduction of new market-based financial instruments; it proposes clarifying taxation provisions within the Tax Code of the Russian Federation, and establishing—at the legislative level—the possibility of using utilitarian digital rights as a means of payment, and lifting restrictions on the participation of individuals in trading.

To enhance the financial market risk management system, it is proposed to introduce artificial intelligence at exchanges and settlement banks to assess misconduct by trading participants and to minimize the risks of financial market manipulation and the misuse of inside information.

Key words: *digital rights, utility digital rights, investment platform, digital certificates, depository, exchange, organized trading, clearing, settlement bank, storage.*

Согласно статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

В российских законах [1] предусмотрено два вида цифровых прав:

- цифровые финансовые активы, которые в основном отражают денежные обязательства, доли в юридических лицах или обеспеченные имущественные права,
- утилитарные цифровые права, являющиеся цифровыми правами, возникающими в инвестиционной платформе, которые дают его приобретателю право требовать передачу вещи в определенный срок, оказание конкретной услуги; выполнение работы с заранее согласованным результатом; предоставление объекта интеллектуальной собственности.

Возможно также использование гибридных форм, то есть комбинации цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав, которая выгодна для привлечения участников финансового рынка, так как предоставляет альтернативные возможности действий, т.е. приобретение товара/прав либо денежный расчет.

Важными источниками правового регулирования обращения на бирже цифровых свидетельств, выпущенных на утилитарные цифровые права, являются внутренние документы инвестиционной платформы, депозитария, биржи, расчетного банка и хранилища (при необходимости). Для выпуска и обращения утилитарных цифровых прав необходимо использовать инвестиционные платформы, которые включены в официальный реестр Банка России. Права, признаются утилитарными цифровыми правами, если они

изначально возникли в качестве цифровых прав на основании их приобретения. Утилитарными цифровыми правами не могут являться права требования имущества, права на которые подлежат государственной регистрации.

В правилах платформы устанавливаются: порядок регистрации эмитента; условия выпуска и размещения прав; процедуры фиксации сделок и способы исполнения обязательств. Лицо, привлекающее инвестиции, определяет согласно правилам содержание, существо прав (требования), условия осуществления прав и их количество.

В целях обеспечения обращения утилитарных цифровых прав на организованных торгах депозитарий, как правило, входящий в группу биржи, формирует пакеты ценных бумаг, преобразуя в цифровые свидетельства по аналогии с депозитарными расписками. Цифровые свидетельства размещаются и обращаются на бирже. Среди инвесторов утилитарных цифровых прав могут быть как фондовые инвесторы, заинтересованные в диверсификации портфеля, так и потребители. При обращении по мере приближения даты погашения, фондовые инвесторы, не заинтересованные в получении товара, реализуют свои позиции на биржевых торгах. В свою очередь товарные инвесторы и реальные покупатели приобретают инструмент для получения товара.

В настоящее время в Акционерном обществе «Санкт-Петербургская Валютная биржа» получили внедрение новые финансовые инструменты – цифровые свидетельства на утилитарные цифровые права [2]. Утверждены и зарегистрированы в Банке России «Правила листинга (делистинга) ценных бумаг Акционерного общества «Санкт-Петербургская Валютная Биржа» (далее - Правила листинга (делистинга)) и «Правила проведения организованных торгов в фондовой секции Акционерного общества «Санкт-Петербургская Валютная Биржа» (далее – Правила торгов) [3].

В Правилах листинга (делистинга) содержатся критерии включения цифровых свидетельств, являющихся неэмиссионными ценными бумагами, удостоверяющими принадлежность

утилитарных цифровых прав, в список ценных бумаг, обращающихся на биржевом фондовом рынке при соблюдении соответствия требованиям законодательства Российской Федерации о цифровых свидетельствах, а также требованиям к лицам, обязанным по цифровым правам, принадлежность которых удостоверяется цифровыми свидетельствами; нормам, предъявляемым к депозитарию, выдавшему цифровые свидетельства и т.д.

Листинг осуществляется путем включения ценных бумаг в некотируемую часть Списка ценных бумаг биржи. К листингу на бирже допускается только юридические лица, являющиеся обязанными по цифровым правам, принадлежность которых удостоверяется цифровыми свидетельствами.

В Правилах листинга (делистинга) делается акцент на том, что инвестиционные предложения по выпуску цифровых прав, принадлежность которых удостоверяется цифровыми свидетельствами, должны предусматривать детализированные условия поставки физического актива или оказания услуги, что безусловно целесообразно, поскольку создает надлежащую защиту прав участников торгов.

После заключения договора между биржей и заявителем, биржа размещает на сайте объявление о начале торгов соответствующими ценными бумагами. В Правилах торгов содержатся требования к обращению на организованных торгах таких неэмиссионных ценных бумаг, как цифровые свидетельства. Объем денежных средств, привлеченных лицом, обязанным по цифровым правам, принадлежность которых удостоверена цифровым свидетельством, в рамках размещенного на инвестиционной платформе инвестиционного предложения, может составлять не менее 100 миллионов рублей.

В настоящее время проходят следующие пилотные биржевые проекты в Акционерном обществе «Санкт-Петербургская Валютная Биржа» на цифровые свидетельства, обеспеченные утилитарными цифровыми правами:

- на серебряные инвестиционные монеты (в частности, «Георгий Победоносец»), обеспеченные физическим металлом. (При этом эмитентом выступает «Еврофинансбанк», а инвесторы могут по желанию забрать реальную монету в кассе банка);
- на сельскохозяйственную продукцию (в частности, на пшеницу).

Как указано на сайте Акционерного общества «Санкт-Петербургская Валютная Биржа», предполагается развивать организованные торги цифровыми свидетельствами на утилитарные цифровые права:

- на продукцию, выпускаемую конкретными предприятиями;
- на нефтепродукты;
- на драгоценные металлы;
- на выполнение работ или оказания услуг [4].

Особый интерес представляют возможные инвестиции в финансовые инструменты с драгоценными металлами. Традиционно драгоценные металлы выполняют уникальную функцию в инвестиционном мире, выступая в роли защитного актива (Safe Haven). В периоды геополитической напряженности, высокой инфляции, падения покупательной способности денег и волатильности фондового рынка, золото, как правило, демонстрирует стабильность и даже рост, поскольку инвесторы массово переводят деньги из рискованных активов, в так называемые вечные ценности.

С одной стороны, низкая корреляция с акциями и облигациями делает драгоценные металлы незаменимым инструментом диверсификации портфеля, а с другой стороны – цифровые свидетельства, обеспеченные драгоценными металлами, смогут обращаться на фондовом рынке. Распределение части капитала в драгоценные металлы через утилитарные цифровые права и цифровые свидетельства могло бы сглаживать волатильность портфелей инвесторов и обеспечивать финансовую «подушку» безопасности в случае непредвиденных глобальных событий.

Недропользователи и/или аффинажные заводы могли бы привлекать финансирование под будущие поставки слитков драгоценных металлов путем выпуска утилитарных цифровых прав и размещения их банкам. Указанный инструмент мог бы использоваться, в том числе и как элемент софинансирования банками одного заемщика при превышении собственных лимитов, для перераспределения рисков.

При этом была бы целесообразна аккумуляция произведенных слитков драгоценных металлов в едином хранилище, где установлена отлаженная, гарантированная транспортировка, а риск хранения и гарантий качества переводится на одно лицо, осуществляющее хранение. Кроме того, упростился бы процесс взаимодействия при получении металлов одним юридическим лицом (вместо нескольких недропользователей или аффинажных заводов), где применялась бы надежная система профессионального хранения. История самих драгоценных металлов и сделок с ними стала бы более прослеживаемой через Государственную интегрированную информационную систему драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них. Таким образом, мог

быть создан единый технологический процесс и программное обеспечение, а также страховое покрытие по складскому хранению.

Плюсами использования в сделках цифровых свидетельств, обеспеченных утилитарными цифровыми правами также можно считать следующие:

- снижение затрат ввиду отсутствия бумажного документооборота и ряда посредников;
- гибкость условий, так как перечень обязательств, сроки и порядок исполнения обязательств самостоятельно формируются эмитентом;
- простота и прозрачность совершения сделок особенно на биржевых торгах, где осуществляется рыночное ценообразование.

Вместе с тем, важно отметить некоторые ключевые проблемы в развитии торговли цифровыми свидетельствами, обеспеченными утилитарными цифровыми правами на драгоценные металлы.

В законодательстве Российской Федерации кроме разных подходов к налогообложению цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав в зависимости от целей, очередности их приобретения, также различается подход по налогообложению операций с драгоценными металлами в зависимости от субъектности налогоплательщика и места хранения драгоценных металлов: операции могут освобождаться от налога на добавленную стоимость или ставка налога на добавленную стоимость может быть 0%, или применяется общий порядок налогообложения. Как следствие - вариативность налогообложения при выпуске, обмене и погашении цифровых свидетельств и соответственно утилитарных цифровых прав тормозит привлечение как корпоративных эмитентов, так и розничных инвесторов.

Отсутствует также единообразие в отражении в бухгалтерском учете всех цифровых прав, т.к. в отличие от цифровых финансовых активов, доходы и расходы по которым учитываются в отдельной налоговой базе, утилитарные цифровые права принимаются к бухгалтерскому учету в общей налоговой базе.

В России пока нет развитого вторичного рынка утилитарных цифровых прав, т.е. соответственно нет достаточной инфраструктуры для перепродажи. Ограниченность вторичного рынка связана с тем, что сделки с утилитарными цифровыми правами законодательно привязаны к изначальным инвестиционным платформам. Это существенно ограничивает ликвидность свидетельств. Платформы операторов информационных систем работают в относительно закрытых

контурах. Отсутствие стандартизации и интеграции между разными платформами также мешает развитию ликвидного межплатформенного рынка цифровых свидетельств.

В целях создания благоприятных условий для развития рынка новых финансовых инструментов и оптимизации выпуска и обращения утилитарных цифровых прав и цифровых свидетельств целесообразно реализовать нижеследующее.

Для обеспечения массового внедрения совершения сделок с утилитарными цифровыми правами на драгоценные металлы и цифровых свидетельств необходимо уточнить в Налоговом кодексе Российской Федерации порядок налогообложения, дать рекомендации по бухгалтерскому учету операций, а также на уровне закона установить возможность использования утилитарных цифровых прав в качестве средства платежа.

Предлагается решить определенную связанность финансовых инструментов с изначальными инвестиционными платформами путем регулирования выпуска депозитарием цифровых свидетельств на утилитарные цифровые права, выпущенные в нескольких инвестиционных платформах.

На уровне нормативных правовых актов важно было бы расширить круг инвесторов и не ограничиваться квалифицированными инвесторами. Возможно более широкое привлечение физических лиц.

Риски инвесторов цифровых свидетельств по неисполнению перед ними обязательств, а также риски волатильности ценных бумаг могут быть снижены путем контроля за обеспечением обязательств эмитента утилитарных цифровых прав через биржу, централизованное хранилище и расчетный банк, а также путем диверсификации инвестиций.

Организация биржевой торговли, единообразные расчеты, а также централизованное хранение способствовали бы укреплению системы управления рисками, внутреннего контроля и внутреннего аудита. При этом целесообразно рассмотреть возможность введения на финансовом рынке элемента участия искусственного интеллекта по оценке неправомерных действий участников торгов и минимизации рисков манипулирования рынком, ненадлежащего использования инсайдерской информации.

Современная юридическая литература об искусственном интеллекте касается, как регулирования самих технологий, так и влияния на практическое применение в области ценообразования и юридическую квалификацию [5]. Так, в работе Цой Е.К. указывается на то, что «это широ-

кая отрасль компьютерных наук, целью которой является создание систем, которые могут функционировать независимо и разумно» [6].

В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 г. № 124) дается определение искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, позволяющего «имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [7].

Ранее в нормативных правовых актах доминировал принцип достижения результатов, сопоставимых, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Представляется, что цель внедрения искусственного интеллекта более оправдана в новой редакции «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», так как отказ от человеческого фактора целесообразен лишь тогда, когда полученные результаты действительно превосходят результаты деятельности человека.

По итогам анализа текущих практик разработки и использования искусственного интеллекта Банк России разработал Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке [8], целями которого являются: повышение доверия физических и юридических лиц к применению искусственного интеллекта при оказании услуг на финансовом рынке; содействие развитию и применению искусственного интеллекта, а также минимизация рисков, связанных с разработкой и применением искусственного интеллекта на финансовом рынке.

Вместе с тем, целесообразно не только минимизировать риски внедрения искусственного интеллекта, но использовать его по мере возможности для укрепления системы управления рисками на финансовом рынке.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] биржи и банки обязаны осуществлять контроль за соблюдением требований, предусмотренных указанным законом, а в случае их невыполнения уполномоченные органы юридических лиц могут быть привле-

чены к ответственности. Вместе с тем, на практике иногда имеют место различного рода правонарушения.

Для создания более четкой системы предотвращения манипулированию на финансовом рынке существенны: анализ международной практики совершения сделок в рассматриваемой сфере; всесторонняя оценка нестандартных сделок, позволяющая обеспечивать конкретные доказательства факта манипулирования участниками торгов; изучение истории деятельности юридических лиц, подозреваемых в манипулировании; их стратегии; сделок на иных биржах; исследование корпоративных мероприятий юридических лиц, которые могли бы повлиять на их тактику, а также судебных дел с их участием и т.д. Поскольку для подготовки обоснованных суждений необходимы как указанный выше многоаспектный подход к ситуациям манипулирования, так и оценка позиций участников торгов, биржи, банков и регулирующих органов, то было бы целесообразно привлечение искусственного интеллекта, на основании объективного и нейтрального мнения которого, можно было бы сделать вывод о наличии или отсутствии противоправных деяний. С учетом разработанной позиции с использованием искусственного интеллекта у уполномоченных органов, проводящих расследование фактов манипулирования рынком, будет достаточная база для вынесения обоснованных решений и пресечения манипулирования на финансовом рынке.

Недавно принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых технологических инноваций в Российской Федерации» [10], увеличивающий срок проведения эксперимента, в том числе по внедрению искусственного интеллекта, с 3 до 5 лет. Представляется, что этот срок будет достаточен для выработки основных позиций для использования искусственного интеллекта как на финансовом рынке, так и в иных сферах экономики России.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровых правах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты»//Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[2] «АО СПВБ объявляет об инновациях на рынке цифровых инструментов»//<https://spvb.ru>

[3] Сайт: <https://spvb.ru>

[4] Сайт: <https://spvb.ru>

[5] Иванова С.И. «Правовое регулирование искусственного интеллекта в новых экономических условиях». М. Русайнс, 2026; Р.М.Янковский «Использование ИИ в работе юриста». Практическое руководство – М., НОУРУТС, 2025.

[6] Е.К Цой «Искусственный интеллект в юридической деятельности//Научные труды Московского гуманитарного университета, М. 2023, №3, С.58

[7] Сайт: <https://www.consultant.ru> Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[8] Сайт: <https://www.consultant.ru> Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[9] Сайт: <https://www.consultant.ru> Система КонсультантПлюс: Российское законодательство (Версия Проф).

[10] Сайт: <https://sozd.duma.gov.ru>

References:

[1] Federal Law of August 2, 2019 № 259-FZ «On attracting investments using investment plat-

forms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation»; Federal Law of July 31, 2020 № 259-FZ «On Digital Financial Assets, Digital Rights and Amendments to Certain Legislative Acts»//<https://www.consultant.ru>

[2] «SPBX Announces Innovations in the Digital Instruments Market»//<https://spvb.ru>

[3] <https://spvb.ru>

[4] <https://spvb.ru>

[5] Ivanova S.I. «Legal Regulation of Artificial Intelligence in the New Economic Conditions» Moscow: Rusains, 2026; R.M.Yankovsky «Using AI in Legal Work». A Practical Guide – Moscow: NOURUTS, 2026.

[6] E.K. Tsoi «Artificial Intelligence in Legal Activity» Scientific Works of the Moscow Humanitarian University, Moscow, 2023, No. 3, p.58.

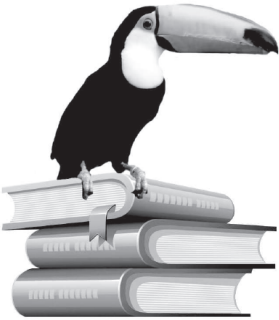
[7] <https://www.consultant.ru> ConsultantPlus System: Russian Legislation (Prof Version).

[8] <https://www.consultant.ru> ConsultantPlus System: Russian Legislation (Prof Version).

[9] <https://www.consultant.ru> ConsultantPlus System: Russian Legislation (Prof Version).

[10] <https://sozd.duma.gov.ru>

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-485-488

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

ХУРИГАНОВА Маргарита Баторовна,

Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: khuriganova06@mail.ru

РОМАНОВА Екатерина Сергеевна,

Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ekatrommm@gmail.com

Научный руководитель:

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,

доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
e-mail: mmimi1963@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ПО ЗАКОНУ

Аннотация. Статья посвящена институту наследования по закону в российском гражданском праве. Анализируются основания его применения, правовое положение нетрудоспособных иждивенцев, круг наследников по очередности и порядок принятия наследства. На основе судебной практики показаны наиболее частые споры – об установлении родства, о восстановлении срока принятия наследства и о признании наследника недостойным.

Ключевые слова: наследство, очередность наследования, наследование по закону, принятие наследства, недостойный наследник, установление родства, Гражданский кодекс РФ.

HURIGANOVA Margarita Batorovna,

Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E. N. Zinichev,
St. Petersburg, Russia

ROMANOVA Ekaterina Sergeevna,

Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation,
General of the Army E. N. Zinichev,
St. Petersburg, Russia

Scientific supervisor:

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,

Associate Professor of the Department of Civil Law,
Saint Petersburg University of the Ministry
of Emergency Situations of Russia

INHERITANCE LAW

Annotation. *The article is devoted to the institution of inheritance by law in Russian civil law. It analyzes the grounds for its application, the legal status of disabled dependents? The circle of heirs in order of priority, and the procedure for accepting an inheritance. Based on judicial practice, the most common disputes are shown, such as establishing an inheritance, and recognizing an heir as unworthy.*

Key words: *inheritance, order of inheritance, inheritance by law, acceptance of an inheritance, unworthy heir, establishment of kinship, Civil Code of the Russian Federation.*

Введение

В соответствии с нормами гражданского законодательства, под наследством понимается имущество и имущественные права, а также движимые и недвижимые объекты, которые принадлежали наследодателю при жизни и которые после смерти их владельца делятся по закону или по завещанию между его наследниками [1].

Наследование по закону занимает важное место в системе гражданского права Российской Федерации, так как обеспечивает переход прав и обязанностей умершего лица к его наследникам в случае отсутствия завещания либо в других случаях, предусмотренных законом. Наследование по закону направлено на защиту имущественных интересов членов семьи наследодателя [2].

Актуальность темы обоснована тем, что в наше время наследование по закону остается одним из самых распространенных оснований получения наследства [5]. Несмотря на законодательное регулирование, в данной области часто возникают различные споры. К числу основных проблем относятся: сложности определения круга наследников, споры о признании наследников недостойными, установление факта родственных отношений, а также вопросы восстановления сроков принятия наследства [6]. Особое значение приобретают также новые вызовы, связанные с развитием имущественных отношений, включая появление цифровых активов и усложнение структуры наследственной массы [7]. Такие обстоятельства показывают необходимость анализа норм гражданского законодательства, регулирующих наследование по закону.

Основания наследования по закону

Наследование по закону применяется тогда, когда наследодатель не оставил завещания, либо если оно частично отсутствует. Главная особенность наследования по закону заключается в том, что имущество переходит родственникам и другим лицам по закону в порядке очередности, предусмотренной статьями 1142-1145 и 1148 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1].

Наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предшествующих очередей, то есть если наследники предше-

ствующих очередей отсутствуют, никто из них не имеет права наследовать, отстранены от наследования, лишены наследства или отказались от наследства [1].

В юридической науке тема наследования получила широкое освещение. Так, в одной научной работе Жабенцевой Елены Алексеевны, наследование по закону представляет собой механизм универсального правопреемства, при котором имущество, права и обязанности наследодателя переходят к наследникам как единое целое и в неизменном своем виде. Также Елена подчеркивает, что данная форма наследования играет ключевую роль в обеспечении стабильности гражданского оборота и применяется в случаях отсутствия завещания. При важным является то, что законодатель закрепляет строгую очередность наследников, что позволяет уменьшить споры между потенциальными наследниками и устанавливает правовую определенность [4].

Круг наследников по закону

К наследникам по закону относятся лица, указанные в Гражданском Законодательстве. Они призываются к наследованию в порядке очереди. В первую очередь право наследовать имеют дети, супруг и родители наследодателя. Если наследников первой очереди нет, то право наследования переходит к наследникам второй очереди и последующих. Наследники одной очереди наследуют в равных долях [1].

Также может применяться наследование по праву представления. Это значит, что, если наследник умер раньше наследодателя или одновременно с ним, его доля делится между его преемниками.

Нетрудоспособные иждивенцы наследодателя тоже имеют право на наследство при одновременном наличии таких условий, как нетрудоспособность на день смерти наследодателя, нахождение на иждивении не менее года до смерти наследодателя и совместное проживание с наследодателем не менее года до его смерти. В таком случае порядок наследования будет зависеть от наличия других наследников, если есть другие наследники, то вместе и наравне с наследниками той очереди, которая призывается к

наследованию. А если нет других наследников – самостоятельно в качестве наследников восьмой очереди [1].

Таким образом, закон устанавливает четкий круг наследников, чтобы определить кому и в каком порядке должно перейти имущество наследодателя.

Порядок принятия наследства

Для приобретения наследства наследник должен принять его. Для этого можно подать заявление нотариусу или фактически вступить во владение имуществом [1]. Общий срок принятия наследства составляет шесть месяцев со дня открытия наследства. Если наследник пропустил этот срок, он может восстановить его при наличии уважительных причин через суд [3].

Наследник также имеет право отказаться от наследства. Отказ должен быть оформлен у нотариуса и не может быть изменен.

Таким образом, принятие наследства требует соблюдения установленных сроков и порядка.

Проблемные вопросы наследования по закону

На практике при наследовании по закону часто возникают споры. Один из самых распространенных вопросов – признание наследника недостойным, если он пытался незаконно своими действиями получить наследство. Такое основание предусмотрено статьей 1117 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1].

Также преобладающими считаются проблемы при наследовании по закону, связанные с установлением родства. Это важно тогда, когда человек претендует на наследство, но не может сразу подтвердить свое право необходимыми документами. В таких случаях вопрос часто решается в судебном порядке.

Из судебной практики вытекает, что споры о наследовании по закону обычно связаны с восстановлением срока, установлением родства и признанием наследника недостойным [9, 10].

Суды исходят из того, что наследство может быть не только через заявление нотариусу, но и фактически, если наследник пользовался имуществом и нес расходы на содержание. Для тех, кто не оформил все сразу у нотариуса, такой подход очень важен для защиты прав наследников [11].

Также судами рассматриваются дела о восстановлении пропущенного срока принятия наследства. Законом допустимо, если срок был пропущен по уважительной причине, а также в отдельных случаях – с согласия других наследников без обращения в суд [8].

Судебная практика играет важную роль, так как помогает правильно применять нормы закона и защищать права наследников.

Заключение

Наследование по закону занимает одно из ключевых мест в системе гражданского права, поскольку обеспечивает переход имущества, имущественных прав и обязанностей умершего лица к его родственникам и иным законным преемникам в порядке, установленном государством. Данный институт применяется в случаях, когда наследодатель не оставил завещания, признал его недействительным, либо когда завещание охватывает только часть наследственной массы. Законодательство четко определяет круг наследников по закону, устанавливает очередность их призвания к наследованию, регламентирует порядок и сроки принятия наследства, а также предусматривает механизмы восстановления пропущенных сроков при наличии уважительных причин. Таким образом, наследование по закону выступает гарантией защиты имущественных интересов членов семьи и близких родственников наследодателя.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ : (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

[2] Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. Е.Ю. Петров. – Москва: М-Логос, 2018. – 656 с. – (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). – URL: <https://sgla.ru/sveden/files/au/792b309edff0ecea43464cacbbb218a0.pdf>.

[3] О судебной практике по делам о наследовании : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 : (ред. от 24.12.2020) // Российская газета. – 2012. – № 127. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/.

[4] Жабенцева, Е.А. Наследование по закону / Е.А. Жабенцева // Молодой ученый. – 2019. – № 45 (283). – С. 93–95. – URL: <https://moluch.ru/archive/283/63653>.

[5] Токарликов, О.В. Наследование по закону и по завещанию в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути совершенствования законодательства / О.В. Токарликов // Вестник магистратуры. – 2024. – № 1-1 (148). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledovanie-po-zakonu-i>

po-zaveschaniyu-v-rossiyskoy-federatsii-aktualnye-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva.

[6] Никулина, Е.Б. Наследование по закону в Российской Федерации / Е.Б. Никулина // Экономика и социум. – 2024. – № 3-1 (118). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledovanie-po-zakonu-v-rossiyskoy-federatsii>.

[7] Волос, А.А. Институт наследования по закону и цифровизация общества / А.А. Волос // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-nasledovaniya-po-zakonu-i-tsifrovizatsiya-obschestva>.

[8] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2025 по делу № 8Г-27692/2024[88-436/2025-(88-27474/2024)] // Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». – URL: <https://base.garant.ru/344532849/>.

[9] Решение Томского районного суда Томской области от 26.03.2025 по делу № 2-852/2025 // Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zpqskftrzOgC/>.

[10] Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 25.12.2024 по делу № 33-13850/2024 // Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Решение Ашинского городского суда Челябинской области от 22.01.2025 по делу № 2-135/2025 // Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «Кодексы и Законы». – URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-b254e19e-d05b-5682-9991-53c45167612b/>.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part three): federal law of 26.11.2001 No. 146-FZ: (as amended on 08.08.2024) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 49. - Art. 4552.

[2] Hereditary law: article-by-article commentary to Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0]/hole ed. E.Yu. Petrov. - Moscow: M-Logos, 2018. - 656 p. - (Comments on civil law #Gloss). – URL: <https://sgla.ru/sveden/files/auf/792b309edf-f0ecea43464cacbbb218a0.pdf>.

[3] On judicial practice in inheritance cases: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2012 No. 9: (ed. 24.12.2020) //Rossiyskaya Gazeta. – 2012. – № 127. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/.

[4] Zhabentseva, E.A. Inheritance by law/E.A. Zhabentseva//Young scientist. – 2019. – № 45 (283). – S. 93-95. – URL: <https://moluch.ru/archive/283/63653>.

[5] Tokarlikov, O.V. Inheritance by law and will in the Russian Federation: current problems and ways to improve legislation/O.V. Tokarlikov//Bulletin of magistracy. – 2024. – № 1-1 (148). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledovanie-po-zakonu-i-po-zaveschaniyu-v-rossiyskoy-federatsii-aktualnye-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva>.

[6] Nikulina, E.B. Inheritance by law in the Russian Federation/E.B. Nikulina//Economics and Society. – 2024. – № 3-1 (118). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledovanie-po-zakonu-v-rossiyskoy-federatsii>.

[7] Hair, A.A. Institute of Inheritance by Law and Digitalization of Society/A.A. Hair//Legal Policy and Legal Life. – 2022. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-nasledovaniya-po-zakonu-i-tsifrovizatsiya-obschestva>.

[8] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction of 10.02.2025 in case No. 8G-27692/2024 [88-436/2025- (88-27474/2024)]// The document was not published. - Access from GARANT legal system. – URL: <https://base.garant.ru/344532849/>.

[9] The decision of the Tomsk District Court of the Tomsk Region of 26.03.2025 in case No. 2-852/2025//The document was not published. - Access from the reference legal system “Judicial and regulatory acts of the Russian Federation.” – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zpqskftrzOgC/>.

[10] Appeal ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Volgograd Regional Court of 25.12.2024 in case No. 33-13850/2024//The document was not published. - Access from Consultant-Plus legal system.

[11] The decision of the Ashinsky City Court of the Chelyabinsk Region of 22.01.2025 in case No. 2-135/2025//The document was not published. - Access from the legal system “Codes and Laws.” – URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-b254e19e-d05b-5682-9991-53c45167612b/>.

ТУКАЧЁВ Даниил Александрович,
Студент Финансового университета,
Россия, г. Москва,
e-mail: generalcryptor2004@gmail.com

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ: ПОНЯТИЕ, ГАРАНТИИ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

Аннотация. Институт комплексного развития территорий (КРТ) жилой застройки, введенный Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ, представляет собой квази-публичный механизм градостроительной политики, затрагивающий конституционные права граждан на жилище и неприкосновенность собственности. Цель исследования – системный анализ правовой природы КРТ жилой застройки и оценка эффективности закреплённых законодательством гарантий защиты прав граждан-правообладателей. Рассматривается понятие КРТ, закреплённое в п. 34 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации, критерии отнесения территорий к подлежащим комплексному развитию, порядок принятия решений и подготовки документации по планировке территории. Детально исследуется система правовых гарантий: процедурные гарантии участия граждан в публичных слушаниях (ст. 5.1 ГрК РФ), материальные гарантии компенсации при изъятии имущества – включая право выбора между равноценным возмещением и равнозначным жилым помещением (ст. 32, 32.1 ЖК РФ), – а также гарантии судебной защиты. На основе анализа правоприменительной практики и доктрины выявлены три системные проблемы: недостаточная информированность граждан о своих правах и ходе процедуры КРТ; дискуссионность методики определения размера возмещения; сложность согласования интересов разнородных групп правообладателей. Сделан вывод о необходимости усиления информационной открытости процедур КРТ, детализации методики расчёта возмещения с учётом социального капитала гражданина, а также законодательного закрепления жилищных гарантий для собственников объектов индивидуального жилищного строительства и домов блокированной застройки.

Ключевые слова: комплексное развитие территорий, градостроительное право, жилищная застройка, права граждан, изъятие недвижимости, правовые гарантии, публичные слушания, жилищные права, обновление жилищного фонда.

TUKACHEV Daniil Alexandrovich,
Student of the Financial University,
Russia, Moscow

COMPREHENSIVE DEVELOPMENT OF RESIDENTIAL AREAS: CONCEPT AND GUARANTEES OF CITIZENS' INTERESTS

Annotation. The comprehensive development of residential areas (CDRA) regime, introduced by Federal Law No. 494-FZ of 30 December 2020, represents one of the most significant recent transformations in Russian urban planning law. By enabling public authorities to initiate large-scale redevelopment of residential territories – including the compulsory acquisition of privately owned dwellings – the CDRA mechanism creates an inherent tension between public interests in urban renewal and constitutionally protected rights to housing and property. This article analyzes the legal nature of the CDRA institution and evaluates the adequacy of statutory guarantees designed to protect the rights of property holders affected by redevelopment projects. The article proceeds as follows. First, the normative framework is examined: the definition of CDRA under Art. 1(34) of the Urban Planning Code of the Russian Federation, criteria for territorial designation, decision-making procedures, and the 2024 legislative amendments that decoupled CDRA boundaries from zoning districts. Second, the system of legal guarantees is assessed across three dimensions: procedural guarantees of citizen participation in public hearings; substantive guarantees of compensation – encompassing the choice between market-value reimbursement and equivalent replacement housing under Arts. 32 and 32.1 of the Housing Code; and judicial review of both designation decisions and compensation determinations. Third, three systemic enforcement deficiencies are identified: inadequate notification of affected residents at early procedur-

al stages; unresolved disputes over the methodology for calculating fair compensation; and the absence of statutory housing guarantees for owners of individual residential buildings and attached housing included within CDRA boundaries. The article concludes that effective implementation of the CDRA mechanism requires legislative reforms strengthening informational transparency, a unified federal compensation methodology, and extended protections for currently excluded categories of property owners.

Key words: *comprehensive development of territories, urban planning law, residential development, citizens' rights, property expropriation, legal guarantees, public hearings, housing rights, housing stock renewal.*

Введение

Одной из актуальных проблем современного градостроительства в Российской Федерации является необходимость обновления жилищного фонда и благоустройства территорий жилой застройки. Значительная часть жилых зданий, построенных, большей частью, в советский период, сильно устарела, не соответствует современным требованиям комфорта и энергоэффективности. В этой связи законодатель ввел специальный правовой механизм – комплексное развитие территории (далее – КРТ) жилой застройки, призванный обеспечить системное решение градостроительных задач.

Правовое регулирование комплексного развития территорий получило закрепление в Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее – ГрК РФ) в редакции Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ. Данный институт представляет собой комплексный инструмент градостроительной политики, затрагивающий интересы широкого круга субъектов: органов публичной власти, инвесторов, правообладателей земельных участков, а также самих собственников объектов недвижимости.

Согласно п. 34 ст. 1 ГрК РФ [2], КРТ – совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории и направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности и территорий общего пользования, поселений, муниципальных и городских округов.

Правовая природа КРТ в современной доктрине определяется как квази-публичный институт. Она базируется на концепции социального обязательства собственности, согласно которой реализация частного права может быть ограничена в интересах устойчивого развития территорий. Это обусловлено тем, что КРТ затрагивает не только имущественные отношения, но и реализацию конституционного права на благоприятную среду жизнедеятельности.

В соответствии со ст. 65 ГрК РФ [2] КРТ может осуществляться в отношении территорий жилой застройки, территорий нежилкой застройки, незастроенных территорий и территорий по инициативе правообладателей. Особое значение

имеет КРТ жилой застройки, поскольку оно непосредственно затрагивает конституционные права граждан на жилище, закрепленные в ст. 40 Конституции РФ [1].

Само решение о КРТ может приниматься Правительством РФ, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ либо главой местной администрации в соответствии с ч. 2 ст. 66 ГрК РФ [2]. Согласно ч. 2 ст. 65 ГрК РФ [2], КРТ жилой застройки осуществляется в отношении застроенной территории, в границах которой расположены многоквартирные дома, признанные аварийными и подлежащими сносу или реконструкции, либо дома, соответствующие критериям, установленным нормативным правовым актом субъекта РФ (в том числе по физическому износу, благоустройству, эффективности использования). Конкретные критерии устанавливаются региональными актами, что порождает риск необоснованного расширения границ КРТ за счёт ветхого, но не аварийного жилья: при отсутствии единых федеральных стандартов субъекты РФ вправе формулировать критерии включения домов в программу достаточно широко. Для защиты граждан представляется необходимым закрепить на федеральном уровне единого «порога износа», ниже которого включение дома в программу без согласия всех 100% собственников будет недопустимым.

Первоначальным этапом реализации КРТ является подача инициативы о таком развитии. Комплексное развитие территории может осуществляться по инициативе органов власти (ч. 2 ст. 66 ГрК РФ), а также правообладателей земельных участков и объектов недвижимости (ст. 70 ГрК РФ [2]). При КРТ по инициативе правообладателей они направляют обращение в уполномоченный орган с приложением согласия правообладателей земельных участков и (или) объектов недвижимости в границах предлагаемой территории. На основании данной инициативы уполномоченный орган власти принимает решение о комплексном развитии территории.

После принятия решения осуществляется подготовка проекта планировки и проекта межевания территории в соответствии со ст. 41–43 ГрК РФ [2]. Эти документы определяют параметры размещения объектов капитального строитель-

ства, характеристики планируемого развития территории, размещение инженерных и транспортных коммуникаций. Законодательные изменения, реализованные в 2025 году (Федеральный закон от 26.12.2024 № 486-ФЗ [9]), закрепили возможность установления границ территорий КРТ вне зависимости от границ территориальных зон: такие границы отображаются на карте, являющейся приложением к карте градостроительного зонирования (ч. 5.3 ст. 30 ГрК РФ [2]). Данная мера существенно упростила процедуру межевания в сложившейся застройке. Согласно ст. 5.1 ГрК РФ [2], проекты планировки и межевания подлежат обязательному публичному обсуждению с участием правообладателей земельных участков и объектов недвижимости.

Существенным элементом процедуры является определение лица, обеспечивающего комплексное развитие территории. Согласно той же ст. 66 ГрК РФ, КРТ осуществляется самостоятельно Российской Федерацией, субъектами РФ, муниципальными образованиями либо лицами, с которыми заключены договоры о комплексном развитии территории. Порядок заключения договора регулируется ст. 68–69 ГрК РФ [2]. В соответствии с ч. 6 ст. 69 ГрК РФ [2] к участникам торгов предъявляются требования о наличии опыта строительства объектов капитального строительства объемом не менее десяти процентов объема строительства, предусмотренного решением о комплексном развитии территории, за последние пять лет, а также об отсутствии аффилированности с организатором торгов.

Законодательство о комплексном развитии территорий устанавливает систему правовых гарантий защиты прав и законных интересов граждан-собственников жилых помещений. Эти гарантии направлены на обеспечение баланса между публичными интересами в градостроительном развитии территорий и частными интересами граждан в сохранении их имущественных и жилищных прав, что корреспондирует требованиям ч. 3 ст. 35 Конституции РФ [1] о недопустимости лишения имущества иначе как по решению суда.

Первой группой гарантий являются процедурные гарантии участия граждан в принятии решений о комплексном развитии. Как было описано выше, в соответствии со ст. 5.1 ГрК РФ [2] к ним относятся: право на участие в публичных слушаниях по проектам планировки территории, право на получение информации о планируемом развитии, право на внесение предложений и замечаний. Органы публичной власти обязаны рассмотреть поступившие предложения и дать на них мотивированный ответ.

Вторую группу составляют материальные гарантии компенсации при изъятии имущества. В

случае если реализация проекта комплексного развития требует изъятия земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости для государственных или муниципальных нужд, изъятие осуществляется в порядке, установленном главой VII.1 Земельного кодекса РФ [5], с учетом особенностей, предусмотренных ст. 56.6, 56.8, 56.10 ЗК РФ [5]. Согласно ст. 279 и 281 Гражданского кодекса РФ [4] собственникам гарантируется выплата возмещения, определяемого по рыночной стоимости изымаемого имущества, а непосредственно собственникам жилых помещений, в соответствии с ч. 8 ст. 32 ЖК РФ [3], предоставляется выбор между равноценным возмещением (рыночная стоимость + убытки, ст. 32 ЖК РФ [3]) и равнозначным жилым помещением (не меньшим по площади и числу комнат, ст. 32.1 ЖК РФ [3]). При этом доктрина справедливо указывает, что компенсация должна покрывать не только стоимость стен, но и сохранение «социального капитала» гражданина – доступность привычной инфраструктуры и социальных связей в районе.

Важной гарантией является возможность судебной защиты прав граждан, предусмотренная ст. 46 Конституции РФ [1]. Решения органов публичной власти о комплексном развитии территории, об изъятии земельных участков и объектов недвижимости могут быть обжалованы в судебном порядке в соответствии с главой 22 Кодекса административного судопроизводства РФ [6]. Судебный контроль распространяется как на законность принятых решений, так и на обоснованность определения размера возмещения за изымаемое имущество.

Особое значение имеет гарантия предварительного согласия собственников на включение многоквартирного дома в КРТ, которое требует 2/3 голосов от всех собственников жилых помещений (ч. 1.3 ст. 46 ЖК РФ [3]). Данная норма призвана исключить принудительное вовлечение граждан в проекты развития против их воли.

Тем не менее, несмотря на наличие правовых гарантий, практика реализации проектов комплексного развития территорий выявляет ряд проблем.

Одной из них является недостаточная информированность граждан о своих правах и процедурах комплексного развития. Действующее законодательство предусматривает публичные слушания и общественные обсуждения, однако на практике граждане нередко узнают о проекте КРТ лишь на этапе, когда принципиальные решения уже приняты. Оповещение через официальные печатные издания и доски объявлений, предусмотренное ч. 7 ст. 5.1 ГрК РФ [2], не обеспечивает реального охвата аудитории в условиях цифровой среды. Следствием этого

становится пассивность правообладателей на стадии публичных обсуждений и последующие конфликты при непосредственной реализации проектов.

Так, Т.Ю. Овсянникова, анализируя практику реализации КРТ в регионах, указывает [16], что существующие механизмы, основанные на региональных программах, не обеспечивают комплексной реновации жилищного фонда, а неразработанность региональной нормативно-правовой базы выступает одним из главных организационных ограничений – что напрямую предопределяет и дефицит информирования граждан.

Данная проблема была прямо обозначена участниками парламентских слушаний в Совете Федерации 7 ноября 2024 года, констатируя широкое негативное отношение граждан к реализации проектов КРТ жилой застройки в связи с недостаточным уровнем гарантий их жилищных прав [14]. Представляется целесообразным закрепить обязательное адресное уведомление правообладателей через портал «Госуслуги» на этапе первичного рассмотрения инициативы о КРТ, что позволит обеспечить реальную, а не формальную осведомлённость граждан о затрагивающих их права градостроительных решениях.

Другой проблемой является определение справедливого размера возмещения при изъятии имущества. С.Н. Максимов, анализируя «болевые точки» института КРТ, указывает [15], что вопросы определения формы и размера возмещения собственникам помещений, изымаемых в ходе КРТ, остаются дискуссионными: разграничение между «равнозначным» и «равноценным» жильём на практике порождает многочисленные споры, поскольку эти понятия не совпадают по правовому содержанию.

Оценка рыночной стоимости недвижимости в соответствии с Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [7] нередко становится предметом споров между собственниками и органами публичной власти. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23 мая 2025 г. № 21-П [10], рассматривая гарантии жилищных прав граждан при выселении из аварийного жилья, подтвердил, что предоставление жилого помещения в таких случаях носит компенсаторный характер и призвано обеспечить сохранение имеющейся обеспеченности граждан жильём. Суд указал, что равнозначность предоставляемого помещения является «параметром многоаспектным», а обязанность ее соблюдения выступает «гарантией недопущения ущемления прав» граждан.

В развитие этой позиции Верховный Суд РФ в Определении от 19 апреля 2022 г. № 73-КГ22-5-К8 [11] подтвердил, что при определении раз-

мера возмещения за изымаемое жилое помещение судам необходимо учитывать не только его кадастровую стоимость, но и рыночную стоимость с учетом всех убытков, причиненных собственнику изъятием.

Существенной проблемой остается согласование интересов различных групп правообладателей в границах территории комплексного развития. Собственники находящихся в удовлетворительном состоянии домов могут не поддерживать проект развития, в то время как жители аварийного жилья заинтересованы в его скорейшей реализации. Эта коллизия частных интересов накладывается на системную проблему низкой инвестиционной привлекательности КРТ для застройщиков. С.Г. Стерник, Н.Б. Сафронова и соавторы, анализируя факторы [17], снижающие привлекательность механизма КРТ для девелоперов, указывают, что неурегулированность взаимодействия с правообладателями, непредсказуемость сроков расселения и высокая конфликтность процедур согласования формируют значительные транзакционные издержки, делающие ряд проектов инвестиционно неприемлемыми.

Правоприменительная практика обнаруживает и процессуальный аспект данной проблемы: собственники объектов, включённых в границы КРТ, пытаются оспорить правомерность такого включения в судебном порядке. Так, в деле, рассмотренном Верховным Судом РФ (Определение СКЭС ВС РФ от 15 августа 2023 г. № 307-ЭС23-1848 по делу № А56-103770/2021 [12]), ВС РФ указал, что после включения земельного участка в территорию КРТ ранее утверждённая документация по планировке в отношении него признаётся недействующей, что лишает правообладателя возможности реализовывать ранее согласованные строительные намерения.

В другом деле ВС РФ разъяснил, что проект решения о КРТ не может быть оспорен как нарушающий права правообладателей до момента принятия окончательного решения (Определение СКЭС ВС РФ от 23 июня 2023 г. № 305-ЭС23-9466 по делу № А40-27077/2022 [13]). Данная позиция фактически сужает возможности граждан по превентивной защите своих прав. Как отмечает С.Н. Максимов [15], фундаментальной проблемой КРТ остаётся роль населения как субъекта этого процесса: действующее регулирование рассматривает жителей преимущественно как объект управленческих решений, но не как полноправного участника градостроительного диалога. Парламентские слушания в Совете Федерации 7 ноября 2024 г. [14] также зафиксировали как системную проблему отсутствие законодательно установленных жилищных гарантий для собственников домов блокированной застройки и объектов ИЖС, включённых в границы КРТ наряду с многоквартирными домами.

Для решения указанных проблем необходимо совершенствование как правового регулирования, так и правоприменительной практики. Целесообразно усилить требования к информированию граждан о планируемых проектах, в том числе путем проведения разъяснительной работы на ранних стадиях подготовки проектов. Требуется детализация методики определения размера возмещения, учитывающей не только рыночную стоимость изымаемого имущества, но и затраты граждан на переезд и обустройство, а также социальные связи в районе прежнего проживания.

Заключение

Таким образом, комплексное развитие территории жилой застройки представляет собой важный инструмент градостроительной политики, направленный на обновление жилищного фонда и улучшение качества городской среды. Правовое регулирование данного института содержит систему гарантий защиты прав граждан, включающую процедурные механизмы участия в принятии решений, материальные гарантии компенсации при изъятии имущества и возможность судебной защиты.

Вместе с тем, практика реализации проектов комплексного развития выявляет необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики в части обеспечения баланса публичных и частных интересов. Особое внимание следует уделить усилению информационной открытости процедур, совершенствованию методики определения размера возмещения и развитию механизмов согласования интересов различных групп правообладателей.

Эффективное функционирование института комплексного развития территорий возможно только при условии соблюдения конституционных прав граждан на жилище и неприкосновенность собственности. Дальнейшее развитие правового регулирования должно быть направлено на создание справедливого и прозрачного механизма обновления жилой застройки, учитывающего интересы всех заинтересованных сторон.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001

[2] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ [в ред. от 30.01.2026] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 16.

[3] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ [в ред. от 29.12.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [в ред. от 31.07.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[5] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ [в ред. от 02.05.2026] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

[6] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ [в ред. от 29.12.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

[7] Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [в ред. от 31.07.2025] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3813.

[8] Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1 (ч. 1). – Ст. 33.

[9] Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 486-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 1 (ч. 1). – Ст. 28.

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2025 г. № 21-П по делу о проверке конституционности ряда положений Жилищного кодекса Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2022 г. № 73-КГ22-5-К8 // СПС КонсультантПлюс.

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2023 г. № 307-ЭС23-1848 по делу № А56-103770/2021 // СПС КонсультантПлюс.

[13] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2023 г. № 305-ЭС23-9466 по делу № А40-27077/2022 // СПС КонсультантПлюс.

[14] Рекомендации парламентских слушаний Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Комплексное развитие территорий как приоритетный механизм градо-

строительного развития: проблемы и пути их решения» от 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru>

[15] Максимов С.Н. Комплексное развитие территорий и его «болевы́е точки» // Недвижимость: экономика, управление. 2023. № 1. С. 54–58. DOI: 10.22337/2073-8412-2023-1-54-58.

[16] Овсянникова Т.Ю. Реновация жилой застройки в регионах: организационно-финансовые механизмы и ограничения // Недвижимость: экономика, управление. 2023. № 1. С. 44–48. DOI: 10.22337/2073-8412-2023-1-44-48.

[17] Стерник С.Г., Сафронова Н.Б., Гаценко Д.К., Лебедева А.А. Перспективы государственно-частного партнёрства по комплексному развитию территорий в регионах // Недвижимость: экономика, управление. 2022. № 4. С. 6–11. DOI: 10.22337/2073-8412-2022-4-6-11.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. — URL: www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001

[2] Town Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 [as amended on 30.01.2026] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (part 1). – Art. 16.

[3] Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated December 29, 2004 [as amended on 29.12.2025] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 1 (part 1). – Art. 14.

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 [as amended on 31.07.2025] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.

[5] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001 [as amended on 02.05.2026] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 44. – Art. 4147.

[6] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated March 8, 2015 [as amended on 29.12.2025] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – № 10. – Art. 1391.

[7] Federal Law No. 135-FZ dated July 29, 1998 “On Appraisal Activities in the Russian Federation” [as amended on 31.07.2025] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – № 31. – Art. 3813.

[8] Federal Law of December 30, 2020 No. 494-FZ “On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Ensure the Integrated Development of Territories” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 1 (part 1). – Art. 33.

[9] Federal Law of December 26, 2024 No. 486-FZ “On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 1 (part 1). – Art. 28.

[10] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 23, 2025 No. 21-P in the case of checking the constitutionality of a number of provisions of the Housing Code of the Russian Federation // SPS Consultant Plus.

[11] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of April 19, 2022 No. 73-KG22-5-K8 // SPS Consultant Plus.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of August 15, 2023 No. 307-ES23-1848 in case No. A56-103770/2021 // SPS Consultant Plus.

[13] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2023 No. 305-ES23-9466 in case No. A40-27077/2022 // SPS Consultant Plus.

[14] Recommendations of the parliamentary hearings of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation “Integrated development of territories as a priority mechanism for urban development: problems and ways to solve them” dated November 7, 2024 // Official website of the Federation Council. URL: <http://www.council.gov.ru>

[15] Maksimov S.N. Comprehensive development of territories and its “pain points” // Real estate: economics, management. 2023. № 1. S. 54–58. DOI: 10.22337/2073-8412-2023-1-54-58.

[16] Ovsyannikova T.Yu. Renovation of residential buildings in the regions: organizational and financial mechanisms and restrictions // Real estate: economy, management. 2023. № 1. S. 44–48. DOI: 10.22337/2073-8412-2023-1-44-48.

[17] Sternik S.G., Safronova N.B., Gatsenko D.K., Lebedeva A.A. Prospects for public-private partnership for the integrated development of territories in the regions // Real estate: economics, management. 2022. № 4. S. 6–11. DOI: 10.22337/2073-8412-2022-4-6-11.

БРАТУХИНА Екатерина Вячеславовна
доцент кафедры частно-правовых наук
Волго-Вятского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доцент кафедры юридических дисциплин
Кировского института (филиала) АНО ВО
«Московский гуманитарно-экономический университет»,
кандидат педагогических наук,
e-mail: Bratukhina-pravo@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРОДАВЦОВ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальной проблемы «потребительского экстремизма» в сфере российской дистанционной электронной торговли через крупнейшие маркетплейсы (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет, Мегамаркет). Автор анализирует правовые деформации, вызванные дисбалансом между жесткими защитными нормами Закона РФ «О защите прав потребителей» и реальной практикой их применения недобросовестными покупателями ради незаконного обогащения. В работе подробно рассматриваются основные мошеннические схемы (подмена товаров, умышленное затягивание сроков выплат ради начисления пеней, использование вещей в личных целях с последующим возвратом). На основе анализа актуальной судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов доказываемся тренд на применение ст. 10 ГК РФ (злоупотребление правом) для защиты прав продавцов. Также исследуются современные превентивные технологические методы борьбы с мошенничеством на базе искусственного интеллекта и предлагаются конкретные изменения в действующее гражданское законодательство РФ.

Ключевые слова: потребительский экстремизм, маркетплейсы, дистанционная торговля, защита прав продавцов, злоупотребление правом, статья 10 ГК РФ, Закон о защите прав потребителей, Wildberries, Ozon, подмена товара, судебная практика, искусственный интеллект в ритейле.

BRATUKHINA Ekaterina Vyacheslavovna,
Associate Professor, Department of Private Legal Sciences
at the Volga-Vyatka Institute (branch)
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines
at the Kirov Institute (branch) of the Moscow University
for the Humanities and Economics,
Candidate of Pedagogical Sciences

CIVIL LAW PROTECTION OF MARKETPLACE SELLERS AGAINST UNSCRUPULOUS CONSUMERS

Annotation. The article is devoted to the study of the highly topical issue of “consumer extremism” (consumer opportunism) within the Russian remote electronic commerce sector operating through major digital marketplaces (Wildberries, Ozon, Yandex Market, Megamarket). The author analyzes legal distortions caused by the imbalance between the strict protective norms of the Russian Federation Law “On Protection of Consumers’ Rights” and the actual practice of their exploitation by bad-faith buyers for the purpose of unjust enrichment. The paper examines in detail the primary fraudulent schemes, including product substitution, intentional delay of payment deadlines to accumulate statutory penalties, and the short-term use of goods for personal purposes followed by their return. Based on an analysis of current judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and commercial (arbitration) courts, the author demonstrates a growing trend toward applying Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation (abuse of rights) to protect the rights of

sellers. Furthermore, the study explores modern preventive technological methods of combating fraud using artificial intelligence and proposes specific amendments to the current civil legislation of the Russian Federation.

Key words: consumer extremism, consumer opportunism, marketplaces, remote trade, protection of sellers' rights, abuse of rights, Article 10 of the Civil Code, Law on Protection of Consumers' Rights, Wildberries, Ozon, product substitution, judicial practice, artificial intelligence in retail.

В российском законодательстве термин «потребительский экстремизм» отсутствует, однако в цивилистической доктрине его квалифицируют через статью 10 Гражданского кодекса РФ как злоупотребление правом. Речь идёт о действиях, осуществляемых исключительно с намерением причинить вред другому лицу либо в обход закона с противоправной целью.

Маркетплейсы — Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет, Мегамаркет — стали идеальной средой для таких злоупотреблений благодаря упрощённому режиму дистанционной торговли (ст. 26.1 ЗоЗПП), который предоставляет покупателю право вернуть товар надлежащего качества в течение 7 дней после получения. Однако, как отмечают ведущие цивилисты, этот механизм, изначально задуманный как социальный щит для слабой стороны договора, приобрёл деформирующие черты.

По мнению ряда исследователей и позиции судов [2,5], (М.И. Брагинский [8], В.А. Хохлов [9], В. С. Ем [9]), когда штрафные санкции и неустойки начинают многократно превышать стоимость самого блага, право перестаёт быть оборонительным инструментом и превращается в коммерческое предприятие по извлечению сверхприбыли. Это подрывает базовый принцип гражданского права — эквивалентность встречного предоставления. Кроме того, маркетплейсы, создавая сверхальтруистичные правила игры ради конкуренции за трафик, фактически поощряют девиантное поведение пользователей, что ведёт к деформации института добросовестности (ст. 1 ГК РФ).

Председатель правления Ассоциации юристов России Владимир Груздев также отмечает смещение фокуса проблемы: «Если раньше основной мишенью для «потребительского экстремизма» была сфера строительства, то теперь практика смещается в онлайн-торговлю [11]».

В судах растёт число исков против продавцов на маркетплейсах, где юристы и покупатели злоупотребляют законом ради штрафов». Так, за 2023 год (2577 исков) поступило в Арбитражный суд Московской области, где по подсудности рассматриваются дела с участием ООО «Вайлдберриз» (Wildberries). В 89% случаев (2290 исков) маркетплейс выступает в качестве ответчика, таким образом, споры лишь по одному мар-

кетплейсу заняли порядка 2% всей годовой нагрузки суда [12].

На маркетплейсах сформировались три наиболее популярные схемы экстремизма:

1. Приобретение товаров для краткосрочного использования с последующим возвратом - потребитель приобретает дорогостоящие товары (одежду, обувь, электронику) для использования в течение ограниченного периода времени: для участия в мероприятии, поездке или иных разовых целях. После использования товар возвращается продавцу под видом не подошедшего по размеру, фасону или иным субъективным основаниям, предусмотренным статьей 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей».
2. Подмена товара при возврате - потребитель заказывает оригинальный брендовый товар (смартфон, меховое изделие, обувь известных марок), при оформлении возврата вместо оригинального изделия передается старая вещь, дешёвая подделка или аналогичный товар более низкого качества.
3. Затягивание процедуры возврата с целью получения неустойки - при обнаружении незначительного дефекта товара потребитель направляет продавцу претензию с требованием возврата денежных средств, при этом он умышленно уклоняется от получения денежных средств, указывая неверные банковские реквизиты, не отвечая на телефонные звонки и сообщения, затягивая процесс урегулирования спора с целью накопление неустойки в размере одного процента от стоимости товара за каждый день просрочки (статья 23 Закона РФ «О защите прав потребителей») до момента, когда сумма неустойки многократно превышает стоимость самого товара, после чего потребитель обращается в суд с требованием о взыскании всей накопленной суммы.

В последние годы суды всё чаще отходят от безусловного удовлетворения любых требований потребителей и применяют статью 10 ГК РФ для пресечения недобросовестного поведения. Так [1], покупатель приобрёл дорогостоящий системный блок и через пять дней вернул его, заявив, что он «не подошёл по габаритам». При приёмке продавец обнаружил сорванные пломбы, изменённое программное обеспечение и следы раз-

гона видеокарты, что свидетельствовало об использовании товара в майнинге. Суд первой инстанции встал на сторону покупателя, однако кассационная инстанция отменила решение, указав, что право на дистанционный возврат действует только при сохранении товарного вида и потребительских свойств. Наличие следов эксплуатации исключает возможность применения ст. 26.1 ЗоЗПП. Действия истца были признаны злоупотреблением правом, в иске отказано полностью.

Еще одним примером может служить дело о кофемашине [3]: покупатель обнаружил мелкую царапину на кофемашине стоимостью 90 000 рублей и направил претензию с требованием возврата денег, однако умышленно указал неверные банковские реквизиты. Продавец пытался связаться с клиентом для уточнения данных и организовал курьерскую доставку, но покупатель игнорировал звонки. Спустя полгода он обратился в суд, требуя 90 000 рублей за товар и 150 000 рублей неустойки. Верховный Суд РФ напомнил [3], что суды обязаны оценивать поведение обеих сторон на предмет добросовестности. Поскольку продавец предпринимал активные действия, а покупатель уклонялся от урегулирования, на основании ст. 10 ГК РФ во взыскании неустойки и штрафа было отказано, выплата ограничена только стоимостью товара.

Когда подмена происходит в процессе логистики или при возврате в пункте выдачи, продавец не должен нести убытки. Отношения между продавцом и маркетплейсом регулируются договором комиссии или агентским соглашением. Согласно статьям 401 и 998 ГК РФ, хранитель (маркетплейс) несёт полную материальную ответственность за утрату, недостачу или повреждение имущества, принятого на хранение или для реализации. Если площадка приняла от покупателя подменённый товар без надлежащей проверки, она обязана компенсировать продавцу полную рыночную стоимость вещи.

Арбитражная практика последних лет подтверждает этот подход:

1. В деле Дело № А41-33671/24 [6] продавец взыскал с ООО «Вайлдберриз» 18 000 рублей за подменённые товары. Суд указал, что маркетплейс не предоставил доказательств того, что товар был испорчен или подменён до передачи на склад, а риск ненадлежащей проверки возврата в пункте выдачи заказов лежит на самом маркетплейсе.
2. В деле № А41-25953/25 [6] Арбитражный суд Московской области удовлетворил иск продавца к ООО «РВБ» (управляющая компания Wildberries) на сумму 2,5 миллиона рублей. Компенсация выплачена за потерянные и подменённые изделия из кожи и

меха, которые площадка приняла от третьих лиц в дефектном состоянии или не в той комплектации. <https://sudact.ru/arbitral/doc/7m3OnP0nv55Q/>

Борьба с мошенничеством сегодня перешла из юридической плоскости в технологическую. Крупные маркетплейсы внедряют системы искусственного интеллекта для превентивного выявления мошеннических схем. Так, например, объединённая компания Wildberries и Russ с 2025 года запустила через систему искусственного интеллекта анализ поведенческих сигналов пользователей, которая выявляет фальшивые аккаунты, мошенничество с бонусами, заказами и отзывами ещё на этапе регистрации заказа. В ближайшей перспективе планируется также через нейросети анализировать профиль пользователя (соотношение выкупа к возвратам, частоту заказов аналогичных позиций разных размеров, время нахождения в примерочной). Покупателям с аномальным поведением должна будет автоматически отключаться опция «оплата при получении» или снижаться лимит бесплатных возвратов [13].

Таким образом, сделаем общие выводы:

1. Потребительский экстремизм на маркетплейсах представляет собой системную угрозу стабильности сферы дистанционной торговли, порождённую дисбалансом между сверхльготным режимом дистанционной торговли (ст. 26.1 ЗоЗПП) и отсутствием эффективных правовых механизмов противодействия злоупотреблениям. Это явление деформирует принцип добросовестности (ст. 1 ГК РФ) и подрывает основы предпринимательской деятельности.
2. Судебная практика последних лет демонстрирует устойчивый тренд на применение статьи 10 ГК РФ для пресечения недобросовестного поведения потребителей. Суды всё чаще отказывают во взыскании неустоек и штрафов, если установлен факт злоупотребления правом (уклонение от получения денег, подмена товара, эксплуатация товара с последующим возвратом).
3. Ответственность маркетплейсов за возвращённый товар должна быть строго регламентирована. В соответствии со ст. 401 и 998 ГК РФ, площадки, принимающие возврат без надлежащей проверки, обязаны компенсировать продавцам полную стоимость утраченного или подменённого имущества. Арбитражная практика (дела № А41-33671/24, № А41-25953/25) подтверждает этот подход.
4. Технологические методы противодействия (оценка рисков на основе искусственного интеллекта, анализ действий потребителя) становятся не альтернативой, а необходи-

мым дополнением к правовым механизмам защиты. Их внедрение позволит пресекать мошенничество на этапе его совершения, а не только в судебном порядке.

Для совершенствования законодательства в борьбе с потребительским экстремизмом предлагается:

1. Внести изменения в статью 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей», установив, что право на возврат товара надлежащего качества, приобретённого дистанционным способом, не подлежит применению в отношении:
 - товаров, имеющих явные следы эксплуатации (помимо примерки);
 - технически сложных товаров (смартфоны, ноутбуки, бытовая техника), в отношении которых были нарушены пломбы или активированы пользовательские настройки;
 - товаров, возвращаемых лицом, которое в течение календарного года совершило три и более возврата аналогичных товаров без выявления производственного брака (презумпция недобросовестности).
2. Дополнить статью 23 ЗоЗПП положением, ограничивающим размер неустойки за нарушение сроков удовлетворения требований потребителя в дистанционной торговле. Предлагается установить, что общий размер неустойки (пени) не может превышать стоимость товара, а её начисление приостанавливается с момента, когда продавец предпринял активные действия по возврату денежных средств, но покупатель уклоняется от их получения (указывает неверные реквизиты, не отвечает на звонки и сообщения).
3. Закрепить на уровне Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» или отдельного акта обязанность маркетплейсов (агрегаторов) по формированию и ведению реестра недобросовестных потребителей, аналогичного реестру недобросовестных поставщиков. Основанием для включения в такой реестр должно служить вступившее в законную силу решение суда о злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ). Пребывание в реестре автоматически лишает потребителя права на льготный режим возврата по ст. 26.1 ЗоЗПП на срок до 3 лет.
4. Внести изменения в статью 998 Гражданского кодекса РФ, установив, что комиссионер (маркетплейс) несёт ответственность за сохранность возвращённого товара и обязан проводить его осмотр в присутствии покупателя с фиксацией процесса видеозаписью. Отсутствие видеозаписи или акта

осмотра лишает маркетплейс права ссылаться на то, что товар был возвращён в надлежащем состоянии.

5. Разработать и утвердить на уровне Правительства РФ типовые правила возврата товаров, приобретённых на маркетплейсах, которые бы содержали:
 - обязательный перечень фото- и видеофиксации при приёмке возврата;
 - сроки и порядок досудебного урегулирования споров;
 - механизм обязательной досудебной экспертизы при спорах о качестве технически сложных товаров.
6. Ввести в статью 10 Гражданского кодекса РФ отдельный пункт, прямо квалифицирующий как злоупотребление правом систематическое (более трёх раз в год) использование потребителем института дистанционного возврата с целью безвозмездного временного пользования товаром (так называемый «гардероб напрокат»). Это позволит судам в случае признания таких действий недобросовестными отказывать во взыскании неустоек и судебных расходов.

Таким образом, адаптация бизнес-процессов к новым реалиям, активная судебная защита своих интересов и совершенствование законодательства в направлении балансировки прав и обязанностей сторон дистанционной торговли — вот основные инструменты, которые позволят сохранить финансовую устойчивость продавцов на маркетплейсах и обеспечить справедливость в сфере дистанционной торговли.

Список литературы:

- [1] Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 окт. 2024 г. — URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 26.06.2026). — Текст : электронный.
- [2] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 апр. 2019 г. по делу № А65-28767/2016. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/708gZTYi8iZR/> (дата обращения: 27.06.2026). — Текст : электронный.
- [3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29 апр. 2021 г. по делу № 8Г-6002/2021. — URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.06.2026). — Текст : электронный.
- [4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 4-КГ21-15-К1. — URL: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 26.06.2026). — Текст : электронный.
- [5] Дело № А40-225878/23-12-1848 : решение Арбитражного суда г. Москвы от 19 дек. 2023

г. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Oyonql6C3jmW/> (дата обращения: 26.06.2026). — Текст : электронный.

[6] Дело № А41-33671/24 : решение Арбитражного суда Московской области от 1 авг. 2024 г. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f5fbaa07-79f8-4c69-9718-ad5654af5996/0a9cc91b-bc5d-482c-962a-824289e2a2b7/A41-33671-2024_20240801_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.06.2026). — Текст : электронный.

[7] Дело № А41-25953/25 : решение Арбитражного суда Московской области от 22 сент. 2025 г. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a5e9816d-f560-4855-b06a-956587278c26/297522f4-08b8-4764-9012-9c2f678c42cb/A41-25953-2025_20250922_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.06.2026). — Текст : электронный.

[8] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — 3-е изд., стер. — М. : Статут, 2001. — 848 с. — ISBN 5-8354-0088-4. — Текст : непосредственный.

[9] Ем В. С. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. — 2019. — Т. 19, № 4. — С. 7–21. — DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-4-7-21. — Текст : непосредственный.

[10] Хохлов В. А. Ответственность за нарушения договора по гражданскому праву. — Тольятти : Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 1997. — 312 с. — Текст : непосредственный.

[11] Иски к маркетплейсам становятся новой формой «потребительского экстремизма». — URL: <https://pravo.ru/news/260653/> (дата обращения: 20.06.2026). — Текст : электронный.

[12] Споры с маркетплейсами (статистика). — URL: <https://tgstat.ru/en/channel/@tishkevichsb/600> (дата обращения: 15.06.2026). — Текст : электронный.

[13] Wildberries и Russ и MTC запустили совместную AI-систему защиты от мошенничества. — URL: <https://www.forbes.ru/novosti-kompaniy/538478-wildberries-i-russ-i-mts-zapustili-sovmestnuyu-ai-sistemu-zasity-ot-mosennicestva> (дата обращения: 26.06.2026). — Текст : электронный.

References:

[1] Review of Consumer Protection Case Law: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation October 23, 2024 - URL: <https://vsrf.ru/> (date of appeal: 26.06.2026). - Text: electronic.

[2] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated April 18, 2019 in case No. A65-28767/2016. - URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/708gZTYi8iZR/> (access date: 27.06.2026). - Text: electronic.

[3] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction dated April 29, 2021 in case No. 8G-6002/2021. - URL: <https://sudact.ru/> (access date: 26.06.2026). - Text: electronic.

[4] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4-KG21-15-K1. - URL: <https://vsrf.ru/> (access date: 26.06.2026). - Text: electronic.

[5] Case No. A40-225878/ 23-12-1848: decision of the Arbitration Court of Moscow dated December 19, 2023 - URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Oyonql6C3jmW/> (date of appeal: 26.06.2026). - Text: electronic.

[6] Case No. A41-33671/24: decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated August 1, 2024 - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f5fbaa07-79f8-4c69-9718-ad5654af5996/0a9cc91b-bc5d-482c-962a-824289e2a2b7/A41-33671-2024_20240801_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of appeal: 20.06.2026). - Text: electronic.

[7] Case No. A41-25953/25: decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated September 22, 2025 - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a5e9816d-f560-4855-b06a-956587278c26/297522f4-08b8-4764-9012-9c2f678c42cb/A41-25953-2025_20250922_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of appeal: 20.06.2026). - Text: electronic.

[8] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book One: General Provisions. - 3rd ed., Erased - M.: Statute, 2001. - 848 p. - ISBN 5-8354-0088-4. - Text: direct.

[9] Em V. S. On the types of subjective civil rights and on the limits of their implementation//Bulletin of Civil Law. — 2019. - T. 19, NO. 4. - S. 7-21. — DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-4-7-21. - Text: direct.

[10] V. A. Khokhlov, Liability for Breaches of Contract under Civil Law. - Togliatti: Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 1997. - 312 p. - Text: immediate.

[11] Marketplace lawsuits are becoming a new form of “consumer extremism.” - URL: <https://pravo.ru/news/260653/> (access date: 20.06.2026). - Text: electronic.

[12] Marketplace disputes (statistics). - URL: <https://tgstat.ru/en/channel/@tishkevichsb/600> (accessed: 15.06.2026). - Text: electronic.

[13] Wildberries and Russ and MTS have launched a joint AI fraud protection system. — URL: <https://www.forbes.ru/novosti-kompaniy/538478-wildberries-i-russ-i-mts-zapustili-sovmestnuyu-ai-sistemu-zasity-ot-mosennicestva> (дата обращения: 26.06.2026). - Text: electronic.

РОДЬКИНА Наталья Львовна,
Старший преподаватель кафедры КБ-12
«Правовое обеспечение национальной безопасности»,
Институт кибербезопасности и цифровых технологий,
МИРЭА-Российский технологический университет, Москва,
e-mail: Stepanova13kb@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В ГРАНИЦАХ САДОВОДЧЕСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВ (СНТ) И НЕ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

Аннотация. Статья посвящена некоторым проблемам, наиболее часто возникающих при установлении правового статуса и дальнейшего распоряжения правами на земельные участки и расположенные на них объекты капитального строительства, фактически оставленные владельцами (так называемые «заброшенные» объекты) в границах садоводческих некоммерческих товариществ (СНТ).

Ключевые слова: земельный участок, бесхозное имущество, наследники, приобретательная давность, садовое некоммерческое товарищество, объекты недвижимого имущества.

RODKINA Natalia Lvovna,
Lecturer at the KB-12
“Legal Support of National Security”
Department of the Institute of Cybersecurity
and Digital Technologies RTU MIREA

TO THE QUESTION OF SOME PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF LAND PLOTS LOCATED WITHIN THE BOUNDARIES OF HORTICULTURAL NON-COMMERCIAL PARTNERSHIPS (SNT) AND NOT USED FOR THEIR INTENDED PURPOSE

Annotation. The article is devoted to some of the problems that most frequently arise when establishing the legal status and subsequent disposal of rights to land plots and capital construction projects located on them, which are actually abandoned by the owners (the so-called “abandoned” objects) within the boundaries of gardening non-profit partnerships (SNT).

Key words: land plot, ownerless property, heirs, gardening non-profit partnership, real estate objects.

Массовое создание садоводческих некоммерческих товариществ (СНТ) в конце XX – начале XXI века привело к формированию специфического объекта земельных прав и недвижимости, а именно-дачные участки, расположенные на территории СНТ. В настоящее время определенная часть таких участков, и, соответственно, расположенных на них садовых домиков, находится в состоянии фактического забвения. Смерть собственников и отсутствие наследников, миграция населения и утрата интереса к

садоводству породили феномен «заброшенных» участков с ветхими постройками.

С точки зрения гражданского оборота и управления территорией СНТ (в соответствии с ФЗ от 29.07.2017 № 217-ФЗ), такие объекты создают проблемы: они не участвуют в налогообложении, на них невозможно взыскать задолженность по целевым взносам, они препятствуют развитию инфраструктуры, привлекают лиц без определенного места жительства, повышают пожароопасность, а садовое некоммерческое

товарищество вынуждено нести расходы на их содержание. Однако, бытовое понятие «заброшенное имущество» не тождественно юридическому термину «бесхозное имущество», что порождает множество вопросов правового характера.

Проблема заброшенных земельных участков и ветхих домов на территории садоводческих некоммерческих товариществ (СНТ) сохраняет свою актуальность для российского гражданского оборота. С одной стороны, такие объекты выпадают из экономического оборота, зарастают, создают пожарную и санитарную опасность, а с другой стороны, для добросовестных пользователей возникает потребность в легализации прав на такие объекты.

В российском законодательстве отсутствует термин «заброшенный» участок. В ст. 225 Гражданский кодекс РФ[1] называет бесхозной вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался.

Одной из проблем при оформлении надлежащего правового статуса таких участков в СНТ является принцип единства земельных участков и прочно связанных с ними объектов недвижимости (ст. 273 ГК РФ, ст. 35 Земельного кодекса РФ) [1][2].

То есть, если на бесхозном (заброшенном) участке стоит дом (в том числе, и руинированный, либо в аварийном состоянии), но данное строение ранее было зарегистрировано в ЕГРН за прежним владельцем или его наследниками (в порядке наследования по факту принятия, даже если право не зарегистрировано в реестре), изъять или приобрести только земельный участок без дома невозможно. Таким образом, все мероприятия, направленные на определение надлежащего правового статуса такого участка, производимые с целью дальнейшего распоряжения им надлежащим образом, в том числе, и отчуждения путем реализации в целях использования по назначению, влекут за собой необходимость разрешения и судьбы расположенного на данном участке строения.

Следующей сложностью является значительные сложности при оформлении заброшенного участка в собственность по правилам приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ).

По смыслу закона, гражданин, не являющийся собственником объекта недвижимости, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющий им как своим собственным в течение 15 лет, приобретает право собственности на это имущество в силу приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ)[8].

Признание права собственности такого лица осуществляется в судебном порядке (ст. 12 ГК РФ; п. 1 ст. 59 Земельного Кодекса РФ; п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10[3], Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ N 22 от 29.04.2010)[4].

Для признания права собственности на земельный участок (в том числе с находящимся на нем жилым домом) в силу приобретательной давности необходимо, чтобы владение имуществом являлось (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ N 22; п. 3 ст. 234 ГК РФ; Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 N 48-П)[6]:

- 1) добросовестным, то есть гражданин, получая объект недвижимости во владение, не знал и не должен был знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности. При этом передача гражданину объекта недвижимости прежним владельцем по сделке, не повлекшей соответствующих правовых последствий (например, в случае заблуждения относительно возможности передачи прав на такой объект недвижимости), не может являться свидетельством недобросовестности владения и препятствием для признания права собственности в силу приобретательной давности[7];
- 2) открытым, то есть гражданин не скрывает факта нахождения имущества в его владении. При этом принятие обычных мер по обеспечению сохранности имущества не свидетельствует о сокрытии этого имущества;
- 3) непрерывным, то есть гражданин владеет объектом недвижимости в течение 15 лет (владение в этот период не прекращалось). При этом передача имущества во временное владение другого лица не прерывает срока такого владения. Ко времени своего владения гражданин может присоединить время, в течение которого этим объектом недвижимости владело лицо, правопреемником которого он является.

Кроме того, гражданин должен владеть объектом недвижимости как своим собственным, то есть не по договору (например, аренды, безвозмездного пользования и т.п.).

Также перед обращением в суд владельцу необходимо убедиться, в частности, что земельный участок (п. 3 ст. 6, п. 2 ст. 27 ЗК РФ; п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ N 22; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2021 N 88-14546/2021):

- сформирован и может быть идентифицирован;
- не относится к земельным участкам, ограниченным в обороте или изъятым из оборота;
- не находится в государственной или муниципальной собственности.

В зависимости от того, известен ли прежний собственник объекта недвижимости и имеется ли спор о праве, требования в суд могут быть заявлены в порядке особого или искового производства [3].

На основании изложенного, можно прийти к выводу, что приобретения права собственности на бесхозный земельный участок путем его фактического огораживания и использования, улучшения и содержания в течение 15 лет, в случае регистрации прав на спорный участок в ЕГРН, не представляется возможным, поскольку лицо, самовольно занявшее чужой (пусть и заброшенный) участок, в рассматриваемом случае, не может быть признано добросовестным приобретателем.

По смыслу закона, добросовестное приобретение прав на «заброшенный» земельный участок, расположенный на территории садового некоммерческого товарищества, возможно исключительно через публично-правовые процедуры с участием органов местного самоуправления (ОМСУ).

По смыслу закона, под заброшенным понимается земельный участок, который не используется собственником по целевому назначению в течение установленного срока. Ключевыми признаками являются отсутствие построек, либо их аварийное состояние, неуплата налогов и зарастание сорняками.

На основании положений ст. 225 ГК РФ, бесхозной считается вещь, собственник которой неизвестен, отказался от права собственности или иным образом устранился от владения, пользования и распоряжения имуществом.

Для земельных участков действует особый порядок оформления правового статуса на спорные объекты. Именно орган местного самоуправления обязан поставить заброшенный земельный участок на учет как бесхозный, а по истечении установленного законом срока (1 год) со дня постановки на учет, вправе обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности [9].

Действующим законодательством предусмотрена передача участка решением общего собрания СНТ. Так, 2.7 ст. 3 Федерального закона № 137-ФЗ (Вводный закон к Земельному Кодексу РФ) предусматривает право члена СНТ приобрести земельный участок в собственность по реше-

нию общего собрания, однако данный механизм применим только к тем земельным участкам, которые ранее не были распределены.

Если участок уже имеет зарегистрированного собственника (даже если он его забросил), СНТ не вправе распоряжаться им без согласия владельца или решения суда о прекращении его прав.

Именно СНТ в лице уполномоченного органа, вправе обратиться к органам местного самоуправления с инициативой о возбуждении проверки по факту ненадлежащего использования земельного участка.

Итак, если собственник участка и дома неизвестен или от них отказался, то к такому участку применяются положения, предусмотренные ст. 226 ГК РФ.

СНТ, в лице уполномоченного органа, либо заинтересованное лицо подает заявление в органы местного самоуправления с вопросом о выявлении бесхозного (заброшенного) земельного участка на территории соответствующего СНТ, приобщив к заявлению доказательства, подтверждающие факт не использования земельного участка.

На основании проведенной проверки, при установлении наличия бесхозного земельного участка в пределах территории обратившегося с инициативой СНТ, органы местного самоуправления вправе обратиться в суд с заявлением о признании объекта бесхозным. В случае, если решением суда требования о признании спорного земельного участка будут удовлетворены, участок подлежит постановке на учет в Росреестре как бесхозный. С этого момента начинается течение срока в 1 год, в течение которого собственник может заявить о своих правах. По истечении указанного срока, органам местного самоуправления необходимо повторно обратиться в суд с исковым заявлением о признании права муниципальной собственности на данный земельный участок [10].

Только после этого выявленный как бесхозный участок и дом поступают в собственность муниципалитета и могут быть проданы исключительно через публичные торги (аукцион).

Таким образом, заинтересованное лицо (например, собственник соседнего, с заброшенным, участка) не может просто «выкупить» участок у муниципалитета без торгов, оно может только подать заявку на участие в аукционе.

Указанная процедура представляется необоснованно процессуально пролонгированной, что не способствует оптимизации гражданского оборота в исследуемой области правоотношений.

Следующим процессуальным механизмом противодействия бесхозному использованию

земельных участков, является принудительное изъятие за ненадлежащее использование на основании положений ст. 284, 285 ГК РФ; ст. 44 ЗК РФ.

Так, в соответствии с положениями с ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ и земельным законодательством, если участок не используется для садоводства в течение 3-х лет (а для сельхозземель — в соответствии с ФЗ № 101-ФЗ), он может быть изъят. Основанием к такому изъятию является его нецелевое использование или неиспользование.

Выявив соответствующий указанным критериям земельный участок, Россельхознадзор или органы местного самоуправления выдают предписание об устранении нарушений, при неисполнении данного предписания органы местного самоуправления вправе обратиться в суд с иском о продаже участка с публичных торгов.

Вырученные средства (за вычетом издержек) выплачиваются бывшему собственнику спорного земельного участка, а сам земельный участок подлежит реализации на торгах.

Необходимо иметь ввиду, что садовое некоммерческое товарищество не имеет надлежащих полномочий ни для изъятия участка, даже использующегося ненадлежащим образом, либо бесхозного, или так называемого, заброшенного участка. Однако, именно СНТ, в рамках осуществления деятельности правления, уполномочено принимать решения, направленные, в том числе, на выявление нарушений использования земельных участков.

Так, согласно положениям ст. 18 ФЗ № 217-ФЗ, садовое некоммерческое товарищество обязано инициировать проведение соответствующих проверок перед органами муниципального земельного контроля и Россельхознадзором, предоставив, в частности, акты о зарастании участков, отсутствии строений или их аварийности.

Таким образом, предоставленные СНТ доказательства бесхозности земельного участка, а том числе, акты, фото-, видео- материалы, соответствующие заключения специалистов передаются в контролирующие органы, которые обязаны проверить информацию, и если нарушения подтвердятся, уже уполномоченные органы (например, администрация района или территориальный орган Россельхознадзора) принимают процессуальные решения — выносят предписания, составляют протоколы и т.п.

Именно от садового некоммерческого товарищества должна исходить инициатива о перспективе разрешения судьбы бесхозных участков, при этом, данная инициатива должна быть оформлена надлежащим образом и быть оформлена решением его уполномоченного на принятие

подобных решений, органа (правления или председателя), а также поддержана общим собранием членов.

Указанная процедура разрешения судьбы бесхозных участков представляется излишне деспозитивной, поскольку закон не обязывает некоммерческое садовое товарищество противодействовать ненадлежащему использованию расположенных на территории СНТ земельных участков. Согласно действующему законодательству, в настоящее время СНТ только вправе инициировать процесс определения надлежащего правового статуса и последующей реализации бесхозного земельного участка, не имея, при этом, никакой выгоды непосредственно для самого СНТ, несмотря на то, что земельных надел расположен в пределах его территории.

До 1 марта 2031 года (с учетом пролонгации «дачной амнистии») действует упрощенный порядок регистрации прав, однако он применяется для собственников земли или их наследников, но не для третьих лиц, желающих приобрести бесхозный участок в собственность.

Таким образом, анализ правоприменительной практики по исследуемой теме позволяет сделать вывод о том, что существующие организационно-процессуальные механизмы оптимизации судьбы бесхозных земельных участков необоснованно длительны, финансово затратны для муниципальных бюджетов, нерентабельны для садовых товариществ.

Для модернизации процедуры предотвращения ненадлежащего использования заброшенных земельных участков представляется конструктивным внесение в действующее законодательство следующих новаций.

- дополнить в ФЗ № 217-ФЗ норму, позволяющую общему собранию членов СНТ принимать решение о направлении в ОМСУ ходатайства об изъятии земельных участков, собственники которых не уплачивают целевые взносы более 5 лет и не используют участки по назначению, с упрощенным административным (внесудебным) порядком признания таких объектов бесхозными при наличии заключения кадастрового инженера об аварийности или утрате строением потребительских свойств;
- закрепить преимущественное право СНТ (или его членов, являющихся собственниками смежных участков) на выкуп таких земель у муниципалитета без проведения открытых торгов, с зачетом средств, потраченных СНТ на ликвидацию аварийных строений и расчистку территорий, в счет выкупной цены.

Введение в действие указанных положений земельного и гражданского законодательства направленное на частичное делегирование части контрольных полномочий самим товариществам, позволят упростить процедуру вовлечения «мертвых» земель в налоговый и гражданский оборот.

Список литературы

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 2025 г.) // Собрание законодательства РФ.

[2] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. 2026 г.) // Собрание законодательства РФ.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»

[4] Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд...» (ред. 2025 г.).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (с учетом последующих разъяснений ВС РФ 2023-2025 гг.).

[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2020 г. N 48-П по делу о проверке конституционности п. 1 ст. 234 ГК РФ в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова.

[7] Соменков С.А., Солдатова В.И., Богачева Т.В. Проблемы правового регулирования оборота недвижимости учеб. Пособие 2023, Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина (МГЮА) - С.76

[8] Василевская Л.Ю. Иск о признании права: проблемы определения и толкования. Судья. 2011. № 6. С. 17-22.

[9] Тychинин С.В. Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России. Санкт-Петербург, 2004.-С. 343

[10] Лепехин И.А., Павлова П.О. Актуальные вопросы правового регулирования оборота бес-

хозяйного и вымороченного недвижимого имущества в современной России// Право и государство: теория и практика. 2025. №7.

References

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (Rev. 2025)//Collection of Legislation of the Russian Federation.

[2] Land Code of the Russian Federation dated 25.10.2001 No. 136-FZ (rev. 2026)//Collection of Legislation of the Russian Federation.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 22 dated 29.04.2010 (ed. 12.12.2023) “ On certain issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights”

[4] Federal Law of 29.07.2017 No. 217-FZ “On the conduct by citizens of horticulture and horticulture for their own needs...” (rev. 2025).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 22 dated 29.04.2010 “ On some issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights” (taking into account the subsequent clarifications of the RF Armed Forces 2023-2025).

[6] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 26, 2020 N 48-P in the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Art. 234 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Volkov.

[7] Somenkov S.A., Soldatova V.I., Bogacheva T.V. Problems of legal regulation of real estate turnover study. Manual 2023, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy) - С.76

[8] Vasilevskaya L.Yu. Claim for recognition of law: problems of definition and interpretation. Judge. 2011. № 6. S. 17-22.

[9] S.V. Tychinin. Civil regulation of consumer cooperation in Russia. St. Petersburg, 2004.-С. 343

[10] Lepekhin I.A., Pavlova P.O. Topical issues of legal regulation of the turnover of ownerless and erased real estate in modern Russia//Law and state: theory and practice. 2025. №7.

ШВАЛЕВ Константин Дмитриевич,
аспирант, Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: k.shvalev@yandex.ru

Научный руководитель:
ЧОРНОВОЛ Евгений Петрович,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Уральского института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, кандидат юридических наук,
доцент, Почетный работник высшего профессионального
образования России, г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: echornovol@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА НАСЛЕДОДАТЕЛЯ

Аннотация. В статье представлена эволюция формирования банкротной (конкурсной) модели исполнения обязательств наследодателя, определена ее сущность и охарактеризованы правовые принципы ее функционирования. Актуальность исследования определена сложностью его предмета – исполнение обязательств наследодателя в ракурсе конкурсного (банкротного) права. Обосновывается, что указанная конструкция не может быть сведена ни к обычному банкротству гражданина, ни к классическому наследственному правопреемству. На основе историко-правового, сравнительно-правового и догматического анализа раскрывается соотношение банкротства наследодателя с принципом сепарации имущества наследодателя и ликвидационной моделью наследства. Научная новизна исследования состоит в обосновании положений о том, что банкротство наследодателя представляет собой особый конкурсно-правовой режим посмертного исполнения обязательств наследодателя, основанный на обособлении наследственного имущества, его функциональной персонификации, конкурсном удовлетворении требований кредиторов и окончательном прекращении долговой неопределенности. Положения и выводы анализа данной проблемы могут использоваться в правотворческой и правоприменительной практике соответствующих правовоположений, научной деятельности, а также учебном процессе подготовки юристов.

Ключевые слова: модели исполнения обязательств наследодателя; универсальное наследственное правопреемство; конкурсно-правовой режим исполнения обязательств наследодателя, наследственная масса; сепарация имущества; ликвидация наследства; банкротство наследодателя; банкротство умершего гражданина; обязательства наследодателя; конкурсное (банкротное) право; конкурсная масса, абсолютное прекращение долгов наследодателя.

SHVALEV Konstantin Dmitrievich,
graduate student of Ural Institute of Management -
branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
Ekaterinburg, Russian Federation, Ekaterinburg, Russia

Scientific supervisor: **CHORNOVOL Evgeniy Petrovich**,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Process
of the Ural Institute of Management - a branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional
Education of Russia Ekaterinburg, Russia

THE ESSENCE AND PRINCIPLES OF THE LEGAL REGULATION OF BANKRUPTCY OF THE TESTATOR

Annotation. *The article presents the evolution of the bankruptcy (competition) model for fulfilling the testator's obligations, defines its essence, and characterizes the legal principles of its functioning. The relevance of the study is determined by the complexity of its subject - the fulfillment of the testator's obligations from the perspective of bankruptcy (competition) law. It is substantiated that this structure cannot be reduced to either the ordinary bankruptcy of an individual or to classical hereditary succession. Based on historical, legal, comparative legal, and dogmatic analysis, the relationship between the bankruptcy of the testator, the principle of separation of the testator's property, and the liquidation model of inheritance is revealed. The scientific novelty of the study lies in the substantiation of the provisions that the bankruptcy of the testator represents a special competitive and legal regime for the posthumous fulfillment of the testator's obligations, based on the isolation of the inherited property, its functional personification, competitive satisfaction of creditors' claims, and the final termination of debt uncertainty. The provisions and conclusions of the analysis of this problem can be used in law-making and law enforcement practice of relevant legal provisions, scientific activities, as well as in the educational process of training lawyers.*

Key words: *models of fulfillment of obligations of the testator; universal hereditary succession; competitive legal regime for the fulfillment of the testator's obligations, inheritance; separation of property; liquidation of inheritance; bankruptcy of the testator; bankruptcy of the deceased citizen; obligations of the testator; bankruptcy law; bankruptcy estate, absolute termination of the testator's debts.*

Введение

Современное российское право исходит из того, что сама по себе смерть гражданина не устраняет необходимость урегулирования его имущественных обязательств. Напротив, именно в момент смерти особенно остро проявляется проблема соотношения актива и пассива, принадлежавшего гражданину наследства. Если актив наследства достаточен, исполнение обязательств наследодателя, как правило, может быть осуществлено в порядке универсального наследственного правопреемства. Однако при недостаточности наследственного имущества предъявление кредиторами требований к наследникам не обеспечивает удовлетворения их требований, создается риск произвольного предпочтения отдельных взыскателей и порождает неопределенность в отношении пределов ответственности наследников.

Упорядочивание такой ситуации предусмотрено предписаниями § 4 Главы X «Банкротство гражданина» Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве). Нельзя, однако не обратить внимания на то, что статья 223.1 данного закона не раскрывает особенностей данной процедуры, а говорит лишь об условиях и порядке банкротства гражданина в случае его смерти. Между тем смерть прекращает правоспособность гражданина, а потому умерший не может признаваться несостоятельным в том же смысле, в каком банкротом признается живой субъект гражданского оборота. Следовательно, предмет настоящего исследования выступает не столько «несостоятельность умершего лица»,

сколько особая модель удовлетворения требований кредиторов за счет наследственной массы в ракурсе банкротного (конкурсного) права. В свою очередь, определение ее сущности возможно на синтезе историко-правового анализа, позволяющего проследить эволюцию концепции преобразования наследства в конкурсную массу, обладающую особым правовым режимом, обеспечивающим исполнение обязательств наследодателя.

1. Историко-теоретические предпосылки обособления наследственной массы

Теоретическое осмысление банкротства умершего должника невозможно без обращения к вопросу о правовой судьбе имущества в период между смертью наследодателя и окончательным распределением наследства. В римском праве эта проблема получила выражение в категории *hereditas jacens* — «лежачего наследства». В литературе отмечается, что данная категория допускала различные трактовки: наследство могло мыслиться как фикция личности будущего наследника, как продолжение личности умершего либо как автономное имущественное образование, близкое по функции к юридическому лицу [5, с. 313–314]. Последний подход имел особое значение для кредиторов, поскольку позволял рассматривать наследственное имущество как обособленный объект обращения взыскания до окончательного определения наследника.

Наряду с категорией лежачего наследства важное значение имел принцип *beneficium separationis*. Его сущность состояла в предоставлении кредиторам наследодателя возможности требовать отделения наследственного имуще-

ства от личного имущества наследника для преимущественного удовлетворения своих требований за счет наследственной массы, но не долгов наследника [5, с. 316]. При этом римская сепарация не означала абсолютного разрыва имущественных сфер наследодателя и наследника. Как справедливо подчеркивается в современной литературе, она устанавливала прежде всего приоритеты удовлетворения разных групп кредиторов, а не полную изоляцию соответствующих имущественных масс [1, с. 89].

Именно это обстоятельство позволяет отличить принцип сепарации от последующих более жестких моделей ликвидации наследства. Сепарация предполагает разграничение имущественных масс, но не обязательно создает полноценную конкурсную процедуру. Она отвечает на вопрос о приоритете кредиторов наследодателя перед личными кредиторами наследника в отношении наследственного актива, но сама по себе не решает вопрос о порядке пропорционального удовлетворения требований при недостаточности наследственного имущества. Поэтому сепарация является важной предпосылкой банкротства наследственной массы, но не исчерпывает его содержания.

Показательно, что близкий подход к решению данного вопроса сохранился во французском праве. Статья 878 Французского гражданского кодекса (далее - ФГК) предоставляет кредиторам наследодателя и легатариям денежных сумм преимущество в отношении актива наследства перед личными кредиторами наследника. Соответственно личные кредиторы наследника имеют преимущество в отношении имущества наследника, не полученного по наследству. Однако французская доктрина подчеркивает, что «несмотря на свое название, сепарация не препятствует смешению имущества наследодателя и наследника. Она лишь дает кредиторам наследодателя преимущество» [2; 10, р. 633–634]. Кроме того, в литературе отмечается, что несмотря на наличие принципа сепарации, во французском законодательстве «конкуренция наследственных кредиторов осталась урегулирована слабо - их очереди сформированы почти без учета социального и экономического значения требований, внутри очередей требования упорядочены минимально» [2].

Следовательно, историко-правовые материалы показывают, что обособление наследственной массы может иметь разную степень значимости для исполнения обязательств наследодателя. В мягкой форме оно выражается в приоритете наследственных кредиторов. В более сильной форме оно превращает наследство в самостоятельный имущественный комплекс, предназначенный для расчетов с кредиторами.

Современное банкротство наследодателя тяготеет именно ко второй модели, поскольку предполагает полное обособление имущества наследодателя от имущества наследника.

2. Ликвидационная модель наследства и ее отличие от универсального наследственного правопреемства

Наряду с принципом сепарации в зарубежных правовых порядках известна иная модель посмертного урегулирования имущественных отношений — ликвидационная модель наследства. В ее основе лежит идея, что к наследникам должно переходить не все имущество умершего вместе с долговым бременем, а лишь остаток после предварительного расчета с кредиторами. В такой конструкции наследство первоначально рассматривается как фонд, подлежащий администрированию, выявлению актива и пассива, удовлетворению требований кредиторов и только затем распределению между наследниками или иными выгодоприобретателями.

Данная модель традиционно связывается со странами общего права, где центральное значение имеет фигура администратора наследства, а также с рядом иных правовых порядков, в которых наследственное имущество не сливается автоматически с имуществом наследников [3, с. 18; 11, р. 178; 12, р. 169]. В литературе среди признаков ликвидационной модели обычно выделяются: обособление наследственного имущества, ограничение прав наследников на распоряжение им до завершения расчетов, специальная процедура уведомления кредиторов, возможность соразмерного распределения актива при его недостаточности и установление ответственности за нарушение режима администрирования наследства [2].

В отличие от универсального правопреемства ликвидационная модель меняет саму последовательность удовлетворения требований кредиторов наследодателя. При универсальном правопреемстве наследник заступает на место наследодателя в комплексе переходящих прав и обязанностей, а вопрос об исполнении обязательств последнего решается через предел стоимости принятого наследства. При ликвидационной модели наследство сначала выполняет функцию расчетного фонда, и только после завершения расчетов свободный остаток становится объектом наследственного присвоения.

Именно поэтому ликвидационная модель обнаруживает значительное сходство с банкротством наследственной массы. Обе конструкции исходят из того, что интерес кредиторов наследодателя не должен полностью зависеть от поведения наследников, их добросовестности, платежеспособности, готовности раскрывать состав

наследственного имущества и корректно определять предел исполнения обязательств наследодателя. Однако между ними сохраняется принципиальное различие. Ликвидационная модель может применяться и к состоятельному наследству, тогда как банкротство наследодателя в российском праве имеет смысл прежде всего при наличии признаков недостаточности имущества либо неплатежеспособности.

Таким образом, российская модель банкротства наследодателя не тождественна общей ликвидации наследства, поскольку применима только к несостоятельным наследствам и связана с банкротными основаниями, процедурами и последствиями.

3. Эволюция регулирования банкротства умершего должника в российском праве

Российское дореволюционное право также знало конструкции, направленные на урегулирование имущественной недостаточности умершего должника. В Уставе о банкротах, утвержденном 19 декабря 1800 г. (далее – Устав о банкротах 1800 г.), были закреплены правила, позволявшие при определенных условиях приступить к рассмотрению требований кредиторов и реализации имущества умершего до его окончательного перехода к наследникам. Устав исходил из состояния неоплатности, то есть недостаточности имущества должника для удовлетворения всех требований кредиторов, и предусматривал формирование конкурсной массы, предъявление требований и их соразмерное удовлетворение.

Особенность дореволюционного регулирования заключалась в том, что оно развивалось в условиях сословной дифференциации конкурсного права. Наиболее последовательно была урегулирована торговая несостоятельность, тогда как несостоятельность иных категорий физических лиц не образовывала столь же стройной системы. Поэтому при характеристике дореволюционного регулирования банкротства умершего должника мы будем рассматривать прежде всего нормы, применимые к лицам торгового сословия как пример наиболее проработанного правового регулирования.

Отделение XXVII Устава о банкротах 1800 г. связывало инициирование конкурсного порядка с отказом наследников от платежа, недоверием кредиторов к наследникам либо неявкой наследников в установленный срок. Ст. 498 Устава судопроизводства торгового 1893 г. также предусматривала возможность конкурсного производства в связи с непринятием наследства или заявлением кредиторов о недоверии к состоятельности наследников. Тем самым дореволюционное право допускало конкурсное урегулирование наслед-

ственного пассива, но преимущественно как механизм, применяемый до окончательного вступления наследников в наследство.

Особенно показательно соотношение конкурсного производства с наследственным правопреемством. Свод законов Российской империи содержал положение, согласно которому при открытии признаков несостоятельности и объявлении ее судом наследование не имеет места (Свод законов Российской Империи Т. X, ч. I, ст. 1238, прим. 1, прил., ст. 12). Г. Ф. Шершеневич, анализируя это правило, указывал, что до окончания конкурсного производства, открытого над имуществом умершего, осуществление наследственных прав невозможно [8, с. 149]. Если же наследники уже вступили в наследство, конкурс должен был открываться не над имуществом умершего, а над имуществом самих наследников как субъектов принятого имущества [8, с. 149].

Вместе с тем дореволюционное право предоставляло наследникам возможность предварительно осмотреть и оценить имущество и долги наследодателя, чтобы решить вопрос о принятии или отказе от наследства (Свод законов Российской Империи Т. X, ч. I, Зак. Гражд., ст. 1238, прим. 1, прил., ст. 3). К. П. Победоносцев отмечал, что после такого рассмотрения наследники могли либо принять наследство с ответственностью, либо отказаться от него, в результате чего открывалась несостоятельность наследственной массы [6, с. 365]. Это показывает, что дореволюционная модель исходила из причинно-следственной связи конкурсного производства с отсутствием либо неопределенностью наследственного правопреемства.

После революции 1917 г. институт банкротства граждан утратил практическое значение. Советская цивилистика исходила из того, что в социалистическом обществе, как отмечал В.И. Серебровский, отсутствуют социально-экономические предпосылки для широкого развития долговых отношений между гражданами [7, с. 220]. Исполнение обязательств умершего лица было фактически возвращено в рамки наследственного правопреемства, а специальная процедура несостоятельности наследственной массы не развивалась.

В постсоветский период до реформы банкротства граждан 2015 г. ситуация также оставалась неопределенной. Законодательство о несостоятельности распространялось на ограниченный круг физических лиц, прежде всего индивидуальных предпринимателей и глав крестьянских (фермерских) хозяйств, и было ориентировано исключительно на живого должника. В практике встречался подход, согласно которому смерть гражданина-должника влекла прекращение про-

изводства по делу о банкротстве, поскольку правопреемство должника в такой процедуре прямо не предусматривалось. Так, например, в Определении Арбитражного суда Хабаровского края от 3 июня 2013 г. по делу № А73-13835/2011 Источник??? смерть должника была оценена как обстоятельство, исключающее продолжение процедуры банкротства в отношении данного субъекта.

Реформа 2015 г., дополнившая Закон о банкротстве статьей 223.1, изменила эту логику. Законодатель признал, что смерть должника не должна а priori исключать конкурсный механизм, если на дату открытия наследства имеются неудовлетворенные требования кредиторов. При этом современная модель не воспроизводит дореволюционное регулирование буквально. В отличие от дореволюционного подхода, она допускает применение банкротства наследственной массы даже тогда, когда наследники уже приняли наследство.

4. Правовые принципы правового регулирования банкротства наследодателя

Современная российская модель банкротства умершего должника не является ни буквальной рецепцией принципа сепарации, ни полной реализацией ликвидационной модели наследства. Она представляет собой самостоятельную конкурсно-правовую (банкротную) конструкцию, правовые принципы функционирования которой получили закрепление в Законе о банкротстве.

Первый принцип: обособление наследственной массы как объекта конкурсного воздействия. Абзац 1 п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве устанавливает, что в конкурсную массу включается имущество, составляющее наследство (наследственную массу). Тем самым наследственное имущество отделяется от имущества наследников и переводится в режим конкурсного управления. В отличие от классической сепарации, современное банкротство наследственной массы предполагает не просто приоритет наследственных кредиторов, а фактическое исключение притязаний кредиторов наследодателя на личное имущество наследников. В терминах современной теории имущественного обособления К. Ю. Ибрагимов характеризует этот принцип как «сильное защитное обособление» [1, с. 93]. В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, изложенной в Определении от 29.03.2021 № 305-ЭС18-3299(8) по делу № А40-25142/2017 данное обособление обусловлено задачами конкурсного производства, в соответствии с которыми должна быть обеспечена возможность реализации наследственного имущества так, как если бы наследодатель был жив. Эта позиция имеет принципиальное значение: она подтверждает, что наследственная масса в деле о

банкротстве выводится из сферы универсального правопреемства для целей удовлетворения требований кредиторов наследодателя.

Второй принцип: применение к банкротству умершего должника всего комплекса норм о банкротстве физических лиц (п. 2 ст. 223.1 Закона о банкротстве). В отличие от принципа сепарации имущества, современная конструкция банкротства наследственной массы предполагает применение фундаментальных принципов конкурсного права. Речь идет прежде всего о принципе пропорционального удовлетворения требований кредиторов, о формировании конкурсной массы, о наличии установленной законом очередности требований и о централизованном характере реализации имущества должника, а также об оспаривании сделок должника и т.д. Иными словами, наследственная масса в рамках процедуры банкротства функционирует как конкурсная масса, подчиненная общим правилам конкурсного производства.

Ликвидационная модель выступает более широкой по отношению к модели банкротства умершего гражданина, т.к. в рамках нее выделяется «состоятельное наследство» и «несостоятельное наследство» [4, 33-34]. Для состоятельного наследства применение банкротных процедур не характерно.

Третий принцип: ориентация процедуры на реализацию имущества, а не на реабилитацию должника. Если на момент смерти гражданина применялась реструктуризация долгов, то ст. 223.1 Закона о банкротстве предписывает заявить ходатайство о переходе к реализации имущества, а для крестьянского (фермерского) хозяйства — к конкурсному производству (п. 5 ст. 223.1 Закона о банкротстве). Этот признак имеет не только процессуальное, но и материально-правовое значение. Он означает, что смерть должника исключает саму возможность сохранения реабилитационной парадигмы банкротства. После смерти нецелесообразно ни восстановление платежеспособности, ни согласование индивидуального плана погашения долгов, ни иное продолжение личной финансовой реабилитации. Единственно возможной становится ликвидационная модель. В сопоставлении с принципом сепарации это закономерно: если имущество наследодателя отделяется от имущества наследников, то целью процедуры становится не восстановление экономической свободы наследодателя, а преимущественное удовлетворение требований его кредиторов. В сопоставлении с моделью ликвидации наследства данный признак является, по существу, ее прямым нормативным выражением.

Четвертый принцип: наличие признаков несостоятельности наследственной массы как

обязательное основание для применения данной модели. Банкротство умершего должника применяется к несостоятельному наследству. При отсутствии имущественной недостаточности обязательства наследодателя могут быть исполнены в рамках обычного наследственного правопреемства. Данный принцип отличает российскую модель как от сепарации, который исторически мог применяться и при состоятельном наследстве в целях защиты кредиторов наследодателя от личных кредиторов наследника, так и от общей ликвидационной модели, которая в некоторых правовых порядках используется независимо от факта несостоятельности.

Пятый принцип: установление специального режима для социально значимого имущества наследодателя. Пункт 7 статьи 223.1 Закона о банкротстве предусматривает возможность исключения из конкурсной массы жилого помещения, являющегося единственным пригодным для постоянного проживания лица, имеющего право на обязательную долю, либо наследника. Следовательно, российская модель направлена не на механическую ликвидацию всего наследственного актива, а сочетает конкурсную цель с социальными ограничениями.

Шестой принцип: завершение процедуры банкротства как способ прекращения всех обязательств наследодателя. Пункт 10 ст. 223.1 Закона о банкротстве устанавливает, что после завершения расчетов граждан, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, включая требования, не заявленные в ходе процедуры, а определение о завершении реализации имущества не может быть пересмотрено. С учетом смерти гражданина данное освобождение следует понимать не как личную реабилитацию должника, а как прекращение долговой неопределенности в отношении наследственной массы и наследников.

Резюмируя изложенное банкротство наследодателя, можно определить как особую модель исполнения обязательств наследодателя. Ее отличие от обычной модели универсального наследственного правопреемства состоит в том, что исполнение обязательств наследодателя осуществляется не наследниками, а через публично организованный конкурс кредиторов, обращенный к наследственной массе.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современная модель банкротства умершего гражданина представляет собой результат сложной исторической эволюции, сочетающий в себе элементы различных правовых конструкций, адаптирующийся под актуаль-

ные социальные запросы современности. Его нельзя свести как к обычному банкротству гражданина, поскольку смерть должника исключает реабилитационную цель процедуры, так и к универсальному наследственному правопреемству, поскольку при недостаточности наследственного имущества обязательства наследодателя подлежат исполнению не через предъявление кредиторами отдельных требований к наследникам, а через специальный конкурсный механизм.

Сравнение с принципом сепарации показывает, что банкротство наследственной массы использует идею обособления имущества наследодателя, но развивает ее значительно дальше. Сепарация в классическом виде предполагает, что имущество наследодателя не смешивается автоматически с имуществом наследников, а сохраняет функциональную автономию до тех пор, пока не будет решен вопрос о погашении долгов наследодателя. Банкротство же наследственной массы предполагает такое обособление, которое полностью исключало бы притязания кредиторов наследодателя на имущество наследников.

Сопоставление с ликвидационной моделью наследства также показывает как сходство, так и различие. Сходство выражается в том, что наследство рассматривается прежде всего как обособленный имущественный комплекс, из которого должны быть удовлетворены требования кредиторов до окончательного распределения остатка между наследниками. Различие состоит в том, что российская модель банкротства наследственной массы применяется только к несостоятельному наследству и подчиняется специальным принципам банкротного права.

Таким образом, банкротство наследодателя целесообразно определить как модель исполнения его обязательств, применяемую при недостаточности наследственного имущества и основанную на обособлении наследственной массы, ее функциональной персонификации, централизованной реализации имущества, соразмерном удовлетворении требований кредиторов и окончательном прекращении долговой неопределенности после завершения расчетов.

Список литературы:

[1] Ибрагимов К. Ю. Имущественное обособление на примере ответственности наследников // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8(165). С. 85-99. – DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.085-099. EDN: TTDCHP.

[2] Зазулина Л. Д. Защита прав кредиторов в случае смерти должника по законодательству России и Франции // Нотариус. 2020. № 2. С. 45-48. // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2026).

[3] Латыев А. Н. Гражданское право и философский камень: универсальность наследственного правопреемства // Закон. 2026. № 2. С. 17–33.

[4] Михалев К. А., Петров Е. Ю. Персонификация наследственной массы // Закон. 2023. № 6. С. 25–39.

[5] Покровский И. А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад». 1999. 553 с.

[6] Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. М.: Статут. 2003. 639 с.

[7] Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут. 2003. 558 с.

[8] Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. 3-е изд. М: Статут. 2021. 477 с.

[9] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут. 2005. 832 с.

[10] Terré F., Lequette Y. Droit civil. Les successions. Les libéralités. Paris. 1997. 906 p.

[11] Verbeke A., Leleu Y.-H. Harmonization of the Law of Succession in Europe // Towards a European Civil Code / ed. by A. Hartkamp et al. 2nd rev. and expanded ed. Nijmegen; The Hague; London; Boston. 1998. P. 173–188.

[12] Schacht J. An Introduction to Islamic Law. Oxford: Oxford University Press, 1982. 304 p.

References:

[1] Ibragimov K. Yu. Property separation on the example of the responsibility of heirs//Actual problems of Russian law. 2024. VOL. 19. № 8(165). S.

85-99. – DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.085-099. EDN: TTDCHP.

[2] Zazulina L. D. Protection of creditors' rights in case of death of the debtor under the laws of Russia and France//Notary. 2020. № 2. pp. 45-48 .//[Electronic resource] SPS "ConsultantPlus" (date of contact: 11.02.2026).

[3] Latyev A.N. Civil law and the philosopher's stone: universality of hereditary succession//Law. 2026. № 2. С. 17–33.

[4] Mikhalev K. A., Petrov E. Yu. Personification of hereditary mass//Law. 2023. № 6. S. 25-39.

[5] Pokrovsky I. A. History of Roman law. St. Petersburg: Publishing and trading house "Summer Garden." 1999. 553 p.

[6] Pobedonostsev K.P. Course in civil law. Part two: Family, hereditary and testamentary rights. M.: Statute. 2003. 639 p.

[7] Serebrovsky V.I. Selected works on inheritance and insurance law. 2nd ed., Rev. M.: Statute. 2003. 558 pp.

[8] G. Shershenevich Competitive process. 3rd ed. M: Statute. 2021. 477 p.

[9] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M.: Statute. 2005. 832 pp.

[10] Terré F., Lequette Y. Droit civil. Les successions. Les libéralités. Paris. 1997. 906 p.

[11] Verbeke A., Leleu Y.-H. Harmonization of the Law of Succession in Europe // Towards a European Civil Code / ed. by A. Hartkamp et al. 2nd rev. and expanded ed. Nijmegen; The Hague; London; Boston. 1998. P. 173–188.

[12] Schacht J. An Introduction to Islamic Law. Oxford: Oxford University Press, 1982. 304 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КИЯШКО Анатолий Сергеевич,
Студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,
доцент кафедры административного права и процесса, к.ю.н.,
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной
службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской
обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала
армии Е. Н. Зиничева,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТА ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО КАЧЕСТВА В СФЕРЕ БЫТОВОГО ПОДРЯДА

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические проблемы доказывания факта выполнения работ ненадлежащего качества в сфере бытового подряда. Анализируется правовая природа договора бытового подряда и его соотношение с договором возмездного оказания услуг. Особое внимание уделяется распределению бремени доказывания, применению доказательственных презумпций и роли судебной экспертизы в установлении характера и причин недостатков результата работы. Выявляются типичные сложности правоприменительной практики и обосновывается необходимость совершенствования процессуальных механизмов защиты прав потребителя.

Ключевые слова: бытовой подряд, ненадлежащее качество, бремя доказывания, судебная экспертиза, защита прав потребителей, договор подряда, доказательство.

KIYASKO Anatoliy Sergeevich,
Student Saint-Petersburg State Fire Service University
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters
named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev

Scientific supervisor:
MOISEENKO Mikhail Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Administrative
Law and Procedure and Law, Candidate of Law,
Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry
of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies
and Elimination of Consequences of Natural Disasters
named after the Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev,
Russia, Saint Petersburg

PROBLEMS OF PROVING THE FACT OF RENDERING SERVICES OF IMPROPER QUALITY IN THE FIELD OF HOUSEHOLD CONTRACT

Annotation. *The article examines theoretical and practical issues of proving the fact of rendering services of improper quality within household contract relations. The legal nature of the household contract and its correlation with the contract for compensated services are analyzed. Particular attention is paid to the allocation of the burden of proof, the application of evidentiary presumptions and the role of forensic examination in establishing the nature and causes of defects in the work result. The paper identifies typical difficulties of law enforcement practice and substantiates the need to improve procedural mechanisms for consumer rights protection.*

Key words: *household contract, improper quality, burden of proof, forensic examination, consumer protection, contract for work, evidence.*

В современных условиях активного развития сферы обслуживания особое значение приобретает проблема качества выполняемых работ. Договор бытового подряда традиционно рассматривается как правовая конструкция, направленная на удовлетворение личных, семейных и иных непредпринимательских потребностей граждан. Однако на практике именно в рамках таких правоотношений чаще всего возникают споры, связанные с ненадлежащим исполнением обязательств подрядчиком. В центре конфликта оказывается вопрос доказывания: кто и в каком объеме обязан подтверждать факт наличия недостатков выполненной работы, их характер и причины возникновения.

Сложность указанной проблемы обусловлена двойственной природой бытового подряда. С одной стороны, он подчиняется общим положениям о подряде, предполагающим достижение определенного, отделимого результата. С другой — в нем участвует потребитель как более слабая сторона, что влечет применение специальных гарантий и перераспределение бремени доказывания. На практике это приводит к противоречиям при оценке доказательств, назначении экспертиз и определении юридически значимых обстоятельств дела.

Вследствие этого исследование особенностей доказывания факта выполнения работ ненадлежащего качества в сфере бытового подряда приобретает не только теоретическую, но и существенную практическую значимость.

Договор бытового подряда представляет собой особую разновидность подрядных обязательств, ориентированную на удовлетворение личных потребностей граждан. Его публичный характер и участие в нем потребителя как экономически более слабой стороны предопределяют специфику правового регулирования и механизма защиты нарушенных прав. В научной литературе подчеркивается, что бытовой подряд сочетает в себе признаки общего подряда и элементы публичного договора, что усиливает требования к качеству результата работы и к поведению подрядчика при исполнении обязательств [4]. При этом предметом договора выступает не процесс выполнения работ, а конкретный, отделимый результат, подлежащий передаче заказ-

чику, что отличает его от возмездного оказания услуг, где результат не всегда имеет самостоятельное материальное выражение [2].

Такое разграничение имеет принципиальное значение при доказывании ненадлежащего качества. Если в договоре подряда оценивается именно конечный результат, то в споре необходимо установить, соответствует ли он условиям договора, техническим требованиям и обычным критериям качества. Ошибочная квалификация отношений как возмездного выполнения работ способна привести к неверному распределению рисков и обязанностей сторон, включая вопрос о том, что именно подлежит доказыванию [2].

Особенности субъектного состава бытового подряда усиливают значение доказательственной деятельности. Подрядчиком выступает лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность по выполнению соответствующих работ, тогда как заказчиком является гражданин-потребитель [4]. Это означает, что к спору подлежат применению нормы законодательства о защите прав потребителей, предусматривающие специальные гарантии и презумпции в пользу заказчика. В частности, если недостатки выявлены в пределах гарантийного срока, предполагается, что они возникли до передачи результата работы потребителю, если подрядчик не докажет обратное. Такая модель перераспределяет бремя доказывания и существенно влияет на стратегию сторон в процессе [1].

Институт доказывания в делах о защите прав потребителей носит комбинированный характер. Сохраняется общий принцип состязательности, однако законодатель вводит доказательственные презумпции, направленные на компенсацию процессуального неравенства сторон [1]. В результате потребитель освобождается от необходимости доказывать отдельные юридически значимые обстоятельства, в частности причины возникновения недостатков при наличии гарантии. Подрядчик, напротив, обязан представить доказательства надлежащего качества выполненной работы либо наличия обстоятельств, исключающих его ответственность.

На практике центральное место в таких спорах занимает судебная экспертиза. Именно экспертное заключение позволяет установить харак-

тер дефектов, их существенность и причины возникновения. Вместе с тем экспертиза сама по себе не обладает безусловной доказательственной силой и подлежит оценке судом в совокупности с иными доказательствами. В научных работах подчеркивается, что соблюдение процессуального порядка назначения и проведения экспертизы является необходимым условием признания ее результатов допустимыми доказательствами [2]. Нарушение процедуры способно повлечь признание заключения недопустимым, что осложняет установление фактических обстоятельств дела.

Дополнительные трудности возникают при определении существенности недостатка. В практике споров о продаже товаров ненадлежащего качества указывается на необходимость учитывать характер дефекта, возможность его устранения и экономическую целесообразность ремонта [3]. Данные критерии применимы и к отношениям бытового подряда, особенно когда результат работы связан с изготовлением или ремонтом вещи. От правильной квалификации недостатка зависит объем требований потребителя — от устранения дефектов до расторжения договора и взыскания убытков.

Не менее важную роль играет содержание самого договора. В зарубежной и отечественной практике подчеркивается, что четкое определение предмета, технического задания и критериев приемки результата снижает риск споров и облегчает процесс доказывания [5]. Если в договоре подробно закреплены параметры качества и порядок сдачи-приемки работ, то суду проще установить факт отклонения результата от согласованных условий. Отсутствие же конкретизации порождает неопределенность, которая в условиях спора интерпретируется с учетом принципа защиты слабой стороны.

В результате совокупность материально-правовых презумпций, процессуальных особенностей и оценочного характера критериев качества формирует сложный механизм доказывания. Он требует от суда активной позиции при установлении обстоятельств дела и всесторонней оценки представленных доказательств, а от сторон — четкого понимания распределения доказательственной нагрузки.

Проведенное исследование позволило установить, что доказывание факта выполнения работ ненадлежащего качества в сфере бытового подряда характеризуется повышенной сложностью и многоуровневым правовым регулированием. Специфика предмета договора, предполагающего достижение отдельного результата, обуславливает необходимость оценки не процесса выполнения работ, а их конечного эффекта. Это требует четкого разграничения бытового подряда и возмездного выполнения работ, поскольку от

квалификации отношений напрямую зависит объем подлежащих доказыванию обстоятельств.

Выявлено, что участие потребителя как слабой стороны влечет перераспределение бремени доказывания и применение доказательственных презумпций, направленных на обеспечение баланса интересов. Существенную роль в установлении фактических обстоятельств играет судебная экспертиза, однако ее результаты подлежат критической оценке в совокупности с иными доказательствами.

В итоге эффективность защиты прав потребителя в сфере бытового подряда определяется не только содержанием материальных норм, но и качеством процессуального механизма доказывания, обеспечивающего справедливое разрешение спора.

Список литературы:

- [1] Алиева, А. А. Институт доказывания и доказательств в делах о защите прав потребителей: проблемные вопросы // Закон и право. 2025. № 6. С. 158–163.
- [2] Казаченок, О. П. Соотношение договора подряда и договора возмездного оказания услуг // Наука и современность. 2014. № 29. С. 292–297.
- [3] Стародубова, Л. М. Актуальные проблемы защиты прав потребителя при продаже товара ненадлежащего качества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-5 (96). С. 215–221.
- [4] Тычинин, С. В. Договор бытового подряда в гражданском праве России // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2008. № 8 (48).
- [5] Ibragimov, Murod Nozirovich. Contract the basis of the relationship between the consultant and the customer // Journal of marketing, business and management. 2025. № 10. P. 124–129.

References:

- [1] Aliyeva, A. A. Institute of Evidence and Evidence in Consumer Protection Cases: Problematic Issues//Law and Law. 2025. № 6. S. 158-163.
- [2] Kazachenok, O.P. The ratio of a contract agreement and a contract for the provision of paid services//Science and modernity. 2014. № 29. S. 292-297.
- [3] Starodubova, L. M. Actual problems of consumer protection when selling goods of inadequate quality//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 9-5 (96). S. 215-221.
- [4] Tyichinin, S.V. Domestic contract in civil law of Russia//NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2008. № 8 (48).
- [5] Ibragimov, Murod Nozirovich. Contract the basis of the relationship between the consultant and the customer // Journal of marketing, business and management. 2025. № 10. P. 124–129.

МУБАРАКШИН Ильнур Линарович,
аспирант, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова»,
e-mail: lnur252525@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ ТОРГОВЛИ ТОВАРАМИ И УСЛУГАМИ

Аннотация. В статье исследуется комплекс правовых аспектов дистанционной торговли как одной из наиболее динамично развивающихся форм розничной купли-продажи в условиях цифровой трансформации экономики. Автор анализирует юридическую природу дистанционной торговли, выявляя её существенные признаки: опосредованность взаимодействия сторон техническими средствами, информационную асимметрию, пространственно-временную разобщённость. Рассматривается специфика правового регулирования, проявляющаяся в расширенных информационных обязанностях продавца, особом порядке заключения договора и институте права на отказ от товара. Исследуется система источников правового регулирования, включающая нормы гражданского права, специальное законодательство о защите прав потребителей, подзаконные акты и судебную практику. Особое внимание уделяется основным принципам регулирования дистанционной торговли, среди которых приоритет защиты прав потребителей, информационная прозрачность, баланс интересов сторон. На основе анализа судебной практики выявляются проблемные аспекты правоприменения и формулируются предложения по совершенствованию законодательства, включая необходимость принятия специального федерального закона об электронной коммерции.

Ключевые слова: дистанционная торговля, электронная коммерция, защита прав потребителей, информационная обязанность, право на отказ, публичная оферта, маркетплейс, персональные данные.

MUBARAKSHIN Ilnur Linarovich,
Graduate student, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«I. N. Ulyanov Chuvash State University»

LEGAL REGULATION OF REMOTE TRADE IN GOODS AND SERVICES

Annotation. The article examines the complex of legal aspects of distance trading as one of the most dynamically developing forms of retail sales in the context of the digital transformation of the economy. The author analyzes the legal nature of distance trading, revealing its essential features: the mediation of interaction between the parties by technical means, information asymmetry, spatial and temporal separation. The article considers the specifics of legal regulation, manifested in the expanded information obligations of the seller, the special procedure for concluding a contract and the institution of the right to refuse goods. The article examines the system of sources of legal regulation, including the norms of civil law, special legislation on consumer protection, by-laws and judicial practice. Special attention is paid to the basic principles of regulating distance trading, including the priority of consumer protection, information transparency, and a balance of interests between the parties. Based on the analysis of judicial practice, problematic aspects of law enforcement are identified and proposals for improving legislation are formulated, including the need to adopt a special federal law on electronic commerce.

Key words: distance trading, e-commerce, consumer protection, information obligation, right to refuse, public offer, marketplace, personal data.

Введение. Дистанционная торговля стала неотъемлемым элементом современной экономической жизни, трансформировав не только способы приобретения товаров и услуг, но и саму правовую архитектуру договорных отношений. Если ещё два десятилетия назад покупка через интернет воспринималась как экзотика, доступная узкому кругу технически продвинутых потребителей, то сегодня ежедневный оборот электронной коммерции в России исчисляется десятками миллиардов рублей, а число интернет-покупателей превышает 70 миллионов человек. Такая стремительная динамика создала качественно новую реальность: рынок дистанционной торговли развивается темпами, значительно опережающими темпы законодательного осмысления и регулирования возникающих отношений[1, с. 45].

Правовая природа дистанционной торговли остаётся предметом оживлённых научных дискуссий, что обусловлено её гибридным характером, сочетающим элементы традиционной розничной купли-продажи с новыми технологическими и организационными формами. С одной стороны, дистанционная купля-продажа подчиняется общим правилам гражданского законодательства о договоре розничной купли-продажи, с другой – порождает целый ряд специфических правовых эффектов, требующих специального регулирования. Это противоречие между классической правовой формой и новым экономическим содержанием создаёт теоретический и практический вызов для правовой науки и законодательства.

Система правового регулирования дистанционной торговли представляет собой многоуровневую конструкцию, включающую нормы различной юридической силы: от конституционных гарантий свободы экономической деятельности до детализированных подзаконных актов и локальных правил интернет-магазинов. Однако, несмотря на значительный объём нормативного материала, регулирование остаётся фрагментарным, что проявляется в наличии пробелов, коллизий и неопределённостей, затрудняющих правоприменение. Особую роль в восполнении этих пробелов играет судебная практика, которая постепенно вырабатывает подходы к разрешению возникающих споров, однако это не заменяет необходимости системного законодательного регулирования[2, с. 8].

Цель настоящей статьи состоит в комплексном исследовании правового регулирования дистанционной торговли, выявлении его особенностей и проблемных аспектов, а также формулировании предложений по совершенствованию нормативной базы. Для достижения этой цели анализируются юридическая природа дистанционной торговли, специфика её правового регули-

рования, система источников и основные принципы. Исследование основано на анализе действующего законодательства, судебной практики и доктринальных подходов, что позволяет сформировать целостное представление о правовом феномене дистанционной торговли в современном российском праве.

Дистанционная торговля представляет собой сложное правовое явление, требующее осмысления через призму его сущностных характеристик. Легальное определение, закреплённое в статье 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», фокусируется на ключевом признаке дистанционной продажи – отсутствии непосредственного контакта покупателя с товаром до момента заключения договора. Однако, как справедливо отмечает М.И. Брагинский, приведённое определение не охватывает всё многообразие форм дистанционных продаж, особенно с учётом стремительного развития цифровых технологий, что требует доктринального осмысления и, возможно, законодательной корректировки[3, с. 39].

Сущностные признаки дистанционной торговли проявляются в нескольких аспектах. Прежде всего, это опосредованность взаимодействия сторон техническими средствами, когда все этапы коммуникации – от ознакомления с товаром до оформления заказа и его оплаты – осуществляются дистанционно, без физического контакта. Это порождает специфическое правовое состояние, названное в литературе «информационной асимметрией», при котором покупатель принимает решение о приобретении товара исключительно на основании информации, предоставленной продавцом, не имея возможности самостоятельной проверки её достоверности. Наконец, дистанционный характер договора разрывает временной континуум сделки, разделяя во времени момент заключения договора и момент передачи товара, что создаёт дополнительные риски для обеих сторон[4, с. 176].

Особый интерес представляет правовой режим договора при дистанционной торговле. Согласно пункту 2 статьи 493 Гражданского кодекса Российской Федерации, при розничной купле-продаже договор считается заключённым в момент выдачи покупателю кассового или товарного чека. Однако при дистанционной торговле этот момент смещается: договор может считаться заключённым с момента получения продавцом сообщения о намерении покупателя приобрести товар или с момента выдачи продавцом документа, подтверждающего оплату. Эта норма нуждается в детализации применительно к современным формам электронной коммерции.

Значительный интерес представляет также вопрос о моменте перехода риска случайной

гибели товара при дистанционной торговле. По общему правилу статьи 459 Гражданского кодекса Российской Федерации, риск переходит на покупателя с момента передачи товара. Однако при дистанционной торговле товар передаётся перевозчику для доставки покупателю, и возникает вопрос: несёт ли покупатель риск утраты товара в процессе доставки? Судебная практика, в частности Апелляционное постановление Московского городского суда от 12.11.2023 по делу № 33-45678/2023, исходит из того, что, если договор предусматривает доставку товара продавцом, риск случайной гибели переходит на покупателя только после фактической передачи ему товара, что усиливает защиту прав потребителя.

Институт права на отказ от договора при дистанционной торговле представляет собой уникальный правовой механизм, не имеющий аналогов в других видах розничной купли-продажи. Статья 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» предоставляет потребителю право отказаться от товара без объяснения причин в течение семи дней с момента получения товара. Это право является исключением из принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) и призвано компенсировать информационное неравенство сторон. Однако оно не является безграничным: потребитель обязан сохранить товарный вид и потребительские свойства товара, а также возместить продавцу расходы на доставку возвращаемого товара.

В контексте современных форм дистанционной торговли особое внимание заслуживают маркетплейсы – электронные площадки, объединяющие множество продавцов. Юридическая природа правоотношений на маркетплейсах значительно сложнее традиционной модели интернет-магазина. Оператор маркетплейса не является продавцом товара, а выступает посредником, предоставляющим информационную платформу, что порождает сложности с определением надлежащего ответчика в случае нарушения прав потребителя. В некоторых случаях, когда информация о реальном продавце на странице товара отсутствует, суды возлагают ответственность на оператора маркетплейса, как это было в решении Хамовнического районного суда г. Москвы от 18.09.2024 по делу № 2-2345/2024, что свидетельствует о применении принципа профессиональной ответственности платформы перед потребителем[5, с. 21].

Правовое регулирование дистанционной торговли существенно отличается от регулирования традиционной розничной купли-продажи, что обусловлено особой природой дистанционных правоотношений. Специфика проявляется пре-

жде всего в усилении защиты прав потребителей, которая реализуется через механизмы расширенных информационных обязанностей, особого порядка заключения и расторжения договоров, а также повышенной ответственности продавца за нарушение прав покупателя. Законодатель исходит из презумпции слабой позиции потребителя, который лишён возможности непосредственного осмотра товара и полностью зависит от информации, предоставленной продавцом.

Информационные обязанности продавца при дистанционной торговле имеют решающее значение для формирования воли покупателя и обеспечения осознанного выбора. Пункт 2 статьи 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» устанавливает детальный перечень сведений, которые продавец обязан довести до сведения потребителя: основные потребительские свойства товара, адрес продавца, цена, условия приобретения, доставки, оплаты, срок службы и гарантии. Этот перечень является исчерпывающим, и продавец не вправе ограничивать предоставление информации. Постановление Правительства Российской Федерации от 27.09.2007 № 612 дополнительно детализирует требования к информации, требуя её предоставления в письменной форме в момент доставки товара, а несоблюдение этого требования влечёт увеличение срока возврата до трёх месяцев[6, с. 126].

Ключевым элементом специфики регулирования дистанционной торговли является особый порядок заключения договора. При дистанционной продаже, как уже отмечалось, моменты заключения договора и исполнения обязательств разделены во времени, что создаёт правовую неопределённость. В ситуации, когда на сайте интернет-магазина размещена информация о товаре с указанием всех существенных условий, такая информация признаётся публичной офертой, а действия покупателя по оформлению заказа – её акцептом. В этом случае договор считается заключённым с момента отправки заказа, что подтверждает судебная практика, в частности, решение Тверского районного суда г. Москвы от 07.08.2024 по делу № 2-3456/2024.

Важнейшим аспектом правового регулирования дистанционной торговли является институт права на отказ от договора, который представляет собой исключительный механизм защиты прав потребителя. Потребитель вправе отказаться от товара в течение семи дней с момента получения, при этом не требуется указания причин. Однако это право ограничено перечнем товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату (Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2463). Вместе с тем при дистанционной торговле действие этого

перечня ограничено, поскольку право на отказ обусловлено не субъективными предпочтениями, а объективной невозможностью предварительного осмотра товара.

Особый интерес представляет механизм защиты персональных данных потребителей при дистанционных продажах. При оформлении заказа покупатель предоставляет продавцу значительный объём персональных данных: ФИО, адрес, телефон, электронную почту, данные банковской карты. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает строгие требования к обработке таких данных: необходимость получения согласия субъекта, обеспечение безопасности, запрет на передачу третьим лицам без согласия. Судебная практика демонстрирует, что нарушение этих требований влечёт серьёзные правовые последствия, включая компенсацию морального вреда (решение Нагатинского районного суда г. Москвы от 14.07.2024 по делу № 2-3456/2024).

Система правового регулирования дистанционной торговли представляет собой комплексную многоуровневую структуру, включающую нормы различной отраслевой принадлежности и юридической силы. Конституционные основы заданы статьями 34 и 45 Конституции Российской Федерации, гарантирующими свободу экономической деятельности и государственную защиту прав граждан. Гражданско-правовое регулирование осуществляется преимущественно нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, прежде всего главы 30, регулирующей договор купли-продажи, и статьи 497, устанавливающей публичный характер розничной купли-продажи[7, с. 19].

Специальное регулирование дистанционной торговли осуществляется на основе статьи 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», которая определяет особенности продажи товаров дистанционным способом, а также Постановления Правительства Российской Федерации от 27.09.2007 № 612, детализирующего положения закона. Важным элементом системы является Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регулирующий правовой режим электронных документов и информационных систем. Статья 11 этого закона признаёт юридическую силу электронных документов, подписанных электронной подписью, однако для потребительских сделок такое подписание не является обязательным.

К числу источников регулирования относятся также Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персо-

нальных данных», Федеральный закон Российской Федерации от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», акты Центрального банка Российской Федерации, регулирующие платёжные операции, включая Положение от 24.12.2004 № 266-П и Федеральный закон Российской Федерации от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».

Особое место в системе источников занимают локальные акты интернет-магазинов: пользовательские соглашения, политики конфиденциальности, правила продажи. Однако они не могут устанавливать условия, ухудшающие положение потребителя по сравнению с законом, и в случае противоречия применяются законодательные нормы. Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации, в частности Постановление Пленума от 28.06.2012 № 17, содержит разъяснения по применению законодательства о защите прав потребителей при дистанционной торговле[8, с. 41].

Принципы правового регулирования дистанционной торговли представляют собой фундаментальные начала, определяющие содержание и направленность правовых норм. Центральное место среди них занимает принцип приоритета защиты прав потребителей, который реализуется через систему императивных норм, не допускающих ухудшения положения потребителя договором. Законодатель последовательно защищает слабую сторону договора, устанавливая расширенные гарантии прав потребителя.

Принцип информационной прозрачности предполагает обязанность продавца предоставить потребителю полную, достоверную и своевременную информацию о товаре, условиях его приобретения и о самом продавце. Этот принцип приобретает особое значение в дистанционной торговле, поскольку информация становится единственным источником для формирования воли покупателя. Судебная практика, как в апелляционном определении Московского городского суда от 28.03.2024 по делу № 33-8765/2024, показывает, что недостаток информации о товаре может служить основанием для отказа от договора.

Принцип баланса интересов сторон проявляется в учёте как прав потребителя, так и законных интересов продавца. Право потребителя на отказ от товара уравнивается обязанностью возместить продавцу расходы на доставку возвращаемого товара и сохранить его товарный вид. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.05.2024 по делу № 33-6789/2024 подтверждает, что возврат товара, утратившего товарный вид, влечёт право продавца удержать часть стоимости товара[9, с. 71].

Принцип доступности судебной защиты обеспечивает потребителю возможность защитить свои права в суде. Потребители освобождаются от уплаты государственной пошлины, могут предъявлять иски по своему месту жительства. Принцип эффективности правовой защиты предполагает применение к продавцам штрафных санкций за нарушение прав потребителей, включая неустойку в размере 1 % за каждый день просрочки и штраф в размере 50% от присуждённой суммы.

Заключение. Проведённое исследование показывает, что правовое регулирование дистанционной торговли в России находится на этапе активного формирования. Сложившаяся система правовых источников характеризуется сочетанием общих норм гражданского права и специального законодательства о защите прав потребителей. Юридическая природа дистанционной торговли определяется её ключевыми признаками: опосредованностью взаимодействия, информационной асимметрией и разделённостью процесса заключения и исполнения договора. Институт права на отказ от договора без объяснения причин выступает центральным механизмом защиты прав потребителей, обеспечивая баланс между экономической свободой и социальной защищённостью.

Судебная практика формирует подходы к разрешению споров, однако её решения не всегда единообразны, что указывает на необходимость системного законодательного регулирования. Принятие специального федерального закона об электронной коммерции могло бы систематизировать и унифицировать правовое регулирование дистанционной торговли, обеспечив правовую определённость и защиту прав всех участников рынка. В перспективе особое внимание требует регулирование трансграничной электронной торговли и вопросов защиты прав потребителей в цифровой среде.

Список литературы:

- [1] Андреева Л. В. Коммерческое (торговое) право. – М. : КноРус, 2024. – 252 с.
- [2] Аникин, Г. Г. Проблемы правового регулирования посредничества в электронной торговле / Г. Г. Аникин, Ф. Ф. Шпангель // Вопросы экономики и права. - 2024. - № 192. - С. 7-9.
- [3] Демченко М. В., Шайдуллина В. К. Правовое регулирование электронной торговли в условиях функционирования специальных правовых режимов // Предпринимательское право. – 2020. – № 3. – С. 37–45.
- [4] Иванова Н.И., Влезкова В.И. Трансграничная электронная торговля: мировой опыт и

русская практика // Проблемы развития предприятий: теория и практика. – 2019. – №1-2. – С. 175-178.

[5] Крюкова Е. С. Дистанционный способ продажи товаров в аспекте защиты прав потребителей // Гражданское право. – 2023. – № 1. – С. 20–23.

[6] Кузнецова Н.В. Правовое регулирование дистанционной торговли: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №8 (120). С. 124-129.

[7] Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Дистанционная сделка и электронная подпись: правовая конструкция и форма заключения // Юрист. – 2022. – № 12. – С. 16–22.

[8] Маслова Л.А. Проблема определения предмета дистанционной купли-продажи товаров, или Чем можно торговать дистанционно в розницу // Юстиция. – 2019. – № 1. – С. 36–45.

[9] LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. – М.: Проспект, 2023. – 200 с.

References:

- [1] Andreeva L. V. Commercial (commercial) law. - M.: KnoRus, 2024. - 252 p.
- [2] Anikin, G. G. Problems of legal regulation of mediation in electronic commerce/G. G. Anikin, F. F. Spanagel//Issues of economics and law. - 2024. - № 192. - S. 7-9.
- [3] Demchenko M.V., Shaydullina V.K. Legal regulation of electronic commerce in the context of the functioning of special legal regimes//Entrepreneurial law. - 2020.- No. 3.- P. 37-45.
- [4] Ivanova N.I., Vlezkova V.I. Cross-border e-commerce: world experience and Russian practice//Problems of enterprise development: theory and practice.- 2019.- No. 1-2.- P. 175-178.
- [5] Kryukova E. S. Remote method of selling goods in terms of consumer protection//Civil law. – 2023. – № 1. – S. 20-23.
- [6] Kuznetsova N.V. Legal regulation of distance selling: problems and prospects//Bulletin of O. E. Kutafin University. 2024. №8 (120). S. 124-129.
- [7] Laptev V. A., Solovyanenko N. I. Remote transaction and electronic signature: legal structure and form of conclusion//Lawyer. - 2022.- No. 12.- S. 16-22.
- [8] Maslova L.A. The problem of determining the subject of remote purchase and sale of goods, or What can be traded remotely at retail//Justicia.- 2019.- No. 1.- P. 36-45.
- [9] LegalTech in the field of entrepreneurship: monograph/ed. ed. I.V. Ershova, O.V. Sushkova. - M.: Prospect, 2023. - 200 s.

ФИЛИППОВ Сергей Григорьевич,
Аспирант 2-го года обучения
ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

КОТОВ Алексей Владимирович,
Аспирант 2-го года обучения
ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦЫМБАЛОВ Виталий Владимирович,
Аспирант 2-го года обучения
ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. Реконфигурация глобальной экономической архитектуры, инициированная в 2022 году введением беспрецедентных санкционных ограничений в отношении России, кардинально изменила условия осуществления налоговой деятельности. Трансформация затронула не только механизмы международного налогообложения и противодействия уклонению от уплаты обязательных платежей, но и саму концепцию фискального суверенитета в рамках формирующегося многополярного правового порядка. Одновременное действие внешнего санкционного давления и необходимости мобилизации внутренних финансовых ресурсов создало правовую коллизию между традиционными налоговыми принципами и императивами обеспечения экономической безопасности государства. Переход к многополярной системе международных отношений требует переосмысления правовых основ налоговой деятельности. Классические подходы, сформированные в условиях глобализации и взаимозависимости экономик, перестают адекватно отвечать вызовам современности.

Ключевые слова: налоговая система; право; уплата платежей; налоги; государство; споры.

FILIPPOV S.G.,
Post-graduate student
of the 2nd year of study at the SPbUMTE

KOTOV A.V.,
Post-graduate student
of the 2nd year of study at the SPbUMTE

TSYMBALOV V.V.,
Post-graduate student
of the 2nd year of study at the SPbUMTE

FEATURES OF LEGAL REGULATION AND PROBLEMS OF TAX ADMINISTRATION IN MODERN REALITIES

Annotation. The reconfiguration of the global economic architecture, initiated in 2022 by the introduction of unprecedented sanctions restrictions against Russia, has radically changed the conditions for tax activities. The transformation has affected not only the mechanisms of international taxation and countering tax evasion, but also the very concept of fiscal sovereignty within the emerging multipolar legal order. The simul-

taneous effect of external sanctions pressure and the need to mobilize domestic financial resources has created a legal conflict between traditional tax principles and the imperatives of ensuring the economic security of the state. The transition to a multipolar system of international relations requires a rethink of the legal foundations of tax activity. Classical approaches, formed in the context of globalization and the interdependence of economies, cease to adequately meet the challenges of our time.

Key words: tax system; law; payment of payments; taxes; state; disputes.

В настоящее время Российская Федерация является социально-экономическим государством, которое предоставляет гражданам необходимо поддержку и свободу прав. Налоги всегда были главным инструментом государства для выполнения его прямых обязанностей перед своими гражданами, которые должны получать все необходимые блага для их удовлетворительной жизни. На данный момент около 70% доходов государственного бюджета составляют налоги, что не совсем хорошо для передового государства. Именно из-за важности налогов для нашего бюджета государство выделяет большие усилия, время и средства, чтоб каждый год повышать качество налогового контроля и налогового регулирования с учетом особенностей нашей отечественной экономики [1, с. 108].

В условиях сложившейся международной-напряженной обстановки, введения политических и экономических санкций в отношении Российской Федерации и ее граждан, особенно актуальными становятся вопросы сдерживания российской экономики на прежнем уровне. Такое возможно только в случае рационального применения и использования экономических ресурсов и механизмов, разработки и внедрения новых налоговых механизмов, а также при совершенствовании системы налогового администрирования [2].

Налоговая деятельность представляет собой комплексную категорию, объединяющую властные полномочия государства по установлению, введению и взиманию обязательных платежей с организационно-управленческими функциями налоговых органов.

Структурно налоговая деятельность охватывает несколько взаимосвязанных направлений:

- нормотворческую деятельность по формированию системы налогов и сборов;
- правоприменительную практику налоговых органов по администрированию обязательных платежей;
- контрольно-надзорные полномочия в сфере соблюдения налогового законодательства;
- юрисдикционную деятельность по разрешению налоговых споров и привлечению к ответственности за налоговые правонарушения.

Налоговые льготы и преференциальные режимы традиционно выступали инструментом стимулирования инвестиций и технологического развития. Санкционные ограничения изменили контекст применения этих механизмов – преференции стали использоваться для компенсации потерь от разрыва внешнеэкономических связей и стимулирования импортозамещения. Правоприменительная практика столкнулась с необходимостью разграничения законного использования налоговых льгот и создания формальных оснований для их получения без реального осуществления деятельности, ради которой преференция предоставлена.

Специальные административные районы (САР) на территориях Калининградской области и Приморского края предоставляют резидентам пониженную ставку налога на прибыль – 0% в течение первых пяти лет деятельности и 10% в последующие пять лет при условии реализации инвестиционного проекта на сумму не менее 50 млн рублей. Первоначально режим создавался для привлечения внешних инвестиций в развитие Дальнего Востока и анклавной территории. После 2022 года преференции стали использоваться преимущественно отечественными компаниями, переносящими производственные мощности из центральных регионов.

Налоговые каникулы для вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения, установлены статьей 346.20 НК РФ. Субъекты РФ вправе устанавливать ставку 0% на срок до двух налоговых периодов для ИП, осуществляющих деятельность в производственной, социальной или научной сфере. Преференция имеет целью поддержку начинающих предпринимателей, не имеющих финансовых ресурсов на первоначальном этапе.

Массовая регистрация ИП с целью применения налоговых каникул без осуществления реальной предпринимательской деятельности стала распространенной схемой. Физические лица регистрируются в качестве индивидуальных предпринимателей, заключают договоры с бывшим работодателем на оказание услуг, идентичных ранее выполняемым трудовым функциям, и применяют ставку 0%. Работодатель экономит на страховых взносах – вместо 30% от фонда

оплаты труда уплачивает только стоимость услуг по договору, а бывший работник формально осуществляет предпринимательскую деятельность.

Ключевая проблема правоприменения – определение критериев разграничения законной налоговой оптимизации и схемы уклонения от налогообложения. Статья 54.1 НК РФ, введенная в 2017 году, запрещает уменьшение налоговой базы и (или) суммы налога, если основной целью совершения сделки являлось получение налоговой выгоды. Конструкция нормы создает правовую неопределенность – любое действие налогоплательщика, приводящее к снижению налоговых обязательств, формально попадает под признаки злоупотребления.

Механизмы обеспечения финансового суверенитета и деофшоризации экономики формируют комплексную систему правовых инструментов, направленных на расширение налоговой юрисдикции России и пресечение вывода налогооблагаемой базы в низконалоговые юрисдикции.

Формирование многополярной системы международных отношений объективно требует пересмотра правовых основ налоговой деятельности. Классические подходы, сформированные в условиях глобализации и доминирования западных финансовых институтов, не обеспечивают защиту налоговых интересов государства при враждебном внешнем окружении. Возникает необходимость в создании альтернативной инфраструктуры международного налогового сотрудничества, основанной на двусторонних соглашениях с дружественными юрисдикциями и региональных механизмах информационного обмена.

Совершенствование правового регулирования должно включать несколько направлений. Первое – законодательная детализация критериев добросовестности налогоплательщика при использовании налоговых преференций с закреплением презумпции правомерности при соблюдении формальных условий применения льготы. Второе – создание правового механизма оперативной корректировки налоговых обязательств при форс-мажорных обстоятельствах, включая санкционные ограничения. Третье – формирование системы налогового стимулирования репа-

триации производственных мощностей и интеллектуальной собственности с использованием инвестиционных вычетов и ускоренной амортизации. Четвертое – разработка специального правового режима для трансграничных операций с контрагентами из дружественных юрисдикций, упрощающего документооборот и снижающего административные барьеры.

Налоговая деятельность в условиях многополярности приобретает характер инструмента геэкономической конкуренции. Эффективность налоговой системы определяется не только объемом собираемых платежей, но и способностью обеспечить конкурентные условия для национального бизнеса при сохранении достаточного уровня налоговых поступлений. Достижение этого баланса требует гибкости правового регулирования, оперативности правоприменения и предсказуемости судебной защиты прав налогоплательщиков.

Список литературы:

[1] Михайлова, Е. А. Налоговый контроль как составная часть государственного финансового контроля в Российской Федерации / Е. А. Михайлова. // Молодой ученый. – 2021. – № 37 (379). – С. 108-111. –URL: <https://moluch.ru/archive/379/83952/> (дата обращения: 24.05.2026).

[2] Валиев Д.Р. проблемы налогового администрирования в России и возможные пути их решения // E-Scio. 2022. №12 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-nalogovogo-administrirovaniya-v-rossii-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 10.05.2026).

References:

[1] Mikhailova, E. A. Tax control as an integral part of state financial control in the Russian Federation/E. A. Mikhailova. //Young scientist. – 2021. – № 37 (379). – S. 108-111. -URL: <https://moluch.ru/archive/379/83952/> (access date: 24.05.2026).

[2] D.R. Valiev, problems of tax administration in Russia and possible ways to solve them//E-Scio. 2022. №12 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-nalogovogo-administrirovaniya-v-rossii-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 10.05.2026).

ФЕДОРОВ Сергей Викторович,
Аспирант 2-го года обучения
ЧОУ ВО СПбГУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР В КОНФЛИКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. Медиация в публично-правовых спорах остается малоприменимой из-за правовой неопределенности, отсутствия экономических стимулов для органов власти, психологических барьеров. Зарубежный опыт показывает возможность эффективного использования примирительных процедур при наличии четкого законодательного регулирования. Для внедрения медиации требуются изменения в КАС РФ, создание института публичных медиаторов, разработка методических рекомендаций. Совершенствование законодательства в области профилактики правовых конфликтов должно включать устранение пробелов в регулировании компетенции органов власти, развитие механизмов досудебного обжалования, расширение общественного контроля, повышение качества правовых актов, цифровизацию административных процедур, укрепление института уполномоченных по правам человека, предотвращение конфликтов интересов на государственной службе, стимулирование само-регулирования.

Ключевые слова: медиация; право; государство; примирительные процедуры; правосознание.

FEDOROV S.V.,
Post-graduate student
of the 2nd year of study at the SPbUMTE

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF MEDIATION PROCEDURES IN CONFLICT RELATIONS INVOLVING GOVERNMENT AGENCIES

Annotation. Mediation in public law disputes remains of little use due to legal uncertainty, lack of economic incentives for authorities, and psychological barriers. Foreign experience shows the possibility of effective use of conciliation procedures in the presence of clear legislative regulation. The introduction of mediation requires changes in the CAS of the Russian Federation, the creation of an institute of public mediators, and the development of methodological recommendations. Improving legislation in the field of prevention of legal conflicts should include eliminating gaps in the regulation of the competence of authorities, developing pre-trial appeal mechanisms, expanding public control, improving the quality of legal acts, digitalizing administrative procedures, strengthening the institution of human rights commissioners, preventing conflicts of interest in public service, and stimulating self-regulation.

Key words: mediation; law; state; conciliation procedures; legal awareness.

Медиация в публично-правовых спорах остается скорее теоретической возможностью, чем реальным инструментом разрешения конфликтов. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не содержит запрета на применение медиации в административных делах, однако на практике государственные органы крайне редко соглашались на участие в примирительных процедурах.

Первая причина — правовая неопределенность. Должностные лица опасаются, что заклю-

чение мирового соглашения с гражданином или организацией может быть расценено как превышение полномочий, нецелевое использование бюджетных средств или даже злоупотребление должностными полномочиями. Отсутствие четких критериев допустимости компромисса в публично-правовых отношениях создает риски для чиновников.

Вторая причина — отсутствие экономических стимулов. В частноправовых отношениях стороны заинтересованы в быстром и менее затратном разрешении спора. В публично-право-

вой сфере орган власти не несет прямых издержек от судебного разбирательства: представительство в суде осуществляется штатными юристами, расходы покрываются из бюджета.

Третья причина — психологическая. Многие чиновники воспринимают медиацию как признание собственной неправоты. Согласие на переговоры рассматривается как проявление слабости, а не как рациональный способ урегулирования конфликта.

Носенко Л.И. указывает, что «для внедрения медиации в публично-правовую сферу необходимо изменение правосознания государственных служащих, формирование культуры компромисса и диалога» [1]. Однако одной культуры недостаточно. Требуются законодательные изменения, которые бы четко определили случаи, когда медиация допустима в административных делах, и закрепили процедуру ее проведения.

Зарубежный опыт показывает, что медиация может быть эффективной в спорах о предоставлении публичных услуг, о размере административных штрафов (при условии, что размер санкции не является абсолютно определенным), в конфликтах между органами власти различных уровней. В Германии параграф 173 Административно-процессуального кодекса предусматривает, что на любой стадии производства суд может предложить сторонам попытаться урегулировать спор с помощью медиатора. Французский институт административного медиатора рассматривает жалобы граждан на действия органов власти и способствует их внесудебному разрешению; ежегодно через этот институт проходит свыше 80 тысяч обращений.

Для создания полноценной системы внесудебного разрешения публично-правовых споров необходимы изменения в федеральном законодательстве. Требуется закрепить обязанность органов власти рассматривать предложения граждан о медиации, установить процедуру проведения примирительных процедур, определить юридическую силу достигнутых соглашений.

Особую сложность представляет вопрос о пределах компромисса в публично-правовых отношениях. Очевидно, что орган власти не может отказаться от применения императивных норм, не может согласиться на нарушение закона. Однако там, где законодательство предоставляет дискреционные полномочия, где возможны различные варианты решения, компромисс допустим. Задача законодателя — очертить эти границы.

Еще один аспект — конфиденциальность медиации. В частноправовых отношениях конфиденциальность является одним из принципов медиации, она защищает коммерческие тайны сторон. В публично-правовой сфере конфи-

денциальность вступает в противоречие с принципом гласности и открытости деятельности органов власти. Граждане имеют право знать, на каких условиях орган власти разрешает споры, какие уступки делает. Абсолютная конфиденциальность здесь недопустима. Видимо, следует закрепить правило, согласно которому содержание достигнутого соглашения подлежит опубликованию, а сам процесс переговоров может быть конфиденциальным.

Представляется, что для развития медиации в публично-правовых спорах необходимы следующие шаги:

- внесение изменений в КАС РФ с закреплением процедуры медиации в административных делах;
- разработка перечня категорий споров, в которых медиация допустима;
- создание института публичных медиаторов — специалистов, прошедших подготовку по работе с конфликтами в сфере государственного управления;
- установление гарантий для должностных лиц, участвующих в медиации, чтобы исключить риск их привлечения к ответственности за достижение компромисса в рамках закона;
- разработка методических рекомендаций для органов власти по участию в примирительных процедурах.

Профилактика публично-правовых конфликтов требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, повышение качества правоприменения, развитие институтов гражданского общества. Первое направление — устранение пробелов и противоречий в законодательстве, регулирующем компетенцию органов власти.

Частая причина конфликтов — дублирование полномочий различных ведомств, нечеткое разграничение сфер ответственности. После административной реформы 2004 года система «министерства–службы–агентства» создала множество «серых зон», где несколько органов претендуют на регулирование одних и тех же отношений либо, напротив, ни один орган не считает себя компетентным. Требуется ревизия нормативных актов о компетенции федеральных органов исполнительной власти с целью устранения дублирования функций и установления четких границ ответственности.

Второе направление — развитие механизмов досудебного обжалования. Действующее законодательство предусматривает право гражданина обратиться с жалобой в вышестоящий орган или к вышестоящему должностному лицу, однако процедура такого обжалования недостаточно регламентирована. Федеральный закон от

02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» закрепляет лишь общие требования к срокам и форме ответа, но не устанавливает процедуру проверки обоснованности жалобы, не определяет полномочия вышестоящего органа по отмене или изменению обжалуемого решения.

Целесообразно принять специальный федеральный закон «О досудебном обжаловании решений и действий органов публичной власти», который бы детально регламентировал процедуру административного обжалования, установил обязанность органа власти мотивировать свое решение, закрепил право заявителя участвовать в рассмотрении жалобы, знакомиться с материалами проверки. Такой закон должен предусматривать возможность приостановления исполнения обжалуемого решения на время рассмотрения жалобы, если исполнение может причинить заявителю значительный ущерб.

Третье направление — расширение публичного контроля за деятельностью органов власти. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» создал правовую базу для участия граждан и общественных объединений в контроле за деятельностью государственных органов. Однако механизмы реализации этого контроля проработаны недостаточно. Общественные палаты, общественные советы при органах власти часто выполняют формальную роль, их рекомендации не имеют обязательной силы.

Требуется усилить роль общественного контроля, закрепить обязанность органов власти учитывать рекомендации общественных советов либо мотивированно объяснять причины их отклонения. Полезным был бы опыт создания «общественных приемных», где граждане могли бы получать консультации по вопросам взаимодействия с органами власти, содействие в подготовке жалоб и обращений.

Четвертое направление — повышение качества правовых актов. Значительная часть публично-правовых конфликтов возникает из-за нечеткости, противоречивости, избыточности нормативного регулирования.

Необходимо создание постоянно действующего механизма оценки регулирующего воздействия проектов нормативных актов с обязательным участием представителей бизнеса и гражданского общества. Требуется ввести правило, согласно которому любой нормативный акт, устанавливающий обязанности для граждан или организаций, должен содержать четкое обоснование необходимости таких обязанностей, оценку издержек, анализ альтернативных вариантов регулирования.

Пятое направление — развитие электронного правосудия и цифровизация административных процедур. Внедрение электронных сервисов для подачи обращений, жалоб, исковых заявлений снижает барьеры для доступа к правосудию, ускоряет обмен документами, повышает прозрачность процесса.

Шестое направление — совершенствование правового статуса уполномоченных по правам человека. В настоящее время уполномоченные по правам человека в субъектах РФ обладают различным объемом полномочий — в зависимости от регионального законодательства. Целесообразно принять федеральный закон, устанавливающий единые стандарты организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, закрепляющий минимальный объем их полномочий, гарантии независимости.

Седьмое направление — профилактика конфликтов интересов на государственной службе. Служащие не всегда понимают, в каких ситуациях возникает конфликт интересов, не знают, как правильно действовать. Требуется разработка подробных методических рекомендаций, проведение обучающих мероприятий, создание «горячих линий» для консультирования.

Восьмое направление — стимулирование саморегулирования в тех сферах, где это возможно. Передача части контрольных и надзорных функций саморегулируемым организациям может снизить административное давление на бизнес, уменьшить количество конфликтов между предпринимателями и органами власти.

В юридической литературе не прекращается оживленная дискуссия о путях развития законодательства о медиации. Ряд ученых и практикующих юристов выступают за расширение правового регулирования, полагая, что политика государства должна сосредоточиться на защите рыночных отношений от действий, нарушающих их природу и законы функционирования. Другие более осторожны в своих выводах и рекомендациях, признавая, что декриминализация налоговых правонарушений целесообразна, но, все же, допускают на определенный период сохранить за публичной властью регулятивную функцию [2]. Представляется, что правовое назначение рассматриваемого института, его «организационно-юридическое» обеспечение многофункциональны. Поэтому его сущностные черты не могут быть поняты и должным образом оценены вне связи с социальными изменениями, происходящими в обществе, без учета политического и экономического развития, состояния идеологии и морали, тенденций изменения общественных и правовых институтов [3].

Список литературы:

[1] Носенко Л.И. Медиация как альтернативный способ разрешения публично-правовых споров // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 118.

[2] Международная научно- практическая конференция «Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах»: сборник научных статей международной научно- практической конференции 19–20 апреля 2018 года. – Ростов-на-Дону: ИП Беспамятов С. В., 2018–102 с.

[3] Борисевич М.М7, Пяткевич И.Н. медиация как процедура урегулирования правовых споров во внесудебном порядке // Юридическая наука. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-protsedura-uregulirovaniya-pravovyh-sporov-vo-vnesudebnom-poryadke> (дата обращения: 09.06.2026).

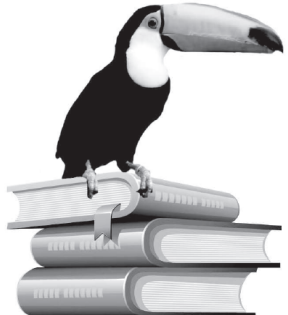
References:

[1] Nosenko L.I. Mediation as an alternative way to resolve public legal disputes//Journal of Russian Law. 2016. № 7. S. 118.

[2] International Scientific and Practical Conference “Topical Issues of the Use of Mediation in Various Fields”: a collection of scientific articles of the international scientific and practical conference on April 19-20, 2018. - Rostov-on-Don: IP Bespamyatnov S.V., 2018-102 p.

[3] Borisevich M.M7, I.N. Pyatkevich mediation as a procedure for settling legal disputes out of court//Legal science. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-kak-protsedura-uregulirovaniya-pravovyh-sporov-vo-vnesudebnom-poryadke> (дата обращения: 09.06.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-527-531

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

КОТ Екатерина Михайловна,

доктор экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: emkot.urgau@gmail.com

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,

старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

САБУРОВА Лада Викторовна,

преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: saburovalad@gmail.com

КРОХАЛЕВ Александр Анатольевич,

преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: krohalev_aleksandr1989@inbox.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. В условиях современной экономики конкурентоспособность предприятия становится ключевым показателем его устойчивости и перспектив развития. Под конкурентоспособностью понимают способность компании успешно соперничать с другими участниками рынка, обеспечивая себе устойчивое положение и прибыльность. В научной и практической литературе выделяют множество факторов, которые оказывают влияние на этот показатель. Их анализ позволяет не только оценить текущее состояние предприятия, но и разработать стратегию повышения его конкурентных преимуществ. Статья исследует влияние факторов на конкурентоспособность компаний. Анализируются механизмы экономии за счет масштаба, включая снижение удельных затрат на единицу продукции, оптимизацию логистики и повышение значения коммуникации с поставщиками. На примерах автомобильной промышленности, розничной торговли и IT-сектора показано, как крупные предприятия достигают преимуществ перед мелкими конкурентами. Приводятся статистические данные: компании с объемом производства свыше 1 млн единиц в год сокращают себестоимость на 15–25% по сравнению с малыми предприятиями.

Ключевые слова: масштаб производства, издержки, конкурентоспособность, экономия на масштабе, себестоимость.

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer,
Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

MALKOVA Yulia Vadimovna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
Candidate of Economics,
Associate Professor, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

SABUROVA Lada Viktorovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KROKHALEV Aleksandr Anatolyevich,
Lecturer in the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control
at the Ural State Agrarian University

FACTORS AFFECTING ENTERPRISE COMPETITIVENESS

Annotation. In the modern economy, a company's competitiveness is becoming a key indicator of its sustainability and development prospects. Competitiveness is defined as a company's ability to successfully compete with other market participants, ensuring a stable position and profitability. Academic and practical literature identify numerous factors that influence this indicator. Their analysis allows not only to assess the current state of a company but also to develop a strategy for enhancing its competitive advantage. This article examines the influence of these factors on company competitiveness. It analyzes the mechanisms of economies of scale, including reduced unit costs, optimized logistics, and increased communication with suppliers. Using examples from the automotive, retail, and IT sectors, it demonstrates how large companies achieve advantages over smaller competitors. Statistical data is provided: companies with a production volume of over 1 million units per year reduce their costs by 15–25% compared to small businesses.

Key words: scale of production, costs, competitiveness, economies of scale, cost price.

Масштаб производства – ключевой фактор, определяющий себестоимость продукции и рыночные позиции компании, эффект масштаба позволяет крупным игрокам снижать издержки за счет оптимизации ресурсов, тогда как малые предприятия часто сталкиваются с высокими фиксированными затратами.

Тем не менее, увеличение масштаба не всегда ведет к успеху. Чрезмерная централизация может вызвать рост управленческих расходов и снижение адаптивности. Цель – выявить взаимосвязь между масштабом производства, издержками и конкурентоспособностью. Масштаб производства относится к объему продукции или услуг,

которые компания производит за определенный период времени, измеряется в единицах продукции, объеме продаж, количестве сотрудников или других релевантных показателях. Экономия от масштаба – это снижение средних издержек производства с увеличением объема выпускаемой продукции, возникает из-за различных факторов, которые позволяют компаниям более эффективно использовать свои ресурсы при больших объемах производства.

Конкурентоспособность ученые характеризуют как устойчивую способность компании к приобретению, сохранению и увеличению доли на рынке на основе востребованного потребителями товара и возможности своевременно и качественно реагировать на изменения условий рынка [1, с. 428]. Одним из стандартных путей повышения конкурентоспособности предприятия, пишет Е. Н. Липницкий, – является рост объемов реализации продукции. [2, с. 347] Крупные предприятия распределяют постоянные издержки (аренда, оборудование, НИОКР) на большой объем продукции. Например, завод Toyota, выпускающий 10 млн. автомобилей в год, тратит на R&D около \$10 млрд. ежегодно, но эти затраты составляют лишь \$1 000 на единицу продукции. Для малого производителя с объемом 50 тыс. автомобилей аналогичные расходы достигли бы \$200 000 на единицу, делая бизнес нерентабельным. Д. Р. Зиятдинов отмечает, что основные виды конкуренции по сфере действия будут внутриотраслевой, межотраслевой, конкуренцией на локальных рынках, конкуренцией в общенациональном масштабе, внутринациональной и международной конкуренции [3, с. 170].

Сетевые ритейлеры, такие как Walmart или X5 Retail Group, используют масштаб для минимизации транспортных и складских расходов. Закупка товаров крупными партиями позволяет добиваться скидок до 30% от поставщиков. По данным McKinsey, увеличение объема закупок на 20% снижает себестоимость на 5–7%. Автоматизация и внедрение Industry 4.0 окупаются только при больших объемах. Компания Siemens на заводе в Германии производит 12 миллионов промышленных контроллеров в год. Роботизированные линии уменьшили затраты на труд на 40%. Автомобильное производство наглядно демонстрирует разницу в экономике масштабов. Небольшие автосборочные мастерские сталкиваются с высокой себестоимостью каждой единицы продукции из-за индивидуального подхода к сборке, закупки деталей по розничным ценам и преобладания ручных операций. В то же время крупные автопроизводители, выпускающие тысячи машин ежедневно, достигают существенного снижения издержек благодаря комплексной автоматизации процессов, оптовым закупкам

комплектующих со значительными скидками и распределению постоянных затрат на большой объем выпуска.

К основным факторам конкурентоспособности предприятия относятся внутренние и внешние факторы.

К внутренним факторам относятся ресурсы и возможности, которыми располагает само предприятие:

- качество продукции и услуг, чем выше качество продукции, тем оно более способствует формированию лояльности клиентов и снижению издержек на гарантийное обслуживание;
- инновационный потенциал способен внедрять новые технологии, продукты и бизнес-процессы позволяя опережать конкурентов.
- эффективность управления, грамотная организация бизнес-процессов, мотивация персонала и система принятия решений напрямую влияют на результаты деятельности.
- финансовое состояние, финансовая устойчивость, ликвидность и инвестиционная привлекательность предприятия обеспечивают его развитие и гибкость.

Внешние факторы не зависят от предприятия, но существенно влияют на его конкурентоспособность:

- рыночная конъюнктура, спрос, предложение, уровень конкуренции, динамика цен — всё это формирует условия работы на рынке;
- государственное регулирование, налоговая, таможенная, антимонопольная политика, а также стандарты и требования к продукции;
- социально-экономические условия, уровень доходов населения, демографические тенденции, культурные особенности;
- технологические изменения, появление новых технологий может, как создать новые возможности, так и сделать устаревшими существующие продукты.

Факторы конкурентоспособности действуют не изолированно, а в сложной взаимосвязи. Например, инновационный потенциал предприятия (внутренний фактор) может быть реализован только при благоприятной рыночной конъюнктуре и поддержке со стороны государства (внешние факторы). Аналогично, эффективное управление ресурсами невозможно без учёта изменений в технологиях и потребительских предпочтениях. Многочисленные исследования подтверждают, что предприятия с массовым производством обладают более высокой рентабельностью и устойчивыми конкурентными преимуществами на глобальном рынке. Их экономическая модель позволяет предлагать потребителям более привлекательные цены при сохранении качества продукции. Например, в автомобильной промышленности крупные производители, такие

как Toyota и Volkswagen, имеют значительное преимущество по издержкам перед небольшими производителями, благодаря масштабу производства. Согласно данным Всемирного банка, более крупные предприятия, как правило, демонстрируют более высокую производительность труда и более низкие затраты на единицу продукции, чем малые и средние предприятия. Рассмотрим примеры.

Автомобильная промышленность:

1. Tesla увеличение производства Model 3 с 100 тыс. до 500 тыс. единиц в год (2018–2022) снизило себестоимость батарей на 56% (от \$150 до \$65 за кВт·ч).
2. BYD китайский производитель электромобилей, выпуская 3 млн машин в год, добился себестоимости на 20% ниже, чем у европейских конкурентов.

Розничная торговля:

3. Amazon – глобальная логистическая сеть позволяет доставлять товары на 15% дешевле, чем локальные ритейлеры.
4. Магнит – российская сеть, имея 28 тыс. магазинов, сократила операционные расходы до 12% от выручки против 18–22% у мелких игроков.

IT-сектор:

5. Google – облачные сервисы (Google Cloud) обслуживают 8 млн клиентов. Масштабирование инфраструктуры снизило стоимость хранения данных до \$0.01 за ГБ/мес.
6. Яндекс – единая платформа для такси, доставки и маркетплейсов сократила САС (стоимость привлечения клиента) на 35%.

Необходимо соблюдать оптимальный размер, например, Анализ кривой обучения показывает, что максимальная эффективность достигается при 70–80% загрузки мощностей (данные BCG).

Использовать гибридные модели. Примером служит компания Zara, которая сочетает массовое производство базовых моделей и локальный пошив limited edition, сохраняя гибкость. В современных экономических реалиях, как справедливо замечает Ян Лю, – интеллектуальный капитал – основа высокой конкурентоспособности компании на рынке. [5, с. 114], например, внедрение AI для прогнозирования спроса (как у Coca-Cola) снижает риски перепроизводства даже при больших масштабах.

Масштаб производства остается мощным инструментом снижения издержек, но его эффективность зависит от отрасли и управленческих компетенций. Крупные компании выигрывают за счет технологий и глобальных цепочек, тогда как малый бизнес конкурирует нишевыми решениями. В условиях нестабильности критически

важно сочетать экономию на масштабе с адаптивностью. Анализ факторов конкурентоспособности предприятия позволяет выявить его сильные и слабые стороны, а также определить направления для стратегического развития. В современных условиях особое значение приобретают инновации, качество управления и способность быстро адаптироваться к изменениям внешней среды. Только комплексный подход к управлению внутренними и внешними факторами обеспечивает устойчивое конкурентное преимущество на рынке.

Последнее время малый бизнес сталкивается с большими проблемами, которые приводят его к полному закрытию и ликвидации. Такими проблемами становится снижение или полное отсутствие товарооборота, а следовательно, выручки и прибыли, ради которой создается бизнес. Это связано с тем, что многие покупатели уходят на онлайн покупки. Те предприниматели, которые не перестроились к новым технологиям, несут убытки и закрываются. Это в основном индивидуальные предприниматели с небольшими торговыми точками. Многие товары сейчас уходят на онлайн-площадки, минуя торговые точки и покупателей офлайн, тем самым снижая расходы по аренде торговых площадей и других расходов, связанных с реализацией товаров через небольшие торговые точки. Многие покупатели уже перешли полностью на онлайн-покупки. Покупают и заказывают сейчас любые товары через интернет.

Вопросы конкурентоспособности касаются как малых предприятий, так и крупных компаний. Но особенно вопросы конкурентоспособности и выживаемости актуальны для малого бизнеса. В последнее время в основном остается работать средний и крупный бизнес, либо те малые предприятия, которые смогли приспособиться, перестроиться к новым рыночным условиям, внедрили онлайн торговлю своей продукцией (товарами, услугами). Для того, чтобы быть конкурентоспособными на рынке малому бизнесу необходимо использовать возможности искусственного интеллекта в своей работе, либо привлекать покупателей какими-то эксклюзивными товарами или услугами.

Список литературы:

- [1] Бабанов А. Б. Факторы повышения конкурентоспособности предприятия в условиях цифровой трансформации / А. Б. Бабанов, Р. Х. Шаваев. // Молодой ученый. — 2021. — № 50 (392). — С. 427-430.
- [2] Липницкий Е. Н. Повышение конкурентоспособности предприятия / Е. Н. Липницкий. // Молодой ученый. — 2025. — № 17 (568). — С. 345-349.

[3] Зиятдинов Д. Р. Конкурентная стратегия фирмы / Д. Р. Зиятдинов. // Молодой ученый. — 2022. — № 3 (398). — С. 169-171.

[4] Мыльников А. Д. Взаимосвязь изменения масштаба предприятия с его управленческой деятельностью и уровнем конкурентоспособности / А. Д. Мыльников. // Молодой ученый. — 2024. — № 21 (520). — С. 316-320.

[5] Лю Ян. Роль интеллектуального капитала в конкурентной борьбе / Ян Лю. // Молодой ученый. — 2022. — № 17 (412). — С. 112-114.

[6] Душемов М.Р. Экономическое содержание конкурентоспособности предприятия и ее влияние на повышение эффективности деятельности предприятия. / Душемов М.Р. // В сборнике: Новости науки 2024: гуманитарные и точные науки. Сборник материалов XLIII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. В 4-х томах. Москва, 2023. С. 81-83.

[7] Гончаров В.Н. Рыночный потенциал предприятий как фактор повышения конкурентоспособности предприятия / Гончаров В.Н., Захаров С.В., Шевченко М.Н., Колтакова Г.В., Жукова И.Б., Павленко О.А. // Монография / Новочеркасск, 2021.

References:

[1] Babanov A. B. Factors for Improving Enterprise Competitiveness in the Context of Digital Trans-

formation / A. B. Babanov, R. Kh. Shavaev. // Young Scientist. - 2021. - No. 50 (392). - P. 427-430.

[2] Lipnitsky E. N. Improving Enterprise Competitiveness / E. N. Lipnitsky. // Young Scientist. - 2025. - No. 17 (568). - P. 345-349.

[3] Ziyatdinov D. R. Competitive Strategy of the Firm / D. R. Ziyatdinov. // Young Scientist. - 2022. - No. 3 (398). - P. 169-171.

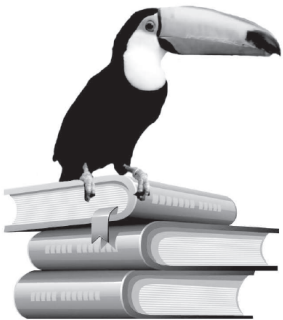
[4] Mylnikov A. D. The Relationship Between Changes in the Scale of an Enterprise, Its Management Activities and the Level of Competitiveness / A. D. Mylnikov. // Young scientist. — 2024. — No. 21 (520). — P. 316-320.

[5] Liu Yang. The Role of Intellectual Capital in Competition / Yang Liu. // Young scientist. — 2022. — No. 17 (412). — P. 112-114.

[6] Dushemov M.R. Economic Content of Enterprise Competitiveness and Its Impact on Improving Enterprise Performance. / Dushemov M.R. // In the collection: Science News 2024: Humanities and Exact Sciences. Collection of materials from the XLIII International In-person and Correspondence Scientific and Practical Conference. In 4 volumes. Moscow, 2023. P. 81-83.

[7] Goncharov V.N. Market potential of enterprises as a factor in increasing the competitiveness of the enterprise / Goncharov V.N., Zakharov S.V., Shevchenko M.N., Koltakova G.V., Zhukova I.B., Pavlenko O.A. // Monograph / Novocherkassk, 2021.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук, профессор,
директор института экономики, финансов и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Татьяна Владимировна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: tatyana.vlad.zyr@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

САБУРОВА Лада Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: saburovalad@gmail.com

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
Старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ОТНОШЕНИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. В статье исследуется современное состояние и ключевые направления нормативного регулирования устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК). Анализируется эволюция российской нормативно-правовой базы: от стратегических документов целеполагания до специализированных законов об органической и «зеленой» продукции, включая новейшие ГОСТы. Подробно рассматриваются международные подходы (Общая сельскохозяйственная политика ЕС, стандарты GLOBALG.A.P., GRI, FAO SAFA) и внедрение принципов ESG в российском агробизнесе. Выявлен системный характер нормативного регулирования, сочетающий целевые индикаторы, экономические стимулы и стандартизацию, а также определены ключевые перспективные направления совершенствования правового регулирования АПК.

Ключевые слова: нормативное регулирование, устойчивое развитие, агропромышленный комплекс, ESG-принципы, органическое сельское хозяйство, «зеленая» продукция, сельские территории, продовольственная безопасность.

RUSHCHITSKAYA Olga Alexandrovna,
Doctor of Economics, Professor,
Director of the Institute of Economics,
Finance and Management,
Ural State Agrarian University

ZYRYANOVA Tatyana Vladimirovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University,

SABUROVA Lada Viktorovna,
Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

FETISOVA Anastasia Viktorovna,
Senior Lecturer,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

REGULATORY FRAMEWORK FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN RELATION TO THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Annotation. *This article examines the current state and key areas of regulatory framework for sustainable development in the agro-industrial complex (AIC). It analyzes the evolution of the Russian regulatory framework, from strategic goal-setting documents to specialized laws on organic and “green” products, including the latest GOST standards. International approaches (the EU Common Agricultural Policy, GLOBALG.A.P., GRI, and FAO SAFA standards) and the implementation of ESG principles in Russian agribusiness are examined in detail. The systemic nature of regulatory frameworks, combining target indicators, economic incentives, and standardization, is revealed, and key promising areas for improving legal regulation in the AIC are identified.*

Key words: *regulatory framework, sustainable development, agro-industrial complex, ESG principles, organic agriculture, green products, rural areas, food security.*

Концепция устойчивого развития, утвердившаяся в глобальной повестке после решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 года (Рио-де-Жанейро), сегодня оказывает определяющее влияние на трансформацию всех отраслей мировой экономики, включая агропромышленный комплекс (АПК). В российском правовом поле термин «устойчивое развитие» применительно к аграрной сфере получил специфическое наполнение. В отличие от классической триады «экономика – экология – социальная сфера», отечественный законодатель длительное время акцентировал внимание преимущественно на устойчивости сельских территорий, понимаемой как комплексное развитие социальной и экономической сферы села с сохранением природного и культурного потенциала. Лишь в последние годы нормативная база начинает охватывать экологическую составляющую устойчивости АПК в системном единстве с социально-экономическими аспектами. Цель

настоящей статьи – выявить ключевые направления и тенденции нормативного регулирования устойчивого развития АПК в России, сопоставить их с международными подходами и предложить пути совершенствования действующего правового механизма.

Правовое регулирование устойчивого развития АПК в России прошло несколько этапов, каждый из которых характеризовался определенными приоритетами и инструментарием. Формирование базовых институтов устойчивого развития сельских территорий и аграрного сектора в целом происходило преимущественно в рамках стратегического планирования. Ключевым документом, определившим вектор развития на долгосрочную перспективу, стала Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р. Данный акт, разработанный в соответствии с Федеральным законом

«О стратегическом планировании в Российской Федерации», закрепил понимание сельских территорий как важнейшего ресурса страны, выполняющего производственные, демографические, трудовые, пространственно-коммуникационные и культурно-исторические функции.

Значительным шагом вперед стало утверждение Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 8 сентября 2022 г. № 2567-р, актуализированное распоряжением от 7 февраля 2025 г. № 253-р). В действующей редакции документа предусмотрены три варианта развития: базовый (рост объемов производства продукции АПК не менее чем на 25% и экспорта не менее чем в 1,5 раза по сравнению с 2021 годом), консервативный (среднегодовой рост 1,5% при реализации текущих программ) и целевой (относительно показателей уровня жизни сельского населения). Документ фиксирует количественные ориентиры, которые служат основой для последующего нормативного обеспечения на уровне государственных программ и ведомственных актов.

Важнейшим инструментом реализации стратегических задач выступает Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Паспорт программы, утвержденный решением Правительства РФ от 9 января 2025 г. (№ ММ П11 140), задает конкретные показатели: индекс производства продукции сельского хозяйства в 2030 году – 122,6% к уровню 2021 года, экспорт продукции АПК – 55,2 млрд долл. США, среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства – 81 355 рублей. Общий объем финансирования за счет федерального бюджета на весь период реализации программы превышает 3,29 трлн рублей. При этом программа прямо увязывает аграрные показатели с достижением нацио-

нальной цели «устойчивая и динамичная экономика», что свидетельствует об интеграции отраслевого регулирования в общегосударственную систему стратегического планирования.

Организационно-координационным звеном выступает Правительственная комиссия по вопросам агропромышленного, рыбохозяйственного комплексов и устойчивого развития сельских территорий, образованная постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2023 г. № 2251. Комиссия является координационным органом, обеспечивающим согласованные действия федеральных и региональных органов исполнительной власти, а также организаций в сфере реализации единой государственной политики. Образование единой комиссии вместо ранее существовавших разрозненных структур свидетельствует о системном подходе к регулированию устойчивого развития АПК.

Систематизация действующих нормативных актов позволяет выделить несколько уровней регулирования. На высшем уровне находятся доктринальные документы (Доктрина продовольственной безопасности), стратегии (Стратегия развития АПК до 2030 года, Стратегия устойчивого развития сельских территорий), государственные программы. На следующем уровне располагаются рамочные федеральные законы, прежде всего Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», в статье 7 которого закреплены основы государственной поддержки устойчивого развития сельских территорий. Специализированные законы составляют третий уровень, включая Федеральный закон «Об органической продукции» (2020 г.) и Федеральный закон «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками» (2021 г., вступил в силу с 1 марта 2022 г.). Подзаконные акты и ведомственные приказы (Минсельхоза России, Росстандарта) конкретизируют требования к продукции, процессам и порядку сертификации.

Таблица 1. Ключевые нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере устойчивого развития АПК

Уровень регулирования	Наименование акта	Основное содержание
Доктринальный	Доктрина продовольственной безопасности РФ (Указ Президента РФ № 20 от 21.01.2020)	Определяет пороговые значения самообеспечения основными видами продовольствия
Стратегический	Стратегия развития АПК и рыбохозяйственного комплекса РФ на период до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р, в ред. от 07.02.2025)	Целевые показатели: рост производства на 25% к 2030 г., экспорта – в 1,5 раза

Стратегический	Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р)	Стабилизация численности сельского населения на уровне 35 млн чел., снижение миграционного оттока
Программный	Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков (паспорт от 09.01.2025 № ММ-П11-140)	Финансирование 3,29 трлн руб., целевые индикаторы по производству и экспорту
Рамочный федеральный закон	Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»	Основы государственной поддержки, включая устойчивое развитие сельских территорий
Специализированный федеральный закон	Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции»	Полный отказ от химических средств защиты и минеральных удобрений, сертификация
Специализированный федеральный закон	Федеральный закон от 11.06.2021 № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками»	Критерии «зеленой» продукции, знак «Зеленый эталон», запрет ГМО
Подзаконный	ГОСТ Р 71052–2023 – ГОСТ Р 71057–2023 (первые 6 ГОСТов на «зеленую» продукцию, 2023 г.)	Требования к производству, хранению, транспортировке, оценке соответствия
Организационно-координационный	Постановление Правительства РФ от 22.12.2023 № 2251 о Правительственной комиссии по АПК, РХК и устойчивому развитию сельских территорий	Координация деятельности федеральных и региональных органов власти

Поворотным моментом в экологизации российского аграрного законодательства стало принятие Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции». Данный закон установил правовые основы производства, хранения, транспортировки, маркировки и реализации органической продукции, определив ее как продукцию, при производстве которой полностью отказались от применения агрохимикатов, пестицидов, антибиотиков, стимуляторов роста, гормональных препаратов, а также от использования методов генной инженерии и продуктов, полученных с их применением. Закон предусматривает обязательную сертификацию и ведение государственного реестра производителей органической продукции.

Следующим этапом стало введение института «зеленой» продукции. Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками» (вступил в силу с 1 марта 2022 г.) закрепил понятия продукции с улучшенными экологическими характеристиками, установил требования к технологиям производства (экологически безопасные агротехнологии), упаковке (биоразлагаемые материалы),

запретил применение клонирования и методов генной инженерии. Знак «Зеленый эталон», правообладателем которого является Минсельхоз России, призван служить отличительным маркером такой продукции на потребительском рынке.

Для обеспечения правоприменения Росстандарт утвердил первые шесть национальных стандартов (ГОСТов) на «зеленую» продукцию, охватывающих общие требования, терминологию, условия производства, хранения и транспортировки, а также требования к минеральным удобрениям. При разработке российских ГОСТов учитывались европейские регламенты «Об экологическом знаке Европейского Союза» и международный опыт стандартизации в сфере точного земледелия. Как справедливо отмечают эксперты, введение государственного регулирования и стандартизации призвано сократить практику гринвошинга – маркетингового приема, когда товары позиционируются как экологичные без достаточных оснований.

Анализ зарубежной практики показывает многообразие моделей нормативного регулирования устойчивого развития АПК. В Европейском союзе ключевым инструментом выступает Общая сельскохозяйственная политика (CAP), которая в

последние десятилетия последовательно «озеленялась». В действующей CAP реализована «зеленая архитектура», включающая обязательные элементы (соблюдение стандартов надлежащего сельскохозяйственного и экологического состояния земель) и добровольные (экологические схемы, приносящие фермерам дополнительные выплаты). Экологические схемы поддерживают фермеров, берущих на себя обязательства по сохранению биоразнообразия и предоставлению иных экосистемных услуг. Одновременно в ЕС предпринимаются усилия по упрощению правил CAP для снижения административной нагрузки на фермеров: Европарламент в апреле 2024 г. одобрил ряд мер по либерализации отдельных требований.

На глобальном уровне действуют отраслевые стандарты устойчивости. Стандарт GLOBALG.A.P. (Good Agricultural Practice), широко применяемый в международной торговле продо-

вольствием, устанавливает требования к прослеживаемости, безопасности и экологичности сельхозпроизводства. Российские реалии внедрения GLOBALG.A.P. сопряжены с институциональными, правовыми и рыночными барьерами, что требует адаптации международного опыта к отечественным условиям. В области нефинансовой отчетности широко применяется отраслевой стандарт GRI 13 (сельское хозяйство, аквакультура и рыболовство), который повышает полноту и сопоставимость раскрытия информации об устойчивом развитии для организаций независимо от их размера и специализации. ФАО разработала Руководство по оценке устойчивости систем производства продовольствия и сельского хозяйства (SAFA), предлагающее универсальную методологическую основу для измерения экологических, социальных и экономических эффектов агропроизводства.

Таблица 2. Сравнительный анализ подходов к нормативному регулированию устойчивого развития АПК

Критерий сравнения	Российская Федерация	Европейский союз (CAP)	Международные стандарты
Базовый регуляторный документ	Стратегия развития АПК до 2030 г., Государственная программа	Регламенты CAP 2023–2027, стратегические планы государств-членов	GLOBALG.A.P., GRI 13, SAFA (ФАО), ИСО 34101
Основные инструменты	Государственные субсидии, налоговые льготы, квотирование, сертификация	Прямые выплаты (эко-схемы), перекрестное соблюдение стандартов, добровольные меры	Сертификация третьей стороной, добровольная отчетность по стандартам
Экологическая составляющая	Законы об органической и «зеленой» продукции, ГОСТы, целевые показатели плодородия почв	GAEC (стандарты надлежащего состояния земель), биоразнообразие, сокращение выбросов парниковых газов	Стандарты экологического менеджмента (ISO 14000), требования к пестицидам и удобрениям
Социальная составляющая	Стратегия устойчивого развития сельских территорий (занятость, уровень жизни, демография)	Социальная обусловленность выплат соблюдением трудового законодательства, поддержка молодых фермеров	GRI 13 (условия труда, права человека, местные сообщества)
Экономическая составляющая	Продовольственная безопасность, импортозамещение, экспортный потенциал	Продовольственный суверенитет, справедливая цена для фермеров, устойчивость цепочек поставок	Устойчивость бизнеса, прозрачность цепочек создания стоимости
Механизмы обеспечения соблюдения	Государственный надзор (Россельхознадзор, Росприроднадзор), обязательная сертификация	Перекрестное соблюдение (снижение выплат при нарушении), аудиты государств-членов	Аккредитованные органы по сертификации (GLOBALG.A.P.), независимый аудит (GRI)
Характерные проблемы	Разобщенность экологической и экономической повестки, слабая ESG-активность малого бизнеса	Высокая административная нагрузка на фермеров, сложность доказательства соблюдения	Добровольный характер, высокая стоимость сертификации для малых хозяйств

Внедрение принципов ESG (экологическая ответственность, социальная ответственность, качественное корпоративное управление) в деятельность российских агропредприятий находится на начальном этапе. Исследователи выделяют системные факторы, сдерживающие ESG-активность в АПК, включая неразвитость «зеленого» финансирования, высокую капиталоемкость экологической модернизации, а также отсутствие у многих предприятий, особенно малых форм хозяйствования, стимулов для добровольной ESG-отчетности. В качестве позитивного сдвига отмечается введение обязательного ЭКГ-рейтинга для всех российских организаций, что создало нормативные предпосылки для повышения прозрачности в области устойчивого развития. Однако одной только обязательности недостаточно; исследователи предлагают формирование ESG-агроэкосистемы с участием государства, крупного бизнеса, малых производителей, научных и общественных организаций.

Отсутствие единой методологии раскрытия информации об устойчивом развитии в агробизнесе побуждает к разработке отраслевых стандартов отчетности. В научной литературе сформирована система ESG-факторов для АПК, включающая как общепринятые показатели (выбросы парниковых газов, водопотребление, охрана труда), так и специфические для аграрного сектора (сохранение почвенного плодородия, биоразнообразие агроландшафтов, благополучие животных). Интеграция ESG-требований в нормативные акты (например, в условия предоставления государственной поддержки) могла бы стать действенным стимулом для ускорения ESG-трансформации.

Анализ действующей нормативной базы и правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных проблем. Во-первых, сохраняется разрыв между стратегическими документами, декларирующими устойчивое развитие, и отраслевыми нормативными актами, ориентированными на традиционные показатели (валовой сбор, надои, экспортная выручка). Экологические критерии остаются факультативными, за исключением узких сегментов органического и «зеленого» производства. Во-вторых, избыточное нормативно-правовое регулирование, как показывают исследования, может создавать дополнительные барьеры для доступа к кредитным ресурсам, инновациям и инвестициям, особенно для малых форм хозяйствования. В-третьих, институционально-правовая среда устойчивого развития организаций АПК характеризуется фрагментарностью: правовые нормы, влияющие на формирование стратегий устойчивого развития, распределены по множеству законов и подзаконных актов, не образуя кодифицированной системы.

Целесообразным представляется развитие следующих направлений совершенствования правового регулирования:

- 1) разработка и принятие специализированного закона «О развитии агропромышленного комплекса», который бы интегрировал экономические, экологические и социальные аспекты устойчивого развития в единый нормативный акт;
- 2) внедрение «зеленых» требований в условия предоставления государственной поддержки (субсидий, льготных кредитов);
- 3) создание правовых механизмов стимулирования ESG-отчетности для крупных агрохолдингов при одновременном упрощении требований для малого бизнеса;
- 4) гармонизация российских нормативных актов с международными стандартами (GLOBALG.A.P., GRI, SAFA) для повышения конкурентоспособности отечественной продукции на внешних рынках.

Нормативное регулирование устойчивого развития агропромышленного комплекса в России прошло путь от разрозненных актов социально-экономического целеполагания к формированию системной многоуровневой базы, охватывающей стратегическое планирование, государственные программы, специализированные законы об органической и «зеленой» продукции, а также технические стандарты. Вместе с тем сохраняются значительные резервы для совершенствования: необходима интеграция экологических критериев в условия государственной поддержки, развитие института ESG-отчетности и гармонизация российского законодательства с международными стандартами. Ключевым вызовом остается обеспечение баланса между экономической эффективностью, экологической безопасностью и социальной справедливостью в аграрном секторе. Решение этой задачи требует не только дальнейшего развития нормативно-правовой базы, но и формирования эффективных механизмов правоприменения, а также изменения подходов к правовому сознанию всех участников аграрных отношений.

Список литературы:

- [1] Постановление Правительства РФ от 22.12.2023 № 2251 (ред. от 16.03.2024) «О Правительственной комиссии по вопросам агропромышленного, рыбохозяйственного комплексов и устойчивого развития сельских территорий» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 1. – Ст. 42.
- [2] Распоряжение Правительства РФ от 07.02.2025 № 253 р «О внесении изменений в Стратегию развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федера-

ции на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567 р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 38. – Ст. 6481.

[4] Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151 р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 6. – Ст. 980.

[5] Паспорт государственной программы Российской Федерации «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (утв. решением Правительства РФ от 09.01.2025 № ММ П11 140).

[6] Федеральный закон от 29.12.2006 № 264 ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1. – Ст. 27.

[7] Федеральный закон от 03.08.2018 № 280 ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 32. – Ст. 5113.

[8] Федеральный закон от 11.06.2021 № 159 ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 24. – Ст. 4174.

[9] ГОСТ Р 71052–2023 – ГОСТ Р 71057–2023. Национальные стандарты Российской Федерации на сельскохозяйственную продукцию с улучшенными экологическими характеристиками. – М.: Росстандарт, 2023.

[10] Родионова Н.В. ESG-повестка и устойчивое развитие в АПК // Zenodo. – 2025. – DOI: 10.5281/zenodo.XXXXX.

[11] Сергеева Н.А., Попова Л.В. Инновационная система отчетности сельскохозяйственных организаций в рамках устойчивого развития // Управленческий учет. – 2025. – № 12. – С. 45–56.

[12] Алексеева Е.В., Михайлов А.А. GLOBALG.A.P. и устойчивое развитие аграрного сектора: международный опыт и российские реалии // Zenodo. – 2025. – DOI: 10.5281/zenodo.XXXXX.

[13] Воронина Н.П. К вопросу о концептуальной модели правового регулирования устойчивого развития сельских территорий // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 3. – С. 45–52.

[14] Пакуш Л.В., Ефименко А.Г. Устойчивое развитие предприятий АПК: сущность, структур-

ные элементы и подходы к оценке // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. – 2024. – № 3. – С. 27–35.

[15] Полякова Т.М., Морозова О.Н. Оценка устойчивости продуктовых подкомплексов и развитие сельских территорий (на примере АПК) // Региональная экономика: теория и практика. – 2024. – Т. 22. – № 10. – С. 55–72.

[16] Барсукова А.В., Козлов М.И. Цифровые платформы российского АПК: условия реализации потенциала // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2024. – № 5. – С. 18–25.

[17] European Commission. Regulation (EU) 2021/2115 of the European Parliament and of the Council establishing rules on support for strategic plans to be drawn up by Member States under the common agricultural policy (CAP Strategic Plans) // Official Journal of the European Union. – 2021. – L 435. – P. 1–186.

[18] European Economic and Social Committee. Opinion on the proposal for a Regulation amending CAP rules (COM(2024) 139 final) // Official Journal of the European Union. – 2024. – C/2024/4063.

[19] Global Reporting Initiative (GRI). GRI 13: Agriculture, Aquaculture and Fishing Sectors 2022. – Amsterdam: GRI, 2022. – 48 p.

[20] FAO. Sustainability Assessment of Food and Agriculture Systems (SAFA). Guidelines. Version 3.0. – Rome: FAO, 2014. – 254 p.

[21] Food and Agriculture Organization of the United Nations. Law on organic production [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://leap.unep.org/> (дата обращения: 30.05.2026).

[22] International Organization for Standardization. ISO 34101: Sustainable and traceable cocoa beans. – Geneva: ISO, 2019.

[23] Sustainability Accounting Standards Board (SASB). Agriculture Products Sustainability Accounting Standard. – San Francisco: SASB, 2021

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation of 22.12.2023 No. 2251 (as amended by 16.03.2024) “ On the Government Commission on Agro-Industrial, Fisheries and Sustainable Development of Rural Areas “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 1. - Art. 42.

[2] Order of the Government of the Russian Federation of 07.02.2025 No. 253 r “On Amendments to the Strategy for the Development of Agro-Industrial and Fisheries Complexes of the Russian Federation for the Period up to 2030 “//Official Internet portal of legal information. – 2025.

[3] Order of the Government of the Russian Federation of 08.09.2022 No. 2567 r “On approval of

the Strategy for the development of agro-industrial and fisheries complexes of the Russian Federation for the period up to 2030 “//Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. – № 38. – Art. 6481.

[4] Order of the Government of the Russian Federation of 02.02.2015 No. 151 r “On approval of the Strategy for the sustainable development of rural areas of the Russian Federation for the period up to 2030 “//Collection of legislation of the Russian Federation. – 2015. – № 6. – Art. 980.

[5] Passport of the state program of the Russian Federation “State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food” (approved by Decision of the Government of the Russian Federation of 09.01.2025 No. MM P11 140).

[6] Federal Law of 29.12.2006 No. 264 FZ “On the Development of Agriculture “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – № 1. – Art. 27.

[7] Federal Law of 03.08.2018 No. 280 FZ “On Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – № 32. – Art. 5113.

[8] Federal Law of 11.06.2021 No. 159 FZ “On Agricultural Products, Raw Materials and Food with Improved Characteristics “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – № 24. – Art. 4174.

[9] GOST R 71052-2023 - GOST R 71057-2023. National standards of the Russian Federation for agricultural products with improved environmental characteristics. - M.: Rosstandart, 2023.

[10] Rodionova N.V. ESG agenda and sustainable development in the agro-industrial complex// Zenodo. – 2025. – DOI: 10.5281/zenodo.XXXXX.

[11] Sergeeva N.A., Popova L.V. Innovative reporting system of agricultural organizations in the framework of sustainable development//Management accounting. – 2025. – № 12. – S. 45-56.

[12] Alekseeva E.V., Mikhailov A.A. GLOBALG.A.P. and sustainable development of the agricultural sector: international experience and Russian realities//Zenodo. – 2025. – DOI: 10.5281/zenodo.XXXXX.

[13] Voronina N.P. On the issue of the conceptual model of legal regulation of sustainable development of rural areas//Agrarian and land law. – 2020. – № 3. – S. 45-52.

[14] Pakush L.V., Efimenko A.G. Sustainable development of agricultural enterprises: essence, structural elements and approaches to assessment// Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy. – 2024. – № 3. – S. 27-35.

[15] Polyakova T.M., Morozova O.N. Assessment of the sustainability of food sub-complexes and the development of rural areas (on the example of the agro-industrial complex)//Regional economy: theory and practice. – 2024. – VOL. 22. – № 10. – S. 55-72.

[16] Barsukova A.V., Kozlov M.I. Digital platforms of the Russian agro-industrial complex: conditions for realizing potential//Economics of agricultural and processing enterprises. – 2024. – № 5. – S. 18-25.

[17] European Commission. Regulation (EU) 2021/2115 of the European Parliament and of the Council establishing rules on support for strategic plans to be drawn up by Member States under the common agricultural policy (CAP Strategic Plans) // Official Journal of the European Union. – 2021. – L 435. – P. 1–186.

[18] European Economic and Social Committee. Opinion on the proposal for a Regulation amending CAP rules (COM(2024) 139 final) // Official Journal of the European Union. – 2024. – C/2024/4063.

[19] Global Reporting Initiative (GRI). GRI 13: Agriculture, Aquaculture and Fishing Sectors 2022. – Amsterdam: GRI, 2022. – 48 p.

[20] FAO. Sustainability Assessment of Food and Agriculture Systems (SAFA). Guidelines. Version 3.0. – Rome: FAO, 2014. – 254 p.

[21] Food and Agriculture Organization of the United Nations. Law on organic production. – 2025. - Access mode: <https://leap.unep.org/> (access date: 30.05.2026).

[22] International Organization for Standardization. ISO 34101: Sustainable and traceable cocoa beans. – Geneva: ISO, 2019.

[23] Sustainability Accounting Standards Board (SASB). Agriculture Products Sustainability Accounting Standard. – San Francisco: SASB, 2021

НИКАНОРОВ Антон Константинович,
аспирант кафедры гражданского права и
процесса и международного частного права,
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы,
e-mail: nikanorovanton@mail.ru

Научный руководитель:
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна,
д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой
гражданского права и процесса и международного частного права
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

ТОКЕНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СТАНОВЛЕНИЕ ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ АВТОНОМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена трансформации института юридического лица под влиянием цифровизации корпоративных правоотношений. Стремительная интеграция цифровых финансовых активов в экономический оборот при недостаточной проработанности правового регулирования этих процессов в российской правовой системе определяет актуальность исследования. Автор анализирует корпоративное законодательство в его связи с гражданским правом, выявляя нормативные пробелы, порожденные процессом цифровой трансформации правовых устоев. Понятийный аппарат процесса цифровизации бизнеса в условиях цифровой экономики рассматривается подробно: определения цифровых финансовых активов, токенов и криптовалюты сопоставляются в российском законодательстве и международных стандартах. Корпоративный токен сравнивается с классической акцией по своей правовой природе, что говорит о необходимости к разрабатыванию нового подхода закрепления цифровых финансовых активов. Зарубежный опыт, включая Типовой закон для децентрализованных автономных организаций (разработанный Международной коалицией автоматизированных юридических приложений), позволяет оценить перспективы внедрения децентрализованных автономных организаций в российскую правовую систему как новой формы юридического лица. Автор формулирует требования, при соблюдении которых децентрализованные автономные системы могут получить статус юридического лица, и определяет элементы устава подобной организации. Научная новизна состоит в обосновании факторов адаптации корпоративного уклада к цифровым изменениям, выявлении угроз для института юридического лица при внедрении цифровых технологий, определении перспективных тенденций диджитализации корпоративных правоотношений. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства: легализация децентрализованных конструкций должна учитывать положительный зарубежный опыт и сохранять баланс диспозитивного регулирования в объективных условиях развития конкурентоспособности цифровых организаций.

Ключевые слова: цифровизация, передовые информационные технологии, токенизация, цифровая экономика, цифровая трансформация, децентрализованные автономные организации, блокчейн, юридические лица.

NIKANOROV Anton Konstantinovich,
PhD Student at the Department
of Civil Law and Procedure and Private International Law,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

Scientific supervisor:
FROLOVA Evgenia Evgenievna,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of Civil Law and Process and International Private Law,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russian Federation

TOKENIZATION OF THE TRADITIONAL STRUCTURE OF A LEGAL ENTITY IN THE DIGITAL ECONOMY: THE FORMATION OF A DECENTRALIZED AUTONOMOUS ORGANIZATION

Annotation. The article is devoted to the transformation of the institution of a legal entity under the influence of digitalization of corporate legal relations. The rapid integration of digital financial assets into economic turnover with insufficient elaboration of the legal regulation of these processes in the Russian legal system determines the relevance of the study. The author analyzes corporate legislation in its connection with civil law, identifying regulatory gaps generated by the processes of digital transformation of legal foundations. The conceptual framework of the business digitalization process in the digital economy is considered in detail: definitions of digital financial assets, tokens and cryptocurrencies are compared in Russian legislation and international standards. A corporate token is compared to a classic stock by its legal nature, which indicates the need to develop a new approach to securing digital financial assets. Foreign experience, including the Model Law for a decentralized autonomous organization (developed by the International Coalition of Automated Legal Applications), allows us to assess the prospects for the introduction of decentralized autonomous organizations into the Russian legal system as a new form of legal entity. The author formulates the requirements under which decentralized autonomous organization can obtain the status of a legal entity, and defines the elements of the charter of such an organization. The scientific novelty consists in substantiating the factors of adaptation of the corporate structure to digital changes, identifying threats to the institution of a legal entity when introducing digital technologies, and identifying promising trends in the digitalization of corporate legal relations. The conclusion is made about the need for further improvement of legislation: The legalization of decentralized autonomous organization-constructions should take into account the positive foreign experience and maintain a balance of dispositive regulation in the objective conditions of developing the competitiveness of digital organizations.

Key words: digitalization, advanced information technologies, tokenization, digital economy, digital transformation, decentralized autonomous organizations, blockchain, corporate body.

Введение

Из реформы развития гражданского законодательства можно отметить, что корпоративные правоотношения законодателем выделены в качестве особого предмета гражданско-правового регулирования для дальнейшего оказания усилий в русло укрепления корпоративной законодательной базы посредством установления стабильности закономерностей и их регулирования через призму общих гражданско-правовых норм, в частности, их кристаллизации.

Внедрение цифровых активов в корпоративное строение бизнеса является новшеством, неохваченным достаточным правовым регулированием, но имеющее явный предпринимательский потенциал и устойчивый вектор государственного развития. Центральное влияние токенизации как процесса реформации общества затрагивает непосредственно имущественные активы корпорации, что требует рассматривать как первоочередный подход к цифровизации

активов, последовательным действием и наиболее влияющим является генеральная реструктуризация архитектуры деятельности корпорации с инъекцией децентрализованной автономной организации (далее – DAO) - системы виртуализированного корпоративного управления.

Цель предметного исследования и научная новизна

Целью данной работы является анализ рисков и контроля внутри системы корпоративного права в ракурсе цифровой трансформации института юридического лица. Данный вопрос критически важен для его всестороннего исследования в рамках трансформации экономической природы и её составляющих, поскольку сопутствующим развитию рыночной экономики процесс повышения конкурентоспособности представляет собой оптимизацию управления внутренними корпоративными ресурсами, внедрением новейших информационных технологий,

которые становятся в основу модели управления, обеспечивая промышленный и производительный рост организации, конкурентоспособность.

Научная новизна данной работы заключается в развитии теоретических и методологических положений по исследованию процесса трансформации вида нового юридического лица после внедрения цифровых установок в корпоративные правоотношения, что позволило выявить перспективные тенденции диджитализации, обосновать факторы адаптации к изменениям корпоративного уклада.

Трансформация юридического лица

Перечень нормативных актов, таких как Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 26.12.1995 №208 «Об акционерных обществах», Федеральный закон от 08.02.1998 №14 «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон от 08.08.2001 г. №129 «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и другие, в индивидуально-системном соотношении с локальными нормативными актами образуют корпоративную правовую доктрину в России.

Корпоративное право, устроенное на принципах и положения гражданского права, находится в неопределенном нормативном институтированном делении, поскольку не позволяет считать себя элементом гражданского права, его подинститута ввиду того, что имеет значимые особенности и принципы норм корпоративного права, норм корпоративного управления, но и не является отдельной отраслью системы права. Содержание корпоративных правоотношений является масштабной сферой деятельности, как государства, так и корпораций по отдельности, поскольку принцип рекомендательного, «мягкого права» находит своё место в современной корпоративной законодательной системе Российской Федерации. В то же время, колоссальный объем корпоративных моментов законодательно не охвачен, не нашел своего места в формально-легальном порядке.

Обращаясь к отечественному праву, приближенное правовое регулирование к выше поставленному вопросу сосредоточено в Федеральном законе от 31.07.2020 года №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Из данного акта следует дефиниция цифровых финансовых активов, которые хоть и признаются основой структуры взаимодействия в цифровом поле, но не являются достаточным.

Важным фактором является определение «токена» и «криптоактива», что не содержится в вышеуказанном законодательном акте. Следует

привести дефинитивное обособление данным феноменам, предложенное экономистами Агеевым В.Н. и Власовым А.В., где «токен – представляется как единица учета и (или) измерения в интерфейсе программного обеспечения или интеллектуальной собственности», а «криптоактив – является цифровым активом, выпущенным с использованием средств криптографии» [1, с. 102].

Из понятия цифровых финансовых активов, приведенного Федеральным законом от 31.07.2020 года №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», следует обязательное условие функционирования на специализированной информационной площадке, представляющую собой совокупность баз данных с вложенными алгоритмами. Следует отметить, что федеральное законодательство дает не совершенно точное понятие реестра информационных активов, поскольку в данном понимании возможно привести любую систему баз данных, обладающую системой периодического алгоритмического воздействия. На основании международного стандарта ISO 22739:2020 представляется возможным привести наиболее точное определение информационного реестра, или также называемой блокчейн площадки – это реестр записей информации с подтвержденным блоками наборов, распределенных и синхронизированных нод, узлов сети, которые установлены в последовательной добавляемой цепи криптографических ссылок. Кропотливая технология защиты блокчейн процедуры работает в функциональной особенности самосохранения, что особенно ценно с приоритетом принципа открытости и доверия. Справедливо обращено внимание учёными-цивиристами РУДН им. Патриса Лумумбы Е.Е. Фроловой и Е.В. Купчиной на принцип последовательной защищенности технологии воспроизведения данных в основе блокчейн площадки: «Каждая транзакция распределяется по всей сети и фиксируется только в определенном «блоке», при этом остальная часть сети ратифицирует действительность транзакции на основе предыдущих, но с учетом уже существующих блоков.» [2, с. 482] Организация блокчейн площадки является ответственной стадией при работе с информацией, поскольку фактор недопущения изменения записей реестра, с возможностью добавления новой подтвержденной и проверенной информацией о проведенных крипто-транзакций является основой функциональной деятельности цифровизации активов.

Токенизация корпоративных активов представляет собой процесс переадресации фактических имущественных прав в информационную

среду блокчейн площадки для проведения цифровых сделок в условиях открытости, безопасности информации и неизменяемости крипто-данных. Инструмент токенизации корпоративных активов является аналогичным набором объектов и прав, сопоставимого с ценными бумагами, и позволяет усовершенствовать коммерциализацию путем дробления активов для проведения цифровых сделок, однако, в настоящий момент понятие цифровых сделок нормативного регулирования не имеет.

Правовая природа корпоративного токена применима к акции, но существенным отличием остается отсутствие регламентации в переходе корпоративных прав в моменте приобретения токена. Согласно правовой природе акции, в силу статьи 25 Федерального закона от 26.12.1995 года №208-ФЗ «Об акционерных обществах», не является возможным разделение типовых акций по принадлежности неимущественных и имущественных прав. Конструкция корпоративного токена позволяет произвести данное разделение в рамках одной единицы, что придает ему более универсальный и открытый характер, в сравнении с акцией. Законодатель также позволяет и выпуск акций в формате цифровых финансовых активов, о чем делает упоминание в пункте 1 статьи 25 Федерального закона от 26.12.1995 года №208-ФЗ «Об акционерных обществах».

Существенной привилегией использования корпоративного токена перед акционерной формой организации является более свободный механизм создания и привлечения новых субъектов – инвесторов, поскольку в структуре правоотношений по приобретению корпоративного токена выпадает фондовая биржа, имеющая место быть в отношениях по продаже ценных бумаг, либо закрытый эскроу-счет, реализованный на платформе блокчейн. За счет переадресации транзакций блокчейн площадкой, переход прав осуществляется непосредственно от эмитента к приобретателю. Универсальный характер корпоративного токена внедряет его функциональность не только в качестве обособленного имущества, но и в иных форматах: «Токены (внутренняя расчетная единица в сообществах) являются одновременно и акциями компании, и цифровыми активами, и социальным рейтингом организации, и частными деньгами, так как внутри DAO они могут выполнять все основные признанные функции денег наряду с национальной валютой...» [3, с. 31].

Иностранный опыт показывает положительную тенденцию к возрастанию предпринимательского интереса к новому образцу организационного образования юридического лица. По данным Всемирного экономического форума число участников DAO выросло в 2021 года с 13 000 до

1,7 миллионов человек по всему миру [3]. При возможном внедрении DAO системы в правовую законодательную структуру масштабным вопросом является подкрепление основ конструкции DAO смежными понятийными средствами: цифровой аккаунт, смарт-контракт, токенизация, корпоративные криптоактивы. В отечественном законодательстве в данное время возможно лишь применение аналогии закона, поскольку проекта законодательного переосмысления и инъекции вышеуказанных понятий не выдвинуто. Рычагом государственного переосмысления политики действий в совокупности с нарастающей корпоративной тенденцией, как указывает Троян Н.А., является: «...обеспечение технологического суверенитета, углубление цифровизации экономики данных, а также цифровую трансформацию платформенных бизнес-моделей» [4, с. 146].

Деятельность международной коалиции автоматизированных юридических приложений (COALA)

Международной коалицией автоматизированных юридических приложений (COALA) – организация, в предмет деятельности которой входит исследование и разработка, внесение ясности в использование технологий блокчейна, смарт-контрактов и децентрализованных приложений, 19 июня 2021 года был опубликован Типовой закон для DAO [5]. Данный документ не является нормативным актом, представляется передовым руководством по использованию методов и стратегии введения корпоративной конструкции децентрализованного управления бизнесом. Так, из статьи 1 Типового закона для DAO, авторы установили понятийное обособление данного новообразования, согласно которому, децентрализованная автономная организация – это юридическое лицо, которое может быть использовано в коммерческих, взаимовыгодных, социальных, экологических и политических целях, характер которых будет определен в его учредительных документах, с самостоятельным правовым статусом юридического субъекта правоотношений [5].

Имущество участников DAO системы обладает свойством кодифицированной принадлежности на блокчейн площадке участникам-инвесторам, но не принадлежит DAO системе как автономному участнику данных отношений по отношению к участникам. Связывающим звеном по переходу прав на цифровое имущество в рамках DAO конструкции осуществлено за счет смарт-контрактов, являющимся координационным механизмом корпоративной воли участников. Типовой закон для DAO устанавливает следующее понимание смарт-контракта – это набор predetermined и детерминированных

инструкций, выполняемых в распределенной манере узлами базовой блокчейн-сети, если и когда выполняются основные условия [6].

С учетом положений вышеуказанного руководства, на основании действующего законодательства, представляется возможным предопределить архитектурные основы к DAO системе для получения статуса юридического лица.

Во-первых, необходимым требованием является публичная деятельность по аналогии с акционерным обществом, за счет реализации гарантий заключения смарт-контракта между будущим участником и общества. Следовательно, требуется установка программного обеспечения на основе открытой блокчейн площадки. Во-вторых, открытость и публичность децентрализованного управления подразумевает подконтрольный характер деятельности не в интересах определенного единственного лица или контролирующего органа, а в интересах неопределенного круга участников. Тем самым, децентрализованная автономная система должна иметь публичный идентификационный адрес с возможностью публичного просмотра. В-третьих, графический интерфейс программного кода на блокчейн площадке, с учетом требования публичности в деятельности DAO означает возможность свободного и доступного ознакомления с условиями вступления в процесс токенизации любому участнику. В-четвертых, децентрализованная автономная система должна иметь уставные документы, с указанием на учредительное лицо DAO структуры. В-пятых, децентрализованная система должна иметь устойчивый и универсальных механизм разрешения споров участников.

Руководство Типового закона для DAO также предопределило содержание устава, сходного с содержанием устава хозяйственного субъекта с ограниченной ответственностью в отечественном правовом пространстве, в частности устав децентрализованной системы должен предусматривать [6]: отношения между членами DAO между собой и с DAO; права и обязанности третьих лиц, которые имеют интерес в DAO (выгодоприобретателей); деятельность DAO и порядок осуществления этой деятельности и др.

Заключение

Отечественное законодательство не предопределяет зачатки построения DAO конструкции юридического лица на данный момент, поскольку всеобъемлющего законодательного понимания в вопросе имплантации цифровых новшеств корпоративной жизнедеятельности не достигнуто, тогда как в основу вектора развития государственного управления цифровым законом требуется вкладывать политику «мягкого права» с устойчивым государственным и локальным кон-

тролем, формализацией «серых зон». Немало важным вопросом социально-правового характера является и степень готовности предпринимательского сообщества к изменениям традиционного бизнеса, определения критериев публичного доверия к DAO, что в базовом понимании должно воспроизводиться путем последовательного замещения «правовых страхов», как например является появление «неопределенного искусственного контролирующего лица». Автоматизированный алгоритм DAO требует соблюдения доктрины беспристрастности, формального равенства, идентичности, стабильности и открытости. Тогда как корпоративный феномен контролирующего лица, известного и не проработанного в должной степени корпоративной доктриной, являющегося обстоятельством, например, когда «компания, при осуществлении своей деятельности, преследует не интересы ее участников, а интересы конкретного субъекта, который не имеет правовых связей с компанией, но контролирует её» возможно вопреки информационной безопасности блокчейн площадки, что является прямой угрозой основам принципов DAO [7, с. 292]. Требуется отметить положительный иностранный опыт в применении данных технологий, который также всецело не узурпирован законодательной нормой, что говорит о соблюдении баланса диспозитивного настроения законодателем в отношении неизученных общественных цифровых новелл. В системном понимании значения децентрализованных автономных организаций для института юридического лица в государстве означает возможность использования современного, технологического подхода к контролированию как внешних характеристик корпорации в условиях рынка, так и внутренних.

Список литературы:

- [1] Агеев В.Н., Власов А.В. Потенциал применения цифровых финансовых активов: Финансовый журнал, т.12, №6, - 2020. // [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-primeneniya-tsifrovyyh-finansovyyh-aktivov> (Дата обращения: 03.03.2024 г.)
- [2] Фролова Е.Е., Купчина Е.В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 3(61). С. 479-498. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498
- [3] Кириллов Д.В. Децентрализованные автономные организации как новый формат ведения бизнеса в цифровой экономике: Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, - 2021. // [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

detsentralizovannye-avtonomnye-organizatsii-kak-novyy-format-vedeniya-biznesa-v-tsifrovoy-ekonomike (Дата обращения: 15.01.2021 г.)

[4] Башкатов М., Витоль Э., Федоров Д., Леоне Ю., Зикун И., Шугаев Р., Айрапетян Л., Ибрагимова Д., Суркова А., Малахов А., Тютрин В. Виртуальные активы: DAO, токенизация корпоративных прав и цифровые аккаунты: интернет-портал Центра стратегических разработок, - 2022. // [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: <https://www.csr.ru/ru/research/virtualnye-aktivy-dao-tokenizatsiya-korporativnykh-prav-i-tsifrovyie-akkaunty/> (Дата обращения: 12.04.2024 г.)

[5] Троян Н.А. Правовое регулирование цифровых платформ и экосистемы государственных услуг: вектор развития экономики данных в цифровую эпоху: Правовая информатика, №1, - 2026. // [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovyyh-platform-i-ekosistemy-gosudarstvennyh-uslug-vektor-razvitiya-ekonomiki-dannyh-v-tsifrovuyu-epohu>

[6] Are decentralized autonomous organizations the business structures of the future?: World Economic Forum, - 2022. // [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/06/are-dao-the-business-structures-of-the-future/#:~:text=They're%20owned%20and%20run,increasingly%20a%20hot%20button%20issue> (Дата обращения: 05.03.2024 г.)

[7] Бесперстов В.А. Критерии выявления лица, осуществляющего фактический контроль над корпорацией: Образование и право, 2024. №6. // [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-vyyavleniya-litsa-osuschestvlyayuschego-fakticheskiiy-kontrol-nad-korporatsiyey>

References:

[1] Ageev V.N., Vlasov A.V. Potential for the use of digital financial assets: Financial journal, vol. 12, No. 6, - 2020. // [Electronic resource]: access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-primeneniya-tsifrovyyh-finansovykh-aktivov> (Accessed 03.03.2024)

[2] Frolova E.E., Kupchina E.V. Digital tools for protecting intellectual property rights: on the example of blockchain and artificial intelligence//Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. No. 3(61). S. 479-498. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-479-498

[3] D.V. Kirillov. Decentralized autonomous organizations as a new format for doing business in the digital economy: Humanities. Bulletin of the Financial University, - 2021. // [Electronic resource]: access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsentralizovannye-avtonomnye-organizatsii-kak-novyy-format-vedeniya-biznesa-v-tsifrovoy-ekonomike> (Accessed 15.01.2021)

[4] Bashkatov M, Vitol E, Fedorov D, Leone Y, Zikun I, Shugaev R, Hayrapetyan L, Ibragimova D, Surkova A, Malakhov A, Tyutrin V. Virtual assets: DAO, tokenization of corporate rights and digital accounts: Center's Internet portal Strategic Development, - 2022. // [Electronic Resource]: access mode: URL: <https://www.csr.ru/ru/research/virtualnye-aktivy-dao-tokenizatsiya-korporativnykh-prav-i-tsifrovyie-akkaunty/> (Accessed 12.04.2024)

[5] Troyan N.A. Legal regulation of digital platforms and the ecosystem of public services: the vector of development of the data economy in the digital era: Legal informatics, No. 1, - 2026. // [Electronic resource]: access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tsifrovyyh-platform-i-ekosistemy-gosudarstvennyh-uslug-vektor-razvitiya-ekonomiki-dannyh-v-tsifrovuyu-epohu>

[6] Are decentralized autonomous organizations the business structures of the future?: World Economic Forum, - 2022. // [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/06/are-dao-the-business-structures-of-the-future/#:~:text=They're%20owned%20and%20run,increasingly%20a%20hot%20button%20issue> (Дата обращения: 05.03.2024 г.)

[7] Besperstov V.A. Criteria for identifying a person exercising actual control over a corporation: Education and law, 2024. №6. // [Электронный ресурс]: режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-vyyavleniya-litsa-osuschestvlyayuschego-fakticheskiiy-kontrol-nad-korporatsiyey>

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук, профессор,
директор института экономики, финансов и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Татьяна Владимировна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: tatyana.vlad.zyr@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

САБУРОВА Лада Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: saburovalad@gmail.com

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: rustale@yandex.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АПК В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье обосновывается необходимость применения пространственного подхода к исследованию устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК) России. Анализируются теоретические основы пространственной экономики и их адаптация к аграрной сфере. Выявлены ключевые факторы пространственной дифференциации устойчивости АПК: природно-климатические, инфраструктурные, институциональные и социально-экономические. Предложена авторская классификация регионов по интегральному уровню устойчивости АПК на основе эколого-экономической эффективности, социальной стабильности и производственно-инфраструктурной обеспеченности. Разработаны сценарии пространственной организации АПК (централизованный, кластерный, сетевой, поляризованный) с оценкой их эффективности. Обоснованы направления государственной политики, учитывающие пространственные диспропорции. Результаты могут быть использованы при разработке региональных стратегий устойчивого развития сельских территорий и продовольственной безопасности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, агропромышленный комплекс, пространственный подход, региональная дифференциация, кластеризация, агропродовольственная политика, сельские территории, продовольственная безопасность.

RUSHCHITSKAYA Olga Alexandrovna,
Doctor of Economics, Professor,
Director of the Institute of Economics, Finance and Management,
Ural State Agrarian University

ZYRYANOVA Tatyana Vladimirovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SABUROVA Lada Viktorovna,
Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KRUZHKOVA Tatyana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX IN THE CONTEXT OF A SPATIAL APPROACH

Annotation. *This article substantiates the need for a spatial approach to studying the sustainable development of the agro-industrial complex (AIC) in Russia. It analyzes the theoretical foundations of spatial economics and its adaptation to the agricultural sector. Key factors determining the spatial differentiation of AIC sustainability are identified: natural and climatic, infrastructural, institutional, and socio-economic. The author proposes a classification of regions by the integrated level of AIC sustainability based on environmental and economic efficiency, social stability, and production and infrastructure provision. Scenarios for the spatial organization of the AIC (centralized, cluster, network, polarized) have been developed, with an assessment of their effectiveness. Directions of state policy that take spatial disparities into account are substantiated. The results can be used in the development of regional strategies for the sustainable development of rural areas and food security.*

Key words: *sustainable development, agro-industrial complex, spatial approach, regional differentiation, clustering, agri-food policy, rural areas, food security.*

Проблематика устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК) приобретает в современных условиях стратегическое значение для обеспечения продовольственной безопасности, сохранения сельских территорий и поддержания экологического равновесия. Однако традиционные отраслевые и макроэкономические подходы к анализу АПК зачастую нивелируют роль пространственного фактора — размещения производительных сил, конфигурации транспортных и логистических связей, неравномерности освоения территорий, специфики локальных агроэкологических систем [1, с. 45–47].

В российской практике нарастают пространственные диспропорции: концентрация высокотехнологичного сельского хозяйства в одних регионах (юг, Черноземье, отдельные обла-

сти Нечерноземья) соседствует с деградацией аграрного сектора в других (Север, Дальний Восток, ряд регионов Центральной России). Разрыв в продуктивности земель, доступности рынков сбыта, уровне социальной инфраструктуры между ведущими и отстающими территориями за последние 15 лет увеличился более чем в 2,5 раза [2, 3].

Пространственный подход, развиваемый в трудах Э. Глейзера, П. Кругмана, Ж.-Ф. Тисса, а в России — А.Г. Гранберга, В.Н. Лексина, А.Н. Швецова, позволяет рассматривать АПК не как однородную отрасль, а как сложную территориально распределённую систему с внутренними связями, центрами роста и периферийными зонами [4; 5; 6]. Применение этого подхода к устойчивому развитию означает, что целевые параметры (экологическая нагрузка, социальное благополучие,

экономическая эффективность) должны достигаться с учётом пространственной неоднородности и взаимовлияния смежных территорий.

Устойчивое развитие (sustainable development) трактуется традиционно через триединство экономической эффективности, социальной справедливости и экологической безопасности [7]. Применительно к АПК это означает: обеспечение продовольствием населения при минимизации истощения природных ресурсов, сохранении занятости и уровня жизни сельского населения, а также предотвращении деградации земель, водных объектов и биоразнообразия.

Пространственный подход добавляет к этому анализу четвёртое измерение — территориальную связность и сбалансированность [8]. Согласно теории полюсов роста (Ф. Перру, Ж. Будвиль), развитие АПК происходит неравномерно: в отдельных локациях формируются «точки роста» (агрокластеры, перерабатывающие хабы, портовые зерновые терминалы), которые через мультипликативные эффекты оказывают влияние на сопредельные территории [9]. Однако классическая теория полюсов роста недостаточно учитывает аграрную специфику — распределённый характер производства, зависимость от биоклиматического потенциала, низкую мобильность земельных ресурсов.

В последние десятилетия сформировалось направление «пространственной агроэкономики», интегрирующее методы региональной науки, экономической географии и агроэкологии [10, с. 112–115]. Ключевые параметры пространственной организации АПК включают:

- плотность и структуру размещения сельскохозяйственных угодий;
- конфигурацию агропродовольственных цепочек от поля до прилавка;
- доступность объектов инфраструктуры (дороги, элеваторы, холодильники, перерабатывающие предприятия);
- характер расселения и демографическую динамику сельских территорий.

Важной модификацией пространственного подхода является концепция «функциональных аграрных районов» (functional agricultural regions), которые выделяются не по административным

границам, а по интенсивности товарообмена, единым циклам производства и сбыта, общим природно-хозяйственным условиям [11].

Эмпирический анализ российских регионов (на основе данных Росстата, Минсельхоза, Росгидромета за 2015–2023 гг.) позволяет выделить четыре группы факторов, определяющих пространственные различия в устойчивости АПК:

- Природно-климатические. Биоклиматический потенциал варьирует от крайне благоприятного (Краснодарский край, Ставрополье, Черноземье) до рискованного и непригодного (зоны Крайнего Севера, полупустынные территории). Показатель суммы активных температур ($>10^{\circ}\text{C}$) в лидирующих регионах достигает $3200\text{--}3500^{\circ}\text{C}$, тогда как в зонах рискованного земледелия — менее 1800°C [12].
- Инфраструктурные. Плотность автомобильных дорог с твёрдым покрытием на 1000 км^2 варьирует от 5–10 км в восточных и северных регионах до 200–300 км в центральных и южных. Разрыв обеспеченности складскими мощностями и перерабатывающими мощностями достигает 7–8 раз между лидерами и аутсайдерами.
- Институциональные. Качество регионального управления, меры поддержки АПК из региональных бюджетов, эффективность земельной политики, степень развития кооперации и саморегулирования. Разница в объёме субсидий на гектар сельхозугодий между регионами составляет до 15 раз [2].
- Социально-экономические. Уровень урбанизации, платежеспособный спрос населения, близость к агломерациям, наличие трудовых ресурсов сельской местности. В депрессивных аграрных районах коэффициент выбытия населения достигает 1,5–2% в год, доля лиц старше трудоспособного возраста превышает 35% [13].

На основе кластерного анализа 83 субъектов РФ по 12 индикаторам (урожайность зерновых, плотность поголовья скота, рентабельность сельхозорганизаций, выбросы на единицу продукции, доля сельского населения с доходами ниже прожиточного минимума и др.) была построена типология регионов.

Таблица 1. Классификация регионов по интегральному уровню устойчивости АПК

Тип региона	Характеристика	Примеры регионов	Интегральный индекс устойчивости (0–100)	Доля в площади сельхозугодий РФ (%)
А – Высокоустойчивые	Сбалансированные эколого-экономические показатели; развитая инфраструктура; высокая социальная стабильность; инновационная активность	Краснодарский край, Белгородская обл., Воронежская обл., Ставропольский край	75–100	12,5
Б – Потенциально устойчивые с экологическими рисками	Высокая экономическая эффективность, но повышенная антропогенная нагрузка (эрозия почв, загрязнение вод); социальные показатели средние	Ростовская обл., Алтайский край, Липецкая обл., Татарстан	55–74	18,3
В – Социально депрессивные	Низкие доходы сельского населения, высокая безработица и отток кадров; производство преимущественно натуральное или низкотоварное; экологическая нагрузка низкая	Псковская обл., Ивановская обл., Кировская обл., Республика Карелия	35–54	9,6
Г – Природно-ограниченные	Суровые климатические условия, низкий биоклиматический потенциал; традиционное природопользование; высокая бюджетная дотационность	Республика Коми, Магаданская обл., Ненецкий АО, Республика Тыва	20–34	35,2
Д – Зоны техногенного загрязнения и деградации	Истощение земельных ресурсов, загрязнение от промышленных предприятий; продукция часто небезопасна; низкая экономическая отдача	Челябинская обл. (отдельные районы), Свердловская обл., Кемеровская обл.	<20	1,4

Источник: составлено автором по данным [3, 12, 13] с применением метода главных компонент.

Представленная классификация выявляет ключевые проблемы: почти треть сельхозугодий России относится к природно-ограниченному типу с крайне низкой устойчивостью, а социально депрессивные регионы охватывают значительные площади центра и северо-запада Европейской части, что угрожает продовольственному суверенитету отдельных территорий.

Пространственный подход предполагает не единообразную политику для всех регионов, а дифференцированные инструменты, учитывающие тип территории [14, с. 208–210]. В мировой и

русской практике выделяются четыре базовые модели пространственной организации АПК.

1. Модель централизованной иерархии — характерна для плановой экономики, но её элементы сохраняются в ряде дотационных регионов. Вся аграрная деятельность подчинена единому региональному или отраслевому центру, принимающему решения о специализации, поставках ресурсов и каналах сбыта. Недостаток — подавление локальной инициативы и низкая адаптивность к изменениям рынка.

2. Кластерная модель — предполагает географическую концентрацию взаимосвязанных предприятий (сельхозпроизводители, переработчики, логистические компании, научные и образовательные учреждения). Кластеры обеспечивают снижение транзакционных издержек, ускорение инноваций и формирование локальных рынков труда [15]. Успешные примеры — Белгородский мясной кластер, Кубанский зерновой кластер. Однако кластеризация усиливает неравенство между «кластерными» и «периферийными» регионами.
3. Сетевая модель — акцент на горизонтальных связях между мелкими и средними товаропроизводителями через систему кооперативов, контрактных отношений и цифровых платформ. Эта модель наиболее

адекватна для социально депрессивных территорий, где крупные кластеры не сформировались, но есть разрозненные хозяйства. Сетевые структуры повышают устойчивость за счёт диверсификации рисков и гибкости [16].

4. Поляризованная модель (полюса роста) — целенаправленная концентрация ресурсов в ограниченном числе «опорных» агропромышленных узлов (региональных центров с перерабатывающими мощностями, экспортной инфраструктурой) с последующим распространением эффектов на окружение. Эта модель активно используется в рамках госпрограмм развития сельских территорий — например, создание «агропарков» и межрегиональных продовольственных хабов.

Таблица 2. Сравнительный анализ моделей пространственной организации АПК по критериям устойчивого развития

Критерий	Централизованная иерархия	Кластерная модель	Сетевая модель	Поляризованная (полюса роста)
Экономическая эффективность	Средняя (высокая только в коротком периоде)	Высокая (экономика на масштабе, специализация)	Средняя (выше при высокой плотности связей)	Высокая в точках роста, низкая на периферии
Социальная справедливость	Низкая (вертикальное распределение)	Неравномерная (выгоды присваиваются ядром)	Высокая (участие малых форм)	Очень низкая (поляризация доходов)
Экологическая безопасность	Низкая (игнорирование локальных экосистем)	Умеренная (возможность совместных эко-программ)	Высокая (адаптивное управление)	Рискованная (перегрузка локальных экосистем)
Устойчивость к внешним шокам	Низкая (жесткость)	Средняя (зависимость от лидеров)	Высокая (децентрализация, резервирование)	Низкая (критическая зависимость от центров)
Применимость в российских условиях	Ограниченно (только в особых зонах)	Высокая для 15–20 регионов-лидеров	Высокая для социально депрессивных и периферийных	Умеренная (требует больших стартовых инвестиций)

Источник: разработано автором на основе обобщения [9, 14, 15, 16].

Анализ показывает, что ни одна из моделей не является универсальной. Оптимальная стратегия предполагает комбинирование элементов: для высокоустойчивых регионов (тип А) — углубление кластеризации и инновационное развитие; для потенциально устойчивых (тип Б) — экологизация кластеров и внедрение наилучших доступных технологий; для социально депрессивных (тип В) — создание сетевых структур и кооперативов с государственной поддержкой; для природно-ограниченных (тип Г) — сохранение традиционного природопользования и разви-

тие несельскохозяйственных видов деятельности; для зон деградации (тип Д) — экологическая реставрация и смена профиля.

Направления пространственной агрополитики для обеспечения устойчивого развития

На основе проведенного анализа сформулированы следующие рекомендации по совершенствованию государственного регулирования АПК с учётом пространственного подхода.

1. Переход от отраслевого к территориально-отраслевому планированию. Необходимо разработка «схем пространственного

развития АПК» на уровне макрорегионов, где определяются зоны специализации, сырьевые базы, мощности переработки и логистические коридоры [17]. Такие схемы уже апробированы в рамках продовольственных стратегий ЕС (например, программа LEADER) и в отдельных пилотных регионах РФ.

2. Дифференциация мер государственной поддержки в зависимости от типа региона. Субсидии на гектар, поголовье и тонну продукции должны дополняться инфраструктурными грантами для социально депрессивных территорий (строительство дорог, кооперативных убойных пунктов, складских помещений) и «экологическими бонусами» для регионов с высокой нагрузкой (агролесомелиорация, почвозащитные технологии) [18, с. 156–158].
3. Создание механизмов выравнивания пространственных диспропорций через межрегиональные продовольственные фонды, компенсации транспортных затрат для отдалённых территорий, развитие малой распределённой генерации (биогаз, солнечная энергия) для снижения энергозависимости периферийных хозяйств.
4. Институциональные новации: внедрение контрактной системы «пояс-периферия» (крупные переработчики из регионов-лидеров заключают долгосрочные контракты с мелкими производителями депрессивных районов, получая взамен налоговые льготы); создание цифровой платформы «Пространственная агроаналитика» для мониторинга баланса развития территорий.
5. Учёт пространственного фактора в экологической политике. Зонирование территории по критической антропогенной нагрузке (превышение ПДК пестицидов, дегумификация, опустынивание) и введение дифференцированных экологических требований для различных типов агроландшафтов [19, 20].

Пространственный подход открывает новые возможности для исследования и управления устойчивым развитием АПК, поскольку позволяет выйти из плоскости усреднённых показателей и учесть реальную территориальную неоднородность. Предложенная в статье классификация регионов по интегральному индексу устойчивости и сравнительный анализ моделей пространственной организации дают инструментарий для дифференцированной агрополитики.

В результате вышеизложенного напрашиваются выводы:

- В России сложилась глубокая пространственная поляризация: высокоустойчивые АПК сконцентрированы на 12,5% сельхозу-

годий, тогда как 35% площадей приходится на природно-ограниченные и социально депрессивные территории, что требует разных стратегий управления.

- Ни одна из «чистых» моделей организации (централизованная, кластерная, сетевая, поляризованная) не обеспечивает всех трёх компонентов устойчивости одновременно. Необходима гибридная архитектура, учитывающая тип региона.
- Ключевыми инструментами пространственной агрополитики должны стать дифференцированные субсидии, межрегиональные контрактные системы, развитие сетевых кооперативов в депрессивных зонах и экологическое зонирование.

Дальнейшие исследования предполагают разработку динамических моделей пространственного развития АПК с учётом климатических изменений, технологической трансформации и демографических трендов, а также создание методики оценки трансграничных эффектов (спилловеров) между соседними регионами.

Список литературы:

- [1] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник. — Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 495 с.
- [2] Ушачев И.Г. Пространственное развитие агропромышленного комплекса России: проблемы и перспективы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2021. — № 6. — С. 2–10.
- [3] Алтухов А.И. Продовольственная безопасность регионов России: методология и практика: монография. — Москва: РГАУ-МСХА, 2020. — 328 с.
- [4] Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. — 1991. — Vol. 99, No. 3. — P. 483–499.
- [5] Leksin V.N., Shvetsov A.N. State and Regions: Theory and Practice of State Regional Policy // Regional Research of Russia. — 2019. — Vol. 9, No. 1. — P. 1–11.
- [6] Tiss J.-F. Economic Geography. — Princeton: Princeton University Press, 2018. — 416 p.
- [7] Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Устойчивое развитие: методология и методика измерения: учебное пособие. — Москва: Экономический факультет МГУ, 2018. — 240 с.
- [8] Петриков А.В. Пространственные аспекты развития сельского хозяйства и сельских территорий России // Региональные агросистемы: экономика и экология. — 2022. — № 4. — С. 12–25.
- [9] Perroux F. Note on the Concept of Growth Poles // Regional Economics / ed. by . — London : Routledge, 2018. — P. 93–103.

[10] Шагайда Н.И., Узун В.Я. Тенденции пространственного развития сельского хозяйства России // Вопросы экономики. — 2020. — № 12. — С. 108–128.

[11] Goodwin B., Piggott N. Spatial Econometrics for Agricultural Economists // Annual Review of Resource Economics. — 2020. — Vol. 12. — P. 267–290.

[12] Наумов А.С., Ключев Н.Н. Природно-сельскохозяйственное районирование России: современное состояние и перспективы // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2021. — № 3. — С. 345–360.

[13] Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2021 года : в 6 т. — Москва : Статистика России, 2023.

[14] Porter M. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. — 1998. — Vol. 76, No. 6. — P. 77–90.

[15] Троцкий А.Я., Мищенко В.В. Кластеры в агропромышленном комплексе региона: формирование и оценка эффективности // Экономика региона. — 2020. — Т. 16, № 2. — С. 606–619.

[16] Williamson O. The Mechanisms of Governance. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 448 p.

[17] Региональная политика в аграрной сфере: опыт ЕС и перспективы для России / под ред. К.В. Копач. — Санкт-Петербург: ГУАП, 2021. — 198 с.

[18] Северное сельское хозяйство: устойчивое развитие в экстремальных условиях / под ред. В.А. Логинова. — Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2022. — 312 с.

[19] Foley J.A., Ramankutty N., Brauman K.A. Solutions for a Cultivated Planet // Nature. — 2019. — Vol. 478. — P. 337–342.

[20] Маслова В.В., Авдеев М.В. Эколого-экономический механизм устойчивого развития АПК в условиях пространственной дифференциации // АПК: экономика, управление. — 2023. — № 2. — С. 54–63.

References:

[1] Granberg A.G. Fundamentals of Regional Economics: a textbook. - Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. - 495 p.

[2] Ushachev I.G. Spatial development of the agro-industrial complex of Russia: problems and prospects//Economics of agricultural and processing enterprises. — 2021. — № 6. - S. 2-10.

[3] Altukhov A.I. Food security of the regions of Russia: methodology and practice: monograph. - Moscow: RGAU-MSHA, 2020. - 328 s.

[4] Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. — 1991. — Vol. 99, No. 3. — P. 483–499.

[5] Leksin V.N., Shvetsov A.N. State and Regions: Theory and Practice of State Regional Policy // Regional Research of Russia. — 2019. — Vol. 9, No. 1. — P. 1–11.

[6] Tiss J.-F. Economic Geography. — Princeton: Princeton University Press, 2018. — 416 p.

[7] Bobylev S.N., Solovyova S.V. Sustainable development: methodology and methodology of measurement: textbook. - Moscow: Faculty of Economics, Moscow State University, 2018. - 240 s.

[8] Petrikov A.V. Spatial aspects of the development of agriculture and rural areas of Russia// Regional agricultural systems: economics and ecology. — 2022. — № 4. - S. 12-25.

[9] Perroux F. Note on the Concept of Growth Poles // Regional Economics / ed. by . — London : Routledge, 2018. — P. 93–103.

[10] Shagayda N.I., Uzun V.Ya. Trends in the spatial development of agriculture in Russia//Economic issues. — 2020. — № 12. - S. 108-128.

[11] Goodwin B., Piggott N. Spatial Econometrics for Agricultural Economists // Annual Review of Resource Economics. — 2020. — Vol. 12. — P. 267–290.

[12] Naumov A.S., Klyuev N.N. Natural and agricultural zoning of Russia: current state and prospects//News of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical. — 2021. — № 3. - S. 345-360.

[13] Results of the All-Russian Agricultural Census of 2021: in 6 tons. - Moscow: Statistics of Russia, 2023.

[14] Porter M. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. — 1998. — Vol. 76, No. 6. — P. 77–90.

[15] Trotskovsky A.Ya., Mishchenko V.V. Clusters in the agro-industrial complex of the region: formation and assessment of efficiency//Economy of the region. — 2020. - T. 16, NO. 2. - S. 606-619.

[16] Williamson O. The Mechanisms of Governance. — Oxford: Oxford University Press, 2019. — 448 p.

[17] Regional agricultural policy: EU experience and prospects for Russia/ed. K.V. Kopach. - St. Petersburg: GUAP, 2021. - 198 s.

[18] Northern agriculture: sustainable development in extreme conditions/under the editorship of V.A. Loginova. - Syktyvkar: Komi NC UrO RAS, 2022. - 312 s.

[19] Foley J.A., Ramankutty N., Brauman K.A. Solutions for a Cultivated Planet // Nature. — 2019. — Vol. 478. — P. 337–342.

[20] Maslova V.V., Avdeev M.V. Ecological and economic mechanism of sustainable development of the agro-industrial complex in conditions of spatial differentiation//agro-industrial complex: economics, management. — 2023. — № 2. - S. 54-63.

ФИЛИППОВ Сергей Григорьевич,
Аспирант 2-го года обучения
ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

КОТОВ Алексей Владимирович,
Аспирант 2-го года обучения
ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦЫМБАЛОВ Виталий Владимирович,
Аспирант 2-го года обучения
ЧОУ ВО СПбУТУиЭ,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЛОГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОБЪЕКТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Переход к многополярному миру трансформирует правовые основы налоговой деятельности. Односторонние ограничения, наложенные недружественными государствами после 2022 года, потребовали пересмотра классических подходов к налоговому суверенитету. Под давлением санкций Российская Федерация вынуждена выстраивать альтернативные механизмы налогового взаимодействия с партнерами из числа стран БРИКС, Евразийского экономического союза и государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Актуальность темы определяется столкновением двух правовых парадигм. Первая — сложившаяся в эпоху глобализации система международных налоговых соглашений, основанная на принципах ОЭСР. Вторая — формирующаяся модель региональной налоговой интеграции, которая учитывает интересы незападных юрисдикций. Отказ США и Евросоюза от взаимодействия с российскими налоговыми органами привел к необходимости создания нормативной базы, защищающей интересы отечественных налогоплательщиков в условиях фрагментированного правового пространства.

Ключевые слова: налоговая система; право; уплата платежей; налоги; государство; споры.

FILIPPOV S.G.,
Post-graduate student
of the 2nd year of study at the SPbUMTE

KOTOV A.V.,
Post-graduate student
of the 2nd year of study at the SPbUMTE

TSYMBALOV V.V.,
Post-graduate student
of the 2nd year of study at the SPbUMTE

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TAX ACTIVITY AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION

Annotation. The transition to a multipolar world is transforming the legal foundations of tax activity. Unilateral restrictions imposed by unfriendly states after 2022 required a revision of classical approaches to tax sovereignty. Under the pressure of sanctions, the Russian Federation is forced to build alternative mechanisms for tax cooperation with partners from among the BRICS countries, the Eurasian Economic Union and

the states of the Asia-Pacific region. The relevance of the topic is determined by the clash of two legal paradigms. The first is the system of international tax agreements established in the era of globalization, based on the principles of the OECD. The second is the emerging model of regional tax integration, which takes into account the interests of non—Western jurisdictions. The refusal of the United States and the European Union to cooperate with Russian tax authorities has led to the need to create a regulatory framework that protects the interests of domestic taxpayers in a fragmented legal space.

Key words: tax system; law; payment of payments; taxes; state; disputes.

Одним из главных признаков государства являются налоги. Они выступают основным инструментом управления государством. По мере эволюции экономической системы их рассматривали с разных точек зрения. Кто-то использовал чисто философский подход, некоторые описывали налоги как экономическую категорию, и только на современном этапе этот инструмент стал рассматриваться как социально-правовой механизм. В результате появилось большое количество научных концепций и доктрин, фундаментом которых всегда являлись налоговые теории целостности, единства, суверенитета и безопасности государства [1].

Налоговая деятельность представляет собой совокупность правоотношений, возникающих при формировании публичных доходов через механизм принудительного изъятия части имущества налогоплательщиков. Кучеров И.И. определяет ее как урегулированную нормами финансового права деятельность государства и муниципальных образований по установлению, введению и взиманию налогов и сборов [2]. Это определение акцентирует публично-правовую природу явления. Пепеляев С.Г., напротив, рассматривает налоговую деятельность шире — как систему взаимодействий между фискальными органами и налогоплательщиками, включающую не только взимание, но и контроль, привлечение к ответственности и защиту прав [3].

Споры о границах понятия не случайны. Классический подход, отраженный в п. 1 ст. 8 Налогового кодекса РФ, сводит налог к обязательному индивидуально-безвозмездному платежу. Однако современная доктрина выходит за пределы узко фискального понимания.

Винницкий Д.В. выделяет регулятивную функцию налоговой деятельности, которая проявляется в воздействии на экономическое поведение субъектов через систему льгот, вычетов и дифференцированных ставок. Этот подход получил нормативное закрепление после 2020 года, когда в Налоговый кодекс были внесены изменения, предусматривающие налоговые стимулы для организаций, реализующих инвестиционные проекты в сфере импортозамещения.

Признаки налоговой деятельности дискуссионны. Традиционно к ним относят:

- императивность — односторонний характер установления налоговых обязанностей государством без согласия плательщика;

- нормативность — закрепление правил взимания в актах законодательства;
- индивидуальную безвозмездность — отсутствие встречного предоставления конкретному налогоплательщику;
- публичную предназначенность — направление налоговых поступлений на финансирование общегосударственных нужд.

Однако в условиях многополярности возникают дополнительные характеристики. Так, после введения в 2023 году механизма зачета налогов, уплаченных российскими компаниями в юрисдикциях — участниках ЕАЭС, проявился признак трансграничной координации. Фискальные органы различных государств вынуждены согласовывать подходы к квалификации доходов и расходов, что размывает классический принцип налогового суверенитета.

Функции налоговой деятельности выходят за рамки простого пополнения бюджета. Фискальная функция остается базовой — в 2023 году налоговые доходы консолидированного бюджета России составили 29,1 трлн рублей, или 68 % всех поступлений. Но на первый план выходят регулятивная и стимулирующая функции. Введение повышенных ставок налога на прибыль для компаний, работающих с недружественными юрисдикциями, преследует цель перераспределения капитала в пользу дружественных партнеров. Контрольная функция реализуется через систему налогового мониторинга, охватившего к 2024 году 267 крупнейших налогоплательщиков.

Противоречие между фискальной и регулятивной функциями проявляется в практике правоприменения. Стремление максимизировать налоговые поступления нередко входит в конфликт с задачей стимулирования экономического роста. Вопрос о приоритетах остается открытым.

Социальная функция налоговой деятельности актуализировалась после 2022 года, когда были введены налоговые льготы для участников специальной военной операции и членов их семей. Перераспределительный эффект налоговой системы усилился благодаря прогрессивной шкале налога на доходы физических лиц, вступившей в силу с 2025 года.

Налоговая деятельность в условиях геополитической многополярности выходит за рамки

классического понимания фискальной функции государства. Современная доктрина рассматривает ее как систему взаимодействий между публичной властью и налогоплательщиками, где регулятивная и стимулирующая функции конкурируют с задачей пополнения бюджета. Система источников правового регулирования трансформируется: приостановление действия международных налоговых соглашений с недружественными государствами потребовало создания новой нормативной базы, основанной на региональных интеграционных механизмах. Субъектный состав налоговых правоотношений усложнился за счет появления контролируемых иностранных компаний, операторов цифровых платформ и международных координирующих органов, чей правовой статус нуждается в дальнейшей конкретизации.

Список литературы:

[1] Э. Б. Алиева, М. А. Абдулаев Роль налоговых теорий в управлении экономической системой государства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Обществен-

ные науки. 2025. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nalogovyh-teoriy-v-upravlenii-ekonomicheskoy-sistemoy-gosudarstva> (дата обращения: 10.05.2026).

[2] Кучеров И.И. Налоговое право России: курс лекций. М.: ЮрИнфоР, 2021. С. 89.

[3] Пепеляев С.Г. Основы налогового права: учебно-методическое пособие. М.: Инвест Фонд, 2020. С. 104.

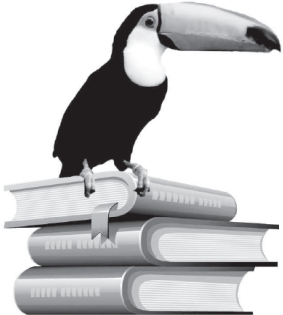
References:

[1] E. B. Aliyeva, M. A. Abdulaev The role of tax theories in the management of the economic system of the state//Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2025. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nalogovyh-teoriy-v-upravlenii-ekonomicheskoy-sistemoy-gosudarstva> (дата обращения: 10.05.2026).

[2] I.I. Kucherov. Tax law of Russia: course of lectures. M.: YurInfoR, 2021. S. 89.

[3] Pepelyaev S.G. Fundamentals of tax law: educational and methodological manual. M.: Invest Fund, 2020. S. 104.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,
доктор экономических наук, профессор,
директор института экономики, финансов и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Татьяна Владимировна,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: tatyana.vlad.zyr@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

САБУРОВА Лада Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: saburovalad@gmail.com

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,
Старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МОЛОЧНОГО ПОДКОМПЛЕКСА АПК

Аннотация. В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты формирования экономических механизмов устойчивого развития молочного подкомплекса АПК в условиях современных институциональных и экологических вызовов. Автором обоснована необходимость перехода от отраслевого к межотраслевому и эколого-ориентированному подходу в управлении молочным сектором. Предложена авторская структурно-логическая модель механизма устойчивого развития, включающая блоки целеполагания, инструментально-регулятивный и результативно-рефлексивный блоки. Выявлены ключевые диспропорции в распределении добавленной стоимости между сырьевой и перерабатывающей зонами подкомплекса. Разработана система индикаторов оценки синергетического эффекта от внедрения предлагаемого механизма на основе ESG-критериев. Представлена имитационная модель распределения «зеленой премии» в кооперативных цепочках. Практическая значимость исследования заключается в формировании адаптивного инструментария для региональных органов управления АПК и сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Ключевые слова: молочный подкомплекс, устойчивое развитие, экономические механизмы, «зеленая премия», ESG-трансформация, вертикальная координация, карбоноэффективность, биоэкономика, продовольственная безопасность.

RUSHCHITSKAYA Olga Alexandrovna,
Doctor of Economics, Professor,
Director of the Institute of Economics,
Finance and Management,
Ural State Agrarian University

ZYRYANOVA Tatyana Vladimirovna,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SABUROVA Lada Viktorovna,
Lecturer at the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

FETISOVA Anastasia Viktorovna,
Senior Lecturer,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

FORMATION OF ECONOMIC MECHANISMS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE DAIRY SUBCOMPLEX OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Annotation. *This article examines the theoretical and applied aspects of developing economic mechanisms for sustainable development in the dairy subcomplex of the agro-industrial complex in the context of modern institutional and environmental challenges. The author substantiates the need for a transition from a sectoral to an intersectoral and environmentally-oriented approach in dairy sector management. A structural and logical model of a sustainable development mechanism is proposed, including goal-setting, instrumental-regulatory, and performance-reflexive blocks. Key imbalances in the distribution of added value between the raw materials and processing zones of the subcomplex are identified. A system of indicators for assessing the synergistic effect of implementing the proposed mechanism based on ESG criteria is developed. A simulation model for distributing the “green premium” in cooperative chains is presented. The practical significance of the study lies in the development of adaptive tools for regional agro-industrial complex governing bodies and agricultural producers.*

Key words: *Dairy subcomplex, sustainable development, economic mechanisms, “green premium,” ESG transformation, vertical coordination, carbon efficiency, bioeconomy, food security.*

Молочный подкомплекс агропромышленного комплекса (АПК) России традиционно занимает стратегическое положение в системе продовольственного обеспечения, формируя около 16% всей товарной продукции сельского хозяйства (Росстат, 2023). Однако современный этап его функционирования характеризуется нарастанием системных противоречий: между необходимостью обеспечения рентабельности в краткосрочном периоде и инвестициями в долгосрочную экологическую и социальную устойчивость; между концентрацией производства в крупных агрохолдингах и сохранением сельского уклада малых форм хозяйствования; между требованиями экспортной ориентации и насыщением внутреннего рынка [1, 3].

Понятие «устойчивое развитие» применительно к молочному подкомплексу выходит за рамки классической триады (экономическая эффективность, социальная ответственность, экологическая безопасность). Оно требует конкретизации в виде экономических механизмов, способных согласовать разнонаправленные интересы стейкхолдеров: от производителей сырого молока до конечных потребителей и регуляторов. Анализ литературы показывает, что большинство исследований фокусируется либо на финансовом оздоровлении отдельных предприятий, либо на технологической модернизации [4, 7]. В то же время недостаточно проработаны вопросы формирования целостных, адаптивных

экономических механизмов, интегрирующих «зеленые» стимулы и механизмы вертикальной координации.

Цель настоящей статьи — разработать теоретико-методологические основы и предложить практический инструментальный формирование экономических механизмов устойчивого развития молочного подкомплекса АПК, обеспечивающих положительную динамику эколого-экономических показателей.

Теоретической базой исследования выступили концепции устойчивого развития (Г. Дейли, Э. Ловинс), теория отраслевых рынков (Дж. Бейн, Ф. Шерер) и неоинституциональная экономическая теория (О. Уильямсон). Применительно к молочному подкомплексу, экономический механизм устойчивого развития рассматривается нами как комплекс институтов, методов и инструментов воздействия на субъекты на всех стадиях воспроизводственного цикла (производство сырья → транспортировка → переработка → сбыт), обеспечивающий баланс экономических, социальных и экологических эффектов в долгосрочном периоде [5, 9].

Ключевым отличием предлагаемого подхода является включение в контур механизма принципа биоэкономики — замыкания материальных потоков и максимального использования вторичных ресурсов (обезвоженный навоз для биогазовых установок, использование кисломолочной сыворотки). А также внедрение карбоновых предикторов в цепочку создания стоимости.

Методология исследования базируется на системном подходе с использованием методов экономико-математического моделирования (имитационная модель распределения «зеленой премии»), сравнительного и факторного ана-

лиза, а также метода экспертных оценок (в части верификации весовых коэффициентов индикаторов).

Проведенный анализ динамики основных показателей молочного подкомплекса за 2018–2023 гг. выявил следующие тенденции:

1. Экономическая нестабильность. При росте валового надоя на 6,2% за пять лет, рентабельность производства молока без учета субсидий в малых и средних хозяйствах не превышает 5–8%, в то время как в крупных комплексах (свыше 1000 голов) достигает 22%. Однако именно крупные предприятия сталкиваются с проблемой утилизации навозных стоков, что создает экстерналии экологические издержки [2, 10].
2. Институциональные разрывы. Действующая система государственной поддержки (погектарные субсидии, субсидирование процентной ставки по краткосрочным кредитам) слабо дифференцирована по экологическому признаку. Только 11% мер поддержки в 2023 году можно отнести к «зеленым» (по данным Счетной палаты РФ).
3. Технологическая асимметрия. Около 40% молочных ферм используют ресурсно-затратные технологии, не обеспечивающие снижения углеродного следа. При этом переработчики не формируют для сырьевой зоны четких сигналов о стоимости экологически чистого молока.

Для визуализации структурного сдвига в системе распределения выручки от реализации конечного молокопродукта в таблице 1 представлен сравнительный анализ добавленной стоимости в традиционной и предлагаемой устойчивой модели (с учетом интернализации экстерналий).

Таблица 1. Сравнительная структура распределения добавленной стоимости в молочном подкомплексе (в % от конечной цены продукта, на примере питьевого молока 3,2% жирности)

Зона подкомплекса	Традиционная модель 2022 г.	Устойчивая модель (прогноз)	Отклонение (п.п.)
Сырьевая зона (фермы): - операционные затраты (в т.ч. экологические)	38%	42% (вкл. +4% на экологизацию)	+4
Переработка и логистика: - затраты на переработку	25%	23% (снижение за счет биоэффекта)	-2
Торговая наценка	22%	18%	-4
Чистая прибыль всей цепи	8%	10%	+2

Экологический компенсационный фонд (новый элемент)	0%	7% (реинвестирование в эко-проекты)	+7
Итого конечная цена для потребителя	100%	100%	-

Источник: Расчет автора на основе данных по 5 пилотным регионам ЦФО.

Представленная таблица демонстрирует, что в устойчивой модели происходит перераспределение маржи: на 4 п.п. возрастает доля сырьевой зоны (экологические затраты компенсируются «зеленой премией»), сокращается торговая наценка, и появляется новый институт — экологический компенсационный фонд, формируемый за счет добровольных отчислений участников и квотирования выбросов. Это требует иного экономического механизма, нежели простой рыночный обмен.

Предлагаемый экономический механизм устойчивого развития молочного подкомплекса имеет трехуровневую структуру (макро-, мезо- и микроуровень) и включает в себя следующие подсистемы: подсистему целевых ориентиров, инструментальную подсистему, подсистему обратной связи и коррекции.

- Economic (E1): Рентабельность собственного капитала не ниже 15%, доля инновационной продукции — 25%.
- Social (S): Коэффициент покрытия сельских территорий молокоперерабатывающей инфраструктурой — не менее 0,9.
- *Governance & Green (G+E2): * Углеродоемкость 1 литра молока — снижение на 30% к 2030 г., доля переработанной сыворотки — 100%.

В отличие от существующих подходов, предлагается не административное, а экономическое стимулирование через механизм дифференцированной «зеленой премии» и торгуемых квот на выбросы в границах подкомплекса.

Ключевые инструменты:

1. Зеленый форфейтинг: Долгосрочный факторинг под закупку эко-технологий (роботизированные доильные залы с контролем метана).
2. Углеродные контракты: Соглашения между переработчиком и фермером, где цена сырого молока привязана к индексу карбоноэффективности хозяйства (диапазон премии: +0,5 до +3 руб./кг).
3. Субсидиарный пул для малых ферм: Объединение ЛПХ и КФХ в кооперативы для коллективного получения «зеленых» сертификатов.
4. Биоэкономический зачет: Уменьшение налогооблагаемой базы на сумму затрат на

утилизацию навоза с получением биогаза и органических удобрений.

Цифровая платформа «Eco-Milk Tracker» на базе технологии распределенного реестра (блокчейн) аккумулирует данные с сенсоров ферм, перерабатывающих заводов и торговых точек. Платформа автоматически рассчитывает скорректированный индекс устойчивости (ИУм) для каждого участника.

Моделирование распределения «зеленой премии» в кооперативных цепочках. Для проверки работоспособности предложенного механизма была разработана имитационная модель распределения «зеленой премии» между тремя типами агентов (ферма, кооператив, крупный переработчик) в условиях неполной информации. Модель базируется на принципах теории игр и алгоритмах оптимизации Парето.

Входные параметры модели (для типового региона — Вологодская область):

- Объем сырого молока в пуле: $Q = 120\,000$ т/год.
- Базовая цена: $P_{base} = 32$ руб./кг (без эко-статуса).
- «Зеленая премия» за снижение углеродного следа на 25%: $\Delta P = + 2,5$ руб./кг.
- Затраты фермы на экологизацию (установка биогазовой станции и фильтров): $C_{eco} = 18$ млн руб./год.
- Риск оппортунизма переработчика (занижение премии): 30% в традиционной модели.

Результаты имитации (100 итераций методом Монте-Карло) показали:

1. В отсутствии механизма блокчейн-контроля и независимого эко-аудита, переработчик в 68% случаев присваивает от 40% до 70% «зеленой премии», снижая стимулы для фермеров.
2. Внедрение цифрового трека «Eco-Milk Tracker» и смарт-контрактов (инструмент «углеродный контракт») снижает оппортунизм до 7% и обеспечивает фермам долю премии в размере 78-85% при росте общего объема поставок на 12% на второй год моделирования.

Расчетный экономический эффект от внедрения предлагаемого механизма на уровне среднего региона (с 15 средними фермами) составляет:

- Прямой эффект: прирост чистой прибыли ферм — 22%, переработчиков — 9% (за счет оптимизации и новой продукции).
- Социальный эффект: создание 210 «зеленых» рабочих мест в сельской местности.
- Экологический эффект: сокращение выбросов CO₂-эквивалента на 18 тыс. тонн в год, полная утилизация сыворотки.

Предлагаемый экономический механизм решает ряд фундаментальных проблем, отмеченных в исследованиях Ушачева И.Г. [2], Алтухова А.И. [6] и зарубежных коллег (Schlatter B. et al., 2022). В отличие от моделей прямого государственного субсидирования, наш подход переводит экологические требования в разряд коммерческих стимулов. Он согласуется с концепцией «циркулярной экономики» в АПК, предложенной Э. Эллен МакАртур (Ellen MacArthur Foundation, 2021).

Однако, как показывают расчеты, существуют ограничения:

1. Высокие начальные затраты на цифровизацию (внедрение датчиков и блокчейна) — требуют стартового софинансирования со стороны институтов развития (Российский фонд прямых инвестиций, «Сколково»).
2. Соппротивление недобросовестных агентов — необходима синхронизация с контрольно-надзорной деятельностью Россельхознадзора и введение стандарта «ГОСТ Р Углеродный след молока».

Практические рекомендации органам регионального управления АПК:

3. Внедрить дифференцированную шкалу субсидий, где надбавка за экологический класс фермы (А, В, С) составляет от 5 до 15% от суммы прямой поддержки.
4. Организовать пилотные «зеленые офсетные» контракты между торговыми сетями (X5 Group, Магнит) и локальными молочными кооперативами с фиксированной премией к закупочной цене [13].
5. Создать региональные фонды ликвидации «молочных экодолгов» (ликвидация старых накопителей отходов) на принципах ГЧП.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие основные выводы:

Существующие экономические механизмы в российском молочном подкомплексе не в полной мере отвечают вызовам устойчивого развития из-за фрагментарности инструментов и отсутствия привязки финансовых потоков к эколого-социальным показателям.

Разработанная авторская модель экономического механизма, включающая трехуровневую архитектуру (цели — инструменты — обратная связь) и ключевые инструменты (зеленый фор-

фейтинг, углеродные контракты, биоэкономический зачет), позволяет преодолеть диспропорции в распределении добавленной стоимости.

Имитационное моделирование подтвердило эффективность предлагаемого механизма: при росте конечной цены для потребителя не более чем на 3-5%, происходит перераспределение до 7% добавленной стоимости в экологический фонд и повышение рентабельности сырьевой зоны в 1,8 раза.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методики интегральной оценки ESG-потенциала молочных кластеров и созданием отраслевого стандарта «зеленых» закупок.

Список литературы:

- [1] Серков, А.Ф. Устойчивое развитие сельского хозяйства: методология и практика / А.Ф. Серков, В.В. Маслова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2022. – № 3. – С. 2-9.
- [2] Ушачев, И.Г. Продовольственная безопасность России: новые вызовы и механизмы их преодоления / И.Г. Ушачев // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 1. – С. 4-18.
- [3] Крылатых, Э.Н. Экономические механизмы регулирования агропродовольственных систем / Э.Н. Крылатых. – М.: РУСАЙНС, 2021. – 312 с.
- [4] Altukhov, A.I. Improving the Economic Mechanisms of Management in the Dairy Subcomplex / A.I. Altukhov, L.A. Silaeva // Studies on Russian Economic Development. – 2022. – Vol. 33. – P. 445-452.
- [5] Darnhofer, I. Resilience and sustainability in the dairy sector / I. Darnhofer, C. Lamine // Agricultural Systems. – 2021. – Vol. 187. – 102987.
- [6] Алтухов, А.И. Совершенствование экономических отношений в молочном подкомплексе России / А.И. Алтухов. – М.: ФГБНУ ВНИИЭСХ, 2020. – 188 с.
- [7] Шарипова, Р.М. Цифровая трансформация механизмов государственной поддержки АПК / Р.М. Шарипова // Вопросы экономики. – 2023. – № 5. – С. 67-82.
- [8] FAO. Dairy Development's Impact on Low-Income Countries. – Rome: Food and Agriculture Organization, 2022. – 156 p.
- [9] Williamson, O.E. The Mechanisms of Governance / O.E. Williamson. – Oxford University Press, 1996. – 429 p.
- [10] Шутьков, А.А. Экономическая оценка экстерналий в молочном скотоводстве / А.А. Шутьков, Т.Н. Лысенко // Экономика и экология территориальных образований. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 34-45.

[11] Морозов, Н.М. Инновационные технологии и экономическая эффективность производства молока / Н.М. Морозов // Техника и оборудование для села. – 2022. – № 8. – С. 22-27.

[12] Ellen MacArthur Foundation. Completing the picture: How the circular economy tackles climate change. – 2021. – URL: <https://emf.thirdlight.com/link/> (дата обращения: 10.05.2024).

[13] X5 Group. Отчет об устойчивом развитии 2022-2023. – М., 2023. – 98 с.

[14] Schlatter, B. A review of the concept of “Green Premium” in agricultural value chains / B. Schlatter, C. Durivage // Journal of Cleaner Production. – 2022. – Vol. 350. – 131452.

[15] Росстат. Сельское хозяйство в России. Статистический сборник. – М., 2023. – 235 с.

References:

[1] Serkov, A.F. Sustainable agricultural development: methodology and practice/A.F. Serkov, V.V. Maslova//Economics of agricultural and processing enterprises. – 2022. – № 3. – S. 2-9.

[2] Ushachev, I.G. Food security of Russia: new challenges and mechanisms for overcoming them/ I.G. Ushachev//APK: economics, management. – 2023. – № 1. – S. 4-18.

[3] Krylatykh, E.N. Economic mechanisms for regulating agri-food systems/E.N. Krylatykh. – М.: RUSINES, 2021. – 312 s.

[4] Altukhov, A.I. Improving the Economic Mechanisms of Management in the Dairy Subcomplex / A.I. Altukhov, L.A. Silaeva // Studies on Russian Economic Development. – 2022. – Vol. 33. – P. 445-452.

[5] Darnhofer, I. Resilience and sustainability in the dairy sector / I. Darnhofer, C. Lamine // Agricultural Systems. – 2021. – Vol. 187. – 102987.

[6] Altukhov, A.I. Improving economic relations in the dairy subsequence of Russia/A.I. Altukhov. – М.: FGBNU VNIIESH, 2020. – 188 s.

[7] Sharipova, R.M. Digital transformation of state support mechanisms for the agro-industrial complex/R.M. Sharipova//Economic issues. – 2023. – № 5. – S. 67-82.

[8] FAO. Dairy Development's Impact on Low-Income Countries. – Rome: Food and Agriculture Organization, 2022. – 156 p.

[9] Williamson, O.E. The Mechanisms of Governance / O.E. Williamson. – Oxford University Press, 1996. – 429 p.

[10] Shutkov, A.A. Economic assessment of externalities in dairy cattle breeding/A.A. Shutkov, T.N. Lysenko//Economics and ecology of territorial formations. – 2023. – T. 7, NO. 2. – S. 34-45.

[11] Morozov, N.M. Innovative technologies and economic efficiency of milk production/N.M. Morozov//Machinery and equipment for the village. – 2022. – № 8. – S. 22-27.

[12] Ellen MacArthur Foundation. Completing the picture: How the circular economy tackles climate change. – 2021. – URL: <https://emf.thirdlight.com/link/> (access date: 10.05.2024).

[13] Kh5 Group. Sustainability Report 2022-2023. – М., 2023. – 98 s.

[14] Schlatter, B. A review of the concept of “Green Premium” in agricultural value chains / B. Schlatter, C. Durivage // Journal of Cleaner Production. – 2022. – Vol. 350. – 131452.

[15] Rosstat. Agriculture in Russia. Statistical compilation. – М., 2023. – 235 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-562-568

Дата принятия рукописи в печать: 20.07.2026 г.

ШАУТАЕВА Гульнара Хасановна,

начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: g.h.shautaeva@mail.ru

ПЕЧНИКОВ Геннадий Алексеевич,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: g.h.shautaeva@mail.ru

ШАПИРО Ирина Михайловна,

Доцент кафедры гражданского права и процесса
Международного института (Астраханский филиал),
кандидат юридических наук,
e-mail: shapiro.law@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА К. МАРКСА В ВОПРОСЕ О ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье показана состязательная сущность действующего УПК РФ, в котором состязательная процессуальная форма имеет приоритет над фактическим содержанием, поэтому по уголовному делу устанавливается формально-юридическая истина, а не объективная истина, что неизбежно ведет к тавтологии: «средства для средств», «состязание для состязания» - победа за сильнейшим. Вместо установления истины по делу - выяснение силы сторон. Между тем, для состязательного УПК РФ отказ от научной диалектики и объективной истины, как оказывается это просто норма. В вопросе о правоотношениях использовалась статья Карла Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса».

Ключевые слова: диалектика, уголовно-правовые отношения, уголовно-процессуальные отношения, форма, содержание, частный интерес, обвиняемый, виновный, правоприменительный процесс, единый феномен, эклектизм, состязательный уголовный процесс, объективно-истинный уголовный процесс, формально-юридическая истина; тавтология, объективная истина.

SHAUTAEVA Gulnara Khasanovna,

Head of the Department of Criminal Procedure
of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation
in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

PECHNIKOV Genady Alekseevich,

Professor of the Department of Criminal Procedure
of the educational and scientific complex under preliminary investigation
in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor

K. MARX'S DIALECTIC ON LEGAL RELATIONS

Annotation. *The article shows the adversarial essence of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in which the adversarial procedural form takes precedence over the actual content, therefore, in a criminal case, a formal legal truth is established, and not an objective truth, which inevitably leads to tautology: "means for means," "competition for competition" - victory for the strongest. Instead of establishing the truth in the case - finding out the strength of the parties. Meanwhile, for the adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the rejection of scientific dialectics and objective truth, as it turns out, is just the norm. In the question of legal relations, Karl Marx's article "Debate on the law on the theft of forests" was used.*

Key words: *dialectics, criminal law relations, criminal procedure relations, form, content, private interest, accused, guilty, law enforcement process, single phenomenon, eclecticism, adversarial criminal process, objective-true criminal process, formal-legal truth; tautology, objective truth.*

Хотя уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения тесно переплетены, возникает резонный вопрос: оправдано ли полное стирание их границ и рассмотрение их как единого «правоприменительного процесса». Такая унификация может привести к тому, что их фундаментальные различия станут неясными, и все будет восприниматься как нечто единое и недифференцированное. Мы считаем, что с точки зрения материалистической диалектики, как объективной закономерности, пренебрегать этими требованиями недопустимо, не следует указанные правоотношения объединять в единый «правоприменительный процесс». Наоборот, эти правоотношения как диалектические противоположности необходимо четко оттенять, различать, доводить до остроты антиномий. Ведь у каждого из рассматриваемых правоотношений своя миссия, свое предназначение и нельзя назначением одного правоотношения делать назначением другого. Нельзя уголовно-процессуальные отношения подменять уголовно-правовыми. Нельзя в рамках уголовного процесса обвиняемого (подозреваемого) рассматривать как лицо виновное в преступлении, как преступника в нарушении презумпции невиновности. Имеется своя форма и свое содержание как у уголовно-правовых так и уголовно-процессуальных отношений. Это означает, что нельзя уголовный процесс делать формой уголовно-правовых отношений.

Нередко правоведа мысль К. Маркса из его статьи «Дебаты по поводу закона о краже леса»: «Процесс есть только форма жизни закона» [1, с.158] трактует в том смысле, что уголовный процесс — это только форма уголовно-правовых отношений.

К примеру, И.Н. Кондрат отмечает, что принудительный характер реализации уголовной ответственности, осуществляемой независимо от

воли лица, совершившего преступление, предопределяет включение в уголовно-процессуальную форму специальных механизмов процессуального воздействия. Совокупность и интенсивность таких мер обусловлены спецификой самих уголовно-правовых отношений, которые выступают содержательной основой правоприменительного процесса [2, с.117].

Используя обобщающую категорию «правоприменительный процесс», И.Н. Кондрат по существу объединяет материально-правовое наполнение уголовной ответственности с уголовно-процессуальным оформлением. Подобный подход приводит к размыванию границ между уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными правоотношениями, вследствие чего утрачивается принципиальное различие в правовом статусе обвиняемого и лица, признанного виновным в совершении преступления.

В указанном контексте показателен и сам заголовок диссертационного исследования К.В. Муравьева — «Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона». Уже на уровне формулировки темы прослеживается тенденция к стиранию различий между уголовно-правовым содержанием и уголовно-процессуальной формой. Развивая данную позицию, автор утверждает, что меры пресечения, равно как и иные способы процессуального принуждения, следует рассматривать как особый инструмент государственного воздействия на лиц, в отношении которых имеется обоснованное подозрение или предъявлено обвинение, что обусловлено высокой вероятностью назначения им уголовного наказания по итогам судебного разбирательства [3, с.18-19].

Применение принудительных ограничений в рамках уголовного судопроизводства, включая лишение свободы, по мнению К. В. Муравьева,

допустимо лишь постольку, поскольку существует право государства на наказание подлинного виновника преступления и имеются достаточные основания предполагать, что именно обвиняемый является лицом, совершившим преступление. С момента выявления преступного деяния право на наказание приобретает подвижный, динамичный характер, поскольку его потенциальная реализация опосредованно отражается на уголовно-процессуальных отношениях, формируемых не только нормами процессуального, но и уголовного права [3, с. 18 – 19].

Отсюда, логически исходят из производности, вторичности уголовно-процессуальных отношений от материально-правовых, и, тем самым, как представляется, лишают уголовный процесс своей собственной свободы, ценности, самостоятельности, и делают его пустым придатком уголовного права.

Когда форма уголовно-процессуальная, а содержание уголовно-правовое, тогда неминуемо получается, что «обвиняемый и есть преступник», что «право на наказание находится в динамическом состоянии», то есть наступает не после реализации уголовного-процессуальных правоотношений, не с момента вступления приговора суда в законную силу, а гораздо раньше, еще в рамках и во время действия уголовно-процессуальных отношений, что неизбежно ведёт к стиранию различий между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями, между обвиняемым и виновным, когда начинают исходить из того, что меры пресечения в уголовном процессе имеют тот же характер и цель, что и меры уголовного наказания.

Конечно, диалектически количество переходит в качество, и по мере накопления доказательственных улик наличие уголовно-правового отношения в конкретном случае становится всё более очевидным, отчётливым. Тем не менее, важен формальный момент, присущий вообще любым правоотношениям, который требуется неукоснительно соблюдать, ведь «форма существенна». Пока приговор суда не вступит в законную силу (а это формальный момент), лицо считается невиновным и не наступают уголовно-правовые отношения уголовной ответственности к виновным.

«Многие исследователи,— отмечает К.В. Муравьев,— определяют (определяли) уголовный процесс формой уголовного права, т.е. отношение между процессом и статутным правом рассматривают как связь формы и содержания единого феномена»[4,с.10].

Итак, форма — уголовно-процессуальная, а содержание уголовно-правовое и это рассматривается как «единый феномен». Да, диалекти-

ческие противоположности действительно сходятся в единстве целого, однако, при этом следует учитывать, что эти противоположности должны быть по-настоящему диалектическими, системными, а не производными, не внешними, не эклектическими, не кажущимися и т.п. Противоположности эти должны быть строго своими, коренными, чтобы они давали действительный эффект «существенной формы и оформленной сущности», в отличие когда форма берется от одного правоотношения, а содержание — от другого. Тогда выходит одна мешанина.

Мы считаем, что попытка объединить уголовно-процессуальную форму и уголовно-правовое содержание в некий «единый феномен» представляет собой не диалектическое слияние, а эклектическое нагромождение. Подлинная диалектическая взаимосвязь противоположностей, по нашему убеждению, обнаруживается в общем единстве уголовного права и процесса, а также в диалектических отношениях между формой и содержанием внутри каждой из этих отраслей.

Названные противоположности находятся в диалектическом единстве (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними), когда данные противоположности могут перетекать друг в друга — в этом состоит их диалектика. Так, уголовно-процессуальные правоотношения могут преобразовываться в уголовно-правовые, но не иначе как, исчерпав до конца, до своего предела все свои возможности, когда уголовно-процессуальные отношения доведены до *plus ultra* (самой крайней степени), до тех пор, пока судебный приговор, признающий обвиняемого виновным, не вступит в законную силу. Только с этого момента должны начинать свое действие уголовно-правовые отношения. Но никак не раньше, не в период реализации уголовно-процессуальных отношений. В противном случае, в нарушении презумпции невиновности, обвиняемый — это уже виновный, преступник, обязанный нести уголовное наказание за содеянное. Итак, в целом уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения диалектически взаимосвязаны. Отсюда, в каждой из этих диалектических противоположностей можно обнаружить элементы, частицы противоположных правоотношений. То есть, в уголовно-процессуальных правоотношениях неизбежно существуют элементы уголовно-правовых отношений, а в уголовно-правовых отношениях проявляют себя частицы, элементы уголовно-процессуальных отношений.

Так, уголовно-правовая норма нередко получает своё конкретное выражение в виде определённой статьи Уголовного кодекса, на

основании которой инициируется уголовное дело и реализуется уголовное преследование в отношении подозреваемого либо обвиняемого. В то же время и в рамках уголовно-правовых отношений можно обнаружить элементы процессуального характера, что свидетельствует о взаимопроникновении указанных сфер правового регулирования.

В частности, принцип презумпции невиновности действует не только в уголовно-процессуальном, но и в уголовном праве, препятствуя отождествлению обвиняемого с лицом, признанным виновным в совершении преступления. Судебный приговор, вступивший в законную силу, обладает равной правовой значимостью как для уголовного процесса, так и для уголовного права, поскольку именно он завершает процесс установления уголовной ответственности.

Наличие в указанных правоотношениях элементов противоположной правовой природы не нивелирует, а, напротив, подчёркивает их принципиальную автономию. Уголовное право и уголовный процесс представляют собой самостоятельные правовые образования, каждое из которых сохраняет собственную сущность и функциональное назначение до тех пор, пока не будут исчерпаны пределы присущих ему регулятивных возможностей.

Лишь на завершающих стадиях их реализации обнаруживается диалектический характер взаимосвязи, выражающийся во взаимном переходе одной правовой формы в другую. Уголовно-процессуальные правоотношения, достигнув своего предела, трансформируются в уголовно-правовые, подобно тому, как дым становится огнем, белое переходит в черное или тайное становится явным, и наоборот. В этом проявляется диалектика противоположностей — их взаимная обусловленность, взаимопереход и целостность как единой системы. К. Маркс в своей статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» наглядно показывает диалектическую взаимосвязь между уголовно-процессуальным содержанием уголовно-процессуальной формой, которая стала твердой преградой на пути алчному частному интересу лесовладельцев, попытавшихся своим частным интересом подменить форму и содержание уголовного процесса. Диалектика в том, что процессуальная форма не «пустая формальность», а форма, неразрывно связанная со своим содержанием. Ведь «форма содержательна, а содержание оформлено».

По Марксу: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [1, с.159]. Не случайно К.Маркс отмечает: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая фор-

мальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право (речь идёт об уголовно-процессуальном праве, его уголовно-процессуальное содержание прим. авт.) стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право (т. е. содержательная сторона уголовно-процессуального прим. авт.), однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальной формы.» [1, с.158].

Как видим, К. Маркс подчеркивает неразрывную диалектическую взаимосвязь, диалектическое единство формы и содержания уголовного процесса. «...Гласный, свободный судебный процесс, — продолжает К. Маркс, — составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом» [1, с. 158]. Тем самым, К. Маркс ясно показывает, что содержательная (а не пустая) процессуальная форма составляет необходимую принадлежность своего определенного уголовно-процессуального содержания. Здесь нет места «частному интересу», поскольку процессуальная форма не бессодержательна (в этом ценность процессуальной формы прим. авт.).

Из данной статьи К. Маркса следуют такие важные выводы:

– во-первых, диалектика как объективная всеобщая и универсальная закономерность, как единство и борьба противоположностей, как источник движения (самодвижения), изменения и жизненности проявляет себя буквально во всем. Если есть белое, то есть и черное, есть добро и есть зло, есть действие и противодействие, тайное и явное, причина и следствие, теория и практика, относительное и абсолютное и т.д. Применительно к правоотношениям, то каждое из них, как отмечалась, имеет свою форму и свое содержание, неразрывно связанные;

– во-вторых, между противоположностями существует диалектическая взаимосвязь, т. е. противоположности не сами по себе, не оторваны друг от друга, а взаимозависимы. Так, известная форма требует своего определенного содержания, своей сущности и наоборот, соответственно. Отсюда, китайское право нельзя втискивать в форму французской процедуры, а стало быть, и содержание уголовного права или оперативно-розыскного права не следует внедрять в уголовно-процессуальную форму, ведь форма лишена всякой ценности, если она не есть форма своего содержания;

– в-третьих, диалектическое единство формы и содержания в уголовном процессе не допускает произвольного нарушения, поскольку именно их согласованное взаимодействие обе-

спечивает достижение подлинного результата правосудия. Между тем в современном состязательном уголовном процессе Российской Федерации данное равновесие, по нашему мнению, оказывается нарушенным: процессуальная форма приобретает в нем доминирующее значение, вытесняя задачу установления реальных обстоятельств совершённого деяния.

Вследствие такого смещения акцентов по уголовному делу формируется не объективная, а формально-юридическая истина, что выступает прямым следствием утраты диалектической согласованности между процедурой и фактическим содержанием уголовного судопроизводства. В рамках модели, закреплённой УПК РФ, состязательная форма начинает определять содержание, подменяя собой объективно-истинный аспект познания. В результате «истинным» признаётся то, что соответствует установленной процедуре, независимо от степени соответствия выводов действительности.

Тем самым в состязательном процессе приоритет отдается не истине по делу, а соблюдению формальных правил, что выражается в своеобразном принципе: что по форме правильно, то и истинно. Однако объективная истина возможна лишь как итог подлинного диалектического взаимодействия формы и содержания, что по своей природе несовместимо с состязательной моделью уголовного судопроизводства.

Для восстановления системной диалектической связи между формой и содержанием необходим иной, новый тип уголовного процесса, принципиально отличный от состязательного, построенного по логике «выигрыш — проигрыш». Речь идёт об объективно-истинной модели уголовного процесса, которая в современных условиях остаётся практически невостребованной, хотя именно она, на наш взгляд, представляет собой более высокий вид (модель) развития уголовного судопроизводства. В отличие от состязательного процесса, где успех определяется силой позиции стороны, а не её соответствием реальности, объективно-истинный процесс ориентирован на установление действительного положения вещей, то есть установление того, «а как на самом деле».

Объективную истину целесообразно рассматривать как истину фактическую, принципиально отличную от формально-юридической, вероятностной, правовой истины. Состязательная модель уголовного судопроизводства представляет собой процесс, в котором процессуальная форма приобретает характер самоценной и самодостаточной конструкции, существующей независимо от реального содержания

дела. В результате форма утрачивает связь с фактической стороной произошедшего и начинает функционировать как самостоятельную ценность.

Между тем диалектическое понимание соотношения формы и содержания, развитое в философии, в частности К. Марксом, исходит из того, что форма не может быть пустой оболочкой: она должна выражать существенные характеристики содержания и быть внутренне с ним связанной. В состязательном уголовном процессе, закреплённом в УПК РФ, данное требование, по существу, игнорируется, поскольку соблюдение процедуры становится значимым само по себе, независимо от достижения объективно истинного результата.

Тем самым складывается ситуация формально-логической замкнутости, своеобразной тавтологии, при которой форма обслуживает лишь саму себя, а не познание истины по делу. Цель уголовного процесса смещается с установления объективной истины на безупречное следование процессуальным правилам. Образно выражаясь, состязательный уголовный процесс напоминает внешне совершенное и красочно оформленное сооружение, которое, однако, лишено внутреннего смыслового ядра — объективной истины как диалектической основы правосудия.

– в-четвертых, в силу научного диалектического подхода в уголовном процессе всегда должна быть цель, четко отличная от средств. Цель и средства — это диалектические противоположности и стирать различия между ними недопустимо. Однако законодатель в действующем УПК РФ сделал принцип состязательности (состязательных сторон) самодовлеющей вещью. Состязательность в нем не только конкретный принцип уголовного судопроизводства, но и основополагающая концепция всего российского уголовного процесса.

Другими словами, в таком процессе все осостязательствовано: и цель и принципы уголовного судопроизводства и правовые институты, включая и институт прав личности, т.к. права и законные интересы личности в состязательном УПК РФ ставится в прямую зависимость от силы сторон. А кто сильнее, тот и прав.

Процессуальный принцип по своей сути является лишь инструментом для достижения определённой цели. Однако в состязательном уголовном процессе состязательность, которая изначально задумывалась как средство, фактически превратилась в цель всего процесса, т.е. состязательность стала самоцелью уголовного судопроизводства. В результате средство и цель

слились воедино, что противоречит диалектическим требованиям науки: противоположности должны сохранять своё чёткое различие. Принцип остаётся инструментом, а цель — конечным результатом; подмена этих категорий нарушает логическую диалектическую структуру уголовного судопроизводства.

В действующем УПК РФ состязательность приобрела статус самоцели, вытеснив любые другие задачи. Она перестала быть средством для достижения более высоких целей и сама стала целью, что привело к искажению принципа «средства для цели». В результате мы наблюдаем порочный круг: «средства для средств», «состязание для состязания», а это тавтология, а не диалектика. Состязательный процесс по УПК РФ оказывается самодостаточным и замкнутым на себе, что не соответствует диалектическому мышлению. Ключевым следствием этого является вытеснение объективной истины из процесса. Самодостаточная состязательность отвергает поиск объективной истины, поскольку исход дела определяется исключительно противостоянием сторон и выявлением победителя. В такой системе объективная истина становится излишней и ненужной.

Состязательный уголовный процесс — это процесс на уровне одних средств без цели, или обесцеленных средств.

Выходит, в действующем состязательном УПК РФ произошла «подмена понятия». Вместо достоверного, объективно-истинного раскрытия преступлений (борьба с преступностью) — происходит выяснение силы сторон. Победа за сильнейшим. В действующем либеральном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует гарантия неотвратимости наказания для виновных. Это связано с тем, что в условиях состязательного процесса исход дела зависит от мастерства сторон. В результате, виновный может избежать ответственности благодаря сильной защите, в то время как невиновный может проиграть поединок сторон.

Таким образом, в состязательном процессе торжествует право и справедливость сильного, а не в действительности правого.

Состязательный уголовный процесс — это выигрышно-проигрышный процесс, поскольку, если сторона не выигрывает, то она проигрывает в поединке сторон. Третьего не дано. Отсюда интересы, цели сторон обвинения и защиты в состязательном процессе существенно занижены, ограничены. Сторонами движет исключительно меркантильно-выигрышный интерес, который не выходит за рамки состязательности.

Существуют принципиально разные виды истины, каждый из которых предполагает свой уникальный тип уголовного судопроизводства: состязательный для одной и ориентированный на объективную истину для другой. Следовательно, различие между состязательной и объективно-истинной моделями уголовного процесса нельзя игнорировать, так как они кардинально отличаются по своей природе и приоритетам.

В состязательном уголовном процессе, как уже упоминалось, сама суть процесса – состязательная: и цель, и методы пронизаны этой формой, что ведет к формально-юридической истине. В объективно-истинной модели, напротив, все направлено на достижение объективной истины, как в плане используемых средств, так и в плане конечной цели.. Поэтому, считаем научно неправильно в состязательную форму уголовного процесса пытаться внедрить объективно-истинное содержание, т.к. начинается сплошная мешанина. Этому нас учит статья диалектика К Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса».

Мы исходим из того, что невозможно в составе состязательного УПК РФ совместить вместе формально-юридическую истину с объективной истиной, т. К. для каждой из них необходим только свой тип (модель) уголовного судопроизводства. Правда, в уголовно-процессуальной науке можно встретить позицию о возможном «сосуществовании» названных истин в рамках состязательного уголовного процесса [5, с 20]. И А. И. Бастрыкин ставит вопрос о возможности возвращения яв УПК РФ институту установления объективной истины [6, с. 4]. То есть так или иначе, на наш взгляд исходит из возможной совместимости в состязательном УПК РФ формально-юридической истины с объективной истиной. С чем мы принципиально согласиться не можем, поскольку считает такой подход эклектическим, а диалектическим. Убеждены, сто объективная истина в составе состязательного УПК РФ ни коем образом не изменит состязательной природы действующего УПК РФ, в котором все решает состязательно-выигрышная сила сторон. А суд в состязательном уголовном процессе пассивен по определению.

Список литературы:

- [1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т.1, М. «Политиздат» 1955. 698 с.
- [2] Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография / И.Н.Кондрат. — М: ИД «Форум», 2014. 208 с.
- [3] Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного

закона. Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. Омск. 2017. 43 с.

[4] Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография. — Москва: Проспект, 2019. 264 с.

[5] Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. — М.: Т. К, Велби изд-во Проспект, 2006. — 192

[6] Бастрыкин А.И. Объективная истина в уголовном процессе / А. И. Бастрыкин — «Автор», 2024 — 10с.

References:

[1] Marx K, Engels F. Op. 2nd ed. t.1, M. "Politizdat" 1955. 698 pp.

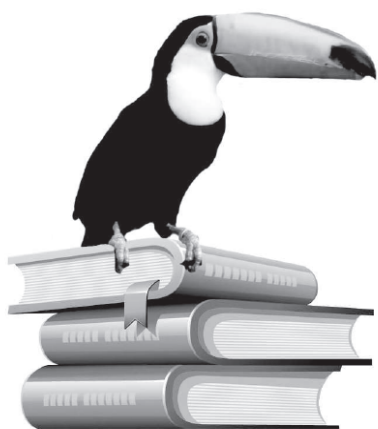
[2] Kondrat I.N. Criminal policy of the state and regulatory legal regulation of criminal procedural relations: monograph/I.N. Kondrat. - M: Publishing House "Forum," 2014. 208 pp.

[3] Muravyov K.V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law. Autoref. diss. Dr. Jurid. sciences. Omsk. 2017. 43 pp.

[4] Muravyov K.V. Optimization of the procedural form of application of the criminal law: monograph. - Moscow: Prospect, 2019. 264 pp.

[5] Mikhailovskaya I. B. The judge's handbook on evidence in criminal proceedings. - M.: T. K, Welby Publishing House Prospect, 2006. — 192

[6] Bastrykin A.I. Objective truth in criminal proceedings/A.I. Bastrykin - "Author," 2024 - 10s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ ПОСТСОВЕТСКИМИ СТРАНАМИ

Аннотация. Содержание публикации раскрывает актуальный и весьма востребованный вопрос значимости и необходимости изучения опыта организации реализации института пробации постсоветскими странами для успешного функционирования отечественной пенитенциарной системы в целом и для службы пробации ФСИН России в частности. Дело в том, что вопрос, связанный с мерами нейтрализации рецидивного преступного поведения был и остается крайне актуальным как для отечественной пенитенциарной системы, так и для всего общества и государства в целом. От того, насколько подготовленным к жизни на воле после отбывания уголовного наказания окажется вчерашний осужденный, то насколько он освободился, в том числе, и от криминальных (насильственных, корыстных) мыслей и идей, определяет степень безопасности функционирования общества в целом и каждого его представителя в отдельности.

Для отечественной пенитенциарной службы пробации важно, в частности, то, как решаются в соседних странах противоречия и проблемы на первых порах внедрения пробации. Достойны внимания различные вариации периодизаций процесса пробации в различных постсоветских странах. Интересен в целом опыт использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения. Пристального внимания заслуживает не только практические проблемные вопросы, но и проблемные аспекты возможностей оптимизации состояния законодательства в сфере института пробации.

Крайне интересен опыт тех стран, где имеется значительный опыт использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения, а в частности опыт по использованию института пробации. Определяя такие страны посредством географической близости их к Российской Федерации, отметим при этом, что в постсоветских странах институты пробации действуют во многих из них за исключением Республики Беларусь, Республики Таджикистан и Туркменистана. Ситуация, связанная с функционированием института пробации в постсоветских странах, представляет для нас явно выраженный интерес.

Мы смеем предположить, что рассматриваемый опыт постсоветских стран является более значимым в сравнении с опытом стран Европы, так как является более актуальным по времени проявления и, скорее всего, будет более полезен для современного применения в условиях функционирования отечественного института пробации.

Ключевые слова: опыт организации, институт пробации, постсоветские страны, управление поведением, воспитание осужденных, службы пробации, рецидив совершаемых преступлений, исправительные работы, пенитенциарные психологи, воспитательная работа, нейтрализация рецидивного поведения.

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of psychological sciences

THE NEED TO STUDY THE EXPERIENCE OF ORGANIZING THE PROBATION INSTITUTION IN POST-SOVIET COUNTRIES

Annotation. The publication addresses the pressing and highly relevant issue of the importance and necessity of studying the experience of post-Soviet countries in implementing probation for the successful functioning of the Russian penitentiary system as a whole and the Russian Federal Penitentiary Service's pro-

bation service in particular. The issue of measures to neutralize recidivism has been and remains extremely pressing for both the Russian penitentiary system and for society and the state as a whole. The degree to which a former convict is prepared for life outside prison after serving a criminal sentence, as well as the extent to which they have freed themselves from criminal (violent, selfish) thoughts and ideas, determines the degree of safety and security for society as a whole and for each of its members individually. For the Russian penitentiary probation service, it is particularly important to understand how contradictions and problems in neighboring countries are resolved during the initial stages of probation implementation. The various variations in the periodization of the probation process in various post-Soviet countries are worthy of attention. The overall experience of using regulatory, legal, and educational measures to deter recidivism is of interest. Not only the practical challenges but also the challenging aspects of opportunities to optimize the current state of legislation in the area of probation merit close attention.

The experience of countries with significant experience in using regulatory, legal, and educational measures to deter recidivism, and in particular, experience with probation, is of particular interest. While defining such countries by their geographic proximity to the Russian Federation, we note that probation institutions operate in many post-Soviet countries, with the exception of the Republic of Belarus, the Republic of Tajikistan, and Turkmenistan. The situation related to the functioning of probation institutions in post-Soviet countries is of clear interest to us.

We dare to suggest that the experience of post-Soviet countries under consideration is more significant than that of European countries, as it is more relevant in terms of its timeframe and is likely to be more useful for modern application in the context of the functioning of Russian probation institutions.

Key words: organizational experience, probation institution, post-Soviet countries, behavior management, education of convicts, probation services, recidivism, correctional labor, penitentiary psychologists, educational work, neutralization of recidivism.

Введение.

Проблемный вопрос связанный с мерами нейтрализации рецидивного преступного поведения был и остается крайне актуальным как для отечественной пенитенциарной системы, так и для всего общества и государства в целом. То, насколько подготовленным к жизни на воле после отбывания уголовного наказания окажется вчерашний осужденный, то насколько он освобожден, в том числе, и от криминальных (насильственных, корыстных) мыслей и идей, определяет степень безопасности функционирования общества в целом и каждого его представителя в отдельности [3, с. 85].

Важно отметить, что даже самый незначительный опыт института пробации постсоветских стран может конструктивно повлиять на работу службы пробации нашей страны. Важно и то, как решались нашими соседями противоречия и проблемы на первых порах их внедрения. Значимы различные вариации периодизации процесса пробации в различных постсоветских странах. Интересен в целом опыт использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения. Пристального внимания заслуживает не только практические проблемные вопросы, но и проблемные аспекты возможностей оптимизации состояния законодательства в сфере института пробации [2, с. 372; 6, с. 183].

Крайне важен опыт интеграции в различные министерства и ведомства служб пробации в раз-

личных постсоветских странах. Достойны внимания источники нормативного правового регулирования реализации института пробации, а также хронологические характеристики наличия практического опыта использования института пробации службами пробации всех постсоветских стран [9, с. 70].

Цель статьи – определение значимости изучения опыта организации реализации института пробации на территории постсоветских стран.

Использованные в исследовании методы: метод анализа нормативных правовых и организационных документов, посвященных проблемному вопросу значимости изучения опыта организации реализации института пробации на территории постсоветских стран; метод анализа теоретико-методологических, методических источников, посвященных рассматриваемому вопросу.

Результаты исследования.

Анализ функционирования института пробации, а соответственно и служб пробации европейских стран, насчитывающих наиболее давнюю историю такого опыта, позволяет определить, что невзирая на выраженные отличия в законодательном закреплении пробации присутствует также значимая общность в философском, правовом, воспитательном и психологическом осмыслении института пробации. К числу этой общности можно отнести следующие ее элементы. Во-первых, это механизм именно судеб-

ного назначения и корректирования реализации probation в отношении правонарушителя, что позволяет корректировать воспитательное воздействие с учетом поступающей информации о поведении пробанта [4, 5].

Во-вторых, это акцент на индивидуализированном подходе к реализации воспитательных, надзорных и социально-психологических мер в рамках действия института probation. И в-третьих, это смысловой акцент именно на достижении общественного блага при реализации probation. Это достигается путем социальной интеграции, привлечении к процессу probation представителей различных социальных групп, профессий и общественных организаций.

Все, указанное выше, имеет отношение к институту probation, а соответственно и к службам probation в европейских странах, имеющих за плечами колоссальный временной отрезок в направлении практики применения института probation. Возможно, отечественным теоретикам и практикам-специалистам в области реализации probation более значим опыт стран, находящихся в непосредственной географической близости к Российской Федерации, где по причинам исторической общности вхождения в одно государство служба probation применяется не так давно, как в европейских странах. Речь идет о так называемых странах, находящихся на территории постсоветского пространства. Этот опыт, возможно, является более актуальным по времени проявления и, скорее всего, будет более полезен для современного применения в условиях функционирования отечественного института probation.

Так, из пятнадцати бывших союзных республик, когда-то входящих в состав СССР, в настоящее время институт probation законодательно закреплён и функционирует в таких странах, как: Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Российская Федерация, Украина, Узбекистан, Эстония [1, с. 73; 7, с. 7]. Соответственно, институт probation отсутствует в трех оставшихся странах: Беларусь, Таджикистан и Туркменистан.

Обсуждение.

Необходимо отметить, что организационно службы probation могут относиться к различным министерствам и ведомствам постсоветских стран. Можно выделить три таких организационных этапа. Во-первых, в Казахстане, например, служба probation находится в рамках министерства внутренних дел. Во-вторых, при министерстве юстиции функционирует служба probation Молдовы. В-третьих, как самостоятельный орган служба probation существует в Кыргызстане.

В виде источника нормативного правового регулирования реализации института probation выступают соответствующие подзаконные нормативные правовые акты, непротиворечащие существующим законам [8, с. 50].

Хронологически иерархичность значимости опыта использования института probation в постсоветских странах можно представить в следующем виде:

Эстония – в 1997 году законодательно probation закреплена в Законе «Об уголовном надзоре».

Латвия – в 2003 году принят Закон «О Государственной службе probation».

Грузия – с 2004 года.

Молдова – в 2008 году принят Закон «О probation» от 14.02.2008.

Литва – в 2011 году принят Закон «О probation».

Казахстан – в 2012 году в Министерстве внутренних дел создана служба probation.

Украина – в 2015 году принят Закон «О probation» от 05.02.2015.

Армения – в 2016 году принят Закон Республики Армения «О probation».

Азербайджан – в 2017 году в рамках Министерства юстиции создана служба probation.

Кыргызстан – в 2017 году принят Закон Республики от 24.02.2017 № 34 «О probation».

Узбекистан – в 2024 году вступил в силу Закон от 07.08.2024 «О probation».

В обозначенной выше хронологической иерархичности мы видим, что временной разброс инициации института probation в различных постсоветских странах очень значителен. Так, временная разница между законодательным закреплением probation в Эстонии и Узбекистане составляет двадцать семь лет. Соответственно, вряд ли отечественному институту probation чем-то значительно поможет опыт probation Узбекистана и одновременно с этим крайне актуален тридцатилетний опыт функционирования службы probation Эстонии. Одновременно отметим наличие значительного по времени функционирования служб probation таких постсоветских стран, как: Латвия, Грузия, Молдова и Казахстан.

Отметим, что возможно даже самый небольшой опыт института probation постсоветских стран может конструктивно повлиять на работу службы probation нашей страны. Интересно то, как решались нашими соседями противоречия и проблемы на первых порах их внедрения. Интересны различные вариации периодизации процесса probation в различных постсоветских странах. Интересен в целом опыт использования нормативных правовых и воспитательных мер по нейтрализации рецидивного преступного поведения.

ния. Пристального внимания заслуживает не только практические проблемные вопросы, но и проблемные аспекты возможностей оптимизации состояния законодательства в сфере института probation.

Заключение.

Изучив, таким образом, проблемный вопрос необходимости изучения опыта реализации института probation постсоветскими странами, мы пришли к главному выводу о том, что изучение этого опыта действительно крайне актуально.

Мы смеем предположить, что рассматриваемый опыт постсоветских стран является более значимым в сравнении с опытом стран Европы, так как является более актуальным по времени проявления и, скорее всего, будет более полезен для современного применения в условиях функционирования отечественного института probation. Мы признаем, что наличие этого опыта у разных постсоветских стран носит весьма дифференцированный характер. Ряд постсоветских стран, таких как Беларусь, Таджикистан и Туркменистан вообще не используют институт probation как таковой.

Тем не менее, богатейший опыт применению положений института probation по мерам нейтрализации рецидивного преступного поведения, полученный, к примеру, Эстонией на протяжении тридцати лет, заслуживает пристального внимания со стороны отечественных специалистов теоретиков и практиков в направлении реализации института probation.

Список литературы:

[1] Абдуразаков Х.К. Уголовно-исполнительной политики современного Кыргызстана // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 106-5. С. 71-76.

[2] Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378

[3] Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права: монография. – М.: ООО «Издательство “Элит”», 2007. 152 с.

[4] Кузнецов С.А. (сост.). Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. 1535 с.

[5] Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы: теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2018. 496 с.

[6] Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М.: НОРМА, 1996. 432 с.

[7] Уткин В.А. О перспективах probation в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 5-8.

[8] Фазилов И.Ю. Probation – эффективная система ресоциализации лиц, совершивших преступление / И. Ю. Фазилов // Наука, техника и образование. 2019. № 8 (61). С. 49-52.

[9] Фролов М.Г. Концепция probation в уголовных законодательствах стран СНГ // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных статей. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2024. С. 68-75.

References:

[1] Abdurazakov H.K. Penal policy of modern Kyrgyzstan // Trends in the development of science and education. 2024. No. 106-5. S. 71-76.

[2] Bastyrykin A.I., Salnikov V.P., Romanovskaya V.B., Voronkov K.I. Anti-Criminogenic Resocialization: Foreign Experience // All-Russian Criminological Journal. 2020. No. 3. S. 371-378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378

[3] Esakov G.A. Fundamentals of Comparative Criminal Law: Monograph. – M.: ООО “Izdatelstvo “Elite”, 2007. 152 s.

[4] Kuznetsov S.A. (compiled). Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. – St. Petersburg: Norint, 2000. 1535 s.

[5] Teplyashin P.V. European Penitentiary Systems: Theoretical, Applied, and Comparative Legal Research: Diss. ... Doc. of Law: 12.00.08. Krasnoyarsk, 2018. 496 s.

[6] Tikhomirov Yu.A. Course in Comparative Law. M.: NORMA. 1996. 432 s.

[7] Utkin V.A. On the Prospects of Probation in Russia // Criminal-Executive System: Law, Economics, Management. 2016. №. 4. S. 5-8.

[8] Fazilov I.Yu. Probation – an effective system of resocialization of persons who have committed a crime // Science, Technology and Education. 2019. № 8 (61). S. 49-52.

[9] Frolov M.G. The concept of probation in the criminal legislation of the CIS countries // Actual problems of jurisprudence: collection of scientific articles. Smolensk: Smolensk State University. 2024. S. 68-75.

[illegible]

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 6 июнь)

2026 год

Подписано в печать 20.07.2026.
Формат 60х90/8. Печ. л. 71,75. Тираж 100 экз. Заказ № 68.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.